

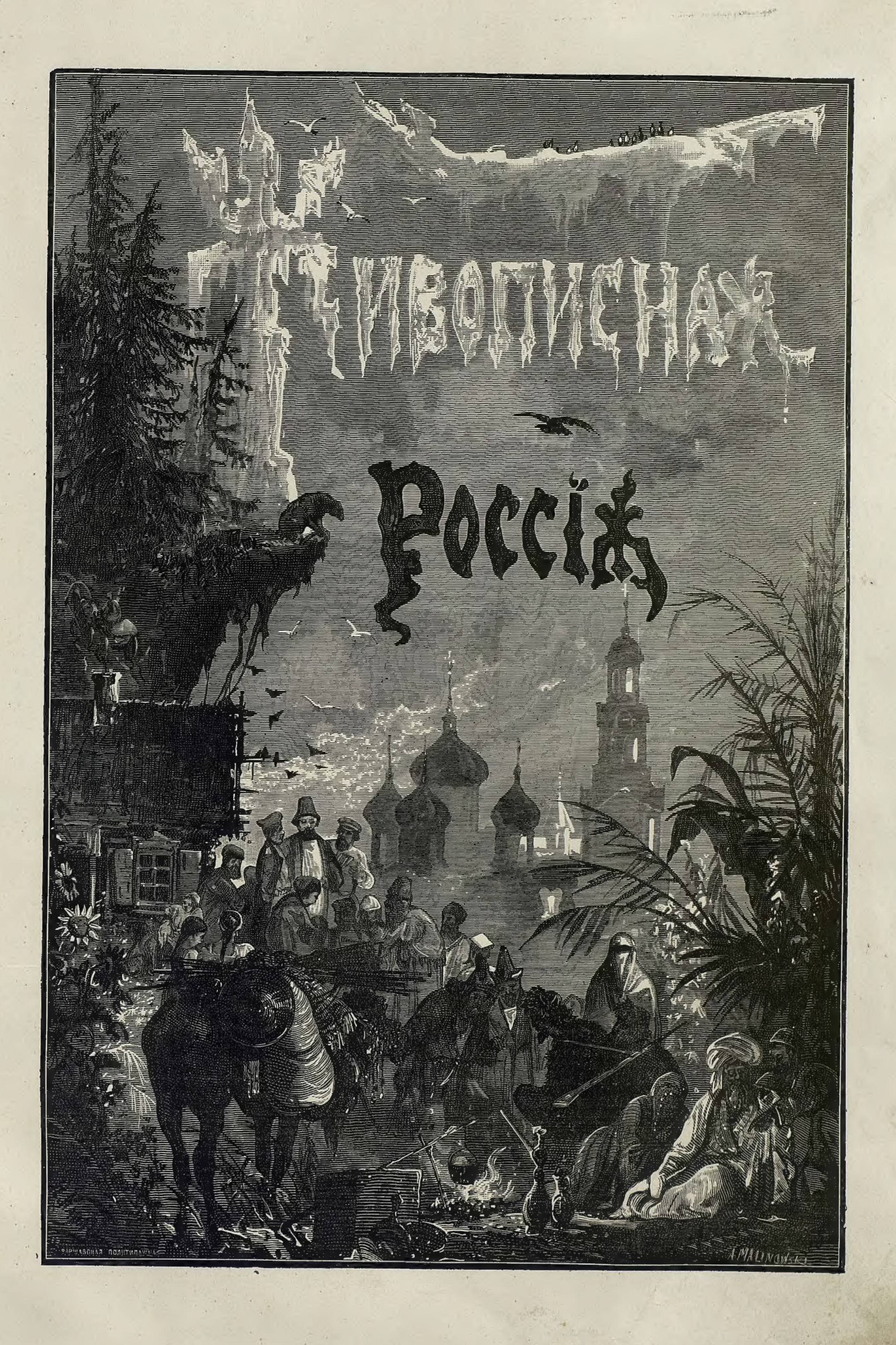
ДБ
25
Ж 67
Б.Ф.
II
том I, ч. 1
Спб.-М. 1881
Живописная
Россия.
R. GERHOLD'S G. A. LEIPZIG

ЖИВОПИСНАЯ РОССІЯ.

ТОМЪ I.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ЖИВОПИСНАЯ
Россія
Варшавская Политипажная
I. MALINOWSKI

ЖИВОПИСНАЯ РОССІЯ.

ОТЕЧЕСТВО НАШЕ

ВЪ ЕГО

ЗЕМЕЛЬНОМЪ, ИСТОРИЧЕСКОМЪ, ПЛЕМЕННОМЪ, ЭКОНОМИЧЕСКОМЪ И БЫТОВОМЪ ЗНАЧЕНІИ.

ПОДЪ ОБЩЕЙ РЕДАКЦІЕЙ

П. П. СЕМЕНОВА,

ВИЦЕ-ПРЕДСѢДАТЕЛЯ ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

СѢВЕРНАЯ РОССІЯ.

СѢВЕРЪ И СѢВЕРО-ВОСТОКЪ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССІИ.—ОЗЕРНАЯ ИЛИ ДРЕВНЕ-НОВГОРОДСКАЯ ОБЛАСТЬ.

СЪ 285 РИСУНКАМИ ВЪ ТЕКСТѢ И 36 ОТДѢЛЬНЫМИ КАРТИНАМИ, РѢЗАННЫМИ НА ДЕРЕВѢ.

ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА-ТИПОГРАФА М. О. ВОЛЬФА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, *Гостиный дворъ, №№ 17 и 18.*

МОСКВА, *Кузнецкій мостъ, д. Третьякова.*

1881.

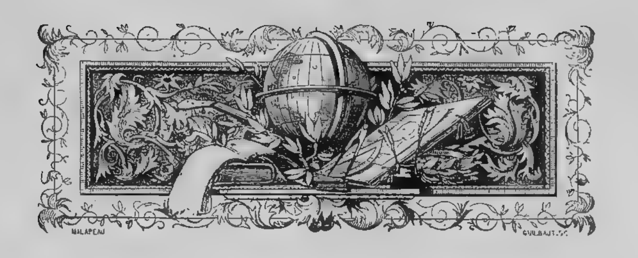

Дозволено цензурою. Спб., 9 ноября 1880 г.

Печать типографіи Маврикія Осиповича Вольфа, въ Спб., Вас., Остр., 16 л., д. № 5.

Шрифты изъ Словолитни его же.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

После долгихъ, 20-ти-лѣтнихъ трудовъ весьма обширной и разнообразной издательской дѣятельности, послѣ долгаго и тщательнаго изученія научныхъ и литературныхъ силъ Россіи, съ которыми намъ, въ качествѣ издателя и книгопродавца, приходилось постоянно входить въ непосредственныя сношенія, — мы рѣшились предпринять изданіе Живописной Россіи. Это было ровно шесть лѣтъ тому назадъ. Мы принимались за выполненіе этой задачи не съ увлеченіемъ юноши, несознающаго вполнѣ своихъ силъ, несоразмѣряющаго своихъ средствъ съ объемомъ предпринятаго труда — нѣтъ! мы вполнѣ понимали всю трудность дѣла, мы до мелочей высчитывали заранѣе всѣ предстоящія затраты, мы по опыту знали, чего будетъ стоить собираніе и обработка громаднаго матерьяла, для наполненія нѣсколькихъ томовъ въ листъ статьями и рисунками. Отлагая въ сторону всякія другія работы, отказываясь отъ весьма выгодныхъ предложеній, мы исключительно предались Живописной Россіи и рѣшились все сдѣлать для осуществленія этого предпріятія, на основаніи широко-задуманной, но строго-выработанной програмы.

Нужно-ли говорить, что мы не пожалѣли на это ни труда, ни матерьяльныхъ средствъ? Для Живописной Россіи потребовалось завести и нѣсколько лѣтъ сряду поддерживать сношенія съ массою литературныхъ и ученыхъ дѣятелей — и мы создали цѣлый архивъ Живописной Россіи. Для Живописной Россіи потребовалось перерыть массу литературнаго, ученаго и художественнаго матерьяла и создать всестороннюю библіогра-

фію предмета мы направили талантливыхъ и опытныхъ дѣятелей въ библіотеки, архивы, музеи и при посредствѣ ихъ перерыли все, что было писано о Россіи, все, что гдѣ-либо и когда-либо было занесено въ альбомъ русскимъ или иностраннымъ художникомъ. Для Живописной Россіи потребовалось отыскать художественныя силы, которыми такъ небогата Россія,—и мы призвали къ участію въ нашемъ трудѣ лучшихъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ. Для Живописной Россіи потребовались особыя машины въ нашей типографіи,— мы ихъ выписали и поставили.

Но всѣ эти приготовленія и предварительныя работы были ничтожны въ сравненіи съ тѣмъ, что ожидало насъ впереди.

Когда значительная доля всего литературнаго матерьяла для Живописной Россіи была уже собрана, когда этотъ матерьялъ представлялъ собою уже десятки картоновъ, а матерьялъ художественный занималъ уже цѣлую комнату,—предстояло еще сдѣлать строгій выборъ изъ этого матерьяла, соотвѣтствующій достоинству самаго труда, а затѣмъ привести всѣ части его въ нѣкоторое равновѣсіе, поставить ихъ въ тѣсную связь. Труду нашему необходимъ былъ редакторъ, которому бы такая громадная работа была по силамъ. Съ искреннею признательностью вспоминаемъ мы о томъ, что эту тяжелую обязанность принялъ на себя П. П. Семеновъ, извѣстный всей Россіи своими трудами, и мы смѣемъ думать, что никто въ Россіи не могъ бы лучше его способствовать осуществленію нашей идеи и ея воплощенію въ видѣ обширнаго, правильно сгруппированнаго труда.

Но не матерьяльныя затраты, не усилія умственныя и нравственныя, не труды составляли для насъ наиболѣе тяжкую сторону выполненія нашей обширной задачи. Насъ болѣе всего тяготила трудность борьбы съ тою апатіею, съ тою неподвижностью, которую мы нерѣдко встрѣчали, къ крайнему нашему изумленію, во многихъ талантливыхъ русскихъ художникахъ, ученыхъ и литераторахъ. Намъ больно было видѣть, что многіе изъ нихъ относились къ нашему предпріятію болѣе чѣмъ равнодушно, а иные отказывались стать съ нами на одинъ уровень въ пониманіи нашей задачи.

Долгомъ справедливости считаемъ однакоже добавить здѣсь, что если и бывали у насъ тяжелыя минуты досады и разочарованія въ теченіе этихъ лѣтъ, посвященныхъ Живописной Россіи, то было много и другихъ, прекрасныхъ минутъ, которыхъ мы не забудемъ никогда въ жизни. Трудно передать то, что испытывали мы, когда съ дальнихъ береговъ Енисея или Байкала, изъ песчаныхъ степей Туркестана или дремучихъ лѣсовъ Печорскаго края получали мы новый вкладъ въ сокровищницу Живописной Рос-

сіи, или когда мы слышали слово ободренія и утѣшенія отъ людей, много потрудившихся надъ изученіемъ Россіи и выражавшихъ намъ свое сердечное сочувствіе. Мы никогда не забудемъ впечатлѣнія, оставленнаго въ насъ письмомъ незабвеннаго С. М. Соловьева, который за три дня до кончины еще находилъ возможность думать о Живописной Россіи и сожалѣлъ о томъ, что онъ не можетъ принять въ ней непосредственнаго, горячаго участія...«

Драгоцѣнныя строки, написанныя уже ослабѣвавшею рукою человѣка, всю жизнь свою посвятившаго Россіи, даютъ намъ право думать, что Живописная Россія должна найти сочувствіе въ русскихъ людяхъ, которые оцѣнятъ по достоинству то, что сдѣлано нами для изученія Россіи, а главное, — поймутъ наше личное отношеніе къ издаваемому нами труду.

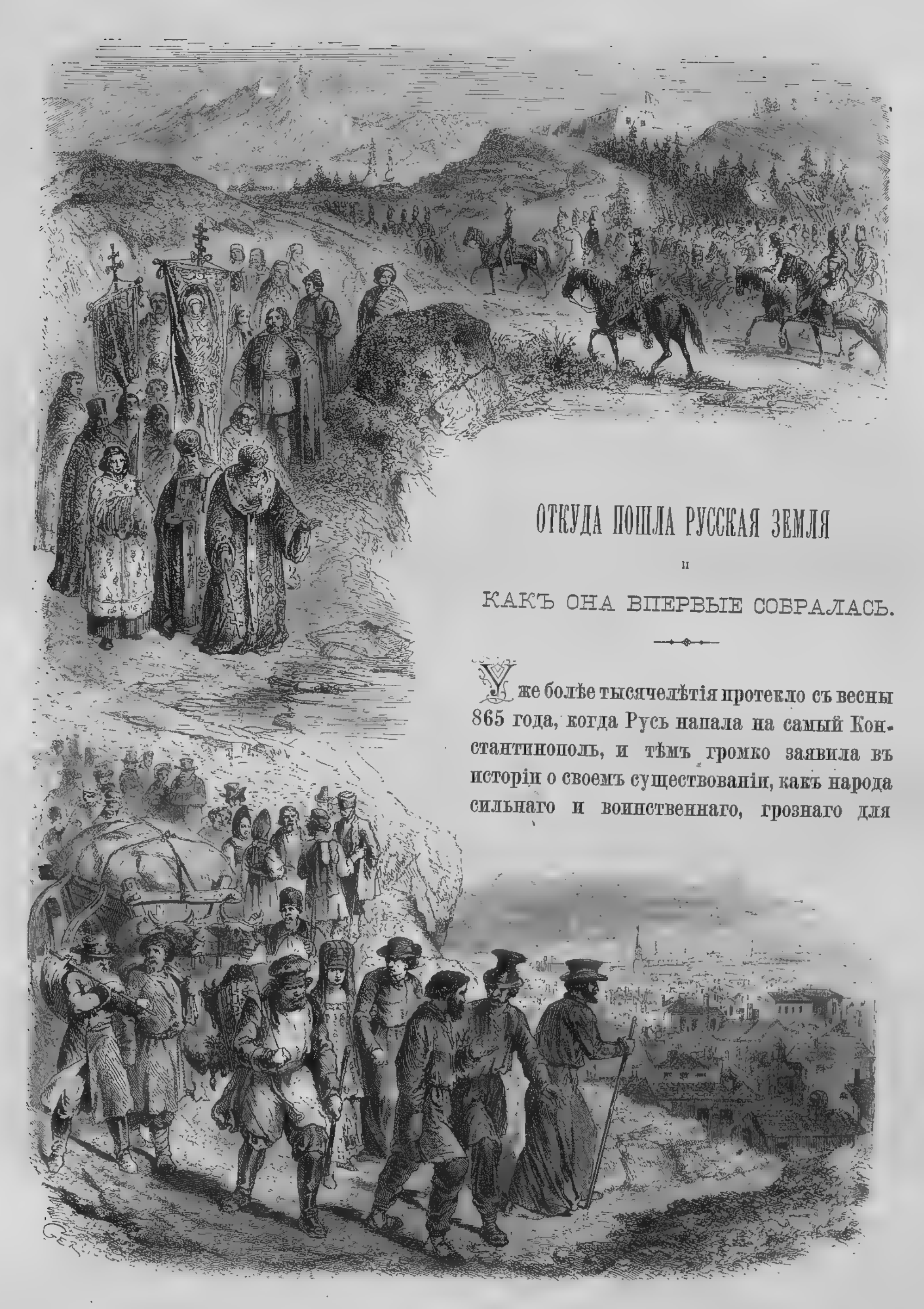
Они поймутъ, что трудъ нашъ не есть только крупное предпріятіе издателя, обладающаго большими средствами, а дорогое дѣтище, съ которымъ мы сжились, съ которымъ привыкли носиться и нянчиться, не жалѣя на него ни заботъ, ни трудовъ. Скажемъ болѣе: — мы сблизились съ нимъ на столько, что привыкли видѣть въ этомъ трудѣ памятникъ, который думаемъ по себѣ оставить Россіи.

Отъ души желаемъ, чтобы нашъ трудъ и другихъ русскихъ людей побудилъ поближе ознакомиться съ Россіею и потрудиться на ея пользу; благо и процвѣтаніе въ будущемъ.

Октябрь 1880 г.

Маврикій Вольфъ.

ОТКУДА ПОШЛА РУССКАЯ ЗЕМЛЯ

и

КАКЪ ОНА ВПЕРВЫЕ СОБРАЛАСЬ.

Уже болѣе тысячелѣтія протекло съ весны 865 года, когда Русь напала на самый Константинополь, и тѣмъ громко заявила въ исторіи о своемъ существованіи, какъ народа сильнаго и воинственнаго, грознаго для

сосѣдей, способнаго къ великимъ предпріятіямъ на сушѣ и на морѣ, имѣвшаго храбрыя, многочисленныя дружины, предводимыя ихъ прирожденными князьями. Нападеніе на Константинополь не было простымъ набѣгомъ хищниковъ и пиратовъ. Русь въ тѣ времена является народомъ нетолько воинственнымъ, но и торговымъ, посылавшимъ своихъ гостей въ сосѣднія страны. Поводомъ къ нападенію послужило неисполненіе Греками торговыхъ договоровъ съ Русью. До насъ дошли и самые образчики таковыхъ договоровъ, относящіеся къ началу X столѣтія (т. е. лѣтъ на сорокъ позднѣе помянутаго событія), заключенные, отъ имени великаго князя кіевскаго Олега и подручныхъ ему князей, боярами и гостями Кіева, Чернигова, Переяславля, Любеча и другихъ русскихъ городовъ.

Слѣдовательно, въ эту эпоху Русь выступаетъ на историческое поприще уже со всѣми главными признаками государственнаго быта, каковы: верховный князь съ подручными ему князьями, бояре, дружина, стольный городъ, торговля съ сосѣдями, опредѣленная письменными договорами, и пр.

Государственный бытъ—это такое сложное явленіе, требующее столькихъ условій для своего происхожденія и развитія, что народы обыкновенно пріобрѣтаютъ его вѣковыми усиліями и многимъ кровопролитіемъ; при чемъ постепенно проходятъ разныя степени состоянія, начиная отъ полудикаго племеннаго быта, пока слагаются въ государство. Русскій народъ и Русское государство въ этомъ отношеніи не составляютъ никакого исключенія изъ общихъ историческихъ законовъ.

Спустя 26 лѣтъ отъ настоящаго момента, т. е. въ 1906 году *исполнится ровно двѣ тысячи лѣтъ* съ той поры, какъ Русское имя появилось на скрижаляхъ всемірной исторіи.

Молодой понтійскій царь Митридатъ VI, впослѣдствіи знаменитый врагъ Римлянъ, присоединилъ къ своимъ владѣніямъ царство Боспорское, и для защиты этого царства долженъ былъ вступить въ борьбу съ сосѣднимъ племенемъ Тавроскиѳовъ, которое соединилось тогда подъ властію царя Скилура и сильно тѣснило Боспоритовъ. Не смотря на свою многочисленность, безпорядочнымъ толпамъ варваровъ трудно было стоять противъ хорошо вооруженныхъ и устроенныхъ войскъ Понтійско-Боспорскаго государя. Старшій сынъ Скилура, Палакъ обратился за помощью къ скиѳо-сарматскому (вѣроятно родственному) племени *Роксаланъ* (или Росъ-Аланъ), которое обитало въ степяхъ между Днѣпромъ и Дономъ и по берегамъ Меотійскаго озера (Азовскаго моря). Роксалане двинулись на помощь Тавроскиѳамъ въ числѣ 50.000 всадниковъ (число конечно преувеличенное); предводитель ихъ назывался *Тасій*. Но помощь ихъ не принесла побѣды Тавроскиѳамъ. Полководецъ Митридата, Діафантъ, начальствуя 6000 отборнаго войска, разбилъ Роксаланъ. Это событіе происходило въ 94 году до Р. X. О немъ сообщаетъ извѣстный греческій писатель Страбонъ.

Младшій современникъ Страбона, знаменитый римскій историкъ Тацитъ повѣствуетъ о Роксаланахъ, что они въ числѣ 9000 конницы вторглись въ римскую подунайскую провинцію Мизію (нынѣ Болгарія), и уничтожили отрядъ римскаго войска; но когда они разсыпались по странѣ для грабежа, римскіе начальники ударили на нихъ съ своими легіонами и нанесли имъ пораженіе. Этому пораженію способствовала наступившая оттепель: кони Роксаланъ спотыкались, всадники падали и нелегко поднимались при своемъ довольно тяжеломъ вооруженіи (69 г. по Р. X.). На основаніи обоихъ извѣстій, Страбона и Тацита, роксаланское вооруженіе составляли копье, лукъ, длинный мечъ, щитъ, плетеный изъ тростника, шлемъ и панцырь изъ воловьей кожи, а у знатныхъ людей встрѣчались панцыри изъ желѣзныхъ

бляхъ. Какъ народъ, еще невышедшій тогда изъ кочеваго быта, Роксалане конечно были по-преимуществу конники и въ пѣшемъ бою не могли еще стоять противъ стройныхъ римскихъ легіоновъ, или грекопонтійской фаланги. Подобно другимъ кочевникамъ, они жили въ войлочныхъ кибиткахъ и занимались своими стадами, питаясь ихъ молокомъ, сыромъ и мясомъ, и передвигаясь постоянно на мѣста, богатыя пастбищами. Обыкновенно лѣтомъ они кочевали на степныхъ равнинахъ, а зимой приближались къ болотистымъ берегамъ Меотиды.

Въ такомъ видѣ наши предки впервые заявляютъ о своемъ существованіи приблизительно подъ своимъ собственнымъ именемъ.

Затѣмъ извѣстія о Роксаланахъ повторяются и въ послѣдующіе вѣка, благодаря въ особенности тому обстоятельству, что эти смѣлые наѣздники нерѣдко своими набѣгами тревожили предѣлы двухъ римскихъ придунайскихъ провинцій, Дакіи и Мизіи, чѣмъ заставляли говорить о себѣ латинскихъ и греческихъ писателей. Чтобы удержать варваровъ отъ набѣговъ, нѣкоторые императоры римскіе вступали въ договоры съ роксаланскими *князьями* и обязывались уплачивать имъ ежегодно опредѣленную сумму денегъ, причемъ брали ихъ сыновей къ себѣ въ заложники. Между прочимъ въ одной латинской надписи временъ императора Элія Адріана упоминается роксаланскій князь *Элій Распарасанъ.* Это (послѣ Тасія) и есть первое дошедшее до насъ русское княжеское имя древнѣйшей эпохи. Римское имя *Элій* онъ конечно принялъ въ честь императора Адріана, съ которымъ находился въ дружескихъ или союзныхъ отношеніяхъ. (Примѣры подобной именной прибавки встрѣчаемъ также у царей боспорскихъ Савроматской династіи.)

Между тѣмъ въ первые вѣка по Рождествѣ Христовѣ, въ странѣ между Днѣстромъ и Днѣпромъ усиливается восточно-германское племя Готы и распространяетъ свое господство на многіе народы Скиѳіи. Въ IV вѣкѣ мы встрѣчаемъ Роксаланъ въ числѣ народовъ, которые платили дань готскому царю Германриху. Готскій историкъ, епископъ Іорнандъ (жившій въ VI вѣкѣ) изображаетъ Роксаланъ народомъ вѣроломнымъ, погубившимъ Германриха во время его борьбы съ страшными Гуннами. За измѣну одного роксаланскаго вельможи (повидимому передавшагося на сторону Гунновъ) готскій царь велѣлъ жену его *Санелгу* привязать къ дикимъ конямъ и размыкать по полю; тогда два ея брата, *Сарусъ* и *Амміусъ,* мстя за смерть сестры, нанесли тяжелую рану престарѣлому Германриху; такъ что послѣ того онъ не могъ сражаться съ Гуннами и вскорѣ умеръ. Очень можетъ быть, что и самое движеніе Гунновъ изъ-за Дона произошло въ связи съ возстаніемъ Роксаланъ или славянской Руси противъ владычества нѣмецкихъ Готовъ.

Іорнандъ сообщаетъ извѣстіе о дальнѣйшей враждѣ Готовъ и Роксаланъ; только послѣднихъ, по всѣмъ признакамъ, онъ называетъ въ этомъ случаѣ Антами. Преемникъ Германриха, Винитаръ напалъ на Антовъ и былъ сначала побѣжденъ, но потомъ взялъ въ плѣнъ ихъ князя *Бокса,* и распялъ на крестѣ съ его сыновьями и семидесятью вельможами, которыхъ оставилъ висѣть на висѣлицѣ, чтобы навести страхъ на Антовъ. Очевидно, онъ мстилъ имъ за возстаніе противъ готскаго владычества и за союзъ съ Гуннами. Благодаря этой враждѣ двухъ главныхъ народовъ Понтійской Скиѳіи, царю Гунновъ Валаміру удалось потомъ побѣдить Винитара и подчинить себѣ часть Готовъ (именно Остготовъ); другая часть (Вестготы) поспѣшила уйти за Дунай, въ предѣлы Римской имперіи. (Имя антскаго князя Бокса весьма близко къ русскому имени, которое встрѣчается у насъ въ XI и XIII вв.: *Богша.* А помянутое выше женское роксаланское имя Санелга напоминаетъ позднѣйшее русское имя Ольга или *Елга,* какъ она называется въ византійскихъ извѣстіяхъ).

*

Господство Готовъ въ Скиѳіи смѣнилось на время господствомъ Гунновъ (племени, по всей вѣроятности, Славяно-болгарскаго). Роксалане, безъ сомнѣнія, входили въ число народовъ, составлявшихъ царство Аттилы, а также принимавшихъ участіе въ его походахъ и завоеваніяхъ. Что Роксалане не остались чужды совершавшемуся въ тѣ времена движенію, извѣстному подъ именемъ „Великаго переселенія народовъ", на то указываетъ происшедшее отъ ихъ имени названіе южно-французской провинціи *Руссильонъ;* очевидно, часть Роксаланъ, подобно другимъ германскимъ и славянскимъ народамъ, увлечена была гото-гунскимъ движеніемъ на дальній западъ Европы.

Послѣ смерти Аттилы, когда держава его была разрушена возстаніями подчиненныхъ народовъ (во второй половинѣ V вѣка), Роксалане не только успѣли освободиться отъ гуннской зависимости, но и снова заняли первенствующее положеніе въ странахъ къ сѣверу отъ Чернаго и Азовскаго морей; по крайней мѣрѣ, таково было ихъ положеніе въ VI вѣкѣ, судя по словамъ помянутаго Іорнанда.

Совокупность греко-латинскихъ извѣстій отъ I до VI вѣка включительно ясно указываетъ намъ на Роксаланъ какъ на сильный, многочисленный народъ, котораго средоточіемъ былъ Днѣпръ и котораго отдѣльныя вѣтви простирались съ одной стороны до Азовскаго моря, а съ другой приблизительно до Днѣстра. Около эпохи Рождества Христова онъ находился еще на степени кочеваго или полукочеваго быта. Въ тѣ времена нетолько восточно-славянскія, но и восточно-германскія племена еще не вышли изъ этого быта; чѣмъ и объясняется великое переселеніе народовъ: такъ, напримѣръ, Готы отъ сѣверныхъ береговъ Чернаго моря въ довольно короткое время передвинулись до крайнихъ предѣловъ югозападной Европы. Но въ теченіе послѣдующихъ вѣковъ Роксаланское или Русское племя все болѣе и болѣе пріобрѣтало привычки быта осѣдлаго, сохраняя однако свой подвижный, предпріимчивый характеръ и охоту къ дальнимъ походамъ.

Тѣ же самыя извѣстія несомнѣнно свидѣтельствуютъ о присутствіи у этого племени княжескаго достоинства и связаннаго съ нимъ знатнаго (боярскаго) сословія, которое отличалось на войнѣ болѣе богатымъ вооруженіемъ. Слѣдовательно *князь* и *дружина* — эти обычныя основы государственнаго строя—у Славянской Руси такъ же древни, какъ и у народовъ Германскаго корня.

Слѣдующіе за тѣмъ вѣка VII и VIII суть самыя темныя по отношенію къ исторіи Восточной Европы. Источники за это время сообщаютъ о ней весьма мало свѣдѣній, при чемъ самое имя Роксаланъ скрывается болѣе подъ общими именами Скиѳовъ и Сарматъ. А между тѣмъ эти вѣка, по всѣмъ признакамъ, были обильны разнаго рода событіями и переворотами въ жизни Роксаланскаго или Русскаго народа. Онъ долженъ былъ постоянно вести борьбу за свою самостоятельность или за свое преобладаніе съ народами, какъ родственными Славянскими, такъ чуждыми, иноплеменными; таковы особенно: Славяно-Болгаре, Черкесо-Авары, Турко-Хазары, Угры и пр. Въ VII вѣкѣ въ сѣверныхъ черноморскихъ областяхъ распространилъ свое господство прикавказскій народъ Авары, вытѣсненные изъ своей родины Турко-Хазарами; Авары особенно угнетали племена Болгарскія. А Хазары въ то же время подчинили себѣ ту часть Славянъ, которая тогда еще обитала около Азовскаго моря, Кубани и Нижней Волги. Едва къ началу VIII вѣка разрушено было Аварское господство въ дунайско-черноморскихъ странахъ, какъ изъ при-каспійскихъ степей явились дикіе Угры или Мадьяры, тѣснимые еще болѣе дикими и воинственными кочевниками, Печенѣгами.

Посреди непрерывной борьбы съ враждебными племенами закалилось мужество и терпѣніе

Русскаго народа. Постепенно онъ взялъ верхъ надъ туземными и пришлыми сосѣдями. Главная его масса мало-по-малу сосредоточилась на среднемъ теченіи Днѣпра, къ сѣверу отъ пороговъ, въ краю, обильномъ цвѣтущими полями, рощами и текучими водами, въ сторонѣ отъ южныхъ степей, слишкомъ открытыхъ вторженію кочевыхъ народовъ. Въ этомъ краю онъ построилъ себѣ крѣпкіе города и положилъ начало Русскому государству съ помощью своихъ родовыхъ князей, изъ которыхъ возвысился надъ другими родъ Кіевскій. Здѣсь Русь развила свою способность къ политической организаціи. Отсюда, изъ этого средоточія, посредствомъ своихъ дружинъ, она постепенно распространила свою объединительную дѣятельность на родственныя ей племена восточныхъ Славянъ; разумѣется, объединеніе это долгое время совершалось въ первобытной формѣ, то есть въ формѣ дани. Какъ одно изъ наиболѣе даровитыхъ и предпріимчивыхъ арійскихъ племенъ, Русь съ одинаковымъ успѣхомъ предавалась мирнымъ и воинственнымъ занятіямъ, грабежу и торговлѣ, сухопутнымъ и морскимъ предпріятіямъ; дружинники русскіе съ одинаковою отвагою владѣли конемъ и лодкою, мечемъ и парусомъ. Ихъ смѣлые судовые походы по рѣкамъ и морямъ не замедлили сдѣлать громкимъ Русское имя на востокѣ и на западѣ.

Изъ всѣхъ способностей, которыми природа надѣлила Славянорусское племя, вмѣстѣ съ предпріимчивостію и мужествомъ, особенно драгоцѣнною является способность къ организаціи, т. е. способность созидательная, которая необходима для устройства прочнаго общественнаго быта, для его охраненія отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ. Хотя и другіе Славянскіе народы обладали этою способностью, чему доказательствомъ служитъ цѣлый рядъ основанныхъ ими государствъ; но прочности послѣднихъ много мѣшала излишняя впечатлительность, излишняя подвижность народнаго темперамента, извѣстная наклонность къ взаимнымъ раздорамъ. Къ счастію, Роксаланское или Русское племя въ этомъ отношеніи замѣтно выдвигается изъ своей Славянской семьи, отличаясь большею степенью терпѣнія и большею упругостью своего характера. Такими чертами оно обязано какъ вліянію окружающей, довольно суровой природы, такъ и своей многотрудной исторической школѣ, кромѣ того и скрещиванію съ другими народностями, именно съ готскими и финскими племенами, которыя издревле обитали рядомъ съ нимъ въ Восточной Европѣ.

Государственная способность Русскаго племени болѣе всего выразилась въ его объединительныхъ стремленіяхъ, въ постепенномъ и неуклонномъ собираніи воедино своихъ широко раскинувшихся вѣтвей. Объединеніе совершилось подъ предводительствомъ того княжескаго рода, который утвердился въ Кіевѣ, на правомъ, нагорномъ берегу Днѣпра. Въ Кіевскомъ краю водворился наиболѣе энергичный, наиболѣе предпріимчивый роксаланскій народъ Поляне или *Рось* въ тѣсномъ смыслѣ. (Названіе рѣки Роси, праваго притока Днѣпра, очевидно находится въ связи съ названіемъ этого народа). Онъ продолжалъ сохранять свою любовь къ судоходству и свои связи съ берегами Азовскаго моря. Тамъ еще оставались значительныя его поселенія. Дружины Руссо-Полянъ ходили почти во всѣ стороны вверхъ и внизъ по теченію рѣкъ, и облагали данью своихъ сосѣдей. На восточной сторонѣ они объединили ближайшую свою вѣтвь, роксаланское племя Сѣверянъ, сидѣвшихъ по Деснѣ и Сулѣ и имѣвшихъ своими средоточіями города Черниговъ, Любечъ и Переяславль. Подвигаясь къ сѣверу Днѣпромъ и его притоками, они подчиняли себѣ на одной сторонѣ славянское племя Радимичей, а на другой Древлянъ и Дреговичей. На верхнемъ Днѣпрѣ они утвердились въ Смоленскѣ, городѣ Кривичей. Отсюда, углубляясь далѣе на сѣверъ, Русь перешла волоки; спустившись по Ловати, завладѣла берегами озера Ильменя и водворилась въ главномъ средоточіи ильменскихъ

Славянъ, въ знаменитомъ Новгородѣ, при истокѣ рѣки Волхова. А потомъ Волховомъ, Ладожскимъ озеромъ и рѣкою Невою она, сквозь чудскія поселенія, открыла себѣ путь къ сношеніямъ съ народами Скандинавіи. Другой водный путь въ Балтійское море пролегалъ по Западной Двинѣ; ключомъ къ нему служилъ кривскій городъ Полоцкъ, которымъ также завладѣли русскіе князья.

Русь не довольствовалась днѣпровскими Славянами. Она проникла на Оку и верхнюю Волгу, и здѣсь посреди финскихъ или чудскихъ народцевъ основала свои поселенія и свое владычество, укрѣпясь преимущественно въ Муромѣ, на возвышенномъ берегу Оки, и въ Ростовѣ, на низменныхъ берегахъ Ростовскаго озера. Вообще на сѣверѣ русское господство повидимому распространялось легче, нежели на югѣ и югозападѣ. Здѣсь, въ области Днѣстра, Буга и нижняго Днѣпра жили хотя и родственные народы, но уже другой славянской отрасли, не роксаланской и не кривской, а преимущественно болгарской, каковы Угличи, Тиверцы и отчасти Волыняне. Эти народы долго и упорно боролись противъ властолюбивой Руси. Перевѣсъ остался за послѣднею, которая успѣла сосредоточить и развить свои силы въ то время, какъ означенные народы были раздроблены на многія владѣнія и общины. Часть Тиверцевъ, обитавшая на устьяхъ Кубани и въ восточной части Крыма, называлась иначе *Черными Болгарами;* въ концѣ VI вѣка они подпали подъ владычество Хазаръ. Послѣдніе представляли народъ смѣшанный изъ Турокъ завоевателей, пришедшихъ изъ-за Каспійскаго моря, съ туземными Хазарами или Черкесами. Черные Болгаре, угнетаемые Хазарами, по всей вѣроятности, сами призывали противъ нихъ Русь, или по крайней мѣрѣ держали ея сторону въ упорной борьбѣ съ хазарскими каганами. Какъ бы то ни было, русскіе князья освободили Черныхъ Болгаръ отъ хазарскаго ига и утвердили собственное владычество на берегахъ Воспора Киммерійскаго, въ городахъ Корчевѣ (древняя Пантикапея) и Тмутракани (древняя Фанагорія), слѣдовательно въ самомъ средоточіи прежняго Воспорскаго царства.

Такимъ образомъ постепенно, въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, русскіе князья распространили свое господство отъ Ильменя до Тамани. Разумѣется, подобное господство не устанавливалось разъ навсегда; нерѣдко подчиненныя племена, пользуясь обстоятельствами, возставали и отказывали въ дани; потомъ приходилось покорять ихъ вновь и принимать болѣе дѣйствительныя мѣры, чтобы удерживать въ покорности, т. е. строить въ ихъ землѣ укрѣпленные городки или занимать русскими дружинами кремли главныхъ туземныхъ городовъ.

Въ IX вѣкѣ Русскій народъ упоминается въ иноземныхъ источникахъ уже не подъ сложнымъ названіемъ Роксаланъ, а подъ своимъ простымъ народнымъ именемъ „Рось" (Русь). Такъ одинъ нѣмецкій лѣтописецъ (Пруденцій) въ своей латинской хроникѣ разсказываетъ, что въ 839 году византійскій императоръ Θеофилъ прислалъ къ Людовику Благочестивому посольство, и при немъ нѣсколько человѣкъ, которые называли себя *Рось.* Послѣдніе явились въ Константинополь для изъявленія дружбы отъ своего князя, именуемаго *хаканомъ;* но такъ какъ враждебные варварскіе народы препятствовали имъ воротиться домой тѣмъ же путемъ, какимъ они пришли, то Θеофилъ просилъ Людовика дать имъ средства вернуться другимъ путемъ. По извѣстію того же лѣтописца, при франкскомъ дворѣ подозрительно отнеслись къ неизвѣстнымъ пришельцамъ, и почему-то приняли ихъ за Свеоновъ (Шведовъ); можетъ быть начавшіеся тогда морскіе набѣги Скандинавовъ послужили поводомъ къ такой подозрительности. Дальнѣйшая судьба этого русскаго посольства намъ неизвѣстна. Но помянутое извѣстіе о немъ для насъ чрезвычайно важно, потому что подтверждаетъ существованіе Русскаго княжества на Днѣпрѣ и сношенія его съ Византіей въ первой половинѣ IX вѣка. Подъ именемъ

хакана тутъ конечно разумѣется никто иной, какъ кіевскій князь; ибо позднѣе и въ нашихъ отечественныхъ источникахъ этому князю также дается титулъ хакана или *кагана* (заимствованный Русью отъ Аваръ и Хазаръ).

Когда Русь завладѣла берегами Киммерійскаго Боспора, то она получила возможность развивать свое судоходство не только на Азовскомъ, но и на Черномъ морѣ, посѣщать его прибрежья въ качествѣ торговцевъ, а при случаѣ пиратовъ, и кромѣ того наниматься въ греческую службу, особенно военноморскую; такъ что мы встрѣчаемъ иногда цѣлые отряды русскихъ *кораблей* въ византійскомъ флотѣ. Для сношеній съ Византіей и Дунайскими Болгарами существовалъ и другой путь въ Черное море, именно рѣкою Днѣпромъ до самаго его устья. Этотъ болѣе прямой путь (отъ Кіева) особенно предпочитали торговые караваны, хотя онъ былъ очень затруднителенъ по причинѣ цѣлаго ряда огромныхъ пороговъ. Въ X вѣкѣ византійскій императоръ Константинъ Багрянородный краснорѣчиво описалъ, какъ русскіе торговцы преодолѣвали эти препятствія и проводили свои ладьи сквозь пороги. Русь отвозила въ Царьградъ на продажу невольниковъ, добытыхъ нападеніями на сосѣдей, и разныя сырыя произведенія своей земли, каковы: дорогіе мѣха, кожи, воскъ, медъ и т. п. А изъ греческихъ областей она вывозила различныя ткани, вино, плоды, дорогое оружіе, посуду и другія металлическія издѣлія. Но кромѣ пороговъ Руссы на этомъ Днѣпровскомъ пути встрѣчали еще препятствія отъ степныхъ кочевниковъ, которые нападали на ихъ караваны въ узкихъ мѣстахъ. А иногда бурные перевороты въ Черноморскихъ степяхъ совсѣмъ прекращали сношенія Кіева съ Царьградомъ. Вѣроятно, однимъ изъ такихъ событій и было застигнуто въ Царьградѣ помянутое посольство русскаго хакана къ императору Ѳеофилу.

Черноморская торговля снабжала Русь произведеніями высоко развитой греческой промышлености, и знакомила ее съ обстановкой утонченной гражданственности, съ обстановкой, которая всегда такъ обаятельно дѣйствуетъ на свѣжіе, еще необразованные народы, особенно отличающіеся воспріимчивостію. Такъ Латинскій міръ дѣйствовалъ на Германцевъ, а Греческій на Славянъ. Торговыя и другія сношенія Русскаго народа съ Греческимъ міромъ, а слѣдовательно и вліяніе послѣдняго, начались съ незапамятныхъ временъ на сѣверныхъ прибрежьяхъ Понта, гдѣ были разсѣяны богатыя греческія колоніи. Тамъ, въ числѣ другихъ скиѳскихъ народовъ, и Роксалане обмѣнивали скотъ и прочія сырыя произведенія на греческія издѣлія; а иногда добывали ихъ разными услугами, или просто грабежемъ. Могильные курганы князей и вообще знатныхъ людей Роксаланскаго племени, разсѣянные въ Приднѣпровьѣ и Приазовьѣ, обилуютъ греческими издѣліями и служатъ нагляднымъ памятникомъ минувшихъ сношеній нашихъ предковъ съ Эллинскимъ міромъ.

Русскіе князья несомнѣнно дорожили торговлею своего народа съ Греками, и для того охотно вступали въ договоры съ греческимъ правительствомъ. Самое нападеніе Руси на Царьградъ въ 865 году произошло, какъ видно, вслѣдствіе нарушенія договоровъ съ греческой стороны. Нападеніе это, какъ и вообще морскія предпріятія Руси противъ Византіи, по всей вѣроятности было направлено изъ Тмутраканскаго края; тамъ, въ гаваняхъ Корчева и Тмутракани, собрались военныя ладьи Руссовъ и составили флотъ въ нѣсколько сотъ большихъ и малыхъ кораблей, вмѣщавшихъ свыше 10,000 ратниковъ.

Второе мѣсто послѣ черноморской или греческой торговли занимала у нашихъ предковъ торговля съ мусульманскимъ востокомъ, которая велась при посредствѣ Хазаръ и Камскихъ Болгаръ. Руссы ходили къ этимъ народамъ изъ Азовскаго моря Дономъ до того мѣста, гдѣ онъ сближался съ Волгою и гдѣ стояла каменная хазарская крѣпость Саркелъ, построенная

съ помощью византійскихъ зодчихъ. Тутъ Русь переволакивалась изъ Дона въ Волгу, и затѣмъ отправлялась или внизъ по этой рѣкѣ въ столицу Хазарскаго царства Итиль, или вверхъ до города Великіе Болгары. Изъ мусульманскихъ странъ, кромѣ пестрыхъ тканей и металлическихъ вещей, получались пряныя коренья, бисеръ, жемчугъ и большое количество серебряной монеты.

Какъ византійскіе писатели сообщили потомству драгоцѣнныя извѣстія о Руссахъ, приходившихъ въ Царьградъ или нападавшихъ на греческія владѣнія, такъ и Арабы, посѣщавшіе Итиль и Великіе Болгары, оставили любопытные разсказы о Руссахъ, которыхъ они тамъ встрѣчали. Болѣе прочихъ извѣстны разсказы Инъ Фадлана, который находился при посольствѣ, отправленномъ багдадскимъ халифомъ къ Альмасу, царю Камскихъ Болгаръ, въ первой четверти X вѣка. Въ его описаніи Руссы изображаются людьми высокаго роста, статными, свѣтлорусыми, съ острымъ взоромъ; они носили короткій плащъ, наброшенный на одно плечо, сѣкиру, ножъ и мечъ съ широкимъ клинкомъ „франкской“ работы; были очень склонны къ крѣпкимъ напиткамъ, и приносили жертвы своимъ деревяннымъ идоламъ, имѣвшимъ видъ столбовъ съ человѣчьими головами. Жены ихъ носили на груди металлическія украшенія съ кольцомъ, на которомъ висѣлъ ножъ, а на шеѣ составленныя изъ монетъ золотыя и серебряныя ожерелья, число которыхъ опредѣлялось состояніемъ мужа; онѣ также любили ожерелья изъ зеленыхъ бусъ. Особенно занимательно Фадланово описаніе погребальныхъ обычаевъ языческой Руси, при которыхъ ему самому случилось присутствовать; онѣ главнымъ образомъ состояли изъ сожженія покойника съ одною изъ его женъ, а также изъ поминальнаго пиршества или тризны. Загробный рай представлялся воображенію Руссовъ прекраснымъ, зеленымъ садомъ, что вполнѣ согласовалось съ ихъ нравомъ, наклоннымъ къ веселымъ пирамъ и пѣснямъ.

Волжская торговля, знакомя съ богатствами и роскошью мусульманскихъ странъ, возбуждала предпріимчивыхъ, жадныхъ къ добычѣ Руссовъ попытать иногда счастья на берегахъ Каспійскаго моря. Послѣ нѣсколькихъ незначительныхъ набѣговъ, произведенныхъ еще въ IX вѣкѣ, Русь однажды собралась въ числѣ 50,000, размѣщенныхъ на 500 ладьяхъ (если вѣрны эти цифры, приводимыя арабскимъ писателемъ Масуди). Она пробралась въ Каспійское море, и произвела сильный погромъ на его югозападномъ побережьѣ, въ 913 г. Хотя походъ окончился бѣдственнымъ образомъ, однако онъ оставилъ такое впечатлѣніе на востокѣ, что арабскіе писатели съ того времени стали часто упоминать о Руси. Мы видѣли, что со времени нападенія на Константинополь точно также громче заговорили о ней писатели византійскіе, и чаще стали называть ее простымъ народнымъ ея именемъ (т. е. Русью), вмѣсто Скиѳовъ, Сарматъ, Роксаланъ, Антовъ, Тавроскиѳовъ и т. п.

Конечно, не случайно произошло такое совпаденіе событій; не случайно почти въ одно время Русь своими предпріятіями большихъ размѣровъ заставила говорить о себѣ Византію и міръ мусульманскій, начиная съ IX вѣка. Дѣло въ томъ, что къ этому времени наши предки успѣли въ значительной степени объединить свои силы, собрать свои вѣтви подъ властью одного княжескаго рода, подчинить себѣ ближайшихъ сосѣдей и положить начало государственнаго быта на широкомъ основаніи. Русь успѣла уже такъ укрѣпиться въ собственной странѣ, что могла избытокъ своихъ силъ обратить на внѣшнія предпріятія, и даже снаряжать цѣлые флоты въ количествѣ нѣсколькихъ сотъ кораблей. Подобныя морскія предпріятія сдѣлались возможными, по всѣмъ признакамъ, именно послѣ того, какъ Русь завладѣла берегами Киммерійскаго Боспора, т. е. утвердилась въ Корчевѣ и Тмутракани.

Достовѣрные источники не сохранили намъ имени того кіевскаго князя, при которомъ совершилось нашествіе Руси на Царьградъ въ 865 году. Хотя, занесенное въ лѣтопись, позднѣйшее сказаніе называетъ русскими предводителями Аскольда и Дира; но оно уже потому недостовѣрно, что выставляетъ ихъ какими-то искателями приключеній, Богъ вѣсть какъ завладѣвшими Кіевомъ и Богъ вѣсть почему очутившимися подъ Царьградомъ. Первымъ историческимъ княземъ кіевскимъ является *Олегъ,* княжившій въ концѣ IX и первой четверти X вѣка. Хотя никакіе иноземные источники о немъ не упоминаютъ, но княженіе его засвидѣтельствовано греко-русскими договорами, отъ которыхъ дошли до насъ славянскіе переводы. За нимъ слѣдовалъ *Игорь.* Это былъ первый кіевскій князь, котораго имя и нѣкоторыя дѣянія сообщаютъ намъ иноземные писатели.

Византійскія хроники довольно подробно разсказываютъ о войнѣ Игоря съ Греками, т. е. о его морскомъ походѣ къ Константинопольскому проливу и разореніи южныхъ береговъ Чернаго моря. Только съ помощью своихъ зажигательныхъ снарядовъ удалось Грекамъ отбить это нападеніе (941 г.). Заключенный спустя три года и дошедшій до насъ мирный договоръ ясно указываетъ на то, что Русскія владѣнія сосѣдили съ греческими на Таврическомъ полуостровѣ; такъ какъ во власти Византіи оставался еще древній Херсонесъ съ городами южнаго берега. Другое весьма важное свидѣтельство Игорева договора—это прямое указаніе на крещеную Русь. Оно подтверждается еще извѣстіемъ о присягѣ. Самъ князь и часть дружины клялись въ исполненіи договора передъ идоломъ Перуна, а другая часть дружины присягала въ кіевскомъ храмѣ св. Иліи. Начало крещенія Русскихъ относится къ эпохѣ ихъ перваго нападенія на Царьградъ, о чемъ засвидѣтельствовалъ византійскій патріархъ Фотій въ своемъ окружномъ посланіи 866 года. Съ того времени прошло около 80 лѣтъ до Игорева договора, и мы видимъ, какіе великіе успѣхи сдѣлало христіанство въ Россіи. Въ стольномъ городѣ уже существуетъ христіанскій храмъ. Многіе жители и часть самой княжей дружины исповѣдуютъ христіанскую вѣру. Она проникла и въ самую семью княжую. Супруга Игоря Ольга, послѣ его смерти, является усердною подвижницею новой религіи.

Смерть энергичнаго, предпріимчиваго Игоря, убитаго при сборѣ дани сосѣднимъ славянскимъ племенемъ Древлянами, обнаруживаетъ суровыя отношенія между господствующимъ народомъ и нѣкоторыми подчиненными племенами. Ясно, въ какомъ бодромъ, напряженномъ состояніи постоянно должна была находиться Кіевская или Полянская Русь, чтобы всегда сдерживать въ подчиненіи народы, объединенные силою ея меча. Извѣстно, съ какою энергіей и даже жестокостью Древлянское возмущеніе было подавлено вдовою Игоря Ольгою и его сыномъ Святославомъ. Послѣдній, при жизни отца, въ юности своей, сидѣлъ удѣльнымъ княземъ на сѣверѣ, въ Новгородѣ Великомъ, и, вѣроятно, тамъ воспитался въ преданности древней вѣрѣ отцовъ. Поэтому, хотя онъ и не препятствовалъ матери своей въ ея христіанскихъ подвигахъ, но самъ не склонился на ея убѣжденія и не принялъ крещенія.

Сосѣдство подвластнаго Кіеву Корчево-Тмутраканскаго края на одной сторонѣ съ азарской державой, на другой съ Таврическими владѣніями Византіи довольно долгое время обусловливало внѣшнюю политику кіевскихъ князей и особенно сильно вліяло на ходъ нашей исторіи въ X вѣкѣ. Святославъ не только освободилъ окончательно этотъ край отъ Хазаръ, но и разрушилъ на Дону ихъ твердыню Саркелъ, и вообще нанесъ такой ударъ Хазарскому государству, отъ котораго оно уже не могло оправиться. Тоже сосѣдство съ Греками вовлекло Святослава въ ихъ отношенія къ Болгарамъ Дунайскимъ. Сначала, какъ союзникъ Византіи, онъ овладѣлъ едва не всѣмъ Болгарскимъ царствомъ, но потомъ за это царство долженъ былъ

вступить въ упорную войну со всѣми силами Византійской имперіи, во главѣ которыхъ явился доблестный Іоаннъ Цимисхій. Неукротимый русскій князь, слишкомъ увлекшійся дальними завоеваніями, былъ побѣжденъ, и на возвратномъ пути сдѣлался жертвою новой кочевой орды, надвинувшей въ наши южныя степи изъ-за Каспійскаго моря.

Отсюда начинается уже нѣкоторый поворотъ въ общемъ ходѣ русской исторіи. Могущество и отвага Руси, возраставшія въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, начали было увлекать ее за предѣлы своей земли, въ слишкомъ рискованныя предпріятія. Ударъ, нанесенный Цимисхіемъ, и усложненія, возникшія съ водвореніемъ Печенѣжской орды въ самыхъ Днѣпровскихъ степяхъ, волей-неволей заставили Русь болѣе сосредоточивать свое вниманіе и свои силы на внутренней жизни и на ближайшихъ сосѣдяхъ. Однако, пока Русь владѣла Азовско-Черноморскимъ краемъ, продолжали еще дѣйствовать вытекавшія отсюда отношенія византійскія, какъ политическія, такъ и религіозныя. Младшій сынъ Святослава, Владиміръ, успѣлъ не только возстановить и укрѣпить въ Восточной Европѣ господство Кіевской Руси, потрясенное гибелью Святослава, но и съ успѣхомъ возобновить наступательное движеніе своихъ предшественниковъ на сосѣднія съ Тмутраканскимъ краемъ византійскія владѣнія. Онъ взялъ самое средоточіе этихъ владѣній, т. е. Корсунь или Таврическій Херсонесъ. Но тутъ же, въ Корсуни, совершился великій религіозный переворотъ въ жизни нашихъ предковъ.

Подобно своему отцу, Владиміръ въ юности своей былъ княземъ Новгорода Великаго, и тамъ воспитался въ преданности старой языческой религіи; такъ что первые годы его княженія въ Кіевѣ даже ознаменовались гоненіемъ на кіевскихъ христіанъ. Но потомъ, чѣмъ долѣе онъ оставался на югѣ, тѣмъ болѣе подчинялся вліянію новой религіи, которая съ неудержимой силой начала охватывать русскую жизнь. Повторилось то же явленіе, какое еще въ болѣе величественныхъ размѣрахъ можно наблюдать въ исторіи римскаго императора Константина Великаго. Силою обстоятельствъ столько же, сколько и путемъ собственнаго убѣжденія Владиміръ пришелъ къ принятію крещенія изъ рукъ греческихъ проповѣдниковъ. Вмѣстѣ съ крещеніемъ онъ заключилъ родственный союзъ съ царствовавшею тогда въ Византіи Македонскою династіей и возвратилъ Грекамъ Херсонесъ Таврическій. А принявъ крещеніе, онъ, конечно, въ свою очередь самъ сдѣлался могущественнымъ орудіемъ для полнаго торжества и распространенія греческаго христіанства на всемъ пространствѣ Русской земли.

Владиміръ Великій, по всѣмъ признакамъ, докончилъ собираніе восточно-славянскихъ земель подъ верховною властію кіевскаго князя. Хотя онъ извѣстенъ также раздачею удѣловъ своимъ многочисленнымъ сыновьямъ, но не онъ былъ родоначальникомъ такъ называемой удѣльной системы въ Россіи. Обычай подобнаго раздѣла земель между братьями, сыновьями и племянниками существовалъ издревле какъ у Руссовъ, такъ и у другихъ славянскихъ народовъ. (Исконное существованіе удѣловъ на Руси засвидѣтельствовано уже договоромъ Игоря съ Греками.) Мы видимъ даже, что раздѣлъ земель, произведенный Владиміромъ и сыномъ его Ярославомъ, представляетъ дальнѣйшій шагъ въ объединеніи Русскихъ владѣній. Ибо князья русскіе не только нападали на сосѣднія славянскія и неславянскія племена, но старались также вытѣснить мѣстныхъ князей, замѣнивъ ихъ своими намѣстниками изъ собственныхъ родичей и бояръ. Слѣдовательно размѣщеніе кіевскихъ княжичей по всему пространству Русскихъ владѣній было вмѣстѣ болѣе тѣснымъ объединеніемъ послѣднихъ подъ властью одного княжаго рода, во главѣ котораго стоялъ старшій или великій князь кіевскій.

Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ удѣльной системы были, конечно, споры и междоусобія наслѣдниковъ за волости или за удѣлы. Ярославъ Владиміровичъ, подобно отцу, успѣлъ собрать

въ своихъ рукахъ почти всѣ Русскія земли, но только для того, чтобы раздать ихъ собственнымъ сыновьямъ. Внукъ его Владиміръ Мономахъ снова сосредоточилъ во владѣніи своей семьи большую часть этихъ земель, и опять для того, чтобъ онѣ раздробились между его потомками. Въ послѣдующую затѣмъ эпоху уже происходитъ постепенное обособленіе различныхъ вѣтвей княжаго дома вмѣстѣ съ обособленіемъ тѣхъ Русскихъ земель, въ которыхъ утвердились эти вѣтви, такъ что послѣднія принимаютъ характеръ мѣстныхъ династій. Только стольный Кіевъ и Великій Новгородъ остались въ общемъ владѣніи всего Ярославова рода, т. е. въ сущности продолжали служить яблокомъ раздора или соперничества между разными вѣтвями этого рода. Благодаря такому соперничеству, Новгородъ, по преимуществу передъ другими русскими городами. успѣлъ развить у себя древнеславянское вѣчевое начало, такъ что народоправство сдѣлалось господствующею чертою его политическаго быта.

Раздробленіе Руси на отдѣльныя, почти самостоятельныя области не мало способствовало распространенію въ ней гражданственности или такъ называемой цивилизаціи; но, съ другой стороны, оно послужило источникомъ ея политической несостоятельности, когда пришлось оборонять свои области отъ сосѣдей (Литвы и Нѣмцевъ) и отстаивать собственную независимость отъ новой тучи варваровъ, надвинувшей изъ Средней Азіи. Впослѣдствіи, подъ давленіемъ этого варварскаго ига, начинается новое собираніе русскихъ земель или болѣе прочное, болѣе государственное объединеніе Руси энергіей и трудами великихъ князей московскихъ.

Движеніе на Русь хищныхъ степныхъ народовъ турецкаго корня было начато Печенѣгами и завершено Монголо-Татарами. Среднюю ступень между ними по времени и по значенію заняли Половцы, нахлынувшіе въ южнорусскія степи при сыновьяхъ Ярослава. Водвореніе Половецкой орды значительно сократило наши южные и юговосточные предѣлы и отрѣзало отъ Днѣпровской Руси край Азовско-Черноморскій или Русь Тмутраканскую. А вмѣстѣ съ тѣмъ прекратились и морскіе походы кіевскихъ князей отъ береговъ Киммерійскаго Боспора въ окрестности Царяграда. Такимъ образомъ предпріятіе новгородскаго князя Владиміра, отправленнаго отцомъ Ярославомъ въ 1043 году воевать Грековъ за обиды русскихъ торговцевъ, является послѣднимъ въ ряду этихъ походовъ, прославившихъ русское имя на югѣ Европы.

По мѣрѣ того, какъ Русь постепенно оттѣснялась отъ Чернаго моря и отъ дѣятельныхъ сношеній съ Византіей, естественно, она болѣе и болѣе сосредоточивала свое вниманіе отчасти на внутренней своей жизни, отчасти на сѣверныхъ и западныхъ сосѣдяхъ. Такимъ образомъ вмѣсто греческой торговли, мало-по-малу выступаютъ на передній планъ торговыя сношенія по Балтійскому морю съ краями Скандинавскими и Сѣверогерманскими; являются тѣсныя связи Новгорода Великаго сначала съ Варягами, потомъ съ Ганзейскимъ Союзомъ.

Эпоха дѣятельныхъ сношеній съ Варягами оставила надолго неизгладимый слѣдъ въ Русской исторіи и въ другомъ отношеніи.

Начало русско-варяжскихъ связей коренится въ отношеніяхъ Новгорода Великаго къ Кіеву, Сѣверной Руси къ Южной. Принужденный платить дань кіевскимъ князьямъ, Новгородъ съ неудовольствіемъ сносилъ эту зависимость, такъ что русскіе князья нѣкоторое время держали его въ повиновеніи съ помощью наемной варяжской дружины. Такую дружину, по нѣкоторымъ признакамъ, уже имѣлъ здѣсь первый извѣстный намъ кіевскій князь, т. е. Олегъ. Кромѣ того, кіевскіе князья обыкновенно посылали туда намѣстниками собственныхъ сыновей; а послѣдніе въ свою очередь наслѣдовали иногда своимъ отцамъ въ самомъ Кіевѣ. Такъ мы видимъ цѣлый рядъ русско-новгородскихъ князей, которые приходятъ изъ Новгорода и заня-

маютъ старшій, т. е. кіевскій столъ, или по праву старшинства, или по праву побѣды надъ другими родичами. Уже Олегъ, если вѣрить лѣтописному преданію, сидѣлъ въ Новгородѣ, прежде чѣмъ сдѣлался кіевскимъ княземъ. Потомъ Святославъ, сынъ его Владиміръ Великій и внукъ Ярославъ также перешли изъ Новгорода въ Кіевъ. Мало того, два послѣдніе завладѣли кіевскимъ столомъ съ помощью именно наемныхъ варяжскихъ дружинъ; причемъ Владиміръ самъ ѣздилъ за море набирать Варяговъ, а Ярославъ былъ женатъ на дочери шведскаго короля, Ингигердѣ. Естественнымъ слѣдствіемъ такихъ связей были особый почетъ и вліяніе, которымъ знатные варяжскіе выходцы пользовались при кіевскомъ дворѣ во времена Владиміра и Ярослава. Скандинавскія саги изображаютъ Ингигерду женщиной умной и гордой. Она конечно имѣла при себѣ многихъ Варяговъ и вообще покровительствовала своимъ единоземцамъ, приходившимъ искать счастья въ службѣ кіевскаго князя.

Отсюда понятно происхожденіе той легенды, которая приписала Варягамъ и самое основаніе Русскаго государства. По всѣмъ соображеніямъ, эта легенда возникла во времена Ингигерды, а вошла въ силу при ея сыновьяхъ и внукахъ. Когда при Владимірѣ Мономахѣ (и вѣроятно по его желанію) игуменъ Кіевскаго Выдубецкаго монастыря Сильвестръ приступилъ къ составленію начальной Русской лѣтописи, то онъ и поставилъ въ главу своего бытописанія басню о призваніи изъ-за моря трехъ варяжскихъ князей въ Новгородъ для водворенія порядка въ Русской землѣ. Эта басня, по всей вѣроятности, имѣла своею заднею мыслію показать народу необходимость княжеской власти, безъ которой невозможны ни внутренній миръ, ни внѣшняя безопасность. Русскіе книжники того времени (т. е. времени Владиміра Мономаха) конечно не имѣли подъ рукой положительныхъ свѣдѣній о стародавнихъ и туземныхъ русскихъ князьяхъ, „расплодившихъ Русскую землю", и ничего не знали о томъ, что происходило на Руси почти за 250 лѣтъ, т. е. въ эпоху перваго нападенія Руси на Царьградъ. Подобно лѣтописцамъ другихъ народовъ, недостатокъ такихъ свѣдѣній они постарались замѣнить разными домыслами и легендами, избравъ исходнымъ пунктомъ своего повѣствованія именно это нападеніе, извѣстіе о которомъ читали въ греческой хроникѣ Георгія Амартола, переведенной на славянскій языкъ. Свидѣтельства Страбона, Тацита, Іорнанда и другихъ греко-латинскихъ писателей о Роксаланскомъ народѣ и его князьяхъ, разумѣется, оставались неизвѣстны нашимъ старымъ книжникамъ.

Возникшій въ XI вѣкѣ, домыселъ о призваніи трехъ братьевъ Варяговъ, который ставитъ на видъ необходимость княжеской власти ради земскаго порядка и выводитъ происхожденіе русскихъ князей отъ знаменитыхъ иноземцевъ (норманскіе конунги въ XI вѣкѣ очень славились), самъ по себѣ еще не представляетъ ничего особенно нелѣпаго или невстрѣчающагося въ преданіяхъ другихъ народовъ. Таковымъ онъ сдѣлался впослѣдствіи, во времена татарскаго владычества —времена упадка древнерусской образованности, – отъ невѣжества переписчиковъ и составителей лѣтописныхъ сводовъ. По начальной лѣтописи Сильвестра Выдубецкаго, за море къ *Варягамъ* послали просить князей разные народы Восточной Европы, а именно: „Русь, Чудь, Словѣне (Новгородскіе), Кривичи и Весь". Но въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ сводахъ лѣтописныхъ это мѣсто было искажено; вмѣсто того, чтобы къ Варягамъ, въ числѣ другихъ первою обращалась Русь, выходило теперь, что *къ Варягамъ Руси* послали пословъ Чудь, Словѣне, Кривичи и пр. Такимъ образомъ и самъ многочисленный Славянскій народъ Руссовъ превратился въ какую-то горсть иноплеменныхъ выходцевъ, пришедшихъ изъ-за моря въ нашу землю вмѣстѣ съ призванными князьями. Это, хотя ни съ чѣмъ несообразное, извѣстіе однако долгое время повторялось не только въ старинныхъ лѣтописныхъ сводахъ, но и въ сочине-

ніяхъ позднѣйшихъ ученыхъ историковъ. Но да не поставимъ того въ укоръ покойникамъ, трудившимся и писавшимъ по своему крайнему разумѣнію. Не всякая историческая истина легко дается отдаленному потомству.

Итакъ многая слава и честь нашимъ предкамъ, вѣковыми трудами, потомъ и кровью стяжавшимъ Русскую землю и создавшимъ великое Русское государство!

Среднее Приднѣпровье обѣихъ сторонъ, между устьями Березины и Роси приблизительно— вотъ тотъ край, который въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ служилъ колыбелью русской народности и русской государственной жизни. Главными центрами этой жизни были три города, древность которыхъ восходитъ ко временамъ доисторическимъ, именно: *Кіевъ, Черниговъ* и *Переяславль*. Уже изъ самыхъ раннихъ договоровъ съ Греками мы видимъ, что послы и торговцы *(гости)* этихъ трехъ городовъ часто проживали въ Царьградѣ и пользовались тамъ разными льготами. Послѣ Ярослава I вся Русь раздѣлилась между его сыновьями на три части по тѣмъ же тремъ стольнымъ городамъ, и отдаленныя области русскія долгое время были какъ бы приписаны къ этимъ главнымъ удѣламъ.

Когда съ вершины Кіевскихъ холмовъ вы смотрите на юговостокъ внизъ по теченію Днѣпра, то при ясной погодѣ можете вдали усмотрѣть очертанія Переяславля. Немного въ большемъ разстояніи на сѣверовостокъ отъ Кіева лежитъ Черниговъ (166 верстъ). Но и это разстояніе было таково, что русскіе князья и дружинники верхомъ проѣзжали его въ одинъ день. Владиміръ Мономахъ въ своемъ „Поученіи дѣтямъ“ говоритъ, что когда онъ княжилъ въ Черниговѣ, то, выѣхавъ рано поутру, вечеромъ пріѣзжалъ въ Кіевъ къ отцу своему, великому князю Всеволоду Ярославичу. Въ теченіе послѣднихъ вѣковъ русская жизнь отхлынула въ другія мѣста, нашла другія средоточія, и въ наше время край, гдѣ когда-то кипѣла дѣятельность политическая, торговая и промышленная, едва сохраняетъ нѣкоторые памятники, говорящіе о его минувшемъ значеніи.

Кіевъ, живописно раскинутый по холмамъ и удольямъ праваго днѣпровскаго берега и нѣсколько возродившійся изъ пепла послѣ цѣлаго ряда татарскихъ погромовъ, напоминаетъ періодъ своего господства надъ всею Русью и вмѣстѣ своихъ дѣятельныхъ сношеній съ Царьградомъ тремя великолѣпными произведеніями византійско-русскаго стиля, каковы: Софійскій соборъ, Печерскій храмъ Успенія и златоверхій Михайловскій монастырь. Изъ нихъ свой первоначальный видъ наиболѣе сохранила св. Софія съ ея *Нерушимой Стѣной* или среднимъ алтарнымъ полукружіемъ, которое покрыто роскошными мозаичными изображеніями, и съ ея мраморною гробницею своего строителя Ярослава I. Еще менѣе говоритъ о своей прежней славѣ настоящій Черниговъ, расположенный по гребню холмовъ праваго берега Десны (такъ называемыя Болдины горы). Хотя въ этомъ бывшемъ гнѣздѣ энергичнаго племени Ольговичей и можно разыскать нѣсколько остатковъ древности, но только соборный храмъ Спаса, современникъ Кіевской Софіи, своимъ изящнымъ стилемъ переноситъ наше воображеніе въ эпоху перваго христіанскаго періода Русской исторіи. А близлежащіе огромные могильные курганы при своемъ вскрытіи представили замѣчательные образцы древняго вооруженія, одежды, домашней утвари, хотя и сильно попорченные огнемъ. Эти образцы переносятъ насъ въ еще болѣе раннюю, т. е. языческую эпоху, когда русскіе князья и бояре по смерти своей были торжественно сожигаемы на кострѣ со всѣми своими любимыми предметами.

Наконецъ, Переяславль, расположенный въ ровной, низменной мѣстности, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Днѣпра, на его лѣвомъ притокѣ Трубежѣ, при сліяніи съ послѣднимъ небольшой, но исторической рѣчки Альты—теперь не болѣе какъ бѣдный уѣздный городокъ, ничѣмъ ненапоминающій о своей давноминувшей славѣ, по крайней мѣрѣ ничѣмъ на поверхности земли. Исчезли каменныя стѣны его дѣтинца или кремля вмѣстѣ съ соборнымъ храмомъ св. Михаила, построенные епископомъ Ефремомъ, современникомъ Всеволода Ярославича. Нѣтъ слѣдовъ и того *баннаго строенія,* которое, на удивленіе жителямъ, было воздвигнуто тѣмъ же епископомъ Ефремомъ. (Вѣроятно это были термы или публичныя бани, наподобіе греческихъ; Ефремъ долго жилъ въ Греціи и отличался особою страстью къ постройкамъ.) Не осталось и слѣдовъ отъ прекраснаго Борисоглѣбскаго храма, воздвигнутаго Владиміромъ Мономахомъ на мѣстѣ убіенія св. Бориса, т. е. на берегу Альты, верстахъ въ трехъ отъ города. Все было сожжено и разрушено кочевыми варварами, какъ саранча налетавшими изъ сосѣднихъ степей. Судьба этого города краснорѣчиво свидѣтельствуетъ, почему Русская жизнь должна была постепенно отходить далѣе на сѣверъ и созидать себѣ другія средоточія.

Москва. Октябрь 1880 г. *Д. Иловайскій.*

СѢВЕРНАЯ РОССІЯ.

Крайній сѣверъ и сѣверовостокъ Европейской Россіи.

ГУБЕРНІИ: АРХАНГЕЛЬСКАЯ И ВОЛОГОДСКАЯ СЪ БѢЛЫМЪ МОРЕМЪ,
НОВОЮ ЗЕМЛЕЮ И СѢВЕРНЫМЪ ОКЕАНОМЪ.

ОЧЕРКЪ I.

ПЕРВОБЫТНЫЙ ЛѢСЪ.

Лѣсная опушка мерзлой сѣверной степи. — Красный лѣсъ. — Тайбола, тайга и урманы. — Раменья. — Лѣса — мендовые и кондовые. — Боры и боровой обитатель. — На току. — Сосна и ель со спутниками. — Бѣлка. — Уремы, пармы, колки, уймы и прочія разновидности лѣсныхъ насажденій. — Лѣсной разбойникъ. — Лисицы. — Гривы, дебры, доръ. — Смѣшанные лѣса. — Начало чернолѣсья. — Рябчики. — Три растительныя полосы хвойныхъ лѣсовъ. — Непролазная глушь. — Сюземы и калтусы. — Буреломъ. — Дятелъ. — Лѣсные ужасы. — Лѣшій. — Медвѣдь. — Сохатый и олень. — Еловые боры. — Холодильникъ природы. — Болота и ихъ разновидности: трясины, согры, крѣпи и т. д. — Болотная птица. — Журавль. — Источники текучихъ водъ. — Лѣсной человѣкъ. — Могущество лѣсной природы и ея вліяніе. — Міросозерцаніе бродячихъ дикарей. — Религіозный культъ и жертвы. — Шаманская вѣра. — Основныя и общія черты характера лѣсовиковъ. — Вліяніе лѣсовъ. — Причины и основы бродячей жизни и ея первобытныя формы. — Жилища. — Одежда. — Пища. — Способы охоты и ловецкіе снаряды: путики, слопцы, пасти, капканы и проч. — Семейство дикарей. — Характеристическая черта нравовъ. — Зачатки осѣдлости.

Лѣсныя работы.

Первая застава великая:
Стоятъ лѣсы темные
Отъ земли и до неба:
Ни стиглому, ни сбѣглому
Проходу нѣтъ;
Ни удалу добру-молодцу
Проѣзду нѣтъ.

Богатырскій эпосъ «про Егорья-свѣта храбра» рисуетъ такимъ образомъ первое препятствіе на пути богатыря послѣ того, какъ онъ изъ заточенья въ глубокихъ погребахъ выходилъ на Святую Русь, увидалъ свѣта бѣлаго, солнца краснаго.

Передъ этой лѣсной стѣной, заставившей сказочнаго богатыря призадуматься, остановимся и мы вмѣстѣ съ нимъ и попробуемъ также проникнуть въ эти темные дремучіе лѣса, — именно дремучіе, т. е. непочатые и сплошные, вѣковые и недоступные.

Мы только-что проѣхали, оставивъ теперь позади себя ту мертвую, безплодную равнину, которая, подъ именемъ тундры, выстилаетъ всю безлѣсную часть сѣверной Россіи, наклоненную къ Ледовитому океану и непосредственно примыкающую къ его берегамъ. Еще на нашихъ глазахъ послѣдніе остатки этого громаднаго ледянаго царства, въ которомъ не хотятъ жить даже камни, разсыпаясь отъ жестокихъ морозовъ въ дресву и вывѣтриваясь на бѣшеныхъ вѣтрахъ въ мелкій песокъ. Глазъ ничего не видитъ, кромѣ бѣлой пелены оленьяго моха-ягиля, который уцѣпился на болѣе сырыхъ и влажныхъ мѣстахъ. Онъ своимъ бѣлымъ цвѣтомъ кажетъ тундру и среди лѣта покрытою снѣгомъ. Взоръ нашъ отдыхаетъ только на красновато-ржа-

выхъ полосахъ, означающихъ болѣе возвышенныя и сухія мѣста, гдѣ выросли красные стебельки кукушкина льна. Онъ да ягиль, да десятка два сортовъ различныхъ мховъ и скромно запрятавшихся между ними явноцвѣтныхъ растеній — представляютъ единственную растительность тундры, исключительныхъ жильцовъ ея, и то потому, что они умѣютъ искать для себя пищу на поверхности почвы, не разсчитывая на глубину, гдѣ въ $1^1/_2$ — 2 четвертяхъ лежитъ уже вѣчный, нетающій ледъ. Здѣсь нѣтъ мѣста и ничего для жизни древесныхъ породъ, многовѣтвистые корни которыхъ ищутъ многихъ точекъ опоры, рыхлой земли и питательной почвы. То, что называется въ тундрѣ ерникомъ и сланкой, не то, что мы привыкли называть ивнякомъ и березою, а многоствольный кустарникъ, который съ трудомъ распознаешь въ моховыхъ подушкахъ и легко выдираешь оттуда его чахлыя и длинныя плети. По вершинамъ этихъ деревьевъ мы пріѣхали на южный предѣлъ тундры, нисколько того не подозрѣвая и не замѣтивъ. На Печорѣ, подъ Пустозерскомъ, пробовалъ обманывать наши глаза приземистый ивнякъ, обѣщалъ издали отдѣльный лѣсокъ (когда настоящіе сплошные лѣса остались у насъ на 200 верстъ позади); но, по мѣрѣ углубленія вдаль, мы видѣли лишь разстилавшіеся у ногъ нашихъ несчастные кусты и черезъ вершины дальнихъ изъ нихъ, на ровномъ какъ доска мѣстѣ, за 10 верстъ отчетливо различали низенькую деревянную церковь самаго «Городка» отъ кучки домовъ, обступившихъ церковную площадку.

Ничѣмъ неповинна безучастная тундра въ томъ, что ивнякъ покрываетъ иловатые берега рѣкъ, предохраняя ихъ отъ обнаженій летучаго песка, свойственнаго внутреннимъ мѣстностямъ необозримой полярной степи, но если мѣстами ростетъ корявая лиственица и худорослая ель, то тундра здѣсь наложила свою тяжелую руку: лиственица не подымается свыше $1^1/_2$ саженъ, не имѣетъ больше трехъ вершковъ толщины въ діаметрѣ у пня, и сплошь и рядомъ совершенно лишена вѣтвей. Занесъ ли сюда древесное сѣмя вѣтеръ или затащила и обронила его на землю перелетная птица, — во всякомъ случаѣ одиноко поставленныя деревья эти кажутся непрошенными гостями, бездольными сиротами, дни которыхъ сочтены и жизнь ничѣмъ не обезпечена. Особенно жалкою показалась намъ въ этомъ случаѣ ель, вообще неприхотливая на почву, не предъявляющая претензій на сухую и рыхлую, умѣющая разстилать свои корни на самой поверхности земли и потому кажущаяся всегда поставленною какъ бы на ходуляхъ. Благодаря этому свойству корней, ель уходитъ дальше всѣхъ къ сѣверу за предѣлы лѣсной растительности. Еловыми, сорными и неопрятными, лѣсами начинается тотъ дремучій лѣсной океанъ на буграхъ печорской и мезенской тундры, который во времена древней Руси тянулся непрерывно, а нынѣ простирается, съ перерывами, на юго-востокъ до верховьевъ рѣки Урала и на югозападъ до предгорій Карпатъ и политической нашей границы.

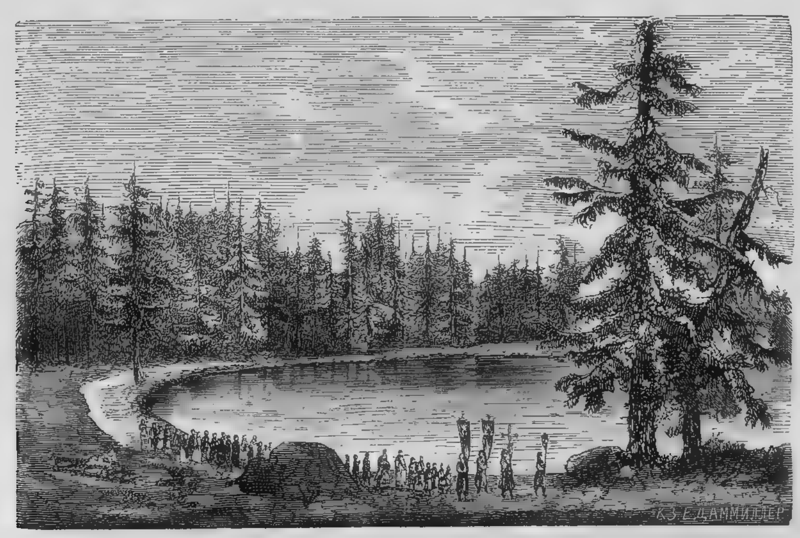
Такимъ образомъ хвойные (или, ближе по-русски, красные) лѣса выступили первыми на борьбу съ палящими морозами мерзлой пустыни, знаменующими себя приниженіемъ и истребленіемъ всякой кустарниковой и травяной растительности, — тѣ лѣса, которые въ сплошныхъ и непрерывныхъ насажденіяхъ извѣстны въ европейской Россіи подъ общимъ именемъ *тайболы*, въ западной Сибири подъ названіемъ — *урмановъ*, въ восточной Сибири — *тайги*. Густое и безконечное обиліе древесной растительности, такъ сказать, лѣсистость этихъ чащобъ наиболѣе свойственна хвойнымъ лѣсамъ. Она поражаетъ воображеніе величіемъ и страхомъ во время бури, навѣваетъ тихія, успокоительныя и дремотныя думы во время затишья. Прислушавшійся и приглядѣвшійся народъ справедливо придалъ имъ образное прозваніе дремучихъ и темныхъ за тотъ матовый оттѣнокъ днемъ и густой мракъ ночью, которые, подобно безпросвѣтной ночи, лежатъ на ихъ сплошныхъ насажденіяхъ, рѣзко оттѣняя на свѣтломъ фонѣ небеснаго горизонта черное море этихъ страшныхъ лѣсовъ.

Всякому храму нуженъ притворъ,—всякому лѣсу предшествуетъ подлѣсье, наиболѣе извѣстное народу подъ словомъ *раменья*. Опушка дремучихъ хвойныхъ лѣсовъ, очевидно, указываетъ на близость страшнаго сосѣда и ясно свидѣтельствуетъ, что борьба трудна, и, при правильно затѣянной и веденной атакѣ, перевѣсъ далеко не на сторонѣ лѣсовъ. Правда, что деревья успѣли встать

Сосновый боръ

во весь свой ростъ (вѣтвистыя, кудрявыя или въ особенности стройно и дерзко), сумѣли захватить разомъ огромныя пространства земли на боевомъ полѣ, скучились и сгрудились большими общинами одной породы и одинаковой крѣпости, каждое дерево готово на защиту сосѣда, и всѣ вмѣстѣ, плотнымъ и тѣснымъ строемъ своимъ, упорно отстаиваютъ занятое мѣсто. Однако передніе борцы кажутся таковыми только по виду. Сановитость ихъ обманчива: внутренніе органы живущаго тѣла поражены тяжелымъ и мучительнымъ недугомъ. Эти жильцы бѣлаго свѣта непрочны и никуда негодятся. Страшный и неумолимый врагъ не дремалъ.

Красный лѣсъ.

Деревья подлѣсья лѣсной полосы Россіи медленно растутъ въ толщину: коротенькихъ лѣтнихъ жаровъ достаточно лишь на то, чтобы выгнать молодые побѣги. Они вырастаютъ на счетъ древесины, стволы оттого становятся столь дряблыми, что достаточно легкаго толчка или нажима плечомъ, чтобы переломить ихъ. Намъ попался на прогалинѣ еловаго лѣса цѣлый березникъ съ голыми сучьями, которые, какъ костяки ночнаго привидѣнія въ клочьяхъ бѣлаго савана, простирались къ туманному и тусклому небу, съ мольбою и жалобою на безжалостную тундру: она выпустила леденящую струю мороза, и попалила ею весь этотъ лѣсъ, такимъ образомъ безвозвратно и непоправимо замершій.

Такова лѣсная опушка, таковы раменья дремучихъ хвойныхъ лѣсовъ или сѣверной архангельской тайболы, которая уже на берегахъ рѣкъ Кулоя, Пинеги и Ижмы представляетъ всѣ разновидности лѣса, отмѣченныя въ русскомъ народномъ языкѣ особыми именами.

Глубоко врѣзалась своими корнями неразборчивая на почву сосна, самое распространенное въ холодныхъ странахъ дерево, дающее, по отношенію къ прочимъ древеснымъ породамъ, 43—45% (ель и пихта 26—28, береза 15—18, кедръ 2—3%). Сосна, достигающая на хорошей почвѣ до 7 саженъ въ длину до первыхъ сучьевъ и отъ 7 до 10 вершковъ въ верхнемъ отрубѣ, не умѣетъ различать болота отъ песчаной земли, плодороднаго суглинка отъ известковой почвы. Ей лишь бы укрѣпить въ глубокой почвѣ того или другаго и пятаго сорта свой длинный и крѣпкій, какъ рѣдька, корень. Да былъ бы свѣтъ, который сосна очень любитъ. Дерево отъ дерева садится въ извѣстномъ разстояніи, чтобы не глушить сосѣда и не дѣлать такихъ непролазныхъ чащей,

на которыя преимущественно охотливы и способны еловые лѣса. Около Уральскихъ горъ сосновые лѣса представляютъ роскошные и красивые парки, какъ-бы искусственно засѣянные и прочищенные. Здѣсь успѣшному произрастанію лѣсовъ способствуютъ благопріятныя мѣстныя условія: добротность почвы и соотвѣтственность климата. Сосновые лѣса, выросшіе на низменныхъ и мокрыхъ мѣстахъ, которыхъ такое неисчислимое и неодолимое множество въ тайболѣ, еще не владѣютъ подобающими имъ свойствами: это *мяндачъ;* лѣса эти — *мендовые.* Деревья изъ этого лѣса, всѣ сплошь и безъ исключеній, съ рыхлой древесиной бѣловатаго цвѣта, который въ отрубѣ скоро синѣетъ; выросло дерево криво, рѣдкослойно, съ толстой заболонью и совсѣмъ не смолисто. Эта сосна — болотная, дерево самыхъ сѣверныхъ хвойныхъ лѣсовъ, смѣнившихъ тундру.

Изъ болота сосновый лѣсъ вытянулся на возвышенности и укрѣпился корнями въ сухой почвѣ, всего чаще по супеси: такой лѣсъ называется *боромъ* (безразлично — будетъ-ли онъ сосновый или еловый). На борахъ растетъ уже другой сортъ сосны—*конда*, и боровой лѣсъ называется *кондовымъ.* Онъ обладаетъ противоположными и наилучшими свойствами: слои древесины мелки и смолисты, блонь небольшая, цвѣтъ древесины красноватый; на сухомъ деревѣ этого сорта гулко звенитъ топоръ и съ трудомъ отбиваетъ щепу. Выстроенные по Двинѣ и по Бѣлому морю изъ этого кондоваго лѣса Божьи храмы выстаиваютъ третью сотню лѣтъ. На бору такой же и грибъ — рыжикъ, непремѣнный спутникъ сосновыхъ лѣсовъ: очень твердый и сочный, дающій въ надломѣ сокъ такой-же красный, какъ животная кровь. Въ этихъ же сухихъ борахъ, гдѣ къ соснѣ охотливѣе приселяются всѣ другія породы хвойныхъ деревьевъ и въ особенности можевельникъ, въ сосѣдствѣ съ крупною ягодою брусникою (боровикою) и на ея счетъ, водится особая лѣсная птица изъ породы тетеревей — боровикъ или собственно косачъ (гораздо крупнѣе полеваго, и повидимому помѣсь тетерева и глухаря).

Унаслѣдовавъ отъ глухаря любовь къ уединенію и чрезвычайную боязливость, боровикъ по примѣру тетерева-косача самая осторожная птица, дѣлающая охоту наиболѣе заманчивою и для записныхъ охотниковъ превращающая ее въ особенное наслажденіе. Какъ оба родича его, онъ сохраняетъ ту же приверженность къ роднымъ мѣстамъ, которыхъ не покидаетъ и на зиму: не дѣлаетъ перелетовъ и не строитъ гнѣздъ, ограничиваясь вырытой въ пыли и пескѣ ямой, лишь бы освѣщалась она солнцемъ. Боровики, также какъ и глухари съ тетеревами, не живутъ парами (по подобію близкихъ сосѣдей своихъ — рябчиковъ), а пребываютъ въ многоженствѣ. Ранней весной, около этихъ мѣстъ, гдѣ въ борахъ особенно много буреломныхъ гнилыхъ колодъ, тетерева совершаютъ свои знаменитыя любовныя игры—*на-току.* Дерзко выступая впередъ гордой походкой, подобно индѣйскому пѣтуху, эта очень большая птица, распустивъ вѣеромъ хвостъ, токуетъ, зазывая самокъ, т. е. пыхтитъ и бормочетъ далеко прежде, чѣмъ заря возвѣститъ о наступленіи дня. Она машетъ при этомъ крыльями, надуваетъ горло, судорожно шевелитъ его длинными черными перьями, семенитъ ногами взадъ и впередъ и ворочаетъ какъ опьянѣлый глазами. Глаза въ окружномъ кольцѣ красныхъ бородавокъ придаютъ еще болѣе свирѣпый видъ и безъ того величественной фигурѣ. Только это время благопріятно зоркому охотнику, потому что токующій тетеревъ легко на этотъ моментъ измѣняетъ себѣ и перестаетъ сторожиться. Еще мгновеніе — и онъ снова придетъ въ себя, и опять нервозно-чутокъ и безпредѣльно-остороженъ. Чутокъ особенно токовщикъ-запѣвало, старая птица, который собираетъ другихъ самцовъ на птичій праздникъ. Если онъ попадется опытнымъ охотникамъ живьемъ въ силки, его тотчасъ же выпускаютъ: иначе разлетится все стадо, и токъ (обыкновенно на прогалинкѣ), на которомъ вся трава вытолочена и гладко утоптана птицей, опустѣетъ. Въ маѣ самка, разлучившись съ самцомъ, ищетъ укромнаго и тѣнистаго мѣста въ верескѣ, гдѣ, невидимо и уединенно, она выводитъ цыплятъ.

Разнообразясь полянами и переходя мѣстами въ тѣ узкія полосы, которыми соединяются два лѣса и которыя называются *перелѣсками*, сосновые боры неизмѣнно тянутся на цѣлыя сотни верстъ, изрѣдка допуская къ себѣ лишь мелкія деревья или кусты березы. Сильнаго

и самостоятельнаго сосѣдства хвойные лѣса вообще не терпятъ. Довольныя малымъ, хвойныя деревья, при необщительности, крайне неуживчивы, но за то не погибаютъ и въ одиночествѣ. Не задумываясь тѣснить и выживать сосѣда, они на этотъ случай владѣютъ сильными средствами и губительными свойствами. Именно, осыпая хвою, они приготовляютъ такую почву, которая не пригодна ни для какой растительности. Въ особенности мертвятъ всякую почву твердыя, густыя и трудногніющія иглы ели, лежащія у корней дерева толстыми слоями. Ко всему этому природа снабдила хвойныя породы сильнымъ и торопливымъ ростомъ (доходящимъ у сосенъ и елей до 22 саженъ) и долголѣтіемъ. По количеству слоевъ древесины насчитывали нѣкоторымъ деревьямъ ели 300 лѣтъ, а сосны попадались старше 350 лѣтъ. Быстро выростая и укрѣпляясь на столь крупные періоды времени, хвойныя деревья замедляютъ ростъ деревьевъ лиственныхъ и уступаютъ имъ мѣста лишь на опушкахъ (березѣ), на берегахъ рѣкъ и рѣчекъ (калинѣ, вербѣ, ветлѣ, осинѣ, ивѣ и рябинѣ). Эти лиственныя деревья, наоборотъ, ищутъ компаніи, не гнушаются даже дурнымъ обществомъ и во всякомъ случаѣ обнаруживаютъ наибольшую способность и склонность къ общественной жизни.

Если и въ лѣсахъ, какъ и во всѣхъ другихъ проявленіяхъ и правилахъ жизни, требуются и существуютъ исключенія, то въ хвойныхъ ихъ немного: ель напр. выходитъ только на большія и высокія горы, не пренебрегая и скалистыми, уступая мелкія и каменистыя пихтѣ — своей вѣрной и неизмѣнной спутницѣ, которая однако не дерзаетъ перерастать и переживать своего покровителя (пихты выше 12 саженъ не бываютъ, больше 200 лѣтъ не растутъ). Гдѣ бы ни встрѣтился еловый лѣсъ (на горѣ ли, на болотѣ ли), гдѣ нибудь недалеко подлѣ стоитъ на землѣ твердо и поднимаетъ къ небу свою вершину, какъ будто огромное птичье гнѣздо, этотъ неотступный товарищъ ели. Пихта очень рѣдко выростаетъ самостоятельными чистыми насажденіями: пихтовники всегда коротки и неширокы.

Птичье гнѣздо.

Такія же исключенія, и также лишь въ пользу однородныхъ хвойныхъ породъ, позволяетъ себѣ и сосновый боръ, удѣляя мѣсто и снисходя покровительствомъ навязчивому товарищу — долговѣчной, живучей лиственицѣ. Она также любитъ свѣтъ, въ тѣснотѣ и темнотѣ также высоко очищается отъ сучьевъ и точно также даетъ долговѣчныя и прочныя бревна, изъ которыхъ предпочитали строить корабли.

А гдѣ сосна и пихта, тамъ выростаетъ, безъ разбора на сырой и каменистой почвѣ, всклоченное и безпорядочное видомъ, но превосходное внутренними качествами, дерево—сибирскій кедръ, къ сожалѣнію рѣдко растущій сплошнымъ лѣсомъ. По необычайной легкости своей, также очень пригодное для рѣчныхъ судовъ, дерево сибирскаго кедра обладаетъ еще тѣмъ драгоцѣннымъ свойствомъ, что приноситъ плоды—шишки съ орѣхами. Орѣхи питаютъ несмѣтныя стада веселаго, шаловливаго и рѣзваго звѣрка бѣличьей породы.

Прыгая съ дерева на дерево, бѣлки (или вѣкши) ищутъ пищу въ губкахъ или шишкахъ кедровъ и другихъ хвойныхъ деревьевъ. Бѣлка срываетъ съ самой крайней вершины еловую шишку, садится, граціозно и гордо вздымаетъ надъ веселой головкой пушистый хвостъ, и съ быстротой обезьяны щелушитъ плодъ и посвистываетъ. Исчезая въ одно мгновеніе, она на вѣтвяхъ другаго дерева продѣлываетъ тѣ же акробатическія штучки и воздушные полеты,

видимо беззаботно и откровенно. Но чуткое, какъ у лисицы, ухо настороженo. Смѣлые и зоркіе глазки быстро озираются. Подъ самымъ деревомъ лаетъ собака, но бѣлка наклонилась къ ней головкой, какъ будто интересуется только ею, хотя въ самомъ дѣлѣ замѣчено звѣркомъ не только ружейное дуло, но и самъ охотникъ, съ откинутой назадъ правой ногой и съ настороженнымъ на прицѣлѣ правымъ глазомъ. Собачьяго лая и глазъ бѣлка не боится, она даже любитъ ихъ, потому что, глядя на собаку, старается пококетничать и похвалиться искусствомъ, рѣзвится и прыгаетъ. Боится она только охотника. Увидѣвъ его, бѣлка взбирается все выше и выше, а тамъ, взмахнувъ хвостомъ, перелетаетъ въ густую хвою ели, гдѣ невидимо скрывается. Высоко цѣнится та собака, которая не теряетъ на это время шаловливаго звѣрка изъ виду. Когда холодно, бѣлка особенно рѣзва: самой опытной собакѣ не услѣдить за ней. Въ вѣтреную погоду она бѣгаетъ по землѣ и, завидѣвъ собаку, дѣлаетъ забавные прыжки и прислушивается.

Въ еловые лѣса переходитъ бѣлка въ первой половинѣ ноября, набѣгавшись (съ сентября) въ лѣсахъ лиственныхъ. Когда же послѣдніе даютъ мало пищи, звѣрокъ перепрыгиваетъ въ сосновые боры. Когда бѣлка *идетъ по ели* (т. е. въ ноябрѣ), она уже выспѣла: получила лучшую ость, сдѣлалась сѣраго или бусаго цвѣта. Въ это время начинается охота и продолжается до тѣхъ поръ, пока можно ходить людямъ на лыжахъ. На зиму бѣлка подвѣшиваетъ очень высоко гнѣздо изъ соломы и листьевъ, не гнушается и старымъ гнѣздомъ сороки, лишь набрасывая на него временную крышу. Въ сырую дождливую погоду бѣлка намокнетъ до того, что не въ силахъ скоро бѣгать, и въ это время любитъ въ этомъ, наскоро слаженномъ, гнѣздѣ поспать и попокоиться. При этомъ она все-таки оставляетъ маленькое отверстіе, чтобы время отъ времени обозрѣвать окрестность лѣсовъ.

Лѣса, чѣмъ больше и дальше тянутся на югъ, тѣмъ бываютъ смѣшаннѣе и разнообразнѣе. Изъ сплошной массы сосновыхъ и еловыхъ лѣсовъ, на тайгѣ и тайболѣ, выдѣляются *уремы* — поемные лѣса близъ берега рѣчекъ, большею частію березникъ и ивнякъ въ смѣси съ долговязой осиной. — *Пармы* — лиственныя лѣсонасажденія, гдѣ однако все еще преобладаетъ ель. Появляются *березовни* — лѣсная поросль по моховинѣ, означающая появленіе плодородной земли и переходъ болота въ твердую почву. Зеленѣютъ *поросняги* — мелкіе лѣсишки, похожіе пока на кустарникъ, и *рощи*, т. е. отдѣльные островки на сухомъ мѣстѣ, около жилыхъ мѣстъ, но уже не съ хвойными, а исключительно съ лиственными деревьями. Темная зелень можжевельника живописно вырѣзается здѣсь въ сверкающей бѣлизнѣ березовыхъ стволовъ. И опять выдѣляются на обширныхъ болотахъ лѣсные острова съ исключительнымъ хвойнымъ лѣсомъ, названные *колками*.

Здѣсь волчихи привыкли щениться, и вся разбойничья порода этихъ злодѣевъ предпочитаетъ такія мѣста всѣмъ другимъ разновидностямъ дремучихъ лѣсовъ, хотя въ сущности эти прожорливые и кровожадные звѣри по преимуществу бродяги. Для этого природа, на бѣду другихъ звѣрей и людей, поставила крѣпкое и неуклюжее волчье туловище на длинныхъ ногахъ. На нихъ «лютый звѣрь» скачетъ такъ быстро, что ни одна борзая поджарая собака не можетъ за нимъ угоняться. Одного скачка достаточно ему, чтобы врѣзаться въ горло зазѣвавшагося животнаго и повергнуть его о земь, съ широко и страшно-зіяющей раной. На темныхъ лѣсныхъ тропинкахъ волкъ становится поперекъ дороги и, при видѣ жертвы, прижимаетъ острорылую морду, таращитъ налитые кровью глаза, щетинитъ шерсть на хребтѣ, изгибаетъ спину, взвываетъ разъ сильно и сипло, щелкаетъ желѣзными зубами на подобіе пистолетнаго выстрѣла, и порывисто взметывается на оплошавшую добычу. Впрочемъ онъ ее всегда выжидаетъ, завалившись въ траву или за пень съ поразительнымъ терпѣніемъ и подолгу, если только не спугнетъ его внезапная искра, неожиданно налетѣвшій на древесную листву порывъ вѣтра, какой-нибудь другой изъ неизвѣстныхъ его сторожкому уху звуковъ. Волкъ столько же трусъ, какъ и хитрый хищникъ: испугъ доводитъ его иногда до оцѣпенѣнія.

Изъ тѣхъ же колковъ на дудочку изъ бересты выходитъ на охотниковъ изъ своихъ норъ и подземныхъ ходовъ полосатый звѣрокъ съ пятью черными и двумя бѣлыми продольными полосами — бурундукъ. На счастливыхъ и отсюда же выбѣгаетъ необыкновенно сильная, лукавая, весьма мужественная и отчаянная россомаха, опасная даже кровожаднымъ волкамъ.

Если отдѣльно выросшій лѣсъ не обладаетъ живымъ видомъ приглядной рощи, но кажется сумрачнѣе и дремучѣе суроваго колка, если этотъ, выдѣлившійся на тайболѣ хвойный лѣсъ, называемый въ отличіе отъ прочихъ *уймой*, достаточно сухъ и плодоносенъ, въ ней—по присловью—не безъ звѣря или, лучше сказать, кромѣ сейчасъ упомянутыхъ можно натолкнуться охотнику на горностая, лисицу и куницу.

Уйма.

Если длинный серебристый горностай, удостоившійся чести украшать царскія порфиры, предпочитаетъ лѣсамъ тундру, то лисица наиболѣе любитъ жить и прятаться въ густыхъ чащахъ лѣса, откуда выходитъ только за добычей. Въ своемъ лѣсу она твердо знаетъ всѣ выходы и входы, всѣ переулки и закоулки. Словно истинный отшельникъ, совсѣмъ разлучившійся съ міромъ и задичавшій въ лѣсной глуши, лисица выходитъ на вольный свѣтъ съ недовѣрчивостію, медленно. Каждый шагъ дѣлаетъ она съ опаской, всякій слѣдъ кладетъ съ твердымъ разсчетомъ и заметаетъ его пушистымъ хвостомъ. Вострую морду свою она держитъ насторожѣ, всегда противъ вѣтра, чтобы самой все слышать и знать и никому о себѣ не сказывать, чтобы и самаго запаха ея не было слышно. Когда она удачно вышла и на глазахъ ея, которые переливаютъ изъ сѣраго цвѣта въ зеленый, показалась добыча, она столь же стремительно, смѣло и ловко кидается на нее, сколько невинно и боязливо вышла изъ своихъ темныхъ затворовъ. Въ хитрости съ этимъ звѣремъ никакой другой не можетъ сравниться; она даже умѣетъ ловко притворяться подъ неудачнымъ выстрѣломъ мертвою, и если охотникъ счастливо застигнетъ ее врасплохъ, лисица постарается искусно обойти его. Она сама — опытнѣйшій охотникъ на всякую птицу и рыбу, даже на зайцевъ. Охриплымъ лаемъ этихъ звѣрей по ночамъ наполняются съ избыткомъ дремучіе наши лѣса, удаленные отъ жильевъ и неизвѣстные охотникамъ. Лисья порода многочисленна, и торговыя, прозванія ея разнообразны;

огневки — рыжія, бѣлодушки — желтыя съ бѣлой подшейкой, сиводушки — бурыя съ черной душкой и сивымъ пятномъ на крестцѣ, крестоватики — черныя съ желтизной или желтоватыя съ крестомъ на зашейкѣ и наконецъ черныя, чернобурыя, самыя дорогія и рѣдкія (иногда больше 300 руб., тогда какъ огневку можно купить и за 15 руб.).

Гдѣ сплошные дремучіе лѣса оставляютъ гладкія равнины и овладѣваютъ невысокими длинными возвышенностями, являются лѣсныя *гривы*. По покатостямъ горушекъ вырастаютъ лѣсныя полосы, на этотъ разъ съ замѣтнымъ преобладаніемъ лиственныхъ породъ. Издали эти гривы представляютъ увлекающій видъ, одно изъ живописнѣйшихъ явленій природы, навѣвающихъ на душу самыя разнообразныя впечатлѣнія, порой съ оттѣнкомъ захватывающаго сердце чувства страха и благоговѣнія передъ могучими и несокрушимыми силами природы, которыхъ скопилось такъ много разомъ и которыя теперь всѣ на виду. Если такія картины представляются съ горъ, то и горамъ этимъ и селеніямъ на нихъ присвоивается очень вѣрное и образное прозваніе *ширы*. Самыя же *росчисти* въ лѣсу (подсѣки или пожоги), воздѣланныя и оживленныя человѣческимъ трудомъ, носятъ повсюду неизмѣнное имя *доровъ* (доръ). Впрочемъ доры являются уже тамъ, гдѣ лиственные лѣса перестали считать ту межу своей, какая указана имъ хвойными породами, и вступили съ ними въ борьбу на жизнь и смерть. Именно въ этихъ смѣшанныхъ лѣсахъ можно прослѣдить ту борьбу, гдѣ бѣловатая ольха и осина, первыми застрѣльщиками изъ лиственныхъ, вступаютъ въ споръ съ елью, гдѣ на мѣстѣ дубовыхъ лѣсовъ немедленно появляется подкараулившая слабость сосѣда, болѣе прочная и устойчивая пихта. Береза же только и ждетъ того времени, когда испепелитъ случайный или нарочно пущенный огонь нетлѣнную хвою, покрывающую почву сосновыхъ лѣсовъ. Березовые лѣса, осиновыя рощи разстилаются по доламъ. Появляются *дебри*, т. е. такіе же неприступные, глухіе и частые лѣса, съ трещами и буреломомъ, но уже не хвойные красные, а лиственные черные, чернолѣсье *по раздолу* (въ равнинахъ между горъ и возвышенностей). А тамъ, гдѣ встрѣчаются въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ лѣса хвойные съ лиственными, и одни другимъ не мѣшаютъ (красные на горахъ повыше на сухихъ мѣстахъ, черные на низу по влажнымъ долинамъ), народился живой представитель и характерный типъ въ пернатомъ царствѣ лѣснаго бродяги, постоянно мѣняющаго мѣсто и не привычнаго къ осѣдлой жизни. Это — рябчикъ, одинъ изъ видныхъ и благодарныхъ кормильцевъ голоднаго промышленнаго лѣснаго люда.

«Рябы, рябки» (какъ называетъ эту птицу народъ), вопреки обычаю другихъ пернатыхъ сосѣдей, живутъ парами и нагуливаютъ свое вкусное и нѣжное мясо, прославившееся въ цѣломъ свѣтѣ. Если мать выпускаетъ птенцовъ на свѣтъ божій въ лѣсныхъ трущобахъ, если вся ихъ семья со всѣми слетками (молодежью) отправляется на зимовку также въ недоступную лѣсную глушь, то затѣмъ у рябовъ и кончается всякая связь съ лѣсомъ. Этотъ бродяга лѣсной тѣмъ и отличается, что никогда не живетъ на одномъ мѣстѣ. Въ половинѣ марта рябчикъ прилетаетъ на опушки, потому что столько же любитъ близость полянъ и луговъ, на которыхъ растетъ любимая пища — кислица, щавель и трефоль. Самка, отлетая отъ самцовъ во второй половинѣ іюля, для вывода дѣтенышей, старается присмотрѣть такія прогалинки, по которымъ струилась бы рѣчка. Хвойные лѣса онѣ обѣгаютъ, лиственные у рѣчекъ, гдѣ много березы, ольхи и кустарниковъ, полагаются самыми лучшими. Когда поспѣетъ брусника — у рябчиковъ праздникъ; они опять остаются на токованье и откликаются на свистокъ (изъ гусинаго пера, налитаго водой). Въ сентябрѣ стада рябчиковъ столь многочисленны, что въ лѣсахъ стоитъ гулкій шумъ отъ ихъ перелетовъ. Стадами носятся они по перелѣскамъ и раменьямъ, отыскивая самый лакомый кусъ — ягоду рябины. Но такъ какъ ее далеко не хватаетъ на всѣхъ потребителей, то они въ это время на одномъ мѣстѣ не остаются дольше 6 — 7 часовъ. Съ постояннымъ сильнымъ шумомъ рябчики всей стаей снимаются съ мѣста и, такъ какъ въ это время бываютъ сыты и тяжеленьки, то и не отлетаютъ далеко, а садятся на близрастущія деревья и иногда въ такомъ великомъ множествѣ, что поражаютъ самаго привычнаго охотника. Впрочемъ,

Зырянинъ и волки.

осеннее множество птицы во многомъ зависитъ отъ весеннихъ и лѣтнихъ погодъ: холодная весна и ненастное лѣто во множествѣ губитъ молодыхъ. Стрѣляютъ рябковъ рано утромъ или часа за 2, за 3 до солнечнаго заката и выстрѣломъ мѣтятъ въ крайнихъ. Если попалъ онъ въ середину, вся стая разлетится на значительную даль и, вмѣсто деревьевъ, разсядется прямо на землѣ, гдѣ уже и не отличить птицы самому опытному глазу. Въ трофеяхъ у охотника, мѣтившаго въ стаю изъ 20 — 30 штукъ, только одинъ несчастненькій. Полное же несчастіе заключается въ томъ, что теперь надо бросать ружье за спину и кончать охоту: на землѣ рябки такъ чутки и осторожны, что и лисой къ нимъ не подкрадешься, а чтобы спугнуть на дерево, надо умѣть подражать шуму ихъ взлета. При глубокихъ снѣгахъ сильные вѣтры и вьюги съ мятелями, когда нельзя слышать шума полетовъ, считаются самыми неблагопріятными, равно какъ и то время, когда выпадаетъ снѣгъ и когда начнутъ усиливаться морозы. Благопріятною полагается погода пасмурная и дождливая, а лѣтомъ—урожай ягодъ. Стаями живутъ, въ стада собираются (табунятся) и подаютъ голоса наши вкусные рябчики только до ноября. Молодые остаются на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ вывелись; старики отправляются въ глушь лѣсовъ на зимовку, предпочитая старые ивовые, березовые, рябиновые вблизи рѣкъ и источниковъ. Здѣсь нерѣдко цѣлыми семействами, безъ дальнихъ размышленій и околичностей, эти стаи зарываются прямо въ снѣгъ.

Странствуя по лѣсамъ и волей-неволей наталкиваясь на звѣрей и птицъ, мы добрались наконецъ до такихъ мѣстъ, гдѣ лѣсная растительность все одолѣла и господствуетъ одна, нераздѣльно. Мы проникли въ самыя трущобы; добрались до такихъ дремучихъ лѣсовъ, которые слывутъ въ народѣ подъ именемъ *сюземовъ*.

На Печорѣ предварительная постепенность распредѣленія лѣсныхъ породъ выразилась въ слѣдующемъ видѣ, по тремъ характернымъ полосамъ лѣснаго царства:

Въ первой полосѣ, лежащей между 67° и 63° 30′ сѣв. шир. и 47° 30′ и 52° вост. долг., особенно замѣтно преобладаніе надъ березою и елью лиственницы. Кедра и пихты здѣсь еще нѣтъ. Ростъ деревьевъ замедленъ, вершины сухи, сердцевина гнила, лиственница дубловата; отдѣльныя деревья хвойныхъ породъ даже въ глубокой старости (около 300 лѣтъ) не достигаютъ размѣровъ свыше строевыхъ.

Во второй полосѣ, западнѣе первой (52° и 63° вост. долг.), является пихта—сначала одиночкой и малолистной, потомъ вкрапленно и группами, и наконецъ примѣтною примѣсью смѣшанныхъ лѣсныхъ участковъ въ формѣ строеваго дерева. Южнѣе 65° сѣв. шир. и восточнѣе 57° вост. долг. является впервые сибирскій кедръ, сначала мелкимъ деревомъ, но потомъ, вдоль Уральскаго хребта, достигаетъ значительныхъ размѣровъ, особенно въ толщину, и растетъ смѣшанно главнымъ образомъ съ елью. Самыхъ большихъ размѣровъ онъ достигаетъ на берегахъ Печоры. Лиственница въ этой полосѣ имѣетъ здоровую, крѣпкую, вполнѣ годную древесину, и составляетъ исключительно опушки рѣкъ и рѣчекъ, либо сплошныя, либо съ перерывами и въ ширину не больше одной версты. Сосна еще очень плоха, потому что маломѣрна и сильно страдаетъ отъ буреломовъ.

Третья полоса, направляющаяся къ югу отъ 63° сѣв. шир., обнимаетъ область почти чистыхъ сосновыхъ лѣсовъ. Лиственичныя опушки рѣкъ и рѣчекъ становятся рѣже и уже, ель, кедръ и береза произрастаютъ въ видѣ случайныхъ породъ, а пихта почти вовсе исчезаетъ. За то сосна, ель и кедръ до такой степени большемѣрны, что у каждаго жителя имѣются столы изъ цѣльныхъ досокъ до аршина ширины.

Уже появленіе кедровъ предсказываетъ намъ, что мы добрались до тѣхъ непролазныхъ и глухихъ мѣстъ, гдѣ самому смѣлому путешественнику не проставить ноги и самому настойчивому и дерзкому сказывается рѣшительное слово: «довольно, ни шагу дальше! Осмотрись: какая глушь и какъ страшно!»

Вотъ высокая стѣна колоссальныхъ стволовъ полегла на дорогѣ и столько же препятствуетъ ходу и преграждаетъ путь, сколько отнимаетъ надежды какимъ либо способомъ осилить ее и перелѣзть. Это — буреломъ: бѣшеная буря, которая топитъ корабли, прошла здѣсь и не задумалась свалить самыя крѣпкія и стойкія деревья и даже какъ будто намѣренно сокрушила именно ихъ, сдѣлавши предварительный тщательный выборъ. Черезъ высокіе пласты труповъ не перелѣзть, надо ихъ обходить, но при этомъ помнить, что глухая стѣна, видимая глазу на нѣсколько саженъ, въ самомъ дѣлѣ протянется нѣсколько десятковъ верстъ. И еще надо помнить, что недавніе трупы толстыхъ вѣтвистыхъ деревьевъ не одни; рядомъ и подъ ними, во всѣхъ степеняхъ тлѣнія, остатки прадѣдовъ, отжившихъ свой вѣкъ подъ тяжелою рукою свирѣпой бури. Они уже густо покрыты зеленымъ войлокомъ моха, по которому скользила бы нога, если бъ трухлявая рыхлая гниль, скрывавшаяся въ пуховыхъ подушкахъ, не замедляла ногъ, которыя вязнутъ здѣсь по колѣна. Но такъ какъ натлѣвающій пластами мохъ, въ своемъ перегноѣ, не отказываетъ пріютомъ и пищей свѣжимъ сѣменамъ, то на могилахъ и гробахъ прадѣдовъ выросло и потянулось къ тусклому свѣту просѣкъ и прочистей новое поколѣніе деревъ. Изъ нихъ, однако рѣдкому меньше 60—70 лѣтъ. За этими стѣнами находится уже самая чащоба, ядро темнаго, дремучаго лѣса, то, что называется *калтусами.* Эти мѣста обросли, можетъ быть, рѣдкими сосновыми насажденіями, среди которыхъ можно пройти свободно дальше, но они не доступны, и въ нихъ придется безконечно блуждать.

Сосновыя деревья имѣютъ несчастіе поразительно походить другъ на друга: сосновые боры и калтусы чрезвычайно однообразны. На сосновомъ деревѣ нельзя остановиться такъ, чтобы принять его за примѣту и за руководящій признакъ для выхода. Уловленный признакъ по уродливости дерева неизбѣжно повторяется въ другомъ на первомъ же десяткѣ шаговъ. Пойманный кончикъ выходной нити обрывается, — и путникъ начинаетъ блуждать, дѣлать круги, возвращаться къ прежнему мѣсту — до безсилія и изнеможенія, до отчаянія и голодной смерти, въ этомъ заколдованномъ кругѣ, который, по народному повѣрью, намѣчается *самимъ лѣшимъ.* Калтусы впрочемъ такія трущобы, которыхъ не любятъ даже самыя птицы, и изъ дикихъ звѣрей водится только мелкій: каковы летяга бѣлка (летучая) и бурундукъ. Крупный звѣрь здѣсь не находитъ для себя никакой пищи и потому не живетъ. Сюда можно иногда проникать, но только зимою на лыжахъ, и никто не бываетъ здѣсь, потому что нечего взять.

Вотъ и молодой лѣсъ, поторопившійся стройными рядами поднять свои кудрявыя вершины къ небу и свѣту, но однѣ изъ нихъ надломлены и совершенно оторваны, другія сплелись вмѣстѣ и своротены на стороны; наибольшая часть согнуты въ дугу и перепутались. Кажется, прошелъ здѣсь ураганъ и раскинулъ столь печальное зрѣлище, на самомъ же дѣлѣ на деревьяхъ этихъ полгода погостилъ снѣгъ и повисѣли ледяныя сосульки. Хвоя усердно подслужилась, сдержавъ тяжесть налета, и произвела цѣлый хаосъ, сквозь который невозможно продраться.

Вотъ деревья, расщепленныя молніей, съ подпаломъ и пожогами — въ прямое указаніе и въ отличіе отъ тѣхъ, которыя разрушены усердною работою цѣлыхъ стай дятловъ или миріадами червяковъ, предназначенныхъ природою спеціально для порчи хвойныхъ породъ. Особенно чувствительна къ болѣзнямъ и наиболѣе другихъ страдаетъ отъ насѣкомыхъ сосна (ель и пихта гораздо меньше, а лиственица не поддается врагамъ и страдаетъ очень мало).

Вотъ наконецъ и печальные остовы сгорѣвшихъ деревъ отъ пожаровъ, которые вообще не рѣдки, свирѣпы и опустошительны именно здѣсь, въ смолистыхъ лѣсахъ. Рядомъ съ деревьями, полными жизни, стоятъ и отжившія— съ переломанными вершинами и сучьями, безъ коры, мертвенно-блѣдныя, приговоренныя къ смерти и ожидающія ее съ первымъ прилетомъ бури. А до той поры имъ способенъ наносить серьезный вредъ и приближать опасность полнаго разлученія съ землей, даже такой ничтожный съ виду, маленькій ростомъ, но злой пернатый врагъ и губитель — дятелъ.

Дятлу указала природа жить во всѣхъ лѣсахъ безъ разбора и предназначила по преимуществу больныя и умирающія деревья, сердцевина и кора которыхъ кишитъ личинками насѣкомыхъ. Для этого природа сколотила ему крѣпкій черепъ и выковала длинный и сильный клювъ, такъ что вся голова птицы имѣетъ форму крѣпкаго долота. Долото это стукаетъ въ дерево и узнаетъ по звуку то, которое годится для его плотничьихъ работъ, сверлитъ кору и расщепляетъ древесину тѣхъ деревьевъ, которыя испортила гниль и червоточина. Тутъ неустанно, цѣлыми днями долбитъ дятелъ носомъ и крушитъ большіе дубы съ тою лишь ничтожною цѣлью, чтобы подловить на весьма подвижный и роговой языкъ всѣхъ червячковъ, которые, напугавшись его стука, выскочили изъ норъ и побѣжали. Для плотничьихъ занятій онъ надѣленъ способностью лазить по деревьямъ (однако только вверхъ) и не оставляетъ ихъ даже въ ночную пору. Въ это время странное стуканье гулко разносится по цѣлому лѣсу, а острые и пронзительные крики испуганной птицы и ея шумный полетъ дугообразными линіями умѣютъ увеличить лѣсные страхи, и безъ того сильные въ ночной тишинѣ дремучаго лѣса. Дятламъ помогаютъ въ томъ и таинственные тяжелые полеты, также вкривь и вкось, вылетающихъ на ночную добычу совъ и филиновъ. Эти въ особенности охотно избираютъ лѣсныя трещи и захолустья, чтобы въ самой густой тѣни еловыхъ лѣсовъ спрятаться отъ докучливаго и невыносимаго для ихъ глазъ дневнаго свѣта. Ночью, какъ блуждающая тѣнь, неслышно парящая надъ травою полянъ и подъ тѣнью деревъ, эта ночная птица даже на смѣльчаковъ умѣетъ навести страхъ, и сверкающимъ фосфорическимъ блескомъ глазъ, и горловымъ воемъ. Между страшными голосами ночи нѣтъ болѣе ужасныхъ звуковъ, грудныхъ и свистящихъ, которые переходятъ въ шипящее сопѣнье, послѣ чего страшная птица начинаетъ задыхаться и хрипѣть. Обманывается путникъ и очень легко принимаетъ этотъ крикъ за отчаянную мольбу погибающаго въ трясинѣ или осажденнаго со всѣхъ сторонъ кровожадными звѣрями несчастнаго, заблудившагося человѣка.

Только птицамъ подъ стать и подъ силу темные сюземы, съ калтусами, въ которые, если удалось человѣку войти, то не удастся выйти. Это такая глушь, на которой останавливаются и глохнутъ даже огненныя моря лѣсныхъ пожаровъ. Сюземы страшны уже тѣмъ, что на каждомъ шагу рядомъ съ молодой жизнью свѣжихъ порослей стоятъ, тутъ же подъ бокомъ и подлѣ, деревья, готовыя сейчасъ умереть и валяются у корней окончательно сгнившія и погребенныя. И еще страшнѣе кажутся сюземы тѣмъ, что въ нихъ вѣчный мракъ и постоянная влажная прохлада, постоянная перемѣна цвѣта изъ сѣраго въ зеленый и снова въ сѣрый. Всякое движеніе, кажется, замерло; всякій крикъ, даже и не такой рѣзкій какъ дятла и хриплый какъ совы, пугаетъ до мурашекъ и дрожи въ тѣлѣ. Колеблемые вѣтромъ стволы трутся одинъ о другой и скрипятъ такъ, что вызываютъ острую ноющую боль подъ сердцемъ. А такъ какъ всякій лѣсъ имѣетъ свой голосъ (березовый шелеститъ, липовыя рощи лепечутъ, хвойные шумятъ, иные трещатъ), то въ сюземахъ всѣ эти голоса ужасаютъ. Здѣсь чувство тягостнаго одиночества и непобѣдимаго страха постигаетъ всякаго человѣка, какія бы усилія онъ надъ собою ни дѣлалъ, къ какимъ бы притворствамъ ни прибѣгалъ.

Именно здѣсь, въ этихъ трещахъ, по народному повѣрью лѣсныхъ жителей, поселился и живетъ издревле лѣшій, который любитъ обходить непрошеныхъ гостей такъ, что и съ молитвой, и съ наложеніемъ крестнаго знаменія, и надѣвши все платье на изнанку, изъ владѣній злаго духа не выйдешь. Народная фантазія представляетъ его себѣ настолько хитрымъ, что онъ умѣетъ подражать человѣческому ауканью и, надъ поддавшимся обману, страшнымъ нечеловѣческимъ голосомъ хохочетъ и свищетъ. Въ лѣсу онъ равенъ высочайшимъ деревьямъ, въ поляхъ и лугахъ принижается до роста мельчайшей травы. На бездѣльѣ иногда онъ поетъ во все горло почти съ вечера до полуночи, но не любитъ подголосковъ пѣтуха, съ первымъ выкрикомъ котораго немедленно замолкаетъ. Любитъ поиграть съ товарищами въ карты и проигрываетъ имъ бѣлокъ, зайцевъ и мышей-полевокъ изъ своего лѣса (гдѣ онъ почитается главнымъ хозяиномъ

и полнымъ властелиномъ). Расплатой проиграннаго лѣшимъ долга, т. е. перегономъ звѣрей изъ одного лѣса въ другой, объясняютъ въ тѣхъ мѣстахъ нерѣдкія и громадныя ихъ переселенія изъ однихъ сюземовъ въ другіе.

Любитъ слушать лѣсные крики и не боится ихъ, обожаетъ одиночество и вслушивается въ страшную тишину сюземныхъ трещей дѣйствительный житель нашихъ сѣверныхъ лѣсовъ, почтенный бродяга, неуклюжій и забавный простакъ и первый лѣсной комикъ — косолапый медвѣдь, костоправъ Михайло Потапычъ Топтыгинъ въ почестяхъ, Мишка Раменскій — попросту, лѣсной архимандритъ, сергачскій баринъ, сморгонскій студентъ — въ насмѣшку. Въ раменьяхъ онъ охотнѣе шатается, потому что они ближе къ овсамъ и сами покрываются ягодами, въ особенности кустами малины (когда успѣетъ послѣ пожара или бури завязаться молодая поросль). Въ глухихъ сюземахъ онъ укладывается спать на цѣлую зиму. На каждомъ шагу готовы ему здѣсь удобныя логовища — выбирай любое. Вотъ вѣтровалъ, гдѣ, вырванное дерево съ корнемъ навѣсилось надъ моховой периной словно нарочно сложеннымъ шалашомъ. Вотъ другое, вѣтробойное дерево, свалившееся на бокъ, выдрало много земли и образовало яму, очень удобно прикрытую густыми бородами, широкими бахромами налипшаго и навѣсившагося моха. А вотъ и настоящіе буреломы, т. е. поломанныя и переломленныя деревья и упавшія такъ, что образовали настоящія и глубокія пещеры, съ трехъ сторонъ задрапированныя моховыми коврами и подушками. Выходя отсюда съ наступленіемъ весны на промыселъ, все одинъ и тотъ-же съ неизмѣнными ухватками и застарѣлыми обычаями, онъ въ глазахъ охотниковъ: либо муравейникъ, маленькій, самый злой и лакомка (опускаетъ языкъ въ муравьиныя кучи, чтобы наслаждаться щекотаньемъ), либо стервятникъ — самый крупный и кровожадный, либо овсяникъ — большой сластена и трусъ. Всегда медвѣдь флегматикъ, иногда до такой степени, что проходитъ, волоса не тронувши, мимо набѣжавшаго на него прохожаго; и притомъ весь изъ крайностей: либо залѣзаетъ на крыши лѣсныхъ избушекъ, чтобы самымъ простодушнымъ образомъ обнюхать трубу, и бѣжитъ безъ оглядки отъ вспыхнувшей искры на загнеткѣ, отъ треска огня на шесткѣ, либо съ ревомъ подкатывается къ лошади, не соображая того, что у ней страшное для его челюстей оружіе, заключающееся въ заднихъ ногахъ съ желѣзными подковами; либо лѣзетъ на липовое дерево, чтобы полакомиться сладкимъ медомъ; либо остановится въ рѣкѣ поперекъ теченія и, образовавши собою заборъ или плотину, ловитъ рыбу; либо бросается въ сани проѣзжающей почты, спугиваетъ ямщика и почтальона, пугаетъ лошадей до бѣшенаго бѣга и самъ набирается такимъ страхомъ, что сидитъ и не шелохнется и доставляетъ почту на станцію, но самъ попадаетъ въ западню. Говорятъ, что онъ даже способенъ умирать со страху внезапно, и въ тоже время владѣетъ такой силой въ короткихъ переднихъ ногахъ, которыя не только гнутъ въ лѣсахъ дуги, но переламываютъ поперекъ и разрываютъ пополамъ беззащитныхъ и смирныхъ коровъ, не смотря на то, что онѣ ростомъ вдвое и втрое крупнѣе его. Охота на умнаго звѣря въ одиночку съ рогатиной или ружьемъ требуетъ большой осторожности и всегда очень опасна: онъ и человѣка старается переломить также поперекъ или снимаетъ съ головы его черепъ лапой. Медвѣдь — любитель музыки и ученый плясунъ, въ то же время большой пьяница. Развалистая походка и тяжелыя движенія дѣлаютъ его очень смѣшнымъ и забавнымъ; встрѣча съ нимъ глазъ-на-глазъ въ темныхъ сюземахъ дѣлается очень опасною, особенно весной и раннимъ лѣтомъ, когда отощалый звѣрь очень голоденъ и оттого золъ, и старается войти въ силу и тѣло.

Слѣдомъ за медвѣдемъ изъ сюземныхъ трущобъ, и притомъ самыхъ непролазныхъ, смотритъ на насъ несоразмѣрно большая, тяжелая голова лося, осѣненная на затылкѣ гривой, украшенная подъ горломъ длинной бородой. За отвислыми ушами торчатъ огромные рога въ формѣ лопатъ или вилъ, вѣсомъ до пятидесяти фунтовъ. Лось (извѣстный въ сибирскихъ лѣсахъ подъ именемъ сохатаго) вышиною съ лошадь, но длиннѣе ея. Его величественный видъ, когда животное цѣликомъ вырисуется передъ глазами, на столько внушителенъ, что заставляетъ содрогаться даже мужественнаго коня. И при всей массивности, онъ все-таки не страшится сюземныхъ

трущобъ, легко и вѣрно перескакиваетъ не только черезъ пни, но и черезъ буреломныя колоды. Ни одинъ потокъ его не удерживаетъ, никакой болотной трясины онъ не обходитъ и смѣло

Охота на лося.

заноситъ сюда копыта, которыя можетъ по произволу раздвигать широко и сжимать до возможной крайности. Когда съ раздутыми и фыркающими ноздрями, съ опущенной головой и

громко стуча задними копытами, выносится сохатый на поляну, тогда справа и слѣва трещатъ и сыплются, какъ щепа, древесные сучья и вѣтви. Въ лѣсахъ этотъ звѣрь вмѣстѣ съ оленемъ— ихъ украшеніе; для присяжныхъ охотниковъ онъ — самый соблазнительный. Лось, пришедшій въ ярость, очень страшенъ и опасенъ,—ударомъ ноги убиваетъ волка, владѣетъ острыми чувствами и способенъ по шуму упавшаго листа открыть близость опасности и присутствіе засѣвшаго въ засаду охотника. Между тѣмъ мясо его очень вкусно и одобряется, какъ рѣдкость; языкъ же и отвислыя губы (какъ у всѣхъ животныхъ оленьяго рода) можно принять за самое тонкое лакомство.

Когда зимой распалятся морозы и начнутъ леденить все живое, когда дышать уже нечѣмъ, и привычнымъ животнымъ становится не въ терпѣжъ,—сохатые и олени спѣшатъ забраться въ самыя срединныя трещи сюземовъ. Здѣсь, уткнувши въ снѣгъ морду, эти звѣри въ оцѣпенѣломъ положеніи отстаиваются до поры и времени, когда тундра перемѣнитъ гнѣвъ на милость. На этотъ разъ мѣстомъ спасенія дѣлается именно такое, гдѣ и оленья нога впервые прощупываетъ опору.

Кстати можно-бы сказать о родичѣ лося — оленѣ, но такъ какъ онъ предпочитаетъ лѣсамъ тундру, то и разсказы объ немъ умѣстнѣе тамъ. Въ лѣса олень заходитъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда выщиплетъ мохъ въ тундрѣ, и является въ еловыхъ, потому что эти, наиболѣе негостепріимные и не любящіе сосѣдства, лѣса охотно дозволяютъ приселяться нѣжному, изящному поколѣнію мховъ. Мхи, какъ коверъ въ подножіи, не покидаютъ еловыхъ лѣсовъ и въ самой густой ихъ тѣни, а гдѣ образуются просвѣты, допускающіе къ почвѣ солнечные лучи, тамъ прозябаютъ охотнѣе прочихъ ярко-розовые цвѣты копорскаго чая — кипрея.

Предпочитая одиночество, еловые лѣса въ то же время не любятъ и посѣтителя: растутъ непролазными, тѣсными насажденіями; поверхностные горизонтальные стелющіеся корни образуютъ столь густые плетни, что одолѣть ихъ не хватаетъ человѣческихъ силъ. Самыя болота, которыя ель также охотно обрастаетъ, дѣлаются еще болѣе недоступными. Еловые лѣса въ особенности являются сырыми и болотистыми: сама по себѣ ель выбираетъ мокрую почву и увеличиваетъ количество влаги еще тѣмъ, что сквозь свои густыя и лапчатыя вѣтви не пропускаетъ оживляющей теплоты и жара солнечныхъ лучей. Еловые лѣса въ данномъ случаѣ самые типическіе представители сѣверныхъ дремучихъ лѣсовъ, мокрыхъ и болотистыхъ по всему Заволочью, т. е. по всей той обширной странѣ, которая протянулась отъ волоковъ или водораздѣловъ рѣкъ, направляющихся на югъ въ Волгу и на сѣверъ въ Бѣлое море. На сколько эти лѣса владѣютъ избыткомъ влаги и сберегаютъ источники водъ, служатъ прямымъ указаніемъ эти самыя рѣки, большія и глубокія, и цѣлая почти сплошная цѣпь величайшихъ въ свѣтѣ озеръ и озерковъ, соединенныхъ такъ наз. *межитоками*, т. е. рукавами и рѣками.

Почва хвойныхъ и лиственныхъ лѣсовъ, защищенная вѣтвями и листьями, мало подвергается вліянію солнечныхъ лучей, чрезъ это въ значительной степени уменьшается и потеря въ ней влаги чрезъ испареніе, а также таяніе снѣговъ совершается очень медленно. Температура воздуха въ лѣсу оттого понижается, и вся безпредѣльная площадь дремучихъ лѣсовъ дѣлается такимъ образомъ громаднымъ холодильникомъ. Массы воздуха, носящіяся надъ лѣсомъ, въ избыткѣ насыщаются влагой, которая, подъ вліяніемъ различныхъ причинъ, сгущается въ облака. Лѣсъ въ дождѣ обратно получаетъ все то, что отдалъ въ атмосферу испареніемъ. Упавшую изъ дождя воду онъ снова начинаетъ сберегать, чему въ особенности способствуютъ мхи, обладающіе свойствомъ задерживать воду и съ медленною постепенностію передавать ее почвѣ. Точно также и водяные пары, поднявшіеся подъ вліяніемъ солнечныхъ лучей изъ моря и разсѣянные вѣтрами по всѣмъ направленіямъ, сгущаются въ дождь надъ лѣсами, именно потому, что здѣсь (опять-таки вслѣдствіе непрерывнаго испаренія) постоянно свѣжо.

Все это одновременно способствуетъ питанію ключей, изъ которыхъ образуются озера и рѣки,—и появленію болотъ со всѣми ихъ разновидностями и наименованіями: *топи*, или вязкаго

I, 11.

Охота съ рогатиной.

мѣста, изъ чего при благопріятныхъ обстоятельствахъ образуется полное болото; *мочагà* или мочажины — потнаго мѣста вслѣдствіе скопившихся въ одномъ пунктѣ ключей; *полдевъ* — глубокихъ ямъ, гдѣ въ половодье застаивается рѣчная вода, и *зыбуновъ* или *ходуновъ*, на которыхъ земля, поросшая мохомъ и болотными растеніями, зыблется, и изъ-подъ ногъ путника выступаетъ вода. Но все это мелочь въ сравненіи съ тѣмъ, что называется настоящимъ *болотомъ*, *трясиной* и *крѣпью*.

Неприступныя (въ самомъ страшномъ смыслѣ этого слова) болота разрѣжаютъ дремучіе лѣса сплошными полосами, на которыхъ никогда не бываетъ человѣческая нога и которыя въ неисчислимомъ множествѣ одолѣваютъ интересующую насъ страну Заволочья. Одна группа такихъ мертвыхъ и страшныхъ болотъ тянется отъ самой тундры до верховьевъ рѣки Камы и, не кончившись здѣсь, послѣ небольшихъ волоковъ, идетъ непрерывно дальше въ безпредѣльную ширь и даль: *ржавыя* отъ избытка болотной руды (бураго желѣзняка), *торфяныя*, *кочкарники* и т. д.

Тянутся *трясины* — заросшія и заглохшія озера, но еще уберегающія пласты земли, сцѣпленной корнями водорослей. Еще зіяютъ здѣсь во множествѣ мѣстъ *окна*, т. е. тѣ мѣста, гдѣ вода глубока и ходить очень опасно. Нога быстро тонетъ; упругій пластъ захлестываетъ яму, а неосторожнаго охотника и путника прикрываетъ этой сырой и холодной землей, какъ гробовой доской. Трясины—это недавнія озера, еще неуспѣвшія превратиться въ полное болото.

Тянутся *крѣпи* — болотная заросль изъ мелкаго ельника, гдѣ лѣсная и болотная птица охотливо выводитъ дѣтей, потому что эти мѣста также непроходимы. Онѣ доступны лишь для тѣхъ животныхъ, которыя могутъ попадать сюда на крыльяхъ по воздуху и ходить по нимъ на голыхъ и крѣпкихъ ногахъ, подобныхъ ходулямъ и тонкихъ, какъ проволока, которыя даютъ имъ возможность отлично и скоро бѣгать.

Тянутся *согры* съ ельникомъ, верескомъ и кочкарникомъ — обширныя болотныя площади, обманчивыя тѣмъ, что кажутся лишь мокрымъ лѣсомъ, и —

наконецъ *рясы* и *слотины*, т. е. небольшія и короткія болота, но вязкія до такой степени, что не уступятъ крѣпямъ, и опасныя оттого, что заманиваютъ обиліемъ ягодныхъ кустовъ и, между прочими, кустами ароматной и рѣдкостной княженики, поляники или мамуры. Ягоды эти растутъ здѣсь обыкновенно на такъ называемыхъ *веретьяхъ*, т. е. тѣхъ островахъ изъ окрѣпшей почвы, которые наплываютъ среди болотъ въ видѣ возвышенностей, идущихъ даже цѣлою системою валовъ въ нѣсколько рядовъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга прорывами и ржавой водой. Когда въ болотахъ разольется вода, эти веретья обнаруживаются въ настоящей формѣ рѣчныхъ острововъ.

Шагаютъ здѣсь на длинныхъ, какъ ходули ногахъ, хозяева и владѣльцы этихъ мѣстъ: журавли, цапли и кулики — пугливая перелетная птица. Опускаютъ въ илъ длинные, гибкіе и тонкіе носы и отыскиваютъ тамъ червячка разныя другія птицы бекасиной породы, большею частію, небольшія, всегда очень трусливыя, постоянный предметъ соблазна для охотниковъ за ихъ несомнѣнно-вкусное мясо. Настоящимъ же и виднымъ владѣльцемъ болотистыхъ палестинъ является все-таки журавль, также боязливая птица, предназначенная природой какъ бы для того, чтобы возвѣщать намъ перемѣны временъ года. Охотиться за нимъ чрезвычайно трудно, ловить же его въ топкихъ болотахъ совершенно невозможно. Но за то, если удается тѣмъ или другимъ способомъ изловить, — онъ дѣлается очень ручнымъ и забавнымъ. Забавна въ особенности его характерная быстрая пляска, во время которой онъ притопываетъ ногами, потряхиваетъ головой и скачетъ все выше и выше до того, что, расправивъ потомъ крылья, взлетаетъ до облаковъ. Но этотъ дворовый шутъ все-таки уроженецъ болотъ, на которыхъ, особенно на крѣпяхъ, для него довольно небольшаго возвышенія, чтобы подостлать травяную подстилку и положить сюда свои зеленыя яйца. На трясинахъ же и около оконъ — его любимая пища: сочныя водоросли, лягушки и насѣкомыя.

Болотами обездолены наши сѣверные дремучіе лѣса и съ ними вся лѣсная Русь, счастливая еще тѣмъ, что истребленіе лѣсовъ пока не достигло здѣсь до водныхъ источниковъ, и глухіе сюземы и безпредѣльныя болота еще поятъ многоводныя рѣки: Сѣверная Двина отъ мѣста образованія своего изъ Сухоны и Юга течетъ 670 в. *), принимая при этомъ такіе же многоводные лѣсные притоки: Пинегу и Вагу (по 500 в.); рѣка Мезень 700 и величественная Печора двѣ тысячи верстъ, имѣющая полверсты ширины въ верховыхъ теченіяхъ и до полуторы-версты, послѣ того, какъ русло рѣки оставляетъ предгорье Урала. Въ самыхъ устьяхъ всѣ эти рѣки разливаются такъ широко и многоводно, что выдѣлить рѣчной берегъ отъ извивовъ морскаго рѣшительно нѣтъ никакой возможности. Устья сѣверныхъ лѣсныхъ рѣкъ превращаются въ настоящіе морскіе заливы, чему способствуютъ также и морскіе приливы, нагоняющіе соленую воду.

Вблизи болотъ и въ болотистыхъ лѣсахъ мы конечно не встрѣтимъ самаго главнаго представителя животнаго царства. Для знакомства съ людьми мы должны возвратиться въ березовые и сосновые лѣса, а главнѣйшихъ ихъ представителей славянскаго племени можемъ отыскать лишь на лѣсныхъ опушкахъ, каковыми обросли всѣ большія сѣверныя рѣки. Только на рѣкахъ могла устроиться жизнь земледѣльческихъ племенъ. Въ сырыхъ лѣсахъ могли сберечься одни мелкіе остатки чудскихъ племенъ, нѣкогда владѣвшихъ всѣми громадными сѣверными лѣсами и завѣщавшихъ пришлому сильному племени имена всѣхъ живыхъ урочищъ, кое-что изъ обиходнаго лексикона, очень немного изъ обычаевъ и вѣрованій, нѣкоторыя части одежды и немногіе пріемы по обезпеченію быта и жизни среди съѣдобныхъ птицъ и пушныхъ звѣрей. Убереглись въ лѣсахъ зыряне, вогулы, вотяки, черемисы, корелы и коренные финны различныхъ родовъ и прозваній, только потому, что въ этой исконной родинѣ своей они находятъ удовлетвореніе племеннымъ инстинктамъ, очень умѣреннымъ и ограниченнымъ и безъ особенныхъ требованій, обыкновенно предъявляемыхъ развитымъ умомъ другихъ народовъ.

Инородцы живутъ въ полномъ порабощеніи могучими силами природы дремучихъ лѣсовъ, которые ихъ обездолили и принизили почти до звѣринаго состоянія. Древесное царство, предназначенное для обезпеченія жизни людей на землѣ и снабженное неисчислимымъ избыткомъ скрытыхъ даровъ и сокровищъ къ увеличенію земныхъ богатствъ,— для лѣсныхъ обитателей финскаго племени превратилось въ царство бѣдъ и несчастій. Лѣса выразились въ ихъ жизни только враждебными силами несокрушимаго могущества. Они поддерживаютъ жизнь этихъ племенъ лишь самымъ ничтожнымъ количествомъ своихъ сокровищъ. По этой причинѣ лѣсные инородцы быстро вырождаются и исчезаютъ съ лица земли цѣлыми племенами, если не догадаются, съ примѣра и объ-руку съ цивилизующимъ племенемъ, выйти на борьбу съ могуществомъ дѣвственныхъ лѣсовъ, непобѣдимость которыхъ оказывается обманчивою. Вліяніе окружающей природы на лѣсныхъ инородцевъ непосредственно и громадно.

На сколько однообразны хвойные лѣса (за исключеніемъ лишь однихъ сосновыхъ), въ такой же мѣрѣ несложна и сходна въ главныхъ чертахъ и крупныхъ частностяхъ и самая жизнь лѣсныхъ инородцевъ. Подмѣтивши основныя черты характера тѣхъ, которые живутъ по сю сторону Урала, наблюдатель дѣлаетъ громадное пріобрѣтеніе въ томъ, что опредѣляетъ характеръ всей группы племенъ, обитающихъ въ лѣсахъ Сибири.

Это вѣчное и спокойное однообразіе хвойныхъ лѣсовъ (въ особенности меланхолическое однообразіе еловыхъ) чрезвычайно сильно повліяло на умственное и нравственное развитіе не только уроженцевъ, но и пришлыхъ насельниковъ сѣвера. Вліяніе это примѣтно какъ въ народномъ характерѣ, такъ и въ образѣ жизни. Характеръ лѣснаго жителя всегда сосредоточенно-спокойный до невозмутимости. Одиночество, къ которому стремится въ лѣсу каждое дерево, постоянно рисуетъ лѣсъ какъ бы осиротѣлымъ, какъ будто прежніе товарищи (лиственныя де-

---

*) Съ Сухоною, если ее принять за главный истокъ Сѣверной Двины, 1250 верстъ.

ревья) покинули ихъ. Голосистые пѣвцы предпочитаютъ лѣса лиственные: въ хвойныхъ всегда по этой причинѣ господствуетъ тишина. Кажется, все замерло въ сосредоточенной задумчивости и суровой неподвижности. Суровый характеръ настолько присущъ борамъ и трещамъ, что на лицахъ лѣсныхъ обитателей слѣды этой суровой задумчивости читаются ясно и прежде всѣхъ другихъ. На уроженцахъ этихъ мѣстъ подобныя черты лежатъ единственными и неизгладимыми. Вѣчный мракъ хвойныхъ лѣсовъ не могъ не произвести въ этомъ случаѣ самаго подавляющаго вліянія. «Лѣсъ, — говоритъ одинъ изъ наблюдателей, до тонкости изучившій всѣ лѣсныя породы, — лѣсъ поетъ только въ мольномъ тонѣ, и младенчествующіе народы поютъ исключительно въ мольномъ тонѣ. Языкъ природы сдѣлался и языкомъ человѣка простаго, самаго близкаго къ природѣ.» Дикіе лѣсовъ располагаютъ очень ограниченнымъ словаремъ и весьма немногими идеями.

Подъ впечатлѣніями внѣшнихъ картинъ дремучихъ сюземовъ и среди вліянія лѣсныхъ ужасовъ сложились вѣрованія первобытныхъ племенъ. Въ высокихъ, едва доступныхъ горныхъ борахъ и въ красивыхъ рощахъ поселились высшія силы, народныя божества, обязавшія охраненіе таковыхъ мѣстъ строгою заповѣдью подъ страхомъ смертнаго наказанія. Самыя деревья, выдѣлившіяся изъ ряда другихъ массивностію и долголѣтіемъ, сдѣлались также жилищемъ боговъ и священными предметами, вслѣдствіе той же склонности первобытныхъ народовъ къ обоготворенію природы.

Звѣропромышленники.

Деревья необыкновенно глубокой старости, способныя возбудить душевный трепетъ даже и въ цивилизованномъ человѣкѣ, въ глазахъ дикаря являются стоящими подъ нравственною защитою какого-то существа. Въ ветлужскихъ лѣсахъ черемисы прославили богопочтеніемъ (возлѣ деревни Адомнуръ) березу, раздѣленную на 18 большихъ вѣтвей, имѣвшихъ какъ бы 84 вершины. Когда буря сломила одну изъ нихъ и сбросила на засѣянное поле, — хозяинъ послѣдняго принялъ это за гнѣвъ Кереметы и оставилъ хлѣбъ неубраннымъ въ пользу бога. У вогулъ около Пелыма охранялась двумя вооруженными людьми огромная лиственица, привлекавшая сюда народъ изъ самыхъ отдаленныхъ лѣсовъ всего При-уралья. У оленныхъ остяковъ и обдорскихъ самоѣдовъ такимъ же священнымъ мѣстомъ была песчаная отмель на Ледовитомъ океанѣ. У вотяковъ и мордвы освящены и заповѣданы цѣлыя рощи, такъ что ни одно дерево не было срублено дерзкой рукой, и всякое поваленное бурею считалось признакомъ несчастія для всего вѣрующаго племени. Деревья съ нависшими ягилями, украшающими ихъ на подобіе висячихъ бородъ, дѣйствуя на то же мистическое созерцаніе дикихъ народовъ, попали въ религіозный культъ и сказки. Подобнаго рода деревьями, покрытыми до самой вершины мохомъ и въ самомъ дѣлѣ оживляющими хвойные лѣса, придавая имъ въ то же время внушительный видъ долговѣчности и обилія, такими деревьями украшаются жилища и владѣнія боговъ и ихъ избранныхъ — богатырей. Той же чести удостоилась въ особенности ель, вообще мало пригодная, но выражающая своимъ наружнымъ видомъ въ высшей степени строгость, спокойствіе и торжественность. Въ ея лѣсахъ, предпочтительно передъ сосновыми борами, потребовали для себя мѣста почитанія зырянскіе и вогульскіе боги.

Съ деревьевъ перенесено почтеніе и на животное царство, обитающее въ лѣсахъ. Особенное уваженіе оказано умному силачу — медвѣдю, до такой степени, что жители лѣсовъ никогда не выговариваютъ его настоящее имя (а говорятъ: «старикъ», «медовая лапа», «хозяинъ» и т. д.). Что замѣчательно — религіозное почтеніе къ нему одновременно сохранилось у лѣсныхъ зырянъ въ Архангельской губерніи и у гиляковъ, живущихъ въ низовьяхъ Амура. Змѣи, кукушка и сова сдѣлались также служительницами божества и толковательницами воли его. Боговъ объявилось много: въ бурѣ — богъ, въ грозѣ — другой, въ огнѣ — третій. Морозъ оказался тоже самостоятельнымъ божествомъ; всякая поражающая, потрясающая и истребительная сила природы стала богомъ, и всякій богъ, по впечатлѣніямъ лѣсныхъ странъ и по опыту жизни, здѣсь (за малыми исключеніями) объявился мстительнымъ и злымъ. Для умилостивленія онъ потребовалъ жертвъ и посредниковъ. Посредниками явились шаманы; въ число жертвъ включено все подходящее на ихъ руку (исключены лягушки и всѣ гады, насѣкомыя, черви, свиньи). Страхъ божескаго гнѣва получилъ самое широкое развитіе. Морозъ потребовалъ заповѣди даже на ледяныя сосульки, намерзающія зимою на крышахъ избъ и на окнахъ. Если онѣ намерзнутъ надъ воротами, — выламываются плетни и заборы и устраиваются новые въѣзды. Громъ и молнія, застигшіе на пути, заставляютъ всякаго черемисина срѣзывать прутики и бросать ихъ поперекъ дороги и своего слѣда, и при этомъ ругаться, и т. п.

Въ этихъ вѣрованіяхъ и пріемахъ, по крайней ихъ многочисленности и распространенію, чувствуются остатки самостоятельной и цѣльной религіи (шаманской), которая почитается одной изъ самыхъ раннихъ въ язычествѣ. Судя по ея остаткамъ, она содержала много добрыхъ и честныхъ правилъ, но время исказило вѣру, а бродячая жизнь народовъ содѣйствовала тому, что многое забылось и растерялось. Старые боги на новыхъ мѣстахъ оказались равнодушными ко многому, перестали наблюдать и заботиться о томъ: лѣнятся ли люди, работаютъ ли, ѣдятъ ли они сырое или вареное, пьютъ ли водку умѣренно или упиваются до самозабвенія. Но еще не потеряли боги любви къ правдѣ; еще любятъ они, когда люди помогаютъ другъ другу въ нуждѣ, даютъ пріютъ странникамъ и заблудившимся и равно для всѣхъ хлѣбосольны. Пріятно богамъ, когда люди почитаютъ старшихъ и уважаютъ родителей; не обижаютъ другъ друга, не воруютъ. Всѣ эти добродѣтели свято и нерушимо сохраняются до сихъ поръ во всѣхъ инородческихъ лѣсныхъ племенахъ.

Не смотря на то, что строгія внушенія опыта жизни въ сырыхъ и негостепріимныхъ лѣсахъ породили бережливость во всемъ и скупость къ деньгамъ, доведенную до скряжничества, лѣсные инородцы чрезвычайно гостепріимны. Всякій въѣзжаетъ къ нимъ во дворъ безъ спросу и получаетъ въ угощеніе все, что есть въ домѣ. Водится же въ домѣ (у всѣхъ лѣсовиковъ безъ исключенія) только то, что беззавѣтно предлагается самою природою и достается дешевымъ трудомъ на досугѣ (ягоды, грибы, черемша или дикій чеснокъ, высушенный печнымъ жаромъ заяцъ, провяленная солнцемъ рыба). Впрочемъ, лѣсъ выучилъ быть на пищу неразборчивымъ, и самъ лѣсовикъ охотно ѣстъ все, что попадается подъ руку. Сплошь и рядомъ на столѣ лѣсныхъ инородцевъ появляются и такія произведенія, которыя добыты и натасканы про себя лѣсными звѣрями. Спрятанныя въ тайникахъ, они отысканы людьми и отобраны. Извѣстно, что многія породы звѣрей собираютъ на зиму запасы съѣдобныхъ корней, въ родѣ вкусной сараны, земляныхъ и кедровыхъ орѣховъ и т. п. Наибольшую помощь въ этомъ случаѣ оказываетъ бѣлка. Позаботилась и сама природа о кухнѣ, т. е. о растеніяхъ, могущихъ служить пищей, приготовивъ житницы даже и подъ снѣжнымъ покровомъ. Во всю зиму сохраняются здѣсь ягоды: клюква, брусника, рябина, вороница, голубица и корень дягиля, какъ овощь. Отъ обильной сырости, нѣкоторыя травы остаются сочными до глубокой осени и, замерзая такъ, зимою доставляютъ хорошій кормъ. Стоитъ только отрыть. При посѣщеніи гостемъ, всегда сосредоточенно мрачный лѣсовикъ оживляется: встрѣтившій отъ проѣзжаго отвѣтное угощеніе хлѣбомъ, а тѣмъ болѣе водкой, онъ не знаетъ предѣловъ своему гостепріимству. Сырой и скупой лѣсъ выучилъ его

Хвойный лѣсъ.

понимать нужду странствующаго человѣка и достаточно поселилъ въ душѣ страха за себя, за свое вѣроятное положенiе въ тѣхъ же условiяхъ въ близкомъ будущемъ. Въ то же время и та же природа облегчила для него возможность помощи: сохраняя ягоды подъ снѣгомъ замороженными, высушивая мясо, подвѣшенное лѣтомъ на солнопекѣ, природа указала удобные и столь простые способы сохраненiя продуктовъ въ прокъ. Если такимъ образомъ въ готовой услугѣ лѣсовъ зародышъ гостепрiимства, то испытанныя опасности жизни въ лѣсахъ и скитанье среди нихъ сумѣли превратить этотъ спасительный обычай въ нерушимый и общiй народный законъ. Отсюда и послѣдствiя: уваженiе къ чужой собственности, прiятный долгъ взаимной помощи въ случаѣ неудачъ и несчастiй. Лѣсные обитатели живутъ разбросанно, малыми селенiями, отдѣльными домами, не дѣлающими улицъ: видимо, съ примѣра лѣсовъ, всѣ намѣренно обособляются. Дѣлаютъ такъ, чтобы не тѣснить другъ друга, предоставлять каждому и уберегать для себя возможно больше пространства дремучаго лѣса. Но если посѣтитъ бѣда оплошавшаго и зазѣвавшагося, всѣ сосѣди несутъ ему посильную помощь. Это — счастливые, т. е. удачливые въ промыслѣ, но не богатые. Богачей нѣтъ и не можетъ быть: по количеству скопленiй въ лѣсахъ полное равенство. Здѣсь можетъ быть лишь крайняя нищета, не только оборванная и въ лохмотьяхъ, но и распухшая (оцынготѣвшая) съ голоду.

Въ лѣсу каждый выбираетъ и хорошо помнитъ, по особымъ примѣтамъ, свой участокъ и считаетъ большимъ преступленiемъ охотиться въ чужомъ. Съ этой же цѣлiю и селенiя (предпочтительно на устьяхъ рѣчекъ) выстраиваются на одинъ, два и три дня ходу. Въ селенiяхъ рѣдко бываетъ больше десятка юртъ: сплошь и рядомъ попадаются только съ двумя и тремя домами.

Если крайняя нужда вынудитъ нарушить законъ, — всякiй спѣшитъ вознаградить за потребленное сторицею чѣмъ нибудь изъ того, что имѣетъ при себѣ: за взятаго съ петли рябчика оставляетъ бѣлку. Сторонясь отъ сосѣда, чтобы не помѣшать и не повредить, звѣроловы на отдыхѣ, послѣ охоты, всѣ въ кучкѣ. Охота, одинаковая участь и однородныя опасности сдружаютъ и соединяютъ вмѣстѣ тѣхъ, которымъ удобнѣе и выгоднѣе дома и въ жильяхъ жить особнякомъ и сторониться. Образуется общество, хотя и временное, но дружное и плотное, благодаря тому, что условiя лѣсной жизни сдѣлали всѣхъ на столько похожими другъ на друга, что болѣе (даже и физiономiями) похожими быть нельзя.

Уваженiе къ чужой собственности, и при томъ такой скудной, у инородцевъ доведено до религiознаго обязательства и у всѣхъ лѣсныхъ жителей представляется чрезвычайно выдающеюся добродѣтелью. Употребленiе желѣзныхъ замковъ совершенно неизвѣстно, а деревянными пользуются лишь въ защиту отъ блудливаго домашняго рогатаго скота. Поразительное сходство въ чертахъ характера и быта всѣхъ нашихъ лѣсныхъ инородцевъ и въ данномъ случаѣ не утрачиваетъ силы и значенiя.

Все въ лѣсныхъ дебряхъ одинаково: природа, дозволяя лѣснымъ жителямъ жить одними инстинктами, совершенно лишила дара отвлеченiя и отняла способность изобрѣтенiя. Нечѣмъ одному передъ другимъ выдѣлиться и взять надъ прочими перевѣсъ. Что знаетъ одинъ, другой ни на iоту больше; интересъ одного — интересъ общiй. Всѣмъ одинаково указаны лишь два выхода: въ лѣсъ за звѣремъ и на рѣку за рыбой. Всѣ безъ исключенiя половину года звѣроловы, другую— рыбаки, такъ какъ подчинились влiянiю природы и совершенно на нее положились, и въ силу того, что природа густыхъ, сырыхъ и дремучихъ лѣсовъ вообще скупа на дары и все-таки здѣсь не родная мать, а злая мачиха. Природныя богатства свои она скрыла такъ, что ихъ надо очень усиленно отыскивать и при этомъ очень изощреннымъ умомъ. Розысканное слѣдуетъ искусно и терпѣливо обрабатывать, чтобы превратить въ какую нибудь цѣнность. Между тѣмъ въ этихъ-то именно свойствахъ человѣческаго духа природа лѣснымъ обитателямъ отказала наотрѣзъ, утѣшивъ лишь тѣмъ, что выучила довольствоваться малымъ, надѣлила способностью голодать цѣлый годъ и совершенно обходиться безъ пищи нѣсколько дней кряду.

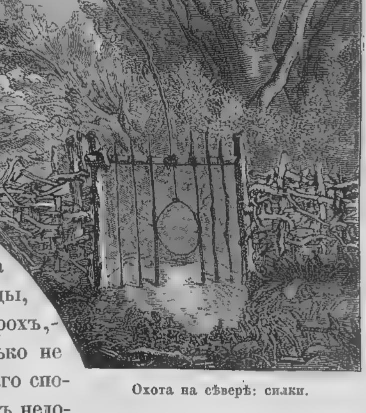
Единственно на исканіе пищи она обрекла всю ихъ жизнь. Подобно бѣлкѣ и другимъ пушнымъ звѣрямъ дремучихъ сырыхъ лѣсовъ, человѣку указана бродячая жизнь и въ тѣхъ же видахъ исключенія, что и въ бѣличьемъ родѣ, гдѣ бываетъ бѣлка сидячая и бродячая. Лѣсные люди живутъ на двое: бродятъ все лѣто, сидятъ всю зиму.

Какъ только появилась бѣлка и выспѣла, лѣсовикъ бросаетъ домъ, семью и уходитъ въ лѣсъ, иногда за сотни верстъ отъ зимняго жилья и семьи. По мѣрѣ того, какъ начнетъ бродить звѣрь по всѣмъ неоглядныкъ пространствамъ лѣсовъ, оставляя объѣденныя деревья и отыскивая непочатыя, таскается за нею и лѣсной человѣкъ. Онъ точно также бродилъ бы безконечно, если бы не сдерживался другими соблазнами, которые замыкаютъ его въ опредѣленный кругъ. Это — либо лѣсная птица вблизи опушекъ лиственныхъ лѣсовъ, либо рѣчная рыба въ раздолахъ и низменностяхъ, по которымъ, въ сокрушительномъ и опасномъ для людей избыткѣ, или залегли болота, или текутъ рѣки. По этой причинѣ у всѣхъ лѣсовиковъ непремѣнно два жилья: одно — лѣтникъ въ видѣ шалаша, а другое бревенчатое въ видѣ избы, гдѣ живутъ семьи. Какъ самоѣды на тундрѣ для оленей, калмыки и киргизы въ степяхъ для рогатаго скота, такъ вогулы и зыряне въ лѣсахъ для пушнаго звѣря и птицъ. Всѣ мечты и желанія сосредоточиваются здѣсь, какъ около единственнаго источника и исключительной причины нравственнаго и матеріальнаго существованія. Случайностямъ лѣсной жизни во всемъ и совершенно подчинена свободная воля разумныхъ существъ.

«Зимники» отчасти указываютъ на то, что полудикари сѣвера заявили наклонность къ осѣдлой жизни и, въ нѣкоторомъ смыслѣ, успѣли уже рѣзко выдѣлиться и отличиться отъ настоящихъ дикарей, т. е. отъ племенъ, бродящихъ за оленями по тундрѣ (лопари, самоѣды, юкагиры и т. д.). Тѣ живутъ еще въ разборныхъ шалашахъ, т. е. пользуются жилищами самаго первобытнаго вида, когда человѣкъ, оставивъ землянки и пещеры, покусился жить на земной поверхности и выработалъ вторую форму жилищъ. Она свидѣтельствуетъ однако о самой низшей степени развитія. Лѣсныя племена хотя и оставили за собою эту форму первобытнаго убѣжища на время охоты и промысла, но уже сдѣлали крупный шагъ къ жилищамъ осѣдлыхъ людей, срубленнымъ изъ бревенъ, какія жаль кинуть. Они уже освѣщаются свѣтомъ извнѣ; въ нѣкоторыхъ прорублены окна и, хотя большею частію эти окна ничто иное, какъ щели, тѣмъ не менѣе жители лѣсовъ понуждались въ стеклѣ, хотя многіе замѣняютъ его рыбьимъ пузыремъ, а зимой даже кусочками льда. Одновременно и послѣдовательно явилась надобность въ дверяхъ. Когда въ сибирскихъ лѣсахъ для нѣкоторыхъ дымовое отверстіе въ потолкѣ служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и дверью,—въ русскихъ лѣсахъ завелись у многихъ такія строенія, гдѣ дверь вырублена пошире и повыше, и приподнята надъ землей. Сырость и холодъ заставили дикарей зажигать огонь въ самомъ жилищѣ и выучили, по этой причинѣ, дѣлать въ ширину своего тѣла отверстіе,—у лѣсовиковъ для той же цѣли явился очагъ, хотя еще и безъ трубы. Это уже не убѣжище, какъ шалашъ, но пріютъ, т. е. лѣсная изба, зачатокъ и первообразъ дома, это — жилище, неимѣющее съ первобытнымъ шалашомъ ничего общаго. Жилище еще очень грязно, ничѣмъ не отличается отъ скотскихъ хлѣвовъ, но чистоплотности поучиться негдѣ: самый лѣсъ, неопрятный и сорный, съ поражающимъ избыткомъ залитъ грязью, наполненъ всевозможными паразитными насѣкомыми, какими кишитъ мохъ: и облѣпившій деревья, и заткнутый въ пазы стѣнъ строеній. Всякій инородецъ безъ исключенія, медвѣжьимъ обычаемъ, не купается, не умывается: ни бань, ни рукомойниковъ нѣтъ и въ заведеніи. Въ инородческихъ домахъ еще не видно скопленій и сбереженій гражданскаго быта, но есть уже движимое имущество. Оно весьма скудно и занимаетъ мало мѣста, но, увеличиваясь, можетъ потребовать надстроекъ или пристроекъ, которыя превратятъ уединенную «избушку на курьихъ ножкахъ» въ нѣкоторое подобіе дома. Впрочемъ у лѣсныхъ жителей еще все первобытно.

Одежда до послѣдней вещи изготовляется самими хозяевами изъ того, что родится на деревьяхъ или выростаетъ на животныхъ: изъ бересты шляпы и обувь, изъ невыдѣланныхъ и

сырыхъ шкуръ платье, надѣваемое съ плечъ на руки, и опять обувь. Исподнее бѣлье совершенно неизвѣстно, не смотря на то, что съ незапамятныхъ временъ на глазахъ и подъ руками животная шерсть, но мы не находимъ здѣсь ни одного обрабатывающаго орудія.

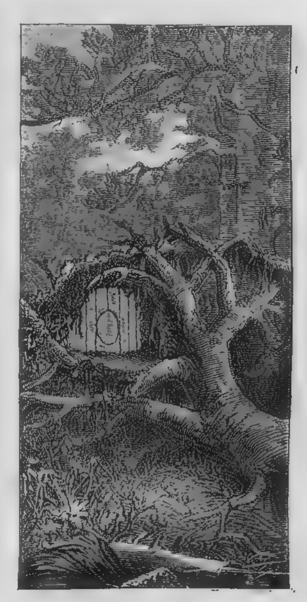

Охота на сѣверѣ: силки.

Средства перевозочныя для встрѣчъ и взаимнаго обмѣна идей скудны. Вещевая мѣна въ самомъ грубомъ состоянiи. Одинъ олень является на помощь и выручаетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда захочется обмѣнять продукты лѣснаго промысла на тѣ ничтожные количествомъ предметы цивилизованной среды, которые можно перечислить въ трехъ словахъ: свинецъ, порохъ, хлѣбъ. Способъ сообщенія на слабыхъ животныхъ настолько не совершененъ, что вовсе не можетъ замѣнить собою желаемаго способа перевозки и обнаруживаетъ роковыя послѣдствія своихъ недостатковъ, когда надъ лѣсами разразится бѣдствіе голодовокъ отъ неурожаевъ кедровыхъ орѣховъ, а стало быть отъ отсутствія пушнаго звѣря, при полнѣйшемъ отсутствіи дорогъ. Гдѣ два оленя прошло, тамъ до сихъ поръ для лѣсныхъ дикарей и дорога.

Пища ограничивается предѣлами лѣсныхъ растеній и животныхъ. Не только нѣтъ самаго первобытнаго орудія для превращенія зерна въ муку (не смотря на то, что на самой Печорѣ великолѣпные жерновые камни), но и употребленіе хлѣба не усвоено. Разница въ пищѣ заключается лишь въ томъ, что зимой ѣдятъ свѣжую, лѣтомъ сушеную и вяленую рыбу. Запасовъ не дѣлается; дѣти природы прежде всего безпечны: и это ихъ родовое и привиллегированное качество. Вся забота состоитъ въ томъ, чтобы быть сытымъ сегодня. Часто на другой день ѣсть нечего, часто поэтому постигаетъ голодная смерть, невидная и неслышная за темными лѣсами, за дремучими борами и встрѣчаемая съ поразительнымъ равнодушіемъ.

Ржаной хлѣбъ служитъ лакомствомъ далеко не у всѣхъ, да и тотъ въ смѣси съ высушенною и истолченною въ порошокъ заболонью или мезгою, слизистой внутренней оболочкой сосны, еще не затвердѣвшей въ древесный слой. Когда дерево въ соку, эта мезга, срѣзанная лентами, служитъ одновременно и непосредственною пищею и лакомствомъ. Отсутствіе животныхъ, годныхъ къ прирученью, съ раннихъ поръ сдѣлало рыболовство главнѣйшею необходимостію. Рыба потребляется въ сыромъ видѣ и мерзлою, наструганная стружками.

Равенство передъ бѣдностью является здѣсь какъ господствующая форма быта, самая древняя и первобытная въ отношеніяхъ человѣческихъ обществъ, подведенныхъ могучими и враждебными силами природы подъ одинъ уровень и постановленныхъ подъ такой тяжелый обухъ. Выходъ изъ этого положенія затрудняется еще тѣмъ, что даже и орудія рѣчнаго и лѣснаго лова, хотя и остроумны, но первобытны. Изобрѣтеній въ нихъ никакихъ не встрѣчается и улучшеній не сдѣлано.

Силки или петля.

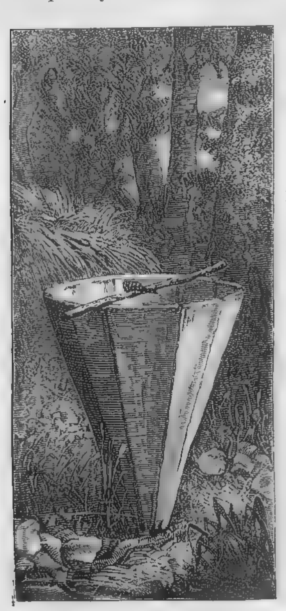
На звѣря и птицу устроены въ лѣсахъ *путики*, т. е. на слѣдахъ звѣрка или въ лѣсныхъ просвѣтахъ, по которымъ любятъ

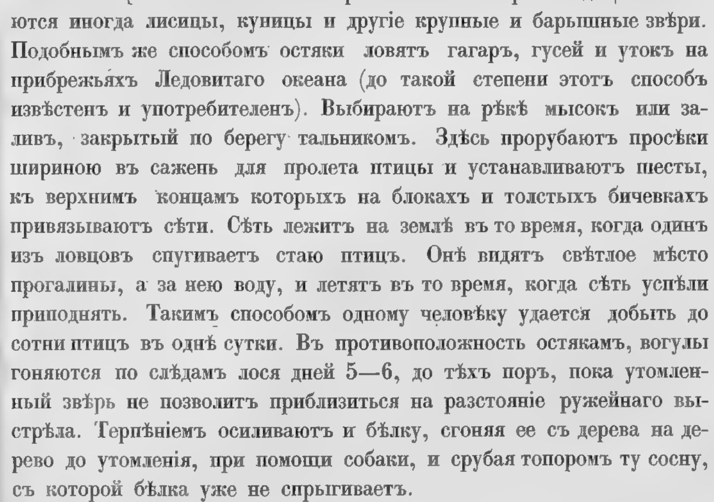
Пленка.

летать тетерева и рябчики, кладутся или развѣшиваются петли или силки, сплетенныя изъ конскаго волоса съ затяжными узлами (удавками). Летящій рябчикъ попадаетъ головой и виснетъ удавленнымъ; тетеревъ, въ полномъ экстазѣ семенящій ногами на току, путается лапками. А такъ какъ эта порода птицъ велика и сильна, то силки дѣлаются изъ волоса, свитаго вдвое, и тогда называются *пленкой*. Бѣлка, въ вѣтреную погоду, любитъ прыгать по землѣ и на тѣхъ-же путикахъ успѣваетъ угодить какой-либо изъ рѣзвыхъ ногъ въ ту же пленку. Она ставится на землѣ утвержденною (по одной) на колышкѣ, или ввивается въ бичевку, или наконецъ укрѣпляется на лубкѣ, и въ такомъ случаѣ сюда присыпается приманка изъ любимой звѣркомъ и птицей пищи.

Для волковъ и лосей путики устраиваются въ видѣ изгороди, имѣющей совершенно прямое направленіе, изъ жердей (прясла) или изъ цѣликомъ срубленныхъ деревьевъ (засѣки). Городьба такого вида тянется на большое разстояніе и на длинномъ протяженіи своемъ мѣстами имѣетъ нѣсколько воротъ или выходовъ, въ которыхъ вырыты глубокія волчьи ямы, прикрытыя хворостомъ. Волкъ, олень и лось, наткнувшись на такой путикъ, поддаются обману: идутъ прямо вдаль, ищутъ проходовъ и въ воротахъ и ямахъ свертывать себѣ голову или ломають ноги. Эта машина — самая дешевая и простая, усложняется для лося прилаженнымъ самострѣломъ (со стрѣлами лукомъ), за который звѣрь задѣваетъ ногой, для волка — тѣмъ, что на шестѣ, сзади ямы, привязывается привада, т. е. кусокъ какого-нибудь тухлаго мяса, которое убійственнымъ для человѣка гнилымъ запахомъ приманиваетъ звѣря. Сюда заваливаются иногда лисицы, куницы и другіе крупные и барышные звѣри.

Ступы.

Подобнымъ же способомъ остяки ловятъ гагаръ, гусей и утокъ на прибрежьяхъ Ледовитаго океана (до такой степени этотъ способъ извѣстенъ и употребителенъ). Выбираютъ на рѣкѣ мысокъ или заливъ, закрытый по берегу тальникомъ. Здѣсь прорубаютъ просѣки шириною въ сажень для пролета птицы и устанавливаютъ шесты, къ верхнимъ концамъ которыхъ на блокахъ и толстыхъ бичевкахъ привязываютъ сѣти. Сѣть лежитъ на землѣ въ то время, когда одинъ изъ ловцовъ спугиваетъ стаю птицъ. Онѣ видятъ свѣтлое мѣсто прогалины, а за нею воду, и летятъ въ то время, когда сѣть успѣли приподнять. Такимъ способомъ одному человѣку удается добыть до сотни птицъ въ однѣ сутки. Въ противоположность остякамъ, вогулы гоняются по слѣдамъ лося дней 5—6, до тѣхъ поръ, пока утомленный звѣрь не позволитъ приблизиться на разстояніе ружейнаго выстрѣла. Терпѣніемъ осиливаютъ и бѣлку, сгоняя ее съ дерева на дерево до утомленія, при помощи собаки, и срубая топоромъ ту сосну, съ которой бѣлка уже не спрыгиваетъ.

Охота выучила бродячихъ инородцевъ ходить въ лѣсъ со всѣмъ своимъ движимымъ имуществомъ на поясѣ и за пазухой: кремнемъ и огнивомъ, топоромъ и ножемъ, а иногда съ рогатиной на медвѣдя. Безпрестанная практика выработала ходкія и неутомимыя ноги. Сама природа озаботилась сколотить звѣролова крѣпышемъ, со здоровыми

выносливыми плечами, средняго роста, самой фигурой вызывающагося на борьбу, требующую устойчивости и терпѣнія. Глядя на него, кажется, что онъ высѣченъ изъ камня или выкованъ изъ желѣза; мышечная система всегда развита довольно сильно.

Та же привада на крупныхъ звѣрей кладется у капкановъ, кляпцевъ, у пастей и слопцовъ. Въ капканѣ стальная пружина направляетъ укрѣпленныя на ней дуги или щипцы на шею или лапу звѣря такъ, что ни то, ни другое вытащить невозможно. Надо или ломать ногу, или тащить капканъ съ собой, если онъ плохо привязанъ, или выждать хозяина, чтобы онъ поспѣшилъ довершить несчастіе и покончилъ бы съ тягостною жизнію. Тотъ же капканъ, но только маленькій, съ привадой жировъ, называемый кляпцомъ, ставится на заячьихъ тропахъ (вотъ почему на Пинежской ярмаркѣ птица является большею частію давленною, а зайцы съ переломанными ногами). Пасти — большія западни, устраиваемыя на тѣхъ звѣриныхъ лазахъ, т. е. обычныхъ путяхъ, по которымъ они бѣгаютъ, протоптавши зимою снѣгъ или на черностопахъ, т. е. въ осеннее, безснѣжное время. Въ пастяхъ насторожки, за которыя звѣрь неизбѣжно долженъ задѣть и немедленно же свалить на себя затворку или крышку. Она его тамъ и запираетъ, какъ захлопывается мышь дверками мышеловки. Слопцы также требуютъ насторожки и неловкости звѣря, которому и размозжаетъ голову, или переламываетъ хребетъ большое бревно, подвѣшенное и прикрѣпленное къ скользкой и чувствительной насторожкѣ.

На птицу и звѣря ходятъ лѣсные инородцы и съ другими орудіями, также незамысловатаго устройства. Весной расчищаютъ «точокъ», гдѣ нибудь на открытомъ мѣстѣ. Приманкой пищи или вабикомъ (дудочкой, сдѣланной на голосъ самки или птенца) привлекаютъ птицу и кроютъ ее. Для этого издревле придуманы незамысловатые лучки, понцы и тайники. Лучокъ кроетъ сѣткой, прикрѣпленной на обручѣ (какъ указано на картинѣ) и особенно пригоденъ зимой, когда зарывшаяся въ снѣгъ куропатка или рябчикъ обезсилѣли и, при внезапномъ свѣтѣ ночью, тревожатся и обнаруживаютъ свое мѣсто. Понцы — сѣть перекидная, но устраивается изъ двухъ полотнищъ сѣтки, также какъ и лучокъ, на обручѣ. Тайникъ тоже въ два полотнища, но настораживается на двухъ шестикахъ. Не говоримъ о сѣтяхъ и тенетахъ, которыя собственно не ловушки, — ловушки тотъ снарядъ, который настораживаютъ, и звѣрь или птица *сами* туда попадаютъ, какъ во всѣхъ описанныхъ нами.

Зимняя охота на птицъ на сѣверѣ: лучокъ.

Не замысловаты орудія, не хитры и плѣнники. На умныхъ и хитрыхъ звѣрей понадобились стрѣлы съ крѣпкими наконечниками, чтобы стукать въ морду звѣрка, тѣмъ оглушать его и не портить шкурки. Въ медвѣдя и волка бросаютъ стрѣлы съ трехугольнымъ желѣзнымъ набал-

дашникомъ, а со времени знакомства съ русскими начали ходить на нихъ: лѣтомъ съ винтовками и порохомъ, зимой — на берлоги съ рогатиной. И среди инородцевъ проявились такіе ревнивые охотники, которые стали добиваться до сороковаго медвѣдя, послѣ чего — по повѣрью— звѣрь становится уже неопаснымъ, и человѣкъ на всю жизнь отъ него застрахованъ. Впрочемъ и на умника-медвѣдя довольно простоты: достаточно бываетъ деревяннаго тяжелаго чурбана, который подвѣшивается на веревкѣ и загораживаетъ облюбленное звѣремъ и соблазнительное мѣсто, напр. въ родѣ пчельника или овчарни. Онъ отбиваетъ чурбанъ лапой и, получивши отъ него ударъ въ щеку, отбрасываетъ въ другую сторону, и, опять натолкнувшись на ударъ, начинаетъ больше сердиться и толкать чурбанъ сильнѣе. Медвѣдь виснетъ передней лапой на липовомъ деревѣ, когда повадится лакомиться бортевымъ медомъ, а хозяинъ его привѣситъ преграду изъ толстой доски съ дырочкой и гвоздями, наколоченными сверхъ доски наискось. Просунуть въ дыру и межъ гвоздями лапу можно, ухватить въ нее соты позволяется, но лапу съ поноской назадъ уже нельзя протащить. Догадаться разжать лапу медвѣдь не можетъ, гвозди впиваются все больше и больше, по мѣрѣ того, какъ усилившаяся боль заставляетъ его трястись задними ногами и ревѣть недаровымъ матомъ, приглашающимъ на мѣсто преступленія хозяина борти. Этому остается доколотить лакомку до смерти простой толстой палкой. Никакое другое хищное животное не позволитъ такъ одурачить себя.

Пасть и засѣка.

Въ лѣсной охотѣ вся жизнь лѣсныхъ людей. Здѣсь они не чувствуютъ ни униженія, ни тяжелыхъ давящихъ впечатлѣній. Дома ему скучно: домъ напоминаетъ неволю. Выросшіе на свободѣ, они любятъ и цѣнятъ ее: ни для кого лѣсовикъ не господинъ, никому онъ не рабъ, работаетъ гдѣ можетъ или хочетъ, ѣстъ что Богъ пошлетъ и, заплативши ясакъ, никого не боится. Въ семьѣ нѣтъ тѣхъ наслажденій, которыя щедро разсыпаетъ весеннимъ и лѣтнимъ временемъ веселая лѣсная природа. Жену онъ не любитъ, потому что выбиралъ не друга, а работницу, а потому заплатилъ за нее калымъ. Онъ привыкъ смотрѣть на жену, какъ на покупное рабочее животное, и потребовалъ всѣхъ услугъ за нее въ то время, когда лѣсъ сманилъ въ свою ширь и на просторъ и развернулъ всѣ разнообразные соблазны, на сколько можетъ видѣть глазъ.

Женѣ надо быть дома: дѣтей рожать, кормить ихъ, шить одежду и обувь. Дѣтей рожаютъ онѣ съ поразительной легкостью, безъ всякой посторонней помощи, и тотчасъ-же принимаются за самыя тяжелыя работы. Искусство шить доведено ими до совершенства и является тою особенностію инородческихъ женщинъ, которая выдается рельефнѣе прочихъ. Если прибавить, что и жены дикарей страдаютъ слабостью къ нарядамъ и украшеніямъ, какъ и всѣ еввины дочери, то мы объ инородческихъ женщинахъ скажемъ въ этихъ словахъ все, что только показываютъ онѣ типическаго изъ своихъ темныхъ затворовъ. Здѣсь въ глазахъ мужа, онѣ оказываются гораздо дешевле и ниже его лохматой охотничьей собачонки.

Исключая охоты, инородецъ лѣнивъ и поразительно неохотливъ ко всякому дѣлу. Къ тому же и безъ него все сдѣлано, а стало быть дома лѣсному бродягѣ нечего дѣлать. Дома охотникъ либо голодаетъ, либо объѣдается до опьянѣнія и обморока, когда подойдетъ случай. Дома онъ можетъ изрѣдка предаваться чувственному и животному наслажденію отъ опьянѣнія

покупной водкой. Тогда изъ молчаливаго и сосредоточеннаго человѣка онъ превращается въ дикаго звѣря. Что было скрыто до сихъ поръ, то вырывается наружу. Пьяный немедленно начинаетъ жестокую драку. Мы были свидѣтелями этихъ кровопролитій у самоѣдовъ, видѣли ихъ у тунгусовъ, знаемъ о подобныхъ продѣлкахъ якутовъ и можемъ указать на то же самое между подстоличными чухнами. Явленіе это настолько характерно и знаменательно, что мы рѣшаемся на немъ остановиться.

Безпричинная и всегда очень свирѣпая драка дикарей напоминаетъ намъ разсказы охотниковъ про маленькую дикую птицу, живущую на болотныхъ островахъ въ глуши дремучихъ лѣсовъ,—именно турухтановъ. Они также любятъ драться; иногда дерутся по цѣлымъ недѣлямъ. Эта страсть характеризуетъ отрядъ куриныхъ птицъ, у которыхъ она врожденная. Если гдѣ-нибудь на болотѣ есть твердое мѣстечко, годное для арены, они тотчасъ собираются и, при восходѣ солнца, начинаютъ битву. Самцы дерутся клювомъ, ногами и крыльями, а самки очень любятъ смотрѣть на бой самцовъ, тѣмъ болѣе, что служатъ предметомъ соревнованія. Часто только вечеръ раздѣляетъ бойцовъ, но рано утромъ уже возобновляется эта болѣе смѣшная, чѣмъ серьезная сцена. Въ самомъ дѣлѣ, драка происходитъ только для шутки: побѣдившій герой самодовольно и гордо ходитъ взадъ и впередъ, какъ домашній пѣтухъ, — и только.

Для чего дерутся лѣсные люди? А между тѣмъ это всегда и у всѣхъ одно и то же. Стоитъ только угостить ихъ водкой, и, едва успѣешь попотчивать, сцена драки готова. Всѣ стояли смирно и молча, вдругъ вскидывается одинъ и начинаетъ колотить, безъ всякаго вызова, причины и поводовъ, перваго подвернувшагося. Мгновенно побоище дѣлается общимъ, и нѣтъ силъ и средствъ его прекратить. Очевидно, одно желаніе — заставить страдать товарища, нанести ему возможно большое количество ударовъ, самыхъ тяжелыхъ и по возможности кровавыхъ. Судя по силѣ ударовъ, ясно, что большое озлобленіе вскипѣло на душѣ, крупная обида вымещается на свалившемся съ ногъ товарищѣ. И, насѣдая на него и самъ получая удары, дикарь ни единымъ словомъ не объясняетъ причины гнѣва; какъ будто-бы это обще-употребительный и заурядный гимнастическій пріемъ, а не грубо-вылившійся порывъ приниженнаго сердца, выраженіе тайкомъ накипѣвшаго на душѣ недовольства безнадежною жизнію и отчаяннымъ нравственнымъ состояніемъ. Конечно, съ драчливой болотной птицей тутъ только внѣшнее и случайное сходство. Оригинальное проявленіе искусственно возбужденныхъ нервовъ скрываетъ за собою страшныя подробности оскорбленнаго человѣческаго достоинства и угнетеннаго духа скудостію родины, невознагражденнымъ трудомъ, ежечаснымъ страхомъ голодной смерти. Драки бываютъ до того ожесточенны, что чувствуется намѣреніе одного облегчить житейскія страданія однимъ рѣшительнымъ ударомъ и равнодушную готовность другаго принять его хоть бы и сейчасъ, когда подвернулся случай. Успокоенные буяны расходились въ разныя стороны, какъ ни въ чемъ не бывало. Преднамѣренныя убійства здѣсь величайшая рѣдкость, но равнодушіе къ постылой жизни ежечасно и самыми яркими чертами выражается на охотѣ за звѣрями, когда человѣкъ идетъ съ самымъ дешевымъ орудіемъ противъ наиболѣе лютыхъ и хитрыхъ звѣрей и производитъ это на крутыхъ скалахъ горныхъ хребтовъ Урала и Становаго. Еще очень недавно оставленъ инородцами волжской группы (черемисами и вотяками) обычай «сухой бѣды», состоявшей въ томъ, что обиженный, подъ увлеченіемъ местью, вѣшался на воротахъ обидчика.

Особенно грустно въ описанномъ нами явленіи то, что пьянство одно изъ послѣдствій встрѣчи цивилизующаго племени съ инородцами; что къ этому орудію прибѣгаютъ всѣ купцы, какъ надежному для сближенія и выгодному при плутняхъ вымѣна, и не покидаютъ этого пріема, несмотря на строгости правительственныхъ запрещеній и взысканій. Слѣды вырожденія племенъ отъ злоупотребленій пьянства, въ самыхъ рѣзкихъ проявленіяхъ, у всѣхъ передъ глазами. Всѣ бродячіе народы какъ дѣти довѣрчивы, какъ дѣти невинны и незлобивы. Доброе и мягкое сердце, вѣками усвоенная простота въ сношеніяхъ, доведенная до крайностей, позволяющая себя обманывать всякому, кому не лѣнь: вотъ поводы къ безконечной и ничѣмъ несдержанной и без-

совѣстной эксплуатаціи племенъ. Прежде всѣхъ другихъ представителей сословій цивилизующаго народа приселяется къ лѣснымъ охотникамъ барышникъ, торгашъ, міроѣдъ съ гнилымъ товаромъ, поставленнымъ въ огромную цѣну.

Измѣненіе климата, сильно зависящее отъ истребленія лѣсовъ, въ странѣ этихъ дикарей очень слабо: дожди продолжительны и обильны; все почти въ прежнемъ первозданномъ видѣ. Если смѣна хвойныхъ породъ лиственными, въ круговомъ обмѣнѣ природныхъ явленій, — здѣсь также явленіе непрерывное и обязательное, то оно въ такихъ малыхъ размѣрахъ, что не можетъ входить въ серьезный разсчетъ. Лѣсные люди не утратили въ нравственномъ смыслѣ подобія лѣснымъ деревьямъ и камнямъ, обросшимъ мохомъ, но мѣстами обнаружили перемѣну въ экономическомъ быту соотвѣтственно ботанической смѣнѣ лѣсовъ на пашни, превращенію послѣднихъ въ пустоши, на которыхъ въ самомъ дѣлѣ не медлили выростать именно березники со своими лиственными товарищами и спутниками. Гдѣ явилось обиліе и разнообразіе строеваго лѣса, гдѣ началось воздѣлываніе хлѣбныхъ растеній, тамъ обязательно явилась и осѣдлость. Гдѣ этого нѣтъ, бродячая жизнь людскаго племени продолжаетъ оставаться единственно-приличною дремучимъ хвойнымъ лѣсамъ формою быта. До тѣхъ поръ, пока лѣса способны пропитывать громадныя стада птицъ и звѣрей и добыча ихъ не сдѣлается ничтожной, земледѣліе не возникнетъ, и звѣроловъ не сдѣлается осѣдлымъ (какъ сдѣлали это турки — ближайшіе родичи якутовъ и венгерцы—родные братья пріуральскихъ вогуловъ).

Оставивъ лѣсныхъ полудикихъ, перейдемъ къ тѣмъ лѣснымъ жителямъ, которые, выходя на борьбу съ первобытными лѣсами, умѣютъ ихъ побѣждать и покорять, воздѣлываютъ землю, умѣютъ ткать, обдѣлывать камень и дерево, строить корабли, добывать металлы; вмѣсто первобытной мѣны продуктовъ ведутъ правильную торговлю и научились промышленнымъ искусствамъ.

Въ лѣсахъ появился новый житель и властитель.

С. В. Максимовъ.

Срубленный лѣсъ.

ОЧЕРКЪ II.

ЛѢСНЫЕ ЖИТЕЛИ.

Борьба съ первобытными лѣсами земледѣльцевъ. — Ихъ покровители. — Рѣки, озера и низменности. — Шахра. — Стремленіе славянскаго племени на сѣверо-востокъ. — Историческій очеркъ заселенія лѣсистаго сѣвера. — Починки, села, займища, деревни. — Орудія и способы борьбы съ непочатыми лѣсами. — *Лядины.* — Новины. — Кулиги. — Огнища. — Нивы и нивища. — Цѣлины. — Причины перемѣны мѣстъ. — Постоянное передвиженіе. — Имъ вызванные народные обычаи. — Кушни и заимки. — Объ акклиматизаціи животныхъ. — Община и артельный трудъ. — Круговая порука. — Большаки. — Ихъ господство и значеніе въ народной жизни. — Насельники дикихъ лѣсовъ. — Отшельники. — Слободы, пустыни и монастыри. — Монастырская община. — Разные виды и пріемы колонизаціи. — Богатые люди Строгановы. — Проповѣдники христіанства. — Св. Стефанъ Пермскій и другіе. — Наплывъ въ лѣса новыхъ поселенцевъ. — Раскольничьи скиты. — Данила Филипповъ. — Услуга старообрядческихъ общинъ и ихъ судьба. — Земледѣліе — основной промыселъ и ему подспорные. — Сидка смолы и гонка дегтя. — Рубка и сплавъ лѣсовъ. — Плотники и судостроители. — Осипъ Баженинъ. — Отецъ и сынъ Поповы. — Замѣчательныя зданія на сѣверѣ. — Хоромы Строгановыхъ. — Многоглавые храмы. — Тяжелый лѣсной промыселъ. — Звѣриный промыселъ. — Ловчія птицы. — Соколиная охота. — *Ловля рыбная.* — Ѣзы. — Перевѣсища. — Сѣверная женщина. — Семейная жизнь. — Грамотность. — Выдающіяся черты характера русскихъ лѣсовиковъ. — Вліяніе лѣсной природы. — Приключеніе съ поморомъ Химковымъ и его товарищами. — Вліяніе раскола на характеръ и развитіе жителей. — Самоучки. — В. Крестининъ, А. Ѳоминъ и М. В. Ломоносовъ. — Упадокъ сѣвера. — Общій взглядъ на лѣсистую страну. — Заключеніе.

М. В. Ломоносовъ.

Ой же вы, лѣса, лѣса темные!
Перестаньте вы праву вѣровать.
Вѣруйте вы въ Господа распятаго,
Самаго Егорья-Свѣта храбраго:
Стали лѣса постарому,
Стали лѣса попрежнему.
Выходилъ Егорій на Святую Русь,
Увидалъ Егорій свѣта бѣлаго,
Свѣта бѣлаго, солнца краснаго.

ѣса, непочатые и дремучіе, подавляющіе человѣческій духъ и силу, побѣждены земледѣльцемъ. Онъ принадлежалъ къ новому пришлому народу славянскаго племени и русскаго имени, и принесъ съ собою сюда три нехитрыя, грубаго дѣла, но испытанныя орудія. Съ ними, съ тремя кусками желѣза, коекакъ отточеннаго и кое-какъ укрѣпленнаго на деревяшкахъ, въ видѣ косы, топора и сохи, затѣялъ онъ борьбу съ могучими силами суровой природы.

Борьба оказалась тяжелою и въ большинствѣ случаевъ непосильною. Затянулась она на цѣлые вѣка; потребовала всей жизни отдѣльныхъ людей, вызвала напряженіе соединенныхъ силъ всего наличнаго

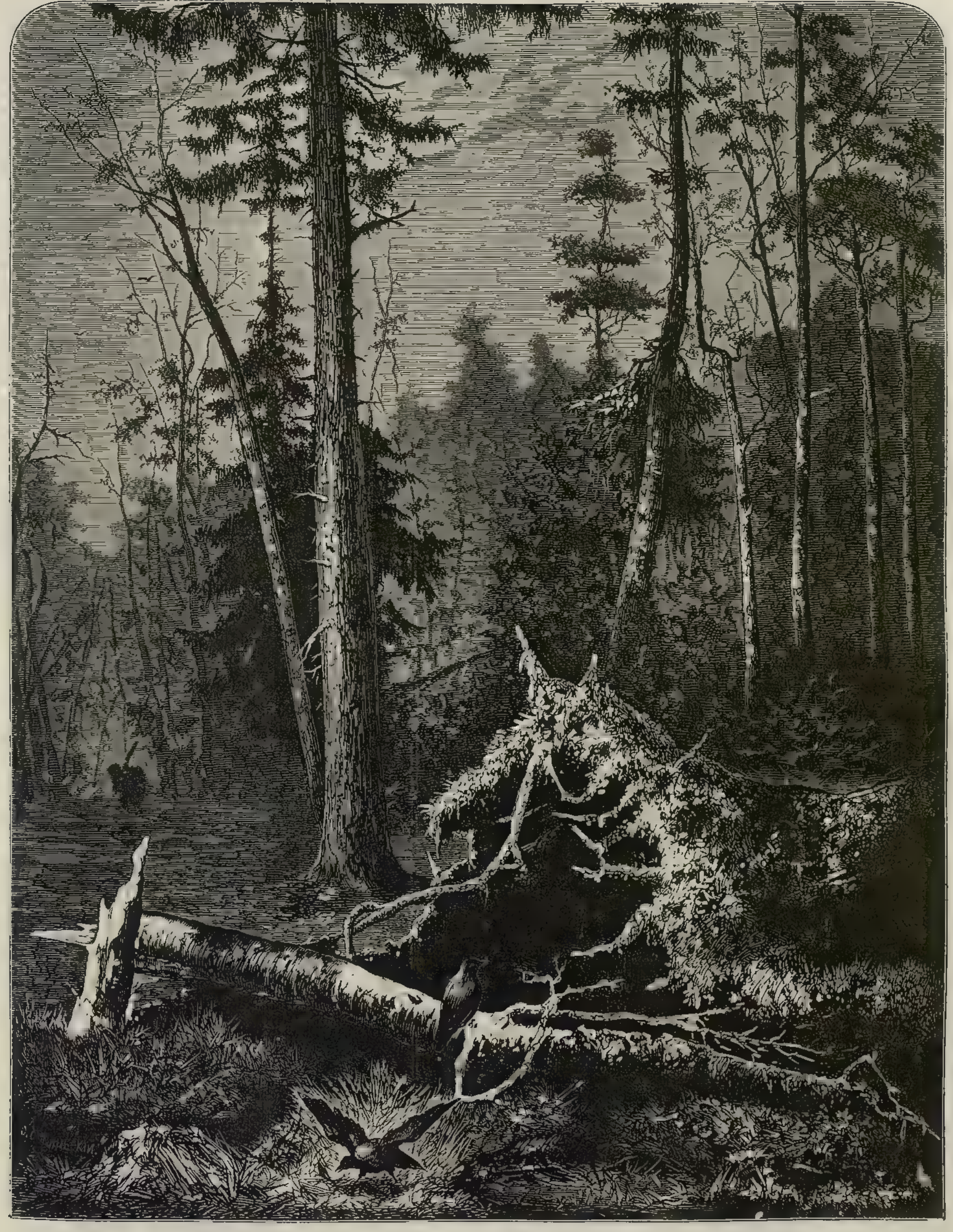
числа способныхъ къ работѣ отъ мала до велика. Какъ сказочному богатырю злая вражья сила ставила на пути по семи неодолимыхъ преградъ, такъ и этому, подлинному и живому богатырю негостепріимная суровая страна разсыпала на пути эти преграды (или, по выраженію народныхъ сказаній, «заставы») щедрой рукой въ поражающемъ избыткѣ. Но, по примѣру того же богатыря, Егорія-Свѣта храбра (поэтически олицетворяющаго въ себѣ весь русскій народъ), этимъ лѣсамъ темнымъ, выросшимъ въ высочайшую стѣну отъ земли до самаго неба, сказанъ былъ легкій, но крѣпкій зарокъ, который приведенъ въ началѣ этой главы.

Вышедшему на тяжелую борьбу съ испытанными орудіями, сноровкой и терпѣніемъ прислужился добрый духъ - покровитель: онъ указалъ входъ и выходъ, надежное мѣсто, гдѣ укрѣпиться. Борьба потеряла много страховъ и опасностей, стала обѣщать успѣхъ и побѣду.

Земледѣльческому племени послужили помощью и оказали покровительство тѣ же водяные пути: озера и рѣки, которые издревле облегчали трудъ движенія и переселеній. Они вывели земледѣльцевъ изъ дальнихъ прикарпатскихъ странъ; они же привели ихъ и сюда на очень отдаленный сѣверъ, въ самыя негостепріимныя страны. И, поставивъ лицомъ къ лицу со врагомъ, они же обезпечили возможность и перваго натиска, и послѣдующихъ нападеній. Земледѣльцу стоило лишь проставить ногу и укрѣпить ее на надежной почвѣ, чтобы, и съ немудреными орудіями, дальнѣйшая побѣда была обезпечена. Прибрежья рѣкъ и озеръ именно представляются такими мѣстами, которыя наиболѣе обезпечиваютъ бытъ людей и борьбу ихъ съ лѣсами.

Озера и рѣки нуждались въ низменностяхъ, на которыхъ хвойные лѣса расти не любятъ (за исключеніемъ еловыхъ, рѣдкаго насажденія). На озерныхъ и рѣчныхъ прибрежьяхъ, ослабѣвшая и остановившаяся сила хвойной растительности, замѣняется новою растительностью лиственныхъ породъ, болѣе благопріятныхъ для земледѣльца. Ежегодно спадающая съ деревьевъ листва приготовляетъ перегной, благодѣтельный для хлѣбныхъ растеній. На такой почвѣ для невзыскательныхъ хвойныхъ породъ слишкомъ много пищи, и, взбираясь на высокія мѣста, онѣ оставляютъ широкія прирѣчныя равнины и низменности въ свободное пользованіе деревьевъ лиственныхъ породъ. Между ними березы, осины, черная ольха и ивы разныхъ породъ занимаютъ наиболѣе видныя мѣста, при чемъ остается довольно простора и для открытыхъ мѣстъ съ болстистыми растеніями, и для луговъ съ кормовыми травами. Если лѣса низменностей принадлежатъ къ числу красивѣйшихъ лиственныхъ лѣсовъ, получившихъ, вслѣдствіе своей особенности, особое названіе *шахры* и *пармы*,— они въ то же время наиболѣе обезпечиваютъ жизнь пахарей. Борьба съ ними въ значительной степени облегчена. Деревья растутъ низкими, съ тонкимъ стволомъ и короткими сучьями; садятся они не такъ часто одно отъ другаго, на подобіе чищенныхъ рощъ. Среди нихъ открываются прелестныя мѣстности съ роскошными лугами, воспользовавшимися обсыхающей ежегодно наносной почвой, съ веселыми озерками, съ говорливыми ручейками, съ улыбающимися холмами. У подножія ихъ непремѣнно раскинулись и укрѣпились деревушки, и ведетъ отсюда человѣкъ, понуждаемый своими многосложными надобностями и требованіями, тяжелую вѣковѣчную борьбу съ лѣсомъ, который мрачно глядитъ съ горныхъ высотъ, обступившихъ веселую и живую картину, какъ рѣзкій и подавляющій контрастъ. Картина низменностей этого рода кажется веселой уже потому, что лиственные лѣса разнообразятся роскошными подлѣсками, состоящими изъ кустарниковъ. Лиственные лѣса не даютъ темной тѣни, такъ называемаго *увья*, и потому въ нихъ нѣтъ клочка, которымъ бы не воспользовались разнообразные сорты травъ и на которыхъ не могло бы приняться и возрости брошенное въ землю сѣмя хлѣбныхъ злаковъ. Травянистая чаща обилуетъ сочными листьями и пестрыми цвѣтами—излюбленнымъ мѣстомъ пѣвчихъ птицъ, которыя перепархиваютъ въ густыя вѣтви подлѣсковъ, но избѣгаютъ и боятся густыхъ чащобъ хвойныхъ лѣсовъ.

Дремучіе хвойные лѣса — дѣйствительно заклятые и непримиримые враги земледѣльческаго труда уже потому, что занимаютъ тѣ пространства земли, которыя могли бы воспитывать злаки хлѣбныхъ растеній. Господствуя на землѣ сплошными насажденіями въ громадномъ избыткѣ,

I. 57. Лѣсная глушь.

они порождаютъ и поддерживаютъ ту суровость климата, которая столь враждебна нѣжнымъ колосьямъ хлѣбныхъ злаковъ. Какъ холодильники природы, они привлекаютъ обиліе влаги, которое является еще большимъ препятствіемъ для всякихъ успѣховъ земледѣльческихъ занятій. Сила и быстрота роста хвойныхъ породъ на столько велика и могущественна, что отбитая тяжелыми усиліями подъ пашню земля не медлитъ покрываться новою порослью елей или сосенъ, лишь только человѣческій трудъ потребуетъ отдыха, лишь только на одинъ — на два года отвлечется отъ земли вниманіе пахаря. Напряженность послѣднему надобится чрезвычайная, а работа на новыхъ мѣстахъ требуетъ дѣйствительно богатырскихъ силъ. Эта вѣковѣчная борьба съ лѣсами въ сѣверномъ земледѣльцѣ породила даже ненависть къ нимъ, доходящую до крайнихъ предѣловъ и очевидную въ наши дни печальными послѣдствіями безразсчетнаго истребленія лѣсовъ, когда безнаказанно нарушены границы, полагаемыя природою для истребленія: срублены лѣса на горахъ, вырублены на источникахъ рѣкъ и т. д. У сѣверныхъ земледѣльцевъ, въ противоположность южнымъ и западнымъ, эта ненависть доведена до того, что всѣ селенія стоятъ на полномъ солнечномъ припекѣ и тщательно и намѣренно избѣгаютъ даже прохладной тѣни лиственныхъ и кустарниковыхъ деревьевъ, отводя лишь изрѣдка, и въ исключительныхъ случаяхъ, мѣстечко, и то на задворьяхъ, безполезнымъ деревцамъ рябины и черемухи.

Хотя съ точностію неизвѣстно время, когда русскіе люди пришли въ дикія страны непочатыхъ и недоступныхъ хвойныхъ лѣсовъ, тѣмъ не менѣе извѣстны до мелкихъ подробностей орудія, способы и послѣдствія той тяжелой борьбы съ суровой природой, на которую они обязательно натолкнулись. Впрочемъ, ограничиваясь здѣсь географическими предѣлами страны, носившей въ древнемъ Новгородѣ названіе Заволочья и Двинской земли, мы на первыхъ же страницахъ первоначальной лѣтописи встрѣчаемъ прямыя указанія, что эта страна была хорошо извѣстна первымъ насельникамъ славянскаго племени, основавшимъ торговый Новгородъ. «Волокъ», отдѣляющій системы рѣкъ, текущихъ на югъ и западъ, отъ тѣхъ рѣкъ, которыя направляются въ Студеное море по сѣверному склону лѣсистой земли, былъ обхоженъ и пройденъ.

Въ XI вѣкѣ новгородцы уже собирали дань съ Печоры; въ XII предпринимали въ знакомыя мѣста, въ Двинскую землю, частые военные походы, а съ XIII не только начали здѣсь правильную, обдуманную и настойчивую колонизацію, но получали дань даже съ отдаленнаго заморскаго Терскаго берега. Населялись русскими людьми: и Обонежская пятина, простиравшаяся вплоть до Бѣлаго моря, по сторонамъ Онежскаго озера, и новгородскія волости—Заволоцкая (по обѣимъ сторонамъ Сѣверной Двины, отъ рѣки Мезени до рѣки Онеги), Пермь (по верховьямъ Камы и Вологды) и Печора (отъ рѣки Мезени до Канинскаго полуострова). Въ XIII вѣкѣ существовало даже независимое отъ Новгорода и совершенно самостоятельное владѣніе между рѣками Вяткой и Камой, основанное новгородскими выходцами еще въ предшествовавшемъ вѣкѣ подъ именемъ *Хлынова* (что теперь Вятская губернія).

Привели сюда этихъ новыхъ поселенцевъ многоводныя рѣки — издревле испытанные и облегченные пути для народныхъ переселеній, на этотъ разъ замѣчательныя своимъ обиліемъ и направленіемъ теченія. Сплошная цѣпь озеръ, соединенныхъ между собою протоками, указала надежныя мѣста для первоначальныхъ водвореній, а частая и роскошная сѣть рѣкъ, прорѣзающая область дремучихъ лѣсовъ во всѣхъ направленіяхъ, вводила въ самую лѣсную глушь и выводила на просторъ богатыхъ морскихъ побережій. Захватомъ верховьевъ рѣкъ и одновременно съ ними, и преимущественно, устьевъ побочныхъ рѣкъ обезпечивались начальные шаги наиболѣе опытныхъ и смѣлыхъ передовыхъ водворенцевъ. Постройкою на этихъ мѣстахъ укрѣпленныхъ городковъ (Великій Устюгъ и Вологда, Вага и Холмогоры, Каргополь и Соль-Вычегодская) упрочивалось дальнѣйшее существованіе земледѣльцевъ на избранныхъ ими пунктахъ. Шли сюда новгородскіе люди съ издавна пріобрѣтеннымъ навыкомъ къ постройкѣ «хоромъ» и судовъ, еще съ 1016 года, извѣстные подъ браннымъ словомъ «плотниковъ», приданнымъ имъ кіевскими полянами и степняками. Шли новгородцы безбоязненно, и охотно разселялись на просторѣ свободныхъ отъ за-

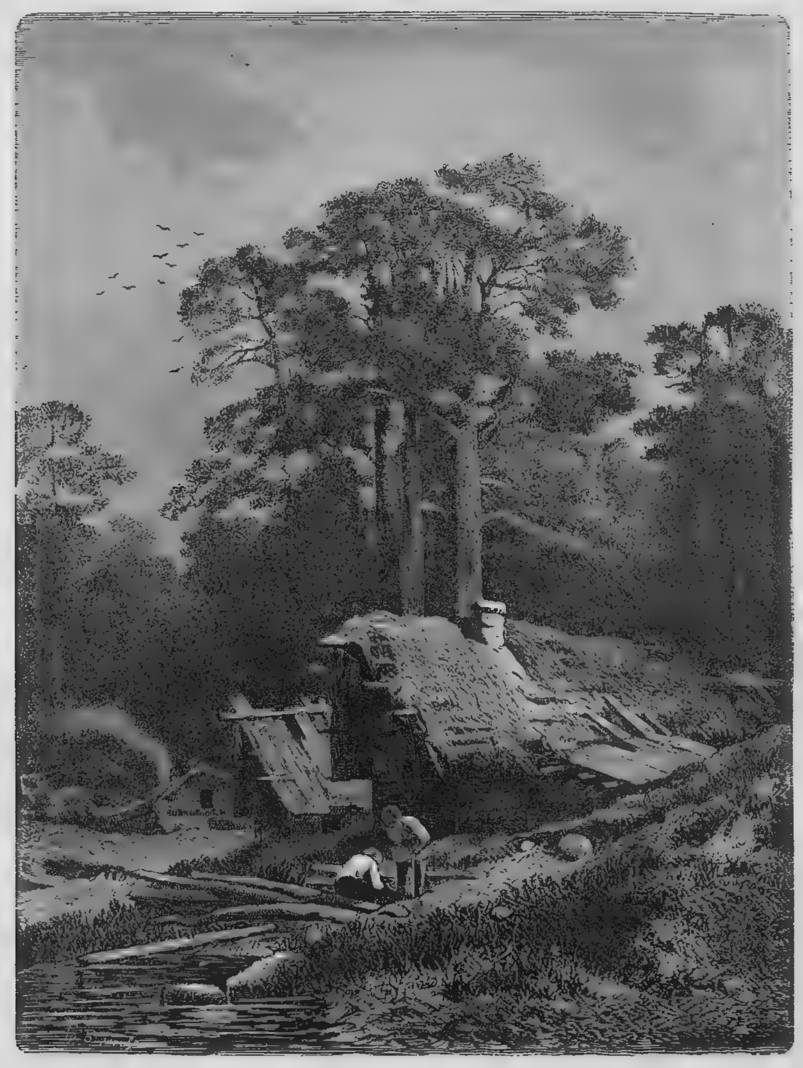
селеній мѣстъ подъ защитою укрѣпленій по рѣчнымъ подоламъ и угорамъ,—«садились на сыромъ корени,» по красивому выраженію древнихъ юридическихъ актовъ, «гдѣ лѣсъ отъ вѣка не паханъ». Поселялся здѣсь новгородецъ на свой страхъ и въ надеждѣ на свою силу, какъ выговорилъ одинъ за всѣхъ св. Антоній Римлянинъ: «не пріяхъ ни имѣнія ото князя, ни отъ епископа, но токмо благословеніе, и паша на чужой землѣ ни вдвое, ни во едино, ни себѣ покоя не дахъ: да то все управитъ Мати Божія, что есмь бѣды принялъ о мѣстѣ семъ».

Впустѣ лежащія земли были свободны, никому не принадлежали. Свободенъ былъ и искавшій себѣ на нихъ осѣдлаго жилища и хлѣбороднаго мѣста народъ славянскаго племени. Во всякое время онъ воленъ былъ оставить избранное мѣсто и обмѣнять его на другое. Если кто-либо нанимался для работъ,—ежегодно на осенній Юрьевъ день (26 ноября), онъ имѣлъ право оставить этого хозяина и искать другаго. Просторъ для передвиженій былъ обширный и неограниченный. Самый способъ владѣнія землею покровительствовалъ тому, что наше сельское населеніе было подвижное: народъ искалъ осѣдлости и покидалъ найденную землю ради той же осѣдлости. И чѣмъ дальше вглубь временъ, тѣмъ обычай этотъ былъ сильнѣе и дѣятельнѣе. Непрерывнымъ потокомъ двигался народъ на сѣверо-востокъ Россіи искать пашенъ. Полетѣлъ вмѣстѣ съ ними и воробей — въ глухихъ трещахъ неизвѣстная птица. Выжигая еловые и срубая сосновые лѣса, пахарь, особенно на пустошахъ, давалъ просторъ лиственнымъ лѣсамъ и самымъ сильнымъ между ними — березовымъ. Береза стала развиваться въ такомъ множествѣ, что въ средѣ лѣсныхъ инородцевъ родилось глубокое убѣжденіе въ томъ, что появленіе бѣлой березы знаменуетъ ихъ погибель и владычество «бѣлаго царя»...

Приходили люди на новое мѣсто, поднимали цѣлину, ставили *починокъ* — одинокое жилье «на нови, безъ пашни»—какъ объясняютъ древніе акты. Починокъ прозывался селеніемъ *(селомъ)*, когда срубался сосѣдній лѣсъ, подсушивался и выжигался, заводились новыя мелкія хозяйства и съ ними новыя зимнія жилья (съ печкой для отопленія, а потому *исътопъки*, *истопки*, *истъбы*, т. е. *избы*). Впослѣдствіи селенія, изъ дерева и среди деревъ, прозваны были за то *деревнями*, *займищами*, *селищами*, *запашками*. Они были именно тѣми отдѣльными хозяйствами, выродившимися изъ селъ, когда сельскія поля удлинялись, а полосы хозяевъ удалялись отъ дворовъ; надобилось много времени на переходы и переѣзды въ дорогое для пахаря лѣтнее время, а изстаринная трехпольная система земледѣлія требуетъ, чтобы полосы были подъ руками на задворкахъ, а выгоны и пустоши — на глазахъ и недалеко. По землѣ, которая тянула къ селу, *деревенщина* соединялась съ селомъ «по разрубамъ, разметамъ», отправленіямъ земледѣльцу и Государству, но имѣла и свой участокъ, который жители дробили между собою на жеребья по дворамъ и семействамъ. Тамъ-же и въ то время, когда селища и займища превращались въ деревни, объявились на русской землѣ и погосты въ глубокой русской древности. Это излюбленныя и избранныя мѣста съ одинокимъ жильемъ, куда въ языческія времена окрестный народъ собирался для общаго дѣла: суда или торга, а въ христіанскія — и для молитвы, такъ какъ на погостахъ выстроены были храмы и указано было мѣсто для погребенія усопшихъ. И до нашего времени эти одинокія селенія сохранили свой характеръ временнаго сходбища (для гостьбы, погостить), оживленнаго лишь Божіимъ храмомъ и при немъ жильями духовенства и церковниковъ. Погостъ немедленно переименовывался въ село, лишь только счастливый и удачный выборъ мѣста оправдывался на дѣлѣ, и затѣмъ привлекалъ новыхъ поселенцевъ и обстраивался домами промышленныхъ и торговыхъ людей. Рядомъ съ этими переименованіями постепенно исчезали изъ народной памяти и разнообразныя прозвища пахаря (изорникъ, смердъ, ролейный закупъ, наймитъ и т. под.), и получилось новое крещеное имя, господствующее теперь на всемъ пространствѣ Русской земли — крестьянина (хрестьянина, христіанина).

Изъ осѣдлыхъ жилищъ въ починкахъ и займищахъ, въ селахъ и деревняхъ, выходили крестьяне съ огнемъ и желѣзомъ на такую же истребительную войну съ лѣсомъ, какія вели нѣкогда цѣлые народы, съ корнемъ стиравшіе съ лица земли своихъ противниковъ, за-

граждавшихъ путь и занявшихъ попутныя мѣста. Пріемы земледѣльческихъ племенъ на сколько древни и просты, на столько же вѣрно дѣйствуютъ, разнообразны и распространены повсемѣстно подъ множествомъ названій. Въ древней Руси этотъ первоначальный способъ воздѣлыванія земли посредствомъ роздерти, росчисти, роскоси, гари назывался на сѣверо-западѣ ля-

Заимка.

динынымъ, на сѣверо-востокѣ — *новиннымъ*; на ученомъ языкѣ онъ прослылъ подъ названіемъ хозяйства *подсѣчнаго*. Новая земля, отбитая отъ дремучихъ лѣсовъ, встарину звалась притеребой, теперь въ разныхъ мѣстахъ зовутъ ее разными именами: на великорусскомъ сѣверѣ это—новь, новина, кулига, въ бѣлорусскихъ лѣсахъ это — лядо, лядина, огнище. Тѣмъ не менѣе, какъ ни разнообразны названія способовъ, каждый пріемъ поразительно однообразенъ и простъ.

Крестьяне выбираютъ въ дремучемъ лѣсу способное и удобное мѣсто. На лѣсистомъ сѣверѣ таковыми считаются ровныя и сухія, гдѣ растетъ ельникъ въ смѣси съ березникомъ, мелкій, но густой мѣшаный лѣсъ, гдѣ толщина деревьевъ не превышаетъ 2½ вершковъ. Если преобладаетъ бѣлая ольха, почва считается наилучшею. Въ мѣстахъ поюжнѣе лучшимъ признакомъ лядины полагается густая чаща ели (ольха же указываетъ на непригодность почвы), и наоборотъ, на сѣверѣ (по Олонецкой и Архангельской губ.) сплошные еловые лѣса считаются для новинъ непригодными деревьями, рѣшительно не по силамъ здѣшнимъ крестьянамъ для росчистей и пожоговъ подъ пашни.

Въ лѣтнее время, между двумя посѣвами яроваго и жнитвой озими, на избранномъ мѣстѣ, называемомъ *лядо, лядина, ледина,* а также, по примѣру инородцевъ, *сельга,*—вырубается лѣсъ и, по возможности, сваливается рядами или, какъ говорятъ,—*постелью.* Загроможденное такимъ образомъ мѣсто приговоренными къ смерти деревьями, подсѣченными, подчищенными и поваленными,—цѣлый годъ, до будущаго лѣта, называется русскими именами: *подсѣка, чищоба, валки, починокъ* и также подъ инородческимъ прозвищемъ — *кулиги.* Деревья сложены одно на другое по длинѣ, и сколь возможно ровно и плотно прикрываютъ землю своими срубленными вѣтвями. Земля, занесенная снѣгомъ, менѣе промерзаетъ и осенью дольше прѣетъ. Хорошія бревна раскатываютъ по сторонамъ, прибираютъ; оставляютъ на мѣстѣ нетолстыя. Лѣсъ высыхаетъ и подсыхаетъ. Въ свободное время втораго лѣта подсѣченный лѣсъ зажигаютъ, употребляя самое тщательное вниманіе на то, чтобы не занялся огнемъ сосѣдній, стоячій лѣсъ. Обгорѣлое и зачернѣлое мѣсто, получающее названіе *пожога, огнища, пала* и *паленины*, посѣщается вновь въ то же лѣто, спустя нѣсколько времени, крестьянскими семьями въ полномъ сборѣ: ими сносятся головни въ кучи, перерубаются и дожигаются. Эта черная работа называется *прятаніемъ новины.* При этомъ замѣчаютъ, что ежели лѣсъ хорошо высохъ и сгоралъ въ недождливое и въ безвѣтренное время,—успѣхъ тяжелаго труда совсѣмъ обезпеченъ: новина задалась. Ее *подымаютъ* или, какъ говорятъ также, *ломаютъ:* обработанную землю засѣваютъ рожью или ячменемъ, а въ иныхъ мѣстахъ даже и льномъ (на Волгѣ рѣпой, а если кулига не поспѣла, то озимымъ хлѣбомъ, въ южныхъ мѣстахъ — пшеницей). Изъ огнища дѣлается пашня, извѣстная на сѣверѣ подъ именемъ *нивы*, на которой въ безпорядкѣ торчатъ обгорѣлые пни и голые коренья срубленныхъ деревъ. Между ними запахивается зерно бороною самаго грубаго дѣла (изъ перерубленныхъ пополамъ еловыхъ лапокъ съ обсѣченными длинными сучьями), но самаго практическаго значенія (гибкая борона, перемѣшивая сѣмена съ золою, не задерживается пнями и кореньями, легко спрыгиваетъ на своихъ длинныхъ пауковыхъ ногахъ и, при паденіи, еще больше разрыхляетъ землю). Всякій разъ, когда сѣютъ хлѣбъ, болѣе и болѣе взламываютъ и выворачиваютъ пни или *корчуютъ* вагами, т. е. деревянными длинными рычагами. Эта работа—одна изъ труднѣйшихъ и къ тому же подвигается очень медленно: пни подопрѣваютъ долго. Когда хлѣбъ убранъ, новое поле получаетъ названіе *нивища,* въ закромахъ у хозяевъ, за долгій и тяжелый трудъ, богатая прибыль. Урожай на нивахъ достигаетъ иногда поразительныхъ размѣровъ: самъ-25 самый обычный, самъ-30 — 35 очень частый, самъ-40 — нерѣдкій, а бываетъ мѣстами и временами и самъ-60. Выростающее зерно крупное, но почвенная сила непрочна: если однимъ посѣвомъ съ громаднымъ избыткомъ вознаграждается тяжелый трудъ и предварительныя трехлѣтнія хлопоты, то на второй годъ нива уже никакого посѣва не заслуживаетъ, если не будетъ удобрена. За малымъ количествомъ, среди дремучихъ лѣсовъ, луговыхъ пространствъ съ кормовыми травами, при невозможности разведенія рогатаго скота въ томъ достаточномъ количествѣ, чтобы получать наземъ и по крайнему, вслѣдствіе того, недостатку удобренія, нивище пускается въ *перелогъ,* на отдыхъ. Лѣсная заросль не медлитъ занять старое мѣсто, и нивище это поступаетъ обратнымъ путемъ въ то же званіе и значеніе, которое характеризуютъ словомъ *лядины.* Лядина требуетъ особенно частаго и ежегоднаго ухода (проходной рубки и вырубки сосны и осины для простора бѣлой ольхѣ, березѣ и немного ели). И при всемъ этомъ только

черезъ 35—40 лѣтъ лядина можетъ годиться подъ огнище и ниву, и подъ свѣжій посѣвъ, хотя почва черезъ 8—10 лѣтъ дернѣетъ, въ болѣе южныхъ мѣстахъ сѣверныхъ лѣсовъ превращается въ *цѣлину* и зовется иногда залогомъ и непашью.

Такимъ образомъ на сѣверѣ, въ Заволочьѣ, рабочему, поднявшему цѣлину во цвѣтѣ молодыхъ и ненадломленныхъ силъ, надобится періодъ лѣтъ, предназначенный вообще для жизни большинству людей, чтобы успѣть еще разъ обратиться къ отдохнувшей землѣ и вновь попробовать вызвать ея силы, когда человѣческія уже надорваны и ослабли, когда на помощь приготовилась уже третья свѣжая сила — во внукахъ. Вотъ почему съ древнѣйшихъ временъ и до нашихъ дней практикуется народомъ такой обычай: посидѣвшій на новомъ мѣстѣ 2 — 3 года покидаетъ его, ищетъ другаго, гдѣ бы трудъ его былъ легче и производительнѣе. Туда переноситъ онъ и свою избу съ приспѣшнями, которыя оттого во всѣхъ лѣсныхъ мѣстностяхъ кажутся временно и наскоро построенными, недомовитыми, бѣдными и такими по виду и по внутреннему достоинству, что ихъ не жаль покинуть во всякое время. Чуть трудъ станетъ потяжелѣе, земледѣлецъ бросаетъ перенесенную избу и на третьемъ мѣстѣ строитъ новую. Но и здѣсь предпочитаетъ онъ дѣлать гарь, чѣмъ хлопотать объ удобреніи. Замѣчательно, что до XV вѣка въ древнихъ актахъ и памятникахъ не говорится о земледѣльческихъ удобреніяхъ нигдѣ ни одного слова, нѣтъ и намековъ. Даже и въ настоящее время по недостатку сѣнокосовъ, когда скотъ приходится подкармливать истолченными въ порошокъ сельдяными головками, скота на сѣверѣ разводится мало, коровы очень мелки, да таковы же и лошади.

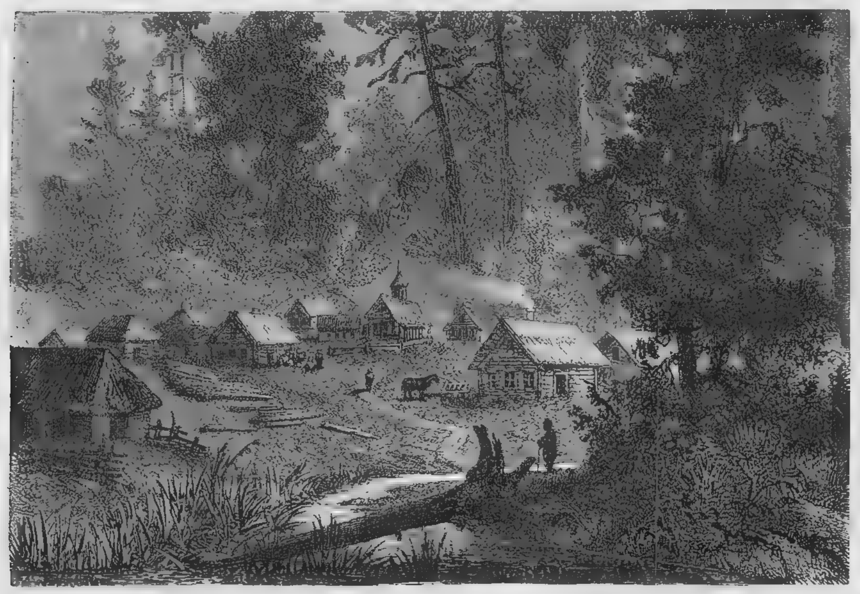
Извѣстная холмогорская порода рогатаго скота — лишь удачный опытъ перерожденія голландской породы въ особую, очень молочную, но дальше окрестности Холмогоръ не привившуюся. Длинныя, низенькія, горячія и сильныя лошади *мезенки*, переродившіяся изъ вывезенныхъ изъ Москвы другомъ Царевны Софіи, княземъ В. В. Голицынымъ, почти совсѣмъ исчезли и сдѣлались, также какъ и обвинки, большою рѣдкостью. Всѣ онѣ отличаются мелкимъ ростомъ, выносливостію и невзыскательностію къ корму. У мезенокъ, какъ и у якутскихъ лошадей, послѣднее свойство доходило до того, что онѣ пропитывались древесной корой, неразборчиво ѣли опавшіе съ деревьевъ листья и т. п.

О сбереженіи лѣсовъ въ старое время никто не думалъ; лѣсъ считался ни по чемъ. Онъ представлялъ собою только полный просторъ для свободнаго земледѣльческаго русскаго люда, который еще въ XVI вѣкѣ воленъ былъ бросать расчищенную землю и искать другую. Вотъ почему старые офиціальные памятники переполнены указаніями на многочисленныя группы деревнищъ, займищъ, селищъ и пустошей.

Этому подсѣчному способу хозяйства, требующему постояннаго и настойчиваго передвиженія впередъ въ глубь дремучихъ лѣсовъ, Россія обязана колонизаціей холоднаго и негостепріимнаго сѣвера и завладѣніемъ столь богатою и обширною страною, какова Сибирь. Если самовольнымъ переселеніямъ въ Россіи давно положенъ предѣлъ, то въ той новой странѣ, которая лежитъ за Уральскимъ камнемъ, вольныя заселенія новыхъ мѣстъ производятся прежнимъ порядкомъ подъ видомъ и именемъ заимокъ. Въ Россіи же остались только слѣды, но очень яркіе и характерные, какъ въ нравахъ, такъ и въ народныхъ обычаяхъ слѣдующаго рода.

На лѣсистомъ сѣверѣ оставшіяся жилища немногочисленны и малолюдны: большая рѣдкость встрѣтить деревни свыше 50 дворовъ. Гостепріимство, приказывающее «не быть для гостя запасливымъ, а быть ему раду»,—до сихъ поръ у сѣверныхъ русскихъ рѣзко выдающаяся добродѣтель. За радушіемъ этихъ людей легко уберечься всякому прохожему и голодному. До сихъ поръ во многихъ мѣстахъ (особенно въ Сибири) свято соблюдается обычай придѣлывать къ окну, выходящему на улицу, полочку и выставлять на ней на ночное время остатки дневной пищи. Если въ настоящее время этотъ обычай погодился для бѣглыхъ съ каторги, то въ свое время онъ послужилъ тому, кто свободнымъ насельникомъ перебирался съ худаго стараго на хорошее новое мѣсто. До сихъ поръ въ глухихъ лѣсныхъ мѣстахъ придерживаются обычая сѣять

горохъ и рѣпу при дорогѣ, чтобы прохожій человѣкъ могъ ими попользоваться. Наученные личнымъ опытомъ тяжелыхъ переходовъ черезъ необитаемые, глухіе и опасные лѣса, передніе не забыли о заднихъ и по возможности обезпечивали и облегчали имъ путь. Старинный православный обычай ставить кресты на мѣстахъ отдыха и ночлеговъ прислужился тѣмъ, что намѣтилъ дорогу прежде прошедшихъ здѣсь. На распутьяхъ или растаняхъ и на тѣхъ мѣстахъ, на которыхъ одна дорога вела туда, гдѣ самому быть убиту, а другая туда, гдѣ коня потерять — тотъ же обычай пріуроченъ къ тому, чтобы указывать выходъ: направленія поперечныхъ досокъ креста прилаживается всегда такъ, чтобы съ той или другой стороны указывать въ надежное и безопасное мѣсто. Особенно знаменательны обычаи и правила, какими издавна обставлены лѣсныя избушки, извѣстныя подъ именемъ кушней (отъ кущей, находящихся въ самыхъ глухихъ трущобахъ подъ наблюденіемъ особыхъ сторожей—кушниковъ). Такими избушками заставлены сѣверные лѣса даже въ самыхъ глухихъ своихъ тайболахъ и урманахъ, и вся сѣть ихъ представляетъ непрерывную

Починокъ.

цѣпь станцій, уголковъ для угрѣвы и отдыха по направленію отъ обоихъ величайшихъ русскихъ озеръ до средины Печоры и дальше черезъ Уральскія горы въ дальнюю глубь сибирской тайги. Это — или оставленныя жилья неудачливыхъ поселенцевъ, или изба, выстроенная про всякій случай догадливыми звѣровщиками, или земской властью для своей почты. Во всякомъ случаѣ, кушни не имѣютъ хозяина и предназначены для общаго пользованія и всякому, кому приведется попасть сюда и войти погрѣться и покормиться: погрѣться—потому, что въ избушкахъ всегда складена каменка (очагъ), а иногда и русская печь, покормиться—потому, что въ кушнѣ, если не живетъ кушникъ, всегда гдѣ-нибудь стоитъ про голоднаго человѣка кадочка съ соленой треской, ведерко съ солеными сельдями, сухари въ столѣ, соль въ берестяной коробочкѣ, сѣтка съ поплавками половить свѣжей рыбки, образокъ въ уголку помолиться Богу. Попользуйся всѣмъ, что оставлено, но и поблагодари: оставь, что можешь. Если же и н тъ ничего — никто за тѣмъ не смотритъ; другой запасливой человѣкъ за тебя сдѣлаетъ это.

Такими способами обезпечивался на вольной землѣ переходъ вольныхъ людей на дальнихъ разстояніяхъ. Взаимная помощь и поддержка стали закономъ. Общее и недѣленое указывалось самымъ характеромъ народнаго быта и проникло во всѣ его частности и дробныя примѣненія. Первая встрѣча съ суровой природой, первые шаги въ борьбѣ съ могучими силами дремучихъ лѣсовъ убѣждали въ томъ, насколько ничтожна сила одного человѣка и насколько побѣдоносно участіе въ дѣлѣ соединенныхъ силъ, гдѣ всѣ заодно, и каждый за всѣхъ, гдѣ одному страшно, а всѣмъ нестрашно. На подобныхъ работахъ создался «артельный» трудъ, въ самомъ разнообразномъ примѣненіи (промысловомъ, торговомъ и продовольственномъ), безплатная «помочь» (работа артельно изъ одного угощенія), новоземельскія «котляны» и мурманскіе «покруты» для промысла морскихъ звѣрей и пищеваго продовольствія на необитаемыхъ морскихъ берегахъ и островахъ. Общинное начало господствуетъ даже въ торговыхъ предпріятіяхъ, между купцами: вели ли они ихъ съ иноземцами или инородцами, мѣновыя или денежныя, водою (водяными путями) или горою (сухопутьемъ). При подобномъ же способѣ обезпеченія жизни выродилось могущественное начало общиннаго быта, укрѣпилась община, безъ которой и самая жизнь сѣвернаго человѣка немыслима и безвыходна. Непосильная одному человѣку борьба съ суровыми условіями природы, въ общинномъ трудѣ ознаменовалась блистательной побѣдой, въ земледѣльческой артели нашлись главныя и надежныя орудія. Община заселила сѣверъ, община перебралась и въ Сибирь, и это значеніе ея настолько было велико въ прежнія времена, что московскіе цари, не любившіе новгородскихъ порядковъ, уважили и укрѣпили значеніе крестьянскихъ общинъ. Имъ предоставили право выбирать старостъ или лучшихъ людей, излюбленныхъ міромъ, въ заступники за себя. Безъ вѣдома этихъ людей крестьянина нельзя было брать ни по суду, ни безъ суда; сама же община имѣла право судить своихъ выборныхъ. Община надзирала за порядкомъ и тишиной внутри, даже управлялась сама собою: выборными старостами, сотскими, пятидесятскими и десятскими. Эти выборные смотрѣли, чтобы въ ихъ волостяхъ было тихо и спокойно, чтобы никто не допускалъ воровства, корчемства, разбоевъ. Выборные люди раскладывали подати и повинности. Расцѣнивалось обыкновенно имѣніе каждаго тягловаго крестьянина, пашня и получаемый съ нея хлѣбъ, дворъ и скотина при немъ, промыселъ и работники въ семьѣ. Зажиточные писались въ одну кость, средніе въ другую, бѣдные въ третью. Случалось, что одна деревня богатѣла, наполнялась пришлымъ народомъ, другая пустѣла,— тогда общины уговаривались взаимно на счетъ платежа податей. Опустѣвшая община имѣла право сзывать новыхъ жильцовъ, давать имъ разныя пособія; посылала повѣренныхъ съ деньгами выкупать у другихъ общинъ состоящихъ въ тяглѣ, но пожелавшихъ переселиться. Эти же повѣренные отыскивали своихъ старыхъ тяглецовъ и возвращали ихъ на прежнія пепелища.

Изъ отвѣтственности крестьянскихъ обществъ передъ тѣмъ или другимъ владѣльцемъ выродилась свободная сдѣлка, называемая «круговой порукой». Эти сдѣлки опирались на «доброй славѣ» всѣхъ членовъ общины и служили обезпеченіемъ тому, что всякій заботился о безопасности общей, и всѣмъ неудобно и невыгодно было принимать худыхъ людей, за которыхъ нельзя было поручиться. Круговая порука была такимъ образомъ чисто-народнымъ порожденіемъ, и правительство впослѣдствіи, для финансовыхъ цѣлей, воспользовалось ею, какъ готовою формою. На дѣлѣ черезъ нее за неисправнаго плательщика отвѣчали всѣ другіе или искали на его мѣсто болѣе благонадежнаго члена.

На общинномъ сходѣ каждый крестьянинъ имѣлъ голосъ: на судѣ крестьяне, наравнѣ съ купцами и боярами, признавались свидѣтелями и имѣли равныя права со всѣми, т. е. выбирали въ судъ своихъ судей. Передъ закономъ у крестьянъ было равенство съ другими сословіями, они почитались лишь низшимъ классомъ общества. Но не смотря и на это, и на то, что жизнь въ холопяхъ освобождала отъ тягости тягла и обезпечивала боярскимъ содержаніемъ, земледѣлецъ не рѣшался мѣнять ни на что свою свободу, хотя и пользовался ею среди безотрадной и тяжелой жизни. Около Юрьева дня, въ осенины, за недѣлю до него и недѣлю послѣ,

земледѣлецъ былъ чистъ и правъ, могъ сниматься съ мѣста и жить на слѣдующій годъ, сколько поживется, у другаго. Этотъ другой былъ: или другая крестьянская община, или богатый собственникъ въ родѣ князя, митрополита, промышленнаго человѣка, купца, монастырскаго братства.

Такимъ образомъ побѣждали лѣса и воздѣлывали ихъ подъ пашню-или соединенныя силы добровольно сплотившихся монастырскихъ и крестьянскихъ общинъ, или сила денежнаго капитала богатыхъ людей, призывавшая на свободныя земли охочихъ людей.

Въ Двинской землѣ преимущественно играли видную роль въ значеніи владѣльцевъ помѣстій новгородскіе бояре и купцы; въ мѣстахъ нынѣшней Вологодской губерніи, имѣвшей 88 монастырей, видное мѣсто принадлежало монастырской колонизаціи.

Пріемы заселенія у всѣхъ были одинаковы: желавшіе воздѣлывать непочатую землю обѣщали за трудъ всякія льготы и барыши и старались удерживать пришельцевъ строгимъ исполненіемъ своихъ обѣщаній. Нанимали чаще за половину добычи съ земли (половники или половинники, дожившіе со своими старинными правами до времени послѣдняго освобожденія крестьянъ). Нанимали въ лучшихъ мѣстностяхъ и за треть сбора (третники). Половникамъ удалось уберечься изъ древнѣйшихъ временъ нашей исторіи до нашихъ дней — именно на лѣсистомъ сѣверѣ (въ Вологодской губ., въ уѣздахъ Устюжскомъ, Соль-Вычегодскомъ и Никольскомъ, въ количествѣ около 5 тыс.). Эти крестьяне, какъ обѣльные разныхъ губерній и бѣлопашцы Костромской губ. (потомки Ив. Сусанина), были сословіемъ привилегированнымъ и, когда всѣ были прикрѣплены къ землѣ, они пользовались правомъ перехода по старинѣ, куда захотятъ — отъ одного владѣльца къ другому или обратно въ черносошныя волости, и отнюдь не подлежали личному закрѣпощенію. Пока жили на чужой землѣ, они обязывались доставлять владѣльцамъ половину произведеній ежегоднаго урожая; по соглашенію могли замѣнить это и оброкомъ. Какъ люди свободные, садясь по записи на мѣстѣ, они могли оставлять его, но съ извѣщеніемъ о томъ владѣльца за годъ. Никто на этихъ людей не имѣлъ права налагать никакихъ другихъ повинностей и службъ, кромѣ относящихся до земледѣлія и сельскаго хозяйства. Къ сильнымъ владѣльцамъ, каковы богатые новгородскіе бояре, владыки и монастырскія общины, самъ народъ тянулъ охотно, находя у нихъ защиту отъ всякихъ стороннихъ притѣсненій. Жизнь за спиною сильнаго владѣльца, какъ за стѣной каменной, соблазняла и тѣхъ, у кого были свои земли и достаточныя средства держаться на нихъ. Обидъ и невзгодъ въ тѣ времена было много: то померзнетъ отъ раннихъ заморозковъ хлѣбъ на корню, и понадобится ссуда изъ запасныхъ складовъ, то отъ частыхъ и обильныхъ дождей, какими богата вся лѣсистая страна, хлѣбъ загніетъ и повалится, и наступитъ голодъ. Голодные годы до того были часты, по сказаніямъ самовидцевъ, что на четыре года приходился одинъ годъ голодный: народъ дралъ кору съ сосенъ и ѣлъ ее вмѣсто хлѣба, вмѣстѣ со всякой запрещенной скверной: собаками, мышами, кошками. Лѣтописи почти годъ за годомъ разсказываютъ о подобныхъ бѣдствіяхъ, столь присущихъ дѣвственнымъ и дикимъ странамъ, гдѣ все ни предусмотрѣть невозможно, ни оборониться нѣтъ средствъ, потому что силы природы чудовищно-велики, неудержимы, съ разительными крайностями и причудами: въ 1371 году долговременная засуха сжигаетъ всѣ поля и луга, въ 1429 году на Вздвиженьевъ день (14 сентября) выпадаетъ столь глубокій снѣгъ, что хлѣбъ погибъ подъ сугробами. Люди умирали тысячами въ домахъ и замерзали на дорогахъ; въ 1518 году шесть недѣль шли непрестанные дожди, отъ которыхъ поля были залиты водой, и рѣки выступили изъ береговъ, а въ 1533 году опять съ Петровокъ до сентября не пало ни одной капли дождя; болота и ключи изсохли, горѣли лѣса, и въ тускломъ свѣтѣ багроваго солнца днемъ люди не распознавали другъ друга въ лицо и задыхались отъ дымнаго смрада. Бѣдные шатались какъ тѣни, падали и умирали. За голодомъ слѣдовали неизбѣжные ихъ спутники, въ видѣ «смертной появы»: мора, чумы, черной смерти. Цѣлыя тысячи людей сходили въ безвременную могилу. Случалось, что и прибирать мертвыхъ было некому. Растерявшимся въ мысляхъ, среди такихъ невзгодъ и злоключеній, не только всякій оберегатель и защитникъ, но и всякій совѣтчикъ казался ангеломъ-

На берегу лѣснаго озера.

хранителемъ. Тѣ, у которыхъ слово утѣшенія соединялось съ дѣломъ фактической помощи, порождали въ народѣ искреннія чувства безпредѣльнаго благоговѣнія, сопровождавшія благодѣтелей и за гробомъ. На ихъ могилахъ ставились неугасимыя лампады и, въ день ихъ кончины, совершались общинныя панихиды; на гробахъ воздвигались храмы. Въ тѣхъ случаяхъ, когда благодѣянія сопровождались очевидными фактами спасенія отъ бѣдъ и напастей, скончавшіеся благодѣтели и молитвенники мѣстно чтились, какъ святые угодники. Ихъ именамъ посвящались храмы, къ загробной помощи ихъ обращались, какъ къ живой и дѣйствующей, и увѣренно ожидалась желаемая помощь и непремѣнное спасеніе.

Для своевременнаго совѣта и возможныхъ предостереженій, на случай неожиданныхъ бѣдъ, въ русскихъ земледѣльческихъ общинахъ выродился крупный типъ совѣтчика и охранителя, до сихъ поръ въ великорусскомъ народѣ неисчезающій, подъ особеннымъ именемъ *большака.* За нимъ вѣковѣчная давность и дѣяніями заслуженное право на уваженіе. Въ каждой общинѣ одному изъ такихъ готовое мѣсто и безусловное послушаніе. Онъ всѣмъ равно дорогой человѣкъ, потому что каждому полезенъ и всякаго превзошелъ умомъ и жизненнымъ опытомъ. За нимъ идутъ туда, куда онъ соблаговолитъ повести; безъ него никто не снимется съ мѣста. Нарождается онъ въ трудолюбивой многочленной семьѣ, нуждаются въ немъ и цѣлыя общины, составившіяся изъ множества этихъ отдѣльныхъ семей.

Выдѣляетъ большака изъ толпы его крѣпкій умъ, изощренный продолжительными наблюденіями надъ мудреною жизнью земледѣльца среди многочисленныхъ враговъ, которыхъ онъ почти всѣхъ знаетъ на память и противъ каждаго хранитъ въ запасахъ этой памяти способы обороны и средства отпора. Воздержная жизнь до сѣдыхъ волосъ сохранила ему и эту острую память, и крѣпкое здоровье, которое даетъ ему возможность не отставать отъ другихъ въ работѣ и служить всѣмъ примѣромъ. Строгое отношеніе къ себѣ во всю долгую трудовую жизнь умѣетъ онъ внушать и другимъ. Если иногда требовательность его доходитъ до крайностей въ своей семьѣ, гдѣ тяжела подчасъ его рука и непріятны его ежовыя рукавицы, — на міру онъ благодѣтель и дорогой человѣкъ уже потому, что дѣлиться съ малоопытными своими драгоцѣнными практическими наблюденіями онъ считаетъ священнымъ долгомъ. Для направленія и исправленія земледѣльческихъ работъ у него такой запасъ примѣтъ по предзнаменованіямъ физической природы и животнаго царства, что общая сумма ихъ составляетъ цѣлый кодексъ земледѣльческихъ правилъ. Его приговоромъ опредѣляется время посѣвовъ и жнитва, сроки сѣнокосовъ и выборъ лядинъ, для росчистей и посѣва. Его послѣднимъ словомъ и ручательствомъ отдѣляются свои отъ чужихъ, перепутанныя и запаханныя, полевыя межи. По нимъ онъ впереди всѣхъ, для пущаго увѣренія, идетъ съ иконой или кускомъ вырѣзаннаго дерна, положенными на сѣдой головѣ. Большакъ сказываетъ послѣдній приговоръ и даетъ безспорное мнѣніе во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ всѣ другіе потеряли голову и дошли до безконечныхъ и неразрѣшимыхъ споровъ. Надъ глубокою, опасною пропастью по перекинутой съ одного берега на другой тонкой и хрупкой жердочкѣ большакъ есть тотъ опытный проводникъ довѣрившихся слѣпыхъ, который навѣрное выводитъ на твердое и надежное мѣсто.

Въ названіяхъ селеній, даже городовъ сохранились имена тѣхъ первыхъ насельниковъ, которые дѣлали въ лѣсахъ росчисти, ставили первую избу и улаживали на нови трудовую жизнь по извѣданнымъ и обычнымъ общиннымъ пріемамъ. Если имена другихъ и не пріурочились къ названіямъ селеній, то память объ нихъ сохранилась въ народѣ. Въ XV вѣкѣ новгородскій крестьянинъ Петръ Дементьевъ Вороновъ, съ нѣсколькими семейными товарищами, ставитъ жилья на пустынномъ мысу при р. Олонкѣ и быстро обогащается, привлекая новыя семьи. Здѣсь основывается такимъ образомъ то селеніе, изъ котораго потомъ выродился городъ Олонецъ. Промышленные люди изъ того же Новгорода Филатовы и Окладниковы содѣйствуютъ заселенію устья р. Мезени, и изъ слободы послѣдняго образуется городъ Мезень. Новгородецъ Иванко Дмитріевъ Ластка на Печорѣ при устьѣ р. Цыльмы, по граматѣ Грознаго, созывалъ людей,

«копилъ на государя слободу» и давалъ ему за то оброку шесть рублей въ годъ; въ слободѣ поставилъ церковь и «попа устроилъ какъ ему у тоя церкви можно прожити». Лука Варфоломѣевъ (изъ бояръ Новгорода) помогаетъ заселенію береговъ Двины, и т. д.

Въ описываемыхъ мѣстахъ этотъ типъ настолько живущъ и неизбывенъ, что видоизмѣняется поразительно, и разновидности его довольно многочисленны. Такими людьми живетъ и закрѣпляется община; они скрыты подъ разными обликами и извѣстны подъ разными именами, но призваніе и судьба ихъ вся посвящена крестьянскому міру и вращается въ сферѣ его интересовъ. У лучшихъ представителей этого типа общественная служба доходитъ до самоотреченія.

Священнымъ почтеніемъ при жизни и «памятью съ похвалами» по кончинѣ своей воспользовались у народа тѣ святые отшельники, которые въ давнія времена строенія Русской земли уходили въ непочатые лѣса для самоуглубленія и молитвы и выходили изъ своихъ затворовъ на людскую помощь немедленно, лишь только объявлялась въ томъ надобность. Тотъ же неустанный трудъ, услажденный неусыпной молитвой, приковывалъ вниманіе тѣхъ, которые въ отчаяніи отъ неудачъ и невзгодъ утратили всякую энергію и надежду, и боялись потерять самую вѣру. Лишь только доходилъ слухъ о безмолвныхъ и скрытыхъ подвигахъ пустынника, любопытные и вѣрующіе шли къ нему для поученія, за примѣрами и указаніями. Нѣкоторые увлекались святою жизнію до того, что рѣшались оставаться подражать ей, другіе и большая часть начинала помогать трудомъ этимъ людямъ, изнывающимъ и изможденнымъ отъ постоянныхъ трудовъ и непрестанныхъ молитвъ. Созидались въ лѣсной глуши храмы, выстраивались кельи, сооружалась ограда, возрождалась пустынька, невдолгѣ превращавшаяся въ монастырь, посвящаемый на всемъ сѣверѣ въ честь Спаса, сохранявшаго отъ бѣдъ трудныхъ переселеній по глухимъ лѣсамъ, и имени Николы-угодника, уберегавшаго—по исконнымъ народнымъ вѣрованіямъ—на пути плаваній по бурнымъ озерамъ и неизвѣстнымъ рѣкамъ. Основатель обители, при видѣ пришлыхъ, приселявшихся къ монастырской оградѣ *свободнымъ* поселеніемъ — *слободою*, ходилъ къ сильнымъ міра въ Новгородъ къ посадникамъ и вѣчу, или въ Москву передъ свѣтлыя очи царей и великихъ князей. Здѣсь обѣщаніемъ молитвъ за усопшихъ родителей и во искупленіе ихъ душъ отъ вѣчнаго мученія, отшельники выхлопатывали себѣ граматы на земли, «володѣти тою землею игумену и старцамъ вовѣки, а поминаючи родителей нашихъ да и дѣтей нашихъ и ставити имъ обѣдъ на такой-то день». Когда монастырскія межи встрѣчались и перепутывались съ полосами земель людей вольныхъ, и изъ нихъ завистливые къ богатымъ монастырскимъ угодьямъ не затруднялись измышлять и наносить монастырскимъ слобожанамъ всякія обиды, увозя снопы и сѣно и угоняя скотъ,—основатели обителей и ихъ намѣстники снова ходили къ сильнымъ міра. Отсюда они приносили несудимыя граматы, по силѣ которыхъ вѣдалъ крестьянъ судомъ и расправой самъ игуменъ съ соборными старцами, а въ преступленіяхъ, исключая уголовныхъ, никто монастырскихъ крестьянъ судить не могъ. Наиболѣе богомольные, по примѣру Марѳы Борецкой, знаменитой вдовы новгородскаго посадника, отписывали за монастырь свои волости со всѣми угодьями: землею и водою, рыбными ловищами, пожнями и лѣсами, и лѣшими озерами. «А кто имѣетъ наступатись на тѣ земли или кто тѣхъ людей изобидитъ, и тому быти отъ насъ въ великой казни». За согласіемъ на уступку въ монастырскую пользу немѣряныхъ и невѣдомыхъ земель у богатыхъ князей и бояръ не стояло дѣло. Въ жизни и дѣлахъ слишкомъ много было соблазновъ и паденій, чтобы понуждаться въ умилостивленіи Бога. А именно на это и обрекли себя эти смиренные видомъ, нищіе духомъ старцы, отрѣшившіеся отъ соблазновъ и прелестей грѣховнаго міра, эти святые люди, пришедшіе съ жалобами и челобитьями и, при своей неизреченной скудости, со священною водою въ восковыхъ сосудахъ, съ богородичнымъ хлѣбцемъ и святыми иконами, вынесенными изъ дальнихъ и глухихъ странъ, съ самыхъ краевъ крещенаго свѣта. Когда просвѣтитель лопарей, сынъ торжковскаго священника, Трифонъ, пришелъ въ Москву съ ходатайствомъ о помощи и содѣйствіи своимъ подвигамъ и подалъ челобитную царю Грозному, на пути его въ Благовѣщенскій соборъ къ обѣднѣ, царевичъ Ѳеодоръ Ивановичъ столь былъ

пораженъ видомъ монаха изъ такихъ дальнихъ странъ, что, войдя въ особый придѣлъ храма, снялъ съ себя богатую золотую верхнюю одежду и велѣлъ отдать ее страннику, съ тѣмъ, чтобы его милостыня предускорила всѣхъ прочихъ. Страхомъ и ужасомъ преисполнялось сердце и благоговѣйнымъ восторгомъ наполнялась душа при представленіи о тѣхъ великихъ трудахъ и святыхъ подвигахъ, какимъ посвятили себя подвижники, обѣщавшіе неустанныя молитвы на цѣлые годы у самыхъ нетлѣнныхъ мощей прежде ихъ благоугодившихъ Богу и возсіявшихъ тѣми же подвигами благочестія.

Заручаясь новыми угодьями и пустошами, отшельники посылали отъ себя въ тѣ мѣста опытныхъ людей, изъ своихъ сотрудниковъ, «для посельства». Посланный «посельскій старецъ» старался выбрать также удобное по мѣстоположенію, привольное, а стало быть красивое и живописное: у воды и на горѣ. Этотъ старецъ ставилъ дворъ — самое первичное и безусловно необходимое условіе осѣдлости; затѣмъ онъ обрабатывалъ землю вокругъ жилья, сколько могъ и хватало у него силъ; приглашалъ поселенцевъ и вмѣстѣ съ ними занималъ и оставлялъ за монастыремъ все то пространство земли по тѣ мѣста, куда — по красивому выраженію древнихъ актовъ — «ихъ топоръ и соха ходили». Отъ пришедшаго требовалось только того, чтобы онъ былъ человѣкъ добрый (т. е. способный работать и дать при вступленіи въ общину «явки — двѣ деньги»). Бобыль получалъ только усадебное дворовое мѣсто, а полный крестьянинъ сверхъ того и жеребій во всѣхъ владѣніяхъ монастырской общины. Монастырь богатѣлъ и упрочивалъ свое бытіе на многіе грядущіе вѣка въ то время, когда внутреннее его устройство давно уже поставлено было на незыблемомъ основаніи общиннаго устройства. За монастырскими стѣнами оно было то же самое, которое столько полюбилось всему русскому народу, а вводилось основателями-отшельниками, вышедшими изъ того же класса черносошныхъ людей и также въ глушь непочатыхъ мѣстъ, и также не въ одиночествѣ, а первоначальною общиною съ товарищами, которымъ списатели «житій» святыхъ присвоили общее имя учениковъ. Въ монастырскую общину, въ число братій вступалъ каждый русскій, безсемейный, который хотѣлъ жить по правиламъ, установленнымъ для общины. Монастырскія общины старательнѣе другихъ хлопотали о томъ, чтобы «межъ себя лихова человѣка не держать, обыскивать межъ себя про лихова накрѣпко и на кого взойдетъ пословица недобрая и тѣхъ недобрыхъ людей высылати вонъ».

Въ обители мѣсто большака занималъ настоятель съ помощію «собора старцевъ», между которыми наиболѣе выдающіеся умомъ и опытомъ занимали должности келаря, ватажника, трапезника и дьяка. Общими трудами и строгимъ воздержаніемъ, соборъ старцевъ, свободный отъ многихъ житейскихъ соблазновъ, могъ доходить до сбереженій и скопленій какъ денежной казны, такъ и хлѣбныхъ запасовъ, и додумывался до безплатной трапезы всѣмъ приходящимъ и голодающимъ. Гостепріимство, всегда отпертыя днемъ святыя ворота, скромная, но сытная трапеза съ чтеніемъ житій благочестивыхъ людей — всегда служили приманкой для чужихъ пришлыхъ. Облегченное тягло, обязательная ссуда изъ запасныхъ складовъ «на семены и емены»

(какъ говорили встарину), свобода отъ чужихъ судовъ и подчиненность вѣдомымъ и благочестивымъ людямъ дѣлали изъ монастырской общины прибѣжище. Къ тому же около монастырей образовывались по временамъ сходбища окольнаго люда на торжки и базары, а потомъ и съѣзды жителей болѣе отдаленныхъ мѣстностей на ярмарки. Монастыри наши такимъ образомъ стали содѣйствовать въ народѣ развитію торговаго духа. Конечно, и это служило причиною тому, что сюда очень охотно шли наймиты, и монастырскія слободы быстрѣе населялись, именно около тѣхъ обителей, которыя снабжены были многообразными привиллегіями. Память святыхъ основателей особенно чтилась народомъ, и слава ихъ подвиговъ далеко была распространена и привлекательна. Инымъ монастырямъ, какъ и частнымъ общиннымъ хозяйствамъ, не счастливило, и они, какъ скоро и свободно основывались, также быстро и исчезали (такъ напр. послѣ смутнаго времени изъ 35 митрополичьихъ монастырей досталось патріархамъ только 13).

При такихъ неудачахъ поклонялся народъ и золотому тельцу: приставалъ, по призыву, на земляхъ сильныхъ и богатыхъ людей и также слободами, т. е. свободными поселеніями на извѣстныхъ условіяхъ и на сроки. Входилъ съ этими людьми въ соглашеніе вольный народъ охотливѣе тамъ, гдѣ мирному земледѣльческому труду задавалась невозможная пахарю задача обороны отъ дикихъ насельниковъ—аборигеновъ тѣхъ странъ, или отъ искавшихъ морскихъ богатствъ иноземцевъ. Богатые люди брали на себя обязанность и выговаривали въ граматахъ право строить остроги, снабжать ихъ огненнымъ боемъ и ратными людьми. И было изъ чего хлопотать: лѣсныя мѣста давали много выгодъ. Таковы, судя по исчисленію граматъ первыхъ московскихъ князей: бобровые гоны, перевѣсла, путики, сѣнныя наволоки, полѣшіе лѣса, тони и ловища по рѣкамъ и рѣчкамъ, а на этихъ мѣстахъ: заводи, пески съ падучими рѣками, стережень, устье съ ѣзами, тонями, исадами. Еще самъ «Господинъ Великій Новгородъ» прилагалъ къ этому заботу на приморскихъ берегахъ Бѣлаго моря и на острову Соловецкомъ, укрѣпляя ихъ на случай нападенія «каенскихъ нѣмцевъ» (т. е. датчанъ). Такими же деревянными крѣпостями и каменными стѣнами защищали свои остроги и монастыри богатые строители изъ новгородскихъ владыкъ и бояръ, во главѣ съ посадницею Мароою Борецкою, а слѣдомъ за ними и московскіе цари. Въ особенности прославились на этомъ поприщѣ знатные купцы и именитые люди Строгоновы — одни изъ наиболѣе видныхъ и замѣчательныхъ дѣятелей и уроженцевъ сѣвера, фамилія которыхъ сдѣлалась историческою.

Предокъ Строгоновыхъ, Аника, вышелъ изъ Новгорода и въ лѣсахъ по рѣкѣ Вычегдѣ расчистилъ мѣсто у соляныхъ источниковъ. Для разработки ихъ онъ принималъ охочихъ вольныхъ людей, и первый открылъ съ торговыми цѣлями путь за Уральскія горы на Обь. Сыновья его, Яковъ и Григорій, получившіе отъ отца богатое наслѣдство, заручились отъ московскаго царя Ивана Грознаго, послѣ многихъ личныхъ бесѣдъ съ нимъ, жалованными граматами на пустыя мѣста по Камѣ и Чусовой до вершинъ рѣки этой. При такихъ льготахъ Строгоновы въ 1585 году успѣли соорудить городокъ близь устья Чусовой, а черезъ 10 лѣтъ послѣ того нѣсколько остроговъ по берегамъ тойже рѣки и по р. Сылвѣ. Когда братья увлеклись сибирскимъ торгомъ и хорошо ознакомились съ дѣлами и землями владѣтельнаго князя Кучума, они наняли казачью вольницу съ Волги подъ начальствомъ атамана Ермака Тимоѳеевича, въ числѣ 840 человѣкъ. Изготовивъ для нихъ запасы и нагрузивъ ими лодки, Строгоновы отправили удальцовъ за Камень съ легкими пушками, съ самопальными пищалями,—и содѣйствовали совершенію великаго события — пріобрѣтенія Сибирскаго царства и громадной земли, богатой рудами и непочатыми плодоносными пустошами среди лѣсовъ, до нашего времени изобилующихъ самымъ разнообразнымъ пушнымъ звѣремъ.

Меньшая слава, и не столь громадные матеріальные результаты подвиговъ выпали на долю тѣхъ уроженцевъ и дѣятелей сѣвера, которые преслѣдовали скромныя цѣли и не владѣли могущественною силою денежныхъ капиталовъ, однако исполняли свое предопредѣленіе при помощи

I 48.

Гонка смолы.

умственныхъ и нравственныхъ капиталовъ. Однимъ изъ отшельниковъ удалось только облегчить заселеніе пустыхъ странъ и увеличить количество народныхъ богатствъ, но за то другимъ изъ нихъ, отмѣченнымъ особеннымъ даромъ Божіимъ, указано Провидѣніемъ совершить болѣе блистательные подвиги и сдѣлать неизмѣримо-большія пріобрѣтенія. Они обратили въ христіанскую вѣру значительную часть бывшихъ язычниковъ, занявшихъ ранѣе эти дикія земли. Они поддержали ослабѣвшія на невзгодахъ переселеній христіанскія вѣрованія позднѣйшихъ насельниковъ дремучихъ лѣсовъ. Апостольскими подвигами въ особенности ознаменовали свою подвижническую жизнь просвѣтители лопарей — Лазарь Муромскій и Трифонъ Печенгскій.

Діонисій Вологодскій, устремившій свою проповѣдь въ самую глушь дремучихъ лѣсовъ и основавшій монастыри, до сихъ поръ сохранившіе характерное имя глушицкихъ, тотчасъ и покидалъ избранное мѣсто, какъ только миссіи его среди язычниковъ мѣшало многолюдство пришельцевъ изъ русскихъ людей. Германъ Соловецкій, избравшій для своихъ подвиговъ необитаемые Соловецкіе острова и подвизавшійся тамъ вмѣстѣ съ Савватіемъ, во второй разъ вернулся сюда послѣ первой неудачи, указавъ тѣмъ на важность мѣста для апостольскихъ подвиговъ преподобному Зосимѣ—уроженцу села Толвуя (близъ озера Онеги). Уроженецъ двинскій Антоній основалъ монастырь при озерахъ и на притокѣ Двины р. Сіѣ; вологжанинъ Александръ Куштскій близъ Кубенскаго озера, вологжанинъ Ѳеодосій — Спасо-Суморинскій монастырь, близъ г. Тотьмы, Димитрій Прилуцкій поставилъ обитель въ дикомъ лѣсу «на многихъ путяхъ» изъ Вологды на сѣверъ, и т. д. Но самымъ важнымъ изъ такихъ дѣятелей является иной уроженецъ сѣвера, сынъ причетника соборной церкви г. Великаго-Устюга—Стефанъ, прозванный Храпомъ, св. епископъ пермскій.

Онъ дома выучился зырянскому языку и съ раннихъ лѣтъ церковной грамотѣ, но, чтобы окончательно приготовить себя къ задуманному имъ высокому подвигу, ушелъ въ Ростовъ и долго жилъ тамъ въ Богословскомъ монастырѣ, славившемся библіотекой. Здѣсь онъ изучалъ греческій языкъ и, приготовивъ себя къ званію народнаго учителя, взялъ благословеніе отъ коломенскаго епископа Герасима и княжескія граматы для безопасности, и пошелъ на проповѣдь, въ Пермь, къ зырянамъ. Онъ изобрѣлъ для нихъ новыя особенныя буквы (числомъ 24) и перевелъ на зырянскій языкъ главныя церковныя книги. Онъ построилъ церковь близъ устья рѣки Выми, впадающей въ Яренгскомъ уѣздѣ Вологодской губерніи въ Вычегду, и здѣсь началъ проповѣдывать Христово ученіе, встрѣчая сначала изумленіе дикарей, а вскорѣ сопротивленіе ихъ, въ особенности волхвовъ. Одинъ изъ нихъ, по имени Пама, рѣшился защищать передъ св. Стефаномъ свою вѣру и вступилъ въ состязаніе. Пама вызвался пройти невредимымъ сквозь огонь и воду, предлагая, чтобы и Стефанъ сдѣлалъ то же. «Я не повелѣваю стихіями — отвѣчалъ святой — но Богъ христіанскій великъ: иду вмѣстѣ съ тобою». Пама однако отказался отъ испытанія, и тѣмъ довершилъ торжество истинной вѣры. Св. Стефанъ началъ дѣйствовать рѣшительно: бросалъ въ огонь священныя дарственныя богамъ звѣриныя шкуры и тонкія полотняныя пелены; идоловъ сокрушалъ. Для наибольшихъ успѣховъ проповѣди завелъ онъ училища, гдѣ и знакомилъ зырянскихъ молодыхъ людей съ тайнами и чиномъ священническаго служенія, и посвящалъ ихъ въ іереи, когда въ 1383 году вернулся изъ Москвы епископомъ пермскимъ. Возвратясь въ землю, имъ просвѣщенную, св. Стефанъ не уставалъ благодѣтельствовать: во время голода покупалъ и доставлялъ хлѣбъ изъ Устюга и Вологды, ѣздилъ въ Новгородъ ходатайствовать у вѣча о разныхъ поземельныхъ и хозяйственныхъ льготахъ для зырянъ. Народнымъ покровителемъ и заступникомъ оставался онъ до самой смерти, приключившейся съ нимъ въ 1396 г. въ Москвѣ, куда онъ, и на этотъ разъ, прибылъ ради церковныхъ и народныхъ нуждъ.

Когда при царѣ Алексѣѣ произведено исправленіе книгъ, вызвавшее громадное недовольство и сопротивленіе, когда надъ упорными и несогласными начались казни, преслѣдованія и ссылка, а приверженцы «древняго благочестія» стали спасаться бѣгствомъ,— сѣвернымъ дремучимъ лѣсамъ

довелось сослужить народу новую службу. Самые отдаленные изъ нихъ, самые глухіе и недоступные сюземы избраны были спасавшимися отъ преслѣдованій, какъ надежные притоны и оплоты. Всѣ погодились, и всѣ стали оживляться людскимъ трудомъ: особенно чернораменные, салавирскіе, поломскіе, керженскіе, топозерскіе, печорскіе, дорогучинскіе, ветлужскіе гнилицкіе и друг. Сюземы олонецкіе, архангельскіе и вологодскіе были признаны между прочими наиболѣе удобными и безопасными. Они одни изъ первыхъ стали наполняться новыми отдѣльными хозяйствами подъ именемъ скитовъ. Число ихъ стало быстро возрастать въ особенности послѣ десятилѣтней осады Соловецкаго монастыря, когда десяткамъ мятежныхъ монаховъ удалось спастись отъ московскихъ ратныхъ людей, осаждавшихъ монастырь. Унылый звонъ молитвенныхъ колоколовъ, тупые звуки чугунныхъ билъ раздались даже изъ такихъ мѣстъ за непролазными болотами, куда добрая воля, избирающая удобное для житья мѣсто, никогда не привела бы живыхъ людей. Гдѣ не блуждали потерявшіе свои пути лѣсные охотники, каковы острова сѣверныхъ озеръ (Топозера, Онеги, Выга и друг.), тамъ выстраивались двухъ-этажные дома и неизбѣжныя при нихъ часовни и молитвенныя избы. «Въ великихъ болотахъ и топяхъ, гдѣ и пѣшему ходить съ нуждою: сыскивать никакъ невозможно»—отписывали по начальствамъ тѣ особыя команды сыщиковъ, которыя назначены были и разосланы по всѣмъ лѣсистымъ мѣстностямъ «для сысковъ раскольщиковъ». Многіе скиты были ими разрушены, сожжены до основанія и лопаты забросали потомъ мѣсто, гдѣ жили и молились по старымъ книгамъ сбѣгавшіеся изъ самыхъ отдаленныхъ странъ люди. Много скитовъ предалось самосожженію и между ними большой монастырь (Палеостровскій), когда преслѣдователи вели правильныя осады и высиживали непокорныхъ голодомъ и жаждою, осажденные же предпочитали смерть въ огнѣ мученіямъ въ оковахъ и тюрьмахъ. Много скитовъ рухнуло и разметано бурей, послѣ того, какъ отшельники, при неблагопріятныхъ мѣстныхъ условіяхъ климата, крайней удаленности и безъ путей сообщенія, изнывали отъ голода и костоломной болѣзни сырыхъ сѣверныхъ странъ—цынги. Нѣкоторымъ скитамъ удалось устоять на счастливо-выбранныхъ мѣстахъ и превратиться въ людныя, хорошо обезпеченныя селенія тамъ, гдѣ попадала коса на камень и останавливались поиски самыхъ смѣлыхъ и настойчивыхъ сыщиковъ. Инымъ удалось прислужиться властямъ (какъ знаменитымъ скитамъ выгорѣцкимъ) и добиться льготъ, другимъ — откупиться деньгами и подарками, третьимъ въ недосягаемыхъ трущобахъ достояться до того, что безсильныя власти принуждены были признать ихъ права на существованіе и лишь переименовали изъ скитовъ въ селенія (какъ сдѣлали со скитомъ Великопоженскимъ близъ Печоры и многими другими).

Счастливѣе всѣхъ былъ тотъ скитъ, который на р. Выгѣ основалъ, убѣжавшій изъ ближайшаго села Шунги, причетникъ Данило Филиповъ Викулинъ,—скитъ, сдѣлавшійся впослѣдствіи крупнымъ религіознымъ центромъ, главнымъ и основнымъ гнѣздомъ безпоповщины, затмившимъ славу и Стародубья съ Вѣткой, и Иргиза, и Керженца. Какъ и всѣ другія раскольничьи общины, руководимыя умѣлыми руками опытныхъ хозяевъ, Выгъ привлекъ къ себѣ сразу 49 человѣкъ недовольныхъ, и невдолгѣ довелъ число жильцовъ до 150. Черезъ 7 или 8 лѣтъ въ Даниловскомъ скиту стало тѣсно. Съ 1703 года скитъ началъ разбиваться на множество отдѣльныхъ, среди которыхъ одинъ (на р. Лексѣ) могъ выстроиться исключительно для одинокихъ женщинъ и сталъ многолюднымъ женскимъ общежительнымъ монастыремъ. Когда скитникамъ удалось прислужиться великому хозяину Русской земли Петру I (при основаніи въ тѣхъ мѣстахъ желѣзныхъ заводовъ), возрастаніе скитовъ населеніемъ еще болѣе усилилось. Средства были настолько значительны, что Выгорѣцкій монастырь въ половинѣ 18 столѣтія имѣлъ на своемъ иждивеніи до 2 тысячъ человѣкъ мужескаго пола и до 3 тысячъ женскаго. Богатые иконостасы, блиставшіе серебромъ и золотомъ и стариннаго пошиба образами; стройное столповое пѣніе согласныхъ хоровъ, чинные ряды старцевъ съ сѣдыми бородами по чресла, въ старинныхъ монашескихъ куфтыряхъ и пелеринахъ, съ лѣстовицами въ рукахъ для учета молитвъ и съ подножными ковриками для частыхъ земныхъ метаній, при гробовомъ молчаніи, въ ярко-освѣщенной воско-

выми свѣчами моленной: все это производило столь очаровательное впечатлѣніе на простыя души захожихъ и заѣзжихъ людей, что не устаивалъ никто изъ удостоившихся посмотрѣть и послушать, посравнить и поразмыслить. Велика казалась разница здѣсь съ поповскими службами по селамъ и погостамъ. На сколько дѣйствительна была сила внѣшняго привлеченія, на столько же была дѣятельна и всемогуща власть внутренняго порядка хозяйствъ и общежительнаго благоустройства для укрѣпленія въ общинѣ тѣхъ, кто поддался и возымѣлъ желаніе соединить свои труды съ прочими скитскими трудниками. Основные порядки были похожи на тѣ, которыми руководится всякая земледѣльческая и хозяйственная община, но на этотъ разъ устроилъ все дѣло и руководилъ всѣмъ такой «большакъ» какъ Данило Викулинъ, имя котораго сдѣлалось знаменитымъ во всемъ громадномъ старообрядческомъ мірѣ. Онъ и въ самомъ дѣлѣ принадлежитъ къ замѣчательнымъ дѣятелямъ, какъ одинъ изъ образцовыхъ хозяевъ сѣверныхъ странъ. Лучшіе и опытнѣйшіе изъ другихъ и послѣдующихъ были лишь копіями съ него и слѣпыми его подражателями.

Въ этомъ смыслѣ старообрядческія общины несли государству несомнѣнныя выгоды и отправляли полезную службу. Къ сожалѣнію, эта сторона колонизаторской дѣятельности скитовъ своевременно не была замѣчена и понята тѣми, отъ которыхъ зависѣла дальнѣйшая жизнь и дѣятельность трезвыхъ и трудолюбивыхъ страннопріимцевъ. Выгорѣцкіе скиты были уничтожены. Изъ филипповскаго ученія, вообще довольно мрачнаго въ соотвѣтствіи вліяніямъ и впечатлѣніямъ суровой природы и жизни въ постоянной боязни преслѣдованій и наказаній, выродились новые толки. Они обнаружили болѣе мрачные оттѣнки, и представили собою самое глубокое невѣжество, напомнившее времена первобытныхъ дикихъ народовъ, сумѣвшее проклясть все святое въ дѣйствующемъ и живущемъ мірѣ. Между прочими народилось ученіе странниковъ или скрытниковъ, провозгласившее наступленіе на землѣ царствованія антихриста, но уже не мысленнаго, а чувственнаго. Новое ученіе потребовало уже совершеннаго отчужденія отъ міра и людей и бѣгства въ пустыню. Непролазныя дебри дремучихъ лѣсовъ указаны были, какъ мѣста самыя угодныя Богу и какъ обязательные храмы для молитвы. Молитва должна возноситься такъ, чтобы ни одинъ посторонній и чужой глазъ не дерзалъ ее оскорблять. Понадобилось новое крещеніе для очищенія отъ мірской скверны, перемѣна имени, особенный способъ поклоненія Богу и особенныя молитвы, полное и совершенное отреченіе отъ міра и выходъ изъ него въ лѣса и подполья на всю жизнь. Эта лѣсная вѣра, родившаяся въ лѣсахъ пошехонскихъ, быстро усвоилась въ вологодскихъ, и въ настоящее время дошла уже до олонецкаго Каргополя, и исключительно принадлежитъ однимъ глухимъ сѣвернымъ лѣсамъ, на которыхъ остановился настоящій разсказъ нашъ.

Выговскій старовѣрскій монастырь (уничтоженный).

Въ этихъ лѣсахъ, при какихъ бы условіяхъ быта ни устраивалась жизнь русскихъ людей— земледѣліе непремѣнно остается главнымъ основаніемъ и самымъ существеннымъ условіемъ. Ради его явились сюда люди и затратили всѣ запасы силъ, не смотря на то, что только ячмень одинъ является благодарнымъ къ труду и выносливымъ хлѣбнымъ злакомъ, да рожь, какъ подспорье, вырастающая въ такомъ количествѣ, которое требуетъ для полнаго пищеваго обезпеченія подвозовъ изъ далекой Вятской стороны. Благопріятно сложившіяся условія водяныхъ путей по волоку съ Лузы на Сухону въ Ношульскую пристань и на Двину облегчаетъ эту возможность для всего Поморья, какъ дѣлаетъ то же Печора, при содѣйствіи чердынскихъ торговцевъ, для жителей мѣстъ, ближайшихъ къ Сѣверному океану. Тѣмъ не менѣе для странъ, удаленныхъ отъ

рѣкъ, для самыхъ прибрежій Двины и Печоры на времена полныхъ неурожаевъ, усугубляемыхъ неудачами и случайностями подвозовъ, излишкомъ выпуска хлѣба за границу изъ Архангельскаго порта и т. под., на сѣверныхъ жителяхъ лежитъ тяжелое обязательство обращаться за пищевымъ довольствіемъ къ тому же лѣсу, который, какъ сказочное чудовище, со всѣхъ сторонъ охватило желѣзнымъ кольцомъ пришлыхъ насельниковъ сѣвера. «Семьдесятъ семь полковъ (говоритъ мѣстная загадка) готовы къ битвѣ въ благопріятное для земледѣлія лѣтнее и весеннее время. Осенью всѣ враги повалились, а на зиму все-таки трое остались» (лиственныя деревья потеряли листву,—ель, сосна и верескъ остались въ уборѣ). Къ соснѣ и обращаются за помощью. Она и выручаетъ.

Послѣ перваго грома съ сосны сдираютъ кору, — отдѣляютъ верхній слой, загрубѣлый отъ непогоды вмѣстѣ съ среднимъ (лубомъ) и нижнимъ (мезгой) и добираются такимъ образомъ до молодаго и свѣжаго древеснаго слоя — заболони или блони. Ее на горячихъ угольяхъ сушатъ, чтобы удалить непріятный и горькій смолистый запахъ. Когда она покраснѣетъ, толкутъ въ ступахъ или мелютъ на ручныхъ жерновахъ, для того чтобы превратить въ порошокъ. Это—мука. Обыкновенно три четверти такой муки съ одной четвертью ржаной идетъ на хлѣбъ, который обыкновеннымъ порядкомъ ставятъ на ночь киснуть и утромъ пекутъ хлѣбы. Если ржаной мукой хозяйка поскупится, печеный хлѣбъ дѣлается прѣснымъ и въ обоихъ случаяхъ очень невкуснымъ и достаточно вреднымъ. Замѣчено, что отъ такого хлѣба появляется въ тѣлѣ опухлость, въ желудкѣ частыя и невыносимыя колики. Въ такихъ случаяхъ выпекаютъ, на смѣну и для разнообразія, менѣе вредный, но также скверный хлѣбъ изъ ячменной или ржаной соломы, смолотой на ручныхъ жерновахъ вмѣстѣ съ рожью и пущенной въ хлѣбъ въ трехъ частяхъ на одну часть ржаной муки (лѣсные корелы другихъ сортовъ и не знаютъ).

Чтобы устранить отъ себя эти грустныя и тяжелыя послѣдствія безхлѣбья, которыя ждутъ малѣйшей оплошки въ трудѣ и неудачи въ работѣ,—сѣверный человѣкъ обязанъ напрягать умственныя усилія больше и чаще, чѣмъ въ какихъ либо другихъ странахъ Россіи. И скованный мертвымъ желѣзнымъ кольцомъ сырыхъ и холодныхъ лѣсовъ опять-таки въ нихъ же самихъ находитъ и выходъ и подспорье. Топоръ — по пословицѣ—его обуваетъ, одѣваетъ и кормитъ.

Изъ-за липовыхъ лыкъ, которыя идутъ въ лаптяхъ на обувь, сѣверная бѣдность успѣла выдумать еще сверхъ того сапоги изъ бересты и босовики изъ того же матеріала, употребляемые однако только по праздникамъ. Изъ бересты: и фляги, и солонки, и дѣтскія игрушки, и пастушій рожокъ и свистокъ для рябчиковъ, который, если смочить водой, даетъ птичій голосъ. Изъ бересты — лошадиныя сѣдла и возжи и тотъ классическій кошель для носки пищи на полевыя работы лѣтомъ и на лѣсныя зимой, который не пропускаетъ воды, не гніетъ отъ дождя и сохраняетъ хлѣбъ отъ морозовъ. Изъ бересты и книга, когда «письменному» грамотѣю ни за какія деньги нельзя достать въ лѣсныхъ трущобахъ писчей бумаги.

Въ подѣлкахъ изъ лѣсу исконный историческій плотникъ не только самъ дошелъ до артистическихъ совершенствъ (сбивая для морскихъ и рѣчныхъ судовъ лекалы по чертежамъ, сдѣланнымъ прямо на снѣгу палкой), но выучилъ этой наукѣ и инородцевъ. Въ корельской деревнѣ Подужемьѣ (около Кеми) живутъ лучшіе, прославившіеся по цѣлому поморскому краю строители стройныхъ и ходкихъ морскихъ судовъ. И затѣмъ по всѣмъ главнымъ рѣкамъ и по ихъ притокамъ, на случай нужды, всегда большіе запасы мастеровъ и ихъ готовыя услуги шить древесными кореньями разные роды и виды судовъ и лодокъ: отъ осиновыхъ душегубокъ до благонадежныхъ въ морскихъ прибрежныхъ плаваніяхъ такъ наз. холмогорскихъ карбасовъ. Древнее новгородское поселеніе—село Емецкое на Двинѣ—пользуется въ этомъ дѣлѣ особенною извѣстностію.

Замѣчательный человѣкъ, получившій право на историческую извѣстность, холмогорскій посадскій человѣкъ Осипъ Баженинъ въ 1671 г. купилъ брошенную мельницу, близъ Холмогоръ, въ селѣ Вавчугѣ и перестроилъ ее въ пильную «безъ заморскихъ мастеровъ по нѣмецкому об-

разцу». Въ 1693 г. Великій Строитель земли русской, въ первое свое посѣщеніе Бѣлаго моря, самолично осмотрѣлъ ее и внушилъ владѣльцу мысль основать тутъ же корабельную верфь. Въ томъ же году Баженинъ началъ строить корабль, за изготовленіемъ котораго Петръ I съ особеннымъ вниманіемъ, требуя частыхъ отписокъ и извѣщеній, слѣдилъ все время, пока жилъ въ Москвѣ. Весною 1694 г. съ вавчужской верфи спущенъ былъ *первый* русскій корабль съ *первымъ* русскимъ коммерческимъ флагомъ. Подъ именемъ «Св. Петръ», онъ былъ отправленъ въ Голландію съ грузомъ русскаго желѣза. Баженинъ сталъ такимъ образомъ основателемъ и строителемъ *перваго русскаго* коммерческаго флота, когда ни одной казенной верфи еще не было. Слѣдомъ за кораблемъ, въ Вавчугѣ продолжали строить новые военные и коммерческіе корабли, гукоры и гальоты, а въ 1702 г. вновь прибылъ въ Вавчугу самъ Петръ I, въ третье и послѣднее посѣщеніе сѣвера, и самъ спустилъ здѣсь два новыхъ фрегата. Баженинъ получалъ заказы отъ иностранцевъ и много судовъ русской постройки отправилъ на службу всемірной торговлѣ, построенными лучше и дешевле, чѣмъ на верфи Никиты Крылова, находившейся въ 5 верстахъ отъ Архангельска, на мѣстѣ наз. Быкомъ. По примѣру, и съ легкой руки Баженина, на томъ же поприщѣ судовыхъ строителей, прославились многіе, но между ними наиболѣе прочихъ сталъ извѣстнымъ далеко въ Европѣ другой уроженецъ сѣвера, крестьянинъ Архангельскаго уѣзда Алексѣй Ивановичъ Поповъ, основатель извѣстнаго впослѣдствіи торговаго дома купцовъ Поповыхъ. Заграничную извѣстность получилъ онъ доставкою въ Амстердамъ на собственномъ кораблѣ разныхъ товаровъ и необыкновенно добросовѣстнымъ исполненіемъ для голландскаго купечества разныхъ судовъ, которыя строилъ ему крестьянинъ Кочневъ, умѣвшій съ достоинствами прочной постройки соединять красоту отдѣлки. Въ торговыхъ дѣлахъ А. И. Поповъ заслужилъ такое довѣріе, что голландцы и гамбургцы возложили на него исполненіе своихъ коммисіонныхъ дѣлъ, а московское купечество избрало въ званіе члена коммерцъ-коллегіи. Его практическія свѣдѣнія, въ особенности рѣдкій умъ, до сихъ поръ восхваляются въ воспоминаніяхъ туземцевъ, не смотря на то, что А. И. Поповъ умеръ, послѣ шестинедѣльной болѣзни, еще въ 1805 году. Сынъ его Василій Алексѣевичъ, въ слѣдующемъ году, былъ уже въ состояніи исполнить правительственное порученіе доставки хлѣба для нашихъ войскъ, находившихся въ Пруссіи, и въ 1818 г. взять подрядъ у датскаго правительства для снабженія хлѣбомъ Норвегіи. Этотъ Поповъ избранъ былъ уже 34 гамбургскими, амстердамскими и лондонскими страховыми обществами въ повѣренные ихъ по аварейнымъ и страховымъ дѣламъ.

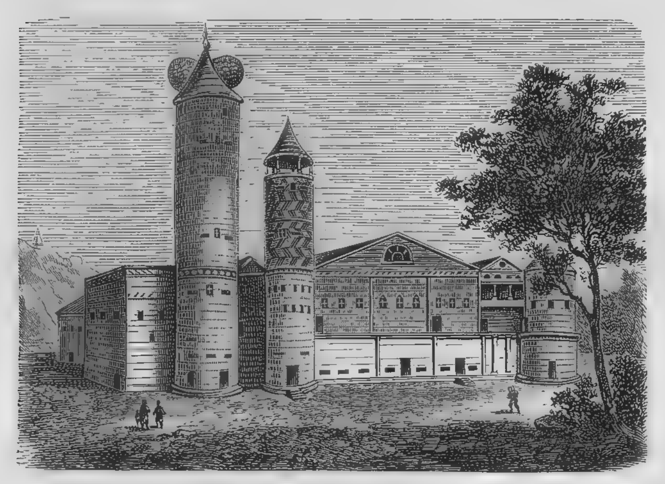

Воскресенскій соборъ въ Колѣ (сгорѣвшій).

Воскресенскій соборъ въ Колѣ деревянный, построенный въ 1684 году и сгорѣвшій въ 1854 году, увѣнчанный восемнадцатью главами, вмѣстѣ съ такою же многоглавою (о 23-хъ) церковью въ Кижскомъ погостѣ (Олонецкой губ.), съ церковью въ с. Нюхчѣ (на Бѣломъ морѣ), служатъ достаточнымъ доказательствомъ, на сколько смѣлы, самостоятельны и изобрѣтательны были архитектурные замыслы доморощеныхъ строителей. Не говоримъ о прочности, потому что подвергаясь случайнымъ бѣдствіямъ пожаровъ, эти замысловатыя деревянныя сооруженія успѣвали выстаивать по двѣсти лѣтъ, мало измѣняясь. Деревянный домъ въ Сольвычегодскѣ знаме-

нитыхъ богачей Строгоновыхъ выстоялъ 233 года (построенъ въ 1565, разобранъ въ 1798 году) «въ совершенномъ порядкѣ, то есть, ни въ которую сторону не покривился», какъ гласитъ надпись, сдѣланная на подлинномъ рисункѣ (копію съ него представляетъ настоящее изданіе «Живописная Россія»). «Оному дому всему со службами длина 34 сажени, вышина же 21 саж. съ аршиномъ.» Къ сожалѣнію, рисунокъ уловилъ это замѣчательное сооруженіе частнаго человѣка, дающее понятіе о дворцахъ богачей нашего лѣснаго сѣвера, — въ то время, когда нѣкоторыя части хоромъ были уже разобраны. Такъ напримѣръ на рисункѣ указано много дверей, но при нихъ не сохранилось крылецъ, и примѣтны лѣстницы, ведущія лишь къ подклѣтямъ. Хоромы строены повидимому изъ брусянаго лѣса и, по справедливому соображенію И. Е. Забѣлина (изъ почтеннаго труда котораго «Домашній бытъ русскихъ царей» мы заимствовали самый рисунокъ), строгоновскія хоромы, подобно Коломенскому царскому дворцу, строились въ разное время и распространялись пристройками и новыми зданіями, смотря по семейнымъ и хозяйственнымъ нуждамъ хозяевъ.

Предоставленные самимъ себѣ и добровольно отдавшеся руководству своихъ большаковъ и общинныхъ пріемовъ и правилъ, сѣверные лѣсовики поспѣваютъ и на другія дѣла, не выходя изъ заколдованнаго круга, намѣченнаго могущественными лѣсами. Тамъ же, гдѣ инородцы финскаго племени обезсилены и принижены природой, лишены энергіи и изобрѣтенія, люди славянскаго племени всѣми силами стараются сбросить тяжелыя путы и изъ борьбы выдти не иначе, какъ побѣдителями.

Строгоновскія хоромы въ Сольвычегодскѣ (разобранныя).

Слѣдуя примѣру инородцевъ и не устаивая передъ соблазнами богатствъ, охотно предлагаемыхъ почти даромъ лѣсами, наши сѣверные люди въ нужное время дѣлаются такими же звѣроловами и птицеловами, ходятъ *лѣсовать* каждый годъ два раза: съ окончаніемъ полевыхъ работъ до глубокой зимы, а потомъ опять «по насту», то есть въ концѣ зимы. На полянахъ становятся станомъ, но по лѣсамъ кочуютъ по звѣринымъ слѣдамъ и тропамъ. Однако къ охотѣ русскіе люди примѣнили новыя орудія и остроумныя снасти. Вмѣсто луковъ со стрѣлами пущены въ дѣло винтовки, приготовляемыя своими руками изъ своего желѣза, добываемаго изъ ржавыхъ лѣсныхъ болотъ. Вмѣсто мертвыхъ петель и пастей, ищущихъ зазѣвавшагося и случайнаго дурака звѣря, русскіе промышленники приспособили ставки и всякія другія снасти, отъ которыхъ рѣдко уходитъ теперь самый чуткій и осторожный звѣрь. Охота на звѣрей и ловля птицъ—столь-же древніе подспорные промыслы русскаго народа, какъ и само земледѣліе, и по обилію лѣсовъ, не во многомъ ему уступаютъ. Птицъ и звѣрей, въ лѣсахъ и степяхъ, было такое обиліе, что соболей — по пословицѣ — били бабы коромыслами, а, по сказаніямъ очевидцевъ и современниковъ, звѣрей убивали только для шкуры, бросая мясо, козъ истребляли тысячами; отъ обилія рыбы обрывались сѣти; бобры водились во всѣхъ рѣкахъ; весною мальчики наполняли птичьими яйцами цѣлыя лодки, и т. д. Отъ юго-западнаго угла у Карпатскихъ горъ до сѣверо-восточнаго у Уральскихъ, на всемъ громадномъ пространствѣ лѣсистой Руси ловецкіе промыслы произво-

дились въ самыхъ широкихъ размѣрахъ: на бобровыхъ *гонахъ*, на птичьихъ *садбищахъ* и звѣриныхъ *ловищахъ* по ловчимъ путямъ, сѣтями и перевѣслами, клѣтками и тенетами.

По словамъ былины о Вольгѣ Святославичѣ:

Вили веревочки шелковыя,
Становили ихъ въ темномъ лѣсу.
Становили ихъ по сырой землѣ,
И ловили куницъ и лисицъ,
Дикихъ звѣрей и черныхъ соболей,
Большихъ поскакучихъ заюшекъ,
Малыхъ горностаюшекъ.
Вили силушки шелковые,
Становили на темный лѣсъ,
На темный лѣсъ на самый верхъ:
Ловили гусей, лебедей, ясныхъ соколовъ
И малую птицу пташицу.
Туры, олени пострѣливали.

Во главѣ народа, кормившагося промысломъ, стали сами князья, превратившіе охоту въ серьезное занятіе и пріятную забаву. На двухъ крайнихъ рубежахъ нашей исторіи, отдаленныхъ одинъ отъ другаго на шестьсотъ лѣтъ, стоятъ два охотника князя — одни изъ симпатичныхъ представителей владѣтельнаго рода: кіевскій князь Владиміръ Мономахъ и московскій царь Алексѣй Михайловичъ.

Первый самъ говорилъ про себя: «тура два метали мя на розѣхъ съ конемъ, олень мя одинъ болъ и два лоси: одинъ ногами топталъ, а другой рогами билъ; вепрь ми на бедрѣ мечъ отъялъ, медвѣдь ми у колѣна подклада укусилъ, лютый звѣрь (т. е. волкъ) скочилъ ко мнѣ на бедры, и коня со мною поверже». Царь Алексѣй Михайловичъ заповѣдалъ для своихъ государевыхъ потѣхъ подмосковный хвойный лѣсъ, который до сихъ поръ носитъ прозваніе Сокольниковъ; наблюдатели за царской охотою считались, подъ именемъ сокольничихъ, придворными чинами; охотничьи правила узаконены особымъ наказомъ «сокольничьяго пути», въ которомъ сохранились собственноручныя исправленія и помѣтки царя Алексѣя. Былъ онъ «ловецъ добръ, хороборъ, николи же ко вепреви и ни ко медвѣдеви не ждаше слугъ своихъ, а быша ему помогли, скоро самъ убиваше всякій звѣрь, тѣмъ же и прослылъ бяшетъ по всей землѣ».

Ястребъ.

Въ древней Руси, когда порохъ еще не былъ изобрѣтенъ и затѣмъ, изобрѣтенный и вывезенный въ Москву, былъ еще, для забавъ и потѣхъ, дорогъ и недоступенъ самымъ богатымъ, — для охоты служили ловчія птицы изъ породъ хищныхъ: ястреба и ихъ родичи—черно-пепельнаго цвѣта обыкновенный соколъ и соколъ бѣлаго цвѣта, называвшійся кречетомъ. Они входили въ число податей съ народа; для нихъ устраивались особыя сборныя мѣста («садбища»), и въ числѣ военной добычи эти птицы считались пріятнымъ пріобрѣтеніемъ. Ловля ловчихъ птицъ особенно была выгодна, потому что цѣна на нихъ стояла высокая; сокольи гнѣзда принадлежали владѣльцу лѣса и ограждены были закономъ (славились ястреба вологодскіе, кречеты бѣлозерскіе; Ивану Ласткѣ велѣно было отъ Грознаго царя ловить и сберегать этихъ птицъ на Печорѣ). Ловли передавались по завѣщанію, ловчіе остались вольными слугами, и жители тѣхъ мѣстъ, куда они приходили на ловлю, обязывались содержать ихъ безплатно, «занеже люди тѣ надобны»—какъ выражается грамата Ивана Калиты. А ходили по отхожимъ лѣсамъ и сокольники, и бобровники, псари и тетеревники, ловцы лебединые, заячьи и гоголиные.

Эти ловчіе обучали искусству ловли привычную къ людямъ и домашней жизни птицу, тѣмъ, что сажали ее въ темное мѣсто, истощали ея силы, томили и изнуряли голодомъ, потомъ давали кормъ, выносили и мало-по-малу пріучали преслѣдовать ту или другую породу дичи. На охотѣ сокола спускали съ руки. Онъ билъ птицу на лету, для чего сперва подтекалъ подъ нее, взгонялъ ее, потомъ самъ выпыривалъ позади вверхъ и внезапно ударялъ въ птицу стрѣлой подъ лѣвое крыло, всаживая большой отлетный коготь, и поролъ ее, словно ножемъ. Птица падала, соколъ опускался на нее, перерѣзывалъ горло и пилъ кровь. Ястребъ птицу щиплетъ гдѣ ни попало, а кречетъ никогда не беретъ добычи съ земли, не хватаетъ ее и на полетѣ. За это и за то, что онъ бьетъ сверху — кречетъ считается самою цѣнною изо всѣхъ ловчихъ птицъ.

Соколъ въ охотничьемъ нарядѣ.

Бѣгая легкимъ способомъ по лѣснымъ сугробамъ на лыжахъ, сѣверные русскіе успѣли изобрѣсти и иные способы пользоваться лѣсными богатствами, о присутствіи которыхъ лѣсные инородцы еще до сихъ поръ не подозрѣваютъ. Если всѣ эти способы первобытны и самымъ рѣшительнымъ образомъ ведутъ на полное истребленіе лѣсовъ, тѣмъ не менѣе ими занято такое множество рукъ и сыто столько желудковъ, что нельзя пройти мимо нихъ, не сказавши ни слова. Въ этомъ отношеніи особенная услуга оказывается сосною — самымъ господствующимъ деревомъ нашихъ сѣверныхъ глухихъ лѣсовъ.

Въ началѣ весны, когда дерево начинаетъ наполняться свѣжими соками, какой-нибудь шенкурскій «ваганъ» сдираетъ кору до корня отъ того мѣста, сколько позволитъ ростъ и достанетъ рука съ топоромъ. А такъ какъ крупныя деревья повывелись, стало жаль остальныхъ, то съ мелкихъ деревьевъ дерутъ кору съ головы до пятъ, то есть съ того мѣста, гдѣ начинаются вѣтви, и до самыхъ корней. Оставляется на стволѣ ремень изъ коры только съ сѣверной стороны, отъ которой всегда ожидаетъ тамошній человѣкъ всякихъ бѣдъ для себя. На этотъ разъ сѣверъ подсушитъ засоченное дерево—и весь трудъ пропалъ, не зачѣмъ было и промокать до послѣдней нитки на мокрыхъ весеннихъ прогалинахъ. «Засочка» кончается, когда кончаются взятые изъ дома съѣстные припасы и стало ломить плечи и спину. Ваганъ кладетъ свое клеймо. И еще не родился въ тѣхъ мѣстахъ тотъ человѣкъ, который смѣлъ бы не уважить чужой замѣтки, дерзнулъ бы очищать чужой путикъ съ надавленными рябчиками и куропатками, даже прикоснуться къ той веревкѣ, на которой нанизываются бѣличьи шкурки, забытыя или оставленныя до благопріятнаго случая въ лѣсной кушнѣ. Оставятъ тамъ лодку и при ней шестъ: значитъ чужая и нужная,—проходи мимо. Подлѣ одной такой лодки съ сѣтями стояло весло, и незнающій человѣкъ захотѣлъ на него облокотиться,—всѣ прочіе бросились его удержать и всѣ увѣряли съ клятвою, что примешь за это и грѣхъ и болѣзнь—стрѣлье въ бокъ. Въ одной избушкѣ всѣ охотники перемерли отъ цынги, не успѣвши донести до дому довольно богатаго мѣховаго промысла и разныхъ мелкихъ вещей. Одиночки проходили мимо, грѣлись въ избѣ,—не трогали изъ оставленнаго ни пушинки, и рѣшились придти сюда цѣлой артелью. Она пересчитала все счетомъ до мелочи, оглядѣла со всѣхъ сторонъ и всѣ изъяны, и все, до послѣдней крохи и шерстинки, доставила наслѣдникамъ. Но довольно, чтобы не заговориться на этомъ свойствѣ сѣверныхъ русскихъ людей, мимо котораго однакоже и пройти невозможно; къ тому же стало и оно теперь мало-по-малу становиться рѣдкимъ.

Засоченныя деревья должны стоять на корню 2, 3 и 4 года, то есть, чѣмъ дольше, тѣмъ прибыльнѣе, потому что каждый годъ заливаются новой сѣрой, которая спускается изъ-подъ коры внизъ по осочкѣ, и тутъ засыхаетъ. Въ такомъ готовомъ состояніи деревья отрубаются

отъ вѣтвей и корней и свозятся на мѣсто, называемое майданомъ. Здѣсь просмолившіяся чурки раскалываютъ и расщепляютъ на полѣнья, называемыя смольемъ, которыя и складываютъ въ костры. Между тѣмъ готова яма около четырехъ аршинъ глубиною, и на днѣ ея стоитъ деревянный плотный ларь или дщанъ, вышиной въ полтора аршина. На края его плотно настилаются толстыя доски, а по серединѣ ихъ вырубается круглое отверстіе, къ которому набрасываютъ и утаптываютъ покато землю, и застилаютъ сырой еловой корой, чтобы предохранить смолу отъ утечки. Когда эта застилка получитъ форму безтрубной воронки, среднее отверстіе покрываютъ двумя или тремя нетолстыми чурочками, на которыя кладутъ круглый камень. Коль скоро огонь, при сгораніи костра, дойдетъ до его подошвы и сожжетъ чурочки, камень упадетъ на отверстіе, запираетъ его и, стало быть, не допускаетъ огня въ ларь. Костеръ смолы отъ 10 до 20 маховыхъ саженъ курится въ земляной печкѣ 5—7 дней. Простуженную въ ларѣ смолу разливаютъ въ продолговатыя бездонныя бочки, самими же сдѣланныя изъ той же сосны, но узаконеннаго начальствомъ размѣра вмѣстимости. Хотя въ торговлѣ у архангельскаго порта ямной смолѣ предпочитается печная, за то, что первая жиже, но она тѣмъ хороша, что доступна для сидки всякому желающему, всякому крайнему бѣдняку (особенно въ артеляхъ). Есть топоръ и лопата—и довольно. Печная выкурка требуетъ особенной печи, выгодной лишь тамъ, гдѣ лѣсъ подъ руками, а ямы можно рыть на всякомъ мѣстѣ, гдѣ удалось подсочить деревья.

«Гонка» дегтя, какъ и «сидка» смолы, обусловливается также весеннимъ скопленіемъ соковъ въ березѣ, когда и снимается съ деревьевъ береста. Собранная береста, въ количествѣ $2\frac{1}{2}$—3 пудовъ, набивается въ кубы и отъ дѣйствія огня разлагается, а деготь выдѣляется въ видѣ паровъ, которые охлаждаются въ трубахъ, пропущенныхъ сквозь холодильникъ, наполненный водой. Деготь вмѣстѣ съ водой стекаетъ въ корыто или ушаты, черезъ трубы, которыя для дегтя дѣлаются изъ листоваго желѣза (для смолы изъ сырой осины). Вода отстаетъ отъ чистаго дегтя, устаиваясь на низу. Всплывшій товаръ, столь пригодный для сапоговъ и колесъ, бываетъ самаго лучшаго качества. Его предпочитаютъ всѣмъ другимъ сортамъ и въ Рыбинскѣ, и на Ростовской ярмаркѣ; онъ уходитъ отсюда и въ такую даль, какова нижняя Волга.

Сидкой смолы занимается почти все крестьянское населеніе въ бывшихъ удѣльныхъ имѣніяхъ Шенкурскаго уѣзда (Архан. губ.), извѣстное тамъ подъ общимъ именемъ «вагановъ», а самый лучшій деготь гонится въ Кадниковскомъ уѣздѣ (Волог. губ.) въ сѣверной его части, наз. Троичиной. Къ тому и другому промыслу, въ тѣхъ и другихъ мѣстностяхъ, конечно, пріурочивается завѣтный артельный трудъ, безъ котораго на сѣверѣ ни рыбы, ни звѣря, ни птицы не ловятъ, и даже на рубку въ лѣсахъ бревенъ зимою, по найму, выходятъ такими же артелями (сплоченными для продовольствія себя съѣстными припасами).

Въ круговой порукѣ и въ послѣдовательномъ сцѣпленіи одного съ другимъ промысла примыкаютъ къ сейчасъ описаннымъ, столь же для нихъ необходимые и въ свою очередь отъ нихъ независимые, иные лѣсные промыслы. Между ними самые незамысловатые, но самые трудные—рубка и сплавъ лѣса на мѣста требованій, особенно по Двинѣ къ Архангельску: здѣсь существуютъ лѣсопильные заводы, устроенные по новѣйшимъ образцамъ и указаніямъ технической науки. Распиленный лѣсъ въ доскахъ и брусьяхъ издавна уже грузится на корабли и отправляется въ такія дальнія страны, какъ островъ Мадера, и на надобности такихъ городовъ, какъ Севилья въ Испаніи.

Здѣсь работа идетъ съ подряду. Работаетъ ловкій парень на купеческое имя и на его деньги, въ качествѣ прикащика и наемщика. Выбираетъ онъ ту зимнюю пору, когда у крестьянъ подошелъ хлѣбъ и надобятся деньги на подати. При задаткахъ наличными наемъ облегчается: идутъ за-дешево на сплавы обыкновенно въ мартѣ, на лѣсную рубку—въ декабрѣ, подъ предводительствомъ этихъ же прикащиковъ, бойкихъ на слова, умѣющихъ — что называется — заговаривать зубы. По поясъ въ снѣгу на лѣсной рубкѣ, по самыя плечи въ холодной водѣ на сшивкѣ

плотовъ на сплавахъ, отправляютъ бѣднѣйшіе изъ лѣсныхъ жителей такія работы, которыя, по всей справедливости, принадлежатъ къ самымъ тяжелымъ и опаснымъ для здоровья и жизни. На большомъ плоту, который такъ красиво плыветъ по широкой Двинѣ на нашей картинѣ, много принято горя и притомъ въ два пріема: первый разъ, когда звонилъ топоръ и стонало дерево, подрубаемое подъ корень, во второй разъ, когда оно, будучи поставлено на берегъ и спущено на воду, не слушалось сплавщика, ныряло и врывалось въ рыхлый берегъ, капризничало и упиралось. Натрудившему руки, плечи и спину приходилось отдыхать въ наскоро-слаженномъ шалашѣ и на лучшій конецъ въ угарной лѣсной избушкѣ, прямо на полу и на сквозномъ вѣтру изъ вывѣтрившихся щелей. Намокнувшимъ въ водѣ и продрогнувшимъ на холодномъ вѣтрѣ при сшивкѣ плотовъ, не всегда приводилось отогрѣваться въ четырехстѣнномъ строеніи, а чаще всего на свѣжемъ воздухѣ у костра, или въ шалашѣ изъ хвороста и соломы на самомъ плоту: одинъ бокъ грѣется, другой стынетъ, а то и оба вмѣстѣ продуваетъ въ одно и то же время. Безъ простудныхъ болѣзней, безъ ревматизмовъ (наз. на сѣверѣ «стрѣльемъ») сплавщики плотовъ домой не приходятъ. Этотъ—значитъ—отлежался: желѣзные мускулы выдержали; другой провалялся въ грязи и сырости и померъ въ сосѣдней деревушкѣ, у сердобольной старушки—вдовы. Да и то еще не радость и далеко не веселье, что плотъ вышелъ на середину рѣки и несетъ отъ бѣдъ и напастей смолевыя дегтярныя бочки: можетъ онъ навалить на берегъ или сѣсть на мель, надломиться и разсыпаться, или застрять такъ, что не сдвинешь съ мѣста никакимъ способомъ. Ручныхъ усилій недостаточно, выхаживали и на трубку (или воротъ), и пѣсни при этомъ пѣли, и много всякихъ пѣсенъ пропѣли. Прибрежный край плота заѣло, береговой грунтъ «закусилъ» плотъ; одинъ несчастный человѣкъ сорвался съ вертляваго бревна и ушелъ подъ плотъ такъ, что его тамъ и не сыскать, если не выплыветъ самъ бездыханнымъ трупомъ. Прибѣгали и къ послѣдней мѣрѣ: рубили на рѣчныхъ берегахъ таловые прутья, вязали въ пучки и затѣмъ съ плеча и во всѣ руки, и нѣсколько часовъ кряду наивно сѣкли, какъ провинившагося преступника, непослушный и упрямый плотъ или судно.

Отъ такихъ невзгодъ засоряются малыя и большія рѣки, накопляются подъ водою тѣ коряги и каржи, на которыхъ, какъ на острыхъ ножахъ или зубьяхъ, разрѣзаютъ бока и дно другія дорогія суда съ цѣннымъ грузомъ; заѣдаются канаты, останавливаются новые плоты; самое русло рѣкъ заиливается и уровень воды понижается. Ни рыбы половить, безъ того, чтобы не перервать или не потерять сѣти, ни плоты спустить, чтобы не ловить потомъ розсыпь до изнеможенія силъ и истощенія всякаго человѣческаго терпѣнія.

Вода привела насъ къ новому предмету промысла и торговли и продукту продовольствія, какова рыба. Немудрено было догадаться и подсмотрѣть, что однѣ приходятъ съ рѣки на время, другія въ нихъ остаются круглый годъ; однѣ ищутъ теплой воды въ верховьяхъ рѣкъ въ глуши дремучихъ лѣсовъ и, сдѣлавъ указанное природой дѣло, возвращаются обратно въ море. Непокидающія рѣкъ выбираютъ въ нихъ любимыя мѣста: либо бродятъ по раздолью и на свободѣ по русламъ, либо ложатся на дно и кончаютъ на время зимы свои передвиженія. По рыбьимъ привычкамъ и способы ловли. Послѣдніе замѣчательны тѣмъ, что остаются такими же, какъ были въ глубокую старину (исключеній очень не много), съ перемѣною лишь названій. Самый употребительный, вполнѣ соотвѣтственный общинной формѣ быта, потребовавшей, чтобы, если земля—достояніе общее, то и вода должна быть таковою же,—изстаринный *ѣзъ*, или язъ, который зовется по лѣсамъ Костромской губ. *спѣжемъ*, по Волгѣ — забойкой, перебойкой, *заколомъ*; на Уралѣ—по-татарски *учугомъ*, а въ сѣверныхъ рѣкахъ по-просту и совсѣмъ по-русски *заборомъ*, который представляетъ собою сплошной частоколъ или тынъ, забитый въ рѣчное дно, чтобы запереть ходъ рыбѣ и загнать ее въ сѣти (морды, нёрши, мережи, и т. д.).

Какъ только славяне внѣдрялись въ лѣсахъ, тотчасъ же заводили *ловища* и развѣшивали, по деревьямъ *перевѣсища*, какъ дѣлала это, по лѣтописнымъ свидѣтельствамъ, княгиня Ольга. Одновременно съ этимъ, поселявшіеся на озерахъ сначала и на рѣкахъ потомъ заводили тони,

строили ѣзы и пускали въ дѣло всякіе рыболовные снаряды. Промыслы эти до сихъ поръ въ лѣсистой Россіи, въ мѣстахъ, гдѣ даютъ богатую добычу, соперничаютъ съ земледѣліемъ и заставляютъ бросать соху или навсегда, или на то время, пока обезпечиваютъ существованіе. При неблагопріятныхъ для промысловъ случайныхъ условіяхъ (какъ случилось напр. въ 1854 и 1855 годахъ, когда англичане держали въ блокадѣ берега Бѣлаго моря) лѣсные жители снова принимались за свое коренное занятіе земледѣліемъ и увеличивали число запашекъ. Впрочемъ, во всякомъ случаѣ, въ здѣшнихъ мѣстахъ земледѣльческій трудъ является лишь побочнымъ, подспорнымъ занятіемъ къ главнѣйшимъ лѣснымъ промысламъ. Хотя они въ сѣверной половинѣ лѣсной области находятся въ самой первобытной формѣ и очень неразнообразны, тѣмъ не менѣе занимаютъ наибольшее количество рабочихъ силъ. Здѣсь мы встрѣчаемъ лишь только рубку и сплавъ лѣса, сидку дегтя и гонку смолы да судостроеніе (вплоть до верховьевъ Сѣверной Двины). Къ югу отъ мѣста слiянія Юга и Сухоны лѣсные промыслы начинаютъ разнообразиться: приготовляютъ деревянную посуду на крестьянскую руку и различные экипажи (около Красноборска изъ черемуховыхъ корней плетутъ шарабаны, около Вологды дѣлаютъ сани). Въ значительной степени распространено тканье рогожъ и плетеніе кузововъ изъ бересты. Къ лѣснымъ издѣліямъ являются подспорьемъ ручныя ремесла: плетеніе кружевъ, тканье холста и полотенъ, обдѣлка щетины и проч. И чѣмъ далѣе къ югу, тѣмъ лѣсные промыслы наиболѣе разнообразятся, достигая полнѣйшаго развитія въ лѣсахъ Вятской и Костромской губ. и въ ближайшихъ къ берегамъ Волги.

Ловъ стерляди самоловами въ Двинѣ.

Разсказами о трудовой жизни сѣверныхъ лѣсныхъ жителей мы дошли до тѣхъ печальныхъ проявленій ея, которыя требуютъ отъ рабочихъ чрезмѣрныхъ жертвъ, крайняго напряженія силъ безъ награды и физическаго труда въ самыхъ грубыхъ формахъ его. За сѣвернымъ человѣкомъ во всякомъ случаѣ остаются еще преимущества, зависящія отъ его житейскаго положенія среди враждебныхъ силъ природы, требующихъ съ его стороны постоянной бдительности, готовности на ежечасный отпоръ и неустанную борьбу. Жизнь среди повседневныхъ опасностей должна была развить въ его умѣ изворотливость и впечатлительность, въ его характерѣ—находчивость, терпѣніе и смѣлость. Таковъ онъ и есть тамъ, гдѣ опасность прямо передъ глазами, и удачи не часто утѣшаютъ его въ начинаніяхъ.

Въ Поморьѣ каждая женщина съ такою же рѣшительностью ходитъ по зыбкой тундрѣ, съ какою пускается въ опасное море на утлыхъ и мелкихъ судахъ. Дома, по причинѣ долговременнаго отсутствія мужей на промыслы, сѣверныя женщины такія же опытныя уставщицы домашнихъ порядковъ и обезпеченной жизни, какъ мужья неутомимые работники на опасныхъ морскихъ промыслахъ. Находясь постоянно въ отвѣтѣ на мужскихъ дѣлахъ и обязанностяхъ, женщины выработались на столько въ образцовый типъ, что онъ заслуживаетъ полнаго уваженія и возбуждаетъ удивленіе. Наблюдая за ихъ находчивостію въ трудныхъ обстоятельствахъ общественной и семейной жизни, такъ мудрено сложившихся въ томъ краю, становится понятно явленіе такой представительницы сѣверной женщины, какимъ рисуется намъ намѣченный лѣтописными сказаніями образъ вдовы новгородскаго посадника Исака Борецкаго — Мареы. Выростающіе на рукахъ такихъ матерей такіе богатыри труда и терпѣнія, какими являются кемскіе

и мезенскіе поморы, говорятъ съ избыткомъ много о высокихъ добродѣтеляхъ поморской женщины. Мы не забудемъ и того, что въ умственномъ движеніи, возбужденномъ расколомъ, сѣверной женщинѣ принадлежитъ очень видное мѣсто, и безъ ея сочувствія и дѣятельной подмоги навѣрное не было бы сдѣлано пропагандою столь счастливыхъ и быстрыхъ успѣховъ. Имена очень многихъ изъ нихъ занесены въ сказанія раскольничьихъ писателей со ссылкою на очевидные факты ихъ поучительной дѣятельности. Суровость климата, заставляющая подолгу сидѣть въ теплыхъ избахъ, проводить большую часть времени у домашняго очага, развила семейную жизнь съ ея неразлучными спутниками. Надобность сокращать время обмѣномъ мыслей и знаній вызвала въ томъ краю умѣнье сберегать преданія, выучила дорожить стихотворной стариной и проч. Женщины преимущественныя хранительницы этихъ драгоцѣнностей и передатчицы въ чужія руки, которымъ здѣсь издавна наиболѣе счастливитъ.

Женщины изъ Архангельска.

Разсказывать объ отвагѣ и смѣлости приморскихъ жителей, присущей всѣмъ населяющимъ берега морей и большихъ озеръ, мы считаемъ излишнимъ. Приключеніе съ поморомъ Хилковымъ и его товарищами стоитъ того, чтобы остановиться и упомянуть объ немъ теперь, къ слову. Втроемъ они сумѣли прожить на одномъ изъ острововъ группы Шпицбергена шесть лѣтъ и три мѣсяца, будучи оставлены тамъ съ тѣмъ запасомъ провизіи, который могли принести на себѣ. Мерзлой рыбой и ложечной травой, которую умѣли отыскивать подъ снѣгомъ, они оборонились отъ перваго и страшнаго врага — цынги (умеръ только одинъ). Отъ голода спасались мясомъ дикихъ оленей, птицы и рыбы: линявшую птицу били палками, рыбу ловили простымъ мѣшкомъ. Заряды жалѣли и берегли на оленей. Найдя на берегу доску съ гвоздями (обломокъ корабля) и большой желѣзный крюкъ, выковали изъ него голышомъ-камнемъ на другомъ голышѣ молотокъ, потомъ на томъ же гранитномъ камнѣ этимъ молоткомъ изъ гвоздей сдѣлали копья. Ихъ насадили на палку и укрѣпили ремнями: стала рогатина. Съ ней и воевали съ бѣлыми медвѣдями, когда эти приходили гнать ихъ съ острова. Огонь для пищи и угрѣвы вырубали огнивомъ на трутъ и разводили изъ лѣса-плавика, обыкновенно выбрасываемаго морскими волнами. Когда истлѣла и измызгалась обувь, стали выдѣлывать мѣха и кожу убитыхъ стрѣлами звѣрей и сшивать жилами убитыхъ ими дикихъ оленей. Шили они и платье, шили и сапоги при помощи рыбьихъ костей. Надоѣло ѣсть вареное и жареное мясо — стали коптить и солить: соль выпаривали изъ морской воды на сковородкѣ. Нашли доску, вырубили крѣпкіе и гибкіе еловые сучья — сталисъ самострѣлы на песцовъ и лисицъ. Съ ними начали охотиться, приманивая этихъ звѣрковъ выложеннымъ на крышу

избушки мясомъ. Избушку нашли готовую, — ее только починили и замшили свѣжимъ мохомъ; нашли готовою и ключевую воду, во множествѣ бившую повсюду между скалами. Вмѣсто часовъ, служила имъ плошка съ саломъ, налитымъ ровно на столько, чтобы сгорало отъ полудня до полуночи. Стало протекать сало: самодѣльную изъ глины плошку обожгли. Спасло находчивыхъ отшельниковъ плывшее въ Архангельскъ иностранное судно. Сюда привезли они весь свой промыселъ: 50 пудовъ оленьяго жира, 200 оленьихъ лосинъ, 10 шкуръ бѣлыхъ медвѣдей и очень много бѣлыхъ, чернобурыхъ и синихъ лисицъ, да за шесть лѣтъ разсказовъ на цѣлые полгода.

Между различными вліяніями на характеръ жителей, конечно, сильно вліяніе окружающей ихъ природы. На сѣверѣ менѣе замѣтные рѣзкіе переходы временъ года, конечно, не остались безъ громаднаго вліянія, какъ на характеръ людей, такъ и на образъ ихъ жизни, столь очевидный въ нашей исторіи и въ свойствахъ историческихъ дѣятелей. Хвойные лѣса несомнѣнно оказали также свою замѣтную долю вліянія на ту сосредоточенность, спокойствіе до невозмутимости и рѣшительность при первомъ серьезномъ требованіи, какими вообще отличаются наши сѣверные люди. Они стали здѣсь столь же неприхотливыми и умѣренными, какъ и самыя деревья. Мы уже видѣли весьма разнообразныя формы возродившейся и развившейся здѣсь промышленной дѣятельности, для которой впереди еще много успѣховъ. Въ убѣжденіяхъ и вѣрованіяхъ замѣчается до нѣкоторой степени отсутствіе идеализма и поэзіи и господство сухаго практическаго направленія, далекаго отъ всего неотносящагося къ обыденной жизни. Даже напѣвъ народныхъ пѣсенъ у лѣсныхъ русскихъ не имѣетъ той прелести и не богатъ той гармоніею, какими отличаются напр. волжскія. Сѣверныя пѣсни монотонны, печальны, строги. Въ этомъ у сѣвернаго человѣка, у великоросса, положительная разница съ южноруссами и малороссами. У коренныхъ жителей лѣсовъ, у инородцевъ нашего сѣвера, указанныя черты обнаруживались въ самыхъ крайнихъ проявленіяхъ. Въ религіи у нихъ на первомъ планѣ обрядъ и жертвы. Жертва: домашнія животныя (больше корова), лепешки и проч. Мѣсто жертвоприношеній— лѣсъ и въ немъ святыя мѣста, какъ мы уже видѣли: скалы, овраги, озера, болота, куда ходятъ молиться.

Вліяніе старообрядства, вообще дѣйствовавшаго съ большею смѣлостію и успѣхомъ на всѣхъ окраинахъ Великороссіи, наиболѣе сильно выразилось именно здѣсь. Сюда устремилось самопроизвольное переселеніе противниковъ церковнаго исправленія и направлена была ссылка самимъ правительствомъ самыхъ главныхъ руководителей всего дѣла: епископа коломенскаго Павла, протопопа Аввакума, попа Лазаря, дьякона Ѳедора и другихъ. Вооруженное десятилѣтнее сопротивленіе Соловецкаго монастыря, самосожженіе заключенныхъ въ монастырѣ Палеостровскомъ, сожженіе живыми на кострѣ пятерыхъ въ Пустозерскѣ были слишкомъ крупными явленіями, которыя произвели сильное впечатлѣніе на массу, и до сихъ поръ разсказы о нихъ живо сохраняются въ народной памяти. Въ Выгорѣцкихъ скитахъ, быстрое возрастаніе которыхъ также не могло не повліять на народъ въ пользу старообрядства, одинъ изъ братьевъ Денисовыхъ (Семенъ), происходившихъ изъ захудалаго рода новгородскихъ князей Мышецкихъ, посвятилъ свою жизнь написанію и распространенію сочиненій въ пользу своего дѣла. Сочиненія эти, вмѣстѣ съ поучительными посланіями Аввакума и его соузниковъ, распространились въ народѣ въ огромномъ числѣ списковъ. Для этой цѣли приспособлена была въ одномъ изъ выговскихъ скитовъ (Лексинскомъ) цѣлая мастерская изъ дѣвицъ, искусныхъ переписчицъ. Здѣсь же составлено подробное описаніе Выгорѣцкаго общежительства (Иваномъ Филипповымъ) и также распространено было въ большомъ количествѣ списковъ. Установившееся на твердыхъ основаніяхъ ученіе безпоповщины въ то же время потребовало уставщиковъ и толковниковъ, приготовленіемъ которыхъ и занялись съ ревностію уединенные скиты. Самообразованіе наиболѣе грамотныхъ въ томъ же направленіи, предполагавшемъ извѣстнаго рода нравственныя и матеріальныя выгоды, также имѣло надлежащее мѣсто въ подспорье Даниловскому, Топозерскому и другимъ скитамъ.

Сѣмена падали на воспріимчивую почву. Стремленіе къ грамотности и чтенію священныхъ книгъ было сильно развито не только въ старообрядцахъ, но и въ средѣ православныхъ. Извѣстно, что до архимандрита Димитрія (въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія) вся клиросная и псаломническая служба въ Соловкахъ отправлялась не монахами, а тѣми штатными служителями, которые обязательно исправляли монастырскія работы и поступали въ монастырь изъ поморскихъ крестьянъ. Димитрій первый сталъ образовывать чтецовъ и пѣвцовъ изъ монашествующей братіи. Уходившіе изъ монастыря служители уносили вмѣстѣ съ собой, съ потребностію обмѣна пріобрѣтеніемъ, возбужденную жажду къ чтенію цвѣтниковъ, миней. И дома продолжали они списывать и переписывать самыя разнообразныя выборки изъ священныхъ и апокрифическихъ книгъ. Долгія зимы, обязывавшія безвыходнымъ житьемъ дома, или весной и лѣтомъ въ становищахъ на Мурманскомъ берегу океана, не мало способствовали этимъ занятіямъ, хотя возбужденный умъ не останавливался ни передъ какими препятствіями. Мы видѣли нѣсколько и имѣли въ своихъ рукахъ два подаренныхъ цвѣтничка, писанные на берестѣ, переплетенномъ листами въ настоящую книгу, полученные нами въ самыхъ удаленныхъ отъ жильевъ и всякихъ дорогъ селеніяхъ, — знакъ, что береста потребовалась въ замѣну бумаги, которой нельзя было достать въ то время, когда хотѣлось списывать. Мы не помнимъ ни одного селенія не только въ Поморьѣ, но и на Печорѣ, гдѣ бы намъ не указали на такихъ людей, которые владѣли рукописями и писанными книгами въ самомъ разнообразномъ количествѣ: ими наполнены были сундуки и большіе короба. Все это полууставное письмо по времени принадлежало къ прошлому вѣку и въ очень нерѣдкихъ случаяхъ къ XVII вѣку. Имена и дѣятельность многихъ изъ таковыхъ грамотѣевъ и любителей сдѣлались даже весьма извѣстными и почтенными. Холмогорскій мѣщанинъ Василій Крестининъ и сынъ архангельскаго купца Александръ Ивановичъ Ѳоминъ были избраны корреспондентами Академіи наукъ за свои полезныя занятія литературою, учеными изслѣдованіями, за ревностныя занятія археологіею и за розысканія различныхъ древнихъ актовъ (между прочимъ двинскаго лѣтописца, списка кормчей). Ѳоминъ составилъ описаніе Бѣлаго моря и разныхъ мѣстныхъ промысловъ. Крестининъ написалъ Начертаніе исторіи г. Холмогоръ, о Двинскомъ народѣ, о древнихъ обитателяхъ сѣвера и проч. Оба они въ тотъ годъ, когда по проекту ихъ геніальнаго земляка — М. В. Ломоносова — основывался первый русскій университетъ въ Москвѣ, — учредили, по собственному побужденію и почину, общество для историческихъ изслѣдованій впятеромъ (вмѣстѣ съ тремя другими архангельскими гражданами). Цѣлью общества было собраніе древнихъ актовъ, на что богатый Ѳоминъ не жалѣлъ издержекъ, а Крестининъ трудовъ среди всеобщаго равнодушія со стороны начальства и среди преслѣдованій и препятствій со стороны чиновниковъ. Академики Лепехинъ и Озерецковскій, путешествовавшіе въ 1771 году, во многомъ обязаны были этимъ людямъ, никогда (что замѣчательно) не выѣзжавшимъ за предѣлы родной губерніи. Конечно, жизнь въ Архангельскѣ этихъ самоучекъ нашихъ ставила въ нравственныя условія нѣсколько лучшія, чѣмъ тысячи другихъ, имъ подобныхъ. Въ Архангельскѣ жило много иностранцевъ, привлекаемыхъ сюда сколько жаждою корысти, столько же и потребностями высшими, въ качествѣ мастеровъ, механиковъ на заводы и даже ученыхъ, желавшихъ изучить новый и оригинальный народъ, поставленный въ столь же оригинальныя условія быта. Извѣстно, что занятія архангельскихъ археологовъ тамошними чиновниками принимались за нѣчто противное религіи, что ихъ прозвали «фармазонами» именно за знакомство съ иностранцами и довели ихъ насмѣшками и преслѣдованіями до того, что общество ихъ принуждено было разрушиться и продолжать дальнѣйшую дѣятельность только въ лицѣ двоихъ. Конечно, эти двое не могли отъ иностранцевъ заимствовать любви и направленія въ трудахъ по русской археологіи, тѣмъ не менѣе они могли въ нихъ встрѣтить поддержку и извѣстную долю поощренія, — именно то, чего, къ сожалѣнію, недоставало другимъ нашимъ самоучкамъ. Говоримъ: къ сожалѣнію — именно потому, что практическій русскій умъ въ тысячахъ нашихъ самоучекъ выразился стремленіями къ примѣненію и уразумѣнію наукъ положи-

I. 51.

Гонка на Сѣверной Двинѣ,

тельныхъ, каковы математика и механика. Въ Архангельскѣ и около него для такихъ одаренныхъ натуръ нашлось бы въ это время много образцовъ и поученія, не въ Архангельскѣ же дарованія ихъ, безъ руководства и указаній, погибали безслѣдно и задаромъ. Однимъ удавалось

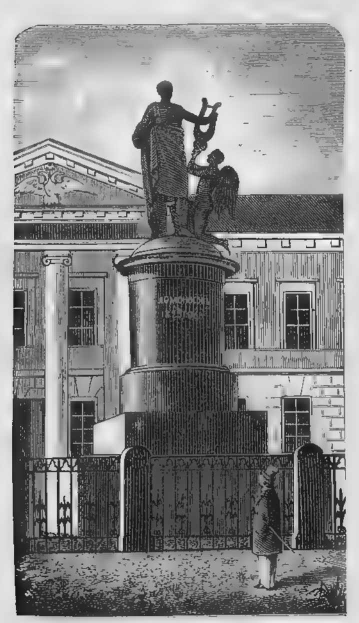

Мѣсторожденія М. В. Ломоносова въ селѣ Денисовкѣ.

изобрѣтать какіе-нибудь замысловатые и остроумные секретные замки, самодвигатели, часы, т. е. вещи, большею частію уже давно изобрѣтенныя; другимъ доставалась еще горшая участь и между прочимъ, когда очень часто приводилось попадать на мысль отысканія «вѣчнаго движенія», впадать слѣдомъ затѣмъ въ безнадежное мистическое или предметное умопомѣшательство. Требовалась счастливая звѣзда, рѣшительный шагъ, вдохновляемый незауряднымъ призваніемъ и такою энергіею въ увлеченіи, какая достается на долю лишь геніальныхъ натуръ, чтобы результаты являлись болѣе благопріятными.

Такою натурою надѣленъ былъ отъ природы одинъ изъ земляковъ Крестининыхъ и Ѳоминыхъ, который точно также погибъ бы въ печальномъ званіи и положеніи недоразвившагося самоучки и въ ожиданіи какой-либо благопріятной случайности, если бы въ этой натурѣ не было неудержимыхъ порывовъ и рѣшительности разорвать всѣ препятствія и смѣло направиться къ цѣли, хотя бы на другой конецъ свѣта. Энергія эта увѣнчала дальнѣйшій успѣхъ его дѣйствій, и въ лицѣ его высоко подняла значеніе русскаго простаго человѣка, его ума и способностей, до тѣхъ поръ признаваемыхъ пригодными лишь на черныя работы и мышечный трудъ. Для исполненія своего высокаго призванія, геніальный холмогорецъ Михайло Васильевичъ Ломоносовъ бѣжалъ съ родины. Здѣсь въ ревизскихъ сказкахъ, въ графѣ о занятіяхъ и родѣ жизни, числился онъ «въ бѣгахъ», т. е. въ неизвѣстной отлучкѣ, даже и въ то время, когда имя его, какъ перваго русскаго ученаго, извѣстно было далеко за европейской нашей границей, и плодотворная дѣятельность на пользу отчизны не знала устали и не находила конца и предѣловъ въ многообразныхъ примѣненіяхъ и изобрѣтеніяхъ.

На родинѣ свѣдѣнія о геніальномъ математикѣ очень скудны. Съ величайшимъ трудомъ удалось товарищамъ Ломоносова по академіи, Лепехину и Озерецковскому, доискаться до мѣста его родины и вызнать нѣсколько незначительныхъ подробностей объ его жизни въ родной семьѣ. Деревня Денисовка успѣла переименоваться въ Болото; на мѣстѣ дома Василья Дорофеева стоялъ домъ дьячка. Не измѣнился лишь печальный видъ его скудныхъ родимыхъ мѣстъ — низменнаго острова, расположеннаго между рукавами Двины, съ одной стороны въ виду старинныхъ Холмогоръ, откуда еще не переведена была епископская каѳедра, и съ другой—въ виду Вавчуги, гдѣ въ то время, когда росъ Мих. Вас., находилась въ полномъ разгарѣ дѣятельность Бажениныхъ и еще жили свѣжими воспоминаніями о великомъ Преобразователѣ Россіи. Скудная земля обязывала жителей отхожими промыслами и въ числѣ другихъ и отца Ломоносова. Единственный сынъ его, Михайло, обязанный раздѣлять труды семьи, тутъ получилъ первые уроки терпѣнія и увидѣлъ первые примѣры настойчивости въ достиженіи цѣлей и изобрѣтательности. Послѣ домашней науки немудрено ему было добѣжать до Москвы въ чужомъ китаечномъ полукафтаньѣ и съ тремя рублями денегъ. Родина успѣла однакожь снабдить его всѣмъ, чѣмъ могла, въ другомъ отношеніи: грамотность въ средѣ населенія была достаточно развита и тѣмъ болѣе была обязательна для Ломоносова, что отецъ его придерживался раскола безпоповщины. Даровитаго мальчика, обладавшаго природною глубокою памятью, обучилъ и начаткамъ не иной кто, какъ той же Куростровской волости грамотный крестьянинъ (Иванъ Шубной). Уже одной возможности читать книги достаточно было для 16-тилѣтняго Ломоносова, чтобы задумать неслыханное въ тѣхъ мѣстахъ дѣло — совершенно безраздѣльно посвятить всю свою жизнь обученію себя и наукѣ. А такъ какъ на родинѣ была только одна и то кое-какая школа для духовныхъ, то и оставался прямой выходъ—покинуть родину и бѣжать въ Москву по дорогѣ, хорошо извѣстной сѣвернымъ торговымъ и промышленнымъ людямъ. Назадъ онъ на родину не возвратился: императоръ Павелъ прислалъ въ 1798 году указъ, увольнявшій семейство сестры Мих. Вас. Головиной съ потомствомъ отъ подушнаго оклада и рекрутскаго набора, «въ уваженіе памяти и полезныхъ знаній знаменитаго профессора статскаго совѣтника Ломоносова». Позднѣе (не въ Холмогорахъ, а въ Архангельскѣ) поставленъ былъ на гимназической площади памятникъ, но, къ сожалѣнію, классическая тога, лира и крылатый геній не достигаютъ цѣли поученія и возбуждаютъ въ народѣ превратныя понятія и забавныя толкованія.

Памятникъ Ломоносову въ Архангельскѣ.

Ломоносовъ бѣжалъ, по крайней случайности, въ знаменательное для его родныхъ мѣстъ время. Они стали быстро утрачивать свое прежнее значеніе и клониться къ упадку. Геніальный Преобразователь государственной и экономической жизни Россіи, вдохновлявшій дѣяніями своими и давшій направленіе всей жизни и дѣятельности Ломоносова, посѣтилъ три раза сѣверъ именно для того, чтобы убѣдиться въ исторической ошибкѣ народа и для исправленія ея дать народнымъ стремленіямъ другое направленіе и указать новые пути. Лучшій изъ нихъ, на югъ въ плодородныя черноземныя степи, царю не удался; но за то новый путь на западъ, обезпечивающій сближеніе съ Европой, посредствомъ Балтійскаго моря, былъ прочно установленъ великимъ хозяиномъ еще при жизни. Петербургъ нанесъ сильный и вѣрно разсчитанный ударъ Архангельску со всѣми его ближними и дальними пригородами и волостями. Въ экономической жизни не только лѣснаго сѣвера, но и всей Россіи произошелъ затѣмъ неожиданный и круп-

ный переворотъ, который завершился послѣдующими великими событіями: пріобрѣтеніемъ новороссійскихъ степей и Чернаго моря. Съ этого времени упадокъ сѣвера сталъ очевиднымъ, и нынѣшнее печальное положеніе его едва ли уже исправимо. Мы въ настоящемъ очеркѣ именно потому и принуждены были дольше останавливаться на исторіи сѣвернаго края, что существеннѣйшій интересъ народной жизни его теперь весь заключается въ прошломъ.

Въ прошломъ народной жизни на сѣверѣ: пріобрѣтеніе на Христово и русское имя новыхъ дикихъ странъ, лежавшихъ до тѣхъ поръ впустѣ и безъ пользы, оживленіе ихъ благотворнымъ земледѣльческимъ трудомъ, установленіе торговыхъ сношеній для обмѣна богатствъ; открытіе удобныхъ мѣстъ для сношеній съ иностранными государствами, и въ то же время, по скудости почвы, развитіе промышленнаго духа и вмѣстѣ съ тѣмъ непрестанныя передвиженія въ направленіи на востокъ въ разсчетѣ на пріобрѣтеніе лучшихъ мѣстъ для земледѣлія и болѣе выгодныхъ для промысла. 15-й вѣкъ въ особенности замѣчателенъ по развитію на лѣсистомъ сѣверѣ народной колонизаціи, дошедшей въ слѣдующемъ вѣкѣ до своего апогея, когда обезпеченію осѣдлости стали помогать различныя благопріятныя случайности и между прочимъ открытіе иностранными кораблями входа въ Сѣверную Двину. Въ концѣ 16-го вѣка русскіе люди упрочились уже на далекой Печорѣ и ея лѣвыхъ притокахъ и пробили три пути за Уральскій хребетъ, а вскорѣ перешли его уже не для временнаго обмѣна продуктами промысловъ, а на вѣчное житье, «на пашню» въ такихъ же земледѣльческихъ общинахъ. 17-й вѣкъ въ этомъ отношеніи ознаменовался тѣмъ, что къ свободнымъ переселеніямъ присоединило правительство вынужденныя: за разныя вины городскихъ обитателей ссылали ихъ въ Сибирь цѣлыми городами. Съ легкой руки Ивана Грознаго, разорившаго Новгородъ и переселившаго изъ него лучшихъ гражданъ, Борисъ Годуновъ изъ углицкихъ горожанъ основалъ въ Сибири Пелымь-городъ; за покровительство ссыльнымъ Романовымъ опустошилъ для той же цѣли Каргополь. Конецъ 17-го вѣка выразился для сѣвернаго лѣсистаго края новымъ наплывомъ свободныхъ людей, побѣжавшихъ отъ казни за приверженность къ старому кресту и книгѣ и за сопротивленіе властямъ. Край снова началъ было оживляться и облюдѣлъ однако въ такихъ лишь размѣрахъ, которые возможны были при постоянныхъ тревогахъ и организованныхъ преслѣдованіяхъ. Когда Петръ I проложилъ дорогу на западъ и хорошо успѣлъ обезпечить ее на первыхъ же порахъ, а Сибирь въ то же время стала вполнѣ извѣстною, — движеніе на сѣверъ окончательно остановилось и получило рѣшительное направленіе на востокъ. Лѣсистый сѣверъ, издревле игравшій роль проходной дороги, сдѣлался какъ бы сборнымъ пунктомъ для выселенцевъ въ иныя страны и получилъ значеніе какъ бы передаточнаго мѣста. Недремлющія силы могучей природы снова вступили въ права. Стали зарастать проторенныя дороги, и на воздѣланныхъ людскимъ трудомъ мѣстностяхъ начались тѣ перемѣны вида и характера ихъ, которыя такъ любитъ природа. Тамъ, гдѣ земледѣлецъ вызвалъ изъ еловаго лѣса пашню, укрѣпился смѣшанный лѣсъ; гдѣ онъ охранялъ луга, выросъ березникъ; гдѣ засорилъ рѣки, понизилъ русла, увеличилъ чрезъ то размѣры весеннихъ разливовъ, тамъ стали скопляться стоячія воды, образовались безнадежныя болота, и на лучшій конецъ *урёмы*, т. е. поемные лѣса или кустарники. Если и удалось людямъ значительно измѣнить физіономію лѣсистыхъ мѣстъ: осушить болота, перемѣнить направленіе рѣчныхъ руслъ, измельчить озера и сократить ихъ береговыя очертанія, даже многія совершенно уничтожить,—тѣмъ не менѣе вступившая въ свои права лѣсная природа затёрла на лицѣ земли не только одинокія людскія жилья, но успѣла скрыть отъ любопытныхъ глазъ археологовъ людные города и воинствовавшіе остроги. Если на остаткахъ дворца петровскихъ временъ на кончезерскихъ марціальныхъ водахъ, принадлежавшаго царицѣ Прасковьѣ Ѳеодоровнѣ, давно выросъ лѣсъ, то можетъ ли быть что либо удивительнаго въ томъ, когда цѣлые ряды кургановъ въ самыхъ глухихъ трущобахъ характерно знаменуютъ покинутыя жилья? Мѣста многихъ лѣтописныхъ городовъ еще до сихъ поръ съ точностію не опредѣлены, а другія и совсѣмъ не отысканы. Иные города (Орлецъ, Чаронда) едва примѣтны теперь по слабымъ признакамъ земляныхъ валовъ, безпощадно

размываемыхъ дождями и весенними разливами. Другіе превратились въ жалкія села, какъ Кевроль и такое нѣкогда знаменательное мѣсто, какъ Усть-Вымь, гдѣ была каѳедра Св. Стефана Пермскаго и куда сбиралась для молитвы и торговли вся Зырянская страна. Особенно пострадали отъ перелива населенія съ сѣвера тѣ города, которые сохранили свои мѣста и имена до настоящаго времени (и о которыхъ мы будемъ говорить дальше отдѣльно). Помогъ также упадку лѣснаго сѣвера тотъ же пушный звѣрь, который между прочимъ служилъ приманкой въ этихъ лѣсахъ: соболь ушелъ въ Сибирь, гдѣ сталъ путеводителемъ къ открытію новыхъ странъ. Уничтоженіе и ослабленіе въ продуктахъ промысла, столь характерное на великорусскомъ сѣверѣ, обращало земледѣльцевъ снова къ пашнѣ, къ чрезмѣрнымъ и безнадежнымъ трудамъ, а стало быть и къ послѣдовательному выселенію на новыя и сытыя мѣста, «отъ нужи да отъ потуговъ не по силамъ», какъ привычно жаловались встарину.

На счетъ великорусскаго сѣвера устроилась Сибирь, и выходцамъ отсюда привелось тамъ (какъ устюжанину Ерофею Хабарову, покорителю Амура) заслужить даже историческую извѣстность. Не говоримъ уже о томъ, что всѣ старожилы сибирскихъ городовъ считаютъ свое происхожденіе изъ сѣверныхъ лѣсистыхъ губерній, а всѣ именитые купцы и торговцы — несомнѣнные выходцы изъ городовъ Вологодскаго края (Великаго-Устюга, Вологды, Усть-Ваги, Тотьмы и проч.). Такія переселенія и до настоящаго времени не теряютъ своего значенія, особенно въ виду того обстоятельства, что сибирскіе соблазны растутъ, и въ глазахъ практическихъ промышленныхъ людей страна эта получаетъ новую привлекательность.

Когда населеніе великорусскаго сѣвера все тѣснится къ рѣкамъ и большая часть селеній не живетъ больше какъ 3 — 4 избами вмѣстѣ и на разстояніи иногда въ 50—60 и 80 верстъ одно отъ другаго,—въ Сибири деревни и села тянутся въ длину на цѣлыя версты. Всякое вновь открытое и объявленное мѣсто не медлитъ населяться охотливыми пришельцами изъ неблагодарныхъ странъ племенной лѣсной родины. Только исключительно на нихъ основывается вся прочная осѣдлость молодой и богатой страны, еще далеко не оцѣненной и не початой. Въ то время, когда всѣ, безъ исключенія, сѣверные города приходятъ въ упадокъ и годъ за годомъ теряютъ многое и существенное изъ своихъ пріобрѣтеній, великорусскій югъ поражаетъ необычайною, сказочною силою роста. На смѣну жалкой Вологды, совсѣмъ захудавшаго Устюга, обезлюдѣвшихъ Холмогоръ и Вычегодской-Соли выступаютъ Таганрогъ, Донской Ростовъ, Херсонъ и Одесса, въ десятки лѣтъ скопляющіе десятки тысячъ свѣжаго населенія.

Исторія великорусскаго сѣвера кончилась. Его монотонная, навѣвающая грусть пѣсня обрывается и замираетъ въ сильныхъ тонахъ новой, заводимой свѣжими и сильными голосами, не здѣсь, а совсѣмъ въ противоположномъ мѣстѣ.

С. В. Максимовъ.

Холмогорскій рогатый скотъ.

ОЧЕРКЪ III.

МЕЗЕНСКАЯ ТУНДРА.

Мезенская тундра зимою, весною, лѣтомъ и осенью. — Сѣверныя сіянія. — Растительность тундры. — Рыболовство. — Горностай. — Куница. — Песцовые промыслы. — Охота на лисицу. — Борьба бѣлаго медвѣдя съ самоѣдомъ. — Тундра Канинская. — Тиманская и Большеземельскія тундры. — Доисторическое время на Сѣверѣ. — Племена «пещоры». — Ихъ истребленіе самоядью. — Типъ самоѣда. — Слухи о каннибальствѣ сѣверныхъ инородцевъ. — Языкъ. — Дѣленіе на роды. — Посѣщеніе тундры. — Чумъ. — Что ѣстъ самоѣдъ. — Перекочевка. — Закланіе оленя. — Водка въ тундрѣ. — Нравы и обычаи: рожденіе, свадьба, похороны. — Самоѣдскій календарь. — Оленеводство. — Ижемцы. — Какъ они подчинили себѣ самоѣдовъ. — Пѣсни и преданія. — Древняя религія самоѣдовъ. — Тадибеи. — Самбадова.

Отъ Печоры къ предѣламъ Сибири,
Разбѣгаясь все шире и шире,
Безконечныя тундры идутъ...
Ни жилья, ни куста... Лишь снуютъ
Ночью волки, глазами блистая, —
И люта ихъ голодная стая, —
Или стройныхъ оленей стада,
Да мелькнетъ самоѣдъ иногда,
Звѣробой, увидавъ горностая,
Да въ короткое лѣто лопарь
Ловитъ рыбу, и нынче, какъ встарь,
Ей торгуя и ею питаясь..
А зимой только вьюга поетъ
Свою пѣсню, поетъ надрываясь,
Вкругъ убогихъ мекановъ реветъ,
Словно вою звѣриному вторя,
И, натѣшившись, мчится впередъ,
Къ берегамъ Ледовитаго моря.

Мурманскій берегъ.

Непроглядная глушь!..

На тысячи верстъ съ запада на востокъ, на сотни съ юга на сѣверъ ложится она, — и кажется, нѣтъ ей конца и края... Сумрачный просторъ Ледовитаго океана сливается съ ея негостепріимною гладью на сѣверѣ, а на югѣ подошла она къ дремучему царству югорскихъ лѣсовъ... Словно сторожа ея невозмутимую тишину, охраняя ея вѣковѣчный сонъ, на востокѣ залегли у рубежа Сибири каменныя гряды Урала. Суровый кряжъ Пайхо вдвинулся въ самый океанъ среди мертваго безлюдья, точно темныя силы природы хотѣли создать въ немъ нѣчто еще болѣе сумрачное, дикое, безмолвное, еще болѣе пугающее мысль и воображеніе одинокаго странника, занесеннаго въ это бездорожье, — еще болѣе непривѣтливое, чѣмъ эта глушь неоглядная, чѣмъ эта тундра мезенская... Царствомъ смерти назвалъ бы ее поэтъ, еслибы онъ попалъ сюда зимою; царствомъ ужаса слыветъ она въ скандинавскихъ сагахъ... Не считаетъ ее ни тѣмъ, ни другимъ только ея исконный хозяинъ — унылый самоѣдъ, для котораго на этой глади топкой, на этой тундрѣ непроглядной сосредоточиваются всѣ немногія радости его убогой жизни... Любитъ онъ ее, не

зная иныхъ краевъ, и не тянетъ его никуда, ни за эти каменныя твердыни Урала, ни въ лиственную дрему зырянскаго края, ни въ одинокіе поселки русскаго колонизатора.

Бѣлая равнина завѣянной снѣгами тундры зимою тянется во всѣ стороны, безъ деревца, безъ кустика, безъ деревушки, заброшенной въ ея однообразныя захолустья... Подъ толстымъ слоемъ льда точно замерли и спятъ въ своемъ долгомъ снѣ величавыя сѣверныя рѣки... Снѣгъ завѣялъ сверху этотъ прочный *настъ* — и проѣхавъ его, иногда и не смекнешь, что внизу подъ нимъ — глубь многоводная, богатая всякой рыбой... Дни и недѣли можно ѣхать здѣсь, не встрѣтивъ жилья. Точно сказочный витязь въ спящемъ царствѣ... Солнце, едва приподнимаясь надъ горизонтомъ, снова опускается внизъ, обливая недвижную пустыню розовымъ блескомъ... Яркіе, алые тоны на западѣ скоро отгараютъ... Снѣгъ, который при этомъ фантастическомъ освѣщеніи еще недавно казался пропитаннымъ кровью, — бѣлѣетъ, синѣетъ... и опять двадцатичасовая ночь смѣняетъ короткій, болѣзненный день... Мгла опутываетъ васъ отовсюду... Стелется она по безконечнымъ понизямъ.... западаетъ въ душу къ вамъ, и нечѣмъ разогнать гнетущей тоски этой полярной ночи.... Негдѣ найти отзвучія своимъ хмурымъ, какъ эта тундра, думамъ. Въ немногихъ строкахъ охарактеризовалъ ее поэтъ:

Пустыня... Глушь... Кругомъ снѣга...
Повисло небо сѣрой тучей...
Порою бѣсится вьюга —
И злится словно звѣрь могучій
Въ желѣзной клѣткѣ, на цѣпи.
Пройдетъ гроза въ нѣмой степи,
До новой бури тишина,
Нѣмаго ужаса полна.
А ночь настанетъ — издалека
Полнеба разомъ озаритъ
Во тьмѣ недремлющее око —
Сполохъ загадочный горитъ.
То кинетъ полымя высоко,
То ляжетъ яркою дугой,
То вдругъ короной огневой
Пустыню мертвую вѣнчая,
Виситъ, таинственно мерцая...
Нѣмаго полюса сосѣдъ,
Дикарь унылый, молчаливый,
Порою мчится самоѣдъ
Съ своей подругою сонливой.
Къ спинѣ прижавъ свои рога
Его полярные олени
Мелькнутъ, не бросивъ даже тѣни
На неподвижные снѣга.

Только сполохъ (сѣверное сіяніе) оживляетъ ее. Только онъ воскрешаетъ эту во мракъ окутавшуюся природу... Но это не живой будитъ мертваго, — нѣтъ! это призракъ надъ могилой, придающій ей еще болѣе ужаса....

На совершенно чистомъ зимнемъ небѣ, безлунною ночью, сначала едва-едва прорѣзывается блѣдный сегментъ полярнаго сіянія. На дугѣ его колышатся и сливаются тускло свѣтящіе языки неровнаго пламени, которое чѣмъ дальше, тѣмъ становится все ярче и ярче. Скоро вся сѣверная сторона неба охвачена этимъ вздрагивающимъ огнемъ, правильная арка котораго рѣзко вырисовывается или на черныхъ зубчатыхъ очертаніяхъ береговыхъ массъ, или надъ блѣдною, смутно озаренною пустыней. Подъ нею, подъ этою аркою тьма еще гуще, мракъ еще чернѣе. Наконецъ сегментъ изъ центра своего начинаетъ выбрасывать цѣлые снопы электрическаго блеска, ослѣпляющаго глаза наблюдателей. Снопы эти лучатся вверхъ, подымаются все выше и выше, сталкиваются и взаимно отталкиваются, пока вся великолѣпная дуга сполоха, разомъ, въ одно мгновеніе, точно разорвется на двѣ половины. Въ каждой изъ нихъ тотчасъ же образовывается еще болѣе ослѣпительный центръ, и скоро два громадные, все удлиняющіеся столба, какъ двѣ лапы громаднаго стихійнаго чудовища, охватываютъ небо, порывисто приближаясь къ его зениту. Изъ блѣдноголубаго пламя ихъ становится желтоватымъ и наконецъ переходитъ въ такой кроваво-алый блескъ, что вся снѣговая пустыня точно багровая ложится подъ свѣтомъ этихъ полярныхъ факеловъ. На красномъ просторѣ рубиновымъ отсвѣтомъ сверкаютъ кое-гдѣ застывшія ледяныя глади озера, если еще ранѣе вѣтеръ свѣялъ снѣгъ съ ихъ поверхности. Сходившіяся полосы алаго свѣта встрѣтились, взаимно отбросили другъ друга и мгновенно погасли, оставивъ все небо почти чернымъ, только на самомъ зенитѣ его таинственно мерцаетъ внезапно вспыхнувшій и словно вѣнчающій эту мертвую, ледяную глушь ореолъ изъ

сноповъ голубыхъ, почти звѣзднаго цвѣта. А тамъ гаснетъ и онъ; и снова ходятъ по небу десятки, сотни громадныхъ столбовъ, точно крадущихся къ немногимъ робко загорающимся звѣздамъ. И вотъ столбы эти располагаются вѣнцомъ въ кругъ темнаго уже сегмента; вотъ они стали короче и короче... А сегментъ загорается все ярче и ярче... Наконецъ столбы гаснутъ, и первоначальная арка опять ослѣпительно сіяетъ и вздрагиваетъ у полюса, свертываясь иногда ярко блистающими складками. Очаровательное зрѣлище представляетъ Ледовитый океанъ во время сѣверныхъ сіяній. Плавающія льдины — *стамухи* — сверкаютъ при этомъ фантастическомъ освѣщеніи яркимъ, рѣжущимъ глаза блескомъ на совершенно темныхъ волнахъ. Иногда вся стамуха уходитъ въ темь, а ея верхушки словно брилліантовые шпили блистаютъ передъ наблюдателемъ, невольно замирающимъ отъ восторга на одной изъ береговыхъ скалъ...

Полярное сіяніе.

Свѣтъ полярнаго сіянія бываетъ до того силенъ, что одинъ поморъ-охотникъ за версту разсмотрѣлъ у самаго береговаго утеса цѣлую семью *ошкуевъ* (бѣлыхъ медвѣдей)... Различаешь не только отдаленныя скалы, возносящіяся изъ океана, но и голубыя пятна талаго снѣга по откосамъ.

Въ сѣрые, ненастные дни низко ходятъ свинцовыя тучи надъ этою мрачною глушью... Тутъ нѣтъ исхода тоскѣ и даже болѣе привлекательными кажутся тѣ дни, въ которые разгуливается во всемъ своемъ грозномъ величіи *пурга* — эта снѣговая буря сѣвера. Сѣверо-восточный вѣтеръ, словно возвѣщая ее, разгуливаетъ по всему простору тундры, нигдѣ не находя себѣ преграды; горы пушистаго снѣга наметываются и разметываются, покрывая высокими сугробами и случайнаго путника, и промысловую избушку, и убогіе берестяные чумы дикарей. Тутъ зачастую гибнутъ цѣлыя семьи оленеводовъ, а стада вѣтеръ загоняетъ въ такія трущобы, что ихъ не отыскать и оставшемуся въ живыхъ хозяину. Зимою въ яркіе дни, когда недолгій гость — солнце — слѣпитъ глаза своимъ блескомъ на снѣжной бѣлизнѣ тундры, — новое горе: вѣки путника опухаютъ, покрываются нарывами, наконецъ самое зрѣніе его слабѣетъ такъ, что онъ ничего не видитъ...

Даже привычный дикарь страдаетъ офталміей. Снѣгъ лучится, распадается на миріады блестокъ, горитъ передъ вами ослѣпительно яркими, точно изъ кремня высѣченными искрами. Вы не знаете, куда дѣваться... Закроете глаза — и возбужденные нервы рисуютъ вамъ огненныя спирали, огненныя линіи; откроете — и снова море растопленнаго серебра сверкаетъ передъ вами. И такъ цѣлыя недѣли.

Весною не узнать тундры... Съ юга безчисленныя стаи гусей, гагаръ, лебедей — какъ темныя тучи слетаются, заслоняя солнце. Гулко звенятъ небесныя выси отъ ихъ пронзительнаго крика. Васъ глушитъ немолчнымъ гамомъ и стрекотомъ. Посреди разноцвѣтныхъ мшистыхъ оленьихъ пажитей, точно клочки голубаго неба, разбросаны прозрачныя озера... Медленно струятся къ сѣверу безлюдныя по берегамъ, но богатыя рыбою, широкія рѣки... Порою попадается стадо оленей, сбѣгающихся къ водѣ. У рѣкъ травяныя болота съ круглыми мягкими кочками. Узкіе луга съ листовыми порослями прорѣзали тундру, гдѣ она посуше... Облака комаровъ и оводовъ носятся въ воздухѣ, и еслибы не холодныя ночи, да не глубокія впадины, въ которыхъ все лѣто лежитъ снѣгъ и куда убѣгаютъ стада, то олени погибали бы отъ этихъ страшныхъ враговъ всего живаго. Необозримый просторъ пестрѣетъ разнообразными цвѣтами, кустами, а иногда и мелкимъ приземистымъ лѣскомъ... Лѣтомъ природа часъ переживаетъ за день. По выраженію скандинавскихъ поэтовъ, на сѣверѣ въ это время ухо слышитъ, какъ трава растетъ. Свѣтъ днемъ и ночью вызываетъ изъ долго спавшей земли такія зиждительныя силы, что тундра становится совсѣмъ красавицей на два, на три мѣсяца... Моховыя пажити, то голубыя какъ бюрюза, то бѣлыя, сѣрыя, красныя, однѣ смѣняются другими, радуя взглядъ убогаго пасынка природы самоѣда, для котораго теперь наступаетъ лѣтнее промысловое время. Въ тихихъ заводяхъ рѣки слышенъ тотъ же веселый гомонъ — тутъ плещется и гогочетъ царство неугомонныхъ утокъ и другой залетной птицы. По зарямъ звонкіе крики лебедей раздаются далече, оглашая съ конца въ конецъ всю эту внезапно похорошѣвшую пустыню. Словно злясь на окружающую ихъ спокойную глушь, вспучившіяся рѣченки взмыливаются на порогахъ, гремятъ, бурлятъ, выбѣгая изъ лиственичныхъ лѣсовъ царства югорскаго для того, чтобы, сверкнувъ среди бездорожныхъ тундръ, слиться съ одной изъ величавыхъ, широкихъ, медлительныхъ рѣкъ Сѣвера... Но часто красота лѣтней тундры бываетъ губительна для путешественника. Подъ ея цвѣтными коврами прячется топь, подстерегающая каждаго неосторожнаго... Пройдите ее на лыжахъ, и земля будетъ опускаться подъ вами... Слѣдомъ проступитъ вода красноватая, ржавая, отъ избытка желѣзныхъ рудъ... Пути тутъ незаказаны только оленю. Зачастую звѣроловы гибнутъ въ этихъ топяхъ и, разумѣется, безслѣдно. Болотина на югѣ подошла къ самому лѣсу... Послѣдніе форпосты его вдвигаются въ эту топь и стоятъ въ ней оазисами. Но дальше къ сѣверу за «урманомъ» (такъ называются подобныя окраины лиственичнаго царства) уже властвуетъ топь или вѣчное бездорожье.

Суевѣрные усть-цилемцы не могли не населить тундры разными чудами. Одно изъ этихъ чудесъ — болотное. Въ весны, въ лѣтнія ночи, въ осенніе утренники, когда надъ болотами поднимается гнилая сѣроватая марь — туда, гдѣ она сгущается побольше, изъ глубины топи выползаетъ, по ихъ повѣрьямъ, зеленый змѣй... Змѣй этотъ великій колдунъ и дано ему смущать родъ человѣческій на всемъ просторѣ тундры, только къ Неси и къ Колвинскому погосту не смѣетъ онъ подходить, потому что тамъ стоятъ, хоть и скудные, но сильные молитвами прихожанъ храмы Божьи. Лютый звѣрь этотъ говоритъ разными голосами. И песцомъ лаетъ, и куницей посвистываетъ, и лисою кричитъ, и волкомъ воетъ. Зачастую охотникъ, идя на добычу, слышитъ этотъ предательскій голосъ, обрадованный — слѣдуетъ по направленію къ нему и попадаетъ прямо въ трясину, которая уже не выпуститъ его изъ своей холодной и гніющей глуби. Между этими змѣями есть проклятые; эти умѣютъ говорить по-людски. Одиноко бродитъ себѣ промышленникъ и заскучаетъ — пожалуй, иной мѣсяца два уже не слышалъ человѣческаго говора— вдругъ около, тутъ вотъ подъ бокомъ, молва какая-то доносится до него. Отдѣльныя слова

слышатся, то точно ребенокъ заплачетъ, то женскіе голоса, смѣхъ дѣвичій... Направится туда и тоже погружается въ смрадную пучину, прямо въ подземное царство проклятаго змія. Разъ только случилось обмануться ему въ своихъ ожиданіяхъ. Заманилъ онъ было попа къ себѣ. А попъ ѣхалъ съ требы, и былъ у него храмовый крестъ съ собою. Только сталъ тонуть попъ и чувствуетъ, что вокругъ ногъ у него уже обвивается кто-то холодный, склизкій. Сообразилъ, что это змѣй, да и поднялъ крестъ. Только онъ сдѣлалъ это — тотчасъ же что-то его выбросило вонъ изъ омута. Упалъ онъ саженяхъ во ста отъ него и сознаніе потерялъ. Очнулся только утромъ..:

Звѣроловъ, пробѣгающій влажными низменностями тундры, можетъ разсчитывать только на одно топливо — береговой ивнякъ. Другаго нѣтъ. Багульникъ и можевельникъ попадаются ему среди болотныхъ травъ и луговыхъ порослей, гдѣ ромашка, тысячелистникъ, чернобыльникъ, щавель, волчій корень, мать-и-мачиха, золототысячникъ, кислица мѣшаются въ одно

Лѣто въ тундрѣ.

пестрое марево, изъ котораго желтые колосья дикой ржи, зеленыя стрѣлки дикаго лука и фіолетовые вѣнчики полеваго горошка привѣтливо улыбаются, свидѣтельствуя о лѣтнемъ богатствѣ полярной природы. Между лугами иной разъ точно пролито расплавленное золото — это какъ жаръ горитъ спѣлая морошка подъ солнцемъ; темная зелень брусничныхъ листовъ, осыпанная ягодами, точно каплями свѣжей крови, смѣшивается съ серебристо-синей голубикой и черной вороницей, выстилающей низины. Непривѣтливая зимою, полярная пустыня гостепріимно раскрываетъ свои богатства лѣтомъ, и точно на веселый пиръ сходятся сюда своими особыми тропами, проложенными отъ рѣчныхъ береговъ къ ягоднымъ полямъ, лакомые медвѣди; къ моховымъ пажитямъ пробираются быстроногіе олени, надъ ними носятся тучи комаровъ; за оленями крадутся ватаги хищныхъ волковъ, выслѣживающихъ жертву по чутъю издали... Лисицы, песцы, горностаи кишмя кишатъ тамъ, гдѣ еще не была нога человѣка, и мало-по-малу выводятся въ трущобахъ, куда самоѣды-охотники уже заглянули за добычей... Въ ясную погоду здѣсь чудныя картины представляются даже и избалованному взгляду. Латкинъ, проѣзжавшій въ это время по тундрѣ Мезенской, на крайнемъ ея сѣверо-востокѣ видѣлъ горы, на которыхъ солнце играло всѣми отливами радуги... Мѣстами казалось ему, что скалы были покрыты свѣтло-розовою и синею эмалью. Архимандритъ Веніаминъ, въ своихъ очеркахъ, живо

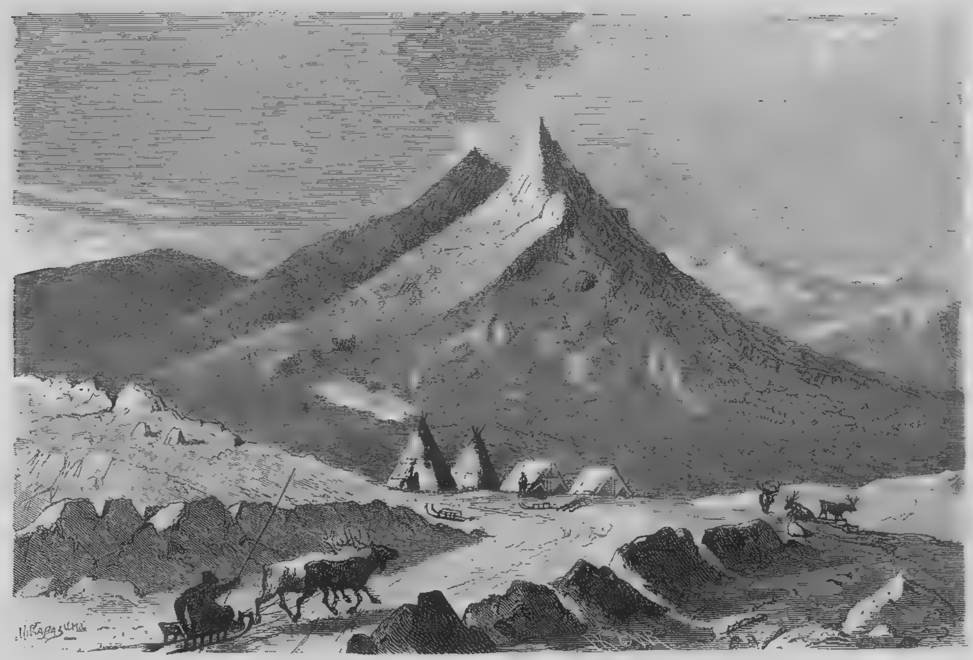
рисуетъ намъ упирающіяся въ небо на краю тундры громады горъ, высокіе, полукруглые холмы ихъ, издали кажущіеся куполами какихъ-то невѣдомыхъ храмовъ, колокольни и башни которыхъ — отвѣсныя скалы порою окутываются тучами, точно прячутся отъ чуждаго взора. Въ необыкновенномъ, потрясающемъ душу величіи — являются эти горныя руины благоговѣйному взгляду путешественника. Тутъ есть озера необыкновенно чистыя и прозрачныя. По словамъ того же архим. Веніамина, въ нихъ пробовали опускать шнурки съ подвѣшенною тяжестью и на глубинѣ 70 саженъ не достигали дна, тогда какъ оно было видно совершенно ясно. Ю. И. Кушелевскій свидѣтельствуетъ, что во многихъ изъ такихъ озеръ вовсе не водилось крупной рыбы, но что самоѣды стали впускать туда добытыхъ ими осетровъ, и такимъ образомъ, пользуясь естественными водоемами, устраивать садки... Тотъ же путешественникъ говоритъ объ Уральскихъ горахъ, что въ ихъ громадныхъ массахъ очень часто попадаются погреба, въ которыхъ самоѣды прячутъ свои богатства. Въ погребахъ г. Кушелевскій находилъ: топазы, аквамарины, аметисты и даже хризоберилы. Послѣдній ему попался величиною въ старую мѣдную копѣйку, а что всего важнѣе — безъ трещины.

Лебеди, гуси, утки, бѣлыя куропатки, рябчики, тетерева, населяя тундру весною, приносятъ ея жителямъ громадную пользу. Рябчиковъ и тетеревовъ ловятъ русскіе охотники и ижемскіе зыряне. Гусей и утокъ промышляютъ самоѣды. Иныя семьи этихъ номадовъ чуть не все лѣто продовольствуются этою птицей и сверхъ того, коли Богъ послалъ дешевую соль, запасаютъ вдоволь мяса и на зиму, просаливая его и пересыпая золою. Самоѣды-оленеводы, впрочемъ, лишены возможности производить этотъ промыселъ съ выгодою для себя. Ихъ стада выпугиваютъ птицу. Гусь и утка, замѣтивъ еще издали приближеніе оленей къ мирнымъ, безмолвными озерамъ, на которыхъ они расположились, поднимаются и улетаютъ далѣе къ сѣверу, выбирая себѣ мало посѣщаемыя пастухами трущобы. Птицы въ испугѣ разбѣгаются по тундрѣ даже и тогда, когда имъ приходится мѣнять перья. Случалось, что онѣ стаями перелетали даже на острова Ледовитаго океана. Прежде по всей тундрѣ, а теперь только тамъ, гдѣ нѣтъ оленевода, самоѣдъ ловитъ гусей и утокъ, обходя ихъ сѣтью или неводомъ. Такимъ образомъ, въ одну выемку попадается до двухъ сотъ штукъ разной птицы. Бѣлой куропатки въ тундрѣ было прежде такъ много, что иной разъ подъ ея сплошными стаями не видать было земли, точно за ночь снѣгъ выпалъ тамъ, гдѣ опустится такой громадный «слетъ». Теперь неразборчивые зыряне съ своими стадами выпугали и куропатокъ. Уже во времена Иславина огромныя стада ижемскихъ оленей, проходя по тундрѣ весною, когда куропатки сидѣли на яйцахъ, топтали ихъ въ гнѣздахъ или съ жадностью пожирали ихъ яйца... Съѣдая и просаливая мясо, пухъ и перья, самоѣды сбываютъ все тому же неизбѣжному ижемцу, о роли котораго въ тундрѣ я скажу въ своемъ мѣстѣ...

Болѣе крупная, болѣе могучая растительность группируется по краямъ тундры. Лиственица царитъ на югѣ по Печорѣ и ея притокамъ. Поближе къ Зырянскому краю, у самыхъ предгорій Урала, подъ защитою отъ сѣверо-восточнаго вѣтра высятся мощные кедры. Полярный пейзажъ однообразныхъ гладей переходитъ тутъ мало-по-малу въ другой, болѣе грандіозный... Каменныя вершины горъ тонутъ въ синемъ небѣ лѣтомъ, зимою видны только ихъ подножія, потому что гребни кроются въ тучахъ, низко нависшихъ надъ этимъ мерзлымъ краемъ. Гофманъ свидѣтельствуетъ, что горные ландшафты здѣсь ни съ чѣмъ не сравнимы. Окрестности, напримѣръ, горы Сабли представляютъ необыкновенно прекрасное смѣшеніе полярныхъ пустынь съ альпами; эти — то поросшія осокою, то чистыя и прозрачныя озера съ цѣлыми островами изъ однѣхъ глыбъ мѣдной зелени; эти дикіе склоны и гребни горъ, то иззубренные, какъ развалины старинныхъ стѣнъ и башенъ, то обрывистые, то пологіе; эти громадные утесы, поднимающіеся отвѣсно изъ покойнаго и недвижнаго пространства зеркальныхъ водъ; эти купы елей, обнаженныя на сѣверѣ и далеко протягивающія на югъ свои вѣтви; эти могучіе кедры, вѣнчающіе вершины мягко обрисованныхъ на голубомъ фонѣ безоблачнаго

неба холмовъ,—невольно остановятъ взглядъ странника, даже избалованнаго роскошными, свѣтомъ и зноемъ переполненными картинами дальняго юга...

Весной и лѣтомъ къ берегамъ рѣкъ, во всѣхъ направленіяхъ пересѣкающихъ тундру, сходятся партіи рыболововъ зырянъ и русскихъ, совершенно оттѣснившихъ самоѣдовъ отъ хорошихъ промысловыхъ мѣстъ. Тутъ ловятъ красную рыбу: семгу, гольцовъ, кумжу, и бѣлую: сиговъ, чирковъ, пеледей, нельму, омулей, щукъ, налимовъ, окуней, сорогъ, харіусовъ, навагъ, сельдей. На морскомъ берегу добывается и камбала. Все это лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ было исключительнымъ достояніемъ полудикаго сѣвернаго номада — самоѣда, который теперь только издали смотритъ, какъ пришельцы расхищаютъ его богатства, да безсильно злится на то, что русскіе и ижемцы приходятъ въ тундру съ своими оленьими стадами и живутъ по близости рѣкъ.

Видъ Уральскихъ горъ съ р. Хай-яги.

Мучимый комарами и оводами олень начинаетъ бѣситься и вытаптываетъ мохъ. А на вытоптанномъ мѣстѣ мохъ можетъ вторично подняться только чрезъ тридцать лѣтъ... Самоѣда даже близко не подпускаютъ къ лову. Онъ хоронится вдалекѣ и выжидаетъ осени, когда русскіе и ижемцы уйдутъ въ свои волости. Тогда и самоѣды подходятъ къ тѣмъ же тихимъ озерамъ и уже расхищеннымъ рѣкамъ и долавливаютъ немногое, оставшееся въ ихъ пользу отъ болѣе счастливыхъ промышленниковъ. Но и тутъ новая бѣда. Русскія оленьи стада вытоптали мохъ — вблизи нѣтъ другаго, и самоѣды, чтобы сберечь своихъ оленей, болѣе и болѣе удаляющихся отъ мѣста промысла, принуждены, не окончивъ его, перейти съ своими чумами къ другой рѣкѣ или къ другому озеру. Впрочемъ, эти немногіе еще самые добычливые. Разъ онъ занялся хоть бы и осеннимъ промысломъ — значитъ, у него есть снасть: неводъ, сѣть, лодка, бочки, соль... У большинства ничего нѣтъ, и они только смотрятъ на свои рыбныя богатства да вздыхаютъ, вспоминая то время, когда у самоѣдовъ все было, но за то въ тундру рѣдко заглядывали кулакъ ижемецъ и русскій промышленникъ. Въ то время какъ самоѣды въ самомъ счастливомъ случаѣ

едва раздобудутъ рыбы себѣ на зиму, уже Иславинъ видѣлъ, какіе длинные обозы съ свѣжей и соленой рыбой въ бочкахъ тянутся изъ тундры въ Ижму! Теперь эти обозы еще болѣе увеличились, а промыслы самоѣдовъ уменьшились. Изловленная въ тундрѣ рыба идетъ далеко. Съ первыми морозами начинаютъ ее изъ Ижмы развозить къ Николину дню въ Пинегу, къ Крещенью на Важку, а въ февралѣ къ селу Небдину на р. Ежвѣ, Устьсысольскаго уѣзда. Подробнѣе о рыболовствѣ и звѣриныхъ промыслахъ у самоѣдовъ мы скажемъ ниже... Тутъ только замѣтимъ, что въ послѣднее время у кочевниковъ Тиманской тундры входитъ въ общее употребленіе удá. Ловъ на уду они совершаютъ даже зимою, прорубая ледъ въ замерзшихъ озерахъ своей холодной тундры.

Но, вотъ, начинается иная пора... Изрѣдка потягиваетъ холоднымъ сѣверо-восточнымъ вѣтромъ. Чаще начинаютъ набѣгать сѣрыя, грузныя тучи... Съ утра до ночи тундру, и безъ того мокрую, кропитъ дождь... Еще нѣсколько дней—и съ разсвѣтомъ уже густой туманъ стоитъ по окрестностямъ, туманъ, въ которомъ можетъ потеряться самый опытный путешественникъ. Въ немъ легко попасть и на *черньину*, то есть въ такой водный оазисъ посреди топи, вокругъ котораго, уже опадающая и желтѣющая, еще треплется по вѣтру чахлая приземистая рощица... Да и самые луга тундры стали блекнуть. Точно начинаетъ подгнивать эта, еще недавно яркая и свѣжая трава... Цвѣтовъ не видать. Тухнутъ краски и ржавѣетъ зелень. Только ягелевые да моховые пестрые ковры стоятъ въ своемъ лѣтнемъ уборѣ, не поддаваясь мертвящему дыханію осени... Всего неприглядне въ такое время *калтусы* (пространства, гдѣ подъ тонкимъ слоемъ струящейся сверху воды измѣннически таится глухая топь). Вся эта зыбкая тундра, состоящая изъ полужидкой грязи пополамъ съ пескомъ и сгнившими корнями водорослей, точно гніетъ съ первыхъ дней ранней сѣверной осени... Дни дѣлаются короче... Алѣе и алѣе свѣтится закатъ; въ холодныя ночи верхній слой болотъ начинаетъ уже подмерзать, а въ концѣ осени уже вся эта проржавѣвшая и окрѣпшая на раннихъ заморозкахъ тундра ждетъ только первыхъ снѣговъ, чтобы лечь бѣлою однообразною гладью отъ прибрежныхъ скудныхъ окрестностей рѣки Мезени вплоть до горныхъ подъемовъ Урала... Одни только самыя жидкія и самыя зыбкія болота не замерзаютъ во всю зиму, продолжая выдѣлять изъ себя обильные пары сѣроводороднаго газа. И такихъ много по тундрѣ... Тутъ-то и начинается зимняя спячка пустыни. Только непогода да сполохи придаютъ ей жизнь и движеніе. Самыя непогоды здѣсь различаются названіями. «Если идетъ пушной, крупный, хлопьями снѣгъ, застилающій и безъ того скудный свѣтъ — значитъ Богъ даетъ *падь;* когда сверху нѣтъ снѣга, а ранѣе выпавшій вѣтромъ на просторѣ разносится во всѣ стороны—разгуливается *подносуха; падь* при сильномъ вѣтрѣ и заметеляхъ, когда снѣгъ и сверху и снизу (разметываемый вѣтромъ), слыветъ подъ именемъ *хивуса;* густой, мокрый снѣгъ въ теплую погоду—*рянда;* нагоняемый горными вѣтрами мелкій дождь въ густомъ туманѣ—*чидега*» (С. В. Максимовъ).

Начинаются холода. Непогодь иногда смягчаетъ ихъ, но случается зачастую, что цѣлый мѣсяцъ, а на сѣверныхъ оконечностяхъ тундры и два, стоятъ сорокаградусные морозы. Даже и самоѣды терпятъ тогда отъ стужи. Промышленники, застигнутые такимъ холодомъ, по ночамъ вырываютъ въ снѣгу ямы и ложатся въ нихъ, завернувшись въ совики. Самоѣды при этомъ прибѣгаютъ къ очень оригинальному пріему. Если вблизи есть лѣсъ, они срубаютъ осиновое дерево, одинъ конецъ его зажигаютъ, а другой проводятъ подъ совикъ. Паръ отъ горящаго сыраго дерева проникаетъ подъ верхнюю одежду и нагрѣваетъ довольно сильно. Льды оковываютъ берега. Громадные пловучіе острова полярныхъ льдовъ—*стамухи* медленно движутся по океану, отражая на себѣ то скудные лучи солнца, то яркое зарево сѣверныхъ сіяній. Зачастую въ этихъ льдахъ носятся впаянныя въ нихъ шкуны промышленниковъ, оставленныя во время крушеній своимъ экипажемъ. Снасти, мачты, палуба—все обледенѣло, и сумрачнымъ трупомъ кажется этотъ одинокій корабль среди пустыни, живущей одною механическою жизнью.

Стала зима твердою ногой въ тундрѣ, проложились санные пути, и съ юга—зырянинъ, съ востока карачай, съ запада мезенецъ двигаются въ тундру на промыселъ и на торговлю. Закипаютъ декабрскія и январскія охоты. Не смотря на весь ужасъ тундры для непривычнаго человѣка, убогое и рѣдкое населеніе ея пересѣкаетъ во всѣ концы мерзлую пустыню, пробѣгая самыя глухія ея захолустья на лыжахъ.

Шкуна, затертая льдами и покинутая экипажемъ.

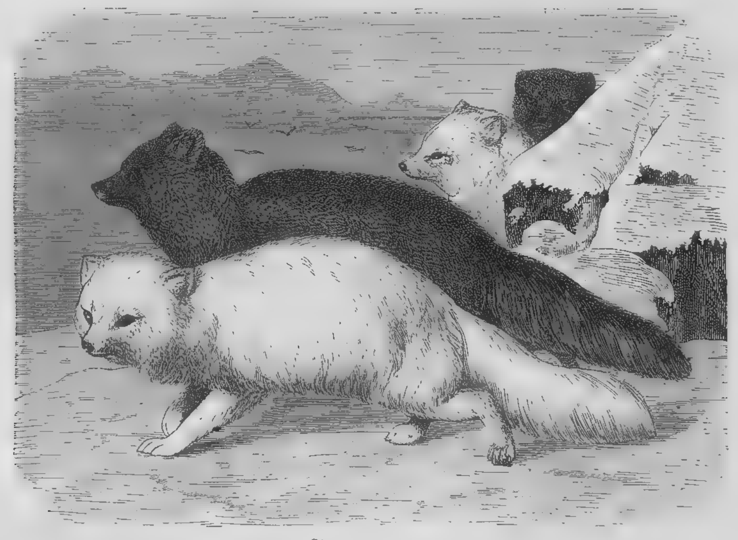
Какъ весною тундра становится привольнымъ царствомъ всякой перелетной птицы, такъ уже въ концѣ осени, съ первыми снѣгами сюда со всѣхъ сторонъ перебирается, и стадами и въ одиночку, всякій лѣсной звѣрь. Все это четвероногое населеніе Уральскихъ горъ, югорскихъ лѣсовъ, даже малоизвѣстнаго Зауралья сбѣгается сюда, забираясь все дальше и дальше къ сѣверу... Слѣдомъ за ними идутъ охотники тоже отовсюду, и изъ богатой Ижмы и Мохчи, и изъ голодной Мезени, и изъ кочевьевъ убогаго самоѣда. Русскій, зырянинъ, самоѣдъ — сплошь всю зиму охотничаютъ, бьютъ звѣря и на снѣгу мерзлой тундры, и на ледяныхъ припаяхъ берега, и на островахъ Ледовитаго океана, озаряемаго таинственнымъ блескомъ сѣвернаго сіянія. Сплошной массой, точно тиская другъ друга, бѣжитъ къ малоизвѣстнымъ устьямъ Кольвы и Совы—серебристый *горностай*... Его иной разъ и не замѣтишь издали, точно снѣгъ движется по снѣгу. На бѣлыхъ спинкахъ его и пушистыхъ хвостахъ такъ же лучится и отражается солнечный свѣтъ, какъ и на засыпанной снѣгомъ тундрѣ. Сначала они идутъ по Большеземельской тундрѣ, но, пройдя ее, инстинктъ заставляетъ ихъ разбиться на отдѣльныя стада — всѣмъ вмѣстѣ кормиться плохо. Ранѣе ихъ на рыболовныя урочища поспѣли голодные волки, лукавыя лисицы и жадное воронье: все, что осталось послѣ человѣка — сплошь съѣдено этими хищниками. Только горностаи разобьются на небольшіе отряды — тутъ ихъ и подстерегаетъ звѣроловъ съ безконечнымъ разнообразіемъ западней, которыми уставлена тундра на зиму. Каждый отрядецъ горностаевъ слѣпо слѣдуетъ за своимъ вожакомъ, измѣнятъ ему инстинктъ и опытность — стадо дѣлается добычею *пастей*. Вотъ

какъ описывается этотъ ловъ очевидцемъ. «Всегда голодные, всегда бѣгающіе по тундрѣ для пріисканія пищи, горностаи охотно хватаютъ всякій кусочекъ рыбы и мяса, хотя бы кусочки эти и были приманкой, положенной на *насторожку* (дощечку) кулемки — особаго снаряда съ такимъ механизмомъ, что насторожка соединяется съ другой дощечкой — гнетомъ. Наступаетъ вожакъ на насторожку, чтобы достать кусочекъ, верхній гнетъ опускается и тяжестію своею придавливаетъ головку звѣрка. Всѣ другіе изъ ватаги горностаевъ, оставаясь безъ предводителя, нѣкоторое время бѣгутъ кучей и потомъ разсыпаются въ одиночку; тогда совсѣмъ гибнутъ они или отъ тѣхъ же кулемокъ, которыхъ такое несмѣтное количество привязано къ лѣсинкамъ по всѣмъ тундрамъ, или дѣлаются добычею кровожадной лисицы.» Горностаевый промыселъ относится къ числу горныхъ промысловъ, т. е. промысловъ материковыхъ, потому что въ тамошнемъ краѣ горою называютъ пространство твердой земли въ противоположность морю или рѣкѣ. Горностаевъ впрочемъ промышляютъ не столько самоѣды здѣсь, сколько зыряне и русскіе и то самые бѣдные промышленники, потому что за всю зиму такому ловцу едва ли удастся выходить болѣе сорока рублей, по самымъ высокимъ цѣнамъ на пинежской ярмаркѣ. Немногіе изъ самоѣдовъ, промышляющіе горностаевъ, ѣдятъ ихъ мясо, не смотря на всю его непригодность. Сидя въ чумѣ, вы часто морщитесь отъ зловонія, доносящагося сверху. Поднявъ голову, вы различаете ободранныхъ горностая, куницу или лисицу, коптящихся въ дымѣ костра, разложеннаго по срединѣ чума. Гораздо выгоднѣе ловъ *куницы*, которая продается дорого, на самомъ мѣстѣ промысла, скупщикамъ, развозящимъ по тундрѣ водку и забирающимъ пушной товаръ всякаго рода. Куница хитрѣе горностая; она роетъ себѣ въ снѣгу норку и чутко сидитъ въ ней, издали предугадывая приближеніе врага. На нее промышленникъ ходитъ съ собакой, которая по запаху догадывается о близости норы, а по взрытому снѣгу опредѣляетъ ея мѣсто. Слѣдомъ за ней идетъ и хозяинъ. Куница, сидя у себя въ тепломъ логовѣ — *уркаетъ*. Разслушавъ ее, звѣроловъ ставитъ около сѣти и затѣмъ вспугиваетъ добычу. Потревоженная куница, выбѣгая изъ норы, или прямо переходитъ въ пасть охотничьяго пса, или запутывается въ сѣть и живьемъ попадается въ руки промышленника. Но и на это нужна особая сноровка: если звѣрка не удалось оглушить или убить въ сѣтяхъ, она искусаетъ звѣролова, а большеземельскіе самоѣды даже разсказываютъ, что укушеніе ея не всегда безвредно. Есть легенда, разумѣется, не подтверждающаяся, что звѣроловъ, укушенный куницей въ извѣстную пору дня, самъ начинаетъ уркать, пока не принесетъ въ жертву Колвинскому самоѣдскому храму трехъ лисьихъ шкуръ или десяти песцовъ-крестоватиковъ. Гораздо обильнѣе въ тундрѣ ловъ *песцовъ*, которые здѣсь никогда не переводятся. Можно даже сказать, что песецъ въ Малоземельской и Большеземельской тундрахъ — тоже, что чайка на берегу океана, съ тѣмъ различіемъ, что чайка на зиму идетъ въ отлетъ, а песецъ и лѣтомъ и зимою остается вѣренъ тундрѣ. На него промышленники и самоѣды надумали пропасть всякихъ западней и сверхъ того бьютъ его изъ винтовокъ. У самыхъ норъ песцовыхъ, если удается открыть ихъ, ставятъ имъ капканы (на высокихъ холмахъ); сюда звѣрь попадаетъ большею частію лапой въ желѣзныя клещи, которыя хотя и переламываютъ ее, но крѣпко держатъ добычу, большею частію умирающую ранѣе прихода охотника. Въ *черканы* песецъ попадаетъ головой, иногда они захватываютъ его поперекъ тѣла. Зачастую песецъ попадаетъ и въ кулемы — большіе деревянные ящики, пришибающіе звѣря своей тяжестію. По словамъ изслѣдователя Мезенской тундры Иславина, самоѣды, зная, что несвоевременнымъ ловомъ песцовъ они легко могутъ перевести ихъ въ тундрѣ, до осени и зимы воздерживаются отъ промысла на песцовъ *норниковъ*, четырехмѣсячныхъ — *крестоватиковъ* и шестимѣсячныхъ — *чалковъ*. Такимъ образомъ выжидаютъ, пока песецъ совсѣмъ побѣлѣетъ и получитъ названіе *рослопесца*, или собственно песца. Это бываетъ въ первыхъ числахъ октября. Лучшая ость становится у него однакоже къ концу этого мѣсяца. Русскіе, а въ особенности зыряне ижемскіе дѣйствуютъ совершенно иначе: такъ какъ тундра имъ не принадлежитъ, то и къ ея богатствамъ они относятся хищнически. Они приходятъ на весну, на лѣто и первую половину осени, имъ некогда выжидать, когда песецъ побѣлѣетъ. Они по-

этому вынимаютъ изъ норъ, сколько могутъ, щенятъ, находя ихъ иногда въ одномъ гнѣздѣ штукъ по пятнадцати. Если вынуть нельзя—они разворачиваютъ нору шестами и вытаскиваютъ песцовъ малолѣтковъ крючьями; зачастую забиваютъ отверстія норы кольями кромѣ одного и выживаютъ звѣря огнемъ и дымомъ. Послѣдній способъ особенно вреденъ. Песецъ любитъ старыя норы, онъ всегда возвращается въ прежнюю, чужая или своя все равно, въ окуренную же не придетъ и черезъ десять лѣтъ; такъ что мѣстности, гдѣ преимущественно употреблялся этотъ родъ промысла, совсѣмъ оскудѣли песцами. Насколько это хищническое нетерпѣливое истребленіе звѣря вредно и въ экономическомъ отношеніи, явствуетъ изъ того, что каждый самоѣдъ получаетъ за песца бѣлаго до 2 и до 3-хъ рублей, а за норника не возьметъ и 40 копѣекъ. Благодаря тому, что въ Тиманской тундрѣ большею частью промышляютъ уже русскіе, — песцы перевелись почти совсѣмъ. Даже въ Большеземельской тундрѣ, куда проникли съ тѣми же способами промысла зыряне, самоѣды, видя, что не выждать имъ настоящихъ рослопесцовъ, начали давно уже сами травить норниковъ и крестоватиковъ. Иногда предосторожность самоѣдовъ, хранящихъ песцовые выводки, не помогаетъ, потому что по временамъ какъ песцы, такъ и лисицы и даже волки гонятся или *текутъ* за пестрою и бѣлою мышью — *пеструшкой*, которую они пожираютъ съ жадностію. Даже нѣкоторые олени ѣдятъ этихъ мышей. Пеструшка *течетъ* всегда отъ востока къ западу. Она переходитъ Уралъ, достигаетъ Печоры и уже оттуда возвращается назадъ. Никакая рѣка не удержитъ ее. Переплывая ихъ табунами, пеструшки поддерживаютъ одна другую, заднія хватаясь зубами за хвосты переднихъ. На пути пеструшки щенятся. Если лѣто теплое — потомство вскармливается, въ противномъ случаѣ самцы съѣдаютъ своихъ дѣтенышей. Мыши возвращаются назадъ черезъ годъ. Рѣдко, но случается, что табуны восточной мыши встрѣчаются съ западными по возвращеніи, тогда начинается война мышей, и обдорскія напр. тундры переполняются дохлыми пеструшками. Переселеніе пеструшекъ и движеніе за ними всякаго звѣрья случается черезъ каждые три года, и ни рѣки, ни озера не въ состояніи удержать всеобщаго стремленія. Даже и жировые звѣри, т. е. которые жируютъ или живутъ постоянно въ норахъ, изрѣдка слѣдуютъ періодическому теченію. Но временный этотъ отливъ звѣря скоро замѣняется новыми стадами, и потому не надолго дѣлаетъ тундру безжизненной... Голубые песцы, которые имѣютъ въ торговлѣ такую высокую цѣнность, въ тундрѣ очень и очень рѣдки: самый счастливый охотникъ не встрѣтитъ и двухъ за всю зиму. Чаще они встрѣчаются на Колгуевѣ и на Вайгачѣ. Отсюда ихъ вывозятъ самоѣды къ мезенскимъ скупщикамъ. На Новой Землѣ голубые песцы — явленіе довольно обыкновенное, но тамъ ихъ ловить некому. Зачастую большія стада песцовъ, гонимыя вьюгами, во время переселенія попадаютъ на ледяные припаи за берегомъ матерой земли. Если горные, т. е. материковые вѣтры продолжаются, то ледяныя глыбы отрываются и уносятся въ океанъ. Въ Архангельскѣ мнѣ разсказывали промышленники, что имъ удалось встрѣтить одинъ такой пловучій островъ. Очевидно, что за нѣсколько дней блужданія по океану онъ подтаялъ и уменьшился въ объемѣ. Песцы густились на немъ массой, сидѣли одни на другихъ. Понятно, что они попали въ добычу промышленникамъ, за одну эту встрѣчу положившимъ въ карманъ болѣе двухъ тысячъ рублей. Большихъ песцовъ — рослопесцовъ бьютъ часто изъ винтовокъ. Вотъ какъ С. В. Максимовъ описываетъ одну изъ такихъ охотъ: «Сверкая на солнышкѣ бѣлою шерстью, бойко бѣжитъ песецъ за добычею одинъ; пушистый хвостъ его заметаетъ слѣды, на всемъ пути не попалось ему ни одной кулемки, ни одной западни. Видно, удастся добѣжать ему до озера и вытащить оттуда рыбу; видно, опять придется бѣжать ему тѣмъ же путемъ не одинъ разъ впередъ и обратно. Песецъ повертываетъ по временамъ головой, обнюхивая окрестный воздухъ; звѣрекъ настораживаетъ круглыя свои уши, дрожитъ весь и вдругъ припадаетъ къ снѣгу. Видно, донесла струя воздуха до чуткаго его носа незнакомый, враждебный запахъ человѣка: наконецъ и зоркіе глаза его уже не обманываютъ. Вдали показался мезенецъ верхомъ на лошади и съ ружьемъ. Звѣрекъ не вѣритъ близости несчастія, не возвращается назадъ, а приподнявшись продолжаетъ бѣжать прежнимъ путемъ все

впередъ да впередъ. Человѣкъ, зная обычаи песца, старается его облукавить. Всякій разъ какъ тотъ оглянется, онъ повертываетъ лошадь въ сторону, точно ѣдетъ мимо. Звѣрекъ начинаетъ бѣжать тише, точно отдыхая, и наконецъ совсѣмъ припадетъ въ снѣгъ и не встаетъ все время, пока врагъ его дѣлаетъ круги на лошади все ближе и ближе. Песецъ продолжаетъ сидѣть, выслѣживая за кругами лошади и не сводя своихъ черненькихъ глазъ съ роковаго мѣста. Наконецъ мезенецъ подъѣхалъ на ружейный выстрѣлъ. Песецъ окончательно прикурнулъ головкой въ снѣгъ, закрылъ мордочку лапками, запримѣтивъ ружейное дуло. Пуля попадаетъ прямо въ голову и подкидываетъ звѣрка въ предсмертныхъ судорогахъ на мѣстѣ и потомъ перебрасываетъ его съ одной стороны на другую. Неподвижно распускается тогда его пушистый хвостъ по снѣгу, обагренному теплою красною кровью»...

Дорогой чернобурой лисицы въ Канинской и Тиманской тундрахъ вовсе нѣтъ. За то въ Большеземельской тундрѣ онѣ встрѣчаются, хотя съ каждымъ годомъ все рѣже и рѣже. Въ первыхъ двухъ даже и красныя стали въ диковину — до того ихъ выпугали промышленники. Повторилось то же самое, что и въ Русской Лапландіи съ бобрами. Самая добыча лисицъ бы-

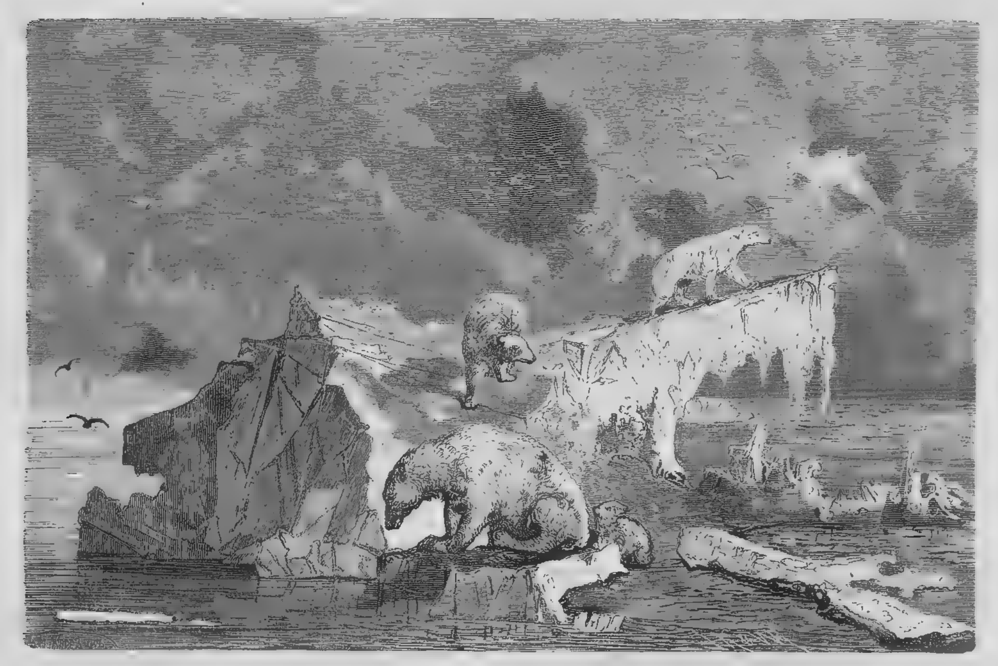

Сѣверная лисица.

ваетъ очень оригинальна, когда за нее принимаются русскіе. Лисица щенится слѣпыми дѣтенышами въ предварительно выкопанныя норы. Убивъ большую или не заставъ ея, охотники вынимаютъ слѣпенышей и выкармливаютъ ихъ дома, хотя такимъ образомъ получаются мѣха гораздо низшаго достоинства. Шерсть лисицы, выросшей на свободѣ, гуще, мягче и пушистѣе, чѣмъ выхоленной дома у промышленника. Съ норами дѣлаютъ то же самое, что и въ песцовомъ промыслѣ. Возня съ щенятами большая. Бабы выпаиваютъ ихъ молокомъ, потомъ пріучаютъ сосать оленье мясо, наконецъ начинаютъ кормить рыбой. Замѣчательно, что, какъ бы ни было кротко обращеніе съ нею, лисица почти никогда не дѣлается домашней. Съ куницей иначе. Въ Усть-Цильмѣ одинъ промышленникъ приручалъ куницъ, и онѣ жили у него чуть не за пазухой, хотя при видѣ постороннихъ убѣгали и прятались. Лисицы въ неволѣ даже перегрызаютъ горло одна другой. Не смотря на то, что узницамъ переламываютъ каждой одну ногу — случаются и побѣги. Съ собаками у лисицъ тоже вражда смертельная. Бываетъ, что не досмотритъ хозяинъ, а глядишь — уже охотничья собака загрызла цѣлый выводокъ. Промышлен-

ники возятся съ лисицами такимъ образомъ до октября, когда тѣ достигаютъ полнаго роста. Въ среднихъ числахъ этого мѣсяца хозяинъ беретъ каждую лисицу за голову, заматывая ее, чтобы не укусила, какой нибудь тряпицей, и затѣмъ душитъ ее, становясь на сердце жертвы. Очень эффектна картина промысла на лисицъ зимою. Охотникъ выбираетъ яркія ночи, когда луна свѣтитъ во всю, обливая снѣговыя пустыни своимъ серебрянымъ блескомъ, или нежданно разыгравшійся сполохъ зыблется фосфорическою аркою на сѣверѣ, лучась голубыми искрами чуть не въ каждой снѣжинкѣ. Охотникъ выбирается въ тундру одиночкой; рѣдко, рѣдко вдвоемъ. Лисица, проспавшая весь день въ норѣ, вечеромъ вышла на добычу—она тоже своего рода промышленникъ и пользуется свѣтомъ полярной ночи, подстерегая пеструшекъ и прочаго мелкаго звѣря. Голодъ иногда дѣлаетъ ее неразборчивой и храброй — она заѣдаетъ и куницъ. Отыскивая норокъ, лисица бѣгаетъ по снѣгу, не заметая за собою слѣда пушистымъ хвостомъ. Думаютъ по чему-то, что полярная лисица вообще гораздо глупѣе, чѣмъ наша лукавая великорусская Лиса-Патрикѣевна. Слѣды лисицы попадаются охотнику, тоже пересѣкающему тундру на лыжахъ. Соображая направленіе, которое приняла лиса, охотникъ неотступно слѣдуетъ за нею, пока не поймаетъ. Случается, что ловкій охотникъ даже перехитритъ лисицу: начнетъ пищать, подражая мыши. Лисица поворачиваетъ назадъ, попадая какъ разъ подъ дуло ружья... Ставятъ на нее и западни и приманки съ отравой, но на эту штуку лису не всегда поймаешь: ни въ капканъ, ни въ ставку иная не попадетъ,—слишкомъ осторожна. «Ставка — огромное полѣно, въ которое врѣзываются два ствола ружейные, дулами врозь, такимъ образомъ, что имѣютъ одинъ кремневый курокъ. Курокъ этотъ при насторожкѣ приподымается и слегка удерживается на пружинкѣ, къ которой привязана веревочка. Малѣйшее подергиваніе веревочки спускаетъ курокъ. Къ веревочкѣ этой, проведенной на сторону, противъ дула, иногда на пять саженъ длиною, привязываютъ наживку: кусочекъ сала, мяса и проч., обыкновенно на оленьей косточкѣ. Кругомъ разбрасываютъ по снѣгу куски сала и мяса. Ставка эта зарывается въ снѣгъ, дула отъ сырости прикрываются тряпкой. Звѣрь, собравъ по снѣгу добычу, хватаетъ наконецъ и наживку, дергаетъ веревочку и, спустивъ курокъ, такимъ образомъ самъ пускаетъ въ себя пулю изъ какого нибудь дула. Въ медвѣдя и волка попадаютъ обѣ.» Какъ ни проста сѣверная лисица, сравнительно съ своею великорусской сестрицей, но и она сумѣла въ этомъ случаѣ обманывать промышленниковъ. Случается часто, что хитрый звѣренышъ соберетъ все сало и мясо и не дотронется только до наживки. Заведется такая ловкая шельма — и бѣда охотнику. Она у него каждую ночь будетъ выѣдать все, что онъ ни разброситъ кругомъ ставки. Лисица пускается иногда и на очень смѣлую для трусливаго звѣрка штуку. Она подрывается подъ наживку ямкой или норкой и потомъ, лежа въ ней, лапами сверху подбираетъ наживку, такимъ образомъ, что ружья стрѣляютъ на воздухъ, пули пролетаютъ надъ лисою. Впослѣдствіи, проученные опытомъ охотники стали вокругъ этой западни еще разбрасывать сѣти, зарывая ихъ въ снѣгъ подъ наживкой. Разъ попавъ въ такой неводъ, лисица запутывается въ немъ, и тогда охота оказывается еще лучше, потому что шкурка у добычи цѣла, не испорчена пулей. Часто лисицы догадываются проходить заячьими тропами, ставя лапку въ заячій слѣдъ. Зайца здѣсь считаютъ не особенно выгодною добычею и во всякомъ случаѣ западни для него не ставятъ. Такимъ образомъ, пользуясь заячьимъ слѣдомъ, лисица увѣрена, что она наконецъ не встрѣтитъ на немъ ни ставки, ни кулемы, ни капкана. Лисица сѣверныхъ тундръ пускается и на другія хитрости. Вотъ, напр., что объ ней разсказываетъ путешественникъ: «Пріискивая кормъ для дѣтенышей, лиса давитъ, утокъ въ рѣкѣ. Весною прилетаютъ черныя утки, которыя не крякаютъ, а свищутъ: самка протяжно, самецъ отрывисто. На свистъ самки слетаются самцы. Лисица погружается въ воду, начинаетъ ноздрями дуть въ когти и издавать тоже свистъ, подражая самкѣ-уткѣ. Самцы слетаются, и ближайшаго лисица давитъ. Самоѣды отличаютъ лисій свистъ и, видя ее на промыслѣ, не преслѣдуютъ, а стараются подсмотрѣть, куда лиса таскаетъ добычу, чтобъ разыскать ея гнѣздо и захватить щенятъ.»

Изъ самоѣдскихъ охотъ всего оригинальнѣе охота на бѣлаго медвѣдя, совершающаяся обыкновенно зимою. Иногда бываетъ, что эта охота служитъ только продолженіемъ другой. Ошкуи (бѣлые медвѣди) и моржи вѣчно враждуютъ между собой. Вторые остаются побѣдителями въ морѣ, почему медвѣди рѣдко пускаются вплавь, если вблизи нѣтъ льдины, на которую можно было бы спастись отъ моржа, наткнувшагося на своего непріятеля. На льдинахъ же медвѣдь беретъ верхъ, и моржу приходится плохо. Въ солнечный день моржи любятъ выходить на берегъ и нѣжиться въ рѣдкомъ на сѣверѣ блескѣ и теплѣ. Тутъ медвѣдь, нечаянно попавшій на нихъ, схватываетъ моржа за клыки и свертываетъ ему голову. Если самоѣдъ и видитъ эту охоту, то онъ сначала не мѣшаетъ ей, пока медвѣдь не убьетъ нѣсколькихъ моржей. Приманкою для послѣдующей охоты человѣка на ошкуя служитъ уже не побѣдитель, не медвѣдь, но моржи, гораздо болѣе цѣнные для самоѣда. Послѣдній стрѣляетъ изъ винтовки въ ошкуя. Ошкуй, если не убитъ сразу, то бросается на охотника, дѣлая прыжки въ сажень и больше. Самоѣдъ стремглавъ ки-

Семья бѣлыхъ медвѣдей на пловучей льдинѣ.

дается назадъ на быстрыхъ оленяхъ и во время этой головокружительной гоньбы вторично заряжаетъ винтовку, послѣ чего пріостанавливаетъ оленей. Второй выстрѣлъ бываетъ обыкновенно смертельнымъ для медвѣдя, потому что самоѣды чрезвычайно мѣтки. Но если бы охотнику и тутъ пришлось промахнуться, у него остается въ запасѣ еще двѣ хитрости. Настигнутый медвѣдемъ, онъ моментально сваливается съ саней и предоставляетъ оленямъ вихремъ нестись безъ него впередъ «въ пространство безъ конца». Медвѣдю не догнать нарты, и онъ возвращается назадъ, но непремѣнно тѣмъ же слѣдомъ, гдѣ его уже подстерегаетъ самоѣдъ съ готовымъ вновь выстрѣломъ. Если и третій выстрѣлъ не убилъ медвѣдя, — самоѣду остается только одно: снять съ себя совикъ и бросить его на землю, «противъ глазъ медвѣдя». Ошкуй никогда не перешагнетъ черезъ совикъ и бѣгаетъ вокругъ него за человѣкомъ, который въ это время заряжаетъ винтовку въ четвертый разъ или топоромъ, внезапно обернув-

шись, бьетъ медвѣдя въ носъ, — ударъ, отъ котораго звѣрь издыхаетъ. Покончивъ съ нимъ, самоѣдъ отправляется къ моржамъ, сдираетъ съ нихъ жиръ, снимаетъ шкуры, добываетъ клыки. Послѣ такой охоты, самоѣдъ собираетъ близкихъ и родныхъ, начинается пиршество, во время котораго воодушевленный охотникъ самъ, въ видѣ пѣсни, поетъ разсказъ о своемъ подвигѣ.

Ловъ оленей изъ гурга у канинскихъ самоѣдовъ.

Объ оленѣ скажемъ тогда, когда придется говорить о домашнемъ обиходѣ исконнаго обладателя тундры — самоѣда.

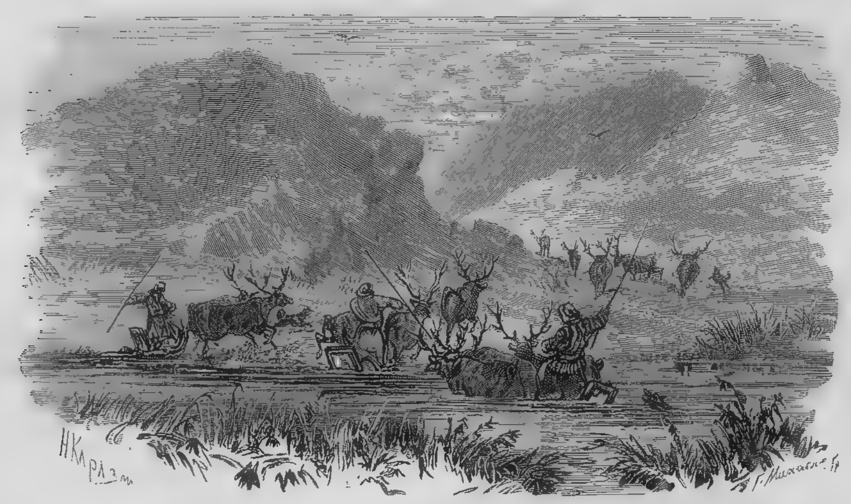
Теперь скажемъ, какъ въ административномъ отношеніи раздѣлилась Мезенская тундра. Тутъ прежде всего намѣчиваются три рѣзко разграниченныя части. Одна — сѣверная, Канинская — занимаетъ весь Канинъ полуостровъ; двѣ другія раздѣляются рѣкою Печорою. Къ западу идетъ Тиманская, къ востоку Большеземельская тундры. Сверхъ того, самоѣды съ недавняго времени заняли два большіе острова — Вайгачъ и Калгуевъ.

Что пустыннѣе, безотраднѣе Канинскаго полуострова!... Внутри его зимою точно замираетъ жизнь природы. Красота сѣвера—горные пейзажи еще кое-гдѣ примѣчаются у береговъ океана, за то въ пространствѣ, ограниченномъ ими, не на чемъ остановиться взгляду наблюдателя. На югѣ на рѣченкѣ Несь есть нѣчто въ родѣ поселка: убогая церковка и погостъ. Кругомъ—жалкія хижины пріѣзжающихъ сюда промышленниковъ... Зато рѣки Канинской тундры богаты всякою рыбою. Тутъ и нельма, и налимъ, и камбала, и навага, и сиги... Въ устьяхъ самые богатые морскіе промыслы, только не исконному владѣльцу ихъ самоѣду суждено пользоваться ими. Сюда пришла и осѣла русь, и самоѣдъ только смотритъ, какъ она бьетъ тюленей и другаго морскаго звѣря у него подъ носомъ... Весною Канинъ заливается разливами рѣкъ, и самоѣды въ это время сбѣгаются на верхушки канинскихъ горъ. Нѣкогда на Болвановскихъ горахъ Канина Носа находилось капище самоѣдовъ. Тутъ, посреди громаднаго дикаго пустыря, въ самомъ центрѣ страшныхъ мятелей, возвышались ихъ многочисленные идолы... Иностранцы, заходившіе случайно въ уединенныя бухты этого угрюмаго края или загоняемые сюда бурею, находили тутъ лужи только-что пролитой жертвенной крови животныхъ, идоловъ, вымазанныхъ обильно этою кровью, что подало имъ поводъ создать басни о каннибальствѣ самоѣдовъ. Это даже еще недавно было авторитетно подтверждено Диксономъ въ его «*Свободной Россіи*»!.. Въ Канинской тундрѣ въ настоящее время кочуютъ около 950 человѣкъ самоѣдовъ. Лѣтъ сто назадъ

ихъ было двѣ тысячи, но сибирская язва, оленья чума — сначала выморила ихъ стада, а потомъ отъ голоднаго тифа и оспы стали вымирать и номады этого далекаго края. Исконныхъ занятій: оленеводства, рыболовства, охоты уже не хватаетъ на поддержку убогаго существованія ихъ семей...

На 600 верстъ въ длину и на 400 въ ширину раскинулась Тиманская или Малоземельская тундра. Здѣсь тоже церковь и поселокъ на р. Пешѣ. Самоѣды, осѣвшіе тутъ, даже сѣютъ ячмень и разводятъ картофель. Къ сожалѣнію, кочевники не выносятъ долгой зимней жизни въ избахъ, душныхъ и чадныхъ. У нихъ быстро развивается чахотка, и они вымираютъ. Рѣки и озера Тиманской тундры богаты какъ рыбой, перечисленной нами при описаніи Канинской тундры, такъ и щуками, окунями, омулями и кумжей. По всему пространству тундры только одинъ горный хребетъ, да и то не особенно высокій, даже и сравнительно. Это — продолженіе Чайцына камня, откуда добываются точильные камни. Въ Тиманской тундрѣ, самоѣдовъ еще менѣе, всего восемьсотъ. Они занимаются оленеводствомъ, бьютъ моржей, тюленей, морскихъ зайцевъ и нерпъ, ловятъ рыбу, а въ тундрѣ охотятся за птицей, волками, медвѣдями, песцами, лисицами и горностаями.

Громадная Большеземельская тундра тянется на полторы тысячи верстъ въ длину и на 680 въ ширину... Тутъ кочуетъ около трехъ тысячъ номадовъ, которые подраздѣляются на самоѣдовъ пустозерскихъ, устьцилемскихъ и ижемскихъ... Пустозерскіе кочуютъ преимущественно близъ р. Коротаихи, гдѣ и до сихъ поръ находятся пещеры троглодитовъ, остатки первыхъ властителей этого края — народа «Пещоры». Тутъ же представляется взору путника во всемъ

Самоковскія горы въ Канинской тундрѣ.

своемъ грозномъ величіи «Самоѣдскій» хребетъ, оконечность котораго при соединеніи Карскаго моря съ Югорскимъ шаромъ вдругъ обрывается въ клокочущую бездну океана огромнымъ утесомъ яркаго свѣтложелтаго, ослѣпительно сверкающаго подъ солнцемъ цвѣта. Къ тундрѣ пустозерскихъ самоѣдовъ отмежеваны острова Вайгачъ, Долгій и Матвѣевъ. Въ Ижемской тундрѣ лѣтъ пять тому находилось поселеніе осѣдлыхъ самоѣдовъ на берегу р. Колвы, около церкви. Тутъ въ то время считалось около 15 дворовъ. Но въ какомъ положеніи это дѣло находится теперь — неизвѣстно... Въ предѣлахъ этой тундры на р. Усѣ находятся часто мамонтовы кости. Отъ главнаго хребта въ эту тундру врѣзываются каменистые уральскіе отроги, одни

изъ которыхъ—Адакскіе, богаты теплыми сѣрно-селитряными ключами. Рѣка Уса славится своими обильными рѣчными промыслами. Въ ней даже водится сельдь, или, какъ ее называютъ въ Запечорьѣ, *зельдь;* но водится только до Адакскихъ горъ. Далѣе рыба эта почти не идетъ, у Адака же, и то на небольшомъ пространствѣ, ее столько, что она могла бы быть достаточной для прокормленія всего населенія Ижемской волости въ продолженіе цѣлой зимы. Самый скудный уголокъ Большеземельской тундры — это область устьцилемскихъ самоѣдовъ, кочующихъ на печальномъ и безлѣсномъ торфяномъ болотѣ. Тутъ только двѣсти пятьдесятъ самоѣдовъ, да и тѣ почти вымираютъ отъ нищеты и скудости промысловъ. Около Адака найдены обильныя мѣсторожденія синей фарфоровой глины, удивительно маслянистаго свойства. Изъ глины этой г. Кушелевскій вылѣпливалъ тончайшія пластинки, легко полируемыя. Высохнувъ, онѣ издаютъ звукъ стекла при ударѣ и дѣлаются прозрачными. Адакскія горы служатъ точно мишенью для ударовъ

Хобей-Хунгаръ.

молніи, по крайней мѣрѣ въ окрестностяхъ находится безчисленное множество такъ называемаго чортова пальца. Магнитная стрѣлка здѣсь уклоняется въ разныя стороны отъ компаснаго полюса, что несомнѣнно свидѣтельствуетъ о богатствѣ металловъ въ этой мѣстности.

Вдоль рѣчки Коротаихи, какъ я ужь говорилъ выше, въ береговыхъ ея откосахъ продѣлано множество земляныхъ пещеръ... Въ окрестныхъ горахъ—тоже. Одна изъ нихъ—Сырте-ся сплошь изрыта ими... Путешественники, бывавшіе здѣсь, находили въ этихъ жилищахъ остатки металлической утвари, бронзовыя орудія, посуду. Изслѣдуя самыя пещеры, въ нихъ отыскивали слѣды горновъ, гдѣ плавили металлъ. Все это нынѣшнимъ обитателямъ тундры — самоѣдамъ вовсе неизвѣстно... Видимо, нѣкогда здѣсь жилъ иной народъ, несравненно болѣе культурный, не оставившій никакого слѣда въ нынѣшнихъ полудикихъ кочевникахъ. Былъ и исчезъ. Исторія не даетъ о немъ почти никакихъ указаній. Предки наши неукоснительно вѣровали, что здѣсь, за бездорожьемъ, за

безлюдьемъ тундры, у болѣе привѣтнаго океанскаго берега живетъ чудное племя, только лѣтомъ выходящее на свѣтъ Божій. Всю зиму, т. е. восемь мѣсяцевъ, спитъ оно безпросыпно во тьмѣ черныхъ пещеръ, въ разщелинахъ, куда не зайдетъ ничто живое, гдѣ даже чайка не вьетъ гнѣзда, куда мятель не заноситъ пушистаго бѣлаго снѣга. По скандинавскимъ сагамъ, вся эта окраина Іотунгеймъ полнымъ-полна магами и чародѣями. Наши лѣтописцы, со словъ новгородскаго, купца Гурята Роговича, писали: югра же рекоша моему отроку: «дивно мы находимъ чюдо, его же нѣсьмы слышали прежде сихъ лѣтъ, се же третье лѣто поча быти; суть горы зайдуче луку моря имъ же высота яко до небесе и въ горахъ тѣхъ кличь великъ и говоръ, и сѣкутъ гору хотяще высѣчися, и въ горѣ той просѣчено оконце мало и туда молвять и есть не разумѣти языку ихъ, но кажутъ на желѣзо и помаваютъ рукою, просяще желѣза и аже кто дастъ имъ ножъ ли или сѣкиру, даютъ скоро противу.» Не сказываются ли въ этомъ преданіи отголоски свѣдѣній о народѣ пещорѣ, жившемъ по берегамъ Карскаго моря, по р. Коротаихѣ и др., по Уралу? Полагаютъ, что *пещора* была народомъ чудскаго корня. Это миролюбивое племя, кочевавшее и промышлявшее по всему пространству нынѣшняго Мезенскаго уѣзда, и не знало, что такое война и распри. Земли было вдоволь, звѣря и рыбы тоже... Но счастливое посвоему сущес вованіе его продолжалось до тѣхъ поръ, пока чрезъ Уралъ не перевалили, тѣснимые изъ Сибири, самоѣды, тогда воинственные и кровожадные, напоминаемые теперь только однимъ изъ своихъ племенъ—карачаями. Борьба, если судить по тому, что народъ пещора истребленъ весь, была ужасна. Пещора не только не оставила по себѣ слѣда въ типѣ завоевателей, но и въ языкъ ихъ не проскользнуло ни одного слова погибшаго народа. Борьба, слѣдовательно, была кратковременна. Ея эпопея въ эти доисторическія времена становится еще поразительнѣе, когда мы вспомнимъ, какъ вообще чудь бѣлоглазая защищалась и въ двинскихъ привольяхъ противъ нашествія сильныхъ новгородскихъ ушкуйниковъ. Она никогда не сдавалась побѣдителю: напротивъ, закапывалась живьемъ въ землю, сжигалась добровольно въ деревянныхъ срубахъ. Случалось, что чудь свергалась со скалъ въ волны глухо шумящаго моря, перебивъ предварительно своихъ женщинъ и дѣтей.

Занявъ съ бою мезенскія тундры, самоѣды въ теченіе долгаго времени были единственными ихъ обладателями. Никто съ запада въ это время не оспаривалъ ихъ правъ на обладаніе унылымъ полярнымъ краемъ, никто не отбивалъ у нихъ промысловыхъ угодій... Съ юга еще не приходилъ зырянинъ, съ запада не вторгались ушкуйники. Воинственные пришельцы сами обижали своихъ сосѣдей. Первыя свѣдѣнія о самоѣдахъ, какъ объ отдѣльномъ народѣ, встрѣчаются у Нестора: «се же хощу сказати, яже прежде сихъ четырехъ лѣтъ сказалъ мнѣ Гурята Роговичъ, новгородецъ: послахъ отрока своего въ печору, людіе же суть дань дающіе Ново-Городу и пришедъ отрокъ мой къ нимъ оттуда иде въ Югрь; Югра же суть языкъ нѣмъ и сосѣдетъ съ самоядью въ полуночныхъ странахъ.» Въ это еще время самоѣды не были народомъ мирнымъ. Напротивъ они дѣлали набѣги на Югру, дрались съ сибирскими своими одноплеменниками карачаями, разоряли вогульскіе городки, пока не наткнулись на новгородцевъ, не уступавшихъ имъ въ хищничествѣ. Эти сейчасъ же обложили ихъ данью, которую послѣ паденія Господина Великаго Новгорода они стали платить Москвѣ — по два песца съ лука. Русскихъ поселяли въ тундрѣ осѣдло для усмиренія возстававшихъ самоѣдовъ. Такъ былъ основанъ Пустозерскій острогъ. Но въ то же время, вслѣдствіе жалобъ, приносимыхъ царямъ на притѣсненія со стороны русскихъ, самоѣдамъ выдавались граматы для охраны владѣній ихъ отъ захвата русскихъ. При этомъ тундра признавалась собственностью самоѣдовъ. Понятно, что въ отдаленнѣйшихъ захолустьяхъ русскаго сѣверо-востока некому было слѣдить за исполненіемъ царскихъ указовъ, и самоѣды сильно терпѣли отъ нашихъ промышленниковъ и ловцовъ. Кочевники въ свою очередь поднимались и вооружались чѣмъ попало. Вслѣдствіе такихъ-то отношеній, первыя русскія волости зачастую опустошались самоѣдами. Они даже осаждали Пустозерскъ, и для ихъ отраженія понадобилась значительная по тому времени военная сила... Они сла-

вились въ эти времена жестокостію. Эти смирные и кроткіе нынѣ номады живьемъ сжигали тогда карачаевъ, попадавшихся имъ, а купцамъ, обманывавшимъ ихъ, отрѣзывали уши, языки и носы, выкалывали глаза и въ такомъ видѣ отпускали на всѣ четыре стороны. До сихъ поръ сохранились у мезенцевъ преданія объ этомъ времени. Многіе исконные мезенскіе роды насчитываютъ десятки своихъ предковъ, замученныхъ воинственною самоядью. Теперь можно безоружному объѣхать всѣ тундры, не встрѣтивъ нигдѣ даже попытки на грабежъ. Еще въ Большеземельской тундрѣ,

Семья самоѣдовъ.

около Урала, случались убійства между самоѣдами, поддерживающими тутъ постоянныя сношенія съ своими братьями по ту сторону горъ — карачаями. Но русскій между ними совершенно безопасенъ. Безопаснѣе, чѣмъ у себя дома...

Самоѣды сами себя называютъ *хозово*, *хассово* — слово, происшедшее изъ двухъ: *хозъ* — самъ и *ово* — одинъ. Самъ-одинъ или самоѣдинъ, какъ болѣе остроумно, чѣмъ вѣрно, поясняетъ Бѣлявскій въ своей поѣздкѣ по Ледовитому морю. Самоѣды, ближайшіе къ Мезени, называютъ себя *ньнецъ* — человѣкъ. Наше имя — самоѣды — объясняется весьма различно. По однимъ это

слово финскаго корня: соомо — болото и ово — одно, одно болото, тундра. Гораздо вѣроятнѣе, что употребленное еще Несторомъ названіе самоядь явилось изъ ложнаго относительно мезенскихъ самоѣдовъ мнѣнія, что самоѣды, пожирая сырое мясо и будучи такимъ образомъ сыроядцами, не отказывались и отъ болѣе утонченной кухни, поѣдая своихъ враговъ и самихъ себя. Это, разумѣется, и прежде было предразсудкомъ: изъ моего разсказа о языческихъ вѣрованіяхъ описываемыхъ кочевниковъ читатели увидятъ, что самая религія не позволяла имъ ничего подобнаго. Даже больше: у самоѣдовъ-карачаевъ, кочующихъ по ту сторону Урала, есть преданія, что Богъ — Нумъ поразилъ смертію стада оленей, семью и самого хозяина за то, что онъ со злости сталъ грызть голову убитаго имъ врага *).

Малорослый дикарь, на кривыхъ, короткихъ, но сильныхъ ногахъ, на которыхъ онъ переваливается какъ утка, когда ходитъ завернутый въ свои оленьи шкуры — съ перваго взгляда не можетъ произвести пріятнаго впечатлѣнія. Только благородный Кастренъ, предпринимавшій не разъ поѣздки въ мезенскія и печорскія захолустья, въ некрасивомъ, глуповатомъ на видъ полярномъ кочевникѣ старался найти искру Божію. На смугломъ и скуластомъ лицѣ самоѣда сквозь узкія щели сверкаютъ не выражающіе особенной смѣтливости глаза. Приплюснутый носъ, вдавленный узкій лобъ, при совершенно круглой головѣ — не увеличиваютъ его красоты. Въ тундрахъ, часто посѣщаемыхъ русскими промышленниками, не особенно разборчивыми въ горячее ловецкое время, въ послѣдніе годы появились и блондины, съ болѣе правильными чертами лица. Общій же типъ таковъ, какъ мы его набросали. Прибавьте къ этому низко на лобъ копною падающіе волоса, нѣсколько жесткихъ и короткихъ щетинокъ, замѣняющихъ бороду и усы, часто и совсѣмъ отсутствующіе — и вы будете имѣть полное представленіе о наружности этого обитателя тундры. Самоѣдка нисколько не красивѣе, нисколько не граціознѣе своего повелителя. Напротивъ, если можно, она еще уродливѣе его. Скулы у нея выдались болѣе, глазныя щелки ўже. Черты лица какъ у тѣхъ, такъ и у другихъ — старообразны. Дѣти представляютъ точныя копіи съ своихъ родителей — даже старообразное выраженіе лицъ одинаково. «Некрасиво сшитъ, да прочно скроенъ», именно и можно сказать о самоѣдахъ. Не смотря на то, что оспа, сифилисъ и сибирская язва — истребляютъ это племя насколько возможно, пустозерскіе самоѣды, сохранившіеся наиболѣе отъ чуждой примѣси и вліянія, обладаютъ громадною силою и несокрушимымъ здоровьемъ. Языкъ самоѣдовъ чрезвычайно бѣденъ; трудность его изученія состоитъ въ удивительной быстротѣ, съ которою самоѣдъ произноситъ свои едва улавливаемые носовые звуки. Подчинить этотъ языкъ грамматическимъ правиламъ весьма трудно; имена существительныя, прилагательныя и мѣстоименія не склоняются, ихъ дѣйствія опредѣляются предлогами. Нѣкоторыя существительныя производятся отъ прилагательныхъ и глаголовъ, чрезъ прибавленіе къ

---

*) Тутъ необходимо небольшое отступленіе Всѣ писавшіе о самоѣдахъ мезенскихъ согласны съ тѣмъ, что эти инородцы никогда не были людоѣдами. А между тѣмъ въ книгѣ своей: «Сѣверный полюсъ и земля Ямалъ», Ю. И. Кушелевскій вотъ что сообщаетъ по этому поводу: «Остяки называютъ самоѣдовъ *орхой* — дикій человѣкъ, за каннибальство. Въ преданіяхъ самоѣдовъ и остяковъ еще по настоящее время сохранилось въ памяти слѣдующее. Во времена оны, удрученный лѣтами самоѣдинъ, чувствуя себя неспособнымъ промышлять и ѣздить на оленяхъ, считалъ жизнь свою въ тягость себѣ и дѣтямъ. Вслѣдствіе какъ этого, такъ и убѣжденія, что въ загробной жизни онъ можетъ быть *купцомъ*, приказывалъ себя убить — что предвѣщало счастливую жизнь его потомству, а тѣло свое съѣсть. Этотъ обрядъ дѣти исполняли при шаманахъ со всѣми религіозными церемоніями, и трупъ старика съѣдали благоговѣйно. Остяки разсказываютъ со всѣми подробностями, какъ казачьяго сотника Какаулина, пріѣхавшаго къ самоѣдамъ за сборомъ ясака, старшина, желая угостить прилично, позвалъ къ себѣ въ чумъ и при немъ приказалъ младшей дочери своей раздѣться; показалъ ему тѣло ея, которое было жирно и бѣло. Послѣ того старшина убилъ дочь и, отрѣзавъ у нея груди, вынулъ сердце, положилъ то и другое въ котелъ. Какаулинъ, разумѣется, испугался и убѣжалъ. Еще недавно былъ случай: лѣтъ 15 тому назадъ (писалось въ 1852 г.) самоѣдъ, руководясь примѣромъ своихъ предковъ, съѣлъ свою мать, старую и неспособную къ труду, за что судился и въ наказаніе содержался въ тобольскихъ арестантскихъ ротахъ (?!). Остяки и самоѣды долго между собою враждовали, наконецъ послѣдніе смирились и въ знакъ вѣчнаго мира избрали одного изъ своей среды, убили его, сварили и съѣли. Послѣ срубили у лиственицы вершину и на оставшемся отрубкѣ поставили то корыто, изъ котораго ѣли человѣческое мясо. Лиственица эта еще и по настоящее время существуетъ недалеко отъ Пашерцовыхъ юртъ и с. Обдорска.» (Стр. 52, 53, 54.)

Приводя эти мнѣнія, я съ своей стороны долженъ сказать, что самоѣдамъ, живущимъ между рѣкою Мезенью и Ураломъ, такіе обычаи въ ближайшее къ намъ время вовсе неизвѣстны, какъ неизвѣстны они и самоѣдамъ карачайскимъ. Объ этомъ не сохранилось ничего даже въ преданіяхъ ихъ и въ легендахъ ихъ сосѣдей. Нужно полагать, что людоѣдство, если оно только не вымыселъ ищущаго эфектовъ туриста, было свойственно самоѣдамъ каменнымъ и изъ зауральскихъ тѣмъ, которые вели долгія войны съ остяками.

нимъ окончаній *совой* и *ненечь*. Нѣтъ словъ, которыя бы начинались буквами б, д, ж, з, р, ф, ч, ш, щ. Небольшой словарь самоѣдскаго языка составилъ какъ-то г. Кушелевскій, но въ него вошло только очень немного словъ.

Самоѣды изъ Мезени.

Дѣленіе на роды у этого племени имѣетъ большое значеніе. При вступленіи въ бракъ самоѣдъ изъ своего рода по мужской линіи не можетъ взять жену — это считается преступнымъ кровосмѣшеніемъ, но изъ женскаго колѣна беретъ самыхъ близкихъ родственницъ. Самоѣды точно знаютъ свои роды и ихъ подраздѣленія. Они гордятся происхожденіемъ отъ того или другаго колѣна и въ счетахъ между собою не забываютъ этого. У нихъ шесть главныхъ колѣнъ, изъ которыхъ четыре дѣлятся на отдѣльные *кланы*. Главный изъ этихъ родовъ *тыссей*. Это самый многочисленный; въ немъ одномъ осталось, хотя весьма мало, язычниковъ. Они подраздѣляются на *яму-тыссей* (отъ *ямъ*—море), т. е. занимающихся морскимъ промысломъ; *лаптандеръ-тыссей*—кочующихъ на Лаптѣ; *ного-тыссей* — отъ *ного*—песецъ, эти занимаются преимущественно песцовымъ промысломъ. Весною, когда олень телится, эти роды выѣзжаютъ на кочевки по рѣкамъ Воркотѣ, Сіойдѣ, Хугмору. Іюнь и іюль ихъ застаютъ уже въ окрестностяхъ Кары и

Коротаихи, а племя *яму-тыссей* за бѣлыми медвѣдями уходитъ даже на Вайгачъ. Августъ и сентябрь—новая перекочевка къ озерамъ Балбанскому и Песьему, оставленнымъ уже къ этому времени русскими. Песцовая охота сосредоточивается по хребту Ногосоты.... Но зимой — эти роды оставляютъ тундру и стараются перекочевать въ лѣса, еще не захваченные ижемцами. *Паганспда-тыссей* (пага — губа, сѣда — сопка) кочуютъ у Паганской губы и у Пыткова камня; *сіусъда-тыссей* (сіу — семь и сѣда — сопка) кочуютъ у сопки Сіусѣда, у Заворотнаго носа, у вершины р. Песчанки. Олени ихъ телятся у окраинъ лѣсовъ при рѣкахъ Шапкиной, Хабеягѣ и Колвѣ. Къ зимѣ эти два племени придвигаются къ морю, гдѣ до половины сентября ловятъ рыбу и бьютъ морскаго звѣря. Осенью — песцовый промыселъ, а на зиму стоянки на *Колвинской* и *Харнесъ-Лаптахъ*.

Второй родъ *логгей*, *локей*. Эти дѣлятся на *сядеи-логгей*, *уанаканъ-логгей* (собачій родъ, уанъ — собака), *вылка-логгей* и *пырерка-логгей* (отъ пыре — щука), занимающійся щучьимъ промысломъ. Всѣ эти веснуютъ у вершины Хырмора, особенно у сопки *Сава-Спда*. Къ лѣту идутъ къ устью Коротаихи на морскіе промыслы, осенью ловятъ омулей, которые, почуявъ холодъ, поднимаются въ рѣки изъ моря; въ половинѣ октября промышляютъ рыбу и песцовъ у оз. Харвея.

Третье племя *выучей* весну проводитъ у р. Шапкиной, лѣтомъ у Пыткова камня и р. Пайяги, осенью промышляетъ песцовъ по хребтамъ, а зимой сходится къ озерамъ Серцею и Лайскому и въ лѣса на р. Хабеягѣ.

Чисто лѣсовые роды или самоѣды ижемскіе дѣлятся на три рода: *хатанзей* — самое многочисленное изъ лѣсовыхъ, *валей*, считающее теперь не больше нѣсколькихъ десятковъ семей, и *ванюта* или *уанойта*, почти совсѣмъ вымершее. Это все батраки, работающіе на ижемцевъ, чуть не крѣпостные зырянъ.

Поѣзжайте въ тундру зимою. Вотъ вы оставили за собою послѣднее русское село, убогое, едва перебивающееся «съ хлѣба на квасъ», на краю этой мерзлой пустыни... Снѣжные сугробы, которыми занесено оно, уже не различаются въ синей дали, словно туманъ непроницаемой въ эти сѣрые, зимніе дни... Безлѣсная, болотная топь. Цѣлые дни вамъ придется переѣзжать ея безлюдныя глади — куда глаза глядятъ, безъ дороги, безъ случайной встрѣчи, разнообразящей вашъ путь. Мятель стелется по тундрѣ, взрывая высоко снѣгъ и наметывая цѣлыя горы его тамъ, гдѣ еще за минуту тянулась безотрадная поверхность равнины.... Ѣдете вы день, ѣдете вы ночь. Усталые олени на бѣгу хватаютъ снѣгъ, холодъ пронимаетъ путника до костей, тоска и уныніе закрадываются въ душу. Сквозь туманное небо едва льется тусклый свѣтъ луны.... Но вотъ гдѣ-то тявкнула собака... другая... третья... Вы очнулись, вы ждете жилья, гдѣ вамъ можно будетъ отогрѣться и отдохнуть... Спустя нѣсколько времени, нарта оленей подкатила къ мякану, т. е. чуму самоѣда. Конусообразный очеркъ его чуть-чуть намѣчивается на мглистомъ просторѣ. Едва отыскавъ завѣшанный шкурами входъ, вы проползаете въ это логовище, но васъ разомъ отшибаетъ нестерпимая вонь, стелющійся внутри чума густой дымъ и страшная, ни съ чѣмъ не сравнимая грязь... Ѣстъ глаза, захватываетъ дыханіе... Голые ребятишки, собаки, иньки (самоѣдки), — все смѣшивается въ одну безобразную кучу. Инородцы не обратятъ никакого вниманія на вашъ приходъ. Любопытство здѣсь считается крайнимъ неприличіемъ. Хозяинъ чу̀ма будетъ также невозмутимо сидѣть у огня, его инька продолжать чинить малицу или готовить кушанье, и только голые мальчуганы вытаращатъ на васъ глаза и разинутъ рты отъ изумленія. Все это семейство группируется вокругъ огня, тупо глядя на него. Вы невольно займете мѣсто тутъ же. За стѣнами чу̀ма холодъ, мятель, пурга — дѣваться некуда!....

Заговариваете вы съ ними — вамъ отвѣчаютъ коротко, словно неохотно. Но это вовсе не отъ нежеланія разговориться съ вами. Самоѣдъ наученъ чиновниками, а васъ онъ, разумѣется, тоже приметъ не иначе, какъ за офиціальное лицо. До пятидесятыхъ годовъ чиновники наѣзжали въ тундру собственно за грабежемъ. Полагался ясакъ съ *головы* оленей — брали съ *копыта*.

Потомъ ни съ того, ни съ сего запрещали самоѣдамъ переходъ къ ихъ обыкновеннымъ промысловымъ угодьямъ, пока тѣ не умилостивляли власти приношеніями. Теперь чиновники не грабятъ, за то волостной писарь и ижемецъ-кулакъ поѣдомъ ѣдятъ инородца. Въ отношеніяхъ другъ къ другу самоѣды охотно дѣлятся послѣднимъ кускомъ хлѣба. По словамъ архимандрита Веніамина, бывали случаи, когда самоѣды кормили цѣлыя семьи обнищавшихъ земляковъ, снабжали ихъ оленями для ѣзды по тундрѣ, и надолго. Промышленникъ, останавливаясь въ чумѣ самоѣда, ничего ему не платитъ, хотя тотъ, желая угодить русскому, колетъ для него оленя, сбываетъ иной разъ послѣднюю песцовую шкурку, чтобы купленной у зырянина водкой угостить пришельца. Какъ это ни странно, но снисходительный даже къ посторонним, самоѣдъ совершенно равнодушенъ къ дѣтямъ. Онъ отдаетъ ребенка за горсть табаку, за оленя, за бутылку водки. За то взрослые кормятъ и поятъ своихъ родителей, и пока тѣ живы, остаются у нихъ въ полномъ повиновеніи...

Но вотъ — мало-по-малу вѣтеръ внѣ чума уменьшился, дымъ отъ разложеннаго внутри костра уже уходитъ въ отверстіе вверху, и вы свободно различаете все, что находится передъ вами. Жилье самоѣда кажется вамъ непривлекательнымъ, но, по условіямъ жизни въ тундрѣ, при постоянныхъ перекочевкахъ, лучшаго и искать нечего. Разобрать и поставить его вновь — достаточно часу. Главные матеріалы, изъ которыхъ дѣлается жилье: оленьи шкуры и жерди зимою, береста и тѣ же жерди лѣтомъ. Собственно чумъ слово не самоѣдское. Самоѣды называютъ свое жилье *мя*, *мядико* и *мякана*. Предварительно въ землю врываются жерди правильнымъ кругомъ, ихъ верхушки соединяются вмѣстѣ, клѣтка поперекъ переплетается другими жердями. Зимою этотъ остовъ мякана покрываютъ двумя рядами оленьихъ постелей; верхняя шерстью наружу — нюкъ, по-самоѣдски *нѣ*, а нижнее, шерстью внутрь, поднючье — *мюйко*. Вверху для прохода воздуха и дыма оставляется отверстіе, въ которомъ торчатъ верхушки жердей. Лѣтомъ роль оленьихъ мѣховъ играетъ береста. Разбивка и сносъ шатра — дѣло женщинъ. Самоѣды въ это время или сгоняютъ оленей, или отыскиваютъ съ ними ягелевую тундру. Снаружи шатры зимою глубоко обкладываются снѣгомъ, а осенью — землей и мхомъ. Внутри чумъ устилается рогожами или цыновками изъ березовыхъ прутьевъ и метляка. Сверхъ этого у состоятельныхъ набрасываютъ оленьи постели; дверь или замѣняющее ее отверстіе, всегда подъ вѣтромъ, завѣшивается ими же. По самой срединѣ чума оставляется свободный кругъ: здѣсь просто на землѣ кладутся камни или желѣзный листъ, на которомъ постоянно поддерживается огонь. Топливо — мелкій березнякъ, ивнякъ или верескъ. Больше дыма, чѣмъ огня. По стѣнамъ у богатыхъ самоѣдовъ разбросаны подушки, у остальныхъ, посостоятельнѣе, свернутые валиками оленьи шкуры, у бѣдняковъ—копна моха и прутьевъ. Надъ очагомъ, на крюкахъ, поддерживаемыхъ крестообразно врытыми въ землю кольями, подвѣшиваютъ два или три котла для варева. Мѣсто противоположное входу—*синакци* или *синикуй*. Это — святыня. Тутъ все, что подороже: икона Николая Чудотворца, деньги, водка, табакъ и изъ съѣстнаго что получше. Женщина — *инька* — существо нечистое. Она не смѣетъ переступить черезъ синикуй. Все вообще, черезъ что переступила женщина, считается оскверненнымъ. Если же инька нечаянно попадетъ въ синикуй — это предвѣщаетъ семьѣ или голодную зиму, или великое бѣдствіе. Всякій разъ, когда ночной промыселъ неудаченъ, или волкъ зарѣжетъ оленя, самоѣдъ, возвращаясь въ свой чумъ, прямо обвиняетъ иньку въ нарушеніи святости синикуя. За этимъ слѣдуетъ потасовка. Если грѣхъ совершонъ ею при хозяинѣ — предотвратить бѣду еще легко. Стоитъ только бросить горячій уголекъ въ синикуй, приговаривая:

— Огонь, огонь, очисти все....

Веревка, черезъ которую переступила женщина, становится поганой; топоръ, оленья шкура тоже. Брать въ руки она можетъ все, но переступать—сохрани Богъ! То же суевѣріе, впрочемъ, надѣляетъ хозяина и дешевымъ средствомъ для очищенія оскверненнаго предмета. Стоитъ только опоганенную вещь окурить верескомъ или метлякомъ, но зажечь его непремѣнно въ чумѣ. Еще лучше окурить оленьимъ саломъ. Это ужь совсѣмъ хорошо!... Хотя ближайшіе къ нашимъ

селамъ самоѣды уже не окуриваютъ вещей, но женщина, по ихъ мнѣнію, все же не человѣкъ. Эти уже вкусившіе цивилизаціи инородцы своему синикую не придаютъ особенной святости. Такъ какъ въ чумѣ стоитъ образъ, то всякое мѣсто въ жильѣ одинаково свято. Между чумами бѣдняковъ и богачей у самоѣдовъ — разница только въ величинѣ да въ большемъ или меньшемъ количествѣ оленьихъ постелей. Остальное все одинаково. Самоѣды до того привыкли къ своей атмосферѣ, что въ воздухѣ нашихъ жилыхъ домовъ въ самое короткое время заболѣваютъ воспаленіемъ легкихъ и чахоткою. Изъ холодныхъ даже избъ самоѣды-проводники остановившихся тамъ путешественниковъ выходили и заваливались спать прямо въ снѣгъ, даже во время самыхъ сильныхъ морозовъ и вьюги. Въ тридцатыхъ годахъ архангельское епархіальное начальство помѣстило нѣсколько мальчиковъ самоѣдовъ въ мѣстную семинарію. Они успѣшно дошли до риторики, но затѣмъ слегли и померли отъ чахотки. Разумѣется, въ данномъ случаѣ не риторика, а температура городскаго жилья была причиною смерти нашихъ первыхъ учениковъ-инородцевъ. Единственнымъ счастливымъ исключеніемъ представлялось село на р. Колвѣ, гдѣ у мѣстнаго священника въ избѣ аклиматизировались мальчики самоѣды, да и тѣ лѣтомъ уходили въ тундру.

Какъ жилье, такъ и одежда самоѣда состоитъ изъ оленьихъ шкуръ. Мѣшокъ изъ оленьяго мѣха, съ рукавами и отверстіемъ для головы, шерстью внутрь, надѣвается на голое тѣло. Это — *малица*, предохраняющая инородца отъ пагубнаго дѣйствія измѣненій, весьма быстрыхъ въ температурѣ сѣвера. Такъ какъ малица дѣлается мездрою вверхъ, — мездрою нѣжною, легко портящеюся отъ сырости, — то лѣтомъ на нее надѣваютъ еще ситцевый, тиковый или сермяжный чахолъ-рубашку. Сверхъ малицы зимою надѣваютъ второй мѣшокъ изъ оленьяго мѣха, но уже шерстью вверхъ — *совикъ*. Изъ шкурокъ молодыхъ молочныхъ оленей, пыжиковъ, шьютъ круглыя шапки съ ушами — *сова* по-самоѣдски. Это впрочемъ не необходимость. Зачастую самоѣды и въ морозы ничѣмъ не покрываютъ головы. Самоѣды тиманскіе и канинскіе переняли у русскихъ на лѣтнее время рубахи нашего покроя, но суконныя, подпоясывая ихъ широкими кожаными поясами, украшенными мѣдными пуговицами и бляхами. Самоѣды, живущіе у русскихъ работниками, привыкли подъ малицами носить холщевыя рубахи. Кромѣ совика и малицы самоѣдъ надѣваетъ шаровары изъ замши — *пьюе*, длинные чулки — *липты* изъ оленьяго мѣха шерстью внутрь и сшитые изъ того же матеріала, шерстью наружу, изукрашенные разными узорами сапоги — *пимы*. Очень мало отъ этой разнится одежда женщины. «Рубахи у нихъ еще въ меньшемъ употребленіи, чѣмъ у мужчинъ, онѣ ихъ вовсе не носятъ, совика также не имѣютъ, но дѣлаютъ себѣ вмѣсто рубахи особый родъ одежды шерстью внизъ, называемый *яндры*, а по-русски яндица или паница; эту одежду украшаютъ узорами изъ бѣлыхъ и темныхъ оленьихъ лапокъ *(камусы)*, опушаютъ ее волчьимъ, лисьимъ и собачьимъ мѣхомъ, а богатые даже соболемъ и бобромъ *(панды)*; нашиваютъ на нее разноцвѣтные суконные лоскутки и маленькія погремушки, которыми также увѣшиваютъ огромныя шапки и пимы — вкусъ, общій всѣмъ полудикимъ сибирскимъ племенамъ. Одежду эту шьютъ однѣ самоѣдки, и въ этомъ онѣ мастерицы: простую оленью шкуру онѣ скоблятъ сначала особеннымъ инструментомъ, потомъ мнутъ ее руками и наконецъ натираютъ мукой: въ этомъ и состоитъ все приготовленіе оленьей постели; ее кроятъ, и нитками, ссученными изъ оленьихъ жилъ, шьютъ прочную и красивую въ своемъ родѣ одежду.» Я нарочно привожу здѣсь это описаніе Иславина, потому что самоѣдки, встрѣчавшіяся мнѣ, по одеждѣ ничѣмъ не отличались отъ своихъ мужей, братьевъ. Голову убираютъ по-русски. Самоѣдки щеголяютъ двумя косами, въ которыя вплетаютъ кусочки краснаго и желтаго сукна и яркія ленты. Серьги для ушей выбираются самыя пестрыя, чтобы въ глаза било и звенѣло, если возможно. У иной уши на вершокъ оттянетъ, а она только радуется и красуется, считая себя изящнѣйшею щеголихою въ тундрѣ. Но верхомъ франтовства считаются здѣсь мѣдныя цѣпочки, вплетенныя въ волоса. Вообще мѣстная красавица далеко не отличается равнодушіемъ къ собственнымъ прелестямъ и, какъ это ни странно, знаменитому изслѣдователю хребта Пайхой, Гоф-

ману удавалось въ Большеземельской тундрѣ встрѣчать *красивыхъ* самоѣдокъ, портреты которыхъ и приложены къ его сочиненію.—Ко всему сказанному нами о нарядѣ самоѣдовъ нужно прибавить немногое: онъ до того удобенъ въ тундрѣ, что его усвоили русскіе и зыряне. Путешественникъ или чиновникъ, пускающіеся въ тундру зимою—тоже надѣваютъ совики, малицы, пимы. Хорошая малица здѣсь стоитъ отъ 9 — 12 рублей, совикъ 6 — 8 рублей, а пимы отъ 2 — 3 рублей. Въ этомъ костюмѣ не чувствительны ужасные полярные морозы.

Разумѣется, найденныя Гофманомъ красивыя самоѣдки — только исключеніе. Всѣ остальные бывавшіе въ тундрѣ, говорятъ о самоѣдахъ, какъ о самомъ уродливомъ племени, которое только можно встрѣтить въ Европейской Россіи. Безобразіе ихъ дѣлается еще замѣтнѣе отъ безпримѣрной нечистоплотности. Быть можетъ, между самоѣдками встрѣчаются Венеры милосскія, но самоѣдки опрятной, въ полномъ смыслѣ этого слова, нѣтъ и не бывало. Какъ и ихъ мужья, онѣ никогда не моются, о баняхъ понятія не имѣютъ тѣ, которыя живутъ вдали отъ русскихъ селъ, а ближайшія пробовали заглядывать въ русскія бани, но сейчасъ же выходили вонъ, не имѣя силъ выносить ихъ температуру. Малица не снимается вовсе; грязь подъ ней копится мѣсяцами, а копоть чума еще болѣе увеличиваетъ нечистоплотность убогаго инородца. Русскіе промышленники въ тундрѣ тоже перестаютъ мыться, находя, что такъ лучше — не простудишься. Зыряне, принявшіе костюмъ самоѣдовъ, во время поѣздокъ своихъ въ мерзлыя тундры, гдѣ пасутся ихъ оленьи стада, на столько свыкаются съ нечистоплотностью самоѣдовъ, что, возвратясь назадъ, и у себя заводятъ то же.

Самоѣдка.

По равнодушному пріему самоѣда не заключайте, чтобы гостепріимство было ему чуждо... Онъ просто боится показать себя невѣжливымъ, встрѣчая васъ шумно, радостно, разспросами. Когда глаза ваши привыкнутъ къ дымной атмосферѣ чума, вы различаете, что вся семья сидитъ вокругъ костра, тупо уставившись въ его сверкающіе угли. Только инька съ вашимъ приходомъ захлопотала. Она начинаетъ разводить тѣсто на водѣ, и это прѣсное мѣсиво размазываетъ грязными лапищами на дощечку. Взявъ ее потомъ за узкій конецъ, она повертываетъ передъ огнемъ тѣсто, пока оно не зарумянится. Не бѣда, ежели и дымомъ пропахнетъ. Самоѣдъ считаетъ и это лакомствомъ. Самая достаточная семья съѣдаетъ въ годъ не болѣе пяти пудовъ хлѣба — гдѣ ужь тутъ толковать о вкусѣ. Затѣмъ дочка хозяина вноситъ въ чумъ мерзлую рыбу осенняго улова. На вашихъ глазахъ ее начинаетъ строгать хозяинъ какъ дерево. Хлѣбъ и мерзлые куски рыбы, настроганной помельче, подносятся вамъ съ поклономъ, причемъ вся семья зачастую повалится вамъ въ ноги, умоляя не отказаться отвѣдать ихъ стряпни. Если самоѣдъ, къ которому попали вы, богатъ, онъ устраиваетъ праздникъ для всего чумовья... Выйдя изъ мякана, онъ начинаетъ посвистывать особеннымъ способомъ, по-птичьи. Собаки, мирно спавшія въ чумѣ, кидаются съ громкимъ лаемъ во всѣ стороны. Лай ихъ замираетъ, пока совсѣмъ не пропадетъ вдали. Безмолвный самоѣдъ неподвижно стоитъ у чума, только острые глазки его изъ-за узкихъ щелокъ высматриваютъ горизонтъ, точно онъ ждетъ чего-то оттуда... Вотъ до васъ доносится сначала легкій, потомъ все болѣе и болѣе громкій гулъ... Вотъ гулъ обращается въ мелкій топотокъ, отъ стука копытъ по твердому снѣгу; самоѣдъ только

покрикиваетъ «ого-го, ого-го!» и наконецъ въ шумѣ и гомонѣ собачьяго лая оленье стадо сбѣгается къ мякану. Однимъ взглядомъ окинувъ его, самоѣдъ выбираетъ жертву и ловко забрасываетъ ей арканъ на рога. Опять посвистъ—и стадо гонятъ назадъ тѣ же мелкорослыя, умныя собаченки. Опутаннаго арканомъ оленя хозяинъ притягиваетъ къ себѣ. Съ этого момента собственно и начинается эпопея празднества. Изъ ближайшихъ чумовъ народъ сходится сюда—принять участіе въ пиршествѣ, хотя никто и не звалъ его. Такъ уже принято. Колютъ оленя — значитъ, всѣ ближайшіе самоѣды на версту въ окружности должны придти, не соблюдая никакихъ церемоній. Всякій старается принять участіе въ работѣ; кто схватываетъ оленя за рога, кто за ноги... Безпомощно распростертое животное обводитъ всѣхъ окружающихъ унылымъ взглядомъ, точно предугадывая свою судьбу. Ребятишки снуютъ кругомъ, крича во все горло; на этотъ разъ дѣло обходится безъ шлепка, потому — праздникъ. Одинъ изъ гостей — самый старшій долженъ отыскать и подать хозяину топоръ. Хозяинъ ошеломляетъ животное ударомъ топора по лбу, и въ тотъ же моментъ ближайшій къ нему гость перерѣзываетъ оленю горло, причемъ операцію эту дѣлаютъ надъ чашкой, куда должна стечь кровь, которую самоѣды считаютъ величайшимъ лакомствомъ. Чтобы много этой драгоцѣнной крови не пропало напрасно, жилы перехватываютъ и перевязываютъ. Съ груди и съ ногъ сдирается шкура и отвертывается, сердце прокалывается столь искусно, что кровь вся остается внутри. Хозяинъ потомъ отдѣляетъ сало со спиннаго хребта, почки и филей. Куски эти полудикій гастрономъ обмакиваетъ въ кровь и ловко перерѣзываетъ ножемъ надъ

Загонъ оленей.

самымъ ртомъ, съ наслажденіемъ глотая еще теплое сырье. Остальные приглашенные объѣдаютъ ребра, запивая ихъ тою же кровью... На новичка картина эта производитъ отвратительное впечатлѣніе. На лицахъ жадность, всѣ вымазаны и облиты кровью, всѣ возятся надъ сырою кровавою массой, съ наслажденіемъ вѣѣдаясь въ ея внутренность. А кругомъ тявкаютъ собаки, возятся дѣти, которымъ перебрасываютъ куски. Безмолвныя иньки стоятъ у дверей чума, ожидая своей очереди. Вмѣстѣ съ другими онѣ не смѣютъ приступить къ пиршеству. Когда мужья и братья отойдутъ отъ оленя — тогда только и онѣ могутъ подойти къ нему. Но самоѣдовъ насытить очень трудно: понятно, что безотвѣтнымъ инькамъ достаются только кости, да и то иногда разбитыя, потому что мужчины высосали изъ нихъ мозгъ. У большинства са-

моѣдовъ, даже если гостей случилось мало, мясо складывается и вялится или сушится, а инькамъ всетаки достаются только кости и объѣдки. Для васъ, разумѣется, изжарятъ одинъ изъ лучшихъ кусковъ и если вы что нибудь подарите за это, то хозяева только удивятся. Русскіе промышленники не пріучили ихъ къ такой щедрости. Какъ оленину, такъ и рыбу, самоѣдъ пожираетъ сырою, мерзлою, вяленою, сушеною, вареною и соленою. Самая отвратительная вяленая, приготовляемая въ зловонныхъ ямахъ, нравится имъ всего болѣе, хотя къ зимѣ она уже получаетъ прокислый вкусъ и на иной желудокъ подѣйствовала бы какъ ядъ. Дикую птицу они тоже заготовляютъ и солятъ; ѣдятъ, когда не случится иной пищи, мясо горностаевъ, песцовъ, куницъ, даже лисье. Случалось, что самоѣдъ съѣдалъ даже собакъ своихъ, но уже въ крайнемъ случаѣ, также какъ и пеструшекъ. Если бы у самоѣда было больше соли, то рыбы и всякой птицы онъ могъ бы запасти вдоволь на всю зиму. Но во-первыхъ соль дорога, а во-вторыхъ инородецъ лѣнивъ и безпеченъ. Туристъ такъ описываетъ жадность этихъ убогихъ полудикарей: «самоѣдъ ѣстъ, пока имѣетъ еще что ѣсть, не думая о будущемъ; когда же придетъ время голодать, то онъ садится къ огню и въ полусонномъ положеніи плюетъ въ него, помышляя о томъ, какъ бы помочь горю. Когда дня черезъ два голодъ беретъ свое, онъ ловитъ изъ стада оленя, зарѣзываетъ его и забываетъ обо всемъ. При новой невзгодѣ идетъ просить помощи у богатаго или побирается у крестьянъ.» Брусника, голубика, особенно морошка, вмѣстѣ съ оленьей кровью спасаютъ инородцевъ отъ цынги. Величайшія лакомства для самоѣда — молоко и топленое масло. Послѣднее они глотаютъ кусками безъ всякой примѣси. Ради этого они готовы прокатиться 60 или 70 верстъ...

Предложите самоѣду сигару или табаку—онъ не станетъ курить. Напротивъ сейчасъ же за щеку положитъ или жевать начнетъ. С. В. Максимовъ предложилъ своему проводнику сигару. Тотъ откусилъ порядочный кусокъ—и давай его жевать. Остальную половину за рукавъ.

Его останавливаютъ совѣтомъ: курить это надо. Не ѣшь, скверно.

— Сожру... хорошъ... порато.

— Ѣдятъ вѣдь, ваше благородіе. Ты его не замай, пояснилъ хозяинъ пустозерецъ. Имъ этотъ табакъ пуще водки. Привозимъ мы имъ въ чумы деркачу этого; за горсть песца отдаютъ.

Водка—другое наслажденіе инородца. Онъ пьетъ ее или сосетъ, когда она обращается въ ледяные куски, пьетъ разбавленною съ водой. Самоѣды слѣдующимъ образомъ описываютъ наслажденіе быть пьянымъ: «Вино вкуснѣе мяса; какъ напьешься, такъ и разбогатѣешь. У тебя вдругъ появится много оленей и дѣлаешься купцомъ. А какъ проснешься, такъ и узнаешь, что бѣденъ и пропитъ послѣдній олень». Ниже мы разскажемъ, какъ зыряне торгуютъ здѣсь этимъ пойломъ, и набросимъ картину оргіи въ тундрѣ. Теперь же только прибавимъ, что благодаря именно этой дешевой отравѣ—тундра перешла въ русскія и зырянскія руки, а самоѣдъ обѣднѣлъ до того, что теперь служитъ пастухомъ стадъ, нѣкогда принадлежавшихъ ему одному безраздѣльно.

Обычаи самоѣдовъ при разныхъ случаяхъ ихъ жизни заслуживаютъ вниманія. Въ послѣднее время беременности иньки, богатый самоѣдъ строитъ ей *самай-мадико* — поганый чумъ, избѣгая видѣть ее въ своемъ жильѣ, такъ какъ она нечистая и можетъ осквернить его. За нѣсколько дней до родовъ разсылаютъ по тундрѣ искать знахарку—старуху, играющую роль нашей повитухи. Та появившись опрыскиваетъ горячимъ оленьимъ саломъ углы самай-мадико, чтобы туда не вошелъ недобрый духъ и не испугалъ роженицу. Затѣмъ, постлавъ оленьи мѣха, на нихъ переносятъ послѣднюю, и, въ ожиданіи родовъ, та не смѣетъ вставать съ этой мягкой постели. Повитуха занята въ то же время весьма важнымъ дѣломъ. Съ волшебнымъ поясомъ въ рукахъ она сначала допрашиваетъ жену:

— Не измѣнила ли мужу?

Потомъ съ тѣмъ же вопросомъ идетъ въ чумъ къ хозяину.

— Не измѣнилъ ли женѣ?

Признанія, по существующему повѣрью, облегчаютъ родовыя муки. Согласно отвѣтамъ, повитуха вяжетъ на поясѣ столько узловъ, сколько кто изъ супруговъ погрѣшилъ противъ седьмой заповѣди. Если и затѣмъ роды продолжаютъ быть трудными, повитуха объявляетъ, что кто либо, или мужъ, или жена, скрылъ свои грѣхи. Дѣлать нечего, призывается тадибей. Этотъ могущественный шаманъ знаетъ все—и прошедшее и будущее, и то, что невидимо на небесахъ-горе и на землѣ-низу и въ водѣ подъ землею. Для него ничего нѣтъ темнаго. Заполучивъ на свою долю слѣдуемыхъ по условію оленей и угощенный до отвалу, тадибей

Дѣти-самоѣды.

начинаетъ свои откровенія. Онъ разсказываетъ все прошлое мужа и жены, сообщаетъ всѣ тайны ихъ и затѣмъ прорицаетъ судьбу новорожденнаго, находящуюся, разумѣется, въ прямой зависимости отъ количества полученнаго вознагражденія. Наконецъ ребенокъ благополучно явился на свѣтъ. Если священникъ близко—хорошо. Нѣтъ—то новорожденный можетъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ остаться неокрещеннымъ. Имъ даже разрѣшено это, сообразно условіямъ жизни въ тысячеверстной тундрѣ. Тадибей долженъ уѣхать тотчасъ же послѣ родовъ. Ему уже дѣлать нечего. Тутъ опять вступаетъ въ свои права повитуха. Обмывъ новорожденнаго теплою водою, въ которой предварительно распарили вѣтви можевельника, вымазавъ его саломъ и завязавъ въ оленью шкуру,

она кладетъ его въ берестяную зыбку и затѣмъ уже заботится исключительно объ очищеніи чума. Самай-мадико очистить не трудно. Стоитъ только березовую губку сварить въ водѣ и потомъ этою водой окропить предметы, въ немъ находящіеся, и людей, когда-либо туда входившихъ—и все будетъ обстоять благополучно. Послѣ этого хозяинъ, какъ онъ ни бѣденъ, долженъ раздобыть оленя и угостить сырьемъ всѣхъ, кто соберется къ его чуму въ это время. Потомъ нужно еще двухъ оленей. Одного онъ даритъ родильницѣ обязательно, а родильница должна его отдать повитухѣ, другаго—и непремѣнно самку—отецъ отдаетъ новорожденному съ тѣмъ, что приплодъ отъ нея принадлежитъ послѣднему, такъ что выростая онъ становится обладателемъ небольшаго стада. Пятьдесятъ дней родильница не смѣетъ сѣсть за трапезу съ своей семьей. По прошествіи этого времени, ее окуриваютъ дымомъ, а чумъ переносится на другое мѣсто. Первый годъ, а иногда и два, младенецъ не носитъ имени. Затѣмъ ему даютъ имя христіанское и вмѣстѣ съ тѣмъ свое. Послѣднее, т. е. прозвище, зависитъ отъ чисто случайныхъ причинъ. Задумавъ дать его ребенку, отецъ, если встрѣтитъ волка, называетъ сына *вармикъ* (волкъ), лису встрѣтитъ — и на свѣтъ Божій является *теneко* (лисочка). Былъ въ этотъ день обильный уловъ пелядей — младенецъ называется *пайга* — пелядь. Если въ этотъ день по тундрѣ шли обозы, аркиши, то его назовутъ *мюсь*—обозъ. Послѣ поѣздки въ Запечорскій край Кастрена, котораго тамъ называли всѣ нѣмцемъ, явились ребята у самоѣдовъ, носившіе имя *нѣмзя*. Дитя чувствительно къ холоду — имя ему *ханю* (мерзлый), больное — *тигана* (хворый), плаксивое — *яргадъ* (плакса). Много дѣтей въ семьѣ и новому не особенно рады — *ваталя* (лишній). Хромая дѣвочка уродилась — *майда*, кривая — *янгей;* глупа ужь очень — *солоне* (дура). У некрещеныхъ самоѣдовъ случаются христіанскія имена. Это вслѣдствіе того, что самоѣды язычники ужасно высоко цѣнятъ, если какой-либо русскій назоветъ ихъ своимъ именемъ. Богатый самоѣдъ за это до скончанія дней своихъ ежегодно посылаетъ ему оленя. Дѣти растутъ, какъ мохъ въ тундрѣ. До четырнадцати лѣтъ они ничего не дѣлаютъ, развѣ мать заставитъ поскребать мездру на оленьей постели или вязанку хвороста принести; да иной разъ еще, за недостаткомъ собакъ, пошлетъ ребятъ загонять оленей. Только тогда, когда отрокъ въ состояніи натянуть тугой лукъ и мѣтко спустить стрѣлу, онъ уже считается взрослымъ и обязанъ работать на промыслахъ наравнѣ съ другими. За дѣтьми присмотра никакого. Отцы даже не особенно и любятъ ихъ, за то матери до того нѣжны, что, заходя, напримѣръ въ Мезени, въ кабакъ, непремѣнно потащатъ за собою и *ненчійко* (человѣчка) или *нѣко* (дѣвку). Отсутствіе заботливости вызываетъ ужасную смертность между дѣтьми, но за то выживаютъ самые крѣпкіе, которые потомъ способны выносить легко самыя невозможныя климатическія и иныя условія жизни. Рѣдкій изъ нихъ впрочемъ не носитъ на себѣ слѣдовъ оспы или сифилиса. Врачей и лекарствъ тундра и не видѣла. Развѣ только иной изъ нашихъ промышленниковъ, разсчитывая на выгодный сбытъ, доставитъ въ тундру сулему, на время загоняющую болѣзнь внутрь. Затѣмъ отъ сулемы, загнавшей болѣзнь внутрь, появляются сыпи, которыя передаются и дѣтямъ. Никто ихъ за сифилисъ не считаетъ, а по словамъ Иславина самоѣды до того нечистоплотны и сплошь покрыты чесоткой, что имъ и не различить одной сыпи отъ другой. Глазная болѣзнь, вслѣдствіе яркаго сверканія снѣговъ зимою, дыма въ чумахъ, сильныхъ вѣтровъ, довольно обща, но другой бичъ сѣвера — цынга самоѣдамъ неизвѣстенъ. Ихъ спасаютъ въ этомъ случаѣ привычка пить оленью кровь и морошка. Вся ихъ медицына — въ кудесничествѣ шамановъ тадибеевъ.

Сына нужно женить, дочь выдать замужъ. Объ этомъ заботятся часто тогда, когда первому десять, а второй восемь лѣтъ. Случается видѣть женатыхъ семилѣтнихъ мальчиковъ, такъ что взрослая жена ходитъ за нимъ какъ нянька. Когда эти мальчики выростутъ, они всегда бросаютъ своихъ женъ и покупаютъ себѣ молодыхъ, а старыя свободны вновь выйти замужъ. Даже и христіанство не измѣнило обычаевъ. Задумавъ просватать сына, самоѣдъ обращается къ лучшему своему другу, человѣку, который бы пользовался уваженіемъ въ родѣ. Это — сватъ или *эву*. Сватомъ можетъ быть и родственникъ, но тогда непремѣнно по

мужскому колѣну. Эву беретъ дорогую лисицу, если самоѣдъ богатъ, и простую красную, если бѣденъ; пріѣхавъ въ домъ отца невѣсты, онъ, ни слова не говоря, кладетъ этотъ мѣхъ передъ нимъ и, объявивъ имя пославшаго его, тотчасъ же, ничего не объясняя, уѣзжаетъ обратно. Если черезъ три дня подарокъ назадъ не возвращенъ, то предложеніе принято. Опять отецъ жениха посылаетъ эву. На этотъ разъ эву вооружается биркой. Пріѣхавъ въ чумъ отца невѣсты, онъ молча подаетъ ему бирку. Хозяинъ вырѣзываетъ на ней столько рубцовъ, сколько хочетъ взять за дочь оленей, песцовъ, лисицъ. Если эву на его требованіе не согласенъ, то, не возражая, онъ беретъ бирку и срѣзываетъ съ нея лишніе, по его мнѣнію, рубцы. Это продолжается до тѣхъ поръ, пока *безмолвный* торгъ не придетъ къ концу. Согласившись и эву, и отецъ невѣсты кладутъ свои знаки на концы бирки и раскалываютъ ее пополамъ. Одна половина остается у хозяина, другую эву везетъ домой. Бирка такого рода — безспорный документъ, и нарушать представляемаго ею условія никто не рѣшается. Во времена Иславина богатые давали отъ 100—200 оленей, сверхъ того отъ 100 — 200 песцовъ, одну или двѣ чернобурыя лисицы или 10 красныхъ, 3 сажени тонкаго — алаго, синяго или желтаго сукна и мѣдный котелъ. Средніе по состоятельности: отъ 25 до 50 оленей, столько же песцовъ, одну или двѣ красныя лисицы, 3 сажени недорогаго сукна и котелъ. Бѣдные: отъ 10 до 20 оленей или отъ 7 — 15 рублей, немного сукна, котелъ. Замѣчательно, что самоѣдскій десятокъ (хасово-ю или хабе-ю) равняется нашему числу девять, такъ что если назначено дать за невѣсту 100 оленей, это значитъ $9 \times 9 = 81$. Наше же число 10 называется луцсы-ю, русскій десятокъ. Взамѣнъ этого, родители невѣсты одариваютъ ее приданымъ. За каждые восемь полученныхъ отъ жениха оленей они даютъ сани съ парою оленей и всей упряжью, съ чумомъ, нюками, женскимъ платьемъ, печенымъ хлѣбомъ, коровьимъ масломъ и олениной. Сверхъ того, по окончаніи каждаго года, дочь пріѣзжаетъ къ отцу и беретъ одного оленя. Теперь уже богатыхъ свадебъ нѣтъ, потому что по всей тундрѣ не сыщешь богатаго самоѣда. Рѣдки даже свадьбы такія, какія во времена Иславина случались въ среднемъ состояніи.

Переговоры кончены, ударили по рукамъ и безмолвію наступаетъ конецъ. Теперь можно разговаривать, что до тѣхъ поръ было совсѣмъ неприлично. Опредѣляется срокъ, когда выкупъ за невѣсту долженъ быть доставленъ къ дому ея родителей. Друзья женихова отца съѣзжаются къ нему, помогать ловить, а въ сущности колоть и жрать оленей; потомъ вся эта ватага стремится въ чумъ къ невѣстинымъ родителямъ. Тотъ тоже рѣжетъ оленя. Жениховъ отецъ не можетъ не отвѣтить. Раззадоренный, первый рѣжетъ еще больше, второй слѣдуетъ его примѣру. Гости объѣдаются до безчувственности. Все это время женихъ сидитъ рядомъ съ невѣстой и ѣстъ съ ней изъ одной колоды (не чашкой же назвать эту посудину). Имъ разговаривать запрещено. Молча женихъ рѣжетъ мясо и молча подаетъ его своей нареченной. Та молча беретъ. Если завелась водка, женихъ угощаетъ невѣсту незамѣтно, но объясняется тоже жестами. Невѣста не смѣетъ отказаться отъ брака, заключеннаго ея отцомъ, женихъ тоже... Вечеромъ—гости одни за другими незамѣтно выбираются изъ чума. Собравшись внѣ его, они разомъ садятся въ нарты и съ бѣшенымъ ораньемъ уносятся точно отъ волчьяго стада по тундрѣ — по домамъ. Когда стихнетъ этотъ гомонъ, родные, еще остававшіеся съ женихомъ и невѣстою, уходятъ тоже... Невѣста съ этой минуты дѣлается достояніемъ жениха. Иногда вводъ во владѣніе совершается при помощи старухъ, чаще же никакихъ формальностей для этого не требуется... Ночью, когда, по расположенію звѣздъ, а въ туманъ — по соображенію наступаетъ первый часъ, женихъ, оставляя спящую невѣсту, долженъ выбраться изъ чума такъ, чтобы его ни одна живая душа не замѣтила. Это ему тѣмъ легче, что увидѣть жениха въ эти минуты считается не только неприличнымъ, но и предвѣщаетъ ему бѣду. Никѣмъ невидимый, онъ запрягаетъ въ нарту своихъ оленей и отъѣзжаетъ домой одинъ. Въ разстояніи полуверсты отъ чума невѣсты онъ стрѣляетъ изъ ружья. Теперь роднымъ невѣсты можно войти въ чумъ и поздравить ее. Утромъ, эву опять является

къ отцу невѣсты и договаривается о днѣ свадьбы. Когда онъ наступилъ, созываютъ гостей и ѣдутъ къ невѣстѣ, гдѣ ея родные уже въ полномъ сборѣ.

Когда гости съ жениховой стороны доѣдутъ до чума невѣсты, ея родичи изнутри придерживаютъ двери, не впуская ихъ.

— Кто пріѣхалъ? спрашиваютъ они.

— Ловцы, охотники...

— За чѣмъ?

— Слышали, что есть здѣсь чернобурая лисица.... Изловить хотимъ.

— Тутъ лисица есть, и чернобурая... Только не для ловцовъ она... Даромъ не отдается.

— Между нами и купецъ одинъ... Онъ можетъ заплатить...

Начинаютъ снова переговоры гости, ранѣе попробовавъ еще разъ вломиться силой.

— Кто такой купецъ?

— Васька Тарко (Мохнатый), объявляется имя жениха.

— Честный ли онъ человѣкъ, не обманщикъ ли? Можетъ быть, такой какъ ижемцы.

— Честный, честный.

— Богатый ли?

— У него олени не считаны, а чумовъ хватитъ на сто семей...

— Что же онъ заплатитъ за чернобурую лисицу?

Начинается торгъ. Наконецъ условливаются въ выкупѣ и, поплатясь лисьимъ или песцовымъ мѣхомъ (смотря по состоянію жениха), женихъ добивается, что гостей его впускаютъ. Всѣ они располагаются вдоль стѣны мякана, только женихъ и невѣста сидятъ по серединѣ рядомъ. Въ деревянныхъ блюдахъ или просто на досчечкахъ разносятъ сырую оленину и «куски» водки (если дѣло зимою). Мясо съѣдаютъ, съ водкой тоже покончиваютъ. Самоѣды быстро пьянѣютъ. Начинаются крики, гомонъ, шумъ, зачастую и драка. Непотерявшій головы эву, которому въ этотъ торжественный день, ради строгаго выполненія его роли церемоніймейстера, запрещено пить, выводитъ невѣсту, усаживаетъ ее въ сани и покрываетъ одѣяломъ изъ разноцвѣтныхъ кусковъ сукна. Ея родные выкатываютъ еще нѣсколько нартъ съ ея приданымъ и привязываютъ къ этимъ санямъ. Когда поѣздъ готовъ, приближается важный моментъ, отъ котораго зависитъ вся будущая жизнь молодыхъ. Длинная вереница нартъ съ бѣшеной быстротой скользитъ сначала по снѣгу вокругъ невѣстинаго чума разъ и потомъ вокругъ чума жениха три раза. Если въ это время упряжь остается цѣла и ни одинъ ремешокъ не порвется— молодыхъ ожидаетъ спокойная, сытая жизнь; въ противномъ случаѣ — бѣда. Ее можно предупредить, но для этого придется ѣхать въ Колву, отслужить тамъ молебенъ Николаю угоднику и потомъ позвать тадибея для совершенія нѣкоторыхъ языческихъ кудесъ. Объѣхавъ три раза вокругъ женихова чума, поѣздъ приближается ко входу въ него, около котораго уже стоятъ и съ поклонами встрѣчаютъ молодую родные жениха. Они передаютъ невѣсту свекрови, а эта послѣдняя, закрывъ ей голову оленьей шкурой, вручаетъ жену своему сыну. Тотчасъ же радостные крики выражаютъ окончаніе обрядоваго торжества; затѣмъ обычный пиръ длится до ночи, а ночью, при колыхающемся сіяніи таинственнаго сполоха, гости разъѣзжаются по тундрѣ домой, пьяные, веселые, довольные, счастливые....

Оборотная сторона медали является вскорѣ послѣ брака. Самоѣдъ не церемонится съ женою. Онъ хотя не особенно сурово, но все же учитъ ее. Разъ заподозривъ въ невѣрности, мужъ жестоко избиваетъ ее чѣмъ попало. «Повстрѣчавшись съ соперникомъ; онъ хладнокровно отпрягаетъ и уводитъ изъ саней его одного оленя, а тотъ, чувствуя себя виновнымъ, молчитъ и ѣдетъ далѣе....» Не особенно высокая цѣна! Многіе Донъ-Жуаны позавидовали бы обычаямъ Мезенской тундры, гдѣ никогда изъ-за прекрасной Елены не могло случиться троянской войны.

Какъ рожденіе и свадьба, похороны у самоѣдовъ обставлены тоже весьма оригинальными обрядами. Умереть состоятельному большеземельскому инородцу безъ тадибея никакъ нельзя.

Пока онъ успокоится и перейдетъ въ жизнь вѣчную, этотъ шаманъ своими кудесами сдѣлаетъ для него отвратительною настоящую, земную. Разумѣется, цѣлію тадибея бываетъ и выздоровленіе больнаго. Если фокусы колдуна не помогутъ, и самоѣдъ умираетъ, то въ томъ мѣстѣ чума, противъ котораго лежитъ покойникъ, раздираютъ нюкъ и поднючье, переламываютъ шесты, на которыхъ они держатся, и въ эту дверь выносятъ тѣло. Трупъ одѣтъ въ обычную одежду — пимы, малицу и т. д., сверхъ того обернутъ въ оленьи постели. Голова трупа зашивается въ сукно. Тотчасъ же въ разныя стороны тундры сообщается вѣсть о смерти самоѣда, и всѣ родичи и друзья съѣзжаются къ разломанному чуму. Покойникъ лежитъ около, шагахъ въ десяти

Самоѣдскія могилы.

отъ отверстія, въ которое его вынесли. Когда всѣ въ сборѣ, что бываетъ самое долгое на второй день послѣ смерти покойника, его укладываютъ въ нарту, запряженную любимыми при жизни оленями, и везутъ на кладбище — въ ту часть тундры, гдѣ похоронены всѣ его предки и ближніе. На существованіе такихъ кладбищъ указываютъ и имена многихъ урочищъ: *халмеръ-падира* или *халмеръ-о* (лѣсъ покойниковъ, островъ покойниковъ). Зачастую называютъ *хейвыде-падира* — лѣсъ грѣшниковъ. Если лѣсу много — строятъ большой срубъ. Внутрь вносятъ покойника и любимыя его вещи, все его платье. Нѣтъ лѣса — вырываютъ могилы и туда укладывается трупъ съ этими аттрибутами. Уложивъ трупъ, къ нему обращаются съ просьбой: не сердиться на погребающихъ. Они сдѣлали съ своей стороны все — и отдали ему необходимое на томъ свѣтѣ имущество. Вещи и платье разламываются и разрываются, «въ знакъ того, что на томъ свѣтѣ ихъ употребляютъ иначе, чѣмъ на этомъ. Покойниковъ кладутъ немного на бокъ, глазами на западъ. Это показываетъ, «*что жизнь человѣка исчезаетъ какъ солнце подъ небосклономъ*». Потомъ ломаютъ нарту и обломки кладутъ на могилу. Засыпавъ землею могилу или заперевъ срубъ, приводятъ лучшаго оленя изъ стада покойника. Онъ долженъ быть принесенъ въ жертву, для чего съ нимъ продѣлываютъ мучительную операцію. Въ кишки

ему вонзаютъ заостренный деревянный шестъ. Если олень страдаетъ недолго или смерть его мгновенна — то это радостное предзнаменованіе. Никто изъ присутствующихъ не умретъ въ болѣе или менѣе долгій промежутокъ времени. Жертву съѣдаютъ, оставшееся мясо увозятъ съ собой, а голову съ рогами кладутъ на срубъ или на могилу. По окончаніи похороннаго обряда, всѣ отходятъ отъ могилы задомъ напередъ, садятся въ сани и уѣзжаютъ обратно въ чумъ, въ который заходятъ не иначе, какъ черезъ огонь, окурившись оленьимъ жиромъ или чудодѣйственнымъ бобровымъ волосомъ. Также окуриваютъ оленей, отвезшихъ покойника на могилу, и упряжь. По дорогѣ всѣ обязательно ругаютъ и поносятъ смерть. При этомъ ругательства бываютъ самыя нескромныя и непремѣнно громко, чтобъ смерть ихъ услышала. Малютокъ не хоронятъ, ихъ обвертываютъ въ бересту и подвѣшиваютъ на деревья повыше, поближе къ небу, какъ существа угодныя Нуму — царю вселенной. Самоѣды стараются не говорить о покойномъ. О немъ не жалѣютъ, не плачутъ. Вспоминать о немъ, значитъ, накликать на себя его посѣщеніе. Могилу его никто не осмѣлится разрыть, вещей, положенныхъ туда, тронуть, а то отъ него никуда не уйдешь, не уѣдешь: «онъ не только вездѣ будетъ перебѣгать дорогу, но даже посѣщать во снѣ, а чего добраго — и на яву». О загробной жизни у самоѣдовъ нѣтъ никакихъ опредѣленныхъ вѣрованій. Что они ея не отрицаютъ, видно изъ обычая класть къ покойникамъ въ могилу его любимыя вещи, какъ необходимыя *на томъ свѣтѣ*. Сверхъ того они разсказываютъ легенду о замѣчательно добродѣтельномъ самоѣдѣ Урерѣ. Этотъ самоѣдскій Енохъ былъ взятъ живымъ на небо вмѣстѣ съ нартой и оленями. Тамъ ему жить «поратодородно», т. е. очень хорошо: онъ постоянно торгуетъ и пьетъ вино. Естъ существа, живущія подъ землею. Это *парны*. Многіе изъ самоѣдовъ послѣ смерти переселяются къ нимъ и ведутъ таинственную жизнь въ подземныхъ чумахъ. Дымъ изъ нихъ можно видѣть: его часто выбрасываютъ сопки... Вдова, оставшаяся послѣ смерти самоѣда, дѣлаетъ куклу, одѣваетъ ее въ такую одежду, въ какой ходилъ покойникъ. Садясь ѣсть, самоѣдка и передъ куклой ставитъ кушанье; ложась спать, раздѣваетъ куклу и укладываетъ ее съ собою. Это продолжается болѣе года и выражаетъ трауръ.

Въ брошюрѣ «Самоѣды въ общественномъ и домашнемъ быту» приведены свѣдѣнія о самоѣдскомъ календарѣ. Другаго раздѣленія времени, какъ восходъ и закатъ солнца, самоѣды не знаютъ. Только ближайшіе къ русскимъ раздѣляютъ полночь, полдень. Дни не имѣютъ названій, за исключеніемъ воскреснаго — *хейвыде-яле* (грѣшный день). Мѣсяцы именуются сообразно условіямъ жизни въ тундрѣ или явленіямъ природы, совершающимся въ это время.

Олень и тундра опредѣляютъ все существованіе самоѣда. Трудно сказать, чѣмъ бы онъ жилъ безъ оленя. Пищу, одежду и жилье даетъ ему это животное; оно же доставляетъ возможность уплачивать подати, торговать съ зырянами и русскими. Олень въ то же время и главный тормазъ для перехода кочующихъ инородцевъ къ осѣдлой жизни. Не олень здѣсь слѣдуетъ за человѣкомъ, а человѣкъ за оленемъ. Объѣденъ весь ягель вокругъ временнаго становища полудикой семьи, и она снимается съ мѣста, ища другаго, гдѣ бы животному былъ готовый кормъ. Переходы такого рода зависятъ отъ количества головъ въ стадѣ. Во времена оны, когда самоѣдъ не считалъ оленей, за невозможностью счесть ихъ, чумы переносились верстъ за пятнадцать, потому что на болѣе близкомъ разстояніи все оказывалось выѣденнымъ; теперь приходится отдаляться верстъ на пять, на семь. Передъ переходомъ на другое кочевье сначала разбираются мяканы. Это исключительно дѣло инекъ. Женщины снимаютъ нюки и поднючья, разбираютъ жерди, связываютъ въ тюки оленьи постели, укладываютъ вещи. Потомъ становятъ нарты (сани) и куромы и грузятъ ихъ. Къ нартамъ обыкновенно привязаны собаки. Этому мелкорослому, кудлатому другу своему особеннымъ свистомъ самоѣдъ отдаетъ приказаніе собирать оленей. Остророрылыя, лохматыя собаченки пускаются въ тундру и немного спустя уже гонятъ оленей прямо къ чумовью. Олени бѣгутъ дугою; въ серединѣ ея, т. е. въ центрѣ, находится хозяинъ; онъ выбираетъ необходимыхъ для запряжки, кидаетъ

имъ свой *тынзей* (арканъ) на рога. Въ каждую нарту впрягается отъ четырехъ до шести животныхъ, причемъ крайнее съ правой стороны считается самымъ главнымъ, и къ нему прикрѣплена единственная возжа. На нарту садится только одинъ самоѣдъ, управляющій оленями при помощи длинной и тонкой жерди — *харея.* Онъ имъ не бьетъ животное, а колетъ его въ болѣе или менѣе чувствительныя мѣста. Одна упряжка оленей, если нарта нагружена не слишкомъ тяжело, можетъ сдѣлать отъ 90 до 100 верстъ въ сутки, иногда и болѣе; необходимо только на каждыхъ семи верстахъ пріостанавливаться и дать животнымъ отдышаться и перехватить снѣгу. Самое устройство нартъ — самоѣдскихъ саней — удивительно приспособлено къ

Ѣзда на оленяхъ въ тундрѣ зимою.

этому. Нарта прежде всего такъ легка, что безъ груза ее подыметъ десятилѣтній мальчуганъ. Полозья нарты отстоятъ такъ далеко другъ отъ друга, что провалиться въ трясину никакъ невозможно: она хоть одной стороной, да выгребется. Къ санямъ не прямо прикрѣплены полозья, а отдѣляются отъ нихъ копылями — подставками, къ которымъ уже и придѣлывается сидѣнье... Полозья спереди круто загибаются, и къ концамъ ихъ прикрѣпляются блоки — *ендели,* въ которые вдергиваются ремни упряжи. На нартахъ ѣздятъ самоѣды, грузы же возятъ на куромахъ, замѣняющихъ наши дровни. Оленья сбруя очень несложна. Она состоитъ изъ уздечекъ и лямокъ; къ лямкамъ привязывается длинный ремень, пропускаемый черезъ блоки. Блоки привязаны къ крутому выгибу — носу полозьевъ. Ремень пропускается между ногъ оленя. Одна возжечка привязывается къ уздечкѣ передоваго оленя, и ею именно правятъ.

Олени запряжены; все готово. Семья вся разсѣлась. Впереди ѣдетъ старшій — хозяинъ. За нимъ все остальное, не рядомъ, а гуськомъ, длинною вереницей, которая у богатыхъ извивается иногда на полверсты. Въ подобныхъ случаяхъ снимается, разумѣется, не одинъ чумъ, а цѣлое становище мякановъ. Особенно эфектны бываютъ эти поѣзда въ свѣтлыя ночи, когда вся тундра кажется сіяющей отъ яркаго блеска полярнаго сіянія, когда на серебряной глади

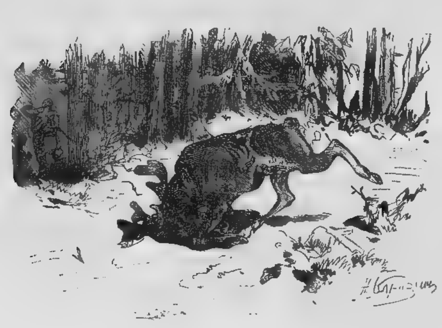
ея, словно черные вырѣзываются эти быстро бѣгущіе олени, эти легкія, чуть скрыпя, скользящія нарты съ грузными фигурами самоѣдовъ... По сторонамъ бѣгутъ собаки, провожая поѣздъ громкимъ радостнымъ лаемъ. Если впрочемъ переходъ великъ, ихъ тоже сваливаютъ въ нарты, и онѣ только оттуда тявкаютъ на весь просторъ безмолвный и недвижный. За нартами вперегонку бѣжитъ оленье стадо. Въ спящемъ царствѣ сѣверныхъ снѣговъ чѣмъ-то фантастическимъ кажется этотъ извилистый рядъ саней, кидающихъ на одно мгновеніе тѣнь по мерзлымъ равнинамъ... А звѣзды разгораются все ярче и ярче, неукротимѣе и торжественнѣе блистаютъ сполохи въ ночныхъ небесахъ, вся сѣверная часть ихъ охвачена голубымъ пламенемъ, и долго зыблется оно надъ мертвою тундрой... Весело ѣхать завернутому въ теплые мѣха самоѣду!.. Но часто случается и иначе. Ни единой звѣзды. Тяжелыя, грозныя тучи нависли надъ снѣговою пустыней, въ бѣлесоватомъ сумракѣ которой не видать ни знакомаго деревца, ни пня, по которому бы можно оріентироваться... Самоѣдъ не останавливается передъ такими затрудненіями. Онъ останавливаетъ поѣздъ. Сходитъ съ нарты, разгребая снѣгъ, дорывается до мха, разсматриваетъ его... Если это не поможетъ, не укажетъ, гдѣ онъ находится, номадъ ничкомъ кидается на снѣгъ и наблюдаетъ направленіе оставленныхъ вѣтромъ струекъ. Попадая на снѣговые комья, беретъ ихъ, и та сторона, которая больше обмерзла, служитъ указаніемъ сѣвера... Разумѣется, всѣ эти затрудненія не существуютъ, если можно разсмотрѣть звѣзды. Астрономическія познанія самоѣда настолько велики, чтобы оріентироваться по этимъ яснымъ и недосягаемо далекимъ свѣтиламъ, одинаково указующимъ путь и величавымъ волхвамъ мудрой Халдеи, и убогимъ инородцамъ заброшеннаго сѣвера...

Объ инстинктѣ оленей разсказываютъ очень многое. Когда, напримѣръ, самоѣдъ пьянъ и не управляетъ оленями — вожакъ идетъ на запахъ перваго чума, гдѣ примутъ съ уваженіемъ счастливца. Какъ бы ни была плотна масса снѣга, какъ бы она ни смерзлась надъ ягелевой тундрой, олени всегда ее почуютъ. Дорыться до нея — не дороются, потому что ихъ маленькимъ копытцамъ недостаетъ силы, необходимой на то, чтобы пробить эту кору, но попытку сдѣлаютъ всегда. Олень можетъ дѣлать, и притомъ въ теченіе двухъ дней безъ корма, большіе переходы. Въ Архангельской губерніи существуютъ три разновидности оленя — лапландскій и самоѣдскій — прирученные и третья — новоземельскій и уральскій дикіе, за которыми охотятся и бьютъ ихъ, Дикіе олени встрѣчаются, хотя теперь уже и рѣдко, въ Лапландіи, но тамъ ихъ приручаютъ, и потомъ они уже не отличаются отъ домашнихъ. Въ тундрѣ Мезенской о дикихъ оленяхъ не слыхать, они всѣ выбиты. Дикихъ оленей Мезенской тундры никогда нельзя было сдѣлать ручными, лапландскихъ всегда можно. Лапландскій олень крупнѣе и сильнѣе мезенскаго, самоѣдскаго, зато трусливѣе его. Олень самоѣда защищается отъ волка, а стадо оленей отъ волчьей ватаги; лапландскій бѣжитъ и чаще дѣлается жертвою хищниковъ. Зачастую волкъ, подкрадываясь къ оленю, пугаетъ все стадо. Такъ какъ появленіе врага неожиданно, то все стадо оленей теряется и уже не думаетъ о защитѣ. Самоѣды, замѣтивъ испугъ ихъ, начинаютъ взывать: ого-го, ого-го! Олени, сбѣгаясь на голосъ, сплошною массою окружаютъ волка, тѣснятся и затаптываютъ хищника до смерти. Олени пріучаются до того къ лаю собакъ, что, услышавъ его, опрометью кидаются къ чуму. Собака иногда, гоняясь за ними, изнуряется такъ, что, добѣжавъ до чума, моментально падаетъ въ непробудный сонъ и ее тогда какъ дохлую бросаютъ съ мѣста на мѣсто. На другой день она опять свѣжа. Лишившись собакъ — самоѣды сами загоняютъ стадо, лая по-собачьи.

У самоѣдовъ попадаются олени, удивительно быстрые на ходу. Ихъ даже называютъ русскіе рысаками. Такой олень перегонитъ коня, да еще иноходью. Усталость оленя замѣчаютъ по хвосту. Пока на хвостѣ есть ожирѣлость — онъ еще не утомленъ, когда же олень ее потеряетъ, онъ начинаетъ *ложиться* (Кушелевскій). Въ большихъ стадахъ всегда пастухи берегутъ старыхъ самокъ. При пастьбѣ самка идетъ впереди своего рода, который держится за нею кучкой. Сколько въ стадѣ старыхъ самокъ, столько формируется и кучекъ. Этихъ вожаковъ не

бьютъ до глубокой старости. Если такая самка пропадетъ изъ стада, то вмѣстѣ съ нею пропадаетъ и ея родъ, который зачастую состоитъ изъ 150 оленей.

Самоѣды въ старое время били дикихъ оленей, когда тѣ еще водились въ тундрахъ, стрѣлами. Теперь уцѣлѣвшіе, какъ мы сказали выше, ушли въ глушь и дичь Уральскаго хребта и на окраины Канина. Истребляли ихъ въ тундрахъ и иными способами: къ нимъ подсылали домашняго оленя, на рога котораго были напутаны петли, веревки.... Дикіе олени ненавидѣли прирученныхъ — они съ нимъ тотчасъ же вступали въ бой и, путаясь въ петляхъ, становились легкою добычею самоѣда. Путешественники много разсказывали о дикихъ оленяхъ; самецъ во время игры такъ свирѣпѣетъ, что начинаетъ драться *съ своею тѣнью* и дерется до изнеможенія; тогда нѣтъ ничего легче какъ подойти къ нему и убить. Сѣверный олень родится черезъ сорокъ дней по зачатіи, причемъ самки особенно любятъ телиться весною на окраинахъ лѣсовъ, гдѣ снѣгъ стаиваетъ раньше. Впрочемъ, теперь самоѣду не осталось никакого выбора. Многочисленныя стада ижемскихъ зырянъ занимаютъ все пространство по лѣснымъ опушкамъ, и бѣдному самоѣду остается только безлѣсная тундра, или лѣсныя захолустья; но въ лѣсахъ въ это время года снѣгъ такъ глубокъ и покрытъ такою жесткою корою, что подъ нимъ не только молодому теленку, но и старому оленю невозможно добыть корма. Въ чистой же тундрѣ не перестаютъ бушевать пурга и мятели, гибельныя для молодыхъ оленей. Молодой олень начинаетъ ѣсть ягель на четвертый день послѣ рожденія, питаясь въ то же время молокомъ матери. Первое время, не больше недѣли, онъ неуклюже медленъ въ движеніяхъ, но черезъ двѣ недѣли его уже не обгонишь. Онъ не отдаляется отъ самки-матери, оберегающей его. Топотомъ и крикомъ она предупреждаетъ его объ опасности.... Теленокъ, услышавъ этотъ сигналъ, или припадаетъ за большую кочку, или прячется въ траву. Родившійся весною олень подростаетъ за лѣто и уже называется пыжикомъ, черезъ годъ онъ уже хорой (самецъ) или сырица (самка). Отелившаяся самка — важенка, а самецъ, способный быть отцомъ, — лоншакъ. Лоншакъ кладеный — быкъ. Это лучшій олень для ѣзды и вообще наиболѣе цѣнимый въ тундрѣ; важенка, неспособная телиться, считается хапторкой или яловой, и такія отличаются необыкновенною быстротою бѣга. Періодъ линянія у взрослыхъ оленей начинается и заканчивается въ іюнѣ и іюлѣ. Осенью же они принимаютъ сѣрый или бѣлый оттѣнокъ или становятся коричневыми. Въ августѣ мѣсяцѣ, олени скоблятъ рога; въ октябрѣ они сбрасываютъ ихъ и остаются комолыми до весны. Съ первымъ таяніемъ снѣговъ появляются у нихъ сосудистые бородавчатые наросты, все болѣе и болѣе припухающіе, и наконецъ показываются новые рога, покрытые нѣжною кожицею, очень раздражительною и наполненною кровью. Это самое тяжелое время для молодаго оленя: мало-мальски грубое прикосновеніе къ его рогамъ дѣйствуетъ на него болѣзненно, онъ тоскуетъ, прячется въ тѣнь, ищетъ влажныхъ мѣстъ. Возрастъ оленей узнаютъ по рогамъ — на третій годъ у него шесть концовъ на рогахъ, на четвертый восемь (по четыре на каждомъ), на пятый десять. Болѣзненныя ощущенія нарростанія роговъ могутъ сравниться только съ лѣтними муками оленей. Комары и оводы тучами носятся въ тундрѣ. Оводы проѣдаютъ кожу животнаго и въ ранки кладутъ свои яйца. Отъ нихъ постоянная боль и зудъ. Когда изъ яичекъ выходятъ насѣкомыя, животное, храпя, бѣшено бѣгаетъ кругомъ, пока не упадетъ въ безсиліи. Зачастую туристу приходится видѣть торчащими изъ озера массу оленьихъ головъ съ рогами. Это стадо ушло въ воду отъ комаровъ и оводовъ. Стоитъ олень день, стоитъ ночь, пока вѣтромъ не унесетъ насѣкомыхъ или дождемъ не прибьетъ ихъ къ землѣ на время. Заботливости объ оленяхъ

Олень, дерущійся со своею тѣнью.

почти никакой. Прежде были самоѣды, несчитавшіе своихъ стадъ: пять или шесть тысячъ оленей не считалось ничѣмъ особеннымъ; теперь и имѣющій пятьсотъ является богачемъ. Зараза истребила все, что только могла истребить! Но хуже гололедицы, хуже овода, хуже заразы и внезапныхъ холодовъ для самоѣда — кулакъ и промышленникъ ижемецъ, чисто по-разбойнически захватывающій лѣса, загоняющій самоѣдовъ съ ихъ опушекъ въ тундру, грабящій ихъ при посредствѣ водки. Въ тундрѣ надзоръ невозможенъ. Оградить самоѣдъ могъ бы только самъ себя. Печься о немъ некому, а самъ онъ недалекъ, добродушенъ, податливъ, робокъ. У него отняли лучшія урочища по тундрѣ, отогнали отъ рыбныхъ рѣкъ, отъ богатыхъ морскимъ звѣремъ береговъ. Прежніе богачи, считавшіе по двадцати тысячъ головъ у себя въ стадахъ, служатъ теперь при тѣхъ же стадахъ работниками и пастухами: опоивъ ихъ, зырянинъ отнялъ все и то еще считаетъ милостью, что онъ позволяетъ имъ кормиться на счетъ стада за каторжный и подневольный трудъ. Зато все это отразилось и на численности племени. Еще въ прошломъ столѣтіи самоѣдовъ было около 70,000 душъ; теперь же тифъ, голодовки, оспа, сифилисъ, водка и ижемцы сократили эту цифру въ Европейской Россіи до 5,000.

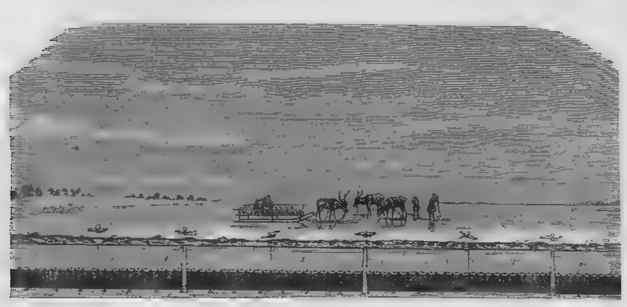
Интересенъ, хотя и отвратителенъ путь, какимъ зыряне добились настоящаго своего положенія, т. е. стали господами въ тундрѣ. Сначала богатыми владѣльцами стадъ, а слѣдовательно и конкурентами ижемцевъ были какъ многіе самоѣды, такъ и пустозерцы-русскіе.

Переправа черезъ рѣку.

Зыряне стали систематически вытаптывать и истреблять моховыя пастбища какъ тѣхъ, такъ и другихъ. На вытоптанномъ мѣстѣ мохъ выростаетъ черезъ тридцать лѣтъ. Въ концѣ концовъ пустозерскія стада погибли съ голода, а самоѣдскія перешли къ зырянамъ. Всякій ижемскій голышъ, желая поправить свое состояніе, запасается водкой, табакомъ и отправляется съ ними въ тундру. Тутъ онъ выбираетъ кочевье побогаче, спаиваетъ хозяина, его иньку, дѣтей и потомъ уже начинаетъ торгъ съ нимъ на остальное количество привезенной съ собою водки. Самоѣдъ отдаетъ за нее добычу прошлаго промысла и будущаго, оленей, мѣха. Если бы его иньки пользовались какимъ нибудь значеніемъ на мѣстномъ рынкѣ, онъ бы отдалъ и ихъ. Водка есть, начинается опять оргія. Пьяные дикари визжатъ, дерутся;

инька, забывъ подчиненіе своему повелителю, таскаетъ его за волосы, потомъ перепившись до безчувствія, самоѣды падаютъ въ снѣгъ, гдѣ и засыпаютъ до утра, когда голова начинаетъ трещать, когда надобится водка опять, и за нее уже идутъ остальные олени. Дѣла зачастую кончаются тѣмъ, что въ недѣлю изъ богатаго самоѣдъ дѣлается работникомъ ижемца при своемъ же стадѣ. Не было случая, чтобы несчастный обманулъ проходимца. Результаты этого очевидны: голодовка, вырожденіе племени. Зыряне внесли сюда пьянство, русскіе — сифилисъ. Въ тридцатыхъ годахъ къ тѣмъ и другимъ присоединялась уѣздная власть. Съ самоѣдовъ брали и рыбой, и птицей, и оленями, и мѣхами, и морошкой, если не было денегъ. Цѣлыя кочевья углублялись въ тундры, въ паническомъ страхѣ переходили за Уралъ въ васюганскія тундры Сибири, когда узнавали, что ихъ собирается посѣтить покровительствующая имъ уѣздная власть. Въ сороковыхъ годахъ властные люди опомнились, но уже было поздно — зыряне уже были полными господами въ тундрѣ. Еще Иславинъ — честный и талантливый человѣкъ, въ 1844 г. нашелъ, что на 1470 ч. зырянъ приходится работниковъ пролетаріевъ-самоѣдовъ 335 мужчинъ, 343 женщины и 463 малолѣтныхъ. 1400 ч. самоѣдовъ оказались неимѣющими ни одного оленя, на остальныхъ 3,600 приходилось чуть ли не по 4 на каждаго (изслѣдованія А. Антонова).

Ставушки для зимняго лова.

Рабочіе у зырянъ пищу получаютъ скверную, гнилую: палыхъ оленей, мелкую рыбу, выбрасываемую обыкновенно собакамъ; вмѣсто одежды, лоскутья, остающіеся отъ шитья малицъ обрѣзки. Плата деньгами не свыше 4 р. 20 к. въ годъ на семью; но и эти деньги остаются у хозяина за табакъ и вино.

А между тѣмъ самоѣдъ отличается большою смѣтливостью на промыслѣ. Богатые пустозерцы очень дорожатъ ими, какъ незамѣнимыми работниками. Отдаленныя экспедиціи на Новую Землю и на Вайгачъ лучше всего выполняли при ихъ участіи; безъ нихъ предпріятія такого рода были бы немыслимы совсѣмъ. Честные и кроткіе по отношенію къ человѣку, самоѣды не знаютъ страха въ опасныхъ случаяхъ на промыслѣ. Полудикарь даже поражаетъ тогда своею находчивостью и умомъ. Между ними попадались очень выдающіеся люди. Опытные самоѣды легко выучиваются говорить по-русски, по-зырянски, по-остяцки. Самоѣдъ, служившій на шкунѣ богатаго мезенца и не разъ побывавшій за границей, хорошо былъ знакомъ съ англійскимъ, норвежскимъ, французскимъ и нѣмецкимъ языками. Въ старое время самоѣды не останавливались даже передъ отправленіемъ въ Москву депутацій съ жалобами на чуждыхъ имъ пришельцевъ, и выборные ихъ умѣли отстаивать свое родное дѣло передъ боярскою думой, доказательствомъ чему служатъ многія граматы, въ разное время выданныя имъ.

Въ то самое время, какъ ижемцы на сотни тысячъ сбываютъ хищнически добытой ими рыбы изъ самоѣдскихъ рѣкъ и озеръ, законные обладатели сихъ послѣднихъ не смѣютъ и приступиться къ нимъ. На каждаго самоѣда выловленной имъ рыбы не приходится и на 3 рубля. Въ тундрѣ, юридически принадлежащей самоѣду, властелиномъ является зырянинъ; на морскихъ берегахъ, тоже входящихъ въ число владѣній самоѣда, распоряжается русскій. Лучшія бухты и губы захвачены мезенцами и пустозерцами. Что оставалось дѣлать инородцу? Покрутиться (наняться) къ русскому или зырянину. Онъ и идетъ въ кабалу, считая себя счастливымъ, если его кормятъ, какъ собаку. Тридцать лѣтъ тому назадъ министерство в. д. командировало въ тундру Иславина. Изслѣдовавъ ее, этотъ путешественникъ сообщилъ въ своей

брошюрѣ: «Если не означить ижемцамъ предѣловъ, въ которыхъ дозволено имъ двигаться, и не наблюдать строго за ними, то десятка чрезъ два лѣтъ они также наводнятъ стадами своими Тиманскую тундру и землю сибирскихъ самоѣдовъ, какъ занимаютъ теперь все пространство Большеземельской тундры». Это печальное предсказаніе исполнилось въ точности...

Не бывало случая, чтобы русскій женился на самоѣдкѣ. Зато въ прежнее время богатые самоѣды женились на русскихъ и ставили свои чумы близъ нашихъ селъ. Теперь этого не случается, потому что и богатыхъ самоѣдовъ не водится. Состоятельные и теперь женятся на зырянкахъ. Изъ самоѣдовъ выходятъ превосходные моряки, и мезенцы ихъ охотно берутъ на свои шкуны.

Самоѣдъ не имѣетъ пѣсенъ въ томъ смыслѣ, какъ мы привыкли понимать пѣсню. За то онъ импровизаторъ. Унылая полярная природа, однообразіе тундры, долгія зимнія ночи, дикія мятели и бури гнетутъ его душу, давятъ его фантазію, поэтому и его импровизація лишена яркихъ тоновъ, красоты, идеи и формы. Онъ поетъ о томъ, что видитъ, а видитъ онъ снѣгъ, пустыню, да сполохъ... Видитъ онъ тундру, поетъ о тундрѣ, передъ нимъ олень — поетъ объ оленѣ, пронесется мимо голодная волчица — о волчицѣ поетъ; собака тявкаетъ за нимъ — о собакѣ... Разыграется сѣверное сіяніе — запѣваетъ о кострахъ, которые зажигаютъ за моремъ чудные люди... Все это скудно, блѣдно... Только такія торжества, какъ свадьба, еще нѣсколько будятъ его душу, и самоѣдъ тогда поетъ немногія героическія пѣсни о великанахъ, однимъ плечомъ упирающихся въ Вайгачъ-островъ, другимъ въ Чайцынъ камень, о богатыряхъ, которые били манчей за Ураломъ...

Нѣкоторые вѣруютъ, что покойники послѣ смерти бродятъ по свѣту; другіе не могутъ себѣ и представить, что дѣлаетъ человѣкъ на томъ свѣтѣ. Третьи наивно убѣждены, что умершіе тамъ становятся купцами и торгуютъ водкой. Возьмите дикарей, поставленныхъ въ лучшія условія — какія чудныя поэтическія пѣсни поютъ они, какою дѣвственно свѣжей природой дышатъ ихъ легенды. Отъ преданій о Гайяватѣ вѣетъ на васъ и мечтательнымъ шумомъ зеленаго лѣса, и прохладою вечера, утонувшаго въ пурпурномъ сіяніи заката, и радостною пѣснью, и грохотомъ весеннихъ потоковъ... Сравните съ этимъ преданія самоѣда.

— Разъ пришелъ къ намъ манча... Пришелъ манча и увидѣлъ иньку. Хорошая была инька — здоровая, знала водиться съ оленями, шила хорошія малицы... Выпилъ онъ съ нею водки и еще выпилъ, пока не напились оба. Приходитъ мужъ, застаетъ ихъ вмѣстѣ. — Что дѣлать? Убилъ манча мужа и взялъ иньку съ собою. Идутъ они по тундрѣ... Идутъ день, другой... На третій за ними показались олени.

— Стой, манча, это мужъ ѣдетъ за мною! говоритъ инька.

— Не мужъ твой это, а сосѣди, должно быть... *Хорошо я убилъ* твоего мужа. Ножъ глубоко вошелъ ему въ сердце.

— А повернулъ ли ты ножъ? спрашиваетъ инька, повернулъ ли ты ножъ въ сердцѣ моего мужа?

— Забылъ!... отвѣчаетъ манча.

— Значитъ, это онъ ѣдетъ за мною.

Вернулся манча и увидѣлъ убитаго имъ человѣка. Опять всадилъ ему ножъ въ сердце, и упалъ мужъ украденной иньки. Повернулъ манча въ сердцѣ его свой острый ножъ.

— Владѣй моей инькой, бери моихъ оленей, говоритъ ему убитый, — а для меня сдѣлай одно: поди на высокую гору, позови тадибея и принеси Тявуй Нуму (высшему богу) въ жертву бѣлаго оленя, лучшаго бѣлаго оленя, на высокой, на самой высокой горѣ...

Уже въ концѣ прошлаго столѣтія пробовали посылать миссіонеровъ въ тундру, но или проповѣдники были плохо подготовлены, или самоѣды мало расположены къ принятію чуждой имъ вѣры, только эти попытки оказались безуспѣшными. Болѣе полезнымъ оказался пріемъ самоѣдскихъ мальчиковъ въ архангельскую семинарію въ 1780 году. Дѣти начали хорошо

учиться, отличались быстротою соображенія, прекрасною памятью и особенными способностями къ изученію языковъ. Къ сожалѣнію, ихъ оставляли и лѣто, и зиму въ душныхъ зданіяхъ города, и, дойдя одни до реторики, а другіе до философіи, первые піонеры цивилизаціи въ этомъ обдѣленномъ судьбою племени — погибли отъ чахотки. Вслѣдъ за тѣмъ отдѣльныя лица отправлялись въ тундру — крестить инородцевъ. Одни по собственному желанію, другихъ посылала епархія. Первые возвращались ни съ чѣмъ, вторые привозили съ собою прекрасные лисьи мѣха — подарокъ щедрыхъ дикарей, чудесныя песцовыя одѣяла, но не могли тоже похвастаться ни однимъ обращеннымъ. Въ 1819 г. одинъ священникъ, посланный въ тундру, былъ снабженъ рубашками, серебряными деньгами и еще чѣмъ-то. Рѣшили — одаривать принимающихъ христіанство. Наивные полудикари сообразили, что это очень выгодно — выкупаться при всемъ честномъ народѣ въ р. Мезени или Печорѣ и быть за то накормленными, напоенными, получить рубаху и прочую благостыню. Люди приходили, крестились; но миссіонеръ только ихъ и видѣлъ. Первый шагъ въ этомъ отношеніи сдѣлалъ священникъ Ѳедоръ Истоминъ въ 1822 г. Проникнувъ далеко въ тундру, онъ сталъ проповѣдовать евангеліе и обратилъ нѣсколькихъ язычниковъ. Вслѣдъ за нимъ явился ревностный и талантливый миссіонеръ, архимандритъ Сійскаго монастыря, о. Веніаминъ. Истинно апостольская дѣятельность его въ отдаленнѣйшей глуши самоѣдскихъ тундръ, куда онъ проникалъ, на Уралѣ и за Ураломъ, привела къ безпримѣрнымъ до тѣхъ поръ результатамъ. Съ 1825 г., въ теченіе пяти лѣтъ неустанной работы, онъ окрестилъ 3,303 язычниковъ. Хорошій знатокъ самоѣдскаго языка, онъ первый заговорилъ съ инородцами понятною имъ рѣчью. Для «вящаго вразумленія», онъ перевелъ на самоѣдскій языкъ евангеліе, составилъ грамматику и лексиконъ самоѣдскаго нарѣчія. «Глубокія истины слова Божьяго, говоритъ онъ, восхищали дикарей, когда они слышали ихъ въ звукахъ понятныхъ, на своемъ собственномъ языкѣ.» Бывшіе съ нимъ разсказываютъ, что о. Веніамина не останавливало въ его проповѣди ни время, ни мѣсто. Зачастую онъ проповѣдовалъ по ночамъ, при свѣтѣ сѣвернаго сіянія, и вдохновенному слову его благоговѣйно внимали толпы слушателей, располагавшихся прямо на снѣгу мерзлой тундры. Говорилъ онъ и на промыслахъ, пользуясь досугомъ рабочаго люда, когда горные вѣтры отгоняли звѣря въ океанъ и самоѣдамъ нечего было дѣлать. Проповѣдь его на берегахъ Ледовитаго океана зачастую заглушалась шумнымъ прибоемъ вспѣненныхъ валовъ, когда миссіонеръ, расположившись на скалѣ, говорилъ оттуда народу. Но и тѣ немногія слова, которыя слышали инородцы, производили сильное впечатлѣніе на ихъ простыя и наивныя сердца. Хорошіе миссіонеры и хорошіе учители будутъ имѣть громадное значеніе въ средѣ этого податливаго племени. Со времени отъѣзда о. Веніамина въ 1830 г. и до сихъ поръ обращенныхъ было мало, и большая часть инородцевъ все еще «коснѣетъ въ невѣжествѣ и язычествѣ», по выраженію архангельскихъ рясоносцевъ. Даже крестившіеся, вмѣстѣ съ новыми вѣрованіями, остались въ сущности язычниками. Молясь напримѣръ св. Николаю Чудотворцу, они призываютъ и тадибея для совершенія кудесъ; призывая Христа, не забываютъ и Тявуй-Нума; принося часть добычи въ жертву Богородицѣ, закалываютъ оленя и въ честь своихъ боговъ. Еще оригинальнѣе вѣра въ св. Николая.

— Святой Никола, разсказывалъ самоѣдъ язычникъ, большой Богъ. Онъ въ тундрѣ все можетъ... За наши грѣхи онъ отдалъ тундру и оленей ижемцамъ. Никола все видитъ. Разъ я передъ ловомъ не помянулъ его — и безъ рыбы остался во весь промыселъ.

Застанетъ буря въ океанѣ, молись св. Николѣ. На медвѣдя въ тундрѣ наткнулся — св. Никола заступникъ и хранитель. Пурга занесетъ зимою — св. Никола выручитъ... Вотъ только противъ русскаго и ижемца св. Никола не защищаетъ... Но и на то есть свои причины. Ему въ мезенскихъ селахъ и въ Ижмѣ выстроены такіе храмы, какихъ самоѣдъ не можетъ поставить... Что же за выгода св. Николѣ идти противъ ижемцевъ и русскихъ.

Въ тундрахъ два храма для самоѣдовъ. О томъ, который стоитъ въ Канинской тундрѣ на рѣкѣ Неси, мы уже говорили; среди дремучихъ лѣсовъ, на богатой рыбной рѣкѣ Колвѣ стоитъ другой,

Охота на медвѣдя.

крытый тесомъ и выкрашенный. Тутъ два священника, дьяконъ, а причетники изъ самоѣдовъ. При о. Иннокентіи здѣсь воспитывались самоѣдскіе мальчики, и ихъ обучали хоровому пѣнію... Лѣтомъ къ Колвинскому погосту и не доберешься. Онъ стоитъ пустой и безмолвный, порою даже никѣмъ неохраняемый. Священники, дьяконъ, причетники — на промыслахъ или гостятъ въ русскихъ селахъ. Самоѣды въ это время не посѣщаютъ погоста вовсе. Зато зимой — кругомъ шумятъ многочисленные таборы инородцевъ. Быстро мчатся во всѣ стороны отсюда и отовсюду сюда нарты номадовъ; колятъ оленей, десятки чумовъ дымятся у самаго погоста и другіе десятки разбросаны по тундрѣ около... Пустыня оживляется и кишитъ какъ муравейникъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ праздника, мертвая глушь вновь охватываетъ обезлюдѣвшій погостъ. Тихо, тихо кругомъ него. Осыпанныя снѣгомъ, недвижно стоятъ мелкорослыя ели. Ослѣпительно сверкая подъ солнцемъ, ложится дальше необъятная бѣлая пустыня. Порою мелькнетъ по ней дичь, олень, и снова безконечныя глади мертвѣютъ до вечера, когда надъ ними низко, низко падаютъ и стелются синіе туманы...

Самоѣда давитъ и душитъ однообразная и унылая природа сѣвера, вмѣстѣ съ нищетой и лишеніями. Тѣмъ не менѣе нищій духомъ инородецъ ухитряется одушевлять все его окружающее. Ему иногда кажется, что камень дышитъ. На его языкѣ есть выраженія — озеро думаетъ. Встрѣчаясь на охотѣ съ медвѣдемъ, онъ, прежде чѣмъ убить его, заводитъ съ нимъ издали разговоры. Выхваляетъ его храбрость, спрашиваетъ, для чего онъ съ нимъ встрѣтился, проситъ не поцарапать его, бѣднаго самоѣда; потомъ охотникъ интересуется судьбой родныхъ медвѣдя, даже о здоровьѣ тещи освѣдомится. Держа винтовку наготовѣ, онъ вступаетъ съ нимъ въ уговоръ: «Да, князь медвѣдь, понимаю — ты хочешь, чтобы я убилъ тебя, затѣмъ и идешь ко мнѣ... Ты хочешь, чтобы я твою шкуру повѣсилъ тадебцью... Иди, иди, смерть твоя готова, но я не ищу ея, ты самъ этого хочешь.» Послѣ этого, убивъ звѣря, онъ считаетъ себя вполнѣ правымъ, относительно всѣхъ его родныхъ, которые могли бы отмстить ему, бѣдному самоѣду. По остаткамъ языческихъ вѣрованій самоѣда, по обломкамъ древней его миѳологіи, еще сохранившимся въ народѣ, видно, что прежде мысль и воображеніе дикаря работали иначе. Даже и теперь самоѣды, живущіе близъ Уральскихъ горъ, менѣе эксплоатируемые и окруженные природою, болѣе грандіозною и разнообразною, населяютъ вершины этихъ громадъ духами, разсказываютъ о нихъ цѣлыя легенды. Въ старинныхъ былинахъ, которыя самоѣды поютъ на свадьбѣ, сложенныхъ въ доисторическое еще время тундры, есть и образность, и красота. Это былины о богатыряхъ, облеченныхъ въ желѣзное платье. Лыжи у нихъ такія острыя, что черезъ лѣсъ пройдетъ — лѣсъ валится, встрѣтитъ гору — гору прорѣжетъ. Плечи у него — что Вайгачъ островъ, а ходитъ онъ такъ скоро, что буря едва поспѣваетъ по слѣдамъ его. Чѣмъ не Державинское: «ступитъ на горы, горы трещатъ...»

Богъ Нумъ всемогущъ и безсмертенъ. Онъ былъ всегда... Живетъ онъ высоко-высоко... Надъ звѣзднымъ небомъ еще есть звѣздное небо, а уже выше его — богъ Нумъ... Луна далеко внизу является его покорною слугою... Сѣрыя тучи исполняютъ повелѣнія Нума. Онъ не только Нумъ, а *Тявуй-Нумъ* — вышній богъ. Онъ *Илевбирте-Нумъ* — жизнедавецъ богъ. Все, что дышитъ, все, что видимо глазу, доступно слуху, все создано имъ. И моря, и рѣки, и земля, и олень, и лисица, и ошкуй во льдахъ далекаго моря, и птицы въ воздухѣ... Отъ него — все, что было и что будетъ. Онъ такъ добръ, что ему тяжело сходить на землю, гдѣ совершается зло. Къ нему летаютъ только птицы, которыхъ онъ сотворилъ вмѣстѣ съ землею, водою и рыбами. Послѣ того онъ сотворилъ разныхъ животныхъ, наконецъ собаку и самоѣда. Онъ не вредитъ людямъ. Имя его произносить — грѣхъ. Но, не творя самъ зла, онъ все-таки далъ начало злу. Отъ него А, духъ зла, темный, опасный духъ, умилостивляемый жертвами. Отъ того же Нума произошли *тадебцыи* — нечистые духи, бѣсы. Они хотя и подчинены Нуму, но творятъ зло помимо его воли. Тадебцыи бываютъ разныхъ цвѣтовъ. Бѣлые — злые геніи воздуха, зеленые и черные — земли. Ихъ не счесть. Сколько звѣздъ въ небѣ, сколько

снѣжинокъ въ тундрѣ, столько и тадебцыевъ. Нуму не творятъ кумировъ, идоловъ не ставятъ, потому что изобразить его нельзя. На землѣ нѣтъ такого образа, который бы могъ представлять Нума. Когда онъ приближается къ землѣ, то край его одеждъ является въ видѣ сѣвернаго сіянія. Тадебцыи — иное дѣло. Ихъ подобія — *хеги* деревянные или каменные. Судя по идоламъ, хеги далеко не соотвѣтствуютъ идеалу красоты. Это конусообразные куски пня, кверху заостренные (рѣдька хвостомъ вверхъ). Внизу выдолблены глаза и вырѣзанъ ротъ. У каменныхъ нѣтъ и этихъ принадлежностей. Идолы тоже бываютъ двухъ сортовъ. Одни — всеобщіе, всему племени принадлежащіе. Они ставятся въ урочищахъ, извѣстныхъ всѣмъ, и самоѣды отовсюду стекаются на поклоненіе имъ. Другіе домашніе, покрупнѣе — въ промысловыхъ захолустьяхъ, посѣщаемыхъ семействомъ инородца, поменьше — въ санкахъ около чума, но никакъ не въ самомъ чумѣ. Хегъ напоминаетъ куклу. Его одѣваютъ въ мѣха и суконные кафтаны, мажутъ ему губы жиромъ и кровью оленей. Это, разумѣется, если промыслы удачны; въ противномъ случаѣ, бога, неисполнившаго своей обязанности, жестоко сѣкутъ оленьими ремнями, ломаютъ, презрительно выбрасываютъ вонъ, разумѣется, лишая его одежды и украшеній. Когда самоѣдъ рождается и умираетъ, то на извѣстныхъ мѣстахъ ставятъ новаго хега. Хеги вѣнчаютъ и вершины горъ, они же сторожатъ песцовыя и лисьи норы.... Одною степенью выше хеговъ — *сядеи*, большіе идолы которыхъ ставятъ на очень высокихъ горахъ. Они должны тоже покровительствовать промысламъ. Но болѣе значительное положеніе ихъ въ іерархіи боговъ все же не спасаетъ сядеевъ отъ тѣлеснаго наказанія. Ихъ столь же исправно дерутъ, какъ и хеговъ, и столь же щедро, въ случаѣ удачи промысла, приносятъ имъ жертвы. Тявуй-Нуму молятся на вершинахъ. Ему жертвуютъ бѣлаго оленя, котораго должны задушить жрецы. Мясо съѣдается на мѣстѣ, а голова на шестѣ водружается на мѣстѣ публичной молитвы. Въ это время Нумъ невидимо присутствуетъ между ними, побѣждая отвращеніе свое къ землѣ. Благоговѣйныя толпы пилигримовъ-самоѣдовъ хранятъ нерушимую тишину и въ опредѣленные моменты, точно по командѣ, повергаются ницъ по направленію къ востоку. Дьяволъ А такихъ почестей не заслуживаетъ. Ему можно принести въ жертву и не бѣлаго оленя. Сверхъ того онъ и собакой доволенъ. Собаку давятъ головою уже не къ востоку, какъ для Нума, а къ западу. Простые смертные не могутъ приносить жертвы, на то есть тадибей — жрецъ. Онъ умѣетъ разговаривать съ богомъ, а молитва всѣхъ остальныхъ безъ него услышана не будетъ.

У самоѣдовъ-идолопоклонниковъ есть свои капища. На безлюдныхъ островахъ Ледовитаго океана, въ глуши дикихъ бухтъ, обставленныхъ крутыми утесами, на пустынныхъ берегахъ рѣкъ, теряющихся въ тундрѣ, самоѣды ставили громадныхъ каменныхъ идоловъ. Сюда цѣлые роды сходились для общественныхъ молитвъ. Отъ вѣка безмолвныя окрестности оживлялись. Безчисленные чумы дымились въ неподвижной и безмолвной до тѣхъ поръ пустынѣ. Главными пунктами такого рода были два — на островѣ Вайгачѣ и на Канином носу. На первый съѣзжались даже изъ Тобольской губерніи самоѣды обдорскіе. Весь островъ собственно былъ громаднымъ капищемъ. На сѣверномъ его концѣ стоялъ мужской, а на южномъ женскій идолы. Первый *Весако* — старикъ. У него семь лицъ, нижняя часть идола трехгранная. Лица были вырѣзаны на двухъ отлогихъ граняхъ, одно надъ другимъ. Рѣзьба лица была грубымъ подражаніемъ природѣ и то самоѣдской. Щеки у идола вырѣзаны впадинами, скулы очень выдавались впередъ. Предъ идоломъ массы оленьихъ роговъ, къ нимъ привѣшены топоры, стрѣлы, мѣдныя кольца, пуговицы, гвозди, разноцвѣтные суконные лоскутки. Старикъ изображалъ сатану А. Кругомъ 450 конусообразныхъ хеговъ, его подчиненныхъ духовъ. Въ сторонѣ — гора оленьихъ головъ и череповъ бѣлыхъ медвѣдей, принесенныхъ ему въ жертву. Еще далѣе громадная пещера, внутри которой, точно зубы гигантской челюсти, стоятъ большія скалы. Даже при слабомъ вѣтрѣ здѣсь слышится оглушающій гулъ и вой... Это могучій голосъ самого А, выбравшаго себѣ пещеру жилищемъ. Теперь всѣ идолы здѣсь сожжены. Ревностные не по разуму миссіонеры не сохранили ихъ даже для музеевъ. Также при этомъ погибла и драгоцѣнная для архео-

лога старинная утва́рь, составлявшая разные остатки чудскихъ древностей. На южномъ концѣ Вайгача стоялъ идолъ бабушки земли. Ему покланялись рѣже и меньше, чѣмъ первому. Небольшая рощица на Канинomъ носу была прежде вся переполнена идолами, теперь и эти истреблены миссіонерами. Промышленники и путешественники, попадавшіе на Вайгачъ, встрѣчали тамъ окровавленныхъ жертвенною кровью истукановъ. Кровь на скалахъ, окружающихъ ихъ, кровью пропитана почва вокругъ: все это внушало ужасъ несвѣдущимъ чужеземцамъ. Поэтому и религію самоѣдовъ отнесли къ числу мрачныхъ культовъ, требующихъ человѣческихъ жертвоприношеній.

Вотъ заповѣди, по свидѣтельству архимандрита Веніамина, составлявшія нравственную основу религіи самоѣдовъ. Приводимъ только главнѣйшія:

1. Вѣруй въ Всевышняго Бога и почитай его.
2. Почитай великаго Николу (очевидно позднѣйшая).
3. Выполняй обѣтъ, данный Богу и слугѣ его Николѣ.
4. Вѣруй въ діавола и умилостивляй его, чтобы не приключилось какой бѣды отъ него тебѣ самому, семейству твоему или твоимъ оленямъ; чтобы онъ избавилъ тебя отъ болѣзни, помогъ въ промыслѣ.
5. Вѣруй въ тадебцыевъ и призывай ихъ, чтобы не причинили тебѣ зла.
6. Не реви и не кричи поздно вечеромъ, дабы не заболѣть.
7. Уважай отца и мать, почитай старшихъ.
8. Ни на кого не клевещи и не смѣйся ни надъ кѣмъ.
9. Не убивай.
10. Не дерись.
11. Не воруй.
12. Люби свою жену и не желай чужой.
13. Всемѣрно старайся о сохраненіи оленей.
14. Не гордись, не пустословь, не щеголяй, не пьянствуй.
15. Не будь обжорливъ, употребляя въ пищу что случится.
16. Просящему дай, чтобы не ушелъ отъ тебя безъ пособія, за это вышній Богъ дастъ тебѣ больше.
17. Что видишь — молчи, пусть не выйдетъ изъ-за твоей болтовни какого-нибудь вреда.

Званіе жреца, тадибея, наслѣдственно. Оно переходитъ отъ отца къ сыну... Оно преемственно даже въ женскомъ полѣ. Тадибеемъ не дѣлаются по желанію (если не сынъ наслѣдуетъ шаманство), а тадебцый самъ избираетъ себѣ слугу. Кто къ этому предназначенъ, тому еще въ дѣтствѣ являются бѣлые, зеленые и черные тадебцыи.

Когда нужно принести торжественную жертву или помолиться о выздоровленіи больнаго, посылаютъ лучшихъ оленей за тадибеемъ. Тадибей является непремѣнно къ закату солнца. Когда оно опустилось уже и только ярко-красный край его еще прорѣзывается своимъ кровавымъ блескомъ на его горизонтѣ, тадибей начинаетъ громко бить въ священный барабанъ *(пензеръ)* — идоломъ, обтянутымъ замшей. На нѣсколько верстъ кругомъ разносятся эти оригинальные, глухіе, ни съ чѣмъ другимъ несравнимые удары. Въ сумеркахъ медленно подступающей сѣверной ночи назойливо звучатъ они надъ каждымъ чумомъ, доносятся въ самыя далекія кочевья, иногда на милю отстоящія отъ той юрты, гдѣ совершаютъ *самбадаву* — таинство тадибея. Это собственно благовѣстъ, сигналъ самбадавы, имѣющей совершиться на другой день. Всюду, гдѣ его услышатъ, снаряжаютъ нарты оленей. Къ утру сосѣди уже сплошной толпой окружаютъ чумъ больнаго. Молча потупясь, стоятъ они, пока не появится шаманъ. Всѣ входятъ въ чумъ только за нимъ и садятся вдоль стѣнокъ чума — кружкомъ. Самоѣды направо, самоѣдки налѣво. Если есть почетные гости — русскіе или зыряне — ихъ сажаютъ въ середину между тѣми и другими. Все это совершается въ полномъ и торжественномъ молчаніи. На шаманѣ длинный замшевый балахонъ, на который нашито множество пуговицъ,

бляхъ, бубенчиковъ и костей. При малѣйшемъ движеніи жреца слышится звонъ бубенчиковъ, стукъ бляхъ и костей, шумъ отъ лоскутковъ, подвѣшенныхъ къ его поясу. На головѣ кудесника священная шапка. Одна изъ лопастей ея покрываетъ лицо тадибея.

Все готово.... Молча сидѣвшій, наклонясь къ землѣ, тадибей обводитъ всѣхъ мутнымъ взглядомъ...

Самоѣды наклоняются впередъ. Тадибей встаетъ, нѣсколько минутъ остается неподвиженъ и потомъ вдругъ падаетъ ничкомъ на землю, громко выкрикивая воззванія къ тадебцыю и оставаясь все въ томъ же положеніи. Голосъ его становится все пронзительнѣе и пронзительнѣе, наконецъ обрывается на самомъ сильномъ изъ заклинаній, и тадибей уже встаетъ совершенно преображенный. Лицо его подергивается, глаза сверкаютъ изъ узкихъ щелокъ, онъ вздрагиваетъ.... Схватываетъ опять пензеръ и начинаетъ ударять въ него идоломъ въ видѣ рукоятки. Удары усиливаются.... Пензеръ уже гремитъ, грохочетъ.... Подъ тактъ ударамъ тадибей опять начинаетъ воззванія, и на каждое слово его слушатели, сочувственно вздыхая, приговариваютъ: гой-гой-гой! Наконецъ шаманъ блѣднѣетъ, удары становятся тише и глуше. Заклинанія прерываются — тадебцый является въ чумѣ. Принимая повелительную позу, жрецъ *приказываетъ* ему исцѣлить больнаго или избавить стадо отъ чумы, волковъ и голода, проситъ объ удачѣ предполагаемой охоты, рыбнаго промысла и проч. Тадебцый не соглашается. Тадебцый на этотъ разъ золъ и несговорчивъ. Тадибей начинаетъ волноваться. Движенія его становятся неожиданны, порывисты.... Онъ приходитъ въ изступленіе и колетъ себя ножемъ, пронзаетъ имъ тѣло, требуетъ, чтобы присутствующіе наносили ему раны, продергиваетъ сквозь мускулы ремни, кривляется, бѣснуется, какъ одержимый пляскою св. Вита.... Отъ тадебцыя все нѣтъ отвѣта.... Шаманъ грозитъ ему, умоляетъ, называетъ товарищемъ, сулитъ обычныя жертвоприношенія и наконецъ падаетъ безъ чувствъ.

Самбадава продолжается иногда до ночи.... Тише и тише, въ молчаніи полярной ночи звучитъ пензеръ. Звуки мало-по-малу замираютъ и гаснутъ.... Вотъ послѣдній плавно проплылъ въ сумеркахъ, и снова мертвая тишина.... Только гдѣ-то тявкаетъ собака, да издали, пугая стадо, слышится вой волковъ.... Наконецъ и собаки уснули, и волчій вой унесся куда-то далеко.... Пустыня точно спитъ, только все ярче и ярче разгораются сполохи надъ этимъ царствомъ безмолвія и мороза, только все глуше и глуше бьются волны Ледовитаго океана въ безмолвныя скалы....

Тундра замерла до утра....

В. И. Немировичъ-Данченко.

Торговецъ водкой въ тундрѣ.

ОЧЕРКЪ IV.

МОРСКІЕ ПРОМЫСЛЫ КРАЙНЯГО СѢВЕРА.

Бѣлое море и поморье Сѣвернаго океана съ ихъ рыбными и звѣриными промыслами. — Русскій поморъ. — Природа моря. — Его богатство — рыба. — Опасности моря. — Повѣрья лопарей объ участи погибшихъ поморовъ. — Ловъ семги и ея нравы. — Ловъ сельдей. — Русскіе общинные обычаи въ примѣненіи къ рыболовству въ разныхъ мѣстностяхъ крайняго сѣвера и сравненіе ихъ съ такими же обычаями на Уралѣ. — Лысуны и тюлевій промыселъ. — Различные виды тюленей: нерпа, тевякъ и морской заяцъ. — Бѣлуга и ея ловъ. — Прѣсноводная (озерная) рыба Соловецкихъ острововъ. — Треска и промыслы Мурманскаго берега. — Движеніе промышленниковъ на Мурманскій берегъ. — Кандалакша. — Становища. — Ярусы и способы лова трески. — Акулы и акулій промыселъ. — Оплывъ. — Китъ и неразвитіе русскаго китобойства. — Солевареніе на Бѣломъ морѣ. — Морскія растенія и животныя.

Край далекій, край суровый!
Гладь — куда ни посмотри,
Снѣгъ периною пуховой
Застилаетъ пустыри.
Вотъ чернѣетъ и жилище:
Чуя выгодный товаръ,
Основалъ здѣсь становище
Бѣломорскій соловаръ.
И природы этой строгой
Не боясь, какъ и труда,
Съ заостренною острогой
Китоловъ спѣшитъ сюда.
Грозно сѣверное море,
Не легко дается китъ,
Но ничто — и смерть съ полгоря —
Китолова не страшитъ.

Корабль и лодки бѣломорскіе.

Рѣшительность, энергія и предпріимчивость русскаго человѣка развились и окрѣпли преимущественно на крайнемъ сѣверѣ нашего великаго отечества, среди суровой, холодной обстановки, вынуждающей его на постоянную упорную борьбу съ безплодной почвой, большую часть года покрытою снѣгомъ, и съ опаснымъ, бурнымъ моремъ. Но борьба не вредна для человѣка, она развиваетъ его; укрѣпляетъ его силы, двигаетъ впередъ, а опасности послужили ему только къ тому, чтобы ближе сплотиться, дѣйствовать соединенными силами, развить въ немъ духъ солидарности и побудить его къ взаимной помощи. Оттого поморъ смѣлѣе и рѣшительнѣе жителя средней или южной Россіи и менѣе боится опасностей; онъ не такъ привязанъ къ жизни, онъ лучше понимаетъ, что значатъ лишенія и страданія, и потому, при видѣ ихъ, готовъ на все, чтобы помочь и выручить кого нибудь изъ бѣды. Всякій, кто хоть сколько нибудь поживетъ интимною жизнью съ поморами, отъ души полюбитъ этотъ смѣлый, развитой народъ, съ простой, довѣрчивой душой, способный искренно и отъ всего сердца привязаться

къ человѣку, даже не оказавшему ему никакой важной услуги, только изъ-за ласковаго слова да дружественнаго обращенія. Это настоящій дикарь — довѣрчивое дитя природы; онъ съ удовольствіемъ и интересомъ готовъ слушать обо всемъ и не только слушаетъ, но и понимаетъ; въ немъ нѣтъ той забитости, того недовѣрія къ людямъ образованнымъ, которое такъ непріятно видѣть въ жителяхъ остальной Россіи. Мрачный и величавый характеръ вѣчно холоднаго, вѣчно туманнаго сѣвера оставилъ на лицѣ его свой отпечатокъ: какая-то серьезность, сосредоточенность проглядываетъ во всѣхъ чертахъ его.

Таковъ въ краткихъ чертахъ житель разсматриваемой области. Какова же природа, среди которой онъ живетъ и которая его сдѣлала такимъ, каковъ онъ есть?

Голыя скалы, ледъ, бури, плескъ волнъ, печальный крикъ чайки — вотъ тѣ элементы, изъ которыхъ складывается своеобразная красота и величіе сѣверной природы, которые составляютъ тотъ общій туманный и мрачный фонъ, изрѣдка освѣщаемый вспыхивающимъ заревомъ сѣвернаго сіянія, на которомъ рисуется житель сѣвера. Это не та красота южной природы, которая отражается улыбкой счастья на лицѣ человѣка, которая наполняетъ все его существо непреодолимой жаждой къ жизни, къ любви, къ наслажденію. Тутъ все напоминаетъ человѣку о безсиліи его передъ стихіями природы, все вызываетъ его на сосредоточенную, на отчаянную борьбу за существованіе съ бурею, со льдинами, съ холодомъ, съ безплодной мертвой почвой. Безлюдье, безжизненность, бѣдность растительности и вообще органической природы выдвигаютъ на первый планъ голую неорганическую природу — гранитныя скалы и льдины. Красота эта должна нравиться людямъ сосредоточеннымъ, она вполнѣ гармонируетъ съ горемъ, несчастьемъ и разочарованіемъ.

Не до красоты, однако, бѣдному жителю сѣвера, поставленному въ суровыя условія существованія. Гдѣ ему любоваться голыми скалами, окутанными туманомъ, или шумнымъ прибоемъ холодныхъ волнъ, разсыпающихся у подножія ихъ на тысячи брызгъ, когда ему отъ этого тумана приходится терпѣть холодъ, когда голая скала не производитъ ему хлѣба, а море не дало достаточнаго улова рыбы, чтобы просуществовать, и когда впереди голодъ, холодъ, болѣзни и всѣ тѣ мученія, которыя онъ будетъ испытывать при видѣ своей голодной семьи, просящей у него куска хлѣба.

Рыба — вотъ единственная забота помора; это жизненный нервъ, это вся надежда для помора и вообще для всего населенія Бѣлаго моря и Ледовитаго океана. Земля мало производитъ, скотъ по этой причинѣ разводить можно только въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ, остается одно — благодѣтельное море, дающее рыбу, и я увѣренъ, что еслибы поморы были язычниками, то они бога моря сдѣлали бы главнымъ своимъ богомъ и почитали бы море съ такимъ же усердіемъ, какъ древніе египтяне почитали свой Нилъ, источникъ ихъ пропитанія и благополучія. Даже скотоводство отчасти поддерживается рыбой. На Мурманскомъ берегу головы трески, которыя всегда отрѣзываютъ отъ тѣла, не бросаютъ, а сушатъ и затѣмъ, превративши въ порошокъ, употребляютъ въ видѣ пойла для коровъ. На Терскомъ берегу, въ селѣ Кузоменѣ, лежащемъ на рѣкѣ Варзугѣ, крестьяне кормятъ своихъ овецъ рыбьими головами, подобно тому, какъ это дѣлается въ Исландіи, гдѣ и лошади и коровы перемѣнили свою естественную растительную пищу на животную.

Море, — говорятъ поморы, — наше поле: дастъ Богъ рыбу — дастъ Богъ и хлѣбъ.

Но то же море, которое является такимъ благодѣтелемъ для помора, есть въ то же время и его опаснѣйшій врагъ. Сколько въ его волнахъ погибаетъ поморовъ, объ этомъ могутъ судить только многочисленныя вдовы, осиротѣвшія дѣти и семьи, оставленныя на произволъ судьбы, старики-отцы и старухи-матери, которымъ приходится оплакивать погибшихъ. Причина лежитъ въ смѣлости или, вѣрнѣе сказать, въ неосторожности, непредусмотрительности помора, отправляющагося зачастую въ открытое море на утлой лодченкѣ, называемой здѣсь *карбасомъ*, безъ палубы, съ плохимъ компасомъ или вовсе безъ него, съ продырявленнымъ парусишкомъ

и часто въ ненастную, бурную погоду. Мнѣ нерѣдко случалось видѣть такой карбасъ, нагруженный до невозможности двумя, тремя десятками богомольцевъ и пускающійся въ открытое море даже въ сильно вѣтреную погоду.

Много народа также гибнетъ зимою во время нерпичьяго боя, который совершается на прибрежныхъ льдинахъ, и при которомъ смѣльчакамъ-промышленникамъ по льду приходится забираться иногда глубоко въ море, перескакивая съ одной льдины на другую, чтобы добраться ближе къ звѣрю, отдыхающему на льду; какъ часто бываетъ тутъ, что поднявшійся вѣтеръ разломаетъ ледъ и унесетъ льдины вмѣстѣ съ промышленниками въ открытый океанъ. Куда дѣваются эти несчастные, какъ и гдѣ погибаютъ, объ этомъ не бываетъ, конечно, ни слуху, ни духу. Только лопари съ Терскаго берега (западный берегъ полуострова Колы) подробно разскажутъ вамъ о

Промысловой ботъ «карбасъ».

судьбѣ этихъ смѣльчаковъ. Они разскажутъ, что гдѣ-то тамъ—далеко-далеко, у полюса, откуда приносятся льдины, живетъ сѣдой духъ посреди льдовъ. Былъ онъ прежде лопаремъ, колдуномъ, и за великую мудрость свою духомъ сталъ, и далъ ему Богъ всю ту окраину. Много у него оленей, ошкуевъ (бѣлыхъ медвѣдей) не мало, всякаго богатства счету нѣтъ. Но, сдѣлавшись духомъ, онъ въ душѣ остался лопаремъ, любитъ лопарей и все лопарское и интересуется знать, что у нихъ дѣлается въ странѣ. Ледъ, который зимою прибивается къ лопарскому берегу, весь отъ него, имъ и посылается для того, чтобы каждый годъ взять къ себѣ кого-нибудь изъ лопарей. Когда на такой льдинѣ прибудетъ лопарь въ царство духа, то духъ разспрашиваетъ его, что по всей лопарской землѣ за это время случилось, а затѣмъ, чтобы онъ не могъ разсказать всего, что видѣлъ, оставляетъ его навсегда при себѣ, даетъ ему много оленей и всякаго богатства вдоволь. И много тамъ теперь лопарей у него живетъ, потому что въ его царствѣ люди не умираютъ. По ночамъ они костры зажигаютъ изъ плавника, который со всѣхъ рѣкъ

земныхъ къ нимъ несетъ, и такъ какъ костры тѣ дѣлаютъ большіе, то и зарево — *сполохъ* (сѣверное сіяніе) видно бываетъ далеко.

А плавникъ — это плавающій лѣсъ, вынесенный громадными рѣками сѣвера и прибиваемый къ берегамъ материка и всѣхъ острововъ Шпицбергена, Новой Земли, Земли Франца-Іосифа и другихъ. Вся восточная сторона Новой Земли загромождена этими древесными стволами, вынесенными Печорой и Обью. Ихъ находятъ даже у сѣверныхъ оконечностей этого полярнаго острова.

Рыбные промыслы одного Бѣлаго моря не удовлетворили бы всѣмъ самымъ настоятельнымъ нуждамъ населенія, поэтому поморы принуждены совершать ежегодныя перекочевыванія; массами отправляются они на берегъ Сѣвернаго Ледовитаго океана, на сѣверный берегъ Лапландскаго полуострова или на такъ называемый «Мурманскій берегъ» для ловли трески. Въ самомъ же Бѣломъ морѣ ловится въ нѣсколько значительномъ количествѣ только одна сельдь да семга, треска же водится исключительно въ Кандалакшскомъ заливѣ, да и тутъ ловля ея необширна.

Семгу ловятъ различными способами, но главнымъ образомъ *заборами*, которые устраиваются поперекъ рѣки близъ ея устья. Какъ извѣстно, семга, когда наступаетъ у ней пора метать икру, цѣлыми стаями передвигается вдоль морскаго берега до тѣхъ поръ, пока не достигнетъ устья какой нибудь рѣки. Въ эту рѣку она тогда входитъ и передвигается противъ теченія на значительное разстояніе отъ устья, не останавливаясь ни передъ какими препятствіями; даже пороги, которые почти всегда встрѣчаются близъ устья сѣверныхъ рѣкъ, не могутъ остановить этого движенія, и черезъ нихъ она ухитряется перебираться, пользуясь своей силой и ловкостью. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ особенно часто бываютъ нагромождены камни по склону теченія, гдѣ семга переплыть не можетъ, она пускается на особенный маневръ. Остановившись передъ первымъ камнемъ и собравшись съ силами, она сильнымъ сокращеніемъ тѣла перепрыгиваетъ черезъ него. За камнемъ обыкновенно спокойное мѣстечко. Тамъ рыба отдыхаетъ минуту или двѣ — и новый прыжокъ. Такимъ образомъ проходитъ она вверхъ по крутымъ склонамъ, гдѣ струи рѣки несутся съ головокружительной быстротой. Семга не мечетъ икры въ морѣ, гдѣ какъ самая икра, такъ и молодыя рыбки не были бы достаточно защищены отъ разныхъ враговъ, и преимущественно морскихъ рачковъ — копшаковъ, какъ ихъ называютъ мѣстные жители. Метаніе икры происходитъ осенью. Передъ этимъ семга перемѣняетъ свой наружный видъ, такъ что бываетъ трудно признать ее за прежнюю рыбу. Чешуя становится крѣпче и грубѣе; общій цвѣтъ рыбы мѣняется, и на ней показываются красныя краплины; на оконечности нижней челюсти, въ перпендикулярномъ къ ней направленіи, выростаетъ довольно толстый и направленный вверхъ длинный крючекъ, для принятія котораго образуется у оконечности верхней челюсти ямка. Надо замѣтить, что крючекъ этотъ особенно великъ у самцовъ, но всегда бываетъ примѣтенъ и у самокъ. Сверхъ того рыба худѣетъ и тощаетъ, отъ чего голова ея кажется необыкновенно малой; характерный красно-желтый цвѣтъ семожьяго мяса исчезаетъ и замѣняется какимъ-то неопредѣленнымъ бѣлесоватымъ цвѣтомъ, притомъ оно становится дряблымъ и безвкуснымъ. Когда семга такимъ образомъ измѣнится, тогда только созрѣваетъ окончательно икра и молоки, и рыба становится способною къ размноженію. Ни у одной рыбы самый актъ этого размноженія не былъ наблюдаемъ съ такою отчетливостью какъ у семогъ. Шведскій натуралистъ Кейлеръ устроилъ для этого родъ обсерваторіи, состоящей въ будкѣ съ отверстіемъ только внизу. Она была укрѣплена на горизонтальномъ бревнѣ, одинъ конецъ котораго былъ укрѣпленъ на берегу, а другой, на которомъ стояла будка, висѣлъ надъ рѣкой. Лежа въ этой будкѣ и смотря въ воду, конечно чистую и прозрачную, въ какой только семга и мечетъ икру, онъ могъ ясно видѣть, что происходитъ на днѣ, ибо отблескъ отъ воды былъ устраненъ тѣнью отъ будки. Такимъ образомъ видѣлъ онъ, что самка, за которою слѣдовало нѣсколько самцовъ, отыскавъ мѣсто, гдѣ дно состояло изъ крупнаго песка и мелкихъ камешковъ, и обратясь головой противъ теченія, терлась брюхомъ о дно, чтобы вы-

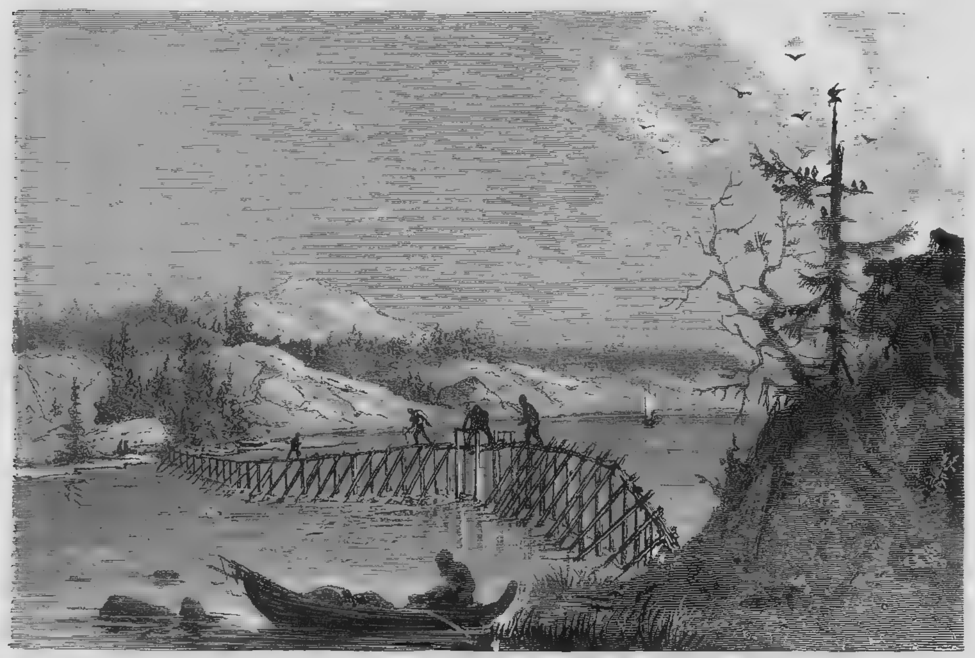
давить изъ себя икру. Песокъ и камешки, сдвинутые съ мѣста, уносились теченіемъ на нѣкоторое разстояніе, но вскорѣ опять упадали на дно и образовывали за семгою родъ вала. У этого-то вала ожидали самцы и жестоко дрались между собою за право облить своими молоками икру, выпускаемую самкою и относимую теченіемъ къ валу. Тѣ крючки, которые къ этому времени выростаютъ у самцовъ, имѣютъ своимъ назначеніемъ сдѣлать эту драку между самцами по возможности безвредною для нихъ. Крючекъ этотъ упругъ и довольно мягокъ и, становясь поперекъ открытой пасти, препятствуетъ рыбамъ захватывать другъ друга своею большою пастью и такимъ образомъ дѣлаетъ безвредными ихъ большіе и острые зубы. Извѣстный шведскій натуралистъ Нильсонъ весьма остроумно сравниваетъ эти крючки съ пуговками, которыя надѣваются на рапиры при фехтованіи.

Пользуясь переходомъ семги изъ моря въ рѣки, жители и устраиваютъ *заборы*. Поперекъ всей рѣки дѣлаютъ перегородку изъ свай и кольевъ, къ которымъ прислоняютъ родъ плетня, черезъ который ни одна рыба не можетъ пройти. Заборы имѣютъ обыкновенно форму зигзага, во входящихъ углахъ котораго оставлены отверстія, куда вставляются *мережи* (родъ сѣтяныхъ мѣшковъ съ деревяннымъ продырявленнымъ дномъ), въ которыя рыба можетъ свободно войти, но изъ которыхъ не можетъ обратно выйдти. Мережи эти осматриваютъ ежедневно. Такъ какъ семга очень бойка и, пока она въ водѣ, ее очень трудно захватить и вынуть изъ мережи, то онѣ устроены такъ, что могутъ быть поднимаемы изъ воды посредствомъ ворота, утвержденнаго сзади нихъ на сваяхъ. Кротятъ, т. е. убиваютъ семгу большой деревянной колотушкой, которой бьютъ по головѣ до тѣхъ поръ, пока не покажется изъ головы кровь, послѣ чего рыба уже не шелохнется больше. То же дѣлаютъ и съ остальными, и, во всякомъ случаѣ, при этомъ необходимо обладать извѣстной сноровкой и проворствомъ, иначе, сколько ни бей, а рыба успѣетъ много разъ ускользнуть отъ преслѣдованія, вырваться изъ рукъ и спасти себя отъ смертельнаго удара. Бывали даже случаи, что семга до того сильно взмахнетъ своимъ хвостомъ, что сшибаетъ съ ногъ того рыбака, который влѣзаетъ въ вершу кротить добычу. Если рыбакъ молоткомъ попадетъ не прямо въ голову, а, напримѣръ, въ бокъ, то рыба еще сильнѣе начинаетъ метаться изъ стороны въ сторону, и тогда еще труднѣе ее убить. Бываетъ, впрочемъ, и такъ, что семга плотно прижимается быстрымъ теченіемъ рѣки къ стѣнкѣ своего мѣста заключенія и, оставаясь долго въ такомъ положеніи, сильно замаривается и уже легко поддается. Случается, что семгу вынимаютъ совершенно синею или покрытою множествомъ синихъ пятенъ, которыя успѣваетъ она надѣлать себѣ, въ порывахъ къ свободѣ, объ деревянныя скрѣпы той же верши или тѣхъ же тайниковъ. Когда мережа поднята, то вошедшему въ нее работнику уже легко на сухомъ полу мережи схватить и выбросить вонъ рыбу. На приложенномъ рисункѣ изображенъ одинъ такой заборъ на рѣкѣ Онегѣ.

Понятно, что такого рода заборы, не дающіе возможности ни одной рыбѣ проникнуть въ верховья рѣки, гдѣ однако ей необходимо быть для метанія икры, до крайности вредятъ рыбному промыслу и могутъ даже совершенно уничтожить всю семгу; только потому она еще и сохраняется, что въ позднюю осень заборъ обыкновенно разбирается, такъ какъ весенній ледъ все равно снесъ бы его въ море, и, пользуясь краткимъ срокомъ свободнаго прохода, часть рыбы (именно та, которая зимуетъ въ рѣкѣ и мечетъ икру уже въ слѣдующую осень) успѣваетъ пробраться вверхъ по теченію. Только, при оставленіи мѣстъ извѣстной ширины для прохода рыбы, заборы могутъ быть безвредными орудіями лова.

Другой предметъ болѣе или менѣе значительнаго промысла составляетъ сельдь, которая попадается въ Бѣломъ морѣ только въ опредѣленныхъ мѣстахъ, больше всего въ Сороцкой губѣ, на сѣверо-западномъ берегу Онежскаго залива, затѣмъ она ловится еще въ Кандалакшской губѣ и у Соловецкихъ острововъ. Обыкновенно позднею осенью (иногда кромѣ того и въ другое время) сельдь, которая лѣтомъ скрывалась въ болѣе глубокихъ мѣстахъ, приплываетъ къ берегамъ, чтобы въ мелкомъ мѣстѣ метать икру, послѣ чего вся стая вновь удаляется въ глубь. Прежде такое

періодическое появленіе и исчезновеніе сельдей объясняли миграціей, т. е. переходами рыбы съ сѣвера; однако противъ этого говоритъ напр. то обстоятельство, что въ Горлѣ Бѣлаго моря, черезъ которое онѣ должны были придти изъ Ледовитаго океана, никогда этой рыбы не встрѣчается. Кромѣ того каждая морская область имѣетъ свою породу сельдей, отличающуюся по величинѣ и другимъ мелкимъ признакамъ: въ Балтійскомъ морѣ напр. онѣ мельче и извѣстны подъ названіемъ салакушки, въ Нѣмецкомъ морѣ гораздо крупнѣе. Даже въ самомъ Бѣломъ морѣ сельдь не вездѣ одинакова: въ Кандалакшской губѣ напр. она гораздо крупнѣе, чѣмъ въ Онежскомъ заливѣ. Если допустить теорію миграціи сельдей, то сдѣлается совершенно непонятнымъ, почему сельди, если онѣ, дѣйствительно, заходятъ въ Бѣлое море изъ океана, раздѣляются такъ, что крупныя изъ нихъ идутъ направо въ Кандалакшскую губу, а мелкія, составляя какъ бы лѣвый флангъ

Семужій заборъ на Онегѣ.

этой арміи, направляются въ Онежскій заливъ. Наконецъ, надо еще замѣтить, что ловъ сельдей въ Бѣломъ морѣ собственно никогда не прекращается, хотя и производится въ особенномъ изобиліи только въ извѣстные сроки. Это обстоятельство прямо указываетъ, что сельди не временно только посѣщаютъ Бѣлое море, а живутъ въ немъ постоянно, и притомъ каждая разновидность обитаетъ въ опредѣленномъ мѣстѣ. Въ обыкновенное время онѣ скрываются на глубинѣ и выходятъ изъ нея только въ извѣстные сроки, преимущественно съ цѣлью метанія икры на мелкихъ мѣстахъ, у береговъ.

Какъ семга, такъ и сельдь только частью употребляется самими мѣстными жителями, промышленниками, большая же часть солится, коптится или вялится и въ такомъ видѣ продается, чтобы на вырученныя деньги расплатиться съ податями и закупить муку, соль и прочіе припасы по хозяйству. Самое распредѣленіе добытой рыбы и вообще всей выгоды производства происходитъ въ разныхъ мѣстахъ различно. Но и тутъ, какъ и вездѣ, гдѣ трудится и работаетъ коренной русскій мужикъ, еще мало познавшій плодовъ цивилизаціи, онъ стремится къ возможно

уравнительному распредѣленію богатствъ. Духъ взаимной солидарности, духъ общиннаго пользованія землей, водой и всѣмъ добромъ на ней и въ ней находящимся, составляетъ его отличительную черту, соотвѣтствующую его понятіямъ о справедливости. Владѣть собща землею, лѣсомъ, рыбой ему кажется столь-же естественнымъ, какъ для насъ общее пользованіе воздухомъ, солнечнымъ свѣтомъ и тепломъ.

Поучительно при этомъ наблюдать, какъ общинныя идеи русскаго крестьянина видоизмѣняются, смотря по мѣстности, въ которой онъ живетъ: такъ въ центральной Россіи, тамъ, гдѣ и промышленность, и торговля наиболѣе развиты, гдѣ и личное землевладѣніе получило наибольшее развитіе, общинный элементъ проявляется въ меньшей полнотѣ и силѣ. Наоборотъ, если мы возьмемъ окраины Россіи и притомъ самыя отдаленныя, какъ, напр., съ одной стороны землю Уральскихъ казаковъ, съ другой стороны русскій сѣверъ—Поморье, то тутъ мы увидимъ слѣды самые чистые и насколько, конечно, позволила масса неблагопріятныхъ условій, — самые неизмѣненные того общиннаго быта древнихъ славянъ, который ихъ характеризовалъ.

Если сравнить способы лова, дѣлежа добычи и вообще всей прибыли лова, а также и всѣхъ тяготъ между всѣми участвующими у уральскихъ казаковъ и бѣломорскихъ промышленниковъ, то мы къ нашему удивленію найдемъ поразительное сходство и аналогію, сходство, которое объясняется удаленіемъ обѣихъ мѣстностей отъ центра государства и отсутствіемъ его вліянія на народное хозяйство.

Казацкіе общественные обычаи по отношенію къ рыболовству выработались сообразно съ потребностями и привычками рыбы. Нужно было давать рыбѣ по рѣкѣ свободный ходъ, когда она слѣдовала влеченіямъ своей природы, такъ сказать, заманить рыбу изъ моря въ рѣку и дать ей свободно въ ней расположиться; нужно было устранить все, что могло бы пугать и отвлекать ее и побуждало бы ее не входить въ Уралъ и оставаться въ морѣ или отыскивать себѣ другія рѣки. Рыба входитъ изъ моря въ Уралъ два раза въ годъ—весною и лѣтомъ,—весною для того, чтобы метать икру, лѣтомъ для зимняго отдыха. Если бы рѣка была раздѣлена на участки, которые составляли бы частную собственность отдѣльныхъ лицъ, то очень понятно, что каждое частное лицо, думая только о личной выгодѣ, перегородило бы свой участокъ, такъ что рыба не могла бы подняться вверхъ по рѣкѣ и метать икру и, слѣдовательно, въ скоромъ времени рыба должна была бы совершенно истребиться. Поэтому для цѣлей рыболовства, изъ всего войска, по землямъ котораго течетъ Уралъ, составлена была одна общая ассоціація или артель съ солидарными интересами. Въ то время, когда по Уралу идетъ рыба, южная часть рѣки представляетъ замѣчательное зрѣлище. Эта рѣка исключительно приспособлена къ рыболовству; на ней тишина ненарушимая, устранено все, что можетъ пугать рыбу, все, что можетъ мѣшать ея свободному движенію. Всѣ казаки зорко наблюдаютъ, чтобы никто не помѣшалъ ея ходу, они пріобрѣли въ этомъ отношеніи большую опытность и достигаютъ такихъ благопріятныхъ результатовъ, какихъ никакая администрація никогда не была бы въ состояніи достигнуть; результатъ же этотъ достигается, потому что каждый казакъ охраняетъ при этомъ, такъ сказать, собственное свое добро. Всѣ явившіеся для лова раздѣляются на артели около десяти или одиннадцати человѣкъ въ каждой группѣ. Ловъ производится одновременно всѣми артелями и для каждой отведенъ свой участокъ; но такъ какъ при этомъ часто случается, что одни невода получаютъ богатую добычу, а другіе почти ничего, то вся пойманная рыба складывается вмѣстѣ и потомъ дѣлится поровну между неводами, а артель невода раздѣляетъ ее между казаками на паи. Такой пріемъ составляетъ, безъ всякаго сомнѣнія, замѣчательный результатъ общиннаго строя. Кромѣ этого зимняго лова производится еще осенній ловъ, при этомъ всѣ ловцы дѣлятся на артели, каждый членъ артели несетъ равную долю расходовъ и равный трудъ, добыча раздѣляется также поровну, наемъ не дозволяется.

Сравнивая теперь весь этотъ хозяйственный порядокъ на Уралѣ съ тѣмъ, который во многихъ мѣстахъ замѣчается въ Бѣломъ морѣ, мы найдемъ чрезвычайно много общихъ чертъ: какъ

тамъ, такъ и тутъ рыбная ловля производится собща всѣмъ міромъ, раздѣлившись на артели; какъ тамъ, такъ и тутъ выловленная рыба или же вырученныя отъ продажи ея деньги раздѣляются поровну между всѣми работавшими.

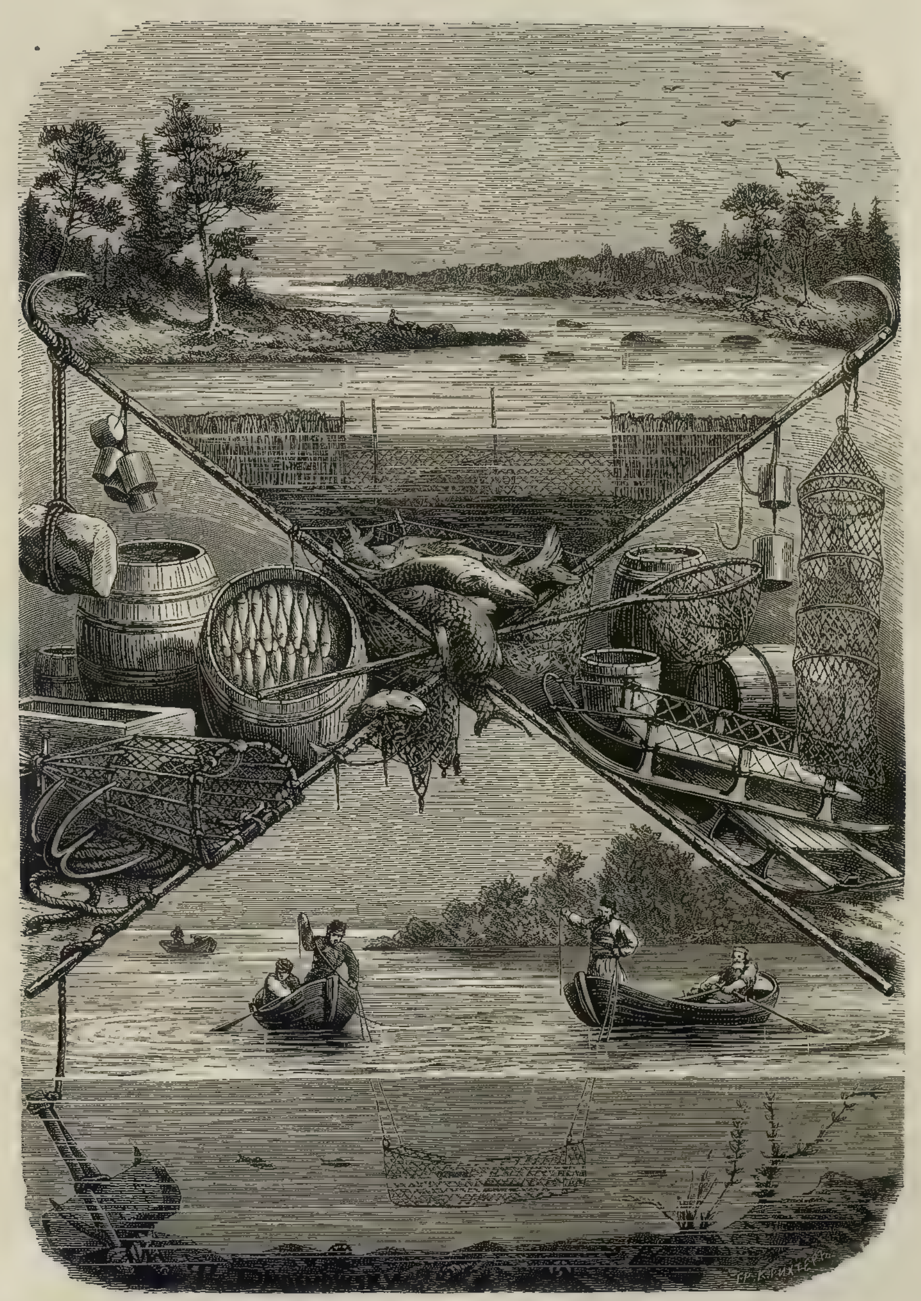
Мѣста лова, тони, невода, однимъ словомъ, капиталъ не есть собственность какого нибудь отдѣльнаго лица или даже артели, а всего міра, всей деревни или даже всей волости, и если и случается, что неводъ не мірской, а за дорогую цѣну отпущенъ въ пользованіе какимъ нибудь мѣстнымъ или пріѣзжимъ кулакомъ, то самое это пользованіе происходитъ всей общиной.

Впрочемъ, относительно Бѣлаго моря надо сказать, что экономическія условія мѣстнаго рыболовства не могутъ быть описаны въ общихъ чертахъ, благодаря довольно значительному разнообразію этихъ условій въ различныхъ мѣстностяхъ Бѣлаго моря. Это и понятно. Такъ какъ мѣстности эти совершенно самостоятельны и не только по отношенію рыболовства, но и вообще не имѣютъ или имѣютъ очень мало сношеній другъ съ другомъ, то не могло выработаться и цѣльнаго и однороднаго типа. Не то на Уралѣ, гдѣ всѣ казаки, живущіе по берегу этой большой рѣки, поневолѣ должны дѣйствовать заодно и по одному общему плану. Вотъ почему я войду въ болѣе подробное разсмотрѣніе отдѣльныхъ случаевъ общиннаго лова на Бѣломъ морѣ, въ той мѣрѣ какъ онъ видоизмѣняется въ различныхъ мѣстностяхъ.

Какъ уже было сказано, послѣ деревни Сороки особенно обильно встрѣчается рыба (сельдь) въ Кандалакшѣ, гдѣ къ тому же сельдь самая крупная изъ всѣхъ сельдей, вылавливаемыхъ въ Бѣломъ морѣ. Именно въ сосѣдней къ Кандалакшѣ части моря есть мѣста, извѣстныя своимъ обиліемъ сельдей. Ловъ на такихъ мѣстахъ производится всѣмъ міромъ и добытое общимъ трудомъ дѣлится по душамъ слѣдующимъ образомъ: предварительно опредѣляютъ, сколько нужно работниковъ для производства лова, и рѣшаютъ, сколько душъ должны выставить одного работника. Если нужно, напримѣръ, одного съ трехъ душъ, то дворъ, имѣющій 3 души, посылаетъ изъ числа ихъ одного работника, имѣющій 6 — выставляетъ двухъ и т. д. Если же въ домѣ 2 души, то онъ присоединяется къ такому, въ которомъ 4, и оба выставляютъ двухъ работниковъ.

Но ловъ въ Кандалакшѣ представляетъ еще тотъ интересъ, что здѣсь не только мѣсто лова и трудъ общіе, но и капиталъ общій. Каждый работникъ долженъ принести съ собою необходимыя орудія лова и соль для соленія. Общій уловъ продается огульно, вырученныя же деньги раздѣляются по участвующимъ въ ловѣ дворамъ, сообразно съ числомъ имѣющихся въ нихъ въ наличности душъ. Затѣмъ, если какой дворъ имѣетъ средства, сверхъ участія въ мірскомъ ловѣ, ловить про себя отдѣльно, то это ему не возбраняется, но только въ тѣхъ мѣстахъ, которыя не значатся за міромъ, т. е. которыя отличаются бѣдностью рыбы. Но если гдѣ либо изъ этихъ вольныхъ мѣстъ ловъ окажется особенно выгоднымъ, то на слѣдующій годъ это мѣсто присоединяется къ общему мірскому участку и открывшій богатое мѣсто лова никогда не протестуетъ противъ такого присоединенія, сознавая необходимость подчинить свою личность, свою индивидуальность на служеніе всей общинѣ. Такимъ же образомъ производится ловъ въ Ковдѣ и Княжой.

Нѣсколько разнится, хотя только въ мелочахъ, организація экономической общины въ Умбѣ, лежащей на юго-западномъ берегу полуострова Колы, тоже на берегу Кандалакшской губы. Здѣсь сельдей ловится уже меньше, нежели въ деревнѣ Кандалакшѣ. Жители четырехъ деревень Умбы, Кузы, Оленицы и Сальницы собираются на новый годъ въ Умбу и здѣсь раздѣляются на три части, называемыя четвертями. Кто нибудь въ каждой четверти дѣлается какъ бы ея представителемъ, и это не правильнымъ выборомъ, а какъ случится. Эти представители мечутъ жребій, съ цѣлью опредѣлить, какой участокъ изъ принадлежащей волости части моря (простирающейся верстъ на 50) долженъ достаться какой четверти. Когда жребій разъ выметанъ, то въ другіе годы его уже болѣе не бросаютъ, а порядокъ, въ которомъ четверти пользуются участками, идетъ, какъ говорится здѣсь, околицею, т. е. четверти каждый годъ чередуются. Каждая четверть раздѣляется на 10

Рыбная промышленность на Сѣверѣ. Бѣлое и Ледовитое море.

дружинъ или артелей; это раздѣленіе дѣлается по взаимному согласію: кому съ кѣмъ удобнѣе быть въ дружинѣ, тѣ и ладятся между собой. Такимъ образомъ составляется 30 дружинъ, или артелей. Артели каждой четверти опять мечутъ между собою жребій, указывающій, какой артели какая должна достаться тоня, т. е. мѣсто лова. Добычу дѣлятъ члены артели между собой поровну, предполагая, что если кто посильнѣе и поработалъ немного больше слабаго, то во-первыхъ нехорошо считаться въ такихъ мелочахъ, а во-вторыхъ — слабый не виноватъ, что онъ слабъ, и потому наказывать его, уменьшая его долю, незачѣмъ; сильному и слѣдуетъ больше работать. Если у какой дружины не хватитъ средствъ для заведенія неводовъ или времени (за отправленіемъ на Мурманскій берегъ или другими занятіями), то она продаетъ свою тоню кому хочетъ и вырученныя деньги опять дѣлитъ между своими членами поровну.

Еще болѣе отличается отъ Кандалакши, по способу, по которому производится ловъ, деревня Кузомень, на Терскомъ берегу (такъ называется южный берегъ Лапландскаго полуострова); такъ какъ количество сельдей, вылавливаемыхъ въ этой мѣстности, до крайности незначительно, то ловъ ихъ не ограниченъ никакими условіями. Онъ—вольный, всякій ловитъ на себя. Но такъ какъ сельди попадаются только у самаго устья рѣки Варзухи, близъ которой находится деревня Кузомень, то при этомъ соблюдается только одно условіе, именно, чтобы тотъ, кто первый пріѣхалъ на устье, первый бы и тянулъ неводъ. Когда первый вытащилъ свой неводъ, тогда можетъ закидывать за нимъ пріѣхавшій, начиная съ мѣста, гдѣ первый вытянулъ, и такъ далѣе, тѣмъ же порядкомъ. Количество сельдей, добываемыхъ здѣсь жителями, настолько незначительно, что онѣ служатъ только для непосредственнаго употребленія въ пищу. Интересно то, что въ деревнѣ Сороки, которая представляетъ по отношенію количества рыбы прямую противоположность Кузомени, выработались однако совершенно одинаковые экономическіе пріемы въ ловѣ рыбы. Какъ я уже говорилъ, Сороцкая губа въ Онежскомъ заливѣ представляетъ такое обиліе рыбы, какъ нигдѣ въ Бѣломъ морѣ, и такимъ образомъ мы наблюдаемъ, что двѣ противоположности: крайняя бѣдность и крайнее богатство рыбы приводятъ къ одинаковымъ дѣйствіямъ человѣка. Огромность массы сельдей, посѣщающихъ въ концѣ осени и въ началѣ зимы Сороцкую губу, позволяетъ жителямъ прибрежныхъ деревень: Сороки, Выгъ-Острова, Шижни и Сухаго Наволока, а также кореламъ, пріѣзжающимъ сюда на время лова изъ деревень, лежащихъ далѣе отъ моря въ глубь страны, брать изъ предлагаемаго моремъ богатства столько, сколько позволяютъ силы, безъ всякаго ограниченія; поэтому каждое семейство ловитъ на себя. Въ началѣ, когда губа еще не покрыта льдомъ, ловъ производится съ карбасовъ. Для этого лова карбасы (одного двора или двухъ, значитъ небольшой артелью) выѣзжаютъ въ море попарно, сцѣпившись между собою носами посредствомъ петлей. Въ каждомъ карбасѣ по неводу, крылья котораго обыкновенно имѣютъ 8 саженъ въ длину, и по три человѣка, изъ которыхъ одинъ на носу нащупываетъ шестомъ стаи сельдей, другой гребетъ, а третій правитъ. Когда нащупаютъ сельдей, карбаса расцѣпляются и начинаютъ выметывать одинъ изъ неводовъ. Веревку отъ одного конца невода оставляютъ у себя, а отъ другаго передаютъ въ другой карбасъ. Карбаса разъѣзжаются до тѣхъ поръ, пока неводъ не вытянется въ прямую линію; потомъ, гребя усиленно веслами, тянутъ его, заматываютъ мотню, оставляютъ ее до времени въ водѣ, закидываютъ второй неводъ, съ которымъ поступаютъ точно такъ же, и затѣмъ уже вытаскиваютъ оба невода на берегъ или выгружаютъ въ карбаса. При всемъ этомъ не соблюдается никакого порядка: путаются неводами, начинаютъ драку за мѣста; весла, рукавицы, шапки, все плаваетъ на водѣ, потому что отъ торопливости некогда подбирать, всякому хочется побольше наловить, у всякаго отъ жадности глаза разгараются.

Верстъ 19 выше устья той же рѣки Варзухи, близъ устья которой лежитъ деревня Кузомень, а именно въ деревнѣ Варзухѣ вылавливается наибольшее количество семги. Къ этой деревнѣ приписаны въ одно общество Кузомень, Кашкаренцы и еще двѣ, три деревни, и ловъ семги производится всей этой общиной. Всѣ домохозяева собираются на новый годъ обыкновенно въ

Варзуху, для продажи съ аукціона мѣстъ, гдѣ ловится семга. Всѣ 1000 приблизительно человѣкъ, которые принадлежатъ къ этой общинѣ, раздѣлены на пять частей, называемыхъ ярлыками. Записанные разъ въ ярлыкъ въ немъ и остаются до новой ревизіи, послѣ которой расписываются вновь. Это раздѣленіе на ярлыки сдѣлано собственно во избѣжаніе неразлучныхъ съ продажею шума и сумятицы. Каждый ярлыкъ собирается въ особой избѣ. Для наивозможно большаго уравненія выгодъ, каждый ярлыкъ имѣетъ свою долю въ каждомъ изъ рыболовныхъ участковъ; но участки эти раздѣлены на пять частей не въ дѣйствительности, а только идеально, т. е. собственно раздѣлены не участки, а право пользованія ими. Одинъ и тотъ же покупатель можетъ купить какой нибудь участокъ, напримѣръ, заборъ при селѣ Варзухѣ, у всѣхъ пяти ярлыковъ, и въ такомъ только случаѣ пользуется всѣмъ ловомъ у этого забора безраздѣльно. Но онъ можетъ также купить его только у одного или у нѣкоторыхъ, а не у всѣхъ ярлыковъ и тогда будетъ владѣть ловомъ собща съ другими, купившими у остальныхъ ярлыковъ. Деньги за проданные участки каждый ярлыкъ получаетъ отдѣльно и дѣлитъ ихъ поровну по душамъ, при чемъ прежде всего очищаются подати, а затѣмъ остальныя деньги раздаютъ по рукамъ.

Здѣсь, если самый трудъ не общинный, а личный и частный, то все же мы видимъ, что нѣсколько деревень сплотились, организовались въ одну общину для экономическихъ цѣлей и очевидно не безъ выгоды для всѣхъ. Такое устройство семожьяго лова представляетъ ту значительную выгоду, что затрудняетъ снятіе лучшихъ участковъ, каковы заборы, всегда однимъ и тѣмъ же лицомъ за дешевую цѣну, ибо раздѣленіе каждаго участка на пять частей дозволяетъ покупать ихъ каждому, а не однимъ богачамъ, да и самый торгъ, производимый одновременно въ пяти различныхъ избахъ, затрудняетъ стачки. Семгу покупаютъ скупщики, наѣзжающіе сюда изъ Архангельска въ главное время лова, или свѣжею или соленою; пріѣзжіе скупщики, съ вѣсами за плечами, обходятъ все прибрежье, гдѣ производится ловъ.

Въ Умбѣ, немного повыше порога, ежегодно устраивается заборъ для ловли семги. Къ этой работѣ приступаютъ тогда, когда вода начинаетъ спадать, т. е. около 15 іюня. Для этого соединяются по 5 душъ, и каждый пятокъ выставляетъ одного работника; эти работники городятъ заборъ безплатно, матеріалъ же на него идетъ изъ общественнаго лѣса. Ранѣе 1-го января общество отдаетъ заборъ какъ бы на аренду кому нибудь изъ мѣстныхъ богачей, который не назначаетъ опредѣленной цѣны за пользованіе заборомъ въ теченіе года, а рядится лишь о цѣнѣ семги, т. е. постановляетъ условіе, по чемъ ему платить обществу за каждый пудъ семги, пойманной у забора. Взявшій заборъ вноситъ за всѣхъ жителей, приписанныхъ къ Умбѣ, подати впередъ за будущее полугодіе, и съ этихъ поръ весь міръ становится въ полную зависимость отъ богача. Нужда въ деньгахъ для уплаты податей — вотъ та сила, которой держится богачъ, и причина, почему соглашаются на дешевую цѣну за семгу. Когда наступитъ ловъ, то тѣ же работники, которые строили заборъ, вынимаютъ семгу изъ его мережъ, разрѣзаютъ ее, чистятъ, свѣжею передаютъ арендатору, а онъ только солитъ ее. Слѣдовательно, на этихъ работникахъ лежитъ какъ бы общинная повинность. Если семги, по предварительно условленной цѣнѣ, не хватитъ на покрытіе податей, впередъ уже уплаченныхъ за полугодіе, то каждый обязанъ приплатить арендатору, по скольку придется съ души. Уговорная цѣна на семгу мѣняется отъ 1 р. до 2 р. 50 к. с. Такъ какъ дѣйствительная цѣна семги гораздо больше, то очевидно, что откупающій заборъ не только не можетъ потерпѣть убытка, но всегда долженъ оставаться въ значительныхъ барышахъ; при томъ, онъ получаетъ ихъ, рѣшительно ничѣмъ не рискуя, ибо, такъ или иначе, семгою или деньгами, крестьяне всегда должны уплатить ему свой долгъ. Далѣе, онъ беретъ за свою ссуду большею частью огромные проценты, потому что залогъ свой — семгу всегда продаетъ самъ по меньшей мѣрѣ вдвое дороже уговорной цѣны. Наконецъ, всѣ издержки производства падаютъ не на него, а на его должниковъ, которые, соединяя въ себѣ три права на полученіе дохода, то-есть право

собственности на принадлежащую имъ рѣку, право, даваемое капиталомъ, употребленнымъ на издержки производства (заборъ устроенъ изъ ихъ же лѣса), и право труда, которымъ устроенъ заборъ и добыта изъ него рыба, не смотря на то, пользуются ничтожнѣйшею частью этого дохода. Такіе порядки существуютъ во всѣхъ семожныхъ промыслахъ въ Умбѣ и городѣ Онегѣ.

Общинный трудъ проявляется и въ другомъ промыслѣ Бѣлаго моря — въ ловлѣ морскаго звѣря и именно лысуновъ, изъ породы тюленей (Phoca Grœnlandica). Въ теченіе всего лѣта, т. е. съ половины мая по октябрь, лысуны лишь изрѣдка встрѣчаются на Бѣломъ морѣ, и то небольшими партіями, а проводятъ это время въ глубинѣ полярныхъ морей, какъ напр. по сосѣдству Новой Земли. Осенью же, съ октября мѣсяца начинаютъ они цѣлыми стаями идти въ заливы Сѣвернаго океана, между прочимъ, въ чрезвычайно большомъ количествѣ и въ Бѣлое море, гдѣ они совокупляются, рожаютъ дѣтей и выкармливаютъ ихъ грудью. Зимой, къ началу февраля собираются они въ Двинскій заливъ, гдѣ рожаютъ дѣтей на льдинахъ. Новорожденные звѣри въ воду не ходятъ, потому что шерсть на нихъ въ это время слишкомъ мягка и пушиста. Матери плаваютъ невдалекѣ отъ нихъ и дѣлаютъ своимъ теплымъ дыханіемъ во льду для себя продушины, проруби, черезъ которыя могутъ выходить на него. Послѣ первой недѣли желтый цвѣтъ молодыхъ звѣрей дѣлается чистымъ бѣлымъ, и они тогда называются *бѣльками*, мѣхъ которыхъ дорого цѣнится.

Между тѣмъ льдины, а вмѣстѣ съ ними и держащіеся на нихъ звѣри, изъ глубины Двинскаго залива постепенно подаются на сѣверъ, уносясь господствующими здѣсь теченіями, что, впрочемъ, происходитъ очень медленно. При каждомъ отливѣ подвижной ледъ отходитъ отъ постоянныхъ береговыхъ припаевъ, т. е. ледянаго пояса, прикрѣпленнаго къ берегу, и относится въ море; съ каждымъ же приливомъ снова приноситъ его къ берегу, но уже не къ тому мѣсту, откуда онъ отошелъ, а нѣсколько ниже, по направленію къ сѣверу; къ началу марта достигаютъ они поворота въ Мезенскій заливъ у Воронова мыса, близъ котораго находится урочище Кеды — одинъ изъ главныхъ сборныхъ пунктовъ звѣриныхъ промышленниковъ. Дѣтеныши вскорѣ достигаютъ того возраста, когда могутъ ходить въ воду; первая шерсть ихъ вылиняла и они покрылись гладкими, плотно прилегающими къ кожѣ волосами сѣраго цвѣта, почему и получаютъ названіе *сѣрки*. Достигши этого возраста, сѣрки покидаютъ своихъ родителей, и частью на льдинахъ, частью плавая въ водѣ, вдоль Канинскаго берега, удаляются въ открытый океанъ съ тѣмъ, чтобы возвратиться въ Бѣлое море обыкновенно не ранѣе полной половой зрѣлости. Родители же остаются еще въ Бѣломъ морѣ и въ Мезенскомъ же заливѣ начинаютъ бѣгаться въ концѣ марта. Въ это время звѣри ни на что не обращаютъ вниманія и позволяютъ лодкамъ приближаться къ себѣ. Случалось промышленникамъ однимъ ударомъ кутила (родъ остроги) пронзать самца и самку. Послѣ этого періода звѣри, утомленные и истощенные рожденіемъ дѣтей и кормленіемъ ихъ, не идутъ еще прямо въ океанъ, а остаются отдыхать въ Мезенскомъ заливѣ. Здѣсь въ ясные солнечные дни выходятъ они на льдины и лежатъ неподвижно огромными стадами. Обернувшись на спину и грѣя брюхо на солнцѣ, протаиваютъ они себѣ теплотою своего тѣла какъ бы корыта или ванны. Оттого нерѣдко можно встрѣтить между плавающими льдинами, такія, которыя покрыты бываютъ круглыми или продолговатыми углубленіями, представляющими ничто иное, какъ слѣды круглыхъ спинъ тюленей. Въ такомъ отдыхѣ проводятъ звѣри время до начала мая, когда уплываютъ вслѣдъ за своими дѣтьми, отправившимися раньше въ океанъ. Но если случатся дожди, снѣга и вообще туманная и ненастная погода, то она сгоняетъ ихъ со льдовъ въ воду, и если ненастье продолжительно, то оно ускоряетъ удаленіе звѣря на сѣверъ. На этихъ обстоятельствахъ и привычкахъ жизни лысуновъ, во время ихъ пребыванія въ Бѣломъ морѣ, и основываются различные промыслы ихъ.

Ловля лысуновъ производится еще въ Онежскомъ заливѣ. Здѣсь стрѣляютъ ихъ изъ винтовокъ на водѣ или на льдинахъ, почему и промыселъ называется *стрѣльней*. Но главнымъ образомъ промыселъ этотъ сосредоточивается на Зимнемъ берегу (восточный берегъ Бѣлаго моря)

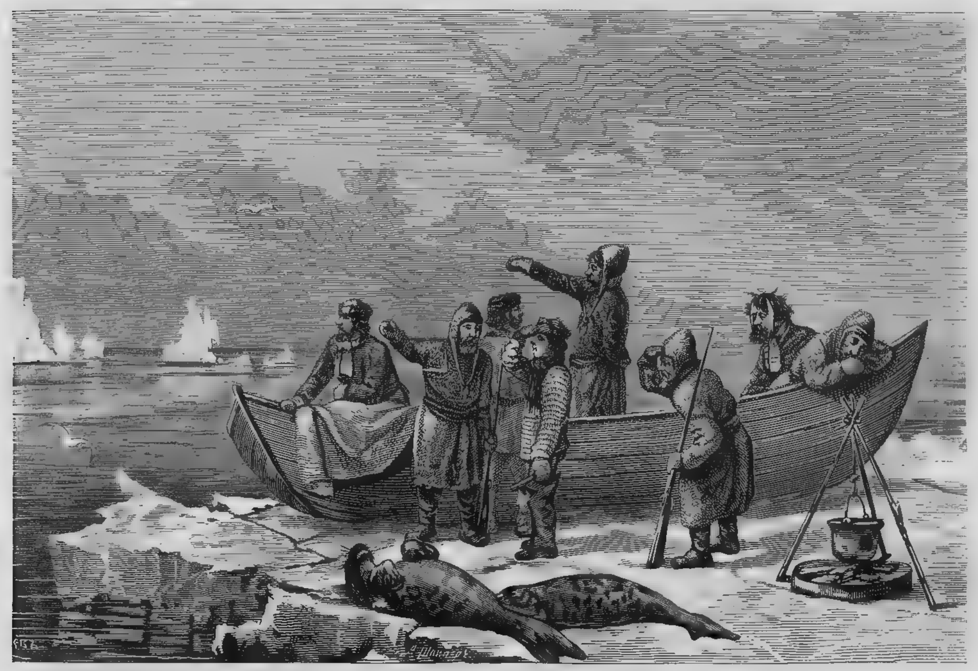
и въ Мезенскомъ заливѣ. На первомъ, т. е. восточномъ берегу, ловцы соединяются въ небольшія артели, приставая къ какому либо изъ хозяевъ, обыкновенно изъ зажиточныхъ крестьянъ изъ прибрежныхъ деревень. Каждый изъ хозяевъ имѣетъ собственно ему принадлежащую избушку и одну или нѣсколько лодокъ. Такія артели дѣйствуютъ самостоятельно и независимо одна отъ другой, и каждый хозяинъ поступаетъ по своему усмотрѣнію. Стадо лысуновъ выглядываютъ съ берега, а также, если ледяной припай великъ, то отправляютъ небольшія партіи развѣдывать, въ какой сторонѣ есть звѣрь. Увидѣвъ, гдѣ лежитъ звѣрь, или даже по одному предположенію, что онъ есть въ той или другой сторонѣ, каждая артель отправляется

Промышленники на тюленьемъ ловѣ.

на свой промыселъ. При этомъ всегда тянутъ за собою свои лодки, хотя бы пришлось и далеко идти по сплошному льду, потому что его легко можетъ разломать вѣтромъ и волненіемъ воды. Лодки эти устроены нѣсколько особеннымъ образомъ и приспособлены къ тому, чтобы ихъ удобно было тянуть по льду, для чего ко дну лодки, параллельно килю, съ каждой стороны придѣланы полозья, такъ что лодка есть вмѣстѣ съ тѣмъ и сани. Самая лодка устраивается такъ, чтобы кромѣ легкости она обладала еще и гибкостью, такъ что если давленіе сжимающихъ ее льдинъ не слишкомъ сильно, то она, не ломаясь, можетъ выскользнуть. Когда нападутъ на звѣря, то бѣльковъ бьютъ палками, имѣющими на концѣ желѣзный крючекъ, большихъ же звѣрей стрѣляютъ изъ винтовокъ. Чтобы удобнѣе подкрасться къ звѣрю, надѣваютъ сверхъ платья бѣлые совики или бѣлыя холщевыя рубашки, а на голову особливаго покроя колпаки, называемые *кукольками*, такъ что лысунъ съ трудомъ отличаетъ человѣка отъ бѣлой поверхности снѣга. Набивъ сколько можно звѣря, его тутъ же на льду *свѣжуютъ*, т. е. снимаютъ кожу вмѣстѣ съ жиромъ, ножами, которые каждый имѣетъ на поясѣ, свертываютъ въ тюки, называемые *юрками*, и волокутъ за собою. Съ такою добычею стараются какъ можно скорѣе вернуться на берегъ. Когда приходится плыть въ лодкѣ, то юрки привязываютъ за лодкою,

чтобы не нагружать ее и чтобы жиръ, оставаясь въ холодной водѣ, не вытекалъ. Иногда, когда ледъ далеко отнесло отъ береговъ, пускаются за звѣремъ на удачу въ лодкахъ безъ предварительной развѣдки, не зная навѣрное, въ какой сторонѣ его искать. При этомъ часто уноситъ лодки вмѣстѣ со льдами, въ которые они стараются попасть, какъ для розысковъ звѣря, такъ и для того, что въ открытомъ морѣ на маленькихъ лодкахъ держаться невозможно. Такъ въ 1859 году унесло съ Зимняго берега до 50 лодокъ (а каждая лодка дѣлается обыкновенно на 7 человѣкъ) на противоположный берегъ къ Сосновцу, а оттуда поворотило къ острову Моржовцу, куда лодокъ 20 спаслись и, выждавъ удобное время, возвратились на берегъ; о 30-ти

Бѣломорскіе промышленники, уносимые на льдинѣ.

же лодкахъ не было ни слуху, ни духу, и находящіеся на нихъ люди вѣроятно погибли отъ голода, ибо провизіи берется съ собой немного.

Что каждая лодка добудетъ на этомъ промыслѣ, то и дѣлится между ея хозяиномъ и работниками совершенно независимо отъ прочихъ. Каждый работникъ, если онъ на своихъ харчахъ, получаетъ такой же пай, какъ и хозяинъ, который получаетъ, сверхъ того, еще одинъ пай на лодку, такъ что число паевъ бываетъ всегда однимъ больше противъ числа участниковъ въ промыслѣ. Но бываетъ это рѣдко, обыкновенно же идутъ работники къ хозяину изъ *покрути*, т. е. получаютъ отъ него провизію на все время промысловъ, верхнюю одежду: совикъ, бахилы (длинные кожаные сапоги), рукавицы и одѣяло; а въ замѣнъ этого отдаютъ ему извѣстную долю изъ пая, который долженъ на нихъ прійтись, $^1/_2$, $^2/_3$ или даже $^3/_4$ пая.

Иначе происходитъ ловъ и дѣлежъ добычи въ Мезенскомъ заливѣ, гдѣ онъ называется *устьинскимъ промысломъ*. Въ прежнія времена всѣ желавшіе участвовать въ этомъ промыслѣ, составляли одну огромную артель, называвшуюся бурсою, и собирались къ опредѣленному дню въ назначенный сборный пунктъ на берегу моря. Отслуживъ молебенъ въ построенной здѣсь часовнѣ, они отправляли передовыхъ въ море на поиски.

По возвращеніи посланныхъ, всѣ лодки шли вмѣстѣ въ указанную ими сторону. Теперь вмѣсто того, чтобы составлять одну большую артель, промышленники раздѣлились на три бурсы по тремъ приморскимъ деревнямъ, къ которымъ принадлежатъ всѣ хозяева лодокъ, принимающіе участіе въ этомъ ловѣ. Это раздѣленіе общей большой артели на три повлекло за собою вредныя послѣдствія. Каждая бурса, отправляясь на промыселъ, не спросясь и не дожидаясь остальныхъ, старается пуститься въ море какъ можно ранѣе, такъ чтобы первой успѣть напромышлять. При этомъ не принимаютъ должныхъ предосторожностей, спугиваютъ звѣря, отчего и сами добываютъ мало, да и другихъ нерѣдко оставляютъ ни съ чѣмъ. Въ хладнокровномъ состояніи всѣ сознаютъ, что это вредно, но, принадлежа къ разнымъ обществамъ, не могутъ сговориться, а такъ какъ все-таки выгоднѣе поспѣть первому, то и продолжаютъ вредить другъ другу. Начавшаяся дезорганизація впрочемъ не остановилась еще на сказанномъ. Даже въ одной и той же бурсѣ часть хозяевъ отправляется раньше другой, что происходитъ отъ того, что не ко всѣмъ хозяевамъ успѣетъ собраться изъ разныхъ мѣстъ Мезенскаго и Пинежскаго уѣздовъ нужное число работниковъ,—и тогда тѣ, которые набрали себѣ уже полный комплектъ, а многіе и не дожидаясь полнаго (что очень вредитъ при дальнѣйшей работѣ и даже бываетъ опасно), отправляются отдѣльно отъ прочихъ; при этомъ имъ однимъ и достается главная добыча, спуганный звѣрь успѣетъ уйдти отъ дальнѣйшихъ преслѣдованій. Бываютъ и такіе случаи: развѣдчики найдутъ звѣря, и хозяева положатъ на завтра собща идти на бой его, но нѣкоторые изъ нихъ уходятъ одни, тайно ночью, набиваютъ что могутъ, и даже разводятъ огонь съ цѣлью напугать звѣря изъ одного завистнаго желанья однимъ быть въ выгодѣ. Понятно, къ какимъ безконечнымъ смутамъ, ссорамъ и неурядицамъ ведетъ такой порядокъ вещей.

Промышленники на лодкахъ отправляются въ открытое море и уже надолго, съ цѣлью прожить тамъ сколько можно будетъ промышлять. Доплывъ до льда, вытаскиваютъ на него лодки и располагаются какъ можно удобнѣе. Прежде выгружали лодки, валили ихъ на бокъ, съ открытой стороны затягивали входъ парусомъ и такимъ образомъ подъ навѣсомъ спасались отъ холода и непогодъ. Но если разламывало льдину, то часто не успѣвали уложить всего въ лодку и привести въ должный порядокъ. Иногда же разламывался ледъ подъ самой лодкой, и многіе черезъ это погибали. Поэтому теперь придумали гораздо лучшій и безопаснѣйшій способъ доставлять себѣ убѣжище отъ непогодъ. Изъ лодокъ ничего не выгружаютъ, но протягиваютъ съ кормы на носъ веревку, упираютъ въ нее и въ борта четыре палочки, въ видѣ стропилъ, и натягиваютъ на нихъ, какъ на крышу или палатку, парусъ, называемый *буйную*. Во время такихъ стоянокъ на льду варятъ себѣ пищу, разводя огонь въ такъ называемыхъ печкахъ, т. е. просто на желѣзныхъ листахъ, которыми запасается каждая лодка. Воду таятъ изъ снѣга. Огонь разводятъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда знаютъ, что вблизи подъ вѣтромъ нѣтъ звѣря, потому что онъ за 10 или даже за 20 верстъ почуетъ запахъ дыма и непремѣнно уйдетъ со льда въ море. Вообще лысуны, какъ въ большей или меньшей степени и всѣ породы тюленей, имѣютъ чрезвычайно острое обоняніе, и изъ всѣхъ своихъ чувствъ только ему одному вполнѣ довѣряютъ. Если они видятъ человѣка, слышатъ голоса, или даже стрѣльбу, то не уйдутъ, а все будутъ лежать на льду, или выныривать изъ воды, стараясь подойти подъ вѣтеръ отъ того предмета, который кажется подозрительнымъ, и перехватить его духъ, и только достигнувъ этого, скрываются окончательно.

Расположившись на льду, хозяева отправляютъ по одному человѣку съ двухъ или съ трехъ лодокъ на развѣдку звѣря, что называется идти *въ хозъ*. Въ хозъ выбираютъ всегда самыхъ ловкихъ и проворныхъ молодыхъ людей, потому что путешествіе это по льду бываетъ очень затруднительно и опасно. Между льдинами случаются разсѣлины, черезъ которыя надо перебираться, или перепрыгивая со льдины на льдину, или перебѣгая на лыжахъ по мелкимъ осколкамъ льда — *шугѣ*, которая, какъ густая каша, наполняетъ эти промежутки. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ только быстрота спасаетъ смѣльчаковъ, малѣйшая же запинка стоитъ нерѣдко жизни. Раз-

вѣдчики расходятся партіями по 3 и по 4 человѣка въ различныя стороны. Если они и не нападутъ на звѣря, то всегда уже стараются возвратиться къ напередъ предположенному сроку. Для того, чтобы они вѣрнѣе знали, гдѣ главное становище, вывѣшиваютъ на кольяхъ или шестахъ маковки, т. е. что нибудь развѣвающееся. Та партія, которой посчастливится примѣтить звѣриное стадо, возвращается немедленно, не давъ ему почуять своего запаха. Тогда хозяева опредѣляютъ, кому идти на бой, имъ ли однимъ, или взять съ собою помощниковъ, которымъ въ такомъ случаѣ даютъ запасныя ружья, всегда имѣющіяся въ лодкѣ. Когда мѣсто, на которомъ находятся звѣри, очень близко къ берегу и ихъ много, то ихъ даже бьютъ палками. Обыкновенно же стрѣляютъ и то по большей части только одни хозяева, которые всегда должны быть отличными стрѣлками. Вслѣдъ за хозяевами тянутъ и лодки, чтобы онѣ всегда были вблизи на случай несчастья. Для стрѣльбы подползаютъ, по возможности, близко къ звѣрямъ съ подвѣтренной стороны, чтобы всякій выстрѣлъ убивалъ, а не ранилъ только, потому что, увидѣвъ своего товарища раненымъ, а не убитымъ, и услышавъ его ревъ, звѣри непремѣнно уйдутъ въ воду, и тогда весь промыселъ пропалъ. Выстрѣла же они не боятся, принимая его, вѣроятно, за трескъ льда; видя своего товарища, встрепенувшагося было, безъ движенія, они думаютъ, что онъ снова легъ на отдыхъ. Набивъ, сколько можно звѣря, его свѣжуютъ, т. е. снимаютъ кожу съ жиромъ и связываютъ кожи въ юрки, которые тянутъ повсюду за лодкой.

Понятно, какимъ опасностямъ подвергаются поморы, отправляющіеся на этотъ промыселъ; хорошо еще, если погода тихая, а то при большихъ волненіяхъ, да во время холодовъ обдаетъ людей холодной водой, которая на нихъ и обмерзаетъ. Нерѣдко случается, что отъ этого люди замерзаютъ.

Что касается до дѣлежа добычи, то, такъ какъ трудъ здѣсь общинный, все предпріятіе ведется большими артелями (прежде даже одной), и распредѣленіе равномѣрнѣе и справедливѣе. Здѣсь дѣлитъ добычу не каждая лодка отдѣльно, а цѣлая бурса или артель на равныя доли, смотря по числу участниковъ и полагая также лишній пай на каждую лодку. И тутъ, слѣдовательно, мы видимъ поразительное сходство съ организаціей уральскихъ казаковъ; какъ тутъ лишніе паи идутъ хозяевамъ лодокъ, такъ и тамъ лишніе паи идутъ офицерамъ.

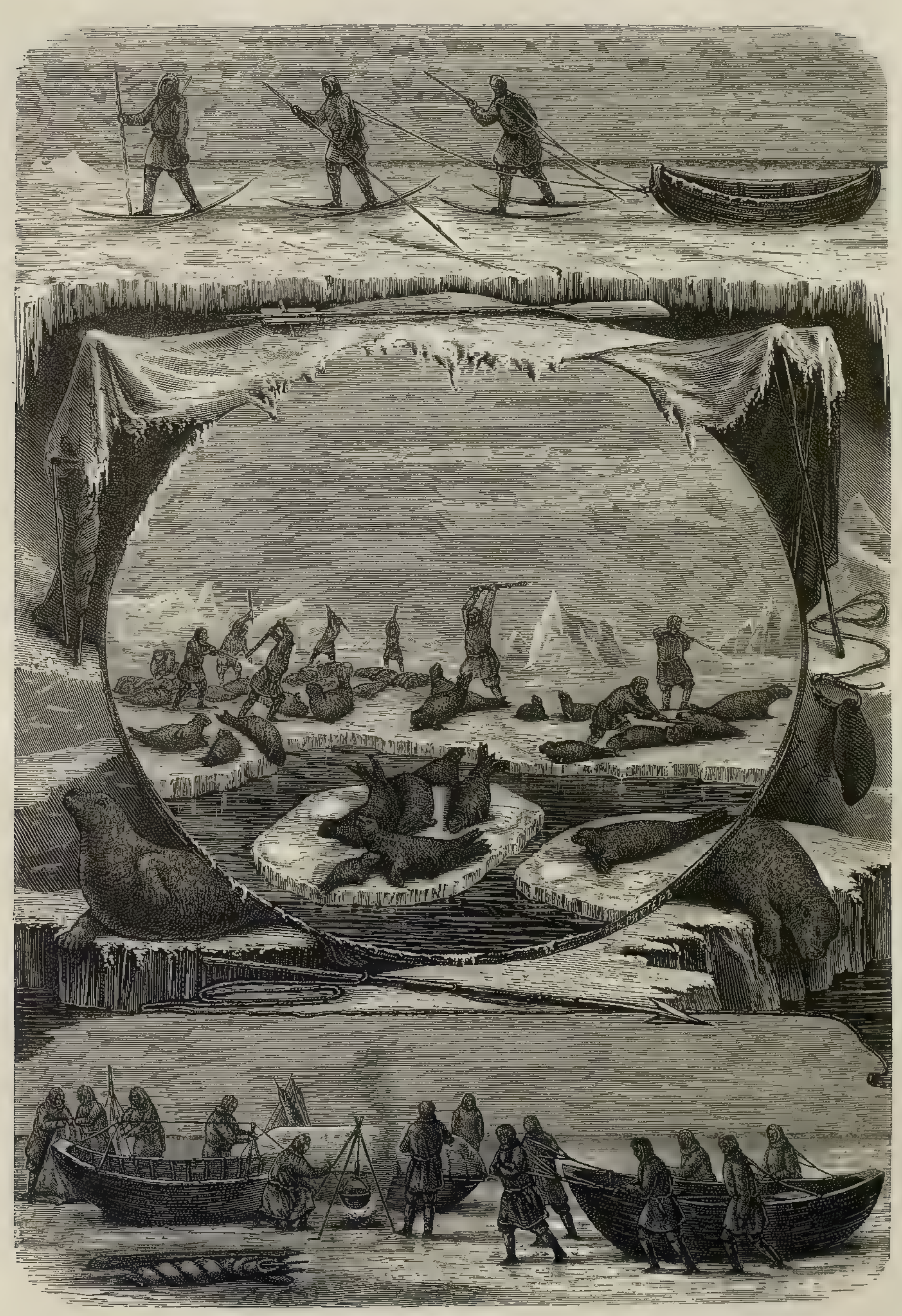
Кромѣ лысуновъ, изъ породы тюленей въ Бѣломъ морѣ водится въ значительномъ количествѣ другой морской звѣрь—*бѣлуга* (Delphinopterus Leucas), который служитъ также предметомъ промысла. Бѣлуга есть млекопитающее животное изъ семейства дельфиновъ и подобно китамъ очень похоже на рыбъ по своему наружному виду, а отличается отъ прочихъ отсутствіемъ мясистаго плавника на спинѣ. Русское названіе бѣлуги происходитъ отъ чистаго бѣлаго цвѣта кожи взрослыхъ звѣрей; что же касается до молодыхъ звѣрей, то они черноватаго или синевато-сѣраго цвѣта и тѣмъ темнѣе, чѣмъ животное моложе. Это животное постоянно обитаетъ въ Бѣломъ морѣ, а не прикочевываетъ, какъ лысунъ, только на зиму, и собирается стаями штукъ до пятидесяти и до ста; они любятъ играть, т. е. выставляться и плавать поверхъ воды, и тогда море кажется какъ бы пѣнистымъ отъ бѣлыхъ широкихъ спинъ бѣлуги. Матери, когда кормятъ грудью, поворачиваются на спину и придерживаютъ дѣтенышей ластами, т. е. боковыми отростками тѣла, замѣняющими переднія конечности, и вообще къ нимъ очень нѣжны. Бѣлуги питаются рыбою, гоняются за нею по морю и въ своемъ преслѣдованіи заходятъ далеко въ рѣки. Случалось видѣть стаи бѣлугъ въ Двинѣ, гораздо выше Архангельска. Всегда бываютъ онѣ очень трусливы и малѣйшаго шума, даже хлопанья веселъ о воду достаточно, чтобы испугать и заставить уйти въ открытое море цѣлую стаю. Поэтому бѣлужій промыселъ бываетъ очень затруднителенъ и, главное, никогда не представляетъ вѣрныхъ гарантій на успѣхъ, который всегда болѣе или менѣе случаенъ.

Обыкновенный способъ лова ихъ—обметными неводами, который производится слѣдующимъ образомъ. Промышленники имѣютъ становище—нѣсколько избушекъ близъ тѣхъ мѣстностей, которыя издавна славятся обиліемъ бѣлуги. Поселившись въ становищѣ, промышленники непрерывно слѣдятъ за ходомъ бѣлугъ, такъ какъ ловить бѣлугу можно только тогда, когда

она зайдетъ въ благопріятную мѣстность. Существенное условіе этихъ мѣстностей состоитъ въ томъ, чтобы острова и мысы ограждали съ разныхъ сторонъ отмелый участокъ моря, на который любятъ заходить бѣлуги, особенно въ ясные солнечные дни. Такъ какъ стаю окружаютъ со всѣхъ сторонъ сѣтями, имѣющими въ глубину (ширину) не болѣе 6 саженъ, то понятно, почему необходимо мелкое мѣсто въ морѣ, глубина котораго не превышала бы 6-ти саженъ; иначе стая бѣлугъ окруженная сѣтью, могла бы ускользнуть, опустившись на дно и проплывъ подъ сѣтью. Хотя эти животныя и не очень велики, обыкновенно до двухъ саженъ и никогда болѣе трехъ съ половиною, но бѣлый цвѣтъ, особенно при солнечномъ освѣщеніи, дѣлаетъ ихъ очень замѣтными на темномъ фонѣ моря. Какъ только увидятъ, что стая зашла съ которой нибудь стороны въ пространство между островами и берегомъ, гдѣ глубина не превышаетъ шести саженъ,—бѣлужники живо бросаются въ лодки, въ которыхъ всегда лежатъ наготовѣ собранные невода, и ѣдутъ въ ту сторону, гдѣ показались бѣлуги, часто за 10 и болѣе верстъ.

Сначала лодки плывутъ безъ всякаго порядка, смотря по вѣтру: или на парусахъ, или на веслахъ. Легкій попутный вѣтеръ—тутъ неоцѣненный союзникъ, потому что позволяетъ безъ малѣйшаго шума приблизиться къ стаѣ бѣлугъ. При безвѣтріи или при противномъ вѣтрѣ надо грести; но въ тихую погоду плескъ веселъ, стукъ при треніи ихъ о края уключинъ и всякій малѣйшій звукъ очень далеко раздаются по водѣ, — а бѣлуга необыкновенно чутка. Поэтому, не смотря на всѣ принимаемыя предосторожности: намачиваніе уключинъ и обвертываніе веселъ тряпками, онѣ мало помогаютъ, и рѣдко случается, чтобы удалось обметать бѣлугъ, подъѣзжая къ нимъ на веслахъ. Съ приближеніемъ къ стаѣ, карбаса, т. е. лодки начинаютъ выстраивать такимъ образомъ, чтобы образовать полукругъ, охватывающій стадо. При этомъ два карбаса, на которыхъ всегда бываютъ самые опытные промышленники, ѣдутъ впередъ и управляютъ ходомъ всѣхъ остальныхъ карбасовъ, показывая знаками, какого направленія они должны держаться, чтобы полукругъ всегда былъ обращенъ отверстіемъ къ бѣлугамъ. Теперь передовые карбаса, а за ними и остальные, начинаютъ мало-по-малу заѣзжать бѣлугамъ въ тылъ; когда все стадо будетъ такимъ образомъ окружено, то начинаютъ выбрасывать неводъ. Неводъ очень длинный и не цѣльный, а составленъ изъ кусковъ, которые разбираются, и каждый карбасъ имѣетъ отдѣльный кусокъ, которые послѣ того, какъ ихъ выкинутъ въ воду, стараются по возможности скорѣе соединить, связывая концы другъ съ другомъ. Тогда стадо поймано и остается только приступить къ бою. Для этого всѣ лодки входятъ внутрь замкнутаго круга, образованнаго неводомъ, и начинаютъ бросать въ звѣря кутило. Кутило есть родъ остроги, оканчивающейся сзади желѣзною трубкою, въ которую слабо вставлено короткое древцо; къ самой же трубкѣ прикрѣплена веревка. Когда бросаютъ кутило въ бѣлугу, оно пронзаетъ ее, древцо выпадаетъ, но животное остается на веревкѣ, за которую то притягиваютъ его, то отпускаютъ, чтобы утомить его и, улучивъ мгновеніе, убиваютъ пешнею, стараясь попасть въ дыхало. Кутило употребляютъ собственно для того, чтобы не потерять убитаго животнаго, которое тонетъ, если оно только не чрезвычайно жирно. Изъ самаго описанія этого лова видно, что онъ не часто долженъ увѣнчиваться успѣхомъ. Не одинъ десятокъ разъ придется бѣлужникамъ съѣздить совершенно даромъ, прежде нежели имъ представится случай поймать звѣря. Иной разъ пріѣзжаютъ они къ тому мѣсту, гдѣ видѣли съ горы (съ берега) бѣлужье стадо, уже тогда, когда послѣднее возвратилось въ море; иногда же стадо поворачиваетъ въ то самое время, когда промышленники начинаютъ выкидывать неводъ. Поэтому промыселъ этотъ, какъ крайне невѣрный, все болѣе и болѣе оставляется.

Кромѣ этихъ способовъ лова, иногда случай приводитъ цѣлое стадо бѣлуги въ руки промышленниковъ, безъ всякаго съ ихъ стороны содѣйствія. Случается въ началѣ зимы, что, когда бѣлуги зайдутъ въ узкую губу, ледъ сопрется у ея устья и преградитъ имъ выходъ. Онѣ стараются проплыть подо льдомъ въ открытое море, но такъ какъ не могутъ долго оставаться подъ водою, не выныривая для дыханія, то, если ледяной мостъ широкъ, онѣ должны вернуться

Охота на лысуновъ.

назадъ, гдѣ мало-по-малу свободное ото льда мѣсто суживается и постепенно затягивается льдомъ, начиная отъ береговъ. Бѣлуги, скучившись въ одно мѣсто, долго могутъ бороться со льдомъ, проламывая спинами начинающую образовываться ледяную кору, но, наконецъ, морозъ взялъ бы свое, и онѣ погибли бы, задохнувшись. Но это не можетъ остаться долго не замѣченнымъ, и сбѣжавшійся изъ ближайшихъ деревень народъ наноситъ имъ другаго рода смерть, убивая ихъ кутилами и пешнями.

Кромѣ лысуновъ и бѣлуги, водящихся стаями въ Бѣломъ морѣ, попадаются еще три породы морскаго звѣря, которыя однако живутъ не стадами, а ходятъ въ одиночку. Это—нерьпа (Phoca vitulina, annellata), тевякъ (Cystophora cristata) и морской заяцъ (Phoca barbata). Все это звѣри изъ тюленьей породы, и изъ нихъ самый обыкновенный въ Бѣломъ морѣ нерьпа или обыкновенный тюлень, который встрѣчается и въ прѣсныхъ водахъ, въ Онежскомъ, Ладожскомъ озерѣ и въ большомъ изобиліи водится въ Каспійскомъ морѣ.

Такъ какъ всѣ эти звѣри живутъ не большими группами, какъ лысунъ или бѣлуга, а бродятъ поодиночкѣ, то, понятно, и ловля ихъ производится не большими артелями, а каждымъ промышленникомъ въ-одиночку; каждый снаряжается, какъ знаетъ, и идетъ въ ту сторону, которая ему покажется наиболѣе удобною и обѣщающей наибольшей добычи. Понятно, что, вслѣдствіе такого характера промысла, онъ несравненно тяжелѣе, утомительнѣе и опаснѣе, чѣмъ промыселъ, производимый цѣлой артелью, гдѣ въ случаѣ несчастья есть всегда товарищи, готовые съ полнымъ самоотверженіемъ помочь попавшему въ бѣду промышленнику. На этотъ промыселъ отправляются не только русскіе, но и самоѣды, которые на лѣто прикочевываютъ вмѣстѣ со своими оленями къ берегу Канинскаго полуострова. Здѣсь флегматичный и одаренный неограниченнымъ терпѣніемъ самоѣдъ иногда по цѣлымъ днямъ покачивается на своемъ карбасѣ, поглядывая на море и ожидая звѣря. Какъ только нерьпа, тевякъ или морской заяцъ вынырнетъ изъ воды и покажетъ надъ ея поверхностью свою голову съ цѣлью подышать воздухомъ, такъ мгновенно раздается выстрѣлъ самоѣда, всегда убивающій животное наповалъ, такъ какъ, несмотря на дурную винтовку, самоѣдъ не умѣетъ дѣлать промаховъ: онъ, какъ и русскій промышленникъ, отличный стрѣлокъ.

Русскій промышленникъ, не обладая такимъ терпѣніемъ и спокойной натурой, какъ самоѣдъ, не способенъ высиживать по цѣлымъ часамъ въ карбасѣ; ему нужна дѣятельность, гдѣ бы онъ могъ проявить свою удаль, гдѣ бы онъ поминутно рисковалъ своей головой, своей жизнью, которую онъ мало цѣнитъ, считая ее скорѣе тяжелымъ бременемъ чѣмъ даромъ природы. Въ зимніе мѣсяцы, когда обиліе рыбной пищи — сайки, родъ наваги, которая по плохимъ качествамъ мяса жителями не употребляется въ пищу, — привлекаетъ и нерьпу, и тевяка, и морскаго зайца, которые любятъ полакомиться этой рыбкой, промышленникъ въ это время снаряжается на промыселъ. Не долги его сборы: зимнее платье, хлѣбъ, немного соли да крупы, лыжи на ноги, ружье на плечо,—и онъ готовъ отправляться хоть за нѣсколько сотъ верстъ отъ своего мѣста обитанія. Прибывши къ припаямъ, ледянымъ поясомъ охватывающимъ берега материка, промышленникъ дѣлается чрезвычайно осторожнымъ; нерьпа очень пугливое животное и если обоняніе у ней плохо развито, за то она беретъ зрѣніемъ: увидитъ человѣка за 2 версты и тотчасъ въ воду, а тамъ поминай какъ звали, не поймать ее больше. Это если звѣрь лежитъ на краю припая, если же онъ заберется подальше на льдину, то чтобы имѣть возможность въ случаѣ опасности достигнуть какъ можно скорѣе воды, онъ устраиваетъ себѣ прорубь во льду, возлѣ которой и лежитъ. Прорубь онъ «продуваетъ», какъ выражаются промышленники, т. е. теплотой морды и своимъ дыханіемъ онъ растопляетъ ледъ; иногда такимъ образомъ нерьпа выползаетъ изъ-подъ льдины, подъ которую она забралась. Увидѣвши нерьпу, промышленникъ надѣваетъ черный совикъ, на голову бѣлую шапку и съ ружьемъ за спиной потихоньку приближается къ звѣрю, держа передъ собой доску. Въ доску эту вбиты съ одной стороны деревянные гвозди, и вся эта сторона обсыпана снѣгомъ, который за эти гвозди и держится. Скрывшись за

такой доской, которую нерпа принимаетъ за стамуху, т. е. за льдину, промышленникъ можетъ приблизиться на столько близко къ звѣрю, чтобы изъ ружья убить его обыкновенно наповалъ.

Есть такіе искусные молодцы, которые идутъ на звѣря безъ всякой доски, всѣ въ бѣломъ и ползкомъ, подражая всѣмъ движеніямъ нерпы. Она въ сторону бросится и головой тряхнетъ, и онъ старается дѣлать тоже самое; она ухомъ къ проруби своей приложится, и онъ свое ухо ко льду приложитъ. Обманутая такимъ искуснымъ подражаніемъ, нерпа принимаетъ промышленника за своего брата, ляжетъ и успокоится, а промышленникъ тѣмъ временемъ, приблизившись достаточно къ своей жертвѣ, пускаетъ ей пулю въ голову. Треска этого ни нерпа, ни тевякъ, также какъ и лысуны, не боятся, принимая его за трескъ льдины.

Бой тюленей.

Нерѣдко несчастный промышленникъ, увлеченный своимъ занятіемъ, и не замѣчаетъ, какъ льдину оторвало отъ припая и понесло въ открытое море, гдѣ онъ найдетъ себѣ холодную могилу. Поэтому на этотъ промыселъ идетъ самый отчаянный народъ, все люди, не имѣющіе обыкновенно ни крова, ни семьи, ничѣмъ не привязанные къ бренному своему существованію. Такому бобылю все равно гдѣ пропадать, никто его оплакивать не станетъ, а между тѣмъ нужда понукаетъ, и промыселъ нерѣдко бываетъ удаченъ и довольно прибыленъ.

Кромѣ семги, сельдей и морскихъ звѣрей (лысуновъ, бѣлуги и проч.), которые ловятся въ Бѣломъ морѣ въ довольно значительномъ количествѣ, здѣсь попадается еще много другихъ породъ рыбъ, какъ морскихъ, такъ и прѣсноводныхъ, но всѣ онѣ по незначительному своему количеству не могутъ служить предметомъ настоящаго промысла, а если и ловятся, то только для непосредственнаго употребленія. Особенно обильны озерной рыбой Соловецкіе острова, гдѣ насчитывается до 300 мелкихъ и крупныхъ озеръ. Въ нихъ довольно всякой озерной рыбы: сороги, язей, щуки, сиговъ, окуней и другихъ, идущихъ, впрочемъ, лишь на непосредственное употребленіе монастыря. Каждое озеро имѣетъ свои особенности, различный грунтъ, нѣсколько различающуюся растительность и вѣроятно вслѣдствіе этихъ причинъ въ каждомъ озерѣ рыба получаетъ нѣсколько иной цвѣтъ; напр. въ одномъ озерѣ окуни имѣютъ свѣтлую окраску, тогда какъ въ другомъ они бываютъ болѣе или менѣе темнаго, иногда совсѣмъ чернаго цвѣта. Есть знатоки-монахи, которые дошли до такой тонкости, что по вкусу узнаютъ какая рыба изъ какого озера.

Соловецкія озера представляютъ замѣчательный образецъ предусмотрительности, имѣющей цѣлью сохраненіе въ нихъ рыбнаго запаса, и составляютъ древнѣйшій памятникъ раціональнаго рыбнаго хозяйства въ Россіи. Святой Филиппъ, бывшій настоятелемъ Соловецкаго монастыря во время Іоанна Грознаго и вызванный впослѣдствіи оттуда на Московскую митрополію, между прочею своею полезною дѣятельностью по устройству монастыря, приказалъ соединить каналами 70 изъ главнѣйшихъ озеръ, лежащихъ на собственно Соловецкомъ островѣ, дабы предупредить оскудѣніе въ нихъ рыбы. Вода изъ всѣхъ этихъ озеръ сходится къ такъ называемому Святому озеру, между которымъ и гаванью лежитъ монастырь, какъ бы на перешейкѣ, и это дало возможность въ настоящее время провести изъ озера каналъ, питающій монастырскіе доки. Такимъ образомъ, изъ множества отдѣльныхъ мелкихъ озеръ составилось одно большое чрезвычайно развѣтвленное озеро; но можно сказать, чѣмъ больше и чѣмъ развѣтвленнѣе какой нибудь водоемъ, тѣмъ труднѣе его обезрыбить. Въ самомъ дѣлѣ, при отдѣльности озеръ ближайшія къ монастырю скоро бы выловились, и та же участь мало-по-малу постигла бы и самыя отдаленныя. Пока до нихъ не дошла бы еще очередь, рыба размножалась бы ничѣмъ не трево-

жимая, но это размноженіе скоро достигло бы своего предѣла, вслѣдствіе ограниченности количества питательныхъ матеріаловъ въ небольшихъ озеркахъ. Теперь же нельзя выловить совершенно и ближнихъ озеръ, потому что рыба изъ нихъ всегда можетъ ускользнуть по каналамъ въ дальнѣйшія, а приплодъ рыбы, спокойно размножающійся въ этихъ послѣднихъ, распредѣляется болѣе или менѣе равномѣрно по всѣмъ озерамъ, находитъ себѣ черезъ это на большемъ пространствѣ болѣе обильную пищу, и всегда снова заселяетъ и ближнія, болѣе подверженныя вылову, озера. Этимъ соединеніемъ озеръ между собою достигнуто, слѣдовательно, разомъ два полезныхъ результата: предупреждено оскудѣніе прѣсноводной на острову рыбы вообще, и дана возможность производить ловъ всегда въ нѣкоторыхъ только, ближайшихъ къ монастырю и удобныхъ для этой цѣли, озерахъ.

Упомяну здѣсь еще объ одномъ способѣ лова, который производится на рѣкѣ Сумѣ, въ Сумскомъ посадѣ. Въ темныя осеннія ночи на лодкѣ выѣзжаютъ обыкновенно втроемъ, при чемъ двое подвигаютъ лодку, толкая ее шестами, а третій стоитъ на носу лодки. Здѣсь прикрѣплена желѣзная подставка, къ которой привязываютъ пукъ пакли, пропитанной смолой, и зажигаютъ. Привлеченная сильнымъ свѣтомъ рыба подплываетъ близко къ лодкѣ, на носу которой ее высматриваетъ одинъ изъ находящихся въ лодкѣ, снабженный длинной острогой или трезубцемъ о 8 зубцахъ. Этотъ способъ лова, которымъ жители Сумскаго посада добываютъ семгу, называется лученіемъ рыбы.

Всѣ вышеупомянутые промыслы, которые производятся исключительно въ Бѣломъ морѣ, не были бы однако въ состояніи прокормить все населеніе Поморья, и жителямъ пришлось бы плохо, если бы на помощь къ нимъ не пришли неисчерпаемые запасы трески на Мурманскомъ берегу, т. е. на всемъ нашемъ сѣверномъ берегу полуострова Колы до Святого Носа. Какъ мы уже видѣли, треска попадается хоть въ сколько нибудь значительномъ количествѣ только въ Кандалакшской губѣ, да и тамъ ея немного, въ остальномъ же Бѣломъ морѣ она попадается только изрѣдка. Ея настоящее мѣсто жительства—это открытый Ледовитый океанъ, въ большихъ глубинахъ котораго она водится въ непомѣрномъ количествѣ. Если бы треска такъ всегда и оставалась на большихъ глубинахъ, т. е., слѣдовательно, въ далекомъ разстояніи отъ берега, то конечно, ловъ ея былъ бы въ весьма значительной мѣрѣ затрудненъ или даже и совершенно невозможенъ. Но, къ счастью для сѣвернаго жителя, какъ помора, такъ и норвежца, природа надѣлила эту рыбу особымъ инстинктомъ, который побуждаетъ ее въ извѣстное время, именно когда наступаетъ ей пора метать икру, выходить изъ значительныхъ глубинъ и большими стаями приближаться къ берегамъ, гдѣ глубина не столь значительна; здѣсь треска мечетъ икру и затѣмъ вновь удаляется въ глубь океана. Понятно, что вслѣдствіе такихъ періодическихъ перекочевыванiй рыбы, тресковый промыселъ не можетъ существовать круглый годъ въ одинаковой степени, а будетъ, тоже періодически, то усиливаться, то ослабляться или и совсѣмъ переставать.

Ловля рыбы свѣченіемъ въ Сумскомъ Посадѣ.

Треска (Gadus Morrhua, L.), можно сказать, составляетъ почти единственную цѣль здѣшняго лова, къ которому и приноровлены употребляемыя рыболовныя орудія, а прочія рыбы попадаются только какъ бы случайно, между трескою. Рыба эта, по крайней мѣрѣ взрослая, живетъ на сравнительно большой глубинѣ даже и тогда, когда она приближается къ берегу для метанія икры; поэтому ловцы должны выѣзжать по крайней мѣрѣ на глубину отъ 40 до 60 саженъ, для выметыванія своихъ снастей, но нерѣдко ловятъ и на двойной глубинѣ и чѣмъ глубже, тѣмъ обыкновенно бываетъ крупнѣе рыба. Быстрое увеличеніе глубины отъ берега почти вдоль всего лапландскаго прибрежья, преимущественно же въ западной части его, составляетъ поэтому весьма счастливое обстоятельство, ибо, чѣмъ ближе отъ берега глубина, на которой дѣлается выгоднымъ выбрасываніе снасти, тѣмъ менѣе теряется времени въ поѣздкахъ на мѣста лова и обратно, и тѣмъ меньшей опасности подвергаются ловцы при наступающихъ, во время лова, буряхъ. Въ этомъ отношеніи еще несравненно выгоднѣе прибрежья Норвегіи, гдѣ, при глубинѣ, увеличивающейся еще быстрѣе, разсѣянные повсемѣстно острова представляютъ вѣрное и близкое убѣжище отъ непогодъ. Другое весьма счастливое обстоятельство для лова трески состоитъ въ томъ, что молодыя, не достигшія еще зрѣлости, рыбы этой породы держатся отдѣльно отъ взрослыхъ на гораздо меньшей глубинѣ, а такъ какъ очевидно выгоднѣе приноравливать снасть къ лову крупной, взрослой трески, то молодые дѣтеныши ея никогда не ловятся. Это обстоятельство, обширность, можно даже сказать безграничность пространства, на которомъ живетъ треска, самыя мѣста метанія ею икры, — которое все еще происходитъ на довольно значительной глубинѣ, хотя рыба и приближается для этого къ берегамъ, такъ что выметанная икра находится въ безопасности отъ волненія и не можетъ быть выкидываема на берега,—все это обусловливаетъ безграничный ловъ этой рыбы на вѣчныя времена. Къ этому, наконецъ, надо присоединить еще необыкновенное множество заключающихся въ трескѣ икрянокъ (нѣкоторые считаютъ до 9 милліоновъ икрянокъ въ каждой рыбѣ), чѣмъ она едва ли не превосходитъ всѣхъ прочихъ рыбъ.

Уже въ февралѣ и даже въ концѣ января начинаетъ появляться треска близъ береговъ для метанія икры. Она появляется несмѣтными, густо сплоченными стаями, которыя въ Норвегіи занимаютъ нѣсколько аршинъ высоты на пространствѣ ⅓ мили и болѣе. Поэтому промышленники должны отправляться рано изъ своихъ поморскихъ деревень, чтобы во-время поспѣть на ловъ, который обыкновенно начинается въ апрѣлѣ мѣсяцѣ.

Еще съ осени или въ началѣ зимы начинаютъ поморы рядиться съ хозяевами, обыкновенно съ тѣми же, съ которыми промышляли въ прошломъ году. Порядившись, забираютъ порядочную сумму въ задатокъ, необходимую имъ какъ для разныхъ поправокъ въ домѣ, такъ и для содержанія себя и своихъ семействъ. Каждый хозяинъ держится на Мурманскомъ берегу своего становища, т. е. мѣста лова, гдѣ у него все рыболовное заведеніе, и направляетъ туда свой народъ. Въ началѣ и въ половинѣ марта отправляются нанявшіеся промышленники въ путь. Передъ выходомъ покрутчиковъ изъ деревни, хозяинъ всегда дѣлаетъ имъ угощенье и даритъ сукна на рукавицы.

Промышленники нанимаются не за задѣльную плату, а изъ покрута, т. е. за извѣстную долю выловленной рыбы. Основаніемъ всей организаціи поморскаго лова служитъ *промысловая артель*, каждый изъ членовъ которой получаетъ опредѣленную долю изъ общаго улова — пай при чемъ доля хозяина артели, принимающаго на себя всѣ издержки производства, гораздо значительнѣе прочихъ. Впрочемъ не вездѣ это такъ; у колянъ, которые постоянно живутъ на берегу моря, работники получаютъ, собственно говоря, задѣльную плату отъ своихъ хозяевъ, почти не принимающихъ даже на себя издержекъ производства. Такая плата за работу паемъ могла бы имѣть весьма полезныя послѣдствія, вслѣдствіе справедливаго распредѣленія улова, если бы не примѣшивалась сюда рука хозяина, единственнаго и неограниченнаго владѣтеля всѣхъ тѣхъ средствъ, безъ которыхъ невозможно обойтись работнику, т. е. капитала въ видѣ шнякъ, сѣтей,

ярусовъ и другихъ рыболовныхъ принадлежностей. Въ самомъ дѣлѣ, при такой организаціи, если рыбы уловится много, то и хозяинъ получитъ больше обыкновеннаго и рабочіе увеличатъ свой заработокъ, наоборотъ въ неурожайный годъ, если есть убытки, то они падаютъ не на одного хозяина, а также и на покрутчиковъ (работниковъ). Однимъ словомъ, и убытки, и барыши тутъ равномѣрнѣе распредѣляются между всѣми участниками въ промыслѣ. Но это такъ на первый взглядъ, а на самомъ дѣлѣ всегда оказывается, что хозяинъ получаетъ почти все, а работнику остается ровно столько, чтобы по уплатѣ всѣхъ необходимыхъ домашнихъ расходовъ, податей и прежнихъ долговъ хозяину, онъ остался бы у послѣдняго еще въ долгу, и

Внутренность промысловой хижины.

слѣдовательно въ полной зависимости отъ него. Это достигается тѣмъ, что долю трески, приходящуюся на каждаго работника, хозяинъ скупаетъ за самую низкую цѣну, да и эти деньги значительною частью уходятъ тутъ же на Мурманскомъ берегу и тому же самому хозяину, который лѣтомъ пріѣзжаетъ навѣстить свой промыселъ, при этомъ никогда не забывая захватить съ собой порядочное количество «ямацкаго» рома, которымъ онъ всегда ухитрится вернуть себѣ большую часть заработка.

Итакъ ранней весной отправляются промышленники изъ разныхъ прибрежныхъ деревень Бѣлаго моря на далекій и трудный Мурманскій промыселъ. До деревни Кандалакши ихъ коегдѣ и подвезутъ отъ мѣста до мѣста, но большею частью они идутъ все пѣшкомъ, таща за собою небольшія керeжки или саночки съ одеждою и провизіею на дорогу. Многіе запрягаютъ въ эти корежки собакъ, которыя потомъ все лѣто остаются при своихъ хозяевахъ въ становищахъ, питаясь тамъ изобильными остатками отъ рыбы.

Труденъ бываетъ этотъ путь по снѣгамъ и морозамъ, будучи лишенъ на большихъ протяженіяхъ малѣйшаго пристанища, такъ какъ деревни отстоятъ другъ отъ друга на значительное разстояніе.

Но зато какая радость, когда имъ издали покажется дымокъ, указывающій на близость жилья; знаютъ путники, что ихъ радушно примутъ и что послѣ тяжкихъ лишеній имъ можно будетъ и отдохнуть и отогрѣться. Промышленниковъ, вошедшихъ въ деревню, нарасхватъ приглашаютъ въ избы и, главное, безкорыстно предлагаютъ имъ теплыя бани, мягкія постели и чѣмъ закусить. Бродячій образъ жизни въ населеніи Сѣвера развилъ удивительное гостепріимство. Всякій здѣсь на самомъ себѣ испыталъ лишенія странничества, выпавшаго на долю поморскому промышленнику, посреди неоглядныхъ и безлюдныхъ пустынь этого мрачнаго царства полярной ночи. Въ каждомъ выселкѣ, избѣ, становищѣ промышленникъ найдетъ искренній привѣтъ, добрую помощь и обильную пищу, не платя за это ни гроша. Онъ принимаетъ это какъ должное, потому что пѣшеходы и въ его избѣ, въ свою очередь, получали то же. Этотъ священный обычай напоминаетъ арабское гостепріимство посреди сожженныхъ солнцемъ пустынь далекой Африки, съ тѣмъ только различіемъ, что здѣсь, на Сѣверѣ, хозяинъ дѣлится съ пришельцами послѣднимъ. Онъ знаетъ, что если не завтра, такъ послѣ завтра его самого ожидаетъ безкормица, но все-таки несетъ послѣдній свой хлѣбъ, на послѣдній свой грошъ покупаетъ водки, ставитъ занятой у сосѣдей самоваръ и поитъ иззябшихъ и измученныхъ покрученниковъ чаемъ. Вы здѣсь можете зайти въ любую избу, и дверь ея радушно растворяется предъ вами. Хозяева уступятъ вамъ свои постели и глубоко оскорбятся, если вы вздумаете предложить имъ плату. Здѣсь въ человѣческомъ сердцѣ теплится высокое чувство любви къ ближнему, не смотря на непосильную борьбу съ суровой природой и еще болѣе суровой обстановкой труда. Цѣлое племя кореловъ, населяющихъ одиннадцать волостей Кемскаго уѣзда, существуетъ зимою гостепріимствомъ поморовъ богатыхъ селеній. Среди стужи и холодныхъ, насквозь пронизывающихъ вѣтровъ нетрудно полуголодному, истощившемуся промышленнику схватить дорогою горячку и гдѣ нибудь въ деревушкѣ, вдали отъ всѣхъ близкихъ его сердцу оставить навсегда трудное для него поприще жизни. Сколотятъ ему простой досчатый гробъ и похоронятъ чужіе люди и на чужой землѣ, а семья только долго спустя узнаетъ, что она должна идти по міру.

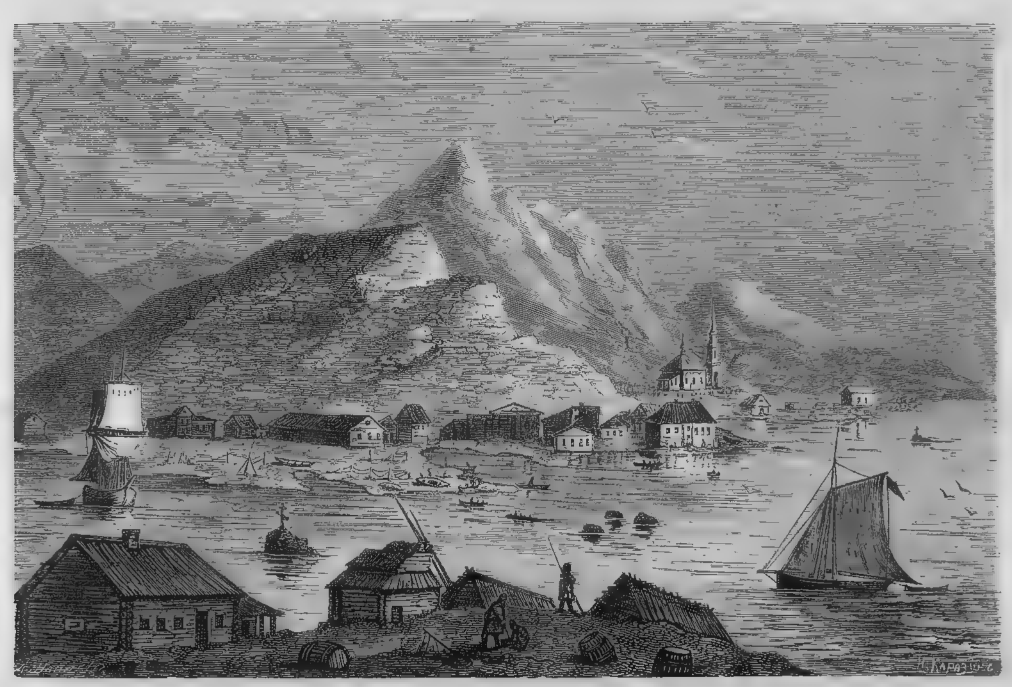
Такимъ-то образомъ добираются промышленники до Кандалакши, деревни, лежащей въ самомъ углу Кандалакшской губы. Въ Бѣломъ морѣ это самая глубокая часть его, представляющая большую котловину, глубиною около 200 саженъ. Берега Кандалакшской губы высоки, скалисты и обрывисты; глубина у берега чрезвычайно быстро увеличивается и потому тутъ нѣтъ тѣхъ песчаныхъ отмелей, которыми изобилуютъ нѣкоторыя части Бѣлаго моря. Поэтому и Кандалакша расположена среди гористой и довольно живописной мѣстности. Она лежитъ на обѣихъ сторонахъ рѣки Нивы, впадающей изъ Лапландіи въ губу, у самаго ея устья. Со всѣхъ сторонъ ее обступили высокія, конусообразныя горы.

Быстрая и порожистая, какъ всѣ рѣки сѣвера, Нива, беретъ свое начало изъ озеръ Лапландіи и, чтобы достигнуть моря, должна прорѣзать или обогнуть лежащіе на ея пути горные хребты. Какъ серебристая нить течетъ она по долинамъ и, выбѣжавъ опять на свободу, мчится впередъ, сжатая отвѣстными лѣсистыми склонами горъ, стѣсненная въ нѣсколькихъ мѣстахъ порогами, образуя въ одномъ мѣстѣ нѣчто въ родѣ водопада, пока наконецъ передъ нею не открывается весь бѣломорскій просторъ у самой вершины Кандалакшской губы. Тутъ Нива разрѣзаетъ берегъ на два гористые мыса: одинъ, сливающійся съ холмами лопскаго берега, другой, служащій пьедесталомъ круглой зеленой вараки, въ свою очередь составляющей первый валъ высокой Крестовой горы. На обоихъ берегахъ разбросано большое село Кандалакша.

Мелкія трехъ-оконныя избы и рядомъ большіе почернѣвшіе дома; пропасть амбарушковъ, бань, карбасы (лодки), цѣлыми десятками обсыхающіе на берегу, сельдяные невода, развѣшанные на шестахъ, пирамиды сельдянокъ на улицѣ, на крышахъ домовъ, на задворкахъ, и повсюду душный густой запахъ свѣже просоленой сельди. Дальше за селеніемъ — длинный семужій заборъ перегородилъ рѣку отъ одного берега до другаго. На взморьѣ колышутся двѣ, три шкуны, да нѣсколько шнякъ; вдалекѣ, подобно крыльямъ чаекъ, серебрятся паруса ловецкихъ

карбасовъ, да синѣютъ неуклюжія, грубыя очертанія многочисленныхъ гранитныхъ островов; направо и налѣво вздымаются неправильныя очертанія морскаго берега.

Дойдя до Кандалакши, промышленники отдыхаютъ обыкновенно нѣсколько дней и, чтобы нѣсколько вознаградить себя за весь трудъ и лишенія, весело проводятъ свое время, гуляя и кутя кто какъ можетъ.

Кандалакша.

Съ Кандалакши еще труднѣе переходъ отъ этой деревни къ Ледовитому океану. Этотъ переходъ зимою по пустыннымъ мѣстамъ, гдѣ негдѣ обогрѣться, какъ развѣ только у разведеннаго на снѣгу огня, очень затрудителенъ, особенно для мальчиковъ, которые называются зуйками (зуекъ это вертлявая, пискливая морская птица, въ родѣ чайки) и всегда сопровождаютъ артель, отчасти чтобы научиться и привыкнуть къ промыслу, отчасти чтобы получить ту незначительную долю, которая идетъ и имъ за ихъ помощь. Днемъ отъ дѣйствія солнца обтаютъ рукавицы и бахилы (высокіе сапоги), и когда ихъ снимутъ на ночь, то они до того закоченѣютъ, что ихъ надѣть невозможно, не отогрѣвъ у своего тѣла.

Съ Колы или съ Разъ-Наволока поступаютъ покрутчики уже на содержаніе хозяевъ. Изъ Разъ-Наволока ѣдутъ они въ свои становища болѣе ста верстъ на оленяхъ чрезъ совершенно пустынную тундру, а изъ Колы на шнякахъ. Иногда случается во время холодныхъ зимъ, что въ глуби Кольской губы въ это время еще стоитъ ледъ; тогда перетаскиваютъ шняки по льду до открытой воды. Коляне при своихъ промыслахъ также прибѣгаютъ къ иные годы къ этому средству. Для облегченія тяги и чтобы не портить киля, поддѣлываютъ подъ шняки полозья. При попутномъ вѣтрѣ поднимаютъ паруса, и тогда остается только направлять ихъ ходъ.

Наконецъ, послѣ неисчислимыхъ мытарствъ и трудовъ промышленники приходятъ къ тѣмъ мѣстамъ на Мурманскомъ берегу, которыя называются становищами и на которыхъ постоянно

изъ года въ годъ производится рыбный промыселъ. Тѣ, которые, по перенесеніи этихъ трудностей при переходѣ въ становища, вдругъ совершенно предаются отдыху, нерѣдко впадаютъ въ цынгу, отъ которой погибаетъ не мало народу; только усиленнымъ движеніемъ, къ которому ихъ принуждаютъ товарищи, вылечиваются заболѣвшіе цынгою, если эта болѣзнь не господствуетъ эпидемически.

Становища, разсѣянныя по всему Лапландскому берегу, начиная отъ Святаго Носа, составляющаго точку раздѣла между Бѣлымъ моремъ и океаномъ, до самой норвежской границы у устья рѣки Ворьемы, суть губы, обыкновенно при впаденіи рѣки и представляющія болѣе или менѣе безопасное убѣжище отъ бурь и волненія. Становища эти бываютъ двухъ родовъ: одни съ избами для жилья и амбарами для храненія рыбы; эти, такъ называемыя, вешнія становища, въ которыя собираются промышленники изъ Колы или Разъ-Новолока, послѣ ихъ утомительнаго сухопутнаго путешествія. Здѣсь проживаютъ они большею частью все время промысловъ, пользуясь въ большей или меньшей степени удобствами той жизни, къ которой они привыкли дома. Это своего рода деревни и иногда очень большія, многолюдныя и оживленныя, но только на время промысловъ; послѣ промысловъ всѣ сѣти и другія рыболовныя принадлежности запираются въ амбары, двери избъ заколачиваются и всѣ жители ея возвращаются по домамъ, въ разныя приморскія свои деревушки, откуда они и пришли, оставляя надзоръ за оставленнымъ имуществомъ какому нибудь несчастному лопарю. Лопарь, вооруженный ружьемъ, долженъ всю зиму отстаивать ввѣренное ему добро и отъ бѣлыхъ медвѣдей, изрѣдка прибиваемыхъ льдинами, несущимися, съ Сѣвера и готовыхъ съѣсть и запасы, оставленные промышленниками, и самого сторожа, и отъ норвежскихъ бродягъ-пиратовъ, рыскающихъ послѣ отъѣзда поморъ вдоль Мурманскаго берега въ надеждѣ кой-чѣмъ поживиться. Надо удивляться при этомъ, какое довѣріе

Рыбачій поселокъ на Мурманѣ.

внушаетъ лопарь промышленникамъ, и не даромъ: онъ готовъ отстаивать чужое добро до послѣдней крайности, готовъ пролить свою кровь и, если понадобится, предпочтетъ погибнуть въ

въ неравной борьбѣ, чѣмъ уйдти и оставить ввѣренное ему имущество на произволъ хищниковъ. Честность лопаря пріобрѣла громкую извѣстность во всемъ сѣверномъ краѣ.

На приложенныхъ рисункахъ изображенъ небольшой поселокъ и становище на Мурманскомъ берегу такъ, какъ оно представляется съ суши, съ береговыхъ возвышеній небольшой бухты, у которой оно расположено.

Становище промышленниковъ на Мурманѣ.

Кромѣ этихъ становищъ съ избами и амбарами, есть еще цѣлый рядъ становищъ, не имѣющихъ никакихъ строеній, и въ нихъ только для лѣтняго лова собираются или промышленники, приплывающіе вмѣстѣ съ хозяевами на ладьяхъ уже лѣтомъ, или приходящіе временно изъ вешнихъ становищъ, въ надеждѣ на выгоднѣйшій промыселъ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ промышляютъ также лопари отчасти для промѣна своей добычи поморамъ на разные необходимые предметы, отчасти же для своего собственнаго продовольствія. Лопари живутъ въ вежахъ, т. е. въ коническихъ шалашахъ, обложенныхъ дерномъ.

Большія становища, какъ напр., Семиостровское, Гаврилово и Тириберка, представляютъ видъ деревень, только чрезвычайно неправильно построенныхъ и разбросанныхъ, потому что пространство между берегомъ и окружающими губу скалами невелико, и надо пользоваться для постройки всякимъ удобнымъ мѣстомъ, не обращая уже вниманія на внѣшній порядокъ и симметрію. Строенія эти состоятъ изъ жилыхъ избъ, амбаровъ для храненія снастей, припасовъ и для соленія рыбы, и бань, безъ которыхъ русскій человѣкъ нигдѣ обойтись не можетъ. Въ большихъ становищахъ есть кромѣ того часовни. Каждый сколько нибудь зажиточный хозяинъ имѣетъ свою избу, прочіе же, промышляющіе одною или много двумя шняками (лодками), нанимаютъ помѣщеніе для своихъ работниковъ. Между этими строеніями столь же неправильно разбросаны костры сушеной рыбы и кучи тресковыхъ головъ, и вмазаны котлы, въ которыхъ топятъ жиръ. Избы, какъ и слѣдовало ожидать, представляютъ самое печальное зрѣлище и если бы не свѣжій и чистый морской воздухъ, среди котораго мурманскому промышленнику приходится проводить большую часть дня, то врядъ ли кто могъ бы долго выжить среди подобной

обстановки. На пространствѣ двухъ квадратныхъ саженъ живетъ иногда до двадцати человѣкъ. Воздухъ отъ такой массы тѣснящагося и потѣющаго люда дѣлается до того спертымъ и душнымъ, что ночью, случается, иные не выдерживаютъ и выползаютъ за двери, да такъ и ложатся на вѣтеръ. Кромѣ обыкновенныхъ испареній, воздухъ заражается міазмами отъ обуви и одежды, которая тутъ же вѣшается для сушки; нерѣдко къ потолку привѣшиваютъ сушить и невода или ярусы съ приставшими къ нимъ морскими водорослями, которыя, разлагаясь, испускаютъ невыносимое зловоніе. Кругомъ стѣнъ устроены длинныя нары для спанья, неимовѣрно грязныя, переполненныя всякою мерзостью, которая кишмя кишитъ среди рогожъ и всякой рухляди, служащей подстилкой. Сквозь щели плохо сложенной печи струится ѣдкій дымъ, разъѣдающій глаза; на полу груды сору, мусору, грязи и органическихъ веществъ.

Вотъ почему и неудивительно, что болѣзни, особенно заразительныя, какъ напр. тифъ или цынга, свирѣпствуютъ между промышленниками въ страшныхъ размѣрахъ: больныхъ на наличное число покрученниковъ приходится около 35%, а иногда и до 54%, т. е. болѣе половины. Цѣлое становище можетъ такимъ образомъ вымереть, и только кресты да разрушенныя избы могутъ указать на существовавшее забытое становище.

Въ первое время по приходѣ въ становища, разгребаютъ снѣгъ у избъ и амбаровъ, поправляютъ снасти, чинятъ и спускаютъ на воду шняки, и вскорѣ затѣмъ начинается и ловъ, ходъ и порядокъ котораго описаны ниже. Единственное орудіе, употребляемое на Мурманскомъ берегу для лова трески и прочихъ, употребляемыхъ въ пищу рыбъ (за исключеніемъ одной только сайды), есть *ярусъ*, т. е. длинный рядъ связанныхъ между собою веревокъ, къ которымъ

Общій видъ Семиостровскаго становища, снятый отъ берега къ морю.

прикрѣплены, на извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга, коротенькія тонкія веревочки *(арастеги)*, имѣющія на концѣ стальные крюки, наживленные мойвою, песчанкою (породы мелкой рыбы) или морскимъ червемъ. Къ обоимъ концамъ и къ срединѣ яруса привязываютъ по якорю, которые должны удерживать его вблизи морскаго дна. Къ якорямъ привязаны веревки, длина

которыхъ должна равняться глубинѣ моря въ томъ мѣстѣ, гдѣ выкидываютъ, ярусъ и къ концу ихъ, выходящему на поверхность воды, прикрѣпляютъ значки, по которымъ можно бы было отыскать мѣсто, гдѣ ярусъ лежитъ на днѣ, и вытащить его за веревку, идущую отъ значка къ якорю. Значки эти состоятъ изъ деревянной чурки-*кубаса*, въ которую вдѣлана довольно длинная палка, оканчивающаяся *маховкою*, т. е. мочальнымъ пучкомъ или чѣмъ либо подобнымъ. Палка вмѣстѣ съ маховкою называется *пафурою*. Такъ какъ у кубаса нѣтъ никакого грузила, которое заставляло бы вбитую въ него пафуру держаться вертикально, то при совершенно гладкой поверхности моря, когда оно остеклѣетъ—по живописному выраженію архангельцевъ, — пафура лежитъ на водѣ и весьма плохо выполняетъ свое назначеніе — служить издали примѣтою снасти. Но такой глади, можно сказать, въ океанѣ никогда не бываетъ; при всякомъ же ударѣ волны пафуру приподнимаетъ, и она становится тѣмъ ближе къ вертикальному положенію, чѣмъ волна сильнѣе. Эти безпрерывные розмахи значка дѣлаютъ его болѣе примѣтнымъ, чѣмъ если бы онъ постоянно торчалъ вверхъ. Длина всего яруса бываетъ верстъ до шести и даже до девяти. Отдѣльныя веревки, изъ которыхъ онъ связанъ, называются стоянками или стеклинами. Стоянка бываетъ отъ 40 до 50 саженъ длиною, а толщина съ мизинецъ; аростеги бываютъ обыкновенно четвертей въ пять длиною и промышленники полагаютъ, что чѣмъ *аростега* длиннѣе и тоньше, тѣмъ лучше попадается рыба. Аростегу отъ аростеги привязываютъ на разстояніи приблизительно полусажени.

На ловъ выѣзжаютъ въ особеннаго рода длинныхъ лодкахъ, называемыхъ *шняками*. Все внутреннее устройство ихъ хорошо приспособлено къ помѣщенію какъ рыболовной снасти, такъ и уловленной рыбы. Вся шняка отъ кормы до носа раздѣлена досчатыми перегородками на нѣсколько отдѣловъ, имѣющихъ свое спеціальное назначеніе. Задняя часть — корма покрыта на нѣкоторомъ пространствѣ досками и кусками смоленой парусины. Это — каюта кормщика, въ которой онъ можетъ спать и вообще укрываться отъ непогоды, когда, выметавъ ярусъ, ожидаютъ въ морѣ времени его вытягиванья. За каютой слѣдуетъ узкій отдѣлъ для младшаго изъ четырехъ человѣкъ, составляющихъ экипажъ шняки, такъ называемаго наживодчика, обязанность котораго состоитъ въ томъ, чтобы наживлять, надѣвать наживу на крючки. За этимъ слѣдуютъ еще на 3, 4 отдѣленія, куда отчасти складываютъ пойманную рыбу, отчасти вытащенный ярусъ. Къ сожалѣнію, шняки никакъ нельзя назвать хорошими морскими судами,—онѣ и медленны на ходу, и тяжелы на веслахъ, а главное дурно выносятъ волненіе океана. Въ прежнія времена отцы и дѣды нынѣшняго поколѣнія не пускались въ нихъ далеко отъ береговъ, а выѣзжали на ловъ изъ становищъ только при самой благопріятной погодѣ. Такъ теперь есть еще у поморовъ поговорка, что старики не выѣзжали въ море, когда волосъ на головѣ шевелится. Теперь стали посмѣлѣе, ѣздятъ и за 30 верстъ отъ береговъ выметывать яруса и не обращаютъ такого вниманія на погоду; но зато и несчастья не рѣдки. Случается почти ежегодно, что шняки опрокидываетъ, когда онѣ безъ груза отправляются на ловъ, или ихъ заливаетъ волною, когда онѣ глубоко сядутъ подъ грузомъ наловленной рыбы. Едва ли какая мѣра могла бы принести столько пользы нашимъ промышленникамъ, какъ замѣна ихъ шнякъ превосходными норвежскими *елами*. На этихъ елахъ поморы, подобно норвежцамъ, могли бы гораздо далѣе выходить въ море и часто пользоваться изобильными уловами въ то время, когда, по какимъ либо причинамъ, рыба держится вдали отъ береговъ,—могли бы долѣе оставаться въ открытомъ морѣ и отыскивать тамъ стаи ея. Такъ норвежцы дѣлаютъ на своихъ елахъ нерѣдко морскія поѣздки въ нѣсколько сотъ верстъ.

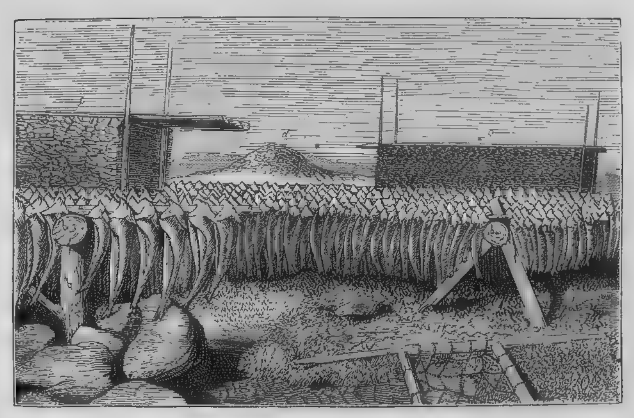
Самый ловъ производится слѣдующимъ образомъ. Сначала отправляются за наживкой: песчанкой или мойвой. Въ иныхъ становищахъ, какъ напримѣръ, въ Гавриловѣ и Лицѣ, губы съ песчанымъ дномъ, гдѣ она водится, не вдалекѣ. Въ такомъ случаѣ всѣ промышленники собираются къ вечеру въ эти мѣста, и каждая партія, состоящая изъ четырехъ человѣкъ и составляющая, такъ сказать, промысловую единицу, закидываетъ здѣсь свой маленькій, мелкоячейный

неводъ и тянетъ его къ берегу столько разъ, пока не успѣетъ наловить достаточнаго количества песчанки для наживки на весь слѣдующій день. Въ большихъ становищахъ этотъ ловъ весьма любопытенъ. Въ небольшой губѣ собираются до двухъ сотъ человѣкъ съ нѣсколькими десятками лодокъ. Одни заметываютъ невода, другіе тянутъ, третьи, развязавъ мотню, высыпаютъ изъ нея пойманную песчанку въ ушаты. Тянутъ невода въ разныя стороны, одни черезъ другихъ, при чемъ веревки ихъ перекрещиваются; если все ловцы изъ одного и того же становища, то ссоръ и дракъ при этомъ почти не бываетъ. Но онѣ нерѣдки тамъ, гдѣ собираются на ловъ изъ нѣсколькихъ сосѣднихъ становищъ, гдѣ удобное для тяги неводовъ пространство берега не велико и гдѣ, слѣдовательно, всѣ стараются захватить себѣ побольше мѣста. Съ наловленною вечеромъ песчанкою отправляются ночью на ловъ, возвращаются въ теченіе дня съ пойманною рыбою, а вечеромъ того же дня опять ѣдутъ за песчанкою. Слѣдовательно, тутъ ловъ трески производится безостановочно каждый день, за исключеніемъ праздниковъ, такъ что по субботамъ и наканунѣ праздниковъ наживки не ловятъ. Но въ другихъ становищахъ, какъ, напримѣръ, у Семи-острововъ, гдѣ нужно ѣздить за песчанкою къ устью рѣки Лицы верстъ за десять, отправляются за нею къ ночи; утромъ ловятъ ее и возвращаются, съ нею въ свое становище въ теченіе дня, — при противныхъ вѣтрахъ даже не ранѣе вечера, такъ что выѣзжать въ море для выметанія ярусовъ могутъ только черезъ день. Если же вычесть праздники и бурные дни, не позволяющіе оставлять становище, то кругомъ придется не болѣе двухъ дней настоящаго лова въ недѣлю. Когда нѣтъ ни мойвы, ни песчанки, то ѣздятъ на примелыя песчаныя прибрежья выкапывать, во время отлива, большихъ морскихъ червей (Arenicola piscatorum). Этотъ червь — длиною въ четверть и въ полторы — вбуравливается въ морской песокъ, т. е. вбираетъ его въ ротъ и въ кишечный каналъ, такъ что вся внутренность его наполнена пескомъ, и такимъ образомъ вдавливается въ образующуюся пустоту, и изъ задняго конца выпускаетъ этотъ песокъ въ видѣ червеобразныхъ клубковъ толщиною въ перо. Эти клубки обнаруживаютъ присутствіе червя, а выкапываютъ его особымъ инструментомъ, называемымъ червяницею, т. е. большимъ желѣзнымъ гребнемъ о 5 и 6 зубьяхъ, надѣтымъ на довольно длинную рукоятку. Такъ какъ черви сидятъ глубоко въ пескѣ, то выкапыванье ихъ не легко, а потому нельзя никогда успѣть накопать столько червей, чтобы наживить ими такое же количество крючьевъ, какъ песчанкою или мойвою, и слѣдовательно необходимо бываетъ значительно уменьшать длину ярусовъ.

Время отправленія шняки съ ярусомъ для его выметыванія принаравливаютъ такъ, чтобы выметывать ярусъ при самомъ низшемъ стояніи воды въ морѣ, — по здѣшнему, въ *куйпугу*. Прибывъ на мѣсто, которое кормщикъ — распорядитель всего лова — считаетъ удобнымъ для выметки яруса, выбрасываютъ сначала кубасъ, а затѣмъ якорь съ ярусомъ, прикрѣпленнымъ къ веревкѣ, идущей отъ него къ кубасу. Весельщикъ и другой рабочій гребутъ, а кормщикъ продолжаетъ выметывать снасть, стараясь, по возможности, сохранить одно направленіе. Выметавъ половину снасти, бросаютъ второй якорь съ кубасомъ, а при концѣ всего яруса третій. Кормщикъ долженъ быть хорошо знакомъ съ глубиною моря, ибо если веревка, соединяющая якорь съ кубасомъ, слишкомъ коротка по глубинѣ мѣста, то кубасъ потонетъ. Также долженъ кормщикъ замѣчать по берегу положеніе каждаго изъ кубасовъ, чтобы всегда быть въ состояніи ихъ отыскивать, если, напримѣръ, погода принудитъ шняку оставить снасть въ морѣ, чтобы самимъ укрыться въ становищѣ. Выметавъ ярусъ, привязываютъ шняку къ кубасу и стоятъ на якорѣ, пока не придетъ время вытягивать снасть. Такъ какъ дѣлать нечего, то всѣ укладываются спать. Обыкновенно оставляется ярусъ въ морѣ цѣлую воду, т. е. шесть часовъ, если же рыбы мало ловится, то двѣ воды, а иногда даже цѣлыя сутки; въ этомъ послѣднемъ случаѣ, выметавъ яруса, всегда возвращаются въ становище. Тянетъ ярусъ тяглецъ. Работа эта требуетъ чрезвычайно продолжительныхъ усилій, такъ какъ ярусъ бываетъ до шести и болѣе верстъ длиною.

По мѣрѣ вытаскиванія яруса снимаютъ съ крючковъ попавшуюся на нихъ рыбу, и нерѣдко тотчасъ же вновь наживляются крючки и вновь опускаютъ ярусъ на дно. Эта работа особенно трудна въ весеннее время, когда еще стоятъ сильные морозы. Наживка опускается тогда въ мѣшкѣ въ море, чтобы она не закоченѣла отъ мороза, а оставалась гибкою. Не легко, конечно, въ это время тяглецу и кормщику, обливаемымъ текущею со снасти водою, температура которой ниже точки замерзанія; но они имѣютъ нарукавники и самыя усилія согрѣваютъ ихъ. Между тѣмъ наживодчикъ, обыкновенно мальчикъ отъ 15 до 18 лѣтъ, долженъ голыми руками, коченѣющими отъ холода, надѣвать мерзнущую въ рукахъ рыбу на уду. Уколы и царапины при этомъ неизбѣжны, и соленая морская вода разъѣдаетъ ихъ. Руки наживодчиковъ всегда почти покрыты ранами и болячками. Такъ какъ у ярусовъ нѣтъ поплавковъ, то снасть эта не виситъ въ водѣ удами внизъ, а лежитъ на днѣ. Поэтому кромѣ рыбы зацѣпляются за крючки, къ большому неудовольствію ловцовъ, разныя низшія морскія животныя, живущія на днѣ моря; всякій разъ вытягивается по нѣскольку штукъ губокъ, морскихъ звѣздъ, которыхъ называютъ здѣсь раками, крабовъ и даже раковинъ. Эти животныя, столь дорогія для натуралиста, впрочемъ, только занимаютъ мѣсто, которое рыбаки желали бы видѣть занятымъ рыбою; но гораздо болѣе досаждаютъ имъ мелкія животныя, извѣстныя у нихъ подъ именемъ *копшаковъ*. Названіе это они даютъ всѣмъ вообще ракообразнымъ животнымъ съ удлиненной формой тѣла, какъ-то: отряду Amphipoda и длиннохвостымъ десятиногимъ ракамъ (Decapoda), преимущественно же самымъ обыкновеннымъ здѣсь изъ этихъ формъ, роду Gommarus. Дно морское, какъ у береговъ, такъ и на довольно значительной глубинѣ, можно сказать, кишитъ ими, и если къ концу лѣта, когда ночи становятся уже темными, оставить яруса на ночь въ морѣ, то они не только съѣдаютъ наживку, но заползаютъ въ пойманную на уду рыбу и выѣдаютъ изъ нея все мясо. Не смотря на это, должно однако же сказать, что промышленники, проклиная копшаковъ, въ высшей степени къ нимъ несправедливы, потому что они составляютъ главнѣйшую пищу мелкой рыбы, которою, въ свою очередь, питается крупная, такъ что они во сто кратъ выкупаютъ приносимый ими вредъ.

Пойманную треску большею частью солятъ, но весною, съ начала лова до Николина дня, когда солнце уже довольно сильно печетъ, а въ воздухѣ еще холодно и дождей мало, вывѣшенная на вѣтру рыба можетъ провянуть, не подвергаясь гніенію и безъ соли. Поэтому, въ это время треску сушатъ, а не солятъ. Для этого, какъ и для соленія, отрубаютъ голову, разрѣзаютъ по спинѣ, такъ чтобы хребетная кость оставалась на одной половинѣ, пропарываютъ брюхо и вынимаютъ внутренности; такъ какъ при этомъ не перерѣзаютъ пояса плечевыхъ костей, то въ это брюшное отверстіе можно для сушки нанизывать рыбу на жерди, называемыя здѣсь *палтухами*, какъ это изображено на приложенномъ рисункѣ.

Вѣшалки для сушки трески на Гавриловскомъ становищѣ.

При чисткѣ рыбы и приготовленіи ея для соленія или сушки отдѣляютъ всегда печень, называемую *максою* или *воюксою*, чтобы вытапливать изъ нея жиръ. Ее кладутъ для этого сначала въ деревянныя кадки, гдѣ солнцемъ выдѣляется изъ нея часть жира, называемая самоте-

кою; ее счерпываютъ съ поверхности и хранятъ, какъ лучшій сортъ, отдѣльно; остающаяся затѣмъ масса, въ которой еще много жира, кладется въ котлы, подъ которыми разводятъ огонь, нисколько не приливая въ котлы воды. По отдѣленіи и этого жира, остается на днѣ черная пригорѣлая масса, называемая *шкварою*, которую или бросаютъ или, при случаѣ, если какое нибудь судно отправляется въ Норвегію, берутъ съ собою и продаютъ за что бы то ни было— обыкновенно промѣниваютъ за ромъ. Эта шквара идетъ въ Норвегію на удобреніе полей. Для этой же цѣли норвежцы не бросаютъ тресковыя головы и внутренности, какъ это по большей части дѣлаютъ наши промышленники, а сушатъ и, превративши въ порошокъ на особенныхъ, спеціально для этой цѣли приспособленныхъ мельницахъ, употребляютъ въ качествѣ искусственнаго гуано, который продаютъ и въ Гамбургѣ.

Къ концу промысла пріѣзжаютъ суда, которыя захватываютъ съ собою пойманную рыбу. Въ это время всю вылавливаемую треску не складываютъ уже болѣе въ амбары или бочки, а прямо въ трюмы шкунъ, пересыпая слои рыбы солью.

Покончивши свою многотрудную работу и покутивъ хорошенько на счетъ своего заработка, который зачастую весь тутъ и уходитъ, промышленники покидаютъ становище до слѣдующаго года и возвращаются въ свои деревни, предоставляя беречь оставленное добро лопарю-сторожу.

Кромѣ рыбы, на Мурманѣ производится еще ловъ акулъ, а въ былое время били и китовъ.

Акула водится въ Сѣверномъ океанѣ въ довольно значительномъ количествѣ, и ловъ ея, производимый съ цѣлью добыванія жира изъ ея огромной печени, въ послѣднее время начинаетъ принимать все большіе и большіе размѣры. Акула очень медленно размножается, и потому слѣдуетъ вести промыселъ какъ можно правильнѣе и раціональнѣе, если не хочешь совершенно извести это животное; уже въ Норвегіи, гдѣ ловъ ея производится давно и въ гораздо большихъ размѣрахъ чѣмъ у насъ, по словамъ промышленниковъ, замѣчается нѣкоторое уменьшеніе количества акулъ; у насъ же, гдѣ промыселъ этотъ былъ до сихъ поръ почему-то въ загонѣ, какъ увѣряютъ промышленники, акула встрѣчается чаще, чѣмъ въ Норвегіи. Въ частяхъ Сѣвернаго Ледовитаго океана, омывающихъ наши берега, попадаются два вида акулъ, принадлежащихъ къ двумъ совершенно различнымъ родамъ: Scymnus borealis, длиною не болѣе двухъ или двухъ съ половиною саженей, и гораздо большія по размѣрамъ Selache maxima, достигающія иногда длины пяти саженъ. Русскіе промышленники бьютъ исключительно первый видъ, норвежцы же, поставленные, благодаря хорошему устройству ихъ судовъ (елъ), въ лучшія условія, промышляютъ и большой видъ — Selache maxima. У насъ акулій промыселъ существуетъ уже давно, лѣтъ триста, хотя и съ перерывами, и заимствованъ онъ былъ у сосѣдей норвежцевъ, но какъ-то плохо прививался, несмотря даже на то, что разъ (въ 1834 году) дана была субсидія отъ казны на производство акульяго промысла. Въ 1851 году норвежскимъ выходцемъ Сулемъ, какъ его называютъ поморы, бой акулъ былъ вновь возобновленъ. Суль первый свой ловъ началъ въ Териберкѣ, гдѣ и теперь послѣ Ильина дня нельзя выметывать ярусовъ для ловли трески ночью, потому что акулы объѣдаютъ попавшуюся на ярусъ треску. Суль вываливалъ въ воду барду (остатки негодные отъ добыванія жира), навозъ и даже экскременты, и сильный запахъ, распространяющійся отъ этихъ веществъ по водѣ, собиралъ акулъ цѣлыми стаями въ тысячи штукъ. Тогда кидались имъ крючки съ нерпичьимъ мясомъ и тому подобная дрянь, на которыхъ прожорливая акула и попадалась и убивалась ударами по головѣ. Примѣръ норвежскаго промышленника побудилъ и нѣкоторыхъ русскихъ, живущихъ постоянно въ Колѣ, взяться за это дѣло, и теперь промышленниковъ довольно много и сала добывается отъ 500 до 1000 пудовъ ежегодно.

Ловъ акулъ производится въ губахъ Териберской, Кольской и Урской преимущественно жителями города Колы. Они выѣзжаютъ въ море на шнякахъ, т. е. безпалубныхъ лодкахъ, тогда какъ норвежцы всегда употребляютъ для этого дѣла палубныя суда съ 5 — 6 людьми. Такое устройство судна, имѣющаго всего 4 человѣка рабочихъ, не даетъ возможности ни удаляться далеко

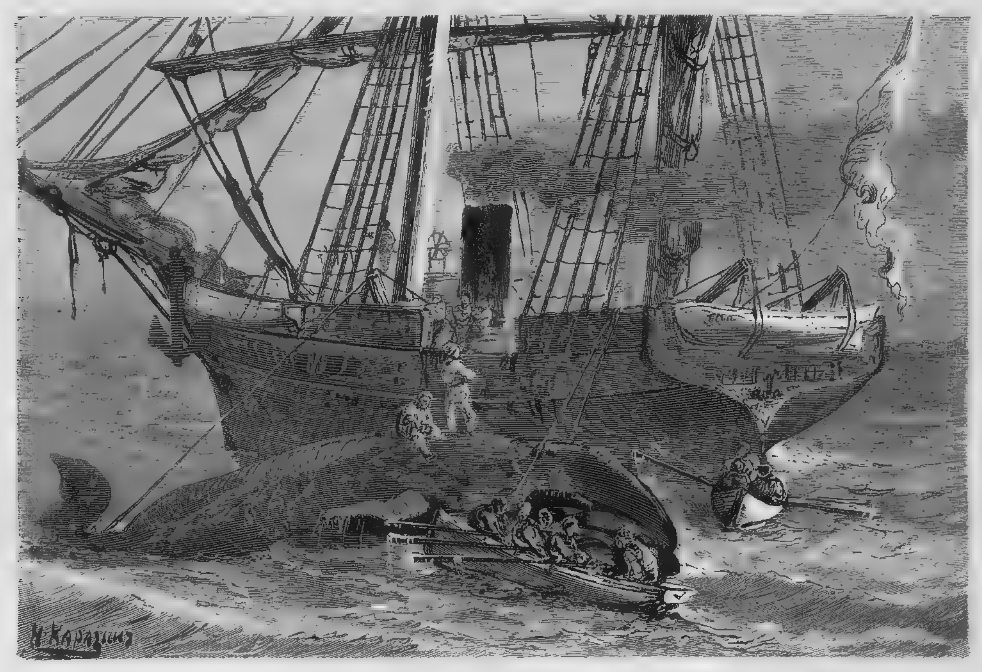
отъ берега, ни помѣщать много груза, и потому ловля у насъ не такъ прибыльна, какъ въ Норвегіи. Вышедши на извѣстное разстояніе отъ берега, кидаютъ якорь. Наполнивъ какую нибудь посудину, съ просверленнымъ въ ней отверстіемъ, ворванью, саломъ или чѣмъ нибудь другимъ, опускаютъ ее въ море, привязавъ къ ней предварительно тяжелый камень, чтобы она пошла прямо на дно. Иногда просто кидаютъ рогожный кулекъ съ тѣми же самыми веществами. Сало изъ отверстій струится по теченію, распространяя далеко сильный запахъ. Акулы, отличающіяся необыкновеннымъ чутьемъ, бросаются на мѣсто лова, гдѣ ихъ уже ожидаетъ выметанный промышленниками предварительно снарядъ, состоящій изъ лѣсы (веревки въ 1 дюймъ въ діаметрѣ) въ 150 или 200 саженъ длиною; къ концу ея привязана другая, скрученная вдвое, въ 7 — 12 саженъ. Эта часть аппарата называется сукунъ-барокъ. Къ нему прикрѣпляется желѣзное или чугунное грузило, вѣсомъ въ 20 фунтовъ, и отдѣльно желѣзная цѣпь въ 2 сажени, въ концѣ которой находится уда въ одинъ футъ длины съ наживленнымъ на нее большимъ кускомъ нерпичьяго или китоваго мяса. Грузило лежитъ на днѣ въ то время, когда крючекъ съ цѣпью свободно виситъ въ нѣкоторомъ разстояніи. Назначеніе желѣзной цѣпи, къ которой прикрѣпленъ крюкъ, ясно. Акулѣ ничего не стоитъ перекусить толстый корабельный канатъ, тѣмъ менѣе усилій надо ей, чтобъ перервать сукунъ-барокъ.

Чующая поживу издали, акула идетъ до самаго крюка. Тутъ она жадно хватается за наживу и попадаетъ на уду. Соединенными усиліями трехъ промышленниковъ ее вытаскиваютъ на поверхность океана, а четвертый, самый искусный, стоитъ на носу лодки съ кротиломъ или *мушклемъ* въ рукахъ (*мушклъ* — деревянный молотъ, вѣсомъ въ 20 фунтовъ). Какъ только голова акулы показалась изъ воды, онъ бьетъ ее со всего размаху мушклемъ, *кротитъ*. Акула разомъ лишается чувствъ. Ее перевертываютъ и тотчасъ же вскрываютъ ей брюхо клепикомъ, т. е. хорошо отточеннымъ и крѣпкимъ ножомъ съ рукоятью въ $1^1/_3$ аршина. Акульи молоки вынимаютъ и берутъ въ лодку, а плавательный пузырь ея (паюсъ) надуваютъ воздухомъ, посредствомъ дудки въ $^3/_4$ аршина. Потомъ снимаютъ акулу съ крюка и пускаютъ ее въ море. Надуваютъ плавательный пузырь именно съ тою цѣлью, чтобъ туша убитаго животнаго не опустилась на дно, гдѣ ее тотчасъ же съѣдятъ другія акулы, которыхъ уже не заманить послѣ того на приманку. Впрочемъ, если ловъ акулы производится со льда, то тушу бросаютъ прямо на ледъ, гдѣ она и остается до тѣхъ поръ, пока весенніе вѣтры не унесутъ льдины въ открытый океанъ.

Въ то время, когда ловцы такимъ образомъ распоряжаются съ первою акулою, другія тоже хватаютъ наживку и ждутъ своей очереди, а между тѣмъ сало или ворвань, вытекающія изъ опущеннаго на дно сосуда или мѣшка, успѣетъ подняться на поверхность моря, привлекая и сюда массу акулъ; тогда-то и начинается самый драматическій моментъ промысла. Страшныя животныя окружаютъ утлую шняку, причемъ каждое изъ нихъ иногда бываетъ больше самой лодки. Это называется *оплывомъ*. Тутъ уже не нужно ни наживокъ, ни удъ. Кормчій беретъ *ляпъ* — крюкъ изъ желѣза, въ аршинъ длины, съ кольцомъ на концѣ, въ которое три раза продѣтъ дюймовый тросъ, перевязанный узлами черезъ каждые полуаршина. Выбирая то животное, которое поближе къ нему, онъ ловко захватываетъ его ляпомъ, притягиваетъ или его къ себѣ, или лодку къ нему при помощи узловъ, а другой въ это время колотитъ ее по головѣ мушклемъ, т. е. деревяннымъ молоткомъ. Потомъ взрѣзывается брюхо акулы и вынимаются молоки (печень). Рукоятка ножа—клепика, которымъ производится вскрываніе брюха акулы, потому такъ длинна, что иначе акула можетъ откусить руки, такъ какъ въ то время, когда промышленники расправляются съ одною, другія возятся тутъ же вокругъ лодки.

Иногда промышленники изъ преслѣдующихъ обращаются въ преслѣдуемыхъ. Оплывъ, случается, бываетъ такъ великъ, что ловцы бросаютъ все и стараются только объ одномъ, какъ бы скорѣе добраться до берега, боясь, чтобы акулы не раздробили бортовъ шняки зубами. Разумѣется, акулы гонятся за шнякою, перегоняя ее, подстерегая на пути, стараются

разбить это хрупкое судно ударами своихъ хвостовъ, подбираются къ нему снизу, и нужна громадная опытность, самообладаніе и сила, чтобъ причалить къ берегу невредимыми. Недавно, на Мурманѣ, погибла такимъ образомъ шняка съ ловцами. Оплывъ былъ столь громаденъ, что въ сплошной стѣнѣ акулъ, лодка не могла пробить себѣ бреши и, опрокинутая чудовищными хищниками, была унесена теченіемъ въ открытое море. Что же касается людей, то изъ нихъ не спасся ни одинъ: всѣ были разорваны акулами на части и пожраны ими.

Убитый норвежцами китъ.

Къ животнымъ, которыя въ Ледовитомъ океанѣ могли бы составить очень выгодную статью промысла, принадлежатъ еще киты. Дѣйствительно, число китовъ, встрѣчаемое у нашихъ береговъ, довольно значительно. Уже въ горлѣ Бѣлаго моря можно ихъ встрѣтить, а если выйдти изъ моря и ѣхать въ открытомъ океанѣ, то не проходитъ почти дня, чтобы не видѣть по нѣскольку этихъ огромныхъ животныхъ, пускающихъ фонтаны брызгъ и пара съ особеннымъ звукомъ, который нельзя смѣшать ни съ какимъ другимъ, и который невольно привлекаетъ на себя вниманіе. Не одинъ разъ случается, что громадный китъ возстаетъ изъ глубины въ немногихъ только саженяхъ отъ судна, покажетъ заднюю часть головы, потомъ всю спину съ торчащимъ на ней плавникомъ, по здѣшнему сукомъ, пуститъ свой фонтанъ, тяжко вздохнетъ (съ глухимъ, но на столько сильнымъ гуломъ, что онъ бываетъ слышенъ за нѣсколько верстъ), окунется впередъ головою, а потомъ, поднявъ высоко надъ водою свой хвостъ, надолго исчезаетъ. Нѣкоторые изъ китовъ достигаютъ около пятнадцати саженъ и даже болѣе. Надъ входомъ въ Кольскую и Большую Мотовскую губы и даже далеко внутрь самой Кольской губы, гдѣ она уже значительно сужена, нерѣдко встрѣчаются киты. Слѣдовательно, въ значительности числа китовъ у нашихъ лапландскихъ береговъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Но самая значительность ихъ происходитъ, по всѣмъ вѣроятіямъ,

оттого, что у насъ всегда промыселъ китовый былъ мало развитъ, а теперь и совсѣмъ прекратился; киты принадлежатъ къ числу такихъ животныхъ, которыя размножаются до чрезвычайности медленно, и потому если начать истреблять ихъ, то въ короткое время ихъ можно совершенно перевести. Промыселъ этотъ долженъ вестись съ соблюденіемъ всѣхъ нужныхъ правилъ, необходимыхъ для сохраненія этихъ чрезвычайно полезныхъ для человѣка животныхъ. Норвежцы, которые всегда били не мало китовъ, въ настоящее время, благодаря паровымъ судамъ, а главное новому способу ловли—не гарпунами, а огнестрѣльнымъ оружіемъ (пушками) съ разрывными пулями, грозятъ въ скоромъ времени совершенно истощить весь запасъ плавающихъ въ ихъ моряхъ китовъ или прогнать ихъ въ тѣ области океана, которыя принадлежатъ русскимъ. Данилевскій и Бэръ объясняютъ неудачи, постигавшія всѣ наши попытки завести китоловный промыселъ, отчасти сравнительно небольшимъ количествомъ жира, доставляемымъ этою огромнѣйшею изъ китовыхъ породъ, короткостью ея усовъ, дѣлающею ихъ негодными къ употребленію, и, наконецъ, большою быстротою и силою животнаго, вслѣдствіе которыхъ бой бываетъ не только опасенъ, но и рѣдко удаченъ, такъ что онъ не окупаетъ значительныхъ издержекъ, требуемыхъ на снаряженіе китоловныхъ экспедицій. Другою причиною можетъ быть выставлено — отсутствіе достаточно хорошо приспособленныхъ для этого дѣла судовъ, и это, повидимому, составляетъ главную, если не единственную причину, почему русскіе промышленники пренебрегаютъ китами; да еще можно сюда прибавить неумѣнье русскихъ удерживать убитаго кита на поверхности воды. На сѣверѣ киты сравнительно имѣютъ мало жира, и потому очень часто убитый китъ идетъ тотчасъ же ко дну. Говорятъ, Фойнъ, извѣстный шведскій китоловъ, обладаетъ секретомъ удерживать китовъ на поверхности и секретъ свой продастъ другимъ за дорогую цѣну. Только поэтому у насъ китовъ и не ловятъ. Находятъ же норвежцы и шведы выгоднымъ для себя производить бой китовъ и тратить на это дѣло большія суммы, а что и у нашихъ береговъ этотъ промыселъ могъ бы быть не менѣе выгоднымъ, доказывается уже тѣмъ стараніемъ и тою настойчивостью, съ которою извѣстный путешественникъ на нашемъ сѣверѣ Сандебергъ старался получить привиллегію на китоловный промыселъ въ нашихъ областяхъ Ледовитаго океана. Впрочемъ вреда отъ значительнаго количества китовъ для нашего сѣвера и именно рыбныхъ его промысловъ не можетъ произойти никакого, такъ какъ киты рыбой нашей не питаются.

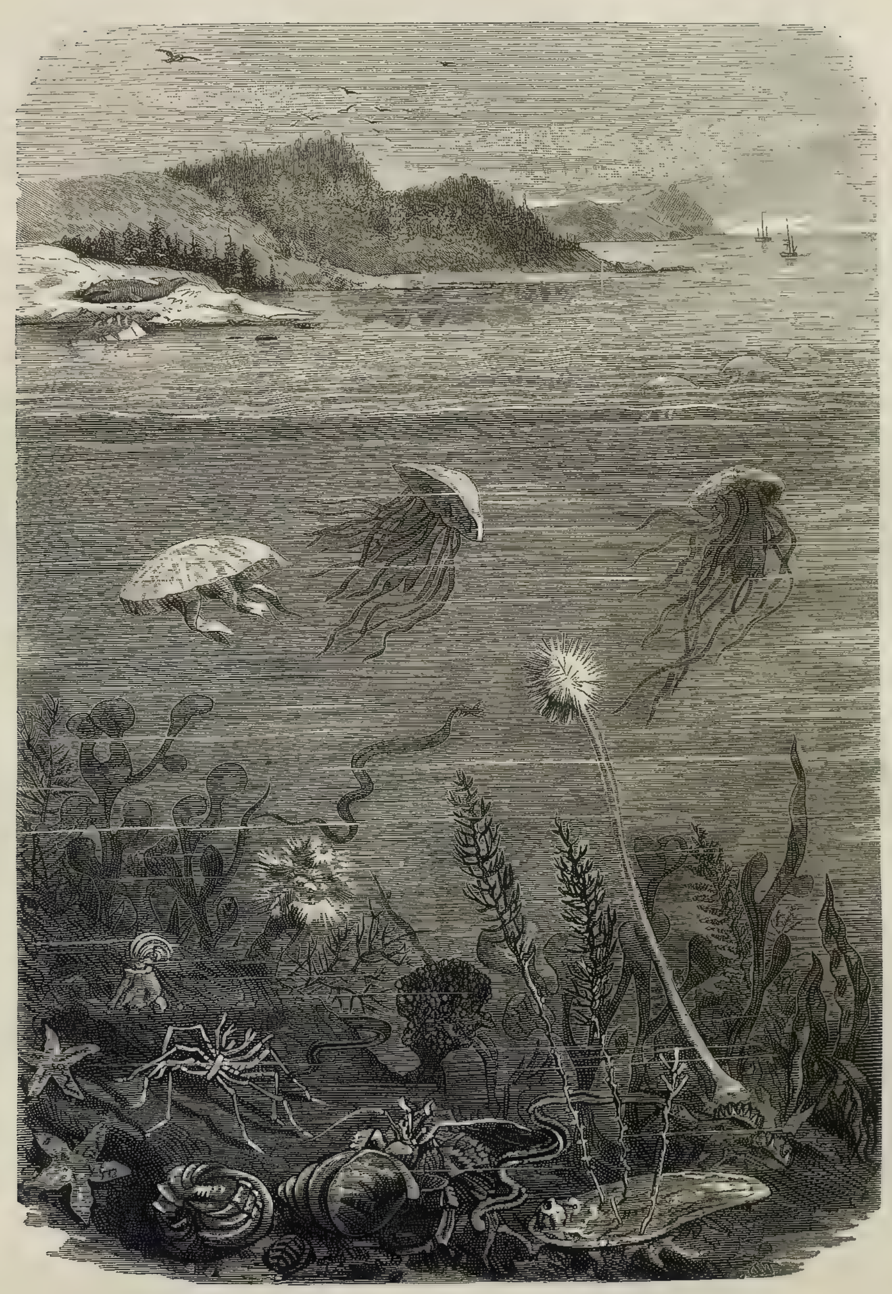
Уже начиная съ Петра Великаго, дѣлались попытки, всегда неудачныя, къ введенію у насъ китоловнаго промысла. Когда сѣверные морскіе промыслы отдавались въ содержаніе, то при этомъ правительство всегда выговаривало въ условіи, чтобы производился и китовый бой. Только графъ Шуваловъ, при отдачѣ ему въ содержаніе сѣверныхъ морскихъ промысловъ въ 1748 году, былъ освобожденъ отъ обязанности заниматься и китоловнымъ промысломъ, прямо въ видахъ избавленія его отъ убытковъ. При императрицѣ Екатеринѣ Великой было даже ассигновано на это дѣло отъ казны 20,000 рублей, но и эти попытки остались безъ всякихъ послѣдствій. Единственная польза, которую доставляли до сихъ поръ эти животныя, заключается въ томъ, что лопари находятъ, отъ времени до времени, выброшеннаго на берегъ кита и продаютъ его сало кольскимъ купцамъ или поморамъ. Въ Большой Мотовской губѣ это случается обыкновенно нѣсколько разъ въ году; но рѣже выбрасываетъ китовъ въ другихъ мѣстахъ Мурманскаго берега. Въ Норвегіи ихъ стрѣляютъ еще съ берега стрѣлами, на которыхъ сдѣланы замѣтки, дающія возможность узнавать ихъ хозяина. Если потомъ случится, что такой китъ будетъ выброшенъ на берегъ, то половина его принадлежитъ владѣльцу той части берега, на которую онъ выброшенъ, а другая убившему его.

Для рыбнаго промысла необходимы достаточные запасы поваренной соли, вслѣдствіе чего солевареніе развилось на Бѣломъ морѣ одновременно съ развитіемъ рыбныхъ промысловъ. Но въ настоящее время солевареніе на Бѣломъ морѣ находится въ крайне печальномъ состояніи и производится только на Лѣтнемъ берегу. Еще недавно было всего около 10 солеваренныхъ

заводовъ по прибрежьямъ Бѣлаго моря, изъ которыхъ одни добывали соль изъ морской воды, другіе же (Ненокса) изъ соляныхъ колодцевъ. Особенно развитъ этотъ промыселъ въ поморскомъ селеніи Ненoксѣ и за Сюзьмой въ Красной горѣ. Такъ какъ всѣ строенія, относящіяся до солеваренія, построены довольно давно, то они имѣютъ обыкновенно весьма плачевный, непривлекательный видъ. Старыя соляныя варницы эти, имѣющія видъ длинныхъ, мрачныхъ съ виду избъ, попадаются въ довольно значительномъ количествѣ по всей дорогѣ отъ Неноксы къ Сюзьмѣ. Самая выварка соли производится въ такъ называемыхъ чренахъ — огромныхъ желѣзныхъ ящикахъ, стоящихъ на желѣзныхъ же полосахъ и на четырехъ столбахъ по сторонамъ. Чренъ этотъ, или чанъ, наполняется до верху морской водой, которая изъ моря течетъ по канавкѣ, нарочно для этого прокапываемой, или же иногда и по трубамъ. Морская вода, какъ извѣстно, содержитъ въ себѣ въ видѣ растворовъ различныя соли, изъ которыхъ преобладаетъ поваренная соль или хлористый натрій, кромѣ того, въ большей или меньшей степени соли извести и магнія; послѣднія соли придаютъ горьковатый вкусъ морской водѣ и поваренной соли, изъ нея добываемой. Подъ чанъ подкладываютъ огонь и нагрѣваютъ находящуюся въ немъ морскую воду до тѣхъ поръ, пока не испарится вся вода и не останется на днѣ осадокъ различныхъ солей. При кипяченіи всегда образуется на поверхности разсола грязная пѣна отъ различныхъ примѣсей и нечистотъ, находящихся въ водѣ; эту пѣну снимаютъ, а осадокъ выгребаютъ и сушатъ на воздухѣ. Къ сожалѣнію, слѣдуетъ замѣтить, что выварка соли производится крайне небрежно; трубы и канавы, по которымъ протекаетъ разсолъ, никогда не прочищаются, не принимается никакихъ мѣръ для уменьшенія количества постороннихъ примѣсей, преимущественно известковыхъ и магніевыхъ солей; оттого и соль, добываемая на бѣломорскихъ варницахъ, очень дурнаго качества и весьма низко цѣнится. Она грязнаго, иногда совсѣмъ темнаго цвѣта и на вкусъ сильно горьковата, такъ что для соленія рыбы почти не годится. А между тѣмъ изъ описанія поморскаго быта видно было, что все благосостояніе поморовъ, даже самое ихъ существованіе зависитъ исключительно почти отъ рыбной ловли и отъ большаго или меньшаго запаса соленой рыбы, который они успѣютъ себѣ приготовить. Съ худой же солью никакая рыба въ прокъ не пойдетъ: она скоро начинаетъ гнить и дѣлается негодною не только для продажи, но и для домашняго употребленія. Понятно поэтому, что поморъ предпочитаетъ пускать въ дѣло хорошую соль, привозимую изъ-за границы черезъ Норвегію. Она не только превосходнаго качества, но обходится и дешевле своей русской, которая, благодаря акцизу, не можетъ конкурировать съ привозной, обыкновенно добываемой промышлениками безпошлинно, контрабандой.

А между тѣмъ Бѣлое море могло бы дать и свою хорошую соль, если бы ее разрабатывать какъ слѣдуетъ. Бѣлое море имѣетъ весьма значительное процентное содержаніе поваренной соли, оно солонѣе не только Балтійскаго, но и Каспійскаго и даже Чернаго морей. Впрочемъ въ этомъ отношеніи различные пункты Бѣлаго моря представляютъ различныя выгоды; самая прѣсная часть — это Онежскій заливъ, гдѣ морская вода сильно опрѣсняется рѣкой Онегой и другими рѣчками. У Святаго же Носа соленость воды достигаетъ почти нормальной солености открытаго океана. Крѣпость разсола, т. е. соленость въ одномъ и томъ же мѣстѣ, измѣняется смотря по временамъ года. Такъ, напримѣръ, весною разсолъ у Красной горы двинскою водою такъ бываетъ разжиженъ, что выварку соли обыкновенно пріостанавливаютъ на апрѣль и май мѣсяцы. Тихая погода тоже благопріятствуетъ доброкачественности соли; въ это время вода чище, такъ какъ всѣ постороннія примѣси, не находящіяся въ ней въ растворѣ, успѣваютъ осѣсть на дно; наоборотъ, бурная погода подымаетъ со дна много илистыхъ частицъ, отчего соль выходитъ гораздо менѣе чистою.

Вслѣдствіе вышесказанныхъ причинъ солевареніе въ Бѣломъ морѣ находится въ полнѣйшемъ упадкѣ. А было время, когда все побережье Бѣлаго моря было усѣяно соляными варницами, добывавшими громадное количество соли. Особенно много добывало соли и въ прежнее время село Ненокса. Академикъ и извѣстный путешественникъ по Россіи Лепехинъ въ своемъ

Подводный міръ Бѣлаго моря.

дневникѣ приводитъ напр. слѣдующія данныя относительно количества добываемой соли изъ соляныхъ колодцевъ. На одной такъ называемой Гришневской варницѣ въ первыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія вырабатывалось почти 20,000 пудовъ соли ежегодно, а такихъ варницъ въ Ненoксѣ было 10, которыя всѣ вмѣстѣ вываривали въ годъ 135,000 пудовъ соли. И уже въ это время Лепехинъ видѣлъ запустѣвшія и покинутыя варницы; съ тѣхъ же поръ упадокъ солеваренія продолжалъ все больше и больше обнаруживаться, и это по всѣмъ вѣроятіямъ не остановится до тѣхъ поръ, пока столь нужный для сѣвера России промыселъ не будетъ поднятъ искусственными мѣрами.

Кромѣ всѣхъ упомянутыхъ выше звѣрей, водящихся въ Бѣломъ морѣ и приносящихъ такъ много пользы человѣку, есть еще громадная масса других животныхъ, никакой прямой пользы мѣстнымъ жителямъ не приносящихъ, но дорогихъ и близкихъ сердцу всякаго натуралиста. Масса подводныхъ растеній или водорослей покрываетъ собою подводныя скалы и камни дна морскаго и могла бы поразить своею фантастическою прелестью взоры наблюдателя, если бы онъ могъ проникнуть въ темныя морскія пучины.

Ложное составитъ себѣ понятіе тотъ, кто будетъ судить о богатствѣ и разнообразіи организованныхъ существъ морскаго дна по тому, что онъ видитъ на сушѣ. Какъ-то невольно думаешь, что Бѣлое море, Ледовитый океанъ, страны столь холодныя и суровыя, богаты лишь однимъ льдомъ, что жизнь здѣсь не можетъ ни на землѣ, а тѣмъ болѣе въ ледяной водѣ показать и слѣдовъ той роскоши и богатства, которыя замѣчаются въ странахъ болѣе умѣренныхъ. Но пріятное очарованіе овладѣетъ всякимъ, кто сумѣетъ проникнуть въ глубь этого, повидимому, мертваго океана и станетъ наблюдать, что творится на днѣ его.

Бѣлое море имѣетъ многочисленныхъ представителей всѣхъ классовъ безпозвоночныхъ животныхъ, т. е. такихъ, у которыхъ въ тѣлѣ нѣтъ позвоночнаго столба. Самые простые организмы — монеры, открытыя лѣтъ десять тому назадъ знаменитымъ нѣмецкимъ зоологомъ Эрнстомъ Гэккелемъ, живутъ на днѣ моря, въ илу и среди разныхъ органическихъ разрушенныхъ остатковъ, которыми онѣ питаются. Это — микроскопически маленькіе комки безцвѣтнаго слизистаго органическаго вещества, называемаго протоплазмой. Такой комокъ протоплазмы ползаетъ, прилѣпившись къ камешкамъ, песчинкамъ или растеніямъ, и до того просто организованъ, что не имѣетъ ни рта, ни желудка, да и вообще никакихъ органовъ. Даже форма тѣла у монеры непостоянна, она можетъ сокращаться, округляться, удлиняться, выпускать лопасти, отроги отъ своего тѣла и вновь ихъ втягивать. Такой организмъ проще клѣточки, изъ которой построены всѣ животныя и растенія, онъ не имѣетъ ни оболочки, ни ядра. Гэккель по справедливости создалъ для такихъ организмовъ особое царство протистовъ (Protista), въ отличіе отъ царства животныхъ и царства растеній. Изъ этого типа могли развиться съ одной стороны животныя, а съ другой стороны растенія. Въ Бѣломъ морѣ я находилъ не разъ одну такую монеру оказавшеюся новымъ видомъ — Protamœba Grimmi. Она отличается отъ другихъ монеръ своими длинными и чрезвычайно тонкими отростками, которые, какъ слизистыя нити, могутъ вытягиваться съ поверхности тѣла и вновь втягиваться, сливаясь въ общую массу. При самомъ сильномъ увеличеніи нельзя было разсмотрѣть внутри тѣла никакихъ составныхъ частей: оно было однородно, какъ капля чистой прозрачной воды. Нерѣдко также встрѣчается сидящею на водоросляхъ другая монера, тоже исключительно свойственная Бѣлому морю—Hæckelina borealis, названная мною такъ въ честь Гэккеля. Она сидитъ на длинной, граціозно изогнутой ножкѣ, которая есть отложеніе круглой, шаровидной головки, представляющей самое тѣло монеры; отъ этого шаровиднаго тѣла, какъ сіяніе, отходятъ во всѣ стороны тонкіе отростки.

Въ илу, особенно тамъ, гдѣ по берегамъ растутъ водоросли, живетъ другой организмъ, уже болѣе сложный и принадлежащій къ несомнѣннымъ животнымъ. Это корненожка, которая есть въ сущности та же монера, но съ тѣмъ отличіемъ, что внутри тѣла ея есть особый органъ — ядро, т. е. шарикъ болѣе плотной протоплазмы. Такая амеба (Amœba), какъ ее называютъ,

есть не что иное, какъ клѣточка, отдѣльно и самостоятельно живущая въ морѣ, ползая по дну его. Изъ такихъ приблизительно клѣточекъ, только въ громадномъ количествѣ, составлены всѣ организмы. Amœba crassa Duj., наичаще встрѣчающаяся въ Бѣломъ морѣ, постоянно мѣняетъ свою форму и медленно ползаетъ по камнямъ, переливаясь какъ капля густой слизи. Иногда корненожки покрываются известковой скорлупой и тогда дѣлаются по правильности своихъ формъ очень похожими на раковинки самой причудливой и изящной формы.

Въ тихіе, ясные вечера, когда море спокойно и гладко какъ зеркало, на поверхности его кишмя кишатъ различныя животныя и между ними многочисленные виды инфузорій, отличающихся отъ только-что разсмотрѣнныхъ корненожекъ бóльшею сложностью своего строенія. Balantidium Medusarum—одна изъ такихъ инфузорій, забирается даже въ ротъ мелкихъ медузъ, плавающихъ тоже на поверхности моря, и оттуда входитъ въ желудокъ и внутренніе каналы ихъ, гдѣ и проводитъ большую часть жизни въ качествѣ паразита. На поверхности тѣла этой инфузоріи торчитъ масса длинныхъ и тонкихъ рѣсничекъ; это уже не тѣ мягкіе и гибкіе отростки, то появляющіеся, то исчезающіе, которые мы видѣли у Protamœba Grimmi. Здѣсь онѣ крѣпки въ родѣ щетинокъ и не могутъ втягиваться внутрь. Постояннымъ быстрымъ мерцаніемъ этихъ рѣсничекъ производится быстрое передвиженіе инфузоріи; если наблюдать подъ микроскопомъ, то монера и корненожка ползаютъ медленно, едва замѣтно, инфузорія же проносится какъ стрѣла. И въ ней, какъ у амебы, есть внутри тѣла ядро, и потому и инфузорію можно разсматривать, какъ свободно живущую и быстро плавающую клѣточку, но только вслѣдствіе своей свободы сильно развившуюся и усовершенствовавшуюся.

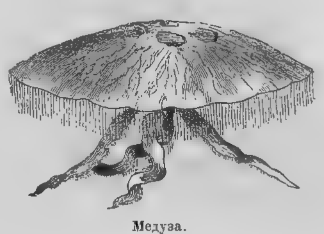
Всѣ эти организмы—монеры, корненожки, инфузоріи, которыя можно назвать одноклѣточными или простѣйшими, видны, однако, только натуралисту, вооруженному хорошимъ микроскопомъ, для всѣхъ же остальныхъ неисчерпаемыя красоты и богатства микроскопическаго міра какъ бы не существуютъ.

За самыхъ простыхъ бѣломорскихъ животныхъ, составленныхъ изъ большаго количества клѣточекъ, можно принять губки, которыя врядъ ли кто незнакомый съ ихъ строеніемъ сочтетъ за животныхъ,—до того онѣ непохожи по своему общему виду и по своей неподвижности на другихъ животныхъ. Губки встрѣчаются на Бѣломъ морѣ на каждомъ шагу и нерѣдко можно встрѣтить ихъ выброшенными на берегъ послѣ сильныхъ бурь или плавающими на поверхности воды, послѣ того какъ волненіе оторветъ ихъ отъ камней или водорослей, на которыхъ онѣ обыкновенно бываютъ прикрѣплены. Самая простая форма губки — это мѣшокъ съ толстыми стѣнками и съ большимъ отверстіемъ на верхнемъ концѣ этого мѣшка. На поверхности можно замѣтить массу мелкихъ отверстій или поръ, черезъ которыя морская вода входитъ внутрь губки, выходитъ же вода всегда изъ крупнаго отверстія на верхнемъ концѣ. Если разрѣзать такую губку поперекъ, то на разрѣзѣ видно, какъ поры ведутъ въ вѣтвистые каналы, пронизывающіе всю стѣнку, и какъ мѣстами эти каналы расширяются въ шаровидныя, круглыя полости. Стѣнки этихъ шаровидныхъ полостей устланы однимъ слоемъ небольшихъ клѣточекъ, несущихъ каждая по одной длинной и гибкой рѣсницѣ, находящейся въ постоянномъ, быстромъ колебаніи. Вотъ это-то постоянное мерцаніе рѣсницъ и служитъ причиною, почему морская вода, а вмѣстѣ съ ней и питательныя частички, плавающія въ морской водѣ, входятъ въ поры и проникаютъ внутрь губки. Кромѣ того, въ стѣнкахъ губки помѣщается скелетъ ея, т. е. известковыя или кремневыя палочки или иголочки разноообразной формы, которыя суть выдѣленія губки и служатъ для того, чтобы сдѣлать стѣнки болѣе плотными и устойчивыми. Впрочемъ всѣ эти подробности видны только при помощи микроскопа.

Столь же часто, какъ и губки, встрѣчаются въ Бѣломъ морѣ гидромедузы. Это небольшіе вѣтвистые кустики, которые всякій приметъ скорѣе за какую нибудь водоросль или вообще за растеніе, а никакъ не за животное. Но если небольшой кусочекъ такого деревца разсмотрѣть подъ микроскопомъ, то оказывается, что оно все состоитъ изъ ряда небольшихъ ячеекъ или

чашечекъ, и что въ каждой ячейкѣ спрятавшись сидитъ полипообразное животное съ красивыми длинными щупальцами, расположенными кольцомъ вокругъ рта. Этими щупальцами животное пользуется такъ же, какъ мы своими руками, конечно, только въ болѣе ограниченной сферѣ. Животное крайне сократимо и можетъ легко вытягиваться изъ своей камеры и вновь въ нее прятаться и скрываться отъ какой нибудь опасности.

Въ теплые и тихіе лѣтніе вечера, на поверхности моря плаваетъ всегда масса различныхъ организмовъ, но преимущественно большіе и маленькіе студенистые колокола или круглыя лепешки, бѣлаго, нѣжно-розоваго, или ярко-малиноваго цвѣта. Это — медузы и такъ называемые ребровики. Нѣтъ ничего красивѣе, какъ эти нѣжныя граціозныя животныя, своимъ цвѣтомъ представляющія эффектный контрастъ съ сизо-зеленымъ цвѣтомъ морской воды. Ихъ движенія медленны, плавныи производятся тѣмъ, что края студенистаго колокола ударяются какъ веслами объ воду, а длинныя, красныя щупальцы, которыя массами сидятъ на окружности колокола, служатъ имъ орудіемъ для схватыванія добычи. Одна изъ бѣломорскихъ медузъ, а именно самая крупная, выработала себѣ интересное приспособленіе для болѣе удобнаго питанія мелкими организмами. У ней вокругъ рта внизъ спускается пленка въ видѣ юбки или кринолина. Медуза эта нѣсколькими взмахами краевъ колокола подымается на самую поверхность, а затѣмъ, оставаясь совершенно неподвижною, благодаря одной только тяжести своего тѣла, опускается внизъ, причемъ складки юбки расправляются и принимаютъ видъ воронки, широкое отверстіе которой обращено внизъ, а узкое ведетъ прямо въ ротъ и въ желудокъ. Во время медленнаго опусканія всѣ мелкіе рачки, червячки и т. п. животныя, плавающія тутъ же во множествѣ, попадаютъ въ эту широкую воронку, а затѣмъ и въ самый ротъ.

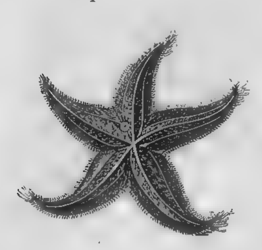
Медуза.

Къ животнымъ, которыя наиболѣе характеризуютъ собою море и его органическій міръ, принадлежатъ, безъ сомнѣнія, такъ называемыя иглокожія, т. е. морскіе ежи, морскія звѣзды, змѣевики и т. п. Эти животныя еще тѣмъ болѣе типичны для моря, что нѣтъ ни одного представителя ихъ, который бы жилъ въ прѣсной водѣ, что въ животномъ царствѣ является замѣчательнымъ исключеніемъ. Нерѣдко одни виды того же рода живутъ въ морѣ, другіе въ рѣкахъ и озерахъ, различныя семейства морскихъ животныхъ еще чаще имѣютъ нѣкоторыхъ и прѣсноводныхъ представителей. Есть и монеры, и корненожки, и инфузоріи, и гидромедузы, и губки, и черви и раки, которые обитаютъ въ бо́льшемъ или меньшемъ количествѣ въ прѣсныхъ водахъ, но нѣтъ и никогда не было ни одного иглокожаго, способнаго выносить жизнь иную, нежели въ чисто морской соленой водѣ.

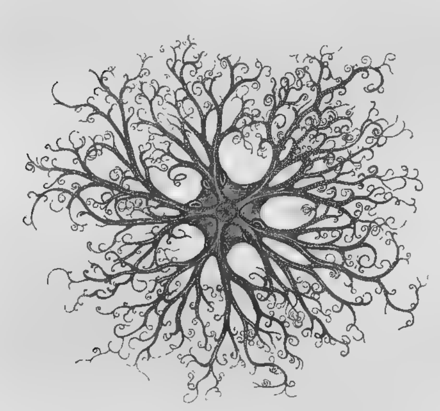
Иглокожія всѣ довольно большія животныя и рѣзко бросаются въ глаза своей странной формой и наружнымъ видомъ, а нерѣдко и тѣми яркими, красивыми цвѣтами, которыми они являются окрашенными. Въ противоположность студенистымъ медузамъ и ребровкамъ, постоянно плавающимъ на поверхности воды, эти животныя, благодаря своей тяжести, принуждены скрываться на днѣ морскомъ, и только сѣтью можно ихъ вытащить на свѣтъ Божій. Большая тяжесть ихъ зависитъ отъ того, что въ стѣнкахъ ихъ тѣла, въ кожѣ откладывается значительное количество извести въ видѣ тѣлецъ различной формы или даже въ видѣ большихъ крѣпкихъ пластинокъ. Оттого, если взять въ руки иглокожаго, то онъ оказывается крѣпкимъ, какъ кость или камень, особенно если это морской ежъ. Морской ежъ, какъ говоритъ и самое названіе, имѣетъ всю поверхность своего круглаго, шаровиднаго тѣла усѣянную массой длинныхъ известковыхъ шиповъ, о которые легко уколоться, если схватить его безъ достаточной осторожности. Эти иглы или шипы служатъ ежу отличной защитой отъ враговъ; никакое животное не захочетъ не только его съѣсть, но и приблизиться къ нему. Этимъ объясняется, отчего мѣстами, особенно гдѣ дно каменистое, можно встрѣтить морскаго ежа (Taxopneuster

dröbachiensis) такими массами, что онъ дѣлается даже въ тягость натуралисту, въ сѣти котораго онъ попадаетъ десятками и даже сотнями. Самая стѣнка тѣла чрезвычайно крѣпка, и нужно ударить камнемъ, чтобы разбить эту коробку и увидѣть внутри ея полость, наполненную внутренностями и морской водой.

Морская звѣзда только по своей организаціи, да по богатству известковыхъ отложеній въ кожѣ приближается къ морскому ежу, по формѣ же она рѣзко отъ него отличается. Эта, какъ видно на рисункѣ, настоящая пятилучевая звѣзда. Поверхность не ровная, не гладкая и тоже покрыта шипиками, но гораздо болѣе короткими. Ротъ обыкновенно обращенъ внизъ, на нижней же поверхности вдоль лучей находятся ряды тонкихъ сосалокъ — мягкихъ и гибкихъ присасывательныхъ трубочекъ, которыя звѣзда можетъ вытягивать и втягивать и такимъ образомъ передвигаться съ мѣста на мѣсто. Такимъ же образомъ происходитъ движеніе и у морскаго ежа. Цвѣтъ морской звѣзды бываетъ обыкновенно очень яркій и красивый, чаще всего малиновый или вообще красный цвѣтъ, иногда бурый и желтый. Особенно красива одна большая звѣзда—Solaster papposus. Это круглая лепешка, по краямъ которой расположены до 9 лучей, украшенныхъ довольно большими иглами; самый дискъ окрашенъ весьма разнообразно и пестро всевозможными оттѣнками краснаго и бураго цвѣта. Такая эффектная звѣзда всегда приводила въ восторгъ добродушныхъ поморовъ, не подозрѣвавшихъ, чтобы у нихъ почти подъ носомъ водились такія диковинки.

Морская звѣзда.

Но самымъ прекраснымъ иглокожимъ, встрѣчающимся въ Бѣломъ морѣ, такъ сказать царемъ этихъ животныхъ, слѣдуетъ считать величественнаго Astrophyton, изображеннаго въ сильно уменьшенномъ видѣ на приложенномъ рисункѣ. Этотъ замѣчательный организмъ, достигающій при развернутыхъ лучахъ до 2 футовъ въ діаметрѣ, принадлежитъ къ числу самыхъ красивыхъ животныхъ. Цвѣтъ его довольно ярко-красный, и многочисленныя вѣтви его пяти лучей могутъ граціозно загибаться, закручиваться и раскручиваться. Вообще Бѣлое море богато надѣлено иглокожими животными, особенно если принять во вниманіе, что въ нашемъ Балтійскомъ морѣ ихъ вовсе нѣтъ, а въ Черномъ морѣ встрѣчается одна только небольшая звѣздочка, до того невзрачная, что ее замѣтили очень только еще недавно.

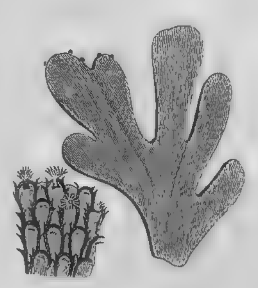

Морская звѣзда Astrophyton.

Черви всегда составляютъ весьма видную часть морскаго населенія, хотя по своей малой величинѣ и не часто бываютъ видны съ перваго взгляда. Особенно обильны въ морѣ такъ называемые кольчатые черви, всегда усаженные по краямъ тѣла рядомъ хитинистыхъ щетинокъ, а на переднемъ концѣ тѣла снабженные болѣе или менѣе длинными усиками или щупальцами. Наиболѣе интересны черви, принадлежащіе къ роду Polynoë; спинная поверхность ихъ покрыта и защищена двумя рядами щитковъ, накладывающихся другъ на друга своими краями, подобно черепицамъ на кровлѣ, и весьма разнообразно окрашенныхъ, иногда приноравливающихся къ сѣровато-бурому цвѣту ила. На брюшной сторонѣ у него устроенъ особеннаго рода присосокъ, которымъ червякъ можетъ присасываться къ подводнымъ камнямъ и растеніямъ. Такого червяка, совершенно неподвижнаго и цвѣтомъ почти не выдѣляющагося отъ окружающей среды, чрезвычайно трудно бываетъ различить даже опытному глазу натуралиста, а не только какой-нибудь подслѣповатой рыбѣ или голодному раку, рыскающему за

добычей, и потому понятно, что этотъ червякъ будетъ размножаться и плодиться въ такомъ же изобиліи, какъ это мы замѣтили относительно морскаго ежа, что дѣйствительно и замѣчается — Polynoë водится въ громадномъ количествѣ. Въ данномъ случаѣ соотвѣтствіе цвѣта животнаго съ окружающею его средою и неподвижность оказали червяку такую же услугу, какъ и крѣпкая известковая скорлупа и острыя иглы морскому ежу.

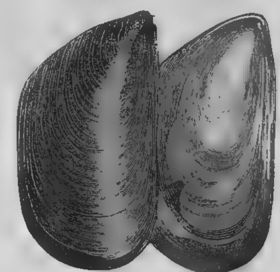
О другомъ интересномъ червякѣ — Arenicola piscatorum, который иногда употребляется рыбаками для наживы и который роется въ прибрежномъ нескѣ, было уже упомянуто раньше.

Довольно часто встрѣчаются въ Бѣломъ морѣ различнаго рода кустики или вѣтвистыя пластинки бѣлаго и сѣраго цвѣта, которыя легко принять за гидроиды или даже за водоросль. Это такъ называемыя мшанки (Bryozoa). На приложенномъ рисункѣ видна небольшая вѣточка одной изъ самой обыкновенной бѣломорской мшанки — Flustra membranacea, представленная въ натуральную величину, а рядомъ съ ней часть ея же, сильно увеличенная. Вся пластинка оказывается составленною изъ одного слоя ячеекъ, тѣсно другъ къ другу приложенныхъ, съ отверстіемъ въ видѣ щели. Ячейки эти состоятъ или изъ извести, или изъ хитина (родъ роговаго вещества), и каждая изъ нихъ содержитъ небольшое полипообразное животное съ массой тонкихъ щупалецъ; это животное можетъ выходить изъ ячейки черезъ отверстіе, имѣющее форму щели, или вновь втягиваться и скрываться въ свою камеру, и по строенію своему, довольно сложному, причисляется нѣкоторыми учеными къ червямъ. На видъ однако, особенно благодаря присутствію щупалецъ, эти животныя напоминаютъ гидроидовъ и полиповъ, организмовъ гораздо менѣе сложныхъ.

Бѣломорская флюстра.

Изъ молюсковъ особенно часто встрѣчаются Littorina littoralis, небольшая витая раковина, большими массами покрывающая прибрежные камни. Во время отлива, когда камни обнажаются, моллюскъ этотъ не слѣдуетъ за водой, а плотно прижимается своимъ отверстіемъ къ камню и ждетъ, пока приливъ вновь покроетъ его водою. Столь же обыкновенна ракушка—Mytilus edulis, двустворчатая темнофіолетовая, иногда совсѣмъ черная раковина, которую въ Европѣ бѣдный людъ всюду употребляетъ въ пищу; у насъ на Бѣломъ морѣ этого нѣтъ, и только въ былое время, по свидѣтельству Лепехина, она употреблялась въ пищу въ Архангельскѣ, какъ лакомство, и даже въ боченкахъ посылалась въ Петербургъ. Нерѣдки также большія красивыя витыя раковины Buccinum undatum, Fusus antiquus, которыхъ мѣстные жители называютъ пѣтушками.

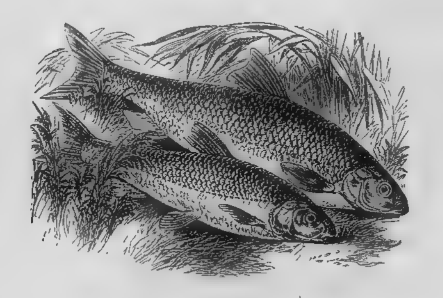
Mytilus edulis.

Ракообразными Бѣлое море, можно сказать, кишитъ, и между ними попадаютъ нѣкоторыя весьма курьезныя формы. Такъ напр. ракъ-отшельникъ, который любитъ забираться въ чужія раковины различныхъ моллюсковъ—пѣтушковъ и Littorina littoralis. Эти раки нерѣдко нападаютъ на живаго моллюска, съѣдаютъ его и затѣмъ залѣзаютъ въ его раковину, выставивъ изъ нея только свою морду съ длинными усами, да всегда неравную пару своихъ сильныхъ клешней. Съ этой раковиной Pagurus, ракъ-отшельникъ, какъ его называютъ, прогуливается весьма свободно, гоняется за добычей, въ случаѣ опасности скрывается весь въ нее и выходитъ только тогда, когда подрастаетъ и ему становится тѣсно въ его жилищѣ. Тогда онъ вылѣзаетъ изъ своего убѣжища и отыскиваетъ себѣ болѣе крупную раковину, въ которой вновь поселяется. Другой интересный ракъ — это Balanus. Онъ тоже завелъ себѣ крѣпкую известковую раковину, защищающую его отъ непріятелей, но, не обладая такими разбойническими замашками, какъ его пріятель Pagurus, онъ самъ себѣ вырабатываетъ раковину, а не отнимаетъ его хищ-

ническимъ образомъ и моллюсковъ. На первый взглядъ и не узнать, что Balanus есть ракъ. Во первыхъ онъ не движется; его раковина въ видѣ конуса неподвижно прикрѣплена своимъ широкимъ основаніемъ къ подводнымъ камнямъ, и кромѣ того особаго рода треугольныя крышечки закрываютъ и самое отверстіе этого конуса. Благодаря такой хорошей защитѣ, Balanus развелся въ громадномъ количествѣ, покрываетъ иногда сплошнымъ бѣлымъ слоемъ подводные камни и, также какъ и Littorina littoralis, обнажается во время отлива. Но благодаря этой самой хорошей защитѣ тѣло рака сдѣлалось мягкимъ, а неподвижность была причиною того, что многіе органы у него упростились иногда до неузнаваемости.

Не менѣе животныхъ Бѣлое море изобилуетъ и различными морскими растеніями. Въ то время, какъ на сушѣ вы видите печальную низкорослую березу (Betula nana), мохъ, ягели и всю ту незавидную органическую жизнь, которую только и способна произвести сѣверная природа, вашъ взоръ поражается и обиліемъ, и сравнительнымъ богатствомъ подводнаго растительнаго міра. Если животныя, населяющія дно морское, поражаютъ своими цвѣтами, своими странными формами, такъ рѣзко отличающимися отъ того, что мы привыкли видѣть на сушѣ, то эта оригинальность и особенность проявляется еще въ большей степени въ подводномъ растительномъ мірѣ. Представьте себѣ цѣлыя рощи, густыя и тѣнистыя, подымающіяся съ подводныхъ камней и утесовъ и составленныя не изъ зелени, а изъ какихъ-то длинныхъ бурыхъ пластинокъ, красиво волнистыхъ по краямъ, изъ какихъ-то кожистыхъ листовъ, превышающихъ ростъ человѣка и расположенныхъ на тонкихъ и крѣпкихъ стебляхъ, иногда цѣльныхъ, иногда раздѣленныхъ вѣерообразно на лопасти. Между этими лѣсами разстилаются полянки изъ мелкихъ листочковъ самой разнообразной причудливой и красивой формы и — что всего замѣчательнѣе — яркаго краснаго цвѣта съ переливами отъ чистѣйшаго кармина до темнаго кирпичнаго оттѣнка. Если къ этому прибавимъ ярко-изумрудную тину, нерѣдко плавающую на поверхности моря, и безконечное разнообразіе ракообразныхъ, червей, ежей и звѣздъ, ползающихъ и карабкающихся по всѣмъ этимъ водорослямъ, и освѣщенныхъ красноватыми лучами свѣта, пропускаемыми листьями, водорослей, то мы получимъ такую картину, которая едвали во многомъ уступитъ роскоши и величію тропической природы съ ея пальмами, ея рѣзкими переходами, съ ея эффектными яркими цвѣтами и безконечными переливами. И все это на глубинѣ Ледовитаго океана, холоднаго и бурнаго, и надъ всѣмъ этимъ лодья несчастнаго, иззябшаго и голоднаго помора, еле-еле влачащаго свое жалкое существованіе среди скудной наземной полярной природы, среди скалъ, льда, шума бури и воя мятели да вьюги....

К. С. Мережковскій.

ОЧЕРКЪ V.

У СТУДЕНАГО МОРЯ.

Терскій берегъ и Мурманъ. — Бѣломорское горло и его туманы. — Моры и цынга. — Характеръ природы на Терскомъ берегу. — Заселеніе его. — Весна и починъ промысловый. — Отъ Поноя до Св. Носа. — Червь-сверлило и св. Варлаамъ Керетскій. — Мурманъ и его природа. — Вараки. — Заселеніе Мурмана. — Кола. — Становища и промысловыя избы. — Колонизація и факторіи. — Трифонъ, постройка имъ монастыря и церкви Бориса и Глѣба. — Гольфстремъ и акалефы.

Что за дикія пустыни!...
Что за темные лѣса!
Опрокинулись надъ ними
Въ сѣрыхъ тучахъ небеса...
Глушь... безлюдье... бездорожье...
Оглашаютъ эту дичь
Только громы Божьей бури
Да залетной птицы кличъ...
Дальше тундры моховыя
Неподвижно залегли...
Глушь... безлюдье... бездорожье...
Царство смерти... край земли!...

Церковь Бориса и Глѣба на Мурманскомъ берегу.

Далекія пустыни Лапландіи и Мурмана только въ недавнее время стали цѣлью изслѣдованій и путешествій нашихъ туристовъ.

Съ третьимъ свисткомъ парохода, оставляющаго Соломбалу (часть Архангельска), путешественникъ прощается надолго съ удобствами жизни, привитыми цивилизаціей, разумѣется, если только онъ не ѣдетъ въ Норвегію, а думаетъ посѣтить Терскій и Мурманскій берега, землю Лопскую, Кандалакшскій заливъ. Эта окраина, никогда не бывшая мечтою туриста, ищущаго только красоты южныхъ пейзажей, тепла и свѣта, тѣмъ не менѣе щедро вознаграждаетъ трудъ изслѣдователя, задумавшаго посвятить ей нѣсколько мѣсяцевъ, нѣсколько экскурсій.

При выходѣ парохода изъ Двинской губы, перейдя широту мыса Керецъ, — моряки пристально вглядываются вдаль, тревожно переговариваясь между собою. Тамъ зачастую колышатся сѣрыя массы, точно надъ водою клубятся громады однообразныхъ сѣрыхъ тучъ.

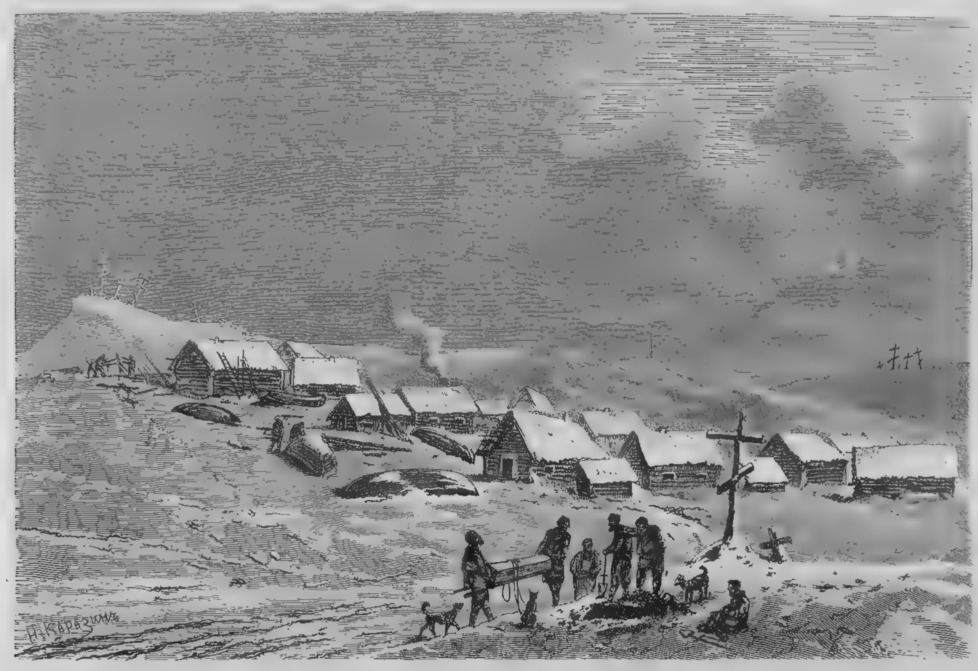
— Что это? спрашиваетъ удивленный туристъ.

— Да Бѣломорское горло все туманомъ заволокло... Тутъ на такую мерзость можно напороться, что не дай Богъ!

Дѣйствительно, опасенія моряковъ совершенно основательны. Бѣломорское горло (широкій проливъ Бѣлаго моря между Кольскимъ полуостровомъ и Зимнимъ берегомъ) — могила для судовъ и пароходовъ. Оно хуже Ирландскаго моря, потому что незримое божество, обитающее въ пустынныхъ безднахъ его, гораздо кровожаднѣе и требуетъ болѣе многочисленныхъ человѣческихъ жертвъ. Въ одномъ 1868 г. здѣсь потерпѣли крушеніе болѣе 86 судовъ, лодей, шнякъ, шкунъ, карбасовъ. Съ этимъ мѣстомъ можно сравнить только пространство между Исландіей и Лабрадоромъ. И то, и другое — большія дороги для ледяныхъ массъ, съ неудержимою силою прорывающихся черезъ эти дефилеи изъ Бѣлаго моря въ Ледовитый океанъ. Горе раннему судну!.. Если оно наткнется на плывущія громады, отъ него не останется и щепокъ. Стамухи — ледяныя громадныя глыбы, плавающія по морю, разотрутъ въ пыль одинокую лодью. Въ маѣ, иногда даже въ началѣ іюня здѣсь еще двигаются зловѣще и медленно, окутанныя туманомъ, колоссальныя, исполосованныя зелеными трещинами льдины, столкновенія съ которыми не выдержитъ ни одинъ корабль. Случалось, что весь выходъ изъ Бѣломорскаго горла загромождался этими могучими массами. А во время бури, когда здѣсь, точно битва титановъ, начинается борьба взбѣшеннаго моря съ этими ледяными островами, положеніе дѣлается, въ полномъ смыслѣ слова, — ужаснымъ. Вокругъ затертой раньшины или шкуны иногда скопляются ледяныя громады самыхъ причудливыхъ формъ. Иногда, когда онѣ еще вдалекѣ — на небѣ замѣчаютъ ихъ отраженіе въ видѣ бѣловатаго отсвѣта. Изрѣдка эта фата-моргана приполярныхъ странъ дѣлается грандіознѣе и великолѣпнѣе. Моряки разсказываютъ много о буряхъ, встрѣчающихся здѣсь, когда волны погребаютъ подъ своими высоко вздымающимися хребтами выступы ледяныхъ громадъ, черезъ нѣсколько мгновеній снова подымающихся изъ воды, обливаясь цѣлыми каскадами ея. Одинъ изъ промышленниковъ едва избѣжалъ опасности, когда въ сорока саженяхъ обвалилась въ воду ледяная масса, нагнавшая такую волну, что раньшину, заливая водой, понесло противъ теченія и вѣтра прямо въ бухту, лежавшую верстахъ въ четырехъ! Когда льды пройдутъ и большая дорога изъ Бѣломорья въ океанъ очистится, опасности не уменьшаются... По недѣлямъ стоятъ здѣсь густые, непроницаемые туманы. Сильные порывы сѣвернаго вѣтра разгоняютъ ихъ, но, спустя нѣсколько дней, мгла опять скучивается на страхъ мореходамъ, весьма понятный, если сообразить, что всѣ суда здѣсь въ оба конца, для сокращенія времени, идутъ по одному и тому же фарватеру. Звонъ въ корабельный колоколъ, битье въ чугунныя доски, на поморскихъ лодьяхъ, свистки пароходовъ, часто только спутываютъ. Сигналы слышатъ, но откуда они? Пароходъ пойдетъ медленнѣе, но ему труднѣе обойти встрѣченное судно, потому что на полномъ ходу онъ скорѣе слушается руля, чѣмъ на тихомъ. Остается—идти на удачу!.. Маяковъ мало, а снабженныхъ паровыми свистками и вовсе нѣтъ; поэтому мысы Орловъ, Вороновъ, Инцы и Пулонга, острова Моржовецъ, «Три острова» и Даниловъ кровью вписаны въ исторію нашего мореходства. Весною иногда пароходы изъ Архангельска по нѣсколько разъ подходятъ къ Семиостровью и возвращаются назадъ, потому что скопляющіяся здѣсь ледяныя громады запираютъ дальнѣйшій путь. Въ октябрѣ 1869 г. одинъ поморъ цѣлый мѣсяцъ простоялъ съ своимъ судномъ у Конушина мыса, не зная куда двинуться среди ледянаго круга, сплошь охватившаго его суденышко. Наконецъ, когда поднялись югозападные вѣтры, и крушеніе стало неизбѣжно, хозяинъ и экипажъ спаслись по льдамъ въ избушки, устроенныя на этомъ берегу звѣроловами, а судно погибло менѣе чѣмъ въ полчаса, такъ что отъ него не осталось и слѣда...

Часто въ туманѣ, по свидѣтельству Соловцова и по моимъ наблюденіямъ, проходящая мимо шкуна кажется плывущей вверхъ ногами — килемъ вверхъ, мачтами внизъ. Шкуны, слѣдовавшія черезъ четверть часа послѣ этого оптическаго явленія, уже были видимы какъ слѣдуетъ... Первый маякъ на этомъ пути намъ встрѣтился на Сосновцѣ, гдѣ еще недавно за зиму вымерло все населеніе, состоявшее изъ двѣнадцати или пятнадцати человѣкъ маячныхъ сторожей, да десяти семей крестьянъ. Объ этомъ узнали только весною, когда явилась казенная шкуна съ матеріалами для ремонта маяка. На островѣ нашли одни трупы... Новая Земля,

Мурманъ, Мезенское поморье усѣяны могилами несчастныхъ, умершихъ такою ужасною смертью. Недавно то же самое сталось съ островомъ Жижмуемъ (въ Сороцкой губѣ), на которомъ къ веснѣ не оказалось ни одного живаго. Цынга — результатъ недостаточнаго питанія; мясная соленая пища, отсутствіе солнечнаго свѣта въ долгія зимы, тѣснота и духота избъ, бездѣятельность и тоска по родинѣ содѣйствуютъ ея развитію. Она начинается общею слабостью организма. Колѣни гнутся, едва дышишь, мысль отказывается служить, руки становятся без-

Промысловыя избушки у урочища Кедовъ.

сильны, хочется спать, такъ и клонитъ, а ляжешь — сонъ не приходитъ, и бодрствованіе еще усиливаетъ ужасъ положенія. Вслѣдъ за тѣмъ по всему тѣлу показываются подкожныя пятна — синія, гнилостныя. Отъ больнаго пахнетъ кислятиной, десны пухнутъ, дѣлаются рыхлыми, губчатыми, наконецъ покрываютъ зубы. На деснахъ являются язвы—сочится кровь. Такъ продолжается не долго. Ноги пухнутъ, сочлененія, спинной хребетъ ноютъ, и конечности корчатся. Наконецъ кровь начинаетъ идти горломъ, и скоро наступаетъ смерть, сопровождаемая неописанными страданіями.

Часть прибрежья Лапландскаго или Кольскаго полуострова со стороны Бѣлаго моря до Св. Носа называется Терскимъ, въ отличіе отъ Мурманскаго берега, т. е. океаническаго прибрежья, начинающагося за Св. Носомъ и продолжающагося вплоть до границы Норвегіи. Обыкновенно весною и осенью суда промышленниковъ и пароходы англійскихъ и нѣмецкихъ купцовъ самые густые туманы здѣсь встрѣчаютъ у острова Моржовца, пользующагося такою ужасною извѣстностью въ лѣтописяхъ крушеній на Бѣломъ морѣ. Весь этотъ клочекъ земли, не болѣе сорока верстъ въ окружности, покрытъ ягелемъ. Двѣ рѣченки Золотуха и Рыбная и два маленькія озерка эксплоатируются терскими ловцами, а берега этого острова служатъ естественной спасательной станціей для промышленниковъ, унесенныхъ въ открытый океанъ вмѣстѣ съ льдинами, на которыхъ они били звѣря. Въ послѣднее время сильно подумывали о заселеніи Моржовца

оленеводами изъ терскихъ лопарей, но, кажется, не могли найти желающихъ для этого. Неподалеку—между мысомъ Орловымъ (Кольскій полуостровъ) и мысомъ Конушинымъ (на Канинномъ Носу)—лежатъ шхеры. Для того, чтобы миновать ихъ удачно, нужно быть очень внимательнымъ. Судну, разбитому здѣсь, спасенія нѣтъ. Зачастую волненіе въ этомъ промежуткѣ такъ сильно, что небольшія лодки гонитъ прямо въ опасныя мѣста, не смотря на ловкость экипажа, отстаивающаго въ этомъ случаѣ не только хозяйскіе интересы, но и свою собственную жизнь. Близъ острова Данилова, къ сѣверу, на отлогихъ низинахъ разбросаны разволочныя избы становища Девятаго, гдѣ съ 1-го по 25-е марта бьютъ тюленей, заносимыхъ сюда теченіемъ отъ Мезенскаго берега. Всѣхъ промышленниковъ сходится сюда до пятисотъ, или до 125 артелей, такъ какъ каждая состоитъ изъ одного хозяина и трехъ рабочихъ. Послѣдніе заняты боемъ звѣря во льдахъ, а хозяинъ только слѣдитъ за ними, чтобы вечеромъ, нагрузивъ добычу, отвезти ее на оленяхъ въ становище. О характерѣ подобныхъ становищъ и промысловыхъ избушекъ, ихъ составляющихъ, можетъ дать понятіе прилагаемый рисунокъ, изображающій собственно избушки урочища Кеды, на другой сторонѣ Бѣломорскаго горла. Окончится промыселъ въ становищѣ Девятомъ, — начинается въ Тетринѣ, гдѣ уже готовъ бой сѣрокъ. Въ остальное время становище Девятое тоже доставляетъ заработки поноянамъ, главнымъ образомъ, и терцамъ вообще. Сюда прибиваетъ моремъ разбитые корабли; наконецъ, часто у самаго берега бьетъ суда — и тогда все окрестное населеніе сбѣгается для спасенія груза, причемъ, по прекрасному обычаю, оно не пользуется случаемъ ограбить потерпѣвшаго хозяина, а довольствуется небольшимъ заработкомъ.

Характеръ всего Терскаго берега очень однообразенъ. Негостепріимныя сѣрыя скалы, пустынныя низины съ чахлою растительностію... Кое-гдѣ небольшія бухты, около которыхъ

Поной.

ютятся убогія села сѣвернаго промышленника. Вѣчный глухой прибой вспѣненныхъ валовъ океана, вѣчный крикъ чаекъ и рыданіе гагаръ... Долгая зимняя ночь съ мятелями, трескомъ стамухъ, озаряемая полярными сіяніями... Главный пунктъ этого берега — становище и село Поной у устья рѣки того же имени. Поной течетъ точно въ щели. По сторонамъ грозные и суровые отвѣсы скалъ. Гранитныя стѣны точно раздвинулись только для того, чтобы пропустить къ океану гремучую рѣку. Она сама въ сотняхъ пороговъ ворочаетъ цѣлые утесы, вспѣнивается

и до верхушекъ обдаетъ ихъ своею кипящею массой. Тутъ даже въ самыя суровыя зимы морозъ не можетъ побѣдить механической жизни рѣки. Все сковывается льдомъ, но пороги остаются открытыми, и рѣка кипитъ въ нихъ ключемъ, далеко оглашая пустынныя и безмолвныя окрестности, — пустынныя и безмолвныя даже вокругъ многолюднаго села, считающагося столицей Терскаго берега. Темносѣрыя вершины, рѣдкія озера, жалкіе кустарники, отдѣльныя скалы, разбросанныя чьею-то гигантскою рукою даже по понизьямъ. Рѣдко гдѣ-нибудь покажется олень на горѣ; только съ моря, синѣющагося на востокѣ, доносится унылый крикъ чаекъ. Рѣка Поной у самаго села рвется сквозь узкое и глубокое ущелье, обставленное громадами гранитныхъ утесовъ. По словамъ Соловцова, сами понояне говорятъ о своемъ селѣ: «подлѣ гора, и тамъ гора, а сверху дыра — вотъ тебѣ и Поной — село наше...»

Село это вдоль горныхъ отвѣсовъ, высотою въ 1000 футовъ, вытянулось на узкихъ каменистыхъ площадкахъ вдоль бѣшено ревущей рѣки. Утесы такъ сжали и рѣку и село, что небо снизу видно только узкой полоской. Въ верхнемъ концѣ села на мѣстѣ древняго монастыря — убогая церковка. Зимою здѣсь невыносимо; вьюги бьются въ ущелье, сверху его засыпаетъ снѣгомъ, такъ что жители нерѣдко выходятъ изъ домовъ черезъ крыши. Въ трещинахъ горъ, окружающихъ село, снѣгъ никогда не таетъ. Въ первой половинѣ октября рѣка покрывается льдомъ и такъ стоитъ до половины мая. Лѣтомъ температура доходитъ иногда до + 17, но при сѣверномъ вѣтрѣ падаетъ до — 2. Въ іюлѣ, случалось, ручьи покрывались льдомъ. Въ самое теплое лѣто земля не оттаиваетъ глубже 3 футовъ. Почва — торфъ, подпочва — гранитъ или наносный песокъ.

Жалка и скучна растительность Терскаго берега... Сквозь смерзшуюся и плохо оттаявшую почву, засоренную каменнымъ щебнемъ, едва-едва пробивается захирѣлая трава, сухая и мочалистая, ломкая. Словно приникая къ землѣ и прислушиваясь къ ней, стелется низко-низко кустарникъ, чуть изъ него приподымаются убогія деревья, обращая свои жиденькія вѣтви на югъ, точно спасая ихъ отъ рѣзкаго, охватывающаго смертью, сѣвернаго вѣтра. Въ этихъ нищенскихъ порosляхъ сосны, ползучей березы, сланки, убогаго тальника, можевельника, вороницы—только дикій лукъ, тимофеевка да ложечная трава разростаются пообильнѣе. Тамъ, гдѣ луга лучше защищены утесами отъ мертвящаго дыханія сѣвера, — растительность разнообразится вороникой, куриной слѣпотой, рододендронами, колокольчиками, крапивой, горошкомъ, тростникомъ, пореемъ, щавелемъ, тысячелистникомъ. Въ нихъ яркими золотыми пятнами горитъ морошка. Ягель, болотный и бородатый мхи, хвощи — разбросали свои обманчивые ковры по горнымъ скатамъ и лощинамъ. Въ самыхъ благопріятныхъ мѣстахъ берега, тамъ, куда сѣверный вѣтеръ не заходитъ, а снѣгъ сходитъ скорѣе, и земля также оттаиваетъ глубже, растутъ три вида изъ семейства губоцвѣтныхъ, два вида зонтичныхъ и шесть видовъ сложноцвѣтныхъ.

Отъ села Поной къ Мурману идутъ опасныя для пароходовъ мѣста. Тутъ въ дурныя погоды — приставать неудобно. По одному узкому фарватеру, но по противоположному направленію, здѣсь идутъ сотни судовъ. Сѣрыя обнаженныя вершины, горные пустынные берега только кое-гдѣ разнообразятся кипучей сценой промысловаго становища, затеряннаго среди безлюдья и безплодія, которое отсюда тянется вплоть до мыса Св. Носа. Около семужьихъ рѣкъ селятся здѣсь рѣдкіе поселки; лопари тоже сходятся по ихъ устьямъ со всею будничной обстановкой своего неприглядная быта. Самая богатая рѣка въ этомъ отношеніи опять тотъ же порожистый Поной. Ловъ семги — здѣсь уже хозяйскій, а не общинный или артельный. Большія рѣки отдаются въ аренду, и плата за послѣднюю идетъ на все сельское общество на уплату подати и мірскихъ сборовъ. Это несовсѣмъ выгодно для населенія, потому что уловъ даетъ въ пять, а иногда и въ десять разъ больше противъ арендной платы. Міроѣды, разумѣется, такимъ образомъ держатъ въ своихъ ежевыхъ рукавицахъ все мѣстное населеніе. Оно не смѣетъ пикнуть, поэтому цѣна аренды не увеличивается вовсе. Мелкія рѣки за то всѣ эксплоатируются артелями и обществами, причемъ опять таки — промыселъ является безвыгоднымъ. Цѣны на рыбу

устанавливаются крупными арендаторами, и разумѣется эти уже не ошибутся въ своихъ разсчетахъ.

Характеръ Терскаго берега и страны, лежащей за нимъ, мало чѣмъ отличается отъ Кемскаго поморья. Вся береговая полоса эта не можетъ похвалиться особеннымъ благорастворенiемъ воздуховъ и изобиліемъ плодовъ земныхъ. Климатъ ея еще суровѣе климата Мурмана, который своими горами и вараками защищенъ отъ сѣверовосточнаго вѣтра, а теченіе Гольфстрема смягчаетъ мертвящее дыханіе полюса. Только въ ста верстахъ отъ берега, внутри страны, можно здѣсь замѣтить измѣненіе климата къ лучшему, но все же средняя температура лѣтнихъ мѣсяцевъ здѣсь не превышаетъ + 7° Р. Холмистыя возвышенности, озера, рѣки и ручьи, просочившіеся всюду по тундрѣ и между горами, хранятъ въ себѣ всѣ богатства этого негостепріимнаго края. Золото, серебро, мѣдь и желѣзо когда-то не только находили, но и разрабатывали въ этихъ горахъ; теперь добываютъ только рыбу изъ мѣстныхъ водъ и изрѣдка жемчужныя раковины, которыми богаты ручьи, текущіе извнутри страны къ морю. Здѣшній жемчугъ, впрочемъ, совсѣмъ не хорошъ. Онъ голубоватъ и чрезвычайно неправильной формы. Ловли жемчужныхъ раковинъ, какъ промысла, по Терскому берегу нѣтъ вовсе: ихъ добываютъ на досугѣ, спустя рукава, отъ бездѣлья. Разумѣется, нечего и говорить о томъ, что хлѣбопашества на Терскомъ берегу нѣтъ вовсе. Пробовали было разводить здѣсь горный ячмень, но неудалось. На Мурманѣ то же самое было сдѣлано съ гораздо большимъ успѣхомъ. За то въ нѣкоторыхъ селахъ поморскихъ и даже около Поноя крестьяне стали было устраивать огороды. Картофель на нихъ удался, капуста вся пошла въ трубку. Въ неурожайные годы, когда цѣны на хлѣбъ въ архангельскую Маргаритинскую ярмарку слишкомъ высоки, — терцамъ приходится плохо. Бѣдняги перестаютъ ѣсть цѣльный хлѣбъ, а, какъ корелы, прибѣгаютъ къ различнымъ его суррогатамъ. Снимаютъ съ свѣжихъ сосенъ верхнюю кору и срѣзываютъ находящійся за нею слой мягкой коры—заболонь. Ее раскладываютъ на землѣ для просушки. Высушенная такимъ образомъ кора похожа на лоскутки кожи. Предъ употребленіемъ въ пищу, заболонь окончательно досушиваютъ въ печи и потомъ на ручной мельницѣ, между двумя жерновами, превращаютъ въ мелкій порошокъ или муку. Эта сосновая мука смѣшивается потомъ съ ржаною, но такъ, что фунтъ смѣси состоитъ изъ $^3/_4$ сосновой и $^1/_4$ ржаной. «Конечно, говоритъ Верещагинъ, одна только крайняя нужда заставляетъ прибѣгать къ этому хлѣбу; иначе даже проголодавшійся человѣкъ не рѣшился бы отвѣдать красноватой, сыплющейся какъ песокъ и отвратительной горькой лепешки...» Тѣмъ не менѣе, увѣряютъ, что заболонь прекрасное средство отъ цынготной болѣзни.

Населился Терскій берегъ, главнымъ образомъ, новгородцами — ушкуйниками. Основанныя ими села существуютъ до сихъ поръ. Обыкновенно послѣ недолгой борьбы, колонизаторы загоняли исконное населеніе внутрь страны, а берега захватывали себѣ, чуя на нихъ богатые морскіе промыслы, обстановка которыхъ какъ нельзя болѣе соотвѣтствовала отважному характеру переселенцевъ. Кромѣ новгородцевъ — сюда же бѣжали подданные другихъ сѣверныхъ княжествъ, или совершившіе у себя на родинѣ важное преступленіе, или же искавшіе на дальнихъ и невѣдомыхъ берегахъ Ледовитаго океана приволья и простора. И дѣйствительно, вдоволь было его тѣмъ, кому тѣсно и скорбно жилось въ тогдашней Руси. Тутъ до сихъ поръ встрѣчаются фамиліи Тверцовыхъ, Могилевыхъ, Рязановыхъ, а въ Умбѣ, Кандалакшѣ—Падурниковы, Барвенковы, Пыленковы — указываютъ и на болѣе южное происхожденіе. Сюда при Екатеринѣ II ссылали малорусскія семьи — и онѣ, такимъ образомъ, оставили свой слѣдъ въ населеніи. Поэтому между женщинами Терскаго берега зачастую встрѣчаются совсѣмъ не сѣверные типы. Господинъ Великій Новгородъ, въ свое время, владѣлъ Терскимъ берегомъ, какъ и всѣмъ поморьемъ, отдавая его на откупъ. Собирая подати съ жителей, владѣя Бѣлымъ моремъ и Ледовитымъ океаномъ, Новгородъ извлекалъ огромныя выгоды и потому чрезвычайно дорожилъ своимъ Заволочьемъ, скрывая и защищая его отъ взоровъ князей мо-

сковскихъ. Въ послѣдніе годы существованія Новгорода, въ судьбѣ поморья произошла перемѣна. Оно отдалось подъ защиту только-что возникавшаго Соловецкаго монастыря, который основывалъ тамъ острожки, посылая туда ратныхъ людей изъ монашествующей братіи. Терскій берегъ вмѣстѣ съ остальнымъ поморьемъ подпалъ подъ тяжелую, нужно сказать правду, руку братіи. Такъ дѣло шло до 1762 года, когда Петръ III Ѳедоровичъ отобралъ всѣ вотчины отъ монастыря. При Екатеринѣ II, на время, Соловкамъ вернули было ихъ, но не надолго. Императрица, утвердивъ штаты для монастыря, обратилась опять къ мѣрамъ своего мужа. Терскій берегъ въ отдаленныя времена былъ мѣстомъ, малоизвѣстной теперь, кровопролитной и

Береговая почтовая станція.

мужественной борьбы нашихъ колонизаторовъ не только съ чудью и лопью, но, по завоеваніи ихъ, съ шведами, норвежцами и даже датчанами. Какъ тѣ, такъ и другіе и третьи желали владычества надъ Бѣломорьемъ и Сѣвернымъ океаномъ. Сначала они посѣщали ихъ и старались выбить слабые еще поселки новгородскихъ и иныхъ русскихъ выходцевъ, а потомъ, когда села наши облюдѣли и усилились, невѣсткѣ на отместку, и сами колонизаторы стали предпринимать походы въ чужія украйны. Сѣвъ на ладьи, новгородскія ватаги переплывали Бѣлое море, океанъ, доходили до Вардегуза или же, поднимаясь вверхъ по рѣкамъ Сумы и Кеми, нападали на каинскихъ нѣмцевъ. Каинскіе нѣмцы за набѣгъ платили набѣгомъ, за опустошеніе—опустошеніемъ. Явились для защиты остроги въ селеніяхъ Колѣ, Керети, Сумѣ и Кеми. Небольшой острожекъ былъ даже и въ Поноѣ, но теперь тамъ сохранилось только о немъ воспоминаніе въ легендахъ жителей. Еще меньшій построенъ былъ на мѣстѣ нынѣшней Варзуги. Подъ вліяніемъ борьбы не только съ суровой природой, не только съ угрюмымъ Сѣвернымъ океаномъ, но и съ хищниками, подстерегавшими каждый шагъ первыхъ русскихъ колонизаторовъ, — образовался и самый характеръ нашихъ поморовъ. Смѣлый, несокрушимый, изворотливый въ опас-

ныхъ и неожиданныхъ случаяхъ, смѣтливый на промыслѣ, ловкій въ торговомъ дѣлѣ, всегда осторожный, всегда готовый къ защитѣ, рѣшительный тамъ гдѣ слѣдуетъ, — поморъ гдѣ бы онъ ни жилъ: по Кемскому берегу или по Терскому, все равно, — одинаково являлся достойнымъ потомкомъ ушкуйниковъ, заселившихъ весь нашъ сѣверъ.

Поэтическими легендами обставлены воспоминанія о первомъ приходѣ русскихъ ватагъ въ пустыни и приволья сѣвера. Народная память до сихъ поръ хранитъ ихъ, и въ избахъ сѣвернаго промышленника часто слышится разсказъ о томъ, какъ на мѣстѣ нынѣшняго мирнаго села три дня и три ночи происходила сѣча за обладаніе краемъ, какъ много было побито здѣсь чуди бѣлоглазой, какъ остальная ушла, зарылась въ землю. Вонъ тамъ — показываютъ вамъ на тихій заливчикъ сѣвернаго моря — сложилъ голову «ватаманъ», а красныя пятна на гранитахъ берега — до сихъ поръ слывутъ за кровавыя. Намъ помнится одно стихотвореніе, посвящённое этому движенію переселенческихъ ватагъ, которое мы и приводимъ здѣсь.

То не говоръ ли потока?
То не вѣтеръ ли шумитъ?
Нѣтъ, какъ будто издалека
Пѣсня звонкая гремитъ,
Пѣсня звонкая, лихая,
Вся то — удаль, сила, гнѣвъ...
И далеко, несмолкая,
Чьи-то груди надрывая,
Вольный носится напѣвъ.
Ближе... Лодки надъ волнами
Остроносыя скользятъ,
Весла искрятся на солнцѣ,
Флаги бѣлые блестятъ...
Ближе — громче!.. Кто отважный
Въ глушь пустынную проникъ?
Чей надъ этими лѣсами
Далеко несется крикъ?
Дѣти ль чуди бѣлоглазой,
Иль варяговъ злая рать
Мчится дикія кочевья
Грабить, бить и истреблять?
Нѣтъ, то Руси вольной слово,
Нѣтъ, то пѣснь ея сыновъ.
Точно вьется надъ пустыней
Стая дикая орловъ.
Это Новгорода дѣти,
Дѣти славы вѣчевой:
Ищутъ доли да простора,
Ищутъ битвы роковой...
Въ пѣснѣ ихъ — орлиный клекотъ,
Вольный кличъ лихихъ бойцовъ,
Точно слышится отзвучье —
Вѣчевыхъ колоколовъ.
Оживляются пустыни,
Встрепенулся темный боръ —
Гдѣ бродилъ одинъ сохатый,
Тамъ съ утра звенитъ топоръ.
Глушь, безлюдье, бездорожье...
Царство дремы, край земли
Этимъ сѣятелямъ жизни
Тучной почвою легли.
И бредетъ ушкуйникъ смѣлый
По трущобамъ вѣковымъ.
Какъ грибы растутъ поселки,
Вѣче слышится за нимъ.
Ой! сбирайтеся, дружины!
Воля кличетъ — бой зоветъ...
И съ конца въ конецъ по краю
Громкій колоколъ гудетъ,
И звучитъ неумолкая
Надъ пустынею глухой,
Выше, выше залетая,
Пѣсня Руси молодой...

Терскій берегъ просыпается въ концѣ февраля. По всѣмъ селамъ закипаетъ жизнь. Конопатятъ, смолятъ и чинятъ старыя лодьи, достраиваютъ новыя; окончивъ ждутъ, чтобы ледъ тронулся и рѣки гремуче побѣжали въ заливы и губы Бѣлаго моря, чтобы впустить туда уже готовыя суда. Въ селахъ поюжнѣе не ждутъ ледохода; тамъ уже организовались артели покрученниковъ и двинулись на Мурманъ для весенняго лова рыбы. Остальные готовятся къ звѣриному весеннему промыслу. Весь ледъ, что еще недавно окаймлялъ берега, горными вѣтрами оторвало и унесло въ море. Стамухи носятся по волѣ волнъ и вѣтра, пока не войдутъ въ океанъ. На льдинахъ пріютилось пропасть всякаго звѣрья, вышедшаго на солнце отогрѣться послѣ долгой зимы. Терцы въ карбасахъ уже отплываютъ за ними на весновальный промыселъ. Человѣка по три садятся въ карбасы. Такая «ромша» (артель) цѣлыя недѣли перевозится отъ одной льдины къ другой и подсматриваетъ, нѣтъ ли тамъ юра (стада). Замѣтя юро, пристаютъ, подкрадываются и бьютъ добычу. Удаченъ промыселъ, нагружена лодка, —и весновальщики спѣшатъ подъѣхать къ какому нибудь острову, первому попавшемуся. На немъ складываютъ грузъ, прикрываютъ его камнями и, положивъ туда бирку или палочку съ клеймомъ своей деревни, снова отправляются на промыселъ. Бирка — надежная охрана. Никто не осмѣлится дотронуться до груза, уви-

На Мурманскомъ берегу.

дѣвъ ее. Подобное похищеніе считалось бы самымъ тяжкимъ преступленіемъ, и легенды о немъ пошли бы изъ рода въ родъ...

Пока этотъ промыселъ длится, рѣка совсѣмъ очистилась отъ льда. Лодьи новыя спущены, по всему Терскому берегу великій праздникъ. Хозяинъ зоветъ на свою «красавушку» лодью, отпировать ея постройку. Палуба переполнена сплошь гостями. Коли священникъ близко, тутъ же служатъ молебны. По окончаніи молитвъ плотники подрубаютъ разомъ два бревна, упирающіяся въ корму лодки, и она, сходя по другимъ двумъ, подложеннымъ подъ низъ ея, спускается, въ рѣку при громкихъ кликахъ народа. Уже на рѣкѣ, когда лодья покачивается на ея весеннихъ пѣнистыхъ волнахъ, — на палубу подается обѣдъ.... Если лодья спущена неблагополучно—скверный знакъ: хозяинъ либо умретъ, либо лодья разобьется въ первую морскую бурю... Лодья — наиболѣе популярная форма судна на Терскомъ берегу, гдѣ болѣе богатые хозяева строятъ шкуны. Лодьи — палубныя суда большаго противъ другихъ размѣра, но неодинаковыя между собою. Онѣ употребляются для перевозки грузовъ и для плаванія за промыслами въ отдаленныя мѣста, какъ то: къ Лапландскому берегу, на Новую Землю и Шпицбергенъ (Грумантъ). Длина средней лодьи отъ 6 до 12 маховыхъ саженъ, т. е. отъ 36—72 футовъ; грузу поднимаетъ до 12000 пудовъ. Дно плоское. Малыя лодьи называются иногда шитиками. Вооруженіе большихъ состоитъ изъ трехъ мачтъ и коротенькаго бушприта. Нѣкоторыя лодьи ходятъ весьма легко верстъ по 12 въ часъ съ попутнымъ вѣтромъ, но рѣдкія изъ нихъ могутъ лавировать, а потому онѣ обыкновенно плаваютъ около береговъ и при противномъ вѣтрѣ заходятъ въ становища, въ которыхъ при отливѣ обсыхаютъ. На лодьяхъ бываетъ отъ 5 до 12 человѣкъ экипажа. Несмотря на дурныя качества своихъ судовъ—поморы моряки удивительные. Они не считаютъ отдаленныя плаванія опасными. Разъ поморъ видѣлъ какой нибудь опасный пунктъ—никогда не забудетъ его, не ошибется, даже и въ туманѣ постарается обойти, а не броситъ якоря. Особенно вѣренъ глазъ у ихъ кормщиковъ, когда приходится плыть берегами. Каждый выступъ берега, каждую щель замѣтятъ. Въ голомени—открытомъ морѣ, путеводителемъ служитъ компасъ. Случись противный вѣтеръ, сбейся судно съ курса, наугадъ пойдутъ, а все куда нибудь да попадутъ въ концѣ концовъ. Начнется буря, — лодья заползаетъ въ первую попавшуюся щель и останавливается въ ней до тихой погоды. Иногда такъ и по недѣлѣ стоять приходится, все не успокаивается бурное море. Здѣшніе моряки и безъ барометровъ угадываютъ погоду. Если напримѣръ весною на какой нибудь сторонѣ горизонта поднимается марь, темень или «стѣна», то съ той стороны должно каждое утро ждать вѣтра, или же при закатѣ солнца осенью если гдѣ станетъ свѣтло или разорвутся облака, значитъ вѣтеръ поднимается съ той стороны. Такимъ образомъ составилось у терскихъ поморовъ общее правило: вѣтеръ дуетъ весною изъ «темени», а осенью изъ «ясени».

Отъ Поноя до Святаго Носа нѣтъ ничего выдающагося, живописнаго. Тѣмъ сильнѣе дѣйствуетъ на путешественника грандіозный пейзажъ этого мыса, за которымъ начинается уже другая полоса — Мурманскій берегъ съ совсѣмъ иною жизнью, болѣе кипучей, болѣе шумной. Круглыя линіи отдѣльныхъ вершинъ, обставляющихъ берегъ отъ Поноя на западъ, мало-по-малу понижаясь, переходятъ въ мысъ, который только на самой оконечности своей вновь подымается и горбится круто, сбрасывая свой гранитный хребетъ въ совершенно бѣлую массу пѣнящихся валовъ. Приходится этотъ выступъ обходить далеко. Чуть-чуть малѣйшее волненіе,—и около Святаго Носа бываютъ такіе сувои или толчеи, что и крупныя суда идутъ на дно въ этихъ внезапно образующихся и внезапно пропадающихъ воронкахъ. Въ отливъ и приливъ теченіе здѣсь семь узловъ въ часъ, такъ что даже легкіе карбасы не пройдутъ противъ воды на веслахъ; съ водою же можно въ шесть часовъ сдѣлать болѣе сорока верстъ, противъ вѣтра. Моряки-поморы поэтому огибаютъ Носъ только съ попутнымъ теченіемъ; кончается оно — судно хоронится въ ближайшую бухту и выжидаетъ шесть часовъ до новой воды. Крупныя суда придумали способъ идти противъ вѣтра, пользуясь быстрымъ теченіемъ.

Подъ киль они опускаютъ парусъ вертикально, посредствомъ разныхъ тяжестей, привязываемыхъ къ нижнимъ угламъ его. Вода, напирая на всю плоскость паруса, сообщаетъ судну довольно быстрое движеніе. Если противный вѣтеръ не слишкомъ силенъ, то судно, такимъ образомъ, идетъ до 9 верстъ въ часъ. Два теченія — терское и іоканское, сливаясь на оконечности Святаго Носа, образуютъ самый сильный сувой по всему протяженію береговъ Кольскаго полуострова. Въ вѣтеръ это неизобразимый хаосъ воды, брызгъ, пѣны и тумана, волны рвутся одна на другую, разбиваются, съ грохотомъ разсыпаются въ мельчайшія брызги, образуя бездны, и снова накатываясь на нихъ своими вспѣненными гребнями. Даже въ спокойную погоду судно здѣсь не слушается руля, дрожитъ, колеблется; гребнымъ приходится еще хуже, въ безвѣтріе волны выбиваютъ весла изъ рукъ гребцовъ. Г. Соловцовъ слѣдующимъ образомъ описываетъ бурю у Св. Носа: Громадные буруны цвѣта самаго чистаго аквамарина, оперенные бѣлыми гребнями, сильно ударяютъ въ каменистый берегъ, взбрасываютъ высоко брызги и медленно отступаютъ назадъ. Ихъ шумъ глушитъ все. На самомъ краю темносѣраго берега, далеко, такъ что и глазомъ не окинешь, бѣлѣютъ ряды чаекъ. При каждомъ ударѣ буруна, нѣкоторыя изъ нихъ бросаются къ водѣ, схватываютъ вскидываемыхъ молюсковъ, червей и мелкихъ рыбъ и, описывая громадный кругъ, возвращаются назадъ, уже проглотивъ добычу. Соловцовъ ставилъ на берегъ котелъ съ водой. Не смотря на то, что Св. Носъ — цѣльная скала, она такъ колебалась, что вода въ котлѣ расплескивалась.

Прежде не огибали Святаго Носа, а приставъ въ губѣ Волоковой (на восточной сторонѣ его), вытаскивали лодки на сушу, переволакивали ихъ черезъ матерой берегъ и вновь спускали въ воду въ Іоканской губѣ, на западной сторонѣ Св. Носа. Дѣлалось это изъ боязни не сувоя, а червя: на оконечности Св. Носа жилъ червь-молюскъ, извѣстный подъ названіемъ корабельнаго сверлила — teredo. Онъ протачивалъ суда изъ самаго крѣпкаго лѣса. Это было до тѣхъ поръ, пока св. Варлаамій Керетскій, по легендѣ поморовъ, не заклялъ червя совсѣмъ.

Св. Варлаамій Керетскій священствовалъ въ Колѣ. Тамъ въ припадкѣ ревности онъ убилъ свою жену, которая оказалась ни въ чемъ неповинной, такъ какъ самъ дьяволъ обморочилъ святаго, принявъ на себя человѣческій видъ и какъ будто выйдя изъ горницы жены священника. Сорокъ дней и сорокъ ночей Варлаамій ничего не ѣлъ и не пилъ, а только все плакалъ. Потомъ взялъ лодку, перенесъ въ нее тѣло жены и уплылъ онъ изъ Кольской губы на востокъ. Черезъ нѣсколько дней доѣхалъ до Св. Носа. «Ночью слышитъ гласы подъ килемъ — черви сговариваются потопить его лодку. Святой созвалъ всѣхъ червей вокругъ своей лодки. Видимоневидимо собралось. Все море-океанъ побѣлѣло. Оглядѣлъ онъ ихъ и заклялъ. Какъ заклялъ своимъ святымъ словомъ, такъ съ тѣхъ поръ ни одного червя не осталось».

— Что же потомъ сталось съ Варлаамомъ? спрашиваютъ наивнаго разсказчика.

— А поплылъ онъ, другъ ты мой, по Терскому берегу въ Кандалацкую губу, а оттуда по Чупѣ-губѣ поднялся въ лѣса дремучіе, зарылъ тамъ жену, построилъ часовню и жилъ въ пещерѣ со звѣрьми дикими безъ мала сто годовъ, училъ слову Божьему лопь эту да чудь бѣлоглазую. Опосля и померъ. Мощи его были въ Керети, въ церкви, да сгорѣли въ 1854 году въ пожаръ...

За Святымъ Носомъ начинается, мертвый еще недавно по зимамъ и кипучій людной суетою лѣтомъ, Мурманскій берегъ... Мы говоримъ мертвый еще недавно, хотя и теперь, съ наступленіемъ ноября, большая часть этой полосы остается безжизненной вплоть до весны и прихода сюда промысловыхъ партій. Во всю эту долгую полярную ночь море зыблется здѣсь подъ мерцающимъ свѣтомъ полярнаго сіянія. Волны стремятся къ каменнымъ скаламъ засыпаннаго снѣгами берега или къ его ледянымъ припаямъ. Когда вѣтеръ мѣняется и дуетъ съ берега, въ воздухѣ слышится шумъ и грохотъ сталкивающихся льдинъ, мчатся по небу сѣрыя тучки и ползутъ на далекій сѣверъ, къ самому полюсу, откуда все льются и льются потоки загадочнаго свѣта. Вѣтеръ крѣпчаетъ — волны вскидываютъ вверхъ бѣлыя гривы и чѣмъ дальше, тѣмъ все

выше и выше вздымаютъ свои хребты, тѣмъ все громче и громче разбиваются о льдины, надвигающіяся имъ на встрѣчу. Тюлени, еще недавно отдыхавшіе на стамухахъ, спалзываютъ въ воду; гдѣ-то слышится глухой, тягучій вздохъ кита. Вотъ и самъ онъ грузной черной массой поднялся вверхъ и высоко взбросилъ двѣ струи воды изъ своихъ мощныхъ дыхалъ, словно привѣтствуя поднимающуюся непогоду. Двѣ раздвоенныя лопасти гигантскаго хвоста мелькнули въ воздухѣ—и исполинскаго животнаго уже какъ не бывало, на томъ мѣстѣ ширится только по морю громадный кругъ бѣлой пѣны, разбиваемый табунами медленно налетающихъ волнъ. Громадныя стамухи сталкиваются, разбиваются на мелкіе обломки... Самый берегъ пустыненъ и безлюденъ. Становища, засыпанныя снѣгами, кажутся кладбищами; подъ сугробами бревенчатыя стѣны являются старыми могилами, въ которыхъ давно уже истлѣли трупы; только на верхушкахъ холмовъ стоятъ убогія часовенки, да у береговой вѣжи теплится костеръ, разложенный сторожемъ становища—лопаремъ, остающимся здѣсь одиноко на всю долгую арктическую зиму... Первыя весеннія чайки являются сюда очень рано — раньше даже, чѣмъ солнце начинаетъ грѣть промерзшую землю. Съ первыхъ теплыхъ весеннихъ дней зато бьетъ оно яркимъ свѣтомъ въ засыпанные снѣгомъ берега. Безоблачная синева неба высоко подымается тогда надъ мертвымъ краемъ. Еще нѣсколько дней — и на самомъ краю его съ юга на громадное пространство раскидывается все ближе и ближе подвигающаяся сплошная черная стая перелетной птицы. Сыроватая струя въ воздухѣ уже даетъ знать близкое пробужденіе крайняго сѣвера. Въ немъ уже нѣтъ рѣзкости, морозной жесткости. Дыханія не захватываетъ. Еще одинъ вѣрный признакъ весны — легкій, едва слышный запахъ гнилой рыбы стоитъ надъ становищемъ — снѣгъ разрыхлился, сталъ губчатымъ, сквозь него подымаются испаренія брошенныхъ въ прошлое лѣто рыбныхъ внутренностей, устилающихъ все побережье мурманскихъ становищъ... На сѣверъ отъ становища раскидываются широкія картины, вѣющія дикимъ величіемъ своихъ громадъ. Изъ бѣлыхъ массъ снѣга, тающаго подъ солнцемъ, подымаются уже обтаявшія вершины сѣрыхъ утесовъ, кое-гдѣ они принимаютъ видъ круглыхъ башенъ съ конусообразными верхушками, въ другихъ мѣстахъ горбятся чудовищными хребтами; на талыхъ площадкахъ, еще недавно обледенѣвшихъ, уже парится на солнцѣ черными пятнами торфъ... Позади, въ самой дали, гдѣ синева неба сгущается въ какую-то мглистую полосу, сверкаетъ точно черточка затерянная въ небѣ: это горное озеро подъ льдомъ... Вблизи въ бѣлыхъ полосахъ снѣга, устилающаго низины, стоятъ синеватыя пятна, тутъ снѣгъ «отдаетъ», т. е. разрыхляется, пухнетъ передъ таяніемъ. У едва-едва приподнявшихся изъ-подъ снѣга избъ тамъ и сямъ стоятъ кресты, воздвигнутые надъ могилами рыболововъ. Одни покосились или лежатъ на землѣ, другіе еще новые не успѣли покрыться теменью. Въ противоположную сторону на сѣровато-зеленомъ просторѣ океана во всѣхъ направленіяхъ сверкаетъ и серебрится матовыми глыбами множество ледяныхъ массъ, носившихся здѣсь всю зиму. Вдали, гдѣ уже взоръ безсиленъ, онѣ сливаются въ блѣдную, точно засыпанную снѣгомъ полосу... Стамухи иногда достигаютъ здѣсь громадной величины. Нѣкоторыя бываютъ мили по четыре въ діаметрѣ. Другія выдвигаются изъ воды, точно подводныя скалы. Когда море спокойно, онѣ едва колышутся на его просторѣ, но въ бурю неудержимо носятся по волнамъ, сталкиваются, разбиваются и вновь разносятся съ глухимъ шумомъ, заглушающимъ непогоду. Если бы кто нибудь сталъ здѣсь на берегу, онъ не услышалъ бы ни свиста вѣтра, ни грохота валовъ. Только трескъ, шуршанье и громъ сталкивающихся ледяныхъ глыбъ стояли-бы въ его ушахъ, подавляя мысль и сознаніе, мѣшая все передъ глазами въ какую-то страшную стихійную битву... У береговъ тянутся во всѣ стороны бѣлые ледяные припаи, узкіе на пунктахъ, далеко выдавшихся въ океанъ, и широкіе, заполоняющіе небольшіе заливы тамъ, гдѣ береговая линія вдается внутрь. Сквозь ледяные припаи кое-гдѣ прорѣзываются острые гребни пахтъ и черные зубцы коргъ. Края припаевъ иззубрены и изорваны. Кое-гдѣ они даже висятъ выдающимися

кровлями надъ водою. Камень да снѣгъ, снѣгъ да камни,—и надо всей этой каменно-снѣжною массой, мертвой и безмолвной, только ревъ моря да жалобный стонъ чайки....

Таковъ зимою этотъ громадный валъ, который тянется отъ Святаго Носа до рѣки Ворьемы, т. е. до норвежской границы, тая въ своихъ трещинахъ, извилинахъ у множества заливовъ,

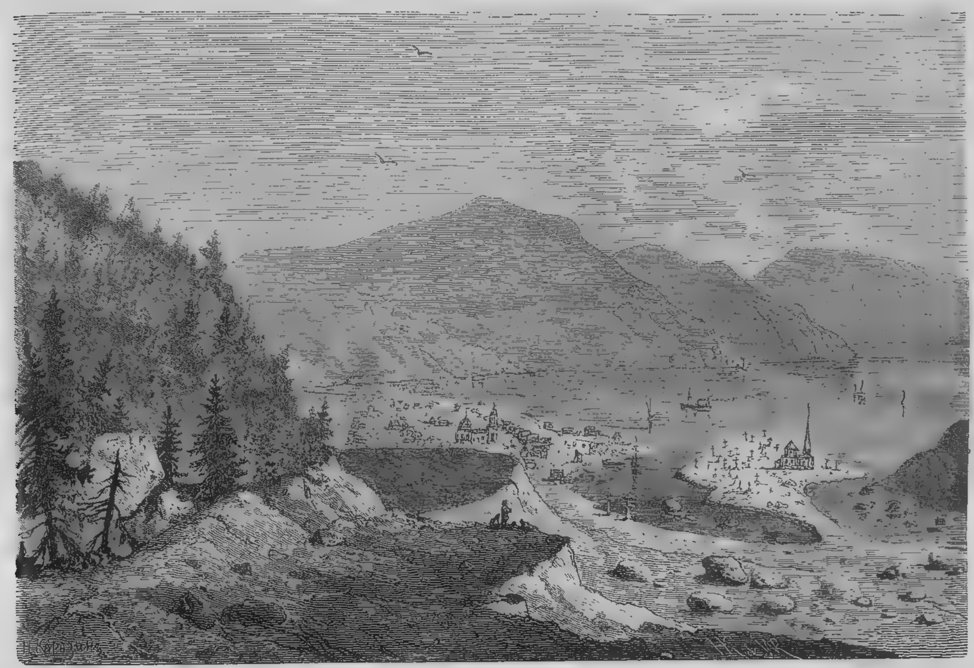

Мать и Дочери, скалы Сѣвернаго океана.

губъ и полуострововъ многочисленныя лѣтнія становища сѣверныхъ рыболововъ. Высота этого вала очень измѣнчива: отъ 200 футовъ она поднимается до 1000... Его утесы изорваны и искрещены безчисленными щелями и трещинами, въ которыхъ до послѣднихъ чиселъ іюля, а коегдѣ и до августа бѣлѣютъ полосы еще нестаявшаго зимняго снѣга. Извнутри страны къ этимъ вѣющимъ дикимъ величіемъ берегамъ, черезъ каменистыя твердыни, неустанно пробиваютъ себѣ путь быстрыя и извилистыя рѣки. Онѣ мчатся въ Бѣлое море и въ океанъ, словно по корридорамъ, образуемымъ гранитными массами Лапландіи; каждая по пути гремитъ въ безчисленныхъ порогахъ, распадается на прелестные лѣтомъ водопады, а тамъ, гдѣ случайно стѣны ихъ дефилей расходятся — расплываются въ недвижные, чистые какъ хрусталь, идиллически-прекрасные плесы. Таковы рр. Іоканка, Лица, Лава, Воронья, Тирнберка, Кола, Тулома, Ура, Печенга и Ворьема.

Лѣтомъ эта окраина составляетъ наиболѣе людную и промысловую область нашего сѣвера. Отвѣсныя стѣны берега кое-гдѣ окаймляютъ покойныя воды заливовъ, гдѣ въ самыя сильныя бури вода не всколыхнется, и только разбѣгающаяся широкимъ кругомъ зыбь бороздитъ воду тамъ, гдѣ на поверхности ея подымаются безчисленныя стада сайды или плюхаетъ хищная акула. Острова запираютъ входы въ эти бухты. Разноцвѣтные ягели пестрятъ гранитныя, гнейсовыя или сланцовыя породы, переходящія за островомъ Кильдинымъ въ сплошныя діоритовыя стѣны. Куполообразныя, пирамидальныя, коническія пахты (скалы) иногда выдвигаются далеко за предѣлы этого берега, защищая его отмелые склоны отъ бѣшенаго напора Ледовитаго океана.

Очень часто берега Мурмана являются передъ вами громадными циклопическими стѣнами, сваленными изъ камня, каждый величиною въ домъ средняго размѣра. Вокругъ этихъ твердынь вьются съ громкими криками чайки, гагары, гаги, чистяки и буревѣстники... На далекихъ карнизахъ каменнаго берега тянутся волнистыя бѣлыя линіи милліоновъ сидящихъ здѣсь полярныхъ

Городъ Кола.

птицъ; гребни террасы кажутся покрытыми снѣгомъ... Но пусть загремитъ выстрѣлъ, и вся эта бѣлая полоса вдругъ вспыхнетъ и разсѣется съ унылымъ крикомъ такими же бѣлыми тучами, надъ разомъ опустѣвшею гранитною громадой.

Теперь это студеное море, этотъ каменный берегъ не пугаютъ воображенія. Въ доброе старое время было не такъ. Только самые предпріимчивые вожаки Господина Великаго Новгорода ходили сюда, а въ 1264 году основали здѣсь даже поселокъ — Колу. Чтобы добраться до этого пункта, новгородской дружинѣ нужно было проложить себѣ путь черезъ все Заволочье р. Двиною и Бѣлымъ моремъ, объѣхать Терскій и Мурманскій берега. Кола разомъ стала для ушкуйниковъ гнѣздомъ, откуда они предпринимали свои набѣги и куда скрывались отъ нападеній кочевыхъ инородцевъ. Окруженная крутыми горами и пріютившаяся у глубокаго и покойнаго залива, Кола какъ нельзя лучше соотвѣтствовала этимъ требованіямъ. Бѣлой рыбы, семги и бобровъ въ рѣкахъ Колѣ и Туломѣ было вдоволь, ближайшія части океана влекли къ себѣ неисчислимыми богатствами. Поэтому съ первыхъ же временъ заселенія, отсюда стали возить въ Новгородъ, а потомъ и въ Москву куницъ, лисицъ, выдръ и бобровъ. Первыя триста лѣтъ существованія этой колоніи были очень тревожны. Какъ ни былъ богатъ этотъ край, но охотниковъ переселяться сюда оказывалось очень мало, да и тѣ, которые жили тутъ, были такъ слабы, что не могли заставить лопарей платить себѣ ясакъ. До 1530 года и церкви не было въ Колѣ; стояла только убогая часовенка, въ родѣ тѣхъ, которыя теперь

торчатъ на варакахъ мурманскихъ становищъ. Когда Іоаннъ III разгромилъ Новгородъ, и Двинская область, Заволочье, Мурманское поморье присоединены были къ княжеству Московскому, сюда были присланы ратные и торговые люди; въ 1533 году воздвигли первую церковь, а съ прибытіемъ сюда Ѳеодорита, распространившаго христіанство среди терской лопи, и Трифона, крестившаго лопь мурманскую, Кола стала уже представительницей славянства на крайнемъ сѣверѣ и центромъ промышленнаго, гражданскаго и умственнаго прогресса. Въ эти же годы предѣлы владѣній Россіи по этому берегу были раздвинуты до Ганвика. Черезъ пятнадцать лѣтъ въ Колу прибыли первые ссыльные изъ бояръ, и послѣ того уже щедроты Москвы въ этомъ отношеніи не оскудѣвали. Построили здѣсь острожекъ; церковь отдѣлали окончательно, приняла она тогда видъ четыреугольника, обнесеннаго двойною деревянною стѣной съ насыпью мелкаго камня посерединѣ, и обведена глубокимъ рвомъ. Еще черезъ нѣсколько лѣтъ, сюда былъ посаженъ на кормленіе воевода, и ему дана сотня стрѣльцовъ, а уже въ 1574 года Москва сюда командировала писца Агалина, для описи во всей землѣ Лопской межъ и границъ частныхъ родовыхъ владѣльческихъ участковъ. Острогъ привлекъ изъ Кемскаго поморья много «нужнаго и голутвеннаго» люда, которые стали промышлять рыбу и звѣрей на Мурманѣ. Скоро вѣсть объ этомъ дошла и до Двинскаго края. Отважнѣйшіе изъ холмогорскихъ промышлениковъ въ концѣ XVI-го вѣка уже появились здѣсь на своихъ жалкихъ суденышкахъ; за ними двинулись пинежане, мезенцы, онежцы. Эти стали по губамъ и бухтамъ строить землянки, а то и просто складывать печи для варева, предпочитая въ бойкое промысловое лѣтнее время спать прямо подъ кровомъ небеснымъ. Съ тѣхъ поръ и до сего времени одинаково Мурманъ привлекалъ и привлекаетъ къ себѣ каждое лѣто тысячи промышлениковъ. Такимъ образомъ на Колѣ показала себя сила новгородскаго духа. Она не исчезла на чужбинѣ безслѣдно, не слилась съ инородцами, и все росла и росла, поддерживаемая преданіями, оставленными по себѣ горстью ушкуйниковъ, врѣзавшихся въ самую глубь враждебнаго имъ края. Она оказала громадныя услуги сѣверному краю и Россіи, пріобрѣтя ей Лапландію и длинную, богатую береговую линію.

Кола лежитъ въ вершинѣ залива того же имени.

Между Торосъ-островомъ и мысомъ Лѣтинскимъ Мурманскаго берега едва-едва замѣтенъ узкій входъ въ губу. Длина ея 31 миля. Первое время, вступивъ туда, вы плывете мимо безплодныхъ каменистыхъ береговъ, только кое-гдѣ оживляемыхъ незначительною кустарною порослью, въ защищаемыхъ отъ сѣвернаго вѣтра логахъ. Узкіе песчаные мысы вдаются въ неподвижныя воды губы, а надъ ними мѣстами отвѣсно поднимаются красноватыя гранитныя стѣны суроваго сначала берега... Потомъ мало-по-малу начинаютъ показываться рѣдкія стрѣлки елей и сосенъ безъ вѣтвей отъ недоразвившихся на сѣверномъ вѣтрѣ почекъ. Скоро земля становится гуще и обильнѣе и, наконецъ, между мысами и островами чуть-чуть прорѣзываются голубые просвѣты заливовъ, между которыми особенно значительна Екатерининская гавань, гдѣ легко можетъ помѣститься на зимовку громадный флотъ изъ большихъ морскихъ судовъ. Прежде здѣсь находилась торговая, китобойная и рыбопромышленная факторія Шуваловыхъ, когда же монополія была у нихъ отнята, они закрыли факторію. Потомъ таковая была возобновлена бѣломорскою компаніею, но на весьма непродолжительное время. Англичане главнымъ образомъ помѣшали ея развитію. Желая нанести ударъ промышлености у насъ на сѣверѣ, они въ 1806 году сожгли первый вышедшій изъ Кольской губы китоловный корабль, а въ 1809 году взяли Колу, зашли въ Екатерининскую гавань, истребили все имущество, суда и факторію компаніи.

Губа расширяется. Вода спокойно отражаетъ высокія горы, со всѣхъ сторонъ стѣснившія полярный городокъ. На выступѣ небольшой островокъ съ церковкой и подножіе горы Соловараки. На этомъ подножіи — полуостровѣ, образуемомъ съ одной стороны устьемъ порожистой и гремучей р. Колы, а съ другой Туломскимъ рукавомъ губы, разсыпаны по берегу гнилые рыбные сараи, скудныя избы и среди пустошей убогія хижины и небольшіе домики

города. Климатъ Колы перемѣнчивъ. Въ тихую лѣтнюю погоду температура показываетъ до 20° тепла, при сѣверномъ и сѣверовосточномъ вѣтрѣ падаетъ до 5°. Зимою морозы рѣдко выше 30°. Съ горъ въ это время поднимаются вьюги, Колу заноситъ снѣгомъ, такъ что изъ-подъ снѣга не видать и кровель. Мѣсяца по три горожане сидятъ отрѣзанные отъ всего міра бездорожьемъ. Часто въ это время выходятъ припасы въ лавкахъ, и коляне питаются только рыбою и хлѣбомъ. Доктора нѣтъ, школа помѣщается въ небольшомъ домѣ. Развлекаются на посидѣлкахъ, часто танцуютъ подъ гармонику вмѣсто оркестра. Особенность Колы — ея женщины. Рослыя, сильныя и красивыя, онѣ работаютъ тоже самое и такъ же какъ и мужчины. Колянка бьетъ акулъ, правитъ кораблями не хуже помора, ходитъ на шкунахъ въ Норвегію и въ Архангельскъ. При этомъ и строгость нравовъ не соблюдается, разумѣется. Колянка, не имѣющая обожателя, называется «сиротою разносчастною» и служитъ предметомъ общаго посмѣянія. Есть въ Колѣ нѣсколько пожилыхъ женщинъ, онѣ усвоили себѣ мужскіе пріемы, на работу онѣ надѣваютъ даже мужское платье. Онѣ называются «размужичьемъ». Благосостояніе Колы обусловливается удачею морскихъ промысловъ и торговлей съ лопарями, которыхъ коляне сумѣли сдѣлать своими батраками. Лѣтомъ, весною и осенью Кола пуста. Почти все ея населеніе переселяется на морскіе берега — для лова рыбы.

По всему Мурману, отъ Святаго Носа до Ворьемы — 46 становищъ. Одни изъ нихъ похожи на большія и людныя села, другія пустынны и только изрѣдка населяются артелями промышлениковъ. Въ послѣднихъ нѣтъ даже избъ, а только сложены печи. Становища этого типа тянутся отъ Святаго Носа до р. Лицы. Въ каждомъ становищѣ ежегодно собирается отъ 20 — 300 промышленниковъ, всего же здѣсь промышляетъ до 4000. Вотъ описаніе становища, на которое походятъ почти всѣ, гдѣ есть избы: «Избы разбросаны то одиночками, то группами по

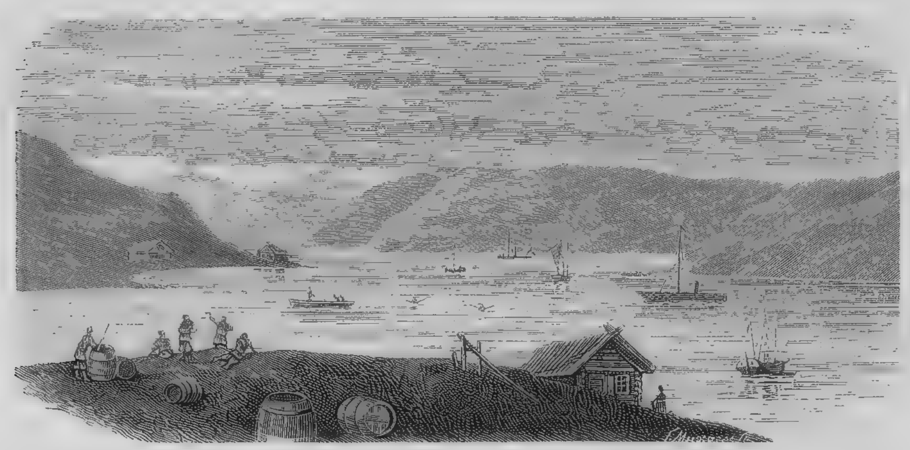

Екатерининская гавань въ Кольскомъ заливѣ.

небольшимъ выступамъ и площадкамъ утесовъ. Однѣ вверху, другія внизу, однѣ упрятались въ горную щель, другія ютятся у подножія сѣрыхъ скалъ, третьи торчмя выпятили свои срубы на плешкахъ куполообразныхъ холмовъ. Иногда одинъ станъ виситъ надъ другимъ, а по крутой тропинкѣ тянутся между ними жерди въ видѣ перилъ. Между избами амбары для складовъ рыбы, скеи, изрѣдка черныя бани, жиротопенныя печи и заводы и повсюду длинные ряды увѣшанныхъ сухою трескою палтуховъ, громадные костры сушеныхъ тресковыхъ головъ, тресковыя же головы, разсѣянныя и разбросанныя по всему берегу, чаны съ саломъ. На отмелый берегъ накренились или нарочно опрокинуты шняки и карбасы, въ волнахъ хорошо защищенной бухты слегка покачиваются на якоряхъ шкуны, во всѣхъ направленіяхъ бороздятъ оксапъ

лодьи и парусныя лодки. На крайнихъ выступахъ утесовъ во всѣхъ направленіяхъ чернѣютъ кучки деревянныхъ крестовъ надъ могилами промышленниковъ.»

Наиболѣе крупныя становища суть: Семиостровское, гдѣ ловится рыба почти у самаго берега, Шельпино съ большой факторіей Савина и его жиротопенными заводами, Гавриловское, Тириберка — удивительно красивое по мѣстоположенію и людное; Ура-губа, Рыбачье и Корабельное съ факторіей, принадлежащей колонистамъ. Становище Еретики составляетъ центръ Мурманскихъ рыбныхъ ловель и стоянки русскихъ промышленныхъ судовъ.

Становище Еретики.

Еще недавно по всему Мурману не было ни одного постояннаго поселенія, если не считать городъ Колу. Множество становищъ оживлялось только лѣтомъ; зимою и осенью здѣсь царило полное безлюдье. Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ на западныхъ оконечностяхъ Рыбачьяго полуострова поселилось нѣсколько норвежскихъ семействъ и финновъ. Въ это же время поморы, которымъ не везло на берегахъ Бѣлаго моря, заявили желаніе поселиться на Мурманѣ, на льготныхъ условіяхъ. Администрація приняла участіе въ этомъ, и вскорѣ былъ разработанъ проектъ колонизаціи Мурмана, а въ 1868 году уже началось и правильное заселеніе этого края.

Въ 1873 году здѣсь уже оказывалось восемьсотъ переселенцевъ; изъ нихъ 305 финляндцевъ, 245 норвежцевъ и 250 русскихъ съ корелами. Лучшимъ элементомъ колонизаціи оказались трезвые, честные и трудолюбивые финны, за ними слѣдуютъ русскіе, корелы и шведы. Къ сожалѣнію, въ числѣ колонистовъ очень значительный процентъ выпадаетъ на долю норвежцевъ, которые здѣсь являются или въ видѣ бѣглыхъ преступниковъ, или въ видѣ торговцевъ ромомъ. Отъ нихъ, какъ отъ центровъ, распространяется здѣсь повсюду нищета, пьянство и бездѣятельность. Главные промыслы колонистовъ — морскіе рыбные; сверхъ того, бой акулъ и ловъ семги. Въ послѣдній періодъ колонизаціи на Мурманѣ уже явилось нѣсколько факторій, изъ которыхъ главными считаются четыре: Савина, Паллизена и Базарнаго; менѣе значительныя по оборотамъ: Филиппова, Хипагина и Хохлова. Переселенцы сверхъ того дѣятельно занялись скотоводствомъ, чему особенно содѣйствуетъ превосходное качество травы, растущей здѣсь по низинамъ и лугамъ, защищеннымъ горами отъ мертвящаго дыханія сѣвернаго вѣтра. Изъ колоній этого края самая старѣйшая послѣ Колы — Печенгская, основанная новгородцемъ, сыномъ священника, Трифономъ преподобнымъ, проповѣдовавшимъ христіанство даже въ предѣлахъ Норвегіи. Въ 1536 г. онъ на устьѣ Печенги поставилъ монастырь, которому черезъ двадцать лѣтъ Іоаннъ Грозный пожаловалъ губы: Мотовскую, Пазрѣцкую и Навдемскую (двѣ послѣднія

нынѣ уступлены норвежцамъ). Ловя здѣсь семгу и треску, монастырь завелъ обширную торговлю; даже изъ Гамбурга приходили сюда корабли за рыбой. Къ сожалѣнію, въ 1585 году шведы напали на иноковъ, сожгли обитель, уничтожили тони, а братію и бѣльцовъ убили до единаго человѣка. Съ тѣхъ поръ Печенга была безъ поселка около трехъ сотъ лѣтъ, т. е. до 1868 г., когда сюда прибыло 93 русскихъ, 33 корела, 5 финновъ и 21 норвежецъ. Они раз-

Внутренность церкви Бориса и Глѣба на Мурманскомъ берегу.

селились на пятнадцать верстъ, гдѣ кому удобнѣе. Колонія находилась бы въ блестящемъ состояніи, если бы не вредная дѣятельность норвежскихъ ромоторговцевъ. Вблизи Печенги прекрасные и крупные лѣса. Колонисты завели огороды. Слѣдующая большая колонія въ Земляной губѣ, гдѣ есть хорошо содержимые огороды. Подъ 69° 46′ родится рѣпа, рѣдька и картофель. Молочность мѣстнаго скота удивительная. Въ колоніи есть портные, сапожники, столяры и плотники, т. е. чего нѣтъ и въ Колѣ. Всего здѣсь поселилось 173 финна и 4 норвежца. Третья большая колонія въ губѣ Ура съ великолѣпными семужными ловами. Остальныя колоніи не столь значительны, какъ эти.

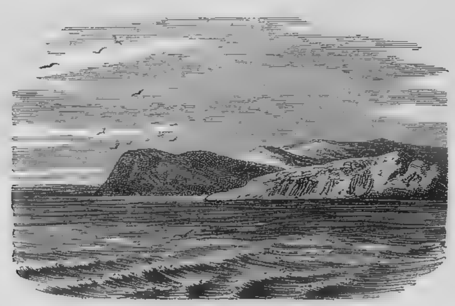
Тотъ же Св. Трифонъ, о которомъ мы говорили выше, не ограничился устройствомъ монастыря, а, ради ознакомленія Лопи съ христіанствомъ, построилъ еще у самой границы Норвегіи, близъ Студенаго моря, на Мурманѣ, церковь во имя Св. Бориса и Глѣба. Церковь бѣдна до крайности, и только древность ея дѣлаетъ ее замѣчательною. На правой сторонѣ отъ царскихъ вратъ сохранились иконы братьевъ-мучениковъ и Св. Равноапостольнаго князя Владиміра съ надписями вязью, составляющими драгоцѣннѣйшій археологическій памятникъ. Нѣтъ здѣсь пышныхъ одеждъ священнослужи-

тельскихъ, ни роскошной утвари, но издалека сходится къ ней народъ, чтя память строителя церкви.

Начиная съ Тириберки къ западу, климатъ Мурмана поражаетъ своею мягкостью, сравнительно съ другими мѣстностями нашихъ сѣверныхъ окраинъ. Дѣло въ томъ, что здѣсь близко отъ берега проходитъ теченіе Гольфстрема, и колонисты, переселившіеся сюда съ поморья Кемскаго, имѣютъ полное основаніе говорить, что у нихъ зима на Мурманѣ гораздо легче и лѣто теплѣе чѣмъ на родинѣ, хотя та и находится нѣсколькими градусами южнѣе. Колонисты здѣсь косятъ сѣно — какого въ поморьѣ и не видывали; подъ 69° растетъ близъ Тириберки трава по плечо человѣку, а немного дальше такая, что и человѣка въ ней не видно. Обыкновенно температура воздуха у Святаго Носа и между берегами Терскимъ и Зимнимъ до Канина Носа — очень низка. Отъ Тириберки же къ западу — все теплѣе и теплѣе. Норвежскіе ученые находили тутъ много безпозвоночныхъ, свойственныхъ теплымъ частямъ Атлантики. Океанъ дѣлается тутъ уже замѣчательно красивъ: то и дѣло вдали подымаются фонтаны воды, выбрасываемой китами изъ своихъ дыхалъ; мимо парохода снуютъ акулы, иногда на цѣлыя мили гонятся за судномъ стада сайды, поднимая вокругъ легкую зыбь. Виды береговъ все грандіознѣе и красивѣе;— въ водѣ, если вы наклонитесь съ борта парохода и засмотритесь туда, передъ вами заблестятъ всѣми цвѣтами радуги чудные «цвѣты моря» — медузы, акалефы или морское масло, какъ ихъ называютъ здѣсь. Звѣздообразныя, колокольчатыя, круглыя, фута полтора въ поперечникѣ, оттѣненныя лучистыми полосами всевозможныхъ оттѣнковъ, переливающихся одни въ другіе съ бархатистою мягкостью и очаровательными неожиданными эффектами, онѣ всѣ обращены внутреннею своею областью къ теченію. Зубчики или щупальцы, окружающіе ихъ, сжимаются и разжимаются, какъ пальцы руки, вѣроятно схватывая добычу, приносимую имъ волнами. Въ сентябрскія темныя ночи акалефы видны въ сильно движущейся или разбивающейся обо что-нибудь водѣ. Онѣ начинаютъ свѣтиться фосфорическимъ блескомъ. Чудное зрѣлище представляетъ въ такое время слѣдъ парохода съ тысячами, какъ будто выбѣгающихъ изъ-подъ его киля, свѣтящихся организмовъ... У береговъ издали можно разсмотрѣть ярко свѣтящіяся пятна. Это тѣ же акалефы. Гдѣ вода разбивается о неподвижные камни, тамъ бурунъ сверкаетъ буквально брилліантовымъ блескомъ.

Весь этотъ край — Мурманскій берегъ, съ его мягкимъ для крайняго сѣвера климатомъ, богатыми промыслами и зарождающеюся колонизаціей, съ красотами его береговъ и океана, весь еще въ будущемъ... Скоро эта пока малолюдная окраина пробудится къ новой жизни, какъ пробудился къ ней сѣверъ близлежащей Норвегіи.

В. И. Немировичъ-Данченко.

Святой Носъ.

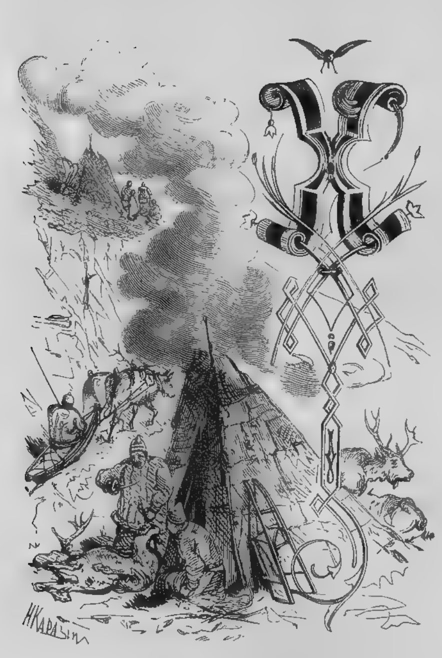
ОЧЕРКЪ VI.

ЛОПСКАЯ ЗЕМЛЯ.

Общій характеръ Лапландіи. — Зима. — Весна. — Горы и воды Лопской земли. — Комары — Растительность. — Историческія легенды. — Великій горный духъ—Арома-Телле. — Луга въ Лапландіи. — Легкость проведенія путей. — Лопь и фильманы.—Религія лопарей и ея нынѣшніе остатки. — Погосты и жилища лопарей — Одежда. — Языкъ. — Пища. — Характеръ лопарей. — Отношенія къ женщинамъ. — Олени—богатство лопаря. — Охота. — Переселенія. — Вѣжи лопскія. — Обычаи. — Остатки народной поэзіи.

Быстро проносится лѣто полярное
И коротка тамъ весна;
Тощая, скудная, неблагодарная
Почва лапландца бѣдна.
Здѣсь монотонно сурово-бродячая
Тянется жизнь лопаря.
Лѣта онъ ждетъ: наступаетъ горячее
Время, когда, чуть заря,
Ловитъ онъ рыбу, бездомно кочующій,
Много обходитъ онъ рѣкъ...
Если жъ морозъ затрещитъ, и съ бушующей
Вьюгой повалится снѣгъ,
Бросивши тягостный трудъ рыболова,
Бьетъ онъ оленя и звѣря лѣснаго.

МИНАЕВЪ.

Лапландское кочевье.

Холодный Терскій берегъ, умѣренный по климату и богатый по своимъ промысламъ Мурманъ — служатъ передовыми форпостами Лапландіи, схоронившейся за ними въ свою малоизвѣстную и малоизслѣдованную глушь. Съ половины октября до мая вся она погружена во мракъ, который едва-едва разсѣевается слабымъ сумеречнымъ разсвѣтомъ полярнаго зимняго дня; ночью великолѣпныя сѣверныя сіянія раскидываются надъ этою страной, придавая фантастическую жизнь ея крутымъ горамъ, покрытымъ льдомъ озерамъ и въ самыя долгія зимы, въ самые суровые морозы незамерзающимъ водопадамъ. Днемъ вершины этихъ горъ, очертанія озеръ и темныя суровыя тучи лѣсовъ, заполонившихъ низины, часа на два едва-едва выдѣляются изъ сумрака... При яркомъ блескѣ сполоховъ, зимній день можетъ показаться ночью, а ночь — днемъ. Часто уже съ девяти часовъ вечера, а то и раньше надъ засыпанными снѣгомъ пустынями все горитъ и свѣтится. Въ таинственномъ полярномъ сіяніи тускнетъ луна и пропадаютъ звѣзды... Въ лѣсныхъ трущобахъ еще стоитъ тьма, не смотря на то, что въ разгарѣ сполоха кровавые столбы уже про-

тягиваются до зенита. Голубое сіяніе мерцаетъ имъ вслѣдъ отъ одной звѣзды до другой. Черный сегментъ полярнаго сіянія ярко оттѣняется надъ сѣверною окраиною неба. Надъ этимъ сегментомъ колеблются, двигаются, вспыхиваютъ и замираютъ волны таинственнаго свѣта, словно тамъ движутся, борются, падаютъ и возстаютъ невидимыя рати съ милліонами тусклыхъ факеловъ въ рукахъ. Иногда бродящіе лучи западаютъ въ густую чащу еловой поросли, захватывая на минуту въ свой сіяющій кругъ красныя полости мха, кажущіяся запекшеюся внизу кровью и выстилающія болотныя понизи... Но, если великолѣпіе сѣверныхъ ночей охватываетъ душу случайнаго путника благоговѣйнымъ восторгомъ, зато холода этихъ сумрачныхъ пустынь зимою могутъ уложить его навсегда въ промерзлую почву. Сѣверный вѣтеръ рвется, свищетъ и стонетъ на снѣговой равнинѣ, то разметывая старые, то набрасывая новые сугробы. Съ далекаго полюса несется мертвящій морозъ — смерть всему живому. Даже весною онъ разгоняетъ утренніе туманы,—и тамъ, гдѣ еще вчера таяли льды и снѣга, гдѣ вѣяла мягкая и бодрящая весна, снова воцаряется зима всевластно, нераздѣльно. Бѣда, когда застигнетъ человѣка эта непогодь среди безлюдныхъ и бездорожныхъ пустырей. Въ догонку за нимъ рвется словно спущенный съ цѣпи вѣтеръ, засыпая его снѣгомъ, леденящею струею, забираясь подъ затвердѣлую и нимало уже негрѣющую шубу. То онъ сваливаетъ васъ съ ногъ, то швыряетъ въ сугробы и жалобно стонетъ вамъ въ уши, словно оплакивая погибающаго путника.

Разумѣется, такія погоды въ Лапландіи Мурманской, т. е. въ сѣверо-западной половинѣ Кольскаго полуострова, очень рѣдки. Дѣло въ томъ, что тутъ только въ немногихъ мѣстахъ удается разгуляться сѣверному вѣтру, тогда какъ въ остальныхъ, защищенныхъ гранитными валами береговъ и внутренними каменными хребтами Лопскихъ горъ, нѣтъ простора, нѣтъ ширины для мертвящаго дыханія полюса. Тѣмъ не менѣе здѣсь иногда морозы доходятъ до 40 градусовъ, и на вершинахъ горъ уже ничто живое не можетъ дышать даже самое короткое время. Въ первыхъ числахъ мая тридцатиградусные обыкновенные морозы смягчаются... Изрѣдка нѣтъ-нѣтъ да и повѣетъ тепломъ... Снѣга на склонахъ, обращенныхъ къ этому теплу или къ солнцу, подергиваются синью, рыхлятся, пухнутъ... Уже не выдерживаетъ ноги ихъ подавшаяся масса. Вотъ и давно отсутствовавшее солнышко однимъ краемъ чуть-чуть выглянуло на горизонтѣ, алымъ свѣтомъ загорѣлось на верхушкахъ горъ и золотистымъ сіяніемъ охватило вершины еловыхъ лѣсовъ.... Горы и долины точно встрепенулись. Вездѣ слышны голоса и порой — шумъ райдъ (оленьихъ поѣздовъ), пересѣкающихъ съ конца въ конецъ эту страну. Длиннѣе дни, короче ночи, шумнѣе водопады. По окраинамъ, у морскаго берега — темныя юровья моржей и тюленей отдыхаютъ на дневномъ свѣтѣ... На горныхъ склонахъ чаще рисуется граціозный силуэтъ дикаго оленя. Кое-гдѣ, тамъ, гдѣ солнышко жарче грѣетъ — обнажились изъ-подъ снѣга гребни и острые выступы скалъ.... Вотъ и первый крикъ чайки рѣзко пронесся надъ полярною страною. Пронесся и замеръ, а въ отвѣтъ ему другіе отовсюду.... Проснулось спавшее всю зиму царство хмураго сѣвера, точно мощный гигантъ, дремавшій до тѣхъ поръ шесть мѣсяцевъ, открылъ очи и удивленно всматривается въ очистившіяся отъ сѣрыхъ тучъ голубыя небеса. Всматривается и медленно разминаетъ окованные долгою дремою члены.... Еще недѣли двѣ, — и арктическая весна вступаетъ въ свои права:... Еще нѣсколько дней, и послѣднія вьюги и мятели отпѣваютъ по горамъ и долинамъ земли Лопской недавнее владычество зимы. А пройдетъ мѣсяцъ — въ іюнѣ уже долины подернулись зеленью, лѣса, сбросивъ свой бѣлый саванъ, вволю дышатъ тепломъ и свѣтомъ, въ безчисленныхъ порогахъ гремятъ и бьются рѣки, сломавшія свои ледяныя оковы.... Только озера да плесы стоятъ еще въ зимнемъ уборѣ.... Медвѣдь и россомаха уже покинули свои берлоги, волки начали свои весеннія охоты на оленей.... Зарыдали въ гулкихъ небесахъ безчисленныя стаи гагаръ, слышится оттуда хищный клекотъ орла-рыболова и ненасытнаго кречета... Еще нѣсколько дней, и густыми стаями семга входитъ въ устья рѣкъ. Гомонъ стоитъ надъ Лапландіей отъ миріадъ порхалицъ, кривцовъ и гагаръ.

Характеристическую черту лапландскаго пейзажа, когда бы вы ни заглядѣлись на него—зимою, весною или лѣтомъ, составляютъ горы, пересѣкающія во всѣхъ направленіяхъ эту страну. Самые крупные изъ мѣстныхъ кряжей это — Кодовскій, Оленій, Волчій, Мончь-тундра, Плесцовый и Ловозерскій. Всего же грандіознѣе и громаднѣе Хибины, грузныя массы которыхъ висятъ надъ спокойными и кристальными водами озера Имандры. Профили этихъ горъ замѣчательны. Отлогихъ мало. То это пики, то пирамиды, вершины которыхъ образуютъ гладкія

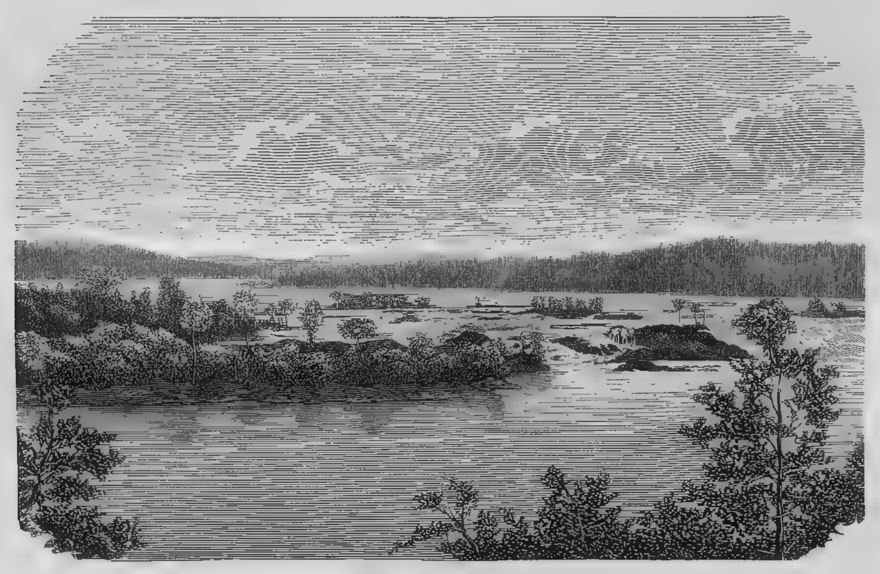
Острова и береговыя горы на озерѣ Лапландскомъ.

столовыя поверхности. Таковы преимущественно горы, обступившія Туломскій рукавъ Кольской губы и р. Тулому. Я не совсѣмъ правильно называю здѣшнія горы кряжами. Онѣ тѣсно скучиваются, но каждая изъ нихъ стоитъ отдѣльно. Террасы ихъ до того правильны, что право повѣришь въ баснословныхъ великановъ, искусно высѣкавшихъ ихъ своими колосальными кирками. На скалахъ живая лѣтопись доисторической эпохи, слѣды другихъ великановъ — именно плавающихъ льдовъ, избороздившихъ эти гранитныя стѣны въ тѣ эпохи, когда вся Лапландія еще была покрыта водою, и только многочисленныя горныя вершины поднимались изъ пѣнившихся здѣсь волнъ Сѣвернаго Ледовитаго океана. Чтобы познакомить съ горами Лапландіи, достаточно привести описаніе горъ Хибинъ. Онѣ видны за 100 верстъ, за пятьдесятъ очертаніе этого кряжа вполнѣ опредѣляется. Онѣ подымаются прямо, безъ предгорій, круто. Хибины представляются массою гранита, кое-гдѣ на нихъ мрѣетъ бланжевыми пятнами на солнцѣ ягелевая тундра, т. е. площадки, поросшія бѣлымъ мхомъ-ягелемъ. На луговинахъ между ними растетъ трава, откосы на солнечной сторонѣ одѣты лѣсами. Всякаго звѣря на нихъ кишмя кишитъ. Олени, медвѣди, волки, россомахи, зайцы плодятся и множатся въ хибинскихъ трущобахъ массами. Особенно живописны вершины Хибинъ Лявинская, Поутелле и Чудская-Смерть.

Сильныя впечатлѣнія пришлось вынести мнѣ, во время моей экскурсіи на Хибины. Цѣлью ея была вершина горы Лявинской. Спуски почти отвѣсны. Подъ ногами провалы и пропасти. Мертвое молчаніе пустыни изрѣдка только нарушается хриплымъ клекотомъ орла, да какими-то глухими, тягучими стонами, точно гора вздыхаетъ вблизи. Часто на отдаленныхъ горахъ показываются олени, иногда цѣлая семья ихъ грѣется на площадкѣ гранитнаго выступа. Случается, сверху видишь, какъ внизу, въ логахъ, поросшихъ травою, едва замѣтный, движется медвѣдь... Разъ или два, не помню, оглушилъ меня птичій гомонъ: это непуганная дичь въ захолустьяхъ съ хорошею растительностью шумѣла у воды тысячью голосовъ. Орловъ-рыболововъ здѣсь очень много. Бродя по Хибинамъ, я ихъ встрѣчалъ постоянно.

Лапландія — страна озеръ, рѣкъ и горъ по преимуществу. Болота—на ея восточной половинѣ, у лопи терской. На западѣ напротивъ, между горными скатами вьются порожистыя рѣки, въ котловинахъ сверкаютъ озера. Самыя большія озера являются самостоятельными водоемами. Меньшія — только плесы, какъ ихъ здѣсь называютъ, т. е. гремучая рѣченка, добѣжавъ до котловины, наполняетъ ее и потомъ вырывается въ другую щель и бѣжитъ дальше къ морю. Эти рѣчные узлы удивительно красивы. Даже на самыхъ маленькихъ рѣченкахъ есть по два или по три водопада и порога, называемые здѣсь падунами. На большихъ, разумѣется, больше. Тулома напр. славится пятью большими порогами: Сухой, Кильбуха, Сосновецъ, Кривецъ и Юркинъ, и однимъ грандіознымъ водопадомъ. На рѣкѣ Колѣ двѣнадцать пороговъ, на Вороньей семь, на Ернышѣ одиннадцать.

Всего красивѣе озера, рѣки и долины, если на нихъ смотрѣть съ горныхъ вершинъ. Долины являются тогда въ рамкѣ могучихъ гранитныхъ хребтовъ, покрытыхъ къ солнечной сто-

Мэживскій падунъ.

ронѣ березовыми и еловыми лѣсами. Между откосами ярко-зеленыя пятна луговъ, по ущельямъ серебрятся гремучіе извивы ручьевъ. Въ котловинѣ плесъ... А съ болѣе высокихъ пунктовъ вы прослѣдите часто такихъ плесовъ шесть, семь, и всѣ они составляютъ одну и ту же рѣку, перебѣгающую между горами отъ одного такого озерка къ другому. Чащи дикаго шиповника и душмянка льютъ по вѣтру свой тонкій ароматъ.... Въ плесахъ теченіе почти незамѣтно.

Стаи травниковъ, куропатокъ, кривцовъ и порхалицъ оживляютъ зеленые берега. На кажущейся неподвижной поверхности плеса черные молодые выводки съ старыми гагарами впереди бороздятъ воду во всѣхъ направленіяхъ. Взлетки (насѣкомыя) поминутно опускаются на воду; за ними выскакиваютъ изъ воды кумжи, харіусы и щуки. Вода прозрачна; на большой глубинѣ можно разсмотрѣть медленно двигающагося сига, гоняющуюся за мелкимъ рыбнымъ наро-

Туломскій водопадъ.

стомъ щуку и плоскую камбалу. По плесамъ кое-гдѣ раскиданы зеленые, лѣсомъ обросшіе острова. Иногда это только утесъ, изъ трещинъ котораго поднялось нѣсколько мелкихъ елокъ.

Когда вы плывете по рѣкамъ Лапландіи, то вдругъ, среди окружающей васъ тишины и покоя, сначала доносится едва различаемый гулъ; чѣмъ дальше, тѣмъ онъ становится все громче, а когда вы находитесь около падуна, шумъ его уже глушитъ васъ... Еще вы далеко отъ большихъ пороговъ, а уже лодку начинаетъ бросать о камни какъ щепку. Тутъ обыкновенно пловцы пристаютъ къ берегу и идутъ вдоль него пѣшкомъ, переволакивая челнокъ въ водѣ у самаго берега по веревкѣ. Лодку тянутъ, осторожно обводя ее вокругъ выдавшихся гранитныхъ мысовъ, гдѣ рѣка бьется и кипитъ. Пороги иногда бываютъ очень грозны. Скалы тѣсно уставляются вдоль всей рѣки. Между ними промежутки, въ которые не пройдетъ и мелкій челнокъ. Вода между ними какъ-то клубится, словно не волны, а тучи идутъ черезъ порогъ. Высоко серебристою дымкой стоятъ брызги подъ солнцемъ...

Самый крупный изъ лапландскихъ водопадовъ Туломскій. Тулома, перегороженная порогами, дѣлаетъ изгибъ вдоль берега лѣсистаго острова. Рѣка вся покрыта пѣной. Разбиваясь на множество хаотически сталкивающихся и разбрасывающихся теченій, она гремитъ въ безпорядочно навороченныхъ скалахъ. На гребняхъ мрачнаго утесистаго берега тянутся лѣса за лѣсами. Позади, составляя главное пятно этой картины, неистово реветъ громадный водопадъ, пугая

душу своею стихійною мощью. Тулома падаетъ здѣсь съ отвѣсной высоты отъ 5 до 6 саженъ. Вода низвергается одною массой, съ грохотомъ вращаясь вокругъ гигантскихъ скалъ, прорѣзывающихъ ея бѣлую пѣну, и точно живое чудовище бьется и реветъ въ этой стремнинѣ. Въ самомъ водопадѣ пѣна идетъ не сплошною массой, а катится или, лучше сказать, свертывается волнами. Скалы словно вздрагиваютъ подъ вами.

Большія озера Лапландіи—Нуотъ, Имандра, Мурдо, Ковдо и другія, очень изобильны рыбой и бурны при вѣтрѣ. Бури здѣсь даже опасны, потому что нѣтъ правильнаго волненія, а напротивъ вода кипитъ какъ въ котлѣ. Сланцевыя горы отвѣсными уступами падаютъ прямо въ воду, кое-гдѣ на солнцѣ ослѣпительно блистаютъ массы слюды.

Лѣтомъ на этихъ озерахъ — жара утомительная. Проѣзжая по Имандрѣ отъ Іокъ-Острова къ Бабенгѣ въ серединѣ августа, я никуда не могъ укрыться отъ разслабляющаго зноя. Плавая по озерамъ, находишься въ фокусѣ, гдѣ сосредоточиваются солнечные лучи, отражаемые стѣнами горъ, которыми озеро окружено, какъ зеркало рамою. Еще одно мучительное обстоятельство: надъ водою иногда стоятъ тучи громадныхъ роевъ комаровъ, густо носящихся въ воздухѣ. Мы плыли ослѣпляемые, чувствуя сильные уколы, не зная, куда скрыться. Въ глаза, въ носъ, въ уши залѣзали эти кровопійцы, забивались въ платье... Лопари бросали весла и кидались въ воду... Тучамъ этимъ какъ будто нѣтъ конца и предѣла, потому что онѣ слѣдуютъ за вами. Прибавьте къ этому, что лапландскій комаръ не наше смиренное насѣкомое: онъ прокалываетъ кожу оленя. Цѣлыя стада этихъ животныхъ часто бросаются въ бездны и гибнутъ, спасаясь отъ комаровъ. Еще хуже — оводы, тоже роящіеся тутъ тучами... Начиная съ р. Нивы и

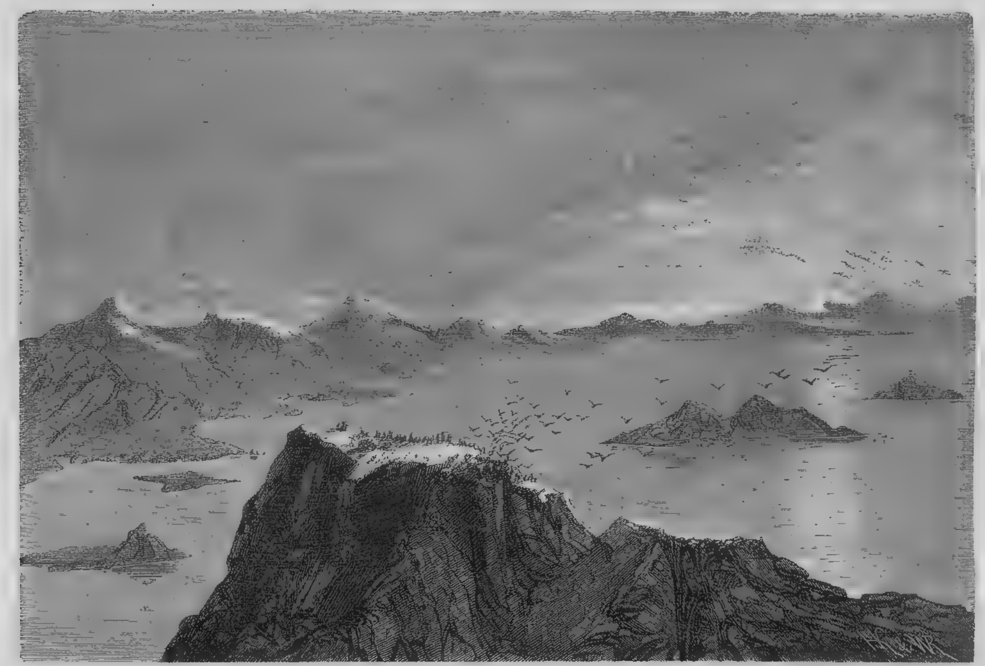

Іокъ-Островъ на Имандрѣ.

южнѣе, комары пропадаютъ, но взамѣнъ являются мошки. Мнѣ кажется, что удары бичей легче милліоновъ ихъ уколовъ, наносимыхъ разомъ.

Въ сѣверной части Лапландіи лѣсовъ очень мало; которые и есть, въ счетъ идти не могутъ: поросль жалкая, рѣдкая, приземистая. Зато къ югу отъ Хибинъ встрѣчаются уже настоящіе лѣса, а на западѣ, у Печенги, почти у самаго моря, растутъ превосходныя дубравы. Въ

центрѣ страны лучшіе лѣса встрѣчаются по направленію къ Лавозерскому погосту. Чтобы идти этимъ путемъ, иной разъ нужно съ топоромъ врубаться въ чащу. Тамъ, гдѣ лѣсъ рѣдѣетъ, черезъ промежутки между его стволами виднѣются палевыя горы, палевыя подъ солнцемъ, потому что склоны ихъ сплошь выстланы ягелемъ. Лѣсное царство Лапландіи представляетъ эфекты совершенно неожиданные. Иногда среди его вѣковѣчной дремы вдругъ вы натыкаетесь на гремучій

Озеро среди горъ съ Хибинскихъ вершинъ.

водопадъ, спрятавшійся отъ всѣхъ въ густую бездорожную чащу. Иногда порожистая рѣченка забѣгаетъ въ самые захолустные уголки лапландскаго лѣса. Въ самыхъ чащахъ стройныя ели едва выпутываются изъ охватившихъ ихъ со всѣхъ сторонъ березовыхъ порослей.

Лапландскій лѣсъ часто является въ крайне интересной формѣ умирающаго лѣса. Ягелевая тундра со склоновъ горъ, расширяясь и расширяясь, заползаетъ къ предѣламъ лѣса. Сначала она все распалзывается по опушкѣ, потомъ забирается мало-по-малу внутрь. Спустя нѣсколько лѣтъ, она выстилаетъ уже всѣ промежи между деревьями. Тутъ-то приходитъ смерть лѣсу. Ягель отнимаетъ у земли всѣ ея питательные соки. Ели и сосны хирѣютъ, осыпаются, кора становится мало-по-малу рыхлой, а еще черезъ нѣсколько времени одни только пни стоятъ въ этомъ морѣ оленьяго мха. Въ серединѣ Лапландіи лѣса встрѣчаются довольно большіе: безъ проводника въ нихъ и заблудиться не диво. Мѣстные русскіе пускаются въ ихъ заколдованное молчаливое царство съ компасомъ. Зачастую у охотника выйдутъ всѣ припасы,и только одна морошка, золотящаяся по полянкамъ, спасаетъ его отъ голодной смерти. Ближе къ сѣверу лѣсное царство рѣдѣетъ. Чаще и шире просвѣты, рѣже деревья... Рѣже и чахлѣе. Вѣтви ужь не столь обильны. Береза искривляется, корчится, все ближе и ближе подходя къ типу ползучей. Наконецъ, скоро сѣверная сторона стволовъ совершенно лишается вѣтвей, которыя немощно протягиваются на югъ, словно умоляя оттуда побольше тепла и свѣта... Наконецъ деревья становятся совсѣмъ карликами, такъ что корни больше ихъ самихъ. Принижаются, принижаются и на сѣверныхъ склонахъ совершенно припа-

даютъ къ землѣ, исчезая въ травѣ, выростающей здѣсь за короткое полярное лѣто. Встрѣчаются и совершенно безлѣсные ландшафты. Ночью даже въ іюлѣ холодъ заставляетъ замерзать лужицы. По пути къ Кильдинскому погосту еще хуже. Тутъ уже чувствуешь первые приступы сѣвернаго вѣтра. Раскладываешь костры — не помогаетъ, повернешься къ огню ногами — спинѣ и головѣ невыносимо холодно. Ляжешь къ нему головою — ноги словно льдомъ обложены... Но стоитъ только зайти за первый высокій хребетъ къ югу — и стужи какъ небывало... По лѣсамъ здѣсь чудесное житье медвѣдю, особенно если близко рѣка. Каждому, кто лѣтомъ только двинется въ эту малоизвѣстную глушь, приходится на пескѣ встрѣчать слѣды медвѣдя.

— Много у насъ этого медвѣдя есть, разсказывалъ мнѣ лопарь. Я недавно видѣлъ, — черезъ рѣку переплывалъ — не тронулъ, потому что я ему поклонился. Если его обидѣть на водѣ, онъ те и на карбасъ бросится, не посмотритъ.

— Что же вы дѣлаете въ этихъ случаяхъ?

— Коли нежданно да невиданно — въ воду спасаемся, за лодкой хоронимся. Покружится, покружится звѣря эта самая, да надоѣстъ, устанетъ и уйдетъ. Ну, а ежели издали запримѣтимъ — ловимъ его, петлю на башку ему бросаемъ... давимъ тоже...

Лѣса Лапландіи подали поводъ къ созданію цѣлаго цикла легендъ въ нашемъ Кемскомъ поморьѣ. Промышленникъ, проходящій черезъ землю Лопскую къ Мурману, на привалахъ по лѣснымъ опушкамъ или полянкамъ зачастую слышитъ въ чернолѣсьѣ полярнаго лѣса точно тягучіе, глубокіе звуки колокола. Звонъ этотъ медленно расходится въ воздухѣ, смолкаетъ и снова поднимается правильными волнами. Нельзя только опредѣлить, откуда несутся онѣ. Если вы спросите промышленника, онъ сейчасъ же укажетъ вамъ на сверхъестественную причину этого загадочнаго явленія.

— Здѣсь, во время оно, шведы сорокъ русскихъ нашихъ подвижниковъ убили. На этихъ мѣстахъ и благодать Господня донынѣ почіетъ. Тутъ, въ глуши лѣсной, у нихъ, у покойничковъ, и церкви есть, и обители, только мы ихъ не видимъ. Если кто помираетъ здѣсь, ну точно-что передъ смертью видитъ. Бываетъ, что и пѣніе слышно... Нашъ одинъ мурманщикъ цѣлый лѣсъ прошелъ, все искалъ, откуда звонъ идетъ. Все, говоритъ, кругомъ колокола. Это лѣсъ святой, заповѣдный... Здѣсь поэтому ни лѣшихъ, ни водяниковъ нѣтъ.

Достаточно потянуть легкому вѣтру, чтобы странное звуковое явленіе это оборвалось разомъ. Вотъ разсказъ промышленниковъ о другомъ акустическомъ явленіи въ Лапландіи.

— Мончь-тундру знаешь!

— Это на норвежскую сторону отъ Имандры?

— Ну вотъ. Есть тамъ гора — Трифанова варака. Войди ты на самую плѣшку и сядь — только на всходѣ солнышка надо, — ну и сейчасъ тебѣ заговорятъ камни.

— Какъ камни?

— Такъ, гулъ отъ нихъ пойдетъ округъ тебя. Это тоже чудскія могилки. Тутъ ихъ страсть что нарыто.

По лопарскимъ сказаніямъ лѣса эти — тоже арена, гдѣ великій горный духъ Арома-Телле, ростомъ съ десять старыхъ сосенъ, охотится съ своими собаками, каждая съ быка величиною, на большаго бѣлаго оленя съ черной головой и золотыми рогами. Охота эта продолжается уже невѣсть сколько вѣковъ, и когда Арома-Телле пуститъ въ бѣлаго оленя первую стрѣлу — будетъ первое землетрясеніе. Всѣ старыя каменныя горы разсядутся, выбросятъ огонь, рѣки потекутъ назадъ, озера изсякнутъ, и море оскудѣетъ, высохнетъ. И когда Арома-Телле пуститъ въ оленя вторую стрѣлу, которая вопьется ему въ черный лобъ между двумя золотыми рогами, — огонь охватитъ всю землю, горы закипятъ какъ вода, на мѣсто морей поднимутся другія горы и загорятъ какъ факелы, озаряя полярныя страны, откуда теперь идетъ ледъ и дуетъ сѣверный вѣтеръ. А когда на оленя кинутся собаки и растерзаютъ его, когда Арома-Телле вонзитъ ножъ въ его

Тулумскій водопадъ.

трепещущее сердце, звѣзды попадаютъ съ неба, старая луна потухнетъ, солнце утонетъ гдѣ-то далеко, далеко... На землѣ не останется ничего живаго... И міру конецъ!..

Пока Арома-Телле не дѣлаетъ зла людямъ. Но если кому-нибудь изъ нихъ удастся увидѣть глаза оленя, — тотъ слѣпнетъ на всю жизнь, а если кому-нибудь изъ нихъ удастся услышать стукъ его копытъ, — тотъ глохнетъ на всю свою жизнь. А если на кого-нибудь олень пахнетъ своимъ жгучимъ дыханіемъ, — тотъ онѣмѣетъ на всю свою жизнь. И слухъ, и зрѣніе, и языкъ возвращаются за нѣсколько минутъ до смерти, чтобы умирающій могъ разсказать окружающимъ, что онъ видѣлъ внутри себя, что онъ слышалъ внутри себя за все это время.

Самого Арома-Телле видѣть нельзя — онъ слишкомъ громаденъ. Видны только стрѣлы, которыя онъ пускаетъ въ оленя. Эти стрѣлы люди считаютъ молніями, но эти молніи летятъ отъ лука этого гигантскаго охотника...

Въ менѣе благопріятной части Лапландіи, особенно въ Лапландіи терской, почва каменистая, болотисто-торфяная, тутъ уже нечего и думать о хлѣбопашествѣ; что же касается до Лапландіи мурманской, то тамъ священникъ Терентьевъ пробовалъ, и съ полнымъ успѣхомъ, сѣять ячмень. Вся вообще Лапландія обнимаетъ собою, по исчисленію лѣсничаго Трофименко, площадь въ 7,374,000 десятинъ. Изъ этого числа подъ лѣсами находится 1,722,000 десятины, подъ тундрами и болотами 4,560,000, подъ озерами и рѣками 1,102,000 десятинъ. Климатъ терской части Лапландіи суровый, съ рѣзкими переходами отъ холода къ теплу, отъ вьюгъ и непогодъ къ ясной и тихой погодѣ. Весны долгія съ оттепелями въ апрѣлѣ. Снѣгъ въ озерахъ здѣсь исчезаетъ только въ половинѣ іюня. Лѣто съ 15 іюня по 15 августа; хотя солнце не закатывается съ 9 мая по 9 іюля, но жаровъ въ этой части Лапландіи не бываетъ вслѣдствіе множества болотъ, озеръ и рѣкъ, охлаждающихъ воздухъ. Громы и грозы вообще рѣдки, ненастная и дождливая осень, а съ половины сентября уже выпадаетъ снѣгъ. Въ концѣ этого мѣсяца уже становятся рѣки, а въ октябрѣ зимній путь уже обезпеченъ.

Не такова западная часть страны. Вотъ, напримѣръ, описаніе одной ея мѣстности. Въ югозападный рукавъ озера Имандра, Бабенгскій, впадаетъ рѣка Ена, красивая и извилистая. Поднявшись вверхъ по ея теченію лѣтомъ, вы не знаете, гдѣ находитесь, такъ вся окружающая природа не напоминаетъ крайняго сѣвера. Луга отливаютъ подъ солнцемъ изумруднымъ блескомъ, въ густой и высокой травѣ пропадаетъ съ головою проводникъ, идущій впереди. Вы узнаете направленіе, по которому онъ идетъ только по колыханію верхушекъ этой травы. Такіе луга по всему теченію Ены. Въ легкій вѣтеръ мягко стелются они красивыми волнами, тихо колеблются луговые цвѣты. Въ травѣ много птицы, она то и дѣло выпархиваетъ изъ-подъ ногъ. Здѣсь живутъ колонисты-финны. Избы ихъ поставлены одна отъ другой версты на двѣ, на три—по приволью. Прекрасный скотъ ихъ плодится и крѣпнетъ на этихъ лугахъ. Къ югу Лапландіи, ближе къ Бѣлому морю, климатъ становится суровѣе и холоднѣе, лѣса опять мельчаютъ, пастбища рѣдѣютъ и сорныя травы вновь обнажаются изъ-подъ цѣпкой поросли, охватившей ихъ внутри страны.

Лапландія въ настоящемъ своемъ положеніи представляетъ массу интереснаго не только для туриста, но и для предпріимчиваго промышленнаго дѣятеля. Въ ея горахъ несомнѣнно содержатся богатые рудники желѣза и мѣди; сланцевыя ломки могли бы дать здѣсь цѣлое состояніе, еслибы средства для перевозки готоваго матеріала были уже устроены. Отсутствіе путей сообщенія губитъ этотъ край. Тѣмъ не менѣе вовсе не такъ трудно было бы провести хорошіе водяные пути отъ Кольской губы до Кандалакши — цѣлая система глубокихъ озеръ по этой линіи значительно облегчаетъ исполненіе подобной задачи. Озера соединены между собою рѣками, только кое-гдѣ перегороженными порогами. Оставалось бы, слѣдовательно, расчистить пороги, да въ двухъ-трехъ мѣстахъ углубить рѣки. Тогда не только богатства Лапландіи нашли бы себѣ выгодный сбытъ, но и для Кемскаго поморья явилась бы возможность, минуя Архангельскъ, торговать съ Норвегіею, черезъ лишенную промышленной жизни страну.

Народъ, населяющій эту страну, лопари, занималъ прежде гораздо большій районъ. Въ нынѣшней кемской Кореліи есть слѣды его пребыванія. Теперь, кромѣ русской Лапландіи, сѣверной оконечности Финляндіи, онъ живетъ еще въ сѣверныхъ областяхъ Норвегіи — Финмаркенѣ. Объ имени лапландцевъ много толковали и спорили, но всѣ попытки такъ или иначе объяснить его отзывались чистѣйшею фантазіей. Норвежскій профессоръ Фрисъ, много путешествовавшій и по

Лѣсъ на берегу р. Манике.

русской Лапландіи, говоритъ, что слово *лаппъ* чисто финское. Глаголъ lappaa значитъ странствовать, бродить. Отъ этого слово — Lappalaien — номадъ, странникъ, кочевникъ. До сихъ поръ почему-то думали, что лопари, какъ и самоѣды, предназначены къ вымиранію. Но лопари, дѣйствительно вымирая у насъ, напротивъ въ Норвегіи, судя по податнымъ спискамъ съ 1567 по 1815 годъ, умножились втрое. Лопари чрезвычайно выносливы, и имѣя болѣе слабый скелетъ, чѣмъ норвежцы и финны, тѣмъ не менѣе лучше тѣхъ и другихъ выдерживаютъ всѣ лишенія полярной жизни. Скажемъ теперь же нѣсколько словъ о лопаряхъ норвежскихъ, чтобы болѣе уже не возвращаться къ нимъ. Браковъ между норманами и лопарями нѣтъ, зато между послѣдними и финнами — весьма часты. Дѣти отъ такихъ союзовъ уже становятся наравнѣ съ финнами и вступаютъ въ союзы съ норманами. Въ то самое время, какъ русскій лопарь живетъ искони оленеводствомъ, лапландцы норвежскіе прежде были рыболовами, охотниками по преимуществу. Изъ ихъ сказаній видно, что въ древнія времена изъ домашнихъ животныхъ они знали только собаку. Приручать, доить и разводить оленей они выучились только отъ жителей внутренней страны, русскіе лопари сказали бы отъ чуди. Отъ нихъ же лапландцы норвежскіе узнали, какъ разводить овецъ, козъ, свиней, кошекъ и — чего нѣтъ у русскихъ лопарей — лошадей и коровъ. По словамъ Фриса, все это доказывается языкомъ лапландцевъ — чисто лапландское названіе имѣетъ только собака, остальныя заимствованы. Сѣверный олень имъ прежде былъ извѣстенъ только какъ предметъ охоты. Охотники и рыбаки въ норвежской Лапландіи жили, какъ русскіе лопари и теперь живутъ, на одномъ мѣстѣ лѣтъ 15—20, пока хватало корма для семьи — рыбы и дичи, торфа и дровъ для огня. Когда же источники эти изсякали, и кучи кухоннаго мусора достигали высоты хижины, колонія подымалась и селилась на другомъ под-

ходящемъ мѣстѣ. Но впослѣдствіи дичи убавилось, и лапландцы должны были у скандинавовъ заимствовать способы прирученія сѣвернаго оленя. Съ 1751 года норвежскіе, русскіе и финскіе лопари имѣли право кочевать по оленьимъ пажитямъ обѣихъ державъ безъ всякихъ стѣсненій, но въ 1852 году, какъ норвежцы стали заявлять притязанія на наши сѣверныя владѣнія, право это было ограничено. Опредѣлена граница, черезъ которую ни норвежскіе къ намъ, ни русскіе къ нимъ переступать не могутъ. Норвежскіе лопари до сихъ поръ остались преимущественно охотниками, и какъ этотъ промыселъ выгоденъ, видно напримѣръ изъ того, что изъ лапландской станціи Каутоксино часто въ одинъ день привозится въ Альтенъ на оленяхъ болѣе 10,000 куропатокъ и нѣсколько сотенъ центнеровъ оленьяго масла. Въ русской Лапландіи у норвежскихъ и финскихъ границъ живетъ особая разноплеменность лопарей, которыхъ сами номады называютъ фильманами. Отъ мурманской и терской лопи они отличаются рѣзко. Ихъ первоначальное отечество—Финляндія или Финмаркенъ. Они занимаются исключительно оленеводствомъ и живутъ на одномъ мѣстѣ, пока олени не выѣдятъ моха въ окрестностяхъ. Послѣ того они пробираются верстъ за десять, за двадцать, стараясь ютиться поближе къ Пазрѣцкой, Мотовской и Печенгской губамъ Сѣвернаго океана, чтобы на лѣто пригнать свои стада къ самымъ берегамъ, гдѣ прохладнѣе и меньше комаровъ. Они занимаютъ страну въ 300 верстъ въ длину отъ востока на западъ и 150 съ сѣвера на югъ. Они живутъ не погостами, какъ терская и мурманская лопь, а семьями. Рѣдко двѣ семьи вмѣстѣ. Вмѣсто вѣжи или тупы, строятъ кувасы, т. е. палатки изъ оленьихъ мѣховъ или грубаго сукна. Внутри куваса куча камней — очагъ. Для дыма и свѣта отверстіе сверху. Въ кувасѣ дымно, какъ въ коптильнѣ. Надъ очагомъ виситъ мѣдный нелуженый котелъ съ тающимъ въ немъ снѣгомъ. На жердяхъ вдоль стѣнъ сушится оленье мясо (фильманы ѣдятъ и тюленье, и китовое мясо, если этихъ животныхъ выброситъ на берегъ бурею). Тутъ же висятъ оленьи мѣха, упряжь, одѣяла, обувь, платье. Нечистота и смрадъ невыносимыя. Собакъ никогда не выгоняютъ изъ куваса. Фильманы гораздо богаче мурманскихъ и терскихъ лопарей; у самаго бѣднаго не менѣе ста оленей, у богатыхъ — десятки тысячъ; я видѣлъ одного, у котораго было ихъ 20,000 или на 140,000 рублей. Шкуры убитыхъ оленей, дикихъ и домашнихъ, фильманы вымѣниваютъ въ Колѣ или у мурманскихъ колонистовъ на муку, порохъ, сукно, посуду. Главная мѣновая торговля ихъ производится на ярмаркѣ у озера Эйнаре, въ Финляндіи. Туда съѣзжаются фильманы отовсюду изъ Россіи, Норвегіи. Сюда же собираются финскіе, корельскіе и норвежскіе купцы. Цѣлыя горы куньихъ, медвѣжьихъ, россомашьихъ, лосьихъ и выдровыхъ мѣховъ вымѣнивались прежде на хлѣбъ и другіе припасы, а теперь исключительно на деньги. Фильманъ и по наружности не похожъ на русскаго лопаря. Онъ высокъ, черноволосъ. На смугломъ лицѣ подозрительно смотрятъ каріе глаза. Нашъ русоволосый, сѣроглазый лопарь кажется пигмеемъ, рядомъ съ этими патагонцами сѣвера. Фильманъ сумраченъ и молчаливъ, суровъ, какъ и природа вокругъ него; недовѣрчивый, злопамятный — онъ мстителенъ, какъ южанинъ, за то гостепріименъ какъ арабъ. Гость—хозяинъ въ его кувасѣ. Для него рѣжутъ оленя, подносятъ ему долго сберегаемый ромъ. Особое наслажденіе для фильмана, любоваться на своихъ оленей.

Въ послѣднемъ столѣтіи совершенно упалъ у фильмановъ промыселъ, который прежде страстно практиковался ими — ловля соколовъ. Ихъ здѣсь такъ много, что еще въ московскую старину послѣдніе изъ Рюриковичей и первые цари Великой и Малой Россіи посылали сюда ватаги помытчиковъ за соколами для царской охоты.

Одновременно съ тѣмъ, какъ новгородскіе ушкуйники заняли край до Колы, норвежцы захватили страну отъ города Героса до Варангеръ-фьорда; послѣднихъ лопарей шведы завоевали въ XIII столѣтіи, покоривъ себѣ Остроботнію. Границъ между тремя владѣніями русскими, шведскими и норвежскими не было. Лопари свободно переселялись съ одного мѣста на другое, не признавая никакого международнаго права. Такимъ образомъ, иногда одной той же семьѣ приходилось платить подати тремъ государствамъ, отчего произошли «лопь двоеданная и лопь

троеданная». Въ прежнее время, дань эта вносилась въ формѣ ясака — мѣхомъ, рыбой и соколами. Часто лопари во избѣжаніе податныхъ платежей и невыносимыхъ прижимокъ, перекочевывали въ такія дальнія трущобы, куда ни одному земскому ярыжкѣ пробраться нельзя было.

Фрисъ, говоря о древнихъ вѣрованіяхъ лапландцевъ, склоняется къ тому, что они принадлежатъ къ туранскимъ народамъ, шаманы которыхъ употребляли всегда барабанъ. Гренландскій барабанъ, или вѣрнѣе бубенъ *ангакокъ*, въ сущности тоже, что волшебный бубенъ лапландцевъ. Оба просты, малы и состояли изъ обтянутаго собачьей шкурой кольца, деревяннаго или изъ рыбьей кости. По немъ били деревянною колотушкою и пѣли священные гимны. Для умилостивленія боговъ, лопари во время своего язычества употребляли «*дерево*» или «*кружокъ руненъ*»; на немъ изображались іероглифически всѣ языческіе боги лапландцевъ, каждый въ своемъ кружкѣ или въ томъ отдѣлѣ вселенной, который считался его престоломъ. Тамъ же изображались солнце, луна, звѣзды, дикія животныя, воды, богатыя рыбой, самъ лопарь, его олени, жилище, короче — все, что его интересовало. Лапландцы этотъ кружокъ руненъ называли *гобдасъ* или же «собраніе фигуръ».

Они вѣрили, что въ горахъ и моряхъ живутъ могучіе и грозные боги. Другіе самое море и горы считали богами.

Но самыя главныя божества находились на горизонтѣ, въ воздухѣ, на землѣ, подъ землею и въ самой срединѣ земли. На горизонтѣ — *Радіенъ*, царь неба, и его сынъ *Зіоравъ Радіенъ*. Дочь Радіена принимаетъ умершихъ и отправляетъ ихъ въ пропасть *Рата* — вѣчный мракъ. На небѣ же и богъ *Равонанекда*, заботящійся о томъ, чтобы трава и мохъ росли на горахъ, чтобы все живое благополучно существовало на ихъ склонахъ. Это первая группа лопарскаго Олимпа. Имъ приносили безкровныя жертвы. Въ воздухѣ — богъ *Баве*, солнце. Къ нему обращались съ мольбами о теплѣ, пищѣ, выздоровленіи больныхъ; при жертвоприношеніяхъ ему назначались лучшіе куски мяса. Тамъ же богъ *Іоренгасъ* — громъ, злой, свирѣпый, убивающій людей и животныхъ. Онъ отожествляется съ волшебнымъ охотникомъ Арома-Телле. Тамъ же богъ хорошей погоды: *Аплекесъ-Олканъ* и дурной — *Бадо-Май*. На землѣ обитаютъ боги: *Лейбъ-Олмай* — богъ охоты, *Кіозе-Олмай* — богъ рыбаковъ; поклоненіе ему обязательно было только для послѣднихъ. *Мадеракко* — богиня женщинъ. На вершинахъ горъ престолъ *Сакво-Асемакъ* — покровителя вѣщуновъ, чародѣевъ — ноаидовъ. Когда послѣднимъ нужна его помощь, стоитъ только выпить пригоршню воды изъ источника, текущаго черезъ горы, — и тогда на нихъ находитъ волшебная сила самого бога. Олень колдуна дѣлается послѣ того чрезвычайно силенъ и можетъ побѣждать въ дракѣ другихъ оленей. По просьбѣ колдуна, богъ этотъ напускаетъ болѣзни и смерть. Больной умретъ, если колдунъ не вложитъ въ него душу обратно. Мать смерти *Ямба-акко* пребываетъ въ землѣ, а подъ землей, въ ужасной довременной пропасти Ротта-Аимбо живутъ невѣдомыя божества, въ непосредственное вѣдѣніе которыхъ поступаютъ всѣ, кто дурно живетъ на землѣ. Этимъ богамъ жертвовали кости, хвосты, уши и внутренности убивавшихся на праздникахъ оленей. Наканунѣ праздниковъ лопари приносили жертвы злому духу *Оуло-гадзе*. Изъ остальныхъ боговъ замѣчателенъ *Удбоеръ*, пребывающій надъ могилами младенцевъ, которымъ не дано на землѣ никакого имени. Въ зимнія ночи онъ воетъ надъ ними, и лопари спѣшатъ дать мертвому имя, иначе этой безпокойной музыкѣ и конца не было бы. Былъ еще чудный звѣрь-полубогъ, жившій въ трущобахъ и пещерахъ. Онъ похожъ на ребенка, и обладалъ сверхъестественной силой въ столь малой степени, что лопари его будто бы убивали... ради вкуснаго мяса! Изъ глубины пещеръ можно было его выманить не иначе, какъ поставивъ у входа крынку съ молокомъ.

Русскіе лопари живутъ зимою погостами. Это не поселокъ причта вокругъ церкви; это, такъ сказать, лопарское село, становище. Вся русская Лапландія подѣлена между двѣнадцатью погостами, группирующимися въ три сельскія общества: Воронежское, Экъ-Островское и Печенгское; они составляютъ одну волость Кольско-лопарскую. Среди пустырей, на бездорожьѣ, гдѣ

нибудь въ горной долинѣ или на пологомъ скатѣ ютится лопарскій погостъ, составляющій, такъ сказать, переходъ къ осѣдлости, первую попытку селиться на одномъ мѣстѣ не навсегда, а такъ лѣтъ на двадцать, на тридцать, пока въ окрестностяхъ олени не выѣдятъ мху. Еще издали подходя къ погосту, вы слышите громкій лай собакъ и хриплые крики. Въ воздухѣ пахнетъ соленой рыбой и гарью. Но вотъ вы поднялись на вершину послѣдней горы и далеко внизу, на днѣ долинъ, у извилистаго ручья, рисуется словно на ладони лапландскій поселокъ. Вы различаете и человѣка внутри его, и кругомъ странные четыреугольные срубы, крытые на одинъ скатъ. Между ними чернѣютъ амбарушки, словно ящики на высокихъ столбахъ, только съ острыми кровлями. Все это разбросано, раскидано: пять, шесть тупъ вмѣстѣ кучкой, а за двѣсти саженъ новая кучка. Вокругъ часовни ели и березы. Между тупами шляются бараны, возятся собаки. Иногда издали послышится гулъ, словно море заливаетъ окрестности своими неугомонными волнами. На вашихъ глазахъ, вслѣдъ затѣмъ, окрестныя горы почернѣютъ подъ тысячеголовыми стадами оленей, согнанныхъ собаками. Приближаясь къ погосту, вы будете поражены миролюбіемъ собакъ. Еще ближе вы всюду видите разбросанныя рыбьи внутренности и пятна крови отъ свѣжеванныхъ оленей. Вамъ навстрѣчу высыпаетъ населеніе погоста. Красноватые глаза привѣтливо смотрятъ на васъ, выдавшіяся скулы не портятъ этихъ добродушныхъ лицъ. Всѣ безъ шапокъ, волоса низко падаютъ на лобъ, бороденки рѣдки и малы. Между Нуотъ-Озеромъ и Лавозеромъ смѣшеніе лопарей съ русскими создало довольно красивый типъ: брюнетки съ сѣрыми и голубыми, блондинки съ карими глазами — не рѣдкость. У лопарей къ тому же замѣчательно маленькія руки и ноги. Иное дѣло лопь терская. Та сохранила старый типъ: терцы малорослы, большеголовы, короткошеи; красновато-каріе, узкіе, словно щели, глаза, темно-русые, часто рыжіе волосы, выдавшіяся скулы на мѣднокрасномъ лицѣ, длинныя руки и короткія ноги дѣлаютъ ихъ весьма некрасивыми. Только между іоканскими и лумбовскими лопарями встрѣчаются болѣе сносные типы.

Пока вы раздумываете, въ какую тупу войти, васъ теребятъ и зазываютъ къ себѣ со всѣхъ сторонъ. Гостепріимство лопарей на сѣверѣ вошло въ пословицу. Вотъ по этому поводу какія повѣрья сложились у лопарей:

«Коли гость въ избѣ — значитъ Господь тебя не оставилъ».

«Страннику далъ — на промыслѣ въ десять разъ взялъ».

«Кого Богъ полюбилъ — тому гостя послалъ».

«Путника накормишь — десять лѣтъ не будетъ голода».

Какъ богатые, такъ и бѣдные лопари одѣваются одинаково. Пычки—оленьи шубы шерстью вверхъ; подъ пычкомъ *раканъ*, дубленый полушубокъ тоже изъ оленьяго мѣха; подъ нимъ шерстяная вязаная рубаха. Чулки и штаны шерстью внутрь — *пякуи*; на нихъ надѣваютъ *яры* шерстью наружу. Чѣмъ выше загибаются ихъ острые носки, тѣмъ нарядъ считается щеголеватѣе. Шапки на овчинѣ или на оленьемъ мѣху съ ушами; онѣ обложены кругомъ лисьими хвостиками; синій суконный верхъ считается особеннымъ щегольствомъ. Его украшаютъ бисеромъ и костяными пуговками. На женщинахъ головной уборъ что-то въ родѣ каски съ торчкомъ стоящимъ языкомъ или гребешкомъ, украшеннымъ всѣмъ, что у лопарки есть драгоцѣннаго: мѣдными пуговицами, бусами, галунами, стеклышками, кусочками зеркалъ, металлическими шариками. Многія, усвоивъ себѣ русскій костюмъ, не могутъ разстаться съ этимъ уборомъ. Продать его рѣшаются только въ самой крайней нуждѣ. Лѣтняя одежда лопарей: юпа изъ сѣраго сукна — родъ голландской рубахи съ прямымъ воротомъ. На головѣ круглый или островерхій вязаный колпачекъ, на ногахъ шерстяные чулки, да каньги изъ оленьей кожи съ носками, загнутыми кверху, и мягкою подошвой. Рубашка непремѣнно опоясывается шерстянымъ узорнымъ пояскомъ съ огневицей въ родѣ портмоне унизаннаго бисеромъ и пуговицами. Вся одежда и обувь — приготовляется лопарками изъ домашнихъ матеріаловъ.

Тупа внутри очень неприглядна. Ширины сажени въ двѣ и двѣ съ половиною въ длину,

она очень низка. Кровля на одинъ скатъ, досчатая, иногда крытая дерномъ. Два окна, пропускающія свѣтъ сквозь слюдяную раму. Дверь на деревянныхъ петляхъ поминутно визжитъ, давая возможность холодному воздуху проникать внутрь. Влѣво отъ входа *тякувъ* — каминъ сложенный грубо изъ камня; въ крышѣ противъ тякува дыра. Отъ тякува вдоль стѣны полки для утвари, у стѣнъ нары. Въ такой тупѣ иногда ютится до тридцати человѣкъ. Чѣмъ

Лопарскій кувасъ.

больше народа, тѣмъ хозяинъ пырта (лопарское названіе тупы) счастливѣе.

Лопари посвоему очень самолюбивы. Обойдитесь вы съ ними привѣтливо — и все къ вашимъ услугамъ. Пріѣзжая къ священнику съ подарками, лопарь хранитъ упорное молчаніе, пока тотъ его не посадитъ въ передней избѣ и не угоститъ водкой; тогда изъ-подъ пычка явится дорогой лисій или куній мѣхъ. Разъ у кольскаго священника собралось начальство. Пріѣхалъ и лопарь какой-то. Тотъ его посадилъ рядомъ со всѣми, угощалъ и обращался какъ съ роднымъ. Лопарь не подалъ и виду, что это ему пріятно, а спустя три дня прислалъ попу лисью шубу, пять рублей денегъ и пять бѣлыхъ оленей.

Лопари всѣ почти говорятъ безъ замѣтнаго акцента. Они думаютъ по-русски и по-русски же строятъ фразу. Даже бесѣдуя по своему, они то и дѣло вставляютъ русскія слова, такъ что издали вы не поймете — по-русски ли они говорятъ или нѣтъ. Прислушайтесь — окажется, что ихъ выраженія состоятъ на половину изъ русскихъ и на половину изъ своихъ словъ. При этомъ усвоенными словами оказываются не тѣ, какихъ не существовало въ ихъ языкѣ, а самыя обыкновенныя: сегодня, поѣхалъ, ушелъ, олень.

Усвоивать себѣ русскій языкъ наши лопари стали со времени постройки тупъ; прежде они жили въ вѣжахъ и говорили по-своему. У нихъ собственно нѣсколько нарѣчій, и терскіе лопари напр. должны говорить съ мурманскими по-русски, иначе они другъ друга не поймутъ.

Какъ только вы появились въ тупѣ, всѣ женщины и дѣвушки займутся приготовленіемъ вамъ обѣда.

Молоденькая дѣвушка, несмѣющая взглянуть на васъ, замѣшиваетъ *реску*, т. е. беретъ ржаной муки и приготовляетъ на водѣ лепешку безъ соли. Скатавъ лепешку, она бросаетъ ее на горячій камень противъ огня; сначала печется одна сторона, потомъ другая. Другая — въ мѣдномъ котлѣ кипятитъ уху. Если на дворѣ лѣто и есть сиги, ихъ вынимаютъ изъ берестяныхъ корзинъ, чистятъ у рѣки и, вымывъ въ водѣ, насаживаютъ у огня на тонкія палочки. Рыба пе-

Внутренность лопарской хижины.

чется такимъ образомъ въ собственномъ соку и жиру. Сверхъ этого довольно общаго меню, у лопарей очень популярны линда — уха съ мукой, каша изъ муки пополамъ съ толченою сосновою корой, замѣшанная на ухѣ съ саломъ. Кушанья во время большихъ пировъ подаются въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) кулебяка, 2) уха на оленьемъ салѣ, 3) реска пополамъ съ сосновою корой, 4) мясо оленье или дичь съ саломъ, 5) пойда — сырое оленье сало, 6) мозги въ костяхъ, 7) каша пшенная съ масломъ, 8) каша пшенная съ саломъ, 9) верхъ лакомства — десертъ: топленое масло. Если вернулись въ погостъ охотники съ дичью — къ столу щедро подаютъ жареныхъ куропатокъ, которыхъ лопари ѣдятъ и въ посты, наивно считая ихъ летающей рыбой. Подавая вамъ что нибудь, лопари непремѣнно сами попробуютъ ѣду.

Садясь ѣсть, лопарь вырядится во все чистое и лучшее. Домашняя утварь кромѣ чугунныхъ и мѣдныхъ котловъ—деревянныя чашки и ковши, чашки изъ бересты, сшитыя олеными жилами и украшенныя рѣзными узорами, деревянныя ложки для черпанья рыбы, берестяныя солонки и берестяныя скатерти—все это сдѣлано лопарками. Каменная посуда только у богатыхъ.

Лопари—охотники до всего жирнаго. Даже ворвань и китовый жиръ имъ по вкусу. Въ Колѣ лопари, случалось, съѣдали сальныя свѣчи. Жиръ нерпы, отвратительный на вкусъ и запахъ,

охотно пожирается ими. Говорить во время обѣда — невѣжество, смѣяться грѣшно. Класть себѣ отдѣльно на бересту, а не ѣсть изъ общей чашки — неблаговоспитанно.

Столь же просты, какъ тупы, и лопарскія часовни. Передняя стѣна внутри уставлена убогими иконами. Въ деревянныхъ подсвѣчникахъ горятъ иногда сальныя свѣчи. Лампады увѣшаны птичьими яйцами. На образахъ ленты, полотенца, платки, пелены, мѣха и хвосты животныхъ, бусы... Это — дары больныхъ, идущихъ на промыселъ, возвращающихся съ него. Лопарь религіозенъ до фанатизма. Иногда лопари передадутъ вамъ цѣлыя страницы Евангелія, не понимая ихъ — оказывается, такъ внимательно слушали они въ церкви. Желая выместить обиду, лопарь молится, прося Бога «разобрать дѣло его съ такимъ-то». Перенося погостъ съ мѣста на мѣсто, прежде всего снимаютъ часовню, служатъ молебенъ и окропляютъ св. водою оленей. Начальство, по мнѣнію ихъ, изъ духовныхъ. Губернаторъ — большой попъ, исправникъ — малый попъ. Къ церквамъ лопари подходятъ съ благоговѣйнымъ страхомъ, говорятъ вполголоса даже въ виду церкви. Честность лопарей можетъ быть поставлена въ примѣръ не только русскимъ, но и финнамъ. Войти въ тупу (которая никогда не заперта) и взять съѣстное — не преступленіе, но коснуться до всего остальнаго — великій грѣхъ. Убійства между ними неслыханны. Разъ только случилось, что лумбовскіе лопари стрѣляли въ купца Норкина, но это было сдѣлано не съ цѣлію грабежа, а чтобы отмстить кулаку за долгія притѣсненія и обиды. Лопарь въ высшей степени ласковъ въ семейномъ быту. Жену онъ называетъ самыми ласковыми именами, отдаетъ ей лакомые куски за обѣдомъ, первый глотокъ водки и рому ей. Жена и дочери обѣдаютъ со всею семьей не такъ какъ у самоѣдовъ. Дѣтей лопари не бьютъ. Нарушеніе супружеской вѣрности здѣсь вещь неслыханная. Лавозерскій священникъ, за десять лѣтъ перебравъ книги своего прихода, не нашелъ въ нихъ ни одного незаконнорожденнаго. Женитьбы въ высшей степени бываютъ оригинальны. Часто старикъ шестидесяти лѣтъ женится на дѣвочкѣ лѣтъ пятнадцати, а мальчикъ четырнадцати лѣтъ на старухѣ пятидесяти, и ничего — живутъ! Еще одна странность говора. Лопарь, даже хорошо говорящій по-русски, про жену никогда не скажетъ *она*, а *онъ*. Приходя къ вамъ въ гости, они кланяются сначала вашей женѣ, а потомъ вамъ. Отвѣчая вамъ, они смотрятъ на хозяйку, точно разговаривая съ нею. Въ виду такого положенія женщины въ лопарской семьѣ, русскія дѣвушки побѣднѣе съ удовольствіемъ выходятъ замужъ за лопарей побогаче. Обратно же русскіе парни никогда не женятся на лопаркахъ. Случается такъ, что въ первый разъ русская выйдетъ за корела, овдовѣвъ повѣнчается съ русскимъ, овдовѣвъ вторично идетъ за лопаря.

Богатые лопари живутъ точно такъ же, какъ и бѣдные. Одинъ изъ самыхъ богатыхъ лопарей, Бархатовъ, ходитъ въ ветхомъ тулупчикѣ изъ оленьихъ шкуръ, шерстью вверхъ, зачастую на босу ногу. Въ тупѣ его такъ же грязно, какъ и въ остальныхъ, тѣ же нары, только сплошь покрытыя оленьими постелями, та же посуда изъ бересты и только два или три лишнихъ чайника у хозяина, да нѣсколько каменныхъ кружекъ норвежскаго издѣлія—обнаруживаютъ его богатство. Тѣмъ не менѣе у него около 20,000 оленей или около 140,000 рублей. Многіе изъ лопарей средняго состоянія начали уже носить городское платье, заказываемое въ ближайшихъ норвежскихъ городахъ, какъ-то: Вадсе, Вардо, Гаммерфестъ; но богатые, каковы: Бархатовъ, Кобелевъ, носятъ старо-лопарскую одежду, тѣ же пычки, пяккуи, юпы и каньги, какъ и остальные. Единственное почти удовольствіе такого лопарскаго богача — это похвастать своими оленями. Каждое посѣщеніе русскаго не обходится безъ того, чтобы онъ не закололъ одно изъ животныхъ.

Богатые оленеводы не знаютъ часто, сколько у нихъ всего оленей. То падежъ, то волки вырѣжутъ! И не считаютъ даже. Оленей здѣсь часто ловятъ и дикихъ. Поймавъ неукротимое до тѣхъ поръ животное, лопарь связываетъ его близъ своей вѣжи и не даетъ ему ѣсть нѣсколько дней. Въ этомъ и состоитъ весь процессъ укрощенія. Какъ только ему принесена пища — животное уже укрощено, ласкается къ человѣку, не отходитъ отъ него. Черезъ три или четыре дня на немъ

Лопари.

выжигаютъ тавро и пускаютъ въ стадо. Лопскій олень очень силенъ; въ кережку идетъ не три или четыре оленя, какъ у самоѣдовъ, а одинъ, дѣлающій отъ 50 до 70 верстъ въ день почти безъ отдыха.

Олень для лопаря синонимъ красоты и величія. Кладеный олень называется быкомъ — это идеалъ всего прекраснаго для номада. «Гордъ какъ быкъ», «красивъ какъ быкъ, статенъ какъ быкъ», выражаются лопари о людяхъ, отличающихся этими свойствами. Олень можетъ поднять пять пудовъ легко. Такъ какъ кережка вѣситъ полпуда, то грузъ въ 180 фунтовъ онъ везетъ долго и безъ отдыха. Болѣе грузная кладь можетъ стоить жизни этому животному.

Выгоды оленеводства неисчислимы, если обратить вниманіе на то, что мурманскій лопарь очень мало заботится о своемъ стадѣ. Олень выбьетъ самъ изъ-подъ снѣгу мха, и тѣмъ сытъ. Зимою они худѣютъ. За то лѣтомъ на берегахъ морскихъ жирѣютъ и къ осени становятся особенно сильными. Мурманскіе лопари предоставляютъ стаду пастись самому; на каждомъ оленѣ тавро,—никуда не уйдетъ. За то горные лопари всегда сами при стадѣ. День и ночь они охраняютъ оленей отъ злѣйшаго врага какъ этихъ животныхъ, такъ и человѣка,—отъ волка, рыскающаго, то въ одиночку, то стаями, вокругъ стада. Днемъ дѣти горнаго лапландца при стадѣ, ночью онъ самъ стережетъ его. Каждыя четыре часа сторожъ обходитъ стадо, сгоняетъ оленей при помощи собакъ, кричитъ, стрѣляетъ. Не успѣлъ онъ улечься въ свою нору подъ снѣгъ, какъ въ стадѣ поднимается переполохъ. Собаки будятъ пастуха, олени, сбѣжавшіеся было въ плотную массу, теряются, выскакиваютъ по одиночкѣ и бѣгаютъ кругомъ въ смятеніи изъ стороны въ сторону. Почуявъ хищное животное, они кидаются бѣжать шальными скачками, большею частью противъ вѣтра. Волки преслѣдуютъ оленя по пятамъ и часто по двое накидываются на бѣгущее въ слѣпомъ страхѣ животное. Сторожа тоже разбѣгаются. Одинъ несется съ собаками къ стаду, другой на лыжахъ мчится къ хижинѣ, сзывая семью. Хотя лапландскія собаки и малы, но онѣ бросаются смѣло на волковъ; а одна порода — безхвостыя даже справляются съ волками. Онѣ преслѣдуютъ волка, кусая его сзади и обѣгая его, когда онъ повернется; такъ что волкъ, спина котораго не отличается гибкостью, долженъ безпрестанно повертываться и, наконецъ, утомляясь дѣлается добычей собакъ. Если мѣстность удобна для бѣга на лыжахъ, то волковъ догонять легко, въ такомъ случаѣ ихъ бьютъ палкою по крестцу, дѣлая ихъ неспособными къ бѣгству, и затѣмъ убиваютъ. Бить волка палкой по головѣ безполезно, потому что онъ умѣетъ отлично уклоняться отъ удара и ловитъ палку зубами. Если удастся перебить хребетъ волку, то лапландецъ гонится за другимъ, за третьимъ, облегчая себѣ сердце краткой, но выразительной рѣчью надъ трупомъ врага. Изъ оленей хозяинъ старается спасать самыхъ лучшихъ ѣздовыхъ и уйти съ ними. Волки сперва съѣдаютъ овецъ, а потомъ оленей, это обстоятельство часто позволяетъ оленеводу уйти отъ хищниковъ съ своими стадами.

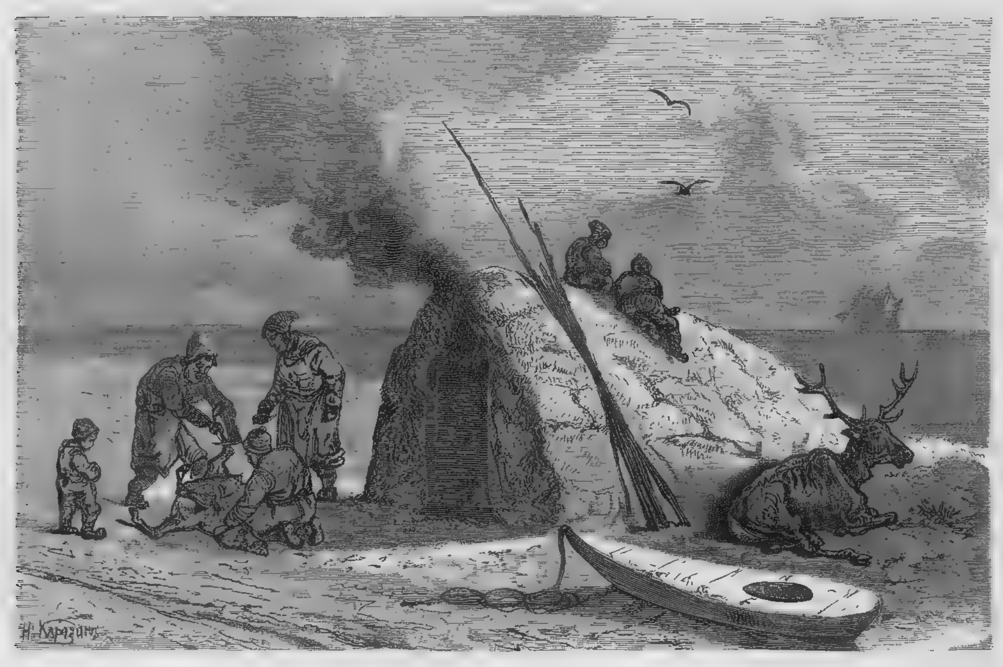
Олени далеко чуютъ запахъ сѣна. Если есть въ окрестностяхъ стоги, животныя бѣшено кидаются на нихъ, взрываютъ рогами и ѣдятъ. Если лопарь замѣтитъ приближеніе оленей и станетъ на стражѣ стоговъ съ собаками, то его сгонятъ рогами его собственные олени. Въ такомъ случаѣ, говоритъ норвежскій путешественникъ, стогъ обыкновенно разбрасывается въ одно мгновеніе, и олени, захвативъ сѣна на рога, торжественно шествуютъ съ своей добычей.

Лучшіе олени у тѣхъ хозяевъ, которые лѣтомъ пригоняютъ свои стада на берега Ледовитаго океана. Здѣсь ихъ меньше мучатъ комары, которые внутри Лапландіи цѣлыя стада загоняютъ въ озера, такъ что животныя держатъ надъ водою только головы въ уровень съ ноздрями... Иногда надъ спокойными водами плеса можно видѣть сотни роговъ оленей, пережидающихъ, когда ихъ враги съ вечернимъ холодомъ оставятъ ихъ въ покоѣ.

Когда въ лопарской семьѣ рождается ребенокъ, ему дарятъ оленя-самку. Весь приплодъ отъ нея принадлежитъ ему. Такимъ образомъ часто, выростая, лопари становятся уже собственниками довольно многочисленныхъ стадъ. Замѣчательно, какъ лопари отличаютъ своихъ оленей. На пастбища сходится иногда до 10,000 оленей. Когда лѣто оканчивается, оленей этихъ сгоня-

ютъ всѣхъ въ одно мѣсто, и достаточно нѣсколькихъ часовъ, чтобы владѣльцы разобрали оленей каждый своего по таврамъ, нарѣзкамъ на ухѣ и другимъ знакамъ.

Оленьи поѣзды называются райдой. Райда составляется обыкновенно изъ нескончаемой вереницы кережекъ, въ которыя запряжено по оленю въ каждую. По нѣскольку дѣтей садятся въ одну кережку, лопарки по одной въ сани, а взрослые лопари идутъ обыкновенно пѣшкомъ,

Лопарская вѣжа.

если райда устроена для переселенія на другое мѣсто. Если же райда — для развлеченія, и при свадьбахъ, то въ нее садятся гости и сломя голову мчатся по засыпаннымъ снѣгомъ долинамъ и обледенѣлымъ скатамъ. Часто — бездорожье, кругомъ ни деревца, ни рѣчонки... Оріентироваться трудно, но вожакъ райды — *опасъ* — лопарь, ѣдущій впереди, не затрудняется этимъ. Онъ ложится въ снѣгъ, осматривается, прислушивается. Остальные не заботятся о пути настолько, что въ то время, какъ опасъ изслѣдуетъ его направленіе, они поютъ, кричатъ, смѣются.

Часто олени замѣняютъ перевозчиковъ черезъ рѣки. Черезъ Тириберку, Ерныпіню и другія рѣки, случалось, весною перевозили въ лодкѣ, запряженной оленями. Часть рѣки еще подъ льдомъ. Доплывутъ олени до льда — выходятъ и везутъ лодку какъ кережку, для чего подъ челномъ прикрѣплены полозья. На крутизнахъ зимою оленей выпрягаютъ и привязываютъ къ задкамъ кережки. Затѣмъ лопари на нихъ съ головокружительной быстротой спускаются внизъ, хотя олени, упираясь въ снѣгъ копытцами, еще нѣсколько останавливаютъ это движеніе.

Охоты на дикихъ оленей не такъ прибыльны теперь, какъ прежде. Много ихъ гибнетъ отъ волковъ, но лавозерскіе немвроды и до сихъ поръ бьютъ отъ 10—15 каждый въ одну зиму. Это, разумѣется, ничто сравнительно съ сороковыми годами, когда на каждаго промышленника въ оленьихъ горахъ приводилось бить по 150. Всѣ богатства вообще здѣсь истреблены

Давно ли водились у лапландскихъ рѣкъ и озеръ бобры, теперь и слѣда ихъ нѣтъ. Мало-помалу исчезаютъ и лисицы, даже россомаха встрѣчается рѣже, чѣмъ прежде. Нынче дикій олень живетъ въ Хибинахъ, Чуа и Мончь-тундрахъ, въ Кодовскихъ горахъ и близъ Лавозера. Юноша-лопарь долженъ непремѣнно убить дикаго оленя, иначе за него не пойдетъ ни одна дѣвушка. Невѣстѣ онъ долженъ поднести рога убитаго имъ животнаго. Охотничаютъ и въ оди-

Лопарская ставка и рыбная ловля.

ночку, и облавой, — и въ томъ и другомъ случаѣ стрѣляютъ изъ дрянныхъ кремневыхъ ружей, отвратительнѣе которыхъ трудно что-нибудь себѣ представить. Охота трудна. Приходится лазить, ползать и царапаться по крутымъ горамъ, утопать въ снѣговыхъ безднахъ или деревенѣть отъ мороза на высокихъ варакахъ.

Страна вся подѣлена между погостами. Часть, которая принадлежитъ, положимъ, лопарямъ Кильдинскаго погоста, недоступна для охотниковъ изъ другихъ мѣстностей Лапландіи. Въ чужомъ надѣлѣ ни промышлять, ни жить нельзя. Въ свою очередь, каждый надѣлъ распредѣленъ между родами, родовой участокъ между семьями, исключая горъ, которыя принадлежатъ всему погосту. Озеръ или рѣкъ здѣсь такъ много, что почти на каждую семью приходится по озеру или по рѣкѣ, и около нихъ живетъ семья нѣсколько мѣсяцевъ въ году среди полнѣйшаго безлюдья. Многолюднымъ семьямъ отведены крупныя озера, маленькимъ — самыя незначительныя. На основаніи семейныхъ правъ, распредѣленіе это производится зимою, когда всѣ лопари въ погостахъ, на суймѣ, рѣшенія которой всегда справедливы и безапелляціонны. Такимъ образомъ лапландецъ не собственникъ угодья, а временно пользуется имъ по приговору своего общества. Собственникомъ и общественникомъ честнымъ, необижающимъ никого, является цѣлая община. Лѣса, луга, долины отдѣлены также. Только въ послѣднее время стали отдавать луга въ кортому колянамъ и кандалакшанамъ, ради уплаты казенныхъ податей и мірскихъ

сборовъ. При этомъ оригинально то, что луга мѣряются на корову. Лугъ отдается на столько-то коровъ. На корову приходится округъ въ ½ версты въ діаметрѣ.

Лопари четыре раза въ году мѣняютъ свое жилье. Какъ только дожили лопари до Егорова дня, изъ зимнихъ погостовъ направляются райды съ инородцами къ озерамъ и рѣкамъ, каждая семья особо къ своему промысловому угодью. Тупы пустѣютъ. Тѣ, которые рыбы весною не ловятъ, углубляются въ лѣса для охоты на птицъ, а незанимающіеся до лѣта ни тѣмъ, ни другимъ отправляются на берега моря — работать у русскихъ промышленниковъ, промышлять въ океанѣ до Ильина дня. Послѣ Ильина дня всѣ они одинаково сидятъ на приозерныхъ берегахъ или у рѣкъ, въ которыхъ и производятъ все лѣто рыбный промыселъ. Въ августѣ лопари скучиваются въ осеннихъ своихъ домовинахъ, гдѣ вмѣстѣ съ ловлей производится и охота на оленя, куницу, лисицу, выдръ, росомаху и медвѣдей. А въ зимніе погосты они собираются поздно къ Рождеству или къ Крещенію.

Тупа — зимнее жилье лопаря, вѣжа — лѣтнее.

Вѣжа — это шатеръ изъ жердей, крытый дерномъ. Лѣтомъ она прорастаетъ травою и кажется издали зеленымъ холмомъ. Полъ вѣжи устилается березовыми вѣниками. Дверь, какъ и въ тупѣ, деревянная на деревянныхъ петляхъ. Очагъ сложенъ изъ камня или построенъ прямо на землѣ — по срединѣ вѣжи, за нимъ, перпендикулярно къ задней стѣнѣ, два бревна, пространство между которыми занято семейными драгоцѣнностями — утварью, мѣховыми вещами и иконами. Вдоль задней стѣны — жердь поперекъ вѣжи, на нее вѣшаютъ платье и обувь для просушки. Направо отъ очага — мѣсто для мужчинъ, налѣво для женщинъ. У входа въ вѣжу къ колышкамъ привязаны собаки, не потому чтобы эти смиренныя животныя были опасны, а въ предупрежденіе кражи ими рыбы изъ ямъ, гдѣ ее вялятъ лопари на зиму. По прибытіи въ вѣжу, олени отпускаются на всѣ четыре стороны, а бараны остаются при вѣжѣ въ отдѣльныхъ сарайчикахъ.

Рожденіе и крестины у лопарей не обставляются никакими особенными обрядностями. Прежде случалось, что, за отдаленностью погостовъ отъ церкви, не священники ѣздили къ родильницамъ давать имъ молитву, а кто-нибудь изъ родственниковъ послѣднихъ являлся къ попу, тотъ читалъ ему въ шапку молитву. Крѣпко сжавъ шапку, онъ мчался домой, чтобы привезти молитву во время и въ цѣлости. Умершихъ отпѣваютъ заочно. По пріѣздѣ священника для крестинъ или совершенія иныхъ таинствъ въ погостѣ, онъ, если не хочетъ обидѣть прихожанъ, не долженъ останавливаться у кого-либо одного, а переходить изъ дома въ домъ. Способности у лопарскихъ мальчиковъ прекрасныя; къ сожалѣнію, школъ для нихъ не существуетъ. У священника Георгія Терентьева была одна, но съ переводомъ его въ Колу онъ поневолѣ долженъ былъ ее закрыть. Рядомъ, въ Норвегіи, всѣ лопари грамотны.

Самый торжественный въ жизни лопаря моментъ есть свадьба. Рѣдко кто женится на дѣвушкѣ изъ своего погоста; чаще въ сосѣднемъ. Сваты ѣдутъ къ будущей невѣстѣ райдой. Входя въ тупу, они крестятся.

— Миръ вамъ!... привѣтствуетъ семью дѣвушки старшій изъ сватовъ.

— Богъ дастъ!

И они здороваются, кладя лѣвую руку на правое плечо другъ другу.

Затѣмъ послѣ нѣсколькихъ обрядовъ, неимѣющихъ значенія, сваты изъясняютъ свое желаніе преимущественно въ аллегорической формѣ: «есть де у одного стараго медвѣдя дочка медвѣдица; ходилъ по лѣсу молодой охотникъ, хотѣлъ ее подстрѣлить, да пожалѣлъ. Очень ужь она ему полюбилась.»

Отцу невѣсты предлагается ромъ. Тотъ крестится и отпиваетъ два или три глотка. Послѣ этого дѣло считается поконченнымъ, потому что, въ случаѣ нежеланія своего выдать дочь за предназначаемаго жениха, отецъ ея не долженъ принимать рома.

На другой день послѣ этого, родныхъ невѣсты приглашаютъ къ жениху. Черезъ часъ новая депутація повторяетъ то же приглашеніе. Послѣ пятаго отецъ невѣсты и ея семья должны

ѣхать, оставивъ невѣсту дома. На третій день уже родные невѣсты угощаютъ жениха и его семью. Когда тѣ пріѣзжаютъ, жениха выгоняютъ изъ тупы, вываливаютъ его въ снѣгу. Онъ возвращается и проситъ пристанища, объявляя, что онъ заблудился и усталъ, что волки преслѣдуютъ его. Не смотря на столь краснорѣчивыя просьбы, его выгоняютъ во второй и въ третій разъ. Наконецъ, женихъ жалуется, что волки и медвѣди тутъ уже на улицѣ, что ему грозитъ неминуемая смерть. Невѣста начинаетъ тотчасъ же вопить и плакать, и жениха оставляютъ въ избѣ.

Начинается пиршество, во время котораго гости изъ хлѣба дѣлаютъ рожки и ставятъ передъ собою на столѣ. Каждый такой рожокъ означаетъ оленя, котораго гость обязывается подарить молодымъ. Обязательства такого рода исполняются свято.

Обѣдъ оконченъ, женихъ подходитъ и срываетъ платокъ съ закрытой до тѣхъ поръ невѣсты. Та вопитъ еще пуще.

— Отдаешь ли ты свою медвѣдицу нашему охотнику?—приступаютъ къ ея отцу.

— Берите ее, дѣлайте съ нею что хотите. Жгите ей глаза, рѣжьте ее, мою власть надъ нею отдаю вамъ.

Съ этой минуты бракъ заключенъ, и власть родителей передана мужу и его семьѣ. Невѣсту одѣваютъ; она, изображая дикаго оленя, брыкается и бьется, вырывается изъ рукъ, бѣгаетъ по пырту, пока поймавъ ее не привяжутъ къ столбу. Мужчины, какъ бы укрощая ее, замахиваются на нее ружьями и т. д.

Церемонія укрощенія этимъ не оканчивается. Невѣсту привязываютъ къ кережкѣ, боясь, чтобы она не бѣжала, ее везутъ къ жениху въ погостъ райдой, при чемъ поѣзжане стрѣляютъ въ воздухъ, кричатъ и бѣсятся. Это должно изображать увозъ невѣсты силой, что прежде было обычаемъ всего нашего сѣвера. Въ тупѣ жениха всѣ разомъ измѣняютъ свое обращеніе съ невѣстой. Ей кланяются и ласкаютъ ее. Мать и отецъ жениха объявляютъ ее хозяйкой и передаютъ ей управленіе домомъ и семьей. Она сейчасъ же должна приняться за работу, чтобы показать свое желаніе быть полезной новой семьѣ. Восемь дней невѣста таится подъ покрываломъ для чужихъ. Кто хочетъ взглянуть на нее, тотъ платитъ какую нибудь мелочь. Вѣнчаетъ священникъ потомъ.

Когда лопарь умретъ, тупу его долго оставляютъ открытой. Родные переселяются въ другую и возвращаются назадъ только черезъ семь дней. По повѣрью лопарей, Ангелъ возитъ душу умершаго въ теченіе шести недѣль по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ бывалъ покойникъ во время своего земнаго странствія, при этомъ душа вспоминаетъ содѣянное ею добро и зло, и если раскается, то хоть бы смерть совершилась и безъ покаянія, все же она входитъ въ райскія врата.

Не смотря на всѣ свои добрыя качества, лопари сильно любятъ ромъ и водку. За нихъ они готовы отдать все, и добычу промысла, и свои вѣжи. Этимъ пользуются русскіе и норвежцы. Первые спаиваютъ населеніе лопарскихъ погостовъ отъ Имандры на востокъ до Терскаго берега, вторые отъ Имандры на западъ. Возвращаются ли лопари съ промысла, подряжаются ли въ Роснавалокѣ возить промышленниковъ и получаютъ задатки — водкоторговецъ тутъ какъ тутъ. Драки между пьяными рѣдки, они только покраснѣютъ и начнутъ всѣ говорить въ одно и то же время, точно утки въ камышахъ тихаго заводья.

Прежде думали, что у лопарей вовсе нѣтъ народной поэзіи, нѣтъ пѣсенъ, былинъ, сказаній. Это все оказалось невѣрнымъ. Даже и теперь лопари сочиняютъ пѣсни и поютъ ихъ, не забывая и своихъ старыхъ. Пѣсни у нихъ поются на свадьбахъ, на праздникахъ, на суймахъ и когда райдами ѣдутъ. Въ старыхъ пѣсняхъ поется, какъ русскіе лопарямъ кланялись, про дѣвокъ, про мужиковъ, про оленя, про то, какъ тоскуетъ женихъ по невѣстѣ, какъ жена по мужѣ скучаетъ. Поютъ про охоту. Въ сказкахъ разсказываютъ, какъ чудь приходила разорять ихъ, какъ шведъ врывался въ землю Лопскую и убивалъ лопарей. *Чудь* убивала и женщинъ, погосты жгла и разоряла. Лопари бѣгали отъ нея въ сюземки.

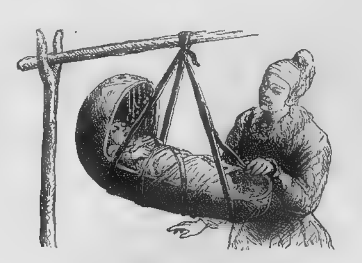
Вотъ напр. одна легенда о чуди. Есть въ Хибинахъ двѣ горы, похожія на одну, расколовшуюся перпендикулярно. «Давно, давно пришла *чудь*, побѣжала *лопь* отъ нея въ горы—и чудь въ горы. Несмѣтно лопи побито было, да вѣдунъ выискался. Заклялъ гору—та раскрылась. Лопари вошли туда всѣ. Видитъ чудь — никого нѣтъ. Легла *чудь* спать. Нашъ вѣдунъ опять

Лапландская вѣжа на Туломѣ.

сказалъ такое слово—гора раскрылась и выпустила лопарей. Утромъ одинъ чудинъ припомнилъ, какъ лопинъ заклиналъ гору, и сказалъ это — разверзлась опять варака, впустила туда чудь да и закрылась. Такъ они всѣ тамъ и умерли. Слова такого, чтобы выдти, не знали. Только съ ними дѣвушка одна была, лопка, увели ее. Отецъ умолилъ вѣдуна сказать свое слово, чтобы дочь оттуда выпустить. Лопинъ сказалъ, да поздно было—варака разверзлась, но всѣ—и *чудь*, и дѣвушка мертвыми въ ней оказались.»

В. И. Немировичъ-Данченко.

Лапландская колыбель.

ОЧЕРКЪ VII.

СѢВЕРНЫЙ ОКЕАНЪ И ЕГО ПОЛЯРНЫЯ ОКРАИНЫ.

Ледовитый океанъ. — Теченія. — Температура и цвѣтъ воды. — Глубина. — Льды. — Ледяныя горы. — Животная жизнь. — Холодъ и мракъ. — Сѣверное сіяніе. — Ложныя солнца и луны. — Очеркъ полярныхъ земель. — Прежнее ихъ состояніе. — Земля Императора Франца-Іосифа. — Австрійская экспедиція. — Выходъ изъ Тромсе. — Вступленіе въ область льдовъ. — Встрѣча съ «Исбьерномъ». — «Тегеттгофъ» затертъ льдами. — Ледяные напоры. — Полярная зима. — Жизнь экипажа въ теченіе зимы. — Охота на бѣлыхъ медвѣдей. — Возвращеніе свѣта. — Полярное лѣто и занятія экипажа. — Наступленіе осени. — Открытіе новыхъ земель. — Попытка достигнуть ихъ. — Вторая зима. — Посѣщеніе новыхъ земель. — Состояніе здоровья экипажа. — Смерть машиниста Криша. — Первое санное путешествіе на новыя земли. — Охота на бѣлыхъ медвѣдей во время санныхъ путешествій. — Снѣжная мятель. — Страшный холодъ. — Возвращеніе на судно. — Второе санное путешествіе. — Паденіе въ разщелину ледника. — На крайнемъ Сѣверѣ. — Опасность быть отрѣзанными отъ судна открытымъ моремъ. — Возвращеніе на судно. — Третье санное путешествіе. — Оставленіе судна. — Странствованіе по льдамъ. — Жизнь экипажа во время этого странствованія. — Плаваніе по открытому морю. — Спасеніе экспедиціи русскимъ промышленнымъ судномъ.

Море непривѣтное,
Льдами окруженное;
Полночь безразсвѣтная,
Полночь усиленная
Мракомъ и молчаніемъ,
Только озаренная
Сѣвернымъ сіяніемъ.

Загроможденный вѣчными льдами, окутанный холодною мглою, широко разстилается во всѣ стороны Полярный океанъ. Ревниво скрываетъ онъ отъ взоровъ человѣка свои тайны, и не одинъ смѣлый мореходъ заплатилъ жизнью за свою любознательность, стараясь проникнуть въ его пустынное и мерзлое царство. Но пытливость человѣка не останавливается ни передъ какими препятствіями и не страшится никакихъ жертвъ: каждое поколѣніе высылаетъ своихъ сыновъ на завоеваніе новыхъ областей для науки, и въ человѣчествѣ не умираетъ надежда когда нибудь пробиться съ самое сердце Ледовитаго моря.

Особенно въ послѣднее время значительно оживился интересъ къ изслѣдованію полярныхъ краевъ, и не проходитъ года, чтобы изъ той или другой страны не отправилась экспедиція въ Сѣверный океанъ. Путешествія Кена, Гайеса, Голла, Колдевея, Норденшельда, наконецъ Пайера и Вей-

Край ледника Миддендорфа.

прехта, обезсмертившихъ себя открытіемъ новыхъ обширныхъ земель, очень расширили наши свѣдѣнія объ этихъ полночныхъ странахъ, и только часть ихъ, приблизительно въ 70,000 кв. миль, лежащая за 80^0—82^0 с. ш., остается еще для насъ совершенно неизвѣстной.

Хотя и наименьшій между своими собратьями, Сѣверный Ледовитый океанъ занимаетъ огромную поверхность въ 200,000 кв. миль. Окруженный со всѣхъ сторонъ землею, онъ съ другими морями сообщается черезъ проливы Сѣверо-американскаго архипелага, черезъ Беринговъ проливъ шириною въ 12 миль и черезъ открытое море между Скандинавіей и Гренландіей шириною въ 200 миль, прерываемое вдобавокъ Исландіей.

Могучій потокъ теплой воды Гольфстрема вливается въ Ледовитый океанъ между Исландіей и Норвегіей. У Нордкапа Гольфстремъ развѣтвляется: одинъ рукавъ направляется къ Шпицбергену, и вдоль западныхъ его береговъ прослѣженъ до самой сѣверной оконечности этой группы островокъ; другой же, главный, разливаясь между Нордкапомъ и Медвѣжьимъ островомъ миль на 150 — 200 въ ширину, тянется вдоль Мурманскаго берега, мимо Канинской Земли, острова Колгуева до сѣверныхъ береговъ Новой Земли, гдѣ иногда находили бутылки норвежскаго издѣлія и сѣти скандинавскихъ рыболововъ. Въ лѣтніе мѣсяцы температура главнаго рукава Гольфстрема составляетъ около $7{,}5^0$ Ц., зимою-же колеблется отъ 2,5 до 3^0 Ц. Изъ наблюденій нѣкоторыхъ путешественниковъ можно заключить, что побочная вѣтвь этого теченія вступаетъ въ Бѣлое море и омываетъ восточные его берега, а періодически двѣ слабыя вѣтви входятъ въ Карское море — одна черезъ Карскія Ворота, а другая черезъ Маточкинъ Шаръ. Гольфстремъ оказываетъ громадное вліяніе на климатъ сосѣднихъ съ нимъ странъ. Благодаря ему, область между Шпицбергеномъ и Новою Землею является самой теплѣйшей изъ всѣхъ арктическихъ и антарктическихъ странъ. Не будь его, сѣверъ Европы загромождали бы вѣчные льды; между тѣмъ теперь ни одна льдина не доходитъ до Нордкапа, лежащаго въ широтѣ 71^0, тогда какъ у береговъ Америки ихъ встрѣчаютъ у 36^0 с. ш., то есть въ широтѣ Мальты. Рыбное богатство европейской части Ледовитаго океана также зависитъ отъ этого теченія.

Необходимымъ слѣдствіемъ громаднаго количества воды, вливаемаго Гольфстремомъ въ Сѣверный океанъ, являются холодныя теченія, которыя выносятъ изъ океана избытокъ водъ и возстановляютъ равновѣсіе между приходомъ и расходомъ. Такія теченія существуютъ и въ Беринговомъ проливѣ, и въ полярномъ архипелагѣ Сѣверной Америки, а также несутся отъ сѣверовостока къ юго-западу черезъ широкій проходъ между Шпицбергеномъ и Гренландіей. Необозримыя массы льда плывутъ по нимъ изъ внутреннихъ частей Полярнаго океана и совершенно загромождаютъ восточные берега Гренландіи и Шпицбергена. Нужно думать, что и къ востоку отъ послѣдняго есть холодное теченіе; льды его, при встрѣчѣ съ Гольфстремомъ, спираются и образуютъ ту ледяную гряду, о которую разбились усилія многихъ полярныхъ мореплавателей. Литке, напримѣръ, въ четвертое путешествіе въ Сѣверный океанъ нашелъ такіе густые льды, непрерывно тянувшіеся отъ береговъ Новой Земли до половины разстоянія между нею и Шпицбергеномъ, что никакъ не могъ проникнуть сѣвернѣе 76^0 широты.

Благодаря своей меньшей солености, зависящей отъ избытка прѣсныхъ осадковъ надъ испареніемъ, воды Ледовитаго океана имѣютъ зеленоватый цвѣтъ и въ этомъ отношеніи рѣзко отличаются отъ голубыхъ волнъ Гольфстрема. Другое свойство воды Сѣвернаго океана составляетъ большая ея прозрачность, такъ что на глубинѣ свыше 400 футовъ можно видѣть раковины, и даже на глубинѣ 900 футовъ еще достаточно свѣта, чтобы различать предметы.

Что касается вообще глубины Полярнаго океана, то она колеблется въ очень значительныхъ предѣлахъ. У береговъ Сибири глубина даже въ разстояніи 36 географическихъ миль составляетъ только 80—85 футовъ, затѣмъ въ морѣ между Шпицбергеномъ и Новою Землею она отъ 118 доходитъ до 1670 футовъ, по изслѣдованіямъ австрійской полярной экспедиціи; наконецъ, наибольшую глубину въ 15,900 футовъ нашли на западѣ Шпицбергена подъ 78^0 $30'$ с. ш.

Работы надъ распиленіемъ льда.

Самую характеристическую внѣшнюю особенность какъ этого океана, такъ и южнаго его антипода, отъ которой они получили одно изъ своихъ названій, составляетъ обиліе льда, являющагося въ самыхъ разнообразныхъ, подчасъ поразительныхъ формахъ. Еслибы вода въ океанахъ не находилась въ состояніи вѣчнаго движенія, то въ высокихъ широтахъ земнаго шара, подъ вліяніемъ продолжительнаго и сильнаго холода, она покрылась-бы непрерывнымъ слоемъ льда, который въ Сѣверномъ океанѣ достигъ-бы въ одну зиму приблизительно восьми футовъ толщины. Но разныя причины, нарушающія равновѣсіе водяныхъ массъ (вращеніе земли, притяженіе солнца и луны, неравномѣрное нагрѣваніе и пр.), мѣшаютъ образованію такого слоя, и ледъ является въ видѣ разрозненныхъ, болѣе или менѣе обширныхъ кусковъ — льдинъ. Льдины имѣютъ самые различные размѣры. Въ Гренландскомъ морѣ Скоресби видѣлъ льдину съ поперечникомъ въ 35 морскихъ миль, а во время второй германской экспедиціи иногда случалось плыть подъ парами по окружности льдины въ теченіе 12 — 20 часовъ. Капитанъ Келлетъ видѣлъ льдину, которая приблизительно имѣла площадь въ 14,000 кв. географическихъ миль.

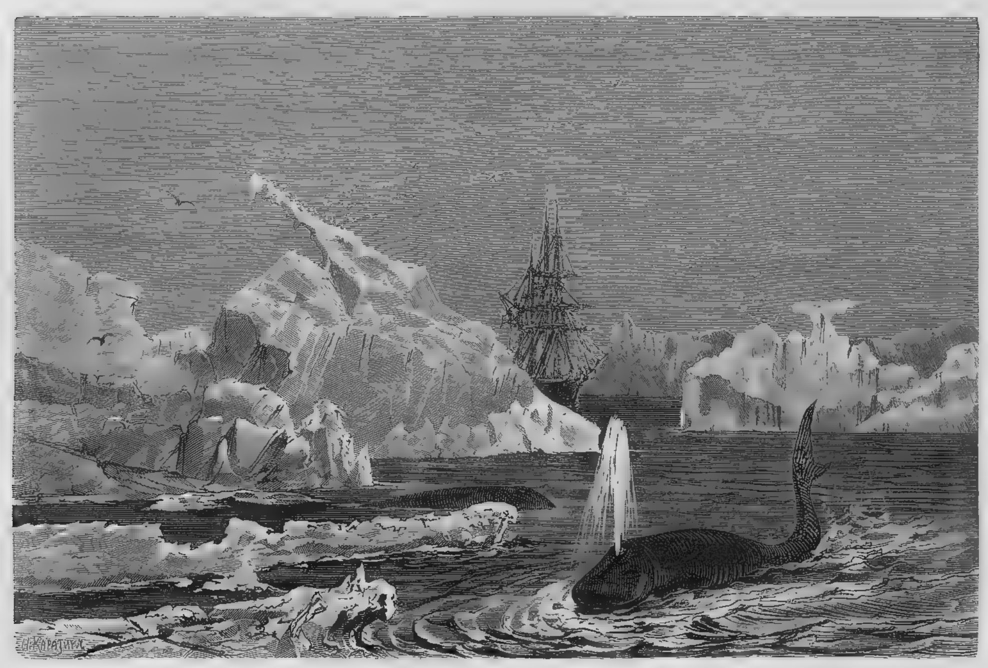
Обширныя льдины или значительное скопленіе мелкаго льда можно еще издали узнать по свѣтлому сіянію на небѣ, такъ называемому *ледяному отблеску*, которое зависитъ отъ отраженія свѣтовыхъ лучей поверхностью льда. Промежутки-же открытой воды между льдинами обозначаются массами сгущенныхъ паровъ, носящихся надъ ними. Средняя нормальная толщина льдинъ должна была бы составлять, какъ сказано, около 8 футовъ. Но въ Полярномъ морѣ сплошь и рядомъ попадаются льдины толщиною въ 30 — 40 футовъ, а Гайесъ упоминаетъ о ледяныхъ поляхъ въ проливѣ Смита, имѣвшихъ до 100 футовъ въ толщину. Такія льдины являются какъ результатъ напластыванія во время ледяныхъ напоровъ и называются старымъ льдомъ. Послѣдній отличается большею твердостью и плотностью сравнительно со льдомъ, только-что образовавшимся, который бываетъ гибокъ какъ кожа и содержитъ въ себѣ еще много соли.

Поверхность большихъ льдинъ или торосъ рѣдко бываетъ ровная; обыкновенно ряды высокихъ (30 — 40 ф.) ледяныхъ бугровъ и скалъ пересѣкаютъ ее во всѣхъ направленіяхъ и придаютъ ей волнистый видъ, особенно въ зимнее время, когда толстый покровъ снѣга сгладитъ всѣ неровности очертаній. Покровъ этотъ, имѣющій по нѣскольку футовъ толщины, въ холодное время года состоитъ изъ мелкой снѣжной пыли, въ концѣ же лѣта, вслѣдствіе таянія и дождей, снѣгъ принимаетъ крупнозернистое строеніе и при движеніи производитъ шумъ сыплящагося песку. Кристаллы такого снѣга имѣютъ въ длину отъ 4 до 8 миллиметровъ, а Парри на сѣверѣ Шпицбергена видѣлъ иглы длиною почти въ футъ.

Кромѣ плоскихъ льдинъ, по волнамъ Ледовитаго океана носятся громадныя ледяныя горы — одно изъ величественнѣйшихъ явленій полярной природы. Ледяныя горы обязаны своимъ происхожденіемъ сушѣ, а не морю; это дѣти исполинскихъ ледниковъ полярныхъ странъ, оторванныя отъ нихъ морскими волнами при постепенномъ спусканіи глетчеровъ въ море. Обыкновенно ледяныя горы имѣютъ видъ тетраэдровъ или кубовъ и вообще отличаются своими простыми очертаніями; встрѣчающіяся же иногда глыбы льда причудливой и странной формы вовсе не ледяныя горы въ тѣсномъ смыслѣ слова, а обломки нагроможденныхъ пластовъ морскаго льда. Высота горъ надъ поверхностью моря колеблется отъ 30 до 300 футовъ, а вмѣстѣ съ погруженной частью превосходитъ иногда 1000 футовъ. По горизонтальному направленію размѣры ихъ бываютъ свыше 10,000 — 12,000 футовъ. Быстрота движенія ледяныхъ горъ по морю доходитъ порой до 330 метровъ въ часъ. Если принять въ соображеніе, что по вычисленіямъ Скоресби вѣсъ горъ достигаетъ до 2 милліоновъ центнеровъ, то можно судить о силѣ удара при столкновеніи ихъ между собою и объ опасности, которой подвергаются суда, очутившіяся между ними. Цѣлыми рядами, какъ на стражѣ, стоятъ иногда эти ледяные колоссы, неподвижные и суровые, при входѣ въ бухты, поражая путешественника своимъ строгимъ величіемъ. Особенно много скопляется ихъ въ Баффиновомъ заливѣ, въ проливѣ Смита, у восточныхъ береговъ Гренландіи, на юго-востокѣ Шпицбергена и въ Австрійскомъ Зундѣ (Земля

Франца-Іосифа). Благодаря неравномѣрному таянію, ледяныя горы часто опрокидываются, а иногда разлетаются въ куски съ страшнымъ трескомъ, похожимъ на раскаты грома.

Въ глубинахъ Ледовитаго океана несмѣтное число животныхъ борется за свое существованіе. Хотя видовъ животныхъ въ немъ и меньше, чѣмъ въ южныхъ моряхъ, но число недѣ-

Пловучіе льды Сѣвернаго океана.

лимыхъ, и при томъ самыхъ величайшихъ, гораздо больше. Не говоря уже о массѣ низшихъ организмовъ, милліоны китовъ, бѣлухъ, моржей, тюленей, дельфиновъ, единороговъ, акулъ, лососей и проч. населяютъ его холодныя воды и составляютъ предметъ обширной промышленности. Считаютъ, что только въ части Сѣвернаго океана между Европой и Америкой однихъ тюленей ежегодно истребляютъ около милліона штукъ. Немудрено, что число морскихъ животныхъ, особенно ластоногихъ и китообразныхъ, замѣтно убавляется. Моржи встрѣчаются теперь только на Шпицбергенѣ, въ Гренландіи, на Новой Землѣ, около Гудсонова залива и въ Беринговомъ проливѣ, тогда какъ въ XI вѣкѣ они попадались у норвежскихъ береговъ. Еще въ 1603 году англійскіе промышленники въ теченіе семи часовъ набили на Медвѣжьемъ островѣ до 1000 моржей, и въ началѣ нынѣшняго вѣка тамъ существовалъ значительный моржевой промыселъ; теперь-же у этого острова не видать совсѣмъ звѣря. Киты за сто слишкомъ лѣтъ удалились въ самыя центральныя части Ледовитаго океана, и число ихъ уменьшается.

Прежде думали, что въ полярныхъ моряхъ низшая животная жизнь развита въ самыхъ ничтожныхъ размѣрахъ. Но изслѣдованія Росса, Гукера, Торелля, Хиденіуса и другихъ опровергли это мнѣніе, и привели къ заключенію, что морская фауна въ большей степени зависитъ отъ температуры воды, чѣмъ отъ глубины. Россъ и Гукеръ, напримѣръ, въ широтахъ между 71° и 78° нашли на глубинѣ отъ 1400 до 2800 футовъ богатую и разнообразную фауну изъ ракообразныхъ, слизняковъ, червей, трубчатыхъ, коралловъ, губокъ и пр., а въ Бафиновомъ заливѣ Россъ вытащилъ лотомъ громадную морскую звѣзду съ діаметромъ въ 2 фута изъ глубины 5600

футовъ, и даже на глубинѣ 7000 футовъ илъ, покрывавшій дно, оказался переполненнымъ червями и кольчатыми. Представители всѣхъ отрядовъ безпозвоночныхъ животныхъ были найдены Тореллемъ и у береговъ Гренландіи на глубинѣ до 1700 футовъ. Но особенно любопытные результаты удалось получить шведской экспедиціи 1863 года. Морской илъ, добытый ею изъ глубины 8400 футовъ, не смотря на то что имѣлъ температуру въ 0,3° и находился подъ давленіемъ почти 300 атмосферъ, состоялъ изъ массы низшихъ организмовъ (червей, ракообразныхъ, слизняковъ, губокъ и проч.). Сильное развитіе зрительныхъ органовъ у многихъ животныхъ, живущихъ въ такихъ глубинахъ, указываетъ, что свѣтъ брезжетъ и въ этихъ морскихъ пучинахъ. Интересно также яркое окрашиваніе животныхъ, вытащенныхъ изъ нѣдръ моря. Нѣкоторыми наблюдателями замѣчено, что въ слояхъ, ближайшихъ къ поверхности, окраска животныхъ бываетъ пестрая, затѣмъ въ глубинахъ отъ 2500 до 3500 футовъ преобладаютъ яркіе цвѣта — красный, оранжевый и желтый, а въ еще большихъ глубинахъ — бѣлый и зеленый.

Рѣзкую противоположность съ животнымъ богатствомъ подводныхъ областей Ледовитаго океана представляетъ бѣдность органической жизни въ его надводномъ мірѣ. Мхи, ягели да камнеломки — вотъ обычные представители растительности полярныхъ материковъ и острововъ. Животныя млекопитающія также очень малочисленны. Изрѣдка увидишь гдѣ нибудь группу сѣверныхъ оленей, пеструшку, полярнаго зайца или наконецъ бѣлаго медвѣдя. Зато водяныя птицы — гагары, чайки и пр. — встрѣчаются лѣтомъ въ значительномъ числѣ.

Холодъ и мракъ — вотъ гонители всего живаго въ этихъ краяхъ. За полярнымъ кругомъ средняя годовая температура только у береговъ Норвегіи, благодаря вліянію Гольфстрема, равна 0°, вообще же она ниже нуля и на полюсѣ, по вычисленіямъ Дове, должна составлять—13° Р. Въ самомъ холодномъ мѣсяцѣ (январѣ) въ морѣ между Шпицбергеномъ и Новою Землею средняя температура колеблется, смотря по широтѣ, отъ — 8° до — 28° Р. въ самомъ же тепломъ (іюлѣ) — не превосходитъ + 8° Р. Зимою термометръ стоитъ иногда ниже — 40°. Подъ вліяніемъ сильныхъ и продолжительныхъ морозовъ всѣ предметы становятся необыкновенно твердыми: никогда не оттаивающая, промерзшая на глубину нѣсколькихъ тысячъ футовъ, земля дѣлается крѣпкой какъ желѣзо, снѣгъ принимаетъ зернистое строеніе сахара, дерево едва можно рѣзать ножемъ, масло и мясо нужно разрубать, чтобы употребить въ пищу, а шариками ртути, какъ пулями, можно стрѣлять изъ ружей. Въ холодномъ воздухѣ стоитъ сѣрожелтая мгла отъ носящихся съ шумомъ миріадъ мельчайшихъ снѣжныхъ кристалловъ. Они-то и составляютъ главную причину того пронизывающаго насквозь ощущенія сырости, которое испытываютъ при очень низкой температурѣ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ въ воздухѣ господствуетъ страшная сухость, отъ которой табакъ, напримѣръ, разсыпается въ мелкія крошки. Густыхъ облаковъ не видно; небо бываетъ покрыто только парами, чрезъ которыя солнце и луна сіяютъ, какъ раскаленные до-красна металическіе шары. Особенно любопытное явленіе представляетъ замѣчательная легкость, съ которою распространяется звукъ. Пайеръ разсказываетъ, что однажды въ Гренландіи онъ слышалъ разговоръ, веденный обыкновеннымъ голосомъ, на разстояніи 800 шаговъ. Почти на всѣхъ животныхъ продолжительный и сильный холодъ дѣйствуетъ подавляющимъ образомъ. Человѣкъ, пробывшій долгое время подъ вліяніемъ низкой температуры, представляетъ видъ пьянаго или лунатика: онъ мало воспріимчивъ къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ, не твердъ въ движеніяхъ и едва можетъ говорить; физическія силы его ослаблены, кровь сгущена и пульсъ уменьшенъ. Особенно сильно поражаетъ холодъ слизистыя оболочки, увеличивая ихъ выдѣленія, вслѣдствіе чего чувства вкуса и обонянія значительно притупляются. Страшная жажда столь же обыкновенна въ холодныхъ пустыняхъ, какъ и въ знойныхъ степяхъ. Не зная какъ утолить ее, многіе начинаютъ глотать снѣгъ; но снѣгъ при 30 — 40° Р., производитъ во рту ощущеніе раскаленнаго металла и усиливаетъ жажду, не говоря уже о томъ, что глотаніе его влечетъ за собой воспаленіе зѣва и языка, зубную боль, діаррею и пр. Поэтому жители сѣверныхъ странъ, напримѣръ эскимосы, предпочитаютъ скорѣе переносить сильнѣйшую жажду, чѣмъ ѣсть снѣгъ.

Не менѣе холода враждебна жизни и тьма. По мѣрѣ приближенія къ полюсу, періодъ времени, въ теченіе котораго солнца совсѣмъ не бываетъ видно, быстро возрастаетъ. Начинаясь приблизительно съ однѣхъ сутокъ въ мѣстахъ, лежащихъ у полярнаго круга, этотъ періодъ составляетъ на широтѣ 70° шестьдесятъ сутокъ, на широтѣ 80° сто двадцать семь, а на полюсѣ—сто семьдесятъ девять сутокъ. Но за то лѣтомъ солнце почти столько же времени стоитъ надъ горизонтомъ.

Съ наступленіемъ холодной и мрачной зимы, въ періодъ мертваго оцѣпенѣнія природы, въ далекихъ глубинахъ неба загораются огни сѣверныхъ сіяній. Вотъ какъ Пайеръ описываетъ это чудное явленіе полярныхъ странъ. «Въ какой-либо сторонѣ горизонта стоитъ легкое облачко; верхніе края его освѣщены, изъ нихъ выступаетъ свѣтлая лента, которая расширяется, дѣлается свѣтлѣе и подымается къ зениту. Цвѣтъ ея такой же, какъ и свѣтлой дуги облачка, но напряженіе свѣта сильнѣе. Постоянно играя, лента мѣняетъ медленно, но непрерывно, мѣсто и видъ Она широка, и ея интенсивный бѣло-зеленый цвѣтъ чудно выдѣляется на темномъ фонѣ неба. Вдругъ она завилась спиралью, но извивы спирали не покрываютъ другъ друга, и задніе отчетливо обозначаются черезъ свѣтъ переднихъ. По всему протяженію ленты, колеблясь крадутся волны свѣта, двигаясь то справа налѣво, то слѣва направо; повидимому онѣ перекрещиваются и появляются то на передней, то на задней сторонѣ спиральнаго извива. Лента опять завилась по всей длинѣ и расположилась красивыми складками; кажется, что высоко въ воздухѣ вѣтеръ таинственно играетъ съ этой широкой пламенной полосой, конецъ которой теряется тамъ, въ дали горизонта. Свѣтъ становится ярче, волны его быстрѣе слѣдуютъ одна за другой, на верхнемъ и нижнемъ краяхъ ленты выступаютъ радужные цвѣта, бѣлое нѣжное сіяніе въ серединѣ окаймляется узкими полосками, наверху красной, внизу зеленой. Изъ одной ленты сдѣлалось двѣ, верхняя болѣе и болѣе приближается къ зениту; изъ нея начинаютъ выбрасываться лучи по направленію къ точкѣ вблизи небеснаго полюса, на которую указываетъ южный полюсъ свободной магнитной стрѣлки. Лента почти достигла ея, и тогда-то начинается великолѣпная игра лучей, центръ которой составляетъ магнитный полюсъ.

«Вокругъ небеснаго полюса по всѣмъ направленіямъ выбрасываются и сверкаютъ короткіе лучи, на краяхъ которыхъ замѣтны призматическіе цвѣта; болѣе длинные лучи чередуются съ короткими; волны свѣта, быстро измѣняясь, обѣгаютъ центръ. То, что мы видимъ, есть вѣнецъ сіянія; онъ появляется почти всегда, когда лента переходитъ за магнитный полюсъ.

«Спустя нѣкоторое время вѣнецъ пропадаетъ; лента стоитъ теперь на сѣверной сторонѣ небеснаго свода, она постепенно опускается и потухаетъ или возвращается опять къ югу, чтобы начать прежнюю игру. Явленіе тянется по цѣлымъ часамъ и безпрестанно мѣняетъ мѣсто, видъ, напряженіе; часто на минуту оно совсѣмъ исчезаетъ, чтобы опять появиться, и наблюдатель не можетъ дать себѣ отчета, какъ оно пришло, какъ оно ушло — оно просто существуетъ».

Сѣверное сіяніе не всегда имѣетъ описанный видъ. Иногда вмѣсто свѣтлой ленты образуются отдѣльные лучи, которые быстро то подымаются, то опускаются. Все явленіе постепенно удаляется отъ горизонта и приближается къ полюсу. Быстрѣе и быстрѣе слѣдуютъ волны свѣта; онѣ взаимно покрываются, перекрещиваются и перегоняютъ другъ друга; цѣлые пучки лучей въ бѣшеной пляскѣ стремятся къ зениту. Наконецъ они достигли этой точки, и, вдругъ, во всѣ стороны отъ нея засверкали огненныя линіи. Невозможно разобрать, двигаются ли эти въ одно время красные, бѣлые и зеленые лучи вверхъ или внизъ. Скоро все небо стоитъ въ пламени, и яркіе лучи добѣгаютъ почти до горизонта; свѣтлое облачко широкой полосой проходитъ черезъ полюсъ, опираясь концами въ края небеснаго свода — оно превратилось въ огненную рѣку, въ которой одна за другой съ невѣроятной быстротой катятся свѣтовыя волны. Невольно наблюдатель напрягаетъ слухъ, стараясь уловить какой-либо шумъ, но въ природѣ царитъ глубокая тишина, и ни единый звукъ не нарушаетъ таинственнаго безмолвія окрестной пустыни. Такъ же быстро, какъ наступило, исчезаетъ явленіе.

Ломка льда.

Вообще сѣверныя сіянія являются въ весьма разнообразныхъ формахъ. Они имѣютъ видъ то свѣтлыхъ дугъ съ блестящими шарами, то млечнаго пути, то разъединенныхъ свѣтящихся полосъ и пятенъ, и нерѣдко во время самаго явленія одна изъ этихъ формъ переходитъ въ другую. Чаще всего сіянія случаются около равноденствій, именно въ мартѣ, апрѣлѣ, сентябрѣ и октябрѣ мѣсяцахъ. Насколько позволяютъ судить нѣкоторыя наблюденія, близъ земнаго полюса сіянія бываютъ довольно рѣдко, затѣмъ въ поясѣ въ 70 географическихъ миль шириною, обнимающемъ южную Гренландію, Полярный архипелагъ, сѣверъ Сибири и Шпицбергенъ, среднимъ числомъ случается около 40 сіяній въ годъ, а въ слѣдующемъ кольцѣ, которое заключаетъ Гудсоновъ заливъ, Лабрадоръ, Исландію, сѣверную Скандинавію, ихъ ежегодно насчитываютъ до 80. Высота сіяній бываетъ весьма различна: иногда она, повидимому, не превышаетъ высоты облаковъ, то есть 3000 — 4000 футовъ, въ другихъ же случаяхъ достигаетъ 100 геогр. м.

Другое метеорологическое явленіе, свойственное полярной природѣ, представляютъ круги около солнца и луны, а также ложныя солнца и луны. Это явленіе зависитъ отъ преломленія и отраженія свѣта въ ледяныхъ и снѣжныхъ кристаллахъ, носящихся въ морозномъ воздухѣ, и состоитъ изъ цвѣтныхъ круговъ около свѣтила, окрашенныхъ внутри краснымъ, а снаружи фіолетовымъ цвѣтомъ. Иногда образуются бѣлые круги, параллельные горизонту, такой же ширины, какъ и свѣтило, черезъ которое они проходятъ. Случается, что при этомъ появляется и вертикальная полоса, и все явленіе имѣетъ форму креста, обрамленнаго цвѣтными кольцами. Вблизи тѣхъ точекъ, гдѣ эти полосы пересѣкаются съ цвѣтными кругами, образуются ложныя солнца и луны, которыя бываютъ окрашены въ разные цвѣта, какъ и кольца, и часто имѣютъ на сторонѣ противоположной свѣтилу продолженіе въ родѣ хвоста, которое распространяется за предѣлы ихъ круга. Когда явленіе полное, что бываетъ впрочемъ рѣдко, то оно состоитъ по крайней мѣрѣ изъ 13 колецъ или частей колецъ, въ точкахъ пересѣченія которыхъ образуются ложныя солнца и луны.

Еще болѣе, чѣмъ море, угрюмы обширные материки и острова, лежащіе въ предѣлахъ Ледовитаго океана. Молчаливые и пустынные, изрытые высокими, мрачными горами и пропастями, лишенные растительности, они какъ-бы застыли въ своемъ суровомъ первобытномъ величіи. При созерцаніи ихъ безжизненной природы человѣка охватываетъ такое же чувство, какъ при видѣ мертвеца, и онъ невольно отрѣшается отъ мелкихъ заботъ и волненій будничной жизни. Непорабощаемый внѣшними впечатлѣніями, умъ сосредоточивается въ самомъ себѣ, простота и громадность окружающихъ ландшафтовъ, полныхъ глубокаго покоя, пробуждаетъ въ душѣ чувство безконечнаго, и мысли, настроенныя на торжественный ладъ, обращаются къ тѣмъ высокимъ задачамъ о жизни и смерти, которыя останутся для насъ вѣчно неразгаданными...

Но когда-то и эти мертвыя земли имѣли свой разсвѣтъ, когда-то и въ нихъ жизнь била ключемъ. Изслѣдованія Геера надъ ископаемыми растеніями Гренландіи показали, что въ предпослѣднюю геологическую эпоху (міоценовую), промерзшая теперь насквозь почва этой страны была одѣта роскошною растительностью. Густые, темные лѣса секвой, похожихъ на нынѣшнія мамонтовыя деревья Калифорніи, вѣчно зеленыхъ дубовъ, каштановъ, бука, орѣшника и пр., покрывали ея холмы и горы, чередуясь съ рощами магнолій и другихъ растеній подтропической области. Тѣ же дубы, буки, платаны, кипарисы росли и на Шпицбергенѣ подъ широтою 78°—79°, тамъ, гдѣ нынѣ глазъ видитъ только мхи да ягели. Все это давнымъ-давно исчезло, и отъ прежней растительности остались одни окаменѣлые обломки и обширныя залежи каменнаго угля, находимаго въ разныхъ мѣстахъ полярныхъ земель.

Къ числу самыхъ пустынныхъ и дикихъ странъ глубокаго сѣвера принадлежитъ Земля Императора Франца-Іосифа, открытая недавно среди льдовъ Полярнаго моря послѣднею австро-венгерской экспедиціею. Она находится въ наиболѣе глухой области Сѣвернаго океана къ востоку отъ Шпицбергена, и тѣ части ея, которыя удалось осмотрѣть экспедиціи, простираются отъ 79° 50′ до 82° 5 сѣверной широты и отъ 50° до 62° восточной долготы отъ Гринича и по пространству равны

Шпицбергену. Кромѣ двухъ материковъ: восточнаго — Земли Вильчека и западнаго — Земли Зичи, раздѣленныхъ широкимъ проливомъ — Австрійскимъ Зундомъ, въ составъ Земли Франца-Іосифа входитъ еще множество островов.

Обыкновенную закраину береговъ образуютъ высокіе (болѣе 100 футовъ) обрывы ледниковъ, и громадные размѣры послѣднихъ указываютъ на значительное протяженіе самыхъ земель. Внутри страны, погребенной подъ вѣчными снѣгами, эти колоссальныя массы сѣро-зеленаго крупнозернистаго льда наполняютъ не только долины, но и разстилаются по склонамъ горъ, иногда достигая толщины нѣсколькихъ сотъ футовъ, какъ напримѣръ ледникъ Миддендорфа въ Землѣ Кронпринца Рудольфа. Смѣло возносятся къ небу изъ этихъ льдовъ коническія обледенѣлыя вершины разбросанныхъ горъ, подымаясь на 2000 — 3000, а въ юго-западныхъ частяхъ даже на 5000 футовъ. Преобладающую каменную породу составляетъ темнозеленый долеритъ, такой же, какъ въ Гренландіи и на Шпицбергенѣ, и это обстоятельство въ связи съ внѣшнимъ сходствомъ между Шпицбергеномъ, Землею Франца-Іосифа и промежуточными островами (Землею Джилиса и Землею Короля Карла) указываетъ на ихъ, такъ сказать, географическое родство. Въ пользу сдѣланнаго сейчасъ предположенія говоритъ и медленное поднятіе всѣхъ этихъ земель изъ нѣдръ моря, обнаруживающееся въ Землѣ Франца, Іосифа рядами террасъ по берегамъ Австрійскаго Зунда съ остатками ископаемыхъ раковинъ.

Кругъ около луны.

Если принять въ соображеніе, что средняя температура Земли Франца-Іосифа не превосходитъ — 13° Р., то станетъ понятной та скудная зачаточная растительность, которую производитъ эта страна. Нигдѣ не видно самаго небольшаго зеленаго коврика, и только кой-гдѣ торчатъ жалкія травки камнеломокъ (Saxifraga oppositofolia), роговика (Cerastium alpinum), мака (Papaver nudicale) и другихъ полярныхъ растеній (Catabrosa algida и Silene acaulis). Чаще попадаются мхи, преобладающими же являются ягели, которыхъ насчитали около одиннадцати видовъ и разновидностей. Наноснаго лѣса очень мало, и обломки его принадлежатъ преимущественно обыкновенной соснѣ (Pinus picea), происходящей, судя по толщинѣ годовыхъ наслоеній, изъ сибирскихъ лѣсовъ. Изъ сухопутныхъ млекопитающихъ здѣсь есть бѣлые медвѣди, полярныя лисицы и полярные зайцы, а изъ морскихъ — тюлени (Phoca barbata, Phoca groenlandica) и моржи, встрѣчающіеся впрочемъ очень рѣдко; китовъ, повидимому, нѣтъ. Что касается птицъ, то изъ нихъ въ Землѣ Франца-Іосифа водятся: снѣжныя совы (Strix nivea), исландскіе побережники (Tringa canuta), снѣжные подорожники (Plectrophanes

nivalis), гаги (Somateria mollissima), разныхъ видовъ чайки (Lestris, Larus glaucus, Larus eburneus, Rissa tridactyla), морскія ласточки (Sterna macrura), малемуки (Procelaria glacialis), чистики (Uria arra и Uria Mandtii) и др.

Какъ и слѣдовало ожидать, страна совершенно необитаема человѣкомъ, да едва ли даже эскимосы могли-бы жить въ ней, такъ какъ самыя сѣверныя ихъ поселенія встрѣчаются не далѣе 78° 20′ с. ш. (въ западной Гренландіи). Первыми людьми, ступившими на эту ледяную землю,

Мысъ Тироль въ Землѣ Франца-Іосифа.

были участники австро-венгерской экспедиціи 1872 — 1874 годовъ, странствованія которой составляютъ любопытную главу въ исторіи полярныхъ открытій, и мы разскажемъ о нихъ читателю, чтобы познакомить его съ жизнью людей, заброшенныхъ въ льды Сѣвернаго океана, и съ разнообразными картинами его могучей природы.

Въ концѣ шестидесятыхъ и началѣ семидесятыхъ годовъ въ Австро-Венгріи пробудился живой интересъ къ изученію полярныхъ странъ. Благодаря дѣятельной поддержкѣ императора Франца-Іосифа и пожертвованіямъ частныхъ лицъ, во главѣ которыхъ стоялъ графъ Вильчекъ, въ 1871 году въ Ледовитый океанъ отправилась небольшая предварительная экспедиція съ цѣлью изслѣдовать малоизвѣстное море между Шпицбергеномъ и Новою Землею, представлявшее, по мнѣнію нѣкоторыхъ, наиболѣе удобный путь для достиженія если не самаго полюса, то очень высокихъ широтъ. Послѣ этихъ предварительныхъ изысканій, подтверждавшихъ приведенное мнѣніе, приступили къ снаряженію большой экспедиціи въ море, лежащее на сѣверо-востокъ отъ Новой Земли, для обстоятельнаго его изученія. Къ лѣту 1872 года всѣ приготовленія были окончены, и двѣнадцатаго іюня 1872 года пароходъ «Тегеттгофъ» — судно экспедиціи — вышелъ изъ Бремергафена, унося съ собою въ далекія страны Сѣвера небольшую группу отважныхъ людей. Во главѣ экспедиціи были два моряка, Карлъ Вейпрехтъ и Юлій Пайеръ, уже и прежде не разъ доказавшіе свое искусство и опытность въ морскихъ путешествіяхъ. Первый изъ нихъ имѣлъ начальство надъ экспедиціей въ морѣ, второй долженъ былъ начальствовать во время странствій по сушѣ. Кромѣ того въ составъ экипажа вхо-

дили еще два офицера, Густавъ Брошъ и Эдуардъ Орель, затѣмъ врачъ Юлій Кепесъ, машинистъ Отто Кришъ и 17 человѣкъ команды. Въ Тромсе къ экспедиціи присоединился капитанъ Олафъ Карлсенъ, взятый на бортъ въ качествѣ гарпунщика и человѣка, знакомаго со льдами. Восемь сильныхъ и рослыхъ собакъ дополняли населеніе «Тегеттгофа».

По прибытіи въ Тромсе «Тегеттгофъ» разгрузился, и водолазы тщательно его осмотрѣли; неисправности, замѣченныя во время пути отъ Бремергафена, были устранены, запасы угля пополнены, однимъ словомъ—экипажъ принялъ окончательныя мѣры для успѣшнаго веденія борьбы съ могущественнымъ и неумолимымъ врагомъ — съ полярной природой, и въ субботу, 13-го іюля, экспедиція покинула берега Норвегіи.

Уже на одиннадцатый день по выходѣ въ океанъ она встрѣтила первыхъ вѣстниковъ грядущихъ опасностей — громадныя льдины, но и ранѣе быстрое пониженіе температуры и туманная погода указывали на близость льдовъ. Еще два дня плаванія — и лѣтняя природа Полярнаго моря во всемъ блескѣ предстала предъ глазами путешественниковъ. Колосальныя ледяныя глыбы усѣивали все видимое пространство моря и, мѣрно качаясь на волнахъ, плыли къ югу на встрѣчу своей смерти. Стаи чистиковъ носились надъ ледяными островами, усѣянными цѣлыми тысячами гагаръ и другихъ плавуновъ. Шумъ отъ паденія въ море каскадовъ талой воды, сбѣгавшей съ ледяныхъ выступовъ, гармонически сливался съ громкими криками птицъ въ одинъ радостный хоръ жизни, по временамъ заглушаемый трескомъ разлетавшихся въ обломки ледяныхъ горъ. Порой изъ волнъ показывалась умная голова тюленя или подымался китъ, и далеко въ воздухѣ разносилось его фырканье, похожее издали на тяжелые вздохи...

Столбовый мысъ въ землѣ Франца-Іосифа.

Съ каждымъ днемъ ледъ становился гуще и гуще, плаваніе дѣлалось болѣе затруднительнымъ и возможнымъ только при помощи пара, наконецъ у береговъ Новой Земли близъ Маточкина Шара ледъ сгустился до такой степени, что «Тегеттгофъ» совсѣмъ не могъ двинуться съ мѣста. Только чрезъ нѣсколько дней удалось судну выбраться въ болѣе свободную отъ льдовъ береговую воду и, постоянно лавируя, продолжать путь въ сѣверномъ направленіи. Вблизи острововъ Панкратьева экспедиція встрѣтила судно предварительной экспедиціи 1871 года

«Исбьернъ», которое съ графомъ Вильчекомъ шло отъ Шпицбергена къ Новой Землѣ, съ цѣлью устроить на мысѣ Нассау складъ жизненныхъ припасовъ для экипажа «Тегеттгофа» въ случаѣ, если-бы людямъ пришлось бросить судно и возвращаться въ Европу въ лодкахъ и саняхъ. Дальнѣйшій путь до острововъ Баренца, гдѣ было рѣшено сдѣлать складочный пунктъ, оба судна продолжали вмѣстѣ. Покончивъ дѣла и воспользовавшись благопріятнымъ измѣненіемъ въ состояніи льда, «Тегеттгофъ» разстался съ «Исбьерномъ» и быстро поплылъ къ сѣверу.

Напоръ льда.

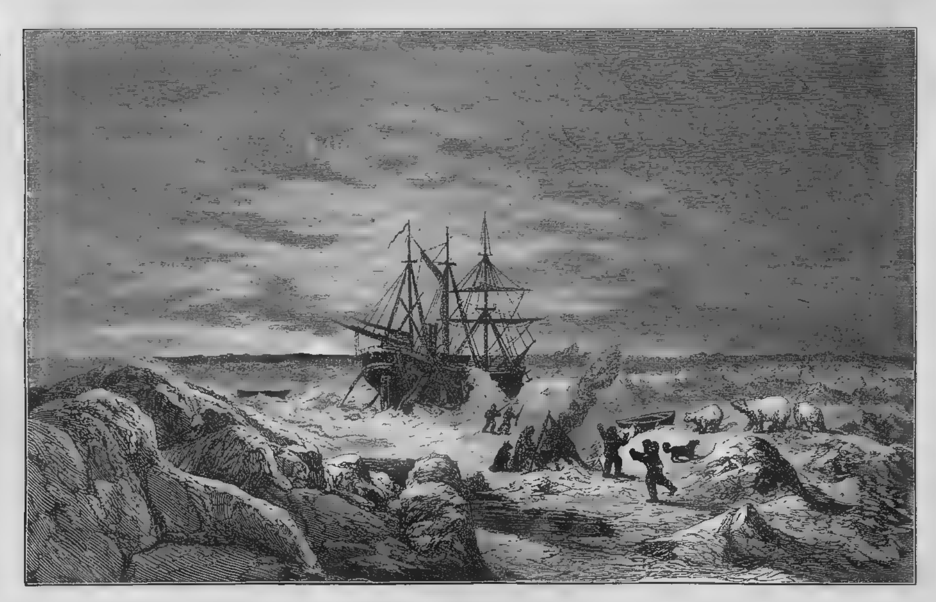
Надежда въ этомъ же году достичь моремъ Челюскина мыса скоро оказалась тщетной — ледъ сгущался болѣе и болѣе, и уже на другой день по оставленіи острововъ Баренца «Тегеттгофъ» наткнулся на такія ледяныя массы, которыя окончательно заграждали дальнѣйшій путь. Въ ожиданіи ихъ распаденія рѣшили прикрѣпиться къ льдинѣ. Но едва это было сдѣлано, какъ ледъ въ громадномъ количествѣ скопился вокругъ судна и скоро совсѣмъ его затеръ. Съ этого дня «Тегеттгофъ» сталъ постояннымъ плѣнникомъ льда, а для экипажа началась жизнь, полная тревогъ и лишеній — тяжелая жизнь тружениковъ Полярнаго моря и льдовъ.

Въ первое время плѣна экипажъ жилъ надеждой, что сильные вѣтры разломаютъ льдины, окружавшія «Тегеттгофъ». Сначала на это тѣмъ скорѣе можно было разсчитывать, что ледяныя массы, окружавшія судно, состояли изъ скопленія небольшихъ льдинъ. Но скоро пришлось отказаться отъ всякихъ надеждъ — низкая температура, штиль и обильные снѣга въ нѣсколько дней превратили разрозненные куски льда въ одну сплошную льдину, въ которую вкрѣпло и вмерзло судно. Попытки экипажа освободить «Тегеттгофъ» помощью пороха и распилки льда оказались безуспѣшными — взрывы не производили никакого дѣйствія, а каналы, которые люди съ страшными усиліями выпиливали во льду, быстро смерзались опять. Также безуспѣшной оказалась и попытка привести льдину въ движеніе или, покрайней мѣрѣ, заставить разойтись распиленныя ея части при помощи пара. Пришлось отдать себя на произволъ судьбы и плыть по волѣ вѣтровъ и теченій, медленно несшихъ льдину на сѣверо-востокъ вдоль береговъ Новой Земли, надъ тупыми горами которой и полными глетчеровъ долинами почти ежедневно сіяли ги-

гантскіе свѣтлые круги ложныхъ солнцъ — обычные вѣстники бурной погоды или сильныхъ снѣговъ.

Между тѣмъ полярная осень вступала въ свои права: дни замѣтно укоротились, солнце, заходя за темносиніе ряды отдаленныхъ ледяныхъ валовъ, съ каждымъ днемъ окрашивалось ярче и ярче въ алый цвѣтъ; по ночамъ заблистали сѣверныя сіянія. Печально и спокойно разстилалось передъ глазами безбрежное ледяное море, навѣвая на душу тоскливое чувство. По цѣлымъ часамъ ни одно живое существо не нарушало мертваго покоя засыпавшей природы. Только кой-когда взовьется надъ судномъ запоздавшая чайка и, быстро хлопая крыльями, какъ стрѣла мчится на югъ, покидая мрачное царство тѣней...

Хотя «Тегеттгофъ» крѣпко сидѣлъ во льду и пользовался, повидимому, всѣми удобствами зимней гавани, но положеніе его не было безопасно. Часто въ окрестностяхъ судна ледъ съ шумомъ лопался, и дѣлались обширныя полыньи; иногда замѣтно было качанье висячихъ лампъ въ каютахъ, а это указывало на движеніе во льдахъ. Наконецъ 13 октября льдина съ ужаснымъ трескомъ лопнула поперекъ судна, и начался тотъ страшный процессъ разрушенія ледяныхъ массъ, который извѣстенъ подъ именемъ напора льда. Грозно вздымались изъ снѣжныхъ равнинъ ледяныя горы, бѣшено лѣзли одна на другую, образуя громады въ нѣсколько десятковъ саженъ вышины; воздухъ дрожалъ отъ треска и грохота ломавшихся и сталкивавшихся между собою льдинъ, и шумъ по временамъ доходилъ до какого-то дикаго рева. Какъ въ землетрясеніи колебалась подъ ногами почва, угрожая каждую минуту разрушеніемъ; обломки льдинъ съ громомъ падали въ воду подъ судно и постепенно выпирали

Послѣдній восходъ солнца.

его изъ воды. «Тегеттгофъ», дрожа и треща, то подымался, то опускался и, вытѣсняемый мало-по-малу изъ воды, ложился на бокъ. Съ каждой минутой напоръ все усиливался, и скоро нигдѣ нельзя было найти ни одной цѣльной льдины. Люди стали думать о собственномъ спасеніи. Каждый одѣлся по походному и, захвативъ самыя необходимыя вещи, съ узломъ въ рукѣ трепетно ждалъ минуты, когда судно будетъ раздавлено льдами и въ утлыхъ лодкахъ придется

прокладывать дорогу среди этого ледянаго хаоса. Къ счастію для экипажа, напоръ мало-помалу началъ слабѣть, и послѣ 8-мичасовой борьбы и разрушенія во льдахъ наступило спокойствіе.

Съ этого роковаго дня напоры льда слѣдовали одинъ за другимъ чуть не ежедневно. Люди постоянно спали одѣтые и при всякомъ трескѣ выскакивали на палубу, чтобы лицомъ къ лицу

Зимній полдень.

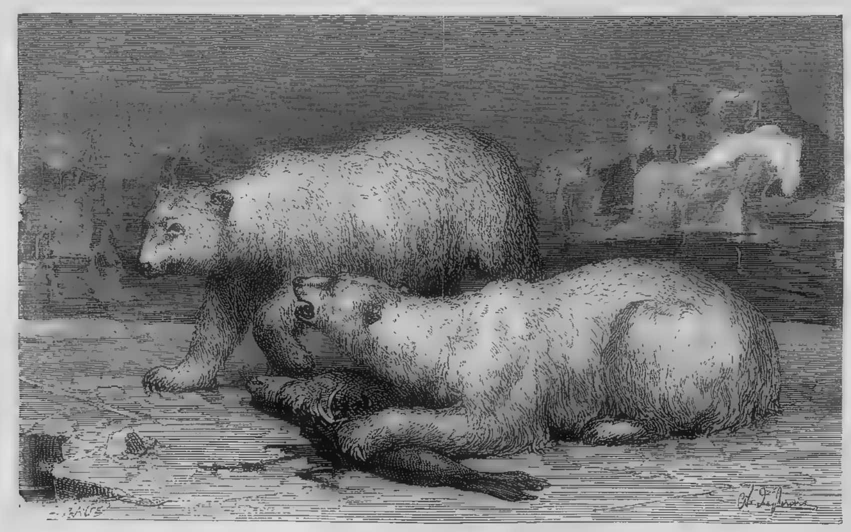
встрѣтить опасность. Тревожная жизнь сильно истомляла экипажъ, а между тѣмъ опасность положенія усиливалась, такъ какъ наступала зима, то есть страшные холода и непроглядная тьма въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Двадцать осьмаго октября въ послѣдній разъ взошло надъ горизонтомъ солнце, а уже въ началѣ ноября глубокій сумракъ окуталъ всю окрестность. Только въ южной части горизонта сквозь фіолетовую дымку морознаго пара виднѣлось еще нѣкоторое время карминно-красное сіяніе зари, но скоро исчезъ и этотъ слабый свѣтъ, и наступилъ совершенный мракъ: въ двухъ шагахъ нельзя было разглядѣть глазъ другаго человѣка, а въ пятидесяти едва различались самые толстые канаты судна. Великолѣпныя сѣверныя сіянія, случавшіяся ежедневно, нисколько не ослабляли темноты, и только луна, появленія которой экипажъ ждалъ какъ праздника, разгоняла густую тьму полярной ночи. Отчетливо рисовался тогда корабль на сѣроватомъ фонѣ неба: покрытый инеемъ, какъ бѣлое привидѣніе, простиралъ онъ свои мачты къ небу, а обмерзшіе канаты казались ледяными лучами и ярко сверкали при серебристомъ сіяніи луны всѣми переливами радуги.

Приготовленія, нужныя для зимовки, были сдѣланы. Марсы сняты, и только нѣсколько парусовъ оставлены, чтобы дать судну возможность двинуться въ случаѣ, если-бы оно освободилось отъ сковавшихъ его льдинъ. Переднюю часть палубы покрыли крышей, а въ задней сложили жизненные припасы, оружіе, палатки, сани и другое имущество. Высокій валъ изъ снѣга и льда, искусственно сдѣланный и постоянно поддерживаемый, окружалъ судно со всѣхъ сторонъ и предохранялъ его отъ снѣжныхъ заносовъ. Экипажъ размѣщался въ двухъ каютахъ: одной для офицеровъ, другой для команды. Главное неудобство, которое испытывали люди, состояло въ страшной сырости и обледенѣніи жилыхъ помѣщеній, вслѣдствіе быстрыхъ колебаній температуры. Чтобы судить о степени этого неудобства при зимовкахъ въ полярныхъ моряхъ, достаточно привести тотъ фактъ, что во время путешествія Парри изъ каютъ «Геклы» (судна экспедиціи) было выгребено въ теченіе четырехъ недѣль около ста центне-

ровъ льда, образовавшагося отъ дыханія людей, пара отъ кушаньевъ и влаги, приносимой на платьяхъ. Хотя на «Тегеттгофѣ», благодаря разнымъ предохранительнымъ мѣрамъ, сырость не достигала такихъ размѣровъ, но все-таки одѣяла по ночамъ примерзали къ стѣнкамъ корабля, а подъ койками дѣлались настоящіе ледники. При малѣйшемъ измѣненіи внѣшней температуры этотъ ледъ таялъ, и во всѣхъ углахъ сочилась вода. Увеличенію сырости способствовало неравномѣрное распредѣленіе тепла и колебанія температуры внутри жилыхъ помѣщеній. Среди каюты и на высотѣ человѣческаго роста обыкновенно бывало отъ 15 до 22° Р., у пола же температура едва доходила до 1° Р., а по ночамъ опускалась ниже нуля. При сильныхъ холодахъ температура въ каютѣ падала даже тогда, когда въ нее входили люди, постоявшіе нѣсколько времени на холодѣ. Одежда ихъ на 30—40-градусномъ морозѣ охлаждалась на столько, что иной разъ капля воды, случайно попавшая на нее, даже у самой печки моментально превращалась въ ледъ.

Жизнь экипажа тянулась однообразно. День, то есть условное время отъ пробужденія до отхода ко сну, — такъ какъ различія въ свѣтѣ между днемъ и ночью не существовало — былъ посвященъ научнымъ наблюденіямъ, занятіямъ по хозяйству, дрессировкѣ собакъ для санной ѣзды, наконецъ чтенію и письму. Для команды офицеры устроили школу и сообщали матросамъ первоначальныя свѣдѣнія изъ географіи. Обычныя развлеченія состояли изъ небольшихъ экскурсій по льду въ саняхъ, запряженныхъ собаками, но встрѣчи съ бѣлыми медвѣдями часто нарушали мирный характеръ этихъ прогулокъ.

Едва-ли какое-либо другое животное можетъ сравниться въ выносливости съ этимъ неутомимымъ бродягой полярныхъ странъ. Бѣлыхъ медвѣдей встрѣчали среди льдовъ въ громадныхъ разстояніяхъ отъ твердой земли почти лишенными жира и безъ малѣйшихъ слѣдовъ пищи въ

Бѣлые медвѣди.

желудкѣ. Не смотря на это, съ удивительною ловкостью перебѣгали они съ одной льдины на другую, постоянно нюхая воздухъ и ища добычи. Повидимому, существуетъ нѣсколько разновидностей бѣлаго медвѣдя, чѣмъ и можно объяснить противорѣчивые отзывы путешественниковъ объ ихъ характерѣ, величинѣ и пр. Медвѣди, попадавшіеся экспедиціи, имѣли въ длину отъ 5 до 8¼ футовъ и не отличались такою кровожадностью, какъ ихъ гренландскіе сородичи, которые кромѣ того обладаютъ большой силою и величиной (7 — 10 ф.).

Во все время путешествія экипажемъ было застрѣлено 67 бѣлыхъ медвѣдей, большею частью съ палубы судна. Обыкновенно человѣкъ, стоявшій на вахтѣ, при приближеніи медвѣдя давалъ знать о томъ въ каюты, стуча ногами о палубу. Услышавъ знакомый сигналъ, каждый спѣшилъ къ складу ружей, чтобы поскорѣй захватить лучшую винтовку, такъ какъ собственное оружіе имѣли только Вейпрехтъ и Пайеръ. Тотъ, кому посчастливилось достать ружье, бѣжалъ на палубу и, осторожно крадучись, затаивъ дыханіе, искалъ для себя удобнаго мѣста. Если медвѣдь находился въ разстояніи не больше 80 шаговъ, то одинъ изъ лучшихъ стрѣлковъ давалъ выстрѣлъ, его примѣру слѣдовали остальные. Въ большинствѣ случаевъ удавалось убить медвѣдя съ одного выстрѣла; если-же звѣрь бывалъ только раненъ первымъ выстрѣломъ, то онъ часто убѣгалъ, не смотря на продолженіе стрѣльбы. Иногда люди принимались преслѣдовать ранenаго медвѣдя, и тогда охота становилась опаснѣе. Однажды медвѣдь, приблизившись очень близко къ судну, былъ сильно раненъ въ грудь и въ переднія лапы; онъ упалъ и съ рычаньемъ покатился по снѣгу. Нѣсколько человѣкъ побѣжали за нимъ. Раненый опять Пайеромъ на самомъ близкомъ разстояніи, медвѣдь бросился на него, не смотря на то, что могъ двигаться только при помощи заднихъ ногъ. Прицѣлившись, Пайеръ опустилъ курокъ еще разъ, но ружье дало осѣчку. Кидаясь изъ стороны въ сторону, онъ старался перезарядить ружье, но медвѣдь такъ быстро наступалъ, что едва не настигъ его, и уже другіе убили наконецъ разсвирѣпѣвшаго звѣря.

Въ началѣ своихъ странствованій экипажъ не рѣшался ѣсть мясо бѣлыхъ медвѣдей и его бросали собакамъ, но впослѣдствіи нужда заставила и людей обратиться къ этой пищѣ. Случалось даже, особенно когда недостатокъ въ свѣжей провизіи становился чувствительнымъ, что экипажъ для привлеченія звѣрей пускался на хитрости и жарилъ на открытомъ воздухѣ сало; распространяющійся при этомъ запахъ очень любимъ медвѣдями, которые шли на него изъ очень отдаленныхъ мѣстъ и часто дѣлались жертвами своего аппетита. Убитаго медвѣдя сейчасъ-же разрѣзывали. Легкія и четыре окорока шли на общій столъ, мозгъ предназначался для офицеровъ, затѣмъ языкъ давался доктору, сердце повару, а позвоночный столбъ и ребра собакамъ; печень, какъ вредную для здоровья, бросали въ воду.

Между тѣмъ прошли рождественскіе праздники, прошелъ и новый годъ. «Тегеттгофъ» съ своей льдиной попрежнему двигался на сѣверо-востокъ и къ концу зимы углубился на 400 миль внутрь Полярнаго моря. Движеніе его становилось тѣмъ медленнѣе, чѣмъ сильнѣе дѣлались морозы и чѣмъ далѣе онъ вступалъ въ область сибирскихъ льдовъ, идущихъ отъ востока къ западу. Сильные напоры льда повторялись безпрестанно. Въ теченіе декабря, января и февраля мѣсяцевъ они случились 41 разъ, то есть среднимъ числомъ по одному напору въ два дня, не говоря уже о менѣе значительныхъ движеніяхъ ледяныхъ массъ, бывавшихъ ежедневно. Но никакихъ благопріятныхъ измѣненій въ положеніи льда не происходило, и надежду на освобожденіе экипажъ отложилъ до возвращенія солнца, которое одно только могло разрушить это необъятное скопленіе льдовъ.

Мало-по-малу начали обнаруживаться признаки наступленія свѣта. Въ исходѣ первой половины января при ясномъ небѣ можно было замѣтить нѣкоторое уменьшеніе темноты около полудня; немного времени спустя на южномъ горизонтѣ появилось въ полдень красноватое зарево, а въ концѣ января это зарево стало обнаруживаться уже за нѣсколько часовъ до полудня. Къ половинѣ февраля посвѣтлѣло настолько, что ледяныя скалы начали отбрасывать тѣни. Наконецъ 16 февраля надъ ледяной равниной въ первый разъ взошло солнце и освѣтило окрестность своими пурпуровыми лучами. Въ нѣмомъ восторгѣ стояли люди, взирая на дневное свѣтило, которое приносило давно желанныя блага — свѣтъ и тепло.

Только нѣсколько минутъ пробыло солнце надъ горизонтомъ и снова погрузилось въ море, озаривъ даль темнофіолетовымъ свѣтомъ. И опять, мерцая, засіяли звѣзды на сумрачномъ небѣ...

Вмѣстѣ съ солнцемъ вернулось и веселое расположеніе духа у людей. Подъ его благодѣтельнымъ вліяніемъ стала исчезать глубокая блѣдность осунувшихся и исхудалыхъ лицъ, и они

скоро опять покрылись темнымъ загаромъ. Уже 10 марта розоватое сіяніе зари всю ночь виднѣлось на горизонтѣ, и въ полночь было такъ же свѣтло, какъ въ декабрскій полдень. Процессъ таянія быстро развивался. Снѣжные наносы стали пріобрѣтать матовый блескъ; отовсюду свѣшивались ледяныя сосульки, небольшія лавины падали съ такелажа, и снасти мало-по-малу теряли свою бѣлую опушку; скоро и корпусъ судна обнажился отъ снѣга. Въ концѣ марта появились первыя птицы — небольшія гагары. Но все-таки температура въ тѣни была очень низка (въ мартѣ —25°, въ апрѣлѣ — 15° и въ маѣ — 7° Р.) и окрестности судна въ самыхъ мельчайшихъ подробностяхъ сохраняли свой прежній видъ.

Къ концу апрѣля сильные вѣтры нѣсколько раздвинули ледъ, и темныя полосы надъ горизонтомъ указывали на образованіе полыней, хотя ихъ и нельзя было видѣть даже съ верхушекъ мачтъ. Близокъ казался желанный часъ освобожденія, и сердца сильнѣе бились надеждой. Даже случившійся въ началѣ мая напоръ льда не наполнялъ душу ужасомъ какъ прежде, а еще болѣе усилилъ радостныя ожиданія.

Полярное лѣто разгоралось болѣе и болѣе; переполненная паромъ душная атмосфера заволакивала небо тучами, чрезъ которыя порой пробивались яркіе лучи солнца. Стаи чаекъ съ крикомъ носились въ воздухѣ или копошились на ледяныхъ берегахъ полыней. Ледяныя горы и валы быстро таяли. Въ половинѣ іюня въ первый разъ выпалъ дождь и температура достигла до + 4° Р. Въ ясные лѣтніе дни воздухъ былъ просто переполненъ свѣтомъ. Трудно представить себѣ, какимъ сильнымъ блескомъ горятъ при солнечномъ освѣщеніи холодныя ледяныя поля, отдаленные края которыхъ колеблются въ дрожащемъ воздухѣ и вслѣдствіе рефракціи постоянно мѣняютъ очертанія. Иногда въ нѣсколько часовъ глаза поражаются снѣжной слѣпотой, а кожа буквально опаляется. Море, напротивъ того, въ небольшомъ отдаленіи кажется совершенно чернымъ, и даже чистое голубое небо можно назвать темнымъ въ сравненіи съ ослѣпительной бѣлизной льда. Къ концу іюня процессъ таянія достигъ полнаго развитія. Съ верхней поверхности ледъ постоянно испарялся и исчезалъ, тогда какъ на нижней онъ почти совсѣмъ не таялъ. Вода просачивалась вездѣ и, журча, стекала въ разсѣлины льда; на поверхности его повсюду виднѣлись зеленыя озерки, окруженныя снѣговыми болотами.

Въ продолженіе мая, іюня, іюля и августа мѣсяцевъ весь экипажъ, за исключеніемъ только больныхъ и повара, до изнеможенія трудился, раскапывая, пиля и взрывая ледъ, съ цѣлью освободить судно. Раскопку льда оказалось возможнымъ производить только съ одной стороны; съ другой же ледъ былъ такъ толстъ, что пришлось отказаться отъ работы. Пилка и взрывы, какъ и въ прошломъ году, приносили мало пользы. Несмотря на всѣ старанія, экипажу не удалось соединить каналомъ выкопанныя вокругъ судна 22 отверстія, и хотя «Тегеттгофъ,» вслѣдствіе таянія льда, мало-по-малу опускался, такъ что къ концу лѣта только на 2 — 3 фута стоялъ выше чѣмъ обыкновенно, тѣмъ не менѣе льды крѣпко держали его въ своихъ объятіяхъ.

По цѣлымъ недѣлямъ ждали люди образованія полыней въ окрестностяхъ судна, но онѣ не появлялись. Въ напрасныхъ ожиданіяхъ прошли іюль и августъ мѣсяцы. Лѣто приближалось къ исходу, теплота воздуха стала мало-по-малу исчезать, а съ нею и надежды экипажа. Погруженные въ печальныя думы, стояли люди 30 августа 1873 года на палубѣ «Тегеттгофа» и пристально смотрѣли въ волнистый туманъ, чрезъ который время отъ времени пробивался яркій лучъ солнца. Вдругъ сквозь дымку тумана на сѣверо-западѣ показался рядъ суровыхъ скалъ, и въ нѣсколько минутъ взорамъ открылась бѣлоснѣжная альпійская страна. Какъ очарованные стояли люди, не вѣря собственнымъ глазамъ, но скоро дѣйствительность взяла верхъ, и радостные крики: «земля, земля!» огласили воздухъ. Даже больные повскакали съ постелей и бросились на палубу, чтобы собственными глазами убѣдиться въ вѣрности извѣстія. Въ неудержимомъ порывѣ побѣжали люди къ землѣ, не взирая на опасность быть отрѣзанными отъ судна и погибнуть во льдахъ. Достигнувъ края льдины, въ радостномъ изумленіи созерцали они горы, пропасти и глетчеры невѣдомой земли, рисовавшейся въ отдаленіи...

Возвращеніе къ материку.

Съ этого дня таинственная земля, названная Землей Императора Франца-Іосифа, стала постоянною темою разговоровъ экипажа. Въ началѣ сентября вѣтры еще болѣе приблизили судно къ землѣ и оно достигло широты 79° 58′ — наивысшей, до которой удалось ему дойти. Отсюда въ разстояніи 12 миль виднѣлась группа острововъ. Нѣкоторые смѣльчаки сдѣлали попытку однимъ форсированнымъ переходомъ добраться до нихъ. Но едва была пройдена половина пути, какъ густой туманъ скрылъ землю изъ виду, и люди принуждены были пуститься въ обратный путь. Усталые и измученные, вернулись они наконецъ на корабль.

Лунная ночь во льдахъ.

25 августа въ первый разъ въ полночь зашло солнце, и этимъ событіемъ возвѣстилось наступленіе осени. Начались довольно сильные морозы, хотя все-таки температура была гораздо выше, чѣмъ въ прошломъ году. Сильные снѣга снова одѣли окрестность въ бѣлый покровъ зимы, и судно завалило сугробами. Птицы становились рѣже, гагары и морскіе попугаи уже исчезли, только чайки разныхъ родовъ еще попадались. Въ октябрѣ поднялись сѣверные вѣтры, которые погнали судно къ западу и югу. Вслѣдствіе столкновеній съ недвижными подводными барьерами твердой земли, льдина «Тегеттгофа» постепенно разрушалась, и для экипажа опять начались тревожные дни ледяныхъ напоровъ. Среди треска и грохота ломающихся льдинъ «Тегеттгофъ» то приближался, то удалялся отъ берега твердой земли. Наконецъ его льдину затерло и притомъ такъ близко отъ берега, что явилась возможность попытаться достичь земли безъ большихъ опасностей. Перваго ноября нѣсколько человѣкъ отправились къ землѣ. Быстро прошли они примыкавшее непосредственно къ кораблю изрытое и изборожденное ледяное поле, затѣмъ небольшую полосу гладкаго береговаго льда и наконецъ ступили на эту загадочную землю — на островъ, названный ими островомъ Вильчека. Въ неописанной радости заглядывали люди въ каждую расщелину скалы, брали въ руки каждый попадавшійся камешекъ и восхищались всякимъ открывавшимся передъ ними ландшафтомъ. Собаки раздѣляли ихъ радость и съ громкимъ лаемъ прыгали съ камня на камень, со скалы на скалу. Скудная ягелевая растительность только кое-гдѣ покрывала долеритовыя скалы, нигдѣ не было видно плавника (лѣсъ прибиваемый моремъ къ берегамъ), не замѣчалось также слѣдовъ оленей, лисицъ или какихъ-либо другихъ животныхъ. На

другой день была сдѣлана опять экскурсія на островъ, и затѣмъ онѣ начались часто. Отважиться на продолжительное путешествіе внутрь страны въ зимнюю темь было слишкомъ рискованно. Пришлось отложить до будущей весны подробное изслѣдованіе открытыхъ земель и съ замираніемъ сердца ждать ея наступленія, постоянно опасаясь, что вотъ, не нынче завтра, вѣтры отнесутъ въ море корабль и вырвутъ изъ рукъ награду столькихъ страданій.

Вторая зима прошла не столь тревожно, какъ первая. Напоровъ льда не случалось, и хотя уединеніе и отсутствіе свѣта производили гнетущее вліяніе, но бодрое настроеніе экипажа поддерживалось надеждой съ наступленіемъ весны проникнуть въ открытую землю и затѣмъ со славою вернуться въ Европу.

Къ веснѣ продолжительное пребываніе въ суровомъ климатѣ, постоянныя лишенія и тревоги, дурныя гигіеническія условія жизни значительно ухудшили здоровье экипажа. Изъ 24 человѣкъ 7 сильно страдали отъ разныхъ болѣзней, преимущественно отъ скорбута, а машинистъ Кришъ, въ добавокъ къ скорбуту, имѣлъ общій туберкулёзъ и находился въ безнадежномъ состояніи. Болѣзненное состояніе людей, недостатокъ жизненныхъ припасовъ и безвыходное положеніе корабля заставили Пайера и Вейпрехта принять рѣшеніе, по окончаніи изслѣдованія вновь открытыхъ странъ, бросить судно и въ концѣ мая двинуться въ обратный путь — по льдинамъ въ саняхъ, а по открытой водѣ — въ лодкахъ. Но прежде, во что бы то ни стало, надо было посѣтить землю, и въ средѣ экипажа не нашлось ни одного человѣка, который ради этой цѣли не пожелалъ бы перенести новыя лишенія. Было рѣшено, въ половинѣ марта начать, подъ руководствомъ Пайера, санныя экскурсіи внутрь страны и употребить на нихъ отъ шести до семи недѣль. Продолжительность каждой экскурсіи не назначалась заранѣе, чтобы не тревожить остающихся на суднѣ и не возбуждать напрасныхъ поисковъ, въ случаѣ невозвращенія уѣхавшихъ въ срокъ. Если бы послѣдніе не нашли судна на мѣстѣ, то должны были постараться сами вернуться въ Европу или въ крайнемъ случаѣ перезимовать еще разъ, для чего на твердой землѣ предполагалось устроить для нихъ складъ жизненныхъ припасовъ.

Когда наконецъ послѣ 125-ти дневнаго отсутствія снова заблистало солнце, на кораблѣ началась горячая дѣятельность, и въ нѣсколько дней всѣ приготовленія къ сухопутному путешествію были окончены. Люди съ нетерпѣніемъ ждали начала экскурсій, и каждый, не смотря на всѣ трудности и опасности путешествія, желалъ принять въ нихъ участіе. Бодрое и веселое настроеніе поддерживалось и увеличеніемъ матеріальнаго довольства, такъ какъ, въ виду скораго возвращенія въ Европу, прежняя бережливость въ расходованіи припасовъ была оставлена, и людямъ стали раздавать находившіеся на лицо запасы вина, табаку и овощей.

Только одно печальное событіе готовилось нарушить общую радость — дни машиниста Криша были сочтены. Болѣзнь его съ начала февраля стала быстро развиваться; въ первыхъ числахъ марта онъ впалъ въ безпамятство; только раздирающіе душу стоны и хрипы, раздававшіеся по временамъ, указывали, что жизнь еще теплилась въ умирающемъ тѣлѣ. Наконецъ 16-го марта Криша не стало, а 19-го въ снѣжную мятель, при 20-ти градусномъ морозѣ, бренные его останки были опущены на островѣ Вильчека въ расщелину между скалами и завалены камнями. Скоро снѣгъ окуталъ бѣлымъ саваномъ его могилу, и только простой деревянный крестъ указывалъ на мѣсто вѣчнаго успокоенія безкорыстнаго труженика.

Первая санная экспедиція въ составѣ семи человѣкъ и трехъ собакъ оставила корабль утромъ 10 марта. Ближайшей цѣлью ея было оріентированіе въ неизвѣстной странѣ, рекогносцировка путей для дальнѣйшихъ экскурсій, наконецъ восхожденіе на тѣ высокія горы, оконечность которыхъ, вдававшаяся въ море и впервые замѣченная съ судна, получила названіе «Мысъ Тегеттгофъ». Дѣлая по 100 шаговъ въ минуту, благодаря незначительной нагрузкѣ саней и хорошей дорогѣ, путники быстро добрались до острова Вильчека. Переночевавъ на берегу, они на другой день пошли далѣе. Путешествіе по неровнымъ льдинамъ было очень тяжело: сани приходилось часто разгружать, чтобы встаскивать на ледяные бугры; собаки, еще не вполнѣ

пріученныя къ упряжи, постоянно изъ нея выскакивали, наконецъ въ довершеніе бѣдъ поднялся туманъ, до того густой, что дорогу можно было продолжать только съ помощью компаса, провѣряя направленіе чрезъ каждые 30—40 шаговъ, причемъ почти всегда оказывалось уклоненіе въ 20—30°, а иногда даже въ 90°. Падавшій снѣгъ дѣлалъ воздухъ еще болѣе непрозрачнымъ. Вдругъ въ самомъ небольшомъ разстояніи показался медвѣдь, которому туманъ придавалъ размѣры какого-то чудовища. Люди схватились за оружіе, впопыхахъ кто-то выстрѣлилъ, и

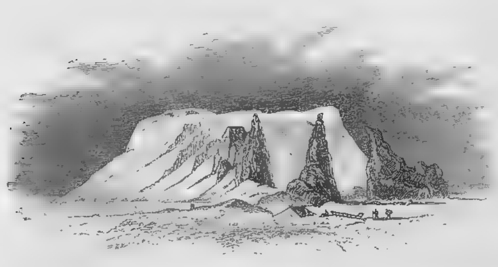
Вьюга во льдахъ.

медвѣдь исчезъ. Въ полдень для отдыха была разставлена на 1 — 2 часа палатка, что во время санныхъ экскурсій дѣлалось регулярно каждый день. Послѣ завтрака люди двинулись въ дальнѣйшій путь, но едва прошли нѣсколько миль, какъ поднялась сильнѣйшая снѣжная вьюга. Опять показался медвѣдь; онъ появлялся то спереди, то сзади, то сбоку саней, постоянно кружась вокругъ нихъ. Наконецъ его удалось таки убить и приобрѣсть на дорогу свѣжаго мяса.

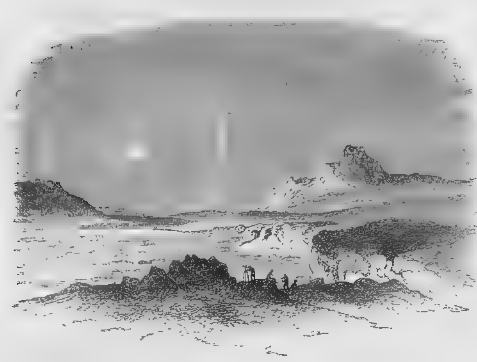
Охота на медвѣдей во время санныхъ путешествій велась обыкновенно такимъ образомъ: одинъ изъ людей выходилъ впередъ и на разстояніи шаговъ тридцати бросалъ въ снѣгъ перчатку съ кускомъ хлѣба. Изъ остальныхъ, двое или трое, поставивъ сани поперекъ къ направленію движенія медвѣдя и облокотившись на нихъ, съ ружьями въ рукахъ, ждали звѣря, который, замѣтивъ людей, обыкновенно прямо шелъ на нихъ. Когда онъ останавливался у того мѣста, гдѣ лежала перчатка, раздавались выстрѣлы, и почти всегда медвѣдь падалъ мертвымъ. Собакъ, на время охоты, прикрывъ парусомъ, помѣщали позади саней.

На другой день вьюга усилилась еще болѣе и температура упала до — 26° Р. Тяжелыя паровыя массы покрывали небо, только кой-гдѣ пробивался свѣтъ. Вѣтеръ съ воемъ крутилъ цѣлыя облака снѣжной пыли, сіявшія красноватымъ отблескомъ. Милліарды блестящихъ снѣжинокъ носились въ воздухѣ и какъ иголки вонзались въ лицо. Идти впередъ было неимовѣрно трудно, но путешествіе продолжалось, хотя и не осталось безъ послѣдствій—почти у всѣхъ обмерзли носы. Мало-по-малу вѣтеръ сталъ слабѣть и къ вечеру совсѣмъ стихъ.

Прямо передъ путниками возвышались крутизны мыса Тегеттгофа, отъ вершины котораго спускался къ востоку рядъ базальтовыхъ скалъ и оканчивался двумя высокими (около 200 футовъ) столбами. У подошвы мыса экспедиція переночевала. Холодъ ночью былъ такъ силенъ, что въ общемъ спальномъ мѣшкѣ люди дрожали, какъ въ лихорадкѣ. Утромъ температура упала до — 35° Р. по спиртовому термометру, такъ какъ ртуть замерзла. Дорога была очень трудна и, напрягая всѣ силы, люди едва тащили сани по крупнымъ и твердымъ какъ камень кристалламъ снѣга. Для облегченія работы полозья облили водой, и образовавшаяся на нихъ ледяная кора значительно уменьшила треніе, но черезъ часъ стерлась и тянуть сдѣлалось опять трудно. Къ полудню достигли узкаго и глубоко вдающагося въ землю залива Норденшельдъ-фіорда, въ который спускался громадный ледникъ — глетчеръ Сонклара. Съ стоящей близъ залива высокой горы путешественники увидали къ востоку группу острововъ, а за ними обширную землю, изрѣзанную высокими горами. Въ слѣдующую ночь температура опустилась до — 37° Р. Только очень горячимъ и крѣпкимъ грогомъ люди могли нѣсколько согрѣть себя. Утромъ, кроваво-красное, съ неясно очерченными краями солнце озарило розовымъ свѣтомъ отдаленныя вершины горъ. По мѣрѣ поднятія свѣтила надъ горизонтомъ, этотъ чудный свѣтъ спускался все ниже и ниже, и когда наконецъ солнце ярко заблистало на небѣ, вся окрестность запылала, какъ въ огнѣ. Температура дошла до — 40° Р., наименьшей величины, которую удалось наблюдать Пайеру въ продолженіе трехъ его полярныхъ путешествій. При такомъ сильномъ холодѣ ромъ сдѣлался густъ, какъ сало, и на вкусъ потерялъ всю свою крѣпость, хлѣбъ нельзя было ѣсть — до того онъ сталъ твердъ, куреніе табаку превратилось просто въ наказаніе, потому что длинныя сосульки, образовавшіяся на бородахъ, постоянно гасили огонь, и сигары, какъ только ихъ вынимали изо рта, сейчасъ же замерзали. Даже медальоны, которые нѣкоторые изъ людей носили у себя на груди, охладились настолько, что производили ощущеніе раскаленнаго желѣза. Вечеромъ экспедиція отправилась въ обратный путь. Всю дорогу стояла крайне низкая температура, и люди полуживыми добрались 15 марта до судна.

Мысъ Тегеттгофъ.

Ледникъ Зонклара.

Послѣ этой небольшой экскурсіи стали готовиться къ продолжительному путешествію, съ цѣлью какъ можно далѣе проникнуть на сѣверъ и подробно изслѣдовать открытыя земли. Это путешествіе должно было тянуться по крайней мѣрѣ мѣсяцъ, въ теченіе котораго вѣтры могли разогнать льдины и отнести корабль, тѣмъ болѣе, что у береговъ они уже взломали ледъ, а потому Пайеръ, избравъ изъ экипажа самыхъ смѣлыхъ и сильныхъ людей, изложилъ имъ какъ цѣль путешествія, такъ и его опасности. Онъ обѣщалъ заплатить 1,000 гульденовъ, если будетъ пройденъ 81° с. ш., а если удастся достигнуть 82° с. ш., то премія увеличивалась до 2,500 гульденовъ. Люди не должны были говорить о денежной наградѣ остальной части экипажа, и не роптать, если по возвращеніи окажется, что корабль унесенъ отъ берега.

Нагрузивъ двое саней — однѣ большія, другія маленькія для собакъ — почти 100 центнерами разныхъ припасовъ и вещей, экспедиція 26 марта отправилась въ путь. Первые дни путешествія были жестокія мятели, порой усиливавшіяся до настоящей бури. Температура постоянно колебалась, и отъ — 3° Р. доходила до — 24° Р. Холодъ, сырость и сильный вѣтеръ очень затрудняли путешествіе, но люди бодро подвигались впередъ. Съ высокихъ горъ они скоро уви-

Мысъ Флигели.

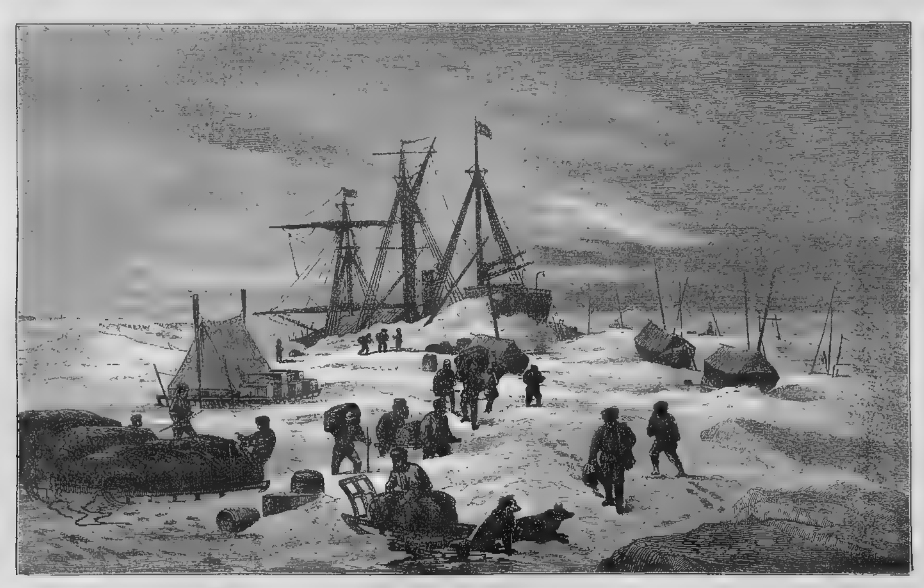
дѣли широкій проходъ — Австрійскій Зундъ, тянувшійся между большими материками прямо къ сѣверу и усѣянный громадными ледяными горами. Его можно было прослѣдить на очень большое разстояніе, такъ что являлась возможность достигнуть 81° с. ш. Путь стали держать на высокую гору — мысъ Тироль, которая въ слабыхъ очертаніяхъ рисовалась на самомъ сѣверномъ концѣ прохода. 2-го апрѣля былъ пройденъ 81° с. ш., а 3-го апрѣля экспедиція достигла мыса Тироль и затѣмъ вступила въ боковой рукавъ Австрійскаго Зунда — проливъ Раулинсона. Но скоро пришлось отказаться продолжать путь по этому проливу: поверхность его до того была изрыта, что люди едва могли тащить сани и постоянно сбивались съ пути.

Продолжительное и трудное путешествіе очень утомило людей. У мыса Шреттера (на островѣ Гогенлое) Пайеръ оставилъ наиболѣе усталыхъ и, приказавъ дожидаться его двѣ недѣли, самъ въ сопровожденіи Ореля и еще одного матроса пошелъ далѣе къ сѣверу черезъ Землю Кронпринца Рудольфа. Но едва путники ступили на эту землю, какъ снѣгъ подъ ногами осѣлъ, и матросъ Заниновичъ вмѣстѣ съ санями и собаками провалился въ разщелину ледника. Къ счастію, сани зацѣпились въ пропасти за одинъ изъ ледяныхъ выступовъ и остановились на глубинѣ 30 футовъ, притянувъ при своемъ паденіи къ краю разщелины Пайера. Орель, находившійся въ это время нѣсколько въ сторонѣ, прибѣжалъ къ мѣсту катастрофы. При помощи поданнаго имъ ножа Пайеръ перерѣзалъ на груди веревку и поднялся на ноги. Крикнувъ Заниновичу, чтобы тотъ постарался какъ нибудь переждать нѣсколько часовъ, Пайеръ и Орель побѣжали за помощью къ своимъ товарищамъ, оставшимся у мыса Шреттера. Черезъ четыре съ половиною часа они вернулись съ людьми, и полуживой и окостенѣвшій отъ холода За-

ниновичъ былъ наконецъ вытащенъ изъ пропасти. Послѣ того вытащили собакъ, а затѣмъ и сани съ вещами, оказавшимися въ цѣлости.

Это приключеніе, которое могло имѣть весьма печальныя послѣдствія, на цѣлый день замедлило путешествіе. На другое утро Пайеръ, Орель и Заниновичъ двинулись дальше вдоль береговъ Земли Кронпринца Рудольфа по тонкому и молодому льду. Такъ какъ ледъ имѣлъ въ толщину только около $^3/_4$ дюйма, то люди привязались къ веревкѣ и попеременно одинъ изъ нихъ шелъ впереди и зондировалъ его крѣпость. Къ вечеру достигли они Столбоваго мыса и недалеко отъ него, въ расщелинѣ ледника провели ночь. Къ вечеру слѣдующаго дня экспедиція достигла мыса Флигели, въ широтѣ 82° 5′, и здѣсь рѣшено было окончить путешествіе въ виду затруднительности дороги и недостатка съѣстныхъ припасовъ. Съ вершины мыса виднѣлись горы отдаленныхъ земель — Земли Короля Оскара и Земли Петермана, тянувшихся далеко на сѣверъ и оканчивавшихся уже за 83° с. ш. у самаго горизонта высокимъ выступомъ—мысомъ Вѣна. Передъ отправленіемъ въ обратный путь на скалѣ былъ водруженъ австро-венгерскій флагъ и оставленъ въ бутылкѣ документъ слѣдующаго содержанія:

«Участники австро-венгерской экспедиціи къ сѣверному полюсу достигли здѣсь на широтѣ 82° 5′ своего крайняго пункта послѣ семнадцатидневнаго путешествія отъ корабля, затертаго льдами въ широтѣ 79° 50′. Они видѣли открытую воду на незначительномъ протяженіи вдоль береговъ. Она была окружена льдомъ, тянувшимся въ направленіи къ сѣверу и сѣверо-западу до твердой земли, среднее разстояніе которой составляло около 60 — 70 миль. Топографія и конфигурація этой земли не могли быть опредѣлены. Возвратившись на корабль и собравшись съ силами, экипажъ оставитъ его и направится въ Австро-Венгрію. Къ этому принуждаетъ безпо-

Оставленіе судна.

мощное положеніе судна и болѣзни. Мысъ Флигели, 12 апрѣля 1874 г. Командиръ Пайеръ, мичманъ Орель, матросъ Заниновичъ.»

Опасенія, что ледъ скоро розойдется, заставили людей какъ можно скорѣе двигаться обратно къ кораблю, который отъ мыса Флигели находился въ разстояніи 160 миль. Чтобы ускорить свое движеніе, люди побросали нѣкоторыя вещи и, оставивъ только самое необходимое, быстро

пошли впередъ. На шестой день пути, когда уже двѣ трети дороги были пройдены, люди замѣтили, что снѣгъ подъ ногами осѣдаетъ. Съ каждымъ шагомъ впередъ снѣгъ становился мягче, люди начали вязнуть, а въ болѣе низкихъ мѣстахъ показалась вода. Наконецъ, послѣ того какъ одинъ изъ шедшихъ впереди матросовъ совсѣмъ провалился и едва былъ вытащенъ изъ снѣга, не оставалось никакого сомнѣнія, что ледъ треснулъ и вода моря выступила на его поверхность. Положеніе путниковъ становилось опаснымъ. Кое-какъ выбравшись на болѣе твердую почву, люди продолжали путь, ласкная себя надеждой, что быть можетъ опасность миновала. Но каковъ былъ ихъ ужасъ, когда чрезъ нѣсколько времени они услышали грохотъ ледянаго напора и шумъ буруна, а затѣмъ увидѣли открытое волнующееся море, усѣянное ледяными горами. Единственное средство спасенія состояло въ томъ, чтобы какъ нибудь обойти воду. Густые пары окутывали западную сторону горизонта, изобличая и тамъ открытое море. Поэтому люди пошли на востокъ къ землѣ Вильчека. Въ довершеніе опасности сгустился туманъ и поднялся сильный вѣтеръ, скоро превратившійся въ настоящую снѣжную бурю. Послѣ семичасовой непрерывной ходьбы достигли путники твердой земли, свободной отъ льда, и легли спать, не утоливъ мучившаго ихъ голода, такъ какъ въ своемъ критическомъ положеніи боялись истратить лишній кусокъ хлѣба. На другой день двинулись они дальше и, сдѣлавъ длинный крюкъ, выбрались наконецъ въ безопасное мѣсто.

Перевозка тяжестей черезъ ледяные бугры.

Дальнѣйшій путь совершался благополучно, но люди едва тащились отъ утомленія. Когда они приблизились къ кораблю на разстояніе 25 миль, Пайеръ отправился впередъ, чтобы узнать, стоитъ ли судно на прежнемъ мѣстѣ. Дойдя до острова Вильчека, онъ съ замираніемъ сердца сталъ карабкаться на вершину Органнаго мыса (Orgel-Cap) для осмотра окрестности. Долго ничего онъ не видѣлъ кромѣ безконечнаго ледянаго поля, наконецъ поднявшись почти на самую вершину, различилъ судно, казавшееся оттуда (на разстояніи 3 миль) не болѣе мухи. Быстро прошелъ онъ это пространство и достигъ наконецъ корабля, къ крайней радости оставшихся на немъ сотоварищей. Чрезъ нѣсколько часовъ прибылъ и Орель съ остальными спутниками.

Благодаря ясной и холодной погодѣ, препятствовавшей таянію снѣга, Пайеръ совершилъ еще одну санную экскурсію въ западныя части Земли Франца-Іосифа.

Этимъ было закончено изслѣдованіе открытыхъ земель, и экипажъ сталъ готовиться къ возвращенію въ Европу. Планъ путешествія состоялъ въ томъ, чтобы пробраться къ островамъ Баренца, гдѣ былъ складъ провіанта, пополнить тамъ свои запасы и затѣмъ плыть вдоль береговъ Новой Земли до тѣхъ поръ, пока не встрѣтится какое-либо судно.

Двадцатаго мая съ тяжелымъ сердцемъ покинулъ экипажъ корабль и началъ свое опасное странствованіе по льдамъ. Запрягшись по 11 — 12 человѣкъ въ лодку или сани, люди оттащили ихъ на разстояніе одной мили къ югу отъ судна; затѣмъ вернулись обратно, и вблизи судна переночевали. То же самое повторялось и въ слѣдующіе дни. Вслѣдствіе теплой погоды, снѣгъ размягчился на столько, что сани и лодки глубоко зарывались въ него, и то мѣсто, гдѣ они проходили, дѣлалось похоже на вырытый въ снѣгу корридоръ. Довольно значительную помощь оказывали собаки, которыя ежедневно протаскивали отъ 8 до 10 центнеровъ, а иногда даже весь грузъ саней или лодки, конечно по частямъ. Въ теченіе первой недѣли Пайеръ съ матро-

сомъ каждый день возвращался на судно, чтобы пополнить запасы, и путь, пройденный съ грузомъ въ недѣлю, онъ въ саняхъ, запряженныхъ собаками, пробѣгалъ въ 2 — 3 часа.

Къ концу мая люди приблизились къ краю обширной полыньи и стали искать удобнаго мѣста для переправы. Но берега были окружены громадными валами нагроможденнаго льда и, не смотря на тщательные поиски, нигдѣ не удалось спустить лодки въ воду. Выбравъ на льду ровное мѣсто, люди разбили лагерь, названный въ шутку гаванью Авлиды, и стали ждать образованія каналовъ; но дни шли за днями, наступила половина іюня, ледъ же все не раздвигался. Уже одна треть припасовъ была съѣдена, а экипажъ удалился отъ судна только на 5 минутъ къ югу, и мысъ Тегеттгофа отчетливо рисовался на сѣверномъ горизонтѣ. Наконецъ каналы открылись. Люди спустили лодки въ воду, привязавъ къ нимъ сзади сани, и отчалили отъ берега. Не смотря на сильную греблю, тяжело нагруженныя лодки медленно подвигались впередъ. Черезъ три часа, проплывъ около трехъ миль, достигъ экипажъ противоположнаго берега полыньи. Скоро поднялся юго-западный вѣтеръ, и льдины опять плотно сомкнулись. Въ слѣдующіе дни экипажъ то перетаскивалъ лодки и сани черезъ льдины, то переправлялся черезъ полыньи, иногда дѣлая только по нѣскольку десятковъ шаговъ въ сутки.

Въ началѣ іюля сильные южные вѣтры погнали ледъ къ сѣверу, и люди, не смотря на то, что постоянно шли по льду впередъ, на самомъ дѣлѣ вмѣстѣ со льдомъ двигались назадъ. Непроходимыя скопленія льда постоянно преграждали дорогу, и люди въ томительномъ бездѣйствіи проводили цѣлые дни. Нѣсколько отрывковъ изъ дневника Пайера живо рисуютъ жизнь экипажа во время этихъ невольныхъ остановокъ:

Провалъ въ воду.

«Четыре небольшія лодки стоятъ на льду; онѣ биткомъ набиты спящими людьми, потому что теперь ночь. Жара въ лодкахъ такъ сильна, что никто не покрытъ шубой, а горшки со снѣгомъ, еще въ началѣ іюня, въ нѣсколько часовъ наполнялись водою. День начинается тѣмъ, что повара съ крикомъ: «quanta», подаютъ въ лодки миски съ супомъ. Наступаетъ небольшая суматоха — отыскиваются ложки и жестяныя чашки, наконецъ, послѣ нѣкотораго шаренья,

Перевозъ лодокъ и тяжестей.

возстановляется тишина. Каждый держитъ въ рукахъ чашку съ горячимъ, какъ кипятокъ, супомъ, состоящимъ изъ смѣси муки, гороховой колбасы, хлѣбной пыли, мяса тюленей, легкихъ, крови и мяса медвѣдей. Супъ съѣденъ; ни одного слова не раздалось во время ѣды; молчаніе господствуетъ и послѣ нея; да и говорить не о чемъ, что бы не было понятно само собою или не повторялось уже сотни разъ. Всякій знаетъ жизнь другаго съ самаго рожденія. Полная тишина

Умерщвленіе собакъ.

не усиливается даже тогда, когда нѣкоторые опять погружаются въ сонъ. Однако и они должны наконецъ послѣдовать общему примѣру и надѣть свои мокрые сапоги, чтобы выйти помыться снѣгомъ. Что начать опять? Мертвая тишина царитъ въ окружности среди ледяныхъ массъ, которыя всюду простираютъ свои бѣлые, холодные члены, и большое ледяное море имѣетъ видъ гигантскаго савана. Это — ни съ чѣмъ несравнимая могильная тишина ледянаго моря. Не освѣщенное солнцемъ, сѣрое, какъ свинецъ, небо раскидывается надъ нимъ, воздухъ недвижимъ, въ немъ ни тепло, ни холодно; медленно таетъ снѣгъ, и этотъ блѣдный, исчезающій ледъ все-таки представляетъ область, полную непреодолимыхъ преградъ для силы и знанія двадцати трехъ человѣкъ».

«Они опять заняли въ лодкахъ свои мѣста, чтобы избавиться отъ талой воды, врага ихъ здоровья и ихъ единственной пары сапогъ. Только тотъ, кому выпала очередь идти на охоту, сидитъ на краю льдины у небольшой полыньи, которая занимаетъ нѣсколько квадратныхъ саженъ и въ которой не показывается ни одного тюленя, такъ какъ въ ней едва хватаетъ мѣста для звѣря. Остальные проводятъ время въ созерцательной скукѣ. Счастливъ тотъ, у кого есть еще немного табаку, или кто нашелъ въ багажѣ кусокъ газеты, если даже на немъ напечатаны курсы дня или наставленіе къ приготовленію гороховой колбасы. Завидуютъ и тому, у кого оказалась дыра въ шубѣ, такъ какъ онъ можетъ шить, но самые счастливые—это тѣ, которые въ состояніи спать день и ночь подъ скамейками. Но вотъ наступилъ полдень. Немного чаю настаивается надъ пламенемъ изъ ворвани, каждый получаетъ чашку и къ ней горсть черствыхъ хлѣбныхъ крошекъ — родъ корма для собакъ, за точнымъ взвѣшиваніемъ котораго «безпристрастная коммиссія» наблюдаетъ глазами аргуса.

Между тѣмъ постоянные южные вѣтры гнали ледъ назадъ къ сѣверу и обращали въ ничто достигнутые съ такимъ трудомъ успѣхи. По прошествіи двухъ мѣсяцевъ разстояніе экипажа отъ судна не превышало двухъ географическихъ миль, и высоты острова Вильчека ясно виднѣлись. Казалось, что придется вернуться опять на прежнее мѣсто и провести еще одну зиму среди льдовъ.

Но когда экипажъ сталъ уже отчаяваться въ возможности достигнуть береговъ Новой Земли, судьба сжалилась надъ нимъ, и ледъ наконецъ сталъ расходиться. Люди сейчасъ-же двинулись впередъ. Путешествіе съ каждымъ днемъ становилось менѣе затруднительнымъ; столь утомительныя перетаскиванья лодокъ по льду дѣлались рѣже, такъ какъ размягчившіяся льдины можно было раздвигать баграми, а иногда не трудно было и совсѣмъ разбить ледяныя массы, встрѣчавшіяся на пути. Начавшіеся въ концѣ іюля дожди еще болѣе разрушили ледъ, и онъ сталъ такъ тонокъ, что люди при малѣйшей неосторожности проваливались въ воду. Ледяное море потеряло прежній видъ тѣсно сплоченнаго льда и превратилось въ скопленіе разъединенныхъ льдинъ. Наконецъ въ началѣ августа обнаружилось далеко распространяющееся волненіе океана, которое равномѣрно то поднимало, то опускало льдины. Не нынче, завтра экипажъ надѣялся совсѣмъ вырваться изъ ледяныхъ оковъ, но ожиданія его еще разъ не оправдались, и ледъ опять скопился вокругъ. Люди снова осуждены были на томительныя ожиданія и тѣмъ съ большей тревогой взирали на будущее, что сталъ образовываться молодой ледъ, который сковывалъ отдѣльныя льдины. Около 12 августа ледъ опять разошелся, и люди начали прерванное путешествіе. На этотъ разъ оно шло благополучно, и наконецъ 14 августа передъ глазами путниковъ раскинулись безбрежныя равнины открытаго моря въ широтѣ 77°40′ и въ долготѣ 61° отъ Гринича.

Встрѣча съ русскими промышленниками.

Считая отсюда, экипажъ удалился отъ судна по прямой линіи на 131 милю къ югу, на самомъ же дѣлѣ онъ прошелъ по льду около 300 миль.

Труднѣйшая часть пути была сдѣлана. Теперь экипажу предстояло плыть въ лодкахъ по открытому морю до береговъ Новой Земли. Снарядившись окончательно къ плаванію, люди 15

августа съ громкими криками «ура» отчалили отъ края льдинъ и пустились въ море. Съ самаго начала путешествія собаки, которыхъ взяли съ собою, пришли отъ морской болѣзни въ сильное безпокойство и стали такъ сильно раскачивать лодки, что являлась опасность при малѣйшемъ волненіи опрокинуться. Предстояла печальная необходимость или бросить ихъ на произволъ судьбы, или убить. Избрано было послѣднее, и, приставъ къ уединенной льдинѣ, люди съ

Спасеніе экспедиціи русскимъ промышленнымъ судномъ.

глубокой горестью предали смерти своихъ вѣрныхъ друзей, помощниковъ въ нуждѣ и участниковъ въ испытанныхъ страданіяхъ.

Бѣлая кайма льда превращалась мало-по-малу въ линію и наконецъ совсѣмъ исчезла изъ виду. Напрягая всѣ силы, гребли люди день и ночь. Впереди шелъ Вейпрехтъ, за нимъ слѣдовали остальные. Иногда случалось, что та или другая лодка отставала и скрывалась изъ глазъ въ туманной мглѣ; тогда люди трубили въ рогъ, пока опять всѣ не собирались вмѣстѣ. Уже на другой день на горизонтѣ показались горы Новой Земли, которыя, вслѣдствіе покрывавшаго ихъ снѣга, были съ тревогой приняты за новый ледъ. Поднявшійся густой туманъ скоро скрылъ ихъ изъ виду, и люди должны были направлять путь по компасу. Когда туманъ разсѣялся, оказалось, что лодки прошли уже острова Баренца, гдѣ два года тому назадъ былъ устроенъ складъ жизненныхъ припасовъ. Такъ какъ времени на возвращеніе къ этимъ островамъ приходилось потратить много, то рѣшили продолжать путь въ прежнемъ направленіи. Отъ постоянной гребли руки у людей одеревенѣли и распухли, и чтобъ немного отдохнуть, путники пристали къ берегу у Чернаго мыса, въ мѣстѣ, которое сравнительною роскошью своей растительности поразило ихъ взоры, привыкшіе въ теченіе многихъ мѣсяцевъ къ однообразной бѣлизнѣ ледянаго моря. Лодки были вытащены на берегъ, а изъ найденнаго тутъ же наносснаго лѣса разложенъ костеръ; люди съ наслажденіемъ разлеглись на мягкой травѣ и заснули подъ глухой рокотъ моря и трескъ ломавшихся ледниковъ. Чрезъ нѣкоторое время экипажъ опять пустился въ путь. Скоро онъ достигъ Маточкина Шара и вступилъ въ него, надѣясь отыскать тамъ какое-либо судно. Посланный на поиски Карлсенъ вернулся ни съ чѣмъ: въ

проливѣ онъ нашелъ только опрокинутую вверхъ дномъ лодку, около которой виднѣлись давніе слѣды людей. Не было никакого сомнѣнія, что всѣ промышленныя суда уже ушли изъ тѣхъ высокихъ широтъ, въ которыхъ находился экипажъ. Медлить нельзя было ни минуты, тѣмъ болѣе, что и съѣстныхъ припасовъ хватило-бы только дней на десять. Оставалась еще надежда, что быть можетъ удастся найти какое-либо судно въ Пуховой бухтѣ, которая часто посѣщается промышленниками. Если-бы и эта надежда не оправдалась, тогда рѣшено было плыть прямо черезъ море къ берегамъ Лапландіи. Плаваніе шло быстро, и рѣшительная минута приближалась. Еще одинъ выступъ, и путники или должны увидѣть судно, или же отдать себя на произволъ океана. Вдругъ неудержимый крикъ радости вырвался изъ груди двадцати трехъ человѣкъ; передъ ними находилась лодка съ двумя пассажирами, которые съ изумленіемъ смотрѣли на прибывшихъ. Это были русскіе, и прежде чѣмъ путешественники успѣли объясниться, они вмѣстѣ съ лодкой повернули за выступъ и увидѣли два судна.

Въ благоговѣніи приближались люди къ обѣимъ шкунамъ, стоявшимъ въ бухтѣ, окруженной скалами, и наконецъ пристали къ одной изъ нихъ — шкунѣ «Николай». Хозяинъ ея Ѳедоръ Воронинъ и экипажъ съ участіемъ и радушіемъ приняли усталыхъ путниковъ и предложили имъ все, что имѣли лучшаго — семгу, оленье мясо, гагачьи яйца, чай, хлѣбъ и пр.

Послѣ разспросовъ, веденныхъ черезъ одного изъ матросовъ экспедиціи, понимавшаго немного по-русски, оказалось, что встрѣченныя суда занимались въ Пуховой бухтѣ ловлею семги и охотою на оленей. Ловъ былъ неудачный, и промышленники думали оставаться еще двѣ недѣли на прежнемъ мѣстѣ, а затѣмъ столько же времени простоять на югѣ Новой Земли. Такое продолжительное пребываніе въ неудобной обстановкѣ рыбачьей шкуны не соотвѣтствовало желаніямъ путешественниковъ, стремившихся скорѣе вернуться въ отечество. Поэтому съ Воронинымъ было вступлено въ переговоры, и онъ согласился немедленно отправиться къ берегамъ Норвегіи и доставить экипажъ въ городъ Варде. За это ему было обѣщано 1200 рублей вознагражденія, и кромѣ того подарено три лодки и два ружья Лефоше.

Черезъ два дня послѣ встрѣчи, 26 августа, при попутномъ вѣтрѣ шкуна оставила берега Новой Земли и быстро поплыла къ юго-западу. 3 сентября она благополучно прибыла въ Варде, и наконецъ-то послѣ 812-дневнаго странствованія экипажъ «Тегеттгофа», ступивъ на европейскую почву, могъ считать себя въ полной безопасности.

П. В. Охочинскій.

Нападеніе медвѣдей на запасы экспедиціи.

ОЧЕРКЪ VIII.

НОВАЯ ЗЕМЛЯ И КОЛГУЕВЪ ОСТРОВЪ.

Открытіе Новой Земли. — Экспедиція англичанъ и голландцевъ. — Путешествіе Уиллоуби, Ченслера, Пета и Джакмана. — Первое путешествіе Ная и Баренца. — Второе путешествіе Ная и Баренца. — Путешествіе Рипа и Баренца. — Зимовка и смерть Баренца на Новой Землѣ. — Посѣщеніе мѣста зимовки Баренца новѣйшими путешественниками. — Экспедиціи англичанъ, голландцевъ и датчанъ. — Путешествіе Розмыслова. — Путешествія Поспѣлова и Лазарева. — Путешествія Литке. — Путешествія Пахтусова и Цивольки. — Путешествіе Бэра. — Другія путешествія въ XIX вѣкѣ. — Положеніе Новой Земли. — Берега ея. — Рѣки. — Видъ береговъ. — Горы и высоты ихъ. — Строеніе Новой Земли. — Климатъ ея. — Температура. — Противоположность между западными и восточными берегами. — Вѣтры и снѣжныя вьюги. — Прозрачность воды и воздуха. — Миражъ. — Снѣга и снѣжная граница. — Общій характеръ растительности. — Животный міръ Новой Земли. — Попытки поселенія на ней. — Устройство спасательной станціи. — Промыслы и промышленники. — Упадокъ промысловъ. — Островъ Колгуевъ.

Видъ Костина Шара.

Еще суровѣе природа,
Еще пустыннѣе поля...
И солнца краснаго полгода
Не видитъ Новая Земля.
Моря и снѣжныя пустыни...
Валы прибрежные ревутъ,
И иногда на шаткой льдинѣ
Медвѣди бѣлые плывутъ...

Много вѣковъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ смѣлые новгородскіе ушкуйники, странствуя по морю въ своихъ утлыхъ лодкахъ, впервые увидѣли скалистые берега Новой Земли и узнали о существованіи одного изъ величайшихъ острововъ Сѣвернаго океана. Съ точностію опредѣлить время открытія Новой Земли невозможно, но вѣроятно это случилось около X — XI вѣка, когда шло заселеніе Двинскаго края новгородцами. Благодаря обилію морскихъ животныхъ, островъ сталъ часто посѣщаться жителями нашего поморья, съ цѣлью звѣриныхъ и рыбныхъ промысловъ, и скоро пріобрѣлъ важное значеніе въ экономической жизни русскаго Сѣвера.

Въ западной Европѣ знакомство съ Новой Землей началось съ XVI вѣка, когда, вслѣдствіе буллы папы Александра VI, предоставившей Испаніи и Португаліи всѣ вновь открытыя въ то

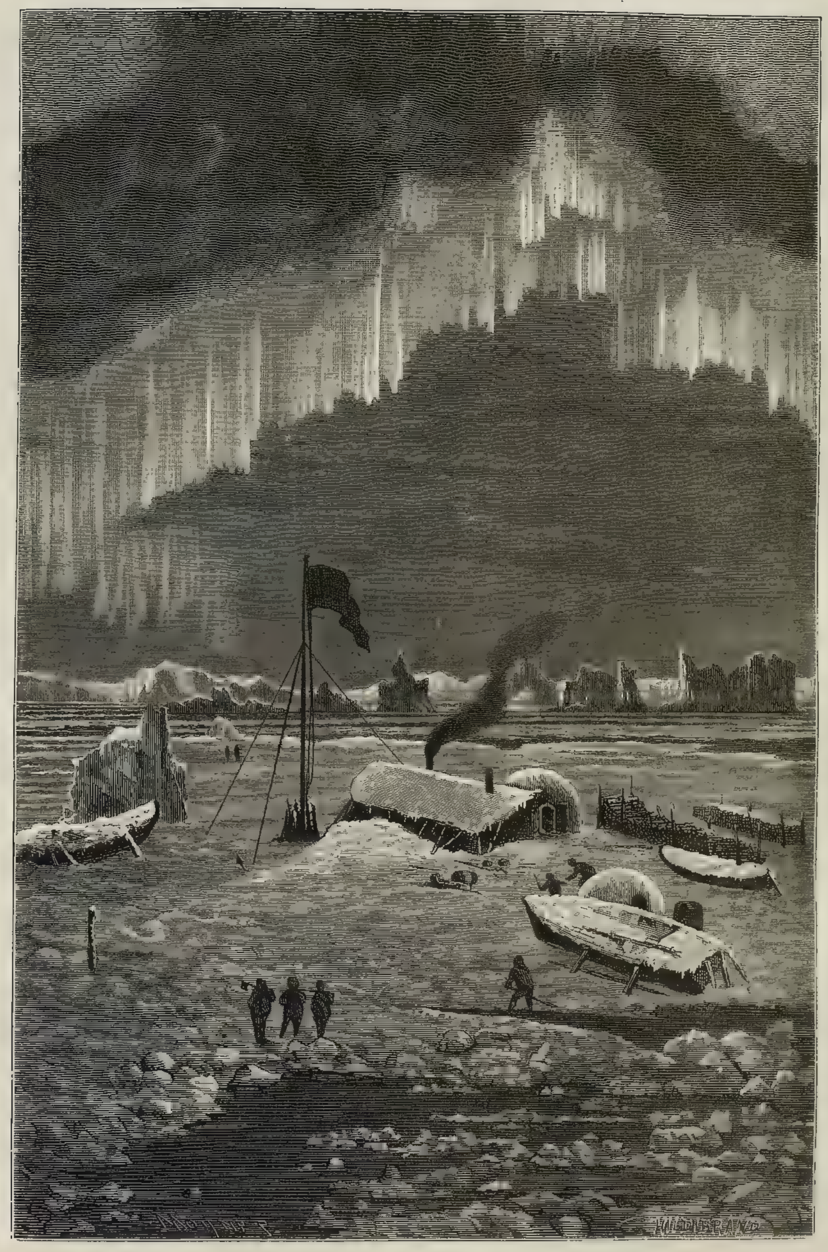
время земли, англичане и голландцы стали искать пути въ Китай и Индію черезъ сѣверныя моря, стараясь обогнуть Норвегію. Мысль о возможности достигнуть такимъ образомъ желанныхъ странъ была высказана знаменитымъ морякомъ Себастіаномъ Каботомъ.

Первая экспедиція для открытія сѣверовосточнаго прохода — задачи, которую почти удалось разрѣшить Норденшельду уже въ наши дни — была снаряжена въ 1553 году въ Лондонѣ особой компаніей на акціяхъ. Компанія снарядила три судна: Bona Esperanza въ 120 тоннъ подъ командою сэра Гуга Уиллоуби (Willoughby), которому было ввѣрено и начальство надъ всей экспедиціей, Edward Bonaventura въ 160 тоннъ подъ командою Ричарда Ченслера (Chancellor) и Bona Confidentia въ 90 тоннъ подъ командою Дерфорта (Durforth). Выйдя 11 мая 1553 года изъ Лондона, суда 30 іюля были застигнуты у береговъ Норвегіи сильной бурей и разлучены. Уиллоуби вмѣстѣ съ Дерфортомъ далеко проникли къ сѣверо-востоку и 14 августа увидѣли землю, вѣроятно берега Новой Земли. Такъ какъ доступъ къ нимъ былъ прегражденъ льдами, то путешественники повернули обратно и для зимовки пристали къ берегу Лапландіи при устьѣ рѣки Варсины. Здѣсь они послѣ напрасныхъ попытокъ отыскать жителей страны, погибли зимою 1554 года отъ холода и голода всѣ до одного (65 человѣкъ). Весною трупы несчастныхъ были найдены лопарями, а грузъ судовъ доставленъ въ Холмогоры и отосланъ затѣмъ въ Англію по повелѣнію Іоанна Грознаго. Что касается до третьяго судна, то капитанъ Ченслеръ, прождавъ долгое время въ Вардегусѣ Уиллоуби, отправился одинъ къ востоку и прибылъ въ Бѣлое море къ устью Двины, откуда, какъ извѣстно, поѣхалъ въ Москву, гдѣ былъ милостиво принятъ Іоанномъ Грознымъ.

Вскорѣ затѣмъ тою же самою компаніей, принявшей названіе Московской компаніи (The Muscovy Company), были отправлены въ Сѣверный океанъ еще двѣ экспедиціи: одна подъ начальствомъ Стефана Бурро (Stephen Burrough) въ 1556 году, а другая — подъ командою Артура Пэта и Чарльза Джакмана въ 1580 году. Бурро посѣтилъ устье Печоры, островъ Вайгачъ и былъ на одномъ изъ островов близъ береговъ Новой Земли, который назвалъ островомъ св. Іакова; онъ первый изъ западно-европейцевъ достигъ Новой Земли и познакомился съ самоѣдами, встрѣченными имъ на Вайгачѣ; Пэтъ же и Джакманъ, дойдя въ широтѣ $70^1/_2{}^0$ до береговъ Новой Земли и обогнувъ ихъ, вступили въ Карское море, но остановленные льдами двинулись обратно черезъ Югорскій Шаръ. Пэтъ благополучно вернулся въ Англію, а Джакманъ, оставшись на зимовкѣ въ Норвегіи, пропалъ безъ вѣсти.

Англичанъ смѣнили голландцы. По иниціативѣ извѣстныхъ въ то время географовъ Петра Планція, Луки Вагенкара, Франца Маальсона и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, нѣсколькихъ богатыхъ гражданъ изъ Амстердама, Мидльбурга и Енкгуизена, снарядили въ 1593 — 1594 годахъ экспедицію въ сѣверныя моря. Начальство надъ нею поручено было Корнелису Корнелисону Наю, который вмѣстѣ съ тѣмъ командовалъ и мидльбургскимъ судномъ «Лебедь». Затѣмъ капитаномъ амстердамскаго корабля «Посланникъ» назначенъ былъ Вильгельмъ Баренцъ, а енкгуизенскаго «Меркурій» — Исбрантъ Брантъ. Кромѣ большаго судна, Баренцъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи еще рыбачью яхту.

Отплывъ 5 іюня изъ Текселя, экспедиція прибыла 29-го въ Колу и здѣсь раздѣлилась. Направясь къ сѣверо-востоку, Баренцъ скоро достигъ Новой Земли въ широтѣ 73°46′. Затѣмъ онъ продолжалъ путь въ томъ же направленіи вдоль берега, причемъ нѣсколько разъ сходилъ на него, и безпрепятственно дошелъ до мыса Нассау. Далѣе путешественники встрѣтили множество льда, но подвигались впередъ и въ концѣ іюля дошли до Ледянаго мыса въ широтѣ 77° и острововъ Оранскихъ (вѣроятно острова Максимова, крайняго предѣла, до котораго доходятъ русскіе промышленники). Отсюда Баренцъ повернулъ назадъ, вслѣдствіе непроходимыхъ льдовъ и, плывя прежнимъ путемъ, обошелъ берега Новой Земли вплоть до бухты Строгоновой, гдѣ и былъ остановленъ льдами, вынесенными изъ Карскаго моря, такъ что не могъ достигнуть южной оконечности Новой Земли.

Домъ „Ганзы" на льду и сѣверное сіяніе.

Въ то же время Най, побывавъ въ устьѣ Печоры и на островѣ Вайгачѣ, прошелъ въ Карское море черезъ Югорскій Шаръ. На одномъ изъ мысовъ острова Вайгача голландцы нашли до 400 деревянныхъ истукановъ, и поэтому назвали его мысомъ Идоловъ (Afgodenhoeck); на нашихъ картахъ онъ, вѣроятно, по той же причинѣ носитъ имя Болвановскаго мыса. Пройдя въ Карское море миль на 50 отъ пролива, путешественники увидѣли заливъ, въ который впадала большая, повидимому, рѣка. Рѣшивъ, что эта рѣка должна быть Обь, отъ которой, по тогдашнимъ понятіямъ, берегъ шелъ къ мысу Табину (Tabijn), а затѣмъ уже прямо къ Китаю, и что, значитъ, имъ нечего болѣе открывать, голландцы поплыли обратно. Пройдя опять Югорскимъ Шаромъ, Най вышелъ въ океанъ и близъ острововъ Матвѣева и Долгаго встрѣтился съ отрядомъ Баренца, возвращавшимся отъ береговъ Новой Земли. Соединившись, суда направились въ Голландію, куда и прибыли благополучно.

Значительныя открытія этой экспедиціи возбудили въ Голландіи большія надежды, и уже въ слѣдующемъ году, при содѣйствіи Генеральныхъ Штатовъ и штатгалтера Морица Нассау-Оранскаго, отправилась въ Полярный океанъ подъ начальствомъ того же Ная цѣлая эскадра изъ семи судовъ. Въ числѣ капитановъ былъ и Баренцъ. Одни изъ судовъ пошли въ Бѣлое море, другія же къ востоку для открытій. Достигнувъ Югорскаго Шара, голландцы нашли его запертымъ льдами и принуждены были пристать къ острову Вайгачу. Здѣсь они встрѣтили двѣ русскія лодьи и отъ бывшихъ въ нихъ промышленниковъ узнали, что ежегодно изъ Холмогоръ суда ходятъ съ сукнами и другими товарами въ Обь и Енисей для торговли съ тамошними жителями, которые исповѣдуютъ православную вѣру. Послѣ нѣсколькихъ безуспѣшныхъ попытокъ голландцамъ удалось наконецъ проникнуть въ Карское море, но здѣсь встрѣтили они такое громадное скопленіе льдовъ, что рѣшили предпринять обратный путь. Одинъ только Баренцъ былъ противъ возвращенія и совѣтовалъ перезимовать на мѣстѣ.

Неудача послѣдней экспедиціи нѣсколько охладила рвеніе голландцевъ къ подобнымъ предпріятіямъ, и Генеральные Штаты отказались отъ отправленія новыхъ экспедицій въ полярныя моря, но вмѣстѣ съ тѣмъ обѣщали награду тому, кто откроетъ сѣверо-восточный проходъ. Побуждаемые наградой, члены Амстердамскаго магистрата снарядили въ 1596 году два судна и командованіе однимъ поручили Якову Гемскерку, а другимъ — Яну Корнелису Рипу. Главнымъ помощникомъ у Гемскерка былъ Баренцъ, а вторымъ — Герритъ де-Вееръ, который оставилъ намъ дневникъ путешествія съ картою посѣщенныхъ земель. Съ самаго начала путешествія между Рипомъ и Баренцомъ возникли разногласія относительно направленія пути: первый хотѣлъ плыть прямо на сѣверъ, второй же предлагалъ держать курсъ болѣе къ востоку. Баренцъ, какъ младшій, долженъ былъ уступить, и экспедиція поплыла къ сѣверу. На широтѣ 74°40′ голландцы открыли островъ, которому дали названіе Медвѣжьяго, потому что на немъ имъ удалось убить огромнаго бѣлаго медвѣдя. Плывя далѣе на сѣверъ, экспедиція въ широтѣ 80°11′ открыла еще большій гористый островъ, принятый сначала за часть Гренландіи, но впослѣдствіи названный Шпицбергеномъ. Скоро, однако, ледъ заставилъ суда вернуться на югъ. У острова Медвѣжьяго Рипъ и Баренцъ, окончательно разошедшись во мнѣніяхъ, разстались, и одинъ направился къ востоку отъ Шпицбергена, а другой къ берегамъ Новой Земли. Во второй половинѣ іюня Баренцъ достигъ ея, въ широтѣ 74°40′, и поплылъ къ сѣверу вдоль береговъ. Съ страшными усиліями пробираясь сквозь льды, онъ опять проникъ до острововъ Оранскихъ; а затѣмъ до мыса Желанія (Hoeck van Begeerte). Недалеко отъ этого мыса судно совсѣмъ затерло льдомъ, и экипажъ увидѣлъ себя вынужденнымъ остаться на зимовку въ мѣстѣ, названномъ Ледяной гаванью (въ широтѣ 76°).

Люди сколотили изъ найденнаго на берегу наноснаго лѣса избу съ печью и обили ее досками, взятыми съ судна. Нѣкоторые съѣстные припасы, какъ напримѣръ соленое мясо, соль, хлѣбъ, муку, горохъ, масло, вино и пр., они имѣли съ собой, свѣжее же мясо добывали охотой, преимущественно на песцовъ, которыхъ много ловили въ западни. Шкуры убитыхъ песцовъ и медвѣдей употреблялись на одежду и покрывала, а медвѣжье сало шло на освѣщеніе. Въ началѣ зи-

мовки, бѣлые медвѣди очень часто безпокоили экипажъ, и съ трудомъ удавалось отгонять ихъ при помощи тогдашнихъ плохихъ фитильныхъ ружей и алебардъ. Не имѣя термометровъ, голландцы не могли точно измѣрять температуру, но о страшныхъ холодахъ, испытанныхъ ими, свидѣтельствуютъ приводимые въ описаніи экспедиціи факты. Такъ, не смотря на то, что въ печкѣ поддерживался постоянный огонь, самое крѣпкое вино замерзало въ избѣ и рвало

Алексѣевская гавань.

бочки, въ которыхъ хранилось; постели людей покрывались ледяною корою пальца въ два толщины, а платье при сушкѣ совсѣмъ застывало въ сторонѣ, удаленной отъ огня. Люди зябли такъ, что чулки ихъ сгарали прежде, чѣмъ согрѣвались ноги, и они почти не чувствовали боли отъ ожога. По совѣту врача часто дѣлались ванны въ особой бочкѣ, и благодаря этому, а также бодрому и веселому настроенію экипажа, воодушевляемаго примѣромъ начальника, цынга не развилась въ средѣ экипажа, и въ теченіе зимовки умерло только два человѣка. Въ хорошую погоду люди совершали прогулки по окрестностямъ, упражнялись въ стрѣльбѣ, занимались охотою, а иногда даже устраивали празднества, какъ напримѣръ въ день Крещенія, особенно почитаемый голландцами. Когда въ началѣ мая море очистилось отъ льда, экипажъ сталъ готовиться къ отъѣзду. Въ мѣсяцъ всѣ приготовленія были окончены, и 14 іюня 1597 года люди покинули спертое льдами судно и пустились въ путь на шлюбкахъ. Передъ отъѣздомъ Баренцъ составилъ актъ о причинахъ, принудившихъ бросить судно, а также описаніе всѣхъ приключеній экспедиціи и спряталъ эти два документа въ трубѣ избы. Плывя съ большими опасностями вдоль береговъ Новой Земли, экипажъ достигъ 20 іюня Ледянаго мыса. Уже давно одержимый тяжелою болѣзнью, Баренцъ почувствовалъ здѣсь приближеніе смерти. Утромъ этого дня онъ разсматривалъ карту посѣщенныхъ имъ мѣстностей, а затѣмъ попросилъ приподнять его въ лодкѣ, чтобы взглянуть еще разъ на мѣсто своихъ страданій, и въ такомъ положеніи испустилъ духъ. Здѣсь у Ледянаго мыса онъ и былъ погребенъ. Спутники его продолжали путешествіе дальше и, обойдя Новую Землю, достигли устья Печоры, откуда поплыли вдоль береговъ материка, часто встрѣчая на пути русскихъ промышленниковъ, оказывавшихъ имъ всякую помощь. Прибывъ къ Семи Островамъ (у Мурманскаго берега), они узнали, что въ Колѣ стоитъ голландское судно. Оказалось, что это былъ Рипъ, который, испытавъ неудачу въ своихъ попыткахъ проникнуть къ сѣверу, вернулся въ Голландію и затѣмъ предпринялъ второе путешествіе, главнымъ образомъ съ промышленною цѣлью. Узнавъ отъ лопарей о прибытіи голландцевъ, Рипъ поспѣшилъ къ нимъ навстрѣчу и, взявъ ихъ къ себѣ на судно,

доставилъ на родину 1 ноября 1597 года. Но изъ 17 человѣкъ, вышедшихъ съ Баренцомъ, вернулись только 12, остальные пали жертвою трудовъ и лишеній.

Память объ этой первой полярной зимовкѣ западно-европейцевъ сохранилась до сихъ поръ между русскими промышленниками, и мѣсто ея называется у нихъ Спорай-Наволокъ. Въ 1871 году норвежскому мореходу Карлсену удалось проникнуть до Ледяной гавани, и здѣсь онъ нашелъ развалины избы и множество вещей, принадлежавшихъ экспедиціи, какъ то: ружейные стволы, мечи, аллебарды, копья, кухонные горшки, подсвѣчники, оловянныя кружки и пр. Изъ книгъ нашлись астрономія и необыкновенно хорошо сохранившійся экземпляръ описанія Китая — Мендозы, въ переводѣ на голландскій языкъ. Затѣмъ въ 1875 и 1876 годахъ мѣсто зимовки посѣтили норвежскій капитанъ Гундеерсенъ, нашедшій двѣ карты и описаніе плаванія Пэта и Джакмана 1580 года, и англичанинъ Гардинеръ. Послѣдній произвелъ раскопки въ развалинахъ избы и отыскалъ документы, спрятанные передъ отъѣздомъ экспедиціи въ дымовой трубѣ. Они были вложены въ роговую пороховницу и представляли комокъ бумаги, который едва удалось развернуть и разобрать. Документы подписаны Гемскеркомъ и Баренцомъ и въ нихъ, вполнѣ согласно съ журналомъ Геррита де Веера, излагаются нѣкоторые факты путешествія и зимовки. Кромѣ того были найдены разныя книги, инструменты, письменныя принадлежности, куски одежды и пр. Всѣ эти предметы Гардинеръ подарилъ голландскому правительству, и они хранятся теперь вмѣстѣ съ вещами, отысканными Карлсеномъ, въ музеѣ Морскаго Департамента въ Гаагѣ. Отправленная въ 1878 г. изъ Голландіи въ Сѣверный океанъ экспедиція соорудила на Новой Землѣ памятникъ Баренцу.

Въ XVII вѣкѣ англичане и голландцы съ прежнею настойчивостью продолжали отыскивать сѣверовосточный проходъ. Въ 1608 году знаменитый мореплаватель Гудсонъ, состоявшій на службѣ англо-московской компаніи, послѣ неудачной попытки пробраться въ Индію прямо черезъ сѣверный полюсъ (1607 года), направился къ Новой Землѣ, берега которой онъ и посѣтилъ, какъ кажется, около Гусиной Земли. Затѣмъ онъ хотѣлъ проникнуть въ Карское море, но оно оказалось загроможденнымъ непроходимыми льдами. Въ слѣдующемъ 1609 году Гудсонъ опять предпринялъ путешествіе къ Новой Землѣ. На этотъ разъ онъ не могъ даже пристать къ берегу, который былъ опоясанъ сплошнымъ и крѣпкимъ льдомъ, и, вернувшись въ Вардегусъ, поплылъ отсюда къ берегамъ Сѣверной Америки съ цѣлью отыскивать проходъ въ сѣверо-западномъ направленіи. Послѣ Гудсона къ Новой Землѣ ходилъ въ 1676 году капитанъ Вудъ, который также нашелъ берегъ окованнымъ сплошными ледяными массами. У полуострова Адмиралтейства одно изъ судовъ Вуда потерпѣло крушеніе, и экипажъ его въ числѣ 70 человѣкъ спасся на берегъ, гдѣ и провелъ около 10 сутокъ въ безнадежномъ положеніи, пока наконецъ не былъ спасенъ другимъ судномъ.

Изъ голландцевъ Новую Землю посѣтили въ XVII вѣкѣ: фанъ Горнъ (1612 г.), Босманъ (1625 г.), Флемингъ (1664 и 1688 г. г.) и Снобеггеръ. Первые два путешественника плавали къ Новой Землѣ для отысканія морскаго пути черезъ Сѣверный океанъ въ Китай, а послѣдніе два для промысла. Фанъ Горнъ прослѣдилъ берега ея до широты 77°, Босманъ же былъ только у юго-западной ея оконечности. Флемингъ въ первое путешествіе достигъ до того мѣста, гдѣ зимовалъ Баренцъ, а во второе былъ, повидимому, въ Маточкиномъ Шарѣ; Снобеггеръ же посѣтилъ Новую Землю приблизительно въ широтѣ 73½°. Здѣсь онъ нашелъ въ горахъ блестящіе камни и, думая, что въ нихъ содержится много серебра, нагрузилъ ими свое судно и вернулся въ Голландію. Но такъ какъ въ 100 фунтахъ этихъ камней оказалось не болѣе 2 лотовъ серебра, то разработка ихъ была признана не представлявшею никакихъ выгодъ. Также и датчане посылали суда для изслѣдованія Ледовитаго океана. Учрежденная съ этой цѣлью королемъ Фридрихомъ IV компанія снарядила въ 1653 году экспедицію, которая между прочимъ пробыла 16 дней на Новой Землѣ.

Русскіе, какъ уже сказано, съ незапамятныхъ временъ посѣщали Новую Землю. Нѣкоторые изъ нихъ бывали въ самыхъ трудно доступныхъ частяхъ новоземельскихъ водъ, а одинъ—Савва Лошкинъ — объѣхалъ даже (около 1760 года) вокругъ всего острова. Но поморы преслѣдовали исключительно промышленныя цѣли и вовсе не занимались географическимъ или естествено-историческимъ изслѣдованіемъ острова. Первымъ русскимъ путешественникомъ, посѣтившимъ этотъ островъ съ научною цѣлью, былъ Розмысловъ, который въ 1768 г. совершилъ плаваніе къ берегамъ Новой Земли на кочмарѣ (трехмачтовое судно вмѣстимостью до 500 пудовъ груза) архангельскаго купца Бармина, посланной туда для отысканія золота. Розмысловъ обошелъ западныя побережья Новой Земли и достигъ Маточкина Шара. Онъ вступилъ въ проливъ и принялся за составленіе обстоятельной его описи. Занятія этимъ дѣломъ протянулись до осени, и рѣшено было перезимовать въ Маточкиномъ Шарѣ. Суровую зиму люди провели въ тяжкихъ лишеніяхъ, и къ веснѣ изъ экипажа погибло 7 человѣкъ. Когда воды очистились ото льда, Розмысловъ сдѣлалъ попытку проникнуть въ Карское море для опредѣленія разстоянія Новой Земли отъ материка. Но вступивъ въ море, онъ на другой же день очутился среди густыхъ льдовъ, которые едва не затерли судна и заставили экипажъ вернуться на Новую Землю. Между тѣмъ кочмара пришла въ такую негодность, что на ней совсѣмъ нельзя было плавать. Къ счастью, случайно прибывшіе промышленники предложили экипажу перебраться въ ихъ лодью, и, благодаря этому обстоятельству, экспедиція благополучно вернулась въ Архангельскъ. Путешествіе Розмыслова было однимъ изъ самыхъ полезныхъ для успѣховъ географіи Новой Земли. Имъ была сдѣлана опись нѣкоторыхъ береговъ ея, опредѣлена широта многихъ пунктовъ, измѣрена длина Маточкина Шара, наконецъ отчасти изслѣдованы почва, флора и фауна острова.

Послѣ Розмыслова въ изученіи Новой Земли наступаетъ продолжительный перерывъ и опять оно возобновляется уже въ текущемъ столѣтіи. Въ 1806 году государственный канцлеръ графъ Румянцевъ отъ себя снарядилъ экспедицію для изслѣдованія главнымъ образомъ минеральныхъ произведеній Новой Земли. Посланные имъ горный чиновникъ Лудловъ и штурманъ Поспѣловъ посѣтили Маточкинъ Шаръ и сдѣлали нѣсколько экскурсій на прибрежьяхъ острова. Не найдя на Новой Землѣ ни серебра, ни золота, ни другихъ богатствъ, они вернулись обратно, составивъ карту части западнаго берега съ видами прибрежныхъ горъ. Затѣмъ въ 1819 году для дальнѣйшей описи береговъ правительство отправило на Новую Землю лейтенанта Лазарева. Но экспедиціи этой неудалось исполнить свою задачу, вслѣдствіе сильнаго скопленія льдовъ.

Желаніе имѣть обстоятельныя свѣдѣнія о положеніи Новой Земли побудило правительство опять снарядить къ ея берегамъ экспедицію. Съ этою цѣлью въ 1820 году былъ построенъ бригъ «Новая Земля», начальство надъ которымъ принялъ только-что вернувшійся изъ кругосвѣтнаго плаванія лейтенантъ Литке. Въ половинѣ іюля 1821 года Литке вышелъ изъ Архангельска въ море. По инструкціи на первый разъ онъ долженъ былъ осмотрѣть берега Новой Земли, опредѣлить географическое положеніе нѣкоторыхъ главныхъ мысовъ и повѣрить длину Маточкина Шара. Но Литке удалось осмотрѣть, да и то не полно, лишь часть западнаго побережья и опредѣлить астрономически нѣкоторые пункты. Что же касается до Маточкина Шара, то онъ не могъ даже найти входъ въ проливъ вслѣдствіе отсутствія хорошихъ картъ и сильныхъ вѣтровъ, недозволявшихъ держаться вблизи берега.

Многое изъ недоконченнаго въ первую экспедицію было сдѣлано Литке во второе путешествіе 1822 года. Сначала онъ произвелъ опись береговъ Лапландіи отъ Св. Носа до Кольской губы, а потомъ поплылъ къ Новой Землѣ и осмотрѣлъ ея западную окраину до мыса Нассау. Дальнѣйшій путь преграждали густыя массы льда. Благодаря бывшимъ у него въ рукахъ картѣ и видамъ Поспѣлова, а также отсутствію льдовъ, Литке безъ труда отыскалъ на этотъ разъ устье Маточкина Шара и опредѣлилъ его широту, но не могъ произвести подробной описи.

Въ слѣдующемъ 1823 году Литке опять былъ посланъ въ Сѣверный океанъ для продолженія описи лапландскихъ береговъ и для дальнѣйшаго изслѣдованія Новой Земли. Доведя эту

Новая земля.

опись до острова Вардегуса, Литке объѣхалъ затѣмъ Новую Землю безпрепятственно до широты 76½°. Но здѣсь встрѣтились большія массы льда, и судно не могло достигнуть до мыса Нассау, хотя и было въ виду его. Въ это путешествіе Литке на гребныхъ судахъ прошелъ по всему Маточкину Шару, измѣрилъ его длину и произвелъ астрономическія и магнитныя наблюденія. По окончаніи этихъ занятій было приступлено къ осмотру юго-западнаго и южнаго береговъ Новой Земли, и ихъ удалось прослѣдить до Кусова Носа—самой южной оконечности острова. Здѣсь бригъ наскочилъ на подводную скалу и хотя волненіемъ его сняло съ мели, но судно получило сильную течь, такъ что Литке принужденъ былъ вернуться въ Архангельскъ.

Въ 1824 году Литке сдѣлалъ еще попытку обойти мысъ Нассау и изслѣдовать берегъ за нимъ, а также осмотрѣть восточное побережье острова. Но она кончилась неудачей — берега были опоясаны плотнымъ ледянымъ кольцомъ, чрезъ которое нигдѣ нельзя было пробраться. Входъ въ Карское море чрезъ Карскія ворота оказался свободнымъ, но, вступивъ туда, судно натолкнулось на сплошную гряду льда и принуждено было вернуться обратно. Громадныя скопленія льда были найдены и въ морѣ между Шпицбергеномъ и Новою Землею, такъ что проникнуть къ сѣверу далѣе широты 76° не представлялось никакой возможности. Вообще лѣто этого года было очень неблагопріятно для плаванія: все время господствовали холода, туманы и сильные вѣтры.

Болѣе или менѣе подробное описаніе восточнаго берега Новой Земли удалось произвести уже въ тридцатыхъ годахъ штурманскому офицеру Пахтусову. Первое путешествіе свое на Новую Землю онъ совершилъ въ 1832 году на суднѣ, снаряженномъ архангельскимъ купцомъ Брандтомъ и форстмейстеромъ Клоковымъ, съ цѣлью возобновить прежнія торговыя сношенія между Архангельскомъ и сибирскими рѣками и изслѣдовать восточный берегъ, гдѣ предполагалось производить моржевой промыселъ. Перезимовавъ на южномъ берегу острова, Пахтусовъ и спутникъ его Крапивинъ весной 1833 года начали опись восточнаго побережья южнаго острова и продолжали ее до половины августа. За это время они успѣли осмотрѣть берега вплоть до Маточкина Шара. Хотя море было и свободно отъ льдовъ, такъ что еще можно было продолжать опись къ сѣверу, но Пахтусовъ не рѣшился на это, чтобы не быть принужденнымъ зазимовать еще разъ. Вслѣдствіе ненадежности судна онъ зашелъ въ устье Печоры и оттуда уже сухопутьемъ, на оленяхъ, прибылъ въ Архангельскъ. Въ 1833 году Пахтусовъ въ сопровожденіи кондуктора Цивольки былъ посланъ опять, на этотъ разъ уже правительствомъ, для продолженія описи восточнаго берега. Льды заставили ихъ перезимовать въ Маточкиномъ Шарѣ, а весною слѣдующаго года было сдѣлано Пахтусовымъ обстоятельное изслѣдованіе Маточкина Шара, а Циволька осмотрѣлъ восточный берегъ на 150 верстъ къ сѣверу отъ пролива. Затѣмъ Пахтусовъ пытался обойти сѣверную оконечность Новой Земли съ запада, но въ самомъ началѣ путешествія карбасъ его былъ раздавленъ льдами, и экипажъ едва спасся, и то только благодаря помощи, оказанной случившимся тутъ промышленникомъ Ереминымъ.

Трудами предъидущихъ экспедицій, общее географическое положеніе Новой Земли и топографія ея береговъ были опредѣлены довольно подробно, но природа острова оставалась почти совершенно неизвѣстной. Честь перваго обстоятельнаго изслѣдованія почвы, климата и органической жизни Новой Земли принадлежитъ покойному академику Бэру, по иниціативѣ и подъ руководствомъ котораго была отправлена въ 1837 году туда ученая экспедиція. Въ составъ ея вошли Бэръ, геогностъ Леманъ, гиттенфервальтеръ Редеръ, либорантъ зоологическаго музея Академіи Филипповъ и Циволька, управлявшій судномъ. Въ продолженіе шестинедѣльнаго пребыванія на островѣ Бэръ объѣхалъ западные его берега, посѣтилъ Маточкинъ Шаръ и Карское море, сдѣлалъ нѣсколько экскурсій внутрь страны и, не смотря на краткость времени, успѣлъ собрать столько матеріаловъ, что мы обязаны ему почти всѣми своими свѣдѣніями о природѣ Новой Земли.

Неутомимый и безстрашный Циволька совершилъ еще третье путешествіе на Новую Землю въ 1838 году и прослѣдилъ вновь западное ея побережье къ сѣверу отъ Маточкина Шара. Во

время зимовки онъ погибъ, и начальство надъ экспедиціей перешло къ прапорщику Моисееву, который произвелъ дальнѣйшую опись береговъ до полуострова Адмиралтейства.

Послѣ Цивольки и Моисеева Новая Земля въ теченіе слишкомъ тридцати лѣтъ посѣщалась одними только русскими промышленниками для звѣриной и рыбной ловли. Но съ 1869 года смѣлые норвежскіе моряки, привлекаемые изобиліемъ морскихъ животныхъ въ новоземельскихъ

Заброшенное становище на Новой Землѣ.

водахъ, одинъ за другимъ совершаютъ плаваніе къ берегамъ острова и быстро увеличиваютъ запасъ нашихъ свѣдѣній о немъ. Въ этомъ году три капитана, Карльсенъ, Пализеръ и Іоганнесенъ, побывали на Новой Землѣ и, проникнувъ въ Карское море, безпрепятственно исcкрестили его по разнымъ направленіямъ. Въ 1870 году тотъ же Іоганнесенъ опять посѣщаетъ Новую Землю, и на этотъ разъ ему удается объѣхать весь островъ—подвигъ, который до него совершилъ одинъ только Савва Лошкинъ. Изъ множества другихъ норвежскихъ путешествій къ Новой Землѣ въ 1870 году (около 60) слѣдуетъ упомянуть о плаваніяхъ Торкильдсена, Макка, Ульве и Квале, которые произвели рядъ обстоятельныхъ метеорологическихъ наблюденій и много содѣйствовали къ искорененію стараго предразсудка о недоступности Карскаго моря. Въ 1870 же году Новую Землю посѣтилъ Великій Князь Алексѣй Александровичъ въ сопровожденіи академика Миддендорфа, въ память чего на берегахъ одной изъ губъ—Алексѣевской гавани—былъ сооруженъ курганъ и поставленъ крестъ. Затѣмъ въ 1871 — 1878 годахъ островъ изслѣдовали въ разныхъ отношеніяхъ Гейглинъ, Пайеръ и Вейпрехтъ, Карльсенъ, Маккъ, Исаксенъ, Іоганессенъ, Тобизенъ, Дёрма, Гёферъ, Норденшельдъ и упомянутые выше Гундерсенъ и Гардинеръ.

Много силъ и энергіи было потрачено на изслѣдованіе далекаго острова. Каждый изъ неустрашимыхъ тружениковъ науки, побывавшихъ на немъ, внесъ свою лепту въ общую сокровищницу человѣческаго знанія, и хотя предстоитъ еще не мало дѣла, но медленно, чуть замѣтно, воздвигается величественное и вѣчное зданіе истинной науки.

Пустынный и скалистый островъ Новая Земля, омываемый съ одной стороны Ледовитымъ океаномъ, съ другой — Карскимъ моремъ, длинной и узкой дугой тянется отъ береговъ Европы въ самую глушь Сѣвернаго океана. Южная оконечность этого острова, который по его обширности можно назвать континентомъ, лежитъ приблизительно у $70^1/_2{}^0$, а сѣверная у 77^0 с. ш. Чтобы судить о пространствѣ острова, достаточно сказать, что онъ приблизительно равенъ двумъ сосѣднимъ губерніямъ Лифляндской и Курляндской вмѣстѣ взятымъ и болѣе Ирландіи. Извилистый проливъ длиною въ 95 верстъ раздѣляетъ Новую Землю на двѣ части—меньшую южную и большую сѣверную, которыя отстоятъ другъ отъ друга не болѣе какъ на семь верстъ, мѣстами же разстояніе между ними не превышаетъ 300 саженъ. Проливъ этотъ носитъ нѣсколько странное названіе Маточкинъ Шаръ. По мнѣнію однихъ, слово Маточкинъ происходитъ отъ маточка, т. е. маленькій компасикъ, употребляемый поморами, по мнѣнію другихъ отъ матка, или матерая земля, такъ какъ проливъ перерѣзываетъ самый островъ. Словомъ «шаръ» русскіе промышленники обозначаютъ собственно проливъ, ведущій изъ одного моря въ другое.

Сѣверные берега Новой Земли.

Внутренность острова почти совсѣмъ неизвѣстна, и только прибрежья его изслѣдованы болѣе или менѣе подробно. Хотя волны неугомоннаго океана значительно изрыли Новую Землю и образовали въ ней много глубокихъ заливовъ и бухтъ, но, окруженные островами, подводными рифами и скалами, берега острова мало доступны для судовъ—они очень «костливы» по живописному выраженію русскихъ промышленниковъ. Начиная отъ Кусова Носа — самой южной оконечности Новой Земли, по южному и западному прибрежью мы находимъ бухту: Каменку, гдѣ зимовалъ Пахтусовъ въ 1832 — 1833 году, а затѣмъ, миновавъ нѣсколько губъ, Костинъ Шаръ, глубоко вдающійся въ материкъ проливъ, отдѣляющій отъ него довольно большой низменный островъ Междушарскій. Это одно изъ опаснѣйшихъ для судовъ мѣстъ на Новой Землѣ. Подвигаясь далѣе на сѣверъ, мы встрѣчаемъ узкую и низкую полосу земли, простирающуюся въ длину верстъ на 200 и сильно выдавшуюся въ океанъ. Это такъ называемая Гусиная Земля; она лежитъ надъ уровнемъ моря сажени на 2 — 3 и замыкается со стороны материка цѣпью довольно высокихъ, обрывистыхъ скалъ. Сейчасъ за Гусиною Землею къ сѣверу начинается обширный заливъ Моллера со множествомъ губъ и становищъ, затѣмъ заливъ маркиза де-Траверсе, берега котораго также изрѣзаны бухтами. Почти по срединѣ этого залива находится западное устье Маточкина Шара, у входа въ который стоятъ два мыса — съ юга Столбовый, а съ сѣвера Серебряный. Далѣе къ сѣверу мы встрѣчаемъ губу Серебряную и нѣсколько заливовъ, за которыми далеко вдается въ море полуостровъ Адмиралтейства. За этимъ полуостровомъ берегъ еще мало изслѣдованъ. Сѣверную оконечность западнаго побережья составляетъ мысъ Нассау, отъ котораго начинаются сѣверные берега острова, простирающіеся до мысовъ Ледянаго и Морица, самаго сѣвернаго пункта Новой Земли. Восточныя окраины острова еще не изслѣдованы хорошо. Недалеко отъ мыса Морица находится мысъ Желанія или Флиссингенскій — самая восточная оконечность острова, затѣмъ далѣе къ югу лежитъ Ледяная гавань, мѣсто зимовки Баренца, и мысы: Вел. князя Алексѣя, Миддендорфа и пр. Еще далѣе къ юго-западу берега описаны Пахтусовымъ и Циволькою, и здѣсь находятся мысы Выходной и Рока, между которыми лежитъ восточное устье Маточкина Шара.

Наиболѣе важными пунктами прибрежья являются мѣста, гдѣ въ море впадаютъ значительныя рѣки, изобилующія гольцами (разновидность семги). Между новоземельскими рѣками

самой большой считается Нехватова, впадающая въ Костинъ Шаръ. Она имѣетъ около 80 верстъ длины, и глубина ея доходитъ до 4 саженъ при ширинѣ до 20 саженъ. Берега Нехватовой гористы и состоятъ изъ утесовъ, возвышающихся мѣстами футовъ до 70-ти. На своемъ теченіи рѣка имѣетъ пороги и проходитъ черезъ два озера, изъ которыхъ верхнее прѣсноводное, а нижнее соленое. Эта рѣка болѣе всѣхъ другихъ изобилуетъ гольцами, а по берегамъ ея водится много оленей, вслѣдствіе чего она является самымъ любимымъ становищемъ новоземельскихъ промышленниковъ. На восточномъ берегу самой большой рѣкой считается Савина, по словамъ Пахтусова, глубокая и многоводная.

Дикія и угрюмыя картины суровой полярной природы смѣняются одна за другою передъ глазами путешественника, плывущаго вдоль береговъ Новой Земли. За исключеніемъ плоской южной ея оконечности, повсюду на западномъ берегу видны обнаженныя каменныя громады, которыя то круто низвергаются въ море, волнующееся у ихъ темныхъ подножій, то тянутся рядами отдѣльныхъ вершинъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега. Острые обломки вывѣтрившихся скалъ, раскиданные по склонамъ горъ, усиливаютъ характеръ дикости и запустѣнія страны. Порой гдѣ нибудь въ глубинѣ бухты покажется полуразвалившаяся изба, съ группой высокихъ могильныхъ крестовъ — мѣсто стоянки неустрашимыхъ промышленниковъ Сѣвернаго океана, и еще тяжелѣе станетъ на душѣ у путника. Чѣмъ далѣе подвигаешься на сѣверъ, тѣмъ горы становятся выше, массивнѣе и многочисленнѣе, а у Маточкина Шара онѣ учащаются до того, что взорамъ представляется одинъ только лабиринтъ горъ самыхъ разнообразныхъ формъ. Отсутствіе растительности придаетъ ландшафту мрачный, безжизненный видъ, и повсюду, вмѣсто живой природы болѣе счастливыхъ странъ, наблюдатель встрѣчаетъ одинъ только суровый каменный скелетъ земли.

По изслѣдованіямъ геолога Гёфера, центральныя части Новой Земли по своему рельефу представляютъ длинный горный хребетъ, который тянется отъ юго-запада къ сѣверо-востоку между 72^0 и $75^1/_2{}^0$ с. ш. и у Маточкина Шара достигаетъ наибольшей высоты. Отъ главной цѣпи отдѣляются побочные кряжи, идущіе почти перпендикулярно къ берегамъ и обусловливающіе образованіе здѣсь многочисленныхъ фіордовъ и бухтъ. Поперечныя долины между этими кряжами къ сѣверу отъ Крестоваго залива наполнены глетчерами, которые иногда встрѣчаются и въ окрестностяхъ Маточкина Шара; въ южныхъ же частяхъ острова вслѣдствіе менѣе значительнаго возвышенія страны, глетчеровъ вовсе нѣтъ.

О сильномъ впечатлѣніи, какое производили на душу первыхъ полярныхъ мореплавателей величавыя горы Новой Земли, можетъ свидѣтельствовать тотъ фактъ, что по мнѣнію, распространенному два или три вѣка тому назадъ, самыя величайшія горы земнаго шара должны были находиться именно на этомъ пустынномъ островѣ Сѣвернаго океана. Въ дѣйствительности, горы Новой Земли вовсе не высоки, хотя вершины многихъ изъ нихъ скрываются въ облакахъ. Такъ гора Первоусмотрѣнная имѣетъ въ вышину 1,840 футовъ, гора на южномъ берегу Маточкина Шара, противъ Моржоваго мыса—3,156 футовъ, Митюшевъ Камень близъ западнаго устья Маточкина Шара 3,200 футовъ, наконецъ гора у восточнаго устья этого залива, самая высокая изо всѣхъ, не превосходитъ 4,000 футовъ по глазомѣрной оцѣнкѣ Бэра.

Горы Новой Земли состоятъ главнымъ образомъ изъ глинистаго сланца, который распространенъ по всему острову, но рѣзче всего обнаруживается на восточномъ побережьѣ, гдѣ пласты его занимаютъ обширныя пространства и достигаютъ наибольшей толщины. Мѣстами изъ глинистаго сланца выступаетъ слюдистый талькъ. Затѣмъ слѣдуетъ тальковый сланецъ, преобладающій въ западныхъ частяхъ острова около Маточкина Шара. Въ этой каменной породѣ въ изобиліи попадаются кристаллы желѣзнаго колчедана, который иногда подъ вліяніемъ атмосферныхъ измѣненій вывѣтривается, обращаясь въ бурый желѣзнякъ, вслѣдствіе чего обрушиваются цѣлыя горныя массы, какъ напримѣръ у горы Сѣдло въ серединѣ Маточкина Шара. Всѣ сланцы Новой Земли проникнуты громадными кварцовыми жилами, въ

Видъ на Маточкинъ шаръ въ Новой Землѣ.

которыхъ нерѣдко попадаются гнѣзда горнаго хрусталя. Иногда тальковый сланецъ разрыхляется въ мелкій порошокъ съ серебристымъ блескомъ, и въ такомъ видѣ встрѣчается въ большомъ количествѣ около губы Серебрянки. Вѣроятно, это обстоятельство—одна изъ причинъ стариннаго повѣрья объ изобиліи драгоцѣнныхъ металловъ, и особенно серебра, въ нѣдрахъ Новой Земли — повѣрья, которое, нужно думать, по той же причинѣ было распространено и относительно другихъ странъ глубокаго Сѣвера. Изъ прочихъ горныхъ породъ на Новой Землѣ есть еще сѣрый кварцъ, сѣрый известнякъ безъ окаменѣлостей, черный известнякъ, наполненный ортоцератитами, миндальный камень и авгитовый порфиръ. Вообще весь островъ состоитъ изъ горныхъ породъ самыхъ древнихъ формацій (силурійской, девонской и каменноугольной), и сила, выдвинувшая его изъ нѣдръ моря, продолжаетъ дѣйствовать и нынѣ, такъ какъ повсюду на берегахъ видны ряды терассъ съ морскими раковинами. По разсчету Норденшельда, восточное побережье Новой Земли въ теченіе только послѣдней геологической эпохи должно было подняться по крайней мѣрѣ на 500 футовъ.

Благодаря своему островному положенію и Гольфстрему, омывающему ея западные берега, Новая Земля имѣетъ климатъ менѣе суровый, чѣмъ нѣкоторыя страны, лежащія южнѣе ея. По опредѣленію Бэра, выведенному на основаніи многочисленныхъ наблюденій, средняя температура года для западнаго устья Маточкина Шара равна — $8._{37}{}^{0}$ Ц., а для юго-восточнаго конца Новой Земли — $9._{15}{}^{0}$ Ц. Такимъ образомъ Новая Земля, хотя и холоднѣе чѣмъ средина западной Гренландіи, Лабрадоръ (—$3._{4}{}^{0}$ Ц.), южные и западные берега Шпицбергена (— 7^{0} Ц.), но всетаки имѣетъ климатъ болѣе теплый, чѣмъ Нижнеколымскъ (—10^{0} Ц.), Устьянскъ (— $15._{84}{}^{0}$ Ц.) и вообще весь нижній бассейнъ Лены и сосѣднихъ рѣкъ. Но если средняя температура года сама по себѣ и не такъ низка, какъ можно было думать, судя по положенію острова, за то распредѣленіе тепла по временамъ года крайне неблагопріятно для развитія и поддержанія органической жизни. Правда, здѣсь не бываетъ такой стужи, какъ въ холодныхъ странахъ съ чисто континентальнымъ климатомъ, и средняя температура зимы равна только — $19._{06}$ Ц., между тѣмъ какъ въ Устьянскѣ она — 33^{0} Ц., а въ Якутскѣ — $42._{5}{}^{0}$ Ц., но лѣто съ средней температурой въ $+2._{53}{}^{0}$ Ц., похожее на осень Петербурга, принадлежитъ къ числу самыхъ холодныхъ на земномъ шарѣ. Лѣтніе дни, когда температура доходитъ до $+7._{5}{}^{0}$ и $+9._{5}{}^{0}$, бываютъ очень рѣдко, и лишь одинъ разъ Пахтусову удалось наблюдать въ началѣ августа — самаго теплаго мѣсяца на Новой Землѣ — температуру въ $+11._{5}{}^{0}$ Ц. Да и эта степень тепла была замѣчена на западномъ берегу острова, на восточной же его окраинѣ, вслѣдствіе близости льдовъ Карскаго моря, наивысшая температура, по наблюденіямъ Бэра, доходила лѣтомъ только до $+7._{5}{}^{0}$ Ц.

Самый сильный холодъ, замѣченный на Новой Землѣ, былъ — 40^{0} Ц. (въ губѣ Каменкѣ), но такой холодъ представляется исключительнымъ, и вообще на западномъ берегу температура рѣдко опускается ниже — 30^{0} Ц. Холоднѣйшимъ мѣсяцемъ въ году является февраль, и это обстоятельство объясняется тѣмъ, что къ началу весны ледяной покровъ Сѣвернаго океана имѣетъ самую большую поверхность и сильнѣе всего по этой причинѣ охлаждаетъ воздухъ.

Не смотря на незначительную ширину Новой Земли, между западными и восточными ея берегами замѣчается довольно рѣзкая противоположность не только относительно температуры, но также относительно и другихъ климатическихъ явленій. Напримѣръ, при сравненіи метеорологическихъ наблюденій, которыя были произведены Пахтусовымъ весной 1835 года на западномъ берегу съ одновременными наблюденіями Цивольки на восточномъ побережьѣ, оказалось, что въ тѣ дни, когда у одного была ясная погода и онъ могъ дальше всего видѣть, у другаго стояла погода пасмурная и онъ совсѣмъ не могъ производить астрономическихъ наблюденій. То же самое обнаружилось и осенью, когда Пахтусовъ былъ на восточномъ, а Циволька на западномъ берегу. Эта противоположность въ значительной степени обусловливается направленіемъ горъ, которыя длинной цѣпью тянутся по западному побережью острова и умень-

шаютъ вліяніе Сѣвернаго океана на окраины суши. Вслѣдствіе присутствія этой горной цѣпи, сырые западные вѣтры, пройдя чрезъ горы и осадивъ въ нихъ свои пары, достигаютъ

Видъ береговъ Новой Земли.

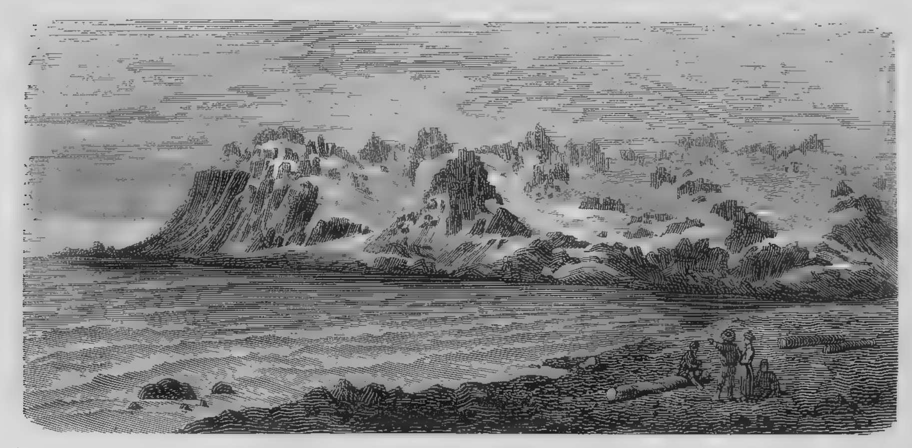
восточнаго берега уже сухими, точно т..кже осушаются достигающіе западныхъ склоновъ и восточные вѣтры, бывающіе влажными въ то время, когда Карское море не покрыто льдомъ.

Береговыя горы Новой Земли.

Что касается свойства разныхъ вѣтровъ на Новой Землѣ, то сильный сѣверо-западный почти всегда сопровождается пасмурнымъ небомъ съ мелкимъ дождемъ, а сильный сѣверо-восточный — туманомъ, приносимымъ имъ съ ледяныхъ полей. Вообще климатъ Новой Земли характеризуется сильными вѣтрами, которые тянутся по цѣлымъ недѣлямъ, а зимою нерѣдко превращаются въ ужасныя мятели, свирѣпствующія съ такой силой, что человѣкъ не можетъ устоять на ногахъ и въ пяти шагахъ ничего не видитъ. Застигнутые подобной бурей, люди заживо погребаются въ снѣгу, и даже становыя избы совершенно заносятся снѣжными сугробами. Въ одну изъ зимнихъ вьюгъ Розмысловъ навсегда потерялъ одного изъ своихъ спутниковъ, а Пахтусовъ и нѣсколько его товарищей, захваченные врасплохъ снѣжной бурей, принуждены были броситься на землю и, занесенные скоро снѣгомъ, провели въ такомъ

положенiи безъ пищи трое сутокъ. Подъ влiянiемъ вѣтровъ погода на Новой Землѣ очень измѣнчива, и ненастье часто смѣняется ясными днями. Въ такiе дни воздухъ имѣетъ необыкновенную прозрачность — онъ кажется вовсе безцвѣтнымъ, и отдаленныя горы рисуются какъ на ладони. Отъ преломленiя лучей свѣта въ неравномѣрно нагрѣтомъ воздухѣ происходитъ явленiе миража и берега иногда кажутся приподнятыми. Вода моря также чрезвычайно прозрачна. Литке,

Митюшевъ Камень на западномъ берегу Новой Земли.

желая провѣрить въ этомъ отношенiи разсказы старинныхъ путешественниковъ, показавшiеся ему невѣроятными, опустилъ въ воду бѣлый кружокъ и прослѣдилъ его до глубины 12 саженъ, которая даже превзошла показанiя прежнихъ наблюдателей.

Лѣтомъ и осенью идутъ обильные дожди, особенно при западныхъ вѣтрахъ. Нерѣдко въ это время выпадаетъ и снѣгъ, иногда дюйма на три; зимою же на ровныхъ мѣстахъ земля покрывается снѣгомъ на сажень, а снѣжные сугробы наносятся саженъ въ пять вышиною. Во второй половинѣ апрѣля снѣгъ начинаетъ таять, а къ исходу мая въ низменностяхъ его обыкновенно уже нѣтъ, и появляется трава. Рѣки вскрываются въ началѣ iюня, а закрытые заливы въ iюлѣ, иные же изъ нихъ не освобождаются ото льда круглый годъ. Точно также есть мѣста не только въ горахъ, но и на берегу моря, въ которыхъ снѣгъ никогда не пропадаетъ. Напримѣръ, Бэръ видѣлъ въ исходѣ августа, когда уже наступала зима, въ одной изъ теплѣйшихъ мѣстностей Новой Земли, а именно въ Костиномъ Шарѣ, подлѣ самаго берега громадные снѣжные бугры. Въ горахъ снѣжные завалы простираются иногда на цѣлыя версты при вышинѣ въ нѣсколько тысячъ футовъ. Понятно, что такiя массы снѣга должны охлаждать воздухъ, и дѣйствительно, Бэръ нашелъ, что термометръ постоянно опускался на 1—2 градуса, когда дорога шла мимо такихъ заваловъ. Преимущественно снѣгъ скопляется въ расщелинахъ и изгибахъ горъ, острые же гребни ихъ обыкновенно безснѣжны, и даже на округленныхъ вершинахъ попадаются совершенно обнаженныя мѣста. Вообще для горъ глубокаго Сѣвера очень трудно указать границу вѣчнаго снѣга, присутствiе котораго въ значительной степени зависитъ въ полярныхъ странахъ отъ мѣстныхъ условiй. Иногда изъ двухъ близкихъ параллельныхъ кряжей въ одномъ какой-либо склонъ совершенно лишенъ снѣга, тогда какъ у другаго кряжа соотвѣтствующiй склонъ весь бѣлѣетъ отъ густаго покрова снѣга. Среднимъ числомъ за границу вѣчнаго снѣга можно принять высоту въ 2,000 футовъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ снѣгъ никогда не сходитъ, почва остается всегда мерзлой, да и въ другихъ мѣстахъ этого холоднаго острова земля рѣдко оттаиваетъ глубже $2\frac{1}{2}$ — $2\frac{3}{4}$ футовъ. Бэру даже случалось уже на глу-

бинѣ $2^1/_2$ футовъ находить толстые слои чистаго льда — этой своего рода горной породы глубокаго Сѣвера.

Отсутствіе тундръ, какъ сухихъ, такъ и мокрыхъ, безплодная каменистая почва, оттаивающая на такую малую глубину, короткое и холодное лѣто — всѣ эти обстоятельства придаютъ растительности Новой Земли своеобразный характеръ, во многихъ отношеніяхъ отличающій ее отъ флоры сосѣдняго европейскаго побережья. Въ общемъ новоземельская флора носитъ альпійскій и даже высоко-альпійскій характеръ, то есть, такой какъ въ мѣстностяхъ, лежащихъ у границы вѣчнаго снѣга. Не только не видно связнаго травянаго ковра, но даже рѣдко можно замѣтить сплошное моховое пространство. Одни корообразные ягели покрываютъ многочисленныя скалы Новой Земли, преимущественно утесы авгитоваго порфира, которые кажутся отъ нихъ совершенно пестрыми. Особенно часто встрѣчается ягель Verrucaria geographica. Богаче растительность на вывѣтрившихся скалахъ, покрытыхъ измельченнымъ щебнемъ. Здѣсь уже встрѣчаются травянистыя растенія изъ рода камнеломокъ (Saxifraga oppositifolia), незабудокъ (Myosotis villosa) и другихъ (Silene acaulis, Arenaria rubella, ciliata, Draba alpina, androsacea, micropetala, hirta, muricella, Dryas octopetala). Все это растенія типа альпійской флоры съ красивыми крупными цвѣтами, разстилающія свои короткіе и многочисленные стебельки по землѣ въ видѣ дерна. Въ мѣстахъ глинистыхъ къ этимъ растеніямъ присоединяются мхи и пухоносцы (Eriophorum capitatum и другіе), скучивающіеся въ бороздкахъ, которыя происходятъ отъ растрескиванія глины при ея высыханіи и дѣлятъ почву на множество разнообразныхъ многоугольниковъ. Наконецъ иногда попадаются небольшія пространства, гдѣ земля одѣта густымъ зеленымъ покровомъ, состоящимъ преимущественно изъ разныхъ лютиковъ (Ranunculae). Такія цвѣтущія желтыя лужайки можно найти или на выдающихся известковыхъ утесахъ, которые сильнѣе другихъ нагрѣваются лучами солнца и часто посѣщаются пеструшками, разрыхляющими и унавоживающими почву, или тамъ, гдѣ подъ вліяніемъ солнца и другихъ благопріятныхъ обстоятельствъ легко разлагаются части земли, и она не охлаждается стекающей съ горъ снѣговой водой, или же изрѣдка тамъ, гдѣ почва удобрена растительнымъ перегноемъ.

Особенно сильно поражаетъ наблюдателя разнообразіе видовъ растеній, скученныхъ на небольшомъ пространствѣ при маломъ числѣ недѣлимыхъ, и преобладаніе цвѣтовъ надъ листьями — явленія, вообще свойственныя флорѣ полярныхъ странъ. На протяженіи нѣсколькихъ десятковъ квадратныхъ саженъ можно встрѣтить и золотистые лютики, и багровые цвѣтки Silene acaulis, и красивую каменоломку — Saxifraga oppositofolia, и синіе Polemonium, и бѣлые Cerastium, и голубыя незабудки, и множество другихъ. Эти растенія, перемѣшанныя довольно равномѣрно, находятся на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга и не заглушаются сорными травами, какъ у насъ, такъ что новоземельскіе луга кажутся искусственно засѣянными и тщательно содержимыми цвѣточными грядами. Малое число недѣлимыхъ въ каждомъ видѣ зависитъ отъ слабости жизни въ растеніяхъ, которыя не имѣютъ достаточно силъ, чтобы произвести плоды и дать послѣ себя большое потомство. Только въ наиболѣе благопріятныхъ мѣстахъ растенія могутъ распустить цвѣтокъ и развить плодъ, да и то большею частью къ концу лѣта, у иныхъ же созрѣваніе плода оканчивается, повидимому, подъ снѣгомъ. Наконецъ есть и такія растенія, которыя никогда не доходятъ до образованія плода и всю жизнь

Миражъ на Новой Землѣ.

проводятъ лишь въ произведеніи однихъ листьевъ. Существованіе подобныхъ растеній наводитъ на мысль о переселеніи ихъ, при посредствѣ льдинъ, въ видѣ сѣмянъ или корней изъ сосѣднихъ странъ, и дѣйствительно наблюденія Бэра позволяютъ заключить, что эти переселенія играютъ немаловажную роль въ растительной жизни Новой Земли. Бэръ нашелъ, что морскіе берега обильнѣе растеніями, чѣмъ болѣе удаленныя отъ моря мѣста, и особенно рѣзко отличаются въ этомъ отношеніи тѣ прибрежья, передъ которыми нѣтъ островковъ.

Вся растительная жизнь Новой Земли сосредоточивается въ верхнихъ слояхъ почвы и нижнихъ слояхъ воздуха, какъ самыхъ теплѣйшихъ, и по этой-то причинѣ растенія такъ незначительно подымаются надъ поверхностью земли и такъ мало углубляются въ почву. Обыкновенно они стелятся на землѣ въ видѣ дерна, а если и возвышаются, то большею частью дюйма на два, на три, изрѣдка на 4—5 и очень рѣдко на шесть, такъ что выше 6 — 8 дюймовъ воздухъ уже не имѣетъ въ себѣ достаточно теплоты для развитія почки. Корни только тогда погружаются въ землю, когда они очень коротки, и во всякомъ случаѣ не ниже 4 дюймовъ, большею же частью тянутся по землѣ почти горизонтально на большую длину, какъ напримѣръ, по словамъ Бэра, у Silene acaulis, иногда дюймовъ на 18-ть. Даже тѣ растенія (напримѣръ Valeriana capitata), которыя въ болѣе южныхъ широтахъ опускаютъ корень прямо въ землю, здѣсь разстилаютъ его по землѣ. То же самое замѣчается и у древянистыхъ породъ. Самая обыкновенная изъ нихъ ива—Salix polaris едва торчитъ изъ моха на полдюйма и имѣетъ видъ тонкой соломенки съ двумя листиками, иногда снабженной сережками; но вырвать ее изъ почвы крайне трудно, такъ какъ корни тянутся во мху и по землѣ на большое разстояніе. Наивысшій изъ новоземельскихъ кустарниковъ Salix lanata подымается до четверти аршина, а корни его, обнаженные отъ земли, тянутся иной разъ футовъ на 10—12, имѣя въ толщину до двухъ дюймовъ. Такимъ образомъ дерево на Новой Землѣ существуетъ болѣе въ почвѣ, чѣмъ надъ нею, если не считать лежащихъ въ изобиліи на берегахъ громадныхъ стволовъ сосны, ели и лиственицы, выносимыхъ могучими сѣверными потоками (Енисеемъ, Обью, Печорою) изъ дремучихъ лѣсовъ континента и прибиваемыхъ моремъ къ берегамъ полярныхъ островов.

«Одно изъ дѣйствій, производимыхъ на насъ отсутствіемъ деревъ и даже рослой травы, говоритъ Бэръ, — это чувство одиночества, овладѣвающее душою не только мыслящаго наблюдателя, но и самаго грубаго матроса. Это чувство не имѣетъ въ себѣ ничего стѣснительнаго; напротивъ того, въ немъ есть что-то торжественное, и оно можетъ быть сравниваемо только съ тѣмъ могучимъ впечатлѣніемъ, какое производитъ на насъ видъ Альповъ. Я не могъ подавить въ себѣ мысли, невольно мнѣ представившейся, будто теперь только-что настаетъ утро мірозданія, и вся жизнь еще впереди... Иногда, правда, видишь движущееся по землѣ животное, иногда вдали отъ берега видна большая чайка, носящаяся по воздуху, но этого недовольно для оживленія ландшафта. Недостаетъ, при тихой погодѣ, звуковъ и движенія, особенно когда предпримешь экскурсію внутрь страны, по удаленіи множества гусей, витающихъ во время линянія перьевъ по озерамъ. И безъ того уже скудныя на Новой Землѣ сухопутныя птицы не голосисты, беззвучны, также какъ сравнительно еще болѣе скудныя насѣкомыя. Даже песецъ слышенъ бываетъ только ночью. Это совершенное отсутствіе звуковъ, особенно господствующее въ ясные дни, напоминаетъ собою тишину могилы, и вдругъ выходящія изъ-подъ земли, прямо снующія передъ вами и столь-же внезапно опять исчезающія пеструшки являются какъ будто какими-то призраками. Однакожь вопреки этимъ слѣдамъ животной жизни, ея какъ будто бы нѣтъ, потому что мало замѣтно движенія. Въ другихъ странахъ мы привыкли видѣть, что листья высокихъ растеній и деревъ своимъ шелестомъ обнаруживаютъ присутствіе легкаго зефира; низкорослыя же деревца глубокаго Сѣвера недоступны и легчайшему вѣтерку—ихъ можно почесть какъ бы нарисованными. Да и почти невидать насѣкомыхъ, которыя бы искали на нихъ удовлетворенія своихъ потребностей. Изъ многочисленнаго семейства жуковъ нашлось одно только недѣлимое, коровка (Chrysomela), можетъ быть принадлежащая новому виду. Иногда, правда, въ солнечный день и на

согрѣтомъ мѣстѣ, напримѣръ около небольшихъ выдающихся скалъ, порхаетъ пчела, но она едва жужжитъ, какъ у насъ въ ненастные дни. Не много чаще встрѣчаются комары и мухи, но и они такъ рѣдки, такъ смирны и вялы, что ихъ должно почти искать, чтобы замѣтить. Я не припомню, чтобы кто нибудь изъ насъ жаловался на укушеніе комара, и почти невольно стоскуешься по этимъ назойливымъ воздушнымъ обитателямъ Лапландіи, дающимъ почувствовать хотя нѣсколько жизни въ природѣ.»

Но хотя животный міръ Новой Земли и неразнообразенъ, все-таки онъ несравненно совершеннѣе, чѣмъ скудная, чахлая ея растительность. Изъ сухопутныхъ млекопитающихъ мы, во-первыхъ, находимъ здѣсь бѣлаго медвѣдя, или ошкуя — царя полярныхъ пустынь, который встрѣчается на всемъ островѣ, но преимущественно водится по сѣвернымъ и восточнымъ берегамъ. Пища бѣлыхъ медвѣдей состоитъ изъ разной падали и морскихъ животныхъ, особенно тюленей, но иногда даже моржъ, не смотря на всю свою силу, одолѣвается одинъ-наодинъ медвѣдемъ и становится его добычей. Встрѣчи съ такимъ сильнымъ и свирѣпымъ звѣремъ очень опасны, но подчасъ медвѣдь обнаруживаетъ большую трусость. Пахтусовъ приводитъ нѣсколько случаевъ, когда перепуганные появленіемъ медвѣдя люди отъ страха принимались кричать и этимъ такъ пугали звѣря, что тотъ безъ оглядки убѣгалъ.

Кромѣ медвѣдей, изъ другихъ хищниковъ на Новой Землѣ попадаются волки и лисицы, забѣгающіе въ зимнее время съ континента, и водятся во множествѣ песцы или полярныя лисицы (Canis lagopus). Отъ настоящей лисицы это животное отличается цвѣтомъ шерсти, которая зимою бѣлая, а лѣтомъ голубая или темнопепельная. Питаются песцы трупами выбрасываемыхъ моремъ животныхъ, а также пеструшками; но зимою, когда норы пеструшекъ заносятся снѣгомъ, песцы иногда отъ голода поѣдаютъ другъ друга. Еще многочисленнѣе пеструшки или песцовки (Mus Lemmus) — родъ полевыхъ мышей съ короткимъ хвостомъ и пушистой шерстью, отчего онѣ кажутся круглыми. О многочисленности пеструшекъ можно судить по тому, что склоны горъ во всѣхъ направленіяхъ изрыты норами этихъ звѣрковъ, питающихся разными травами, преимущественно листьями и цвѣтками. Иначе, еслибы онѣ поѣдали и корни, то могли бы, пожалуй, истребить всю растительность Новой Земли. Изъ жвачныхъ животныхъ здѣсь водится сѣверный олень (Cervus Tarandus), кормомъ для котораго зимою служитъ бѣлый мохъ или ягель, а лѣтомъ разныя травы. Новоземельскій олень, хотя уступаетъ нѣсколько въ величинѣ лапландскому, но больше шпицбергенскаго, и встрѣчается цѣлыми стадами, особенно вблизи озеръ и на болотистыхъ моховыхъ низменностяхъ восточнаго побережья.

Сухопутныхъ птицъ на Новой Землѣ немного. Коренной обитательницей является снѣжная сова (Stryx nivea). Затѣмъ попадаются снѣжныя пумачки (Plectrophanes nivalis), родъ камнешарки (Srepsilus collaris), морской турухтанъ (Tringa maritimus) и родъ сарыча (Falco buteo). Говорятъ, есть и орлы. Но морскія перелетныя птицы, какъ и вездѣ на сѣверѣ, здѣсь очень многочисленны. Цѣлыя стаи кайръ (Uria Troile) унизываютъ прибрежные террасообразные утесы, называемые у промышленниковъ *базарами*. На уединенныхъ скалахъ живетъ сѣрая чайка (Larus glaucus), или бургомистръ, получившая это почетное имя отъ голландскихъ китолововъ, вѣроятно потому, что она, нисколько не стѣсняясь присутствіемъ рыбаковъ, выбираетъ любую изъ выбрасываемыхъ на берегъ рыбъ. Кромѣ того попадаются чайки другихъ породъ, извѣстныя у промышленниковъ подъ именами: щеголихъ, чирковъ, глупышей и проч. Южныя части острова изобилуютъ гусями, утками (Anas glacialis), гагарами и извѣстными гагками, гнѣздящимися въ утесистыхъ неприступныхъ мѣстахъ.

Воды Новой Земли принадлежатъ къ числу немногихъ мѣстъ, гдѣ въ значительномъ числѣ водятся моржи (Trichecus rosmarus). Эти морскія чудища, величиною съ вола ($5—6^1/_2$ аршинъ), съ длинными, крѣпкими клыками, встрѣчаются вездѣ у береговъ острова, но особенно въ сѣверныхъ его частяхъ. Толстыя и короткія переднія ноги ихъ, раздѣленныя на пять ногтистыхъ пальцевъ съ перепонками, позволяютъ имъ ползать по сушѣ, и они любятъ выходить

на берегъ, чтобы грѣться на солнцѣ. Тюлени очень многочисленны и встрѣчаются преимущественно двухъ видовъ: нерпа, или обыкновенный тюлень (Phoca hispida, vitulina seu canina), съ шерстью серебристаго цвѣта, и морской заяцъ (Phoca leporina, albigena), покрытый черновато-желтою шерстью и нѣсколько больше предъидущаго (до 4 аршинъ). Иногда попадается тевякъ (Phoca cristata). Затѣмъ очень много разныхъ видовъ дельфиновъ, изъ которыхъ особенно важна бѣлуха (Delphinus Leucas), составляющая предметъ значительнаго промысла. Изъ китообразныхъ есть гиббары (Balaenoptera) — родъ кита съ весьма короткою бородою.

Спасательный пріютъ въ заливѣ Моллера.

Число видовъ новоземельскихъ рыбъ очень ограниченно, и Бэръ нашелъ ихъ не болѣе 10-ти. Изъ нихъ важны въ промышленномъ отношеніи голецъ (Salmo alpinus) — родъ семги съ едва замѣтными чешуйками, затѣмъ отчасти омуль (Salmo omul) и треска (Gadus).

Новая Земля необитаема человѣкомъ. Въ давнія времена гонимые за вѣру раскольники иногда удалялись на этотъ глухой островъ, чтобы въ его безлюдныхъ пустыняхъ найти миръ своей совѣсти; но всѣ попытки поселиться здѣсь кончались неудачей и вели къ полному вымиранію поселенцевъ. Такъ вымерло цѣлое семейство Строгановыхъ, бѣжавшее сюда въ XVI вѣкѣ изъ Новгорода и поселившееся близъ губы Строгановой, которая получила свое имя въ память этихъ несчастныхъ. Двѣ полуразвалившіяся избы и нѣсколько могильныхъ крестовъ съ надписями еще во времена Лепехина стояли на берегу бухты, навѣвая грустныя думы о людской нетерпимости. Другое раскольничье семейство Пайкачевыхъ, изъ 12 лицъ, удалившихся въ 1763 году изъ Кеми на берега бухты Черной, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ погибло отъ цынги до единаго человѣка. Въ 1823 году одинъ самоѣдъ по имени Мавей, потерявъ, вслѣдствіе падежа, всѣхъ своихъ оленей, далъ обѣтъ идоламъ перезимовать на Новой Землѣ. Къ веснѣ нѣсколько труповъ были найдены валявшимися въ избѣ и около нея, самъ же Мавей пропалъ безъ вѣсти. Мы уже не говоримъ о сотняхъ безвѣстныхъ промышленниковъ, погибшихъ въ полномъ цвѣтѣ силъ и здоровья во время зимовокъ на Новой Землѣ. Главнымъ врагомъ человѣка является ужасный бичъ полярныхъ странъ — цынга или скорбутъ.

Въ недавнее время (въ 1877 году) на Новой Землѣ устроена спасательная станція для поданія помощи потерпѣвшимъ кораблекрушеніе. Она находится подъ $72^1/_2{}^\circ$ с. ш. въ заливѣ Моллера на берегахъ Малокормакульской бухты, въ которой суда могутъ безопасно зимовать. Здѣсь выстроены жилая изба, баня, сторожка, пороховой погребъ, и поселены шесть самоѣдскихъ семей. Въ видахъ пожара, постройки расположены на большомъ разстояніи одна отъ другой,

а сторожка лежитъ на высокомъ холмѣ и служитъ одновременно мѣстомъ наблюденія и маякомъ для путешественниковъ. Въ этотъ-то поселокъ отправилось на зимовку и образованное семейство: штурманскій офицеръ Тягинъ съ женою.

Но, не смотря на всѣ опасности, человѣкъ идетъ въ этотъ обдѣленный природою край. Однихъ тянетъ туда жажда знанія, но большинство гонитъ нужда. Скудная природа сѣверныхъ странъ, неудовлетворяющая самыхъ насущныхъ потребностей человѣка, давно заставила русскихъ поморовъ обратиться къ морю, чтобы въ немъ искать средствъ для борьбы съ голодомъ. «Море, говорятъ они, вотъ наше поле, наша пашня».

Прибытіе промышленниковъ на Новую Землю.

Жизнь среди нужды и постоянныхъ опасностей закалила этихъ сыновъ Сѣвера и выработала изъ нихъ неустрашимыхъ моряковъ. Многіе поморы въ своихъ еле живыхъ суденышкахъ безъ картъ, съ кое-какимъ компасомъ, изъѣздили по всевозможнымъ направленіямъ европейскую часть Сѣвернаго океана, зимовали по нѣскольку разъ на Новой Землѣ, бывали и на Грумантѣ (Шпицбергенѣ). Замѣчательный примѣръ ихъ предпріимчивости и смѣлости представляетъ мезенскій крестьянинъ Ѳедотъ Рахманинъ, который съ 17-ти-лѣтняго возраста, изъ года въ годъ, въ теченіе 40 лѣтъ, ходилъ въ океанъ, 26 разъ зимовалъ на Новой Землѣ, 6 разъ на Шпицбергенѣ и 5 разъ плавалъ въ Енисей.

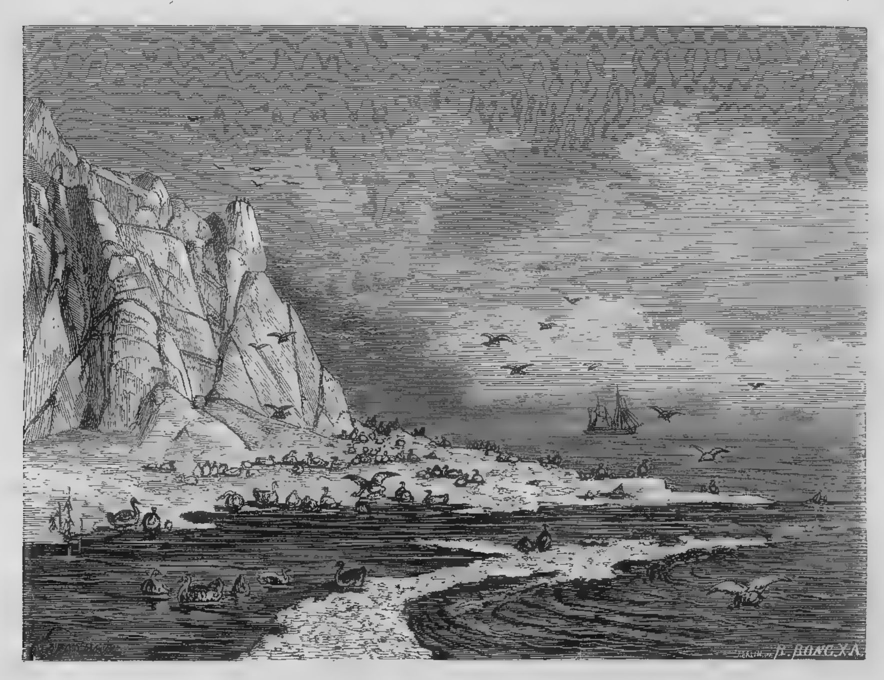
Морскими промыслами на Новой Землѣ преимущественно занимаются мезенцы и ижемцы, и предметами лова являются моржи, тюлени и бѣлуха. Самый трудный и опасный изъ этихъ промысловъ, хотя и довольно выгодный, представляетъ бой моржей. Въ ясный, хорошій день промышленники выѣзжаютъ на своихъ легкихъ карбасахъ въ открытое море. Они тщательно осматриваютъ попадающіяся на пути льдины, и если имъ удастся отыскать стадо моржей, любящихъ въ теплую погоду грѣться на солнцѣ, то, приставъ къ льдинѣ, они стараются осторожно приблизиться къ моржамъ со стороны противоположной вѣтру, чтобы не выдать своего присутствія. Подступивъ къ мѣсту расположенія стада, промышленники преграждаютъ моржамъ, посредствомъ своихъ острогъ, путь къ водѣ и къ отдушинѣ, находящейся обыкновенно посрединѣ льдины. Понятно, что для этого требуется большое проворство и опытность. Если это удяется сдѣлать, то промышленники нападаютъ на моржей, которые, не видя ни откуда спасенія, сбиваются въ кучу и взлѣзаютъ одинъ на другаго, стараясь собственною тяжестью продавить льдину или растопить ее своею теплотою.

Изъ рѣчныхъ промысловъ самый важный ловъ гольцовъ. Эту рыбу ловятъ въ рѣкахъ, куда она заходитъ для метанія икры. Вбивъ въ рѣчное дно нѣсколько кольевъ, промышленники растягиваютъ между ними сѣть. Позади сѣти устраивается изъ плетня тайникъ, входъ въ который такъ узокъ, что въ него можетъ пройти не болѣе одного гольца. Въ этотъ-то тайникъ набивается рыба и вылавливается оттуда саками. Ловъ гольцовъ бываетъ иногда очень обиленъ. Такъ въ 1852 году двое промышленниковъ, въ одной рѣкѣ Нехватовой, поймали до 900 пудовъ гольцовъ; среднимъ числомъ уловъ на судно составляетъ около 300 пудовъ.

Между птицами первое мѣсто въ промышленномъ отношеніи занимаетъ гагка. Для предохраненія своихъ яицъ отъ холода, она покрываетъ ихъ пухомъ и перьями, выщипанными изъ груди и изъ-подъ крыльевъ. Добываніе этого драгоцѣннаго пуха чрезвычайно трудно, потому что гагка вьетъ свои гнѣзда въ ущельяхъ горъ и на неприступныхъ скалахъ, такъ что промышленники должны иной разъ спускаться на веревкахъ съ громадныхъ утесовъ, подымаю-

щихся отвѣсно надъ морскою пучиною. Изгнанная изъ одного гнѣзда, гагка вьетъ себѣ другое а если и это будетъ разорено, то третье и послѣднее. Сама гагка и ея яйца употребляются въ пищу, и послѣднія очень вкусны. Кромѣ гагокъ промышленники ловятъ еще гагарокъ и гусей, мясо которыхъ солятъ и въ бочкахъ отправляютъ въ Архангельскъ.

Вообще въ послѣднее время новоземельскіе промыслы находятся въ упадкѣ. Главнымъ образомъ это зависитъ, какъ показалъ Бэръ, отъ періодическаго увеличенія и уменьшенія числа

Видъ Колгуева.

животныхъ въ водахъ острова. Порой морскія животныя появляются у береговъ Новой Земли въ громадномъ количествѣ и привлекаютъ множество промышленниковъ, которые въ нѣсколько лѣтъ истребляютъ ихъ. Животныя, избѣгшія смерти, удаляются, нужно думать, въ самыя глухія мѣста Сѣвернаго океана и остаются тамъ, пока вновь не размножатся. Но съ другой стороны причины упадка кроются въ невѣжествѣ самихъ промышленниковъ, которые не вводятъ въ свои промыслы никакихъ улучшеній, а продолжаютъ вести ихъ по образу отцовъ и дѣдовъ.

Рѣзкую противоположность съ Новой Землей представляетъ Колгуевъ островъ, лежащій верстахъ въ 200 отъ Канинскаго Носа и по пространству равный среднему уѣзду внутренней Россіи (63 кв. мили или 3496 кв. километровъ). Вмѣсто громадныхъ скалъ и дикихъ ущелій, придающихъ новоземельской природѣ черты суроваго и гордаго величія, на Колгуевѣ глазъ видитъ одну лишь монотонную, кое-гдѣ испещренную озерами, низменность, производящую на душу впечатлѣніе жалкой приниженности.

Унылое однообразіе ландшафтовъ Колгуева только на востокѣ и сѣверо-западѣ нарушается нѣсколько песчаными возвышенностями, подымающимися въ высоту футовъ до 200, на остальномъ пространствѣ онъ представляетъ плоскую равнину, почва которой состоитъ изъ наносовъ не и имѣетъ ни одной каменной породы. Берега острова такъ же ровны, однообразны, какъ и его

внутренность. На всемъ ихъ 300 верстномъ протяженіи существуютъ лишь двѣ якорныя стоянки: Становой Шарокъ на востокѣ и устье рѣки Васькиной на югѣ, но и у нихъ входъ отчасти загороженъ «кошками».

Печальный Колгуевъ, съ своимъ холоднымъ климатомъ, съ своей безплодной почвой, протаивающей лѣтомъ на глубину двухъ футовъ и покрытой мохомъ да еще кой-какой чахлой растительностью, подобно Новой Землѣ не имѣетъ постояннаго населенія. Порой здѣсь зимуютъ самоѣды, оставленные русскими промышленниками для охоты въ продолженіе зимы на песцовъ, бѣлыхъ медвѣдей и другихъ звѣрей. Закабаленные на долгіе сроки кулаками-хозяевами, которые отравляютъ ихъ водкой и взимаютъ за это еще чудовищные проценты, самоѣды, случалось, выживали въ этой пустынѣ по 10 лѣтъ сряду, тогда какъ русскіе въ первую же зиму большею частію дѣлаются жертвою цынги. Такой участи подверглись, напримѣръ, тѣ раскольники, которые, спасаясь отъ преслѣдованій, въ концѣ прошлаго столѣтія переселились на Колгуевъ въ числѣ 40 человѣкъ и погибли всѣ, за исключеніемъ одного или двухъ. Въ маѣ, соотвѣтствующемъ въ тѣхъ широтахъ началу нашей весны, берега острова нѣсколько оживляются пріѣздомъ русскихъ промышленниковъ. Они охотятся на морскихъ звѣрей, добываютъ гагачій пухъ и нещадно истребляютъ гусей, собиравшихся нѣкогда на Колгуевъ несмѣтными стаями. Промысловой сезонъ тянется до половины августа, когда наступаетъ холодная туманная осень. Выпадаютъ снѣга, птицы мало-по-малу исчезаютъ, и скоро по необозримымъ бѣлымъ равнинамъ рыщутъ только бѣлые медвѣди, да съ воемъ проносятся вѣтры, заметая снѣгомъ бѣдное жилье оставшагося на зимовку самоѣда—убогаго сына убогой природы.

П. В. Охочинскій.

Полярные льды.

ОЧЕРКЪ IX.

ЗАБЫТАЯ РѢКА.

Печорскій край. — Новгородъ и Печора. — Верхняя или Малая-Печора. — Брусяная гора. — Нижняя-Печора. — Ижма. — Цыльма. — Пустозерскія селенія. — Населеніе Печоры. — Зыряне — ихъ бытъ и промыслы. — Богатства Печорскаго края и попытки Сидорова къ водворенію правильной печорской торговли

Разлилась Печора съ море,
Приняла ты много рѣкъ,
Но тобой, себѣ на горе,
Пренебрегъ здѣсь человѣкъ.
Корабельные взростила
Ты по берегу лѣса,
Почву всюду зарудпила
И обрыбила плеса.
Но къ тебѣ не прикоснулась
Геніальная рука.
Вѣкъ спала — и не проснулась
Ты, «забытая рѣка»!

Колокольня въ с. Ижмѣ.

Синею лентою, чуть не на двѣ тысячи верстъ разлилась Печора — рѣка, богатая и лѣсомъ, и пушнымъ звѣремъ, и рыбою всякою, да небогатая почином и доброю волей русскихъ людей, которые захотѣли бы приложить къ ней свои руки, вызвать ее къ жизни и воспользоваться благами, лежащими до сихъ поръ втунѣ все по той же стародавней причинѣ, которую высказалъ еще Котошихинъ, признавшійся, что «русскіе коснаго ума суть люди». «Началась Печора тамъ, гдѣ три горы стоятъ вмѣстѣ; прежде горы тѣ до неба доходили, и по нимъ добрые люди всходили на небо; но теперь Энъ разсердился на людей, сплющилъ три горы, и заплакали онѣ горючими слезами: Печоръ-Яталяхъ-Чатль заплакалъ Печорою, Койпъ заплакалъ Лозвою, а Яны-Лундхуанъ заплакалъ Вишерою, и понеслись слезы ихъ къ разнымъ морямъ, къ разнымъ народамъ — пусть народы знаютъ, каково не слушать Эна.» Такъ говорятъ зыряне, а мы прозаики скажемъ: вытекла Печора изъ того мѣста, гдѣ Вологодская, Пермская и Тобольская губерніи сошлись вмѣстѣ, изъ ручьевъ, берущихъ свое начало на горѣ Печоръ-Яталяхъ-Чатль. Едва сдѣлавшись рѣкою, — Печора заявляетъ уже, что она не малая рѣченка, могла бы и рада была бы прокормить дѣятельное

населеніе, но не она виновата, если человѣкъ не пользуется ни ея богатствами, ни тѣмъ, что по всему своему теченію представила она ему покойную, удобную, дешевую и широкую дорогу для торговли. Было впрочемъ время, когда на Печорѣ замѣчалось повидимому болѣе жизни: шелъ по ней караванъ изъ самыхъ нѣдръ Азіи на потребу европейскаго заѣзжаго купца, который давно зналъ о существованіи въ странѣ счастливыхъ Біармійцевъ рѣки Широкой, привольной для торговли. Еще Отеръ — родомъ скандинавъ описывалъ Біармію чрезвычайно богатою страною, а преданіе гласитъ, что гдѣ-то въ верховьяхъ Печоры и торговое мѣсто было излюблено особое, куда съ одной стороны пріѣзжали датчане, шведы и норвежцы, а съ другой болгары, и производили размѣнъ товаровъ индійскихъ, греческихъ и персидскихъ на европейскіе и туземные. На берегу Печорской-Мылвы, какъ разъ на половинѣ волоковаго пути отъ Троицкаго нынѣшняго погоста къ Вычегодской-Мылвѣ, находится и до сихъ поръ обширный лугъ, называемый «Торговищемъ»; тянется онъ по обоимъ берегамъ Печорской-Мылвы, больше версты, а въ ширину имѣетъ болѣе ста саженъ; находятъ тутъ обломки кирпичей, а если покопать съ толкомъ, то можетъ быть удалось бы открыть и другіе слѣды отжившей, былой цивилизаціи. Если не велика, то покрайней мѣрѣ экстенсивна была торговля Печорскаго края и торговое значеніе рѣки значительнѣе; когда нашъ Великій Новгородъ участвовалъ въ ганзейской торговлѣ, а пожалуй и раньше еще того, шли товары по Сухонѣ, Вычегдѣ и черезъ переволокъ между обѣими Мылвами попадали на Печору; по ней направлялись они уже далѣе въ Сибирь и на Уралъ; другой путь торговый шелъ черезъ Собь, Усу, по Печорѣ, Ижмѣ и Ухтѣ, черезъ переволокъ на Вымь и далѣе на Вычегду и Сухону къ Новгороду. Но помнитъ народъ припечорскій и о третьемъ пути, имѣвшемъ еще большее значеніе и шедшемъ отъ Каспійскаго моря къ Сѣверному океану; тянулся онъ будто бы по Волгѣ и Камѣ чрезъ Чердынскія мѣста на рѣки Колву, Вишерку, Березовку и Вогулку, а тамъ шелъ волокомъ всего въ 10 верстъ и затѣмъ встрѣчалъ рѣку Волосяницу, впадающую уже въ Печору. Этимъ путемъ, видимо, производили торговлю болгарскіе купцы съ скандинавскими, которые приходили къ устьямъ Двины и Печоры. Сказываютъ тоже старые люди, что былъ и другой путь изъ Волги черезъ Печору въ Европу, причемъ соединяющимъ звѣномъ служила рѣка Локчимъ, впадающая въ Вычегду. Важно однако то, что и на Печорскомъ волокѣ между Волосяницею, Вогулкою, и на Локчимскомъ волокѣ уцѣлѣли еще слѣды старинной тележной дороги; выросли на ней уже вѣковыя деревья и, можетъ быть, не первое поколѣніе лѣсовъ покрываетъ этотъ словно за ненадобностью, заброшенный, древній торговый путь. Видимое дѣло, что если здѣсь именно лежала торговая дорога изъ Азіи въ Европу, то край этотъ не могъ быть пустыней; но прошли года, набѣги дикарей или другія обстоятельства разогнали и уничтожили стародавнее населеніе и мѣстную цивилизацію; дѣло забросили, такъ какъ не о томъ приходилось думать послѣдующимъ владыкамъ края — московскимъ князьямъ, а потому и пути заросли вѣковыми деревьями, а о стародавнемъ плаваніи по морямъ сѣвера не осталось даже никакихъ преданій.

Развѣ только одни новгородцы знали на Руси о баснословныхъ богатствахъ Югорско-Печорскаго края, и пользовались этими богатствами «во славу Св. Софіи» и «Осподина Великаго Новгорода»; сначала прошли въ Новгородѣ только слухи въ родѣ того, что слышалъ Гюрята Роговичъ о народѣ, живущемъ въ горахъ и подающемъ шкуры въ окошко, или же, что пермяки-зыряне ставятъ въ могилы своихъ покойниковъ золотые сосуды; затѣмъ рѣшительные люди завели сношенія съ припечорскимъ населеніемъ, но понятно, что, когда направленіе товаровъ измѣнилось, то и все теченіе Печоры должно было остаться внѣ торговаго пути, который по силѣ вещей направился на Сухону и далѣе на Новгородъ. Заснула Печора и спитъ до сей поры непробуднымъ сномъ, не смотря на то, что старались разбудить ее и воскресить отдѣльные энергическіе люди, въ родѣ Латкина и Сидорова. Конечно Новгородъ не могъ поставить Печорскій край на высокую степень развитія, не могъ онъ и сдѣлать Печору жизненною жилою всего громаднаго сѣверо-восточнаго угла Европейской Россіи. Преслѣдуя чисто-промышленныя и узко-новгород-

скія цѣли, новгородцы сдѣлались прежде всего грозою отдаленнаго Печорскаго края, приходя туда скорѣе ради грабежа и захвата, нежели ради правильныхъ международныхъ сношеній; даже и въ XIII вѣкѣ мы не находимъ никакого основанія утверждать, что они были полными, спокойными обладателями сѣверовостока Россіи, хотя и называли себя весьма упорно «волостителями» Перми, Печоры и Югры; они дѣлали набѣги на эти страны и потому смотрѣли на нихъ какъ на временную поживу и не обращали, напротивъ того, никакого вниманія на развитіе мѣстной производительности и на возможность дальнѣйшаго развитія и преуспѣянія страны. Можно даже сказать, что чѣмъ ближе къ XIV вѣку, тѣмъ завоевательное призваніе новгородцевъ въ этомъ краѣ менѣе имѣло значенія. Зависѣло это отъ многихъ причинъ — и прежде всего отъ причинъ внутреннихъ, состоявшихъ въ несостоятельности самого «Осподина Великаго Новгорода», который зачастую подчинялся разнымъ вліяніямъ. Безсиліе этого «Осподина» ясно указывается постоянными выселеніями изъ него недовольныхъ, причемъ даже такіе богачи-собственники, какъ знаменитые Марѳа Борецкая, Своеземцевы и Окладниковы, которые, хотя и въ личныхъ своихъ интересахъ, могли бы повидимому заботиться о благосостояніи своихъ частныхъ владѣній, въ сущности были элементомъ, нарушающимъ единовластіе Новгорода и лишь мѣшающимъ мѣстному развитію покоренныхъ Новгородомъ краевъ. Не говоря уже о той эпохѣ, когда Новгородъ вступилъ въ распрю съ зарождающеюся Москвою и безсиленъ былъ удержать права свои на столь древнія свои волости, можно безъ всякаго преувеличенія сказать, что новгородцы — народъ промышленный и болѣе свободолюбивый для себя, чѣмъ уважающій свободу другихъ, — мало заботились объ осторожной внѣшней политикѣ. Отсутствіе этого качества едва ли не съ самою большею рѣзкостью выразилось въ отношеніяхъ ихъ къ сѣверовосточнымъ инородцамъ, среди которыхъ они большею частью являлись какъ собиратели дани и поработители, а не какъ мирные колонизаторы, могущіе въ благоденствіи инородцевъ найти свои высшіе, и матеріальные, и духовные интересы. Новгородъ повернулъ торговый Біармійскій путь съ Печоры на Сухону, и Новгородъ, ничего, кромѣ зла, не сдѣлалъ для Печорскаго края и его жителей, а Москвѣ и вовсе дѣла не было до Печоры и иностранной торговли въ Европѣ, которой она всегда чуралась, какъ какой-то нечисти.

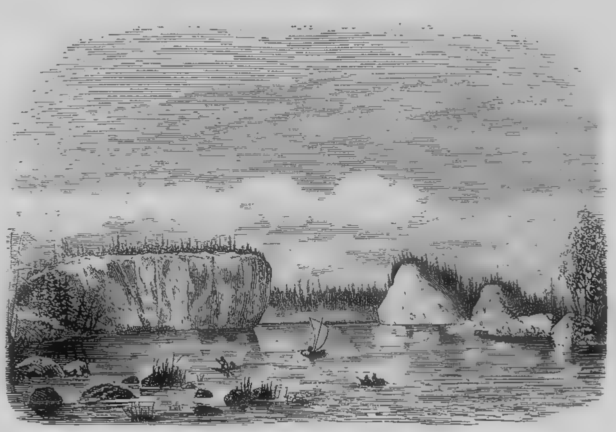
А между тѣмъ Печора стоила того, чтобы люди занялись ею. Еще въ Пермской губерніи, верстахъ во 100 отъ своего начала, у дер. Усть-Волосяницы, ширина рѣки достигаетъ 70 саж., и судоходна она даже для пароходовъ, что доказалъ г. Сидоровъ, именно здѣсь спустившій на воду свой пароходъ «Печора». Берега рѣки здѣсь пустынны, хотя и покрыты громадными лиственичными лѣсами, до которыхъ не касалась еще рука человѣка. Тутъ неподалеку находится и Якшинская пристань, съ которой грузы, привозимые зимою изъ Чердыни, сплавляются на устье Печоры, а доставляемые съ низовья рѣки, наоборотъ, перевозятся въ Чердынь; съ сотню небольшихъ амбарушекъ, принадлежащихъ чердынскимъ купцамъ, да съ десятокъ двухъ-этажныхъ мѣстнаго ухвата домовъ — вотъ и вся Якша, служащая соединительнымъ звѣномъ между крайнимъ сѣверо-востокомъ и Волгою. Лѣтомъ въ Якшинской пристани никто не живетъ, по той простой причинѣ, что и жить не зачѣмъ, такъ какъ товары лѣтомъ идутъ далѣе и разгружаются лишь на волокѣ между Волосяницею и Вогулкою, и только осенью наѣзжаютъ въ пустынную Якшу торговцы, для разгрузки судовъ съ брусками, точилами и пушнымъ товаромъ, для нагрузки ихъ на воза и дальнѣйшей отправки на Чердынь и далѣе на потребу русскаго люда. Среди лиственичныхъ лѣсовъ зачастую попадаются здѣсь кедры съ ихъ широкими шапками на верхушкѣ. Все болѣе и болѣе расширяясь, два раза на своемъ пути стѣсненная небольшими отрогами Сабли-горы и давши небольшіе, легко проходимые пороги, Печора достигаетъ наконецъ 100 — 125 саж. ширины у Мывдинскаго или Троицкаго погоста, а по-зырянски Мывъ-дынъ (дынъ — значитъ островъ). Все это еще мѣста такія, гдѣ земля не клята Богомъ и возможное дѣло пахать ее и сѣять. Въ прежнія добрыя времена, когда дозволено было

свободно дѣлать лѣсныя подсѣки для хлѣбопашества, когда еще никто не берегъ лѣсовъ, которыхъ здѣсь и дѣвать некуда,—хлѣба въ этомъ краю было достаточно, такъ что рожь отправляли въ Архангельскъ на нѣсколькихъ баркахъ, и новина въ хорошій урожай давала до самъ-пятидесяти зеренъ. Но съ тѣхъ поръ какъ начали принимать мѣры къ охраненію лѣсовъ отъ подсѣкъ, сопряженныхъ съ выжиганіемъ лѣсныхъ пространствъ, пришлось жителямъ со ржаной муки перейти на «качъ», или муку изъ сосновой коры. «Качъ» — штука настоящая печорская, хотя подъ другими наименованіями она извѣстна и въ другихъ краяхъ нашей родины. Для нея берутъ кору, сушатъ ее, толкутъ и затѣмъ варятъ, какъ кашу. Странное дѣло! всѣ припечорцы питаются этимъ нечеловѣческимъ кормомъ, и все-таки большинство изъ нихъ здорово на видъ и не особенно страдаетъ болѣзнями желудка. Лѣтомъ, когда подъ промыселъ или подъ другую какую работу купцы и прикащики раздадутъ муку, народъ выправляется вовсе и дѣлается свѣжимъ и румянымъ. Дорогà мучка для припечорца, такъ дорогà, что онъ не задумается даже на покупку муки послѣднюю корову продать. «Будетъ житье»,—говорятъ они,—«наживемъ и корову, а теперь хлѣба надо». Качъ чуть не во всѣхъ деревняхъ по Печорѣ составляетъ необходимую пищу; онъ горекъ на вкусъ, вовсе не питателенъ, но поддерживаетъ существованіе несчастныхъ людей, особенно коли рыбки въ него покрошатъ или молочка подольютъ. Скота держатъ верхнепечорцы не много, такъ какъ торговать имъ нельзя, да и угодьевъ такихъ нѣтъ, чтобы плодить скотъ въ большомъ количествѣ, и главный промыселъ по всему Верхнепечорью составляетъ звѣроловство съ отходомъ въ зауральскіе лѣса. Для отхода собираются артелями отъ 5 до 10 человѣкъ, причемъ вожакомъ избирается человѣкъ уже бывалый, который пользуется тѣмъ преимуществомъ, что не обременяется никакою поклажею, такъ какъ припасы его разбираются по нартамъ товарищами. Отправляясь мѣсяца на три, каждый изъ промышленниковъ забираетъ съ собою сухарей, крупы, сушеной рыбы, соли, сала, пороху и свинца — всего пудовъ до 11; все это складывается на нарту — легкія длинныя сани. Охотникъ на лыжахъ или же на зырянскихъ люптахъ везетъ эту нарту сотни верстъ, по снѣжнымъ сугробамъ, черезъ горы и рѣки — тяжело ты, бѣлочка, человѣку достаешься, да дешево продаешься! — На крутыхъ спускахъ, особенно при переходѣ черезъ Уральскія горы, бываетъ, что нарта раскатится, опрокинетъ, сомнетъ охотника и убѣжитъ отъ него версты на три; подъемъ на горы производится общими силами — одному-то, вѣдь, не справиться. Обыкновенное платье промышленниковъ не казисто, да за то къ мѣстнымъ условіямъ и тяжкой работѣ ловко приспособлено. Состоитъ оно изъ зипуна немного ниже колѣнъ, съ мѣховыми рукавами и рукавицами, и лузана, что тоже на плечи напяливается. Штаны носятъ холщевыя, а суконныя носятъ, развѣ ужь когда очень сильный морозъ ударитъ; на ногахъ суконныя онучи и кожаная, съ загнутымъ кверху носкомъ, обувь, которую называютъ здѣсь по-зырянски — кэшъ; шапка пыжиковая, что пошло отъ зырянскихъ словъ пежъ-ку и значитъ поганая кожа, такъ какъ берется она съ оленятъ, что сдохли тотчасъ послѣ выхода на свѣтъ Божій.

Видъ на отроги Сѣв. Урала близъ Печоры.

Промыселъ начинается уже на первой дневкѣ въ сосѣднихъ съ домомъ мѣстахъ; привалы дѣлаются, смотря по трудности пути, черезъ два или три дня; собакъ кормятъ мясомъ набитыхъ бѣлокъ, а коли мало ихъ промыслятъ, то и ячневой кашкой пса ублажаютъ, такъ какъ безъ него и промысла нѣтъ: онъ и бѣлку найдетъ, онъ и хозяина на нее наведетъ. Много бѣлки завелось, настрѣляютъ ее въ день до 15 штукъ, а хорошій стрѣлокъ такъ и 20—22 штуки въ день промыслитъ; когда же мало ея, такъ и десятку радъ бываетъ промышленникъ. Коли задача на промыселъ, такъ во весь отходъ принесетъ промышленникъ 300—500 шкурокъ, а коли дѣло не задастся, такъ принесетъ и куда того меньше. Пріучаются къ промыслу съ малолѣтства, такъ лѣтъ съ 11, съ 12, а въ 16 лѣтъ, глядишь, уже промышляетъ малецъ и вовсе какъ большой. За Мылвою впала въ Печору рѣка Велва и берега рѣки довольно густо населены обрусѣвшими и необрусѣвшими зырянами; главныя поселенія ихъ Кузь-ды-бежъ и Лемъ-ды-бежъ, гдѣ теченіе Печоры направляется къ сѣверо-востоку, и къ рѣкѣ подходитъ довольно высокій горный кряжъ, извѣстный подъ именемъ Ыджидъ-Парма, т. е. большая возвышенность, большой лѣсъ. Кряжъ этотъ видѣнъ издалека и составляетъ отрасль Уральскихъ горъ, которыя подходятъ къ рѣкѣ Колвѣ. На востокѣ въ синевѣ небесъ виднѣется вершина одной изъ Уральскихъ горъ — Вуктылъ-Изъ, изъ которой вытекаетъ рѣка Вуктылъ, впадающая въ Печору. Недалеко отъ устья этой рѣки стоитъ деревня Подчеремъ, а за нею въ Печору вдается высокій гористый мысъ, покрытый сплошь превосходнымъ еловымъ лѣсомъ; онъ измѣняетъ теченіе Печоры, которая въ этомъ мѣстѣ круто поворачиваетъ къ западу. Этимъ мысомъ оканчивается припечорская возвышенность Ыджидъ-Парма, а самый мысъ называется Эшъ-Кымэсъ-Парма, т. е. Бычачій лобъ. Наконецъ, верстахъ въ 300 отъ Троицкаго погоста впадаетъ въ Печору рѣка Щугоръ, гдѣ уже хлѣба не сѣютъ, такъ какъ онъ уже здѣсь вовсе не родится, а занимаются больше рыбной ловлей; для лова рыбы крестьяне поднимаются въ верховья рѣкъ и производятъ самый ловъ артелями: все тутъ дѣло въ томъ, чтобы условиться человѣкамъ 40 или 50, загородить рѣку заколомъ, поставить въ свободныя мѣста морды, да и неводить съ верховья къ заколу; — понятное дѣло, что вся рыба промысловая, такъ какъ, если она въ невода не попадетъ, то затешется прямо въ морду. Одной семги на брата выходитъ пудовъ по 18 — 20.

Эшъ-Кымэсъ-Парма.

Тутъ-то близъ Щугора находится знаменитая Брусяная гора, которая снабжаетъ брусянымъ и точильнымъ камнемъ чуть ли не всю Россію, а покрайней мѣрѣ добрую ея половину, хотя и въ Польшѣ встрѣчаются бруски, извѣстные въ торговлѣ подъ именемъ «печурковъ». Уже въ 1638 году граматою Царя Михаила Ѳеодоровича ломка камня на Печорской Брусяной горѣ предоставлена была печорскому и устьнемскому обществамъ, за «малоимѣніемъ пашенной земли, сѣнныхъ покосовъ, и паче за недородомъ хлѣба». Права эти подтверждены были граматою царей Іоанна и Петра Алексѣевичей, но въ 1840 г. Палата Государственныхъ Имуществъ отдала гору въ аренду на 12 лѣтъ, по прошествіи которыхъ арендаторы постарались возобновить условіе,

да такъ и порушили стародавнія права крестьянскія. Не легкая работа — брусяное дѣло, да и дѣлать дѣло это надо съ разсудкомъ.

Въ ноябрѣ или въ декабрѣ мѣсяцѣ оповѣщаютъ арендаторы, что нужно имъ выдѣлать столько-то точилъ и брусьевъ; было бы оповѣщено, а крестьяне сами между собою распредѣлятъ уже, почемъ придется на брата, заключатъ съ арендаторами условія и раздобудутся задатками. Задатокъ—великое дѣло: его и въ казначейство за подати снести можно, и семейству «подсыпки» купить, чтобы не очень уже отощали отъ горькаго кача, а тамъ и выговаривать у хозяевъ можно, сколько на брусяное дѣло потребуется муки, крупы, пороха и т. п. припасовъ, чтобы во время все это заготовить, а то остаться можно безъ корму и съ однѣми руками, которыя хоть и могутъ всякое дѣло справить, а только гору безъ пороха не разорвутъ. Чуть весна скажется въ воздухѣ, собираются крестьяне въ партіи, а по открытіи навигаціи отправляются на некрытыхъ плоскодонныхъ судахъ, что слывутъ въ здѣшнемъ народѣ павозками и поднимаютъ грузу, смотря по величинѣ, отъ 300 и до 1000 пудовъ, а то такъ и запросто на каюкахъ, внизъ по Печорѣ къ Брусяной горѣ. На обратномъ пути тѣ же павозки прихватятъ съ собою брусья и точила и развезутъ по пристанямъ.

Обыкновенно нѣкоторые изъ крестьянъ, побогаче, подписываютъ условія, въ силу которыхъ принимаютъ на себя доставку точилъ и брусьевъ и заподряжаютъ уже рабочихъ на своихъ собственныхъ харчахъ. Иной подрядчикъ и не осилитъ справить въ одиночку особое судно: тогда онъ идетъ въ компанію съ нѣсколькими другими, такими же, какъ и онъ, слабосильными и ведутъ все дѣло собща. Какъ придутъ рабочіе на мѣсто, получаютъ припасы и идутъ на розыски камня или на мѣстахъ, прежде облюбованныхъ, гдѣ уже были ломки, или же на новыхъ, непочатыхъ мѣстахъ. Тутъ тоже работа не малая: на слояхъ хорошаго точильнаго камня навалено больше сажени земли и негоднаго камня, а на старыхъ ломкахъ на нѣсколько аршинъ навалено обломковъ отъ работъ въ прежніе года. Самая трудная работа, самая безпокойная, да и тяжелая—отыскать годный къ дѣлу камень. Бродятъ, бродятъ иной разъ рабочіе, и недѣлю, и двѣ бродятъ они безъ толку; вотъ, кажется, нашли, очистятъ мѣсто—нѣтъ! камень попался негодный; иное дѣло, если попадутъ на слоистый брусъ, такъ какъ его плитами легко отламывать и точила изъ него обдѣлывать—самое пустое дѣло, а какъ попадется и хорошій камень, да кряжевой, не слоистый, такъ вѣдь тутъ работы и не оберешься — рвать приходится порохомъ: просверлятъ камень на четверть—на двѣ, заложатъ дыру всю дополна порохомъ, заколотятъ сверху мелкимъ камнемъ, да и рвутъ. Нерѣдко вся масса разобьется на части, которыя въ подѣлку не годятся, только развѣ на бруски. Однако, впрочемъ, старые люди сказываютъ, что всегда можно на хорошій камень напасть, только слѣдуетъ одну уловку знать, а именно никогда не называть камень камнемъ, а говорить: «веръ», т. е. лѣсъ, дерево, чтобы камень не обидѣть — пусть-де тѣшится, что онъ мягкій, что твое дерево. Добрый работникъ, коли задастся ему дѣло и нападетъ онъ на хорошій камень, можетъ въ продолженіе двухъ—трехъ мѣсяцевъ надѣлать до 150 пудъ точилъ и сдать ихъ, коли только прикащики не заартачатся, да не станутъ изъ злобы браковать и бракъ въ ломъ швырять. Конецъ работамъ полагается въ концѣ іюля, въ августѣ, а то такъ и въ началѣ сентября, когда выработанный товаръ грузятъ на павозки на р. Соплясѣ и по ней сплавляютъ до Печоры. Иная такая осень выдастся, что въ Соплясѣ воды—хоть курица бреди, и тогда перевозъ камня до Печоры бываетъ такъ затруднителенъ, что и третью часть обычнаго груза едва можно сплавлять. Въ этомъ случаѣ на помощь дѣлу являются мелкіе каюки и пáлодки, которыя перевозятъ товаръ по мелочамъ либо до Якшинской пристани (500 верстъ), либо до Виленской на р. Мылвѣ (550 верстъ). Тутъ, конечно, весь успѣхъ сплава зависитъ отъ вѣтровъ: дуетъ попутень,—такъ и въ нѣсколько дней до мѣста доберутся, а какъ завернетъ противень, такъ промаются и цѣлый мѣсяцъ, а то и болѣе того. Дойдутъ до пристани — сдача товара наступаетъ и разсчетъ, при чемъ вся выгодность промысла для крестьянина зависитъ отъ коли-

чества подряда и отъ успѣшнссти отысканія камня. Мѣстоположеніе Брусяной горы такое, что рѣдко выискать можно. Какъ отъ Усть-Сопляса подходишь къ ней, то она возвышается высокимъ гребнемъ, сплошь покрытымъ лиственичнымъ лѣсомъ, который идетъ вплоть до берега, отвѣсно обрывающагося въ рѣку. Тутъ внизу рѣка Соплясъ съ шумомъ прорывается черезъ этотъ хребетъ, между тѣсными и высокими утесами. На правомъ берегу рѣки производится добыча точильнаго камня, а на низменномъ уступѣ этого же берега выстроены жилища временнаго поселенія, неуютныя и смрадныя логовища. Жилища эти состоятъ изъ избъ или, правильнѣе, изъ бревенчатыхъ шалашей. Разбросаны они безъ всякаго порядка на разстояніи цѣлыхъ двухъ верстъ и построены безъ всякаго удобства, даже безъ печей: коли вздумается пищу варить и погрѣться, такъ выходи на свѣжій воздухъ передъ избою.. Ясное дѣло, что прикащикъ живетъ нѣсколько комфортабельнѣе, въ особомъ домѣ. Бываетъ, что на промыселъ набирается здѣсь народу до 600 человѣкъ; мужчины, женщины, старики и дѣти — всѣ норовятъ поживиться отъ брусянаго промысла: кто работаетъ, кто шлифуетъ брусья, а кто бѣлье стираетъ, шьетъ, торгуетъ калачами и пряниками и другимъ желаннымъ для рабочаго человѣка товаромъ.

Много на Печорѣ живетъ раскольниковъ, частью приходящихъ сюда изъ другихъ уѣздовъ Архангельской губерніи, а частью и мѣстныхъ жителей, перешедшихъ въ расколъ безпоповства. Не разъ охотники и полѣсовщики натыкались въ лѣсахъ Печорскихъ на небольшія общины, никому до той поры неизвѣстныя.

На берегахъ Печоры, собственно близъ самой рѣки, хорошихъ лѣсовъ очень мало, но едва лишь оставишь рѣку и углубишься на нѣсколько верстъ въ материкъ — громадные боры встрѣчаются повсюду. Такъ напр. по р. Лягѣ, впадающей въ Печору съ правой стороны, лиственичныхъ лѣсовъ встрѣчается огромное количество, которые подъ именемъ ляга-ягъ тянутся и по правому берегу р. Илыдзь до р. Мортъ-юръ на разстояніи слишкомъ ста верстъ; въ верховьяхъ Илыдзя начинается знаменитая Большая Парма, которая состоитъ изъ превосходнаго сплошнаго кедроваго и лиственичнаго лѣса. Вверхъ по Печорѣ порода лѣса замѣняется уже сосною и притомъ такою, въ которой по 13 саж. идетъ иногда въ дѣло. Ниже Троицкаго погоста есть кряжи, сплошь покрытые лѣсами, которые однако никогда не подходятъ къ рѣкѣ ближе 3 — 5 верстъ. Такихъ-то лѣсовъ въ Припечорскомъ краѣ по офиціальному счету насчитываютъ до 36 мил. десятинъ, но никому нѣтъ еще дѣла до этихъ громадныхъ запасовъ строительнаго матеріала, которые гніютъ себѣ спокойно на корню, поджидая того времени, когда русскіе люди сдѣлаются предпріимчивѣе. А между тѣмъ мѣстный житель, пока еще спохватятся добрые люди, кормится отъ своихъ лѣсовъ, какъ какой варваръ, благо потребовались для городскихъ сластенъ и лакомокъ, отъ городскаго бездѣлья, кедровые орѣшки. На одномъ кедрѣ бываетъ иногда отъ 1000—1500 шишекъ, а потому и пожива бываетъ хорошая; для сбора шишекъ крестьяне отправляются зачастую всѣмъ домомъ, съ чадами и домочадцами и рубятъ вѣковые кедры для того, чтобы снять съ каждаго 1—1½ пуда орѣховъ. «Всѣхъ ихъ не вырубишь», говорятъ они—«на нашу долю хватитъ». И вотъ въ силу этого убѣжденія рубятъ добрые люди безъ зазора, такъ какъ въ хорошій годъ одна семья наберетъ до 100 т. шишекъ и слѣдовательно понапрасну сгубитъ сто вѣковыхъ деревъ. Изъ тысячи шишекъ выходитъ обыкновенно пудъ орѣховъ, а цѣна послѣднему отъ 2—2½ р.

Недалеко отъ того мѣста, гдѣ Щугоръ впадаетъ въ Печору, ясно виднѣется на горизонтѣ Сабля-гора, тянущаяся на 25 верстъ въ длину, при ширинѣ всего въ 3 версты. Съ виду она словно замокъ какой-то волшебный съ башнями и шпицами, съ массивными колоннами и сводами: не даромъ въ народѣ болтаютъ, что какъ на гору эту подниматься, да зря болтать, такъ поднимется вихрь, гибельный для неосторожнаго путника; черезъ гору идутъ, такъ больше помалчиваютъ. Вступая у деревни Кожвы въ Архангельскую губернію, Печора достигаетъ громадной ширины и видимо кормитъ мало-мальски трудолюбиваго поселенца съ избыткомъ; постройка домовъ, чистота ихъ, большія свѣтлыя окна, довольно крупный домашній скотъ, рыбныя

бочки вокругъ избы — все свидѣтельствуетъ здѣсь о довольствѣ, привольѣ и границѣ распространенія осиноваго и иного кача. За Кожвою по Печорѣ то и дѣло попадаются большіе острова, иной разъ раскидывающіеся верстъ на 10 въ длину, покрытые превосходною травою, которая однако опять-таки, какъ не въ коня кормъ, по большей части гніетъ безъ дѣла, вслѣдствіе малозначительности населенія и скотоводства. При устьѣ рѣки Колвы, близъ Колвинскаго погоста огородныя овощи растутъ уже плохо; толкуютъ люди, что пробовали тутъ разводить картофель, но безуспѣшно. Капуста растетъ хорошо, хотя и не кочанится и вилка не имѣетъ, а идетъ въ листья; огурцы тоже растутъ, цвѣтутъ и даютъ прекрасную завязь, да не дозрѣваютъ; даже рѣпа и рѣдька растутъ плохо, и потому всѣ овощи получаютъ изъ Ижмы, гдѣ видимо обрусѣвшіе зыряне-ижемцы, при лучшихъ можетъ быть климатическихъ условіяхъ, приснаровились къ ихъ посадкѣ и выводкѣ. При недостаткахъ во многомъ, природа куда какъ щедро надѣлила этотъ уголокъ разными ягодами и грибами; морошка, смородина, черемуха, брусника родятся прекрасно, и инымъ годомъ такъ много всего этого набирается, что и дѣвать некуда. Рыбой и дичью край до того изобилуетъ, что хоть рѣку пруди: приспособился тутъ житель дичь ловить такъ, какъ можно ловить ее либо въ садкахъ, либо только на Печорѣ, гдѣ птица не пугана, не стращена. Въ іюлѣ мѣсяцѣ гусь начинаетъ линять и летать уже не можетъ. Тогда нѣсколько человѣкъ промышленниковъ отыскиваютъ стаю, сгоняютъ ее въ рѣку и гонятъ до того мѣста, гдѣ сдѣланы у нихъ изъ рѣки мостки, ведущіе въ загоны. Вся задача тутъ въ томъ, чтобы стая не разбивалась; коль замѣтятъ, что гуси задерживаются и вообще устали, такъ остановятся и покормятъ ихъ чѣмъ придется. По прибытіи на сборное мѣсто обставляютъ бока дороги тенетами и такимъ образомъ подгоняютъ, постепенно поднимающихся изъ рѣки къ загону птицъ, гдѣ ихъ затѣмъ колятъ. Мясо гусиное, коли побьютъ гуся на самомъ мѣстѣ лова или близко отъ него, бываетъ очень вкусно, ну а коли прогонятъ несчастную птицу далеко, то усталь отзовется на вкусѣ; бываетъ, что иной разъ набьютъ заразъ 500 — 700 штукъ, и все это сдѣлается въ какой нибудь часъ времени. Зимою ловятъ тутъ куропатокъ, по нѣскольку сотъ штукъ на семью. Было разъ, что пять семей наловили въ теченіе зимы 43,000 штукъ. Весь промыселъ производится на пространствѣ всего какихъ нибудь 10 верстъ. Цѣна куропатокъ отъ одной до двухъ копѣекъ, такъ что только и беретъ промышленникъ количествомъ лова. За Колвою впадаетъ въ Печору рѣка Уса, а при впаденіи ея расположено село Усть-Уса.

Селеніе Усть-Уса.

Вокругъ Усть-Усы раскинулись превосходные сѣнокосы, а на рѣкѣ — лучшій семужный ловъ. Семгу здѣсь ловятъ такъ называемыми поплавнями, т. е. рѣдкими, прямыми сѣтями, длиною саженъ во сто, а шириною въ три и четыре аршина. Лучшій ловъ бываетъ въ ненастныя и бурныя ночи, когда добраго хозяина палкою не заставишь и собаку на дворъ выгнать. Зря тоже рыбу вылавливать не годится: и себѣ не корысть и сосѣдямъ убытокъ, а потому и соблюдается въ этомъ промыслѣ очередь. Выѣдетъ лодка съ поплавнемъ на середину рѣки къ тому мѣсту, гдѣ обыкновенно начинается тоня, и выбрасываетъ одинъ конецъ сѣти,

къ которому прикрѣпленъ поплавень — простая широкая деревяшка, не дающая тонуть сѣти. Чуть только поплавень въ рѣкѣ, дружно заработаютъ веслами рыболовы, направятъ лодку поперекъ рѣки и наскоро выбрасываютъ весь поплавень, оставивъ въ лодкѣ одинъ конецъ его съ вожаломъ.

Проплывутъ такъ извѣстное пространство, сколько на ихъ долю тони отведено, да и собираютъ поплавень съ рыбою. Пока одна лодка возвращается назадъ, другая тѣмъ же порядкомъ

Лиственичный лѣсъ на р. Ухтѣ.

закидываетъ свой поплавень, а тамъ третья, четвертая и т. д. Держатъ жители и оленей въ тундрѣ, да такъ полагаютъ, что по мелочи этимъ дѣломъ заниматься не стоитъ; самимъ имъ отъ домовъ отрываться для пустяшнаго стада не хочется, а самоѣдамъ доглядъ поручить — въ убыткахъ будешь. Самоѣдъ крѣпко не долюбливаетъ зырянина и въ особенности ижемца, который вовсе его прикрутилъ и обездолилъ, и въ отместку ему губитъ его стадо безнаказанно. Подъ самою Усть-Усою есть пристань въ заливѣ хорошая, такъ что есть гдѣ нѣсколькимъ судамъ отъ непогоды отстояться и оборониться. Живутъ жители въ довольствѣ; рыбы, птицы и разнаго пушнаго звѣря здѣсь въ волю, есть даже и пастбища и только хлѣба не достаетъ. Одѣлся здѣшній житель по своему и нѣтъ тутъ разницы народной: зимушка лютая и хитраго зырянина и простоватаго добраго самоѣдина, и захожаго остяка (по-зырянски—егра, а посамоѣдски — манча), да и нашего русачка облекла въ однѣ обволоки: куда ни посмотри—вездѣ малица, совикъ, пимы, люпты и каптерь. Шьютъ малицу изъ шкуръ молодника, оленьяго полугодника, а то и постарше, и носятъ шерстью внутрь; съ виду она точно мѣшокъ съ отверстіями внизу и вверху, чтобы было куда просунуть голову и ноги, а по бокамъ 2 прямые рукава приспособлены; по подолу обшиваютъ оборкою тоже изъ оленьихъ шкуръ, черныхъ и бѣлыхъ, шерстью вверхъ; у рукавовъ и на шеѣ отвороты изъ пыжиковъ; тутъ и щеголя узнать можно: что ни больше черноты въ пыжикѣ, то и малица считается щеголеватѣе и дороже. По лютой здѣшней

зимѣ иной разъ и малицы недостаточно для обогрѣнія припечорскаго жителя, и въ морозы, а по привычкѣ и въ обыкновенное время, сверхъ малицы, напяливаетъ онъ на себя еще и совикъ, который добрая хозяйка шьетъ презамысловато изъ старыхъ и молодыхъ оленей; шьется онъ такъ же, какъ и малица, только шерстью наружу и притомъ съ каптырькомъ или наголовникомъ; носятъ его и безъ малицы, такъ какъ на это общей повадки и моды нѣтъ. На ноги надѣваютъ пимы — длинные сапоги, которые напяливаются на ноги чуть не до паха и пояса; дѣлаютъ ихъ изъ шкурокъ съ оленьихъ ногъ, а подошвы вырѣзаютъ изъ мягкихъ обрѣзковъ щетки оленьихъ копытъ. Люпты только по имени непонятны, а по нашему просто-напросто — чулки, шьются изъ пыжиковъ и надѣваются на босую ногу шерстью къ тѣлу. Шапка тоже дѣлается изъ пыжиковъ и носится то въ одиночку, а то иной позяблистѣе, такъ и двойную на голову нахлобучитъ. Женщину почти и не отличишь по одеждѣ отъ мужчины; развѣ только что малица у нихъ разрѣзная и украшается лоскутками звѣриныхъ шкуръ и сукна разныхъ цвѣтовъ; на шапкахъ тоже разныя прикрасы. Подъ малицу надѣваютъ онѣ сшитыя изъ пыжиковъ янды или рубахи, шерстью къ тѣлу. Кое-кто однако облюбовалъ одежду цивилизованную, хотя и умудрился такъ ее носить, что не разберешь вовсе — дикарь онъ или человѣкъ культурный: кто на малицу рубаху ситцевую надѣнетъ, а кто штаны напялитъ поверхъ пимовъ. Какъ облечется печорскій житель въ люпты и пимы, да въ малицу и совикъ, такъ ему и горюшки мало; какой ни будь морозъ — не проберетъ потъ цыганскій. Лѣтомъ тоже носятъ малицы, но только уже самыя легкія, изъ самыхъ, что ни на есть, молоденькихъ оленей; ижемцы лѣтомъ носятъ парки, сшитыя изъ сукна, покроемъ малицы и совика; рѣдко гдѣ попадется великорусскій зипунъ или халатъ.

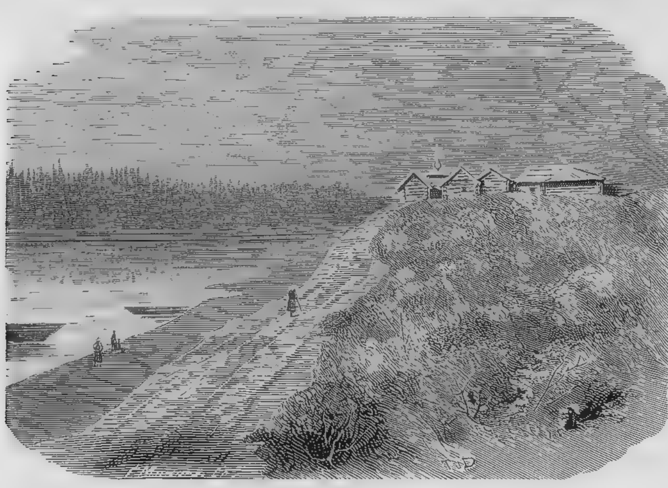
Сѣвернѣе Усы впадаетъ въ Печору громадная сама по себѣ Ижма, при посредствѣ которой и благодаря водному ея притоку Черѣ, протащивши лодки на разстояніи всего какихъ нибудь 600 саженъ, можно попасть съ Печоры въ Черу Вычегодскую и слѣдовательно въ систему Двины. Въ 60 верстахъ отъ устья этой рѣки расположенъ Ижемскій погостъ. Первыми поселенцами на берегахъ широкой Ижмы были зыряне, которые перебрались сюда частью изъ Яренскихъ, частью изъ Усть-сысольскихъ своихъ сельбищъ и поселились въ верховьяхъ Ижмы и впадающей въ нее Ухты; прежде жили переселенцы разбросанно, да очень уже обижали ихъ казаки и служилые люди, ходившіе черезъ эти мѣста съ верхотурскою казною, и порѣшили они соединить разбросанныя поселенія, скучиться, чтобы шлющимъ людямъ острастка была. Къ этимъ первымъ насельникамъ Ижемскихъ мѣстъ присоединились потомъ новые колонисты изъ зырянъ, а также и крестившіеся самоѣды. Ясное дѣло, что позднѣйшіе пришельцы совершенно смѣшались со стариннымъ ижемскимъ населеніемъ, и скоро стало имъ на Ижмѣ жить тѣсно; разошлись ижемцы по Ижмѣ и по Печорѣ и другимъ ея притокамъ, такъ что самое дальнее поселеніе Ижемской волости по Печорѣ — Кожва находится отъ Ижмы въ разстояніи цѣлыхъ 400 верстъ водою и 180 верстъ сухимъ зимникомъ. Самое село чуть ли не самое большое на Печорѣ, а всего въ Ижемской волости до 40 селеній.

Ижемцы хорошіе скотоводы и такое маслице дѣлаютъ, что не уступятъ въ этомъ лучшимъ фермамъ подстоличнымъ; скота они тоже держатъ въ волю, такъ что есть богачи, у которыхъ и до десяти коровъ наберется. Но все это только одно баловство, всѣмъ этимъ ижемцы занимаются скорѣе ради своего удовольствія, а главный ихъ промыселъ и притомъ самый прибыльный заключается въ оленеводствѣ. Толкуютъ люди офиціальные, что у ижемцевъ 250 т. головъ оленей, да кто ихъ считалъ, да и можно ли счесть ихъ? Ясное дѣло, что хитрые ижемцы, не желая казаться въ глазахъ чиновныхъ счетчиковъ особенными богачами, скрыли чуть не на половину свои богатства и дали невѣрныя цифры. Первымъ дѣломъ идетъ олень на замшу, которую тоже такъ, спроста, дѣлать не приходится, а надо свозить на особые заводы. Такихъ заводовъ въ одной Ижемской волости 20 и привозятъ на нихъ въ передѣлъ на замшу отъ 30—35,000 оленьихъ кожъ; часть этихъ кожъ передѣлывается на перчатки, которыя перевозятся отсюда на ярмарки, а оттуда

уже въ Нижній, Москву и Петербургъ. Оленья шкура здѣсь — лучшая постель, такъ какъ до пуховика здѣсь не дошли, да и нѣкогда здѣсь на пуховикахъ валяться; цѣлая масса шкуръ идетъ на шитье платья носильнаго и на постройку чумовъ; коли сдѣлать изъ оленины малицу добрую, то цѣна ей отъ 6 до 10 р. за штуку. Коли вздумаетъ неумѣлый человѣкъ продавать оленью шкуру невыдѣланною, то цѣна имъ отъ 8—10 р. за десятокъ, а за выдѣлку надо заплатить и 2 р. 50 к., и 3 р., но за то выдѣланнымъ шкурамъ цѣна отъ 17 до 20 р. Страннѣе всего то, что за покупкою замши ѣдетъ сюда галичанинъ, забираетъ товаръ, а денегъ не отдаетъ, благо вѣритъ ему ижемецъ на слово; за деньга́ми ѣздятъ ежегодно въ Нижній, гдѣ и происходятъ годовые разсчеты. Тоже и на рыбное дѣло ижемцы завидущи: чуть мѣстечко выберется порыбнѣе — тутъ, гляди, непремѣнно ижемецъ промышляетъ. Ходятъ они и въ Усу, и въ Елецъ, неводятъ въ истокахъ Кечь-пёли, Лёмвы, Косвы, Сыни, ловятъ почти по всѣмъ рѣкамъ и озерамъ въ тундрѣ, а также на Печорѣ и Ижмѣ, такъ что никто изъ припечорскихъ жителей столько дохода отъ рыбнаго промысла не имѣетъ, сколько получатъ прихватистые ижемцы. Везутъ они рыбу на Небдинскую ярмарку въ Устьсысольскомъ уѣздѣ, а также и на Вашкинскую — въ Яренскомъ; да не на ярмаркахъ свѣтъ клиномъ сошелся и приводилось добрымъ людямъ встрѣчать промышленнаго ижемца съ одной стороны въ Нижнемъ, а съ другой въ Шунгѣ на Онежскомъ озерѣ. Мало того, что свою печорскую онъ рыбу возитъ, накладетъ онъ на возъ и шиповъ, и осетровъ, и муксуновъ обскихъ, да и торгуетъ всѣмъ этимъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ рыбою не богаты или на нее охотниковъ много. Выгоднѣе всего торгуютъ они въ тундрѣ, гдѣ за бутылку водки берутъ они оленя, а то такъ и пару. Любо поглядѣть на Ижму: такъ-то она хорошо обстроилась, такъ-то она глядитъ уютно и зажиточно. Есть такіе, что и капиталецъ въ кубышкѣ прячутъ, за неимѣніемъ банка; всѣ живутъ съ избыткомъ, въ хорошихъ, свѣтлыхъ домахъ, въ чистыхъ комнатахъ, любятъ пить чай, не отказываютъ себѣ въ водкѣ, коньякѣ, даже и ромѣ, а иной такъ и портвейнъ раскупоритъ для хорошаго человѣка. Одѣваются ижемцы опрятно: обыкновенное ихъ ежедневное платье лѣтомъ и зимою — малица съ ситцевою цвѣтною рубахою, а въ праздники надѣваютъ сюртуки и кафтаны изъ тонкаго сызранскаго сукна, лисьи и мерлушечьи шубы. И въ домашнемъ быту у ижемцевъ есть особенности, которыхъ не встрѣтишь по другимъ поселеніямъ: бабы ижемскія не щеголяютъ такъ, какъ принято это у пустозерскихъ женщинъ, да и на грязныхъ устьцылемокъ не похожи, такъ какъ ходятъ чистенько и норовятъ взять не дороговизною, а приглядностью костюма. Нѣтъ кажется существа на свѣтѣ болѣе трудолюбиваго и выносливаго, чѣмъ женщина въ Ижмѣ, тѣмъ не менѣе бабамъ здѣсь почетъ не великъ и на пирушку мужскую ихъ не пустятъ — не мѣсто-де бабѣ съ мужиками путаться. Женщины зачастую исправляютъ всѣ мужскія работы вмѣстѣ съ наемными работниками; онѣ прекрасныя хозяйки, чему доказательствомъ служитъ отличный порядокъ въ домахъ. Пронырливый ижемецъ проникъ всюду: онъ и фабрикантъ, и торговецъ, и оленеводъ, и рыболовъ, и хлѣбопашецъ; никакое прибыльное дѣло ихъ рукъ не минуетъ, ни одна копѣйка отъ ихъ рукъ не уйдетъ; ижемецъ вездѣ и всюду, и глазъ его видитъ далеко барыши и выгоду. Говорятъ ижемцы чистымъ зырянскимъ языкомъ и притомъ такъ называемымъ ижемскимъ, мягкимъ нарѣчіемъ.

По той же р. Ижмѣ, въ 200 верстахъ отъ погоста и притомъ тамъ, гдѣ р. Ухта впала въ Ижму, стоитъ селеніе Усть-Ухта, извѣстное трудами г. Сидорова по эксплоатаціи припечорскихъ богатствъ. По-зырянски мѣсто это называется Вуква-Вомъ и расположено по лѣвому берегу Ижмы. Вѣчный труженикъ, великій Царь-работникъ, орлиный глазъ котораго проникалъ всюду и всюду искалъ того, чтобы могло принести пользу его родинѣ и возвысить значеніе Россіи, бывши въ Архангельскѣ, узналъ о томъ, что на р. Ухтѣ, притокѣ Печоры, есть какой-то горючій камень. Онъ зналъ, что камень этотъ доманикъ, а горючій матеріалъ — такъ называемая горная смола, и потому уже въ 1697 году раздобылъ этой смолы и отправилъ образцы ея въ Голландію. Что сталось затѣмъ съ дѣломъ о горной смолѣ и почему въ царствованіе

Петра не было предпринято дальнѣйшихъ мѣръ къ разработкѣ нефти на Ухтѣ — неизвѣстно; по всѣмъ вѣроятіямъ, не нашлось видно энергичнаго человѣка, который бы захотѣлъ рискнуть на новое въ Россіи дѣло, а самому Петру было не до Печоры, когда и Нева была такая же неизвѣданная страна. Только въ 1745 году отыскался наконецъ предпріимчивый человѣкъ, который задумалъ выполнить Петровы планы, и вотъ купецъ Набатовъ устраиваетъ на Усть-Ухтѣ нефтеочистительный заводъ. Съ той поры нефть ежегодно отправляли въ количествѣ до 1000 пуд. съ Ухты въ Москву, вплоть до конца XVIII столѣтія, когда пожаръ уничтожилъ и заводъ, и всѣ постройки; хозяинъ умеръ, а съ нимъ вмѣстѣ сонъ и дрема снова воцарились тамъ, гдѣ такъ недавно еще кипѣла работа. Годы шли за годами, а о печорской нефти не было и помину и исконное, природное богатство края все лежало втунѣ. Только въ 1864 году г. Сидоровъ сталъ ходатайствовать передъ администраціею и правительствомъ о дозволеніи ему заняться разработкою нефти; онъ просилъ отвести ему узаконенный участокъ для добыванія горной смолы, но только въ 1868 году вышло наконецъ разрѣшеніе сдѣлать ему отводъ въ количествѣ одной квадратной версты. Тотчасъ же этотъ извѣстный защитникъ нуждъ нашего Сѣвера приступилъ къ буренію, и одна буровая скважина дала до 1000 пудовъ нефти, которая пошла на отапливаніе парохода, приведеннаго тѣмъ же Сидоровымъ изъ Петербурга. Затѣмъ онъ отправилъ 6000 пуд. доманику (горючій сланецъ) во Францію, для извлеченія изъ него газа для освѣщенія Парижа. Французскіе заводчики одобрили ухтинскій доманикъ, признали его драгоцѣннымъ для выработки газа, но перевозка, производимая на иностранныхъ судахъ, обходилась слишкомъ дорого, а русскихъ торговыхъ судовъ не было, да не имѣется и въ настоящее время, и доманику, вмѣстѣ съ горною смолою, суждено видно ждать болѣе счастливыхъ условій. Изъ усть-ухтинской горной

Деревня Вила на р. Ижмѣ.

Доманиковые сланцы на р. Ухтѣ.

смолы можно приготовить и керосинъ, и парафинъ, и асфальтъ, и смазочное масло и проч., а изъ осадковъ ея въ глинистыхъ и известковыхъ породахъ, называемыхъ доманикомъ, мѣстные крестьяне съ давнихъ поръ уже приготовляютъ разныя подѣлки очень прочныя и красивыя по внѣшнему виду, а именно: столешницы, линейки, подносы, шашечницы и т. п. Впрочемъ крестьяне и до сихъ поръ еще вырабатываютъ смолу самыми первичными, чуть ли не праотеческими способами, и употребляютъ ее на освѣщеніе своихъ горницъ, а также и на желудочную потребу: чуть заболѣетъ кто — тотчасъ угостятъ его горною смолою, которая, по слухамъ, помогаетъ отъ всякихъ болѣзней, во всяческихъ пріемахъ; есть такіе смѣльчаки, что пьютъ ее по стакану, а иногда и по два въ сутки.

Буровыя работы на р. Ухтѣ.

Еще сѣвернѣе Ижмы впала въ Печору Цыльма, или правильнѣе и по настоящему зырянскому произношенію Цыль-ва, противъ устья которой на правомъ, довольно низменномъ берегу Печоры раскинулось большое село, почти въ 300 домовъ — Усть-Цыльма, чуть-ли не самое многолюдное селеніе на Печорѣ, да и съ виду оно очень красиво и хорошо обстроено; избы крестьянъ сколочены хозяйственно, чисто, изъ хорошаго лѣса, просторно и свѣтло, зачастую въ нѣсколько горницъ. Понравилось привольное это мѣсто въ 1542 году двоимъ бродячимъ новгородцамъ, искавшимъ, видно, вдали отъ родины, и добытка, и воли, и въ силу заимки поселились здѣсь они первыми насельниками. Для большаго удобства поселились они не на самомъ устьѣ, а напротивъ его, на гари, случившейся къ тому времени въ прибрежныхъ лѣсахъ, и завели здѣсь Ивашка Ластка и Власко хлѣбопашество. Къ первымъ насельникамъ скоро стали стекаться и другіе люди, ищущіе приволья, и скоро слободка разрослась на столько, что пришлось подумать о будущемъ обезпеченіи правъ новоселовъ, чрезъ правительственное утвержденіе ихъ. Бывалые, повидимому, люди Ластка и Власко, видавшіе на своемъ вѣку виды, поняли, что займищемъ владѣть хорошо лишь до перваго спора, а потому они и поѣхали въ Москву искать утвержденія своихъ правъ на землю и воды. И благо имъ было въ томъ, такъ какъ не прошло и десяти лѣтъ, какъ «кевропьцы, чакольцы и мезенцы Вахрамейко, да Ивашка и иные», сами выхлопотали себѣ владѣнную грамату, обѣщавши надбавить оброку въ царскую казну полтретья рубля (2 р. 50 к.), тогда какъ Ластка платилъ по полтинѣ. Послѣ долгихъ споровъ и подкуповъ разныхъ московскихъ бояръ и воеводъ Цыльма, однако, все-таки осталась со всѣми угодьями за пронырливымъ и ухватистымъ новго-

Старинная церковь въ Усть-Цыльмѣ.

родцемъ съ оброкомъ въ цѣлыхъ 6 рублей. Отъ своихъ прибылей Ивашко Ластка не прочь былъ и Богу удѣлить малую толику, и потому во имя чудотворца Николая, главнаго пособника на водѣ, выстроилъ церковь, которая, однако, сгорѣла въ концѣ первой половины прошлаго столѣтія; на мѣстѣ этой церкви въ 1751 году была выстроена новая церковь, которая въ настоящее время въ свою очередь можетъ быть признана древностью. Вокругъ церкви старая, полуразвалившаяся деревянная ограда и нѣсколько могильныхъ крестовъ; сбоку наружная крытая лѣстница ведетъ ко входнымъ дверямъ; на дверяхъ по стародавнему обычаю виситъ кольцо желѣзное. Черезъ сѣни входишь въ трапезу, занимающую большую часть зданія; налѣво отъ входа въ трапезѣ огромнѣйшая печь — видно съ холоду и молитва на умъ не пойдетъ; направо столъ для сорокоустовъ, въ углу свалены какія-то вещи, а вокругъ стѣнъ и по печи приспособлены лавки, такъ какъ служили, видно, тогда постаринному и всенощное бдѣніе на всю ночь дѣйствительно вели. Иконостасъ самый простой, бѣдноватый на видъ и стариннаго пошиба; окна въ самой церкви и въ трапезѣ, всѣ лишь съ южной стороны продѣланы — видно, и въ этомъ случаѣ разсчитывали строители на южную теплинку и боялись сѣверныхъ холодныхъ вѣтровъ; съ сѣверной стороны прорублено одно лишь оконцо, да и то не больше четверти въ діаметрѣ. Образъ чудотворца Николая почитается всѣми жителями Печорскаго края, и ни одинъ промышленникъ, ни одинъ торговецъ и ни одинъ простой путникъ не проѣдетъ мимо церкви безъ того, чтобы не поклониться иконѣ. — Населеніе Усть-Цыльмы довольно большое — видно, цылемскія угодья заманчивы и необлыжно даютъ здѣсь человѣку жить не впроголодь, а съ достаткомъ и откладкою про черный день; тутъ и скотинки у крестьянина довольно, и землелька есть подъ посѣвъ годная, и промысловъ всякихъ не занимать стать. Одна только бѣда: много денегъ уходитъ на обидное дѣло, на кабакъ, къ которому всѣ усть-цылемцы такъ падки, что, какъ муха къ меду, льнутъ къ завѣтному заведенію съ пресловутою елочкою надъ входомъ. По берегамъ Цыльмы раскинулись такіе богатые сѣнокосы, что хватитъ сѣна не на одну тысячу головъ, и нѣкоторые крестьяне накашиваютъ сѣна отъ 200—300 вытей, т. е. отъ 800—1,200 копенъ. Скотъ здѣсь хорошъ, не въ примѣръ верхнепечорскому, а руно славится по всему Печорскому краю и могло бы, при добромъ развитіи овцеводства, дать доброе подспорье жителямъ. Чуть травка проглянетъ весною новенькая, тотчасъ понасажаютъ овецъ въ лодки и везутъ на острова, гдѣ онѣ и пасутся до осени на мягкой травѣ. Есть тутъ особый обычай, а пожалуй и особый праздникъ, вызванный самими обстоятельствами и мѣстными условіями жизни. Пришла осень поздняя — пора подумать о томъ, чтобы нагулявшихся вдоволь овецъ домой вернуть. Сядутъ дѣвки и бабы на коней (а наѣздницы онѣ въ Усть-Цыльмѣ всѣ подборныя) безъ сѣделъ и пускаются во весь скакъ ловить одичалыхъ за лѣто овецъ. Телегъ нѣтъ на Цыльмѣ и перевозка идетъ либо на лодкахъ, либо въ каюкахъ, либо на саняхъ зимою и лѣтомъ. Усть-цылемцы рѣзко отличаются отъ другихъ жителей Печорскаго края. У сосѣдей ихъ, ижемцевъ и пустозеровъ, а также и вообще у окрестныхъ зырянъ, нельзя подмѣтить ни пьянства, ни разврата, и невыгодное сравненіе пойдетъ еще далѣе, если приглядѣться ко внутреннему быту цылемцевъ: дома у большей части изъ нихъ неопрятны, тѣсны и рѣдко случается встрѣтить въ нихъ слѣды той порядочности, которую на всякомъ шагу приходится наблюдать въ другихъ мѣстностяхъ Припечорья. Еще двинскій лѣтописецъ подъ 1428 годомъ разсказываетъ, что какой-то грекъ Манойла Ларіевъ съ товарищи ѣздилъ нарочито къ Печорѣ и около р. Пыльмы нашелъ мѣдную руду; за неимѣніемъ въ этихъ мѣстахъ никакой Пыльмы, ясно, что лѣтописецъ говоритъ просто о Цыльмѣ. По обыкновенію ничего неизвѣстно, что сталось съ открытіемъ грека Манойлы, но въ 1491 году Иванъ III будто вспомнилъ о находкѣ заѣзжаго грека и откомандировалъ въ Печорскій край другихъ двухъ захожихъ людей, нѣмцевъ-рудознатцевъ Ивана да Виктора, и придалъ имъ въ товарищи Андрея Петрова и Василья Болтина, искать въ тѣхъ же мѣстахъ и серебряной руды. Долго ѣздили рудознатцы, но черезъ 7 мѣсяцевъ все же таки вернулись и привезли радостное извѣ-

стіе, что, искавши руды серебряной, нашли они мѣдную руду на пространствѣ 10 верстъ на берегу р. Цыльмы. Дѣло было подходящее, и великій князь тотчасъ же приказалъ приступить къ разработкѣ мѣди и вѣроятно и серебра, такъ какъ съ того времени, говорятъ историки, начали чеканить монсту изъ своего русскаго серебра. Для разработки мѣдныхъ цылемскихъ рудъ взяты были рабочіе изъ устюжанъ, двинянъ и пинежанъ, но долго ли продолжались на этомъ заводѣ работы и почему пріостановлены — неизвѣстно. Академикъ Лепехинъ, говоря вообще о минеральныхъ богатствахъ Мезенскаго края, заявлялъ, что уже въ началѣ XVIII столѣтія устраивался какимъ-то пріѣзжимъ нѣмцемъ въ той же мѣстности мѣдный заводъ, но жители, изъ опасенія, что попадутъ въ категорію заводскихъ крестьянъ, старались скрыть отыскиваемую руду, а потому со смертью заводчика и все мѣдное дѣло на Цыльмѣ снова было оставлено. Въ народѣ толкуютъ, однако, другое. Есть преданіе, что встарину по неосторожности шахты обвалились и землею задавило 30 человѣкъ рабочихъ, а также — и что шахты залило водою. Какъ бы то ни было, цылемское мѣдное дѣло не пошло въ ходъ и ждетъ еще предпріимчивыхъ и энергичныхъ людей и капиталовъ.

За Цыльмою оканчиваются правильные лѣса и начинается уже тундра; только кое-гдѣ попадаются отдѣльные кустарники, да уродливыя стелющіяся ели. Печора становится все шире и шире, разливается на нѣсколько второстепенныхъ протоковъ, которые по-русски называются шарами, а по-зырянски — висками, и наконецъ образуетъ такъ называемую Печорскую Болвановскую губу, которая такъ славится своими семужными и звѣриными промыслами. Семга, можно сказать, по преимуществу ловится въ Болвановской губѣ, но въ иной годъ довольно много ея попадается въ поплавни и въ самой Печорѣ; тоже и на это имѣется своя причина, которую отлично знаютъ мѣстные жители, главнымъ образомъ семгою и живущіе и дышащіе. Когда сѣверные вѣтры задержатъ рыболововъ и они не могутъ попасть въ губу до хода семги, то они ловятъ ее въ устьѣ Печоры, благо тогда рыба совершенно безпрепятственно входитъ въ рѣку. Напротивъ того, если вѣтеръ дуетъ по направленію къ губѣ, и если рыболовы успѣютъ во время поставить въ ней сѣти, то лучшій ловъ дѣлается на губныхъ тоняхъ, и въ самой Печорѣ семги попадается мало. На всѣхъ тоняхъ ловъ производится съ точнѣйшимъ и замѣчательнымъ соблюденіемъ правъ всѣхъ участвующихъ въ промыслѣ и всѣ имѣютъ одинаковыя права, какъ богатые, такъ и бѣдные, причемъ даже вдовы и сироты пользуются участіемъ въ паяхъ въ размѣрѣ доли ихъ покойнаго мужа или отца; вся разница только въ томъ, что одни участвуютъ въ дѣлѣ капиталомъ, а другіе трудомъ. Чтобы не было жалобы на малоприбыльность той или другой тони, сравнительно съ остальными, тони переходятъ ежегодно въ пользованіе отъ одной деревни къ другой, причемъ каждая деревня, поочередно, имѣетъ то хорошую, то плохую тоню. И никто не жалуется, все дѣлается по общему согласію безъ всякихъ неудовольствій. Тони въ Болвановской губѣ, а также и въ другихъ привольяхъ дѣлятся на участки по паямъ, а въ каждомъ паѣ бываетъ по $13^1/_2$ душъ; не всякій, конечно, обязанъ своимъ паемъ пользоваться и можно всегда продать и цѣлый пай, и личное въ паю участіе. Ясное дѣло, что скупщикомъ долей и паевъ является тотъ, кто снарядился къ лову въ избыткѣ, хотя таковые не являются никогда кулаками, міроѣдами и эксплуататорами небогатыхъ пайщиковъ; повелось такъ изстари, что скупъ паевъ бываетъ всегда осенью, но скупщикомъ можетъ быть только свой человѣкъ, принадлежащій къ тому же обществу: нахожихъ людей въ паи не пускаютъ. Плата за паи бываетъ разная, смотря по тому, каковы были ловы въ прошлый годъ. Тутъ опять, конечно, все дѣло на рискъ и всѣ идутъ на то, что, коли хорошо въ какомъ мѣстѣ ловилось, такъ авось напредки семга въ облюбованное мѣстечко забредетъ охотнѣе; опять тоже и тоня какая: въ хорошей тонѣ паю одна цѣна, а въ плохой — другая. Понятное дѣло, «отпускать на тоню», т. е. на скупленный пай, посылать работниковъ могутъ только люди зажиточные, такъ какъ все это дѣло очень рискованно, а бѣдняку только бы сытымъ быть; впрочемъ и бѣдняку нажива не заказана, и онъ, продавъ свой пай, можетъ идти въ работники и

здѣсь получать не плату за трудъ, а войти въ часть промысла. Въ часть входятъ разно: условливаются работать изъ четвертой и даже и третьей доли, а у иного хозяина такъ и цѣлыхъ $^2/_5$ выторговать удается. Коли задастся ловъ добрый, коли семужка-матушка не обманетъ, такъ наживутъ много и хозяева, и рабочіе.

За промыслами и домашними подходящими дѣлами некогда печорцу самому заняться торговлею, а потому и приходится для этого ждать ему прихода сторонняго человѣка. Чердынцы или усольцы, какъ называютъ этихъ странствующихъ купцовъ въ Пустозерскѣ, съ давнихъ поръ, чуть ли не со временъ новгородчины, ведутъ по всей Печорѣ мѣновой торгъ. Было время, когда нажива манила ихъ на столько, что они являлись сюда на мелкихъ и плохихъ судахъ и зачастую оставляли здѣсь на днѣ глубокой рѣки и товары свои и бѣлыя косточки, но прошли года, и мало-по-малу торговцы стали улучшать постройку своихъ торговыхъ судовъ. Каюки стали дѣлать и прочнѣе, и укладистѣе, и красивѣе, такъ что и съ виду каюкъ непротивенъ, да и груза помѣщается въ немъ отъ 3 до 5 тысячъ пудовъ. Торговать на Печорѣ дѣло выгодное, а потому и число торговцевъ съ каждымъ годомъ увеличивается, и бываютъ года, когда съ Якшинской верховой пристани отправляются внизъ до 50 и 60 каюковъ. И чего-чего только не везутъ чердынцы: есть тутъ и китайская травка, что облюблена такъ русскимъ человѣкомъ, да не претитъ и всякому инородцу, и хлѣбъ желанный — ржаный, что дороже сахара, и соль, изъ-за которой печорцы рады бы Богъ вѣсть что отдать, такъ какъ безъ нея рыбу дѣвать некуда, и сахаръ— лакомый кусочекъ для бесѣды за самоварчикомъ, и медъ, что служитъ зачастую сахарную службу, и крупчатку для поповъ, зажиточныхъ хозяевъ и начальства, и крупы разныя, и красный товаръ на самоѣдскую пагубу, на зырянскую щепливость, и холстъ, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе проникающій въ тундру на праздничную рубаху поверхъ малицы, и сукна цвѣтныя да яркія, веревки, пакля, ленъ, посуда, орѣхи, калачи и жамки, сальныя свѣчи и сапожный товаръ— все, однимъ словомъ, что можетъ приглянуться и русскому человѣку, и зырянину, да и такому невзыскательному покупателю, каковъ самоѣдинъ. Не мало наживаютъ отъ этого торга промышленные чердынцы, а толку краю Печорскому отъ ихъ великой наживы нѣтъ, такъ какъ плата за товары уходитъ изъ ихъ страны и пользуется ею народъ пришлый, которому и горюшка мало о Печорѣ — было бы хорошо и уютно у него на Чердыни. Ѣздитъ сюда чердынецъ больше на каюкахъ, которые представляютъ собою словно пловучій магазинъ, гдѣ и печорецъ, и самоѣдъ найдетъ все, что нужно ему въ его неприхотливомъ обиходѣ. Дѣло ведется у чердынцевъ по старозаведенному обычаю и изъ года въ годъ все такъ же. Торгуютъ они очень искусно, другъ другу конкуренціею глаза не выѣдаютъ и цѣнъ на свои товары не сбиваютъ, да и на мѣстные товары не накидываютъ, дѣйствуя дружно — благо весь скупъ ихъ Чердыни и Устьсысольска не минуетъ. Заранѣе, еще въ Якшѣ распредѣлятъ они всю Печору, словно свою вотчину, и намѣтятъ, кому гдѣ остановиться, гдѣ кому торговать, гдѣ кому наживать; одинъ пристаетъ къ Тельвискѣ, другой къ Куѣ, третій въ Ижмѣ, а иной позабористѣе на наживу, такъ уйдетъ вверхъ по печорскимъ притокамъ то въ тундру, въ самое ея сердце, то къ Уральскимъ горамъ, благо и тамъ живетъ безталанный народъ, которому не прожить безъ чердынскаго привознаго добра. Товары отпускаютъ на вѣру больше, въ долгъ, а покупатели такъ привыкли къ простотѣ отношеній, что и цѣны не спрашиваютъ, а просто забираютъ, что понадобится, да по нраву придется, зная, что объявится цѣна по окончаніи лѣтняго промысла, при разсчетѣ. Медленно двигается по рѣкѣ неуклюжій каюкъ. Вотъ онъ причалилъ къ берегу— лавочка открыта, и не успѣетъ добрый человѣкъ опомниться, какъ всѣ товары уже поразобраны и только въ книжечкѣ у торговца отмѣтокъ поприбавилось, что отпущено, молъ, Кирилкѣ на 5 рублевъ, а Кузьмѣ на 4 съ полтиною и т. п. Еще задолго до разсчета половина позабраннаго съѣдена или пошла на домашній обиходъ и на промысловое дѣло; пріѣхалъ печорецъ въ свое селеніе съ бѣлою промысловою рыбою, и пошелъ разсчетъ за старые грѣхи, за прежній заборъ; печорецъ радъ разсчитаться по-божески, да торговецъ на то и аршинъ съѣлъ, чтобы надъ на-

родомъ измываться, благо бѣденъ онъ и въ товарѣ нуждается, а деньгами не силенъ. И радъ бы печорецъ поторговаться, да не вышелъ, знать, умомъ и добыткомъ противъ наѣзжаго человѣка; хочется ему кредитъ свой упрочить, чтобы и напредки ему вѣрили въ долгъ, такъ какъ иначе ему хотя въ петлю лѣзть, да наталкивается онъ на такого человѣка, что не очень съ нимъ станетъ разговаривать и думаетъ, что, отпустивши въ долгъ товаръ, сдѣлалъ невѣсть какое одолженіе и добро. Когда отпущенный товаръ весь изведенъ: чай выпитъ, хлѣбъ на половину съѣденъ, хоть опять за качъ принимайся, холстина и ситцы пошли на платья и рубахи, изъ пеньки понадѣланы сѣти и канаты, а солью засолена рыба, то споръ коротокъ, и торговецъ скажетъ только: «цѣна не по нраву — заплати долгъ деньгами, а рыбы мнѣ не надо!» Ну, поспорятъ иногда для отвода сердца, да и начнутъ перетаскивать бочки съ рыбой въ каюки, которые и идутъ затѣмъ вверхъ по Печорѣ и дальше до дома, пока охотка на поживу на слѣдующій годъ не выгонитъ ихъ владѣльцевъ на новую поѣздку въ привольныя печорскія мѣста. И какъ ни дорого достаются ему всякіе товары, все же житель нижней Печоры, или пустозеръ и не вѣсть какъ радъ бываетъ всякому захожему и заѣзжему человѣку. Гостепріимство здѣсь такое, что на верхней Печорѣ и у чердынцевъ въ поговорку вошло; никогда никто не возьметъ денегъ за ночлегъ, за обѣдъ или ужинъ, не смотря на то, что каждая такая ѣда стоитъ цѣлаго дня промысла. Пустозеры довольно высокаго роста, красивы (въ особенности женщины) и говорятъ всѣ чрезвычайно чисто по-русски, да оно и не мудрено, такъ какъ они считаютъ себя прямыми потомками новгородскихъ переселенцевъ. Суровый климатъ, да къ тому же и трудовая жизнь должны бы, повидимому, сокращать здѣсь человѣческую жизнь, а между тѣмъ старики 80 и даже 90 лѣтъ здѣсь вовсе не рѣдкость, и всѣ они совершенно еще крѣпки и бодры на видъ. Села пустозерскія разбросаны по холмамъ, безъ огородовъ, безъ того, что глазъ привыкъ обыкновенно видѣть въ крестьянскомъ русскомъ сельбищѣ и подлѣ него; кое-гдѣ по сторонамъ села разбросаны чумы самоѣдовъ, что придаетъ опять-таки совершенно своеобразный характеръ человѣческимъ поселеніямъ на нижней Печорѣ вмѣстѣ съ десятками деревянныхъ старинныхъ крестовъ, чернѣющихъ то тутъ, то тамъ вблизи селенія.

Изба промышленниковъ на р. Ухтѣ.

Вся верхняя Печора и даже средняя, а также и бассейнъ ея и въ особенности тѣ рѣки, которыя впадаютъ въ нее въ самомъ ея началѣ и близко подходятъ къ ея бассейну, населены народомъ, который мало еще изученъ, но достоинъ изученія, такъ какъ не только не обрусѣлъ при встрѣчѣ съ русскими, не вымеръ, но годъ отъ году увеличивается въ численности, и, одаренный сметкою и предпріимчивостію, принялъ на себя роль печорскаго цивилизатора, живя и въ настоящее еще время въ сѣверо-восточной Россіи въ количествѣ около 100,000 душъ. Народъ этотъ принадлежитъ къ той массѣ урало-алтайскихъ пришельцевъ, которыхъ русскіе, при встрѣчѣ съ ними, прозвали на-просто чудью, благо и чудны и чужды эти пришельцы имъ показались. Только позднѣе сталъ русскій человѣкъ различать между чудью разные народы и, не спрашивая ихъ о настоящемъ прозвищѣ, сталъ каждый народъ обзывать по своему, отчего и понадѣлалъ изъ мокши мордву, изъ мери—мурому, изъ хозово—самоѣдовъ и наконецъ изъ коми — зырянъ. Особенно послѣднимъ посчастливилось на прозвища, и часто многіе сомнѣвались, куда могли дѣваться біармійцы, какъ иногда прозывали тѣхъ же зырянъ, по странѣ, ими населенной. Толковали добрые люди, что біармійцами зовутъ ихъ отъ Біарміи и Перміи, а до того не додумались, что жили зыряне на «пармахъ» — т. е. лѣсистыхъ мѣстахъ, а потому,

вѣроятно, на вопросъ, какъ называется мѣсто ихъ сельбища, и отвѣчали—«парма», откуда пошла и наша простая, обыденная Пермь, да и ученая Біармія. Быть можетъ, первые, встрѣтившіеся съ зырянами русскіе поинтересовались также разузнать отъ нихъ, сами они то таковы. Не понимая вполнѣ, о чемъ ихъ спрашиваютъ, думая, что интересуются узнать, что они за люди, и не воображая, что интересуются именемъ народа, зыряне и на этотъ вопросъ отвѣчали попросту, что они — вытѣсненные, выгнанные изъ старой отчизны люди, а какъ были прогнаны, того, конечно, не сказали; услыхали пришельцы, что спрошенные называютъ себя то «зырэдемъ», то «зырэдысны», перекинули умомъ и поняли, что это зыряне, такая же чудь, только еще не виданная до той поры. Самъ народъ, конечно, и не думалъ называть себя ни пармами или пермяками, ни біармійцами, ни зырянами, такъ какъ у него было свое, исконное, народное прозвище, до котораго не добрались пришельцы. Для зырянина онъ *коми* и никто больше, а сосѣдъ его остякъ—*егра*, названіе, въ которомъ не трудно угадать ту югру, на которую такъ часто ходили новгородцы, да и московскія дружины и объ имени которыхъ русскіе, какъ видно, узнали отъ зырянъ и ни отъ кого больше. Далеко раскидывались, вѣроятно поселенія коминовъ на сѣверовостокъ Россіи, такъ какъ и теперь еще они населяютъ часть Пермской, Вологодской, Вятской и Архангельской губерній и притомъ именно всю ту часть, которая поросла вѣковымъ лѣсомъ, благо родился зырянинъ лѣснымъ жителемъ, въ лѣсу всю жизнь свою проживаетъ, да отъ лѣсу и питается. Какъ только встрѣтились съ зырянами русскіе, такъ безъ дальнихъ разговоровъ наложили на нихъ свою тяжелую руку и сдѣлали своими данниками. Прежде платили зыряне дань Новгороду, а тамъ стали ее давать и Москвѣ, но при всемъ томъ дань эта не помѣшала зырянамъ обособиться отъ окружившихъ ихъ со всѣхъ сторонъ пришельцевъ, выработать не только свой особенный типъ, но даже, такъ сказать, и свою, хоть и неприхотливую, да собственную, на ихъ ладъ, культуру. Видимое дѣло, что, живя въ лѣсу и находясь отъ него въ постоянной зависимости, древній коминъ поневолѣ принужденъ былъ и благоговѣть и бояться его до какого-то необъяснимаго религіознаго трепета. Въ лѣсу онъ и отъ врага могъ укрыться, лѣсъ ему и пищу доставлялъ, и одежду, и кровъ; немудрено, что простой, первобытный еще, такъ сказать, человѣкъ долженъ былъ признать выше себя силу лѣса, которая и питаетъ, и грѣетъ его самого и его семью. А вмѣстѣ съ благодарностью къ кормильцу своему и охранителю его безопасности должно было у зырянина явиться и другое чувство къ лѣсу, совсѣмъ уже не похожее на первое и даже ему противоположное; въ темныхъ лѣсныхъ трущобахъ жили и дѣйствительныя, и воображаемыя чудовища, которыя встрѣчали пробирающагося въ чащу за добычею зырянина вовсе недружелюбно и зачастую пожирали смѣльчаковъ; часто люди такъ и пропадали въ лѣсу на горе покинутымъ на произволъ судьбы и нищету семьямъ. Лишь изрѣдка какой нибудь другой смѣльчакъ, котораго нужда загоняла подальше въ лѣсъ, гдѣ дичи и звѣря побольше, находилъ обезображенный трупъ несчастливца, коли не успѣли еще лѣсные жители растащить его косточки и не пропалъ онъ и вовсе безслѣдно; почти дѣтское еще, а потому и охотное на всякія прикрасы воображеніе сдѣлало изъ простыхъ звѣрей какихъ-то чудищъ и пугалъ, и понятно, что лѣсъ, самъ по себѣ желанный и благодатный для древняго комина, долженъ былъ въ то же время и наводить на послѣдняго страхъ и ужасъ, а отсюда уже не далеко отъ того, чтобы благодарить лѣсъ за подаваемыя имъ комину блага и умаливать его не допускать коминской погибели, т. е. до обоготворенія лѣса. Такъ, видно, и на самомъ дѣлѣ было, такъ какъ, если мы разберемся въ томъ, что знаемъ изъ книгъ о стародавней религіи коми, да прослѣдимъ еще для провѣрки настоящіе остатки ихъ прежнихъ языческихъ обычаевъ, то увидимъ непреложно, что коми поклонялись никому иному, какъ лѣсу, и молились березѣ и ели, кедру и лиственицѣ, смотря по тому, какія изъ деревъ лѣса у нихъ были подъ рукою. Каждое дерево, каждый, пожалуй, кустикъ въ лѣсу для комина были богами, имѣли оживляющаго ихъ духа; и дерево, и былинка, и кустикъ могли по крайнему ихъ убѣжденію чувствовать, страдать и радоваться, а потому коминъ и старался

напередъ задобрить ихъ, не дѣлать ничего такого, что, по его мнѣнію, имъ могло бы быть непріятно. Старинныя преданія, а также и житія разныхъ святыхъ, прославившихся своею дѣятельностью въ Зырянскомъ краѣ, подтверждаютъ заподлинно, что сказано выше о почитаніи у коми деревьевъ. Сказываютъ напримѣръ, что престолъ первой церкви, выстроенной въ Зырянской странѣ въ нынѣшнемъ Усть-Вымѣ, поставленъ на старомъ пнѣ огромныхъ размѣровъ березы, которой во времена оны язычники коми поклонялись; сюда же на эту березу, какъ то дѣлали многіе чудскіе народы, навѣшивали они и свои жертвы, состоявшія въ собольихъ, куньихъ, горностаевыхъ и другихъ звѣриныхъ шкуркахъ, которыми прежде пользовались ихъ жрецы, а по приходѣ русскихъ—эти послѣдніе, принимавшіе за зырянскихъ боговъ доброхотныя зырянскія дачи по ночамъ. Въ одной старинной книжкѣ читаемъ мы тоже почти самое, только авторъ заявляетъ, что обоготворяемымъ деревомъ была огромная ель; когда усть-вымскую церковь ломали, чтобы на томъ же мѣстѣ выстроить новую, каменную, то подъ престоломъ ея найденъ былъ огромный, перегнившій уже внутри пень, который зыряне «изъ почтенія къ древности», какъ говорило донесеніе мѣстнаго священника, чтобы не подвести своихъ прихожанъ, а вѣрнѣе всего потому, что языческія воззрѣнія глубоко еще сидѣли въ зырянскихъ умахъ, «весь разобрали по кусочкамъ въ дома свои». Впрочемъ зыряне вѣрили не въ однихъ только лѣсныхъ и древесныхъ духовъ и мало-по-малу, развивая свои миѳологическія понятія, дошли до отвлеченнаго понятія о божествѣ. Если есть міръ, то долженъ быть и тотъ, кто его сотворилъ, думали коми, и назвали этого творца міра «Энъ». Какъ богъ очень великій, онъ не могъ, да и не захотѣлъ бы путаться въ людскія дѣла и во всякую мірскую дрязгу, а потому и позаботился понадѣлать разныхъ себѣ помощниковъ въ видѣ добрыхъ и злыхъ духовъ. Однако, такъ дѣло не могло долго тянуться, и народу требовалось видѣть того бога, которому онъ поклонялся; понадѣлали ему его жрецы, на неприхотливый вкусъ его, разныхъ божковъ и идоловъ, а затѣмъ появились и особые дома для боговъ, небольшіе храмики самой незатѣйливой постройки. Такъ какъ Эну можно было поклоняться во всякомъ мѣстѣ «величествія его», то и храмики ему строили безразлично, то на поляхъ, то въ лѣсахъ, а идоловъ своихъ они, благо лѣсу подъ рукою было вволю, дѣлали изъ дерева; поклонялись они этимъ богамъ посвоему, что должно было необходимо броситься въ глаза нашему старинному русскому наблюдателю изъ духовныхъ, который и почелъ за нужное отмѣтить, что: «бѣ обычай пермянамъ невѣрнымъ таковъ, яже приносити идоломъ своимъ: соболи, куницы, горностаи, лисицы, бобры, медвѣди, рыси, иная тѣмъ подобная, отъ ловитвъ своихъ, и вѣшаху то на идолахъ или при идолахъ; еще же и платы изрядными сверхъ покрываху свои кумиры, и пеленами обвиваху и ничесо же отъ тѣхъ приносимыхъ идоломъ даровъ дерзаше что взяти». Ясно было, что жрецы тутъ уже не зѣвали и вмѣсто боговъ забирали все принесенное на свою ненасытную утробу.

Скоро послѣ перваго своего знакомства съ зырянами, русскіе привнесли къ нимъ и христіанское ученіе и притомъ, хотя и не съ огнемъ и мечомъ, какъ то дѣлалось обычно на Западѣ, но тоже не безъ насилія. Въ послѣдней половинѣ XIV вѣка святый Стефанъ Храпъ, уроженецъ страны Устюжской, появился среди зырянъ, проповѣдуя имъ Евангеліе, крестя ихъ, разрушая ихъ капища и посѣкая безжалостно ихъ исконныхъ боговъ. Историки Св. Стефана Великопермскаго такъ разсказываютъ о дѣятельности этого перваго апостола зырянскаго: «повѣшенное около идоловъ, или же кровлю надъ ними, или же на жертву имъ принесенное, соболи, куницы, бобры, векши и прочая, Стефанъ огнемъ сожигаше; самого же кумира прежде въ лобъ ударяше, потомъ изсѣцаше на мелкіе полѣнцы и вкупѣ вся сожигаше; себѣ же не взимаше отъ тѣхъ ничесоже и никому отъ вѣрныхъ не повелѣ взяти, отъ кумирницъ идольскихъ: ни златое, ни сребряное, ни мѣдь, ни желѣзо, или олово или иное что». Какъ ни старался Стефанъ, однако не всѣ «вѣрніи» думали такъ же, какъ онъ; кумирныя богатства смущали ихъ духъ, и многое отъ боговъ зырянскихъ перешло въ ихъ непосредственное владѣніе. Врядъ ли однако зыряне всегда относились равнодушно къ дѣйствіямъ Стефана и, по всѣмъ вѣроятіямъ, противились иногда его начинаніямъ. Впрочемъ, по

всѣмъ вѣроятіямъ, протестъ здѣсь былъ болѣе пассивный и выражался уходомъ народа отъ ревностнаго проповѣдника и предоставленіемъ ему и «вѣрнимъ» возможности истреблять кумирни и кумировъ. Разъ, однако, случилось такое обстоятельство, что и самъ Стефанъ задумался и изумился: когда онъ срубилъ одну весьма чтимую народомъ «прокудливую березу», то при рубкѣ этого обоготворяемаго дерева слышны, будто бы, были стоны и угрозы духовъ, лилась кровь изъ порубленныхъ мѣстъ, поднимались грозныя, черныя тучи... Ужъ не порубили ли вмѣстѣ съ березою какого нибудь жреца зырянскаго, или же эта кровь вообще была въ разсказѣ метафорой о пролитіи въ этомъ случаѣ вообще зырянской крови, вслѣдствіе угрозъ, исходившихъ, конечно, не отъ духовъ, а отъ озлобленныхъ зырянъ. Впрочемъ Стефанъ видимо избѣгалъ кровопролитія и насилія непосредственно надъ народомъ, и для того, чтобы легче вліять на коми, всѣми мѣрами старался расположить ихъ къ себѣ и сдѣлаться для нихъ необходимымъ. Случался ли голодъ, Стефанъ тотчасъ же раздавалъ зырянамъ всѣ свои хлѣбные запасы, да еще старался выпросить у бояръ и князей московскихъ хлѣбной и денежной помощи. Когда тіуны княжескіе и сборщики ясака, наѣзжавшіе изъ Новгорода, слишкомъ притѣсняли его паству дѣйствительную и будущую, Стефанъ вступался за несчастныхъ инородцевъ и такъ или иначе, но добивался отсрочки уплаты ясака. Онъ постоянно посылалъ въ Новгородъ жалобу за жалобою на вольныхъ ушкуйниковъ, которые то и дѣло, въ поискахъ своихъ за добычею, грабили зырянскія сельбища, требовалъ и добивался вознагражденія за разграбленное имущество и даже старался обезпечить своихъ дѣтей духовныхъ на будущее время отъ всякихъ грабительскихъ попытокъ со стороны новгородской вольницы.

Зыряне.

При всей легкости обращенія зырянъ, тѣмъ не менѣе дѣло, какъ уже было сказано выше, не обходилось безъ борьбы, хотя, въ виду успѣшности обращенія, миссіонеры шли даже на разныя уступки, какъ то: воздвигали христіанскіе алтари на старинныхъ почитаемыхъ язычниками пняхъ и т. п. Въ исторіи, конечно, сохранилось весьма мало свѣдѣній объ этой борьбѣ, но, тѣмъ не менѣе, и въ письменныхъ памятникахъ можно найти нѣсколько подробныхъ указаній и въ преданіяхъ народныхъ сохраняется объ этой борьбѣ нѣсколько воспоминаній. Такъ напримѣръ, во времена того же Стефана «бѣлъ нѣкій волхвъ, глаголемый кудесникъ, начальникъ чародѣевъ и старшина обаянниковъ, его же пермстіи люди прежде крещенія своего почитаху паче всѣхъ своихъ волхвовъ, и имѣяху того яко отца и учителя (все это указываетъ на то, что у коминовъ бывали и, такъ сказать, верховные жрецы) и наставника, вѣрующе управляемой быти того волшебствомъ всей земли пермстей — той пришедъ, нача развращати люди новопросвѣщенныя, глаголя: «Мужіе и братія пермстіи! Почто оставляете отеческіе боги и вѣру, почто престаете приносить богамъ жертвы, яко же приношаху отцы наши? Кого слушаете? Человѣка ли отъ Москвы пришедша? Можетъ ли намъ отъ Москвы быть что добро, женамъ нашимъ и чадамъ нашимъ? Не оттуда ли намъ тяжести многа быша, и дани великія, и насильства безмѣрна многа, тивуны частые, и доводчики, и приставы? Тяжко, братіе, житіе наше будетъ!» Понятное дѣло, что такія слишкомъ прочувствованныя рѣчи, вѣрность которыхъ на самомъ себѣ испыталъ слушающій ихъ народъ, не могли оставаться безъ послѣдствій, и потому совершенно послѣдовательными являются тѣ кровавыя гоненія, которыя поднимались на проповѣдниковъ новаго ученія. Чуть ли не одною изъ первыхъ жертвъ народнаго возбужденія палъ Кукша, просвѣтившій вотяковъ, который «по многихъ мукахъ отъ невѣрныхъ усѣченъ бысть со учени-

комъ своимъ.» А сколько было жертвъ народнаго гнѣва изъ простыхъ смертныхъ, которые по смерти своей не удостоились написанія ихъ «житія» и гибли не за религію, которую они никогда не навязывали народу, а за то вообще, что они были пришельцами и чужаками; даже и до сихъ поръ борьба язычества съ христіанствомъ не окончилась вполнѣ, такъ какъ и до сихъ поръ и въ религіозныхъ воззрѣніяхъ, и въ быту коми осталось много такого, что не имѣетъ ничего общаго съ христіанствомъ. Для примѣра соединенія чисто христіанскихъ воззрѣній съ остатками чистаго язычества, достаточно будетъ замѣтить, что чуть не по всей той части Зырянской земли, гдѣ можно по климату и другимъ условіямъ держать скотъ, настроены небольшія деревянныя часовни въ честь Св. Власія и Модеста, котораго зыряне упорно назы-

Припечорскій лѣсъ.

ваютъ однако Медосомъ, именемъ стародавняго бога своего, которому отъ Эна поручено было управлять скотьимъ царствомъ. Почемъ знать! можетъ быть и Волосъ, несомнѣнно финскаго происхожденія, не безъ дѣла былъ и у зырянъ и только уступилъ, какъ бы номинально, свое мѣсто христіанизированной своей формѣ въ качествѣ Власія. До самаго послѣдняго времени во всѣ храмовые праздники къ церкви приводился откормленный на общій мірской коштъ бычекъ, котораго не гнушающіеся уступками въ пользу старинныхъ народныхъ вѣрованій причты и закалывали въ честь праздника по окончаніи заутрени; лучшія части быка шли, конечно, попу и причту, но и народъ не оставался безъ угощенія и принималъ участіе въ пожраніи жертвеннаго бычка въ видѣ особой похлебки. Зачастую при сломкѣ старинныхъ церквей, находятъ цѣлыя массы костей животныхъ, видимо служившихъ умилостивительною при постройкѣ жертвою. Вообще такой путаницы религіозныхъ христіанскихъ понятій съ остатками древнеязыческаго культа, какъ у зырянъ, трудно найти у какого нибудь другаго народа. Вѣритъ зырянинъ и въ «купальницу» и въ «Купалу», въ дни которыхъ онъ особенно тщательно омываетъ свое грѣшное тѣло въ банѣ, а затѣмъ сѣчетъ себя нещадно вѣниками изъ травъ купальницы, а за недохватомъ ея, такъ и запросто березовиками; на этихъ вѣткахъ и гадаютъ иногда, бросивши ихъ для того въ воду: коли плаваетъ вѣникъ поверхъ воды—весело будетъ гадающему поверхъ ожиданій, утонетъ онъ—либо смерть въ дому приключится, либо иная какая бѣда стрясется, а такъ просто

не пройдетъ; уплыветъ въ даль — и радость, и свадьба, и веселая жизнь, прибьетъ его волною къ берегу—замужъ дѣвкѣ не выйти, парню не жениться, а староженамъ предвѣщаетъ все постарому. Вѣритъ зырянинъ и въ то, что Илья пророкъ во время грозы по небу на огненной телегѣ ѣздитъ, на вороныхъ коняхъ, а для чего ему ѣздить понадобилось, до того коминъ умомъ не дошелъ и рѣшилъ, что такъ, видно, требуется. Но вмѣстѣ съ этими, видимо, не присущими самому народу существами, все вокругъ комина населено его старинными божками, которые, подъ вліяніемъ христіанства, приняли отчасти нѣсколько другой, несвойственный имъ характеръ, но которые не оставили, не смотря ни на что, своего богомольца, не оставившаго и ихъ въ свою очередь. И «сусѣдокъ», и «водяной», и «кикимора» и наконецъ чисто зырянскій порожденьшъ, бойкій, веселый, хвастливый и шаловливый, но въ то же время и добрый «ортъ», котораго даже и русскіе знаютъ; мука въ сусѣкѣ осталась, тѣсто въ квашнѣ—это орту жертва; табакъ нюхаетъ зырянинъ или трубку куритъ—такъ и норовитъ позади себя щепотку бросить доброму своему божку. И гдѣ только его нѣтъ этого орта! на что уже, кажется, трудно въ яйцо куриное забраться, а бывали бабы, которыя и тамъ его видѣли! И вѣдь, странное дѣло, что у него своего лица нѣтъ, а показывается онъ смотря по обстоятельствамъ: въ куриномъ яйцѣ болтуномъ; а нѣтъ, то подъ видомъ стараго мужа, то подъ видомъ добраго молодца, на котораго коминка замужняя заглядѣлась....

Замкнулся коминъ отъ всего окрестнаго міра и замкнулся потому, что сама судьба указала ему жить въ мѣстахъ лѣсныхъ, отстоящихъ отъ центровъ цивилизаціи на сотни верстъ, а отъ столицъ такъ и на тысячи; обособился коминъ въ своемъ лѣсномъ царствѣ, а потому и удалось ему въ цѣлости соблюсти и языкъ свой, и вѣрованія, и бытъ свой народный, даже отъ алтайскихъ сосѣдей его особный, не подходящій ни подъ какую классификацію и трафаретку. Живетъ коминъ, какъ велитъ ему матушка природа, хотя при лучшихъ условіяхъ онъ охотно оставитъ свои лѣсныя скитанія и изъ звѣролова обратится и въ скотовода, и въ землепашца, и даже въ торговца, на что за примѣрами ходить далеко не требуется, такъ какъ ижемцы всему тому живой примѣръ. Способенъ коминъ на всякую стать, да не далась ему доля счастливая, выпало ему на часть жить въ странѣ забытой рѣки, куда добрые люди рѣдко и заѣзжаютъ. Издавна жила здѣсь коми, среди непроходимыхъ лѣсовъ, на далекомъ, но богатомъ всѣми дарами природы сѣверовостокѣ земли русской. Эти лѣса непроѣздные, непроходные, эти болотины невылазныя отдѣляли ихъ отъ русскаго, такъ называемаго, крещенаго міра, отъ котораго такъ часто солоно приходится чужаку изъ уралоалтайскаго племени, не могущаго перенять то, что ему во истину на потребу, и въ то же время съ успѣхомъ и охотою перенимающаго то, что ведетъ его къ неминучей, конечной погибели, къ тому, что въ наукѣ называютъ «вымираніемъ вслѣдствіе конфликта съ культурнымъ народомъ»; въ то же время, благодаря этимъ же самымъ лѣсамъ и болотамъ и власть московская, да и администрація петербургская не очень-то охотно цивилизовали коми, не рѣшаясь пробираться въ ихъ сельбища, хотя и съ казенными подорожными.

Говоритъ коминъ на своемъ собственномъ языкѣ и притомъ не вездѣ одинаково, а на двухъ различныхъ другъ отъ друга нарѣчіяхъ, такъ что ижемецъ по временамъ и не пойметъ чердынца или сысольца. Впрочемъ, и то сказать, исконныя сношенія, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе развивающіяся, приведутъ, повидимому, къ тому, что коминскій языкъ будетъ безразличенъ для всѣхъ коминскихъ сельбищъ. Какъ зѣницу ока берегутъ комины свой родной языкъ и не погнушаются имъ даже въ сношеніяхъ своихъ съ русскими, а напротивъ, довели до того, что русскій человѣкъ кое-какъ, съ грѣхомъ пополамъ выучивается ихъ говору, и такого всегда коминъ держитъ въ почетѣ и всегда скорѣе ему продаетъ, нежели такому, который говоритъ съ нимъ по-русски. Языкъ коминскій принадлежитъ къ огромной семьѣ урало-алтайскихъ языковъ и притомъ приближается наиболѣе къ сѣверо-восточной ихъ вѣтви, такъ что черемисскій, мордовскій и вотяцкій — ему братья родные, а финскій, корельскій и весьскій, такъ сказать, двоюродные; то же обиліе падежей, что и во всѣхъ урало-алтайскихъ нарѣчіяхъ, такъ что коминъ можетъ обозна-

чить разными падежами не только мѣсто дѣйствія, но и направленіе его и даже цѣль (падежъ орудія или instrumentalis); есть даже на всякій случай и сравнительный падежъ, до котораго никакая другая семья народовъ не додумалась. Слухи ходили, что у коминовъ были даже когда-то и письменные знаки, которые будто бы Стефанъ Великопермскій употреблялъ при переводѣ имъ на ихъ языкъ Священнаго Писанія, но дѣло въ томъ, что досужіе люди приняли тавры коминскія за буквы и пустили по міру сказку о біармійскихъ письменахъ, хотя, положимъ, этими таврами можно написать цѣлую рѣчь, какъ древнеегипетскими іероглифами. Когда говоритъ коминъ — выходитъ и звучно, и вразумительно, и энергично — видно, свой народный характеръ ввелъ онъ и въ рѣчь свою; коминъ не «фикаетъ» и передать не можетъ ни *ф*, ни *ѳ*, вмѣсто коихъ онъ по физіологическому устройству своего говорильнаго аппарата всюду ставитъ *п* и даже не сопровождаетъ это *п* придыханіемъ. Понятное дѣло, что всѣ предметы высшаго порядка, съ которыми успѣлъ онъ познакомиться уже отъ русскихъ, называть по своему онъ не умѣетъ и для ихъ обозначенія позаимствовалъ слова русскія, переиначивши ихъ на свой ладъ; точно также не мастакъ онъ называть и предметы и понятія отвлеченные, такъ какъ въ его реальномъ языкѣ нѣтъ такихъ словъ, которыми можно было выразить, напр. великодушіе, истина, а говоритъ онъ въ этихъ случаяхъ: неграбитель, случившееся и т. п. Женщины зырянскія совсѣмъ не говорятъ по-русски, да и дѣтей своихъ языку русскому не учатъ до тѣхъ поръ, пока самъ, войдя въ сношенія съ русскими, не научится сначала кое-какъ балакать, а тамъ, пожалуй, и до конца усовершенствуется. Бабы даже и на это позднее изученіе русскаго языка смотрятъ не особенно дружелюбно, да нужда заставляетъ учиться и ничего нельзя подѣлать безъ рѣчи русской со становымъ, исправникомъ и иными цивилизаторами. Бабы вообще и здѣсь, какъ вездѣ, могутъ быть признаны за консервативный элементъ, за носительницъ народныхъ особенностей и хранительницъ всякой старины и даже антропологическаго типа. Иной зырянинъ, который успѣлъ понять всю пользу знанія русскаго языка, и радъ бы поучить сына, надоумить его, чтобы онъ не попадался потомъ въ просакъ, на которомъ его въ случаѣ бѣды, напр. судить будутъ, да ничего не могутъ сдѣлать съ бабами, которыя такъ-то раскудахтаются, что и жизни не радъ будетъ новшенникъ. Коминки всѣ безъ исключенія будто даже не любятъ русскаго языка: говоритъ ли въ нихъ гордость побѣжденныхъ, или просто боязнь трудности изученія — рѣшить трудно. На всякаго русскаго пришельца смотрятъ онѣ съ опаской, по той, видно, самой простой причинѣ, что пришелецъ этотъ почти всегда былъ или чиновникомъ, которому самъ Богъ велѣлъ кормиться отъ инородцевъ, или же купцомъ, который всегда прямо и безповоротно шелъ въ эти мѣста на наживу и для котораго зырянинъ былъ ни больше ни меньше, какъ та овца, съ которой по мѣрѣ возможности слѣдуетъ снять до семи шкуръ, во-первыхъ, для того, чтобы «дѣтишкамъ на молочишко» пособрать, а во-вторыхъ, и для того, чтобы «чувствовали». Нельзя, однако, сказать, чтобы ко всякому русскому такъ относились зыряне, такъ какъ, если придетъ человѣкъ смирный, незанозливый и не воображаетъ онъ, что зырянинъ рабъ его, а онъ господинъ, пріемъ такому человѣку бываетъ самый радушный, и тотъ же коминъ, что исподлобья смотритъ на торгаша и чиновника, радъ сдѣлать все пріятное простому, не гордому и не грабящему человѣку. Мѣста въ зырянской землѣ много — приходи, селись и трудись, какъ всѣ трудятся, и зырянинъ почитать такого будетъ.

Хоть и не улыбается зырянину природа, хоть куда не богата его жизнь впечатлѣніями, хоть и ѣстъ иногда зырянинъ качъ цѣлыми мѣсяцами, однако и онъ услаждаетъ себя пѣснями; поетъ онъ ихъ куда какъ грустно, такъ какъ и жизнь-то его не отличается особенными радостями. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ зырянинъ находится въ постоянныхъ и непосредственныхъ сношеніяхъ съ русскими, онъ перепуталъ русскую пѣсню на свой зырянскій ладъ и аккомпанируетъ себя на всероссійской гармоникѣ; въ чисто зырянскихъ центрахъ, напротивъ того, въ полномъ ходу дудка и народный инструментъ, совершенно сходный съ древнею финскою «кантелетъ». Поэзія комина носитъ на себѣ мрачный отпечатокъ, какъ мрачна вокругъ нихъ природа, и сурова, какъ

сурово ихъ житье-бытье; никому, однако, до сихъ поръ еще не вздумалось собрать ихъ пѣсни и былины, которыя несомнѣнно открыли бы изслѣдователю весьма много интереснаго изъ исторіи ихъ развитія.

Живетъ коминъ почти такъ же, какъ живетъ и всякій другой насельникъ холодныхъ окраинъ Россіи. Коли есть у комина добытокъ, коли не принужденъ онъ перебиваться изо дня въ день, то и логовище его выстроено хозяйственно, чистенько и просторно — благо лѣсу ему не занимать стать и не идти въ люди кланяться. Копоти онъ не любитъ, а потому и вывелъ онъ въ избѣ своей трубу,—было бы откуда дыму выходить и глазъ ему не рѣзать. Вдоль главной наружной стѣны вывелъ онъ залавокъ, да такой причудливый и расписанный всѣми имѣющимися яркими красками, что диву даже вчужѣ дашься, какъ это у комина въ глазахъ не рябитъ; тутъ въ украшеніяхъ залавка и вкусъ хозяина тотчасъ увидать можно, да и зажиточность его, такъ какъ иной выведетъ его выкрутасами рѣзными до такой степени, что хоть и не садись, а только любуйся. Въ залавкѣ этомъ приложенъ шкафецъ для посуды, а также и на прятку всякой мелочи, которой такъ много во всякомъ крестьянскомъ обиходѣ. И шкафецъ, и столъ, и залавокъ, наконецъ, не бѣлякомъ стоятъ передъ глазами, а пущены всѣ въ разные цвѣта, причемъ на коминскій вкусъ болѣе приглядными и желательными являются красный, зеленый и отчасти желтый цвѣта. У нѣсколько зажиточнаго комина всегда, кромѣ самой жилой горницы, найдется и другая — чистая (кумъ), гдѣ хозяинъ можетъ и гостей принять и справляетъ всякія домашнія пиршества и торжества; ѣсть въ этой горницѣ не полагается, а такъ съ чистою работою въ рукахъ посидѣть допускается, только бы не загрязнить ее и не ввести вмѣстѣ съ нечистою подѣлкою нечистыхъ и стороннихъ, вовсе ненужныхъ обитателей, въ родѣ таракановъ и иной ползучей и скачущей дряни. Иное дѣло у бѣднаго люда, что не успѣлъ за недостатками сколотиться и на жилье даже приличное; тутъ и тѣснѣе въ избѣ, и темнѣе, и тщетно посѣтитель сталъ бы искать типичный залавокъ, а тѣмъ болѣе «кумъ»; бываетъ даже и такая нищета, что и избу-то себѣ сдѣлаетъ курную, такъ что во время топки дымъ изъ чела лѣзетъ прямо въ избу, а оттуда уже направляется наружу, или черезъ настежь отворенную дверь, или въ надверникъ — дыру, пробитую надъ самою дверью и задвигаемую, при ненадобности, изнутри особо къ тому приспособленною доскою. Однако и на этотъ случай ухитрился коминъ, и, пользуясь видно тѣмъ, что «Богъ младенца бережетъ», приладилъ къ печи деревянную дымовую трубу, вывелъ ее въ сѣнцахъ черезъ

Промысловый домъ зырянина.

крышу, а поверхъ крыши надъ трубою поставилъ деревянную же башенку — «дымникъ», разукрашенный опять-таки разными рѣзными выкрутасами и раскрашенный поярче на коминскую стать. Какъ истопится печь, такъ, пожалуй, и тепло станетъ въ хатѣ, въ особенности въ верхнихъ частяхъ, а потому коминъ съ семьею своею и живетъ больше въ верхней части своего логова; здѣсь на этотъ случай примощены полати, тянущіяся чуть ли не въ полъизбы. Иной захожій, незнающій обычаевъ человѣкъ удивится, увидавъ все коминское семейство сидящимъ на вышкѣ, но, видно, «нужда заставитъ калачи ѣсть», и почти весь день проводитъ семья тамъ на полатяхъ. Тамъ и работа идетъ, и ѣда совершается, и родится коминъ, и умираетъ, тамъ и спитъ, если только старыя кости не потребуютъ еще большаго тепла и не загонятъ его въ еще болѣе теплое мѣстечко, на печь, гдѣ такъ охотно нѣжится и русскій человѣкъ. Изумится также новичекъ, пожалуй и оттого, что окна въ коминской избѣ расположены въ два ряда, а по бѣдности иной разъ, хотя и въ одинъ рядъ, но за то такъ высоко, что рукой до нихъ со двора не достанешь. Между тѣмъ дѣло объясняется весьма просто, такъ какъ время въ коминской семьѣ проводится больше на вышкѣ, на полатяхъ, такъ что и свѣтъ туда больше нуженъ, чѣмъ въ нижнюю часть помѣщенія. Бѣднота зырянская плохо живетъ, такъ плохо, что удивляться лишь приходится, какъ это она давно не повымерла; но и то опять въ разсчетъ принять слѣдуетъ, что баба коминская не въ мѣру вынослива, а самъ коминъ лѣтомъ въ полѣ, на рѣкѣ на ловѣ, а зимою на охотѣ больше живетъ въ своей зимушкѣ и семьи не видитъ иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ. Среди дремучаго лѣса кое-какъ слажена у него избушка, гдѣ и оконъ-то онъ не продѣлалъ, чтобы не впустить въ жилье лишняго холода. Здѣсь отдыхаетъ онъ отъ тяжкаго полѣсованья, сюда же въ особую пристроечку сноситъ онъ и свой удѣлъ охотничій, добычу. Въ той же пристройкѣ хранится его скарбъ и то немногое, что захватилъ онъ изъ дому: мучицы лукошко, да крупицъ немножко; сала не нужно бы ему и брать — благо натопить всегда можетъ изъ набитой птицы, такъ нѣтъ, вѣдь, любитъ коминъ сальце свиное и безъ кусочка этого лакомства въ полѣсованье не пустится. Какъ коминъ ни нуждается, однако, видимо, радъ

Типы зырянъ.

бы былъ свою хатку всячески изукрасить, кабы на то средства были; чуть не во всякой избѣ по срединѣ, на потолкѣ найдется висящій деревянный голубь съ распущенными крыльями, который отъ тяги воздуха и отъ ходьбы по полу постоянно вращается и трепещется; на стѣнахъ зачастую лубочныя картины суздальскаго дѣла, привезенныя сюда съ нижегородской ярмарки торговымъ чердынцемъ. Для чистоплотности на крылечкѣ виситъ либо глиняная, либо, за недостаткомъ хозяйскимъ, и запросто берестовая посудинка — было бы чѣмъ руки помыть передъ ѣдою и послѣ работы; опять же, глядя по достатку, вѣшаютъ тутъ же либо ручники — полотенца, а либо на невзыскательнаго человѣка кладутъ стружки. Если въ жилищѣ комина замѣчается разница противъ русскаго насельника, то еще замѣтнѣе оказывается она въ его одеждѣ. Отъ холодной зимы, да отъ осенней завирюхи кутается коминъ въ малицу и совикъ, которые мастеритъ либо самъ собственными средствами, либо по франтовству ѣдетъ въ Ижму и покупаетъ ихъ особенно разукрашенными и раздѣланными на вкусъ и ладъ самоѣда, зырянина и русскаго человѣка. Женщины коминскія носятъ лѣтомъ сарафаны и ненавидятъ городскую оболоку — платье съ лифомъ и юбкой, на которое такъ падки русскія бабенки; сколотиться на желтый сарафанъ для коминки—верхъ желаній, такъ какъ онъ почитается верхомъ моды и щепливости. За работою нерѣдко можно увидать и бабъ, и дѣвокъ въ однѣхъ рубахахъ, при чемъ рукава и верхняя часть рубахи до груди дѣлается изъ холста, а станъ — изъ синей или красной крашенины.

Ѣстъ коминъ вообще незатѣйливо, хотя и получше нашего степняка-мужика, который мяса и въ Христовъ день не видитъ. Ѣдятъ они въ скоромные дни ячневыя или овсяныя щи, которымъ только слава, что они щи, а капустки въ нихъ и пахомъ не пахнетъ, развѣ иная хозяйка крапивки понабросаетъ ради густоты, благо крупка-то дорога очень. Подболтку дѣлаютъ, коли коровка найдется или олениха молочная, изъ пахтанья, а то кислаго молочка вольютъ въ щи. Въ постные дни щи варятъ на квасу съ тою же крупою, а по богачеству и съ капусткою, да подбавятъ въ нихъ любимую рыбку свою, которой свѣжій человѣкъ ни за что ѣсть не станетъ — сайду. У доброй хозяйки, если только достатки дозволяютъ нѣкоторую въ ѣдѣ роскошь, всякаго печенья найти можно вволю: напечетъ она и колобковъ и шанегъ изъ ячной муки съ крупою или съ творогомъ, коли найдется коровка, и блинковъ жирныхъ — сочней, а въ большіе праздники понадѣлаетъ она назаѣдки, т. е. по нашему на пирожное — «лясъ»; наберетъ она ягодъ черемухи или черники и насушитъ ихъ въ печкѣ, затѣмъ истолчетъ и сваритъ нѣчто на подобіе киселя; хоть на вкусъ и не ахти свѣтъ какъ пріятно, а только сытно и недорого обходится. Лясъ — народное зырянское блюдо, и безъ ляса ни одна хозяйка пріѣзжаго человѣка не отпуститъ, такъ какъ онъ даже и въ поговорку перешелъ, и сказываютъ про негостепріимнаго человѣка: «хоть бы ляса подалъ, такъ и то нѣтъ!» Тоже и ѣсть этотъ самый лясъ надо умѣючи; такъ, зря ложкою хлебать не годится, не принято, а или пальцемъ забирай съ тарелки или же хлѣбомъ, и скажутъ тогда про человѣка, что онъ вѣжеству изученъ, а не колотырникъ. Пиво варятъ тоже плохое за неимѣніемъ хорошаго солода: на видъ оно свѣтло, и жидко, пьется однако съ удовольствіемъ и зырянами, и русскимъ прохожимъ человѣкомъ, за неимѣніемъ лучшаго. Соль и плоха и дорога, а потому не можетъ зырянинъ и превосходную рыбу свою, уроженку забытой рѣки, готовить въ прокъ; овощей въ Припечорьѣ или вовсе нѣтъ, или же рѣдки они до крайности, и только одна рѣпка матушка за всѣ овощи отдувается, благо не требуется для нея краснаго солнышка и теплыни.

Зыряне отнюдь не скотоводы, а оленеводы. Стада оленей у нихъ обширны, благо звѣрь этотъ довольствуется скудною тундрою и не очень охотливъ на душистые луга, которые въ Припечорьѣ очень рѣдки. Стада олени держитъ коминъ больше вдали отъ Печоры, въ тундрѣ и самъ при стадахъ бываетъ наѣздомъ, а поручаетъ ихъ пастбу самоѣдину, который мало-помалу совсѣмъ къ умному и хитрому зырянину въ батраки пошелъ.

Въ трудахъ непрестанныхъ и въ постоянной борьбѣ съ природою проводитъ жизнь свою коминская семья, а потому всѣ ея члены равно обязаны бороться и трудиться. Ясно, что если равны обязанности обоихъ половъ, то должны быть равны и права ихъ. Такъ, видно, и посмотрѣлъ на дѣло коминъ, у котораго положеніе женщины вовсе не такъ рѣзко отличается отъ положенія мужчины, какъ у русскаго человѣка въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ баба возится подлѣ дома, а вся полевая тяжелая работа лежитъ на мужикѣ. Правда, здѣсь на охоту баба съ мужикомъ не ходитъ, такъ какъ это уже вовсе не бабье дѣло и баба лишь мѣшать можетъ въ полѣсованьѣ по своему мягкосердію, а также и по примѣтѣ, что въ охотѣ баба помѣха; но зато въ другихъ отросляхъ хозяйства баба, что твой мужикъ, справляется; понадобится конька осѣдлать, да въ лѣсъ съѣздить — и тутъ баба за любаго казака сойдетъ, такъ какъ садится не по женскому обиходу; гоньба почтовая — бабѣ не петля, такъ какъ и въ этомъ дѣлѣ она не послѣдній мастеръ и такъ-то скачетъ, что развѣ иному самому ухарскому ямщику уступитъ. Понятное дѣло, что въ семьѣ бабьи интересы не очень-то высоко стоятъ, не очень-то цѣнятся, такъ какъ здѣсь уже является одна общая цѣль — благосостояніе семьи, передъ которою всѣ личные интересы должны преклоняться; но пока женщина не вступила еще ни въ чью семью, она вполнѣ независима и самостоятельна, и не мало времени вокругъ ея походить надо, пока она согласится дѣвичью волю свою промѣнять на нѣкоторое стѣсненіе этой воли въ семьѣ, въ бракѣ. Вдали отъ церквей и поповъ тутъ не думаютъ о томъ, чтобы вести все дѣло чинъ чиномъ, а женихаются больше попросту, по влеченію; тутъ въ полномъ ходу стародавніе обычаи «помолвки поцѣлуями» и «вѣнчанія вокругъ ракитова куста». Всѣ статистики на томъ сходятся, что чуть въ Вологодчину попали зыряне, тотчасъ тамъ и незаконнорожденныхъ больше; но тѣмъ не менѣе, въ виду общности и неудивительности факта, дѣтоубійствъ тамъ нѣтъ, какъ потому, что всякій новый нарождающійся работникъ дорогъ, такъ и потому, что за такую вольную любовь никто матери не осудитъ. Зато нельзя не сознаться, что между замужними женщинами, быть можетъ, нигдѣ такъ нравственность не высока, какъ въ зырянскомъ краѣ, и нѣтъ вѣрнѣе по всему Припечорью коминскихъ женъ, которыя, по истинѣ, могутъ послужить примѣромъ для нашихъ русскихъ женщинъ, живущихъ въ томъ же Богомъ забытомъ краѣ.

Тоже не весь годъ на работѣ коминъ и коминка, и полагается имъ посмѣяться маленько и повеселиться. Собираются они зимою на посидушки, гдѣ угощаются пивомъ и виномъ и веселыми разговорами; тутъ на посидушкахъ-то и устраиваются знаменитыя зырянскія помолвки, на которыя родители смотрятъ совершенно благодушно, такъ какъ, значитъ, дѣвка въ года вошла. Собираются бабы еще и въ баняхъ, которыя у зырянъ несутъ службу клубовъ нашихъ для тараторокъ и переборщицъ чужихъ пороковъ; бани во весь годъ топятся, и всѣ сосѣди сходятся въ баню къ тому, у кого она въ тотъ день топится; найдется тутъ и водочка, безъ которой и у голоднаго зырянина пиръ не въ пиръ и бесѣда не въ бесѣду.

И съ лица зырянинъ не похожъ на русскаго человѣка: лицо у него поплосче выдалось, скулы повыдались и глаза чуть-чуть съ внѣшнихъ краевъ приподнялись. Волосы у него по большей части самыхъ темныхъ тоновъ темнокоричневаго и темногрязнаго цвѣтовъ; руки и ноги небольшія; самъ онъ ростомъ не высокъ, коренастъ и мускулистъ, какъ кряжъ добрый; съ лица онъ пріятенъ, такъ какъ и скуластость его какъ-то незамѣтна. Красивы очень зырянки, и жениться на одной изъ нихъ составляетъ для русскаго припечорскаго насельника, а также и для вологжанина, предметъ его постоянныхъ желаній и искательствъ, такъ какъ и красива баба, да и въ дѣло годится — ни передъ чѣмъ не испугается, не сморгнетъ. Зырянинъ уменъ, охотникъ великій до общественности, способенъ на всякое ученье, переимчивъ и крайне любознателенъ. Онъ трудолюбивъ и ради того, напримѣръ, чтобы расчистить себѣ подъ посѣвъ полдесятины земли, готовъ промучиться цѣлый годъ; но въ томъ-то и бѣда, что мачиха-природа лишь изрѣдка погладитъ его по головкѣ, а норовитъ больше все гладить противъ шерсти. Зыряне честны, и только недавно стали въ Зырянскомъ краѣ вводиться замки, которыхъ до той

поры даже и не знали; они предпріимчивы, смѣтливы, отважны и способны къ ремесламъ. Надо и еще отмѣтить одно зырянское качество, котораго, какъ ни ищи у русскаго человѣка, не розыщешь, а именно всякій зырянинъ сострадателенъ и зря животное мучить не станетъ. Вообще, говоря о качествахъ зырянина, приходится пожалѣть, что частная предпріимчивость, благодаря разнымъ стороннимъ вліяніямъ, никакъ не укрѣпится въ краѣ, такъ какъ лучшаго производителя, какъ зырянинъ, и сыскать трудно.

И вотъ этотъ-то край, лиственичные лѣса котораго не имѣютъ себѣ подобныхъ, изобилующій превосходною рыбою, извѣстный съ незапамятныхъ временъ своими шкурами, имѣющій и нѣкоторыя минеральныя богатства, остается до сихъ поръ нетронутымъ, какъ и слѣдуетъ быть дѣйствительной «забытой рѣкѣ». Еще Петръ Великій, это всевидящее око Россіи, обратилъ вниманіе на эту страну и ждалъ отъ нея всякаго добра, но ни при Петрѣ, ни послѣ него не являлось людей предпріимчивыхъ, которые захотѣли бы примѣнить свои силы къ ея почти непочатымъ богатствамъ, или если и являлись, какъ напримѣръ въ началѣ нынѣшняго вѣка графъ Румянцевъ и въ послѣднее сорокалѣтіе Латкинъ и Сидоровъ, то энергическія и почтенныя ихъ усилія встрѣчали затрудненія и препятствія, для нихъ непреодолимыя. А потому изъ конца въ конецъ спитъ еще огромная «забытая рѣка», пока не явится такой же сказочный богатырь, какой разбудилъ отъ сна всю Россію,—и не разбудитъ и ее многострадальную. А до той блаженной поры несетъ она свои волны въ океанъ неприглядный, который того и гляди изъ русскаго моря обратится въ какое-нибудь иностранное, такъ какъ и онъ, какъ забытая рѣка Печора — «забытый океанъ».

В. Н. Майновъ.

Зырянская лайка.

ОЧЕРКЪ X.

ЛѢСНЫЕ ГОРОДА.

Древніе города. — Наволоки и подолы. — Причины возникновенія городовъ. — Городки и городища. — Города: вечевые, княжескіе, монастырскіе, царствующіе. — Слобожане и посадскіе. — Бѣдствія. — Кулаки. — Горькая жизнь и худая слава. — Города промышленныхъ людей. — Соляные колодцы. — Приволье. — Города на волокахъ. — Бѣличій скорняжный промыселъ. — Торговля грибами. — Костяники. — Кружевницы. — Гребенщики. — Сканная и черневая работа. — Упадокъ лѣсныхъ городовъ. — Архангельскъ, его достопримѣчательности и торговля. — Хлѣбный сплавъ. — Онега и лѣсной торгъ. — Города: Кемь, Кола, Шенкурскъ и Холмогоры. — Однообразіе нашихъ городовъ и причины тому. — Великій Устюгъ и его древности. — Вологда. — Вологодская Софія. — Причина утраты древнихъ памятниковъ. — Древніе Спасы. — Тотьма. — Никольскъ, Пустозерскъ. — Выходъ за Камень.

Пустозерскъ.

И города разсыпаются, какъ песокъ приморскій.

НАРОДНАЯ ПОСЛОВИЦА.

Тогда посла Володимеръ мужа хитра, именемъ Алексу, иже бяше при отцѣ его многи городы рубя, и посла и съ тоземцы въ чолнохъ, во вверхъ рѣки Лосны, абы гдѣ изнайти таково мѣсто, городъ поставити» — повѣствуется въ Ипатьевской лѣтописи.

«Аже начнетъ орати смердъ и пріѣхавъ Половчанинъ ударитъ въ ны стрѣлою, а лошадь его возьметъ, а въ село его въѣхавъ возьметъ жены и дѣти», — передаетъ Несторова лѣтопись упрекъ Святослава дружинѣ, совѣтовавшей, изъ сожалѣнія къ пахарямъ, отложить весенній походъ.

Эти два древнѣйшія свидѣтельства изъ народной жизни о фактѣ и причинахъ его, достаточно объясняютъ намъ, почему и въ сѣверныхъ лѣсахъ, какъ только завелись починки и села, начали заботиться о постройкѣ городовъ. Въ 1192 г. уже завѣдомо построенъ былъ Суздаль, и въ томъ же вѣкѣ на мѣстѣ слiянія рр. Сухоны и Юга всталъ монастырь Гледенскій — одинъ изъ древнѣйшихъ въ Россіи, и зачинался около него городъ Устюгъ — одинъ изъ знаменитѣйшихъ на сѣверѣ. Въ 1147 г. уже существовалъ городокъ Вологда. Существовалъ также, въ средѣ новгородскихъ плотниковъ, особый родъ промышленныхъ людей, извѣстныхъ подъ именемъ городниковъ, — мастеровъ, руководившихъ постройкою укрѣпленій, что входило

между прочимъ въ тягло всѣхъ черносошныхъ людей. Охраненіе городка или острога ввѣрялось особеннымъ «ратнымъ» людямъ, которые обязывались копать рвы, рубить торасы, плести туры, ставить честнокъ (частоколъ) и дѣлать всякія крѣпи, носить въ городъ изъ окрестныхъ селеній запасы и «ходить для вѣстей» въ тѣ мѣста, откуда могла объявиться опасность.

Какъ легко сплыли по рѣкѣ сами пахари, также свободно и скоро могли подобраться къ нимъ лихіе недоброхоты, чтобы согнать непрошенныхъ съ чужаго мѣста. Вотъ почему, не видя и не зная врага, но предчувствуя его вѣроятную близость, сѣверные поселенцы позаботились обезпечиться озерами и занять на нихъ прежде всего истоки и устья рѣкъ, и здѣсь укрѣпиться. На большихъ рѣкахъ занимались всѣ тѣ урочища, гдѣ эти рѣки принимаютъ большіе и малые притоки, а на притокахъ — мѣста, сосѣднія съ устьями, тѣсня и сдвигая первыхъ насельниковъ въ рѣчныя верховья. Здѣсь большею частію и сидятъ ихъ потомки теперь: или въ нетронутомъ видѣ, или обрусѣлыми.

Близость *наволоковъ*, т. е. поемныхъ луговъ, вдающихся въ озеро или рѣку клиномъ, широкіе *подолы*, или береговыя долины, не заливаемыя весенними водами, но защищенныя лѣсистыми горами, наконецъ эти горы, на столько высокія, что можно было обозрѣвать дальнюю окольность: вотъ тѣ условія мѣстности, которыя предпочитались для всякаго центральнаго укрѣпленія. «Срубленное *въ городъ*», оно стало впослѣдствіи носить это имя. Однако во многихъ случаяхъ оставались за подобными поселеніями и старинныя общія названія: погоста и острога, т. е. такихъ мѣстъ, куда скрывались отъ нападавшихъ враговъ, а въ мирное время — для обсужденія разныхъ хозяйственныхъ мѣръ, вызываемыхъ въ общинахъ случайными обстоятельствами и обычными дѣлами, для общественныхъ молитвъ, для обмѣновъ въ опредѣленные сроки продуктовъ промысла и предметовъ торга, и т. п. Въ этихъ центрахъ народной жизни, къ которымъ «тянуло» извѣстное число селеній въ окрестности, — особенно такихъ, которымъ удалось очутиться въ наиболѣе выгодныхъ географическихъ и экономическихъ условіяхъ, накоплялось все, что было нужно народу. Здѣсь устраивалось мѣстопребываніе властей духовныхъ и гражданскихъ, выстраивались храмы съ завѣтными святынями — мощами и гробницами оберегателей и собирателей земли, и чудотворными иконами покровителей и заступниковъ народнаго труда въ годины испытаній и бѣдствій. Въ эти же времена звономъ набатныхъ колоколовъ собирались вѣчи, на которыхъ обсуждались мірскимъ умомъ и разрѣшались большинствомъ голосовъ владѣльцевъ домовъ всѣ дѣла, предварительно разсмотрѣнныя почетнѣйшими и вліятельными лицами. Эти города, избранные, устроенные и излюбленные народомъ — именно здѣсь въ сѣверной лѣсистой Россіи—являются коренными народными, *вечевыми*, въ отличіе отъ сосѣдней московской земли, гдѣ выборомъ мѣстъ и устройствомъ городовъ занимались князья и митрополиты.

Наиболѣе прочными оказались тѣ города, которые «стояли на многихъ путяхъ» (какъ попросту говорилось встарину), т. е. въ самыхъ благопріятныхъ географическихъ условіяхъ, на сліяніи рѣкъ — естественныхъ первобытныхъ и почти единственныхъ дорогъ, обезпечивавшихъ сношенія. Укрѣпившіеся близь озеръ на истокахъ или устьяхъ рѣкъ, а равно на самыхъ рѣкахъ при сліяніи двухъ или трехъ изъ нихъ, названы были «великими и старшими» въ отличіе отъ малыхъ и новыхъ, отъ городковъ и пригородовъ. Они дѣйствительно по времени сооруженія были древнѣйшими. Таковы въ лѣсистой Россіи, въ разсматриваемой нами странѣ Заволочья: Каргополь, Великій-Устюгъ, Холмогоры, Вологда, Вага (переименованная впослѣдствіи въ Шенкурскъ). Эти города стали въ то же время экономическими и торговыми центрами, къ которымъ тянули по землѣ и водѣ многія селенія и другіе города. Нѣкоторые изъ нихъ обязаны были своимъ существованіемъ и процвѣтаніемъ сосѣдству и близости тѣхъ живыхъ и важныхъ пунктовъ, какіе впослѣдствіи представляли монастыри. Подобно тому, какъ Кирилловъ (Новг. губ.) превратился въ городъ изъ монастырской слободы,—Великій-Устюгъ выстроился подъ защитою и покровительствомъ монастыря Гледенскаго, Архангельскъ выросъ изъ слободы, принадлежавшей монастырю Михаила-Архангела, Кемскій и Сумскій остроги (г. Кемь и посадъ Сума) были выстроены

коштомъ монастыря Соловецкаго. Отшельники вообще умѣли выбирать мѣста, хотя «боръ велій и чаща, никому же ту отъ человѣкъ живущу», на за-то — по свидѣтельству того же Кирилла Бѣлозерскаго — «мѣсто зѣло красно, яко стѣною окружено водами».

«Нѣмецкіе люди Каинскія украйны Свитцкаго короля» были тѣми опасными соперниками, на занятыхъ земляхъ и у приспособленныхъ морскихъ, рѣчныхъ и лѣсныхъ промысловъ, противъ которыхъ приходилось выстраивать новые остроги и огораживать тыномъ старожитныя «волостки» и селенія. По этой причинѣ, кромѣ Кемскаго и Сумскаго, выстроены были остроги: Кольскій и Пустозерскій. Первый для охраны входа изъ моря въ р. Тулому и внутрь русской Лапландіи, второй для защиты того населенія, которое укрѣпилось на Печорѣ, и какъ складочное мѣсто ясака съ самоѣдовъ. Эти, быстро вызванныя нечаянными нападеніями, крѣпостцы потому и назвались острогами, что обнесены были наскоро-заостренными вверху сваями, стойкомъ врытыми въ землю, частоколомъ или палисадникомъ («честнокомъ» или «палями» по старинному). Кольскій острогъ впослѣдствіи (въ 1704 г.) получилъ имя «городка», когда снабженъ былъ укрѣпленіемъ этого рода, т. е. деревянной оградой, гдѣ бревна рублены въ стѣну съ воротами и бойницами или прорѣзами для стрѣльбы, а на углахъ башнями. Садясь сюда, обыкновенно запасались каменьями и смолой. При видѣ непріятеля запирали ворота и заставляли ихъ рогатками; подъ башнями у воротъ ставили караулы. Вооружались чѣмъ ни попало: брали дубины, оглобли, вилы, насаженныя на жерди косы, привязанные къ шестамъ колья, топоры, пѣшни, кистени. Ждали непріятеля обыкновенно въ затулѣ: за углами стѣнъ, въ церкви, на колокольнѣ. При этомъ безпрестанно били въ набатъ, такъ что опытные старики иногда у всѣхъ колоколовъ снимали языки. Впослѣдствіи стали обезпечиваться ручницами (ружьями), затинными пищалями, зельемъ (порохомъ) и другимъ «огненнымъ боемъ». Въ 1590 г. кольскіе жители побили на голову шведскихъ финляндцевъ, а предводителя ихъ взяли въ плѣнъ. Въ 1613—15 гг. Сумскій острогъ устоялъ противъ многократныхъ нападеній литовскихъ людей, опустошавшихъ Двину и Поморье, и остановилъ на себѣ ихъ дальнѣйшіе хищническіе набѣги. Пустозерскому острогу приписываютъ усмиреніе тѣхъ враждебныхъ племенъ инородцевъ, которыя въ народной памяти сохраняютъ прозваніе карачеевъ, и т. д.

Въ настоящее время отъ этихъ укрѣпленій не осталось слѣдовъ (исключая Сумскаго, видъ котораго снятъ нами съ натуры въ 1856 г., а отъ Шенкурскаго острога только одинъ небольшой желѣзный замокъ, запиравшій ворота). Изъ тѣхъ сорока городковъ, которые взяты были воеводами Ивана III на пути и походѣ изъ Москвы въ Югорскую землю, сохранились только имена и опредѣлены мѣста нѣкоторымъ. Уберeглись лишь тѣ, которые подъ именемъ дѣтинцевъ, или кремлей, вошли въ городскіе центры, и въ лучшія времена городской жизни передѣланы въ каменные. Въ сѣверныхъ городахъ выстояли до нашихъ дней каменныя стѣны укрѣпленій только въ одномъ городѣ — Вологдѣ и въ монастыряхъ. Между послѣдними особенно замѣчательна величественная, поразительная оригинальнымъ видомъ, огромная стѣна монастыря Соловецкаго, сдѣланная изъ большихъ дикихъ камней, забранныхъ кирпичною кладкою. Строилась она съ восемью огромными башнями, по плану монаха Трифона (уроженца поморскаго селенія Неноксы), на монастырскія суммы монастырскими крестьянами въ теченіе 12 лѣтъ (окончена въ 1594 году). Она послужила твердымъ оплотомъ нашей государственной границы на сѣверѣ.

Сохранились еще кое-гдѣ земляные валы, нѣкогда укрѣпленные тыномъ или бревенчатымъ частоколомъ (въ Устюгѣ, Холмогорахъ, Каргополѣ), но лишь въ такихъ незначительныхъ остаткахъ, которые едва уловимы внимательнымъ взглядомъ и свидѣтельствуютъ лишь о томъ, что и здѣсь употреблены были тѣ же пріемы, какъ и по всему лицу Русской земли. Годъ отъ году исчезая, они получаютъ болѣе практическія примѣненія (въ Вологдѣ напр. разведенъ общественный бульваръ). Уберeглись эти слѣды въ видѣ насыпей и подъ характернымъ названіемъ «городищъ» именно въ тѣхъ старинныхъ «городахъ», которые были старшими и центральными, или, какъ звали ихъ встарину, «царствующими», и предполагали два вида укрѣпленій: рубленый

городъ и земляной городъ. Послѣдній состоялъ изъ высокихъ земляныхъ насыпей, окопанныхъ со всѣхъ сторонъ глубокими рвами, и представлялъ передовое укрѣпленіе. Оба они защищали селеніе и служили пристанищемъ на время набѣговъ для жителей тѣхъ деревень, которыя къ нимъ тѣсно и нераздѣльно примыкали подъ общимъ названіемъ *предгородья* и подъ специальными именами *слободъ* и *посадовъ*.

Слобожане и посадскіе здѣсь оборонялись; сюда же сносилось имущество. Долежались до нашихъ дней эти валы, какъ сооруженія наименѣе доступныя дѣйствію огня при пожарахъ, которые являются повальными періодическими бѣдствіями. Ими по нѣскольку разъ истреблялись до тла и выстраивались заново цѣлые большіе города. Эти пожары сокрушали города съ помощію и содѣйствіемъ опустошительныхъ набѣговъ татаръ и поляковъ. Татары, сдѣлавъ обычнымъ своимъ пріемомъ кругъ со всѣхъ сторонъ извѣстной области, или, проще сказать, облаву, стягивались всѣми силами именно къ центру и бросались преимущественно на города. Какъ эти набѣги вообще въ Россіи,

Сумскій острогъ.

такъ наѣзды польскихъ и литовскихъ людей на сѣверѣ ея послужили основною причиною тому, что во всѣхъ нашихъ лѣсныхъ городахъ не сохранилось памятниковъ старины и оставшіеся слишкомъ немногочисленны и не отличаются далекою и любопытною древностію. При этомъ замѣчательно еще то обстоятельство, что рѣдкій изъ лѣсныхъ городовъ сидитъ на мѣстѣ, первоначально избранномъ древними предками. Устюгъ прежде находился при самомъ устьѣ рѣкъ Сухоны и Юга, на возвышенномъ мѣстѣ по правой сторонѣ Сухоны, гдѣ виднѣются остатки бывшаго вала. Тотемскій погостъ, послѣ пожара, отдалился на 10 верстъ выше нынѣшняго города и назвался Зеленою слободою, а теперь и эта отъ собственной Тотьмы отдѣляется рѣчкою Песья-Деньга. Двѣсти лѣтъ назадъ Яренскъ лежалъ на самомъ берегу Вычегды; но какъ рѣка эта, ежегодно подмывая берегъ, разрушила городъ, то бывшій въ 1635 г. яренскимъ воеводой Грязевъ испросилъ дозволеніе перенести городъ на нынѣшнее мѣсто. Едва совершилось это, какъ рѣка снова бросилась назадъ въ свою луговую сторону и теперь течетъ въ 5 верстахъ отъ города, оставивъ въ цѣлости небольшой, кругомъ обмытый, курганъ, гдѣ по преданію находилась церковь стараго Яренска. Шенкурскъ назывался острогомъ и посадомъ по рѣкѣ Шенгѣ, которая въ 5 верстахъ выше города, подъ Кьянскимъ погостомъ, впадаетъ въ рѣку Вагу, протекающую теперь подъ самымъ Шенкурскомъ. Эта рѣка—по преданіямъ старожиловъ — изъ-подъ Кьянскаго погоста не текла здѣсь, а въ разстояніи 5 верстъ, гдѣ старое русло или старица и теперь видна; рѣчка-же Шеньга текла подъ самымъ городомъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ въ настоящее время протекаетъ Вага. Примѣты эти ясно указываютъ на послѣдствія, зависящія отъ нарушенія законовъ природы и отношеній лѣсной растительности, когда отъ безразсчетной вырубки лѣсовъ въ рѣчныхъ истокахъ произошли непеіодичность, небывалая быстрота и неожиданная сила разливовъ. Рѣка текла извилинами по ровной мѣстности потому, что тогда у воды было мало склона въ руслѣ. Отмывая берегъ прибойный, рѣка естественно

намывала новый на противоположной сторонѣ. Въ половодье она наконецъ перерѣзывала перешеекъ и шла прямо, покидая изогнутую полукругомъ старицу въ сторонѣ. Пока въ ней есть вода—это ерикъ, а когда песокъ занесетъ воду съ обѣихъ сторонъ, тогда дѣлается настоящая старица, но она можетъ снова наполниться водой изъ другой ближайшей рѣки при указанныхъ выше условіяхъ, какъ и случилось въ лѣсныхъ городахъ.

За то, съ другой стороны, мало на сѣверѣ такихъ городовъ, которые не сохранили бы за нѣкоторыми своими частями старинныхъ названій слободъ и посадовъ, какъ составныхъ и не-

Гужевая дорога на сѣверѣ.

избѣжныхъ частей всякаго большаго и настоящаго города. Нѣкоторымъ удалось даже соблюсти и характеръ самаго населенія, усвоившаго этимъ частямъ городовъ оба самостоятельныя названія. На посадѣ, непосредственно примыкавшемъ къ рубленому городу и его палисадамъ и окруженномъ землянымъ валомъ, сидѣло то плотно осѣвшееся населеніе, которое занималось земледѣліемъ и составляло коренныхъ жителей, гражданъ, обывателей. Въ слободахъ, располагавшихся за валомъ и въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ посада, даже на другихъ берегахъ рѣкъ, жили тѣ вольные, пришлые люди, то непрочное населеніе, которое имѣло право «брести врозь» и если не пользовалось этимъ, то по причинамъ, зависѣвшимъ отъ характера мѣстности. Большею частію это были промышленные люди, ремесленники, не имѣвшіе земель и не занимавшіеся земледѣліемъ, какъ главнымъ средствомъ существованія. Очень часто эти слободы собирали съ заранѣе обдуманными цѣлями. Торговые и промышленные города нуждались больше всего въ тѣхъ рабочихъ, которые устраивали бы дороги, дѣлали гати, строили мосты, держали лошадей для перевозки товаровъ и т. под. Отсюда появились подгородныя слободы: плотницкія и ямскія. Города старѣйшіе, не исключая стольныхъ, основали слободы: рыбацкія, стрѣлецкія (солдатскія), пушкарскія, наконецъ матросскія, и всѣ неизбѣжно такія, которыя встарину носили имя «бутырокъ» и представляютъ въ сущности до сихъ поръ такія селенія, гдѣ ютятся въ

тѣснотѣ люди безъ опредѣленныхъ занятій, самая крайняя и непокрытая бѣдность, не умѣвшая ни къ чему прилѣпиться.

Жители подобныхъ слободъ, предоставленные самимъ себѣ, оторвавшіеся отъ земли и не остановившіеся на честномъ ремеслѣ и питающемъ промыслѣ, представляютъ тотъ неизбѣжный въ большихъ центрахъ классъ населенія, который ищетъ легкой наживы и способовъ прокормленія безъ разбора средствъ. Бѣдовая жизнь обрекла ихъ на всякіе легкіе промыслы и выучила первымъ, подвернувшимся подъ руку пріемамъ. Подгородные жители, честные и скромные земледѣльцы, старинная темная «деревенщина» до сихъ поръ служитъ приманкой для эксплоатаціи этими старинными и недобрыми людьми, «бродниками и вольницей», нынѣшними прасолами, маяками, кулаками. Города стали жить на счетъ деревень и, не стѣсняющіе себя въ способахъ наживы, за фальшивый аршинъ и мѣру, перестали пользоваться народнымъ уваженіемъ, получили отъ земледѣльцевъ бранныя прозвища, вызвали насмѣшливыя присловья, иногда очень злыя, въ какихъ нѣтъ недостатка и исключеній ни для одного нашего города. Такъ и на лѣсистомъ сѣверѣ, по тому же поводу, съ какою сказано, что «новоторы — воры, да и осташи хороши, а свято то мѣсто, гдѣ тихвинца нѣтъ», — выговорено про горожанъ Вологды, что они «чужаго теленка съ подковой съѣли», что у нихъ «на словахъ, какъ на маслѣ, а на дѣлѣ, какъ на Вологдѣ». Устюжанъ прозвали табачниками и увѣряютъ, что они табачнымъ рожкомъ подбили у себя, въ богатомъ церквами городѣ, цѣлую колокольню. Каргопольцевъ зовутъ сыроѣдами, про олончанъ сказываютъ, что они свою собаку съѣли; шенкурцевъ обозвали водохлебами, холмогорцевъ—заугольниками, пинежанъ—икотниками, онежанъ—прохорятами (Прохоровы дѣти), мезенцевъ—сажеѣдами, чердынцевъ—щепоѣдами, устьсысольцевъ—вѣкшеѣдами и т. д. Про Архангельскъ тоже слава худая: «городъ Архангельскій, а народъ въ немъ дьявольскій», а про Колу еще хуже: «Городъ — крюкъ, народъ — уда, что ни слово, то зазубра; кто въ немъ три года проживетъ, того и на Москвѣ не обманутъ; здѣсь что человѣка убить, то кринку молока испить.»

Въ рѣдкомъ изъ нашихъ сѣверныхъ лѣсныхъ городовъ жители живутъ круглый годъ осѣдло, и если не уходятъ, не стѣсняясь никакими разстояніями, въ самые дальные и богатые заработками города, то во всякомъ случаѣ неудержимо и непосѣдливо бродятъ по ближайшимъ окрестностямъ, закупая всякую мелочь и обманывая при всякой покупкѣ. Городское населеніе здѣсь наименѣе прочно и всегда представляло готовый континентъ для выселенія по первому призыву и на первую приманку.

Классъ посадскихъ имѣлъ возможность выдѣлять изъ своихъ людей лучшихъ или, по старинному, «вятщихъ», успѣвшихъ воспользоваться уроками природы страны и стать бережливыми, умѣвшихъ заняться торгомъ и промысломъ съ особеннымъ успѣхомъ въ пріобрѣтеніяхъ. О подвигахъ ихъ и услугахъ сѣверной странѣ мы имѣли поводъ упомянуть въ прежнихъ статьяхъ; имена самыхъ лучшихъ и видныхъ изъ нихъ мы уже знаемъ. Знаемъ также, что съ примѣра Строгоновыхъ, многіе города обязаны своимъ основаніемъ этимъ бережливымъ, предпріимчивымъ и умнымъ частнымъ людямъ, приравнявшимъ средства къ богатымъ монастырямъ и сильнымъ князьямъ и также потратившимъ капиталы на сооруженіе городковъ и призывъ населенія. Еще болѣе замѣчательно здѣсь то, что изобрѣтательности частныхъ людей, ближе другихъ понимавшихъ коренныя народныя нужды, обязаны своимъ существованіемъ такіе городки, города и остроги, которые охраняли очевидныя народныя богатства, извлекаемыя изъ земныхъ нѣдръ. Въ сѣверныхъ лѣсистыхъ мѣстностяхъ: это—желѣзо и соль (послѣдняя въ особенности). Если, по преданіямъ всѣхъ существующихъ на землѣ народовъ, животныя (олень, верблюдъ, лось) частымъ посѣщеніемъ извѣстныхъ лѣсныхъ источниковъ указали на присутствіе въ нихъ существеннѣйшаго изъ жизненныхъ началъ (соли), то именно этимъ частнымъ дѣятелямъ (общинамъ и богачамъ) обязаны соляные родники своею разработкой и способностью служить людямъ. Такъ выходцы изъ вологодскаго края, посадскіе люди Калинниковы завели варницы на берегу Усолки,

Архангельскъ.

близъ Камы; такъ новгородскій посадскій человѣкъ Строгоновъ сдѣлалъ то же на устьѣ Вычегды, устюжскій посадскій человѣкъ Ерофей Хабаровъ въ далекой Сибири на Усть-Кутѣ, впадающей въ Лену, и т. д. Какъ около Олонца, Ржева и Устюжны (Новгор.) желѣзо и около Старой Русы, у Соли Галицкой, у Большихъ Солей (Нерехотской)—соль, такъ она же и на лѣсистомъ сѣверѣ упрочила монастырь Соловки, какъ городъ, и собрала города: и у Солей на Вычегдѣ, на Камѣ, на Тотьмѣ, въ посадахъ: Лудѣ, Унѣ, Неноксѣ, Кулоѣ, во многихъ селеніяхъ по Бѣлому морю, во многихъ селеніяхъ по непочатымъ и дремучимъ лѣсамъ, не только удержавшихся и извѣстныхъ до нашего времени, но исчезнувшихъ на дѣлѣ, сохранившихся въ именахъ (Сольцы, Солза, Солотча, Соломбола, Солецкій погостъ, Усольскій островъ и Усольскій волокъ, р. Усолка, Солозеро и Соленое озеро, и т. д.). Дѣлалось просто, по сказаніямъ самыхъ граматъ: «а что есть въ бору колодезь солоной, тотъ исчистили, да цѣренъ (или чренъ, т. е. большую сковороду) поставили, и пытали варить (кипятить, кристаллизовать огнемъ) по досугу, а бывалъ въ разсолѣ прокъ, а имѣетъ быти,—давалъ Богъ соль, ставили варницу, и платили отъ чрена и отъ салги (большаго котла) по пузу (т. е. по два четверика)». «А не бысть—повергоша»: варницу бросали. Удавались вари—изъ «дровяна дворища да двора на пріѣздъ старцамъ и слугамъ» дѣлался большой городъ съ каменными церквами и монастырями, съ солянымъ торгомъ и денежными прибытками. Сѣверо-восточная Русь вмѣстѣ съ юго-западною (Галиціею) въ тѣ времена (когда еще неизвѣстны были приволжскія и заволжскія озера и зауральскія копи съ каменною солью), одни снабжали все русское населеніе этимъ продуктомъ. Соль и хлѣбъ были главнѣйшими предметами торга, который, будучи вызванъ ими, сталъ на столько живъ и силенъ, что послужилъ обезпеченію лѣсистыхъ мѣстъ и ихъ оживленію. Торговлей созданы и ею были обезпечены Устюгъ, Холмогоры и Вологда еще до XV вѣка. Изъ лѣтописныхъ сказаній извѣстно, какъ дорожилъ Устюгомъ Великій Новгородъ, считая его ключемъ къ сѣвернымъ лѣсамъ, богатымъ звѣрями, рыбой и солью, и какъ богатъ и силенъ былъ самъ Устюгъ, когда народъ принужденъ былъ и ему, наравнѣ съ Ростовомъ и самимъ Новгородомъ, усвоить имя «Великаго». Несомнѣннымъ тому доказательствомъ служитъ и то, что и болѣе отдаленные передаточные торговые пункты между Новгородомъ и далекимъ сѣверо-востокомъ, сдѣлались богатыми и сильными городами: Волокъ Вышній, Устюжна, Галичъ и Вологда, не смотря на то, что точно также производили торговлю исключительно хлѣбомъ и солью. По той же Сѣверной Двинѣ, черезъ тѣ же города (Устюгъ и Вологду) таже соль шла на Кострому, а затѣмъ во всѣ приволжскія области въ обмѣнъ на хлѣбъ этихъ мѣстъ.

Вывозя, съ помощію данниковъ, другія богатства сѣвера для заграничнаго отпуска, каковы морскія птицы, звѣриное сало, мѣха, «рыбьи зубья (т. е. моржовые клыки) и всякаго сорта рыба,—Новгородъ руководился содѣйствіемъ обонежскихъ купцовъ. Прямой путь въ Бѣлое море черезъ р. Онегу точно также потребовалъ здѣсь сборнаго мѣста и склада товаровъ изъ первыхъ рукъ на устьѣ р. Моши. Усть-Моша—издревле очень важный торговый пунктъ, судя по граматѣ 1536 г., и теперь еще довольно извѣстна, благодаря выгодному положенію на пути изъ Бѣлозерска, по р. Онегѣ, въ Поморье. По той же причинѣ разбогатѣлъ здѣсь спопутный Каргополь, обязанный также положенію своему на краю волока или водораздѣла, гдѣ встрѣчались и взаимно смѣнялись оба способа перевозки товаровъ: водяной и сухопутный. Въ такихъ мѣстахъ волоки издревле содѣйствовали основанію городовъ и образованію въ нихъ бойкихъ торговыхъ пунктовъ (Волокъ Ламскій, Волокъ Вышній или Волочокъ, Волокъ Пинежскій или теперешній г. Пинега, прославившаяся торгомъ рябчиками и прочею дичью). Въ виду того, что на лѣсистомъ сѣверѣ городовъ въ буквальномъ смыслѣ очень немного (лѣса и болота были лучшей охраной отъ нападеній врага), волока представляли громадную важность. Это были ворота, которые надо тщательно охранять, и появленіе здѣсь городовъ (исключая указанныхъ) является въ одно время и новою формою такого рода поселеній и прямымъ послѣдствіемъ географическихъ и экономическихъ требованій. Въ этомъ смыслѣ они находятся въ прямой противоположности съ тѣми мерт-

выми городами, которые получили это незаслуженное имя въ 1780 году (Онега, Мезень, Грязовецъ, Кадниковъ, Вельскъ и Никольскъ).

На *верховомъ* новгородскомъ торговомъ пути Каргополь имѣлъ тоже значеніе, какое Торжокъ или Новый Торгъ на *низовомъ пути* и на волоку, отдѣляющемъ систему водъ Ильменя отъ волжской. Въ Каргополѣ, какъ и въ Устюгѣ, до сихъ поръ сохраняются остатки прежняго торговаго промышленнаго движенія въ бѣличьемъ скорняжномъ промыслѣ и въ сборѣ сушеныхъ и соленыхъ грибовъ (преимущественно рыжиковъ). Барышники, т. е. перекупщики, и лѣсники, т. е. сами охотники привозятъ свой пушной товаръ по зимнему пути въ четыре, издавна опредѣленные пункта, на ярмарки: Краснос борскъ (Сольвычегодскаго уѣзда), на 30 ноября, Пинегу — на Никольскую, с. Шунгу (Повѣнецкаго уѣзда) — на Крещенскую и Благовѣщенскую и въ Важскій погостъ (Шенкурскаго уѣзда), на Евдокіевскую 1-го марта. Здѣсь шкурки болѣе цѣнныхъ звѣрей скупаются галичанами, выдѣлывающими мѣха на заводахъ въ Костромскомъ Галичѣ (или вѣрнѣе въ подгородномъ селеніи Шокшѣ). Бѣлку разбираютъ исключительно вологжане, вятскіе и каргополы; при чемъ на долю послѣднихъ приходится (по свѣдѣніямъ 1873 года) до 600 тыс. шкурокъ, т. е. добрая половина всего привоза. Иногда случается, что одинъ скорнякъ и на одной ярмаркѣ купитъ болѣе 200 тыс. штукъ. Сверхъ этихъ ярмарокъ *на́-осень*, какъ говорятъ въ Каргополѣ (въ концѣ октября), хозяева скорняжныхъ заводовъ отправляютъ по двое изъ своихъ мастеровыхъ: подборщика и подмастерья, недѣли на четыре по сосѣднимъ уѣздамъ. Эти посланные сбираютъ бѣлку, ходя пѣшкомъ и, отправляясь въ путь, соблюдаютъ такой оригинальный обычай: къ крыльцу хозяйскаго дома одинъ изъ рабочихъ привозитъ охапку дровъ, которые, послѣ прощанья съ отъѣзжающими, вносятся въ парадную комнату, кладутся подъ лавку въ передній уголъ, накрываются отъ чужаго недобраго глаза салфеткой и оставляются тамъ до возвращенія работниковъ со сборнымъ товаромъ. Шатаются они обыкновенно недѣль 6 и 8, перекочевывая изъ деревни въ деревню, и съ особенной охотой перекупая шкурки изъ-за угла, на дорогѣ съ промысла, еще не содранныя и принесенныя за пазухами на крикливые базары. Большія разстоянія при этомъ ни по чемъ и утрата времени въ счетъ и соображеніе не входятъ. Сами хозяева, кочуя по ярмаркамъ всю долгую зиму, дѣлаютъ переѣздъ въ 500 верстъ, чтобы попасть только въ Пинегу, и не задумывались прежде слишкомъ на двухъ тысячахъ верстъ, которыя отдѣляютъ Каргополь отъ Ирбити, гдѣ продается самая лучшая темная сибирская бѣлка, называемая «закаменкой». Собранный товаръ дѣлится на нѣсколько «кряжей» или сортовъ, изъ которыхъ лучшими изъ русскихъ считается зырянка синей и свѣтло-синей воды, бродившая по архангельскимъ и вологодскимъ лѣсамъ, а самою худшею желтоватой воды шунгская и вятская. На девяти городскихъ заводахъ, 174 рабочими, въ 1873 году было выдѣлано до 200 тыс. шкурокъ, но случались годы (напр. 1869 г.), когда въ Каргополѣ произведено бѣлки около милліона штукъ.

Въ мастерской бѣлкопромышленника.

Бѣличій промыселъ теперь въ этомъ городѣ разбивается на мелкія хозяйства и слабѣетъ; грибная торговля совершенно въ упадкѣ сравнительно съ недавними годами. Грибы, соленые и сушеные, какъ и худая бѣлка, собирались по окрестнымъ селеніямъ на базарахъ и по погостамъ послѣ праздничныхъ обѣденъ.

Каргополь.

Воспользовавшись такимъ же привознымъ товаромъ въ видѣ моржевыхъ клыковъ и вырываемыхъ изъ земли мамонтовыхъ роговъ, въ Холмогорахъ до сихъ поръ удержался точильный промыселъ различныхъ подѣлокъ отъ шахматовъ, группы памятника Ломоносову, ажурныхъ ящиковъ для дамскаго рукодѣлья, до карточныхъ марокъ, костяныхъ ножей, вилокъ и ложечекъ, съ которыхъ привыкли у насъ кормить грудныхъ дѣтей кашкой. Дешевыя издѣлія особенно распространены, благодаря обилію говяжьихъ костей отъ убоя знаменитыхъ холмогорскихъ коровъ. Хотя промыселъ этотъ мало-по-малу перебирается теперь въ Архангельскъ, — въ самыхъ Холмогорахъ до сихъ поръ всякаго прохожаго встрѣчаютъ предложеніемъ покупокъ и, по обычаю городскихъ кустарниковъ, передъ святками и Пасхой, предлагаютъ издѣлія за баснословно-дешевыя цѣны. Попадаются вещи, очень замѣчательныя по чистотѣ и изяществу отдѣлки, зависящимъ отъ рисунка и опытности. Промыселъ этотъ теперь значительно упалъ, не смотря на то, что въ 1850 г. еще насчитывалось больше ста мастеровъ.

Плетеніемъ настоящихъ кружевъ занимаются въ г. Вологдѣ. Здѣсь уже давно это занятіе, издревле составлявшее неизбѣжную принадлежность домовитыхъ и замкнутыхъ старинныхъ семей, перешло въ промыселъ и перебралось въ лачужки. Издѣлія вологодскихъ мастерицъ соперничаютъ съ балахнинскими и мценскими, пользующимися также повсемѣстною въ Россіи извѣстностію. Ведется это ремесло общими порядками: однѣ мастерицы-сколошницы занимаются накалываніемъ узоровъ, другія наполняютъ ихъ съ коклюшекъ бумагой, шелками и иногда съ примѣсью золотыхъ нитей. Сдаются эти издѣлія для продажи тѣмъ бойкимъ и бывалымъ торговкамъ, которыя не затрудняются обманывать, притѣснять и обсчитывать своихъ простодушныхъ довѣрительницъ, отдающихъ товаръ на коммиссію на честномъ словѣ или продающихъ въ голодное время забезцѣнокъ. Вдвое и втрое дороже сбывается этотъ товаръ въ обѣихъ столицахъ и на Нижегородской ярмаркѣ. Конечно, издѣлія эти не отличаются моднымъ изяществомъ, потому что узоры скалываются или со старинныхъ или со случайно попавшихъ въ руки рисунковъ: конечно, они не пойдутъ въ соперничество съ брабантскими также и по матеріалу, изъ котораго плетутся. Тѣмъ не менѣе также добросовѣстно, безъ изъяну, съ примѣрнымъ стараніемъ и изумительнымъ терпѣніемъ и къ кружевамъ прилагала свой трудъ сѣверная работящая женщина, какъ дѣлаетъ она это съ холстомъ и полотнами, между которыми равною славою пользуются, какъ вологодскіе и устюжскіе, такъ и подгородные архангельскіе. Родная мать, какъ радѣльница, выучила мастерству, она же руководила работами и она же сбыла издѣліе въ чужія руки за столь рѣдкія и дорогія въ деревенскомъ быту деньги. Мать, какъ большуха въ домѣ, до сихъ поръ сохранила на сѣверѣ всю силу своего нравственнаго значенія и

не утратила обаятельной силы вліянія, въ особенности на женскую половину семьи, едва ли не въ такой же степени, какъ въ отдаленную старину.

Невѣста на могилѣ матери въ Сюзьмѣ.

Мы не разъ были свидѣтелями трогательнаго обычая, обязывающаго всякую сироту невѣсту сходить передъ вѣнчаніемъ на погостъ, поплакаться на могилкахъ умершихъ родителей и попросить у нихъ благословенія. Вотъ что, между прочимъ, мы услышали отъ дочери, упавшей на могилку матери и по обычаю заводившей такъ называемую «Плачку по жалимой покойницѣ»:

Ты послушай-ко, родитель моя матушка,
И сердечное желаньице!
Ты денная моя заступушка,
И ночная богомольщица!
Ужь мы какъ-то будемъ жить
Безъ тебя, родитель моя матушка!
Ты, скаченая жемчужинка!
Ты, кудрявая рябинушка,
Ты, дозрѣла ягодинушка!
Ты, сахарна семяниночка!
Кто-то насъ по утрушку ранешенько
Буде будить со мягкой со постелюшки?
Кто-то станетъ разряжать намъ крестьянскія работушки?
Какъ встану по утрушку ранешенько
Со пуховой со мягкой со постелюшки,
Я не водушкой ключевой буду омываться
Омываться горячими слезами,
Отираться злодѣйкой великой кручиной.
Какъ понѣчка-топеречка волосъ къ волосу не ладится,
Моя младая головушка не гладится,
Не уплетается моя русая косынька милешенько
Все безъ своей-то безъ родителя, безъ матушки,
Безъ свово сердечнаго желаньица!
Какъ понѣчка-топеречка вѣютъ вѣтры полуденные,
Говорятъ-то многи добрые людушки посторонніе
И все вкругъ меня-то, кручинной головушки.
Вѣютъ вѣтрушки съ западками,
И говорятъ-то многи добрые людушки съ прибавками.
Вы придайте-тко ума-разума
Во младую во головушку,
Мои сродцы, мои сродничи,
Вы, спорядные сусѣдушки,
Вы, пристаршія головушки!
Мнѣ душѣ да красной дѣвицѣ
Провожать свое дѣвочество
Я все буду бояться, кручинная головушка, теперюшко,
Чтобы вѣтрушки меня не обвѣяли,
Чтобы людушки не обаяли.

Представленный выше рисунокъ, объясняющій записанную нами народную «Плаксу жалимую», снятъ съ натуры въ бѣломорскомъ селеніи Сюзьмѣ.

Вотъ и эта Сюзьма — маленькое и бѣдное поморское селеніе, замѣчательное, впрочемъ, тѣмъ, что лежитъ на самомъ берегу моря и что въ немъ, вслѣдствіе крѣпости соленаго раствора морской воды, устраиваются дачками на лѣто архангельскіе чиновники и купцы для морскихъ купаній.

Но мы отвлеклись. Вернемся снова для немногихъ заключительныхъ словъ о немногихъ ремеслахъ сѣвернаго лѣснаго края, и изъ бѣломорскихъ трущобъ, конечно, по несносной гужевой дорогѣ, истощающей всякое человѣческое терпѣніе и физическія силы.

Сюзьма, близъ Архангельска.

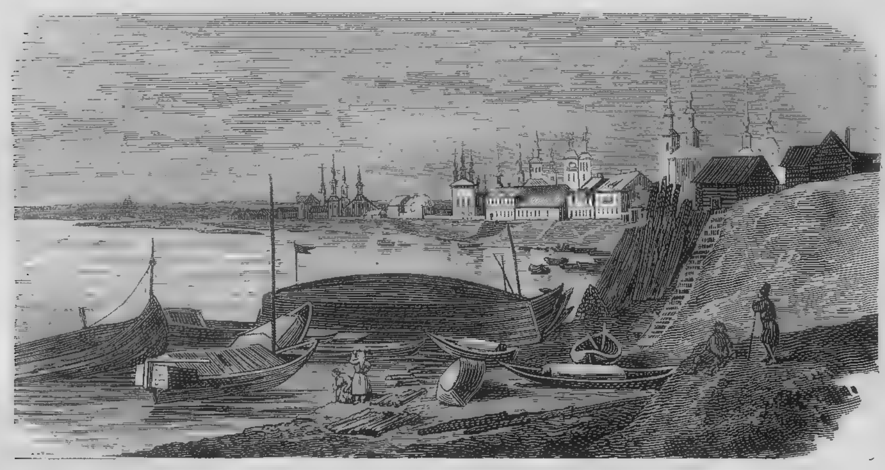
Въ томъ же вологодскомъ краю удерживается до сихъ поръ еще одно ремесло — выдѣлка гребней въ Кадниковскомъ уѣздѣ, въ «Устьѣ» или вѣрнѣе въ пяти деревняхъ Устьинской волости, извѣстной тремя большими ярмарками (въ самомъ селѣ Устьѣ). Работа производится по заказу, обыкновенно зимою, изъ роговъ, скупаемыхъ на кожевенныхъ заводахъ, на умѣренный вкусъ и на дешевую руку (за сотню очень хорошихъ гребенокъ хозяева платятъ 5 р., но бываютъ издѣлія до 1 руб., въ 50 и 40 коп. за сотню). Въ числѣ продавцевъ, разносящихъ товаръ по столичнымъ дворамъ съ выкрикомъ на козлиный напѣвъ «щотки-гребенки», въ одномъ Петербургѣ насчитываютъ изъ устьинскихъ мастеровъ человѣкъ до сорока.

На вкусъ богатыхъ людей и любителей нѣкогда славились своими оригинальными издѣліями вологодскіе города: Устюгъ Великій и Соль-Вычегодскъ. Въ первомъ существовали мастера — единственные въ Россіи—наводившіе секретнымъ, тщательно скрываемымъ способомъ, чернеть на разныя галантерейныя подѣлки изъ серебра. Въ Соль-Вычегодскѣ прославилась такъ называемая старинная «сканная работа», называемая также филеграновою изъ волоченаго, гнутаго и спаяннаго узорами серебра въ различныхъ издѣліяхъ: шкатулочкахъ, серьгахъ, солонкахъ, коробочкахъ и дамскихъ ридикюляхъ, продававшихся дорогою цѣною и даже выше цѣны устюжской черневой работы. Эта послѣдняя на позолоченой поверхности была весьма хороша, но, по недостатку правильнаго рисунка (который вредитъ и холмогорской рѣзьбѣ), всегда была очень груба. Съ упадкомъ лѣсныхъ городовъ и ремеслъ въ нихъ, мало-по-малу упадали сканная и черневая работа, о которыхъ исчезаетъ даже самый слухъ, какъ несомнѣнно пропалъ онъ въ народной памяти о различныхъ ремеслахъ другихъ сѣверныхъ городовъ. Въ Устюгѣ еще удерживаются кое-какъ слесаря, умѣющіе съ особеннымъ искуствомъ обивать разныя коробки бѣлымъ гладкимъ и просѣчнымъ желѣзомъ съ особаго рода замками. Все это напоминаетъ доброе и счастливое, но теперь уже очень отдаленное старое время, когда лѣсистому сѣверу намѣчены были, промысломъ, торговлей и развитіемъ городскихъ ремеслъ, иные пути и лучшіе выходы.

То было во времена грознаго московскаго царя Ивана Васильевича.

Къ Двинскому берегу, на которомъ стоялъ монастырекъ, по обычаю тѣхъ мѣстъ съ церковью Николы, защищавшій съ моря старинный новгородскій городъ Холмогоры, присталъ въ 1553 году иноземный корабль съ невиданными людьми, и просилъ позволенія войти изъ корельскаго устья Двины въ самую рѣку. Прибывъ въ Холмогоры, командиръ корабля объявилъ себя посломъ англійскаго короля Эдуарда VI, желающимъ пропуска въ Москву, къ самому царю за посольскими дѣлами. Это былъ Ричардъ Ченслеръ, спутникъ Виллоуби, въ сущности вовсе неуполномоченный посолъ, а случайный заѣзжій купецъ, задержанный въ Бѣломъ морѣ сильными бурями и бродячими льдами.

Оставшіеся въ городѣ, за отбытіемъ намѣстника князя Семена Ивановича Никулинскаго къ Москвѣ, выборные головы и земскіе судьи послали къ царю отписку и получили отвѣтъ: завести чужеземный корабль на зимовку, въ Унскую губу, а «лыцаря Рыцерта» проводить въ Москву. 23 ноября онъ отъѣхалъ, а 5 марта слѣдующаго 1554 года отпущенъ съ товарищами обратно. Представленія о заведеніи англійскихъ торговъ приняты за благо: дозволено ходить за торгами безопасно и имѣть свободу ставить въ городахъ и покупать дворы. Ченслеръ прожилъ у своего корабля до весны, когда ушелъ въ свою землю. На другое лѣто, 23 іюля 1555 года, онъ прибылъ назадъ съ купцами и товарами, а слѣдомъ за нимъ новые четыре англійскіе корабля и корабли голландскіе. Всѣ поторговали своими товарами и нагрузились русскими. 23 іюля 1556 года ушло изъ Двины въ море отвѣтное посольство царя съ вологодскимъ намѣстникомъ Осипомъ Нилеевымъ и также съ двумя купцами прямо въ Англію, куда и прибыло 27 февраля 1557 года. За 12 миль до Лондона вышли на встрѣчу посламъ 80 богато-одѣтыхъ купцовъ. Всѣ они надѣли на шеи золотыя цѣпи. На слѣдующій день пришли провожать гостей 140 купцовъ. У самаго города выѣхали на лошадяхъ 300 дворянъ, а у заставы принялъ пріѣзжихъ самъ лордъ-меръ и альдерманы, одѣтые въ церемоніальное платье. Черезъ мѣсяцъ нашъ посолъ принятъ былъ королемъ Филиппомъ и королевою Маріею въ самый Благовѣщеньевъ день. 3 мая онъ отправился обратно въ Россію.

Великій Устюгъ.

Сношенія Руси съ иностранными землями, по утвержденнымъ торговымъ договорамъ, установились и упрочились такъ, что черезъ 30 лѣтъ (въ 1584 г.) принуждены были приступить къ постройкѣ на такъ называемомъ Пуръ-Наволокѣ новаго города въ замѣну менѣе удобнаго старыхъ Холмогоръ. Въ одинъ годъ срубленъ былъ деревянный острогъ, вырыть съ трехъ его сторонъ ровъ и застроена первая церковь. Къ городскому посаду пристроилась слобода, населившаяся иностранными гостями и до сего дня сохраняющая въ подлинности и цѣлости старинное имя «нѣмецкой», гдѣ въ 1768 году, на мѣсто деревянной, построена была большая каменная лютеранская кирка Св. Екатерины, представленная на нашемъ рисункѣ.

По обычаю всѣхъ новгородскихъ поселенцевъ, неимѣющему нигдѣ исключенія, и въ противоположность встрѣчной колонизаціи, шедшей по Окѣ и ея притокамъ съ храмами «Пречистой», первая русская церковь новаго города посвящена Спасу (Преображенія), также съ неизбѣжнымъ и обязательнымъ для всего русскаго сѣвера придѣломъ Николы (въ настоящее время послѣ трехъ

пожаровъ и постройки новаго каменнаго храма, соборъ называется Троицкимъ). Новому городу хотѣли усвоить имя Новыхъ Холмогоръ, но жители стали называть его по очень древнему, находящемуся вблизи монастырю (съ церковью, въ которой одинъ предѣлъ посвященъ былъ архангелу Михаилу, а другой Гавріилу) — *Архангельскомъ*.

Паромъ на Сѣверной Двинѣ.

Не прошло еще и сорока лѣтъ, какъ основался на берегу Двины новый городокъ прямо противъ того мѣста, гдѣ рѣка разбивается на нѣсколько рукавовъ и течетъ разными устьями и протоками къ морю, — въ городкѣ стояли уже выстроенными два гостиные двора: русскій и нѣмецкій со множествомъ амбаровъ и лавокъ для склада и продажи товаровъ. За посадомъ въ особой слободѣ жили уже пріѣзжіе нѣмцы изъ Гамбурга и Бремена, англичане изъ Лондона и голландцы изъ Амстердама, въ качествѣ коммиссіонеровъ и агентовъ иностранныхъ торговыхъ домовъ. Закипѣла торговля. Вологодскіе, устюжскіе и дальніе вятскіе купцы стали сюда переселяться, скупать по окрестнымъ деревнямъ все подходящее сырье и всякіе затребованные товары: поташъ, смолу, деготь, бревна и доски; доставляли даже съ Волги клей-карлукъ и черную осетровую икру. Все это грузилось на корабли прямо съ берега, столь глубокаго у города, что не требовалось никакихъ паузковъ, а надобились лишь 5 — 6 досокъ или сходней. Туда же ссыпался весь тотъ хлѣбъ, который шелъ изъ Вятской губерніи въ видѣ ржи, овса, ячменя, льнянаго сѣмени (и за то прозванный здѣсь общимъ именемъ «сыпи»). Иноземный привозъ былъ сравнительно не боекъ: немногими товарами чужіе люди могли угождать русскому вкусу и нуждамъ. Въ нынѣшнія времена заморскіе корабли приходятъ почти лишь съ однимъ баластомъ, который и выбрасываютъ по низменнымъ берегамъ Двины, такъ что подгородная слобода Соломбала можетъ сказать про себя, что она стоитъ на чужеземной почвѣ. Эта слобода, расположенная за рукавомъ Двины, называемомъ р. Кузнечихой, сдѣлалась пристанью для иностранныхъ кораблей, а городская пристань, подъ соборнымъ пригоркомъ, исключительно предназначена для морскихъ судовъ русскихъ промышленниковъ. Сюда доставляютъ они къ Маргаритинской ярмаркѣ (съ 1-го сент. по 5-е окт.) весь рыбный и звѣриный промыселъ съ Бѣлаго моря и Мурманскаго берега. Ярмарочный товаръ, съ преобладаніемъ въ рыбномъ трески и сельдей, по свѣдѣніямъ 1875 года, представлялъ обороту на $2^1/_2$ милліона и на 1 милл. продажи. Въ 1700 году Соломбальскому селенію переводомъ сюда казенной корабельной верфи, а

впослѣдствіи учрежденіемъ военнаго порта, придано новое значеніе, ослабѣвшее лишь въ послѣдніе два десятка лѣтъ.

Движеніе хлѣбныхъ товаровъ, предназначенныхъ для заграничнаго отпуска и столько же для потребленія неплодороднаго лѣснаго края, начинается въ южныхъ и среднихъ уѣздахъ Вятской губерніи и руководится преимущественно торговцами удѣльнаго села Кукарки и купцами городовъ Орлова, Вятки и въ особенности Слободскаго. Путь хлѣбнаго товара, съ придаткомъ льну и льнянаго сѣмени, лѣсу и лѣсныхъ издѣлій, направляется отсюда волокомъ и гужемъ къ р. Лузѣ, гдѣ издавна устроены двѣ пристани: Нoшульская и Новая, ослабившія хлѣбную торговлю Вологды. Направляясь затѣмъ по р. Югу, въ Сѣверную Двину, хлѣбная торговля, нуждающаяся въ побочныхъ подсобныхъ промыслахъ на сплавахъ, оживляетъ дѣятельность на спопутныхъ мѣстахъ и даетъ заработки нагрущикамъ, сплавщикамъ, судостроителямъ, и при томъ изъ бѣднѣйшихъ классовъ населенія. Въ Архангельскѣ вся торговля поступаетъ въ нѣмецкія руки, такъ какъ время, капиталы и мирволившія дѣлу случайныя обстоятельства въ первой половинѣ текущаго столѣтія, вырвали эту торговлю изъ рукъ русскихъ. Почтенныя имена торговыхъ домовъ Крыловыхъ, Поповыхъ, Плотниковыхъ и Грибановыхъ, остались только въ преданіи, а въ сущности дѣйствуютъ и господствуютъ торговые дома съ иноземными прозвищами. Фамиліи богатыхъ Брантовъ, Кларковъ, Фонтейнесовъ получили наибольшую извѣстность и славу, затмивъ совершенно вышеупомянутыхъ. На долю послѣднихъ выпало продолжать тѣ начинанія, которыя выразились въ устройствѣ верфей, лѣсопильныхъ заводовъ, прядиленъ, мельницъ и т. п. Брантомъ устроенъ былъ въ самомъ городѣ даже сахарный заводъ, теперь брошенный, и пріобрѣтена верфь, заведенная Пругавинымъ. Уничтожился якорный прядильный заводъ, купца Митрополова, быковская верфь купца Никиты Крылова. Всталъ въ развалинахъ на городскомъ берегу Двины нѣмецкій гостиный дворъ, имѣвшій нѣкогда шесть башенъ и построенный, говорятъ, по плану, исправленному самимъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Рядомъ съ ними тянутся по берегу опять развалины монетнаго двора, составлявшаго часть таможеннаго замка. Кирпичи для этихъ зданій работаны были въ Голландіи.

Гавань, кирка и Моисѣевъ островъ, въ Архангельскѣ.

Гимназія и соборъ въ Архангельскѣ.

Между этими развалинами и среди очевидныхъ слѣдовъ упадка твердо сохраняется память о томъ рѣшителѣ архангельскихъ судебъ, который три раза нарочно пріѣзжалъ сюда, чтобы

убѣдиться въ непригодности двинскаго города для обширной заграничной торговли и удобныхъ сношеній Россіи съ Европой. Въ 20 верстахъ отъ города, по направленію къ морю находится Новодвинская крѣпость, которую въ 1701 году самъ Петръ заложилъ и пребывалъ здѣсь нѣкоторое время въ домикѣ подлѣ, сохраняемомъ до сихъ поръ, какъ святыня. Въ Троицкомъ соборѣ Архангельска, на правой сторонѣ, подъ полукруглымъ балдахиномъ, опирающимся на двѣ колонны, хранится деревянный крестъ, сдѣланный руками самого царя, по народному обычаю, тотчасъ по спасеніи отъ погибели на острыхъ зубьяхъ камней при входѣ изъ моря въ заливецъ, называемый Унскими рогами. Этотъ крестъ сосновый, 5-ти аршинъ въ вышину и 3 аршинъ въ ширину. Концы его сдѣланы въ видѣ полукружій съ шариками на оконечностяхъ. Въ 1805 г. Александръ I, во время пребыванія въ Архангельскѣ, приказалъ привезти памятникъ сюда изъ Пертоминскаго монастыря, гдѣ крестъ находился до тѣхъ поръ. Отъ времени и долгаго пребыванія на открытомъ воздухѣ этотъ памятникъ Петра Великаго потрескался и засизѣлъ, но еще можно разобрать вырѣзанное руками царя голландское начертаніе въ такомъ видѣ:

Таможня въ Архангельскѣ.

Dat
Kruys ma
ken kap
tein Piter
van a ch.
s. t.
1694.

т. е. крестъ поставилъ капитанъ Петръ въ лѣто Христово 1694-е. Въ архіерейскомъ домѣ хранится карета на рессорахъ, цѣною во сто рублей, подаренная Петромъ Первымъ, извѣстному въ исторіи перваго раскола, архіепископу Аѳанасію. Въ церкви Ильи пророка въ селѣ Кегъ-Островѣ, противъ города, Петръ слушалъ обѣдню, читалъ апостолъ и пѣлъ басомъ, и проч.

Деревянный крестъ, сдѣланный Петромъ Великимъ.

Отъ полунѣмецкаго Архангельска, въ которомъ весело живутъ и счастливо торгуютъ, прямой переходъ въ городъ Онегу — очень бѣдную и скучную, можетъ быть совершенъ лишь въ интересѣ контрастовъ. Живетъ городокъ бѣдно; дома полуразрушены, улицы заросли травой; достопримѣчательностей не имѣетъ никакихъ. Достойна вниманія только одна достопамятность, — это набережная, т. е. простой песчаный берегъ, интересный впрочемъ по-своему. Приглядныя зданія принадлежатъ «компаніи Онежскаго лѣснаго торга», которая вынуждаетъ

насъ остановиться на этомъ городѣ и объясняетъ послѣдовательность нашего разсказа. Компанію ведутъ иностранцы (на этотъ разъ англичане); дѣятельность ея сосредоточена исключительно на лѣсномъ товарѣ и компанейскій топоръ преимущественно выбираетъ наилучшія, высочайшія, мачтовыя, настоящія кондовыя деревья сосны и лиственицы. 120 лѣтъ истребляетъ эта привиллегированная компанія наши сѣверные лѣса и уже очень давно добралась даже до Каргополя,

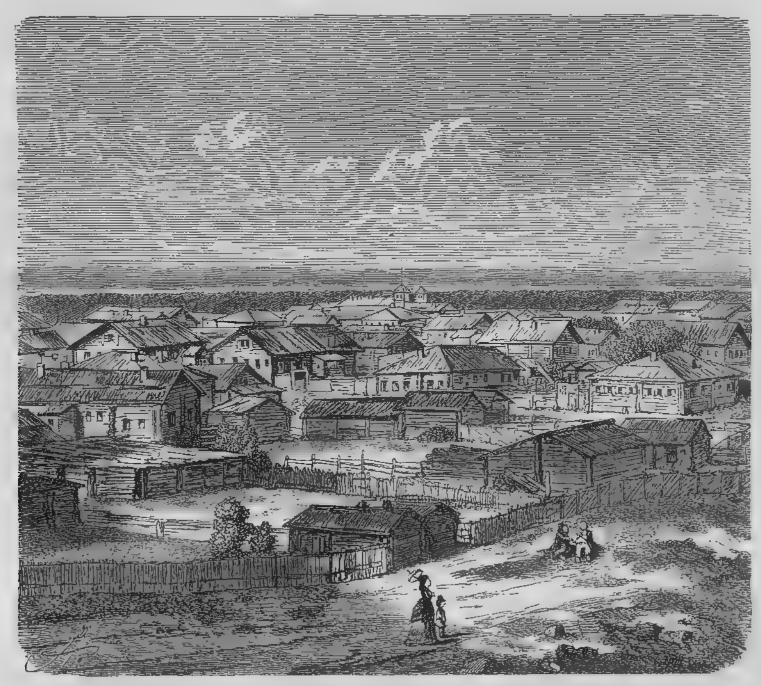

Лавля (селеніе въ 30 верстахъ отъ Архангельска).

оставивъ его теперь въ совершенно безлѣсной пустынѣ. Графы Шуваловы, получившіе монополію на вырубку всѣхъ сѣверныхъ лѣсовъ, передали въ 1760 году всю операцію, по контракту, англійскому купцу Гому. Для скорѣйшаго заведенія и расширенія таковой коммерціи ему выдано было вспоможенія 300 тыс. мѣдною монетою казенныхъ денегъ. Гомъ въ дѣлахъ запутался, казеннаго долга не платилъ, отъ взысканія былъ освобожденъ, но лѣсной торгъ взятъ былъ въ казенныя руки. Рубила и казна, и торговала лѣсомъ, отправляя его изъ Онежскаго порта за границу, и опять сдала все дѣло англичанину Моргану и компаніи, и снова переуступила всю операцію новой торговой компаніи, продолжающей дѣйствовать по настоящее время. Предѣлы статьи не дозволяютъ намъ объяснить всѣ тѣ печальныя послѣдствія хозяйничанья иностранцевъ въ русскихъ лѣсахъ, но слѣды его на столько примѣтны, что одна обмелѣвшая рѣка Онега, съ совершенно засорившимся баромъ и притоками способна послужить достаточнымъ укоромъ. Предѣлы равновѣсія въ природѣ давно здѣсь нарушены и безжалостное истребленіе лѣсовъ представляетъ такой поучительный примѣръ, который не часто встрѣчается и въ другихъ странахъ, неразсчетливо распорядившихся лѣсными богатствами. Отсюда съ холодной земли, изъ истребленныхъ лѣсовъ народъ давно уже потянулся на дальніе заработки, предпочитая Петербургъ, и въ немъ: онежскій народъ — лѣсные дворы, а каргопольскій — кирпичные заводы. Переселенія эти съ каждымъ годомъ увеличиваются.

По истребленнымъ лѣсамъ на западъ лежитъ путь (но не дорога, которая кончается на Онегѣ, а дальше уже не бѣгаютъ почтовыя лошади и не звонитъ колокольчикъ), — морской путь на лодкахъ до городовъ Кеми и Колы. Первая примѣчательна тѣмъ, что изъ острога пере-

именована въ городъ, а получившая такое же переименованіе Кола потеряла даже и это, искуственно навязанное и неподходящее къ ней имя, послѣ того какъ англичане сожгли ее въ 1854 году. О Воскресенскомъ соборѣ, замѣчательномъ постройкою, мы уже упомянули въ своемъ мѣстѣ, а кемскія двѣ церкви на столько не отличаются отъ другихъ, что освобождаютъ отъ труда упоминанія. Вѣрно и неизмѣнно подтверждается впрочемъ и здѣсь высказанная народомъ поговорка,

Видъ города Шенкурска.

что «отъ Холмогоръ до Колы тридцать три Николы» въ силу того глубокаго почитанія къ Мирликійскому чудотворцу, которое издревле питаетъ весь русскій народъ, какъ къ покровителю и заступнику въ трудныхъ морскихъ, рѣчныхъ и озерныхъ плаваніяхъ. Церкви всѣ деревянныя, да и вообще въ архангельскихъ городахъ, очень бѣдныхъ и совсѣмъ не замѣчательныхъ, каменныя зданія, по одному маленькому на каждый уѣздный городокъ, представляютъ собою казенныя казначейскія кладовыя съ присутственными комнатками.

Поражающее сходство и убійственное однообразіе нашихъ городковъ, въ особенности тѣхъ, которые съ такою неразборчивостью и щедростью призваны къ городской жизни учрежденіемъ о губерніяхъ, зависитъ отъ многихъ, но несложныхъ и простыхъ причинъ. Всѣмъ имъ привелось выстроиться на плоской равнинѣ лѣсной области, очень скупо надѣляющей возможностью разнообразиться и украшаться такими видами, какими снабжаютъ охотно холмистыя и гористыя мѣстности. Однообразію строительнаго матеріала сверхъ всего подслужились: одинаковый уровень понятій и требованій при поразительной равномѣрности распредѣленія богатствъ и вынужденной бережливости во всемъ, что можетъ содѣйствовать расширенію требованій и разнообразію вкуса. Господство и власть патріархальныхъ обычаевъ и слѣдованіе завѣту и примѣру отцовъ успокаиваютъ на томъ, что уже придумано и заведено. Заведенное очень удобно и практично отъ внутренняго расположенія жилья до хозяйственныхъ надворныхъ строеній, гдѣ

все обязательно и законно, какъ нормальные чертежи свода законовъ. Новоставленые города — тѣже старозавѣтныя деревни съ нѣкоторыми требованіями къ худшему и неудобному, и борьба городскихъ порядковъ съ деревенскими обычаями находится въ полной силѣ и объемѣ. Надо-

Спасо-Преображенскій и Успенскій соборы въ Холмогорахъ.

бится случайный пріобрѣтатель богатствъ и его личные капризы и оригинальные вкусы, что бы на плоской и сѣрой картинѣ проявлять то тамъ, то въ другомъ мѣстѣ яркія пятна. Быстро разбогатѣвшимъ торговцамъ, ихъ соперничеству и даже чванству другъ передъ другомъ очень часто обязаны бѣдные лѣсные городки тѣми неожиданными украшеніями, которымъ удается

Общій видъ г. Вологды (снятъ съ соборной колокольни).

иногда стать примѣчательностями или курьезами. Такими они и бываютъ въ этой безпорядочной полуразрушенной кучѣ деревянныхъ домовъ, лачужекъ и землянокъ, представляющихъ вторую переходную степень человѣческихъ жилищъ отъ подземной норы до надземнаго строенія, средняго между разборнымъ чумомъ и неподвижнымъ домомъ осѣдлыхъ людей.

Такимъ же деревяннымъ и неприглядньмъ городкомъ представляется городъ Шенкурскъ, который однако стоялъ въ гораздо лучшихъ условіяхъ. Когда-то онъ лежалъ на торговомъ московскомъ пути, славился Евдокіевской ярмаркой; вблизи города существовалъ (при р. Шалошѣ) чугунный литейный заводъ. Въ уѣздѣ сильно проявляла себя промышленная и торговая дѣятельность, до сихъ поръ сохраняющая нѣкоторые серьезные признаки въ десятидневной Благовѣщенской ярмаркѣ бывшаго посада этого же имени (смола — первый товаръ, задатки на отправляемое за море говяжье сало, русскіе и иностранные товары). Четыре монастыря, основаніе которыхъ обязано было усердію частныхъ строителей, бояръ Великаго Новгорода, теперь уже давно не существуютъ (Макарьевскій переведенъ въ городской Шенкурскій).

Городъ Вологда (Набережная лѣвая).

Св. Софія въ Вологдѣ.

Свернувши такимъ образомъ съ прямаго пути по Двинѣ на притокъ ея Вагу, мы забыли упомянуть еще объ одномъ (оставшемся позади) городкѣ Холмогорахъ. На сколько почтенна его древность, мы имѣли случай говорить. Сказали про его коровъ, костяныя издѣлія, про прежнюю торговую славу, которую онъ уступилъ Архангельску еще въ 1584 году и совсѣмъ захудалъ послѣ 1702 года, когда Петръ велѣлъ переѣхать отсюда воеводѣ, а съ 1762 года перебрались и архіереи (первымъ Веніаминъ). Холмогорскій «Спасъ» (Преображенія), построенный

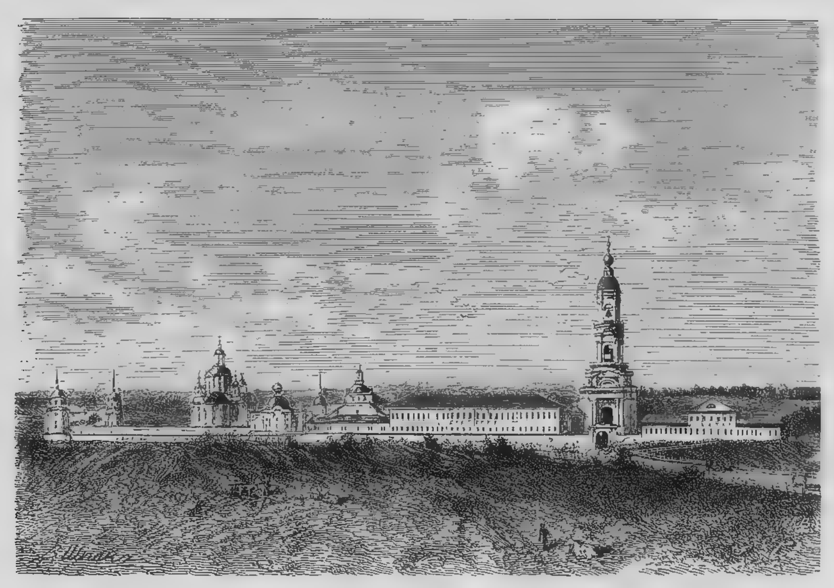
Спасо-Прилуцкій монастырь близъ г. Вологды.

первымъ архіереемъ, извѣстнымъ противникомъ первыхъ расколоучителей, Аѳанасіемъ въ 1691 году, тѣмъ и замѣчателенъ, что хранитъ гробы первыхъ восьми епископовъ холмогорскихъ и архангельскихъ. Тотъ же Аѳанасій выстроилъ въ 1684 году женскій, до сихъ поръ существующій, монастырь, гдѣ его дочь была первой игуменьей и гдѣ впослѣдствіи, при императрицѣ Елисаветѣ, заключено было въ строгое заточеніе несчастное семейство Антона-Ульриха Брауншвейгскаго съ бывшею правительницею Русскаго государства — Анною Леопольдовною. Всего церквей въ Холмогорахъ осталось теперь 8 на 1300 человѣкъ жителей, остальныхъ изъ переселившихся въ Архангельскъ, такъ что 150 прихожанъ, крайнихъ бѣдняковъ и положительно неимущихъ, должны содержать свою приходскую церковь въ должномъ благолѣпіи, а причтъ ея на достаточномъ продовольствіи.

Двина приводитъ насъ къ тому мѣсту, гдѣ она начинается, т. е. гдѣ двѣ многоводныя рѣки, Югъ и Сухона, сливаются вмѣстѣ, образуя высокую прикрутость, типически названную за то «Гледень». Здѣсь, вблизи ея, въ очень древнія времена, собрался и обстроился этотъ городъ — одинъ изъ лучшихъ на лѣсистомъ сѣверѣ, одинъ изъ наиболѣе удачнымъ и счастливымъ образомъ построенныхъ — Устюгъ, прозванный за то «Великимъ». Лѣтопись упоминаетъ объ немъ въ первый разъ еще въ XII вѣкѣ и затѣмъ вспоминаетъ его имя очень часто. Съ 1682 года здѣсь жили архіереи, и соборъ (холодный) представляетъ собою огромное и великолѣпное зданіе, къ которому принадлежатъ еще двѣ церкви. Городскія церкви (и въ двухъ монастыряхъ) всѣ каменныя; много домовъ каменныхъ; прокопьевская (8 іюля) ярмарка была довольно значительною; большой каменный гостиный дворъ; зажиточные купцы по милости Двины и заграничнаго торга; мыловаренные, кожевенные и лѣсопильные заводы, — и все это въ примѣтномъ упадкѣ теперь, за безсиліемъ уменьшающагося населенія. Здѣсь въ настоящее время на 28 церквей и

2 монастыря 8 тыс. жителей, т. е. съ небольшимъ вдвое противъ Холмогоръ, обязательныхъ радѣтелей и охранителей каменныхъ Божiихъ храмовъ.

Путь вверхъ по Сухонѣ приводитъ къ устьямъ судоходной рѣки Вологды. Вверхъ по Вологдѣ, въ низменномъ и болотистомъ мѣстѣ лежитъ тотъ городъ, имя котораго столь часто приводилось намъ упоминать выше. Вопреки обычая всѣхъ городовъ, расположившихся на

Спасо-Суморинъ монастырь въ Тотьмѣ.

одномъ берегу избранной рѣки и вызвавшемъ на другомъ пригородныя слободы, Вологда увѣренно и широко раскинулась на обоихъ берегахъ, воспользовавшись также тѣмъ существеннымъ преимуществомъ, что близкiй водораздѣлъ успѣлъ здѣсь неожиданно выразиться для окрестнаго населенiя наиболѣе благопрiятными условiями почвы и климата. Здѣсь сплошной земледѣльческiй оазисъ, благодаря чернозему: около города растутъ огородныя овощи и яблони, подъ самымъ городомъ рѣка его становится судоходною. Разбросанная, вслѣдствiе старой привычки большихъ городовъ, на привольѣ и между прочимъ подъ принужденiемъ болотистой почвы, Вологда по обширности принадлежитъ къ пространнымъ городамъ русскимъ. Когда еще не были открыты балтiйскiе порты, здѣсь было складочное мѣсто товаровъ, отправляемыхъ къ Архангельску, и по примѣру послѣдняго, имѣлись конторы иностранныхъ негоцiантовъ, которые однако не замедлили перебраться сѣвернѣе, какъ только увидѣли, что торговой корысти предстоитъ большое испытанiе и опасность съ запада. До того времени на возрастанiе города имѣло влiянiе еще и то, что здѣсь произошла встрѣча колонизацiи сѣверной съ той, которая направлялась съ юга изъ Ростовско-Суздальской земли. Слѣды ея до сихъ поръ очевидны даже въ народномъ говорѣ, не смотря на то, что движенiе на востокъ въ Сибирь слишкомъ сильно и облегчено направленiемъ естественныхъ путей по рѣкамъ. Впрочемъ и до послѣдняго времени нѣкогда знаменитая годовая ярмарка (съ 6 января по 2 февраля) разыгрывалась не на открытомъ воздухѣ, кочевымъ способомъ, а въ крытомъ помѣщенiи общественнаго зданiя. Во времена-же отдаленныя Вологда была на столько цвѣтущимъ городомъ, что сумѣла соблазнить Ивана Грознаго, сколько близостiю къ открытому Ченслеромъ пути въ иностранныя государства, столько-же и удаленiемъ отъ Литвы, татарскихъ набѣговъ, отъ крамольныхъ городовъ и ненавистной ему Москвы. Въ замѣнъ

Александровской слободы, царь думалъ, какъ говоритъ преданіе, перебраться сюда на житье. Уже начали, по царскому приказу, копать рвы для городской стѣны, по подобію Смоленской, уже самъ царь успѣлъ не одинъ разъ побывать здѣсь и заложить обширный каменный соборный храмъ и, по московскому обычаю, указалъ переименовать его изъ Софійскаго въ Успенскій, но разъ (какъ повѣствуетъ мѣстное преданіе), осматривая работы, Иванъ Грозный получилъ ударъ въ голову отъ упавшаго изъ свода камня. Царь разгнѣвался, приказалъ-было разобрать всю церковь, но смягчился просьбою посадскихъ людей и дозволилъ кончать работы. Въ самомъ дѣлѣ, новый храмъ не былъ освященъ до времени совмѣстнаго царствованія Іоанна и Петра Алексѣевичей.

Вологодская Софія, ея *Спасъ* (Спасъ по тому, что храмы, называвшіеся софійскими, посвящались Ипостасной Премудрости, т. е. Второму Лицу Св. Троицы) господствуетъ и выдѣляется изо всѣхъ другихъ зданій этого древняго города, который преподобный Герасимъ зазналъ еще въ 1147 году. Сама Софія и отдѣльно-стоящій отъ нея теплый соборъ, второй Спасъ (Воскресенскій) служатъ характернымъ украшеніемъ города даже и при такомъ множествѣ церквей (51 съ двумя монастырями). Были въ городѣ и такія церкви, которыя по древнему обычаю, во время народныхъ несчастій строились изъ бревенъ въ одинъ день («обыденныя»), но были въ древнія времена и каменныя. Хотя всѣ эти церкви невелики, но кирпичъ для нихъ и кафли приходилось вывозить изъ отдаленныхъ земель. Нынѣшнія каменныя городскія церкви въ лѣсной сторонѣ въ такомъ числѣ (всего при 18 тыс. жителей, дѣлающихъ Вологду однимъ изъ самыхъ малолюдныхъ губернскихъ городовъ), — служатъ очевиднымъ контрастомъ древнихъ временъ съ новѣйшими и нынѣшними. Въ этомъ отношеніи упадокъ города значеніемъ своимъ сравнительно меньше только одного лишь Каргополя, въ которомъ на 2 тысячи жителей завѣщала богомольная и богатая старина 28 церквей и 1 древнѣйшій монастырь *(Спасскій)*. Въ четырехъ верстахъ отъ Вологды съ 1371 года существуетъ весьма чтимый всѣмъ населеніемъ монастырь *Спаса* Прилуцкаго, основанный преп. Димитріемъ, а на хрящеватомъ острову озера Кубенскаго находится Бѣлавинская пустынь, нѣкогда знаменитый монастырь *Спасъ* Каменный.

По увлеченію естественной связью городовъ, установленною столь удобными путями сообщенія, вернемся назадъ на сѣверъ по Вологдѣ, Сухонѣ и Двинѣ, въ большой притокъ послѣдней — рѣку Вычегду. На ней вблизи устья остановимся въ г. Соль-Вычегодскѣ, чтобы полюбоваться огромною здѣшнею церковью — соборомъ, построеннымъ Строгоновыми и замѣчательнымъ по древности иконъ, по богатству одеждъ, сосудовъ и прочей церковной утвари. Въ ризницѣ, между прочими сокровищами, сохраняется холстинный саккосъ, покрытый снаружи живописными образами и событіями изъ священной исторіи и принадлежавшій, по преданію, Св. Стефану Великопермскому. У собора фамильные гробы Строгоновыхъ, во Введенскомъ монастырѣ соборная церковь, столь-же огромная, какъ и городская, также построена (въ 1688 г.) однимъ изъ Строгоновыхъ. По наружной отдѣлкѣ она можетъ равняться только съ Васильемъ Блаженнымъ, а внутри представляетъ фронтоны и колонны, высѣченные изъ бѣлаго камня, стѣны, украшенныя разноцвѣтными кафлями.

Больше древностей и примѣчательностей ни въ Вологдѣ, ни въ Вычегодской Соли нѣтъ: пожары, которые несомнѣнно свыше пяти разъ измѣнили всю деревянную Русь на-ново, жгли Вычегодскій соборъ два раза (снаружи), а въ Вологдѣ такимъ бѣдствіямъ и счетъ потерянъ. Они истребили и каменные памятники, и всѣ бумажныя свѣдѣнія объ нихъ.

Опять вернемся назадъ—въ Тотьму, лежащую на лѣвомъ берегу Сухоны (при впаденіи въ нее рѣки Тотьмы) съ 11-ю церквами, впереди которыхъ вырѣзаются величественныя церкви тотемскаго *Спасо*-Суморина монастыря, основаннаго преподобнымъ Ѳеодосіемъ и пользующагося особеннымъ уваженіемъ, кромѣ Вологодской, во всей сѣверной части Костромской и сосѣднихъ губерній. Канонизація святаго и открытіе мощей послѣдовали въ 1798, и императоръ Павелъ соорудилъ богатую серебряную раку. Въ двухъ верстахъ отъ города находится Старое Усолье, гдѣ соль вываривается изъ такъ называемаго дѣдичнаго колодца, глубиною въ 95 саженъ; а въ сорока

верстахъ извѣстныя Леденгскія варницы съ колодцемъ въ 40 саженъ и соленымъ разсоломъ, чистымъ какъ хрусталь, бьющимъ фонтаномъ прямо въ жолобъ.

На зырянской столицѣ—Усть-Сысольскѣ, нѣтъ серьезныхъ основаній останавливаться, точно также какъ и въ новомъ, Екатерининскомъ же, городѣ Никольскѣ, лежащемъ на р. Югѣ, по обѣ стороны двухъ сухихъ овраговъ (въ немъ всего одна церковь и 1,800 жителей, какъ въ какомъ нибудь не очень богатомъ селѣ).

Никольскъ.

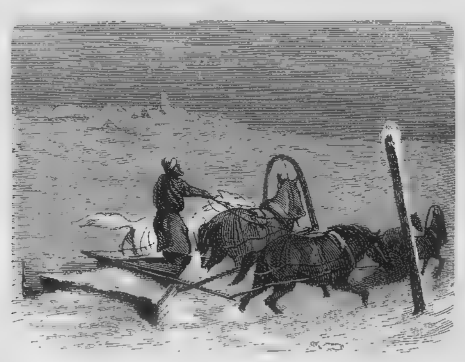
Точно также не имѣетъ никакихъ примѣчательныхъ предметовъ маленькій городокъ или, постарому, острогъ Пустозерскъ. Всѣ его особенности заключаются лишь въ томъ, что онъ—одинъ изъ самыхъ сѣверныхъ селеній Русской земли, что нѣкогда онъ, въ значеніи укрѣпленнаго мѣста, умѣлъ отстоять русскія поселенія на р. Печорѣ отъ нападеній карачеевъ-самоѣдовъ, народа оказавшагося наиболѣе прочихъ воинственнымъ, и что городокъ былъ нѣкогда ссыльнымъ мѣстомъ, гдѣ страдали въ строгомъ заточеніи: А. С. Матвѣевъ, В. В. Голицынъ—любимецъ царевны Софіи Алексѣевны, и сожжены живыми въ деревянныхъ срубахъ извѣстные зачинщики раскола старообрядства: протопопъ Аввакумъ, протопопъ Никифоръ, распопа Лазарь и старецъ Епифаній. Небольшая торговля рыбой, саломъ морскихъ звѣрей, пушными звѣрями и лосиной выдѣляетъ его на болѣе видное мѣсто среди бѣдныхъ селеній отдаленнаго Печорскаго края. Городокъ лежитъ на косѣ озера Пустаго, давшаго ему свое имя, во 100 верстахъ отъ устья и почти въ 2 тысячахъ верстъ отъ своего губернскаго города Архангельска.

Всѣ эти города, направленіемъ торговаго пути ихъ жителей, указываютъ намъ путь на востокъ, и прямо къ концу и на выходъ. «Суть горы (разсказывалъ Гюрята Роговичъ, по свидѣтельству «Повѣсти временныхъ лѣтъ») — суть горы заидуче въ луку моря, имъ же высота аки до небеси и въ горахъ тыхъ кличь великъ и говоръ, и сѣкуть гору, хотяще просѣчися. И есть

въ горѣ той просѣчено оконце мало и туда молвять, не разумѣти языку ихъ, но кажуть желѣзо и помаваютъ рукою, просяще желѣза, и аще кто дастъ имъ желѣзо, или ножъ, или сѣкиру и они даютъ скорою (мѣхами) противу.» Про это оконце прознали новгородскіе люди, насельщики дремучихъ лѣсовъ, обреченные суровою природою (по вычисленію лѣтописцевъ) на одинъ голодный годъ изъ тринадцати и на одну повальную болѣзнь въ теченіе двадцати, и, съ испытаннымъ терпѣніемъ и опытностію «хотяще просѣчися», — просѣклись.

По лѣсамъ южной части Усть-Сысольскаго уѣзда шли на Кай-городокъ, Соликамскъ и Чердынь. Вверхъ по р. Вишерѣ достигали до того мѣста, гдѣ она подходитъ къ самымъ горамъ, и по ея притокамъ добирались до хребта. Перебравшись черезъ него, шли уже по другую его сторону горами: Денежкинымъ Камнемъ и Журавлинскимъ на рѣчку Тальтію до г. Лозвинска, въ Тавду и Тоболъ. Здѣсь, въ 1587 году, основанъ былъ городъ Тобольскъ, «царствующій градъ» всей Сибири, къ настоящему времени и въ свою очередь успѣвшій вмѣстѣ съ Верхотурьемъ также захудать по закону всѣхъ сѣверныхъ городовъ и въ пользу южныхъ (Тюмени, Омска, Томска). Однако на крутой горѣ надъ Тоболомъ, въ каменной крѣпости Тобольскаго города, сохраняется храмъ Святой Софіи въ наглядное доказательство прямой связи и зависимости колонизаціи по отдаленному преемству отъ византійской черезъ кіевскую и полоцкую, и по ближайшему и родному, черезъ Софію вологодскую и соликамскую отъ Новгорода, который — по древней пророческой народной пословицѣ, только «тамъ, гдѣ Святая Софія.»

С. В. Максимовъ.

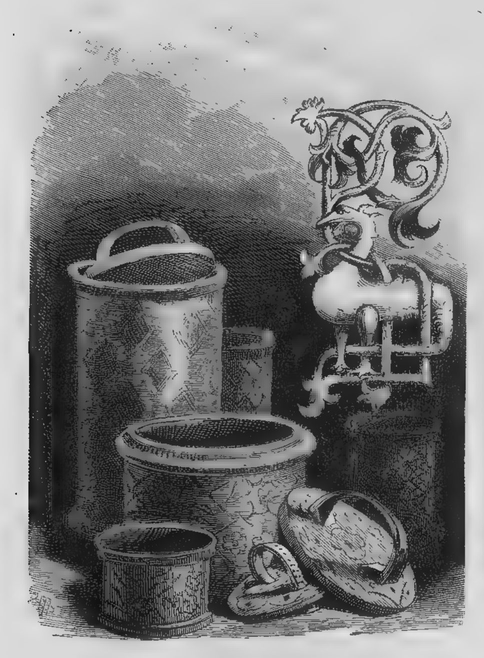
Расчистка снѣжной дороги.

ОЧЕРКЪ XI.

ВОТЧИНА ЗОСИМЫ И САВВАТІЯ.

Соловецкая обитель и ея основатели: Савватій, Германъ и Зосима. — Исторія монастыря. — Стратегическое значеніе Соловковъ. — Соловецкое сидѣнье. — Петръ Великій въ Соловкахъ. — Дальнѣйшая исторія обители. — Англичане предъ монастыремъ. — Природа Соловковъ. — Богомольцы. — Гостинница. — Святое озеро. — Огороды. — Кузница. — Кирпичный заводъ, точильня, доки, мельница, рыбные промыслы. — Экономическое положеніе Соловковъ. — Школа. — Библіотека. — Больница. — Стѣны. — Тюрьма. — Трапеза. — Муксальма и ея ферма. — Сѣкирная гора и скитъ. — Савватьевская пустынь. — Анзеры.

Горе, невзгоды житья подневольнаго,
Участь тяжелая, злая печаль —
Много несчастнаго люда, бездольнаго
Съ родины гонятъ въ безвѣстную даль.
Мало отраднаго! скалы лишь дикія,
Лѣсъ да каменья пришельцы найдутъ,
Но возраждаетъ свободный ихъ трудъ
И совершаетъ дѣла онъ великія.

Деревянная монастырская утварь.

Въ царствованіе благовѣрнаго государя и великаго князя Василія Васильевича Владимірскаго и Московскаго и всея Россіи, — записалъ лѣтописецъ Соловецкій въ своемъ сказаніи о началѣ и дальнѣйшемъ развитіи Соловецкаго общежительства, — «и во дни великаго князя Бориса Александровича Тверскаго и великаго князя Өедора Ольговича Рязанскаго, при бывшемъ тогда изъ грековъ митрополитѣ Фотіѣ всея Россіи и новгородскомъ архіепископѣ Евфиміи Брадатомъ», жилъ въ Кирилло-Бѣлозерской обители инокъ Савватій. Не окончилось еще на Руси то шатаніе, которое такъ губительно дѣйствовало на ея силы и единство дѣйствій въ борьбѣ съ юговосточными врагами — татарами и сильнымъ врагомъ на юго-западѣ — Польшею; вѣчныя княжескія распри и войны истощали силы народныя, а внутреннія неурядицы въ отдѣльныхъ княжескихъ владѣніяхъ еще сильнѣе гнели массы. Часто невтерпежъ приходилось людямъ и приходилось имъ задумываться о томъ, какъ бы «грѣха избыть» и искать спасенія духовнаго и счастья тамъ, куда не могли проникнуть людскія дрязги и усобицы. Люди сильные духомъ, проникнувшись чтеніемъ житій древнихъ христіанскихъ подвижниковъ, издавна оставляли грѣховный и полный

треволненій міръ и уходили въ пустыни, а за неимѣніемъ ихъ, въ лѣса вѣковѣчные, въ тѣ громадныя пространства, которыя представлялись старинному русскому человѣку полными таинственности и борьбы, гдѣ можно было быть ближе къ природѣ, а слѣдовательно и къ божеству, въ созерцаніи его созданія. Уходилъ такой искатель уединенія и подвиговъ въ дремучіе лѣса, ставилъ крестъ неизмѣнный и истовый, т. е. восьмиконечный, а подлѣ него гдѣ нибудь на полянѣ и себѣ рубилъ «хижу», только было бы гдѣ укрыться отъ непогоды, зимняго холода и лютаго звѣря; за первымъ пришельцемъ приходили другіе, селились съ его разрѣшенія подлѣ него не для новыхъ споровъ и дрязгъ, а для взаимопомощи и для общаго служенія воодушлявшей ихъ идеѣ; зерно общежитія было положено, а съ тѣмъ вмѣстѣ и начало того нравственнаго и практически цивилизующаго вліянія, которое оказывали эти передовые пикеты культурности, состоявшіе изъ лучшихъ людей того времени, на окружавшихъ эти общежитія туземцевъ. Такимъ-то культурнымъ пунктомъ былъ въ свое время Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, скоро достигнувшій значительнаго многолюдства, а потому и не удовлетворявшій уже тѣмъ изъ своихъ обитателей, которые бѣжали шума и многолюдія и лишь въ уединеніи видѣли спасеніе; по всѣмъ вѣроятіямъ, таковы были причины, заставившія Савватія искать новыхъ, болѣе пригодныхъ для его цѣлей мѣстъ, и только въ строгости его отношенія къ предпринятому имъ на себя долгу слѣдуетъ видѣть объясненіе того, что онъ не долго ужился на Бѣломъ озерѣ; лѣтописцу не нужно было объяснять этого — для него вѣроятно слишкомъ понятно было нежеланіе Савватія оставаться въ многолюдномъ монастырѣ. Пошелъ Савватій искать уединенія еще далѣе на сѣверъ, прожилъ нѣкоторое время на Валаамѣ, но, не найдя и здѣсь удовлетворенія своихъ стремленій, ушелъ снова далѣе, на рѣку Выгъ, встрѣтился здѣсь съ такимъ же искателемъ одиночества и подвиговъ, Германомъ, и наконецъ, вмѣстѣ съ этимъ послѣднимъ утвердился въ 1429 году на пустынномъ островѣ Соловецкомъ близъ горы Сѣкирной, въ 12 верстахъ отъ нынѣшняго монастыря. Не долго однако пожилъ Савватій въ новомъ мѣстѣ и скончался уже въ 1435 году. Но не суждено было островку загинуть по смерти перваго его насельника, такъ какъ остался въ живыхъ Германъ, который облюбилъ островокъ и, видимо, только и мечталъ о томъ, какъ бы устроиться на немъ. Единичныя силы, однако, были слишкомъ недостаточны для поселенія въ такомъ пустынномъ мѣстѣ и поневолѣ приходилось пріискивать себѣ товарища, единомысленника и собрата по идеямъ, привычкамъ и идеаламъ. Судьба, видимо, благопріятствовала Герману, такъ какъ на слѣдующій же годъ такой именно собратъ явился къ нему на помощь; потерявъ все, что было для него дорого въ жизни, а именно отца и мать, и раньше уже жившій отшельникомъ близъ роднаго своего села — Толвуя, Зосима роздалъ все имѣніе свое неимущимъ и, предавшись въ цѣлости идеѣ спасенія души, пошелъ къ Бѣлому морю, встрѣтился здѣсь съ Германомъ и въ томъ же году уже поселился съ нимъ на томъ же Соловецкомъ островѣ. Такъ положено было начало Соловецкому монастырю — этой духовной твердынѣ Россіи, этому позднѣйшему смѣлому защитнику излюбленной старины, съ оружіемъ въ рукахъ сопротивлявшемуся московскимъ воинскимъ командамъ, этому желанному мѣсту простонароднаго русскаго пилигримства, этой странной, сильной и удачно сложившейся иноческой общинѣ, наглядно доказывающей, на что способенъ русскій человѣкъ, когда онъ развивается вполнѣ самостоятельно и долженъ надѣяться лишь на себя самого, безъ опеки и сторонней помощи; правда, есть и другія стороны у этой монашеской общины, но тѣмъ не менѣе она все же остается великимъ проявленіемъ русскаго ума и самодѣятельности.

Изъ края въ край, по всей Руси извѣстно Соловецкое общежительство и десятки тысячъ несчастныхъ приходятъ сюда ежегодно искать утѣшенія, а можетъ быть и примиренія съ своею совѣстью; голодные, плохо одѣтые, питаясь лишь доброхотными дачами и Христовымъ именемъ, идутъ эти десятки тысячъ люда русскаго и приносятъ въ Соловки свои немногіе гроши, добытые неустаннымъ трудомъ и лишеніями. Но не этими лишь грошами живутъ Соловецкіе монахи, а и

Внутренность соборнаго храма въ Соловкахъ.

прямымъ, непосредственнымъ трудомъ народа, являющагося «поработать на преподобныхъ». Вся сила монастыря и общины Соловецкой въ этомъ даровомъ трудѣ, и заслуга иноковъ заключается лишь въ разумномъ и цѣлесообразномъ направленіи этого труда на пользу и благостояніе общежительства; далеко конечно уклонились Соловецкіе иноки отъ тѣхъ идеаловъ, которые волновали Савватія, Германа и Зосиму; вслѣдствіе различныхъ стороннихъ причинъ самый монастырь потерялъ нѣкоторую долю своего значенія и обратился въ простое ссылочное мѣсто, но четырехсотъ пятидесятилѣтняя исторія обители, часто являвшейся защитницею чисто русскихъ, народныхъ и въ особенности мѣстныхъ интересовъ, громко свидѣтельствуетъ за себя передъ народомъ, и долго еще останутся Соловки съ тѣмъ ореоломъ славы, который они добыли себѣ въ продолженіе долгой своей жизни. На варницахъ монастырскихъ и салотопняхъ, на промыслахъ обительскихъ и на другихъ подѣлкахъ мѣстный житель всегда находилъ вѣрный и неизмѣнный заработокъ, а въ лихія годины безхлѣбицы и общей голодовки всегда широко растворялись двери монастырскихъ амбаровъ и житницъ, такъ какъ монастырь, какъ добрый хозяинъ, ясно сознавалъ, что хлѣбная помощь, оказанная голодному окрестному населенію, будетъ впослѣдствіи ему же самому на пользу, такъ какъ этою помощью поддерживались силы его же собственнаго будущаго работника. Такимъ образомъ, кромѣ чисто духовнаго значенія Соловковъ, какъ мѣста, прославленнаго трудами и подвигами разныхъ святыхъ народныхъ, и историческаго ихъ значенія, какъ постоянныхъ стоятелей за народное дѣло, существуетъ еще и экономическое ихъ значеніе, какъ значительнаго центра съ не менѣе значительнымъ спросомъ на трудъ и работу. Понятно, что народъ хорошо знаетъ Соловки, и нѣтъ мѣста на Руси, гдѣ не гремѣла бы слава о великой обители и чувство благоговѣнія не возбуждалось при упоминаніи о монастырѣ.

Тихо и неспѣшно подвигались работы по постройкѣ церкви и обители, предпринятыя подвижниками, а между тѣмъ слухъ о прелести отшельническаго острова и удобствѣ его для спасенія души распространился по всему Поморью, и охотно сходилась честная братія къ Зосимѣ и Герману, честное и полное святости житіе которыхъ стало уже извѣстнымъ окрестному люду; приходилось подумать объ освященіи церкви и о положеніи игумена для вновь формирующейся обители; въ силу этого Зосима отправилъ въ Новгородъ одного изъ иноковъ къ архіепископу Іонѣ, который и опредѣлилъ игуменомъ на Соловки Павла, не долго однако ужившагося на негостепріимномъ островѣ. Только при третьемъ по счету игуменѣ монастырь получилъ возможность менѣе заботиться о дальнѣйшемъ своемъ существованіи, обезпечиваемомъ особою владѣнною граматою, выхлопотанною иноками «отъ господина преосвященнаго архіепископа Новограда и Пскова, владыки Іоны, господина посадника Новаграда, степеннаго Ивана Лукинича и старыхъ посадниковъ, господина тысяцкаго Великаго Новаграда, степеннаго Трифона Юрьевича и старыхъ тысяцкихъ и бояръ и житенныхъ людей и всего господина государя Нова-Града, всѣхъ пяти концовъ на Вѣцѣ, на Ярославлѣ дворѣ». Этою граматою «игуменъ Ивона и всѣ старцы Святаго Спаса и Святаго Николы съ Соловцевъ, съ моря Окіяна», въ виду того, что обитель ихъ «отъ міра удалѣла на 100 верстъ отъ людей», надѣлялись какъ островами Соловецкими, такъ и островами Анзеры, Муксалмы, Заяцкимъ и нѣсколькими менѣе значительными; имъ предоставлялось владѣть на тѣхъ островахъ «землею, и ловищами, и тонями, и пожнями, и лѣшими озеры»... «дѣлати земля имъ, и пожне косить и лѣшія озера ловити и тонѣ ловити добровольно». За нападки на дарованную монастырю собственность постановлено было на вѣчѣ брать «Великому Нову-городу 100 рублевъ въ стѣну», а вмѣстѣ съ тѣмъ положено боронити игумена и всѣхъ старцевъ всѣмъ Великимъ Новымъ-Городомъ». Устроившись такимъ образомъ, обитель скоро стала богатѣть и мало-по-малу развивать свою культурно-экономическую дѣятельность, какъ на самыхъ островахъ, такъ и по берегамъ Бѣлаго моря и въ немъ самомъ; монастырь выстроилъ себѣ суда, на которыхъ монахи ходили на морскіе промыслы, на берегу монахи добывали соль, топили сало изъ убитыхъ тюленей, пластали,

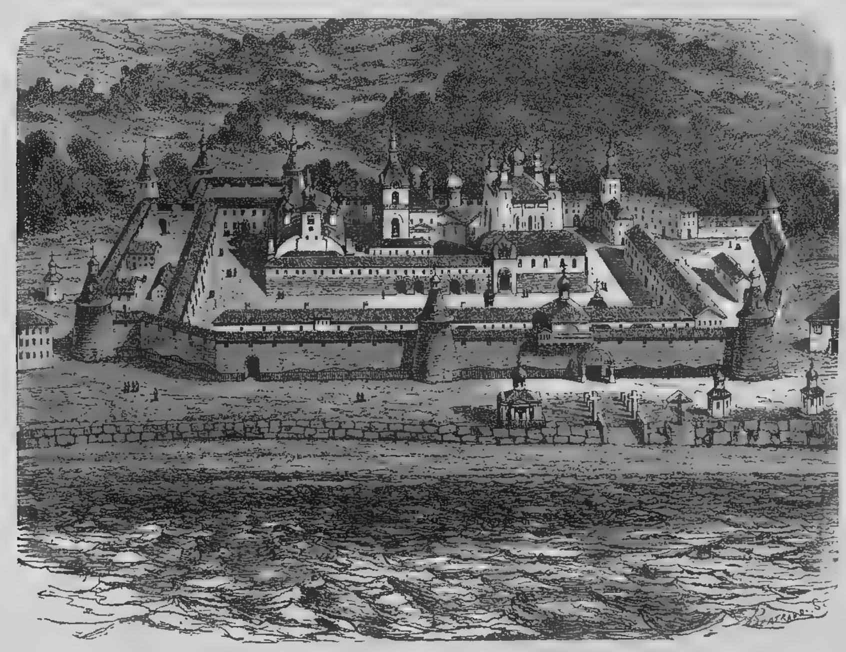
готовили въ прокъ и солили, и вялили наловленную рыбу и съ каждымъ годомъ все шире и шире развивали свою дѣятельность, полезную для нихъ самихъ и для всего негусто населеннаго края. Приходилось однако братіи бороться съ «новгородскими боярскими людьми и береговыми корельскими помѣщиками», которые, видимо, не хотѣли признавать силу владѣнной граматы и постоянно вторгались для промысла во владѣнія Соловецкія; только благодаря личной

Икона, изображающая основателей Соловецкаго монастыря.

поѣздкѣ въ Новгородъ самого Зосимы, котораго братія избрала наконецъ въ игумены, въ виду того, что всѣ до него бывшіе «не привычны были къ приморскому житію и оставляли свое начальство», удалось наконецъ хотя отчасти отвратить на будущее время набѣги новгородскихъ вольныхъ людей на «вотчину Св. Спаса и Св. Николы»; не обошлось конечно безъ значительныхъ пожертвованій въ ризницу обители, а Марѳа Борецкая дала монастырю въ задушбину деревню свою на Сумѣ-рѣкѣ, т. е. нынѣшній Сумскій посадъ. До самаго 1548 года жизнь монастырская шла обычнымъ путемъ, безъ особенно значительныхъ измѣненій, какъ во внутреннемъ строѣ, такъ и въ средствахъ къ существованію братіи; но начиная съ этого года посыпались на братію царскія милости и щедроты, такъ какъ въ игумены поставленъ былъ родственникъ ближнихъ царскихъ людей и любимецъ царя Іоанна Васильевича Грознаго—Филиппъ Колычевъ; не считая уже разныхъ драгоцѣнныхъ вещей и болѣе или менѣе значительныхъ суммъ, жертвованныхъ царемъ, то на построеніе церкви, то на вылитіе колокола, то на поминъ души той или другой

царицы, Іоаннъ постоянно дарилъ монастырю цѣлыя деревни, угодья, рыбные промыслы и варницы и, благодаря этой особенной царской милости къ его игумену, монастырь скоро сдѣлался чуть ли не самымъ богатымъ монастыремъ въ Россіи. Но не одними лишь своими личными отношеніями къ царю и щедротами послѣдняго былъ Филиппъ полезенъ Соловкамъ; и еще большаго вниманія заслуживаютъ его заботы о внутреннемъ устройствѣ монастыря и о приспособленіи его территоріи къ возможно большей производительности, возможно болѣе удобному жительству; онъ видѣлъ напримѣръ, что братія дурно питается вслѣдствіе недостатковъ хозяйствен-

Общій видъ Соловецкаго монастыря.

ности, и потому употребилъ всѣ зависѣвшія отъ него мѣры къ тому, чтобы по возможности исправить пищу и тѣмъ придать трудящимся большія силы; онъ развелъ на Соловецкомъ островѣ значительныя стада оленей, потомки которыхъ живутъ тамъ и до сихъ поръ, а на Муксалмахъ— коровъ; надо было устроить собственную мельницу, и онъ не остановился передъ громаднымъ предпріятіемъ провести въ пригодное мѣсто воду изъ 52 окрестныхъ озеръ; не хватало кирпича — онъ строилъ заводъ и училъ желающихъ дѣлать кирпичи; пути сообщенія были трудны и неудобны — онъ строилъ повсюду дороги; самъ затиралъ квасы, если хотѣлъ ихъ улучшить, самъ былъ вездѣ и повсюду — однимъ словомъ, былъ для монастыря такимъ хозяиномъ, какого тамъ впослѣдствіи больше уже не бывало. Скоро однако Филиппъ подпалъ подъ опалу своего бывшаго друга, хотя опала эта и не перешла на обитель, уваженіе къ которой царя было такъ велико. Съ этого момента въ воззрѣніяхъ московскихъ царей является нѣкоторый переворотъ; они уже не смотрятъ на вотчину Св. Зосимы и Савватія лишь какъ на мѣсто спасенія духовнаго, и готовы видѣть въ ней какой-то самъ собою возникшій оплотъ отъ внѣшнихъ враговъ, предъ которыми Россія тогдашняя была еще такъ слаба. Уже въ 1578 году царь Иванъ Васильевичъ, вмѣсто денежныхъ вкладовъ и цѣнныхъ подарковъ, жалуетъ игумену Варламу съ братіею «4 огнестрѣльныя мѣдныя пищали разной величины, да къ нимъ ядеръ желѣзныхъ 400, ручницъ 100, да пороху 115 пудъ», а въ 1594 году московское правительство прямо

посылаетъ Ивана Яхонтова и «начальныхъ особъ съ прочими для обозрѣнія строющейся крѣпости и собранія къ оной въ помощь изъ монастырскихъ волостей людей». Въ томъ же году постройка крѣпости окончена, причемъ лѣтописецъ называетъ и строителя ея—монаха Трифона. Такой взглядъ на Соловецкій монастырь со стороны московскаго правительства, можетъ быть объясненъ тѣмъ, что въ воздухѣ чувствовалась уже гроза при тогдашнихъ вѣчныхъ войнахъ съ Польшею и при томъ неопредѣленномъ положеніи, въ которомъ находилась Россія по отношенію къ Швеціи; уже въ 1611 году мы находимъ въ лѣтописи извѣстіе о томъ, что «писали къ игумену Антонію съ рубежа нѣмецкіе военачальники на девяти листахъ убѣжденіе о сдачѣ имъ Сумскаго острога во владѣніе; но игуменъ въ такомъ ихъ требованіи отказалъ имъ; а какъ въ то же время съ шведской стороны появились въ Поморьѣ отряды служивыхъ людей, пробиравшихся до Соловецкаго острова, то для охраненія онаго и поморскихъ волостей присланы были немедленно изъ Москвы въ Сумскій острогъ воевода Максимъ Лихаревъ, да голова Елизарій Бесѣдной съ прочими начальниками и рядовыми военнослужителями». Конечно, эти отдѣльные, небольшіе шведскіе отряды никогда не отваживались нападать на твердыни соловецкія, но отъ этого не было покойнѣе волостямъ соловецкимъ, гдѣ шведы жгли и грабили безъ разбора и отнимали всякое имущество; иногда русскимъ отрядамъ удавалось настигать грабителей, но вообще чувствовался недостатокъ вооруженной силы, занятой въ болѣе близкихъ къ Москвѣ мѣстностяхъ, и непріятель почти всегда уходилъ восвояси безнаказанно и притомъ обремененный богатою добычею. Но не одни лишь шведы безпокоили Соловецкія волости и къ безчинствамъ ихъ скоро присоединились грабежи тѣхъ шаекъ всякаго сброда, которыя въ смутный періодъ разбрелись по всей Россіи; зимою 1613 года одна изъ такихъ шаекъ доходила до самой Кандалакши и не съ пустыми руками ушла назадъ, хотя опять-таки не рискнула напасть на монастырь Соловецкій; многочисленные остатки окоповъ, а также и цѣлыя массы кургановъ, извѣстныхъ подъ именемъ «панскихъ» или «ляшскихъ могилъ», свидѣтельствуютъ о томъ, какую тяжкую эпоху пережилъ монастырь въ періодъ самаго междуцарствія и въ нѣсколько послѣдующихъ за тѣмъ годовъ. Такъ жилъ и развивался Соловецкій монастырь до того времени, когда Сѣверъ и Бѣлое море обратили на себя вниманіе высшаго правительства и мудрый преобразователь Россіи захотѣлъ во очію узнать, чего можно ждать отъ сѣверной русской окраины.

А между тѣмъ въ жизни монастыря случилось такое происшествіе, какого не знаетъ въ своей исторіи ни одна другая обитель русская, а именно осада и взятіе монастыря войсками, присланными изъ Москвы для усмиренія противящейся царскому указу братіи. Еще въ 1656 году присланы были въ Соловки изъ Москвы новопечатныя книги и новоисправленные служебники, но монахи, вѣрные преданіямъ отцовъ, наотрѣзъ отказались принять эти «новшества и непотребныя Никоновы измышленія» и поставили всѣ вновь присланныя книги въ сундукахъ за печатью въ оружейной палатѣ. Уроженцы Олонщины и Поморья — они поневолѣ должны были выказать туже не терпимость къ новшествамъ, какая породила расколъ въ этихъ мѣстностяхъ, а преданія, сохранившіяся отъ основателей монастыря, должны были еще болѣе укрѣпить ихъ въ правотѣ старыхъ порядковъ; кресты Зосимы и Савватія были осьмиконечны, а «аллилуйя» искони говорилась въ церквахъ сугубо, въ противность увѣреніямъ Никона. Здѣсь не мѣсто конечно разбирать, кто былъ правъ въ этомъ спорѣ, стоившемъ столько крови, и возможно ли было вообще въ немъ быть правымъ, но замѣтимъ лишь, что, не принявъ московской присылки, монастырь высказалъ лишь всеобщее убѣжденіе всего сѣвера Россіи и сдѣлался, такъ сказать, выразителемъ воли народной; борьба его не была лишь пустою борьбою нѣсколькихъ упрямыхъ стариковъ съ новымъ вѣяніемъ, а была порождена, какъ и самъ монастырь, общимъ духомъ сѣвернорусскаго населенія, а потому вопросъ о покореніи монастыря сдѣлался крайне важнымъ для Москвы; потерять сѣверную Россію она конечно не могла, такъ какъ никто конечно и не думалъ, да и не могъ думать здѣсь объ отложеніи отъ Москвы, но за то она могла потерять

значительную долю своего и безъ того слишкомъ незначительнаго вліянія на эту окраину. Цѣлыхъ одиннадцать лѣтъ однако, за другими дѣлами, Москва не принимала, да и не могла принять строгихъ мѣръ противъ ослушниковъ-монаховъ; но наконецъ мѣра долготерпѣнія переполнилась, когда Соловецкая братія выгнала изъ монастыря прежняго и вновь назначеннаго архимандритовъ; тотчасъ же былъ посланъ изъ Ярославля въ Соловки архимандритъ Сергій, которому тщательно рекомендовалось увѣщевать отвергающихъ новоисправленныя книги и уговорить ихъ къ соглашенію. Самъ лѣтописецъ, видимо, однако склоняется къ тому, что въ монастырѣ были зачинщики, а остальная братія лишь слѣдовала ихъ внушеніямъ; онъ говоритъ о какомъ-то ссыльномъ князѣ Михайлѣ и келарѣ монахѣ Савватіи Абрютинѣ, которыхъ взяли изъ монастыря; но этотъ актъ насилія лишь еще болѣе возстановилъ монаховъ и жильцовъ монастырскихъ, которые увидали, что съ ними болѣе уже не шутятъ, а потому и рѣшились бороться до послѣдней капли крови. Развязка не заставила ожидать себя долго: сначала явился простой стряпчій съ ротою Двинскихъ стрѣльцовъ, который однако по малочисленности отряда не рискнулъ на нападеніе, а отступилъ въ Сумскій острогъ, гдѣ и прожилъ безъ толку цѣлыхъ четыре года. На его мѣсто тогда прислали стрѣлецкаго голову Іевлева, который послѣ двухлѣтней осады, благодаря измѣнѣ, овладѣлъ наконецъ въ 1676 году монастыремъ, порубилъ защитниковъ и главныхъ ослушниковъ, казнилъ еще большее число ихъ, многихъ разослалъ въ Кольскій и Пустозерскій остроги и только весьма немногихъ иноковъ оставилъ на старомъ пепелищѣ, подъ условіемъ полной покорности приказаніямъ начальства.

Вслѣдствіе этого грустнаго эпизода исторіи Соловецкаго монастыря, по всѣмъ вѣроятіямъ, были отняты у него на казну его богатыя владѣнія, такъ какъ новый, сбродный изъ разныхъ монастырей братіи, монастырь Соловецкій съ вотчинами былъ порученъ князю Владиміру Волконскому и дьяку Алмазу Чистому, а для порядка въ стѣнахъ монастырскихъ цѣлый годъ простоялъ отрядъ изъ 300 стрѣльцовъ. Такъ окончился первый періодъ исторической жизни Соловковъ, періодъ, если можно такъ выразиться, древне-народно-самостоятельный, въ отличіе отъ государственнаго, позднѣйшаго. — Лѣтомъ 1694 года къ монастырской пристани подплывала на парусахъ роскошная яхта, наполненная всѣмъ, что было лишь знатнаго и родовитаго на Москвѣ; среди родовитыхъ бояръ можно было однако замѣтить статнаго человѣка, охотно обращавшагося съ разспросами къ какимъ-то невѣдомымъ дюдямъ въ «неистовыхъ одеждахъ, въ нѣмецкомъ платьѣ» и съ обритыми бородами. Видимо, древніе Соловки отжили свое время, такъ какъ на яхтѣ той подъѣзжалъ къ нимъ Петръ, со своими нѣмчинами, отъ которыхъ такъ чуралось старообрядство, подъѣзжалъ «царь-брадобрѣй», какъ называли его раскольники, такъ жестоко расправлявшійся всегда со всякимъ старовѣрствомъ и косностью, не пожалѣвшій ради успѣха своихъ благихъ новшествъ даже и собственнаго своего сына. Не исконное, привычное почтеніе къ обрядовой сторонѣ религіи заставило его посѣтить монастырь, а жажда знанія и поиски за пользою для Россіи; не долго остался онъ въ тотъ разъ въ монастырѣ и, одаривъ братію, отправился въ обратный путь. Не даромъ прошло однако его посѣщеніе; въ то время, какъ спутники его всецѣло отдались поклоненію и «духовнымъ упражненіямъ», его орлиный глазъ провидѣлъ будущее, а фантазія его рисовала ему уже его новый пріѣздъ въ эти мѣста съ затаенною великою мыслію, съ вѣрнымъ погромомъ для шведскаго владычества на сѣверѣ. Сразиться съ юга со шведами Петръ не могъ и думать, не имѣя подъ рукою сносныхъ войскъ и хорошихъ полководцевъ; надо было взять хитростію, надо было совершить великое, неожиданное для того, чтобы напасть на врага врасплохъ, съ той именно стороны, съ которой меньше всего можно было ожидать нападенія; прошли уже тѣ времена, когда воины Святослава ставили на колеса свои суда и, сидя въ нихъ, подъѣзжали къ стѣнамъ Царьграда; никого нельзя было считать способнымъ на это, а потому шведы и не особенно безпокоились, когда сдѣлалось извѣстнымъ, что Петръ снова поѣхалъ въ Архангельскъ. Самъ Петръ держалъ затѣю свою въ секретѣ, такъ какъ отъ соблюденія

тайны зависѣлъ весь успѣхъ дѣла; онъ постоянно боялся, чтобы шведы не поняли его хитрости и какой нибудь случайно попавшій въ Бѣлое море корабль не далъ во время знать въ Стокгольмъ о его геніальной и исполинской выдумкѣ. 10-го августа 1702 года снова прибылъ Петръ на Соловки, но уже на 13 корабляхъ, которые и остановились на стоянку за Заяцкимъ островомъ. Нѣсколько разъ съѣзжалъ Петръ съ своего судна въ монастырь, осматривалъ его достопримѣчательности, приказалъ архимандриту Ѳирсу служить впредь «противъ Чудова монастыря полною архимандрическою службою», пожаловалъ его «мантіею со скрижалями и по-

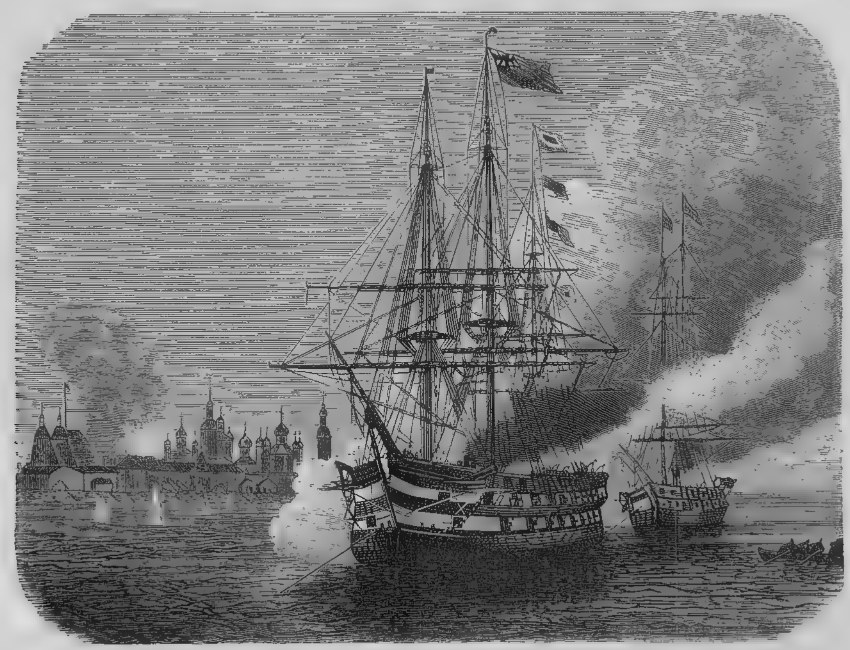

Кладбищенская св. Онуфрія церковь.

сохомъ съ яблоками, а братію и монастырь деньгами, но видимо все время былъ сильно озабоченъ, часто навѣдывался на эскадру и вообще о чемъ-то безпокоился. Наконецъ безпокойство это объяснилось, такъ какъ 15 августа прибылъ посланный Петромъ развѣдчикъ и доложилъ, что «далѣе на судахъ идти мочно», т. е. что шведы еще не догадались. 16-го вечеромъ корабли уже были въ Нюхчѣ, а затѣмъ и начался знаменитый походъ Петра съ кораблями по сушѣ въ Онежское озеро и далѣе къ Ладогѣ. Не ожидали шведы ничего подобнаго, а потому и удалось Петру завоевать свой будущій «парадизъ» и добиться выполненія своей давнишней мечты — достиженія моря.

Послѣ Петра и другіе государи русскіе посѣщали Соловецкую обитель, но вмѣстѣ съ тѣмъ удостоились Соловки уже во второй половинѣ нынѣшняго вѣка и другой чести, которая дана не всякому монастырю на Руси. Во вторникъ, 18-го іюня 1854 года, утромъ сторожа донесли отцу архимандриту, что два военные фрегата, подъ какими-то незнакомыми, но видимо не русскими флагами огибаютъ Бѣлужій мысъ; дѣло было серьезное, и архимандритъ приказалъ всѣмъ три дня поститься. Фрегаты бросили якорь въ 7 миляхъ отъ берега за Заяцкимъ островомъ, а въ монастырѣ между тѣмъ гудѣлъ призывный колоколъ, приглашавшій населеніе въ храмъ для молебна Божіей Матери; архимандритъ снялъ съ себя всѣ регаліи и слезно просилъ прощенія у братіи; затѣмъ взялъ онъ чудотворную икону и во главѣ всѣхъ иноковъ обошелъ обительскія стѣны крестнымъ ходомъ; не успѣли еще отнести обратно икону, какъ непріятельскія суда на полныхъ парахъ двинулись по направленію къ Кеми, гдѣ они ожидали встрѣтить русскія суда, если не всю бѣломорскую флотилію. Воспользовавшись уходомъ непріятельскихъ фрегатовъ и опасаясь новаго ихъ визита, монахи, работники и инвалидная команда кое-какъ встащили на стѣны 8 старинныхъ пушекъ малаго калибра; да устроили чуть ли не игрушечную двухпушечную батарею на пригоркѣ. На другой день на горизонтѣ показался дымокъ, и два англійскіе фрегата «Брискъ»

и «Миранда» остановились въ виду монастыря; «Брискъ» послалъ первую картечь въ обитель, а затѣмъ началась и правильная бомбардировка, которую адмиралъ Омманей объяснялъ репрессаліей за выстрѣлы, будто бы направленные въ суда съ островов. 40 бомбъ было брошено въ монастырь, а монастырскія пушки выстрѣлили только три раза, такъ какъ и пороху, и снарядовъ было очень мало и надо было беречь ихъ на случай приступа. 20-го іюня прибылъ въ обитель парламентеръ, требовавшій сдачи, но архимандритъ отвѣтилъ рѣзкимъ отказомъ, и

Бомбардированіе Соловецкаго монастыря англійскою эскадрою.

снова началась бомбардировка, на этотъ разъ уже ужасная: гранаты, бомбы сыпались какъ дождь, а монахи и прочіе всѣ обходили процессіей стѣны монастырскія. Надоѣло ли непріятельскому адмиралу, дѣйствительно ли ужаснулся онъ предъ мыслію о необходимости брать приступомъ монастырь, повліяло ли на него безстрашіе участниковъ крестнаго хода, но вечеромъ онъ отошелъ отъ монастыря, который освободился отъ нашествія иноплеменниковъ, благодаря мужеству своего архимандрита.

Чуть не на самомъ полярномъ кругѣ выстроилась славная обитель Соловецкая; но подъ общимъ народнымъ прозвищемъ «Соловки» слѣдуетъ понимать не одинъ только островъ Соловецкій, а цѣлый архипелагъ, состоящій изъ собственно Соловецкаго острова, Анзерскаго, двухъ Заяцкихъ и двухъ Муксальмскихъ. Не одиноко стоятъ въ морѣ эти острова и подходъ къ нимъ нелегкій, словно природа нарочно наполнила ихъ прибережныя воды коргами и лудами, чтобы обезопасить отъ прихода недобрыхъ людей: версты на двѣ отъ берега разсыпаны по морю эти корги (небольшіе острова) и луды (подводные камни) и разнообразятъ картину и безъ того красиваго Соловецкаго архипелага. Какъ поѣдетъ богомолецъ по однообразному и туманному, неприютному и невеселому Бѣлому морю, поневолѣ душа его порадуется, глядя на красивую Соловецкую природу, и въ простодушіи своемъ припишетъ онъ всю эту красоту святости самаго мѣста и тому, что Господь въ особину возлюбилъ «вотчину Зосимы и Савватія»; а и въ са-

момъ дѣлѣ красиво раскинулись острова Соловецкіе и будто искони самою природою предназначены къ тому, чтобы поселился на нихъ человѣкъ и, при помощи энергіи своей, воспользовался этимъ оазисомъ на свои нужды. Главный изъ острововъ — Соловецкій отлого спускается, къ морю и только мѣстами по берегамъ его встрѣчаются незначительные утесы, на которыхъ растетъ однако лѣсъ и которые слѣдовательно не производятъ впечатлѣнія дикости и непригодности на пользу человѣку; по срединѣ острова встрѣчаются возвышенія, между которыми проходятъ болотца; верхушки бугровъ, перерѣзывающихъ островъ и носящихъ вполнѣ отпечатокъ нашихъ сѣверныхъ «сельгъ», покрыты лѣсомъ; островъ раскинулся на 25 верстъ въ длину, отъ сѣвера къ югу, а отъ востока на западъ на 16 верстъ. Остальные острова поменьше размѣрами, нежели главный, и представляютъ строеніемъ своимъ совершенно одинаковую картину. Большая Муксальма отдѣляется отъ Соловецкаго острова узкимъ проливомъ (отъ 50 — 100 саженъ ширины), который называется «Желѣзными воротами»; проливъ этотъ чрезвычайно красивъ, такъ какъ острова выходятъ къ нему утесами. Весьма многія морскія губы изрѣзываютъ острова, такъ что съ птичьяго полета онѣ кажутся самою мелкою, кружевною работою и разнообразятъ виды до крайности; губы эти часто глубоко вдаются въ материки, а такъ называемая Глубокая губа (до 70 саж.) почти перерѣзываетъ островъ пополамъ, оставляя лишь перешеекъ въ двѣ версты шириною. Еще болѣе поражается непривычный взглядъ путника безчисленнымъ количествомъ большихъ и малыхъ, но всегда самыхъ живописныхъ озеръ, которыя то и дѣло бросаются въ глаза синевою и прозрачностью своихъ водъ; такихъ внутреннихъ озеръ насчитываютъ знатоки до 300, а богомольцы, всегда готовые къ преувеличеніямъ, не останавливаются на этомъ и увѣряютъ, что озеръ на Соловкахъ ровно столько же, сколько дней въ году. Не втунѣ оставили иноки это крайнее богатство водъ и сумѣли заставить ихъ служить себѣ на благо, а окрестному и прихожему люду на поученіе въ томъ, что можетъ сдѣлать трудъ и практичность. Чуть-ли не всѣ озера соединены другъ съ другомъ каналами, на которыхъ устроены мельницы, крупорушки, сукновальни, вѣялки, кожемячныя заведенія, алебастровыя мельницы и всевозможныя хозяйственныя устройства и приспособленія; вода работаетъ на «Зосиму и Савватія», такъ какъ иноки стараются приспособить къ дѣлу каждую мельчайшую часть водяной силы, покоющуюся всюду безъ пользы для кого бы то ни было.

Какъ ни страшно описываютъ зимы и вьюги нашего Сѣвера, тѣмъ не менѣе старожилы утверждаютъ, что морозы на Соловкахъ бываютъ гораздо менѣе значительны, нежели на материкѣ, и очень рѣдко достигаютъ 20 градусовъ, что однако вовсе не рѣдкость не только уже въ тѣхъ же широтахъ, но даже и гораздо южнѣе Соловковъ. Причина такой большой умѣренности состоитъ въ незамерзаніи центральныхъ частей Бѣлаго моря, а незамерзшая вода естественно должна смягчать холодъ мѣстности. Зимою море вокругъ острововъ замерзаетъ всего лишь верстъ на 10 отъ береговъ, при чемъ береговой ледъ носитъ въ народѣ прозвище «припайка». Случается, и притомъ зачастую, что такіе припайки и «ниласы» (такъ называется сгустившійся отъ мороза снѣгъ, превратившійся въ шероховатый, некрѣпко замерзшій ледъ) то теченіемъ, а то и вѣтромъ отламываются отъ берега и уносятся въ море; понятное дѣло, что тогда плаваніе по этому морю становится невозможнымъ и поневолѣ приходится тогда жить въ полномъ разобщеніи отъ твердой земли. Въ октябрѣ мѣсяцѣ, а не позже природа видимо начинаетъ засыпать; къ этому времени наступаетъ обыкновенно зима, или, какъ тамъ называютъ это время года, — перезимокъ; снѣга выпадаютъ не особенно большіе и никогда не достигаютъ тѣхъ громадныхъ размѣровъ, которые можно наблюдать напримѣръ въ центральной полосѣ Россіи. Начало весны приходится обыкновенно не ранѣе половины мая мѣсяца, а снѣгъ, лежащій по оврагамъ, не таетъ иногда даже и до іюля.

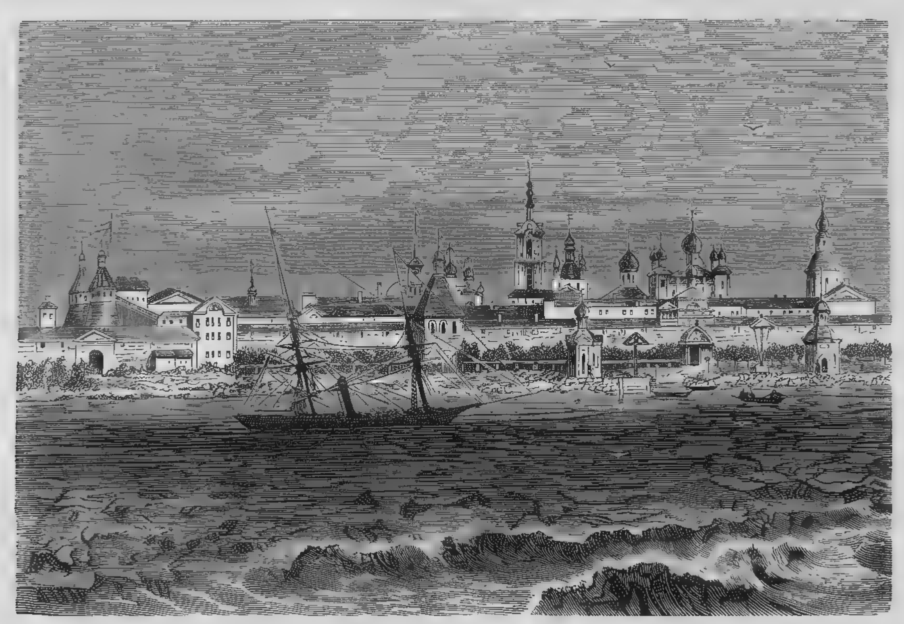
Съ двухъ разныхъ сторонъ подходятъ къ монастырю богомольцы со всѣхъ концовъ Руси православной, съ двухъ разныхъ сторонъ ждетъ монастырь своего «урожая» и приспособляется, чтобы

захватить странника—«преподобныхъ работничка» еще раньше его прибытія на острова, чтобы не попалъ онъ въ какія нибудь мірскія, негожія руки къ поморамъ, которые своего не уступятъ, а обойдутъ захожаго человѣка всячески, и, чего добраго, захватятъ его гроши. А урожай урожаю рознь бываетъ. Даже и при поверхностномъ взглядѣ вокругъ, монастырь поражаетъ всякаго своимъ необъятнымъ и не въ удѣлъ лежащимъ богатствомъ; монастырь теперь нуждается лишь въ очень немногихъ предметахъ, а именно: въ пшеницѣ, винѣ, ржи и соли — все остальное у иноковъ свое, развѣ только, если иной гостепріимный монахъ захочетъ угостить дорогаго гостя чѣмъ нибудь сладенькимъ, ухищривымъ и лакомымъ; сундуки въ монастырской ризницѣ ломятся отъ избытка серебра, золота, жемчуга и разныхъ драгоцѣнностей, а отъ ежегоднаго денежнаго расхода остается очень значительный остатокъ, который присоединяется къ монастырскимъ капиталамъ и обращается въ банкъ для нарощенія процентами; «преподобныхъ страдомники и работники» исполняютъ всѣ монастырскія работы, не допуская, чтобы обитель тратила что нибудь на трудъ наемный, а богомольческіе кошели пополняютъ монастырскія кружки, которыя высыпаются каждые полтора мѣсяца и снова ставятся на русское, простолюдинное усердіе. Волжанинъ, прикамецъ, вятчанинъ, архангелецъ идутъ сюда черезъ Архангельскъ и либо за плату, либо даромъ перевозятся на монастырскихъ пароходахъ «Вѣрѣ» и «Надеждѣ» на Соловки, причемъ въ первомъ случаѣ перевозъ ихъ ни къ чему не обязываетъ, а въ послѣднемъ работа на «преподобныхъ» становится какъ бы обязательною по чести, какъ отплата за даровой переѣздъ; инымъ путемъ, и притомъ путемъ многотруднымъ идетъ сюда петербуржецъ, псковичъ, тверитянинъ и западный русскій людъ; онъ поднимается по каналамъ и рѣкамъ до Вознесенской пристани, что стоитъ у истока Свири изъ Онежскаго озера, и затѣмъ плыветъ до Повѣнца, откуда сухимъ путемъ доходитъ до р. Телекиной и затѣмъ тою рѣкою, Выгозеромъ и Сѣвернымъ Выгомъ выходитъ въ Бѣлое море то у Сороцкой пристани, то у Сумы, откуда уже то на монастырскихъ, то на обывательскихъ карбасахъ переплываютъ къ Соловкамъ. Коли дадутъ угодники Божіи урожай на богомольца, то вынутъ изъ кружки тысячъ пятьдесятъ, а двадцатипятитысячную выемку почитаютъ неудачною, неурожайною и наказаніемъ угодниковъ, ниспосланнымъ на братію. Тутъ цѣлая лавочка прилажена и сидитъ въ ней или монахъ, или послушникъ, непремѣнно грамотный, чтобы могъ и торговлю вести на отчетѣ, и синодики писать, и на низу просфоръ подписывать поминанья родителей и родственниковъ.

На все положена такса и торговаться уже не приходится, такъ какъ въ этой лавочкѣ торговаться все равно, что въ иконной лавкѣ; а потому и наладилось искони вѣковъ, что за лубочный видъ монастыря платятъ цѣлый четвертакъ, а за миніатюрный образокъ изъ кипариса изумительно плохаго письма берутъ 75 к.; какой-то монахъ на досугѣ изобразилъ въ стихахъ достопамятные дни бомбардированія, а теперь продаютъ ихъ за 1 р. 50 к. на охочаго человѣка. Есть въ лавочкѣ и товары разные на потребу невзыскательныхъ вкусовъ посѣтительскихъ; найдется даже и сургучъ, палочка котораго стоитъ 20 к. То и дѣло строчитъ торговецъ-монахъ пространные синодики; записать на вѣчное поминовеніе стоитъ 30 к. съ каждаго поминаемаго, такъ что за всѣхъ умершихъ родственниковъ приходится иному охотливому человѣку заплатить и до 10 р.

Едва станетъ пароходъ подплывать къ монастырю, какъ цѣлыя массы чаекъ насядутъ на мачты его и на палубу на великую диковину пріѣзжихъ людей, которые дивятся, что птица до такой степени ручна въ Соловкахъ и къ человѣку привычна; но верха удивленіе новоприбывшихъ достигаетъ лишь тогда, когда со всѣхъ сторонъ вокругъ подходящаго къ пристани парохода начинаютъ высовываться изъ воды какія-то круглыя, словно лысыя головы, — это нерпы и бѣлухи, которыя до такой степени привыкли, что ихъ кормятъ монахи, что не боятся ни парохода, ни шума и плеска его колесъ или винта. Не иначе, какъ съ пѣніемъ псалмовъ причаливаетъ пароходъ къ пристани монастырской, такъ какъ только въ этомъ пѣніи можетъ

излиться то чистое чувство довольства, которое волнуетъ богомольца, достигшаго наконецъ цѣли своихъ давнихъ стремленій. Прямо передъ путникомъ, выходящимъ на берегъ, поднимаются величественныя стѣны обители, излаженныя изъ валуновъ громадныхъ размѣровъ; мрачно смотрятъ на него бойницы и вылазни, помѣщающіяся высоко надъ землею, только находящаяся внѣ стѣны гостиница, напротивъ того, смотритъ уютно и привѣтливо и будто

Видъ Соловецкаго монастыря съ моря.

приглашаетъ путника въ свои чистыя комнаты, а доки, разводные мосты, искусственная гавань, набережная, подъемные краны напоминаютъ ему, что онъ не находится въ эпохѣ древнихъ царей русскихъ, а живетъ въ томъ вѣкѣ, гдѣ и иноку приходится прилаживаться къ требованіямъ культуры и времени и подлѣ часовни ставить локомобиль. Словно звѣздочки блистаютъ позади стѣнъ золотые кресты (всѣ восьмиконечные по обычаю ли, или же такъ устроенные ради избѣжанія соблазна со стороны безпоповскаго, поморскаго населенія), а рядомъ съ монастыремъ тянется обширное зданіе лѣсопильнаго завода — новый контрастъ для новаго соблазна неинтеллигентныхъ богомольцевъ, которые не скоро еще поймутъ, какъ могутъ мириться дѣла чистой вѣры и чистой наживы. Монастырская гостиница, разсчитанная на самое многолюдное стеченіе богомольцевъ, выведена въ три этажа — было бы куда пріютить всякій пріѣзжій людъ и притомъ съ разборомъ, смотря по платью и по облику, а также и по количеству заказанныхъ въ монастырѣ молебновъ; чуть только втолкнутся богомольцы въ громадныя сѣни гостиницы, какъ начинается подписка на молебны у особаго дежурнаго монаха, который сидитъ въ особой горницѣ за большою конторкою и противъ каждой фамиліи отмѣчаетъ число молебновъ и какому именно святому; тутъ же уплачиваются и деньги по издавна установленной таксѣ, а именно: за простой молебенъ 35 к., а за молебенъ съ водосвятіемъ — 1 р. 50 к. При взносѣ денегъ выдаются марки, судя по стоимости которыхъ полагается и этажъ и номеръ; большому кораблю — большое и плаваніе, а потому чиновникъ съ Владиміромъ и съ толстенькимъ кошелькомъ, купецъ съ хорошимъ годовымъ оборотомъ, барыня-помѣщица и вообще людъ побогаче помѣщается въ среднемъ этажѣ, гдѣ комнаты чисто и даже почти роскошно

отдѣланы, высоки, просторны; и вверху селится разночинецъ, молодецъ изъ лавки, мѣщанинъ, купеческая супруга изъ мелкихъ, чиновница попроще, священникъ сельскій и попадья и разный, не имѣющій опредѣленнаго обличья народъ; селится разночинецъ не въ одиночку, а болѣе по 4 и даже по 5 человѣкъ въ одной комнатѣ, такъ какъ и пользы отъ этого народа для обители меньше. Въ нижнемъ этажѣ съ публикою вовсе уже не церемонятся; тутъ поселяются и крестьяне, и солдаты, и бѣднота всякая, что смогла собраться съ силами всего на одинъ лишь,

Монастырская лавочка.

много на два молебна, а потому и не можетъ обидѣться, если отведутъ имъ на 20—25 человѣкъ одну комнату и смотрятъ уже на нихъ сообразно съ ихъ тороватостью на молебны. Попадетъ здѣсь и вѣчный странникъ, вѣчный сборщикъ на какую-то церковь, что изъ года въ годъ ходитъ изъ одного конца нашей родины въ другой и до того облюбилъ свою кочевую жизнь, что то видятъ его въ Кіевѣ, то въ Соловкахъ, то въ Москвѣ, то въ Саровѣ — вездѣ онъ налицо, все тотъ же, вѣчно сбирающій подаянія то на Илью, то на Казанскую, то на Николу, то на Смоленскую. — Какъ и подобаетъ русскому человѣку, не успѣютъ еще богомольцы толкомъ устроиться «на фатерѣ», какъ погонитъ ихъ на чай, на исконно облюбленное питье, которому во всякое время часъ; зашныряютъ пришельцы по корридорамъ и примѣняются къ мѣстности, т. е. узнаютъ, кому приказать и кого просить надо о кипяткѣ; а на этотъ случай мо-

настырь и самъ распорядился заранѣе, такъ какъ во всякомъ корридорѣ полагается особый іеромонахъ, а подлѣ его кельи вмазанъ въ стѣну громадныхъ размѣровъ самоваръ на потребу прихожихъ гостей; иному гостю потороватѣе да познатнѣе конечно и въ горницу подадутъ — не погнушаются, такъ какъ при отъѣздѣ не забудетъ онъ монастырской послуги и воздастъ навѣрное «коемуждо по заслугамъ», а разночинецъ и жилецъ нижняго этажа и самъ себѣ тепленькаго наладитъ — невпервые. Отпили чай, а тутъ уже и монахъ стоитъ, научаетъ, что первымъ дѣломъ слѣдуетъ сходить искупаться въ Святомъ озерѣ, какъ ради чистоты тѣлесной и духовной, такъ и ради здоровья, такъ какъ вода этого озера обладаетъ, по мѣстнымъ преданіямъ, цѣлительною силою. Берега озера окаймлены лѣсомъ, и само оно раскинулось красивое такое, что поневолѣ всякъ вновѣ залюбуется на него, заглядится. Вода его почти совершенно чернаго цвѣта отъ значительнаго числа желѣзистыхъ ключей, которые вливаютъ въ него свои воды и бьютъ изо дна его; кто купается, кто набираетъ въ пузырекъ цѣлительной воды, но не только шума и гомона, а даже и простыхъ, тихихъ разговоровъ не слышно — «мѣсто-де не такое, чтобы мірскіе затѣвать разговоры».

Устроился монастырь хозяйственно и все приладилъ у себя подъ рукою, чтобы не ходить въ люди за тѣмъ, что можно у себя имѣть съ выгодою. Вотъ, хотя бы огороды. Тутъ же близъ Святаго озера тянутся они на большое разстояніе и такъ ведутся, что растутъ на нихъ овощи, о которыхъ въ иныхъ мѣстахъ, въ тѣхъ же широтахъ, и слыхомъ не слыхивали, а не только уже видомъ видывали. Есть и любимое лакомство и полезный для тѣхъ мѣстъ лукъ перистый, и капустка, годная и на щи, и въ квашенье, капустка вилковая, такъ что и шинковать ее можно, и картошка, что по всему Поморью чураются, какъ отъ бѣсова овоща, и огурчики, хоть и маленькіе, да все же въ дѣло годные, и морковка, и рѣдька съ рѣпой — сѣверная услада. Хоть и толкуютъ люди, будто въ Архангельской губерніи огородами заниматься все равно, что изъ песку веревки вить, но монахи, видно, посмотрѣли на дѣло иначе и завели у себя всякій овощъ, благодаря терпѣнію, умѣнью и хорошей подготовкѣ огородной земли; отъ холодныхъ сѣверныхъ вѣтровъ застѣнили иноки свои огороды лѣскомъ; что ни годъ, то навозятъ на славу свое огородище, и никогда не случается, чтобы приходилось имъ покупать овощей на сторонѣ, такъ какъ даже и въ самые неблагопріятные годы не остаются безъ капусты и огурцовъ, а это, вѣдь, главная забота и за нею больше всего хлопотъ и ухода. Ясное дѣло, что и на огородѣ, какъ и во всѣхъ хозяйственныхъ заведеніяхъ монастырскихъ, работаютъ не наемные, а добровольные «страдомники» на Зосиму и Савватія; приключится ли съ человѣкомъ бѣда какая, спасется ли онъ случайно отъ опасности, обѣщается онъ отработать въ Соловкахъ извѣстный срокъ безплатно, за одинъ лишь прокормъ, и работаетъ не спустя рукава, а будто бы по найму и за хорошую притомъ цѣну. Монахи не гнетутъ такого добровольнаго труженика, обращаются съ нимъ прекрасно, содержатъ и кормятъ хорошо; прежде всего понимаютъ они, что за такую повадку рабочій лучше и усиленнѣе станетъ работать, а къ тому же, какъ же иначе и станетъ относиться крестьянинъ-монахъ (такъ называемыхъ благородныхъ въ Соловкахъ очень мало) къ крестьянину-рабочему, какъ не побратски, кому же и понять этого добровольнаго труженика, какъ не брату его. Въ свою очередь, и рабочій всегда относится къ монаху любовно: и свой-то онъ человѣкъ, и монахъ-то онъ, и божественному наученъ, да и работа монастырская и житье тамъ куда какъ вольготнѣе своей деревенской голодовки и трудной работы у себя въ родномъ селѣ; вовсе и лицо-то здѣсь у крестьянина иное какое-то дѣлается: повеселѣетъ онъ, словно оживетъ, смотритъ всѣмъ прямо въ глаза; — куда дѣвается его исконная боязливость, застѣнчивость и забитость! Видитъ онъ, что на ряду съ нимъ и въ такой же притомъ мѣрѣ работаетъ и надсмотрщикъ его—монахъ, и это еще болѣе побуждаетъ его трудиться; онъ видитъ, что не только простой монахъ, но и намѣстникъ работаетъ наравнѣ съ нимъ, а потому и кипитъ въ его рукахъ работа

Чуть подальше, подлѣ огородовъ стоитъ кузница, которою заправляютъ два специалиста-монаха. Лѣтомъ, конечно, за большимъ наплывомъ богомольцевъ, въ кузницѣ мало работы, но за то зимою дѣла не оберешься, а строилъ ту кузницу не иностранный техникъ какой, а запросто какой-то вятскій крестьянинъ, да притомъ выстроилъ такъ, что монахи дѣлаютъ здѣсь ножи, топоры, косы, даже чинятъ старыя и дѣлаютъ вновь пароходныя машины и части; до сихъ поръ желѣзомъ монахи никакъ не могли своимъ собственнымъ раздобыться, а покупали его больше въ Архангельскѣ и въ Норвегіи, что не особенно выгодно было для обители; теперь однако взялась обитель за умъ и порѣшила устроить въ Кемскомъ уѣздѣ, гдѣ безъ пути лежало цѣлыми массами болотное желѣзо, свой желѣзный заводъ и не платить «міру», а тѣмъ болѣе иноземцамъ денегъ. Какъ пойдетъ это новое дѣло въ рукахъ такого добраго хозяина, каковъ монастырь Соловецкій, еще неизвѣстно, но надо думать, что и здѣсь сумѣетъ онъ достигнуть самыхъ благопріятныхъ результатовъ, благодаря сметкѣ русской и непокладному труду. Тутъ же поблизости, въ двухэтажномъ каменномъ флигелѣ помѣщается и кожевня, которая дѣйствуетъ однако, какъ и большинство монастырскихъ хозяйственныхъ заведеній, только 8 мѣсяцевъ въ году: не тѣмъ голова занята у монаховъ, когда начнется наплывъ богомольцевъ; тутъ выдѣлываются и нерпичьи, и тюленьи, и оленьи, и коровьи кожи, на потребу монастырскихъ иноковъ и рабочихъ. Одной нерпы идетъ въ дѣло 8000 штукъ, а завѣдуетъ всѣмъ дѣломъ человѣкъ на этомъ дѣлѣ бывалый, монахъ — каргополъ, который приладилъ заведеніе такъ, что оно вырабатываетъ съ шестью лишь рабочими товару на 50 т. рублей и приноситъ обители весьма значительный доходъ. На кирпичномъ заводѣ изготовляется ежегодно до 400 т. штукъ превосходнаго кирпича, который извѣстенъ по своей прочности и современемъ пріобрѣтаетъ крѣпость желѣза. Куда ни взглянешь, вездѣ практичные монахи примѣтили статьи дохода и употребили всѣ возможныя старанія, чтобы заставить мѣстность производить наиболѣе на пользу человѣку; вотъ по склону, едва замѣтному, струился прежде ручеекъ изъ одного озерца въ другое: пришелъ монахъ — практикъ, расчистилъ ложе ручья, выровнялъ теченіе и устроилъ на немъ точильню и водоподъемную машину; точильня приводится въ движеніе огромнымъ воротовымъ колесомъ, которое ворочаетъ 2 точильныхъ колеса съ сидѣньями передъ ними для рабочихъ. Механизмъ придуманъ на мѣстѣ и по простотѣ своей не оставляетъ ничего желать лучшаго, такъ какъ такая точильня можетъ въ день выточить 300 косъ, 450 топоровъ и цѣлую тысячу ножей. Недалеко отъ точильни опять большое каменное зданіе: водоподъемное зданіе, опять-таки и придуманное, и выполненное добровольнымъ рабочимъ крестьяниномъ, простота механизма, удобство пользованія и необыкновенная легкость — вотъ тѣ качества, которыя можно примѣтить у всѣхъ соловецкихъ выдумокъ и приспособленій.

Долгое время всѣми забытое Бѣлое море лишено было возможности чинить свои суда, помимо всегда занятыхъ и довольно неисправныхъ казенныхъ доковъ въ Архангельскѣ, но благодаря спохватливости соловецкихъ монаховъ и эту бѣду оно избыло, такъ какъ монастырь устроилъ у себя не столько роскошные, сколько къ дѣлу пригодные доки; это уже не грубое сооруженіе начинающаго и неискуснаго самоучки, а дѣло ума человѣческаго, трудъ, въ основѣ котораго лежитъ предварительный, научно составленный и математически точно разсчитанный планъ, дѣло и полезное, и могучее, и изящно-красивое. И опять-таки все это выстроено тѣми крестьянами, что и рады бы дѣло дѣлать, да выхода нѣтъ и стараться не для чего и не у чего. Бока доковъ обшиты гранитомъ и такъ отдѣланы, что время для нихъ ни почемъ; самый скелетъ зданія состоитъ изъ 8000 балясинъ, установленныхъ въ два ряда, причемъ промежутки между балясинами наполнены каменьями и землею, что составляетъ вполнѣ несокрушимую стѣну. Вода, которою наполняютъ при нуждѣ доки, проведена изъ Святаго озера и изъ бассейна Св. Филиппа; когда откроютъ шлюзы, то она стремится съ неудержимою быстротою, а для того, чтобы не вывести всей воды изъ этихъ водныхъ резервуаровъ, они соединены, какъ сказано выше, цѣлою системою каналовъ съ нѣсколькими десятками другихъ озеръ, всегда

готовыхъ на послугу Зосимѣ и Савватію и ихъ любезнымъ дѣтушкамъ. Строился докъ днемъ монахами наряду съ добровольными страдомниками, а ночью выходили на работу одни лишь монахи, такъ какъ не хотѣли удручать трудомъ непосильнымъ прихожаго человѣка. Все работается и дѣлается безъ торопни, шума, галдѣнья и брани, словно и не русскій тутъ человѣкъ работаетъ; развѣ иногда псаломъ затянутъ, да и то истово, а не зря, въ припой. Не свои лишь

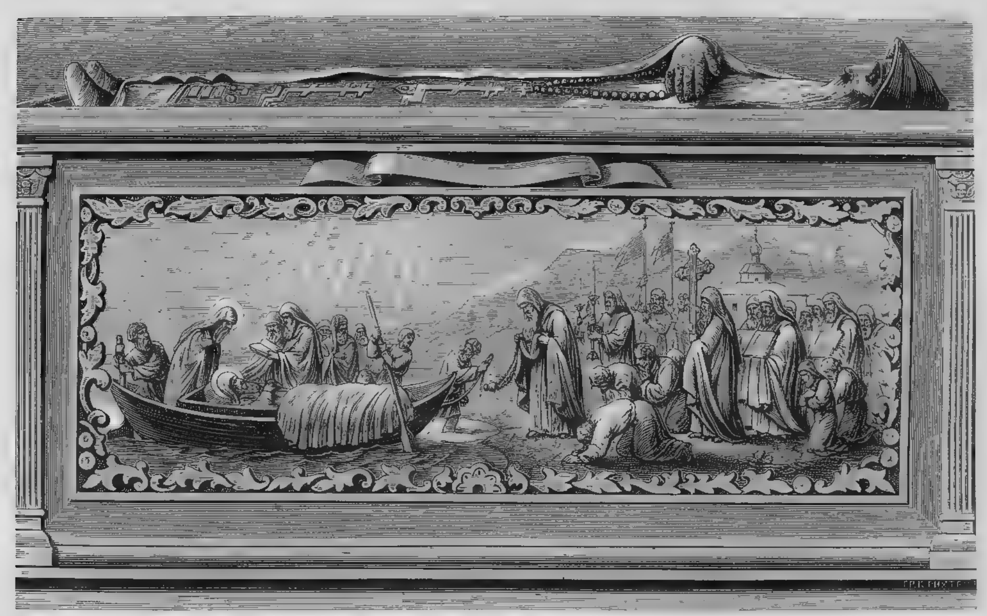

Сборщикъ на построеніе храма.

суда чинятъ соловецкіе монахи, а берутъ и заказы со стороны и недавно еще выстроили вновь пароходъ «Надежду» и собираются производить даже паровыя машины для пароходовъ. Тутъ же близъ доковъ и сараи лѣсопильные помѣщаются: вездѣ чистота и порядокъ, работа кипитъ, и всюду монахъ работаетъ наравнѣ съ простымъ прихожимъ работникомъ.

Слишкомъ триста лѣтъ тому назадъ Св. Филиппъ, пострадавшій отъ Іоанна Грознаго за любовь свою къ правдѣ, построилъ на пользу любимому своему монастырю водяную мельницу съ разными приспособленіями и механическими выдумками, которыя въ тѣ времена были еще никому неизвѣстны и потому составляли предметъ всеобщаго изумленія предъ мудростью старца

строителя; прошли года, и мельница по мѣрѣ развитія механическаго дѣла все перестраивалась; самородки-механики все болѣе и болѣе усложняли ея устройство и увеличивали ея пригодность для самыхъ разнообразныхъ производствъ; и донынѣ еще стоитъ она на удивленіе посѣтителей Соловковъ въ постоянной работѣ, постоянно приспособляемая все къ новымъ и новымъ производствамъ, благодаря сметкѣ нахожаго самоучки-крестьянина. Громадное колесо съ зубьями вра-

Икона-барельефъ: перенесеніе мощей св. Савватія съ Выги въ Соловки на новой ракѣ преподобныхъ.

щается въ зданіи мельничномъ и приводитъ въ движеніе цѣлый рядъ толчей, поставовъ и другихъ приводовъ.

На восточномъ берегу соловецкой Глубокой бухты, и носящійся въ воздухѣ запахъ рыбою, и торопливое копошенье цѣлой массы людей указываютъ на то, что идетъ тамъ спѣшная рыбопромышленная работа; подойдетъ любопытный ближе и, если только выдержатъ его носъ и нервы, увидитъ заготовку въ полномъ ходу, а сельдь соловецкая славится во всемъ Бѣломъ морѣ и нигдѣ ея не сумѣютъ такъ заготовить впрокъ, какъ въ обители, гдѣ ея идетъ въ годъ по меньшей мѣрѣ десятки тысячъ пудовъ на потребу монаховъ и лакомыхъ на вкусную рыбку богомольцевъ. Тутъ же на берегу и салотопня; шкуры сушатся на солнцѣ, безъ разбора, всякія: и нерпичьи, и бѣлужьи, и тюленьи, и лысуновыя. Звѣря всякаго рода добывается на промыслахъ монастырскихъ тысячъ на пятьдесятъ, но цифра эта, конечно, не можетъ считаться вполнѣ вѣрною, такъ какъ въ продажу отъ добытаго звѣря идетъ мало, а большая часть добычи поступаетъ прямо на нужды обительскія. Промышляютъ Соловки и на своихъ островахъ, и на сосѣднихъ, и заѣзжаютъ даже на далекій Мурманъ въ погонѣ за полезнымъ на всякую нужду звѣремъ; шьютъ изъ шкуръ и бахилы, и штаны, и рубахи, которыя замѣчательны по своей прочности, чрезвычайно легки въ носкѣ и притомъ не пропускаютъ воду, что, конечно, не можетъ не цѣниться людьми, часто принужденными проводить цѣлые дни то подъ проливнымъ дождемъ за работою, а то такъ и запросто въ водѣ за рыбнымъ промысломъ. Близъ салотопни устроена смолокурня и притомъ опять же добровольнымъ

труженикомъ крестьяниномъ; гонятъ здѣсь смолу, дѣлаютъ пекъ и скипидаръ; всего этого требуется для монастыря весьма значительное количество. Сельдей ловятъ рабочіе подъ присмотромъ одного іеромонаха, который свѣдущъ въ этомъ дѣлѣ, знаетъ всякую рыбью повадку и недастъ рабочимъ въ случаѣ чего обмишулиться. Нѣсколько рабочихъ набираютъ въ лодку большой морской неводъ съ поплавнями и съ гирьками, для того, чтобы низъ его шелъ какъ можно глубже и забиралъ со дна уходящую рыбу; затѣмъ они удаляются отъ берега, наскоро и притомъ непремѣнно равномѣрно выбрасывая въ море сѣть и дѣлая овалоидъ на ходу. Когда сѣть до половины стравлена, лодка опять же быстро направляется къ берегу, къ мѣсту отправленія рабочіе выходятъ на сушу и принимаются тащить сѣть, уходя какъ можно дальше въ море захватывая сѣть и равномѣрно и быстро вытаскивая ее на берегъ; вся послѣдняя работа должна выполняться по возможности дружно, такъ какъ, если одинъ конецъ запоздаетъ, то юркой рыбѣ откроется свободный выходъ и тогда можетъ уйти добрая половина тони. Быстро и ладно идетъ работа — близка уже мотня; цѣлыя массы рыбы блещутъ па солнцѣ и при ловкомъ надсмотрщикѣ ни одна сельдь не спасется; бываетъ, что въ одну тоню удается промыслить до 150 пудовъ вкусной рыбы. Едва лишь вынутъ сельдь изъ ея родной стихіи, какъ ея радужно-серебристыя цвѣта тускнѣютъ и гаснутъ, вся рыба какъ-то потемнѣетъ и вся красота ея пропадетъ. Гдѣ тони побольше, тамъ нельзя уже тянуть людьми, а построены вороты, такъ какъ тамъ людямъ съ сѣтью не управиться. Ловятъ соловецкіе монахи и треску ярусами и ловятъ весьма удачно, а впрокъ заготовляютъ такъ, какъ и не умѣютъ вовсе заготовить на Мурманѣ, а дошелъ лишь норвежецъ, отъ котораго наглядѣлся и уму-разуму научился какой-то соловецкій монахъ, перенялъ и у себя завелъ «во славу Зосимъ-Савватію».

Благодаря обширнымъ приношеніямъ, даровому труду «страдомниковъ», а также и личному труду монаховъ, начиная съ простаго послушника до настоятеля и намѣстника, Соловецкій монастырь пользуется превосходнымъ экономическимъ положеніемъ и «вотчина Зосимы и Савватія» можетъ быть признана самою богатою на всемъ Сѣверѣ. Нигдѣ, не говоря уже о дальнемъ Сѣверѣ, но даже и въ Архангельской губерніи, не замѣчается такой дѣятельности, зажиточности и культурности; здѣсь строятъ и чинятъ пароходы, литографируютъ рисунки и брошюры, дубятъ кожи, изготовляютъ кирпичи; есть здѣсь фотографія, финифтянники, золотильщики, ювелиры, сапожники, портные, башмачники, восковщики, механики, скотоводы, сыровары, архитекторы, агрономы, огородники; есть здѣсь магазины, превосходныя хозяйственныя помѣщенія и приспособленія, кладовыя, пространные амбары, квасныя и пекарни; есть у монастыря 2 парохода, шхуна и до сотни карбасовъ, на которыхъ монахи и рыбу ловятъ и звѣря промышляютъ, какъ у себя въ тихомъ затонѣ, въ Бѣломъ морѣ, такъ и въ бурномъ морѣ — Ледовитомъ океанѣ и вдоль береговъ Мурманскихъ; есть здѣсь рѣзчики, граверы, столяры, плотники, кузнецы, гончары, коноводы и коновалы, живописцы и садовники. Хоть и отдѣлило его отъ материка море, мѣстами сплошь замерзающее, а мѣстами переполненное торосами и плавучими льдинами, хоть и закинутъ онъ на край крещенаго міра, но тѣмъ не менѣе монастырь Соловецкій ни въ комъ не нуждается, ничего не покупаетъ въ міру, самъ производитъ все то, что ему потребно для его широкаго обихода. Прежде, во времена оны вываривали Соловки до 400 т. пудовъ соли на берегахъ Бѣлаго моря, что въ нынѣшнемъ Онежскомъ и Кемскомъ уѣздахъ Архангельской губерніи, но теперь варницы эти уже уничтожены и кипучая дѣятельность монастыря въ этомъ направленіи прекратилась; а между тѣмъ все Архангельское прибрежье нуждается въ настоящее время въ соли, цѣнность которой дошла до такой высоты, что становится уже болѣе выгоднымъ выписывать соль изъ заграницы; впрочемъ и на эту соль запретъ положенъ, а вслѣдствіе того и рыбные промыслы наши сѣверные переживаютъ лихолѣтье немалое, заготовки совершаются все хуже и хуже и наша превосходная сѣверная рыба должна уступить мѣсто болѣе посредственной норвежской трескѣ и плохой шотландской селедкѣ. Занимался монастырь во времена оны и руднымъ дѣломъ, да тоже какъ-то пришлось остановить; въ Кемскомъ нынѣшнемъ уѣздѣ

Макарьевская пустынь на Соловецкихъ островахъ.

были у монастыря желѣзные заводы, а на Мурманѣ разработывали даже и серебряную руду. Ходили суда соловецкія въ старое время на промыслы на Новую Землю, но теперь находятъ это для себя невыгоднымъ. Ясное дѣло однакоже, что собственными своими средствами, безъ помощи сторонняго люда и безъ религіознаго чувства русскаго человѣка, никогда не могли бы Соловки достичь той высокой степени благосостоянія, на которой они въ настоящее время находятся; громадную роль въ богатствѣ монастыря играютъ усердныя приношенія богомольцевъ и въ особенности чрезвычайное обиліе дароваго труда. Если принять ежегодную цифру богомольцевъ, посѣщающихъ Соловки, въ средней сложности всего лишь въ 15000 человѣкъ, то и тогда доходъ монастыря будетъ громаденъ; каждый богомолецъ всенепремѣнно оставитъ въ монастырѣ среднимъ числомъ рублей 10, а обойдется братіи всего лишь 2 р., т. е., другими словами, всѣ богомольцы принесутъ монастырю средняго дохода 120,000 руб., не считая богатыхъ вкладовъ, дѣлаемыхъ зачастую купцами, купчихами и другими зажиточными людьми, причемъ среднюю цифру этихъ вкладовъ по десятилѣтней сложности, согласно указанію Диксона, можно опредѣлить въ 30 т. руб. Каждый годъ монастырь пользуется даровою работою 400 добровольныхъ страдомниковъ, которые, работая на «Зосиму и Савватія», производятъ, конечно, гораздо болѣе, нежели обыкновенно производятъ они по простому найму; полагая заработную ихъ ежедневную плату всего лишь въ 30 к. (что вовсе не можетъ быть принято высокою цѣною за рыбный и морской промыселъ, который и труднѣе, и опаснѣе работы на сушѣ), мы получимъ, считая 280 рабочихъ дней въ году, почти 34,000 р. въ годъ; считая затѣмъ трудъ ста мальчиковъ, учащихся въ монастырской школѣ, но употребляемыхъ монахами на разныя болѣе легкія работы, по 10 к. въ день, этотъ дѣтскій даровой трудъ доставитъ монастырю въ годъ 3,000 р. Если мы припомнимъ, что всѣ часовни обительскія въ Архангельскѣ и иныхъ мѣстахъ, подворья, лавки и кладовыя, отдающіяся въ наймы, приносятъ ежегодно до 15,000 р., да монастырскіе капиталы въ 25,000 р. даютъ 1,250 р. процентовъ, то доходы монастыря представятъ уже собою весьма почтенную цифру въ 203,000 р., которую невозможно прожить пятистамъ монахамъ, далеко не избалованнымъ съ малолѣтства ни въ пищѣ, ни въ обиходѣ. Утверждаютъ, что прежде средства обители были гораздо значительнѣе, такъ какъ доброхотное даяніе теперь оскудѣло, вслѣдствіе вообще упадка благосостоянія сѣвернаго населенія; и богомольцевъ было прежде больше, да и приношенія дѣлались чаще и крупнѣе; еще относительно недавно цифра ежегодныхъ приношеній достигала трехъсотъ тысячъ рублей, но теперь, по словамъ монаховъ, — «вѣра оскудѣла».

Среди разныхъ учрежденій, цѣлью которыхъ является прямо добытокъ въ пользу монастыря и братіи, есть въ Соловкахъ и еще одно, которое предназначено совершенно для иныхъ, высшихъ цѣлей — «во вящшую славу угодниковъ». Монастырь устроилъ у себя школу, но не столько для обученія юношества, сколько для воспитанія изъ нихъ будущихъ монаховъ. Школа помѣщается въ двухэтажномъ зданіи; мальчики работаютъ днемъ на монастырь и учатся только вечеромъ, когда уже нельзя работать, да и то лишь часа два въ день. Проходятъ въ школѣ законъ Божій и чтеніе священнаго писанія, исторію ветхаго и новаго завѣта, объясненіе богослуженія, чтеніе молитвъ, исторію церкви и государства россійскаго, географію, ариѳметику и письмоводство; на исторію церкви, русскую исторію, географію и ариѳметику посвящаются всего 3 часа въ пятницу вечеромъ; въ субботу, вслѣдствіе необходимости для всѣхъ учениковъ присутствовать у всенощной, уроковъ вовсе не бываетъ, а письмоводствомъ занимаются въ воскресенье. Чисто духовные предметы отнимаютъ столько времени, что рѣшительно невозможно знать хотя что-нибудь изъ такъ называемыхъ предметовъ свѣтскихъ, да не тѣмъ вѣдь и задавался архимандритъ Парѳеній, «усердіемъ котораго» основана въ 1862 году школа, а хотѣлось сдѣлать ему изъ мальчиковъ этихъ будущихъ «истинныхъ служителей Божіихъ» и всецѣло предать ихъ физическія и духовныя способности на пользу монастыря. Монахи съ своей стороны всячески стараются нарисовать предъ дѣтьми картину иноческаго житія попривлека-

тельнѣе, а потому и неудивительно, что монастырская школа, при сравнительно довольно ла сковомъ обращеніи съ учениками, приготовляетъ изъ этихъ дѣтей проникнутыхъ аскетизмомъ и духомъ исключительной монастырской общины. Дома мальчуганъ и голодалъ, и одѣтъ былъ плохо, и на работѣ томился непосильной; дома — грязь, нищета, часто пьянство, колотушки, бѣда, горе безъисходное.... И вдругъ попадаетъ онъ въ совершенно иную атмосферу, въ такое сравнительное для него приволье, какого онъ не только видомъ не видывалъ, но и слыхомъ не слыхивалъ. Тутъ уже не бьютъ его зря, а лишь изрѣдка, да и то за провинности, въ ко-

Икона-барельефъ: Преставленіе Преподобнаго Зосимы.

торыхъ можно и не попадаться, обращаются съ нимъ помягче, онъ сытъ, хотя и не до отвалу первое время онъ прямо-таки отсыпается и отъѣдается; монахи знаютъ эту повадку и не противятся ей, такъ какъ знаютъ очень хорошо, что мальчику нужно сначала войти въ тѣло, а тамъ уже съ него и работу спрашивать можно будетъ. Одѣтъ мальчуганъ опрятно и чисто; бѣлье ему мѣняютъ по два раза въ недѣлю и на работѣ его не томятъ безъ пути, такъ какъ онъ и напредки, какъ работникъ, годится. Очень понятно, что, поживши хотя бы и одну зиму въ обители, мальчикъ рѣшительно на седьмомъ небѣ и не желаетъ для себя ничего лучшаго, какъ навѣки оставаться въ теплѣ, въ чистотѣ и у полной чашки наварной монастырской ухи; все это дѣлается для него идеаломъ земнаго благополучія и не хочется ему уходить отъ хорошаго и искать гдѣ-то вдалекѣ лучшаго, еще неизвѣстнаго, быть можетъ, и недостижимаго. А тутъ «не отъ міра сего» старцы каждый день твердятъ ему о великомъ подвигѣ спасенія, о грѣховности міра, о невозможности внѣ обители соблюсти душу свою; міръ Божій ограничивается для него Соловками, всѣ помыслы его и труды направляются на пользу «вотчины Зосимы и Савватія», и онъ мало-по-малу дѣлается монахомъ и дѣломъ, и словомъ, и помысломъ. Что можетъ его привязать къ міру? Семьи у него нѣтъ или почти нѣтъ, счастья онъ видѣлъ дома мало, а любовь... такъ до нея онъ еще не доразвился физически и съ успѣхомъ заглушитъ въ себѣ ея голосъ постомъ, молитвою и работою. Монастырь спасъ его отъ нищеты и горя; какъ же не возлюбить ему обители «паче всего на свѣтѣ», гдѣ же, кромѣ монастыря, можетъ онъ найти свѣтъ и счастье?

Въ прежнія времена соловецкая библіотека славилась по всей Россіи богатствомъ своимъ по части крайне интересныхъ и древнихъ актовъ; но теперь, по счастью, монахи сообразили, что

имъ рѣшительно ни къ чему эти драгоцѣнности, и передали ихъ въ казанскую духовную академію, никто рукописями не умѣлъ, да и не хотѣлъ пользоваться, — авось либо воспользуются ими люди, нё ушедшіе изъ міра, а живущіе въ немъ и для него. Библіотека помѣщалась въ одной изъ башенъ монастырскихъ, и сами монахи сознаются, что всего болѣе занимались рукописями крысы и черви.

Есть въ монастырѣ и больница, но она не пользуется особымъ сочувствіемъ монаховъ, а является какъ-бы уступкою общественному мнѣнію, — дабы ихъ не укоряли въ нерадѣніи къ здо-

Святыя ворота.

ровью богомольцевъ и не говорили, что они не предпринимаютъ ничего ровно ради санитарнаго благосостоянія своихъ «кормильцевъ». Больница заключается всего только въ двухъ комнатахъ на 600 человѣкъ зимняго населенія обители; воздухъ спертъ; бѣлье, правда, вездѣ весьма чисто, но лекарствъ какъ-то незамѣтно, хотя и имѣется небольшая аптека. Управляетъ больницею фельдшеръ изъ монаховъ; сначала его нанимали отъ монастыря за небольшое вознагражденіе, затѣмъ убѣжденія на него подѣйствовали, и въ концѣ концовъ онъ принялъ постриженіе, т. е. служитъ теперь даромъ. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что благодаря необыкновенно здоровому воздуху Соловецкаго архипелага и хорошимъ условіямъ жизни, заболѣваемость здѣсь весьма незначительна; чаще всего случается чахотка, отъ которой много умираетъ монаховъ; иногда заглядываетъ сюда и горячка, но отъ этой лихой болѣсти и на міру-то еще не придумали какихъ-либо специфическихъ средствъ, кромѣ хорошаго воздуха, чистоты и питательной пищи. Часто, очень часто встрѣчается и сумасшествіе, но оно вовсе не признается за болѣзненное состояніе, а напротивъ того за благодать, выражающуюся въ юродствѣ и провидѣніи.

Вокругъ всего монастыря обходитъ громадная стѣна, бывшая прежде несломимою твердынею противъ враговъ, а теперь служащая лишь украшеніемъ для монастыря и мѣстомъ за-

ключенія для нѣсколькихъ сосланныхъ сюда несчастныхъ заточниковъ. Подъ стѣною, во всю ея длину, тянется галлерея съ пробитыми наружу узкими бойницами и допускающими лишь самый жалкій свѣтъ. Видъ изъ этихъ бойницъ великолѣпенъ; повсюду синѣетъ даль безбрежнаго моря или зелень окрестныхъ лѣсовъ; море по большей части спокойно и въ особенности въ бухтѣ Монастырской, куда волна и пробраться не можетъ отъ выдающихся море косъ и сельгъ. Подъ этимъ верхнимъ ходомъ существуетъ еще и другой, игравшій встарину роль тайника, безъ бойницъ, безъ оконъ, безъ луча свѣта; говорятъ, что уже и не помнятъ, чтобы кто-нибудь изъ монаховъ былъ въ этомъ темномъ ходѣ. Во многихъ мѣстахъ по стѣнѣ возвышаются круглыя башни, сдѣланныя изъ большихъ гранитныхъ глыбъ; мракъ, сырость, плѣсень вокругъ того любопытнаго, который вздумаетъ войти въ башню, и заблудиться здѣсь также легко, какъ и въ лабиринтѣ. Иная башня посвящена помѣщенію чановъ съ квашеной капустой, въ другой — кромѣ мокрицъ и ящерицъ ничего не отыщешь, въ третьей устроена канатная фабрика; всѣмъ-то воспользовались здѣсь монахи, и былая твердыня служитъ теперь для самыхъ мизерныхъ цѣлей.

Садъ монастырскій, хотя и увѣряютъ добрые люди, что садовая растительность въ этихъ широтахъ немыслима, чрезвычайно хорошъ; цвѣтетъ и сирень, и черемуха, и яблони, и вишни, но плодъ вызрѣваетъ рѣдко, развѣ если только лѣто выдастся очень хорошее и теплое. Въ ризницѣ особеннаго богатства не замѣтно, такъ какъ говорятъ, что драгоцѣнности монастырскія хранятся въ государственномъ банкѣ, да и то немного, такъ какъ монастырь Соловецкій не охотно держитъ капиталы мертвыми и торопится обратить ихъ въ деньги, которыя могутъ давать проценты. Но есть здѣсь и такія сокровища, которыя и продать нельзя, такъ какъ цѣнность ихъ заключается лишь въ историческомъ ихъ значеніи. Можно здѣсь видѣть новгородскую данную грамату на владѣніе островами Соловецкими, подписанную посадницею Маѳѳою Борецкою, грамату Іоанна Грознаго, саблю, положенную въ монастырь въ качествѣ вклада княземъ Дмитріемъ Пожарскимъ, мечъ князя Скопина-Шуйскаго, цѣлыя коллекціи чашъ золотыхъ, серебряныхъ и точеныхъ изъ слоновой и моржовой кости. Многіе монахи смущаются и тѣмъ не многимъ, что хранится еще въ ризницѣ; все бы имъ хотѣлось продать, обратить въ деньги, купить становище на Мурманѣ, выстроить еще пароходъ, найти и разработывать каменный уголь гдѣ-нибудь по близости, а то, говорятъ, надоѣло платить деньги англичанамъ.

Всѣ росказни о какихъ-то подземныхъ тюрьмахъ и казематахъ соловецкихъ оказались выдумками; въ Соловкахъ издавна значилась тюрьма, которая существуетъ еще и понынѣ, но ничего особенно страшнаго она изъ себя не представляетъ, и совершенно сходна со всѣми обыкновенными тюрьмами и острогами, находящимися въ Россіи. Правда, много крови пролилось въ былыя времена въ этихъ мрачныхъ стѣнахъ, много стоновъ слышали онѣ, много слезъ пролито въ этихъ темницахъ; издавна не дѣлали сословнаго различія при ссылкѣ въ соловецкую тюрьму и сажали въ нее и князей родовитыхъ, и бояръ крамольныхъ, и архіереевъ, докучливыхъ заступниковъ за правду и истину, и расколоучителей, которые скорѣе соглашались мучиться въ темницѣ, нежели отречься отъ своихъ убѣжденій. Сотнями являлись сюда въ XVI, XVII и даже XVIII вѣкѣ колодники, въ сопровожденіи воинскихъ командъ; страдали здѣсь и за истину, и за самыя странныя заблужденія, и за казнокрадство за крамолы, и за разбои, а во времена Петра и за противничество его новаторскимъ начинаніямъ. Далеко не то представляетъ изъ себя въ настоящее время тюрьма Соловецкая; зданіе ея громадно, но сидитъ въ ней народа весьма мало — не то, что въ прежнія времена, когда стѣны ломились отъ многочисленности заключенниковъ. Содержимые здѣсь раздѣляются на два разряда: на арестантовъ, которыхъ нельзя видѣть, и на заключенниковъ «не въ родѣ арестантовъ», какъ называются они на офиціальномъ языкѣ. Между арестантами въ особенности славился извѣстный Николай Ильинъ; Ильинъ этотъ — личность любопытная и объ немъ мы скажемъ нѣсколько словъ для того, чтобы показать читателю, что называется въ Соловкахъ «опаснымъ арестантомъ». Ильинъ служилъ когда-то въ военной службѣ

капитаномъ, но затѣмъ оказался принадлежащимъ къ такой странной сектѣ, которой онъ же былъ и основателемъ, и учителемъ, и пропагандистомъ самымъ ревностнымъ и неопасливымъ. Сослали его на Соловки, причемъ архимандриту, конечно, вмѣнено было въ непремѣнную обязанность поучать его и стараться вразумить. Ильинъ долго сидѣлъ «въ секретѣ», и никакъ не удавалось архимандриту убѣдить его въ томъ, что его формула: «Богъ Отецъ, Богъ Сынъ, Богъ-я» страдаетъ отсутствіемъ логики. У дверей занимаемой Ильинымъ каморы всегда стоялъ часовой. Однажды мѣстному начальнику инвалидной команды вздумалось сдѣлать смотръ своей командѣ; «здорово ребята!» крикнулъ онъ солдатамъ, подходя ко взводу, но вмѣсто обычнаго: «здравія желаемъ!» вдругъ раздалось, повторенное всѣми воинами: «Богъ Отецъ, Богъ Сынъ, Богъ-я!» Изумленію начальника не было границъ, такъ какъ оказалось, что его войско переведено Ильинымъ въ секту. Конечно, къ «арестантамъ» никого не пускаютъ, хотя и говорятъ, что при старомъ архимандритѣ «капитанъ» (Ильинъ) ходилъ свободно вездѣ; посѣщалъ монастырскія кельи, гулялъ по окрестностямъ, читалъ книги, и никакого осязательнаго вреда государству отъ этого слабоумнаго человѣка замѣчено не было; и монахи попроще, и солдаты такъ выражаются объ этомъ вредномъ человѣкѣ: «чудной», говорятъ они, «человѣкъ и больше ничего; изъ себя жида изображаютъ, субботу соблюдаютъ и разное такое; одначе съ архимандритомъ горды очень — не очень покоряются; тѣ ихъ назадъ обращаютъ, въ православіе, а они не слушаются, на своемъ стоятъ. «Есть среди арестантовъ еще, по слухамъ, купецъ какой-то, но о немъ рѣшительно ничего даже и монастырскимъ неизвѣстно. Но наибольшій, конечно, интересъ представляютъ тѣ заключенники, которые на мѣстномъ офиціальномъ языкѣ называются: «не въ родѣ арестантовъ» или же «добровольными». Одинъ изъ таковыхъ совершенно худой и будто высохшій старикъ; голова его, совершенно сѣдая, едва держится уже на плечахъ, глаза безсмысленно устремлены куда-то впередъ, а губы шепчатъ не то молитву, не то давно мучащую его, затаенную мысль; былъ и онъ прежде арестантомъ; 82-лѣтній старикъ успѣлъ въ 40 лѣтъ заточенія лишиться разсудка. Вывели его изъ тюрьмы на свѣтъ Божій, на волю; походилъ онъ нѣсколько на свободѣ, ничего не сознавая и совершенно безсмысленно посматривая на все окружавшее его, и вернулся въ свой номеръ, откуда болѣе уже и не выходитъ... Другой добровольный заточенникъ представляетъ собою совершенно иной типъ: это нослый, здоровый мужчина, бывшій прежде въ Петербургѣ палачемъ; по окончаніи своей куда ревеселой службы вслѣдствіе уничтоженія тѣлесныхъ наказаній, онъ подъ вліяніемъ, вѣроятно ужасовъ своего ремесла, пожелалъ постричься въ Соловкахъ; дѣло было изъ ряду вонъ выходящее, но монахи отнеслись къ несчастному сочувственно и выразили свое согласіе принять его въ свою среду, съ тѣмъ, однако, непремѣннымъ условіемъ, что былой «заплечный мастеръ» совершитъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ тяжелый искусъ — просидѣть въ Соловецкой тюрьмѣ. Палачъ, повидимому, совершенно доволенъ своимъ положеніемъ, а монахи полагаютъ, что, по

Тюрьма и башня въ Соловецкомъ монастырѣ.

окончаніи искуса, они пріобрѣтутъ въ новомъ братѣ добрую рабочую силу на пользу «вотчинѣ Зосимы и Савватія».

Столуются и харчуются и монахи, и богомольцы въ трапезѣ, куда ведетъ длинный корридоръ, стѣны котораго расписаны разными ужасами по части зміевъ и скорпіевъ, наводящихъ непо-

Отецъ Іоаннъ, капитанъ парохода «Надежда».

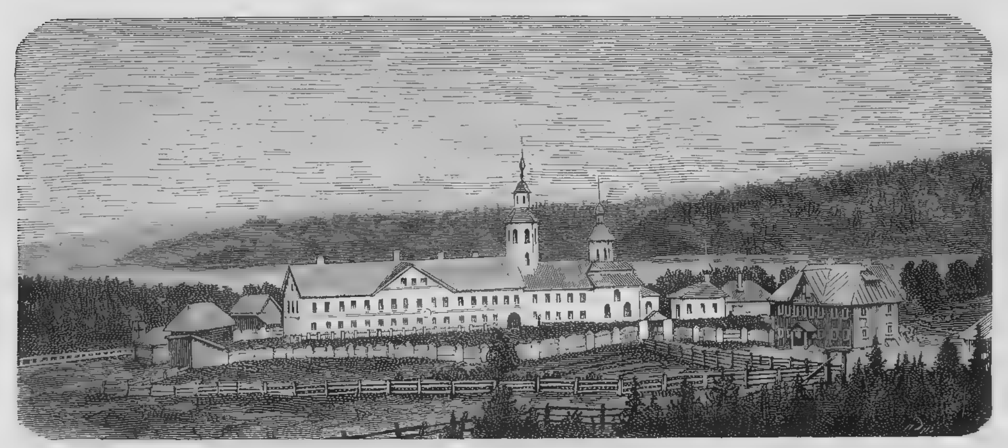
мѣрный страхъ на души богомольцевъ и въ особенности богомолокъ. Самая трапеза помѣщается въ весьма обширной залѣ со сводами, опирающимися на одну громадную колонну; вся зала расписана

разными картинами духовнонравственнаго содержанія. Столъ для богомольцевъ устроенъ въ сторонкѣ отъ братскихъ столовъ. Цѣлыхъ три дня кормитъ монастырь богомольца на свой коштъ, а затѣмъ, если только онъ не получилъ особаго разрѣшенія отъ высшихъ монастырскихъ властей, онъ долженъ собирать свои пожитки и отправляться въ обратный путь; кормежка состоитъ изъ обѣда и ужина, за которыми полагается сидѣть тихо и смирно и не вести мірскихъ разговоровъ, чтобы не мѣшать дежурному монаху читать житія святыхъ. Передъ каждымъ столующимся стоитъ оловянная тарелка и положены ложка, вилка и ножикъ, а на каждые 4 человѣка подается миска съ варевомъ; прикоснуться къ кушанью нельзя прежде, нежели ударитъ колоколъ. При первомъ ударѣ всѣ по-своему молятся и садятся за столъ, но ѣсть не смѣютъ, пока не раздастся третій ударъ колокола, и послушники разнесутъ кусочки благословеннаго хлѣба; новый ударъ колокола возвѣщаетъ всякую перемѣну кушаній, а послѣ ѣды всѣ встаютъ изъ-за стола и поютъ благодарственную молитву. За ѣдою, какъ и вездѣ, дѣлаютъ различіе между сословіями, такъ какъ крестьянъ въ трапезу не допускаютъ и даютъ обѣдать внизу со служителями, а женщины обѣдаютъ отдѣльно отъ всѣхъ, ради избѣжанія соблазна.

Чудовская пустынь на Сѣкирной горѣ.

Однимъ изъ главныхъ хозяйственныхъ учрежденій Соловецкой обители слѣдуетъ считать ту ферму, которая находится на другомъ островѣ, извѣстномъ подъ именемъ Муксальмы. Дорога туда и превосходно устроена, и красива до чрезвычайности. Проѣхавши нѣсколько верстъ, путникъ видитъ море и чудо человѣческаго труда—перекинутый черезъ проливъ мостъ. Муксальма отдѣляется отъ Соловецкаго острова клочкомъ моря въ двѣ версты ширины, а между тѣмъ нужда заставляла монаховъ часто бывать на этомъ островѣ. Долго не думая и пользуясь услугами добровольныхъ страдомниковъ, монахи просто-напросто завалили проливъ каменьями, устроили такимъ образомъ искусственный перешеекъ, посыпали поверхъ его щебня, песку, и теперь никакія бури не въ состояніи разрушить эту титаническую работу; посреди этой каменной гати устроенъ проходъ для судовъ, а черезъ него перекинутъ деревянный мостикъ. Бойко бѣгутъ монастырскія, сытыя лошадки по ровной, прекрасной дорогѣ и скоро доставляютъ любопытнаго на зеленую мураву Муксальмы. Здѣсь на Муксальмѣ находятся до 200 дойныхъ коровъ монастырскихъ, птичій дворъ, лошади и ферма. Быковъ монахи не держатъ на стойлѣ, а едва поднимется трава, приблизительно въ началѣ іюня, выпускаютъ ихъ пастись, гдѣ имъ заблагоразсудится, до конца лѣта, когда ихъ по порошѣ, чуть не вполнѣ одичавшихъ, монахи ловятъ арканами и возвращаютъ на скотный дворъ. Скотина рогатая принадлежитъ къ холмогорской породѣ, но отличается отъ этой послѣдней ростомъ и мясистостью, благодаря необыкновенно тщательному уходу за нею и чистотѣ, въ которой она содержится. Лошади принадлежатъ, къ такъ называемой, вятской породѣ, сильны, легки на ходу и крайне выносливы; ради того, чтобы порода не вырождалась, монастырь время отъ времени возобновляетъ кровь, и еще недавно капитанъ монастырскаго парохода, отецъ Іоаннъ, прежде служившій на иностранныхъ судахъ въ дальнихъ плаваніяхъ, а нынѣ смиренный инокъ, привезъ изъ Архангельска 10 заводчиковъ и кобылъ ради возобновленія породистости въ монастырскомъ конномъ дворѣ.

Соловецкіе монахи, восхищающіеся постоянно всѣмъ своимъ, увѣряютъ между прочимъ, что «Соловецкіе острова—вѣнецъ, а Сѣкирная и Голгоѳа — адаманты вѣнца сего». Проѣхать на Сѣкирную стоитъ всего по 50 к. съ человѣка, хотя въ два конца и приходится сдѣлать 32 версты. Лишь только выѣдешь на лѣсную дорогу, нельзя отвести глазъ отъ прелестныхъ, развертывающихся передъ путникомъ видовъ; одинъ пейзажъ прелестнѣе другаго смѣняются чуть не поминутно. Дорога идетъ по довольно гористой мѣстности и пробита и разработана по

Троицкій Анзерскій скитъ.

откосамъ этихъ горъ, при чемъ слѣва отъ экипажа возвышается чуть не отвѣсная гора, поросшая лѣсомъ, а справа у ногъ раскидывается необъятная пропасть. Послѣ четырехчасоваго пути, довольно труднаго для лошадей и почти незамѣтнаго для пассажира вслѣдствіе окружающихъ его красотъ природы, богомольцы прибываютъ въ такъ называемую Савватіевскую пустыню, гдѣ, по преданію, сначала поселился св. Савватій. У пустыни разбитъ цвѣтникъ съ такими цвѣтами, о которыхъ никто и не думаетъ на сѣверѣ, а въ церкви идетъ непрестанный молебенъ. Самый скитъ Сѣкирный помѣщается на высокой горѣ. Узкая, но прекрасно сработанная дорога извилистою лентою взбирается на самую вершину горы, гдѣ словно виситъ надъ пропастью скитъ, славящійся подвижничествомъ своихъ обитателей; трудно, до-нельзя трудно взобраться на Сѣкирную гору, такъ какъ приходится слѣзать съ линейки и пользоваться уже своими собственными ногами. Монахи здѣсь работаютъ ложки, но денегъ съ гостя за нихъ ни за что не возьмутъ. Тутъ уже дѣйствительное пустынножительство, роскоши нѣтъ, кельи малы и царитъ необычная простота; въ силу этого, вѣроятно, изъ 500 человѣкъ братіи и нашлось всего семеро, которые захотѣли уединиться въ Сѣкирный скитъ.

Не менѣе Сѣкирной горы славятся своими дивными видами Анзеры и въ особенности островъ Большой Анзерскій, гдѣ находятся Анзерскій и Голгоѳскій скиты. Островъ чрезвычайно скалистъ, и у береговъ его происходитъ главный ловъ трески и иной рыбы для монастырской трапезы. Съ Соловецкаго острова приходится на Большіе Анзеры переправляться на карбасахъ на веслахъ, для чего на берегу и живетъ постоянно отъ монастыря монахъ-перевозчикъ съ нѣсколькими рабочими. Переѣздъ въ тихую погоду не представляетъ никакихъ затрудненій, но за то, чуть засвѣжѣетъ, попасть на Анзеры становится не только труднымъ, но почти невозможнымъ; быстрота теченія въ этомъ плесѣ, проливѣ, или, какъ говорятъ на сѣверѣ, салмѣ изумительна, а когда «распадется» вода, т. е. пойдетъ на прибыль, то на веслахъ и вовсе не выгребешь, да и подъ парусами едва справишься. Всего въ полтора часа совершается въ хорошую

погоду переѣздъ на Анзеры, гдѣ лодки подходятъ къ берегу у часовеньки; говорятъ, будто бы на мѣстѣ нынѣшней часовни стояла когда-то «хижа» основателя скита старца Елеазара, который кормился здѣсь тѣмъ, что работалъ деревянную посуду и ждалъ, пока проѣздомъ на Мурманъ заѣдутъ къ нему за нею промышленники; самая торговля производилась совершенно особеннымъ способомъ: изготовленную въ продажу посуду Елеазаръ выставлялъ по берегу на пристани, а самъ, не желая встрѣчаться съ людьми, пришедшими изъ грѣховнаго міра, удалялся подальше отъ берега; между тѣмъ приходили поморы, брали посуду и на мѣсто ея, въ отплату, клали на берегу хлѣбъ и другіе съѣстные припасы, въ которыхъ, по ихъ предположенію, долженъ былъ нуждаться пустынникъ. Отъ этой береговой часовни богомольцы идутъ $2^1/_2$ версты пѣшкомъ до самаго Анзерскаго скита, раскинувшагося съ своими бѣлокаменными кельями и церковью въ прелестной, зеленѣющей ложбинѣ, гдѣ все дышетъ жизнію и только скитъ одинъ напоминаетъ собою о смерти. Въ скиту живетъ 14—15 монаховъ, которые руководствуются до сихъ поръ уставомъ патріарха Никона — этого сначала любимца «тишайшаго царя», а затѣмъ его врага. Никонъ многое сдѣлалъ для излюбленныхъ своихъ Анзеръ, выхлопоталъ имъ разныя привилегіи, собралъ много вкладовъ и задушбинъ. Теперь близъ скита ловятся лучшія соловецкія сельди и семга, а осенью идетъ весьма обширный тюленій промыселъ, при чемъ бьютъ и морскихъ зайцевъ.

Іисусо-Голгоѳскій скитъ.

Кто попалъ въ Анзерскій скитъ, тому подобаетъ отправиться и на Голгоѳу; иначе и монахи обидятся, да и богомольцы посмотрятъ косо на такое отъ нихъ чуранье, да кромѣ того путникъ будетъ вознагражденъ вполнѣ за этотъ путь несказанною прелестью пейзажа, котораго, даже и на вообще красивыхъ Соловкахъ, онъ нигдѣ не найдетъ въ другомъ мѣстѣ. Въ самомъ Анзерскомъ скиту сажаютъ богомольцевъ на линейку—долгушу и везутъ прямо на Голгоѳу, отстоящую отъ скита въ шести, семи верстахъ. Уже на второй верстѣ дорога круто начинаетъ подниматься на гору, имѣющую форму совершенно подобную сахарной головѣ. Все время дорога эта идетъ по откосамъ горы винтомъ, между зелеными лѣсами, въ виду голубыхъ, а иногда и совершенно чорныхъ отъ желѣзной окиси озеръ, блистающихъ на солнцѣ у подошвы горы. Далеко, далеко на верху, словно маякъ бѣлѣется церковь Голгоѳскаго скита, которая выстроена на самой вершинѣ горы, тамъ, гдѣ впору жить только орламъ соловецкимъ, а быстрыя чайки куда и не залетаютъ. Здѣсь-то, на вершинѣ Голгоѳы и жилъ преподобный Елеазаръ, а послѣ него старецъ Іисусъ, по имени котораго и скитъ названъ Іисусовскимъ. Здѣсь этотъ пустынникъ водрузилъ крестъ въ 1712 году и тѣмъ положилъ начало самому скиту. Тутъ не поютъ молебновъ, потому что мощи схимонаха Іисуса не канонизованы: служатъ однѣ лишь панихиды.

Таковы Соловки—«вотчина Св. угодниковъ Зосимы и Савватія». Ходятъ про эту сильную, своеобразно и самобытно развившуюся и во всякомъ случаѣ очень обдуманно организованную монастырскую общину нашей сѣверной окраины весьма различные толки: одни восхищаются ею, другіе напротивъ возмущаются существующими въ ней порядками, основанными будто бы на эксплоатаціи монастырскою братіею чужаго и притомъ дароваго труда и на искусномъ будто

бы вымогательствѣ значительныхъ пожертвованій изъ скудныхъ сбереженій недостаточныхъ жителей сѣвера. Но изъ всѣхъ свидѣтельскихъ показаній о дѣятельности Соловецкой монастырской братіи очевидно, что она не тунеядствуетъ, а напротивъ трудится и работаетъ такъ много и такъ разумно, какъ ни въ одномъ изъ другихъ монастырей гораздо болѣе обезпеченныхъ, и что при этомъ она является опытною, умѣлою и образцовою руководительницею хорошо организованнаго труда этой вышедшей изъ жизни народной крестьянской, но вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнно христіанской общины. А «добровольные страдомники», отдавшіе этой монастырской общинѣ на время свой даровой трудъ, но научившіеся въ монастырѣ «уму, разуму», не выносятъ ли изъ Соловковъ въ свои селенія многое несомнѣнно полезное для всего Сѣвера. И наконецъ не даетъ ли «вотчина Св. угодниковъ Зосимы и Савватія» этимъ страдомникамъ, да и всѣмъ многочисленнымъ доброхотнымъ жертвователямъ ее посѣщающимъ, взамѣнъ ихъ пожертвованій, дѣйствительнаго удовлетворенія нѣкоторымъ духовнымъ потребностямъ, отчасти можетъ быть и своеобразнымъ, но во всякомъ случаѣ глубоко коренящимся въ русскомъ простолюдинѣ и составляющимъ самое дорогое его достояніе, именно потому, что достояніе это не вещественное, а духовное и притомъ вполнѣ индивидуальное. И если бы Соловецкая обитель не удовлетворяла этимъ народнымъ потребностямъ, то едва ли могла бы устоять и вся организація монастырской общины, несомнѣнно измѣнившаяся съ XV вѣка и въ послѣдующихъ столѣтіяхъ, не исключая и XIX, постоянно примѣнявшаяся къ современнымъ потребностямъ нашей сѣверной окраины. Поэтому не поверхностнаго и чисто отрицательнаго порицанія заслуживаетъ своеобразная организація Соловецкой монастырской общины, а напротивъ внимательнаго изученія, какъ фактъ не только существующій, но имѣющій глубокія историческія и нравственныя причины своего существованія. И едва ли такое изученіе не приведетъ безпристрастнаго наблюдателя къ убѣжденію, что до тѣхъ поръ, пока «вотчина Св. Зосимы и Савватія» будетъ удовлетворять, какъ она удовлетворяла донынѣ, потребностямъ жителей нашей сѣверной окраины, до тѣхъ поръ, пока она не разойдется съ жизненными запросами русскаго народа, и къ отдаленной, но священной для русскаго человѣка и нынѣ мирной Соловецкой обители, говоря языкомъ русскаго поэта, «не зарастетъ народная тропа.»

В. Н. Майновъ.

Принадлежности богомольцевъ.

ОЧЕРКЪ XII.

ОБЛАСТЬ КРАЙНЯГО СѢВЕРА ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССІИ ВЪ ЕЯ СОВРЕМЕННОМЪ ЭКОНОМИЧЕСКОМЪ СОСТОЯНІИ.

Составъ и предѣлы области. — Климатическія и почвенныя ея условія и вліяніе ихъ на характеръ ея заселенія и эксплоатаціи. — Пространство области и общая плотность ея населенія: кажущаяся и дѣйствительная. — Естественные округи или *мѣстности* области въ ихъ отношеніяхъ съ удобствомъ заселенія и эксплоатаціи. — Мѣстности: Кубенская, Сухоно-Югская, Двинско-Онежская, Пинежско-Вычегодская, Мезенско-Печорская и Кемско-Лапландская. — Прирастаетъ ли вообще населеніе области? — Хлѣбопашество въ различныхъ ея мѣстностяхъ. — Льноводство. — Обезпечивается ли населеніе края мѣстнымъ хлѣбопашествомъ и откуда получаетъ недостающее ему количество хлѣба? — Отрасли фабричной и кустарной промышленности, передѣлывающія предметы земледѣлія. — Скотоводство. — Рогатый скотъ, молочное хозяйство и сыровареніе. — Лошади края. — Передѣлка произведеній скотоводства заводскою и кустарною промышленностью. — Причины развитія неземледѣльческихъ промысловъ въ области. — Эксплоатація лѣса. — Лѣспильные заводы, судостроеніе, смолокуреніе, охота въ лѣсахъ и роль каждой изъ отраслей лѣснаго промысла въ народномъ хозяйствѣ края. — Роль рыболовства, морскихъ и звѣриныхъ промысловъ. — Минеральныя богатства края и ни-

чтожная роль, которую еще играетъ ихъ эксплоатація въ общей его экономіи. — Отхожіе промыслы и занятія населенія области крайняго сѣвера въ столицахъ. — Водные судоходные пути края и значеніе Двинской судоходной системы. — Волоки, ведущіе къ ней изъ Вятской губерніи. — Ярославско-Вологодская желѣзная дорога и каналъ Герцога Александра Виртембергскаго. — волоковыя и внутреннія пристани края. — Направленіе и характеръ судоходнаго движенія. — Бѣломорскіе порты, отпускная и привозная ихъ торговля и значеніе въ ней транзита. — Ярмарки края. — Лежащія на населеніи подати государственныя и земскія. — Падаетъ ли или возвышается производительность Бѣломорской области? — Не зависитъ ли кажущійся экономическій упадокъ Сѣвера отъ болѣе медленнаго, по сравненію съ другими областями государства, развитія его производительности и отъ уменьшенія его относительнаго значенія при постепенномъ ростѣ и развитіи русскаго государства? — Относительное значеніе области крайняго сѣвера для Новгородскаго народоправства, Московскаго царства и Всероссійскаго государства. — Насколько коснулись области крайняго сѣвера реформы послѣдняго 25-лѣтія, а именно крестьянская реформа, судебныя и земскія учрежденія. — Вліяніе послѣднихъ на народное образованіе и общее состояніе народнаго образованія въ краѣ. — Насколько коснулась края сѣть русскихъ желѣзныхъ дорогъ? — Причины относительно медленнаго развитія производительности края, его нужды и потребности.

одъ областью *крайняго сѣвера* Европейской Россіи разумѣемъ мы только двѣ ея губерніи: Архангельскую и Вологодскую, поставленныя самою природою, историческимъ ходомъ развитія ихъ населенія и нынѣшнимъ экономическимъ его положеніемъ въ столь обособленныя и своеобразныя условія, что мы считаемъ себя вправѣ принимать эти двѣ губерніи за *самостоятельную* естественную и культурно-историческую *область*, одну изъ тѣхъ четырнадцати большихъ областей, на которыя мы, для удобства обозрѣнія, дѣлимъ всю Европейскую Россію.

Область эта, которую можно было бы назвать также *Бѣломорскою*, почти совпадаетъ, въ предѣлахъ Европейской Россіи, съ бассейномъ рѣкъ Сѣвернаго океана. На крайнемъ востокѣ она опирается на сѣверную оконечность Уральскаго хребта, отдѣляющаго ее отъ Западной Сибири; на юго-востокѣ граничитъ съ сосѣднею Уральскою областью, которая изъ Чердыни, а особливо изъ своей Вятской житницы, снабжаетъ Бѣломорскую область недостающимъ ей для мѣстнаго потребленія количествомъ хлѣба, при помощи громадныхъ, хотя не совсѣмъ удобныхъ въ верхнихъ своихъ частяхъ, водныхъ путей Печорскаго, Лузскаго и Югскаго. На югѣ наша область прилегаетъ къ верхне-волжской или Московской промышленной области, съ которою связана узко-колейною вологодско-ярославскою желѣзною дорогою, снабжающею Бѣломорскую область московскими мануфактурными издѣліями, взамѣнъ произведеній молочнаго хозяйства и охоты, которыя она посылаетъ на обширный рынокъ Москвы. На юго-западѣ Бѣломорская область ограничена Озерною или древне-Новгородскою областью, изъ которой получила, еще начиная съ XI вѣка, свою русскую колонизацію и съ которой главная водная система области, Двинская, связана искусственнымъ воднымъ путемъ, выводящимъ нѣкоторыя произведенія области на Балтійскіе водные пути. Въ сѣверо-западномъ своемъ углу Бѣломорская область примыкаетъ къ Норвегіи и Финляндіи, къ физическому типу которой русская Лапландія составляетъ какъ бы естественный переходъ. Наконецъ на сѣверѣ область омывается непривѣтливымъ Сѣвернымъ океаномъ, обширный средиземный заливъ котораго образуетъ Бѣлое море, играющее столь важную роль въ экономіи крайняго сѣвера. Къ этому морю стремятся всѣ важнѣйшія рѣки области, какъ напримѣръ Двина, Онега, Мезень, Выгъ, за исключеніемъ впрочемъ одной только Печоры, впадающей непосредственно въ негостепріимный Сѣверный океанъ и потому столь мало доступной для морскаго судоходства въ своихъ устьяхъ.

Климатическія условія Бѣломорской области представляются для жизни и экономической дѣятельности человѣка самыми неблагопріятными во всей Европейской части свѣта. За исключеніемъ трехъ уѣздовъ Вологодской губерніи, окружающихъ Кубенское озеро и имѣющее ихъ

среднюю годовую температуру свыше 2°, вся остальная Бѣломорская область обладаетъ средней годовой температурой около 1°, а обширный сѣверо-восточный ея уголъ, состоящій преимущественно изъ Мезенскаго уѣзда Архангельской губерніи, Яренскаго и Устьсысольскаго Вологодской, имѣетъ даже среднюю температуру ниже нуля. Только въ юго-западномъ углу области, опять-таки въ трехъ уѣздахъ Вологодской губерніи, окружающихъ Кубенское озеро, есть еще сплошныя пространства, удобныя для земледѣлія и осѣдлости; иловатая плодородная ихъ почва, происшедшая здѣсь вѣроятно изъ осадковъ озерныхъ бассейновъ, имѣвшихъ въ доисторическую эпоху болѣе обширное распространеніе чѣмъ нынѣшнее Кубенское озеро, при благопріятныхъ еще климатическихъ условіяхъ, даетъ хорошіе урожаи и небольшой хлѣбный избытокъ. Вся же остальная часть области не представляетъ достаточныхъ удобствъ для сплошной колонизаціи, такъ какъ почти двѣ трети ея состоятъ изъ неизмѣримой поверхности сплошныхъ, непочатыхъ и какъ губка проникнутыхъ влагою болотистыхъ лѣсовъ, мѣстами перемежающихся съ обнаженными отъ лѣсной растительности, непролазными моховыми болотами. Только изрѣдка посреди этого океана влажной болотистой и безплодной почвы, кое-какъ скрѣпленной и связанной корнями вѣковыхъ деревьевъ, но за то и густо затѣненной ихъ чащею, поднимаются, въ видѣ необширныхъ пологихъ островковъ, небольшія пространства, хотя тоже заросшія лѣсомъ, но способныя послѣ его выжиганія и расчистки для культуры и осѣдлаго населенія. Особенно часто, и притомъ длинными грядами, встрѣчаются такіе относительно сухіе острова посреди влажной лѣсной стихіи вдоль теченій рѣкъ, успѣвшихъ высосать изъ почвы влагу, втянутую ею въ себя въ теченіе тысячелѣтій, и въ нѣкоторомъ родѣ дренировать болѣе или менѣе обширныя полосы вдоль своего теченія. Устроится послѣ тяжелой борьбы съ природою небольшая крестьянская община на одномъ изъ полого-возвышенныхъ, сравнительно сухихъ островковъ влажнаго лѣснаго океана и расчиститъ удобное для культуры, но ограниченное тѣсными предѣлами пространство, и неминуемо размножится она при столь благопріятныхъ для культуры, а слѣдовательно и прироста населенія, условіяхъ, на своемъ небольшомъ оазисѣ; но оазисъ этотъ сдѣлается мало-по-малу для нея настолько тѣснымъ, что уже не сможетъ прокормить своего, не вмѣру сгустившагося, хотя слабаго численностью, населенія. А когда островокъ, стѣсненный и ограниченный со всѣхъ сторонъ влажною стихіею лѣснаго океана, достигъ крайняго предѣла своей емкости или вмѣстимости для осѣдлаго населенія, то населеніе это вынуждено искать себѣ подспорья въ отхожихъ, не земледѣльческихъ, лѣсныхъ или морскихъ промыслахъ. Вслѣдъ за тѣмъ, когда уже и это не помогаетъ, общинѣ остается высылать избытокъ своего населенія на эмиграцію, для которой выселенцы должны не только отыскать себѣ новый островокъ, но и завоевать его путемъ, столь тяжелой для перваго насельника, борьбы у дикой, дѣвственной природы сѣвера. Если же населеніе не захочетъ покинуть своего оазиса, то оно должно обречь себя на тѣ страшные дефициты, которые вслѣдствіе избытковъ смертей передъ рожденіями, въ неблагопріятные для существованія населенія годы, все чаще и чаще обрѣзываютъ естественный его приростъ и не дозволяютъ ему перейти численную границу емкости или вмѣстимости для населенія данной мѣстности; подобно тому, какъ нѣсколько далѣе къ сѣверу той же области, холода и полярные вѣтры не позволяютъ дереву подняться выше опредѣленной и весьма незначительной высоты, убивая высокіе и роскошные побѣги, слишкомъ смѣло поднявшіеся въ исключительно благопріятные годы надъ предѣльнымъ ростомъ деревьевъ, которыя превращаются въ кустарники, по мѣрѣ приближенія къ предѣламъ лѣсной растительности. За этимъ предѣломъ уже вовсе невозможна осѣдлая жизнь: мертвая, безжизненная тундра окутываетъ своимъ, въ лѣтнее время года сѣрымъ—ягелевымъ, а въ зимнее бѣлымъ—снѣжнымъ саваномъ всю земную поверхность; древесныя породы не поднимаютъ своихъ пышныхъ тѣнистыхъ головъ надъ поверхностью почвы, а смиренно ползутъ и стелятся по землѣ въ видѣ «сланца»; хлѣбъ и огородныя овощи не могутъ вызрѣвать въ теченіе кратковременнаго лѣта; — и царь природы — человѣкъ является въ этихъ мѣстностяхъ уже только какъ бы случайнымъ гос-

темъ: или въ видѣ насельника поселковъ, имѣющихъ характеръ факторій служащихъ точками опоры для хищнической эксплоатаціи кое-какихъ богатствъ непривѣтливаго края; или въ видѣ полярнаго кочевника, бродячаго оленевода, въ теченіе тысячелѣтій выродившагося какъ бы въ особую породу полярныхъ людей, — къ которымъ относятся эскимосы въ полярныхъ частяхъ Америки, чукчи и остяки въ Азіи, самоѣды и лопари въ Европѣ.

Весьма естественно, что, при такихъ условіяхъ полярной природы, климата и почвы, разсматриваемая нами страна, извѣстная новгородцамъ уже съ IX вѣка подъ именемъ *Заволочья*, то есть, *страны за волокомъ*, если идти къ ней отъ Новгорода, — никогда не играла и не могла играть совершенно самостоятельной исторической роли. Перейдя за волокъ, то есть водораздѣлъ, раздѣляющій Балтійскій и Волжскій бассейны, съ одной стороны, отъ бассейна Сѣвернаго океана, съ другой, — древніе новгородцы, которымъ никто не можетъ отказать въ способностяхъ отважныхъ и опытныхъ колонизаторовъ, могли занять своею прочною и впослѣдствіи сплошною колонизаціею только три югозападные уѣзда Вологодской губерніи, которые представляли единственную мѣстность всей области, не менѣе удобную для колонизаціи, чѣмъ коренная Новгородская область. Вслѣдъ за тѣмъ въ четырехъ слѣдующихъ уѣздахъ Вологодской губерніи, расположенныхъ по теченію Сухоны, Юга и верхней Ваги, Новгородцы встрѣтили уже страну, не представляющую удобныхъ мѣстностей для сплошной колонизаціи, кромѣ широкихъ полосъ вдоль теченій упомянутыхъ рѣкъ. Полосы эти они и заняли до Вельска и Великаго Устюга, отчасти отбросивъ, отчасти подчинивъ и постепенно ассимилировавъ финскихъ аборигеновъ области, извѣстныхъ новгородцамъ подъ именемъ Заволоцкой чуди. Но подвигаясь далѣе вдоль теченія рѣкъ, новгородцы вступили уже въ страну, неспособную, неудобную для осѣдлой земледѣльческой колонизаціи, — страну, которой естественныя богатства, разбросанныя на громадныхъ протяженіяхъ, могутъ быть эксплоатируемы, можно сказать, только полухищническими набѣгами; а потому и не колонизировали ее, а заводили въ ней, опять-таки вдоль единственныхъ путей сообщеній, т. е. судоходныхъ рѣкъ, свои опорные пункты — городки. Этотъ способъ тотъ самый, посредствомъ котораго другое могучее колонизаторское племя, сумѣвшее колонизовать громадныя пространства Новаго Свѣта, — англичане, опираясь на способную къ осѣдлой земледѣльческой колонизаціи небольшую сравнительно Канаду, эксплоатируютъ все обширное, состоящее въ ихъ владѣніи пространство до впаденія р. Мекензи въ Сѣверный океанъ и до границъ бывшей Русской Америки, то есть страну находящуюся въ аналогическихъ условіяхъ климата и природы съ сѣверною окраиною Европейской Россіи.

По обширности своей Бѣломорская область занимаетъ рѣшительно первое мѣсто между четырнадцатью естественными и культурно-историческими областями Европейской Россіи. А именно, наша область заключаетъ въ себѣ въ круглыхъ цифрахъ свыше 20,000 квадратныхъ географическихъ миль, т. е. болѣе милліона квадратныхъ верстъ или болѣе ста милліоновъ десятинъ на европейскомъ материкѣ, не считая пустынныхъ острововъ Ледовитаго океана: Новой Земли, Вайгача и Колгуева, которыхъ пространство превосходитъ 1500 кв. геогр. миль. Къ сожалѣнію, значеніе этой необъятной территоріи, болѣе чѣмъ вдвое превосходящей площадь Франціи и почти вчетверо площадь Великобританіи, значительно умаляется тѣмъ, что на всемъ этомъ пространствѣ, занимающемъ *одну пятую* часть всей Европейской Россіи, живетъ только *одна пятидесятая* часть ея населенія, а именно около 1,350,000 жителей обоего пола. Такимъ образомъ плотность населенія этой страны представляетъ невѣроятно малую и ни въ какой другой части Европы несуществующую цифру 70 жителей на квадратную географическую милю или полтора человѣка на квадратную версту. Но эта неимовѣрно малая плотность населенія есть явленіе только кажущееся. Между тѣмъ какъ въ центральныхъ и западныхъ и даже осѣдло заселенныхъ южныхъ частяхъ Россіи, вся безъ исключенія земля состоитъ въ дѣйствительномъ пользованіи ея владѣльцевъ — сельскихъ и городскихъ общинъ или частныхъ собственниковъ, — и даже тѣ относительно небольшія пространства земель, которыя принадлежатъ государству, болѣе или менѣе правильно эксплоати-

руются или сдаются мѣстному населенію какъ оброчныя статьи,—здѣсь, въ Бѣломорской области, изъ 100 милліоновъ десятинъ только 6 милліоновъ находятся въ дѣйствительномъ владѣніи населенія (до 900 т. дес. у личныхъ землевладѣльцевъ и болѣе 5 милліоновъ во владѣніи общинъ бывшихъ государственныхъ, удѣльныхъ и владѣльческихъ крестьянъ). Затѣмъ характеризованный выше лѣсной океанъ занимаетъ до 58 милліоновъ десятинъ, а тундры за предѣлами лѣсной растительности до 34 милліоновъ дес.; остальное приходится на озера, водныя поверхности и пр. Слѣдовательно цифру 1.350.000 жит. слѣдовало бы дѣлить не на все пространство области, а только на занятые населеніемъ оазисы, и въ такомъ случаѣ получится дѣйствительная плотность населенія, для занятыхъ имъ небольшихъ пространствъ, въ 1125 жит. на квадр. геогр. милю, что довольно близко подходитъ къ плотности населенія Московской промышленной области, если исключить изъ нея густо населенную Московскую губернію. Какъ неравномѣрно распредѣлено, вслѣдствіе выше разъясненныхъ причинъ, населеніе по пространству области, въ этомъ легко убѣдиться уже изъ одного того, что почти двѣ трети всѣхъ жителей области размѣщены въ семи юго-западныхъ уѣздахъ Вологодской губерніи, то есть на пространствѣ не превосходящемъ $^1/_8$ части области. Вообще же, группируя уѣзды по плотности населенія, можно не только вполнѣ уяснить себѣ причины большаго или меньшаго его сгущенія или большей или меньшей его рѣдкости, но и опредѣлить естественные округи или мѣстности, на которые распадается наша область.

Такъ въ трехъ юго-западныхъ уѣздахъ Вологодской губерніи (Вологодскомъ, Грязовецкомъ и Кадниковскомъ), образующихъ мѣстность, которую можно назвать *Кубенскою* (по обширному озеру, занимающему нынѣ средину мѣстности, а въ прежнія, доисторическія времена можетъ быть и большую часть ея пространства), средняя плотность неселенія достигаетъ 780 жителей на квадратную милю, что можетъ быть приравнено къ плотности населенія юго-западной трети Новгородской губерніи. Такая плотность населенія Кубенской мѣстности объясняется тѣмъ, что здѣсь въ дѣйствительномъ владѣніи сельскихъ общинъ и личныхъ землевладѣльцевъ находится двѣ трети всей площади мѣстности, а остальная треть состоитъ преимущественно изъ казенныхъ лѣсовъ, болѣе или менѣе эксплоатируемыхъ при помощи мѣстнаго населенія; ктому же пахатныя земли занимаютъ около $^1/_{10}$ пространства, климатическія условія исключительно благопріятны, и достаточно плодородная почва даетъ хлѣбный избытокъ мѣстному населенію. Такимъ образомъ, Кубенская мѣстность является вполнѣ занятою достаточнымъ для нея 400 тысячнымъ, исключительно русскимъ, населеніемъ.

Далѣе къ сѣверо-востоку въ четырехъ уѣздахъ Устюжскомъ, Тотемскомъ, Никольскомъ и Вельскомъ, образующихъ *Сухоно-югскую мѣстность*, названную нами такъ отъ двухъ большихъ, ее орошающихъ рѣкъ, образующихъ своимъ сліяніемъ Сѣверную Двину, — плотность населенія уже едва превосходитъ 260 жит. на квадр. геогр. милю, то есть такая-же, какая встрѣчается въ нѣкоторыхъ малолюдныхъ уѣздахъ сѣверо-восточной трети Новгородской губерніи. Иначе и быть не можетъ, такъ какъ почти полумилліонное населеніе этой мѣстности, также исключительно относящееся къ русскому племени, владѣетъ дѣйствительно только двумя пятыми всей площади мѣстности, остальная же и притомъ большая часть ея площади, находящаяся вдали отъ большихъ рѣкъ (Сухоны, Юга, Лузы, Двины, Кокшенги и Ваги), вовсе необитаема и кромѣ охотничьихъ набѣговъ не эксплоатируется человѣкомъ. Пахатныя земли этой мѣстности занимаютъ не болѣе $^1/_{60}$ всего ея пространства и количество хлѣба, ею производимаго, уже недостаточно для мѣстнаго потребленія.

Подвигаясь далѣе къ сѣверу, мы встрѣчаемъ мѣстность еще болѣе неблагопріятную для заселенія. Мѣстность эту можно назвать *Двинско-Онежскою*, такъ какъ она состоитъ изъ уѣздовъ, расположенныхъ преимущественно по Двинѣ ниже впаденія въ нее Вычегды (а именно: Сольвычегодскаго уѣзда Вологодской губерніи, Шенкурскаго, Холмогорскаго и Архангельскаго — Архангельской), отчасти же по Онегѣ (уѣздъ Онежскій) и до впаденія

этихъ рѣкъ въ Бѣлое море, къ юго-восточному побережью котораго мѣстность примыкаетъ. — Плотность населенія этой мѣстности едва превосходитъ 100 жителей на квадратную географическую милю, такъ какъ 280-тысячное ея населеніе сгруппировано исключительно вдоль большихъ рѣкъ, а именно нижней Вычегды, а отъ ея устья вдоль всей Сѣверной Двины, нижней Ваги, Емцы съ Мехренгою и всего теченія Онеги въ предѣлахъ Архангельской губерніи, а затѣмъ еще спорадически разбросано вдоль всего длиннаго юго-восточнаго побережья Бѣлаго моря. Во владѣніи и непосредственномъ пользованіи этого населенія состоитъ всего только $^{1}/_{14}$ часть пространства упомянутыхъ уѣздовъ; остальное — сплошной океанъ непочатыхъ лѣсовъ, кое-гдѣ перемежающихся съ открытыми болотами и эксплоатируемыхъ набѣгами проникающихъ туда охотниковъ, да кое-гдѣ вдоль сплавныхъ путей все-таки полухищническими вырубками лучшаго лѣса. Подъ пашнями здѣсь менѣе $^{1}/_{100}$ всей поверхности, хлѣба далеко не достаетъ для мѣстнаго потребленія и еслибы не подспорья мѣстнаго населенія: лѣсные промыслы, охота, рыболовство вдоль рѣкъ, а еще болѣе на Бѣломъ морѣ и въ особенности сплавъ судовъ на транзитномъ пути изъ Вятской житницы въ Архангельскъ — то здѣшнему населенію не зачѣмъ бы было и жить въ этой мѣстности. Потому и самая система заселенія, или, лучше сказать, занятія этой мѣстности вдоль главныхъ ея водныхъ артерій, осуществленная со временъ древняго Новгорода, есть единственная соотвѣтствующая мѣстнымъ условіямъ здѣшняго края. Доказательствомъ тому служитъ, что обитавшее здѣсь до занятія этой мѣстности новгородцами финское племя, котораго слабые остатки (до 1500 душъ) еще уцѣлѣли посреди русскаго населенія, предпочли быть завоеванными, отчасти истребленными, отчасти ассимилированными русскою колонизаціею, а не удалились въ обширныя междурѣчныя пространства, гдѣ бы ихъ не тронули новгородцы, — не удалились единственно потому, что пространства эти не могли служить мѣстообитаніемъ даже и для неприхотливыхъ и привычныхъ къ мѣстнымъ условіямъ аборигеновъ края.

За Двинско-Онежскою мѣстностью на сѣверо-востокѣ простирается еще болѣе пустынная, еще менѣе способная къ правильной колонизаціи мѣстность, состоящая изъ Устьсысольскаго и Яренскаго уѣздовъ Вологодской губерніи и Пинежскаго Архангельской. Мѣстность эту, по главнымъ рѣкамъ, ее орошающимъ, мы можемъ назвать *Пинежско-Вычегодскою*. Плотность ея населенія уже не превосходитъ въ общей сложности 28 человѣкъ на квадратную географ. милю. Это объясняется тѣмъ, что все 140-тысячное населеніе этой мѣстности не занимаетъ даже сплошныхъ полосъ вдоль теченій главныхъ рѣкъ, а живетъ въ отдаленныхъ одинъ отъ другаго и довольно малолюдныхъ поселкахъ, разбросанныхъ спорадически вдоль теченія рѣкъ Вычегды, Сысолы, Выми, Пинеги и верхнихъ теченій Мезени и Важки, Печоры и Илыча, имѣя во владѣніи немного болѣе одной сороковой части всей поверхности страны и обрабатывая подъ пашни не болѣе $^{1}/_{600}$ пространства. Все остальное пространство, занимающее $^{39}/_{4}$ всей площади упомянутыхъ трехъ уѣздовъ, — та же влажная стихія дремучихъ непроглядныхъ лѣсовъ, посреди которой рѣдкіе человѣческіе поселки не имѣютъ другаго значенія кромѣ сторожевыхъ пунктовъ вдоль сплавныхъ путей и опорныхъ точекъ для хищнической эксплоатаціи разбросанныхъ на громадныя пространства богатствъ крайняго сѣвера. До какой степени непривѣтливою, неудобною для колонизаціи представляется эта обширная пустынная мѣстность или, лучше сказать, страна, такъ какъ она занимаетъ пространство почти равное Великобританіи (до 5000 квадр. геогр. миль), — можно заключить изъ того, что половина ея населенія еще состоитъ изъ первобытныхъ финскихъ аборигеновъ края, *зырянъ*, у которыхъ новгородскіе насельники не считали для себя достаточно выгоднымъ отбивать этотъ непривлекательный для ихъ колонизаторской дѣятельности край.

Но апогея непривѣтливости, суровости, неспособности къ осѣдлому заселенію достигаетъ мѣстность, лежащая еще далѣе къ сѣверо-востоку за Пинежско-Вычегодскою, — настоящая страна Гипербореевъ, которая по главнымъ ея рѣкамъ можетъ быть названа *Мезенско-Печорскою*, и состоитъ изъ одного только уѣзда Архангельской губерніи, Мезенскаго. При громадномъ пространствѣ свыше 7400 квадр. геогр. миль и только 44-тысячномъ населеніи, она имѣетъ сред-

нимъ числомъ только 6 человѣкъ на квадратную географическую милю. Эта небывалая и въ Европѣ, можно сказать, невозможная пропорція населенія объясняется тѣмъ, что все осѣдлое населеніе края состоитъ изъ 15 т. зырянъ и 23 т. русскихъ, которые живутъ въ 200 поселкахъ, затерянныхъ вдоль необъятныхъ теченій немногихъ значительныхъ рѣкъ края, а именно Печоры, Ижмы, Мезени и Пижмы. Осѣдлое это населеніе, владѣющее только одною двухтысячною частію всего пространства Мезенскаго уѣзда, живетъ уже въ мѣстахъ, за немногими исключеніями, совершенно неспособныхъ къ земледѣлію (такъ какъ во всей мѣстности не наберется подъ посѣвами исключительно ячменя болѣе 7 т. десятинъ или $^1/_{5000}$ всего пространства), еще большею частію подъ защитою лѣсной стихіи. За предѣлами же лѣсной растительности разстилается безпредѣльная тундра, занимающая едва ли не половину Мезенскаго уѣзда, гдѣ уже нѣтъ мѣста осѣдлымъ поселкамъ и гдѣ можетъ жить только издавна приспособившее себя къ полярному хозяйству, основанному на оленеводствѣ, рыбной и звѣриной ловлѣ, бродячее племя самоѣдовъ, доведенное до своего минимума 6000 человѣкъ эксплуатаціею осѣдлыхъ жителей края и въ особенности ижемскихъ и печорскихъ зырянъ, которые впрочемъ и не могли бы существовать въ этой странѣ, еслибъ не эксплоатировали почти хищническимъ захватомъ всѣ доступныя имъ богатства обширной, состоящей въ ихъ фактическомъ обладаніи, территоріи.

Въ сѣверо-западномъ углу разсматриваемой нами области есть еще одна обширная и малонаселенная мѣстность, состоящая также изъ одного уѣзда Архангельской губерніи (Кемскаго), которую можно назвать *Кемско-Лапландскою*. Занимая весь Лапландскій полуостровъ и сосѣднюю съ нимъ полосу между Бѣлымъ моремъ и границею сѣверной Финляндіи, она представляется почти столь же пустынною и почти столь же мало способною къ обитанію, какъ и соотвѣтствующая ей на сѣверо-востокѣ Бѣломорской области Мезенско-Печорская мѣстность. Но все же плотность ея населенія превосходитъ 10 жителей на квадратную географическую милю, вслѣдствіе нѣсколько болѣе выгодныхъ климатическихъ условій. Мѣстность эта впрочемъ и по физическому своему характеру и составу населенія уклоняется отъ остальныхъ частей области и своими гранитными кряжами и скалами и обиліемъ озеръ напоминаетъ полярную часть Финляндіи. Скудное ея осѣдлое населеніе, состоящее изъ 20 т. человѣкъ, принадлежащихъ по преимуществу къ корельской народности финскаго племени и только отчасти состоящее изъ русскихъ, а отчасти изъ норвежскихъ поселенцевъ, владѣетъ не болѣе $^1/_{100}$ части всей поверхности, засѣвая всего около 3 т. дес., т. е. ту же $^1/_{5000}$ пространства, какъ и въ Мезенскомъ уѣздѣ. На безлѣсныхъ же тундрахъ и въ мѣстностяхъ уже вовсе неспособныхъ для осѣдлаго населенія размѣщается бродячее племя оленеводовъ — лопарей, численность которыхъ не превосходитъ 16 т. человѣкъ, но не уменьшается, какъ численность самоѣдовъ, а напротивъ медленно прибываетъ.

Прирастаетъ ли вообще населеніе сѣверо-восточной окраины Европейской Россіи? — вотъ вопросъ, представляющій большой интересъ для будущности края. За исключеніемъ совершенно бѣдственныхъ годовъ, метрическія записи Архангельской и Вологодской губерній даютъ постоянно довольно значительный перевѣсъ рожденій передъ смертями, а именно: напримѣръ въ 8-лѣтіе 1870—1877 года метрики Архангельской губерніи дали естественный приростъ населенія въ 8%, то есть по одному проценту на годъ, а Вологодской губерніи даже 12%, т. е. по $1^1/_2$% на годъ. Но дѣйствительное приращеніе населенія, насколько оно можетъ быть опредѣлено сравненіемъ, впрочемъ несовершенныхъ еще до сихъ поръ, народоисчисленій, далеко не соотвѣтствуетъ упомянутому естественному приросту. Это не столько можетъ быть объяснено выселеніями жителей, хотя и существующими, но не имѣющими значительныхъ размѣровъ, сколько тѣмъ, что при развитіи въ краѣ отхожихъ промысловъ весьма многіе изъ коренныхъ жителей его или умираютъ вдали отъ своей родины, или погибаютъ во время своихъ промысловъ на морѣ и въ лѣсахъ и такимъ образомъ не попадаютъ въ метрическія записи, между тѣмъ какъ всѣ родившіеся

всегда заносятся въ метрики безъ пропусковъ. Такъ въ Архангельской губерніи, по мѣстной и достаточно удовлетворительной переписи 1870 г., было 278,800 жит. Судя по метрическимъ записямъ, цифра эта должна была возрасти къ 1 янв. 1875 г. до 288,000 чел., а по составленнымъ къ этому времени семейнымъ спискамъ численность населенія не превышала до 278,800 чел., т. е. въ 8 лѣтъ нисколько не увеличилась, безъ сомнѣнія вслѣдствіе упомянутыхъ уже причинъ.

Тѣмъ не менѣе, однако, если взять очень продолжительные періоды времени, то населеніе Архангельской и въ особенности Вологодской губерніи возрасло несомнѣнно. Такъ по изслѣдованію фонъ Пошмана, населеніе Архангельской губерніи въ 1802 г. простиралось до 180,000 жит., а къ 1878 году цифра эта уже достигла до 290,000, то есть увеличилась на 110,000 человѣкъ, или въ 75 лѣтъ на 61%, такъ что населеніе могло бы удвоиться въ теченіе отъ 105 до 110 лѣтъ. Въ Вологодской губерніи, по свѣдѣніямъ 1788 г., было 544,000 жителей, а къ 1878 г. 1,099,000. Судя по этимъ свѣдѣніямъ, народонаселеніе Вологодской губерніи удвоилось въ 90 лѣтъ. Принимая же естественный приростъ населенія за послѣднее 8-лѣтіе, населеніе Архангельской губерніи могло бы удвоиться въ 65 лѣтъ, а Вологодской въ 50 лѣтъ; но болѣе медленный дѣйствительный приростъ населенія объясняется отчасти тѣми причинами, о которыхъ было упомянуто выше; а отчасти и тѣмъ, что въ каждый изъ голодныхъ годовъ, нерѣдко поражающихъ нашъ крайній сѣверъ, численность населенія, можно сказать, отбрасывается назадъ на нѣсколько лѣтъ.

Этого факта достаточно для того, чтобы судить, какую важную роль въ экономическомъ положеніи края играетъ *земледѣліе*, не смотря на то, что при климатическихъ и почвенныхъ условіяхъ оно далеко не можетъ удовлетворять мѣстнымъ нуждамъ.

Вообще говоря, Бѣломорская область не производитъ достаточнаго количества хлѣба для мѣстнаго потребленія. Если даже считать, что при обиліи рыбы и привычкѣ населенія къ ея потребленію, хлѣба достаточно среднимъ числомъ на каждаго жителя по $1^1/_4$ четверти (отъ 10 до 12 пуд.) въ годъ, то все же на продовольствіе всего населенія края требуется 1,700,000 четвертей хлѣба, между тѣмъ какъ по офиціальнымъ свѣдѣніямъ за послѣднія 8 лѣтъ количество идущаго на потребленіе человѣка хлѣба (пшеницы, ржи, ячменя и картофеля) произведеннаго краемъ, не превосходило среднимъ числомъ ежегодно, за вычетомъ сѣмянъ, 1,200,000 четвертей. Недостающее количество, около 500 т. четвертей или свыше 4 милліоновъ пудовъ, пополняется подвозомъ хлѣба изъ-за предѣловъ области, на сумму до 4 милл. рублей.

Только одна мѣстность въ краѣ, а именно та, которую мы называемъ *Кубенскою*, не только не нуждается въ подвозѣ хлѣба, но и даетъ обыкновенно еще нѣкоторый избытокъ его, такъ какъ количество производимаго ею хлѣба (со включеніемъ овса) составляетъ среднимъ числомъ 2 четверти на каждаго жителя. Избытокъ хлѣба этой мѣстности отчасти перекуривается въ вино, отчасти грузится на Вологодской пристани и вмѣстѣ съ хлѣбомъ, прибывающимъ сюда по Ярославско-вологодскому желѣзному пути, направляется частію внизъ по Сухонѣ и Двинѣ въ другія мѣстности области и къ Архангельскому порту, частію вверхъ по Сухонѣ черезъ Кубенское озеро и каналъ Герцога Александра Виртембергскаго на Балтійскіе водные пути. Вообще Кубенская мѣстность есть единственная въ краѣ, въ которой земледѣльческое хозяйство крестьянъ стоитъ на весьма удовлетворительной степени развитія. Крестьяне здѣсь, при трехпольной системѣ, обрабатываютъ свои поля весьма тщательно, посѣвы стараются сдѣлать пораньше, заборанивають ихъ мелко, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ закатываютъ яровые посѣвы катками. Земледѣльческія орудія здѣшнихъ крестьянъ совершеннѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ края: замѣняющая соху *косуля* заимствовала отъ сохи свою легкость, простоту и одноконность, а отъ плуга свой выворачивающій пласты земли рѣзецъ и довольно глубокую пашку (отъ 4 до 5 вершковъ). Желѣзныя бороны встрѣчаются здѣсь не только во владѣльческихъ, но и въ крестьянскихъ хозяйствахъ. Не только пшеницу, но и рожь, преобладающую надъ другими хлѣбами, жнутъ серпами; остальные хлѣба косятъ косами или горбушами, представляющими что-то среднее между серпомъ и косою; телеги употребляютъ большею частью двухколесныя.

Кубенская мѣстность есть единственная въ краѣ, въ которой было развито крѣпостное право и существуетъ владѣльческая собственность и помѣщичьи хозяйства (въ числѣ отъ 400 до 500). Совершившееся въ 1861 году освобожденіе крестьянъ произвело въ этихъ хозяйствахъ значительный переворотъ. Помѣщикамъ пришлось отказаться отъ экстенсивныхъ запашекъ на малоплодородныхъ или истощенныхъ уже земляхъ, дающихъ урожай самъ-3 и не свыше самъ-4 и при вольнонаемномъ трудѣ не стоящихъ обработки. При такомъ переворотѣ весьма многія помѣщичьи хозяйства не выдержали кризиса, отчасти вслѣдствіе отсутствія у ихъ владѣльцевъ оборотныхъ капиталовъ, а также достаточныхъ агрономическихъ познаній и энергіи, отчасти вслѣдствіе полнаго отсутствія или *абсентеизма* владѣльцевъ. Вслѣдствіе того въ большинствѣ владѣльческихъ имѣній эксплоатація земель самими владѣльцами или вовсе прекратилась, или перешла въ руки арендаторовъ, а также раздробительныхъ съемщиковъ изъ крестьянъ. Но меньшинство помѣщичьихъ хозяйствъ благополучно выдержало свой экономическій кризисъ благоразумнымъ переходомъ отъ экстенсивнаго хозяйства къ интенсивному. Съ этою цѣлью хозяйства эти увеличили свое скотоводство, улучшили уходъ за скотомъ, занялись съ большою для себя выгодою *молочнымъ хозяйствомъ* и въ особенности *производствомъ масла* и *сыровареніемъ*, перешли отъ трехпольной къ многопольной системѣ, завели и травосѣяніе и при обильномъ удобреніи уменьшенной запашки стали получать обильные урожаи ржи (отъ самъ-12 до самъ-15). Но, къ сожалѣнію, численность такихъ истинно передовыхъ и образцовыхъ хозяйствъ въ мѣстности еще не велика и не превосходитъ двухъ, много трехъ десятковъ. Другія же владѣльческія хозяйства, еще не оставившія эксплоатаціи земли, держатся болѣе дешевой и легкой обработки *исполу* или *наотрядъ*, при которыхъ крестьяне обрабатываютъ землю на своихъ орудіяхъ и харчахъ, разумѣется, при трехпольной еще системѣ и безъ достаточной тщательности. Во всякомъ случаѣ, владѣльческія хозяйства играютъ *количественно* незначительную роль въ земледѣльческой экономіи не только всего края, но даже и Кубенской мѣстности, такъ какъ производство помѣщичьихъ усадьбъ составляетъ всего только отъ 3 до 4% хлѣбнаго производства края и даже по отношенію къ производству одной Кубенской мѣстности не свыше 10%.

Во второй мѣстности края—Сухоно-Югской количество производимаго ею хлѣба со включеніемъ овса не превышаетъ 1⅓ четвертей на душу, и слѣдовательно хлѣба уже не достаетъ для мѣстнаго потребленія. Недостающее количество пополняется подвозомъ съ Вологодской пристани на Сухонѣ и Никольской и Подосиновской на рѣкѣ Югѣ. Самое земледѣліе въ Сухоно-Югской мѣстности стоитъ уже на нѣсколько низшей степени, чѣмъ въ Кубенской. Крестьяне обрабатываютъ свою пашню менѣе тщательно замѣна трехпольной системы вытѣсняющею ее *подсѣчною* или *лядинною*, сопряженною съ выжиганьемъ лѣса и распашкою *лядинъ*, бросаемыхъ черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ ихъ истощенія, придаетъ земледѣльческой эксплоатаціи уже тотъ *хищническій характеръ*, который составляетъ необходимое, неизбѣжное, можно сказать, условіе эксплоатаціи скудныхъ богатствъ крайняго сѣвера, неизбѣжное потому, что богатства эти, хотя и распространены по всей необъятной поверхности края, но — по счастливому выраженію извѣстнаго знатока нашего сѣвера, Н. Я. Данилевскаго — распредѣлены по ней *тонкимъ слоемъ*, вслѣдствіе чего человѣкъ не можетъ добыть ихъ въ достаточномъ количествѣ иначе, какъ передвигаясь съ мѣста на мѣсто. Орудія земледѣлія въ Сухоно-Югской мѣстности тоже проще, чѣмъ въ Кубенской: мѣстная косуля все болѣе и болѣе приближается къ типу обыкновенной сохи, желѣзная борона совершенно вытѣсняется обыкновенною деревянною, а въ подсѣчныхъ хозяйствахъ— особою длиннозубою бороною, наскоро сдѣланною изъ еловыхъ сучьевъ. Крѣпостнаго права въ Сухоно-Югской мѣстности почти не существовало, настоящихъ владѣльческихъ (дворянскихъ), имѣній и хозяйствъ чрезвычайно мало; личная собственность, имѣющая весьма незначительное развитіе, почти ограничивается довольно мелкою, относительно, поземельною собственностью лицъ не принадлежащихъ къ дворянскому сословію. Вслѣдствіе того уцѣлѣли въ этой, и при томъ въ одной только этой мѣстности въ цѣлой Россіи, такъ называемые *половники*, то есть свободные

безземельные земледѣльцы, водворенные первоначально на земляхъ черныхъ людей, и потому самому не подошедшіе подъ законъ Бориса Годунова объ отмѣнѣ такъ называемаго Юрьева дня и укрѣпленіи людей за владѣльцами земель, на которыхъ они были водворены. *Половники* эти удержали за собою, во все время существованія крѣпостнаго права, право перехода съ однихъ владѣльческихъ земель на другія, при освобожденіи крестьянъ не получили въ безсрочное пользованіе отъ владѣльцевъ земельныхъ надѣловъ и были мало-по-малу большею частью переселены на казенныя земли. Впрочемъ половники Вологодской губерніи, о которыхъ было такъ много говорено и писано, играютъ ничтожную роль въ общей экономіи края, такъ какъ общая ихъ численность не превосходитъ 2,200 душъ муж. п., живущихъ по преимуществу въ Устюгскомъ уѣздѣ.

Еще менѣе обезпечивается народное продовольствіе однимъ земледѣліемъ въ остальныхъ мѣстностяхъ края. Такъ Двинско-Онежская мѣстность производитъ уже только по одной четверти всѣхъ хлѣбовъ на жителя, Пинежско-Вычегодская $^4/_5$ четверти, Кемско-Лапландская $^2/_5$, а Мезенско-Печорская всего только $^1/_3$. Недостающее количество хлѣба для трехъ первыхъ мѣстностей пополняется, кромѣ уже упомянутыхъ выше Сухонскихъ и Югскихъ пристаней, съ Ношульской и Быковской на Лузѣ, притягивающихъ къ себѣ хлѣбъ изъ Вятской губерніи.

Въ Двинско-Онежской мѣстности уже вовсе нѣтъ посѣвовъ пшеницы, посѣвы овса значительно сокращаются, даже самая рожь отходитъ на второй планъ, и преобладающимъ хлѣбомъ, занимающимъ почти двѣ трети посѣвовъ, является самое полярное изъ всѣхъ хлѣбныхъ растеній, входящихъ въ составъ человѣческой культуры, — ячмень. Необходимость въ подсѣчной системѣ хозяйства проявляется здѣсь еще рѣзче, еще настоятельнѣе. Вслѣдствіе того и препятствія, положенныя въ послѣднее 25-лѣтіе подсѣчному хозяйству, въ видахъ сбереженія казенныхъ и удѣльныхъ лѣсовъ, оказали неблагопріятное вліяніе на земледѣліе и вызвали сильныя жалобы мѣстнаго населенія, тѣмъ болѣе, что необходимость огражденія казенныхъ лѣсовъ отъ вырубокъ и расчистокъ ихъ подъ пашни едва ли можетъ быть признана своевременною тамъ, гдѣ, какъ напримѣръ въ Архангельской губерніи, на 30 милліоновъ десятинъ лѣса приходится только 80 т. дес. пашни, и гдѣ, по разсчету Данилевскаго, все населенія края не могло бы вырубить и половины годоваго подроста лѣса, еслибъ даже посвятило всѣ свои рабочіе часы и лѣтомъ и зимою исключительно на рубку лѣса. Въ особенности тягостно было для населенія существовавшее съ 1864 по 1870 г. запрещеніе производить такъ называемыя расчистки лѣса на новыхъ мѣстахъ, другими словами—тѣ мѣстныя эмиграціи или колонизаціи, которыя однѣ только могутъ спасти отъ голода и вымиранія населеніе, непомѣрно сгустившееся, какъ мы объяснили выше, на мелкихъ островкахъ земли способной для культуры, спорадически разбросанныхъ посреди океана влажныхъ и неспособныхъ къ обитанію лѣсовъ. Только страшный голодъ 1867 года далъ возможность состоявшей подъ покровительствомъ Государя Наслѣдника особой Коммиссіи, на которую было возложено обсужденіе мѣръ, могущихъ поднять экономическое благосостояніе населенія крайняго сѣвера, возбудить съ успѣхомъ ходатайство о разрѣшеніи крестьянамъ расчистокъ лѣса. Приведеніе въ исполненіе этой мѣры имѣло послѣдствіемъ то, что въ короткій 7-лѣтній періодъ 1871 — 1877 было расчищено крестьянами вновь въ одной Архангельской губерніи 17 т. десятинъ, то есть пространство, эксплоатируемое населеніемъ и едва превышавшее одну дес. на душу, увеличилось на 20%.

Въ Пинежско-Вычегодской мѣстности, земледѣліе, состоящее преимущественно въ рукахъ зырянъ, имѣетъ еще болѣе ограниченное значеніе. Посѣвовъ овса уже здѣсь вовсе не встрѣчается, да и посѣвы ржи очень ограниченны, а ячмень начинаетъ рѣшительно вытѣснять другіе хлѣба. Косуля, въ этой и слѣдующихъ мѣстностяхъ, вытѣсняется сохою, а телега—дровнями на полозьяхъ. Наконецъ въ Кемско-Лапландской и Мезенско-Печорской мѣстностяхъ земледѣліе уже является не главнымъ, а второстепеннымъ промысломъ, и населеніе вынуждено пробавляться привознымъ хлѣбомъ съ примѣсью зачастую измельченной въ муку березовой коры.

Въ общей сложности хлѣбопашество всего края доставляетъ ежегодно изъ хлѣбовъ, идущихъ на пищу человѣка: ржи 800 т. четвертей, а ячменя 500 т. Производство пшеницы въ краѣ незначительно и не превосходитъ 50 т. четвертей ежегодно. Нѣкоторымъ подспорьемъ служитъ картофель, производимый въ краѣ въ количествѣ до 200 т. четвертей. Наконецъ овса, идущаго преимущественно на кормъ скоту, но отчасти и человѣку (въ видѣ овсянки), край производитъ до 900 т. четвертей. Такимъ образомъ сумму всего хлѣбнаго производства можно оцѣнить среднимъ числомъ ежегодно до 16 мил. рублей, а за вычетомъ сѣмянъ въ 13 милліоновъ.

Независимо отъ хлѣбопашества, *производство льна* имѣетъ большое значеніе въ земледѣльческой экономіи края. Ленъ разводится въ особенности съ большимъ успѣхомъ въ Кубенской и Сухоно-Югской мѣстностяхъ края, изъ коихъ на первую приходится 47%, а на вторую 40% всего количества льна, производимаго краемъ. Въ послѣднее 20-тилѣтіе посѣвы льна постоянно увеличивались, а въ послѣднее 8-лѣтіе давали среднимъ числомъ ежегодно свыше 40 т. четвертей льнянаго сѣмени и 300 т. пуд. волокна, на сумму отъ $1\frac{1}{2}$ до 2 милліоновъ рублей. Что производство льна тамъ, гдѣ оно возможно, представляетъ въ сѣверномъ краѣ самую выгодную отрасль земледѣлія, это явствуетъ изъ того, что десятина подъ посѣвомъ льна даетъ до 48 руб. чистаго дохода, между тѣмъ какъ средній доходъ съ десятины земли подъ посѣвами пшеницы, ржи и ячменя колеблется между 20 и 24 руб., а подъ посѣвомъ овса не превосходитъ 10 руб.

Изъ этихъ цифръ впрочемъ достаточно видно, что земледѣліе, не смотря на неблагопріятныя климатическія условія, составляетъ едва ли не самое прибыльное занятіе въ краѣ, что подтверждается еще и разсчетомъ, встрѣчающимся въ одномъ изъ губернаторскихъ отчетовъ по Архангельской губерніи, а именно, что годовой заработокъ лица, занимающагося тамъ земледѣліемъ на своей землѣ, простирается до 50 руб., между тѣмъ какъ на звѣриномъ и рыбномъ промыслѣ простой работникъ не заработаетъ болѣе 35 до 40 руб.

При всей кажущейся необъятности земельныхъ пространствъ и угодій крайняго сѣвера, изъ двухъ обстоятельствъ, полагающихъ неодолимыя препятствія значительному развитію земледѣлія въ краѣ, одно заключается въ *недостаткѣ* земель, удобныхъ для хлѣбопашества. Достаточно сказать, что кромѣ Кубенской и Сухоно-Югской мѣстностей во всемъ краѣ пропорція пахатныхъ земель и сѣнокосовъ на мужскую ревизскую душу населенія не превосходитъ $1\frac{1}{4}$ десятины, и только дозволенныя съ 1870 г. расчистки лѣса и выселенія многихъ земледѣльцевъ на расчищенныя мѣста, могли въ послѣднее 8-лѣтіе нѣсколько увеличить эту невыгодную пропорцію, которую, говоря языкомъ населенія среднихъ губерній Россіи, можно назвать *нищенскимъ надѣломъ* крестьянъ самою природою. Другое обстоятельство, также препятствующее развитію земледѣлія въ краѣ, это періодически повторяющіеся мѣстные или даже полные неурожаи, зависящіе преимущественно отъ того, что ранніе морозы не дозволяютъ хлѣбу вызрѣть. Всѣмъ памятенъ страшный и полный неурожай 1867 года; но и независимо отъ такого полнаго неурожая въ послѣднее 10-лѣтіе были и мѣстные неурожаи въ краѣ, всегда почти обусловленные ранними морозами. Вообще говоря, замѣчено, что въ теченіе каждаго 10-лѣтія въ краѣ случается обыкновенно одинъ полный неурожай и два или три урожая ниже посредственнаго, что при малыхъ запашкахъ въ значительной мѣрѣ увеличиваетъ потребность въ привозномъ хлѣбѣ, безъ котораго и въ лучшіе годы Бѣломорская область обойтись не можетъ.

Если принять въ соображеніе, что морозы побиваютъ хлѣбъ обыкновенно къ концу лѣта и неурожай обнаруживается только осенью къ концу мало продолжительной на сѣверѣ навигаціи, когда заказчики хлѣба не могутъ уже получить его въ достаточномъ количествѣ изъ Вятской губерніи, то весьма естественно, что хлѣбъ въ краѣ въ голодные и даже неурожайные годы дорожаетъ непомѣрно, и это обстоятельство ставитъ продовольствіе края въ совершенно исключительное положеніе, не существующее ни въ какой другой части Россіи. Въ другихъ частяхъ Россіи, при нынѣшнихъ путяхъ сообщенія, во время самыхъ значительныхъ неурожаевъ, какъ

напримѣръ знаменитаго неурожая Самарской губерніи, хлѣбъ можетъ быть въ мѣстности, пораженной неурожаемъ, не дороже, чѣмъ въ урожайный годъ, а голодъ зависитъ только отъ того, что земледѣльцу, живущему такъ сказать со дня на день, безъ сбереженій и капиталовъ, исключительно доходомъ съ земледѣлія, при полномъ неурожаѣ *не на что купить хлѣба*, какъ бы онъ дешевъ ни былъ. Совершенно въ иныхъ, даже противоположныхъ условіяхъ находится крестьянинъ крайняго сѣвера. Въ его хозяйствѣ весьма развиты промыслы посторонніе земледѣлію, и въ голодный годъ, при удачныхъ промыслахъ, они могли бы дать ему почти достаточныя средства для покупки хлѣба, еслибъ хлѣбъ этотъ, вслѣдствіе осенняго и зимняго бездорожья, не былъ непомѣрно дорогъ.

Вслѣдствіе этой особенности самая система народнаго продовольствія края своеобразна. Между тѣмъ какъ въ другихъ мѣстностяхъ Россіи послѣ проведенія желѣзныхъ дорогъ мѣстныя земства и государство мало-по-малу пришли къ убѣжденію въ совершенной безполезности запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ, въ которыхъ хлѣбъ безъ всякой пользы подвергается порчѣ и даже окончательному истребленію, и основываютъ обезпеченіе народнаго продовольствія почти исключительно на денежныхъ ссудахъ нуждающимся или на мѣстныхъ и всегда возможныхъ закупкахъ хлѣбныхъ партій,—на крайнемъ сѣверѣ старая система накопленія значительныхъ запасовъ въ хлѣбныхъ магазинахъ является полною необходимостью и практикуется въ большихъ размѣрахъ. Потому въ казенныхъ запасныхъ магазинахъ Архангельской губерніи сохраняется постоянно отъ одного до одного съ четвертью милліоновъ пуд. хлѣба, который не только служитъ въ голодные годы прочнымъ фондомъ для обезпеченія народнаго продовольствія, но въ обыкновенные неурожайные годы регулируетъ хлѣбныя цѣны, такъ какъ конкуренція казенной продажи сдерживаетъ хлѣбныхъ скупщиковъ-монополистовъ отъ непомѣрнаго возвышенія цѣнъ на хлѣбъ.

Нѣкоторыя изъ земледѣльческихъ произведеній края перерабатываются въ Бѣломорской области при посредствѣ фабричной и кустарной промышленности.

Винокуреніе особенно развито въ Кубенской и отчасти въ Сухоно-Югской мѣстностяхъ; въ мѣстности Онежско-Двинской есть только водочные и пивоваренные заводы. Всѣ этого рода заводы — винокуренные, водочные и пивоваренные (въ числѣ 23) занимаютъ болѣе 150 рабочихъ, но производятъ вина, пива и водки на сумму отъ 600 до 700 т. р. Большая часть этихъ питей потребляется въ самомъ краѣ. Большое количество льна, доставляемаго земледѣліемъ, перерабатывается отчасти на единственной обширной прядильной и ткацкой фабрикѣ, существующей въ краѣ, а именно на прядильно-полотняной фабрикѣ купца Грибанова при деревнѣ Красавиной въ Устюгскомъ уѣздѣ. Производство ея обширно и простирается на сумму отъ 500 до 800 т. рублей (до 30 тыс. пуд. пряжи и 500 тыс. арш. полотна) при 1,200 рабочихъ. Остальное количество льна передѣлывается въ пряжу и полотно кустарною промышленностью. Пряденіе волны и нитокъ и выдѣлка холста распространены такъ повсемѣстно въ Кубенской и Сухоно-Югской и даже Онежско-Двинской мѣстностяхъ (въ послѣдней изъ привознаго льна), что въ нѣкоторыхъ волостяхъ по окончаніи полевыхъ работъ всѣ деревенскія женщины и даже нѣкоторые мужчины принимаются за этотъ промыселъ. Село Устье Кадниковскаго уѣзда есть одинъ изъ важныхъ центровъ сбыта холста крестьянскаго издѣлія, продающагося здѣсь въ большомъ количествѣ на Ивановской ярмаркѣ. Устьянская волость славится вязаньемъ рыболовныхъ сѣтей, распространеннымъ повсемѣстно вокругъ Кубенскаго озера. Но особенно характерный для Вологодской губерніи кустарный промыселъ, берущій свой матерьялъ отъ развитаго въ югозападной части края льноводства, есть плетеніе кружевъ, сосредоточенное въ самой Вологдѣ. Кружевничество распространено здѣсь въ семьяхъ недостаточныхъ чиновниковъ, духовныхъ лицъ и въ особенности мѣщанъ; 4% женскаго населенія Вологды, а именно не менѣе 360 женщинъ и дѣвочекъ заняты этимъ промысломъ и выработали изъ себя довольно искусныхъ кружевницъ, сбывающихъ свои произведенія по преимуществу въ Петербургѣ и завоевывающихъ себѣ все болѣе и болѣе обширный рынокъ, такъ какъ въ настоящее время русскія кружева продаются и въ лучшихъ мага-

зинахъ Парижа. Къ сожалѣнію, только незначительная часть тѣхъ суммъ, которыя платятся за кружева ихъ потребительницами, достается на долю вологодскихъ кружевницъ; кружевница средней руки зарабатываетъ себѣ только 6 рублей въ мѣсяцъ, а лучшія не свыше 10 руб., и весь годовой заработокъ вологодскихъ кружевницъ въ началѣ 1870-хъ годовъ не превосходилъ 25 т. руб., между тѣмъ какъ въ Петербургѣ тѣ же самыя кружева, перейдя черезъ 5 рукъ, продаются въ лавкахъ на 135% дороже мѣстныхъ цѣнъ. Изъ тряпья, накопляющагося въ избыткѣ въ юго-западной льноводческой части области, выдѣлывается на двухъ фабрикахъ писчей бумаги на 150 т. руб., при 300 рабочихъ.

Изъ пеньки, производимой краемъ въ небольшомъ количествѣ, но отчасти привозимой изъ Вятской губерніи, на небольшихъ заводахъ Двинско-Онежской мѣстности выдѣлываютъ канаты; производство это, при сотнѣ рабочихъ, даетъ краю до 100 т. рублей.

Рука объ руку съ земледѣліемъ идетъ въ краѣ другая весьма важная отрасль сельскаго хозяйства, а именно скотоводство, находящееся здѣсь въ положеніи на столько удовлетворительномъ, на сколько это дозволяетъ недостаточное количество сѣнокосовъ, состоящихъ въ распоряженіи крестьянскихъ хозяйствъ. Это обстоятельство въ значительной мѣрѣ ограничиваетъ развитіе скотоводства въ области Бѣломорской, въ которой насчитывается всего только 575 т. штукъ крупнаго рогатаго скота, 220 т. лошадей и 500 т. овецъ. Такимъ образомъ на каждый десятокъ жителей приходится по 4 коровы, $1^1/_2$ лошади и $3^1/_2$ овцы.

Первое мѣсто въ скотоводствѣ Бѣломорской области принадлежитъ безспорно крупному рогатому скоту. Въ особенности рогатый скотъ находится въ хорошемъ положеніи въ Двинско-Онежской, Сухоно-Югской и Кубенской мѣстностяхъ. Въ первой распространена превосходная холмогорская порода скота, происшедшая отъ акклиматизированной здѣсь еще со временъ Петра Великаго голландской породы. Къ сожалѣнію, недостаточное количество сѣнокосовъ ограничиваетъ размноженіе этой породы и заставляетъ мѣстное населеніе продавать ежегодно до 700 лучшихъ коровъ на выводъ въ другія мѣстности по цѣнѣ отъ 50 до 100 р. за штуку, а въ годы неурожаевъ сѣна и хлѣба весьма значительное количество рогатаго скота продается на убой. Въ Сухоно-Югской и Кубенской мѣстностяхъ рогатый скотъ находится тоже въ очень хорошемъ состояніи, а въ послѣднее восьмилѣтіе молочное хозяйство въ Кубенской мѣстности сдѣлало большіе успѣхи, чему содѣйствовало и проведеніе Ярославско-Вологодскаго желѣзнаго пути, открывшаго сбытъ молочнымъ произведеніямъ Кубенской мѣстности въ столицы. Въ 1877 году въ этой мѣстности уже состояло 15 сыроваренныхъ заводовъ, произведшихъ сыра на сумму отъ 44 до 50 т. руб. Сыръ весьма хорошаго качества не только сбывается въ столицы, но въ послѣднее время дешевый русскій честеръ находилъ себѣ хорошій сбытъ и въ Англіи.

Гораздо ниже стоитъ въ краѣ коневодство, такъ какъ численность лошадей несравненно менѣе численности крупнаго рогатаго скота. Однако же лошади края, хотя и малорослы, но типомъ походятъ на лошадей мезенской и вятской породы и отличаются крѣпостью и выносливостью. Настоящая же мезенская порода сильно выродилась. Вообще лошади сѣвернаго края для потребностей арміи не пригодны и въ разсчетъ военнаго контингента вовсе не входятъ, какъ по своей малорослости, такъ и по отдаленности края отъ всякихъ театровъ военныхъ дѣйствій. Овцеводство находится въ краѣ въ неудовлетворительномъ состояніи какъ по количеству овецъ, не достигающему даже численности крупнаго рогатаго скота, такъ и по ихъ качеству. Свиноводство весьма значительно только въ Сухоно-Югской мѣстности, гдѣ разводится до 40 т. свиней, а въ остальныхъ мѣстностяхъ края совершенно ничтожно. Объ оленеводствѣ въ Мезенско-Печорской и Кемско-Лапландской мѣстностяхъ было уже упомянуто въ III и V очеркахъ. Здѣсь достаточно сказать мимоходомъ, что еще въ 1870 г. въ Мезенско-Печорской мѣстности считалось болѣе 300 т. оленей, да въ Кемско-Лапландской до 40 т., но съ тѣхъ поръ численность оленей въ первой изъ этихъ мѣстностей несомнѣнно уменьшилась.

Выдѣлка произведеній, заимствуемыхъ отъ скотоводства, производится въ краѣ отчасти при помощи небольшихъ заводовъ, отчасти при помощи чисто-народной кустарной промышленности. На первомъ планѣ стоятъ заводы кожевенные и овчинные. Первые, впрочемъ, заимствуютъ свой матерьялъ не отъ одного скотоводства, но и отъ звѣриныхъ промысловъ; и тѣ и другіе заводы при 300 до 350 работниковъ производятъ на сумму отъ 200 до 300 т. руб. Заводы же салотопенные, сально-свѣчные и мыловаренные менѣе значительны и при 60 рабочихъ производятъ на сумму до 100 т. руб. Наконецъ замшевое производство составляетъ особенность сѣвернаго края, такъ какъ оно беретъ свой матерьялъ отъ оленеводства. Замшевое производство сосредоточено по преимуществу въ Мезенско-Печорской мѣстности, гдѣ оно даетъ при 100 до 150 рабочихъ болѣе 20 т. руб.

Значительное свиноводство Сухоно-Югской мѣстности послужило исходною точкою для развитія, еще съ начала прошлаго вѣка, въ Устюгѣ и волостяхъ его уѣзда обширной отрасли мѣстной кустарной промышленности, а именно обдѣлки щетины. Обдѣлываютъ здѣсь щетину до 500 мастеровъ, въ количествѣ до 8000 пуд. на 500 т. руб. До тысячи пудовъ щетины потребляется столицею, остальное идетъ за границу. Само собою разумѣется, что одна разсматриваемая нами Бѣломорская область не можетъ дать достаточнаго матерьяла для устюжской выдѣлки, а устюжскіе купцы получаютъ щетину въ сыромъ видѣ, кромѣ своей мѣстности, изъ губерній: Вятской, Пермской, Уфимской, Оренбургской, даже Тобольской; сибирская щетина, покупаемая на ирбитской ярмаркѣ, считается лучшею. При простотѣ щетиннаго производства и его орудій оно чрезвычайно доступно для кустарной промышленности и требуетъ только большаго навыка рабочихъ въ подборкѣ и сортировкѣ щетиннаго волоса по цвѣту, длинѣ и толщинѣ.

Еще одна отрасль кустарной промышленности, въ особенности сосредоточенная въ Кубенской мѣстности, беретъ свой матерьялъ отъ скотоводства: это именно выдѣлка предметовъ изъ рога, въ особенности роговыхъ гребней, аптекарскихъ роговыхъ вещей, ножей для разрѣзыванія бумаги, портсигаръ, пороховницъ и проч. Выдѣлка гребней и продажа ихъ вмѣстѣ съ другими предметами торговли выработала въ Кубенской мѣстности и въ особенности въ Устьянской волости особый разрядъ мелкихъ промышленниковъ, извѣстныхъ подъ именемъ *гребенщиковъ*. Одна Устьянская волость выпускаетъ ихъ до 200 человѣкъ, изъ коихъ болѣе 50 достигаютъ Петербурга, гдѣ они очень хорошо извѣстны большинству столичныхъ хозяекъ, и въ особенности ихъ прислугѣ, покупающей у вологодскихъ гребенщиковъ не только гребни, но и всякія другія мелочи. Ежегодный заработокъ гребенщика, не выходящаго изъ предѣловъ губерніи, отъ 70 до 200 рублей.

Вотъ въ главныхъ чертахъ и всѣ выгоды, извлекаемыя мѣстнымъ населеніемъ изъ ничтожныхъ, по сравненію съ обширнымъ протяженіемъ края, культурныхъ его пространствъ, то есть пахатныхъ земель и сѣнокосовъ, составляющихъ не свыше 6% всего его протяженія. Очевидно, что ни этихъ выгодъ, ни этого нищенскаго надѣла, отведеннаго самою природою земледѣльцамъ нашей сѣверной окраины, недостаточно для ихъ обезпеченія; очевидно, что крестьянинъ не можетъ ни выростить достаточнаго для потребленія своей семьи количества хлѣба, ни найти для покупки его необходимаго заработка на занятыхъ культурою островкахъ и оазисахъ. Вотъ почему сельскій житель области постоянно стремится вырваться изъ тѣсныхъ рамокъ этихъ оазисовъ въ тотъ широкій просторъ, гдѣ разстилаются необъятныя площади лѣсовъ, болотъ и тундръ, гдѣ между этими площадями залегаетъ обширный средиземный бассейнъ Бѣлаго моря, а за ними простирается далеко за предѣлы сѣвернаго полюса холодная, полужидкая и полузамерзшая, непривѣтливая, но все-таки обладающая какою-то необыкновенною притягательною, какъ для человѣка науки, такъ и для простаго промышленника, силою, поверхность Ледовитаго океана. И на этомъ-то необъятномъ просторѣ малочисленное населеніе крайняго сѣвера вынуждено ограниченностью и природными свойствами занятой имъ непосредственно территоріи рыскать въ лѣтнюю и зимнюю пору, отыскивая необходимыя для своего

скуднаго хозяйства подспорья и собирая при своихъ смѣлыхъ и до нѣкоторой степени хищническихъ набѣгахъ весьма незначительныя, по сравненію съ пространствами, захватываемыми такими набѣгами, природныя богатства края.

Повидимому легче, сподручнѣе всего для большинства населенія сѣверной окраины искать этихъ богатствъ въ тѣсно охватывающей его поселки, пашни и сѣнокосы лѣсной стихіи.

Всего проще казалось было бы для населенія заниматься рубкою окружающаго лѣса и его сплавомъ для вывоза за границу, такъ какъ въ сосѣднія области Россіи водные пути *Заволочья* не выводятъ. И дѣйствительно рубка, сплавъ и вывозъ лѣса, является въ краѣ самою важною отраслью лѣснаго хозяйства, постепенно, но постоянно возрастающею. Но отрасль эта доступна главнымъ образомъ для крупныхъ предпринимателей и значительныхъ капиталистовъ. Такъ къ 1870 году было въ краѣ всего только 10 лѣсопильныхъ заводовъ, при 550 рабочихъ производившихъ лѣснаго матеріала на 700 т. р.; въ 1877 г. число это возрасло до 18, при 1,500 рабочихъ, производившихъ лѣснаго товара на 1,800,000 рублей. Конечно, выгоды этой эксполатаціи выпадаютъ главнымъ образомъ на долю крупныхъ капиталистовъ, но все же лѣсопильные заводы края доставляютъ заработокъ болѣе чѣмъ 4,000 рабочимъ, такъ какъ кромѣ 1,500 заводскихъ рабочихъ до 2,500 человѣкъ заняты рубкою лѣса вдали отъ заводовъ и сплавкою его, возможною только изъ мѣстностей, лежащихъ на сплавныхъ путяхъ и не слишкомъ далеко отъ заводовъ. Болѣе доступною для мелкихъ капиталистовъ является другая отрасль лѣснаго хозяйства, а именно *судостроеніе*, хотя и для этой эксплоатаціи необходимы небольшіе капиталы. Строящіяся въ краѣ для рѣчнаго судоходства и въ особенности для морскихъ промысловъ суда еще крайне несовершенны, но судостроеніе по самой умѣренной оцѣнкѣ доставляетъ мѣстному населенію отъ 150 до 200 т. р. заработковъ.

Еще доступнѣе для необладающаго капиталами крестьянскаго населенія, третья важная отрасль лѣснаго хозяйства — *смолокуреніе*. Объ этомъ народномъ промыслѣ намъ нѣтъ надобности распространяться, такъ какъ онъ уже достаточно былъ охарактеризованъ во II очеркѣ; скажемъ здѣсь только мимоходомъ, что смолокуреніе доставляетъ краю произведеній на сумму отъ 600 тысячъ до 1 мил. руб., что можно заключить изъ того, что изъ Бѣломорскихъ портовъ смолы вывозилось въ послѣднее 10-лѣтіе ежегодно среднимъ числомъ на 600 т. р., а въ этомъ отпускѣ принимала участіе лишь въ незначительной мѣрѣ Кубенская мѣстность, въ которой одинъ Кадниковскій уѣздъ производитъ смолы на 150 т. руб. Во всякомъ случаѣ, смолокуреніе, какъ отрасль народнаго хозяйства, можетъ достичь и еще болѣе обширнаго развитія, въ особенности при образованіи смолокуренныхъ артелей и введеніи правильнаго имъ отвода казенныхъ лѣсныхъ участковъ, на что есть не мало указаній въ архангельскихъ губернаторскихъ отчетахъ. Нѣкоторыя попытки къ развитію и регулированію смолокуреннаго промысла въ Архангельской губерніи были дѣйствительно сдѣланы администраціей опять-таки вслѣдствіе настоянія Коммисіи 1868 г., а именно въ 1870 г. были командированы Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ лица для изученія смолокуреннаго дѣла и даже выдаваемы были небольшія суммы для образованія смолокуренныхъ артелей.

Есть еще въ краѣ и болѣе мелкіе, можно сказать кустарные промыслы, находящіеся въ связи съ лѣсными богатствами края. Сюда относятся выдѣлка фосфорныхъ спичекъ на двухъ небольшихъ заведеніяхъ въ Архангельскѣ и Онежскомъ уѣздѣ, приготовленіе деревянной посуды, боченковъ и бочекъ для рыбы, распространенное почти во всѣхъ мѣстностяхъ края; лукошекъ изъ осиноваго дерева, всѣхъ величинъ, начиная съ наперстка до 8 четвериковъ вмѣстимости, бураковъ съ рѣзными украшеніями и фольгою, табакерокъ и тавлинокъ, шкатулокъ съ берестяными украшеніями, плетеныхъ кузововъ изъ бересты около Устюга, плетеныхъ черемуховыхъ шарабановъ въ Красноборскѣ, такъ называемыхъ Кумозерскихъ саней въ волости этого имени Вологодскаго уѣзда, рогожъ въ Никольскомъ уѣздѣ и т. п.

Кромѣ всѣхъ упомянутыхъ промысловъ, громадныя лѣсныя пространства края даютъ его жителямъ возможность и еще одного промысла, весьма распространеннаго въ краѣ и играющаго важную роль въ его экономіи, а именно: охоты за птицею и сухопутными звѣрями. О характерѣ и способахъ этой охоты уже достаточно было говорено въ предшедшихъ очеркахъ; здѣсь намъ остается только опредѣлить общее экономическое значеніе этого промысла въ народномъ хозяйствѣ края. Какъ ни трудно привести это значеніе въ цифры, но все же на основаніи данныхъ, встрѣчающихся въ губернаторскихъ отчетахъ и трудахъ мѣстныхъ статистическихъ комитетовъ, можно предположить, что число лицъ, занимающихся въ Бѣломорской области охотничьими промыслами въ лѣсахъ всего края, простирается отъ 20 до 30 т. человѣкъ, а заработки ихъ составляютъ не менѣе 200 до 300 т. руб. Въ началѣ 1870 г. одинъ предпріимчивый техникъ Клечковскій завелъ небольшой заводъ для приготовленія бульона и консервовъ изъ дичи сначала въ Пинегѣ, а потомъ въ Усть-цыльмѣ. Предпріятіе это шло съ успѣхомъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, но затѣмъ прекратилось со смертью предпринимателя.

Но и вся необъятная лѣсная площадь края съ ея звѣремъ и птицею не даетъ еще его населенію всѣхъ тѣхъ средствъ, которыя ему необходимы для покупки недостающаго хлѣба и удовлетворенія другихъ его потребностей. Приходится искать необходимаго подспорья не только въ рыбныхъ богатствахъ большихъ рѣкъ и озеръ области, но и въ морскихъ и звѣриныхъ промыслахъ и рыболовствѣ Бѣлаго моря и Сѣвернаго океана. Немногихъ цифръ достаточно для сравнительной оцѣнки значенія морскихъ промысловъ въ экономіи края: въ 10-лѣтіе 1868 — 77 г. они давали среднимъ числомъ въ годъ болѣе 500 т. руб. лицамъ, занимавшимся ими въ числѣ отъ 15 до 20,000 человѣкъ ежегодно, при чемъ на каждаго промышленника приходилось отъ 25 до 35 руб. Въ этотъ расчетъ не входитъ рѣчное и озерное рыболовство въ мѣстностяхъ Кубенской и Сухоно-Югской. Между тѣмъ цѣнность ежегоднаго улова рыбы въ одномъ Кубенскомъ озерѣ доходитъ отъ 100 до 150 т. руб.

Въ краѣ существуютъ и нѣкоторые мелкіе заводы, которые перерабатываютъ предметы рыболовства. Такъ въ Архангельской губерніи насчитывается 113 коптильныхъ заведеній, занимающихъ 650 рабочихъ и коптящихъ рыбу, преимущественно сельдей на сумму до 10 т. р. Промышленность эта особенно развита въ Сороцкой волости Кемско-Лапландской мѣстности. Въ 1872 г. предпріимчивый датскій консулъ Паллизенъ, вмѣстѣ съ торговою факторіею, которую онъ завелъ въ Корабельной бухтѣ Кольскаго полуострова, устроилъ на Мурманскомъ берегу и жиротопенный заводъ, вытапливающій тресковаго жира на 30 т. руб.

Самую скромную роль въ общей экономической дѣятельности края занимаетъ эксплоатація его минеральныхъ богатствъ, хотя и эти богатства несомнѣнно встрѣчаются въ краѣ. Въ особенности Кемско-Лапландская мѣстность, подобно сосѣдней Озерной области и Финляндіи, богата залежами болотныхъ желѣзняковъ. Въ новѣйшее время были произведены изслѣдованія нѣкоторыхъ рудныхъ мѣсторожденій края: Гебель изслѣдовалъ свинцово-серебряныя и мѣдныя руды на островахъ Медвѣжьемъ, Хедо, Сѣдловатомъ и Столбовыхъ Лудахъ, Карлъ Обель (повѣренный барона Унгернъ-Штернберга) и повѣренные Шрейбера изслѣдовали желѣзно-рудныя мѣсторожденія въ Кемско-Лапландской мѣстности. Въ прежнія времена были извѣстны серебряныя мѣсторожденія на р. Цыльмѣ Мезенско-Печорской мѣстности, а на Воицкихъ рудникахъ въ Кемскомъ уѣздѣ добывались мѣдь, серебро и даже золото; но нынѣ разработки рудныхъ мѣсторожденій и добычи металловъ во всемъ краѣ вовсе не существуетъ и даже кузнечное дѣло края беретъ свой матерьялъ изъ привознаго или стараго металла. Кузнечное дѣло развито главнымъ образомъ въ Онежско-Двинской и Сухоно-Югской мѣстностяхъ и сосредоточивается преимущественно въ Архангельскѣ, Устюгѣ и Сольвычегодскомъ уѣздѣ. Кузни края занимаютъ до 600 рабочихъ и производятъ на сумму отъ 40 до 50 т. руб. Выдѣлываютъ гвозди, косы, замки, поправляютъ ружейные стволы, передѣлываютъ самовары, въ Архангельскѣ — выковываютъ мѣдные котлы. Въ Устюгѣ дѣлается въ годъ до 40 т. шкатулокъ съ секретными замками; шкатулки эти, око-

лоченныя снаружи жестью бѣлаго, желтаго или зеленаго цвѣта съ узорами наподобіе образуемыхъ морозомъ на оконныхъ стеклахъ, извѣстны во всей Россіи и сбываются на нижегородской ярмаркѣ, гдѣ ихъ особенно охотно покупаютъ азіятцы. Въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ дѣлаются мелкіе желѣзные замки отъ 60 до 100 въ золотникѣ. Всѣмъ извѣстныя устюжскія работы по серебру чернью и сольвычегодскія серебряныя филигранныя нынѣ находятся въ полномъ упадкѣ.

Добыча глины, кирпичный и гончарный промыселъ существуютъ въ краѣ, особливо въ Двинско-Онежской и отчасти Сухоно-Югской и Кубенской мѣстностяхъ. Въ послѣдней изготовляются въ особенности глиняные кубы для смолокуренія. Промыселъ этотъ занимаетъ до 400 рабочихъ и производитъ кирпича и глиняной посуды на сумму отъ 20 до 30 т. руб. Но гораздо важнѣе для общей экономіи края существующее въ Пинежско-Вычегодской мѣстности добываніе точилъ и брусьевъ въ знаменитой Брусяной горѣ — промыселъ, о которомъ болѣе подробныя свѣдѣнія были уже сообщены въ одномъ изъ предшедшихъ очерковъ.

Между разработкою минеральныхъ богатствъ въ краѣ, солевареніе играетъ также не послѣднюю роль. Въ Двинско-Онежской мѣстности соль вываривается изъ морскихъ разсоловъ и хотя промыселъ этотъ находится въ упадкѣ, по невозможности при существующемъ акцизѣ конкурировать съ привозною заграничною солью, но все-таки онъ занимаетъ до сотни рабочихъ и давалъ въ 1877 г. соли до 22,000 пуд. на 77 т. рублей. Несравненно важнѣе солевареніе изъ соляныхъ источниковъ въ Пинежско-Вычегодской мѣстности, гдѣ три солеваренные завода въ послѣднее пятилѣтіе, при 200 до 400 рабочихъ, производили соли на сумму свыше 150 т. руб. Наконецъ нефть и горючіе сланцы (доманики) составляютъ еще непочатыя минеральныя богатства края, разработка которыхъ принадлежитъ будущему.

Не смотря на разнообразіе промысловъ края, служащихъ подспорьемъ недостаточно обезпечивающему его населеніе земледѣлію, большое количество коренныхъ жителей края ощущаютъ потребность искать себѣ заработковъ въ отхожихъ промыслахъ внѣ предѣловъ Бѣломорской области. Отхожіе эти промыслы состоятъ въ миграціяхъ корелъ кемско-лапландской мѣстности для мелочнаго торга въ Финляндію, выходахъ рабочихъ изъ Двинско-Онежской мѣстности на сплавные пути Олонецкой и С.-Петербургской губерній и въ Петербургъ, наконецъ въ выходѣ вологодцевъ изъ Кубенской и отчасти Сухоно-Югской мѣстности въ обѣ столицы. Общее количество лицъ, выходящихъ ежегодно изъ края на отхожіе промыслы, можно опредѣлить не менѣе 30 т. человѣкъ, что составитъ около 10% всѣхъ взрослыхъ работниковъ Бѣломорской области; при этомъ, руководствуясь свѣдѣніями, заключающимися въ отчетахъ архангельскаго губернатора, можно исчислить, что общая сумма заработковъ этихъ 30 тысячъ лицъ, приносимая ими краю изъ отхожихъ промысловъ, далеко превосходитъ 1 милліонъ рублей. Въ одномъ Петербургѣ лицъ, приписанныхъ къ сельскимъ обществамъ Архангельской и Вологодской губерній и большею частью оставившихъ тамъ свои семьи и хозяйства, перепись 1869 года насчитала до 10,000 человѣкъ. Изъ нихъ архангельскіе крестьяне проживаютъ въ столицѣ въ качествѣ артельщиковъ (до 400 человѣкъ), лодочниковъ, ледоколовъ, дворниковъ или занимаютъ должности по транспортировкѣ клади, лѣсной торговлѣ и металлическимъ производствамъ; вологодскіе крестьяне являются въ качествѣ прислуги трактирной (до 500 человѣкъ) и личной и разносныхъ торговцевъ, а также занимаютъ должности по торговлѣ и по столярной и токарной работамъ.

Все, что производитъ и зарабатываетъ скудное и разбросанное населеніе края и все, что оно для обезпеченія своего существованія вынуждено покупать изъ произведеній сосѣднихъ областей — Уральской и Московской, все это получаетъ возможность двигаться и обмѣниваться только благодаря громадной сѣти естественныхъ водныхъ сообщеній. Природа щедрою рукою надѣлила ими Бѣломорскую область и не изсякаютъ и не мелѣютъ они потому, что ихъ истоки питаются вбирающими въ себя, какъ губка, атмосферную влагу обширными пространствами лѣсовъ, которыхъ не смогло истребить скудное населеніе края.

Главная артерія самой важной для края водной сѣти есть, безъ сомнѣнія, Сѣверная Двина съ двумя своими длинными составными вѣтвями — Югомъ и Сухоною, изъ которыхъ послѣдняя вноситъ въ водную сѣть воды обширнаго Кубенскаго озера. Луза правый притокъ Юга, огромная Вычегда съ Сысолою и Пинега — правые притоки Двины, и Вага — лѣвый ея притокъ дополняютъ обширную судоходную сѣть, захватывающую тѣ четыре мѣстности края (Кубенскую Сухоно-Югскую, Двинско-Онежскую, Пинежско-Вычегодскую), въ которыхъ размѣщается 97% его населенія. Вся эта колоссальная естественная водная сѣть въ верховыхъ частяхъ своихъ водныхъ путей соединяется весьма важными волоковыми путями съ ближайшими уѣздами Вятской и отчасти Костромской губерній. Только въ югозападномъ углу края важнѣйшая изъ пристаней всей водной системы, Вологодская, соединяется Вологодско-Ярославскою узкоколейною дорогою съ Волгою, а Кубенское озеро системою канала Герцога Александра Виртембергскаго съ важнѣйшимъ изъ волжско-невскихъ водныхъ путей—Маріинскимъ. Такимъ образомъ вся удобная Двинская судоходная сѣть Бѣломорской области, состоящая изъ 5000 верстъ водныхъ путей въ предѣлахъ области, связана съ обѣими столицами. Внѣ упомянутой Двинской водной системы обитаетъ не болѣе 3% населенія края, но и здѣсь есть четыре большіе, независимые отъ главной сѣти, водные пути, а именно вдоль теченія рѣкъ Печоры, Мезени, Онеги и Выга. Самая громадная изъ этихъ рѣкъ Печора соединяется волоковымъ путемъ съ значительнѣйшимъ, сѣвернымъ торговымъ пунктомъ Уральской области — Чердынью. Онежскій водный путь, идя вверхъ теченія Онеги, приводитъ непосредственно къ довольно важному торговому пункту Озерной области — Каргополю. Наконецъ недавно улучшенный Выговской путь, при посредствѣ озеръ, рѣчекъ и волоковъ, ведетъ отъ Бѣлаго моря къ важнымъ торговымъ пунктамъ на Онежскомъ озерѣ, Шунгѣ и Повѣнцу, и выводитъ многія изъ произведеній края на Шунгскую ярмарку.

По всѣмъ этимъ воднымъ путямъ происходитъ весьма оживленное торговое движеніе. Избытокъ произведеній Бѣломорской области направляется внизъ по теченію рѣкъ преимущественно къ Архангельскому и отчасти Онежскому порту для вывоза за границу, а вверхъ ихъ теченія къ Вологодской пристани для нагрузки на Вологодскую станцію желѣзной дороги, а также черезъ каналъ Герцога Александра Виртембергскаго на Маріинскій путь и наконецъ вверхъ же теченія Двинскихъ притоковъ для разгрузки на ближайшія къ волоковымъ путямъ пристани. По этимъ же волоковымъ путямъ и по Ярославско-Вологодскому желѣзному пути прибываютъ на пристани края, грузятся и развозятся по всей водной его сѣти необходимыя для него произведенія сосѣднихъ областей — Уральской и Московской, а отъ Архангельскаго порта вверхъ теченія рѣкъ развозятся такимъ же порядкомъ и предметы иностраннаго ввоза. Наконецъ по тѣмъ же воднымъ путямъ, начиная отъ ближайшихъ къ волокамъ пристаней въ Архангельскому порту идетъ весьма оживленный транзитъ избытка произведеній нѣкоторой части сосѣдней Уральской области, а именно Вятской губерніи. Пристани, черезъ которыя идетъ транзитъ, а также снабженіе всего края недостающимъ ему хлѣбомъ, и которыя можно назвать *волоковыми*, это Ношульская и Быковская на Лузѣ и Подосиновская на Югѣ, при впаденіи въ него р. Пушмы. Подобное же, даже еще большее значеніе для края имѣетъ Вологодская пристань на Сухонѣ, такъ какъ къ ней вмѣсто трудно-проѣзжаго волока примыкаетъ узкоколейная желѣзная дорога, да и пристань расположена въ центрѣ наиболѣе производительной въ краѣ мѣстности. Внутренними можно назвать пристани при селѣ Шуйскомъ на Сухонѣ и городъ Устюгъ на Югѣ, и болѣе второстепенныя Верховажскій посадъ на Вагѣ, Тотьму на Сухонѣ, Никольскъ на Югѣ, Лальскъ на Лузѣ, Кай-городъ и Устьсысольскъ на Сысолѣ. Выходными пунктами для морской и заграничной торговли края служатъ находящіеся при устьяхъ большихъ рѣкъ порты — Архангельскъ, Онега, Мезень и Сорока (послѣдняя при устьѣ Выга). Впрочемъ преобладающее значеніе въ отпускной торговлѣ края имѣетъ только Архангельскъ, на долю котораго приходится 93% отпуска, за нимъ слѣдуетъ Онега съ 3%, Сорока съ $1\frac{1}{2}$ и Мезень съ 1%.

Внѣшняя торговля бѣломорскихъ портовъ въ теченіе послѣдняго полустолѣтія не только не терпѣла никакого ущерба, но несомнѣнно возрастала. Такъ въ десятилѣтіе 1840—49 года отпускъ бѣломорскихъ портовъ простирался ежегодно на сумму до 4 мил. руб., въ десятилѣтіе 1850—60 г. (не включая 1855 г., закрытаго для навигаціи) до $5^1/_2$ мил., въ десятилѣтіе 1861—1870 г. до $7^1/_2$ мил., въ семилѣтіе 1871—77 г. до $9^1/_2$ мил.; привозъ въ первое десятилѣтіе на 350 т., во второе — до 400 т., въ третье — до 720 т., въ послѣднее семилѣтіе свыше 900 т. въ годъ.

Главнымъ предметомъ отпуска служатъ льняныя произведенія, а именно: ленъ, льняная пакля и льняное сѣмя; отпускъ этихъ сырыхъ произведеній края постоянно и быстро возрастаетъ, превышая въ послѣднее семилѣтіе ежегодно 4,200,000 руб., изъ коихъ только 23% падаютъ на льняное сѣмя, а остальное на волокно. Большая половина льняныхъ товаровъ производится самымъ краемъ, остальное доставляетъ транзитъ изъ сосѣднихъ губерній. Значителенъ еще и отпускъ транзитнаго, по преимуществу, хлѣба, въ послѣднее семилѣтіе простиравшійся на сумму до $2^1/_2$ мил. рублей ежегодно. Наконецъ лѣсныя произведенія составляютъ третій важный предметъ отпуска, въ послѣднее семилѣтіе достигшій ежегодно до суммы 1.900,000 р., изъ коихъ 30% падаютъ на смолу и деготь, а остальное на лѣсъ. Всѣ эти лѣсныя произведенія принадлежатъ исключительно самому краю, такъ что всю сумму заграничнаго отпуска произведеній края можно оцѣнить ежегодно въ 5 милліоновъ, а транзита до $4^1/_2$ мил. руб. Главный предметъ ввоза составляетъ норвежская рыба (на сумму до 500 т. р.), и это доказываетъ, что мѣстное населеніе края не можетъ ни въ своихъ рѣкахъ, ни въ Бѣломъ морѣ и на Мурманѣ наловить столько рыбы, сколько ее нужно для удовлетворенія потребностей края и не слишкомъ значительнаго транзита. Затѣмъ слѣдуетъ соль и мануфактурныя издѣлія. Разумѣется, что первую роль въ бѣломорской торговлѣ изъ европейскихъ государствъ играютъ Норвегія и Швеція, высылавшія въ наши порты въ послѣднее 7-лѣтіе ежегодно 240 судовъ въ 40,000 ластовъ, съ 2,200 человѣками экипажа, вторую—Англія съ 160 судами, 30,000 ластами и 1,900 матросами, затѣмъ слѣдуетъ Германія съ 150 судами, 24,000 ластами и 1,500 матросами, и наконецъ Данія съ 60 судами, 9,000 ластами и 530 матросами.

Внутренняя торговля края оживляется значительными ярмарками, изъ которыхъ свыше 100 т. руб. оборотовъ имѣютъ маргаритинская въ Архангельскѣ, евдокіевская въ селѣ Благовѣщенскомъ, при устьѣ Ваги, въ Шенкурскомъ уѣздѣ, никольская въ городѣ Пинегѣ, вологодская, лальская въ городахъ Вологдѣ и Лальскѣ и введенская въ Грязовцѣ. Въ десятилѣтіе 1868—77 г. продажа товаровъ на этихъ ярмаркахъ простиралась среднимъ числомъ ежегодно на маргаритинской до 1,200,000 рублей, евдокіевской въ Благовѣщенскомъ свыше 600,000 р., никольской въ Пинегѣ 250, вологодской 150, лальской и грязовецкой по 100 т. руб. На маргаритинской ярмаркѣ продается преимущественно хлѣбъ, ленъ, рыба и лѣсъ, на евдокіевской мануфактурныя издѣлія, смола, металлы, мягкая рухлядь и кожа, на никольской предметы звѣроловства.

Вотъ и всѣ главные источники промышленности, съ которыхъ населеніе сѣвернаго края должно добыть себѣ средства для покупки недодаваемаго ему землею хлѣба, рыбы, для удовлетворенія другихъ незатѣйливыхъ потребностей своего жилища, одежды, утвари и орудій земледѣлія и промысла, и наконецъ для уплаты лежащихъ на немъ податей и повинностей.

Сумма всѣхъ собственно идущихъ въ государственную казну налоговъ (подушныхъ, поземельныхъ и налоговъ на городскія строенія), лежащихъ на краѣ, составляетъ немного болѣе 1 милліона рублей, затѣмъ уплата за земли, предоставленныя въ собственность крестьянамъ края, а именно выкупные платежи бывшихъ владѣльческихъ крестьянъ Кубенской мѣстности, удѣльныхъ крестьянъ и оброчная подать государственныхъ составляетъ 1,350,000 рублей, наконецъ идущія на мѣстныя губернскія земскія нужды населенія сборы свыше 800 т. рублей, такъ что вся лежащая на населеніи податная тягость простирается до 3.300,000 руб., что составляетъ на душу муж. пола по 5, а на взрослаго работника по 10 рублей. Сверхъ того акцизныхъ сборовъ получается съ края около 2.000,000 руб., такъ что сумма, платимая каждымъ взрослымъ ра-

ботникомъ прямыми и косвенными налогами государству и земству, простирается отъ 16 до 18 р. Принимая въ соображеніе, что мѣстное земледѣліе даетъ крестьянину только двѣ трети хлѣба, нужнаго для мѣстнаго потребленія, а что остальную треть, также какъ и другіе предметы потребленія: рыбу, соль, часть предметовъ одежды, металлы, орудія промысловъ и т. п. онъ долженъ покупать на деньги, то окажется, что, кромѣ руб. 50, доставляемыхъ среднимъ числомъ каждому работнику (натурою и деньгами) земледѣліемъ и скотоводствомъ, ему нужно еще заработать отъ 20 до 25 рублей на остальныя потребности своей семьи и отъ 16 до 18 руб. на прямые налоги и акцизы, то есть, добыть разными не земледѣльческими промыслами не менѣе 40 руб. на работника. Что населеніе Бѣломорской области исполняетъ эту задачу съ успѣхомъ, о томъ свидѣтельствуетъ очень исправное поступленіе прямыхъ налоговъ въ двухъ губерніяхъ, въ которыхъ ежегодныя недоимки обыкновенно не превышаютъ 2°/₀ и только въ годы народныхъ бѣдствій являются значительными, но и при всемъ томъ многолѣтнія накопленія недоимокъ не превышали къ 1-му янв. 1878 года 20°/₀ годоваго оклада, что представляетъ цифру умѣренную, такъ какъ при такихъ размѣрахъ недоимки не выходятъ изъ характера запоздалаго вноса.

Но какихъ трудовъ и передвиженій въ несомнѣнно *бѣдномъ* (сравнительно съ пространствомъ, имъ занимаемымъ) естественными богатствами краѣ требуетъ собираніе этихъ богатствъ на сумму среднимъ числомъ до 40 руб. на каждаго взрослаго работника! Безъ сомнѣнія, жизнь, слагающаяся изъ передвиженій и постоянной борьбы съ разнообразными и величественными силами сѣверной природы, много содѣйствуетъ умственному развитію населенія области крайняго сѣвера, но какъ тяжко должно отзываться въ его вседневной борьбѣ за существованіе съ суровою, неумолимою природою, всякое, ею же обрушенное на голову человѣка, неотразимое для него бѣдствіе, какъ напримѣръ лѣтніе морозы, истребляющіе жатвы, падежи скота и оленей, неприбытіе по какимъ либо естественнымъ причинамъ въ достаточномъ количествѣ рыбы или звѣря къ прибрежьямъ Бѣломорской области или перелетныхъ птицъ въ ея лѣса, неудача въ выводкахъ тамъ, гдѣ выводятся животныя, не выгодное для морскихъ промысловъ движеніе льдовъ, гибель судовъ и иногда единственныхъ взрослыхъ работниковъ, прокармливающихъ свои семьи, и т. п. Всѣ эти естественныя бѣдствія неумолимо и почти неотразимо выражаются въ экономической жизни населенія сѣвернаго края не только денежными дефицитами отдѣльныхъ крестьянскихъ хозяйствъ, но и дефицитами человѣческихъ существованій.

Пораженный такими дефицитами наблюдатель (а наблюдатели являлись въ край всегда въ наибольшемъ количествѣ послѣ крупныхъ народныхъ бѣдствій, подобныхъ страшному неурожаю-голоду 1867 года) приходитъ къ поспѣшному заключенію объ экономическомъ упадкѣ всей области нашего крайняго сѣвера. Но дѣйствительно ли такой хроническій упадокъ существуетъ? Объ этомъ можно только судить, основываясь на тщательномъ и критическомъ анализѣ цифръ и фактовъ по крайней мѣрѣ за все нынѣшнее столѣтіе. Судя по неполнымъ и безъ сомнѣнія недостаточно точнымъ даннымъ о разныхъ отрасляхъ производительности края, по нѣсколько болѣе точнымъ свѣдѣніямъ объ отпускѣ Архангельскаго порта, а также по множеству другихъ болѣе мелкихъ данныхъ, мы рѣшительно не можемъ придти къ заключенію, чтобы вся разсматриваемая нами область клонилась къ экономическому и притомъ безповоротному упадку. Высказываемое весьма многими публицистами мнѣніе о такомъ упадкѣ, справедливое иногда въ частности по отношенію къ тому или другому промыслу (напримѣръ морскому солеваренію, судостроенію и морскимъ звѣринымъ промысламъ) или къ короткому періоду времени, кажется намъ въ общемъ смыслѣ оптическимъ, такъ сказать, обманомъ. Такъ при быстромъ движеніи паровоза, на которомъ мы ѣдемъ сами, другой паровозъ, гораздо медленнѣе нашего движущійся по паралельной колеѣ и обгоняемый нами, можетъ показаться намъ стоящимъ на мѣстѣ или идущимъ въ противоположномъ съ нами направленіи. Единственное заключеніе, къ которому мы можемъ придти послѣ осторожнаго анализа фактовъ, имѣющихся объ экономической дѣятельности Бѣломорской области въ теченіе всего нынѣшняго столѣтія, это то, что производительность его хотя и идетъ

несомнѣнно впередъ, но развивается на столько же туже и медленнѣе, чѣмъ въ другихъ естественныхъ областяхъ Европейской Россіи, на сколько прирастаетъ туже и медленнѣе численность населенія крайняго сѣвера.

И это явленіе можетъ быть объяснено многими естественными и историческими причинами. Естественныя причины уже достаточно были выяснены въ нашемъ и другихъ очеркахъ: это ледяная кора, окутывающая и сковывающая земную и водныя поверхности края въ теченіе двухъ третей года, недоступность для культуры и обитанія большей части земель области, суровый климатъ, посреди лѣта убивающій въ двѣ или три ночи плоды усиленныхъ трудовъ земледѣльца и производящій столь часто и періодически повторяющіеся мѣстные и даже общіе неурожаи, экономическая бѣдность края, заключающаяся въ малой плотности разбросанныхъ по нему природныхъ богатствъ, медленный приростъ его населенія и т. п.

Не менѣе важно и вліяніе причинъ историко-политическихъ. Выше мы уже упомянули, что разсматриваемая нами область никогда не имѣла вполнѣ самостоятельнаго политическаго, историческаго и экономическаго значенія и всегда была принадлежностью сначала Новгородскаго народоправства, потомъ Московскаго царства и наконецъ Государства Всероссійскаго. Для Новгорода, обладавшаго, да и то невполнѣ, сосѣднею, также не особенно щедро надѣленною природою Озерною областью, значеніе которой усиливалось только транзитомъ Московской области, занятая и отчасти колонизованная имъ обширная сѣверная область, съ ея хотя разбросанными, но непочатыми еще богатствами, имѣла первостепенное значеніе; она вмѣстѣ съ прилежащими хлыновскими частями сосѣдней Уральской области служила почти единственнымъ театромъ для колонизаторской и эксплоататорской дѣятельности Новгородцевъ внѣ Озерной области и въ коронѣ «господина Великаго Новгорода», наша Бѣломорская область блистала самымъ драгоцѣннымъ перломъ. Съ переходомъ области въ руки Московскаго государства, относительное ея значеніе естественно должно было умалиться. Государи московскіе владѣли обширною и несравненно болѣе производительною Московскою областью и постепенно захватили въ свое обладаніе большую часть естественныхъ областей: Озерной, Центральной съ ея богатою черноземною почвою (конечно не достигшей еще тогда достаточной степени экономическаго развитія при тѣхъ частыхъ опустошеніяхъ, которымъ она подвергалась отъ набѣговъ Крымскихъ и Нижневолжскихъ татаръ), Нижне-волжской (въ то время еще совершенно неустроенной) и наконецъ Бѣломорской, Уральской и даже Западно-Сибирской. Посреди столькихъ перловъ въ коронѣ Московскихъ государей, значеніе сѣвернаго края нѣсколько затмилось и затерялось, и нельзя обвинять ихъ за то, что они обращали на сѣверный край нѣсколько менѣе вниманія, чѣмъ на другія свои области, и можетъ быть дорожили имъ менѣе, чѣмъ дорожилъ сѣвернымъ краемъ Новгородъ. Но и при всемъ томъ въ казнѣ царей Московскихъ доходы, сборы, мѣха и другія произведенія края играли еще видную относительную роль, а Бѣлое море было единственнымъ, къ которому прилегала территорія Московскаго государства, и открытіе черезъ него торговаго пути для прямыхъ морскихъ сношеній съ Англіею и Западной Европою оживило Бѣломорскую область небывалымъ прежде транзитомъ. Даже и въ началѣ прошлаго вѣка въ глазахъ великаго преобразователя Россіи Сѣверный край имѣлъ еще для Россіи большее относительное значеніе чѣмъ нынѣ и сослужилъ ей важную службу, давъ царю возможность приготовить свои водныя и боевыя силы на Бѣломъ морѣ и при помощи ихъ захватить устье Невы, т. е. ту мѣстность, въ которую Петръ Великій перенесъ центръ тяжести своего уже Всероссійскаго Государства.

Съ тѣхъ поръ и далѣе въ теченіе всего XVIII вѣка, по мѣрѣ того, какъ расло Русское государство, пріобрѣтая на западѣ, югѣ и востокѣ и отчасти колонизируя все новыя и новыя области, относительное значеніе Бѣломорской области для Россіи все болѣе и болѣе умалялось. И въ средѣ умножающейся семьи родныхъ и пріемныхъ дѣтей, возвращенныхъ, колонизированныхъ и завоеванныхъ краевъ и областей, гораздо болѣе богато надѣленныхъ дарами природы, суровый и относительно бѣдный и малолюдный сѣверный край остался какъ бы забытымъ и до нѣкоторой

степени заброшеннымъ пасынкомъ, нѣсколько въ сторонѣ отъ материнскихъ о немъ заботъ и попеченій Россіи, устремившей несравненно большее вниманіе на устройство своихъ балтійскихъ, западныхъ и черноморскихъ, а впослѣдствіи кавказскихъ и средне-азійскихъ и даже восточно-океаническихъ окраинъ, также какъ на выполненіе своей проходящей черезъ всю исторію Великой Россіи задачи: собиранія Русской земли, борьбы съ турко-татарскими племенами и освобожденія отъ ихъ ига своихъ единородцевъ и единовѣрцевъ, не говоря уже о внутреннихъ заботахъ объ улучшеніи быта сельскаго населенія тамъ, гдѣ оно наиболѣе скучено и гдѣ существовало въ полномъ развитіи крѣпостное право.

И дѣйствительно, какъ бы ни возрастала абсолютно общая сумма производительности Бѣломорской области (а возрастать она можетъ только очень медленно, особливо по сравненію съ другими болѣе богато-одаренными природою областями вслѣдствіе тѣхъ физическихъ условій, о которыхъ было говорено выше), процентъ, который сумма эта составляла въ общей производительности Русскаго государства, долженъ былъ съ быстрымъ возрастаніемъ Россіи постепенно уменьшаться. И еслибъ можно было выразить въ относительныхъ цифрахъ значеніе Бѣломорской области для Новгорода, Московскаго царства и Россійскаго государства въ нынѣшнемъ его составѣ, то мы бы сказали, что если область крайняго сѣвера участвовала въ производствѣ цѣнностей и народныхъ богатствъ Великаго Новгорода на $^1/_8$, то участіе это для Московскаго царства уже не превышало $^1/_{10}$, а для нынѣшней Россіи $^1/_{100}$ общей ихъ производительности. Разумѣется, что только для послѣдней изъ этихъ цифръ возможны приблизительныя исчисленія, остальныя же двѣ представляются гадательными и такъ сказать только примѣрными, за невозможностью имѣть подобнаго рода данныя, относящіяся ко временамъ давно прошедшимъ, но мы приводимъ здѣсь цифры лишь для того, чтобы рельефнѣе и въ правильной перспективѣ выставить относительное значеніе области крайняго сѣвера въ различныя эпохи развитія Русскаго государства.

Естественно, что и въ теченіе послѣдняго 25-лѣтія область крайняго сѣвера какъ бы осталась въ сторонѣ отъ неимовѣрно быстраго поступательнаго движенія и экономическаго развитія, охватившаго всю Россію и обусловленнаго реформами и улучшеніями нынѣшняго царствованія, которыя коснулись Бѣломорской области несравненно менѣе, чѣмъ другихъ областей государства. Такъ положеніе 19 февр. 1861 г. повліяло только на устройство быта и освобожденіе труда двухсотъ тысячъ душъ обоего пола бывшихъ владѣльческихъ крестьянъ Кубенской мѣстности, такъ какъ въ остальныхъ мѣстностяхъ края крѣпостныхъ почти не существовало. Положеніе же крестьянъ въ этихъ остальныхъ мѣстностяхъ мало измѣнилось, и во всякомъ случаѣ не могло измѣниться къ лучшему, такъ какъ въ области, въ которой по ея физическимъ и климатическимъ особенностямъ хищническая форма хозяйства составляетъ необходимое условіе существованія населенія, всякое недостаточно осторожное регулированіе отношеній населенія къ безпредѣльнымъ пространствамъ никѣмъ не занятыхъ земель и отводъ ему надѣловъ въ слишкомъ опредѣленныхъ границахъ легко можетъ ухудшить, а не улучшить бытъ населенія, вслѣдствіе чего это регулированіе въ наименѣе производительныхъ мѣстностяхъ края еще вовсе и не осуществлено. Новыя судебныя и земскія учрежденія въ одной изъ губерній края еще не введены вовсе, а въ другой введены гораздо позже, чѣмъ въ другихъ частяхъ Имперіи (земскія въ Вологодской губерніи въ 1870 году), и въ то время когда количество школъ и учащихся, благодаря усиліямъ мѣстныхъ земствъ, возрасло неимовѣрно во всѣхъ почти другихъ областяхъ Имперіи, въ Бѣломорскойо бласти возрастаніе это идетъ не особенно быстро, не смотря на сильное сочувствіе мѣстнаго и даже сельскаго населенія края къ народному образованію. Замѣтимъ здѣсь мимоходомъ, что во всемъ краѣ къ 1 янв. 1878 г. находилось 444 школы съ 19,500 учащихся, изъ коихъ 8% приходилось на заведенія 2-го разряда (гимназіи и семинаріи), 20% на заведенія 3-го разряда и 72% на народныя школы. Изъ обучающихся только 18% приходится на долю дѣвочекъ, такъ что въ сельскихъ сословіяхъ изъ мальчиковъ учебнаго

возраста обучается въ Бѣломорской области не свыше $^1/_3$, а дѣвочекъ не свыше $^1/_{20}$. Замѣчательно, что въ Вологодской губерніи, въ которой пропорція учащихся ко всему населенію не превышала 1% до открытія земскихъ учрежденій, со времени открытія этихъ учрежденій, то есть съ 1870 года число учащихся увеличилось въ 8 лѣтъ на 44% т. е. почти дошло до $1^1/_2$%; въ Архангельской же губерніи, занимавшей въ прежнія времена одно изъ первыхъ мѣстъ по числу учащихся во всей Имперіи, которыхъ было 2% ко всему населенію, но въ которой не существуетъ земскихъ учрежденій, число учащихся въ то же 8-лѣтіе вовсе не увеличилось. Вообще полное развитіе народныхъ школъ области крайняго сѣвера встрѣчаетъ неодолимыя почти препятствія въ томъ, что разбросанныя въ пустынномъ краѣ малолюдныя селенія не въ силахъ, при своей бѣдности, завести и содержать школу; а хожденіе дѣтей на значительныя разстоянія въ болѣе крупныя селенія, въ которыхъ есть школы, не дозволяютъ климатическія условія, такъ что болѣе двухъ третей селеній и жителей края безусловно не могутъ пользоваться существующими школами и можно сказать, что почти всѣ мальчики края, могущіе по разстоянію своего жилья отъ школы пользоваться ею, ходятъ въ школу. Потому система обыкновенныхъ школъ едва-ли примѣнима къ большинству мѣстностей края, гдѣ повсемѣстное распространеніе грамотности можетъ быть осуществлено лишь при помощи даровыхъ или очень дешевыхъ общежитій или интернатовъ въ школьныхъ пунктахъ, или при помощи передвижныхъ изъ одного селенія въ другое школъ, какъ это устроено въ нѣкоторыхъ мало-людныхъ мѣстностяхъ Швеціи. Но то и другое устройство не по средствамъ не только бѣдному населенію и бѣднымъ общественнымъ средствамъ края, но даже и вообще земскимъ его средствамъ, и требовало бы субсидій со стороны государства, которыя, конечно, могутъ выпасть на долю Бѣломорской области лишь въ томъ случаѣ, если и другія области Россіи будутъ поставлены не въ худшія условія относительно народнаго образованія.

Но всего болѣе область крайняго сѣвера осталась въ сторонѣ отъ обширнаго экономическаго переворота, произведеннаго въ Россіи проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ. Въ то время какъ вся Европейская Россія отъ Волги до Чернаго моря и Западно-европейской границы покрылась сѣтью желѣзныхъ дорогъ, на долю забытаго пасынка Россіи, Сѣвернаго края, досталась только одна сѣверная оконечность узко-колейной Ярославско-Вологодской желѣзной дороги, открытой въ 1872 г., но уже принесшей обширную пользу краю, и въ особенности Кубенской и Сухоно-Югской мѣстностямъ, для которыхъ она замѣнила неудобный волокъ между Волжскими пристанями и Сухоною и открыла сбытъ въ столицы многимъ произведеніемъ упомянутыхъ мѣстностей. Другой же не менѣе важный для края желѣзный путь — Вятско-Двинскій, котораго крайняя необходимость изъ всеобщаго сознанія населенія давно проникла во всѣ губернаторскіе отчеты и протоколы разныхъ правительственныхъ коммисій и который уже съ 1870 г. внесенъ въ правительственную сѣть желѣзныхъ дорогъ, повидимому, еще далекъ отъ своего осуществленія.

Не болѣе быстро улучшается въ краѣ и дѣло морскихъ нашихъ сообщеній и мореплаванія. Въ то время когда всѣ государства Западной Европы конкурируютъ между собою, снаряжая ученыя и промышленныя экспедиціи въ сосѣднія съ нами части Сѣвернаго океана; въ то время когда предпріимчивые и отважные мореходы Скандинавіи, получающіе въ своихъ превосходныхъ школахъ всѣ нужныя для познанія моря и мореплаванія свѣдѣнія, при помощи которыхъ они строятъ себѣ лучшія суда, приспособленныя къ плаваніямъ между льдами, проникаютъ въ Карское море и снаряженными при дѣятельной помощи своего правительства экспедиціями оплываютъ всю полярную сторону материка Стараго свѣта, — русскіе промышленники при недостаточномъ своемъ образованіи, несовершенствѣ своего судостроенія, отсутствіи кредита на покупку и снаряженіе хорошихъ судовъ, отсутствіи государственной поддержки морскимъ научнымъ экспедиціямъ въ Сѣверномъ океанѣ, не могутъ конкурировать на немъ съ норвежскими и вообще иностранными промышленниками, которые все болѣе и болѣе ограничиваютъ и стѣсняютъ кругъ дѣятельности русскихъ морскихъ промысловъ, одной изъ немногихъ отраслей на-

роднаго хозяйства области, дѣйствительно пришедшихъ въ упадокъ противъ прежняго времени. Правда, что въ послѣдніе годы было кое-что сдѣлано для улучшенія спеціальнаго образованія мореходовъ крайняго сѣвера и выпущено уже изъ мореходныхъ школъ десятка два довольно свѣдущихъ шкиперовъ, устроена спасательная и отчасти метеорологическая станція на Новой Землѣ на средства общества поданія помощи во время кораблекрушеній, а благодаря усиліямъ частныхъ лицъ г. г. Сидорова и Сибирякова построены нѣкоторыя русскія суда, проникающія въ недоступныя прежде части Сѣвернаго океана — Карское море, устья Оби, Енисея и даже Лены, и наконецъ организованы правильные пароходные рейсы на Бѣломъ морѣ и Мурманскомъ поморьѣ. Но всего этого еще далеко недостаточно, чтобы дать населенію области крайняго сѣвера возможность конкурировать съ дѣятельностію на этомъ поприщѣ сосѣдней Швеціи и Норвегіи. При такихъ условіяхъ не весьма ли естественно медленное по сравненію съ другими частями Россіи развитіе производительности Бѣломорской области, сравнительный съ Норвегіею, а даже можетъ быть и въ нѣкоторой степени абсолютный упадокъ нашихъ океаническихъ промысловъ, и не понятно ли, что все это даетъ пищу довольно распространенному, хотя и несправедливому мнѣнію объ общемъ экономическомъ упадкѣ всей нашей сѣверной окраины.

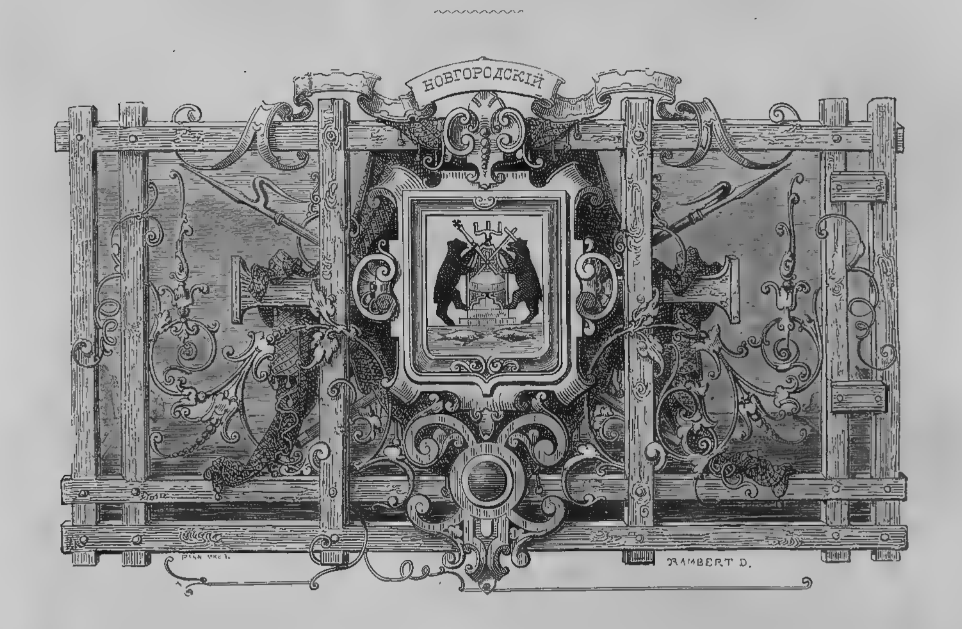
Но нѣтъ сомнѣнія, что какъ только Русское государство справится сколько нибудь съ массою лежащихъ на немъ и болѣе неотложныхъ заботъ о многихъ другихъ своихъ областяхъ и окраинахъ, то оно вспомнитъ и о нуждахъ своего, до нѣкоторой степени забытаго и обдѣленнаго природою, пасынка. Тогда осуществится давно желанная Вятско-двинская желѣзная дорога, расчистятся судоходныя части нѣкоторыхъ верховыхъ рѣкъ обширной Двинской судоходной системы, государство придетъ на помощь снаряженію морскихъ экспедицій и приметъ участіе въ международномъ предпріятіи устройства полярныхъ метеорологическихъ станцій, а эти экспедиціи и станціи прольютъ новый свѣтъ на всѣ физическія условія Сѣвернаго океана и его промысловъ. Тогда появятся также и хорошія современныя описи нашихъ сѣверныхъ прибрежныхъ и рѣчныхъ устьевъ, засвѣтятся можетъ быть и маяки на устьяхъ Печоры. Вмѣстѣ съ тѣмъ умножатся и народныя школы Бѣломорской области и усовершенствуется спеціальное и техническое образованіе мореходовъ и судостроителей нашего сѣвера, усовершенствуется вообще и судостроеніе при активной помощи правительства, при той же помощи будетъ организованъ кредитъ судопромышленникамъ на снаряженіе ихъ судовъ и на взаимное ихъ страхованіе. И тогда только нашъ отважный, выносливый и умный поморъ будетъ поставленъ въ возможность конкурировать съ норвежскими и вообще иностранными промышленниками, все болѣе и болѣе стѣсняющими кругъ его дѣятельности. Вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣна акциза съ соли вывариваемой изъ морскихъ разсоловъ подниметъ пришедшее въ упадокъ солевареніе и дастъ поморамъ возможность извлекать лучшія выгоды изъ своего рыболовства. Внутри же области крайняго сѣвера будетъ облегчено и регулировано съ крайнею обдуманностью и осторожностью для сельскаго населенія пользованіе втунѣ лежащими лѣсными богатствами края, организуется кредитъ для мелкой и по возможности артельной эксплоатаціи этихъ богатствъ. И при всѣхъ этихъ улучшеніяхъ населеніе крайняго сѣвера, хотя и малочисленное, но сильное тѣмъ развитіемъ, которое ему доставила вѣчная борьба съ самыми неблагопріятными въ цѣлой Европѣ условіями природы, докажетъ, что и въ Бѣломорской области, при нѣкоторой внѣшней помощи, возможно хотя и ограниченное извѣстными предѣлами, но все таки правильное развитіе производительности края и экономической дѣятельности его населенія.

П. П. Семеновъ.

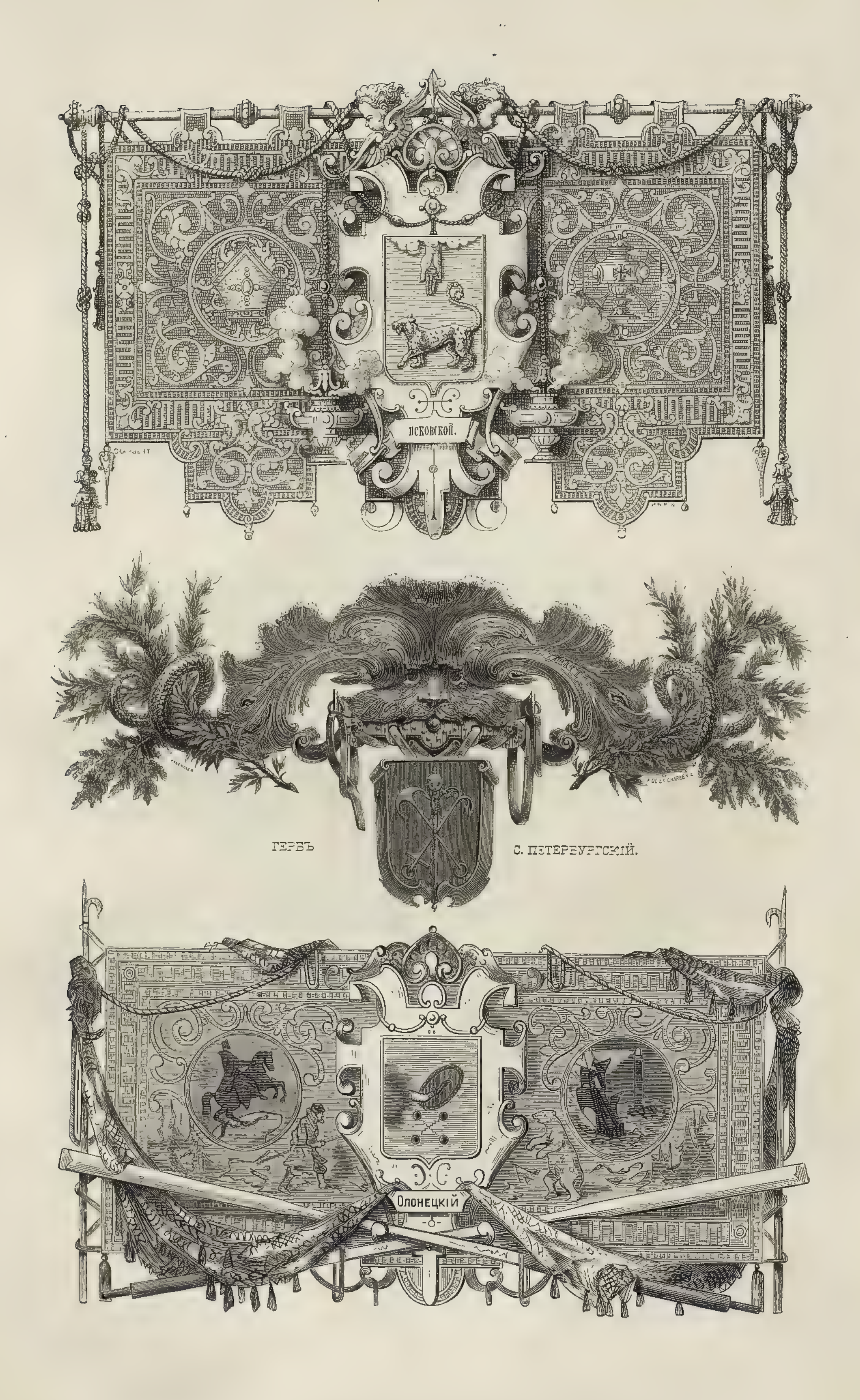

СѢВЕРНАЯ РОССІЯ.

Озерная или древне-новгородская область.

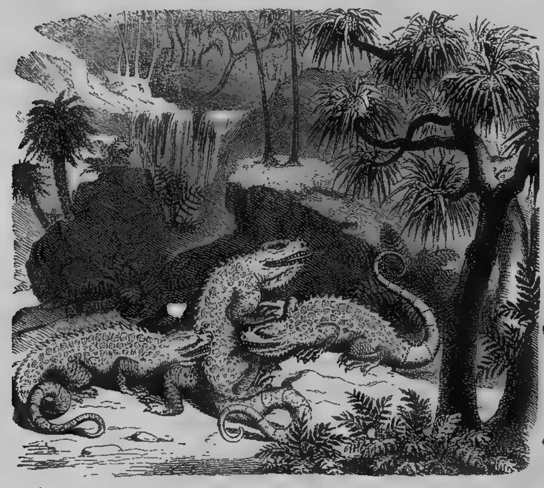
ГУБЕРНІИ НОВГОРОДСКАЯ, С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ, ПСКОВСКАЯ И ОЛОНЕЦКАЯ.

ПСКОВСКОЙ.
ГЕРБЪ
С. ПЕТЕРБУРГСКІЙ.
Олонецкій

ОЧЕРКЪ I.

ГЛУБОКОЕ ПРОШЛОЕ ОЗЕРНОЙ ОБЛАСТИ.

Лѣтописецъ въ человѣчествѣ и лѣтописецъ въ природѣ. — Эпохи силурійская, девонская и каменноугольная въ озерной области. — Что дѣлалось по сосѣдству: вторичныя и третичныя образованія. — Эпоха ледниковая.

Бой игуаноподонтовъ.

Еще одно, послѣднее сказанье —
И лѣтопись окончена моя,
Исполненъ долгъ, завѣщанный отъ Бога
Мнѣ грѣшному. Недаромъ многихъ лѣтъ
Свидѣтелемъ Господь меня поставилъ
И книжному искусству вразумилъ;
Когда нибудь монахъ трудолюбивый
Найдетъ мой трудъ усердный, безъимянный;
Засвѣтитъ онъ, какъ я, свою лампаду,
И, пыль вѣковъ отъ хартій отряхнувъ,
Правдивыя сказанья перепишетъ,
Да вѣдаютъ потомки православныхъ
Земли родной минувшую судьбу. ...

ПУШКИНЪ.

Въ этомъ стихотвореніи безсмертнаго поэта олицетворенъ образъ лѣтописца, человѣка, записавшаго то, чему онъ въ теченіе многихъ лѣтъ былъ поставленъ свидѣтелемъ, и съ тѣмъ, чтобъ потомки православныхъ вѣдали минувшую судьбу земли родной. Труды людей, подобныхъ Пимену, имѣли громадное значеніе для исторіи человѣчества, и жаль только, что такіе люди появились сравнительно недавно. Можно указать на длинные періоды времени, когда человѣкъ жилъ и въ нашихъ краяхъ, но какъ онъ жилъ, былъ ли онъ такой же человѣкъ, какъ и нынѣшніе люди, объ этомъ мы не имѣемъ никакихъ ни письменныхъ данныхъ, ни устныхъ преданій. Тѣмъ болѣе мы не найдемъ ничего подобнаго, когда коснемся исторіи нашей земли и окружающей насъ природы. Между тѣмъ, и земля имѣетъ свою исторію. Гдѣ же памятники, на основаніи которыхъ можетъ быть составлена эта исторія, и какіе они?

Эти памятники многочисленны и повсюду насъ окружаютъ; по нимъ мы ходимъ, ѣздимъ; придавая имъ ту или другую форму, мы обращаемъ ихъ въ свои обиталища, выдѣлываемъ изъ нихъ и большую часть необходимыхъ для насъ принадлежностей; — однимъ словомъ, это камни, горныя породы и металлы, это плитнякъ, лежащій на нашихъ тротуарахъ и въ основаніи на-

шихъ зданій; булыжникъ, устилающій мостовыя; гранитъ, ограждающій берега нашей Невы; глина, передѣланная рукою человѣка въ наши кирпичныя зданія; металлы, составляющіе нашу посуду, инструменты, машины. — Большая часть названныхъ и имъ подобныхъ веществъ лежитъ въ природѣ въ самыхъ разнообразныхъ видахъ: то въ формѣ громадныхъ, причудливыхъ скалъ, то весьма толстыми пластами, громоздящимися другъ на друга и раскидывающимися на протяженіи цѣлыхъ сотенъ верстъ. Эти-то пласты, правильно наслоенные одинъ на другомъ и наполненные остатками и отпечатками жившихъ на землѣ со времени ея образованія, но давно исчезнувшихъ растеній и животныхъ, и хранящіе въ себѣ слѣды совершившихся переворотовъ, составляютъ какъ бы листы лѣтописи изъ прежней жизни окружающей насъ природы. Не даромъ одинъ изъ ученыхъ, обратившій впервые вниманіе на изученіе упомянутыхъ остатковъ животныхъ и растеній, придавая имъ то же значеніе, какое имѣютъ древнія медали и монеты для изученія исторіи, назвалъ ихъ медалями творенія (medals of creation). Но роль лѣтописца въ исторіи принадлежитъ безспорно главнѣйшему дѣятелю въ природѣ — водѣ, какъ въ жидкомъ, такъ и въ твердомъ ея состояніи. Чтобъ отложить новые пласты, она разрушаетъ и уничтожаетъ старые, и нерѣдко ея разрушительная дѣятельность доходитъ до поразительныхъ размѣровъ. Тѣмъ не менѣе она почти никогда не можетъ вполнѣ стереть съ лица земной поверхности то, что раньше было воспроизведено ею въ неменѣе гигантскихъ размѣрахъ. Благодаря тому, что центры пребыванія воды, въ формѣ морей, океановъ и даже ледниковъ, перемѣщаются съ однихъ мѣстъ на другія, и самыя попытки ея размыть старыя свои отложенія ведутъ только къ тому, что мы еще съ большей ясностью возсоздаемъ исторію тѣхъ измѣненій, которымъ подвергалась земная поверхность. Весь сѣверный берегъ Финскаго залива состоитъ изъ тѣхъ гранитовъ, которыми одѣты невскія набережныя, и изъ которыхъ сдѣланы многочисленные памятники столицы, изъ гнейсовъ (слоистыхъ гранитовъ), частію изъ сланцевъ, нѣсколько подобныхъ тому, что у насъ употребляется для грифельныхъ досокъ, — это первобытныя горныя породы, лежащія несомнѣнно на громадныхъ глубинахъ земной коры, гдѣ на нихъ иногда наталкиваются буровыя скважины артезіанскихъ колодцевъ. Онѣ послужили первоначальнымъ матеріаломъ, изъ котораго вода создала новые виды горныхъ породъ. На берегу Финскаго залива, какъ разъ противоположномъ сѣверному, занимаютъ обширную площадь известняки, песчаники и сланцы, принадлежащіе къ самому древнему изъ образованій, осажденныхъ морями на земной поверхности, — силурійской формаціи; эти породы — произведенія моря или океана, въ которомъ въ первый разъ обнаружились слѣды животной жизни съ поразительной ясностью. Правда, находили слѣды животной жизни въ известнякахъ, принадлежащихъ къ болѣе раннему періоду, между прочимъ найденные даже въ Финляндіи слабые животные остатки получили названіе «заря живущихъ существъ» (Eozoon), но дѣйствительно ли найденное въ известнякахъ образованіе есть животное — это остается еще не вполнѣ рѣшеннымъ вопросомъ; тогда какъ о животныхъ остаткахъ силурійскаго моря, занимавшаго весь южный берегъ Финскаго залива и шедшаго черезъ пространства, занимаемыя нынѣ Петербургомъ и Царскимъ Селомъ, по направленію къ Шлюссельбургу, къ Новой Ладогѣ и къ устьямъ Свири, — не можетъ быть никакого спора. Въ силурійскомъ морѣ жили животныя, принадлежавшія только къ низшимъ классамъ животнаго царства, но вмѣстѣ съ тѣмъ они достигали большаго разнообразія; здѣсь были: полипы, медузы, разнороднѣйшіе плеченогіе моллюски, иглокожія, въ родѣ нашихъ морскихъ звѣздъ и ежей; но самыя замѣчательныя животныя силурійскаго моря были изъ отряда головоногихъ моллюсковъ — ортоцератиты, которыхъ окаменѣлыя раковины съ своими камерами, поставленными одна надъ другою вдоль прямолинейной оси и раздѣленныя параллельными перегородками, сохранились въ несмѣтномъ количествѣ въ силурійскихъ пластахъ; эти формы близки къ нынѣ живущимъ, такъ называемымъ корабликамъ и частію къ каракатицамъ; рядомъ съ ними господствовали въ морѣ также давно исчезнувшіе, но весьма характерные для древнѣйшихъ морскихъ образованій трехлопастные раки — трилобиты. Видъ рака, нѣсколько подобный трилобитамъ, такъ называемый

«серафимъ» или Pterygotus, жившій впослѣдствіи, въ девонскую эпоху, имѣлъ до двухъ аршинъ въ длину; еслибъ онъ жилъ до сихъ поръ, то какой бы величины нужна была для него тарелка и сколько своихъ еще нынѣ живущихъ собратьевъ, — обыкновенныхъ раковъ замѣнилъ бы онъ для любителей рачьяго мяса? — Въ существованіи всѣхъ этихъ остатковъ, во всемъ ихъ разнообразіи, можетъ убѣдиться всякій, кто только пожелаетъ обратить

Папоротники изъ каменноугольной эпохи.

вниманіе на известняки около Царскаго Села, Павловска и южныхъ притоковъ Финскаго залива и Ладожскаго озера. Даже на плитнякахъ петербургскаго тротуара нерѣдко можно встрѣтить продольные разрѣзы ортоцератитовъ съ ихъ характерными камерами. Но земная кора, не смотря на ея видимую прочность и твердость, находится въ постоянномъ движеніи, она живетъ присущей ей собственной жизнью. Жителямъ, нынѣ обитающимъ на пунктахъ земнаго шара, подверженныхъ частымъ землетрясеніямъ, хорошо извѣстно непостоянство той почвы, на которой они строятъ свои поселенія; ихъ не только безпокоятъ, но нерѣдко и засыпаютъ развалинами такъ называемыя землетрясенія, послѣ которыхъ на сосѣднихъ поморьяхъ исчезаютъ одни острова и появляются другіе, также поднимаются берега или осѣдаютъ подъ уровень моря; вмѣстѣ съ тѣмъ происходятъ об-

валы почвы, трещины и т. д., не говоря уже о происходящихъ затѣмъ изверженіяхъ расплавленной лавы изъ вулканическихъ горъ. Но не вездѣ сила вулканической дѣятельности проявляется съ такой внезапностью и энергіей: въ другихъ мѣстахъ она дѣйствуетъ болѣе постоянно и медленно; благодаря этому во многихъ мѣстахъ материки съ чрезвычайной медленностью опускаются или поднимаются, безъ всякихъ катастрофъ. Къ числу такихъ мѣстностей относятся и прибрежья нашего Балтійскаго моря, которыя и теперь медленно поднимаются надъ уровнемъ моря; убѣдить въ этомъ всякаго столичнаго жителя можетъ между прочимъ лѣстница въ Петергофѣ, ведущая отъ домика, построеннаго при Петрѣ Великомъ, къ заливу. Первоначально она была построена такъ, что съ нея можно было садиться прямо въ лодку, между тѣмъ какъ теперь она стоитъ уже настолько далеко отъ воды, что къ ней невозможно подвести лодку даже при самомъ большомъ половодьи. По берегамъ Балтійскаго моря въ Швеціи подобныя измѣненія произошли въ гораздо болѣе величественныхъ размѣрахъ: тамъ даже цѣлыя суда находятъ въ почвѣ, высоко надъ водой; между тѣмъ доказано, что тамъ поднятіе берега идетъ не больше какъ на 2 фута въ столѣтіе. И такимъ образомъ, въ силу поднятія, совершающагося медленно на нашемъ берегу, можетъ быть, и тѣ грядущія поколѣнія, которымъ въ отдаленномъ будущемъ придется жить при устьяхъ Невы, не будутъ подвергнуты опасности со стороны такихъ наводненій, какое было здѣсь, напримѣръ, въ 1824 воду. Очевидно, что подобное же поднятіе морскихъ береговъ медленно, въ теченіе длиннаго періода времени, совершилось и въ силурійскую эпоху и море мало-по-малу отступило. Но вмѣсто этого исчезнувшаго моря, въ предѣлахъ нынѣшней Озерной области появилось море другой девонской эпохи или формаціи, слѣды котораго остались на еще болѣе обширной площади, чѣмъ отъ силурійскаго. Если принять города Островъ и Новоржевъ за центръ этого моря, то оно пойдетъ къ западу на нынѣшніе города Пернау, Ригу и Кенигсбергъ, къ сѣверо-востоку на озера Чудское и Ильмень, и далѣе на озеро Онежское; къ юго-западу оно пройдетъ черезъ Витебскъ, Смоленскъ, почти до Воронежа. Это море оставило намъ пестрые слюдистые песчаники и глины, известняки, доломиты, рухляки и желѣзистый песчаникъ; песчаники его доставляютъ намъ жерновный камень, а девонскіе осадки около Старой Русы — соляной разсолъ. — Девонское море изобиловало кораллами, роскошными морскими лиліями (энкринитами) и моллюсками; многія животныя, жившія въ силурійскомъ, въ немъ уже встрѣчаются только въ маломъ количествѣ, или вовсе исчезаютъ, но за то они замѣнились новыми, болѣе совершенными; рыбы, которыя едва только показывались въ силурійскую эпоху, въ девонскомъ морѣ появились въ громадномъ количествѣ и достигали огромныхъ размѣровъ; при всемъ однако-жь своеобразіи девонскихъ рыбъ, виды которыхъ давно исчезли съ лица съ земли, онѣ нѣсколько напоминали нынѣ живущихъ осетровыхъ. Весьма вѣроятно, что въ девонскую эпоху началась жизнь на материкахъ или островахъ, — по крайней мѣрѣ въ это время появились на землѣ хвощи, напоротники и тому подобныя растенія. Но разцвѣтъ растительной жизни наступилъ въ періодъ, слѣдующій за девонскимъ. Девонское море исчезло, вѣроятно по той же причинѣ, какъ и силурійское, и смѣнилось затѣмъ моремъ каменноугольной эпохи или формаціи, слѣды котораго сохранились на самыхъ восточныхъ окраинахъ Озерной области. Начавшись непосредственно за девонскими, каменноугольные осадки отъ верховьевъ Волги тянутся полосой къ сѣверо-востоку, почти параллельно съ девонскими, до береговъ Бѣлаго моря и здѣсь, на весьма большомъ протяженіи, они образуютъ Валдайскую плоскую возвышенность. Затѣмъ отъ верховьевъ Волги они направляются еще болѣе широкой полосой на юго-востокъ, на Москву, Рязань и Тулу. Въ противоположность тому, что было въ Западной Европѣ, наше каменноугольное море было глубоко; оно отложило намъ плотные известняки и доломиты, съ пластами мелкозернистаго песчаника, сланцеватой глины и *каменнаго угля* или же наконецъ известняки, подобные мѣлу, и рухляки, съ прослойками и кусками кремня. Каменный уголь, во имя котораго и самая эпоха его образованія названа *каменноугольной*, лежитъ у насъ въ противоположность съ тѣмъ, что наблюдается въ Западной

Допотопный міръ.

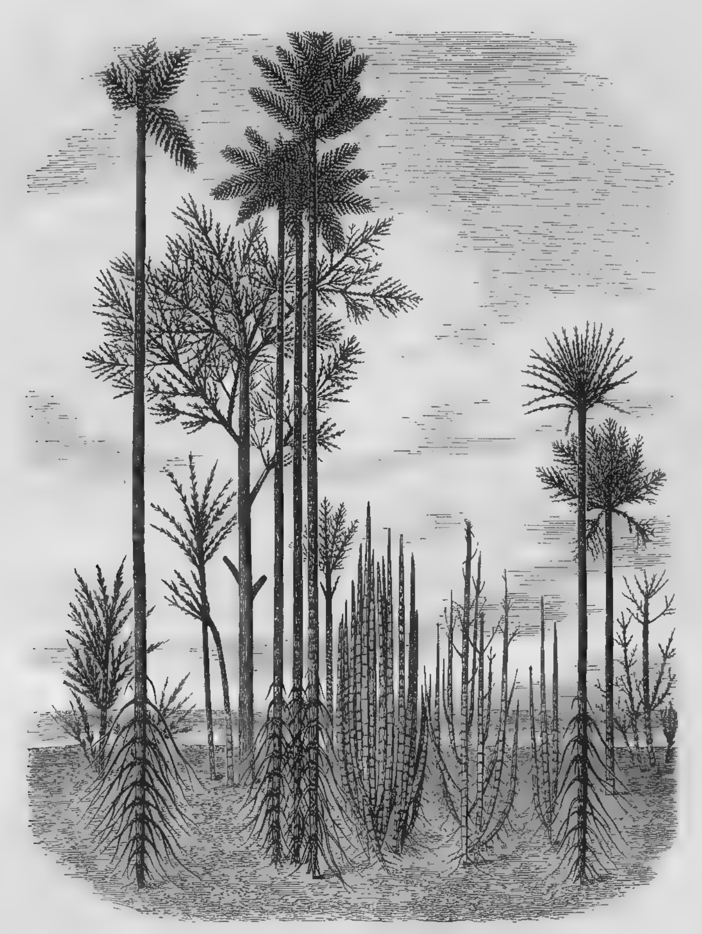
Европѣ, въ самомъ низу формаціи, соприкасаясь непосредственно съ еще раньше отложенными девонскими образованіями; да притомъ пласты, выше его лежащіе, накрыты сверху, во многихъ мѣстахъ, особенно же около Москвы, толщами еще иной болѣе новой, юрской эпохи, такъ что доступъ у насъ до каменнаго угля становится возможнымъ только на окраинахъ отложившаго его моря. И такимъ образомъ намъ становится чрезвычайно затруднительнымъ про-

Ландшафтъ каменноугольнаго періода.

читать одну изъ самыхъ любопытныхъ страницъ лѣтописи въ каменноугольной эпохѣ; намъ приходится пользоваться только обрывками отъ этой страницы, окунувшейся столько же въ глубь земной коры, сколько и на протяженіи, равняющемся цѣлымъ сотнямъ верстъ. — На окраинахъ этого бассейна, въ губерніяхъ Тульской, Калужской и Рязанской уголь открытъ болѣе чѣмъ въ сотнѣ мѣстностей. Непосредственно же въ Озерной области каменный, бурый уголь обнажается только около Боровичей. — Вообще о каменноугольномъ періодѣ можно сказать, что въ это время, рядомъ съ глубокими морями появились материки, изрѣзанные бухтами и заливами, различной величины острова. Морскія животныя, въ особенности низшаго типа, уменьшились въ количествѣ, многія въ осадкахъ этого періода появились въ послѣдній разъ; они вымерли, существованіе ихъ навсегда погасло. За то появленіе небольшихъ материковъ и островов повлекло за собой развитіе болѣе высшей наземной жизни, — благопріятствовалъ этому и господствовавшій тогда климатъ. Какъ во всѣ предшествовавшія, такъ и въ каменноугольную эпоху, климатъ былъ ровный, тропическій: благодаря изобилію окружавшихъ материки и острова морей, онъ былъ влажный; вообще, какъ климатъ, такъ и ландшафтъ каменноугольнаго періода вполнѣ уподоблялись тому, что въ настоящее время можно видѣть на многихъ островахъ Тихаго океана. Рядомъ съ громадными коралловыми рифами, выроставшими на днѣ морскомъ, вмѣстѣ съ многочисленными видами водорослей, осѣдавшихъ на дно и частію послужившихъ къ образованію каменнаго угля, на сушѣ развивалась растительность во всемъ ея тропическомъ блескѣ и роскоши. Но то была растительность безъ благоухающихъ цвѣтовъ, исключительно тайноцвѣтная, какъ и вообще это было со всѣми типами организмовъ, которые въ первобытныя эпохи появлялись только въ зародышевомъ или эмбріональномъ состояніи по сравненію съ формами, нынѣ живущими. Тоже было и съ каменноугольной растительностью; чтобъ получить объ ней понятіе, нужно представить себѣ гигантскія древесныя

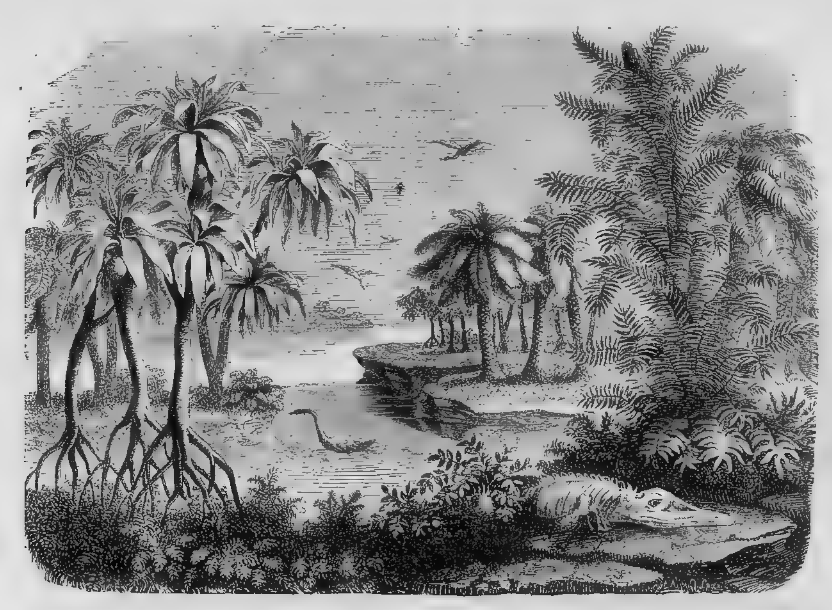
формы, нынѣшнихъ плауновъ, хвощей и папоротниковъ, изъ которыхъ только послѣднie являются еще въ видѣ деревьевъ въ нѣкоторыхъ тропическихъ странахъ, между тѣмъ какъ плауны (Lycopodium) извѣстны нынѣ только въ видѣ приземистыхъ травъ, да и современные хвощи (Equisetum) очень невысоко поднимаютъ свои черныя или желтыя головки надъ поверхностью почвы. Представителями плауновъ въ каменноугольную эпоху были сигилляріи, имѣвшія до 10—

Хвощи изъ первобытной растительности въ эпоху каменноугольнаго періода.

14 саженъ высоты, и лепидодендроны, достигавшіе гигантскаго роста, до 100 футовъ высоты и до 12 футовъ въ окружности; представителями хвощей были такъ называемые каламиты, съ ростомъ до 5 — 6 саженъ. Многочисленные виды папоротниковъ изъ каменноугольнаго ландшафта мало отличаются отъ нынѣшнихъ тропическихъ древовидныхъ папоротниковъ. Къ этимъ видамъ растеній частію примѣшивались хвойныя, близкія къ австралійскимъ араукаріямъ, въ которыхъ тонкія иглы замѣняются болѣе широкими пластинками. Рядомъ съ этой своеобразной растительностью, послужившей также въ большинствѣ случаевъ къ образованію каменнаго угля, появились и животныя, представители сухопутной жизни: то были земноводныя, съ весьма страннымъ соединеніемъ признаковъ рыбъ, лягушекъ, саламандръ, ящерицъ и крокодиловъ, а также

пресмыкающіяся, съ признаками крокодила и ящерицы. Всѣ эти животныя были уже окружены наземными моллюсками, насѣкомыми, пауками и скорпіонами.—Между тѣмъ какъ исторія человѣческихъ преданій считаетъ свои эпохи вѣками и не болѣе какъ десятками вѣковъ, исторія образованія земной коры — геологія даже не считаетъ свои эпохи тысячелѣтіями, а десятками и сотнями тысячелѣтій. Много сотенъ тысячелѣтій длилась эта своеобразная жизнь каменно-

Ландшафтъ юрскаго періода.

угольной эпохи и можетъ быть только частію при иныхъ условіяхъ, чѣмъ нынѣшнія условія тропическихъ странъ; воздухъ того времени вѣроятно больше изобиловалъ углекислотой, чѣмъ нынѣшній, но онъ, очевидно, также не былъ вполнѣ спокоенъ; моря и воды того времени волновались такъ же, какъ и теперь, и оставили слѣды волнъ на песчаникахъ; если же волновалась вода, то и воздухъ не оставался безъ вѣтровъ и бурь, которые можетъ быть одни нарушали тишину тогдашнихъ лѣсовъ, а по временамъ вѣроятно къ нимъ присоединялся и громъ, сопровождаемый дождями, слѣды которыхъ сохранились на каменноугольныхъ сланцахъ.

Въ слѣдующіе за тѣмъ періоды времени дѣятельность морей сосредоточивалась внѣ нынѣшней озерной области. Такъ въ пермскую эпоху море господствовало въ нынѣшней Пермской губерніи; въ осадкахъ его не сохранилось особенно важныхъ данныхъ для развитія растительной и животной жизни. Пермскою эпохою закончился рядъ четырехъ древнихъ формацій земной коры, называемыхъ первичными или палеозоическими т. е. древнеживотными. Въ гораздо большемъ развитіи находимъ мы животную жизнь въ осадкахъ трехъ слѣдующихъ за тѣмъ періодовъ времени, извѣстныхъ въ своей совокупности подъ именемъ вторичныхъ, — въ тріасовомъ, слѣды котораго находятся въ Россіи на востокъ отъ рукава р. Волги, — Ахтубы, въ горахъ Большомъ и Маломъ Богдо; въ юрскомъ, осадки котораго развиты особенно около Москвы, и въ мѣловомъ, оставившемъ слѣды своего пребыванія въ окрестностяхъ Курска и въ верховьяхъ Дона. Одинъ ученый рисуетъ такую картину изъ юрской эпохи: «Изъ океана поднимается низменный берегъ. Въ отдаленіи, на поверхности воды дѣлаются замѣтными кольцеобразные коралловые острова. Крылатыя ящерицы прорѣзываютъ воздухъ, по морю плаваютъ длинношейныя ящерицы, а на берегахъ

бѣлѣютъ кости выброшеннаго водой ихтіозавра. Материкъ и островъ покрыты роскошной растительностью. Тамъ поднимается группа стройныхъ деревъ, снизу до верху покрытыхъ широкими перистыми листьями, выходящими, какъ кажется, изъ короткихъ шишкообразныхъ вѣтвей? Это Pterophyllum — наполовину пальма, наполовину папоротникъ. Затѣмъ привлекаетъ наше вниманіе маленькій лѣсокъ изъ панданов̆ъ, съ громадными, висящими внизъ, листьями и съ вертикально стоящимъ стволомъ, который подпирался вилообразными воздушными корнями. Почва и скалы вездѣ были покрыты громадными папоротниками, съ могучими разнообразными вершинами.» Во время мѣловаго періода, къ папоротникамъ, хвойнымъ, къ сагамъ и пальмамъ прибавилось громадное количество двудольныхъ растеній, цвѣтковыхъ и лиственныхъ, вѣчнозеленыхъ деревъ, между которыми были дубы, буки и протеевыя деревья. — Въ теченіе этихъ трехъ періодовъ произошло еще большее усовершенствованіе и между животнымъ міромъ, — помимо большихъ спирально завитыхъ аммонитовъ и каракатицъ (белемниты), жившихъ въ моряхъ, а также пресмыкающихся самыхъ странныхъ формъ, то летающихъ и плавающихъ, какъ птеродактилъ и плезіозавръ, или рыбоящеровъ—ихтіозавровъ, отличающихся своей громадной величиной, морскихъ змѣй—мозозавровъ и прародителей черепахъ, появились животныя болѣе высшія: на песчаникахъ сохранились слѣды птицъ, а наконецъ въ литографическомъ сланцѣ Западной Европы найденъ былъ отпечатокъ цѣлой птицы изъ юрской эпохи; хотя эта птица была покрыта перьями, но по своему хвосту, который былъ также въ перьяхъ, она была совершенно похожа на ящерицу, — это арахептериксъ, и даже клювъ ея былъ, вѣроятно, съ зубами. Но тѣмъ усовершенствованіе организмовъ еще не кончилось; въ эту же эпоху появились и млекопитающія; это были звѣрки сумчатые, въ высшей степени напоминающіе нынѣ живущихъ сумчатыхъ или такъ называемыхъ двуутробокъ Австраліи. Вообще Австралія напоминаетъ жизнь только-что очерченнаго періода и въ другихъ отношеніяхъ, какъ по своимъ растеніямъ, такъ еще по нѣкоторымъ нынѣ тамъ живущимъ рыбамъ и моллюскамъ.

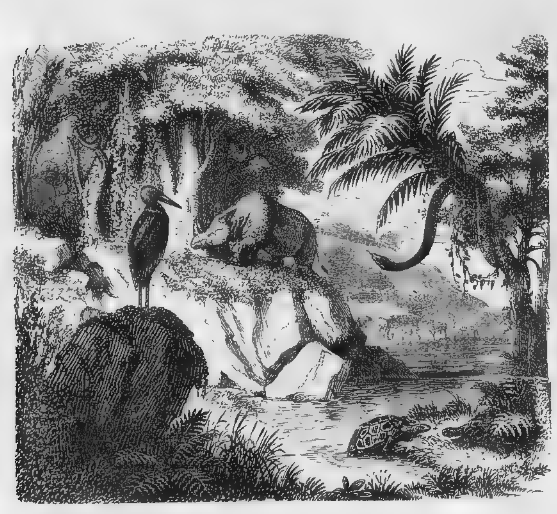
Въ заключеніе этихъ трехъ періодовъ послѣдовала наконецъ третичная эпоха, морскіе осадки которой находятся между прочимъ на югѣ Россіи, около Азовскаго и Чернаго морей; въ теченіе этой эпохи міръ растительный и животный продолжалъ все болѣе и болѣе совершенствоваться и въ концѣ ея рядомъ постепенныхъ переходовъ организмы на столько видоизмѣнились, что во многихъ отношеніяхъ сдѣлались почти совершенно сходными съ нынѣ въ разныхъ частяхъ земли живущими. Растенія прежнихъ періодовъ уже не господствуютъ теперь; на ихъ мѣсто въ первой половинѣ эпохи появляются пальмы, панданы, рядомъ съ многочисленными видами лиственныхъ деревьевъ, въ число которыхъ входятъ вѣчно зеленыя фиговыя деревья, дубы, лавры, мирты, сандальныя деревья; вообще вся растительность была вполнѣ подобна нынѣшней тропической, съ тѣмъ же густымъ подлѣскомъ изъ разнообразныхъ кустарниковъ, въ родѣ араліи и съ вьющимися растеніями, оплетавшими какъ сѣтью стволы великолѣпныхъ лѣсовъ; впослѣдствіи во второй половинѣ третичнаго періода пестрота и самая разнородность лѣсовъ еще больше увеличивается; въ это время появились платаны, ивы, тополи, вязы, орѣшники, магноліи, липы, клены, а также ископаемая исчезнувшая порода винограда. Рядомъ съ этимъ роскошнымъ растительнымъ покровомъ оказалась на землѣ и богатая фауна птицъ, оживлявшихъ лѣса и млекопитающихъ; птицы были уже весьма сходны съ нашими, изъ млекопитающихъ были особенно замѣчательны копытныя; изъ нихъ первое мѣсто занималъ палеотэріумъ, — животное, измѣнявшееся величиною отъ лошади до зайца и похожее на тапира. Онъ впослѣдствіи сдѣлался прародителемъ носороговъ; аноплотэріумъ соединялъ въ себѣ признаки толстокожихъ, свиней и жвачныхъ; но представителемъ жвачныхъ явился ксифодонъ, красивое и стройное животное; еще нѣсколько позднѣе появились прародители нашей лошади, а затѣмъ гиганты толстоногіе: мастодонтъ, динотэріумъ и слоны. Гіены и виверы явились какъ представители хищныхъ; и въ то время, какъ въ водахъ показались китообразныя, дѣвственный лѣсъ оживился присутствіемъ обезьянъ.

Ледниковый пейзажъ.

Вообще, какъ для развитія такой растительности, какая господствовала отъ временъ каменноугольной эпохи до конца третичнаго періода, такъ и для животныхъ, жившихъ въ это время, требовался климатъ теплый, который распространялся, очевидно, какъ въ самыхъ сѣверныхъ частяхъ земнаго шара, такъ и въ южныхъ; именно поэтому, напримѣръ, на Шпицбергенѣ въ третичную эпоху, росла самая роскошная растительность съ дубами, магноліями и оживлявшаяся весьма разнообразными животными. Поэтому нужно неизбѣжно заключить, что и въ предѣлахъ нашей Озерной области, въ теченіе всѣхъ вышеназванныхъ періодовъ времени, длившихся, очевидно, сотни тысячелѣтій, господствовалъ климатъ теплый. Но, что въ это время здѣсь происходило, какая развивалась жизнь, намъ остается неизвѣстнымъ. За то мы имѣемъ неизгладимые слѣды въ нашей области отъ слѣдующаго за третичнымъ, болѣе суроваго періода. Уже въ концѣ третичной эпохи температура воздуха начала замѣтно понижаться, по окончаніи же ея, въ періодѣ, за ней слѣдующемъ, такъ называемомъ *ледниковомъ*, она достигла поразительно низкаго предѣла; по мѣрѣ того, какъ шло это пониженіе температуры, животныя, любящія теплый климатъ, подвигались на югъ, также какъ и растенія; ихъ мѣсто начали занимать другія, развивавшіяся при климатѣ болѣе холодномъ, въ особенности это было замѣтно на животныхъ, живущихъ въ морѣ. Наконецъ, въ природѣ получился контрастъ невѣроятный, сравнительно съ тѣмъ, что было до сихъ поръ, въ предшествовавшіе періоды времени. На землѣ показались сначала невѣдомые прежде снѣга, затѣмъ льды, которые мало-по-малу закутали землю толстыми покровами; — однимъ словомъ, въ разныхъ частяхъ земнаго шара, особенно въ крайнихъ сѣверныхъ и южныхъ широтахъ обоихъ полушарій земли, появились ледники, невѣроятной мощности. Къ числу мѣстностей, сохранившихъ на себѣ слѣды нѣкогда существовавшихъ ледниковъ въ самой убѣдительной формѣ, относится и наша Озерная область. Центръ ледниковъ лежалъ въ сосѣднихъ областяхъ: въ Швеціи, въ Финляндіи, а отчасти и въ сѣверо-западномъ углу Олонецкой губерніи. Отсюда ледники распространялись поразнымъ направленіямъ; изъ Финляндіи они простирались черезъ все пространство, на которомъ лежитъ теперь Финскій заливъ и котораго тогда не существовало, въ остзейскія провинціи, въ губерніи Псковскую, Петербургскую, Новгородскую и Тверскую; изъ Олонецкой шли на юго-востокъ черезъ Ярославскую въ Московскую и такимъ образомъ, въ этомъ направленіи уходили они еще далѣе, въ губерніи центральной Россіи, въ область черноземной полосы. Неопровержимо не только то, что ледники были, но и то, что они двигались, какъ рѣки, съ высотъ въ мѣста низменныя; они оставили слѣды своего движенія, да при томъ и не можетъ быть рѣчи о томъ, чтобы ледники, если они существовали, оставались безъ движенія. Ледники въ своихъ центральныхъ пунктахъ должны были имѣть громадную толщину, которая предполагается болѣе чѣмъ въ 400 саженъ, т. е. немного меньше версты; при такой толщинѣ верхніе пласты льда должны были давить на нижніе, которые поэтому должны были расползаться по сторонамъ, производя давленіе на другіе сосѣдніе пласты. Такимъ-то образомъ движеніе было неизбѣжно, какъ это доказываютъ и нынѣ существующіе ледники на Альпахъ и на Сѣверѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, движеніе такой громадной, толстой массы льда должно было производить вліяніе на поверхность почвы, по которой ей приходилось двигаться. Двигающійся ледникъ разрушалъ на пути рыхлые слои почвы, углубляясь въ нее; когда же встрѣчались ему скалы, онъ истиралъ ихъ, частію совершенно уничтожая, частію полируя и отшлифовывая ихъ поверхность; если горная порода была особенно твердая, то поверхность ея становилась гладка, какъ зеркало, но на ней всегда можно замѣтить тонкіе штрихи, а иногда глубокіе шрамы. Полировалъ ледникъ подобныя скалы, благодаря тому, что въ слоѣ льда его, лежащемъ внизу, всегда вмерзали камни разной величины, которые и играли роль шлифовальнаго порошка для тихо двигающагося, но мощнаго гиганта. Большую часть скалъ, встрѣчавшихся ему при движеніи, ледникъ отшлифовалъ съ боковъ, а если ему приходилось переходить ихъ, то совершенно округлялъ ихъ вершины, — такія скалы и получили названіе бараньихъ лбовъ; если встрѣчались ему на дорогѣ цѣлыя гряды горъ, низшихъ сравнительно съ тѣми, съ которыхъ онъ шелъ, то онъ

съ низменности заползывалъ и на нихъ, переходя затѣмъ на другую ихъ сторону и продолжая движеніе. Вмѣстѣ съ его движеніемъ, подъ дномъ его отлагалась вся масса вещества, которое онъ встрѣтилъ на пути, частію перетеръ въ тончайшую, какъ мука, пыль, частію же, если куски породъ были значительны, онъ отшлифовалъ ихъ съ одной стороны или со всѣхъ, или же оставилъ ихъ просто въ угловатомъ, естественномъ видѣ, въ томъ именно, въ какомъ они были оторваны отъ мѣстъ ихъ первоначальнаго залеганія — это то, что въ нынѣ существующихъ ледникахъ называютъ поддонной или основной мореной. Отложенія изъ подобныхъ же матеріаловъ, весьма разнородной формы и величины, отъ мелкой пыли до громадныхъ кусковъ скалъ, должны были образовываться по бокамъ ледника, а также впереди, передъ концомъ его; подобныя отложенія составятъ боковую и конечную *морены*. Если два ледника, выходя изъ двухъ долинъ въ одну общую, сольются смежными сторонами, то матеріалъ, находящійся на окраинахъ каждаго изъ нихъ, соединяется въ одну общую груду на поверхности новаго ледника; такимъ образомъ составится срединная морена; если же въ одинъ общій ледникъ сливаются многіе, выходящіе изъ долинъ второстепенныхъ, то весь главный ледникъ будетъ испещренъ цѣлымъ рядомъ такихъ моренъ, которыя придаютъ ему необыкновенную красоту. Уже по ледникамъ, нынѣ существующимъ, можно судить, какой громадной величины могутъ достигнуть эти морены: напримѣръ, когда вы находитесь среди Большаго Алечскаго ледника въ Швейцаріи, то по срединѣ его приходится всползать на морену, какъ на значительные холмы, и теряться здѣсь въ громаднѣйшей массѣ щебня и каменныхъ глыбъ, въ основаніи скованныхъ красивымъ голубымъ льдомъ. Благодаря всему этому, ледники выносятъ изъ центра ихъ распространенія въ глубину тѣхъ странъ, куда они двигаются, громадную массу щебня; несутъ они ее на своей поверхности, несутъ вмерзшей въ ихъ основаніе, толкаютъ на переднихъ своихъ окраинахъ, распредѣляя также по бокамъ на пути ихъ слѣдованія. Но главное, вмѣстѣ съ мелкими частями почвы, они уносятъ изъ мѣста своего залеганія далеко въ глубину странъ, громадныя глыбы камней, которые называются валунами или *эрратическими*, т. е. блуждающими *камнями*.

Ландшафтъ третичной эпохи.

Въ предѣлахъ нашей области мы находимъ цѣлый рядъ явленій, заставляющій допустить, что въ ней когда-то залегали ледники еще большей величины, чѣмъ нынѣшніе Альпійскіе или даже Гренландскіе. Большая часть скалъ въ Финляндіи является теперь съ округленными вершинами и часто съ совершенно отполированными боками. Эта политура и округленность скалъ весьма распространена въ сѣверо-западномъ краѣ Олонецкой губерніи; изборождены и отполированы также силурійскіе известняки въ Петербургской губерніи, напримѣръ, въ Путиловскихъ ломкахъ: по сохранившейся мѣстами штриховатости возможно опредѣлить то направленіе, по которому двигались ледники. Рядомъ съ этими остатками, указывающими бывшее направленіе ледниковъ, находятся и почвы, явившіяся результатомъ ихъ движенія; это щебень съ мелкой ледниковой пылью и громадными валунами; встрѣчаются въ немъ небольшіе валуны, именно тѣ, которыми вымощена большая часть петербургскихъ улицъ; если обратить на нихъ вниманіе,

то окажется, что почти всѣ они состоятъ изъ тѣхъ гранитныхъ горныхъ породъ, которыя залегаютъ исключительно въ Финляндіи. Ледниковый щебень, иначе называемый *тилемъ*, есть продуктъ основной или поддонной морены. Не трудно доискаться и до другихъ моренъ бывшихъ здѣсь ледниковъ. Въ Финляндіи, въ различныхъ ея мѣстахъ, часто встрѣчаются длинные и высокіе холмы; по обѣимъ сторонамъ ихъ обыкновенно находятся озера. Если сдѣлать разрѣзъ въ этихъ холмахъ, то найдемъ по бокамъ ихъ слоистый, отложенный въ водѣ наносъ; въ самой же срединѣ холмовъ находится чистѣйшій ледниковый щебень или тиль, — онъ-то доказываетъ, что эти гряды, тянущіяся иногда на цѣлые десятки верстъ, суть ничто иное, какъ морены, образовавшіяся или подъ ледникомъ, на поверхности его, также боковыя или же конечныя, смотря по тому, въ какомъ онѣ находятся положеніи къ направленію движенія ледниковъ, т. е. къ шрамамъ. Наконецъ, свидѣтелями совершившихся въ древности явленій служатъ валуны, въ изобиліи разбросанные, какъ въ нашей, такъ и въ сосѣднихъ съ нею областяхъ. Преобладающіе валуны суть глыбы изъ гранитныхъ финляндскихъ породъ, въ особенности тамъ, гдѣ распространена силурійская формація; на девонской почвѣ господствуютъ валуны, какъ изъ финляндскихъ горныхъ породъ, такъ и изъ силурійскаго известняка, въ смѣси съ валунами собственно изъ девонской формаціи; это значитъ, что ледникъ, идя изъ Финляндіи и захвативъ тамъ мѣстныя горныя породы, распространился на силурійскую почву; отсюда уже направился на девонскую, породы которой онъ также увлекалъ за собою. Путь ледниковъ изъ Олонецкой губерніи на юго-востокъ уже не проходилъ черезъ осадки силурійской формаціи; поэтому въ ледниковыхъ наносахъ этого пути не содержится силурійскихъ валуновъ; въ восточныхъ частяхъ Тверской губерніи и въ Ярославской, также около Москвы встрѣчаются валуны исключительно изъ породъ олонецкихъ и изъ горнаго или каменноугольнаго известняка. Такимъ-то образомъ валуны встрѣчаются отъ мѣстъ ихъ первоначальнаго залеганія за много сотенъ верстъ, и даже болѣе, чѣмъ за тысячу. И что они въ большинствѣ случаевъ были переносимы ледниками, а не водой, слѣдуетъ изъ того, что на всей области отъ Финляндіи до верховьевъ Волги и Днѣпра не встрѣчается морскихъ образованій и здѣсь ледниковый наносъ часто въ самыхъ низменныхъ мѣстахъ сохранился въ цѣлости. Но можетъ быть уже во время сильнаго развитія ледниковъ, на Сѣверѣ Россіи и въ Озерной области, на южныхъ окраинахъ ледниковъ, именно въ Средней Россіи находились уже водные бассейны; въ нихъ ледники вѣроятно кончались также, какъ нынѣшніе Гренландскіе и Шпицбергенскіе кончаются у береговъ морей; здѣсь ледники частію таятъ; частію глыбы льда, отрываясь отъ общей массы, разносятся по водоемамъ въ формѣ айсберговъ или ледяныхъ горъ, путешествующихъ обыкновенно по океанамъ и оторванныхъ отъ полярныхъ льдовъ. Вѣроятно тоже было и въ нашихъ внутреннихъ прѣсноводныхъ бассейнахъ, лежавшихъ по окраинамъ древнихъ ледниковъ; небольшія ледяныя горы разносились по нимъ, со всею массою щебня и находящихся въ нихъ валуновъ. Во всякомъ же случаѣ, рано или поздно, наступилъ въ сѣверо-западной части Россіи озерной періодъ; — но это случилось только по окончаніи ледниковаго періода, когда температура на землѣ снова начала увеличиваться. Теперь же пока все говоритъ за то, что у насъ былъ развитъ ледниковый періодъ въ чрезвычайно широкихъ размѣрахъ и трудно себѣ представить, какъ велико было время, въ теченіе котораго онъ господствовалъ. Уже только для образованія снѣговой или ледяной толщи въ 3000 футовъ мощностью, требовалось время; точно также, въ какое количество времени валуны могли пропутешествовать разстояніе въ одну тысячу верстъ отъ мѣста ихъ залеганія? — Если даже представить себѣ наибольшую скорость, съ которой нынѣ двигаются только при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ ледники съ высокихъ Альпъ, именно со скоростью 84 метровъ (275 ф.) въ годъ, то и тогда валунъ долженъ пропутешествовать разстояніе въ одну тысячу верстъ вмѣстѣ съ ледникомъ только въ 13 тысячъ лѣтъ. Наши же ледники не имѣли крутыхъ скатовъ и поэтому двигались вѣроятно со скоростью въ два или въ три раза меньшей, поэтому и разстояніе въ тысячу верстъ они могли пройдти только въ 30 до 40 тысячъ лѣтъ.

Итакъ, если для нагляднаго объясненія явленій, существовавшихъ въ раннія геологическія эпохи до конца третичной, мы должны были обращаться за сравненіями въ страны тропическія: въ Австралію, въ Молукки или въ Африку, то для ледниковаго періода, обратно, мы должны переноситься мыслію то на высоты Альпъ, на Шпицбергенъ или въ закованныя вѣчнымъ льдомъ страны— Гренландію и Землю Франца-Іосифа. И въ самомъ дѣлѣ, въ противоположность пальмамъ и роскошнымъ лиственнымъ лѣсамъ третичной эпохи, мы находимъ въ прѣсноводныхъ ледниковыхъ отложеніяхъ тѣхъ карликовъ растительности, которые прозябаютъ нынѣ на унылыхъ полянахъ глубокаго сѣвера или на окраинахъ альпійскихъ ледниковъ, — это: приземистая ива, низкорослая береза, также Dryas и воронецъ (Empetrum); какъ и нынѣ, эти растенія несомнѣнно и въ ледниковый періодъ прятали свои приземистые, сучковатые стволы въ толстыхъ моховыхъ покровахъ. Сообразно съ растительностью обѣднѣла и сухопутная фауна; въ кускѣ торфа изъ ледниковыхъ образованій въ Швеціи, найденномъ однимъ тамошнимъ ученымъ, я усмотрѣлъ остатки зуба, принадлежащаго лемингу, потомки котораго еще и нынѣ обитаютъ на сѣверѣ, съ растеніями, вышеназванными. Другіе обитатели ледниковаго или, какъ его еще называютъ, диллювіальнаго періода, близкіе родственники нынѣшнихъ тропическихъ жителей, тоже сильно измѣнились. Къ такимъ измѣнившимся формамъ принадлежатъ мамонтъ и ископаемый носорогъ. Кромѣ формы коренныхъ зубовъ, также бивней, достигающихъ громадныхъ размѣровъ, мамонтъ отличается отъ весьма близкаго къ нему индѣйскаго слона большимъ ростомъ, а также и тѣмъ, главнымъ образомъ, что весь онъ былъ покрытъ длинными волосами. Другой обитатель изъ толстокожихъ, ископаемый носорогъ отличается отъ всѣхъ другихъ видовъ, какъ вымершихъ, такъ и нынѣ живущихъ, своей громадной величиной; обладая двумя рогами, онъ также, какъ и мамонтъ, былъ покрытъ теплымъ мѣхомъ, съ длинною шерстью; въ прошломъ же столѣтіи былъ найденъ въ Сибири цѣлый его трупъ, отъ котораго доставлены въ С.-Петербургъ только голова и двѣ ноги. Прекрасно сохранившаяся голова носорога доставлена изъ Сибири на Московскую Антропологическую выставку въ 1879 г. Вѣроятно къ этой же эпохѣ принадлежитъ такъ называемый эласмотерій, замѣчательный черепъ котораго недавно найденъ недалеко отъ Сарепты. Вмѣстѣ съ этими великанами обитали олени; изъ нихъ сѣверный уходилъ далеко къ югу, сравнительно съ тѣмъ, что мы видимъ теперь. Въ особенности же былъ замѣчателенъ гигантскій олень, съ громадными рогами, также быки; между прочимъ жилъ въ Европѣ и въ Сибири извѣстный мускусный быкъ, который сохранился теперь только въ Сѣверной Америкѣ. Изъ хищныхъ особенно замѣчательны пещерные медвѣдь, левъ, гіена и пр.; остальныя формы животныхъ по большей части тѣ же, которыя можно видѣть на землѣ и до сихъ поръ, въ томъ числѣ зубръ.

Наконецъ въ эту же эпоху мы встрѣчаемся со слѣдами человѣка; несомнѣнно, что и онъ былъ свидѣтелемъ всѣхъ этихъ необыкновенныхъ явленій на земномъ шарѣ, о которыхъ намъ приходится теперь догадываться, но никакихъ орудій человѣка ледниковой эпохи не сохранилось для нынѣшнихъ поколѣній, населяющихъ Европу.

Ив. Поляковъ.

Динотеріумъ.

ОЧЕРКЪ II.

БОЛЬШІЯ СѢВЕРНО-РУССКІЯ ОЗЕРА.

Обиліе воды послѣ таянія ледниковъ; озерный періодъ. — Озера на Валдайской плоской возвышенности, въ верховьяхъ Шексны и Онеги. — Озера на девонской и силурійской почвахъ. — Исторія сѣверныхъ частей Балтійскаго моря. — Уменьшеніе озеръ въ размѣрахъ и въ количествѣ, ихъ торфованіе. — Почему теперь больше озеръ въ Финляндіи и на водораздѣлахъ. — Каковы должны были быть прежде наши большія сѣверно-русскія озера. — Поѣздка по нашимъ большимъ озерамъ: Ладожское озеро, его берега, вода и острова. — Онежское озеро весна при устьѣ Вытегры, уженье подо льдомъ, ловъ корюшки, перелетъ птицъ. Миражъ. — Поѣздка по озеру на сѣверные берега. — Шунга, Кивачъ, Чолмужи; рыбы и рыболовство. — Ловъ сиговъ при устьѣ рѣки Водлы. — Общій характеръ остальныхъ озеръ. — Поѣздка на Сегозеро, и дорога къ нему. — Выгозеро. — Водлозеро и дорога къ нему. — Кенозеро. — Озеро Лача, Бѣлоозеро, Ильмень и Чудское.

На берегу пустынныхъ волнъ
Стоялъ онъ, думъ великихъ полнъ,
И въ даль глядѣлъ. Предъ нимъ широко
Рѣка неслась; бѣдный челнъ
По ней стремился одиноко.
По мшистымъ, топкимъ берегамъ
Чернѣли избы здѣсь и тамъ,
Пріютъ убогаго чухонца;
И лѣсъ, невѣдомый лучамъ
Въ туманѣ спрятаннаго солнца,
Кругомъ шумѣлъ ..

ПУШКИНЪ.

Дѣвушка изъ Чолмужи.

Ясное настоящее Озерной области не всегда было таковымъ: леденящей, холодной географической дали, куда смотрѣлъ великій основатель Петербурга, предшествовала въ Озерной области иная, еще болѣе своеобразная, негостепріимная и пустынная историческая даль; длинные ряды тысячелѣтій должны были протечь прежде, чѣмъ суша и воды въ области приняли свой современный видъ со всею присущею имъ животною и растительною жизнью и наконецъ съ населяющимъ область человѣкомъ.

Ледниковый періодъ приходилъ къ концу; температура воздуха начала возвышаться и ледники стали отступать къ сѣверу. Вмѣстѣ съ тѣмъ вода, являвшаяся до сего времени мощнымъ дѣятелемъ въ видѣ льда, возвращалась къ своему жидкому состоянію. Твердый ледяной покровъ, заковывавшій до сихъ поръ поверхность нашей области, замѣняется жидкимъ; вмѣсто холодныхъ и мертвящихъ ледниковъ должны были появиться водные бассейны, — такимъ образомъ наступилъ озерный періодъ. И въ самомъ дѣлѣ, мощныя толщи таявшихъ ледниковъ должны были дать громадный запасъ воды; въ ледникахъ собиралась атмосферная вода въ теченіе непостижимо

длиннаго періода времени; она появлялась сюда въ формѣ дождей и снѣговъ, и только съ таяніемъ ледниковъ она попадала непосредственно на поверхность почвы. Но что же на первый разъ должно было случиться съ ней: нашла ли она себѣ съ самаго начала своего длиннаго, вѣковаго цѣпенѣнія исходъ, зажурчала-ли вдругъ мощными потоками, полилась ли многоводными рѣками? — Нѣтъ, этому первоначально препятствовалъ рельефъ нашей Озерной области, различныя мѣстности, входящія въ составъ ея, — эти низины, равнины или наконецъ ея плоскія возвышенности. Представьте себѣ полъ съ ямами, со щелями, съ различными впадинами и вылейте на него то или другое количество воды; если вода будетъ разлита равномѣрно по всему полу, то только часть ея уйдетъ за предѣлы пола, за его окраины, — и пойдетъ она черезъ край только тогда, когда заполнитъ всѣ углубленія и неровности пола. Совершенно такую же роль, но только въ гигантскихъ размѣрахъ, играла для ледниковой воды поверхность силурійскихъ, девонскихъ и каменноугольныхъ пластовъ, входящихъ въ составъ нашей области. Освободившись изъ ледниковъ, вода должна была наполнить всѣ котловины, впадины, ложбины нашей области и такимъ, то образомъ произошелъ цѣлый рядъ озеръ, цѣлая безконечная сѣть ихъ. Для воды оставалось много работы, ей предстояло проложить себѣ исходы, новыя русла; первоначально озера конечно связывались всѣ другъ съ другомъ, и искали себѣ стоковъ по различнымъ направленіямъ въ мѣста болѣе низменныя: тогда еще не было большихъ, широкихъ рѣчныхъ долинъ; ихъ существованію предшествовала работа мелкихъ источниковъ, которые вѣками старались углублять свои русла и расширять ихъ, а вмѣстѣ съ этимъ все болѣе и болѣе увеличивалась быстрота, съ которой вода изъ мѣстъ болѣе высокихъ шла въ болѣе обширныя низменности. Самыя низменныя части озерной области,—это пласты силурійскіе, и конечно нужно было ждать, что весь стокъ воды изъ Озерной области направится на поверхности, занимаемыя этими пластами; — такъ оно и случилось. Сюда устремились воды изъ озеръ, лежащихъ на девонской почвѣ; сюда же наконецъ нашли себѣ путь воды изъ наиболѣе высоко лежащихъ пластовъ каменноугольной эпохи. Усмотрѣть то, что было по окончаніи ледниковаго періода, мы можемъ со всею ясностью на высотахъ Валдайской плоской возвышенности; обратимъ же наши взоры на тѣ пункты, которые можно назвать сердцемъ Россіи, откуда беретъ въ настоящее время свое начало Волга, — эта артерія земли Русской, эта вѣчная кормилица русскаго человѣка. Но то, что намъ кажется вѣчнымъ, для природы это только временный фактъ, нѣчто весьма измѣнчивое, проходящее. Такъ и Волга, — можно сказать, что было время, когда ея не существовало или истоки ея имѣли совершенно иной видъ, — а это было именно во время озернаго періода. Если бы поднять въ настоящее время уровень одного изъ озеръ, лежащихъ въ верховьяхъ Волги, напримѣръ Селигера, футовъ на 15 — 25, то воды его соединились бы съ водами многихъ другихъ озеръ, лежащихъ около него, и между прочимъ съ такими, изъ которыхъ теперь берутъ свое начало рѣчки, текущія въ бассейнъ р. Ловати, впадающей въ Ильмень. Но въ этомъ случаѣ наше желаніе слишкомъ скромно; на самомъ же дѣлѣ воды Селигера еще въ недавнее время, можетъ быть уже въ концѣ озернаго періода, лежали выше современнаго ихъ уровня не на 15 — 25 футовъ, а на цѣлыя 75: при такихъ условіяхъ не одно только озеро бассейна Ловати соединялось съ Селигеромъ, а весьма многія; и тѣ мѣста, которыя снабжаютъ теперь водою Волгу, въ прежнія времена должны были посылать цѣлый рядъ источниковъ и рѣчекъ къ озеру Ильменю. Убѣдиться въ подобномъ

Ледяныя горы у острова Сосновца.

же фактѣ мы можемъ и съ другой стороны, если мы посмотримъ на главнѣйшія озера, служащія непосредственно истоками Волги, на озера Овселукъ, Пено и Волго. Къ югу отъ нихъ идетъ цѣлая сѣть небольшихъ озеръ и болотъ, массы озерныхъ отложеній, также старинныхъ береговыхъ валовъ: всѣ эти остатки говорятъ за то, что въ здѣшнихъ мѣстахъ въ прежнія времена лежали большія озера, стоявшія въ тѣсной связи съ только-что названными волжскими; съ другой стороны, тутъ же легко убѣдиться, что эти озера составляли одно цѣлое, весьма тѣсно связанное съ озерами, изъ которыхъ въ настоящее время беретъ начало Западная Двина.

Видъ Приладожья.

Эпоха, въ теченіе которой подобныя явленія должны были имѣть мѣсто, такъ близка къ намъ, что мы можемъ призвать даже живыхъ свидѣтелей, могущихъ подтвердить истину сказаннаго. На этотъ разъ въ роли подобныхъ свидѣтелей явятся передъ нами безмолвныя рыбы, нынѣ живущія въ озерахъ верховьевъ Волги. Изъ рыбъ въ особенности замѣчательны двѣ: — та, что въ бассейнѣ Балтійскаго моря называется ряпушкой, и другая, въ общежитіи называемая корюшкой, а въ разныхъ озерахъ, лежащихъ въ верховьяхъ Волги, превратившаяся въ снѣтка. Несомнѣнно, что отечество этихъ рыбъ — Балтійское море и воды Ледовитаго океана; какимъ же образомъ попали онѣ въ верхне-волжскія озера, принадлежащія теперь къ бассейну Каспійскаго моря? — Путь для ихъ появленія одинъ: онѣ проникли сюда въ то время, когда верхне-волжскія озера находились въ связи съ балтійскими; верховья Волги — это область, которая первоначально принадлежала одной сторонѣ, одному государству, но затѣмъ перешла подъ другое вѣдѣніе, со всѣми находящимися въ ней обитателями. — Но, кромѣ двухъ названныхъ, большая часть другихъ рыбъ, живущихъ въ верховьяхъ Волги, тоже обитатели Балтійскаго бассейна; съ другой же стороны истинныя волжскія рыбы сюда не заходятъ, онѣ даже рѣдко проходятъ по самой Волгѣ выше устьевъ Шексны.

Если изъ верховьевъ собственно Волги перенестись въ другое мѣсто, составляющее продолженіе Валдайской плоской возвышенности, — къ истокамъ Шексны, то здѣсь мы найдемъ то же самое, — мы должны будемъ допустить, что тѣ озера, которыя мы здѣсь видимъ теперь, суть

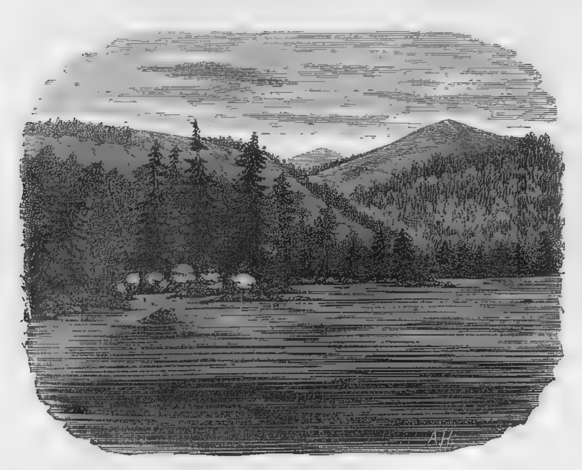
только слабые остатки бывшихъ прежде водныхъ бассейновъ. Бѣлоозеро, дающее начало Шекснѣ, есть только яма, въ которой сохранилась вода отъ бывшаго прежде здѣсь безпредѣльно широкаго озера. Даже самая Шексна произошла на большей части своего протяженія изъ цѣлаго ряда озеръ, покрывавшихъ сѣтью уѣзды Бѣлозерскій, Кириловскій и Череповскій, Новгородской губерніи. У самаго города Череповца, на берегу Шексны, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ строилось реальное училище, я нашелъ громадныя толщи древнихъ озерныхъ отложеній; онѣ состояли изъ цѣлаго ряда слоевъ песку, глины, гальки, въ нижнихъ слояхъ попадались и валуны, вся масса отложеній восходила на высоту 60 — 70 футовъ надъ уровнемъ рѣки. Въ глинистыхъ слояхъ я нашелъ множество раковинъ, которыя принадлежали исключительно къ обитателямъ прѣсноводныхъ бассейновъ. Значитъ, судя по этимъ слоямъ и раковинамъ, нужно неизбѣжно допустить, что древнія озера стояли прежде по теченію Шексны на весьма большой высотѣ, по крайней мѣрѣ не менѣе 70 футовъ надъ нынѣшнимъ уровнемъ рѣки. Если мы направимся отъ Шексны далѣе къ сѣверу, на водораздѣлы между нынѣшнимъ Волжскимъ бассейномъ и бассейнами Бѣлаго и Балтійскаго морей, то и здѣсь убѣдимся въ томъ громадномъ количествѣ воды, которое должно было образоваться послѣ ледниковъ. Здѣсь тѣ же мощныя толщи древнихъ озерныхъ отложеній, тѣ же сотни мелкихъ озеръ и часто сплошныя болота, изъ разныхъ концовъ которыхъ еще до сихъ поръ сочатся источники въ разныя стороны, къ совершенно различнымъ морямъ. Но едва ли не одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ и поразительныхъ фактовъ мы можемъ встрѣтить еще теперь на плоской возвышенности, лежащей между притоками р. Онеги и Онежскаго озера. На этой возвышенности, недалеко отъ озера Лекшмозера, лежитъ маленькое озерко Сухое; изъ него до сихъ поръ вытекаютъ два источника въ рѣки, двухъ совершенно различныхъ бассейновъ: одинъ источникъ несетъ свои воды къ Балтійскому морю, другой направляетъ ихъ къ Бѣлому. Недалеко отсюда случилось недавно другое, не менѣе замѣчательное, физико-географическое явленіе. Около деревни Масельги лежатъ два озера, изъ которыхъ каждое давало по рѣчкѣ въ два различные бассейна; между озерами находился перешеекъ саженъ въ 60 шириной; недавно этотъ перешеекъ размыло и озера соединились, при чемъ вытекающія изъ нихъ рѣчки не измѣнили своего теченія, такъ что здѣсь сама природа устроила естественный каналъ, благодаря которому можно безъ перерывовъ проплыть въ лодкѣ отъ Бѣлаго моря до города Онеги и оттуда прямо до Финскаго залива. Значитъ, вода на плоскихъ возвышенностяхъ, служащихъ водораздѣлами для нашихъ трехъ рѣчныхъ бассейновъ, и до сихъ поръ еще не нашла себѣ постояннаго, вполнѣ правильнаго исхода; тѣмъ болѣе это должно было имѣть мѣсто въ древній озерный періодъ.

На скатахъ плоскихъ возвышенностей для воды представлялся, какъ само собой разумѣется, болѣе правильный стокъ: здѣсь она встрѣчала наименьше препятствій, — поэтому здѣсь въ настоящее время находится мало озеръ, за то вода свободно собиралась въ мѣстахъ наиболѣе низменныхъ. Стекая съ Валдайской плоской возвышенности и съ сѣверныхъ ея отроговъ, — изъ области каменноугольныхъ известняковъ, вода заливала у насъ площадь девонскихъ отложеній, и до какихъ громадныхъ размѣровъ достигли здѣсь озерные водоемы послѣ ледниковаго періода, можно судить по тому, что нынѣшнія озера Онежское, Чудское и Ильмень — суть только слабые остатки ихъ, не говоря о цѣлыхъ тысячахъ другихъ озеръ болѣе мелкихъ, лежащихъ также на девонскихъ отложеніяхъ. Если прослѣдить громадныя толщи наносовъ, лежащихъ на южномъ берегу Онежскаго озера и состоящихъ изъ песку, гальки и валуновъ, то неизбѣжно придется допустить, что это озеро въ прежнія времена имѣло уровень на 70 — 100 футовъ выше, чѣмъ современный; въ такомъ случаѣ и разлиться оно должно было на пространствѣ въ нѣсколько разъ большемъ, чѣмъ то, которое оно занимаетъ теперь. Не говоря о всѣхъ другихъ озерахъ девонской площади, перейдемъ наконецъ къ пластамъ, занимающимъ наиболѣе низкое положеніе въ нашей области. Очевидно и какъ уже раньше сказано, въ концѣ концовъ сюда должны были попадать воды съ двухъ, только-что описанныхъ площадей, и на поверхности

силурійскихъ осадковъ нужно ждать наибольшихъ бассейновъ, въ которыхъ должна была скопляться вода. Эти сборные пункты ледниковой воды суть Ладожское озеро и Балтійское море. Балтійское море существовало во время ледниковаго періода только въ видѣ небольшаго морскаго залива на сѣверѣ Германіи; съ тѣхъ же поръ, какъ ледники, заковывавшіе сѣверъ Европы, начали исчезать, оно появилось въ болѣе громадныхъ размѣрахъ, какъ результатъ ледниковыхъ водъ, стремившихся въ занимаемую имъ нынѣ впадину изъ Скандинавіи, Финляндіи, Россіи и сѣверной Германіи. И вѣроятно, что въ первоначальномъ видѣ Балтійское море не имѣло такихъ проливовъ, какъ нынѣшніе Большой и Малый Зунды,— такъ что въ это время существовалъ можетъ быть цѣлый рядъ острововъ, посредствомъ которыхъ нынѣшняя Ютландія соединялась съ Скандинавскимъ полуостровомъ и благодаря которымъ многія животныя средней Европы переходили изъ средней Европы на скандинавскую почву. Но съ притокомъ водъ отъ таявшихъ ледниковъ, оно до такой степени увеличилось въ размѣрахъ, что образовало цѣлый рядъ новыхъ полупрѣсноводныхъ заливовъ — въ томъ числѣ заливы Ботническій и Финскій. Во время озернаго періода воды его стояли также выше, какъ и въ различныхъ озерахъ нашей области; уже морскія раковины оно отложило по берегамъ Финскаго залива на высотѣ 60 фут. надъ нынѣшнимъ его уровнемъ; а при такомъ стояніи водъ оно неизбѣжно должно было соединяться съ нынѣшнимъ Ладожскимъ озеромъ, которое выше Балтійскаго только на 61 футъ.

Итакъ все сказанное должно убѣдить насъ въ томъ, что нынѣшняя Озерная область, по окончаніи ледниковаго періода, была залита на большей части ея протяженія то большими, то малыми водными бассейнами, изъ которыхъ всякій старался пробить себѣ стокъ въ мѣста болѣе низменныя. Въ теченіе весьма длиннаго періода времени эти озерные водоемы пробивали наконецъ себѣ широкія русла, они уничтожали мало-по-малу встрѣчавшіяся имъ препятствія, разрушая скалы, разлагая и сортируя наносъ, еще ранѣе отложенный ледниками; и благодаря всему этому стокъ водъ становился все болѣе и болѣе быстрымъ, самыя озера начали уменьшаться въ размѣрахъ, высыхать или же превращались въ торфяники, въ трясины и болота. Такое явленіе въ жизни нашихъ озеръ продолжается и до сихъ поръ: съ каждымъ годомъ суша все болѣе и болѣе увеличивается на счетъ водъ, покрывающихъ Озерную бласть; были озера и значительной величины, которыя въ теченіе какихъ нибудь трехъ сотъ лѣтъ исчезали съ лица земли; есть и такія, которыя, на памяти еще нынѣ живущихъ стариковъ, совершенно измѣнили свою форму и величину. Одна изъ главнѣйшихъ причинъ, благодаря которымъ озера подвергаются такимъ измѣненіямъ,—есть торфованіе. Вѣроятно всякому извѣстны наши болота, на поверхности которыхъ стелется мягкими подушками мохъ (Sphagnum), украшенный сверху изящными и тонкими вѣтвями клюквы, съ ея крупными и сочными ягодами: это тотъ самый мохъ поверхность котораго, особенно въ сѣверныхъ частяхъ нашей области, покрывается красивымъ, ковромъ морошки— этого винограда негостепріимнаго сѣвера. Тѣмъ озерамъ, на берегахъ которыхъ поселится мохъ торфяникъ, грозитъ уже опасность исчезновенія, въ особенности если озера мелководны: годъ отъ году опасный пигмей тайноцвѣтной растительности оцѣпляетъ берега озера или вдается цѣлыми языками въ глубину водъ; десятокъ, два лѣтъ, — онъ уже окрѣпъ у береговъ, образовавъ мягкую и весьма зыбкую пелену, съ изящными на видъ подушками: онъ пріютилъ уже своихъ спутниковъ, клюкву, морошку, или даже дрозеру, эту стыдливую мимозу сѣверныхъ странъ, выдѣляющую на своихъ весьма чувствительныхъ къ прикосновенію листьяхъ медовыя слезы, благодаря которымъ она привлекаетъ къ себѣ насѣкомыхъ и, зажимая ихъ въ своихъ листьяхъ, питается выжимаемыми изъ нихъ соками.— Еще десятокъ лѣтъ, передовые отряды мха вдались уже далеко къ срединѣ озера, они уже сходятся съ разныхъ сторонъ къ однимъ и тѣмъ же пунктамъ, затѣмъ соединяются и между ними остаются только небольшія прогалинки, — окна. И, можетъ быть, найдется сѣдой старикъ, съ которымъ вамъ придется охотиться за бѣлыми куропатками или за молодыми тетеревами около этого пространства, превратившагося теперь въ совершенное болото, который скажетъ, гдѣ онъ во время дѣтства, въ

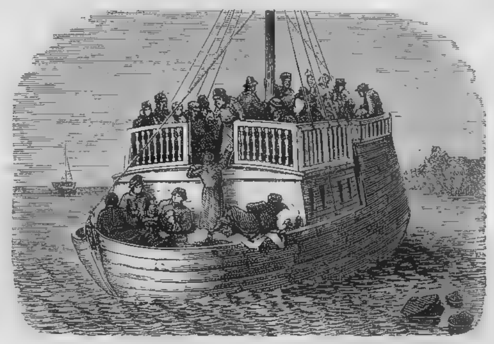
какихъ частяхъ этого бывшаго нѣкогда озера купался, гдѣ ставилъ рыболовныя снасти на окуней или ершей. Навѣрное онъ разскажетъ, какъ по срединѣ исчезнувшаго окончательно, на его памяти, озерка былъ островокъ, на который каждогодно прилетала гнѣздиться парочка бѣлоснѣжныхъ лебедей; онъ разскажетъ, какъ онъ ихъ щадилъ и какъ они его радовали, но какъ наконецъ они исчезли, увидя, что уже не осталось имъ настолько воды, чтобъ можно было поплавать. — Когда болото болѣе или менѣе высыхаетъ, то оно превращается въ совершеннѣйшій торфяникъ. Такимъ образомъ, какъ многія болота, такъ и торфяники суть для насъ документы, въ которыхъ часто сохраняются неопровержимыя доказательства того, что они произошли изъ озеръ. По крайней мѣрѣ, если не у насъ, то въ другихъ странахъ, подобныхъ нашей области и гдѣ торфяники разрабатываются съ промышленною цѣлью, въ нихъ часто находятъ лодки, остатки судовъ и можетъ быть потонувшихъ или утопленныхъ людей; въ Ютландіи, напримѣръ, выкопали изъ торфяника цѣлый скелетъ женщины, который былъ прицѣпленъ къ столбу на крючкѣ; по всѣмъ предположеніямъ, это была одна изъ норвежскихъ королевъ, утопленная здѣсь королемъ Гаральдомъ въ 965 году. Такимъ образомъ, если судить только по распространенію нынѣшнихъ торфяныхъ болотъ о протяженіи прежнихъ озеръ, то придется невольно удивляться. Такъ, напримѣръ, нынѣ въ Новгородской губерніи на границѣ уѣздовъ Череповскаго, Устюжскаго и Бѣлозерскаго находится болото, занимающее 1007 кв. верстъ; болото, лежащее на границѣ Устюжскаго и Боровичскаго уѣздовъ, занимаетъ 811 кв. в.; болото на югѣ Череповскаго, раскинуто на 745 кв. верстъ; на границѣ Тихвинскаго, Бѣлозерскаго и Устюжскаго уѣздовъ лежитъ болото въ 669 кв. верстъ. Болота въ 200 — 300 кв. верстъ уже и пересчитать весьма трудно; что же касается до мелкихъ, то они находятся повсемѣстно. То же самое и въ Олонецкой губерніи — болота въ 100 — 150 верстъ въ окружности считаются десятками; вообще же во всей губерніи, а въ сѣверо-западной части ея въ особенности; мѣстность такова, что крестьяне, живущіе здѣсь, объ ней говорятъ: «мѣсто все такое, что изъ болота да опять въ болото». При этомъ, едва ли нужно повторять то же самое объ изобиліи болотъ для губерній Петербургской и Псковской, хотя въ то же время не нужно забывать, что повсюду подъ толщами торфяниковъ лежатъ мощные пласты слоистыхъ озерныхъ отложеній изъ песку, глины и гальки.

Выставскія горы на берегу Ладожскаго озера.

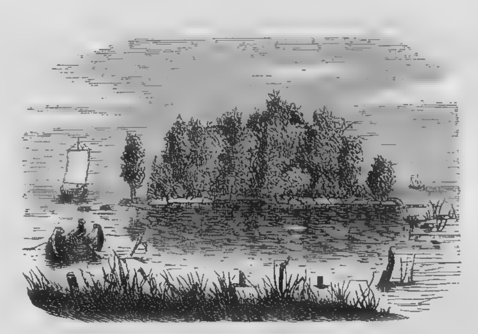
Наконецъ и то количество озеръ, которое раскинуто въ настоящее время въ Озерной области, можно считать громаднымъ; больше нѣтъ въ Россіи мѣстности, гдѣ бы озера являлись въ такомъ изобиліи, кромѣ Финляндіи, гдѣ озера еще болѣе многочисленны. Напротивъ Финляндія можетъ служить для насъ даже живымъ еще образомъ того состоянія, которое уже пережила въ прошломъ наша область. Причина простая. Финляндія также пережила ледниковый періодъ, она есть также плоская возвышенность, почему стокъ ледниковой воды съ ея поверхности былъ сопряженъ съ препятствіями, и при томъ еще съ такими, которыя были гораздо болѣе несокрушимы, чѣмъ препятствія, встрѣтившіяся для стока водъ въ предѣлахъ нашей области. Въ Финляндіи залегаютъ въ основаніи породы плотныя, кристалическія, которыя съ одной стороны трудно доступны для просачиванія воды въ глубину, съ другой — онѣ не легко поддаются раз-

мыванію; въ этомъ именно заключается причина, почему Финляндія до сихъ поръ стоитъ еще ближе къ тому древнему виду, въ какомъ являлись страны, пережившія озерный періодъ; она сохранила на себѣ эту поразительную цѣпь озеръ, связанныхъ другъ съ другомъ и дающихъ рѣки одновременно въ Финскій заливъ и въ Ладожское озеро: она представляетъ такимъ образомъ ту же картину, которую можно предполагать существовавшею въ отдаленномъ прошломъ въ верховьяхъ рѣкъ Волжскаго, Балтійскаго и Бѣломорскаго бассейновъ. Въ нашей области только сѣверо-западная часть Олонецкой губерніи, именно та, въ основаніи которой лежатъ породы кристаллическія, представляетъ озера съ тѣмъ же финляндскимъ характеромъ и почти въ такой же многочисленности; во всѣхъ же другихъ мѣстахъ, гдѣ залегаютъ породы осадочныя, озера являются въ относительно меньшемъ числѣ, но зато въ числѣ ихъ находятся озера весьма своеобразныя. Такъ на югѣ отъ Онежскаго лежатъ два озера— Шимозеро и Куштозеро; уровень ихъ періодически поднимается и опускается, при чемъ они не имѣютъ видимаго стока. Шимозеро иногда почти высыхаетъ, но затѣмъ начинается въ немъ снова прибыль воды до такой степени, что оно становится значительнымъ. Періоды колебанія уровня Куштозера болѣе продолжительны; оно обыкновенно убываетъ въ теченіе многихъ лѣтъ, такъ что крестьяне на бывшемъ его днѣ распахиваютъ пашни и получаютъ хорошіе урожаи. Затѣмъ начинается прибыль воды, которая также длится нѣсколько лѣтъ, при чемъ вода снова заливаетъ тѣ мѣста, гдѣ были пашни и сѣнокосы. Такое колебаніе уровней озеръ вѣроятно связано съ существованіемъ у нихъ подземныхъ притоковъ и истоковъ, пути для которыхъ по временамъ засоряются или исчезаютъ. Вообще же эти озера доказываютъ, что вода стекала изъ области породъ осадочныхъ не только прокладываніемъ себѣ путей на ихъ поверхности, но что вмѣстѣ съ этимъ она находила себѣ подземные ходы.

Трешкотъ на Ладогѣ.

Чтобы судить о томъ, въ какой степени Озерная область еще и до сихъ поръ испещрена озерами, въ какой степени великъ этотъ главнѣйшій листъ изъ прошлаго Озерной области, нужно взять во вниманіе то, что, напримѣръ, мы имѣемъ въ одной только Олонецкой губерніи до 2,000 озеръ, въ число которыхъ входятъ такія, какъ Онежское, частію Ладожское, Лача и пр.; что же касается мелкихъ, то едва ли хотя половина изъ нихъ вошла въ общій счетъ на самыхъ подробныхъ съемкахъ. Новгородская губернія изслѣдована и снята на карты гораздо лучше Олонецкой, и поэтому здѣсь насчитываютъ до 3,216 озеръ, въ число которыхъ входятъ Ильмень, Бѣлоозеро, Валдайское и пр. Въ этихъ именно двухъ губерніяхъ и особенно въ тѣхъ ихъ частяхъ, гдѣ распространены породы кристаллическія или гдѣ мѣстности имѣютъ плоско возвышенный характеръ, озера сохранились въ наибольшемъ количествѣ; въ двухъ же слѣдующихъ губерніяхъ, въ С.-Петербургской и Псковской, озера уже не такъ многочисленны и значительны по размѣрамъ, кромѣ Чудскаго; притомъ мѣстности Псковской губерніи, прилежащія къ Валдайской плоской возвышенности, богаче озерами, чѣмъ какія-либо другія; въ Петербургской же губерніи озерами изо-

Каменный островокъ близъ Коневца.

билуютъ преимущественно уѣзды Лугскій и Гдовскій — Вообще же, если сравнить какъ наши озерныя отложенія, такъ и самыя озера съ сѣверо-американскими, то мы найдемъ полную аналогію или полное сходство. Въ Сѣверной Америкѣ былъ также ледниковый періодъ, послѣ котораго послѣдовалъ озерный; за озернымъ произошло отложеніе мощныхъ пластовъ озерныхъ осадковъ, какъ и въ нашихъ странахъ. Изъ громаднаго количества существующихъ нынѣ озеръ въ Сѣверной Америкѣ вѣроятно всякому извѣстны знаменитыя озера: Гуронъ, Мичиганъ, Великое, Эри и Онтаріо, — съ ихъ великимъ водопадомъ Ніагарой и съ ихъ не менѣе славнымъ стокомъ — рѣкою Св. Лаврентія. Наши сѣверныя озера: Онежское, Ладожское и другія, представляютъ полнѣйшее подобіе американскимъ, какъ по своему происхожденію, такъ и по значенію, — съ ихъ великимъ стокомъ — Невою.

Много разъ пришлось мнѣ быть какъ на водахъ, такъ и по берегамъ нашихъ большихъ сѣверно-русскихъ озеръ, изъ которыхъ Ладожское лежитъ первое на пути, по выѣздѣ изъ Петербурга. Въ половинѣ апрѣля уже открылся путь къ Ладожскому озеру; самое озеро еще все было совершенно заковано льдомъ и по обыкновенію стоитъ оно въ такомъ видѣ до половины мая, т. е. до того времени, когда въ Петербургѣ появляется, такъ называемый ладожскій ледъ. Къ половинѣ мая ледъ въ озерѣ ломается, появляются полыньи; вѣтры гоняютъ ледъ изъ стороны въ сторону, часто набивая его большими массами на берега. Для Петербурга въ особенности опасны вѣтры сѣверные и сѣверо-восточные; эти вѣтры прибиваютъ ледъ къ южному берегу озера, также и къ истокамъ Невы, по водамъ которой онъ и идетъ въ Финскій заливъ. — Мнѣ пришлось изъ Шлюссельбурга пробираться въ Олонецкую губернію сухимъ путемъ, вдоль южнаго берега озера. Погода стояла пасмурная, небо часто заволакивалось мрачными тучами, дулъ сѣверный холодный вѣтеръ. Природа имѣла мертвый видъ и не думала оживляться. Весь юго-восточный берегъ Ладожскаго озера однообразный, низменный; изрѣдка являются здѣсь песчаные бугры, чаще низины и болота. Еще рѣже возвышенные плотные берега, какъ напримѣръ около Новой Ладоги. Мѣстность покрыта рѣденькими кустарниками изъ ивы, ольхи и молодыхъ березъ, мелкимъ лѣсомъ изъ низенькихъ сосенъ и елокъ. Существовавшіе здѣсь нѣкогда большіе лѣса вырублены и вывезены на отопленіе и на устройство Петербурга. Безотрадная картина природы не нарушалась даже кой-гдѣ появлявшимися перелетными пернатыми. Это были то ястребъ, то соколъ-чеглокъ; они не имѣли еще достаточнаго изобилія въ пищѣ, такъ какъ изъ мелкихъ пернатыхъ кой-гдѣ шныряли среди рѣденькаго лѣска только зябликъ да овсянка. По временамъ слышались крики пролетавшихъ на сѣверъ журавлей, и изрѣдка одиночно показывались чайки и крачки, такъ какъ мелкія воды на прибрежьяхъ озера были еще подо льдомъ, — въ томъ числѣ и Ладожскій каналъ, съ началомъ судоходства по которому мѣстность все-таки болѣе оживляется. Нѣкоторыя рѣки, впрочемъ, я переѣзжалъ на лодкѣ, — Волховъ и Сясь, другія частію по льду частію на лодкѣ. Ѣзда совершается на телегахъ, но съ грѣхомъ пополамъ: дороги или слишкомъ грязны и болотисты, или же усѣяны пнями и кореньями;—по такимъ дорогамъ я ѣхалъ до устьевъ Свири.

Тотъ, кто испыталъ ѣзду по здѣшнимъ дорогамъ, а особенно по тѣмъ болотистымъ пространствамъ, поперекъ которыхъ кладутся жерди и гдѣ телега постоянно скачетъ, причиняя пассажиру истинный скрежетъ зубовъ, тотъ съ удовольствіемъ садится на прекрасные, чистые пароходы, отправляющіеся три раза въ недѣлю изъ Петербурга въ Олонецкую губернію черезъ Ладожское озеро, черезъ Свирь въ Онежское и въ Петрозаводскъ. Пароходъ, выходя изъ Шлиссельбурга въ озеро, направляется прямо на сѣверо-востокъ, къ устьямъ Свири. Нѣсколько маяковъ во время туманной ночи освѣщаютъ ему дорогу, изъ нихъ главнѣйшіе Кареджи въ Шлюссельбургскомъ заливѣ, Суховскій среди озера, и Сторожевскій недалеко отъ устьевъ Свири. Съ выходомъ изъ Шлюссельбурга легко убѣдиться, что Ладожское озеро одно изъ величайшихъ озеръ въ Европѣ; обыкновенно на пути къ Свири, всѣ берега его теряются изъ виду,

кромѣ нѣкоторыхъ частей и мысовъ юго-восточнаго берега, которые рисуются надъ горизонтомъ воды въ неясныхъ очертаніяхъ. Вообще, оно во время плаванія производитъ такое же впечатлѣніе, какъ всякое изъ небольшихъ морей. Заключая въ себѣ почти двѣсти верстъ въ длину, оно имѣетъ въ наиболѣе широкихъ мѣстахъ около 120 верстъ протяженія. На пути къ Свири господствуютъ глубины отъ 10 до 20 саженей. Наиболѣе пріятна поѣздка черезъ озеро въ срединѣ лѣта, тогда можно видѣть озеро совершенно спокойнымъ, съ поверхностью воды въ видѣ зеркала, въ которое съ высоты смотрится солнце или же на горизонтѣ, посылая снопы яркихъ лучей, въ него совершенно погружается на западѣ. Въ это время часто идутъ за пароходомъ тюлени, на поверхности воды плещется рыба. Въ разныхъ мѣстахъ его рисуются суда-галіоты, идущія съ грузомъ, рыбацкія соймы, отвозящія ловъ на продажу. Но страшнымъ становится озеро во время бурь и непогодъ, особенно осенью; тогда сердитыя волны его дѣлаются опасными не только для небольшихъ судовъ, но даже и для большихъ пароходовъ. Во время вѣтровъ, пустѣетъ палуба парохода, который начинаетъ покачиваться изъ стороны въ сторону не на шутку, поскрипываютъ мачты, глухой стукъ колесъ часто смѣняется рѣзкими ихъ ударами, въ то время, когда одно колесо погружается глубоко въ воду, тогда какъ другое торчитъ почти на воздухѣ,—это значитъ качка наступила. Веселый говоръ пассажировъ смѣнился тишиной, прекратилось движеніе, пассажиры заняли свои мѣста и улеглись. Но тѣмъ не менѣе, морская болѣзнь наступаетъ, — тишина нарушается стонами и суетой пароходной прислуги. Не всегда бури кончаются только качкой; нерѣдко парусныя суда терпятъ рѣшительное крушеніе и разрушаются, теряя весь грузъ и экипажъ. — Въ виду именно этого, устроены на юго-восточномъ берегу озера каналы, по которымъ и проходитъ въ настоящее время большая часть грузовъ. Впрочемъ, еслибъ суда, ходящія по Ладожскому озеру, обладали лучшей конструкціей, чѣмъ современныя, то оно никакъ не было бы настолько опасно и не считалось бы такимъ бурнымъ, какъ это думаютъ нынѣ.

Есть еще одно направленіе, по которому существуетъ на Ладожскомъ озерѣ постоянное пароходное сообщеніе, — это отъ Шлюссельбурга по направленію къ Коневцу, Валааму и Сердоболю, въ сѣверо-западный край озера. Этотъ край составляетъ полнѣйшую противоположность съ юго-восточнымъ прибрежьемъ озера. Вмѣсто однообразныхъ и унылыхъ низменныхъ береговъ южной части, воды озера окаймлены здѣсь высокими скалами, состоящими изъ гранитовъ, гнейсовъ, сіенитовъ и мраморовъ; берега изрыты бухтами, заливами; около нихъ разсѣяны цѣлыя сотни своеобразныхъ скалистыхъ острововъ, часто подводныя каменныя мели. Глубина озера постепенно увеличивается, начиная отъ юго-восточной части его, и въ сѣверо-западной достигаетъ наибольшихъ размѣровъ; здѣсь она доходитъ до 120 саженей. На пути отъ устьевъ Невы, первый встрѣчающійся островъ — Коневецъ; онъ покрытъ высокимъ хвойнымъ лѣсомъ, съ еще довольно плоскими берегами; однако же скалы появляются уже и здѣсь, а также и валуны, одинъ изъ которыхъ, такъ называемый Конь-камень, имѣетъ до 7 саженъ высоты, 13 длины и до 9 саженъ ширины; онъ настолько великъ, что на немъ построена даже часовня, могущая вмѣстить значительное число людей. Въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ Коневскаго острова, находится замѣчательный своею живописностью Каменный островокъ, состоящій изъ груды камней, нанесенной волнами во время бурь. Каменный островокъ весь покрытъ зеленью, кустарникомъ и молодыми деревьями, подъ мягкою тѣнью которыхъ скрываются груды близлежащихъ дикихъ камней, покрытыхъ сѣрымъ мхомъ. Этотъ островокъ есть безопасное убѣжище дикихъ утокъ.

Далѣе къ сѣверу лежитъ одна изъ самыхъ замѣчательныхъ группъ острововъ Ладожскаго озера—Валаамская, названная по главному въ группѣ острову—Валааму. Острова, числомъ около 50, расположены на протяженіи 21 версты въ длину и на 8 въ ширину. Островъ Валаамъ, повидимому, уже въ значительно далекой древности былъ обитаемъ, по крайней мѣрѣ самое его названіе производится отъ слова Волосъ, древній славянскій богъ, которому будто бы здѣсь приносились жертвы. Нынѣ на островѣ находится знаменитый Валаамскій монастырь, привле-

кающій постоянно къ себѣ тысячи богомольцевъ. Валаамъ — прелестнѣйшій уголокъ въ здѣшнемъ суровомъ климатѣ. Его природа—своего рода особенность, подобную которой не встрѣтишь нигдѣ въ Европѣ. Дикая самостоятельность сѣвера здѣсь во всей красѣ. Проявленія плутонической силы природы поразительны. Множество совершенно отвѣсныхъ скалъ, идущихъ и въ высоту на десятки саженъ и подъ горизонтъ воды, на весьма значительную глубину, — поражаютъ путешественника. Островки, мыски, заливчики, бухточки, игриво разметанные по всей Валаамской группѣ и какъ-то затѣйливо перемѣшанные между крутыми берегами и высокохолмистыми возвышенностями— прелестны! Проливы, проливчики, озерки, между густою растительностью и угрюмыми гранитными скалами отражаютъ на лазури водъ всѣ предметы, а стройный хвойный лѣсъ, перемежающійся съ листвою чернолѣсья и луговою зеленью, какъ-то мягко дополняетъ общую картину, придавая всему чудный, восхитительный видъ. Изъ заливовъ, Никоновъ, по счастливому своему положенію, считается лучшею пристанью на бурномъ Ладожскомъ озерѣ. Со стороны озера онъ защищенъ островами: оттого въ сильную погоду, когда на озерѣ волны поднимаются въ видѣ движущихся горъ, въ Никоновомъ заливѣ поверхность едва колеблется.

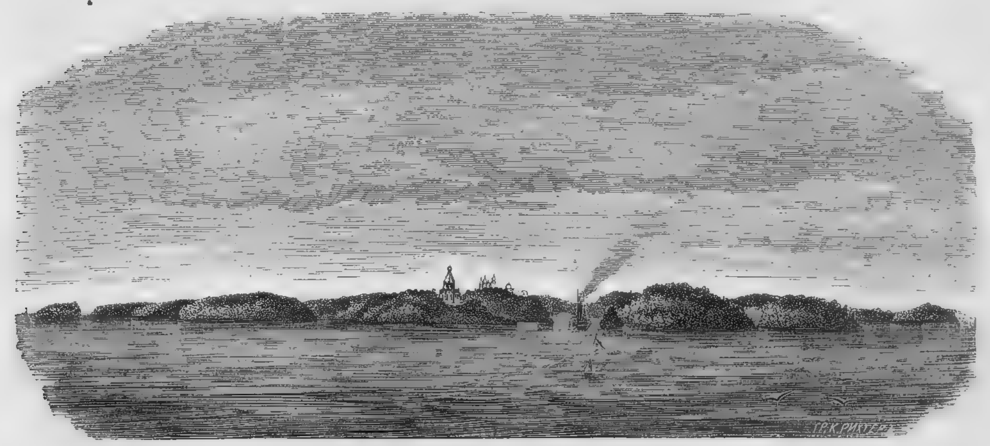
Никоновъ заливъ.

При входѣ въ великолѣпный монастырскій заливъ, простирающійся въ длину почти на двѣ версты, путника очаруетъ и природа и самый монастырь, съ его храмами, зданіями, садами. А что внутри острова... Какія тамъ природныя картины, какіе повсюду великолѣпные ландшафты! Передъ вами — то отвѣсная стѣна каменной скалы, по которой змѣйкой вьется луговая зелень съ разнообразными полевыми цвѣтами, тогда какъ изъ скалы высится красивая, крѣпкая береза!... То вы видите отвѣсно гладкій отрубъ каменной горы, по отвѣсу которой тамъ-сямъ гнѣздятся ель, сосна или рябина съ ея ярко-красными плодами, — между тѣмъ какъ по верху растетъ высокій лѣсъ до самой ея окраины! Въ этомъ послѣднемъ отношеніи въ особенности оргинальными представляля небольшіе островки Святой и Дивный.»

Среди озера, даже въ концѣ іюня, вода, съ поверхности взятая въ стаканъ, холодна такъ, что зубамъ больно. На окрестныхъ островахъ и по самому озерному побережью Валаама, отъ силы и суровости вѣтра, растительность нѣсколько страдаетъ: оконечности (мысы), выдающіяся въ озеро—безъ растительности и до-чиста обмытыя волной при сильныхъ непогодахъ. Въ монастырскихъ же бухтахъ и внутри самаго острова не чувствуется ни сила бури, ни суровость вѣтра. Въ садахъ и вишня зрѣетъ, и арбузъ поспѣваетъ, и ароматная дыня нѣжнаго вкуса доходитъ вполнѣ, ужь не говоря о тыквѣ, которая приноситъ плодъ въ 2 пуда вѣсомъ! Въ огородахъ же — и рѣдька растетъ съ горную пушку, свекла почти того же размѣра, капуста созрѣваетъ въ объемѣ 11 дюймоваго сферическаго снаряда!»

Ладожское озеро, помимо того, что служитъ путемъ сообщенія для различныхъ пунктовъ русскаго сѣвера, полезно мѣстнымъ жителямъ по богатству живущихъ въ немъ рыбъ. Изъ рыбъ въ особенности замѣчательны и важны для промысла лососевыя, къ которымъ относятся собственно лосось, форель и палія. Палія или такъ называемый альпійскій лосось (Salmo alpinus) есть рыба наиболѣе характерная для нашихъ большихъ сѣверно-русскихъ озеръ. Въ Ладожскомъ

озерѣ она держится попреимуществу въ сѣверо-западной части озера, въ глубокихъ частяхъ его. Къ лососевымъ же относятся различныя формы сиговъ, населяющихъ Ладожское озеро. Почти всякой рѣкѣ, точно также глубокимъ или мелководнымъ мѣстамъ въ озерѣ свойственны особыя формы сиговъ, отличныя другъ отъ друга, какъ по строенію своего тѣла, такъ точно и по достоинствамъ. Въ глубокихъ частяхъ озера, около Валаама, поздней осенью ловится сигъ-валаамка; когда онъ извлекается изъ глубины на поверхность воды, воздухъ въ плава-

Входъ въ монастырскій заливъ на Валаамѣ.

тельномъ пузырѣ его расширяется, и животъ его въ такомъ случаѣ принимаетъ форму зоба. Въ другихъ случаяхъ сиги живутъ около устьевъ рѣкъ и осенью или въ концѣ лѣта идутъ въ рѣки громадными стаями для метанія икры; почти всякая рѣка имѣетъ свои формы; такъ существуютъ сиги свирскій, волховской и др. Кромѣ рыбъ, имѣющихъ промышленное значеніе — осетровъ, сырти и пр., въ озерѣ водятся рыбы чисто морскія, интересныя въ научномъ отношеніи, какъ напримѣръ четырехрогій бычекъ, — а вмѣстѣ съ нимъ встрѣчается много видовъ животныхъ чисто морскихъ изъ класса ракообразныхъ. Болѣе 400 рыбацкихъ лодокъ — соймъ заняты ловомъ рыбы въ озерѣ; кромѣ того, что рыбный промыселъ доставляетъ рыбакамъ до нѣсколькихъ сотъ тысячъ руб. денегъ, — въ немъ они находятъ одну изъ самыхъ поучительныхъ и трудныхъ школъ для мореплаванія. Рыболовство вырабатываетъ въ рыбакахъ смѣлыхъ, смѣтливыхъ и готовыхъ на всѣ лишенія пловцовъ, — только къ сожалѣнію матеріальныя выгоды отъ рыболовства не всегда падаютъ на долю самихъ борцовъ съ бурями и непогодами. Обыкновенно рыбакъ ловитъ рыбу неводомъ, по берегамъ озера и въ устьяхъ рѣкъ; въ то же время онъ ставитъ мережу даже и на значительной глубинѣ; на лососей онъ ставитъ въ озерѣ крупноячейную сѣть гарву. Но самый любимый снарядъ для ловли рыбы среди озера на большихъ глубинахъ — это переметъ; снарядъ состоитъ изъ веревки, иногда болѣе чѣмъ въ 2 — 3 версты длиною; къ ней привязываются на разстояніи около аршина другъ отъ друга небольшіе канаты съ крючьями, которые наживляются мелкой рыбой. Въ такомъ видѣ снарядъ опускается на большія глубины и приноситъ хозяину сиговъ, палій, судаковъ и пр. Иногда же попадается тюлень, любящій лакомиться попадающеюся на крючья рыбой. И глядитъ рыбакъ по сторонамъ — все справляется, какова ему погода на ловлю выдается: коли примѣтные Зеленцы облачками подернутся — бѣда! ѣхать лучше домой отъ грѣха, а коли начисто вырѣзаются они на небосклонѣ, то самое время ѣхать на промыселъ.

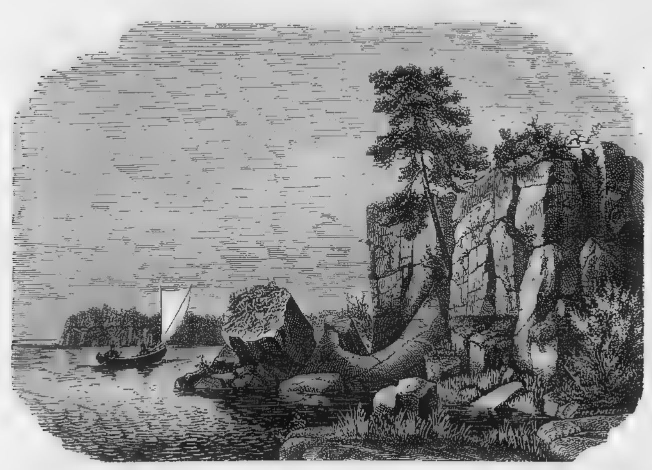
На юго-восточномъ концѣ впадаетъ въ Онежское озеро р. Вытегра. Здѣсь, однажды, во второй половинѣ апрѣля я поселился на жительство. Самое устье рѣки, также какъ большая часть окрестныхъ мѣстностей, представляетъ сплошныя болота, перемежающіяся съ озерами. Эти болота и озера лентой отъ двухъ до десяти верстъ шириной окаймляютъ воды Онежскаго озера частію съ востока, частію съ юго-восточной его стороны, на протяженіи болѣе сотни верстъ. Болота и озера отдѣляются отъ водъ главнаго Онежскаго озера дюнами, — песчаными береговыми валами, имѣющими иногда до полуверсты ширины,—это береговыя образованія, совершенно подобныя морскимъ дюнамъ на берегахъ Балтійскаго, Нѣмецкаго и другихъ морей. Ближайшее поселеніе отъ устья Вытегры лежало въ 5 верстахъ, я же главнымъ образомъ проводилъ время при устьѣ рѣки, у самаго озера, въ рыбацкой хижинѣ. Рѣка Вытегра очистилась ото льда около 24 апрѣля, въ то время, когда озеро представляло на себѣ сплошной ледяной покровъ. Мѣстные жители, живущіе преимущественно рыболовствомъ и работой по тягѣ судовъ на Маріинскомъ каналѣ, еще не начинали своихъ настоящихъ работъ, — и въ ожиданіи открытія навигаціи и очищенія озеръ ото льда, собирались при устьѣ Вытегры. Въ это время производилось уженье подо льдомъ; для этого дѣлаются во льду Онежскаго озера круглыя сквозныя отверстія до полу-аршина въ діаметрѣ. Черезъ нихъ, на глубину отъ 2 до 5 саженъ, опускаются въ воду на тонкихъ канатахъ крючки, наживленныя корюшкой; крючки поглощаются вмѣстѣ съ наживою налимами, которыхъ потомъ и вытаскиваютъ на свѣтъ дневной; за крючки хватается иногда палія, — та же рыба, что живетъ и въ Ладожскомъ озерѣ. Ловящіеся на удочку налимы бываютъ отъ $1^1/_2$ до 10 фунтовъ вѣсу, рѣдко болѣе, тогда какъ въ самомъ озерѣ встрѣчаются экземпляры отъ одного до полутора пудовъ вѣсомъ. Счастливый изъ крестьянъ возвращается съ ловли съ 2 — 3 штуками налимовъ, чаще же можно видѣть передъ отверстіемъ рыбака одну, двѣ рыбки очень скромныхъ размѣровъ; нерѣдко случается нѣсколькимъ человѣкамъ изъ десятка уходить безъ всякой добычи. Промыселъ начинается въ то время, когда солнце идетъ на закатъ, и длится до тѣхъ поръ, пока погаснетъ вечерняя заря; съ утренней зарей онъ снова начинается и продолжается до бѣлаго дня, когда солнце уже значительно поднимется надъ горизонтомъ. Въ числѣ рыбаковъ я видѣлъ дѣтей лѣтъ десяти и женщинъ, лица которыхъ украшены рядами морщинъ; здѣсь собиралось и все окрестное юношество, и всѣ почтенные мужи, иногда изъ деревень, отстоящихъ отъ озера на 10—15 верстъ. На рѣдкихъ изъ рыбаковъ были цѣлыя шубы; обыкновенно здѣсь пестрѣли дырявые полушубки и армяки изъ самодѣльнаго домашняго сукна; не тепло было рыбакамъ проводить длинные часы на льду, среди открытой, ровной ледяной площади Онеги, и часто завидовали они лисичкѣ, о которой сами такъ любятъ разсказывать; она всегда хвалитъ пронзительный и холодный вѣтерокъ сиверичокъ, который обыкновенно дуетъ здѣсь весною: «Сиверичокъ, говоритъ, вѣтерокъ тепленькій, а сама прячется отъ него за кустъ». Сами они, сидя неподвижно около проруби, не могли этого сдѣлать и среди глубокой, холодной ночи со скрежетомъ зубовъ возвращались въ рыбацкую хижину, которая въ это время и для меня служила пристанищемъ. Хижина обыкновенно бываетъ сильно натоплена, какъ баня; въ ней курная печка, на которой и готовится ужинъ; вздремнувъ и удовлетворивъ апетиту, рыбаки идутъ снова на утренній ловъ. Днемъ рыбаки возвращаются домой, на полевыя и домашнія работы; они готовятся къ пашнѣ, поправляютъ рыбацкія снасти, предаются сну и дремотѣ. Вечеромъ снова повторяется путешествіе на онежскій ледъ, и длится это до тѣхъ поръ, пока ледъ не потерястъ крѣпость и не начнетъ мало-по-малу разбиваться. Крестьяне, наиболѣе состоятельные и имѣющіе невода, ловятъ рыбу подо льдомъ инымъ способомъ, который гораздо труднѣе и хлопотливѣе перваго, но зато и нѣсколько выгоднѣе. Рыбаки дѣлаютъ во льду, преимущественно небольщихъ озеръ, большія проруби, по прямой линіи, рядами; спуская неводъ въ первое отверстіе, рыбаки проводятъ подо льдомъ веревки, которыми тянется неводъ, съ помощію нѣсколькихъ длинныхъ жердей, связанныхъ концами и достигающихъ 10 или 15 саженъ въ длину, — разстояніе, на

которомъ встрѣчается снова прорубь; подхватывая здѣсь концы жердей съ веревками, ихъ гонятъ до слѣдующей проруби и т. д., до тѣхъ поръ, пока веревки отойдутъ на значительное разстояніе отъ невода. Тогда начинается неводьба; неводъ ведется подо льдомъ на всемъ разстояніи, пройденномъ жердями и канатами, и вытаскивается въ конечной большой проруби.

Въ послѣднихъ числахъ апрѣля, именно около 27-го, иногда же немного раньше, а иногда позднѣе, въ продолженіе четырехъ—пяти дней или даже недѣли, на Вытегорское устье приноситъ праздникъ корюшка, отправляющая время метанія икры. Для этого она выходитъ изъ глубины Онежскаго озера къ устьямъ рѣкъ громадными стадами, поднимаясь нѣсколько вверхъ по теченію рѣкъ; входитъ она изъ-подо льда въ рѣку уже поздно вечеромъ, около солнечнаго заката, идетъ до восхода солнца, цѣлую ночь. При самомъ устьѣ рѣки, гдѣ отъ текущей рѣчной воды образуется въ озерномъ льду большая полынья, — порѣга, стада корюшки встрѣчаются однимъ или двумя неводами, а въ самой рѣкѣ — такъ называемыми заколами или огородами. Колья ставятся, начиная отъ берега по теченію воды къ срединѣ рѣки, но такъ, что они съ берегомъ образуютъ острый уголъ; колья обтягиваются густою сѣткой, а въ глубину угла ставится большая мережка, передъ мережкой помѣщается скамейка, на которую становится рыбакъ съ сакомъ. — Корюшка, обитательница нашихъ большихъ озеръ и морскихъ заливовъ, привыкла къ стоячей водѣ и не любитъ быстринъ, потому и избѣгаетъ въ своемъ ходѣ средины рѣки и идетъ около берега, гдѣ теченіе тише и гдѣ она въ заколѣ или огородѣ находитъ препятствіе, почему жмется еще ближе къ берегу, встрѣчаясь здѣсь съ горломъ мережи и переходя черезъ него въ вѣчный плѣнъ. Въ то же время около горла мережи, въ узкомъ мѣстѣ, въ углу закола, она набирается очень густо, не можетъ вся вдругъ пройдти въ мережу, и тогда со скамьи ее черпаютъ сакомъ, получая съ каждымъ взмахомъ его, черезъ каждыя двѣ, три минуты, по 10—20 фунтовъ корюшки. Во время самаго лучшаго хода корюшки мережка наполняется нѣсколько разъ, въ такихъ случаяхъ она едва выкатывается изъ воды на берегъ и даетъ до 10 и болѣе пудовъ рыбы. И рыбацкое семейство, имѣя при устьѣ одинъ или два закола, добываетъ въ хорошій ходъ отъ 30 до 60 пудовъ корюшки въ теченіе одной ночи. Въ такихъ случаяхъ рыба частію сушится, частію продается по цѣнѣ баснословно дешевой.

Но время хода корюшки, конецъ апрѣля есть одно изъ лучшихъ временъ года на берегу Онежскаго озера и по другой причинѣ. Это начало волшебнаго музыкальнаго концерта, представители и участники котораго должны будутъ въ теченіе предстоящаго лѣта играть свои роли на громадныхъ пространствахъ нашего Сѣвера. Они собрались сюда изъ разныхъ, по преимуществу теплыхъ странъ, въ различныхъ, часто роскошныхъ одеждахъ, всевозможныхъ цвѣтовъ, отъ бѣло-снѣжнаго до чернаго, самаго разнообразнаго покроя, отъ пестраго наряда скомороха до изысканнаго дамскаго туалета; не менѣе различны ихъ голоса, ихъ манеры, движенія. — Это то, что называютъ перелетною птицей. Впослѣдствіи нарядъ пернатыхъ гостей полиняетъ, голоса ихъ умолкнутъ, но теперь все это въ полной чистотѣ и свѣжести, такъ какъ гости появились въ наши холодныя страны праздновать время любви. Впрочемъ природа еще не открыла имъ надлежащихъ убѣжищъ, — не только Онега, но даже и мелкія озера были покрыты льдомъ, поэтому всѣ водныя птицы собирались отдохнуть къ устью Вытегры, въ полынью или въ порѣгу, образовавшуюся въ озерѣ; здѣсь были всевозможныя породы утокъ, нырковъ, гагаръ, крохалей, чаекъ, крачекъ, куликовъ и др.; сюда стекалось все, что только нуждалось въ открытой и тихой водѣ. Стада разноцвѣтныхъ гостей съ каждымъ днемъ прибывали, слѣдуя одно за другимъ; прилетъ не останавливался ни утромъ, ни днемъ или вечеромъ; останавливаясь на довольно продолжительный отдыхъ, онѣ до того, наконецъ, запрудили полынью, что она голубой свой цвѣтъ перемѣнила на черный и составила рѣзкій контрастъ съ бѣлымъ фономъ ледяной крышки озера. Когда я показывался на лодкѣ у окраины полыньи, то этимъ возбуждалъ подозрѣніе между птицами; сначала ближайшія, затѣмъ и болѣе отдаленныя стаи приходили въ тревогу; начинали раздаваться голоса, показывались взмахи крыльевъ, дви-

женіе взадъ и впередъ, перелетаніе съ мѣста на мѣсто. Наконецъ, съ дальнѣйшимъ моимъ движеніемъ и съ выстрѣломъ вся масса пернатыхъ оставляла свои мѣста; поверхность воды становилась чистою, и птицы тучами разсыпались въ воздухѣ, по разнымъ направленіямъ. Тысячи голосовъ и звуковъ отъ ударовъ крыльями поднимались вмѣстѣ съ птицами и сливались въ тотъ общій гулъ и стонъ, которымъ трудно найдти что-либо подобное. — Черезъ небольшой промежутокъ времени, лишь только я возвращался на берегъ, картина принимала снова свой прежній видъ; снова кружатся надъ водой чайки, оглашая окрестность крикомъ и хохотомъ; вмѣстѣ съ ними, съ большимъ успѣхомъ и пискомъ, состязаются въ ловлѣ рыбы крачки; то молча, то съ гоготаньемъ собираются гагары и крохали; возвращаются къ удобному пристанищу громадныя стада шилохвостей, утокъ, свищей; большую массу временныхъ гостей составляютъ чернети, нырки и морянки. Часть птицъ плаваетъ по водѣ, часть располагается цѣлыми полками на льду, по окраинамъ полыньи, гдѣ по временамъ показывались турухтаны. — Рано поутру являлся къ Вытегорскому устью орелъ—беркутъ и, часто, долго парилъ надъ полыньей; но съ какой гордостью и величіемъ ни осматривалъ онъ съ недосягаемой высоты происходившую передъ нимъ внизу жизнь, — она оставалась неизмѣнною. Перелетные гости при появленіи орла не измѣняли своего положенія, не обнаруживали тревоги, такъ что благородный хищникъ самъ спускался иногда внизъ и садился на окраину льда около полыньи. Подлетали иногда къ устью вереницы лебедей, но имъ, повидимому, казалось слишкомъ тѣснымъ это небольшое пространство воды, такъ плотно занятое другими птицами. Появился здѣсь однажды и гусь, но одинъ единственный; онъ долго осматривалъ окрестность, носился надъ водою и льдомъ и, наконецъ, безъ отдыха и остановки исчезъ, но только въ обратномъ направленіи, точно онъ дѣлалъ рекогносцировку мѣстности по порученію какого-либо отряда, оставшагося позади. Нѣсколько дней спустя, 1-го мая, дѣйствительно появилось большое стадо гусей-гуменниковъ, которые и расположились на окраинѣ полыньи, на льду. Стадо расположилось, очевидно, на продолжительный отдыхъ, такъ что я успѣлъ подплыть къ нему на лодкѣ отъ самаго берега. Послѣ двухъ моихъ выстрѣловъ, оно тяжело поднялось, потерпѣвши уронъ въ двухъ своихъ сотоварищахъ. Одинъ экземпляръ, смертельно раненый, легъ неподвижно у окраины полыньи; другой рухнулъ изъ воздуха на ледъ въ разстояніи отъ лодки, превышающемъ силу выстрѣла; у него оказалось обломаннымъ и висящимъ крыло, однако же онъ, съ грѣхомъ пополамъ, былъ въ состояніи подняться на ноги и ковыляя и прихрамывая шелъ въ сторону отъ полыньи и дальше отъ берега; въ теченіе получаса онъ ушелъ на значительное разстояніе отъ полыньи и берега.

Скалы Дивнаго Острова.

Въ началѣ мая въ судьбѣ водныхъ птицъ произошла перемѣна; въ это время очистились ото льда всѣ побочныя, небольшія озера около Онеги; вмѣстѣ съ этимъ и для перелетныхъ птицъ открылось болѣе простора въ выборѣ мѣстъ для отдыха и остановокъ. Вытегорское устье должно было относительно опустѣть, птицы направились или дальше къ сѣверу, или же

размѣщались на побочныхъ озерахъ. Пришлось и мнѣ перенести центръ моего мѣстопребыванія; я долго еще наблюдалъ, какъ прибывали въ здѣшній край новые пернатые гости, то малая чайка (Larus minutus), то турухтаны несмѣтными стадами, въ своихъ причудливыхъ и крайне разнообразныхъ нарядахъ, за ними ржанки, зуйки, малые кроншнепы, тогда какъ большіе уже раздѣлились на парочки, и самцы рано по утрамъ и вечеромъ, передъ закатомъ солнца тянули свои сладкозвучныя и какъ бы глубоко душевныя пѣсни; не переставали появляться еще новые виды утиныхъ, въ родѣ Штеллерова нырка (Fuligula Stelleri). Но въ особенности были многочисленны чернети (Oidemia fusca и O. nigra). Стадами штукъ до 100 носились онѣ надъ озерами, тутъ и тамъ отдыхая; и еще въ большемъ количествѣ пролетали онѣ мимо, на сѣверъ; въ такомъ случаѣ онѣ держались высоко въ воздухѣ длинными вереницами или неправильными трехугольниками; шумъ и визгъ, происходившіе отъ дружныхъ ударовъ ихъ многочисленныхъ крыльевъ, были поразительны и слышны на громадныхъ разстояніяхъ. Съ очищеніемъ малыхъ озеръ ото льда также рыбаки перенесли съ Вытегорскаго устья свою дѣятельность; въ это время различныя озерныя рыбы начали метать свою икру, какъ-то: лещи, окуни, плотва и др.

Зеленцы.

Погода стояла ясная, но холодная и вѣтряная. Около десятаго мая ледъ Онежскаго озера изъ бѣлаго сталъ синимъ, разсыпался на призмы, особенно около береговъ, хотя средина озера еще долго бѣлѣла. Впрочемъ цвѣтъ льда въ различные дни, а также въ разные періоды одного и того же дня сильно измѣнялся; можно сказать даже болѣе: безпредѣльно широкая ледяная поверхность озера представляла по временамъ волшебную, фантастическую игру цвѣтовъ, тѣней и перспективы; казалось, какой-то таинственный декораторъ на гигантской, но однообразной площади выставляетъ цѣлый рядъ картинъ, быстро смѣняющихся и нарисованныхъ тончайшими штрихами. Вотъ онъ одѣлъ поверхность озера такимъ воздушнымъ нѣжнымъ тюлемъ, какого еще ни одинъ фабрикантъ не видалъ во снѣ; тюль колышется вѣтромъ и плотная, еще ледяная крышка озера приходитъ въ движеніе, начинаетъ колебаться; ледяныя, бѣлоснѣжныя волны разбѣгаются по всѣмъ направленіямъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совершенно застываютъ, исчезая въ другихъ, гдѣ за то появляются воздушные гроты, изрѣзанные по разнымъ направленіямъ сталактитами и сталагмитами то изъ темныхъ, то изъ свѣтлыхъ лучей,— тамъ далѣе наконецъ цѣлые слои прозрачныхъ облаковъ улеглись другъ на друга, изъ нихъ однѣ растутъ, другія превращаются въ ледъ, таютъ на своихъ окраинахъ, становятся зубчатыми.

На рѣкѣ Вытегрѣ.

Еще далѣе вдругъ образовалось цѣлое озеро изъ голубоватой воды съ хрустальными берегами. Затѣмъ появляется темно-синяя дымка, вѣтеръ стихаетъ, и далеко на горизонтѣ десятокъ елей показываютъ свои вершины, но между ними снова протягиваются поперечные лучи, связываютъ ихъ, и передъ вами является во всей цѣлости Петропавловскій мысъ, отстоящій отъ васъ верстъ на 20. Но и мысъ не долго остается въ своей настоящей формѣ со всѣмъ своимъ лѣсомъ, съ отдѣльными холмами, скоро и онъ принимаетъ форму стѣны съ зубцами, башнями. Нѣсколько времени спустя, когда вамъ еще не удалось всмотрѣться въ новую декорацію, ледъ опять приходитъ въ движеніе, измѣняется по своимъ свѣтовымъ оттѣнкамъ; надъ нимъ разстилается тончайшая воздушная пелена, усыпанная искрами, золотистыми и серебристыми блестками, начинаетъ двигаться въ разныя стороны и она, принимая то синеватые, то тусклые или прозрачные переливы цвѣтовъ. Смотря по времени дня, по яркости лучей солнца, по чистотѣ воздуха, бываютъ иногда видны берега озера, отстоящіе отъ наблюдателя верстъ на 40—50.

Въ половинѣ мая ледъ уже во многихъ мѣстахъ озера разломало, тамъ и сямъ показались полыньи; но сѣверные вѣтры часто снова прибивали ледъ къ берегу, насаживая его цѣлыми массами на сушу, такъ что мѣстность принимала опять зимній видъ; южные вѣтры гнали ледъ въ обратномъ направленіи, и эта борьба продолжалась до двадцатыхъ чиселъ мая, когда полуденникъ оттѣснилъ ледъ отъ южныхъ береговъ въ открытое пространство, откуда онъ больше уже не возвращался. Съ исчезновеніемъ льдовъ и погода измѣнилась къ лучшему, хотя природа развивалась медленно: Троицу и Духовъ день, 15 и 16 мая, жители праздновали безъ березокъ, такъ какъ на нихъ не было никакой зелени; да вдобавокъ 16 и 17 мая выпалъ значительный снѣгъ. Вмѣстѣ съ медленнымъ развитіемъ растительности и міръ мелкихъ пернатыхъ пребывалъ въ какой-то дремотѣ и въ уныніи; перелетные гости какъ-то прятались молчаливо въ густыхъ кустарникахъ, были разъединены. Только въ концѣ мая въ природѣ наступило пробужденіе и какъ будто внезапное; начались теплые весенніе дни, вліяніе которыхъ отразилось на всякой рощѣ; съ сіяніемъ солнца цѣлые десятки видовъ пернатыхъ затрепетали отъ избытка веселыхъ чувствъ, изливая ихъ то въ пріятныхъ мелодіяхъ, то въ оживленной своеобразной болтовнѣ. Такимъ именно днемъ для природы было 30 мая, когда я, въ виду знойнаго полудня, съ ружьемъ за плечами, отправился по берегу Гуртницкаго ручья, лежавшаго недалеко отъ Онежскаго озера. Всѣ береговые кустарники, различные виды ивъ, ольха, береза и крушина вполнѣ развернули свою листву: изрѣдка между ними выставлялись въ высоту ели, съ гордыхъ головъ которыхъ яркій свѣтъ солнца согналъ свойственный имъ мрачноватый оттѣнокъ; кой-гдѣ, въ глубинѣ кустарниковъ, показывалась и черемуха, обвѣшанная большими кистями своихъ бѣлыхъ, только-что распустившихся цвѣтовъ. Вся эта растительность сплачивается въ густыя чащи, опираясь на топкую, мокрую почву, которую обыкновенно украшаютъ бѣлокрыльникъ и курослѣпъ, а въ болѣе сухихъ мѣстахъ селезеночникъ и папоротники, самаго нѣжнаго сложенія и изящнѣйшихъ формъ. По временамъ растительность разступается, образуя прогалины, которыя, заливаясь водой, превращаются въ озерки или же остаются лугами, заросшими сочной зеленой травой. Самая кипучая жизнь поражала здѣсь, самые разнообразные голоса и пѣсни неслись со всѣхъ сторонъ; съ каждымъ шагомъ можно было наткнуться на какого либо нарядная и искуснаго пѣвца; кромѣ видовъ, случайно здѣсь вертѣвшихся, какъ-то: ласточекъ и кроншнеповъ, большинство строило себѣ гнѣзда въ болотахъ или кустарникахъ. Здѣсь были и хищники, въ родѣ пустельги, дрозды и дятлы разныхъ видовъ, мухоловки и пѣночки съ камышевками, горихвостки съ розовыми снѣгирями, зябликами, синицами и съ различными видами вьюрковъ; здѣсь гнѣздились камышевая стрѣнатка, рядомъ съ золотистой, изъ Сибири родомъ, также трясогузки и чеканы чернохвостые; сюда пріобщились водные и болотные обитатели: водяныя курочки, кулики, утки, въ числѣ которыхъ была и шилохвостка, въ ея щегольскомъ весеннемъ нарядѣ.

Съ очищеніемъ Онежскаго озера ото льда по немъ уже легко совершить путешествіе по различнымъ направленіямъ и составить о его характерѣ болѣе или менѣе вѣрное понятіе. Онеж-

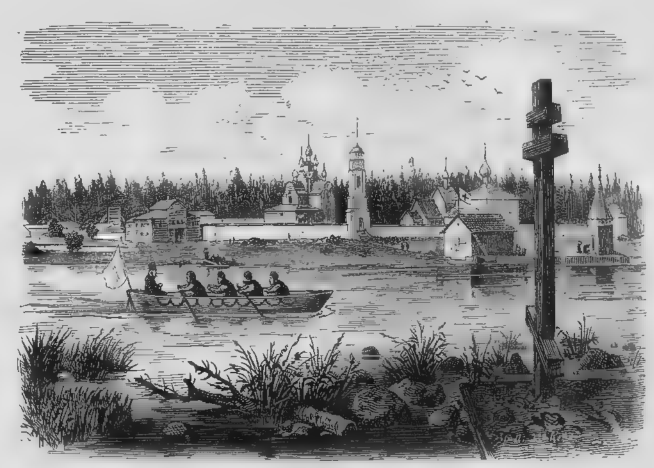
ское озеро на картѣ имѣетъ нѣкоторое сходство съ рѣчнымъ ракомъ, если его положить набокъ такъ, чтобы передняя часть его тѣла обратилась на с.-з., хвостъ на ю.-в., спина на с.-в. Передней части тѣла рѣчнаго рака, съ клешнями и ногами, будутъ соотвѣтствовать различные, часто весьма глубоко вдающіеся въ материкъ заливы, раздѣленные весьма многими полуостровами. Наибольшая длина Онежскаго озера отъ сѣверной его оконечности до южной простирается до 220 верстъ, а наибольшая его ширина доходитъ до 75 верстъ,—такимъ образомъ послѣ Ладожскаго, оно второе по величинѣ изъ всѣхъ нашихъ сѣверно-русскихъ озеръ. По разсказамъ, средняя глубина его — 80 саженъ, а наибольшая — 200 саж.,—т.-е. большая, чѣмъ въ Ладожскомъ озерѣ. Только юго-восточный берегъ озера подходитъ къ осадочнымъ горнымъ породамъ, къ девонскимъ, которыя особенно развиты около устья р. Андомы и изобилуютъ остатками гигантскихъ осетровыхъ рыбъ,—и частію касается каменно-угольнаго известняка. Начиная съ юго-западной стороны Онежское озеро ограничиваютъ высоты, состоящія изъ кварцитовъ, сланцевъ, діоритовъ, мраморовъ, до гранита, который залегаетъ преимущественно на сѣверо-восточномъ берегу. Въ особенности интересна сѣверо-западная часть озера, начиная отъ Петрозаводска до Повѣнца, — пункты, куда и направляются пароходы, идущіе изъ Петербурга черезъ Ладожское озеро и Свирь. Пароходъ рано утромъ выходитъ изъ Вознесенской пристани, стоящей при истокѣ р. Свири изъ Онежскаго озера. При выходѣ парохода въ озеро, васъ даже поражаетъ кипучая дѣятельность, какъ при истокѣ рѣки, такъ и на самыхъ берегахъ озера, на которыхъ тѣсно сплотились небольшія зданія обитателей Вознесенскаго посада. Сотни разныхъ судовъ стоятъ въ рѣкѣ, отходятъ и приходятъ; крикъ, говоръ и пѣсни то на тихвинкѣ, на баркѣ, то на унжакѣ или на маленькомъ пароходѣ; идетъ перегрузка, нагрузка судовъ,на берегу толпы рабочихъ,то пляшущихъ подъ гармонику, то обремененныхъ мѣшками, тащущихъ пиленый лѣсъ, покупающихъ рыбу. Съ выходомъ въ заливъ открывается видъ на цѣлыя десятки рыбацкихъ лодокъ въ разныхъ мѣстахъ, на нихъ бѣлѣютъ надутые легкимъ вѣтромъ паруса. Но лишь только теряется видъ на Вознесенье,—передъ вами выступаетъ озеро, со всѣмъ его пустыннымъ характеромъ-въ виду парохода остается только юго-западный берегъ, вообще довольно мало населенный, потому пароходъ идетъ безостановочно цѣлыя сутки до самаго Петрозаводска. Берегъ на всемъ своемъ протяженіи до Петрозаводска кажется довольно однообразнымъ; онъ не представляетъ настоящихъ горъ, съ высокими вершинами, — скорѣе это рядъ холмовъ, раздѣленныхъ довольно пологими долинами и заросшихъ лѣсомъ. Петрозаводскъ стоитъ въ заливѣ, и при поворотѣ къ нему встрѣчается цѣлая группа, такъ называемыхъ Ивановскихъ острововъ, — эти острова, кромѣ небольшихъ исключеній, почти въ первый разъ встрѣчающіеся на пути отъ Вознесенья; вообще, если вся южная половина Онежскаго озера лишена острововъ и заливовъ, то какъ бы въ замѣнъ этого вся сѣверная половина озера состоитъ исключительно изъ заливовъ, острововъ и полуострововъ. При томъ и самая физіономія мѣстности здѣсь иная, какъ внутри материка, такъ и по берегамъ; здѣсь повсемѣстно начинаютъ появляться хотя и невысокія, но живописныя скалы, съ крутыми, обрывистыми скатами; даже самые острова нерѣдко скалисты, а на днѣ озера часто встрѣчаются каменистыя мели или луды, — такимъ образомъ сѣверная часть Онежскаго озера имѣетъ совершенно тотъ же характеръ, какъ сѣверныя части Финскаго залива и Ладожскаго озера съ ихъ островами, заливами и шхерами. — Около Петрозаводска, въ сѣверной части залива есть мѣстечко Саломе, служащее любимымъ мѣстомъ прогулки для городскихъ обитателей, — это устье пролива, идущаго въ Сургубу. Оно похоже на ворота между двумя заливами и состоитъ изъ массивныхъ скалъ, съ крутыми скатами и съ округленными вершинами; голая, безлѣсная каменная масса мѣстами покрыта мохомъ, частію лишайниками, и еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на ней сохранилось ледниковая политура и шрамы, направленные на юго-востокъ. Это направленіе, по которому двигался нѣкогда ледникъ въ разныхъ частяхъ Олонецкой губерніи; по тому же направленію идутъ во всей сѣверо-западной части губерніи длинныя, каменистыя возвышенія; ему же слѣдуютъ почти всѣ заливы въ сѣ-

верныхъ частяхъ Онежскаго озера. На вершинѣ скалы около Саломе расположено нѣсколько убогихъ домиковъ и большой лѣсопильный заводъ, — все это въ совокупности взятое совершенно напоминаетъ ландшафтъ нынѣшней Финляндіи. — Изъ Петрозаводска нѣсколько лѣтъ тому назадъ ходилъ одинъ только пароходъ въ самую сѣверную часть Онежскаго озера, къ Повѣнцу. Пароходикъ былъ не великъ, да и пассажировъ онъ собирался везти небольшое количество; — священникъ, крестьяне изъ ближайшихъ по пути селеній, нѣсколько богомольцевъ въ Соловецкій монастырь, одинъ или два монаха изъ того же монастыря, два, три чиновника, ѣдущихъ по службѣ, лѣсопромышленникъ, — вотъ и всѣ пассажиры, да и кому ѣхать въ этотъ край, въ Повѣнецъ, о которомъ мѣстные жители говорятъ: «Повѣнецъ свѣту конецъ». Тѣмъ не менѣе, къ отъѣзду парохода на пристани собиралось весьма много народу, такъ какъ для петрозаводскихъ обитателей отходъ или приходъ какого бы то ни было парохода составляетъ одно изъ самыхъ лучшихъ удовольствій. Пароходикъ пересѣкъ Петрозаводскую губу, вошелъ въ группу Ивановскихъ острововъ, началъ шнырять здѣсь въ красивыхъ проливахъ, вода которыхъ въ самую хорошую лѣтнюю пору стояла невозмутимо спокойной; острова, поросшіе высокимъ ивнякомъ, живописно рисовались надъ уровнемъ озера, часто отражаясь въ водѣ во всѣхъ своихъ подробностяхъ. Однакоже они были совершенно пустынны, благодаря ихъ каменистой почвѣ, и служили только пріютомъ для рыбаковъ, которыхъ не одинъ разъ можетъ быть заставала на ихъ промыслѣ непогода. — Далѣе мы пересѣкли устье, общее пока для двухъ губъ, идущихъ на сѣверо-западъ, Кондопажской и Чорга-губы, а затѣмъ снова зашли въ группы острововъ, въ числѣ которыхъ былъ островъ Климецкій, съ его монастыремъ, основаннымъ еще въ XV столѣтіи сыномъ богатаго новгородскаго посадника, застигнутымъ въ озерѣ бурею и спасшимся на островѣ. Далѣе идетъ островъ Кижли, густо заселенный и почти сплошь воздѣланный; его пашни, съ прекрасной, уже значительно поднявшейся отъ земли и волнующейся озимью, его тутъ и тамъ выдающіеся луга, составляли контрастъ съ материкомъ, представлявшимъ рядъ высокихъ холмовъ или горныхъ уваловъ, покрытыхъ мрачнымъ и густымъ хвойнымъ лѣсомъ. Затѣмъ путь идетъ въ Великую губу, наконецъ пароходъ входитъ въ Повѣнецкую, самую обширную изъ всѣхъ въ Онежскомъ озерѣ; здѣсь перемежаются тѣ же виды, то на острова, болѣе или менѣе низменные и покрытые ивнякомъ и березнякомъ, то на болѣе возвышенные, скалистые, заросшіе сплошь ягелями или соснякомъ и ельникомъ. — Наконецъ мы подъѣхали къ Шунгѣ, или скорѣе къ Шунгскому заливу; самое безотрадное впечатлѣніе производятъ его берега; это сплошная толща голаго камня; на немъ масса валуновъ; все покрыто мохомъ и ягелями и ни одного дерева; кой-гдѣ торчатъ только старые пни; травы нѣтъ и слѣда; — ни одной живой души на этихъ мертвыхъ скалахъ. Но по обыкновенію къ пристани набралось довольно народу, съ парохода выгружаютъ кладь, — значитъ есть гдѣ нибудь жилье. Да, оно дѣйствительно есть, нужно подняться кверху, и уже за версту отъ залива открывается жилье, — значительное селеніе, окруженное пашнями. Это настоящая Шунга, — село, въ которое во время крещенской ярмарки стекаются продукты русскаго сѣвера: сюда свозится свѣжая и соленая рыба Бѣломорскаго края, сюда собираются пушные товары изъ самыхъ различныхъ концовъ лѣсной полосы и тундры, при-

Пароходъ, идущій въ Повѣнецъ.

возятся эти товары даже изъ долины Оби въ Западной Сибири. Здѣсь сходятся вмѣстѣ корелъ, самоѣдъ, зырянинъ, поморъ, финляндецъ, купцы изъ Москвы, изъ Каргополя и Архангельска и т. д.; здѣсь лошади появляются рядомъ со стадами оленей. Въ селѣ для мѣны различныхъ красныхъ и заводскихъ товаровъ на сырыя произведенія Сѣвера выстроены цѣлые ряды лавокъ, а именно около церкви, какъ это принято вездѣ на русскомъ Сѣверѣ, по примѣру новгородскому, — торговля около погоста. Конечный путь, до котораго доходитъ пароходъ — Повѣнецъ—бѣдный городокъ, складочный пунктъ бѣломорской рыбы и др. товаровъ. Единственное его богатство лѣсъ. Около Повѣнца течетъ рѣка Повѣнчанка, образующая рядъ быстринъ и пороговъ, какъ и большая часть рѣчекъ, текущихъ въ Онежское озеро изъ скалистыхъ мѣстностей. Какъ и по большинству другихъ рѣчекъ, по Повѣнчанкѣ сплавляется лѣсъ черезъ пороги. Но по характеру теченія рѣка Суна представляетъ безспорно одно изъ самыхъ замѣчательныхъ явленій въ Олонецкомъ краѣ.

Климецкій монастырь.

Водопадъ Кивачъ образованъ р. Суною. Онъ лежитъ въ 57 верстахъ на с.-з. отъ Петрозаводска; пробраться къ нему возможно какъ сухимъ путемъ, такъ и воднымъ, черезъ Кандоположскую губу и р. Суну. Онъ образованъ скалой, представляющей четыре уступа, вышина которыхъ въ совокупности до 5 саженъ; вода падаетъ съ этой высоты широкимъ потокомъ, разбиваясь внизу съ шумомъ и ревомъ въ тончайшую пыль; громадная масса воды низвергается съ чрезвычайной быстротой и силой, такъ что бревна, брошенныя въ потокъ, разбиваются въ дребезги. Тотъ, кого обдавало влагой и брызгами водопада, кто усматривалъ въ разбивающейся водѣ безконечно разнообразные переливы цвѣтовъ отъ алмаза до серебра и жемчуга; кто замѣчалъ, какъ эта бушующая масса воды вскорѣ послѣ водопада снова становилась спокойною, съ обычнымъ теченіемъ въ ровномъ руслѣ, — тотъ конечно долженъ вынести изъ всего этого глубокое впечатлѣніе, тотъ почувствуетъ можетъ быть силу красоты въ природѣ, найдетъ въ ней матеріалъ для высокаго поэтическаго вдохновенія. Въ числѣ такихъ зрителей водопада былъ поэтъ Державинъ, сказавшій между прочимъ о водопадѣ:

Алмазна сыплется гора
Съ высотъ четырьмя скалами;
Жемчугу бездна и сребра
Кипитъ внизу, бьетъ вверхъ буграми;
Отъ брызговъ синій холмъ стоитъ,
Далече ревъ въ лѣсу гремитъ...

Шуми, шуми, о водопадъ!
Касаясь ко странамъ воздушнымъ,
Увеселяй и слухъ, и взглядъ
Твоимъ стремленьемъ свѣтлымъ, звучнымъ,
И въ поздней памяти людей
Живи лишь красотой твоей!...

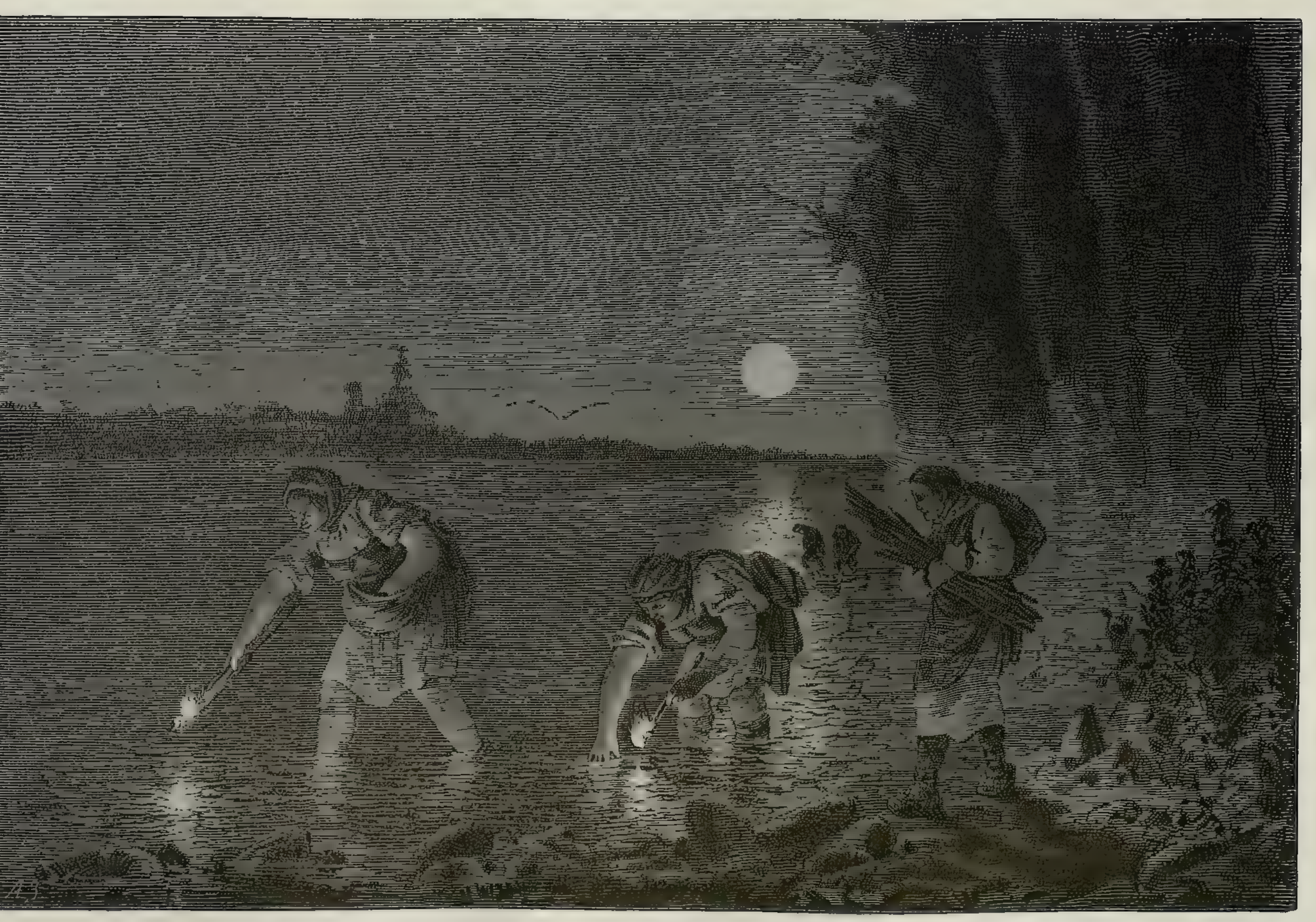
Но нашему водопаду пустыннаго и суроваго края не въ такой степени представляется осуществимымъ желаніе, высказанное ему поэтомъ:

Чтобъ былъ вблизи, вдали любезенъ
Ты всѣмъ: сколь дивенъ, столь полезенъ.

Водопады, лежащіе въ Западной Европѣ, хотя и менѣе величественны и массивны, чѣмъ Кивачъ, но они больше посѣщаются любопытными, пріобрѣтаютъ большую славу, становятся болѣе всѣмъ любезными, какъ вблизи, такъ и вдали.

Возьмемъ ли мы сухопутные или водные пути сообщенія по Онежскому озеру, они въ одинаковой степени окажутся трудными. Такъ напримѣръ мнѣ представилась необходимость изъ Шунги проѣхать на сѣверо-восточный берегъ озера, въ извѣстную Чолмужскую губу. Изъ Шунги я долженъ былъ пройдти около десятка верстъ пѣшкомъ, затѣмъ меня ожидала четырехвесельная лодка и путь лежалъ по озеру, мимо цѣлаго ряда острововъ. Эти-то острова, а особенно Мячъ-островъ, и составляютъ пріютъ для рыбаковъ, исключительно впрочемъ осенью; въ это время производится ловъ сиговъ, а главнымъ образомъ ряпушки, которая подходитъ къ островамъ для метанія икры. Большая часть острововъ застроены лачугами; тамъ вы видите одинъ десятокъ этихъ маленькихъ избушекъ, въ другомъ два, а иногда онѣ положительно покрываютъ цѣлый островъ. Лачуга представляетъ четырехугольный деревянный срубъ, съ каменной печкой внутри; осенью въ каждой лачугѣ живетъ цѣлая семья или артель, состоящая изъ мужчинъ и женщинъ, — въ это время деревенская жизнь переносится на пустынные острова вся въ цѣлости: все живое, молодое и сильное прилагаетъ свои силы къ неводьбѣ, къ чисткѣ и соленію рыбы. — Дойдя до мыса, отдѣляющаго Чолмужскую губу отъ Онежскаго озера, мы должны были перетащить нашу лодку черезъ небольшую канаву, прорѣзывающую мысъ, при чемъ мужчины и женщины работали конечно одинаково.

Чолмужская губа — заливъ Онежскаго озера; она имѣетъ округленную форму и достигаетъ верстъ до семи въ длину, при нѣсколько меньшей ширинѣ. Она весьма справедливо славится изобиліемъ рыбы. Около губы расположено единственное селеніе — Чолмужи, населенное потомками того самаго священника, въ домѣ котораго жила во время ссылки царица-инокиня Марѳа Ивановна, мать царя Михаила Ѳеодоровича. Съ воцареніемъ сына, всѣ, оказавшіе услуги его матери, получили льготы, въ томъ числѣ и Ключаревы, потомки которыхъ обитаютъ нынѣ въ селеніи Чолмужахъ. Чолмужане были освобождены отъ всякихъ податей и повинностей, получили мѣста для рыбной ловли и до 9000 десятинъ земли, которая по большей части покрыта строевымъ, хвойнымъ лѣсомъ. Благодаря полученнымъ льготамъ, Ключаревы и до сихъ поръ сохранили себя въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ предки ихъ явились въ первый разъ, какъ обѣльные вотчинники. Историкъ найдетъ здѣсь въ цѣлости обстановку и обычаи XVII вѣка, композиторъ услышитъ пѣсни того времени; чолмужане, изолированные отъ міра, имѣя подъ руками все необходимое, замкнутые въ тѣсномъ кругу своихъ патріархальныхъ интересовъ, не имѣли никакихъ особенныхъ побужденій къ движенію впередъ, къ дальнѣйшему развитію; если изъ весьма значительнаго числа домовъ, найдутся въ одномъ или въ двухъ грамотные, то это только по старинной, псалтырской системѣ, и если чтеніе интересуетъ ихъ, то въ старообрядческомъ направленіи. Нѣтъ вообще у чолмужанъ только старообрядческаго трудолюбія: поэтому можетъ быть изъ 2 или болѣе десятковъ домовъ только два сколько нибудь сносны и указываютъ на нѣкоторое благосостояніе ихъ хозяевъ; въ томъ числѣ хозяинъ лучшаго дома, старѣйшій въ родѣ, имѣлъ во время моего пребыванія въ Чолмужахъ лѣтъ 9 и бѣгалъ беззаботно по деревнѣ, игралъ въ бабки на заднихъ дворахъ, въ одной рубашкѣ, босой, не заботясь о какомъ бы то ни было ученьи. Окрестности села Чолмужскаго покрыты пашнями, покосами и болотами; недалеко лѣса, перемежающіеся съ небольшими озерами или окаймляющіе берега самаго залива. Здѣсь можно было встрѣтить множество болотной и водяной дичи, но въ особенности было поразительно видѣть здѣсь полярнаго гуся казарку (Anser torquatus), гнѣздящагося по обыкновенію по берегамъ и на островахъ Ледовитаго океана. Ихъ была одна парочка; одинъ изъ супруговъ — самка попала подъ выстрѣлъ и улетѣла къ одному изъ острововъ; нѣсколько времени спустя, я нашелъ ее на водѣ бездыханною, и супругъ напрасно ждалъ ея пробужденія, плавая тутъ же около нея; когда она была взята съ воды, то самецъ еще

Ловля раковъ въ Псковской губерніи.

нѣсколько дней леталъ надъ островомъ и садился около того мѣста, откуда въ послѣдній разъ исчезла его подруга, — видно, что и у этихъ обитателей холодныхъ странъ бываютъ развиты самыя теплыя чувства привязанности.

Одно качество весьма развито въ чолмужанахъ — они хорошіе рыбаки. И въ этомъ отношеніи они особенно счастливы, потому что къ устьямъ губы поздней осенью подходитъ изъ глубокихъ частей Онежскаго озера одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ сиговъ. Чолмужская губа есть единственное мѣсто, куда онъ появляется, поэтому онъ и называется сигомъ чолмужскимъ; онъ достигаетъ фунтовъ до 15—20 вѣсомъ, иногда же бываютъ экземпляры около 30 фунтовъ. Появляясь осенью и выметавъ икру, сигъ снова исчезаетъ затѣмъ въ неизвѣстныхъ для рыбаковъ глубинахъ. Вмѣстѣ съ этимъ сигомъ чолмужане ловятъ и другіе виды ихъ, также палій, лососей и тайменей; изъ другихъ рыбъ—судаковъ, окуней, налимовъ, лещей, язей, щукъ, угрей и т. д.;—однимъ словомъ, большая часть рыбъ, служащихъ для ловли чолмужанамъ, также какъ и въ другихъ мѣстахъ Онежскаго озера — тѣ же, что и въ Ладожскомъ, хотя нѣкоторыхъ ладожскихъ рыбъ недостаетъ въ Онежскомъ, какъ напр. осетровъ, сырти, четырехрогихъ бычковъ и пр. Но къ рыбамъ Онежскаго озера лѣтъ 35 тому назадъ случайно сдѣлалось прибавленіе: изъ множества живорыбныхъ пловучихъ садковъ или живорыбныхъ соймъ, шедшихъ изъ Волжскаго бассейна въ Петербургъ, одна была пообыкновенію нагружена живыми стерлядями, сомами и бѣлорыбицами; выйдя изъ Маріинскаго канала въ Онежское озеро, она встрѣтилась съ непогодой, потерпѣла крушеніе и разбилась. Стерляди, число которыхъ доходило до 300, также сомы и бѣлорыбицы получили свободу и разошлись по озеру. Послѣ того эти рыбы довольно часто попадались рыбакамъ въ разныхъ мѣстахъ; въ послѣднее время объ нихъ мало слуховъ,—хотя еще недавно, почти на моихъ глазахъ сомъ былъ изловленъ при устьѣ Водлы; точно также я получилъ самыя достовѣрныя свѣдѣнія о томъ, что недавно, года 4 назадъ, въ рѣкѣ Оштѣ было изловлено штукъ около 10 молодыхъ стерлядей,—это указываетъ, что стерляди въ новомъ для нихъ отечествѣ не прочь и плодиться. Изъ способовъ рыболовства распространены здѣсь тѣ же, что и въ Ладожскомъ озерѣ: неводьба, мережи, переметы. Кромѣ неводьбы, иногда наибольшій уловъ доставляютъ мережи, отъ которыхъ часто идутъ крылья на разстояніи полуверсты. Извѣстенъ случай, когда напримѣръ при устьѣ р. Суны, во время вѣтровъ, дующихъ съ озера, въ одинъ день попадалось въ мережи до 1000 сиговъ; при такомъ уловѣ въ садкахъ содержится иногда до 20,000 сиговъ.

Неводьба имѣетъ болѣе или менѣе своеобразный характеръ въ рѣкахъ при входѣ въ нихъ рыбы. Въ концѣ августа мнѣ пришлось видѣть этотъ способъ при устьѣ Водлы или Шалы. Здѣсь шелъ по обыкновенію изъ озера вверхъ по рѣкѣ такъ называемый шальскій сигъ метать икру. Въ ловлѣ участвовали всѣ окрестные крестьяне, которымъ принадлежитъ мѣсто, въ количествѣ 400 душъ мужскаго пола. Все протяженіе рѣки, отъ устья верстъ на 6 вверхъ по теченію, раздѣлено на 4 участка или тони; на этихъ четырехъ тоняхъ ежедневно присутствуютъ представители сотенъ; на каждую тоню приходится по одной сотнѣ. Въ свою очередь каждая изъ сотенъ распадается на части, посуточно чередующіяся между собою въ ловлѣ. Въ то же время всѣ четыре сотни ежедневно мѣняются мѣстами, такъ что первая сотня, промышляющая рыбу на самомъ устьѣ, на другой день уступаетъ свое мѣсто второй, на мѣсто второй идетъ третья, уступающая старое мѣсто четвертой, и первая становится такимъ образомъ послѣднею, восходя на четвертый день опять на самое устье и т. д. Это чередованіе основано на томъ, что первая тоня отъ озера дастъ самый обильный уловъ, и пропорціонально съ отдаленіемъ тони онъ становится все меньше и меньше, чему причина сейчасъ будетъ очевидна. Всего неводовъ дѣйствуетъ на тоняхъ и немного ниже по рѣкѣ до 15, и всѣ они содержатся на артельномъ началѣ. На каждую тоню приходится нѣсколько неводовъ. Неводъ обыкновенно перекидывается черезъ всю рѣку и въ такомъ положеніи держится нѣсколько времени, минутъ 10 и болѣе; затѣмъ онъ заворачивается однимъ концомъ и подводится къ другому, на одинъ и

тотъ же берегъ. Лишь только онъ начинаетъ свой заворотъ, на то же мѣсто опускается постепенно другой неводъ; въ то время, когда первый вытягиваютъ и начинаютъ вынимать изъ него рыбу, второй уже раскидывается черезъ всю рѣку; поэтому едва-едва рыба можетъ идти вверхъ по рѣкѣ, не встрѣчая на пути ловушки; вотъ почему на самой нижней тонѣ уловъ изобиленъ, а кверху онъ становится все меньше и скуднѣе; изъ всего же сказаннаго видно, до

Пороги и качалка для раскидки бревенъ.

какой степени равномѣрно распредѣлены шансы на уловъ между всѣми членами большой крестьянской общины. Первое мѣсто отъ озера даетъ изрѣдка на одну тоню невода по 100—150 сиговъ; въ день моего прибыванія неводъ сразу зачерпывалъ по 60 и даже по 90 сиговъ. Въ продолженіе сутокъ неводчики почти постоянно добывали здѣсь отъ 150 до 250 штукъ сиговъ. Въ верхнихъ тоняхъ добыча въ сутки простирается до 50—100 штукъ, въ самыхъ же отдаленныхъ она еще меньше.

Теперь намъ остается совершить прогулку по остальнымъ, болѣе или менѣе значительнымъ сѣверно-русскимъ озерамъ. Притомъ мы уже впередъ можемъ предвидѣть ихъ общій характеръ: Если озера находятся въ области породъ кристаллическихъ или на плоскихъ возвышенностяхъ, они будутъ соотвѣтствовать по характеру сѣвернымъ частямъ нашихъ большихъ озеръ, Ладожскаго и Онежскаго, они будутъ изобиловать мысами и заливами, на нихъ будутъ разсѣяны десятки острововъ. Таковы озера Сего, Выго, Водло и Кенозеро. Обратно, если они расположены въ области осадочныхъ породъ и при томъ въ мѣстахъ болѣе или менѣе низменныхъ, они будутъ имѣть сходство съ южными частями двухъ выше названныхъ и выше очерченныхъ озеръ: они представятся въ формѣ болѣе или менѣе округленной, безъ значительныхъ заливовъ и мысовъ; острова могутъ встрѣтиться на нихъ въ видѣ исключенія. Это озера — Лача, Бѣлоозеро, Ильмень и Пейпусъ или Чудское.

Если вы возьмете на картѣ общее сѣверо-западное направленіе Повѣнецкаго залива и продолжите его далѣе на сѣверо-западъ, то въ такомъ случаѣ, на этой линіи, кромѣ многихъ сравнительно небольшихъ озеръ, встрѣтите, наконецъ, и Сегозеро. Ѣхать къ нему нужно изъ Повѣнца сначала по песчанымъ берегамъ Онежскаго озера, потомъ придется взять на сѣверо-западъ и ѣхать въ гору. Плохія олонецкія лошадки, живущія на скудныхъ кормахъ, запряженныя въ телегу, потащутъ васъ на довольно крутые горные скаты и часто съ боль-

Водопадъ Кивачъ.

шимъ трудомъ удержатся на крутыхъ спускахъ; дорога каменистая, по обѣимъ сторонамъ начинаются дремучіе хвойные лѣса, особенно по крутымъ ущельямъ, на днѣ которыхъ стремительно мчатся горныя рѣчки, съ пѣной, шумомъ и прыжками черезъ пороги и камни. Двѣ три станціи проѣхали, и вамъ придется телегу смѣнить на таратайку,—двухколесную тележку; дорога сдѣлалась еще болѣе каменистою, грязной и ухабистой. Наконецъ, и этотъ экипажъ нужно бросить, да сѣсть верхомъ и тогда только подвезутъ васъ къ Масельгѣ, селенію, стоящему на берегу Сегозера. Высоты, лежащія между Онежскимъ озеромъ и Сегозеромъ, называются горнымъ кряжемъ Масельгой; но на самомъ-то дѣлѣ едва ли это кряжъ въ истинномъ смыслѣ-это скорѣе продолженіе Финляндіи или финляндской плоской возвышенности. Дѣйствительно, разъ поднявшись на высоту отъ Онега, не приходится потомъ встрѣчать слишкомъ крутыхъ подъемовъ и спусковъ; на большомъ протяженіи путь лежитъ по плоской возвышенности. Часто встрѣчаются длинные хребтики, — это морены древнихъ ледниковъ, нерѣдко громадные камни и части скалъ, обтертые, отшлифованные съ политурой, которые такъ затрудняютъ путь. Мелкія озерки по дорогѣ повсемѣстны. — Вообще эта страна, заселенная «корелушкой проклятой», очерчивается такъ олонецкими обитателями:

Студеной зимой живетъ бездорожьице,
Занесетъ путь широкую дороженьку
Снѣжечками, да вѣдь перистыми;
Не заходятъ къ намъ добры людушки,
Сѣрый заюшко туда не проскакиваетъ,
Малая птичка не залетываетъ,
Извозчички къ намъ не заѣзживаютъ,
Перехожіи калики не прохаживаютъ.

Весной живетъ великое распутьицо,
Разольются круглы, малыя озерышки,
Изъ-за горъ да пойдутъ быстры эти рѣченьки,
У озеръ нѣтъ перегребныхъ малыхъ лодочекъ,
Черезъ рѣченьку дубовой нѣтъ мостиночки.

Недалеко отъ деревни Масельги, съ высоты водораздѣльной возвышенности открывается широкій видъ на озеро Сегозеро. Оно простирается верстъ на 40 въ длину, съ шириною отъ 20 до 30 верстъ; берега его довольно извилисты, образуютъ рядъ большихъ или малыхъ мысовъ и заливовъ, въ особенности въ сѣверной части богаты островами, изъ которыхъ нѣкоторые состоятъ исключительно изъ голыхъ скалъ, покрытыхъ сѣрыми ягелями и мхами или въ нѣкоторыхъ мѣстахъ заросшихъ лѣсомъ. Самые берега его также то круты и скалисты, какъ, напримѣръ, около Масельги, то иногда на берегахъ едва возвышаются надъ водой округленныя скалы или бараньи лбы съ ясной политурой и шрамами, какъ, напримѣръ, около деревни Паданъ; во многихъ мѣстахъ они, начиная пологими скалами отъ водъ озера, постепенно возвышаются и превращаются въ высокіе горные увалы. Лѣсъ густо покрываетъ берега, на которыхъ иногда растутъ кустарники или разстилаются болота. Около десятка деревень, заселенныхъ корелами, расположены около озера, на южномъ, западномъ и сѣверномъ берегахъ, или же на островахъ. Вода, конечно, составляетъ единственное средство къ сообщенію между жильемъ; восточный берегъ озера почти совершенно пустынный. Вода же—главная кормилица обитателей: озеро изобилуетъ рыбою, виды которой общи и многимъ другимъ сѣверно-русскимъ, — хотя Сегозеро даетъ рѣку Сегожу уже въ Бѣломорскій бассейнъ; благодаря этому, въ окрестности озера заходитъ уже не лосось, а бѣломорская семга.

Изъ Сегозера по стремительной, порожистой и почти пустынной рѣкѣ Сегожѣ, можно спуститься съ большой опасностью и съ опытнымъ вожакомъ въ Выгозеро, лежащее къ сѣверу отъ Онежскаго и на сѣверо-востокъ отъ Сегозера. По отсутствію такого вожака мнѣ и не удалось побывать на Выгозерѣ. Оно наибольшее, послѣ Онежскаго, изъ всѣхъ другихъ въ Повѣнецкомъ уѣздѣ, имѣетъ до 76 верстъ длины, съ шириною, измѣняющеюся отъ 5 верстъ до 30. Оно одно изъ самыхъ типичныхъ озеръ, лежащихъ въ области кристаллическихъ горныхъ породъ; громадное количество, иногда весьма глубокихъ заливовъ, рядомъ съ безчисленными мысами, точно также какъ изобиліе острововъ, составляютъ его характеристику. О количествѣ находящихся на немъ острововъ мѣстные жители говорятъ: «ихъ двумя болѣе, — чѣмъ въ году дней»; изъ острововъ наибольшее количество приходится на сѣверную половину озера. Большая часть острововъ довольно низменны, около 2—3 саженей высоты, состоятъ изъ ледниковаго наноса, заключающаго иногда громадные валуны. Тотъ же наносъ составляетъ берега озера, въ которыхъ частію обнажаются также сланцы, діориты и гнейсы. Около озера расположено до 7 деревень, снискивающихъ себѣ пропитаніе рыболовствомъ.

Самая лучшая дорога къ третьему изъ значительныхъ озеръ Олонецкой губерніи, къ Водлозеру, идетъ изъ Пудожа, почти на сѣверъ. Путь только верховой, вещи мои нужно было навьючить на лошадь. Онъ состоялъ весь изъ тропинки, вившейся по холмамъ и долинамъ, по грязямъ и болотамъ, на которыхъ телега могла бы безвозвратно завязнуть, а сани скользятъ поверху. Грязи въ свою очередь смѣняются массой камней разныхъ величинъ, по которымъ ходъ телеги былъ бы немыслимъ. Для ѣздоковъ по подобной дорогѣ, болѣе избалованныхъ, придуманъ своеобразный экипажъ, такъ называемая «люлька» или «качалка». Но, наконецъ, тропа вьется между деревьями, составляющими дремучій лѣсъ; изъ деревъ изрѣдка встрѣчается по дорогѣ сосна, осина и береза, главнымъ же образомъ распространена ель. Она растетъ попреимуществу по ложбинамъ, по долинамъ источниковъ и рѣчекъ, во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ почва жирна наиболѣе, гдѣ болѣе или менѣе постоянно поддерживается влага и сырость, обыкновенно собирающіяся съ возвышенныхъ точекъ. Благодаря стеченію этихъ обстоятельствъ, мохъ торфяникъ подушками стелется въ подобныхъ мѣстностяхъ; за нимъ черника густымъ ковромъ въ нихъ распространяется и если здѣсь укоренится сосна, то она принимаетъ стройный видъ; но ель здѣсь главное,

господствующее дерево. По направленію скатовъ холмовъ, въ глубину долинъ она растетъ гуще и гуще, и на самомъ днѣ долинъ сплачивается въ непроницаемыя чащи лѣса; уже никакое другое дерево не заходитъ сюда; вершины старыхъ елей тысячами тянутся въ высоту, кончаясь острыми шпицами, а книзу стволы ихъ пускаютъ миріады колючихъ и мохнатыхъ вѣтвей, которыя около корня, сплетаясь другъ съ другомъ, образуютъ непроницаемую сѣть: лучъ солнца уже не можетъ сюда проникнуть, и подъ ней господствуютъ вѣчная тѣнь и мракъ. Эти-то чащи ели, въ низменностяхъ и впадинахъ, извѣстныя подъ именемъ *корбъ*, наводятъ часто уныніе на здѣшнихъ обитателей, въ воображеніи которыхъ онѣ служатъ пристанищемъ сверхъестественныхъ силъ; нечистая сила, лѣшій, бродитъ въ нихъ съ своими собаками, оглашающими мрачную пустыню лаемъ. Плохо приходится тому, кто нарушитъ вѣчное молчаніе этихъ корбъ весельемъ, смѣхомъ или пѣсней: неуловимый хозяинъ лѣса явится передъ тѣмъ и увлечетъ его отъ глазъ человѣка.

Находясь на берегахъ озера, уже нетрудно перерѣзать его по различнымъ направленіямъ. Нужна хорошая лодка, а въ нихъ здѣсь недостатка нѣтъ, парусъ, да два гребца—водлозера, какъ обыкновенно называются обитатели береговъ озера, подхватитъ васъ хорошій вѣтеръ, и въ нѣсколько часовъ перенесетъ изъ конца въ конецъ озера, хотя оно достигаетъ въ длину, отъ сѣвера къ югу, до 40 верстъ, при ширинѣ отъ 10 до 15 верстъ. При томъ берега его весьма извилисты, представляютъ множество мысовъ или наволоковъ и заливовъ, иначе называемыхъ лахтами. Его заливы мелководны, мысы холмисты, часто значительной высоты, но съ постепенными скатами къ водамъ озера. Надъ самой поверхностью озера, какъ въ заливахъ, такъ и въ открытыхъ частяхъ его поднимаются цѣлые десятки различной величины острововъ, и различной формы, отъ высокихъ шапкообразныхъ возвышеній, также отъ острововъ, состоящихъ изъ цѣлой группы высокихъ холмовъ, до острововъ низменныхъ, разстилающихся по озеру на протяженіи верстъ 5-ти. Отъ острововъ существуетъ постепенный переходъ къ лудамъ, подводнымъ каменистымъ возвышеніямъ. Наиболѣе глубокія части озера — называемыя ямами, имѣютъ отъ 8 до 11 маховыхъ саженъ, въ среднихъ частяхъ глубина простирается только на нѣсколько маховыхъ саженъ. Какъ и другія озера, Водлозеро славится изобиліемъ рыбы, изъ которой многія породы то уходятъ изъ озера, то возвращаются въ него обратно; это нѣкоторые виды сиговъ, лосось и харіусъ. Другія рыбы осѣдлыя, которыя однако же въ предѣлахъ самаго озера дѣлаютъ переселенія. Уже рано весной приступаетъ къ берегамъ метать икру корюшка; за нею подходятъ лещъ, плотва, язь, окунь, судакъ и щука, а частію и сигъ; осенью около береговъ мечетъ икру ряпушка. Передъ замерзаніемъ озера рыба удаляется на ямы, гдѣ въ это время и производится рыболовство, лѣтомъ же на ямахъ держится преимущественно ершъ.

Водлозеро принимаетъ въ себя множество небольшихъ рѣчекъ и выпускаетъ изъ себя рѣку Водлу, сначала въ видѣ двухъ отдѣльныхъ рукавовъ: собственно Водлы и Вамы. Первая изъ нихъ уподобляется въ народныхъ разсказахъ лисицѣ; она, какъ лисица, идущая на добычу, въ своемъ теченіи тиха, маловодна и извилиста и, не смотря на это, въ своемъ дальнѣйшемъ ходѣ беретъ преимущество надъ Вамой, которая по своей широтѣ и многоводности, порожистости, быстрому теченію и по прямизнѣ уподобляется медвѣдю, во время его стремительнаго бѣга сквозь чащу лѣса. — Съ Водлозера я направился на сосѣднее — Кенозеро. Нужно было ѣхать въ лодкѣ, на разстояніи 20 верстъ по р. Вамѣ, представляющей на этомъ протяженіи до 17 пороговъ. Сообразно съ характеромъ пороговъ и самое теченіе рѣки здѣсь двояко: она несется или по замѣтной простымъ глазомъ покатости, усѣянной громадными глыбами изъ кристаллическихъ горныхъ породъ; объ нихъ воды ея разбиваются, сильно кипятъ, образуя ряды высокихъ бѣлыхъ и пѣнистыхъ волнъ; таковы пороги въ верховьяхъ рѣки—Устьинскій, Рахъ-куй, Островецъ и др. Въ другомъ случаѣ теченіе рѣки на значительныхъ протяженіяхъ становится тихимъ и медленнымъ; она является какъ бы запруженною; это передъ порогами, гдѣ основная горная порода кончается террасами: таковъ Вамскій порогъ. Здѣсь вода падаетъ

черезъ сплошной рядъ каменныхъ глыбъ, пересѣкающихъ рѣку, съ высоты одного аршина и болѣе, смотря по весеннему или осеннему стоянію и изобилію воды. Крохали, нырки, полярная гагара, также многіе виды утокъ разгуливаютъ на этихъ водахъ; вмѣстѣ съ ними орлы, скопы и соколы стануютъ въ густыхъ окрестныхъ лѣсахъ, сопровождающихъ повсюду теченіе рѣки. Самыя воды избираютъ своимъ пристанищемъ сиги, лососи и харіусы; за ними охотятся не-

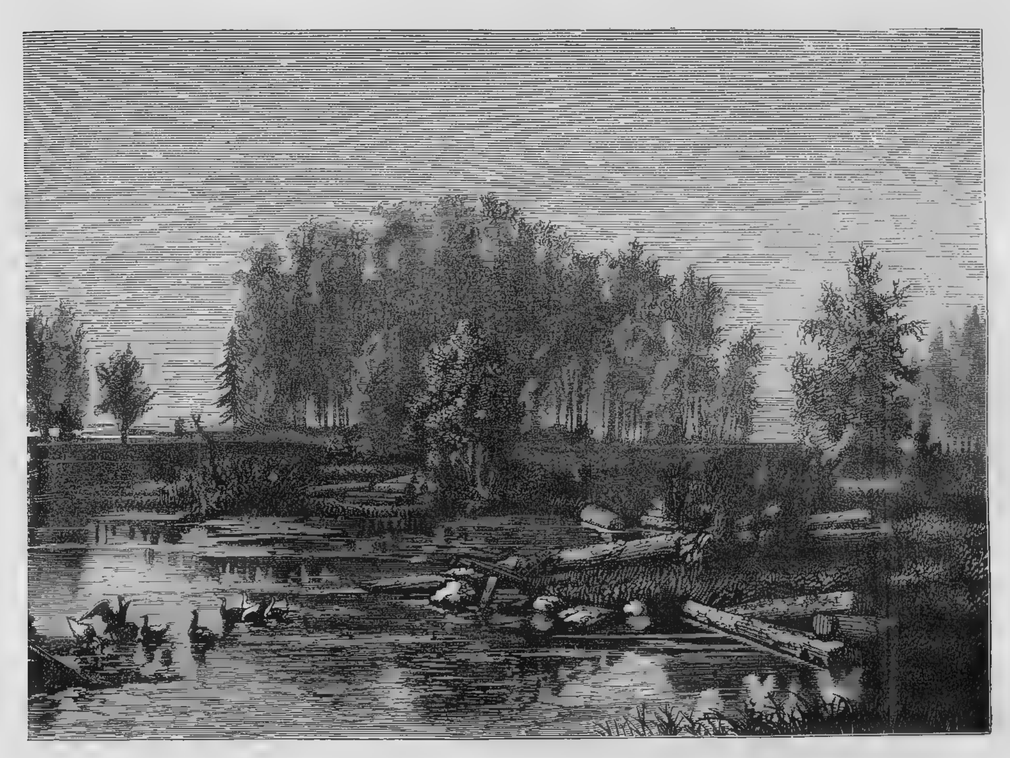

Олонецкая люлька.

рѣдко выдры и норка, привлекающія въ свою очередь полѣсника, мѣстнаго охотника, съ его собаками и ловушками.

Кенозеро лежитъ уже въ области каменноугольныхъ известняковъ, составляющихъ продолженіе Валдайской плоской возвышенности. Въ первый разъ я подъѣхалъ къ нему съ сѣвера, по р. Почѣ. Какъ нижнее теченіе этой рѣки, такъ и видъ на самое озеро Кенозеро — производятъ весьма пріятное впечатлѣніе. Высокіе холмы съ довольно рѣзкими очертаніями, часто сопровождаемые крутыми впадинами и ложбинами, выступаютъ здѣсь по всѣмъ направленіямъ; самое Кенозеро, разливаясь между холмами, представляется состоящимъ изъ цѣлаго ряда отдѣльныхъ озеръ, связанныхъ между собою множествомъ проливовъ, число которыхъ во время половодья увеличивается, такъ какъ въ подобныхъ случаяхъ вода въ озерѣ поднимается на 1—2 сажени и даже многіе изъ мысовъ, дробящихъ на отдѣльныя части озеро, съ половодьемъ становятся островами. Мысы всегда болѣе или менѣе холмисты, чашевидно округлены или нѣсколько столовидны, съ обрывистыми, крутыми скатами. Изъ береговыхъ горъ особенно высоки лежащія на юго-восточной сторонѣ озера; онѣ возвышаются надъ уровнемъ озера болѣе 200 футовъ. Частію уже вообще, частію съ этихъ высотъ можно различать, что озеро раздѣляется, въ главныхъ чертахъ, на три части, изъ которыхъ каждая имѣетъ весьма извилистые берега. Юго-восточная часть — наибольшая, имѣетъ верстъ около 25 въ длину, съ шириною отъ одной

до 5 верстъ; вторая значительно меньше первой и наконецъ третья часть — такъ называемое Свиное озеро имѣетъ верстъ до 6 въ длину, шириною въ нѣсколько верстъ, — это самая сѣверная часть озера. Она, при ограничивающихъ ее крутыхъ берегахъ, имѣетъ болѣе 40 маховыхъ саженъ. Въ разныхъ мѣстахъ Кенозера я находилъ почву плотную глинистую, каменистую, лудоватую, или же песчаную и иловатую. Глубины озера начинаются неравномѣрно и непосте-

Озеро въ Псковской губерніи.

пенно, образуютъ ямы, чтó, при богатствѣ озера рыбою, дѣлаетъ весьма неудобнымъ ея промыселъ. Наибольшія ямы находятся около острова Медвѣжьяго и деревни Матерой; мнѣ пришлось ознакомиться съ ямой въ Сударской лахтѣ, лежащей въ Кенозерѣ, около острова Пормскаго, недалеко отъ истока изъ озера р. Кены. Веревка до 30 маховыхъ саженъ длиною не хватила здѣсь дна. Съ глубины, нѣсколько меньшей, снарядъ для добыванія животныхъ съ глубины (драга) вытащилъ значительное количество раковъ — бокоплововъ, живущихъ только въ самыхъ большихъ озерахъ,—въ Ладожскомъ, Онежскомъ, въ моряхъ Балтійскомъ и Бѣломъ. Тутъ же попались экземпляры красиваго, нѣжнаго рачка—мизиса (Mysis). На основаніи того, что эти животныя встрѣчаются въ моряхъ Бѣломъ и Балтійскомъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми рыбами, которыя не находятся въ другихъ моряхъ, старались доказать, что два названныя моря соединялись морскимъ проливомъ, шедшимъ отъ Бѣлаго моря къ Балтійскому черезъ озера Выгъ, Онежское и Ладожское, — но это предположеніе теперь имѣетъ мало защитниковъ.

Озеро Лачо представляетъ совершенную противоположность съ озерами, только-что очерченными. Его окрестности представляютъ видъ равнины, весьма полого поднимающейся на югъ. Большая часть равнины застлана обширными болотами и перерѣзана многочисленными ручьями

и рѣками, медленно несущими свои воды въ озеро Лача. Здѣсь нѣтъ высокихъ холмовъ, и только изрѣдка среди болотъ выдаются возвышенія, называемыя горбышами; — это единственныя, сколько-нибудь удобныя мѣста для поселеній. Сообразно съ характеромъ окрестностей — однообразно и самое озеро; на всемъ своемъ протяженіи до 30 верстъ въ длину и отъ 5 до 13 въ ширину, оно не имѣетъ ни одного значительнаго залива или рѣзко вдающагося въ озеро мыса; нѣтъ на немъ также ни одного острова. Въ то же время оно весьма мелководно: наибольшая глубина его колеблется между 1½ и 2 саженями, глубина выше двухъ саженей бываетъ въ немъ только въ самую высокую воду. Во многихъ мѣстахъ глубина его только около сажени, да притомъ, посрединѣ озера, на весьма большомъ протяженіи, отъ сѣвернаго конца къ южному идетъ мель. На днѣ озера во многихъ мѣстахъ и почва встрѣчается совершенно торфяная; палка, погруженная въ такую почву, идетъ весьма далеко въ ея глубину. Около восточнаго берега почва принимаетъ песчаный или каменистый характеръ. — Вода въ озерѣ мутная, лѣтомъ на громадныхъ протяженіяхъ покрывается мелкими водорослями, цвѣтетъ. Такія условія благопріятствуютъ распространенію въ озерѣ рыбъ карповыхъ: плотвы, язя, леща и пр.; вмѣстѣ съ ними встрѣчаются окуни, ерши, щука, изъ лососевыхъ: сиги, ряпушка и знаменитая для водъ Сѣвернаго океана — нельма, ближайшая родственница бѣлорыбицы. Берега озера по большей части низменны и болотисты, особенно западный, который покрытъ кочками и камышами и тянется около водъ широкою лентой, такъ что около озера нѣтъ ни одного поселенія, какъ и на большей части восточнаго. За то при устьяхъ рѣкъ находятся часто временныя, рыбацкія поселенія; такъ на пустынномъ восточномъ берегу, при устьѣ р. Ольги, находится болѣе 40 рыбацкихъ хижинъ; эти строеньица, безъ оконъ, представляютъ видъ оригинальной, первобытной деревни; въ глубинѣ хижинъ около заднихъ стѣнъ сбиты печки, по три въ каждой лачугѣ. Онѣ принадлежатъ попреимуществу ловцамъ мелкой рыбы, такъ называемымъ мутничникамъ. Эти ловцы добываютъ рыбу неводомъ, на нижнемъ канатѣ котораго намотаны мочалка, тряпки, камни и пр.; когда такой неводъ идетъ по землѣ, то поднимаетъ страшную муть, куда и направляется рыба; а этого и ждетъ рыбакъ; онъ вытаскиваетъ тогда неводъ въ свою лодку и уже навѣрное изъ мутной воды вытащитъ его не безъ рыбы. При устьѣ Ольги, въ теченіе всего лѣта ежедневно заняты ловлей ершей и молоди до 60 мутниковъ; при мутникѣ состоятъ всегда два человѣка, — часто участвуютъ въ ловлѣ и женщины; въ лѣто и частію въ осень мутникъ нерѣдко зарабатываетъ до 100 руб.

Бѣлоозеро не менѣе однообразно. Берега его по большей части низменные; болѣе или менѣе высокіе холмы всегда находятся въ значительномъ отдаленіи отъ озера, которое своею внѣшностью доказываетъ, что въ прежнія времена на его мѣстѣ была большая, широкая яма, въ нѣсколько разъ большая, чѣмъ Бѣлоозеро въ настоящее время. Оно имѣетъ теперь форму совершенно округленную, простираясь верстъ на 40 въ длину и на 30 въ ширину; притомъ, какъ и озеро Лача, не представляетъ значительныхъ береговыхъ изгибовъ, глубокихъ заливовъ или мысовъ. Въ то же время Бѣлоозеро мелководно, съ глубиною отъ 2 до 3½ саженъ, въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ глубина его доходитъ только до 3 футовъ. Находятся въ немъ и ямы или пучины, числомъ около десятка и съ глубиною саженъ до 5; на песчаномъ или хрящеватомъ днѣ озера встрѣчаются нерѣдко каменистыя мели или луды, особенно у сѣвернаго берега; у южнаго же — подводные камни. Всѣ эти условія, а также частые сѣверные вѣтры не особенно благопріятствовали судоходству, подвергая часто суда крушенію; въ виду этого по южному берегу устроенъ обводный каналъ. Большая часть водящихся въ озерѣ рыбъ почти тѣ же, какъ и во многихъ другихъ озерахъ; это язи, плотва, лещи, саблянка или чеша, густера, шереспоръ, ноачкъ, щука, налимъ, обыкновенный-судакъ, окунь, ершъ и др. Изъ лососевыхъ здѣсь распространенъ только снѣтокъ. Снѣтокъ — прекрасивая рыбка, совершенно сходная съ молодой корюшкой; около вершка длиной, она весьма прозрачна и сдѣлана какъ будто изъ воску. Ловъ снѣтка служитъ однимъ изъ важнѣйшихъ промысловъ для обитателей рыбаковъ Бѣлоозера: здѣсь онъ самаго лучшаго достоинства; изъ многихъ же другихъ сѣверныхъ озеръ Олонецкой губерніи подъ именемъ снѣтка продаютъ настоящую

Шатозеро.

корюшку, а иногда и другихъ мелкихъ рыбъ. Другая же изъ лососевыхъ, водящаяся даже въ Шекснѣ, бѣлорыбица заходитъ въ Бѣлоозеро только случайно. Вообще же, благодаря тому, что Бѣлоозеро принадлежитъ къ Волжскому бассейну, въ немъ встрѣчаются: волжскій судакъ, сомъ, въ особенности же осетръ и стерлядь; даже, бывали случаи, къ истоку Шексны приходила бѣлуга. Стерлядь держится преимущественно около истока Шексны и въ глубину озера заходитъ только случайно. Низменные и болотистые берега усѣяны часто небольшими озерами и болотами и покрыты мокрыми и травянистыми лугами, заросшими мелкимъ кустарникомъ.

Ильмень напоминаетъ своей формой треугольникъ, одинъ изъ угловъ котораго направленъ къ сѣверу; онъ занимаетъ площадь около 810 кв. верстъ, но береговая линія его очень извилиста. Два наиболѣе значительные залива его образованы дельтою рѣки Ловати. Вся же средина озера совершенно открыта, лишена острововъ. Ильмень—озеро также мелководное; его глубина простирается отъ 1 до 4 саженей. Его берега не высоки, но образованы известняками, и иногда кончаются круто и обрывисто, — таковъ напримѣръ берегъ южный, лежащій къ востоку отъ р. Шелони; нерѣдко же состоятъ изъ наносовъ, и часто болотисты, какъ въ дельтѣ Ловати и на сѣверо-восточномъ краю озера. Дно озера то каменисто, то песчано. Водящіяся въ немъ рыбы тѣ же, что и въ Ладожскомъ озерѣ, кромѣ лососевыхъ, которыхъ почти совсѣмъ нѣтъ здѣсь за исключеніемъ харіуса; нѣтъ въ Ильменѣ и осетровыхъ рыбъ. По Волхову заходитъ въ озеро волховскій сигъ. Рыболовство играетъ большую роль для береговыхъ обитателей, составляющихъ для ловли большія артели или товарищества; предметомъ промысла служатъ попреимуществу: лещи, язи, плотва, чема, голавль, шерсеперъ, также сомы, щуки, судаки, окуни и ерши. — Впрочемъ и Ильмень, какъ и всѣ другія озера, имѣетъ свою рыбу, особенно вкусную и цѣнную, — это сырть. Сырть есть не что иное, какъ особый видъ леща (Abramis ballerus); отъ обыкновеннаго онъ отличается меньшей величиной. — Озеро Ильмень служило встарину древнимъ новгородцамъ школою мореплаванія; здѣсь вѣроятно учились справляться съ волнами, съ бурями и непогодами новгородскіе ушкуйники, — отсюда несомнѣнно вышли предки нынѣшнихъ обитателей нашихъ большихъ сѣверныхъ озеръ и поморья, у которыхъ до сихъ поръ юго-восточный вѣтеръ называется Шелонникомъ, — названіе, которое очевидно получило свое начало въ Великомъ Новгородѣ,

Озеро Чудское или Пейпусъ находится въ Псковской губерніи; проливомъ или такъ называемымъ Теплымъ озеромъ оно связано съ Малымъ Пейпусомъ или, иначе, съ Псковскимъ озеромъ. Длина Чудскаго озера 90, наибольшая ширина 47 верстъ. Длина озеръ Теплаго и Псковскаго вмѣстѣ взятыхъ доходитъ до 50 верстъ: наибольшая ширина Теплаго—9 верстъ, Псковскаго—20. Чудское въ сѣверныхъ своихъ частяхъ не имѣетъ значительныхъ мысовъ и заливовъ, точно также какъ и острововъ; къ югу оно, сначала постепенно, а затѣмъ подъ конецъ внезапно суживается, образуя нѣсколько мысовъ, заливовъ и острововъ. У озеръ Теплаго и Псковскаго береговая линія болѣе изогнута и изрѣзана значительными мысами и заливами; вмѣстѣ съ тѣмъ на озерахъ появляются острова. Наибольшая глубина Чудскаго озера по срединѣ доходитъ до 7 саженей, во многихъ же другихъ мѣстахъ она рѣдко превосходитъ 4 саж., къ берегамъ постепенно уменьшается, такъ что песчаный баръ около устьевъ Наровы при низшемъ уровнѣ покрытъ водою только на 3 фута глубины. Теплое и Псковское еще болѣе 2мелководны; при обыковенномъ уровнѣ наибольшая глубина ихъ доходитъ только отъ 2 до $^1/_2$ саженей. Берега озера низменные, на сѣверѣ Чудскаго озера на большихъ протяженіяхъ состоятъ изъ наносовъ, въ другихъ мѣстахъ, какъ Чудскаго и Теплаго, такъ и Псковскаго, въ основаніи ихъ лежатъ девонскія образованія. Въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ берега настолько низменны, что въ полую воду заливаются водой на громадныхъ пространствахъ, напримѣръ при устьѣ Эмбаха и весь сѣверо-восточный берегъ озеръ Теплаго и Псковскаго. Въ послѣднее время, по разсказамъ, наводненія еще болѣе увеличились, въ силу того, что лѣса по большей части и во многихъ мѣстахъ истреблены, болота осушаются, — вслѣдствіе чего вода, не за-

держиваемая лѣсами и болотами, начала быстрѣе стекать въ озеро; такимъ образомъ въ последнее время почти затоплены многіе острова у истоковъ Наровы; немалое количество полей, сѣнокосовъ, усадебныхъ земель и даже остатки одной старинной крѣпости — обратились въ болото. Низменность и болотистость береговъ есть причина изобилія озеръ пернатой дичью, особенно изъ птицъ водныхъ, — для охоты за нею почти у каждаго крестьянина имѣется ружье; ловятъ также крестьяне водную дичь сѣтями, забираясь въ камышевые острова. Своеобразную картину представляетъ ловля раковъ около озеръ; раки идутъ нетолько въ пищу самимъ ловцамъ крестьянамъ, но даже и на продажу въ большіе города. Самыя воды озера давно извѣстны по своему изобилію рыбы, и рыболовство съ давнихъ поръ составляетъ существенную отрасль промышленности для прибрежныхъ жителей; но рыба, доставляя источникъ пропитанія для жителей, начала по причинѣ усиленнаго лова за послѣднее время сильно уменьшаться въ количествѣ, нѣкоторые же виды, напр. синецъ, почти исчезли совершенно; уменьшились въ озерѣ даже окунь и плотва, служащіе главнымъ предметомъ ловли и пропитанія. Между многими другими рыбами въ озерахъ водятся сиги, ряпушка и снѣтокъ, а въ рѣчкахъ, впадающихъ въ озеро, — харіусы и форели. Наибольшую извѣстность имѣютъ водящіяся въ озерѣ — ряпушка и снѣтокъ. Ловъ снѣтка производится въ Псковскомъ озерѣ около Талобскихъ острововъ. На этихъ островахъ расположенъ цѣлый посадъ, нынѣ называющійся Александровскимъ, заключающій въ себѣ около 2 съ половиною тысячъ жителей, съ 186 домами, съ двумя каменными церквами и съ часовней. Исключительное занятіе этихъ островитянъ — рыболовство; однихъ снѣтковъ заготовляется здѣсь и продается ежегодно на 100,000 руб. — Сюда именно изъ дальнихъ краевъ являются ярославцы исключительно только съ одной цѣлью покупки снѣтковъ Псковскаго озера, получившихъ себѣ громкую извѣстность.

Ив. Поляковъ.

Лещево озеро близъ Валаама.

ОЧЕРКЪ III.

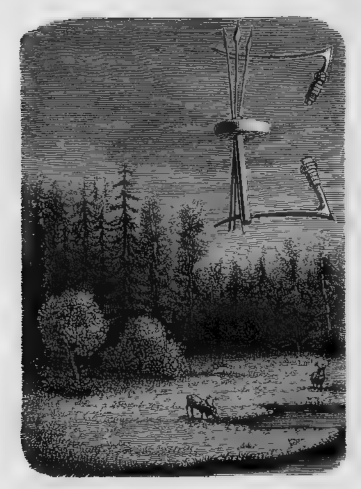
КАМЕННЫЙ ВѢКЪ ВЪ РОССІИ.

Каменный вѣкъ: его всеобщее распространеніе; его интересъ по отношенію къ началу и развитію цивилизаціи. — Отдаленность этого начала: измѣненіе климата, земной поверхности и животныхъ. — Задачи, выполненныя человѣкомъ въ каменный вѣкъ, и условія, въ которыхъ онъ стоялъ. — Пещерные обитатели ледниковой эпохи въ Польшѣ: Мамонтовая пещера. — Современники мамонта на р. Удвѣ, въ Полтавской губерніи и около Карачарова на Окѣ. — Животныя, истребленныя человѣкомъ. — Новѣйшій каменный періодъ: физико-географическія измѣненія въ долинѣ Оки и бытъ жителей, обитавшихъ на древнихъ островахъ. — Свайныя постройки въ Западной Европѣ и въ Россіи. — Кухонные остатки. — Слѣды каменнаго вѣка въ Озерной области. — Кумбасъ-озеро и остатки вырытаго семейнаго очага. — Озеро Лача и найденныя на его берегахъ принадлежности каменнаго вѣка. — Что человѣкъ сдѣлалъ въ теченіе каменнаго вѣка и что еще оставалось впереди — вѣка бронзовый и желѣзный. Современный каменный вѣкъ. — Заключеніе.

Arma antiqua manus, ungues dentesque fuerunt,
Et lapides et item silvarum fragmenta rami.
Posterius ferri vis est aerisque reperta,
Sed prior aeris erat, quam ferri cognitus usus.

(Руки, и ногти, и зубы служили сначала оружьемъ,
Въ дѣло шли камни и вѣтви большія деревьевъ,
Только потомъ уже силу желѣза и бронзы открыли,
Бронза же прежде желѣза всѣмъ стала извѣстна.)

LUCRETIUS.

Лѣсъ въ каменномъ вѣкѣ.

Есть такія мѣста на земной поверхности, гдѣ человѣкъ поселился въ историческія времена и гдѣ, благодаря ему, блестятъ въ настоящее время разнообразнѣйшіе металлы и минералы въ ихъ полной чистотѣ, въ самыхъ прихотливыхъ формахъ и видахъ, предназначенныхъ къ удовлетворенію самыхъ разнообразныхъ цѣлей и потребностей, гдѣ развѣваются ткани, щеголяющія красотой своихъ узоровъ и тонкостью сложенія; въ такихъ мѣстахъ человѣкъ воздвигъ безчисленныя зданія, часто огромной величины и изящной архитектуры; здѣсь онъ находитъ защиту отъ бурь и непогодъ, отъ зноя и холода, здѣсь возстановляетъ свои силы послѣ трудовъ. Сюда онъ стремится собрать все то, что не только обезпечивало бы его отъ голода, но даже доставило бы ему удовольствіе, причемъ онъ повелѣваетъ силою пара и электричества; паръ возитъ человѣка по морямъ, озерамъ и рѣкамъ; электричество передаетъ его мысли и желанія въ нѣсколько мгновеній за десятки тысячъ верстъ разстоянія. Начиная съ этихъ мѣстъ, гдѣ жизнь человѣческая развилась или только представляется во всемъ ея наружномъ блескѣ, съ ея кипучей дѣятельностью, со стукомъ многочисленныхъ и весьма сложныхъ машинъ, съ ея радостями, со скорбію и печалями, и кончая тѣми мѣстами, которыя до

сихъ поръ остаются пустынными и молчаливыми, — мы находимъ часто глубоко въ почвѣ доказательства того, что нынѣшней формѣ жизни человѣка предшествовала иная, болѣе простая и грубая. Эти доказательства состоятъ въ издѣліяхъ изъ грубаго камня и кости, носящихъ на себѣ ясные слѣды глубокой древности и чрезвычайно мало признаковъ труда такой же человѣческой руки, подъ вліяніемъ которой возникаетъ вся масса искусственныхъ предметовъ настоящаго времени. Однако же теперь безспорно доказано, что эти издѣлія изъ камня и кости, находимыя на всѣхъ протяженіяхъ земной поверхности, во всѣхъ частяхъ свѣта, принадлежатъ человѣку и относятся къ той порѣ его существованія, когда онъ не зналъ употребленія металловъ. Эта эпоха человѣческаго развитія, называемая *каменнымъ вѣкомъ*, была одною изъ первыхъ ступеней, на которой человѣкъ проявилъ свои силы въ искусствѣ, и доказано, что черезъ нее прошли всѣ историческіе, цивилизованные народы, извѣстные теперь на землѣ; такимъ образомъ каменный вѣкъ существовалъ у японцевъ, отъ которыхъ привезена богатая коллекція каменныхъ орудій Зибольдомъ, у китайцевъ, гдѣ о каменномъ вѣкѣ свидѣтельствуютъ письменные памятники, у древнихъ евреевъ, гдѣ это обнаруживается изъ лингвистическихъ данныхъ и многихъ обычаевъ; существовалъ онъ также у различныхъ европейскихъ народовъ, начиная съ грековъ и кончая ирландцами, у которыхъ даже и въ наше время въ кузницахъ наряду съ желѣзными молотами употребляются большіе каменные, наподобіе того, какъ это замѣчено въ копяхъ Алтайской Чуди, въ Сибири.

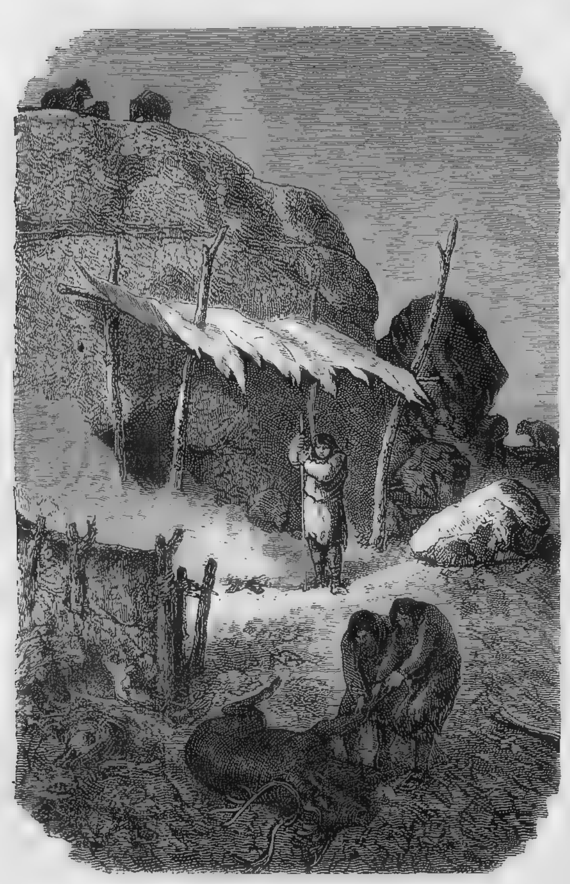
Признаніе въ принадлежностяхъ каменнаго вѣка вліянія человѣческаго труда, а также очевидная и часто тѣсная связь съ этимъ періодомъ нынѣ живущихъ народовъ, съ одной стороны доказываютъ, что рамки обыкновенной исторіи человѣка весьма тѣсны и узки и далеко не охватываютъ въ настоящемъ объемѣ человѣческой дѣятельности; съ другой же стороны, эти остатки прошлаго труда приводятъ къ очевидному заключенію, что и человѣкъ, какъ и всѣ другія органическія созданія, подчиняется закону постепеннаго развитія, что и онъ въ своей жизни, въ своей собственной организаціи и дѣятельности восходитъ отъ низшаго состоянія къ высшему, отъ простыхъ жизненныхъ отношеній къ сложнымъ. Отсюда становится яснымъ интересъ каменнаго вѣка, также какъ и быта тогдашнихъ обитателей земли, названнаго до-историческимъ, такъ какъ онъ не входилъ въ составъ той исторіи, которая называется въ тѣсномъ смыслѣ всеобщею исторіей человѣчества и которой онъ тѣмъ не менѣе составляетъ продолженіе въ сѣдую глубину протекшихъ вѣковъ. Бытъ обитателей этого періода интересенъ для насъ, какъ забытая, но поучительная картина знаменитаго художника, краски которой покрылись толстымъ покровомъ земли и пыли. Устраняя этотъ покровъ, мы возстановляемъ отдѣльныя подробности картины. Можетъ быть, мы никогда не дойдемъ до возможности схватить всѣ характеристическія черты этихъ первобытныхъ обитателей земли, но обнаружимъ обстановку ихъ жизни и характеръ ихъ культуры и получимъ понятіе объ ихъ пищѣ, одеждѣ и утвари, объ ихъ промыслахъ, чему прекраснымъ примѣромъ служитъ первобытный быкъ, найденный въ Скандинавскихъ торфяникахъ со слѣдами каменной стрѣлы въ одной изъ костей. Въ первыхъ грубыхъ орудіяхъ изъ дикаго камня, въ не менѣе грубыхъ плетеныхъ произведеніяхъ изъ растительныхъ волоконъ, въ обломкахъ посуды изъ глины, смѣшанной съ большимъ количествомъ песку, также въ весьма простыхъ и безъискусственныхъ украшеніяхъ — прослѣдимъ зачатки той высокой, сравнительно со всѣмъ этимъ, культуры, которыя въ настоящее время разрослись столь роскошнымъ цвѣтомъ. Но этимъ далеко не исчерпывается интересъ изслѣдованія каменнаго вѣка, даже еслибъ мы прибавили, что въ этомъ вѣкѣ мы находимъ ключъ къ раскрытію источника многихъ преданій, повѣрьевъ и обычаевъ, распространенныхъ до сихъ поръ въ человѣчествѣ, и что не иначе, какъ здѣсь же, есть возможность уловить связь между народами въ до-историческія времена, связь кровную, торговую, враждебную и т. д.

Есть еще одна не менѣе завлекательная сторона, выясняемая каменнымъ вѣкомъ въ исторіи развитія человѣка. Въ этой эпохѣ кроются доказательства, что не только человѣкъ видоизмѣ-

нился съ первыхъ временъ своего появленія на землѣ, но что даже и самыя мѣста, гдѣ онъ обиталъ въ до-историческія времена, приняли во многихъ случаяхъ другую физіономію. Первобытный человѣкъ наблюдалъ ледяной покровъ и терпѣлъ холодъ тамъ, гдѣ мы видимъ теперь созрѣваніе многихъ нѣжныхъ плодовъ и прекрасные сочные луга, какъ, напримѣръ, въ Швейцаріи, Франціи и Англіи; долины, гдѣ онъ оставилъ свои грубыя издѣлія, заполнились въ наше время толщами глинъ, гравіемъ и известковыми отложеніями, какъ на берегахъ рѣки Соммы. Мѣста, составлявшія, во время отдаленнаго существованія человѣка, берега морей, теперь отдѣлены отъ морскихъ водъ цѣлыми милями разстоянія или же поднялись надъ морскою поверхностью на цѣлыя сотни футовъ, какъ въ Италіи; тамъ, гдѣ былъ проливъ, теперь, — перешеекъ, какъ напр. въ Ютландіи. Перешейки же, соединявшіе двѣ страны и служившіе путями сообщенія для людей, сдѣлались проливами, какъ Большой и Малый Зундъ. Не менѣе любопытно, что человѣкъ вѣроятно былъ свидѣтелемъ того, какъ Англія и Ирландія составляли одинъ островъ. Еще ярче перемѣна въ животныхъ. Тѣ изъ нихъ, на которыхъ первобытный человѣкъ охотился и по близости съ которыми жилъ, извѣстны въ настоящее время по немногимъ рѣдкимъ остаткамъ, сохраняющимся въ музеяхъ, таковы: мамонтъ, носорогъ, гиппопотамъ, первобытный быкъ, гигантскій олень, пещерные львы, медвѣди, гіены и т. д. Картина современнаго первобытному человѣку древняго міра такъ своеобразна, такъ сказочна, что людямъ, сжившимся со всѣмъ тѣмъ, что выработала современная цивилизація, свыкшимся съ тѣмъ видомъ, какой имѣетъ земная поверхность въ настоящее время, она казалась мало вѣроятной; но тѣмъ не менѣе кропотливые ученые вырыли изъ толщъ земли, изъ этого богатѣйшаго архива природы, массу убѣдительнѣйшихъ доказательствъ какъ въ пользу глубокой древности появленія на землѣ первобытнаго человѣка, такъ и той своеобразной обстановки, при которой онъ жилъ въ Европѣ. И вопросъ о каменномъ вѣкѣ, какъ и всякая новая научная истина, прошелъ уже всѣ три фазы; встрѣченный первоначально словами: «это неправда, этого быть не можетъ», а затѣмъ «это противорѣчитъ нашимъ понятіямъ», теперь онъ обставленъ настолько прочно, что о немъ говорятъ: «это давно всѣмъ извѣстно».

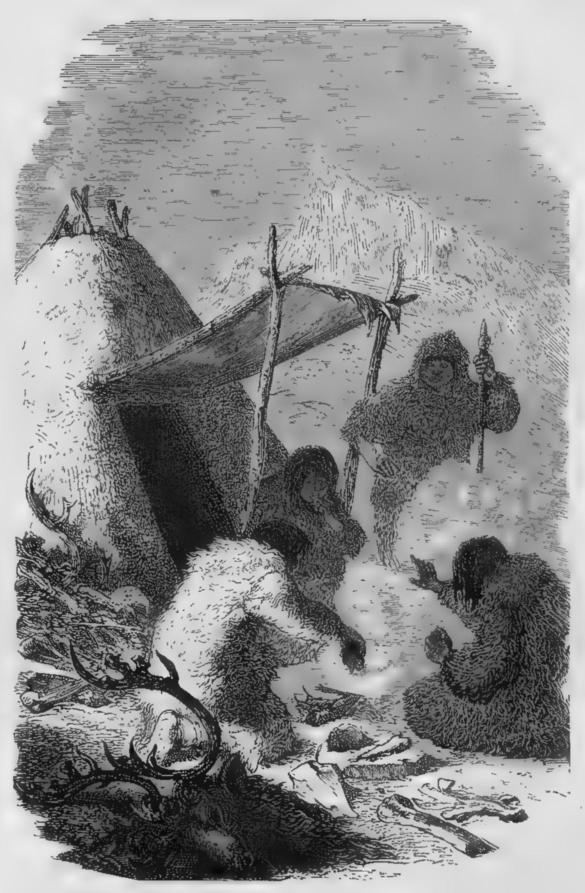
На основаніи наблюденій въ разныхъ частяхъ Западной Европы доказано, что продолжительность историческаго періода ничтожна, сравнительно съ древностью появленія человѣка. То же самое нужно сказать и для Восточной Европы или для Россіи. Съ небольшимъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ мы праздновали тысячелѣтіе нашего государства; какой рядъ явленій совершился въ теченіе этого періода, сколько сдѣлано успѣховъ въ развитіи различныхъ отраслей промышленности и дѣятельности, какой наконецъ рядъ усовершенствованій произошелъ въ самыхъ общественныхъ отношеніяхъ, начиная съ прежнихъ распрей различныхъ родовъ и племенъ, населявшихъ Европейскую Россію, до того состоянія, въ которомъ находится нынѣ населеніе этой страны, — всѣ эти вопросы составляютъ предметъ разсужденія для громаднаго ряда трактатовъ и историческихъ монографій, вмѣстѣ съ многочисленными сочиненіями, касающимися исторіи общаго развитія и совершенствованія населенія въ нашемъ отечествѣ. Но вопросъ о томъ, что дѣлалось въ Европейской Россіи за 500 лѣтъ раньше основанія Руси, раньше, чѣмъ она начала крѣпнуть на берегахъ Ильменя, Ладоги и Бѣлоозера — остается открытымъ или же можетъ быть разрѣшенъ только весьма гадательно; если же взять еще болѣе глубокую старину, то она повидимому должна остаться навсегда покрытой недосягаемою тайною. Къ счастію, человѣкъ оставилъ намъ слѣды своего существованія даже и отъ такого отдаленнаго отъ насъ періода времени, древность котораго можетъ оцѣнить только тотъ, кто привыкъ измѣрять время геологическою мѣрою. Имѣя въ виду громадную продолжительность до-историческаго періода, невольно приходитъ на мысль вопросъ о томъ, что же дѣлалъ въ это время человѣкъ, если у насъ почти каждое столѣтіе отмѣчается въ лѣтописяхъ тѣмъ или другимъ открытіемъ, рядомъ изобрѣтеній, развитіемъ мысли или художественныхъ твореній? — Отдаленное прошлое человѣка и выполненныя имъ задачи напоминаютъ ростъ дерева; сѣмя пускаетъ въ почву свой слабый корешокъ и

мало-по-малу укрѣпляется; извлекая изъ почвы питательныя вещества, оно проводитъ ихъ въ стволъ, и такимъ образомъ начинается его ростъ; проходитъ цѣлый рядъ годовъ, молодое дерево растетъ очень медленно и несетъ одни листья; но вотъ корни организма разраслись, широко раскинулись подъ землею; надъ почвою поднимается мощный стволъ съ многочисленными вѣтвями и съ зелеными листьями; наконецъ дерево настолько окрѣпло, что въ первый разъ вы видите на немъ появленіе цвѣтовыхъ почекъ. Насталъ затѣмъ желанный день или, сказать точнѣе, моментъ, лопнула цвѣтовая оболочка — и дерево расцвѣло. Эти цвѣты, съ своимъ относительно непродолжительнымъ періодомъ существованія, соотвѣтствуютъ нашей современной жизни; всѣ остальныя части растенія и время, въ теченіе котораго онѣ развивались, — все это можетъ быть уподоблено далекому прошлому человѣчества. — Въ до-историческія времена человѣкъ вырабатывалъ тѣ основы, благодаря которымъ люди затѣмъ сдѣлались историческими; вообще первобытному человѣку было много работы, все то, что онъ вырабатывалъ, требовало большаго труда; не было ничего такого, что человѣкъ выдумалъ бы сразу. Ему прежде всего нужно было положить основаніе языку, рѣчи; ему предстояло ознакомиться съ благотворною силою огня; онъ не сразу дошелъ до мѣста, гдѣ было бы возможно удобнѣе устроиться и защитить себя какъ отъ неблагопріятной погоды, такъ и отъ врага, — ему нужно было научиться строить жилища. Въ ожесточенной борьбѣ съ окружающими человѣка условіями, при столкновеніи съ животными, ему предстояло многихъ изъ враговъ превратить въ друзей, въ помощниковъ въ борьбѣ за жизнь. Крашенинниковъ, указывая на различную, весьма незатѣйливую домашнюю утварь камчадаловъ, говоритъ между прочимъ: «Чего ради и писать было томъ болѣе нечего, еслибъ сей народъ, такъ какъ другіе, имѣлъ тогда или зналъ употреблять металлы. Но какъ они, камчадалы, безъ желѣзныхъ инструментовъ могли все дѣлать,—строить, рубить, долбить, рѣзать, шить, огонь доставать, какъ могли въ деревянной посудѣ ѣсть варить, и что имъ служило вмѣсто металловъ, о томъ, какъ о дѣлѣ не всякому знаемомъ, упомянуть здѣсь не непристойно, тѣмъ наипаче что сіи средства не разумный или ученый народъ вымыслилъ, но дикій, грубый и трехъ перечесть неумѣющій. Столь сильна нужда, добавляетъ путешественникъ, умудрять къ изобрѣтенію потребнаго въ жизни!» Но дикій и грубый камчадалъ временъ Крашенинникова, неумѣвшій перечесть трехъ, есть уже высокоцивилизованный человѣкъ, по отношенію къ тѣмъ первобытнымъ обитателямъ, которые населяли нашу Озерную область во

Изъ эпохи большаго медвѣдя и мамонта.

время самой глубокой древности, это доказывается тѣмъ, что камчадалъ умѣлъ уже строить жилища, онъ ѣздилъ на собакахъ, имѣлъ хотя и изъ камня и кости, но уже довольно совершенные инструменты; шлифованный каменный топоръ камчадала, его прекрасно выдѣланныя ножъ или стрѣла изъ зеленоватаго или дымчатаго горнаго хрусталя, были недосягаемымъ идеаломъ для древнѣйшаго восточно-европейскаго аборигена, большую часть орудій котораго едва возможно отличить отъ простыхъ обломковъ камней. Итакъ, этому-то грубому созданію, имѣвшему самое несовершенное вооруженіе, пришлось дѣлать рядъ изобрѣтеній и открытій и притомъ при условіяхъ, для насъ необычайныхъ, подавляющихъ; поэтому понятно, какой продолжительный періодъ времени нужно было человѣку для того, чтобы дойти до самой простой вещи, до самаго ничтожнаго усовершенствованія орудій и окружавшей его обстановки. — Развитіе человѣка шло медленно еще и потому, что онъ былъ лишенъ того качества, свойственнаго только людямъ цивилизованнымъ, которое называется предусмотрительностью; иначе сказать, онъ долженъ былъ работать только подъ вліяніемъ непосредственныхъ побужденій. Благодаря же этому, его развитіе очевидно должно было идти рука объ руку съ тѣми физико-географическими измѣненіями, которымъ подвергалась земная поверхность.

Очагъ въ эпоху оленя.

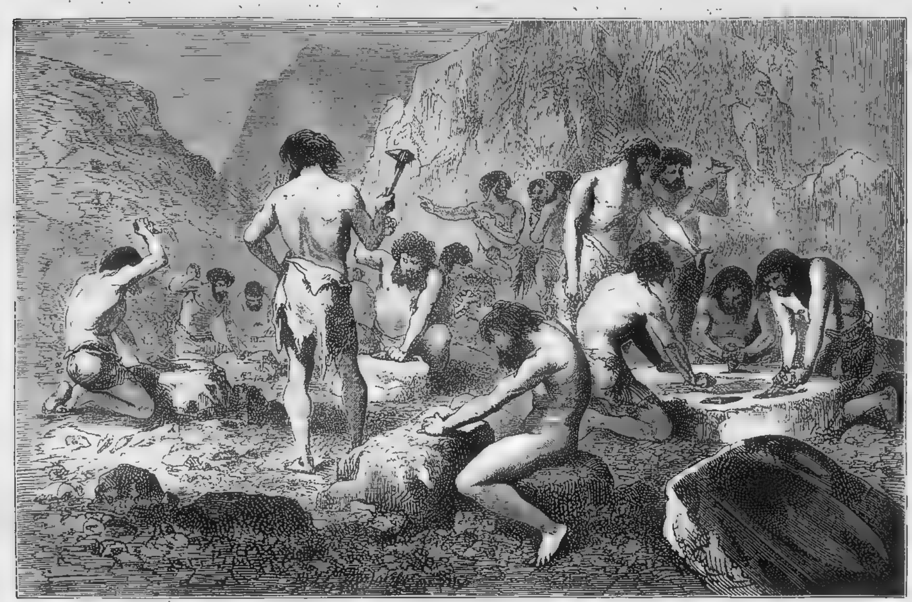
Какъ извѣстно, на землѣ господствовалъ во время третичнаго періода климатъ жаркій, теплота царила даже въ такихъ мѣстахъ, какъ нынѣшній Шпицбергенъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ покрытъ роскошною растительностью, съ богатой фауной. Если человѣкъ жилъ въ это время, то онъ конечно не нуждался въ одеждѣ и вѣроятно не думалъ объ ней, такъ какъ еще и до сихъ поръ первобытные обитатели жаркихъ странъ предпочитаютъ ходить совершенно голыми, утоляя лишь свою страсть къ щегольству разрисовываніемъ красивыхъ узоровъ на своей собственной кожѣ. По мѣрѣ того, какъ въ концѣ третичнаго періода температура воздуха начала понижаться, тепло начало мало-по-малу замѣняться холодомъ, произошло измѣненіе и между животными. Родственники нынѣшнихъ тропическихъ голыхъ толстокожихъ, слона и носорога, должны были пріобрѣтать волосяные покровы. И дѣйствительно, толстокожіе обитатели нашихъ странъ во время ледниковаго періода, мамонтъ и ископаемый носорогъ были покрыты длинными волосами. То же пониженіе температуры и наступленіе холодовъ было побужденіемъ къ развитію человѣка; съ холодами исчезла та роскошная растительность, которая могла въ изобиліи доставить человѣку пищу, и ему пришлось подумать о пищѣ животной. По-

ставленный въ необходимость промышлять животныхъ, человѣкъ получилъ возможность имѣть шкуру, которою могъ прикрыться и спастись отъ холода, — это первый шагъ къ одеждѣ. Но человѣкъ, по своимъ физическимъ свойствамъ, не обладая ни чрезмѣрной физической силой, ни быстротою бѣга, не легко могъ добыть себѣ животныхъ, нужно было прибѣгнуть къ орудіямъ; и на самомъ дѣлѣ, отъ древнѣйшей эпохи своего существованія онъ оставилъ намъ эти орудія, изъ которыхъ многія едва отличны отъ простаго камня. Остатки человѣческой дѣятельности, относящіеся къ ледниковому періоду, находятся у насъ въ южныхъ частяхъ Польши. Въ это время человѣкъ, повидимому, еще не умѣлъ строить себѣ жилищъ, а пользовался тѣмъ, что создала природа, именно пещерами. Изъ всѣхъ пещеръ оказалась въ особенности замѣчательной одна, названная производившимъ въ ней раскопки, Мамонтовой.

Пещера имѣетъ входъ въ 6,30 метровъ высотой и въ 5,25 метра шириной; находящійся надъ входомъ сводъ частію обвалился, частію же уцѣлѣвшіе куски сохранили форму дуги; черезъ просторный входъ проникаетъ въ переднюю часть пещеры въ значительномъ изобиліи дневной свѣтъ; наибольшая ширина пещеры около 13 метровъ, глубина ея до 19 м. Изъ угловъ пещеры идутъ два корридора, изъ которыхъ одинъ имѣетъ 9,25 м. ширины, 1,80 м. высоты и 14 м. длины, другой — 1 м. ширины, 6 м. высоты, съ такою же длиною — таково жилье первобытнаго человѣка. Дно пещеры покрыто частію обыкновенной землей, затѣмъ обломками известняка, упавшими со сводовъ, и наконецъ подъ ними лежитъ пещерная глина. Подъ всѣми этими слоями человѣкъ оставилъ документы, по которымъ возможно до нѣкоторой степени возстановить его исторію; почти на самомъ днѣ пещеры, на известнякѣ, лежитъ очагъ, состоящій изъ угля, пережженной земли, разбитыхъ костей животныхъ, изъ кремневыхъ и костяныхъ орудій и украшеній. Очагъ простирается на 1,25 м. въ глубину и около 5 м. въ ширину; посрединѣ его лежитъ огромная глыба известняка, видимо обвалившаяся съ потолка пещеры или же помѣщенная здѣсь самимъ человѣкомъ, такъ какъ она служила столомъ, около котораго текла суровая жизнь пещернаго обитателя; здѣсь онъ пилъ, ѣлъ, проводилъ ночи послѣ борьбы съ необычайными для насъ животными. За обладаніе самой пещерой онъ долженъ былъ сражаться съ такимъ гигантомъ, какъ пещерный медвѣдь, по сравненію съ которымъ тутъ же рядомъ съ нимъ жившій бурый медвѣдь, — это страшилище для человѣка въ нашихъ современныхъ лѣсахъ, казался ничтожнымъ, безсильнымъ созданіемъ. Въ тѣхъ же пещерахъ искала себѣ убѣжища пещерная гіена, символъ отталкивающаго безобразія и коварства; сюда же доходилъ барсукъ, забѣгала процвѣтающая и до сихъ поръ хитроумная и изворотливая по своимъ талантамъ лисица. Коль скоро оставлялъ человѣкъ свое подземелье, выходя на дневной свѣтъ, ему встрѣчался покрытый густою и длинною шерстью, гигантскій слонъ, называемый мамонтомъ. Очевидно, что только суровый климатъ согналъ сюда такихъ животныхъ, какъ сѣверный олень, нынѣ обитающій въ странахъ глубокаго сѣвера, и какъ антилопа-сайга, сохранившаяся въ настоящее время исключительно въ пустыняхъ Средней Азіи. Вмѣстѣ съ ними населяли окрестность жилья первобытнаго человѣка, благородный олень, обыкновенная дикая коза или козуля, также лось; тутъ же встрѣчалась въ громадномъ количествѣ гигантская дикая ископаемая лошадь, рядомъ съ неменѣе огромнымъ первобытнымъ быкомъ, одинъ черепъ котораго вмѣстѣ со стержнями для роговъ имѣлъ ширину около двухъ метровъ. Жили здѣсь нынѣшніе обитатели полярныхъ странъ: песецъ, бѣлая куропатка и бѣлая сова, одновременно съ волкомъ, рыскавшимъ по полямъ, съ кабаномъ, съ бѣлкой и съ мышью. Несомнѣнно, что всѣ эти животныя жили здѣсь, человѣкъ добывалъ ихъ и оставилъ ихъ кости въ пещерахъ, около того мѣста, которое служило ему жильемъ; кромѣ того излишнюю массу костей онъ сваливалъ въ корридоры пещеры. Кости животныхъ по большей части разбиты или расколоты, особенно трубчатыя, такъ какъ онѣ содержали въ себѣ костный мозгъ, составлявшій лакомство для первобытнаго обитателя. — Но замѣчательно то, какими силами и средствами справлялся человѣкъ съ такими, иногда громаднѣйшими животными! — По крайней мѣрѣ можно сказать, что онъ не обладалъ

тогда хорошимъ оружіемъ; но онъ былъ знакомъ съ лукомъ и стрѣлами, при чемъ наконечники для стрѣлъ дѣлались изъ кремня, хотя весьма неискусно; употреблялись видимо копья, кремневые наконечники для которыхъ были также весьма грубо обдѣланы. Изъ того же кремня готовились ножи, или осколки кремня; они отбивались довольно правильными ударами отъ однихъ и тѣхъ же кусковъ кремня или такъ называемыхъ ядеръ; эти ножи отъ самыхъ малыхъ размѣровъ достигали иногда величины четверти аршина и могли служить при дальнѣйшей обработкѣ для приготовленія наконечниковъ для стрѣлъ и копій. Кремневые осколки или ножи имѣли обыкновенно довольно острые края, такъ что могли быть употребляемы не только для рѣзанія дерева, мяса или кожи животныхъ, но даже служили для обработки кости, хотя, понятно, при этомъ требовалось много отъ работника терпѣнія. Вмѣстѣ съ кремневыми орудіями въ пещерѣ найдены также издѣлія изъ кости, — именно длинная кость голени одной птицы, съ ясными слѣдами кремневаго ножа, также издѣлія изъ костей мамонта. Въ большемъ количествѣ найдены кости, обработанныя въ формѣ ножей и шильевъ, точно также обдѣланные рога оленей. Но едва ли не замѣчательнѣе всего просверленные на одномъ концѣ зубы разныхъ животныхъ; назначеніе ихъ легче всего угадать по тому, что мы можемъ наблюдать еще у нынѣ живущихъ народовъ. Такъ напримѣръ остяки, живущіе по теченію Оби въ Западной Сибири, придаютъ большое значеніе зубамъ современнаго бураго медвѣдя; просверливая корни медвѣжьихъ клыковъ, они носятъ ихъ за поясомъ, какъ талисманъ или симпатическое средство отъ болѣзни спины; зубъ медвѣдя играетъ роль при клятвѣ остяка, при его присягѣ; кромѣ зубовъ, имѣютъ для остяка большое значеніе разныя другія части медвѣдя, лапы, желчь, — такъ какъ вообще остякъ смотритъ на медвѣдя какъ на божество. Съ величайшимъ страхомъ и трепетомъ представляетъ остякъ силу медвѣжьихъ лапъ и зубовъ не только тогда, когда онъ идетъ въ лѣсъ съ цѣлью убить его или встрѣтится съ нимъ случайно, но даже и заочно. За то сколько радости, празднествъ и пировъ послѣ того, какъ медвѣдь попадается подъ пулю остяка; шкура медвѣдя помѣщается на выставку въ юртѣ убившаго и въ теченіе четырехъ — пяти дней привлекаетъ къ себѣ не только односельцевъ, но и остяковъ изъ другихъ поселеній; идетъ пляска передъ шкурой медвѣдя, остяки маскируются, поютъ; тутъ высказывается въ пѣснѣ все то, что до сихъ поръ остякъ таилъ въ своей душѣ, онъ представитъ въ лицахъ, какъ медвѣдь заѣдаетъ человѣка, какъ коварно онъ его выслѣживаетъ, нагоняя на него безпредѣльный страхъ. — Въ виду еще болѣе сильныхъ животныхъ и болѣе суровой обстановки, первобытный, пещерный обитатель, при своихъ ничтожныхъ средствахъ къ защитѣ и нападенію, долженъ былъ еще больше, чѣмъ остякъ, трепетать передъ животными; осиливая ихъ съ большимъ трудомъ, онъ очевидно выражалъ болѣе радости, цѣня разными частями убитаго животнаго или какъ трофеемъ или какъ талисманомъ. Пещерные обитатели уже знали огонь, но повидимому не имѣли понятія о глиняной посудѣ; имъ была чужда мысль о домашнихъ животныхъ, даже такихъ, какъ собака. Кромѣ очага, выше названнаго, въ пещерѣ впослѣдствіи найдены еще два другіе, также весьма значительныхъ размѣровъ. Вся масса оставленныхъ въ нихъ кухонныхъ остатковъ, простирающаяся въ каждомъ отъ $^1/_4$ до $^1/_2$ метровъ, доказываетъ, что человѣкъ пребывалъ здѣсь весьма продолжительно, въ теченіе чрезвычайно длиннаго ряда поколѣній; не смотря на то, что жившій здѣсь человѣкъ не сложился въ общество или же, живя отдѣльными семьями, онъ видѣлъ выгоду не въ сліяніи семей въ общество, а скорѣе въ ихъ взаимномъ истребленіи, въ разгарѣ состязанія за какой нибудь уголъ въ пещерѣ, за кость попавшагося въ руки животнаго, не смотря на все это, обитатели пещеры сдѣлали прогрессъ въ своемъ развитіи, такъ какъ въ верхнихъ частяхъ очага лежали орудія болѣе совершенныя, чѣмъ внизу, гдѣ находились и кости болѣе древнихъ животныхъ. При первобытныхъ условіяхъ существованія, когда всѣ силы и все время человѣка поглощались ожесточенною борьбою за жизнь, когда съ каждой стороны грозила опасность, не только со стороны тѣхъ дикихъ животныхъ, мясомъ которыхъ приходилось питаться, но еще болѣе со стороны себѣ подобныхъ, при такихъ условіяхъ едва ли

возможно ожидать, что всѣ тѣ усовершенствованія, которыя замѣчаются въ отдѣлкѣ принадлежностей каменнаго вѣка, сдѣланы людьми, принадлежащими къ одному роду и племени, и какъ орудія усовершенствованныя, такъ и духъ изобрѣтенія новыхъ, болѣе совершенныхъ, едва ли передавались людямъ одного и того же рода, черезъ длинный рядъ поколѣній. Въ самый ранній періодъ, когда пещера была обитаема, въ ея окрестностяхъ водился и мамонтъ, — это эпоха

Производство каменныхъ орудій.

мамонта; человѣкъ обладалъ въ это время самыми грубыми орудіями. Затѣмъ мамонтъ исчезъ, а вмѣстѣ съ нимъ пещерный медвѣдь; для этого требовалось конечно весьма много времени,— именно столько, что въ климатѣ произошло измѣненіе къ лучшему: изъ суроваго онъ становился болѣе мягкимъ. Съ того времени, какъ климатъ смягчился, сдѣлался преобладающимъ животнымъ сѣверный олень: онъ и доставлялъ человѣку по преимуществу средства къ пропитанію, — потому этотъ періодъ человѣческаго существованія названъ періодомъ сѣвернаго оленя, за которымъ человѣкъ охотился уже съ болѣе совершенными орудіями. За этими двумя періодами человѣческаго развитія, мамонтовымъ и сѣвернаго оленя, составляющими вмѣстѣ эпоху *палеолитическую*, когда человѣкъ только могъ околачивать орудія, слѣдовалъ третій, *неолитическій* или вѣкъ отточенныхъ инструментовъ, такъ какъ въ этотъ періодъ человѣкъ дошелъ до мысли шлифовать камень. Но прежде, чѣмъ вдаваться въ очеркъ неолитическаго періода, мы совершимъ еще путешествіе въ нѣкоторыя изъ областей, въ которыхъ человѣкъ оставилъ наиболѣе древніе слѣды своего существованія.

Въ Полтавской губерніи, Лубенскаго уѣзда, есть рѣчка Удай; на берегу этой рѣчки, недалеко отъ села Гонцы, нѣсколько лѣтъ тому назадъ найдены также каменныя орудія вмѣстѣ съ костями различныхъ, теперь по большей части вымершихъ животныхъ. Остатки лежатъ подъ такъ называемымъ лессомъ, образованіе, имѣющее въ разныхъ мѣстахъ то глинистый, то песчаный характеръ; это почва весьма древняго происхожденія, ея отложеніе началось въ слѣдъ за окончаніемъ ледниковаго періода. — При раскопкѣ сначала взятъ тонкій слой растительной почвы, за которой слѣдовалъ въ глубину другой на 1 метръ; онъ состоялъ изъ слабо глинистаго песку

и лежалъ на желтоватомъ известково-песчаномъ илѣ, въ которомъ и добыты были орудія. Въ вырытой ямѣ, на пространствѣ около 18 кв. метровъ (4 квадратныхъ сажени), была громадная масса различныхъ костей, частію пережженныхъ, перемѣшанныхъ съ углемъ, также съ каменными орудіями. Между костями были мамонтовы, носорожьи, сѣвернаго оленя, зайца, ближе подходящаго къ нашему сѣверному бѣляку, чѣмъ къ южно-русскому русаку. Во всей массѣ костей большая часть принадлежала мамонту; судя по числу зубовъ и челюстей, здѣсь было

Охота на мамонта.

погребено до 8 штукъ мамонтовъ, на такомъ ничтожномъ пространствѣ. Кости, уголья и орудія— все это было такъ скучено, что не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что сюда онѣ не занесены водой, а собраны человѣкомъ. Человѣкъ жилъ здѣсь, снося всѣхъ тѣхъ животныхъ, которыхъ ему удавалось добывать въ окрестностяхъ. Съ того времени какъ онъ оставилъ свое пребываніе на илѣ, остатки его пищи начали мало-по-малу заноситься атмосферною пылью частію землистыми частями, попадавшими сюда съ дождевою водою, съ окружающихъ мѣсто древняго обитанія человѣка высотъ, — такимъ образомъ произошелъ этотъ самый лёссъ, скрывающій кости и орудія. Что же касается до орудій, съ помощію которыхъ древнѣйшій обитатель Полтавской губерніи добывалъ такихъ громадныхъ животныхъ, какъ мамонтъ и носорогъ, то приходится только удивиться изъ грубости и простотѣ. Всѣ они, какъ мнѣ сообщилъ производившій въ этомъ мѣстѣ раскопку профессоръ Ѳеофилактовъ, состоятъ изъ кремневыхъ обломковъ или такъ называемыхъ ножей.

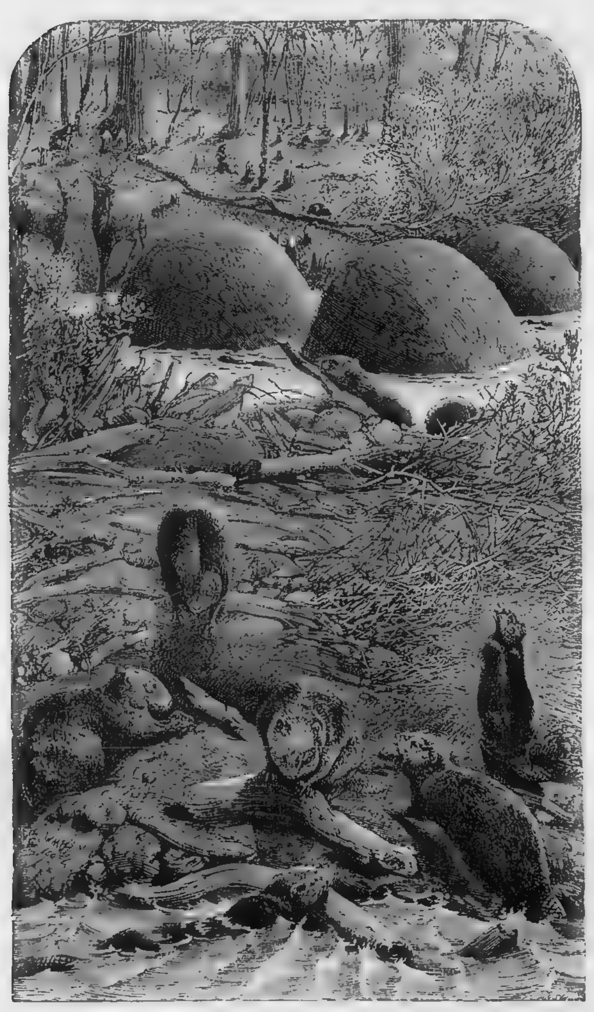
Есть еще въ Россіи одинъ замѣчательный пунктъ, съ неменѣе интересными остатками. Это то мѣсто, откуда русскій народъ вывелъ въ своихъ былинахъ одного изъ сильнѣйшихъ и могущественнѣйшихъ героевъ своей старины — Илью Муромца; пунктъ этотъ — село Карачарово, лежащее недалеко отъ города Мурома. Обширное село расположено на лѣвомъ, на этотъ разъ весьма возвышенномъ берегу Оки; на сѣверномъ концѣ его проходитъ глубокій оврагъ,

на другой сторонѣ котораго расположенъ великолѣпный, громадный домъ графа Уварова, зданіе, имѣющее видъ дворца, окруженнаго службами и прекраснымъ садомъ, изъ котораго открывается обширный видъ на широкую долину Оки, также какъ и на самую рѣку, съ ея прихотливыми извивами, съ озерами, старицами и курьями. Въ этой долинѣ кипѣла нѣкогда также иная жизнь, чѣмъ теперь. Протекшимъ лѣтомъ графъ Уваровъ пригласилъ меня участвовать при раскопкѣ въ одномъ мѣстѣ, именно, вдали отъ рѣки, на лѣвомъ берегу оврага, позади роскошной усадьбы. При раскопкѣ былъ снятъ значительной толщины растительный слой, за нимъ внизъ слѣдовала песчанистая глина, въ глубинѣ которой, на разстояніи нѣсколько большемъ одного метра отъ поверхности, лежала масса костей, принадлежащихъ мамонту, носорогу, первобытному быку и благородному оленю. Кости не попали сюда произвольно, онѣ не были принесены водой; напротивъ, не можетъ быть никакого сомнѣнія, что ихъ сложилъ здѣсь человѣкъ. Онъ оставилъ между костями громадное количество кремневыхъ орудій и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, во всей массѣ остатковъ, можно было замѣтить небольшія частицы угля. Очевидно, человѣкъ имѣлъ здѣсь жилье, ѣлъ мясо всѣхъ названныхъ животныхъ; онъ разбивалъ кости и вынималъ изъ нихъ костный мозгъ, а въ доказательство этого оставилъ въ кучѣ своихъ кухонныхъ остатковъ осколки трубчатыхъ костей, тогда какъ кости, не содержащія костнаго мозга, сохранились всѣ въ большей или меньшей цѣлости; тутъ найдены всѣ кости таза, принадлежащія мамонту; также части тазовыхъ частей первобытнаго быка и оленя; сохранилась въ совершенной цѣлости лопатка носорога; остались также его зубы вмѣстѣ съ бивнями, хотя и значительно разрушившимися, мамонта. Но замѣчательнѣе всего позвонки мамонта и носорога; человѣкъ легко могъ вынуть спинной мозгъ изъ цѣлаго ряда позвонковъ, скрѣпленныхъ между собою крѣпкими связками или сухожиліями, ему не было надобности отдѣлять всѣ позвонки одинъ отъ другаго; поэтому, обглодавъ мясо и вынувъ мозгъ, человѣкъ, не нуждаясь въ сухожиліяхъ, бросалъ связанные между собою позвонки въ массу негодныхъ костей, и прежде чѣмъ связки перегнили, позвонки занесло землей, гдѣ они и остались въ томъ же самомъ отношеніи другъ къ другу, въ какомъ они были первоначально, хотя связки затѣмъ перегнили. Вслѣдъ за тѣмъ, какъ человѣкъ прекратилъ здѣсь свое пребываніе, удалившись можетъ быть искать себѣ мѣстъ съ болѣе богатой добычей, кости, обозначающія его прежнее жилище, начали все болѣе и болѣе заноситься атмосферною пылью и песками, которые лежали въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ этимъ мѣстомъ. Толща песчанистой глины, въ которой найдены всѣ остатки животныхъ, вмѣстѣ съ кремневыми орудіями, лежитъ непосредственно на ледниковыхъ глинистыхъ отложеніяхъ съ валунами изъ олонецкаго или, такъ называемаго, шокшинскаго песчаника. И очень можетъ быть, что въ то время, какъ человѣкъ охотился за вымершими нынѣ гигантами, ледники покрывали еще Финляндію и часть нашей Озерной области. Человѣкъ, обитавшій въ этотъ періодъ около нынѣшняго Карачарова, былъ очевидно современникомъ древнѣйшихъ жителей въ пещерахъ Польши; и несомнѣнно, древніе Карачаровцы встрѣчались здѣсь также и съ пещернымъ медвѣдемъ, такъ какъ остатки его найдены около Мурома. Но какого рода имѣли они жилища, да и имѣли ли они объ нихъ какое либо понятіе, на этотъ вопросъ невозможно дать какой либо отвѣтъ. Нужно сказать, что Карачаровцы не жили въ пещерахъ, а держались на открытомъ воздухѣ, какъ это можно судить по массѣ оставленныхъ ими костей и орудій; очевидно также, что они не знали посуды, по крайней мѣрѣ глиняной. Что же касается до орудій, то они состояли у нихъ только изъ осколковъ кремней и изъ камней съ острыми краями, которые сдѣланы искусственно; эти камни напоминаютъ сантъ-ашёльскіе топоры во Франціи, принадлежащіе къ одной изъ древнѣйшихъ эпохъ, изъ которой только извѣстны остатки человѣческой дѣятельности. Нынѣшнимъ лѣтомъ я нашелъ около Воронежа громадное количество костей мамонта, вмѣстѣ съ прелестнѣйшими кремневыми орудіями и пришелъ къ заключенію, что человѣкъ не только охотился на мамонта, но преслѣдовалъ его во всѣхъ возрастахъ, начиная съ самаго юнаго.

Итакъ очевидно, что человѣкъ въ древнѣйшій палеолитическій періодъ стоялъ на весьма низкой ступени культурнаго развитія, какъ въ Россіи, такъ и вообще во всей Европѣ, но при всемъ несовершенствѣ орудій, которыя онъ умѣлъ выдѣлывать, при всей бѣдности обстановки, которую онъ могъ себѣ создать, начиная съ его пещернаго жилища, онъ сумѣлъ уже и въ этотъ отдаленный періодъ положить начало искусствамъ; такъ въ Мамонтовой пещерѣ найдены довольно изящныя издѣлія изъ мамонтовой кости, изъ нея же найдены въ Сибири, около Иркутска, браслеты. Но замѣчательнѣе всего то, что пещерные обитатели Франціи не только выдѣлывали изъ той же кости разныя вещи, но даже вырисовывали на ней съ замѣчательнѣйшимъ искусствомъ какъ самого гиганта — мамонта, такъ и другихъ животныхъ, а сѣверный олень явился выдѣланнымъ скульптурно, во всей правильности его формъ, въ родѣ того, какъ бы его нынѣ вылѣпили изъ гипса. — Еще одно замѣчательное обстоятельство въ жизни древнѣйшаго обитателя Россіи и западной Европы: мы встрѣчаемъ человѣка окруженнымъ большимъ количествомъ животныхъ млекопитающихъ, изъ которыхъ главнѣйшія были близкими родственниками нынѣшнихъ тропическихъ животныхъ Стараго Свѣта. Здѣсь были и слонъ, и носорогъ, гиппопотамъ, левъ и гіена, — но только всѣ болѣе громадныхъ размѣровъ, чѣмъ современные ихъ родственники. Такимъ образомъ Европа, какъ восточная, такъ и западная, во время холодной эпохи и въ концѣ ея ближе подходила по своимъ животнымъ къ нынѣшнимъ теплымъ странамъ, до такой степени, что даже вмѣстѣ съ этими животными и человѣкъ былъ въ такомъ же дикомъ состояніи, въ какомъ нынѣ находятся какіе нибудь дикари въ глухихъ частяхъ Восточной Индіи. Разница была только въ томъ, что Европа была въ то время страною холодною, и самыя животныя, по крайней мѣрѣ мамонтъ и носорогъ, были приноровлены по ихъ волосистому одѣянію къ бушевавшимъ здѣсь бурямъ и непогодамъ; человѣкъ же того періода, лишенный возможности имѣть пищу растительную, нуждаясь въ одѣяніи, долженъ былъ сосредоточить все свое вниманіе, всѣ свои силы на ловлѣ окружавшихъ его животныхъ; чѣмъ больше было животное, тѣмъ было для него выгоднѣе. Поэтому, какъ бы несовершенны ни были орудія первобытнаго человѣка, опасность быть истребленными грозила отъ него всего больше большимъ млекопитающимъ. Мамонта или носорога онъ также удачно могъ ловить въ ямы, какъ и настигая его въ долинахъ или оврагахъ, наполненныхъ снѣгами, особенно весной; а можетъ быть охота по насту, еще донынѣ развитая въ разныхъ частяхъ Россіи и Сибири, была всего болѣе извѣстна древнѣйшему человѣку. Человѣкъ въ снѣгахъ могъ застигать какъ старыхъ животныхъ, такъ и молодыхъ; при извѣстной медленности размноженія большихъ толстокожихъ, — не остается инаго исхода, какъ допустить, что эти животныя, составляя одинъ изъ главнѣйшихъ предметовъ преслѣдованія первобытнаго человѣка, исчезли съ лица земли, благодаря истребленію ихъ человѣкомъ. Другія же изъ дилювіальныхъ животныхъ встрѣтили въ человѣкѣ сильнаго соперника за обладаніе пещерами, но и въ этой борьбѣ, съ такими великанами, какъ пещерный левъ или медвѣдь, не говоря о гіенѣ, — онъ вышелъ побѣдителемъ, хотя можетъ быть состязаніе не обходилось безъ страшныхъ кровопролитій. Истребленъ былъ въ Европѣ сѣверный олень, сохранившійся теперь только въ пустынныхъ тундрахъ Сѣвера, также сайга, спасшаяся отъ вымиранія только въ песчаныхъ степяхъ Азіи.

Въ какихъ отношеніяхъ стояли первобытные обитатели нашего отечества эпохи мамонта къ послѣдующимъ жителямъ каменнаго вѣка, населявшимъ Россію въ разныхъ ея частяхъ и на громадныхъ протяженіяхъ? — Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ невозможно привести никакихъ, сколько нибудь положительныхъ данныхъ; можетъ быть мы найдемъ нѣкоторые документы для разъясненія этого впослѣдствіи, когда Россія будетъ болѣе изучена. Въ настоящее же время можно утверждать только одно, что современниковъ мамонта отъ жителей неолитическаго періода долженъ отдѣлять чрезвычайно продолжительный періодъ времени. Съ этимъ легко согласиться, если мы сравнимъ обстановку, въ которой жилъ современникъ мамонта и носорога около Карачарова, съ тою, въ которой мы находимъ обитателя каменнаго вѣка новѣйшаго періода почти тутъ же рядомъ жившимъ, но много времени спустя, въ самой долинѣ Оки. Во время обитанія здѣсь

древнѣйшаго человѣка самая долина Оки, достигающая нынѣ какъ около Карачарова, такъ и въ другихъ мѣстахъ, на всемъ своемъ протяженіи верстъ 5 — 25 ширины, вѣроятно не существовала. Рѣка протекала можетъ быть черезъ цѣлый рядъ озеръ и лежала покрайней мѣрѣ саженъ на 15 (32 метра) выше, чѣмъ она лежитъ теперь. Съ тѣхъ поръ рѣка должна была все болѣе и болѣе углубляться въ землю, размывая какъ ледниковые, такъ и озерные осадки, насколько велико ея протяженіе, настолько широка въ настоящее время ея долина, настолько продолжителенъ долженъ быть періодъ времени, въ теченіе котораго она могла такъ углубиться, какъ нынѣ. О томъ, что она стояла на различныхъ высотахъ, можно судить по террасамъ, которыя сохранились на ея возвышенныхъ берегахъ. Углубляясь въ различныхъ мѣстахъ и весьма неравномѣрно, она металась отъ одного берега къ другому; дѣлая разнообразные изгибы, она часто должна была размывать осадки, отложенные при болѣе высокомъ уровнѣ ея стоянія; во многихъ мѣстахъ и эти отложенія она размыла, но не вездѣ. Кое-гдѣ остались ея древнія отложенія, которыя въ настоящее время уже не заливаются водами, даже при весеннемъ разливѣ, когда большая часть ея долины представляетъ сплошной водный бассейнъ. Эти-то незаливаемыя разливомъ рѣки, мѣста, являющіяся въ такомъ случаѣ островами, и имѣютъ значеніе по отношенію къ человѣку каменнаго вѣка новѣйшаго періода. Такимъ образомъ очевидно, что топографія мѣстности, въ періодъ времени отъ древнѣйшихъ обитателей каменнаго вѣка до новѣйшихъ сильно измѣнилась. Приняла другой видъ и растительность; вмѣсто хвойныхъ, съ ихъ скуднымъ подлѣскомъ, съ неизбѣжными ягелями, раскинулся въ долинѣ Оки дубъ, за нимъ береза и осина развернули свою листву; появились луга съ сочной зеленой травой. Отъ прежнихъ млекопитающихъ-великановъ остались въ глубинѣ почвы однѣ только кости, разбитыя современнымъ имъ человѣкомъ; въ лѣсахъ знаменитыхъ Муромскихъ, составленныхъ столько же изъ хвойныхъ, сколько изъ лиственныхъ, бродили еще нынѣ живущіе лоси, обыкновенный медвѣдь, можетъ быть частію сѣверный олень; прежнюю эпоху только

Жилище бобровъ.

частію напоминалъ первобытный быкъ или можетъ быть то животное — туръ, изъ роговъ котораго древнѣйшіе славяне тянули брагу; по вѣтвямъ деревъ прыгала куница и искала свою неизбѣжную добычу: бѣлокъ, тетеревей и рябчиковъ; она была такъ обыкновенна, что даже много времени спустя шкурка ея — куна составляла единицу мѣновой цѣнности. Въ лѣсахъ, у подножія деревъ, также въ болотахъ, кабанъ снискивалъ себѣ пропитаніе то въ дубовыхъ жолудяхъ, то въ болотныхъ травахъ, служа въ свою очередь предметомъ преслѣдованія для голоднаго волка, рядомъ съ которымъ появлялась и лисица. Въ многочисленныхъ протокахъ и старицахъ Оки почти на каждомъ шагу рѣчной бобръ устраивалъ себѣ жилище, запруживая воду. Во время разлива Оки, когда большая часть долины рѣки покрывалась водой, когда затоплялись здѣсь цѣлыя рощи, обыкновенный заяцъ-бѣлякъ въ отчаяніи искалъ на островахъ себѣ убѣжища, вмѣстѣ съ водяною крысою или, вѣрнѣе сказать, полевкою. Въ этомъ, однако же, случаѣ всѣмъ извѣстный еще и нынѣ звѣрекъ, сдѣлавшійся символомъ трусости, встрѣтилъ себѣ храбраго соперника безопаснаго пребыванія на островахъ въ человѣкѣ, который костьми клалъ не только его, но даже и всѣхъ другихъ животныхъ, населявшихъ окрестность; онъ убивалъ и ѣлъ ихъ, или же пользовался ихъ мѣхомъ; и какъ бы въ доказательство этого оставилъ кости всѣхъ выше названныхъ животныхъ въ мѣстѣ своего стародавняго пребыванія. Всѣ окружавшія человѣка млекопитающія и до сихъ поръ сохранили свои привычки, если они остались въ живыхъ; при томъ, вѣроятно, что едва ли замѣтно измѣнили свой образъ жизни и тѣ животныя, какъ лось и кабанъ, волкъ и лисица, которыя встрѣчались вмѣстѣ съ носорогомъ и мамонтомъ. Другое дѣло человѣкъ; мы можемъ самымъ яснымъ образомъ убѣдиться, что островитяне въ долинѣ Оки сдѣлали замѣчательный прогрессъ въ своемъ развитіи сравнительно съ древними обитателями эпохи мамонта, жившими тутъ же рядомъ, около нынѣшняго Карачарова. Усовершенствованіе замѣчается во всѣхъ отношеніяхъ, начиная съ устройства жилищъ до различныхъ улучшеній, какъ въ выдѣлкѣ орудій, такъ и вообще въ домашнемъ обиходѣ. Въ этомъ періодѣ каменный вѣкъ достигъ высшей степени своего развитія, такъ что, если онъ сохранился по различнымъ причинамъ у нѣкоторыхъ нынѣ живущихъ народовъ, то онъ не пошелъ дальше. Обитатели долины Оки вѣроятно строили себѣ жилища, подобныя тѣмъ, которыя еще до нынѣ существуютъ у жителей восточныхъ окраинъ Россійской Имперіи, камчадаловъ. Они жили уже цѣлыми селами, многолюдными обществами; но эти общества, расположенныя селеніями въ разныхъ мѣстахъ, не относились, очевидно, другъ къ другу съ большимъ довѣріемъ. Всякая община избирала для себя пріютомъ такое мѣсто, гдѣ было бы возможно обезопасить себя отъ внезапнаго нападенія непріятеля или врага, злѣйшимъ изъ которыхъ былъ, конечно, человѣкъ же, можетъ быть даже ближайшій сосѣдъ. Поэтому-то обитатели каменнаго вѣка и селились на островахъ, т. е. на такихъ мѣстахъ, куда доступъ, если не во всѣ времена года, то по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыя, напр. весною и лѣтомъ, нелегко доступенъ. Для зимы это могли быть землянки, т. е. ямы, на аршинъ или нѣсколько болѣе вырытыя въ землѣ, а сверху накрытыя палками, соломою и древесными вѣтвями;

Свайныя постройки.

въ яму входили или сверху, или дѣлали входъ сбоку. Такое жилье для зимы устраиваютъ камчадалы, а частію его можно видѣть у остяковъ. Но такъ какъ Ока размываетъ часто острова, состоящіе изъ сыпучаго песку, нерѣдко совершенно ихъ сравниваетъ со своимъ обыкновеннымъ уровнемъ, то въ предупрежденіе этого люди должны были защищать тѣ стороны острововъ, которымъ грозилъ подмывъ, плотинами. Для этого они могли воспользоваться услугами такого животнаго, которое въ изобиліи еще до недавнихъ временъ было распространено въ долинѣ Оки; услуги этого животнаго были крайне полезны для островитянъ, которые вѣроятно ими и пользовались и, вмѣсто того, чтобъ его преслѣдовать, несомнѣнно ему покровительствовали, жили съ нимъ въ дружбѣ, имѣли его — какъ домашнее. Животное это — бобръ. Всякому извѣстно, что бобръ въ своемъ родѣ замѣчательнѣйшій архитекторъ, съ другой стороны — это одно изъ умнѣйшихъ, понятливыхъ и способныхъ привязываться къ человѣку животныхъ. И если человѣкъ каменнаго вѣка въ долинѣ Оки пользовался его услугами для своей выгоды, то тутъ ничего нѣтъ страннаго, такъ какъ бобръ еще до нынѣ у первобытныхъ жителей Сѣверной Америки, въ деревняхъ индѣйцевъ, живетъ въ такомъ же состояніи, въ какомъ у насъ собака, и при томъ едва ли не превосходитъ собаку чистоплотностью, привязчивостью, особенно къ женщинамъ и дѣтямъ, послѣ отлучки которыхъ онъ скучаетъ, а радость по ихъ возвращеніи выражаетъ прыжками на шею и т. д. Скептики могутъ найти объ этомъ свѣдѣнія даже у Брема. Мы уже имѣли много случаевъ убѣдиться въ томъ, что если что либо совершается нынѣ у первобытныхъ народовъ, то то же самое могло быть въ древности у жителей каменнаго вѣка разныхъ странъ. И трудно не допустить, чтобъ жители Оки не воспользовались тѣмъ, что нынѣ принято у индѣйцевъ. — Бобры отличаются замѣчательной способностью подгрызать даже громадныя деревья, до фута и больше въ поперечникѣ, и этими деревьями они заполняютъ или перегораживаютъ потоки и рѣчки, устраивая плотины; зимою кора съ этихъ деревъ служитъ имъ пищею. Подобныя-то плотины бобры и строили около холмовъ, гдѣ жили первобытные обитатели. Бобры сносили къ берегамъ, со стороны которыхъ грозила опасность острову, огромные дубы, иногда до аршина въ діаметрѣ, и складывали ихъ въ воду крестообразно, другъ на друга; чтобъ дубы не могли двигаться въ ту или другую сторону, они вбивали между ними сваи; промежутки или пустыя пространства между деревьями они наполняли листвою и сучьями дуба, осины, березы и ивы, утрамбовывая ихъ давленіемъ и небольшими сваями, по различнымъ направленіямъ. На мелкихъ сваяхъ замѣтны слѣды сильныхъ и острыхъ бобровыхъ зубовъ; большія деревья были первоначально подгрызаемы и въ случаѣ, если они оказывались еще слишкомъ тяжелыми, перегрызались еще на болѣе мелкіе куски, и уже въ такомъ видѣ приносились къ плотинѣ; плотины тянутся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на цѣлыя сотни саженъ,—работа была гигантская. Среди этихъ построекъ встрѣчаются издѣлія несомнѣнно человѣческія — напримѣръ сваи, съ желобообразными выемками вверху, или же деревяшки, напоминающія по формѣ мутовку. Но среди этихъ построекъ находились и рыболовныя ловушки, въ которыхъ остались кости рыбъ, служившихъ предметомъ добычи для жителя каменнаго вѣка; это были: окунь, ершъ, щука, разныя карповыя, въ родѣ леща, язя и проч. Попадались рыбакамъ въ ловушку также стерляди. Въ настоящее время многіе изъ острововъ, служившихъ пристанищемъ для человѣка, совершенно смыты, вмѣстѣ съ находившимися около нихъ плотинами; въ другихъ же мѣстахъ, гдѣ острова уцѣлѣли, деревянныя постройки замыты сверху толщами песковъ отъ одной до $2^1/_2$ саженей. — Одно изъ самыхъ замѣчательныхъ усовершенствованій въ выдѣлкѣ орудій то, что жители научились шлифовать или стачивать камень, даже такой, какъ кремень; такимъ образомъ ихъ топоры сточены съ двухъ сторонъ и имѣютъ весьма хорошее остріе; вытачивали они изъ камня также привѣски, служившія въ видѣ украшеній, и браслеты. Въ околачиваніи камня они также проявили замѣчательное искусство, такъ что, при видѣ сдѣланныхъ ими наконечниковъ стрѣлъ или копій, никто изъ самыхъ заядлыхъ скептиковъ не скажетъ, что это — не орудіе; въ громадномъ количествѣ выдѣлывались у нихъ

Ока во время каменнаго вѣка.

также скребки и шилья изъ кремня. Изъ кости выдѣлывались гарпуны, замѣчательнѣйшаго совершенства, или же шилья и иглы, но безъ ушковъ. — Наконецъ здѣсь мы встрѣчаемся съ посудой изъ глины; теперь намъ кажется, что нѣтъ ничего проще, какъ дѣлать горшокъ, но для первобытныхъ обитателей стоило большаго труда и продолжительнаго времени, чтобъ дойти до мысли о глиняной посудѣ; извѣстно, что первоначально люди выкапывали въ землѣ яму и, обмазывая ее глиной, довольствовались ею при варкѣ пищи. Затѣмъ они дѣлали отдѣльный остовъ изъ растительныхъ волоконъ и, обмазывая его глиной, — сжигали растительный остовъ и тогда получали горшокъ,—есть несомнѣнныя данныя предполагать, что обитатели долины Оки дѣлали такимъ образомъ горшки, обломки которыхъ здѣсь до нынѣ находятся. Потомъ гончарное искусство усовершенствовалось; люди вылѣпливали горшки руками и научились даже украшать ихъ внѣшнюю сторону, а иногда и внутреннюю, различными весьма характерными узорами, и такъ какъ горшки были очень толстостѣнны, то они дѣлали на нихъ снаружи цѣлые ряды ямокъ, надавливая снаружи костяною, съ тупымъ концомъ палочкой, а съ внутренней стороны пальцами; мною найдены какъ палочки, служившія для этой цѣли, такъ и слѣды пальцевъ на внутренней сторонѣ горшечныхъ обломковъ. Въ этой посудѣ обитатели каменнаго вѣка варили себѣ пищу, состоявшую изъ мяса различныхъ животныхъ, въ то время млекопитающихъ, птицъ и рыбъ. Но, несомнѣнно, были случаи, когда они должны были терпѣть недостатокъ въ пищѣ, и тогда прибѣгали къ рѣчнымъ моллюскамъ, раковины или створки которыхъ можно видѣть въ почвѣ вмѣстѣ лежащими въ громадныхъ количествахъ. Нѣкоторыя изъ створокъ, принадлежащія ископаемымъ моллюскамъ, служили каменному человѣку вмѣсто ложекъ. — Здѣсь же можно усмотрѣть еще одно новое явленіе въ жизни человѣка: ихъ покойники сжигались въ вырытой въ землѣ ямѣ и притомъ такъ, что голова оставалась цѣлою; на прахъ сожженнаго ставился горшокъ, можетъ быть съ какимъ нибудь яствомъ и съ лучшей изъ стрѣлъ, какой только обладалъ покойникъ; впрочемъ сожженіе труповъ существовало вѣроятно у самыхъ древнѣйшихъ людей, эпохи мамонта. — Пункты, которые я могъ изслѣдовать наиболѣе обстоятельно, суть Волосово около Мурома и Плехановъ боръ, въ имѣніи князя Голицына.

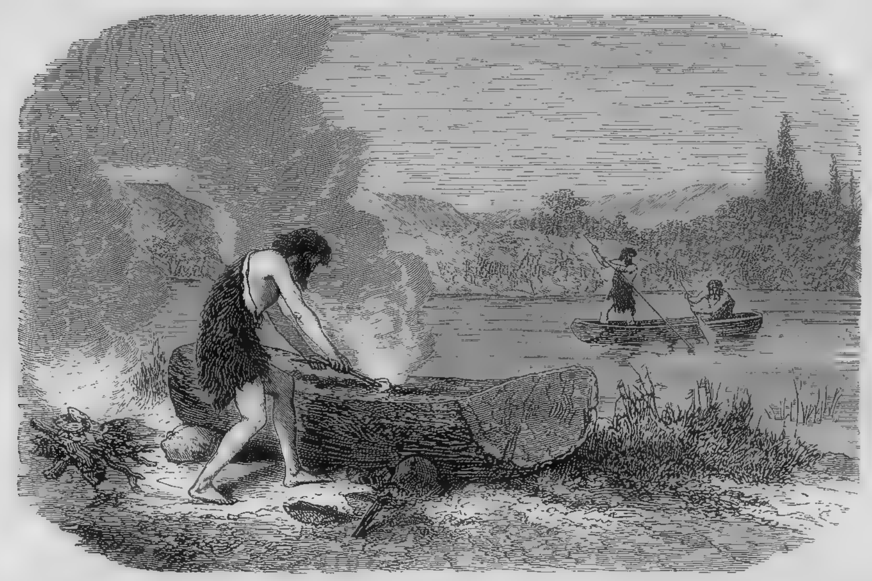
Наши обитатели долины Оки были, вѣроятно, современны такъ называемымъ озернымъ жителямъ Швейцаріи и многихъ другихъ мѣстностей Западной Европы. Вмѣсто того, чтобъ избирать мѣстами своего поселенія острова, озерные жители селились среди водъ, преимуществу на озерахъ; они вколачивали сваи въ озерное дно на весьма близкомъ другъ отъ друга разстояніи, притомъ такъ, что сваи значительно выступали надъ поверхностью воды; затѣмъ настилая на вершины свай деревянный полъ, они строили на немъ свои хижины. Поселеніе основывалось всегда вдали отъ берега, къ которому проводился въ такомъ случаѣ мостъ. Подобнаго рода поселенія еще до сихъ поръ существуютъ у жителей Новой Гвинеи; постройки такого рода весьма напоминаютъ нынѣшніе рыбацкіе станки или тони, находящіяся при устьяхъ Невы. Человѣкъ устраивалъ свайныя постройки какъ для того, чтобъ не подвергнуться внезапному нападенію непріятелей, такъ и съ тою цѣлью, чтобъ имѣть возможность съ большимъ удобствомъ производить рыболовство. Свайныя постройки существовали въ Швейцаріи въ теченіе весьма продолжительнаго періода времени, часто онѣ подвергались пожарамъ, въ силу чего вся масса домашнихъ принадлежностей валилась въ воду, въ томъ числѣ и каменныя орудія, ткани, остатки пищи и пр. На основаніи всѣхъ этихъ принадлежностей, сохранившихся иногда на днѣ озеръ въ полной цѣлости, такъ что находили даже ручки отъ каменныхъ топоровъ, возстановленъ бытъ доисторическихъ жителей Швейцаріи. Вообще открытіе свайныхъ построекъ произвело въ недавнее время на нашихъ современниковъ громадное впечатлѣніе, такъ какъ въ нихъ найдены самыя убѣдительныя данныя въ наглядной формѣ и за древность человѣка, и за ту своеобразную обстановку, посреди которой онъ жилъ. Свайныя постройки кромѣ Швейцаріи извѣстны во Франціи, въ Италіи и Сѣверной Германіи; найдены онѣ также въ Галиціи и Польшѣ, но нѣсколько въ иной формѣ, чѣмъ швейцарскія. Изъ всѣхъ этихъ мѣстъ въ особенности замѣчательно

одно, въ Галиціи, около мѣстечка Квашала. Здѣсь довольно глубоко, въ слоѣ торфа, были найдены деревья въ совершенно томъ же порядкѣ, въ какомъ я ихъ нашелъ въ бобровыхъ постройкахъ въ долинѣ Оки; деревья, съ обожженными стволами и вѣтвями, лежали крестообразно сложенными, промежутки между ними были наполнены торфомъ, въ которомъ и найдены цѣлыя сотни горшечныхъ обломковъ весьма грубой работы. Тутъ же добыто до трехъ сотъ кремневыхъ обломковъ,—доказательство, что мѣсто дѣйствительно было обитаемо во время каменнаго вѣка, когда здѣсь было еще озеро вмѣсто торфа. Затѣмъ свайныя постройки ирландскаго типа найдены въ ост-зейскомъ краѣ, около Вендена, около озера Буртнекъ, при устьѣ рѣки, въ томъ именно мѣстѣ, гдѣ эта рѣка не замерзаетъ. Что же касается до другихъ мѣстъ Россіи, то въ нихъ еще не найдено свайныхъ построекъ, въ истинномъ смыслѣ слова. Очень можетъ быть, это зависитъ отъ того, что Россія въ этомъ отношеніи еще недостаточно изслѣдована; съ другой же стороны, свайнымъ постройкамъ каменнаго вѣка у насъ препятствовалъ климатъ. Въ самомъ дѣлѣ, если взять большую часть нашихъ озеръ, даже въ Озерной области, то мы найдемъ, что они бываютъ покрыты льдомъ отъ 6 до 7 мѣсяцевъ, слѣдовательно въ теченіе полугода свайный поселокъ не имѣлъ бы никакого значенія по отношенію къ защитѣ отъ непріятеля, который во всякое время могъ осадить жилье сухопутно и причинить ему вредъ; притомъ же ледъ, во время весны, могъ бы разрушительно дѣйствовать на постройку. Наибольшаго процвѣтанія свайныя постройки достигли именно только въ Швейцаріи, гдѣ воды не замерзаютъ.

Есть еще одна форма, весьма своеобразная, въ которой до-историческій человѣкъ оставилъ слѣды своего существованія: это такъ называемые кухонные остатки или, какъ ихъ именуютъ въ Даніи — кіекенмединги. Они распространены преимущественно въ приморскихъ странахъ и въ Даніи развиты въ самомъ характерномъ видѣ. Главная составная ихъ часть — морскія раковины, въ особенности устрицы. Жители каменнаго вѣка были настолько любители этихъ мягкотѣлыхъ созданій, что поѣдали ихъ въ громадномъ количествѣ; съѣдая самое животное, они раковины конечно выбрасывали, и изъ нихъ составились огромныя кучи. Изрѣдка къ раковинамъ примѣшаны земля и кости различныхъ, еще нынѣ живущихъ млекопитающихъ; вмѣстѣ съ тѣмъ составную часть холмовъ представляютъ обломки ихъ орудій. У насъ нѣчто подобное, но далеко не тождественное, найдено на берегу озера Буртнекъ, въ Лифляндіи; это холмъ, состоящій изъ земли, въ которой находится огромное количество костей млекопитающихъ, рыбъ и птицъ. Однихъ млекопитающихъ, окружавшихъ въ это время человѣка, было до 17 видовъ, между которыми преобладали лось, кабанъ и бобръ. Но замѣчательнѣе всего то, что во времена доисторическаго человѣка жилъ въ озерѣ Буртнекъ, имѣющемъ теперь относительно ничтожную величину, большой гренландскій тюлень. Жители имѣли посуду изъ глины, смѣшанной съ осколками раковинъ; они дѣлали орудія попреимуществу изъ кости; между орудіями находятся прекрасные гарпуны, масса просверленныхъ зубовъ млекопитающихъ; найденъ даже сдѣланный изъ кости съ большимъ совершенствомъ — лебедь.

По всѣмъ этимъ типамъ построекъ и остатковъ каменнаго вѣка можно заключить о томъ вліяніи, какое имѣла природа на человѣка въ разныхъ частяхъ Европы и Россіи; и хотя въ Россіи, какъ я уже сказалъ, нѣтъ особенной вѣроятности найти свайныя постройки, также какъ кухонные остатки, въ томъ видѣ, какъ они существуютъ въ приморскихъ странахъ, но мы однако же имѣемъ достаточныя данныя, дозволяющія предположить, что и различныя части Россіи были обитаемы въ до-историческій періодъ. Можно даже утверждать, что народъ, подобный жившему въ долинѣ Оки, обиталъ въ разныхъ частяхъ какъ центральной, такъ и сѣверной Россіи. Я находилъ различные остатки каменнаго вѣка на берегахъ озеръ въ верховьяхъ Волги, именно на озерахъ Селигерѣ, Сигѣ, Овселукѣ, Волго и пр. Это тѣ же топоры шлифованные, стрѣлы; но замѣчательнѣе — обломки горшковъ, совершенно сходные съ волосовскими или плехановскими: та же форма, тѣ же узоры, до мельчайшихъ подробностей. Кромѣ разныхъ частей Новгородской и Тверской губерніи, остатки каменнаго вѣка въ особенномъ изобиліи находятся

въ губерніи Олонецкой. Каменныя орудія найдены еще въ прошломъ столѣтіи около Ладоги. На юго-восточномъ и восточномъ берегу Онежскаго озера я почти повсемѣстно встрѣчалъ остатки каменнаго вѣка, среди береговыхъ, дюнныхъ песковъ; на берегу Онеги, при устьѣ Тудозера, я нашелъ даже большое скопленіе какъ орудій, такъ и кремневыхъ осколковъ, вмѣстѣ съ обломками горшковъ. Нынѣшніе жители цѣлые десятки лѣтъ пользуются какъ обломками, такъ и кремнями изъ этого мѣста; судя по этому, нужно думать, что первобытнымъ обитателямъ нужно было много времени, чтобы сдѣлать такой запасъ кремня въ обработанномъ видѣ и въ

Первые плаватели.

обломкахъ, тѣмъ болѣе, что здѣсь по близости нѣтъ мѣсторожденія этого камня. На берегахъ Кенозера, а особенно на островахъ, — слѣды каменнаго вѣка встрѣчаются въ громадномъ изобиліи. Острова этого озера могли весьма легко замѣнять жителямъ свайныя постройки. По положенію орудій можно часто судить о значительныхъ измѣненіяхъ въ топографіи мѣстности или, вѣрнѣе, въ размѣрахъ самыхъ озеръ, происшедшихъ со времени обитателей каменнаго вѣка. Изъ весьма большаго количества мѣстъ, гдѣ мнѣ пришлось находить орудія, укажу на Кумбасъ-озеро, лежащее между Водло и Кенозеромъ.

Кумбасъ-озеро расположено въ широкой чашевидной долинѣ, среди высокихъ холмовъ; само оно представляется также въ округленной формѣ, приближающейся къ эллипсису, и достигаетъ до 4 — 5 верстъ длины и до 2 верстъ ширины. Изъ сѣверо-западнаго своего края оно даетъ рѣку Кумбасу, достигающую при истокахъ саженъ 15 ширины; здѣсь же холмы особенно близко приступаютъ къ рѣкѣ и озеру, и здѣсь расположено современное поселеніе. При истокѣ рѣки, по ту и по другую ея сторону, расположены двѣ полосы пашенъ, на которыхъ я и добылъ орудія. Пашня, лежащая на сторонѣ деревни, особенно ими изобиловала, но она всегда была доступна деревенскимъ юношамъ, которые, розыскивая на ней горшечные черепки и кремневые обломки, а также наконечники стрѣлъ, бросали ихъ въ видѣ забавы въ воду. Благодаря этому обстоятельству научный интересъ пашни былъ истощенъ, и я, ограничившись нѣсколькими не очень важными находками, переправился на другую сторону рѣки, гдѣ пашня была ограждена отъ посѣщенія непрошенныхъ гостей. Съ пашни только-что былъ снятъ ленъ,

и я, при помощи ея хозяина, долженъ былъ перекопать ее. Пахатный ея слой имѣлъ 1½—3 вершка толщины; онъ лежалъ на желтомъ рѣчномъ пескѣ, въ которомъ и было скрыто почти все главное и необходимое въ хозяйствѣ жителя каменнаго вѣка: это топоры, стрѣлы, ножи, рубанокъ, плиты для шлифованія орудій, обломки кремней и горшковъ, наконецъ и остатки жилища. Среди пашни былъ выложенъ полъ изъ валуновъ, служившій несомнѣнно фундаментомъ для хижины первобытнаго обитателя, такой полъ, какіе были позднѣе, въ историческія времена, въ употребленіи у нашихъ сѣверныхъ инородческихъ племенъ, и какіе до послѣдняго времени дѣлаются у эскимосовъ Гренландіи и Сѣверной Америки. Онъ былъ выложенъ изъ валуновъ различной величины и формы: были валуны, закругленные водой, были остроугольные и острореберные; былъ одинъ валунъ до ¾ аршина въ длину и въ нѣсколько пудовъ вѣсомъ; находились и меньшіе, длиной до четверти; они лежали другъ на другѣ въ нѣсколько рядовъ, не были связаны никакимъ цементомъ и держались вмѣстѣ, благодаря акуратной укладкѣ, какъ это вообще встрѣчается въ сооруженіяхъ каменнаго вѣка. Имѣя довольно ровную поверхность, этотъ каменный полъ представлялся округленнымъ, съ діаметромъ около 1½ метровъ; около одного изъ краевъ его былъ найденъ камень съ обточенною верхней стороной; онъ былъ уже вставленъ сюда въ такомъ видѣ, а первоначально служилъ очевидно точиломъ, на которомъ готовились топоры или другія отточенныя орудія. Промежутки между камнями были заполнены пескомъ, горшечными обломками, кремнями и углемъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ попадались остатки сосновой коры и бересты; видно, что жители не только дѣлали здѣсь орудія, но и разводили огонь и варили пищу; кора сосны служила, вѣроятно, покровомъ для хижины, размѣры которой легко могли быть больше, чѣмъ величина каменнаго пола. Съ того времени, какъ погасла около этого очага жизнь до-историческаго обитателя, уровень озера значительно понизился, и рѣка, на берегу которой, очевидно, было расположено жилье, отступила на нѣсколько десятковъ саженъ.

Въ подобныхъ же условіяхъ находятся остатки каменнаго вѣка на берегахъ озера Лача; слѣды до-историческихъ поселеній здѣсь многочисленны, въ особенности при устьяхъ и истокахъ рѣкъ; при томъ можно сказать, что на восточномъ берегу озера остатки изобильнѣе, чѣмъ на западномъ. Орудія лежатъ въ растительномъ слоѣ, достигающемъ иногда до 700 лин. (1 арш.) толщины; часто въ этой почвѣ встрѣчались валуны цѣлыми группами; они были пережжены и очевидно составляли основаніе домашнимъ очагамъ или печищамъ; здѣсь видимо варилась пища, такъ какъ около такихъ валуновъ всегда валялось множество горшечныхъ обломковъ съ остатками пищи, съ сильно раздробленными костями млекопитающихъ, съ позвонками и зубами рыбъ. Тутъ всегда было множество кремневыхъ обломковъ, а также камней, служившихъ молотками, при околачиваніи орудій. Здѣсь очевидно не только готовились орудія, но и употреблялись; рядомъ съ хорошими орудіями, встрѣчались вышедшія изъ употребленія по негодности: здѣсь были поломанныя копья и стрѣлы. Вообще, орудія разнообразны какъ по составу, такъ и по формѣ. Кремневыя орудія играли въ хозяйствѣ до-историческаго обитателя первостепенную роль; кремневые наконечники стрѣлъ многочисленны и по своей формѣ измѣняются отъ самыхъ грубыхъ до вполнѣ совершенныхъ. Кремневые наконечники копій, кромѣ своей прекрасной отдѣлки, интересны и по большой величинѣ; я нашелъ здѣсь два, изъ которыхъ каждый имѣетъ до 150 мм. (3½ вершка). Встрѣчаются также кремневые топоры, но весьма грубой отдѣлки; были у жителей озера Лача въ употребленіи также костяныя орудія, копья и гарпуны. Млекопитающія, съ которыми человѣкъ встрѣчался и которыхъ билъ, были медвѣдь, куница, лось, сѣверный олень и бобръ; но есть еще одно животное, указывающее на то, что до-историческій человѣкъ жилъ на берегахъ озера Лача нѣсколько при иныхъ условіяхъ, чѣмъ современныя: въ его время въ водахъ озера жилъ тюлень, похожій на гренландскаго. Еще болѣе интересными представляются сдѣланныя уже во время печатанія этого очерка находки при прорытіи Свирскаго канала. Здѣсь въ первый разъ въ Россіи найдено нѣсколько полныхъ скелетовъ доисторическаго человѣка, множество его орудій, скелеты единственнаго его домашняго живот-

наго — и даже остатки его первобытной лодки. Нѣтъ сомнѣнія, что дальнѣйшія изслѣдованія этой мѣстности прольютъ новый свѣтъ на первобытную исторію человѣчества въ нашей Ѳзерной области.

Кромѣ орудій изъ кремня, какъ въ Олонецкой губерніи, такъ и въ другихъ частяхъ Россіи часто встрѣчаются разныя принадлежности каменнаго вѣка изъ различныхъ сланцевъ, діорита, грюнштейна, песчаника и т. д. По формѣ являются новыми — молотки или топоро-молоты, орудія съ отверстіями по срединѣ и съ однимъ или двумя концами, отточенными въ видѣ острія. Притомъ иногда на молоткахъ или другихъ орудіяхъ выдѣлывались даже головы разныхъ животныхъ, напримѣръ медвѣдя или лося. Это уже дальнѣйшій прогрессъ, проявленный человѣкомъ въ каменномъ періодѣ. Впрочемъ, при всемъ совершенствѣ результатовъ, которыхъ человѣкъ могъ добыть отъ камня, во всѣхъ его приложеніяхъ, ему еще оставалось много задачъ, надъ которыми было необходимо подумать; усовершенствовавъ каменныя орудія, онъ въ значительной степени истреблялъ животныхъ, служившихъ ему пищей. И рано или поздно ему пришлось бы обезпечить себя отъ риска остаться голоднымъ при неудачныхъ охотахъ, — онъ дошелъ до мысли о домашнемъ скотѣ. Но и того мало, — пришлось думать, искать подспорья къ животной пищѣ въ растительномъ царствѣ, — вопросъ, разрѣшенный введеніемъ земледѣлія. Всѣ эти вопросы, какъ о прирученіи животныхъ, такъ и о культурѣ растеній, несомнѣнно получили разрѣшеніе въ каменномъ вѣкѣ, у тѣхъ же дикихъ людей, хотя можетъ быть и не въ нашей области. Всѣмъ этимъ рѣшеніе задачъ не исчерпалось; въ каменномъ вѣкѣ человѣкъ сдѣлалъ главнѣйшее изобрѣтеніе — началъ прилагать въ свою пользу силу огня; затѣмъ это приложеніе нужно было расширить, ему нужно было не только грѣть около костра прозябшіе члены своего тѣла и варить пищу, но слѣдовало приложить силу теплоты къ приготовленію того матеріала, изъ котораго можно было бы дѣлать болѣе прочныя орудія съ меньшей тратой труда и времени; это приложеніе теплоты оказало всю свою благотворную силу въ искусствѣ плавить металлы: сначала мѣдь, а затѣмъ желѣзо. И прежде, чѣмъ начался нашъ вѣкъ открытія новыхъ силъ, въ родѣ электричества, магнетизма или силы пара и приложенія ихъ къ нуждамъ человѣка, должны были протечь два обширные періода времени — вѣка бронзовый и желѣзный.

Человѣку, стоящему на высотѣ современной культуры, кажется невѣроятнымъ образъ до-историческихъ людей каменнаго періода; даже крестьяне называютъ каменныя орудія громовыми стрѣлами и скептически качаютъ головой, если имъ объяснить настоящее значеніе орудій. Тѣмъ не менѣе сомнѣваться въ справедливости воспроизводимыхъ въ наукѣ типовъ древней культуры каменнаго вѣка совершенно невозможно, такъ какъ самый методъ, на основаніи котораго строятся выводы, довольно строгъ. И въ самомъ дѣлѣ, каменный вѣкъ является въ такихъ же отношеніяхъ къ другимъ стадіямъ развитія человѣческой культуры, къ вѣкамъ бронзовому и желѣзному, какія мы замѣчаемъ въ распредѣленіи органической жизни въ теченіе геологическихъ эпохъ. Какъ намъ представляется, что простые и мало совершенные организмы, преобладающіе въ первобытной эпохѣ, смѣняются въ послѣдующія другими, болѣе сложными и совершенными, не переставая въ то же время сосуществовать съ ними одновременно, такъ и въ каменномъ вѣкѣ его принадлежности, сдѣланныя въ ледниковую эпоху и за ней слѣдующую новѣйшую, смѣнились затѣмъ издѣліями изъ бронзы и желѣза, достигшими у нѣкоторыхъ народовъ замѣчательнѣйшаго совершенства, но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ я уже сказалъ и раньше, у многихъ народовъ грубый топоръ изъ камня, стрѣла и ножъ изъ кремня оставались до самыхъ послѣднихъ временъ единственными орудіями, служившими имъ для борьбы съ природою. Эти-то принадлежности каменнаго вѣка изъ новѣйшихъ временъ играютъ для изслѣдователей до-историческаго періода ту же роль, какую для геолога имѣетъ изученіе нашихъ представителей современной флоры и фауны для легчайшаго ознакомленія съ жизнью отдаленнѣйшихъ эпохъ въ развитіи земли. — Вообще всѣ принадлежности древняго каменнаго вѣка чрезвычайно сходны съ тѣми, которыя еще до сихъ поръ дѣлаются на островахъ Тихаго океана,

даже такъ, что ископаемый топоръ изъ Олонецкой или Ярославской губерніи почти невозможно отличить отъ тѣхъ, которые нынѣ употребляются на Новой Гвинеѣ. Въ нижеслѣдующемъ очеркѣ каменныхъ и костяныхъ принадлежностей въ Камчаткѣ, сдѣланномъ Крашенинниковымъ. можно усмотрѣть то, что происходило нѣкогда около Карачарова: «Прежніе камчатскіе металлы, до прибытія почти россіянъ, были кость и каменье. Изъ нихъ они (камчадалы) дѣлали топоры, ножи, копья, стрѣлы, ланцеты и иглы. Топоры у нихъ дѣлались изъ оленьей и китовой кости, также изъ яшмы, на подобіе клина, и привязывались ремнями къ кривымъ топорищамъ плашмя, каковы у насъ бываютъ теслы. Ими они долбили лодки свои, чаши, корыта и прочее, однако съ такимъ трудомъ и съ такимъ продолженіемъ времени, что лодку три года надлежало имъ дѣлать, а чашу большую не меньше года. Чего ради большія лодки, чаши или корыта, которыя по-тамошнему *хомягами* называются, въ такой чести и удивленіи бывали, какъ нѣчто сдѣланное изъ дорогаго металла, превысокою работою, и всякій острожекъ могъ

Первобытный гончаръ.

тѣмъ хвалиться передъ другими, какъ бы нѣкоторою рѣдкостью, особливо когда кто, наваря въ одной посудѣ пищи, не одного гостя могъ удовольствовать, ибо въ такихъ случаяхъ камчадалъ противъ двадцати человѣкъ съѣдаетъ, какъ о томъ ниже объявлено будетъ. А варили они въ такой посудѣ рыбу и мясо калеными каменьями.

«Ножи они дѣлали изъ горнаго зеленоватаго или дымчатаго хрусталя на подобіе ланцетовъ востроконечные и насаживали ихъ на черенье деревянное. Изъ того же хрусталя бывали у нихъ стрѣлы, копья и ланцеты, которыми кровь и по нынѣ пускаютъ. Швальныя иглы дѣлали они изъ собольихъ костей и шили ими не токмо платье и обувь, но и подзори очень искусно.

«Огнива ихъ были дощечки деревянныя изъ сухаго дерева, на которыхъ по краямъ начерчены дырочки, да кругленькія изъ сухаго же дерева палочки, которыя вертя въ ямочкахъ, огонь доставали. Вмѣсто трута употребляли они мягкую траву тоншичъ, въ которой раздували загорѣвшуюся отъ вертѣнія сажу. Всѣ сіи принадлежности, обертя берестою, каждый камчадалъ носилъ съ собою, и нынѣ носятъ, предпочитая ихъ нашимъ огнивамъ для того, что они не могутъ изъ нихъ такъ скоро огня вырубать, какъ достаютъ своими огнивами.»

Итакъ, мы видѣли, что человѣкъ въ теченіе весьма долго длившагося каменнаго вѣка сдѣлалъ громадный рядъ открытій и изобрѣтеній; онъ сдѣлалъ поразительнѣйшій рядъ усовершенствованій въ своемъ культурномъ состояніи; онъ сталъ во всѣхъ отношеніяхъ на неизмѣримую высоту по отношенію къ тѣмъ животнымъ, съ которыми онъ сталкивался такъ продолжительно. Между тѣмъ передъ нимъ стояла еще одна великая задача, благопріятное рѣшеніе которой могло дать ему еще болѣе высокое преимущество передъ всѣмъ окружающимъ въ борьбѣ за существованіе. Задача эта заключалась въ усовершенствованіи его нравственнаго образа, его общественныхъ отношеній; на этомъ пути находятъ себѣ шансы на существованіе даже многіе животные организмы; такъ напримѣръ птицы, кладущія мало яицъ, то есть, птицы со слабой воспроизводительностью имѣютъ семейную жизнь; у нихъ самецъ и самка чередуются въ высиживаніи молодыхъ, а затѣмъ съ одинаковымъ усердіемъ принимаютъ участіе и дѣлятъ заботы по ихъ воспитанію. У птицъ же, имѣющихъ много яицъ, и при томъ если молодые мало подвижны, безпомощны и требуютъ продолжительныхъ заботъ въ воспитаніи, — тамъ является общественная жизнь, поражающая иногда наблюдателя своимъ благоустройствомъ, напримѣръ у пингвиновъ-нелетовъ. Еслибъ подобныя птицы жили въ одиночку, то виды ихъ неизбѣжно должны были бы вымереть, подъ вліяніемъ враговъ, отъ которыхъ онѣ могутъ защищаться только обществомъ. Человѣкъ въ этомъ отношеніи представляетъ то же самое, и у него мы видимъ вмѣстѣ съ слабой степенью воспроизводительности — семью, и онъ долженъ былъ, рядомъ съ безпомощностью его новорожденныхъ, требующихъ такихъ разнообразныхъ заботъ по ихъ воспитанію, прежде чѣмъ они сдѣлаются способными жить самостоятельно, — совершенствовать свою общественную жизнь. И дѣйствительно, человѣкъ въ теченіе каменнаго вѣка работалъ и совершенствовался и на этомъ пути. Въ началѣ каменнаго вѣка мы встрѣчаемъ его разъединеннымъ, жившимъ семьями или небольшими колѣнами; въ концѣ же этого періода, мы видимъ, что человѣкъ сложился уже въ болѣе обширныя общества; онъ занималъ въ это время широкія области, начиная съ долинъ Оки, Волги, Камы, Дона и Днѣпра до всѣхъ большихъ и малыхъ сѣверно-русскихъ озеръ, въ Олонецкой и въ Архангельской губерніяхъ; это были многочисленные роды и племена, принадлежавшіе къ одной и той же рассѣ. Однако же человѣкъ каменнаго вѣка въ усовершенствованіи своей общественной жизни и нравственнаго своего образа далеко еще не дошелъ до сколько нибудь удовлетворительныхъ результатовъ. Обитатель каменнаго вѣка нашей области уходилъ на тотъ свѣтъ съ той же нравственной физіономіей, какую еще недавно уносилъ съ собой въ страну тѣней американскій краснокожій индѣецъ; похоронные обряды индѣйца, воспѣтые Шиллеромъ, въ переводѣ М. Михайлова, вполнѣ могутъ быть приложимы и къ нашимъ до-историческимъ обитателямъ.

Трупъ надъ вырытой могилой
Плачемъ огласимъ;
Все, что было другу мило,
Мы положимъ съ нимъ:
Въ головахъ, облитый свѣжей
Кровью тамагокъ,
Съ боку окорокъ медвѣжій—
Путь его далекъ.

Съ нимъ и ножъ, надъ вражьимъ трупомъ
Онъ не разъ сверкалъ,
Какъ, бывало, кожу съ чубомъ
Съ черепа сдиралъ.
Алой краски въ руки вложимъ,
Чтобъ, натершись ей,
Онъ явился краснокожимъ
И въ страну тѣней.

Если совершенствованіе общественныхъ отношеній и улучшеніе нравственнаго человѣческаго образа и есть самая важная задача, то въ то же время она и самая трудная; и еслибъ не посторонняя помощь, еслибъ не притокъ свѣжихъ силъ извнѣ, — наши обитатели каменнаго вѣка до сихъ поръ продолжали бы свою жизнь въ ея болѣе или менѣе первобытной формѣ: «и возста родъ на родъ, племя на племя»; можетъ быть мы имѣли бы то же, что еще нынѣ происходитъ въ Австраліи, во внутренней Африкѣ и въ Сѣверной Америкѣ. Свѣжей силой для Европы были племена, воспитавшіяся въ высокихъ нагорьяхъ Средней Азіи,—то были арійцы;

вѣроятно они принесли въ Европу болѣе обстоятельныя познанія на счетъ скотоводства, земледѣлія и выдѣлки металловъ. Внесеніе новыхъ познаній дало возможность человѣку сплотиться въ еще болѣе благоустроенныя общества, но тѣмъ не менѣе на пути улучшенія общественной нравственности остается сдѣлать еще многое, болѣе чѣмъ на какомъ бы то ни было другомъ. У насъ уже много познаній, но еще болѣе невѣдѣнія, заблужденій и предразсудковъ, коренящихся въ нашихъ понятіяхъ и нравахъ со временъ каменнаго вѣка и мѣшающихъ человѣческому счастію, часто ведущихъ человѣка къ страданіямъ. «Въ сущности мы стоимъ еще только на порогѣ цивилизаціи», говоритъ Леббокъ. «Не подлежитъ сомнѣнію, говоритъ тотъ же авторъ, что человѣкъ далеко еще не достигъ границъ своего духовнаго развитія и отнюдь не исчерпалъ еще безконечныхъ способностей своей природы. Существуетъ еще много вещей, которыя и не снились нашимъ философамъ, и предстоитъ еще много открытій, долженствующихъ обезсмертить тѣхъ, которые ихъ сдѣлаютъ, и доставятъ человѣчеству такія выгоды, какія въ настоящее время мы не можемъ себѣ и представить. Дѣйствительно, можно согласиться съ великимъ Ньютономъ, что мы были до сихъ поръ какъ дѣти, играющія на берегу моря, и занимались только тѣмъ, что поднимали тамъ и сямъ какой нибудь гладкій камешекъ или красивую раковину, между тѣмъ какъ цѣлый великій океанъ истины лежитъ еще передъ нами неизслѣдованнымъ... Но своекорыстный умъ найдетъ себѣ высочайшее удовлетвореніе въ томъ убѣжденіи, что если не мы, то наши потомки поймутъ многія вещи, сокрытыя отъ насъ теперь, постигнутъ лучше прекрасный міръ, въ которомъ мы живемъ, избѣгнутъ многихъ страданій, которымъ мы подвержены, насладятся многими радостями, которыхъ мы еще не достойны, и избѣгнутъ многихъ искушеній, которыя мы оплакиваемъ, но противостоять которымъ мы не въ состояніи.»

Такимъ образомъ краски, въ которыхъ мы можемъ обрисовать людей, принадлежащихъ къ древнѣйшему періоду каменнаго вѣка, кажутся мрачными, грубыми и унылыми. Имѣя въ виду, что культурное развитіе человѣка идетъ быстрѣе, чѣмъ его нравственное усовершенствованіе, улучшеніе его общественныхъ отношеній, нужно замѣтить, что и мы, «дѣти девятнадцатаго вѣка», свидѣтели блестящихъ открытій и изобрѣтеній, побѣдъ надъ природою, принадлежимъ по многимъ нашимъ душевнымъ и умственнымъ наклонностямъ къ «каменному вѣку»; даже послѣдователи ученія Дарвина о происхожденіи человѣка найдутъ въ современныхъ нравахъ обильную пищу для своихъ доказательствъ. Старинное изреченіе: человѣкъ человѣку волкъ *(homo homini lupus)*, и до сихъ поръ, по приложенію ко многимъ сторонамъ нашихъ общественныхъ явленій, остается новымъ. Людямъ послѣдующихъ поколѣній, очевидно, и наша жизнь, со всею ея обстановкою, покажется блѣднымъ цвѣткомъ, краски котораго могутъ сдѣлаться болѣе яркими и изящными въ далекомъ только будущемъ.

Ив. Поляковъ.

ОЧЕРКЪ IV.

СѢВЕРНО-РУССКІЯ НАРОДОПРАВСТВА.

Удѣльно-вѣчевая Русь. — Черты новгородскаго быта. — Причины особенностей Новгородскаго края. — Географическія вліянія. — Особенности политической и общественной жизни. — Вѣчевой порядокъ и княжеская власть. — Монгольскій погромъ. — Отношеніе Новгорода къ ханской власти и къ московской великокняжеской. — Уничтоженіе самостоятельности и его послѣдствія. — Торговое значеніе Великаго Новгорода. — Образовательное значеніе и вліяніе.

«Пойдемте, братья! поищемъ мужей своихъ, вашу братью; возвратимъ волость вашу. Да не будетъ Новый-Торгъ Новъ-Городомъ, ни Новъ-Городъ Новымъ-Торжкомъ; но гдѣ святая Софія, тутъ Новгородъ. И во многомъ Богъ, и въ маломъ Богъ и правда!

СЛОВА МСТИСЛАВА УДАЛАГО НА НОВГОРОДСКОМЪ ВѢЧѢ 1216 Г.

Уничтоженіе новгородскаго вѣча.

Исторія Новгорода и Пскова имѣетъ важное значеніе не только для всего Сѣвернаго края, но и вообще для уразумѣнія всей древней русской исторіи.

Русская исторія, по существу политическаго и общественнаго строя жизни русскаго народа, раздѣляется на двѣ половины: удѣльно-вѣчевую и единодержавную Русь. Раздѣленіе это, по основнымъ чертамъ, зародилось въ ходѣ событій очень давно, но конечною раздѣлительною линіею между ними служитъ вторая половина XV вѣка. Единодержавный порядокъ замѣнилъ собою прежній удѣльно-вѣчевой не вдругъ и не разомъ во всѣхъ краяхъ русскаго міра въ одинаковой степени, но прогрессивно въ теченіе двухъ вѣковъ. Первый роковой ударъ удѣльно-вѣчевой Руси нанесенъ былъ монгольскимъ погромомъ; но не всѣ части были одинаково опустошены, а потомъ порабощены завоевателями; другія, не потерпѣвши съ прочими опустошенія, хотя впослѣдствіи и принуждены были при своемъ относительномъ безсиліи подчиниться власти монгольскихъ хановъ, но въ меньшей, по сравненію съ другими русскими краями, степени, и

долго еще сохраняли у себя старые признаки, исчезавшие медленнѣе. Такими краями, кромѣ Смоленской земли и земель Бѣлорусскихъ, подпавшихъ потомъ подъ власть литовской державы, были Новгородская земля со всѣми своими обширными волостями, и земли: Вятская и Псковская. Въ періодъ монгольскаго порабощенія онѣ стояли какъ бы особнякомъ отъ другихъ русскихъ странъ, какъ бы обломками древней удѣльно-вѣчевой Руси, разбитой монголами. Въ дру-

Памятникъ 1000-лѣтія Россіи въ Новгородѣ.

гихъ русскихъ земляхъ стали господствовать новыя начала, и тамъ русскіе люди скоро начали видѣть въ особенностяхъ строя сѣверно-русскихъ народоправныхъ земель что-то для себя чужое, забывая, что эти особенности были когда-то всѣмъ общими.

Лѣтописныя наши повѣствованія отличаются краткостію при описаніи событій болѣе древнихъ временъ, но становятся въ изложеніи тѣмъ подробнѣе, чѣмъ болѣе позднихъ событій касаются. И лѣтописныя новгородскія извѣстія подлежатъ тому же свойству: онѣ вообще кратки при изложеніи событій до-монгольскаго періода, но въ описаніяхъ того, что происходило послѣ монгольскаго погрома, становятся плодовитѣе и представляютъ болѣе, чѣмъ прежде, чертъ, объясняющихъ по-

литическій и общественный строй Новгородской земли. Но въ то время уже многія изъ этихъ чертъ не составляли свойствъ другихъ русскихъ земель.

Черты новгородскаго быта, составляющія особенность Новгородскаго края, отчасти возникли изъ его географическаго положенія, отчасти же были остатками общаго русскаго быта, уцѣлѣвшими долѣе на сѣверѣ. Такъ Новгородъ въ XIV и XV вѣкахъ имѣлъ важное торговое

Оборона Пскова.

значеніе. Онъ тогда велъ постоянныя сношенія съ Европою, состоялъ въ договорныхъ связяхъ съ Ганзейскимъ союзомъ, получалъ отъ иноземныхъ торговцевъ и передавалъ всей остальной Руси произведенія европейской культуры, а Европу надѣлялъ сырыми продуктами и хозяйственными изготовленіями русскаго міра, получая ихъ изъ русскихъ земель. Ни въ какой другой русской землѣ мы того не видимъ. Это преимущество Новгорода даровало ему его географическое положеніе: онъ былъ относительно ближе къ морю, а море въ тѣ вѣка было удобнѣйшимъ путемъ для торговыхъ сношеній. Это особенное качество Новгорода существовало бы и тогда, когда-бы, напримѣръ, вовсе не постигло русскаго міра монгольское завоеваніе. Да и такъ

дѣйствительно оказывается на дѣлѣ. Не только въ періодъ до-монгольскій велась у Новгородцевъ торговля съ европейскими торговцами, о чемъ сообщаютъ извѣстія наши же лѣтописи, но и въ глубокой древности, ранѣе той эпохи, съ которой мы привыкли считать основаніе русскаго государства. Доказательствомъ служитъ огромное количество вырытыхъ въ землѣ арабскихъ, персидскихъ, африканскихъ, византійскихъ и другихъ монетъ, несомнѣнно указывающихъ, что въ вѣкахъ VII — IX существовала обширная торговля между востокомъ и Европою, черезъ Россію и Балтійское море. Во всей Россіи находятъ эти монеты большею частію въ землѣ, а въ бывшей волости Великаго Новгорода ихъ болѣе всего. Что Новгородъ существовалъ уже въ оное отдаленное время, ускользнувшее отъ нашихъ лѣтописцевъ — кажется совершенно вѣроятнымъ: существовали издавна преданія о древности этого города, преданія, облеченныя въ сказочную оболочку. Они въ такомъ видѣ вошли отчасти въ русскіе и иноземные письменные памятники. При томъ же обширная торговля востока съ западомъ, черезъ Русь и Балтійское море, побуждаетъ насъ допустить, по здравому смыслу, существованіе недалеко воднаго пути—складочнаго и передаточнаго пункта. Былъ такой пунктъ на томъ мѣстѣ, гдѣ потомъ застаемъ Новгородъ, или помѣщался онъ прежде въ другомъ мѣстѣ, мы не знаемъ, но во всякомъ случаѣ, если бы даже было послѣднее, то этотъ пунктъ, при заложеніи Новгорода, былъ туда перенесенъ съ прежняго мѣста. Поэтому на торговое значеніе Новгорода, въ періодъ монгольскаго владычества надъ русскимъ міромъ, мы должны смотрѣть какъ на продолженіе того, что было издавна и возникло главнымъ образомъ изъ географическихъ условій мѣстности. Далеко отстоявшія отъ морскаго пути русскія земли никогда не могли имѣть въ торговомъ отношеніи такого значенія, какъ Новгородъ до тѣхъ поръ, пока Балтійскія воды были единственнымъ моремъ, прилегавшимъ съ одной стороны къ широкому русскому материку, а съ другой къ европейскимъ странамъ, гдѣ образовалось стремленіе вести торговлю съ народами, обитавшими на русскомъ материкѣ.

Не съ единой точки географическихъ вліяній мѣстности, хотя нимало ихъ не отрицая, приходится смотрѣть намъ на особенности политической и общественной жизни въ Новгородѣ (а равно и въ выдѣлившихся отъ него Псковѣ и Вяткѣ) въ тотъ періодъ, когда этотъ сѣверный край отличался ими отъ остальной Руси. Вѣчевое устройство, сознаваемое народомъ право рѣшать самому судьбу своей страны, республиканское понятіе о политической индивидуализаціи своего края, выражавшееся словомъ «Государь Великій Новгородъ», право народа избирать и смѣнять свои власти, постановлять законы, творить судъ и расправу надъ своими членами и живущими въ своемъ краѣ, объявлять войну, заключать миръ и договоры съ другими государственными обществами,—все это были общія черты славянскихъ политическихъ обществъ, все это было нѣкогда повсюду на Руси, а потомъ испарилось, уцѣлѣвши долѣе только въ Новгородѣ, Псковѣ и Вяткѣ, потому что тамъ древняя русская жизнь могла держаться долѣе. Въ другихъ русскихъ земляхъ жизнь до того видоизмѣнилась, что новгородцевъ, въ качествѣ ругательства, начали обзывать «вѣчниками», забывая, что прежде всѣ русскіе были вѣчниками.

Прежде всего монгольское завоеваніе въ покоренныхъ русскихъ земляхъ подорвало вѣчевое устройство и усилило княжескую власть, давши ей первенство надъ вѣчевою, народною, тогда какъ до тѣхъ поръ было, можно сказать, наоборотъ. Прежде надъ всѣмъ русскимъ міромъ не было единаго властителя-собственника; теперь такимъ властителемъ-собственникомъ порабощенной Руси сталъ ханъ. Монголы страшны и немилостивы были только во время опустошеній своихъ, и самыя опустошенія отъ нихъ постигали только тѣ края, гдѣ они встрѣчали себѣ сопротивленіе. Къ смирявшимся передъ ними они были кротки и вообще не навязывали побѣжденнымъ ни своего строя, ни своихъ властителей, оставляли жизнь ихъ течь по-своему, какъ застали, и дозволяли подвластнымъ народамъ управляться самимъ собою, довольствуясь отъ нихъ только данью и послушаніемъ. Но въ порабощенныхъ монголами странахъ необходимо должны были существовать туземные мѣстные органы власти, которые бы относились съ такимъ послушаніемъ къ верховному своему властелину — монгольскому хану. Вѣча никакъ

не могли быть такими органами уже потому, что въ своемъ составѣ они, какъ народныя сборища, состояли изъ множества личностей, равныхъ между собою; предъ властителемъ-собственникомъ всей Руси, ханомъ, такими органами могли быть только личности, облеченныя аттрибутомъ власти: такихъ личностей нашло монгольское завоеваніе въ русскихъ князьяхъ. До тѣхъ поръ эти князья правили своими землями по избранію или по согласію и желанію своихъ земель; теперь же ханы отдавали имъ земли въ вотчину или въ полную собственность. Только такимъ образомъ и могли ханы требовать отъ князей себѣ послушанія, награждать ихъ и наказывать. Надъ всѣми князьями ставился одинъ верховный великій князь, такой, кого изъ князей захочетъ ханъ возвысить. Образовался такимъ образомъ нѣкотораго рода феодальный строй: всѣ русскіе князья зависѣли отъ единаго великаго князя, который поставленъ по волѣ властелина-собственника русскаго міра—монгольскаго хана Золотой Орды. Но, по старому отношенію городовъ и земель, между подчиненными великому князю князьями возникло само собою неравенство; какъ прежде города были старѣйшіе и молодшіе, большіе и меньшіе, такъ теперь и князья стали различаться между собою: одни были знатнѣе другихъ, меньшіе должны были подчиняться большимъ, а большіе съ меньшими великому князю, который, въ свою очередь, находился въ подчиненіи хану Золотой Орды. Этотъ порядокъ не могъ продолжаться долѣе вѣка, потому что въ половинѣ XIV столѣтія Золотая Орда быстро начала разлагаться и поставляемые ханами великіе князья, утвердившись въ Москвѣ, посягнули, вмѣсто хановъ, сами занять ихъ мѣсто и сдѣлаться верховными главами всѣхъ русскихъ князей. Вѣча уже умолкли, какъ только власть хановъ дала себя чувствовать. Они сошли на степень народныхъ сходокъ, занимавшихся своими мелкими дѣлами, и притомъ находились въ зависимости отъ своего князя. Вѣче, въ прежнемъ смыслѣ этого слова, стало противнымъ власти, какъ княжеской, такъ и ханской. Послѣ монгольскаго завоеванія, если гдѣ вѣча являлись, то уже исключительно въ качествѣ бунта, какъ скопище самовольцевъ, составляющихъ заговоръ противъ законныхъ властей, и такое вѣче влекло за собою со стороны князя правосудное наказаніе. Такъ въ 1305 году въ Нижнемъ-Новгородѣ черные люди, собравшись скопомъ, составили заговоръ и перебили бояръ: ихъ лѣтописецъ называетъ вѣчниками и повѣствуетъ, что князь казнилъ ихъ, какъ преступниковъ. Когда въ Твери нахальство ханскихъ баскаковъ возбудило негодованіе жителей, тогда составилось вѣче; перебили монголовъ, и зато потомъ вся Тверь понесла разореніе въ наказаніе. Вѣче, однимъ словомъ, стало на Руси синонимомъ мятежнаго скопища; слово «вѣчникъ» значило то же, что мятежникъ, бунтовщикъ.

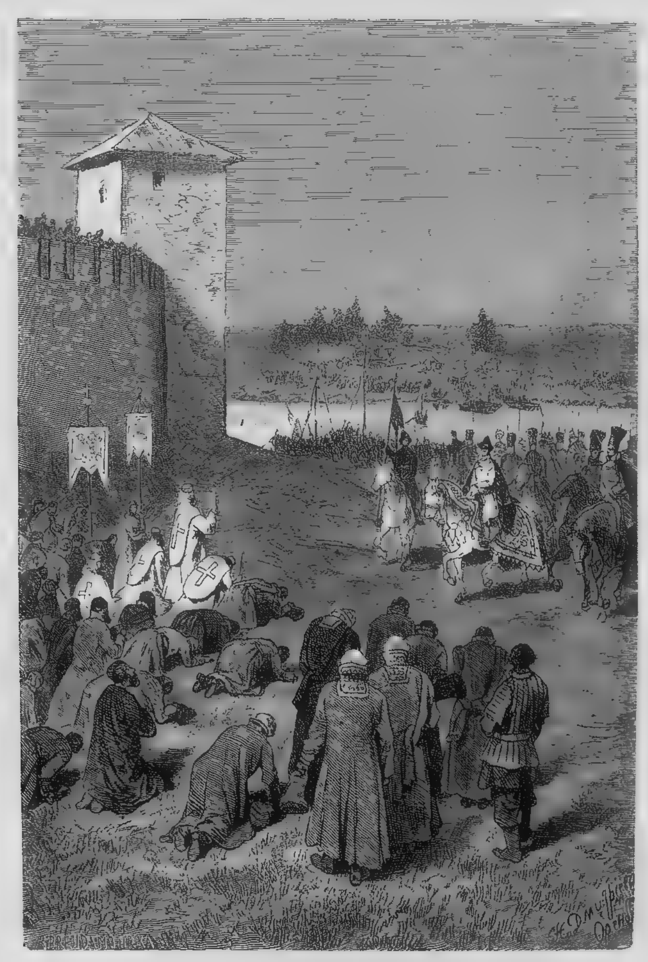
Но въ краяхъ сѣверныхъ вѣча не умолкали. Въ эпоху своего перваго нашествія на Русь монголы не зацѣпили Новгорода и Пскова. Новгородъ и Псковъ, оставаясь цѣлыми, считали себя нѣкоторое время независимыми отъ Орды, пока наконецъ сознаніе собственнаго безсилія не заставило Новгородъ покориться, признать власть хановъ Золотой Орды и обязаться платить выходъ въ Орду наравнѣ со всѣми русскими подвластными Ордѣ князьями и землями. Это случилось при Александрѣ Невскомъ, который, какъ извѣстно, прибѣгалъ къ очень суровымъ мѣрамъ, чтобъ усмирить упорство Новгородцевъ. Съ тѣхъ поръ Новгородъ сталъ платить выходъ; за то оставленъ былъ со своимъ прежнимъ строемъ и съ вѣчевымъ порядкомъ. Не сдѣлался онъ вотчиною какого-нибудь отдѣльнаго князя, потому что не нашлось такого князя, который бы посягнулъ выпрашивать его у хана для себя въ наслѣдственную вотчину. Новгородъ сталъ какъ бы достояніемъ власти великаго князя, и кто только получалъ отъ хана великокняжеское достоинство, тотъ уже тѣмъ самымъ предъявлялъ право считаться господиномъ надъ Великимъ Новгородомъ. Съ этихъ поръ Новгородъ, не отрицая права господства надъ собою за получавшимъ великокняжеское достоинство отъ хановъ Золотой Орды, старался упрочить и оградить свою цѣльность и самобытность договорами съ великими князьями. Явился послѣдовательный рядъ такихъ договоровъ одинъ за другимъ. Въ прежнія времена Новгородцы не заключали письменныхъ договоровъ съ тѣми князьями, которые начинали у нихъ княжить; по крайней мѣрѣ отъ періода ранѣе монгольскаго завоеванія не дошло до насъ ни одного такого договора, и, вѣроятно,

такихъ договоровъ не было, потому что въ нихъ не было никакой надобности. Князья были выбранные и естественно должны были управлять такъ, какъ того хотѣло вѣче. Но когда обстоятельства заставили Новгородъ признавать своимъ княземъ того, кто получалъ отъ хана великокняжеское достоинство и верховное главенство надъ всѣми русскими землями, тогда естественно возникла потребность постановлять съ великими князьями условія, которыя давали бы Новгородцамъ ручательство противъ покушеній со стороны великокняжеской власти. Великіе князья могли дѣйствовать противъ Новгорода насиліемъ: покровительствовали имъ ханы-государи всей русской земли, а всѣ подвластныя ханамъ русскія земли, отданныя подъ наблюденіе великихъ князей, должны были повиноваться послѣднимъ и, по приказанію великаго князя, могли двинуть ратныя силы на Новгородъ. Но когда ханская власть въ Ордѣ ослабѣла отъ междоусобій, а великокняжеская власть, утвердившись въ Москвѣ, все болѣе и болѣе крѣпла и расширялась, тогда Новгородцамъ, ограждая свою свободу отъ великокняжеской власти, пришлось тѣмъ самымъ ограждать ее и отъ Москвы. Новгородъ и Москва сдѣлались противоположными другъ другу политическими пунктами. Новгородцы нѣсколько разъ приглашали къ себѣ иныхъ князей, то изъ великорусскихъ земель, то изъ литовско-русскихъ, то Рюрикова дома, то Гедиминова: какъ будто хотѣли они возобновить древній обычай призывать въ Новгородъ на особое княженіе князей изъ русскаго міра, по желанію новгородскаго народа. Такія попытки, однако, не привели къ возобновленію стариннаго порядка въ выборѣ князей. По мѣрѣ того, какъ Москва усиливалась и перестала уже бояться хана, Новгороду все труднѣе и труднѣе становилось вести борьбу съ московскими великими князьями и отстаивать противъ нихъ свою самостоятельность. Новгородъ долженъ былъ принимать великокняжескихъ намѣстниковъ, довольствуясь тѣмъ, что обязывалъ ихъ имѣть пребываніе въ Городищѣ, а не въ самомъ городѣ, допускалъ ихъ творить судъ и расправу, но не иначе, какъ при участіи новгородскаго посадника О-бокъ великокняжескаго намѣстника, сидѣвшаго въ Городищѣ, въ самомъ Новгородѣ бывалъ нерѣдко князь, приглашенный новгородцами на кормленье (за такими осталось даже особое названіе «кормленый князь»), но такіе князья обыкновенно недолго пробывали въ Новгородѣ, не пріобрѣтали тамъ народнаго расположенія и вообще такъ же скоро уходили изъ Новгорода, какъ туда приходили. Такъ было до Ивана III, московскаго великаго князя, который до такой степени усилилъ свою власть надъ подручными князьями, что, по мановенію великаго московскаго князя, своего государя, ихъ полчища безпрекословно соединялись и выступали и противъ Орды, и противъ Литвы, и противъ Великаго Новгорода. Тогда новгородской свободѣ пришелъ конецъ. За Новгородомъ исчезли другія народоправныя общины: остатки древней жизни вымирали подъ вѣяніемъ новой политической жизни, шедшемъ изъ Москвы. Удѣльно-вѣчевая Русь вся окончательно преобразовалась въ единодержавное Московское государство.

Но прежняя долговременная политическая жизнь не исчезаетъ внезапно и всецѣло. Многія черты ея передаются грядущимъ вѣкамъ. Многое, выработанное новгородскою жизнію, сдѣлалось общимъ русскимъ достояніемъ, послѣ того, какъ Новгородъ соединился съ остальною Русью, а иное, и послѣ такого соединенія, продолжало оставаться въ Новгородскомъ и Псковскомъ краѣ, какъ его мѣстное отличіе. Оба великіе московскіе князя, господствовавшіе одинъ за другимъ, Иванъ и сынъ его Василій, употребляли крутыя мѣры для искорененія стариннаго строя въ народоправныхъ земляхъ, переселяя оттуда десятками тысячъ жителей въ срединныя земли Московскаго государства, а на ихъ мѣсто переводили изъ послѣднихъ другихъ обывателей. Переселенцы приходили на свое новоселье со своими обычаями и понятіями; все въ краѣ переворачивалось; однако нельзя же было всѣхъ жителей выселить и заселить иными покоренныя и опустѣвшія народоправныя земли. Прежняя старина откликалась еще долго, какъ только наступали эпохи, вызывавшія ея появленіе на свѣтъ. Это замѣтно въ эпоху ужасной расправы Ивана Грознаго, и еще яснѣе въ событіяхъ Смутнаго времени и въ царствованіе Алексѣя Михайловича, когда въ Новгородѣ, Псковѣ и въ разныхъ другихъ сѣверныхъ городахъ возникали

народныя движенія, показывавшія, что въ этихъ краяхъ не искоренилось сознаніе народа быть не простымъ исполнителемъ повелѣній власти, но и рѣшителемъ своей судьбы.

Торговое значеніе Великаго Новгорода, послѣ паденія его независимости, долго еще оставалось за нимъ, не смотря на суровые поступки московскихъ великихъ князей съ иноземными купцами, поступки, которые способны были отбить у нѣмцевъ охоту ѣздить во владѣнія москов-

Въѣздъ царя Ивана Васильевича въ Новгородъ.

скаго государя. Это значеніе было подорвано открытіемъ бѣломорскаго пути, но и послѣ того не переставало быть значительнымъ, хотя уже становилось второстепеннымъ, и окончательно исчезло только уже послѣ основанія Петербурга.

Вопросъ, на сколько сношенія Новгорода съ Европою имѣли культурное вліяніе на всю Русь, еще неисчерпанъ. Существовало мнѣніе, будто Новгородъ и Псковъ обязаны были близкому сношенію съ Западною Европою своимъ республиканскимъ строемъ. Такое мнѣніе ошибочно. Но нельзя отрицать, что торговыя сношенія Новгорода и Пскова съ Европою знакомили всю Русь съ произведеніями европейской культуры, и такое знакомство улучшало житейскій обиходъ

такихъ зажиточныхъ классовъ народа, которые имѣли средства пользоваться этими произведеніями. Все это, разумѣется, имѣло вещественное значеніе. Каждый аршинъ сукна, годный на одежду, каждая склянка винограднаго вина на пиру у тароватаго хозяина были плодомъ новгородской торговли съ Европою. Но слѣдовъ перехода въ Новгородъ европейской тогдашней науки — не видно. Новгородцы, торгуя съ Ганзою, не усвоивали сами пріемовъ умѣлости въ ремеслахъ и искусствахъ. Политика Ганзы старалась не выпускать русскихъ изъ того невѣжества, въ какомъ европейцы ихъ застали. Города ганзейскіе были до того ревнивы къ возможности эксплуатировать Русскихъ, что даже своимъ торговцамъ запрещали учиться по-русски и не дозволяли имъ заживаться слишкомъ долго въ Новгородѣ, чтобы, сошедшись и подружившись съ туземцами, не научили они послѣднихъ тому, чего туземцы не знали. Русскихъ купцовъ Нѣмцы всѣми силами старались не допускать ѣздить въ чужіе края, чтобъ русскіе не присмотрѣлись тамъ къ техникѣ производства товаровъ, привозимыхъ изъ Германіи въ Русь. При такомъ отношеніи къ дѣлу неудивительно, что въ Новгородъ мало заходило плодовъ умственной европейской жизни. Хотя въ понятіяхъ, кругѣ познаній и въ искусствѣ замѣчается вліяніе Запада на русскую жизнь въ старинныя времена, но нельзя съ точностію опредѣлить, когда именно и какимъ путемъ перешелъ къ намъ такой или другой изъ замѣчаемыхъ признаковъ западнаго вліянія.

Не беремся рѣшить: относительной-ли близости къ западу или свободному общественному строю, уцѣлѣвшему на Руси долѣе другихъ земель въ Новгородѣ и Псковѣ, должны мы приписать то обстоятельство, что Новгородъ, по книжному образованію, стоялъ выше остальной Руси. Древняя образованность, начавшаяся подъ вліяніемъ Византіи и расцвѣтавшая въ Кіевѣ и Южной Руси, послѣ страшнаго монгольскаго погрома и опустѣнія края, оставила по себѣ только воспоминанія, а изъ небѣднаго запаса литературныхъ произведеній того періода не дошло до насъ ни одного южнорусскаго древняго списка. Если мы что-нибудь знаемъ о памятникахъ кіевской образованности, то единственно по спискамъ сѣвернымъ, преимущественно новгородскимъ. Въ самомъ Новгородѣ и въ другихъ мѣстахъ, состоявшихъ подъ управленіемъ новгородскимъ, являлись поэтическія легенды, распространялись въ народѣ и составили домашнее достояніе русской духовной литературы. Какъ много въ Новгородѣ сохранялось писаннаго изъ памятниковъ духовной литературы, показываетъ огромный сборникъ Макарія, извѣстный подъ названіемъ Четьихъ-Миней, составленный въ Новгородѣ. Большая часть внесенныхъ туда сочиненій занесены были изъ списковъ, найденныхъ въ Новгородѣ и въ монастыряхъ новгородскаго духовнаго управленія. И въ русское искусство Новгородъ и Псковъ внесли значительную дань: въ XV и XVI вѣкѣ строители церквей и иконописцы были преимущественно изъ двухъ сѣверныхъ народоправныхъ городовъ. Въ иконописаніи образовался своеобразный пошибъ, называвшійся новгородскимъ, а дѣло дьяка Висковатаго, при Иванѣ Грозномъ, возникшее по поводу соблазна, возбужденнаго образами, привезенными изъ Новгорода въ Москву, показываетъ, что, и по содержанію, образовались своеобразныя отличія въ искусствѣ.

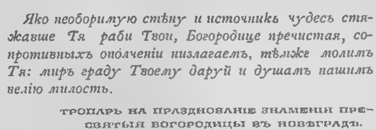

Н. И. Костомаровъ.

ОЧЕРКЪ V.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СУДЬБА ГОСПОДИНА ВЕЛИКАГО НОВГОРОДА.

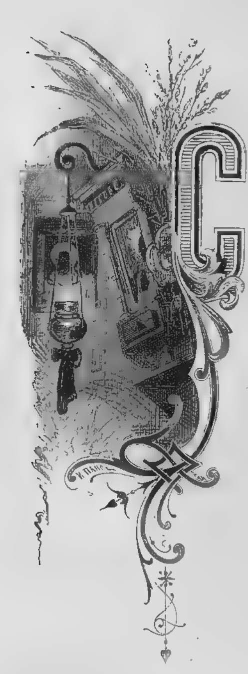
Ильменскіе Славяне. — Основаніе Новгорода. — Призваніе князей. — Преданія о Гостомыслѣ и Вадимѣ. — Новгородъ при первыхъ князьяхъ. — Крещеніе Новгорода. — Время Ярослава. — Внутреннее устройство Новгорода. — Городъ, его земли и волости. — Новгородское общество. — Бояре, купцы и черные люди. — Вольные люди. — Новгородское правительство. — Вѣче. — Степенные и старые посадники. — Тысяцкіе. — Князь. — Договорныя граматы Новгорода съ князьями. — Исторія Новгорода. — Посадникъ Якунъ Мирославичъ. — Его судьба. — Знаменіе Божіей Матери. — Новгородъ при Мстиславѣ Удаломъ. — Борьба съ Ярославомъ Переяславскимъ. — Новгородцы въ Суздальской землѣ. — Липицкая битва. — Время Александра Невскаго. — Невская битва. — Ледовое побоище. — Ссора съ княземъ. — Татарская дань. — Возвышеніе Москвы. — Характеръ борьбы Новгорода съ Москвою. — Московская и литовская партіи. — Послѣдніе дни новгородской самобытности. — „Вѣчу не быть“.

Яко необоримую стѣну и источникъ чудесъ стяжавше Тя раби Твои, Богородице пречистая, сопротивныхъ ополченіи низлагаемъ, тѣмже молимъ Тя: миръ граду Твоему даруй и душамъ нашимъ велію милость.

ТРОПАРЬ НА ПРАЗДНОВАНІЕ ЗНАМЕНІЯ ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ ВЪ НОВѢГРАДѢ.

I.

Составитель нашей первой лѣтописи, «Повѣсти временныхъ лѣтъ» указываетъ на берега Дуная, какъ на мѣсто первоначальнаго поселенія Славянъ. Эти Славяне, говоритъ онъ, «разошлись по землѣ и прозвались особыми именами, смотря, по мѣсту гдѣ поселились». Одно изъ племенъ сѣло на берегахъ озера Ильменя, назвалось своимъ именемъ, то есть просто Славянами, и построило городъ, который нарекло Новгородомъ.

Ильменскіе Славяне поселились въ странѣ бѣдной, лѣсной и болотистой, мало удобной для земледѣлія; но городъ свой построили въ мѣстѣ весьма выгодномъ въ торговомъ отношеніи, на пути «изъ Варягъ въ Греки». Кіевскій лѣтописецъ слѣдующимъ образомъ описываетъ этотъ путь: «Изъ Грекъ по Днѣпру, а отъ верховьевъ Днѣпра волокъ до Ловати, а по Ловати входятъ въ Ильмень озеро великое; изъ этого-же озера течетъ Волховъ и впадаетъ въ озеро великое Нево (Ладожское озеро), а изъ этого озера устье входитъ въ море Варяжское (Балтійское)». И исторія знаетъ Новгородцевъ, какъ народъ торговый, рано начавшій сношенія съ Западомъ и Востокомъ, служившій посредникомъ ихъ торговли; область Новгородская производила хлѣба въ количествѣ недостаточномъ для своего собственнаго прокормленія, и нерѣдко, вслѣдствіе неурожая, стра-

дала отъ доровизны и голода; необходимость получать хлѣбъ изъ другихъ русскихъ областей обусловливала даже въ значительной степени внутреннюю политику новгородской республики.

Здѣсь, при истокѣ Волхова изъ Ильменя, въ странѣ, которую исландскія саги величаютъ Гардарикой, то есть страной городовъ, суждено было начаться русской исторіи.

Лѣтопись разсказываетъ объ этомъ событіи слѣдующее. Подъ 859 годомъ записано извѣстіе, что Варяги изъ заморья брали дань съ Чуди. Славянъ, Мери, Веси и Кривичей. Подъ

Гостомыслъ снаряжаетъ посольство къ Руси.

862 г. сказано, что Варяги были изгнаны за море, и Славяне перестали платить имъ дань. Они начали управляться сами собою, но у нихъ не было правосудія, родъ возставалъ на родъ и началась междоусобная война. Славяне собрались на вѣче и сказали самимъ себѣ: «Поищемъ себѣ князя, который управлялъ бы нами и судилъ насъ по закону.» Послѣдствіемъ такого рѣшенія было снаряженіе посольства къ заморскихъ Варягамъ, именно къ Руси. Эти Варяги, прибавляетъ лѣтописецъ,—назывались Русью, какъ другіе зовутся Свіе (Шведы), а еще другіе Урмане (Норвежцы), Англяне, Готы. Послы были отправлены не только отъ Славянъ, но и отъ дру-

гаго славянскаго же племени Кривичей, городомъ которыхъ былъ Смоленскъ, а равно отъ нѣкоторыхъ финскихъ племенъ.

Посольство сказало Руси: «страна наша велика и обильна, а наряда (правительства) въ ней нѣтъ; придите княжить и володѣть нами.» Тогда три брата, Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ, со своими родственниками и со всею Русью, отправились къ Славянамъ и другимъ племенамъ, участвовавшимъ въ призваніи. Рюрикъ поселился въ Новгородѣ, Синеусъ на Бѣло-озерѣ, Труворъ въ Изборскѣ. Два младшіе брата умерли черезъ два года. Рюрикъ же сталъ властвовать одинъ и началъ раздавать своимъ мужамъ, то есть дружинамъ, города: кому Полоцкъ, кому Ростовъ, кому Бѣло-озеро.

Сверженіе Перуна.

Существуетъ преданіе, что Рюрикъ былъ призванъ Новгородцами по совѣту ихъ старѣйшины, или посадника, Гостомысла и что будто бы дочь этого Гостомысла была замужемъ за Рюрикомъ, — сказаніе, неизвѣстное писателю «Повѣсти временныхъ лѣтъ». Существуетъ также сказаніе, что не всѣ были довольны призваніемъ русскихъ князей, что противники Рюрика воз-

стали противъ него подъ предводительствомъ Вадима, который и былъ убитъ въ послѣдовавшей схваткѣ; сторонники его были частію также убиты, частію казнены Рюрикомъ.

Преемникъ Рюрика, Олегъ, въ 882 году, вышелъ изъ Новгорода ради завоеваній и съ того времени уже не возвращался на берега Волхова. Онъ основался въ Кіевѣ, который назвалъ «матерью городовъ русскихъ», и сталъ княжить въ немъ. Олегъ установилъ, чтобъ Славяне, Кривичи и финскія племена, участвовавшія въ призваніи князей, платили ежегодную дань въ 300 гривенъ, «ради мира», то есть ради избавленія себя отъ варяжскихъ набѣговъ. Дань шла изъ Новгорода и платилась, по свидѣтельству лѣтописца, до смерти Ярослава.

Съ 882 года по 947 мы не встрѣчаемъ никакихъ извѣстій о Новгородцахъ. Въ этомъ году, великая княгиня Ольга посѣтила Новгородъ и установила погосты по рѣкѣ Мстѣ и дани и оброки по Лугѣ. И затѣмъ снова, до 970 года, въ лѣтописи нѣтъ ни слова о Новгородѣ. Такимъ образомъ, въ теченіе 88 лѣтъ, въ то время, какъ въ Кіевѣ шла богатая событіями жизнь, Новгородъ какъ бы исчезаетъ изъ русской исторіи. Славяне ильменскіе не участвовали ни въ походахъ кіевскихъ князей на Цареградъ, ни въ ихъ стремленіяхъ подчинить своей власти различныя славянскія племена. Самое названіе Руси вмѣстѣ съ варяжскими князьями переходитъ а югъ, Русью начинаетъ называться по преимуществу область, стольнымъ городомъ которой былъ Кіевъ. Ильменскіе Славяне также утрачиваютъ свое родовое имя, и начинаютъ зваться по имени своего города, Новгородцами.

Въ 970 Святославъ, отправляясь вторично въ придунайскую Болгарію, посадилъ своихъ сыновей: Ярополка княземъ въ Кіевѣ, а Олега въ Древлянской землѣ. Въ это время къ нему явились люди новгородскіе, прося себѣ князя. Они прибавили при этомъ: «Если не пойдете къ намъ, то мы сами найдемъ себѣ князя» — слова, свидѣтельствующія если не о полной самостоятельности Новгорода по отношенію къ кіевскимъ князьямъ, то все же о сознаніи ими своей силы и значенія. «Да пойдетъ ли кто къ вамъ?» отвѣчалъ Святославъ. И Ярополкъ, и Олегъ отказались отъ чести быть княземъ въ Новгородѣ. У Святослава былъ еще сынъ Владиміръ отъ ключницы Ольги, Малуши. Братъ этой Малуши и дядя Владиміра, Добрыня, присо вѣтовалъ Новгородцамъ просить у Святослава въ князья своего племянника. Они такъ и поступили. «Вотъ онъ вамъ», отвѣчалъ Святославъ. Владиміръ отправился княжить въ Новгородъ, вмѣстѣ съ дядей своимъ Добрыней.

Въ 977 году между Ярополкомъ и Олегомъ возгорѣлась усобица, въ которой погибъ Олегъ. Свѣдавъ о смерти брата, Владиміръ бѣжалъ за море, къ Варягамъ. Ярополкъ, узнавъ объ этомъ, немедленно послалъ въ Новгородъ своего посадника, котораго Новгородцы приняли безъ всякаго сопротивленія. Но когда, въ 980 году, Владиміръ возвратился съ Варягами въ Новгородъ, то изгналъ Ярополкова посадника и сѣлъ княземъ въ Новѣгородѣ. Новгородцы при этомъ не вступились за намѣстника кіевскаго князя.

Затѣмъ, Новгородцы участвовали въ походѣ Владиміра на Полоцкъ и Кіевъ. Послѣ побѣды надъ Рогволодомъ и Ярополкомъ, когда Владиміръ сдѣлался единовластнымъ княземъ всей Руси, онъ послалъ въ Новгородъ своимъ посадникомъ дядю своего Добрыню. Какъ извѣстно, Владиміръ обнаруживалъ въ это время особую ревность къ язычеству и поставилъ въ Кіевѣ кумиры Перуна и другихъ боговъ; подобно, и Добрыня, по прыбытіи въ Новгородъ, поставилъ кумиръ Перуна надъ рѣкою Волховомъ, и Новгородцы приносили ему жертву какъ богу.

Въ 985 году, Владиміръ ходилъ вмѣстѣ съ дядей своимъ на Камскихъ Болгаръ; вѣроятно, и Новгородцы участвовали въ этомъ походѣ.

Въ 988 г. Владиміръ принялъ святое крещеніе; Кіевъ мирно и добровольно послѣдовалъ примѣру князя. Въ Кіевѣ гораздо раньше Владиміра стало распространяться христіанство; еще во времена Игоря тамъ существовала церковь Св. Иліи; примѣръ святой Ольги также не могъ остаться безъ подражанія. Но не то было въ дальнемъ Новгородѣ, и крещеніе Новгородцевъ совершилось далеко не такъ мирно и добровольно.

Новгородская лѣтопись говоритъ, что въ 988 г., то есть въ годъ крещенія приднѣпровской Руси, епископъ Іоакимъ пришелъ въ Новгородъ, разорилъ требища и, повергнувъ кумиръ Перуна, приказалъ сбросить его въ Волховъ. Перуна скрутили веревками и потащили по грязи, причемъ били его палками и пихали. Въ это время, какъ утверждаетъ преданіе, въ Перуна вошелъ бѣсъ и началъ кричать: «Охъ, горе мнѣ! охъ! достался я судьямъ немилостивымъ». Крики, однако, не помогли, и Перунъ былъ сброшенъ въ Волховъ. Епископъ запретилъ перенимать кумиръ. Ниже Новгорода, близъ устья Пидьбы, слѣва впадающей въ Волховъ, Перуна прибило къ берегу. Рано утромъ, одинъ Пидьблянинъ, собравшись везти въ тотъ день горшки на базаръ въ городъ, пришелъ къ рѣкѣ и увидѣлъ Перуна у берега. Онъ оттолкнулъ его шестомъ, примолвя: «Перунище! досыта ѣлъ ты и пилъ, а нынче плыви прочь.»

Но сверженіе Перуна, какъ видно, не укрѣпило вѣры христіанской въ сердцахъ Новгородцевъ; большинство осталось язычниками. И вотъ подъ 990 годомъ, въ такъ называемой Якимовской лѣтописи, занесенъ разсказъ о слѣдующемъ событіи. Въ Новгородѣ люди, услыхавъ, что Добрыня идетъ крестить ихъ, собрали вѣче и дали заклятье не пускать его въ городъ. Добрыня сталъ на правомъ берегу Волхова, на такъ называемой Торговой сторонѣ города. Лѣвая сторона, впослѣдствіи по имени главнаго собора называвшаяся Софійскою, на половину разломала мостъ и поставила на своей части моста два порока (камнеметныя машины). Заводчикомъ возмущенія лѣтопись называетъ верховнаго жреца Богумила, прозваннаго за свое сладкорѣчіе Соловьемъ. Пришедшіе съ Добрыней священники ходили по торжищамъ и улицамъ Торговой стороны и поучали народъ; причемъ въ два дни крестили нѣсколько сотъ. Тогда новгородскій тысяцкій Угоняй сталъ ѣздить по улицамъ и площадямъ зарѣчной части города, всюду крича: «Лучше намъ умереть, чѣмъ отдать своихъ боговъ на поруганіе». Народъ лѣвой стороны разсвирѣпѣлъ, разграбилъ домъ Добрыни и убилъ остававшуюся въ Новгородѣ жену его и нѣкоторыхъ родственниковъ. Княжескій тысяцкій Путята, узнавъ объ этомъ, приказалъ готовить лодки и съ пятью стами воиновъ переправился выше города на ту сторону Волхова. Жители той стороны не ждали нападенія, а кто видѣлъ переправу, тѣ приняли воиновъ Путяты за своихъ. Путята пошелъ на домъ Угоняя, захватилъ его и еще нѣсколькихъ изъ выдающихся горожанъ и переслалъ ихъ за рѣку къ Добрынѣ.

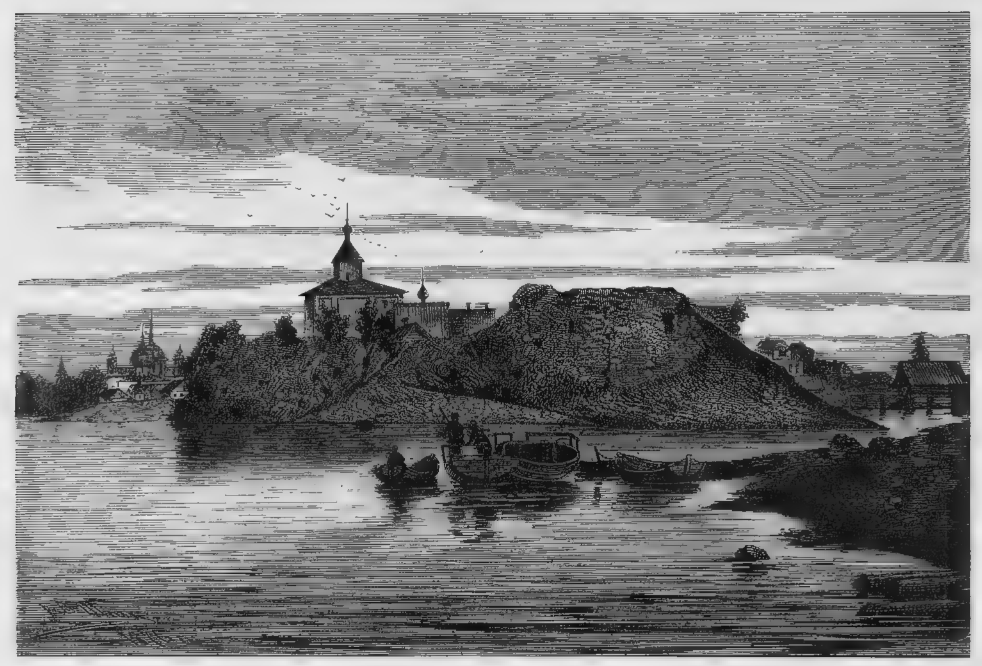
Когда Новгородцы узнали объ этомъ, то въ числѣ пяти тысячъ обступили Путяту, причемъ произошла злая сѣча. Нѣкоторые же бросились къ церкви Преображенія и стали разрушать ее, а также начали грабить дома христіанъ. По счастію, Добрыня во-время поспѣлъ на помощь Путятѣ и приказалъ зажечь дома, стоявшіе на берегу. Народъ бросился тушить пожаръ, и съ тѣмъ вмѣстѣ прекратилась сѣча. Новгородцы прислали просить мира.

Тогда Добрыня, приказавъ прекратить грабежъ, велѣлъ своимъ воинамъ ломать, сжигать и бросать въ рѣку кумиры; Новгородцамъ же идти креститься. Посадникъ новгородскій Воробей, выросшій при дворѣ Владиміровомъ, сталъ увѣщевать народъ креститься. Многіе пошли добровольно, а другихъ воины насильно потащили въ рѣку, и крестили мужчинъ выше моста, а женщинъ ниже. Нѣкоторые отговаривались, утверждая, что уже крещены; такимъ было велѣно надѣвать кресты на шею. Нежелавшимъ подчиняться этому не вѣрили и крестили ихъ снова. Затѣмъ, была возобновлена разрушенная церковь Преображенія. Лѣтописецъ прибавляетъ, что съ тѣхъ поръ стали дразнить Новгородцевъ, что Путята крестилъ ихъ мечомъ, а Добрыня огнемъ.

Владиміръ послалъ княжить въ Новгородѣ старшаго своего сына Вышеслава, а по его смерти посадилъ тамъ другаго сына, Ярослава. Въ 997 году Владиміръ самъ ѣздилъ въ Новгородъ собирать войско на Печенеговъ, которые безпрестанно нападали на кіевскіе предѣлы.

Какія были отношенія Новгорода къ кіевскимъ князьямъ во все описанное время—съ точностью опредѣлить трудно, по недостаточности лѣтописныхъ свидѣтельствъ. Какъ мы видѣли, князья то посылали въ Новгородъ своихъ посадниковъ, то своихъ сыновей; въ Новгородѣ

было, кромѣ того, народное вѣче и по временамъ, какъ кажется, свои выборные посадники; вообще, онъ пользовался значительной долею самостоятельности. Подъ 1014 годомъ, мы находимъ извѣстіе, что Новгородцы ежегодно и постоянно платили Кіеву дань въ двѣ тысячи гривенъ и кромѣ того въ самомъ Новгородѣ раздавалась тысяча гривенъ гридямъ. Гридями назывались младшіе дружинники. Поэтому, съ вѣроятностью предполагаютъ, что при посадникахъ, назна-

Старо-Ладожская Рюрикова крѣпость.

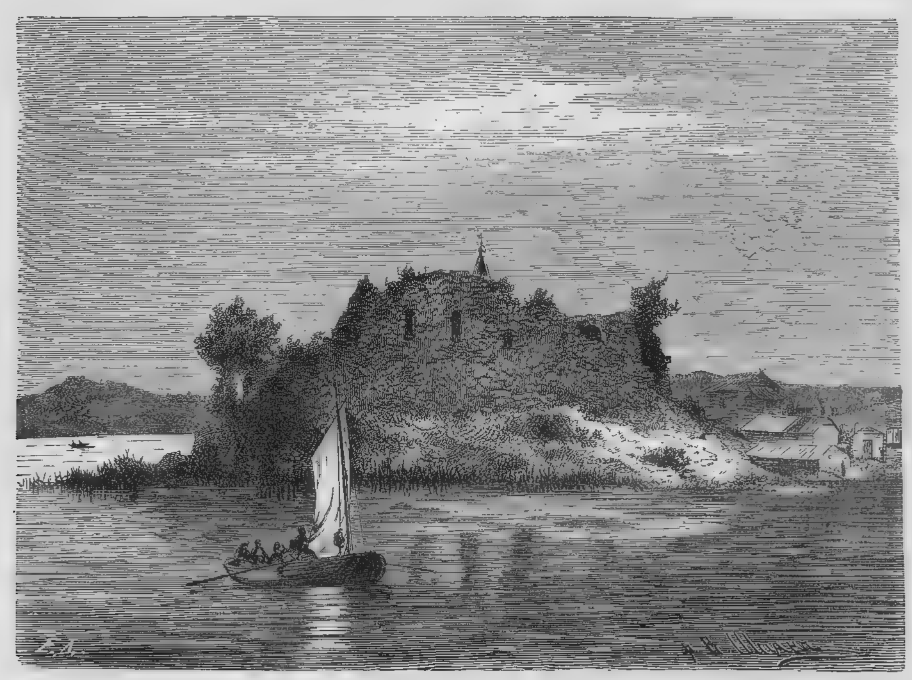
чавшихся кіевскими князьями, состояли на службѣ дружинники, содержаніе которыхъ возлагалось на Новгородцевъ. Эту обычную дань Кіеву Ярославъ пересталъ высылать своему отцу. Владиміръ сталъ готовиться къ походу. Ярославъ, съ своей стороны, послалъ за море за Варягами, думая съ этимъ наемнымъ войскомъ идти на отца. Поэтому нѣкоторые ученые заключаютъ, что Ярославъ, не платя обычной дани Кіеву, тѣмъ не менѣе собиралъ ее съ Новгородцевъ, но оставлялъ въ свою пользу; еслибъ онъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ заодно съ народомъ, ему не зачѣмъ было бы нанимать для предстоявшей борьбы съ отцомъ варяжское войско: Новгородцы постояли бы за него.

Усобица между отцомъ и сыномъ не состоялась, Владиміръ разболѣлся и скончался 15-го іюня 1015 года. Послѣ его смерти, какъ извѣстно, Святополкъ сѣлъ въ Кіевѣ и сталъ избивать своихъ братьевъ.

Между тѣмъ, когда Ярославъ не зналъ еще о смерти отца, нанятые имъ Варяги творили насилье Новгородцамъ и ихъ женамъ. Новгородцы возмутились и избили Варяговъ на Парамоновомъ дворѣ. Ярославъ разгнѣвался и выѣхалъ изъ Новгорода въ Рокомъ, селеніе на правомъ берегу Ильменя. Затѣмъ, притворясь, что не сердится на Новгородцевъ, онъ послалъ сказать имъ: «Мнѣ уже не воскресить убитыхъ», и позвалъ нарочитыхъ людей изъ участвовавшихъ въ убіеніи Варяговъ къ себѣ на пиръ. Новгородцы повѣрили князю, поѣхали къ нему въ гости, и были изсѣчены. Въ ту же ночь пришла князю вѣсть отъ сестры Предславы, что отецъ

меръ, а Святополкъ сѣлъ въ Кіевѣ, убилъ Бориса и послалъ убить Глѣба. «И самъ ты весьма берегись его,» прибавляла сестра.

Ярославъ, опечаленный этими вѣстями, раскаявался въ своемъ кровавомъ поступкѣ. «О, люба моя дружина, сказалъ онъ, — вчера я избилъ ее, а нынче она надобна». Князь собралъ

Рюриковъ замокъ.

вѣче и объяснилъ народу свое положеніе. «Хотя наши братья и избиты, отвѣчали Новгородцы; мы можемъ еще постоять за тебя». С. М. Соловьевъ предполагаетъ, что Ярославъ успѣлъ на этомъ вѣчѣ уговориться съ Новгородомъ и слить свое дѣло съ дѣломъ народнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, Новгородцы стоятъ крѣпко за Ярослава, не оставляя его въ несчастіи.

Ярославъ съ Новгородцами пошелъ на Святополка; три мѣсяца войска стояли другъ противъ друга по обоимъ берегамъ Днѣпра. Наконецъ воевода Святополковъ сталъ поддразнивать Новгородцевъ: «Вы, плотники, чего пришли сюда со своимъ хромцемъ? вотъ мы васъ заставимъ рубить для себя хоромы». Новгородцы, слыша такія насмѣшки, рѣшили на завтра же переправиться черезъ Днѣпръ, а тѣхъ, кто не пойдетъ, убить, и объявили о томъ князю. Какъ сказано, такъ и сдѣлано. Святополкъ былъ разбитъ и бѣжалъ въ Ляхи; а Ярославъ вокняжился въ Кіевѣ. Въ 1018 году Святополкъ вернулся добывать кіевскій престолъ вмѣстѣ съ польскимъ королемъ Болеславомъ. Разбитый Ярославъ самъ-пятъ прибѣжалъ въ Новгородъ и хотѣлъ бѣжать за море. Тогда Новгородцы, со своимъ посадникомъ Константиномъ, сыномъ Добрыни, изрубили лодки Ярослава и сказали ему: «Хотимъ и еще биться съ Болеславомъ и Святополкомъ». Собравъ съ мужа по 4 куны, со старостъ по 10 гривенъ и съ бояръ по 18, они на эти деньги наняли Варяговъ и вмѣстѣ съ ними пошли, подъ предводительствомъ Ярослава, на Святополка, который и былъ разбитъ.

Этимъ не ограничилась помощь Ярославу со стороны Новгородцевъ; они дрались противъ Святополка при Альтѣ; послѣ неудачной битвы со Мстиславомъ, Ярославъ два года жилъ въ Новгородѣ; Новгородцы помогли ему въ заключеніи городецкаго мира съ Мстиславомъ, по которому Русская земля была раздѣлена между братьями по Днѣпръ; въ 1036 году Новгородцы помогли Ярославу освободить Кіевъ отъ осады Печенеговъ. Въ замѣнъ этихъ услугъ, Ярославъ въ свою очередь помогалъ Новгороду. Когда, въ 1021 году, полотскій князь Брячиславъ напалъ и ограбилъ Новгородъ, то Ярославъ, получивъ о томъ извѣстіе въ Кіевѣ, немедленно вступился за Новгородцевъ и, нагнавъ Брячислава на рѣкѣ Судомѣри, принудилъ его возвратить Новгороду добычу. Въ 1030 году Ярославъ ходилъ съ Новгородцами на Чудь и построилъ при этомъ городъ Юрьевъ, нынѣшній Дерптъ.

Время Ярослава по справедливости считается временемъ начала новгородской независимости. Кромѣ указанныхъ услугъ, Ярославъ далъ Новгороду особыя граматы, на которыя Новгородцы постоянно ссылались въ своихъ послѣдующихъ уговорахъ съ князьями. Что́ именно заключали въ себѣ эти граматы, какія права и льготы онѣ предоставляли Новгородцамъ—не извѣстно, ибо граматы не дошли до насъ. Если даже предположить, что онѣ только предоставляли Новгороду льготы финансовыя, избавляя его отъ платежа дани Кіеву, то и въ такомъ случаѣ нельзя не признать, что ими въ значительной степени устанавливалась независимость и самобытность Новгорода. Нельзя однако не замѣтить, что мѣсто, гдѣ обычно собиралось новгородское вѣче, называлось Ярославовымъ дворомъ. Наши изслѣдователи весьма различно толкуютъ о послѣдующихъ отношеніяхъ князей къ Новгороду. Одни, желая видѣть Новгородъ государствомъ вполнѣ самостоятельнымъ чуть-ли не со временъ Олега, утверждаютъ, что при Ярославѣ Новгородцы дѣйствовали въ его пользу, какъ простые союзники этого князя, нимало не подчиненные Кіеву. Другіе указываютъ на то, что преемникъ Ярослава, Изяславъ, когда сдѣлался княземъ Кіевскимъ, то послалъ въ Новгородъ своего посадника Остроміра, подобно тому какъ то дѣлалось и въ прежніе годы.

Опредѣлить точно, когда, въ которомъ именно году, Новгородъ сталъ владѣніемъ вполнѣ независимымъ, «Господиномъ Великимъ Новгородомъ», нѣтъ возможности. Какъ всякое государство, и Новгородъ росъ постепенно; чѣмъ больше расширялись его торговыя сношенія, чѣмъ онъ становился богаче, тѣмъ въ немъ сильнѣе сказывалось желаніе обособиться, преслѣдовать свои отдѣльные интересы. Чѣмъ успѣшнѣе Новгородъ велъ борьбу съ сосѣдними финскими племенами, подчиняя ихъ своей власти въ болѣе или менѣе значительной степени; чѣмъ дальше расширялись, становясь въ то же время опредѣленнѣе, его границы — тѣмъ больше Новгородъ чувствовалъ свою силу и значеніе. Борьба съ князьями повела къ раздѣленію Новгорода на партіи, на сторонниковъ того или инаго князя; въ началѣ эти партіи знали только свои частные интересы, заботились только о своихъ выгодахъ; впослѣдствіи въ Новгородѣ выросло самосознаніе, и въ минуты опасности Новгородцы научились стоять за-одно.

Въ настоящемъ краткомъ очеркѣ новгородской исторіи, мы не можемъ во всей подробности прослѣдить судьбу ильменскихъ Славянъ, развитіе ихъ самостоятельности, борьбу съ князьями и т. д., а потому ограничимся изложеніемъ наиболѣе выдающихся и характерныхъ эпизодовъ. Предварительно, впрочемъ, считаемъ не лишнимъ сдѣлать очеркъ особенностей новгородскаго быта.

II.

Новгородскія владѣнія состояли изъ самаго города, или Господина Великаго Новгорода новгородской земли и новгородскихъ волостей. Новгородъ дѣлился Волховомъ на двѣ части: лѣвую, или Софійскую, и правую, или Торговую. На Софійской сторонѣ находился Кремль, или

Дѣтинецъ, и въ немъ храмъ Софіи, премудрости Божіей, символъ новгородской самостоятельности и свободы; въ Софіи, на полатяхъ, хранились общественная казна и всякіе граматы и договоры. На Торговой сторонѣ находился Ярославовъ дворъ, гдѣ собиралось вѣче; на этой же сторонѣ стояла на главной Торговой площади церковь Іоанна Предтечи на Опокахъ, при которой производился торговый судъ; тутъ же находились торговые дворы иностранныхъ купцовъ на Варяжской, или Варецкой, улицѣ.

Каждая сторона дѣлилась на части, называвшіяся концами; всѣхъ концовъ было пять: три на Софійской сторонѣ и два на Торговой. Каждый конецъ представлялъ собою какъ-бы особую общину, со своимъ отдѣльнымъ выборнымъ управленіемъ; житель конца могъ быть позванъ на судъ только въ своемъ концѣ и только въ немъ могъ заключать договоры. Главной выборной властью въ концѣ являлся кончанскій староста. Представители концовъ засѣдали въ общемъ новгородскомъ судѣ. Концы, въ свою очередь, дѣлились на улицы.

Новгородской землею называлась болѣе близкая къ городу часть новгородскихъ владѣній, гдѣ вполнѣ господствовали новгородскіе порядки. Она простиралась на востокъ до Торжка, на западъ до Финскаго залива, рѣки Наровы, Чудскаго и Псковскаго озеръ, на сѣверъ до Ладожскаго озера и на югъ до Великихъ Лукъ. Въ Новгородской землѣ было до тридцати пригородовъ, то есть городовъ, зависѣвшихъ отъ Новгорода и подчинявшихся рѣшенію тамошняго вѣча. Главнѣйшими изъ нихъ были Псковъ, впослѣдствіи ставшій независимымъ владѣніемъ, Ладога, Руса, Великія Луки и Орѣховъ, при истокѣ Невы. Пригороды свои городскія дѣла вѣдали самостоятельно; въ нихъ были свои выборные начальники. Въ важныхъ случаяхъ жизни Господина Великаго Новгорода, пригороды, по крайности наиболѣе значительные, присылали въ Новгородъ своихъ представителей на вѣчѣ.

Волостями назывались болѣе зависимыя отъ метрополіи части новгородскихъ владѣній, гдѣ самоуправленіе было развито въ болѣе слабой степени. Между ними обширный край, простиравшійся отъ Онеги до Мезени и Бѣлаго моря, назывался Заволочьемъ, то есть мѣстностью за Волокомъ (нынѣшній Волоколамскъ). Къ волостямъ новгородскимъ принадлежали также Новый Торгъ (Торжокъ), Бѣжецкъ, Вологда, Тьрѣ, или Терскій берегъ Бѣлаго моря, Пермь, Печора и Югра.

Въ призваніи князей, камъ мы видѣли, участвовали также и финскія племена. Финны были первонасельниками, Славяне — пришельцами, колонизаторами. Мало-по-малу, многія финскія племена незамѣтно ославянились; вообще же Финны, жившіе въ новгородскихъ владѣніяхъ, какъ самостоятельный элементъ, не играли никакой роли въ исторіи своей метрополіи.

Общество новгородское дѣлилось на бояръ, гридей или своеземцевъ, купцовъ и черныхъ людей. Бояре назывались также вящшими, передними, бо́льшими людьми. То были люди, выдавшіеся издавна изъ среды гражданъ по своему богатству и значенію. Они были крупными землевладѣльцами; въ своихъ имѣніяхъ, или волостяхъ, называвшихся обычно по имени владѣльца, бояринъ былъ полновластнымъ распорядителемъ; онъ заводилъ села и деревни, устраивалъ торжки; на земляхъ боярскихъ поселялись, на извѣстныхъ условіяхъ, порою подчиняясь суду владѣльца, вольные охочіе люди. Бояре снаряжали караваны для торговли, содержали свои военныя дружины, дѣлали порой походы за добычей въ отдаленные края, въ Заволочье или Пермь. Особенно богатыя боярскія имѣнія были въ Заволочьѣ, по Двинѣ, Вагѣ и Онегѣ.

Вторымъ, важнѣйшимъ послѣ бояръ, классомъ новгородскаго общества были купцы. Въ государствѣ торговомъ, какъ Новгородъ, купцы, понятно, должны были имѣть огромное значеніе. Притомъ, новгородскіе бояре сами нерѣдко занимались торговлей, а потому имѣли одни интересы съ купцами. Наиболѣе богатые купцы назывались «житьими», то есть зажиточными; они имѣли право участвовать наравнѣ съ боярами въ высшемъ судѣ или, какъ говорилось, быть «у докладу во владычнѣ комнатѣ».

Въ Новгородѣ всякій имѣлъ право торговать, но для того, чтобъ именоваться купцомъ, слѣдовало принадлежать къ какой нибудь купеческой общинѣ или сотнѣ. Для поступленія въ общину требовалось сдѣлать единовременный опредѣленный вносъ, именно не менѣе 50 гривенъ серебра (около 40 фунтовъ на нынѣшній вѣсъ). Такіе купцы назывались «пошлыми», то есть внесшими пошлину.

Новгородскій купецъ состоялъ подъ защитой своей общины не только дома, но и во время своихъ торговыхъ путешествій по другимъ городамъ и странамъ. Такія путешествія встарину, по обычаю общему всей Европѣ, совершались значительными караванами, подъ начальствомъ выборныхъ старшинъ. Эти, сопряженныя съ различными препятствіями и опасностями, путешествія пріучали купцовъ къ военному дѣлу, а потому купцы принимали, какъ свидѣтельствуютъ лѣтописи, участіе и въ военныхъ походахъ. Сосѣдніе русскіе князья, въ спорахъ своихъ съ Великимъ Новгородомъ, старались захватить новгородскихъ купцовъ, бывшихъ въ ихъ земляхъ по торговымъ дѣламъ, а равно заслонить торговые пути, чтобъ тѣмъ вынудить Новгородцевъ къ принятію тѣхъ или иныхъ мирныхъ условій. Такъ поступали князья Кіевскіе, Черниговскіе и особенно Суздальскіе. Черезъ владѣнія послѣднихъ шелъ путь въ Камскую Болгарію, торговля съ которой была особенно важна для Новгорода. Князья нерѣдко прибѣгали къ насиліямъ и противъ торговыхъ бояръ.

Понятно, что при выборѣ того или инаго князя, купцы имѣли вліяніе на вѣчѣ. Нельзя также отвергать, что многіе, какъ изъ купцовъ, такъ и изъ бояръ, живя подолгу въ другихъ княжествахъ, бытъ которыхъ во многомъ разнствовалъ отъ новгородскаго, сближаясь съ тамошними лучшими людьми, приглядываясь къ особенностямъ чужихъ порядковъ, начинали, не только ради своихъ личныхъ интересовъ, тянуть въ сторону того или инаго князя, но порой по убѣжденію поддерживали его притязанія по отношенію къ вѣчу, считая ихъ правильными. Такимъ образомъ, въ Новгородѣ создавались стороны или партіи того или инаго князя.

Купцы участвовали также нерѣдко въ посольствахъ, какъ къ русскимъ князьямъ, такъ и къ нѣмцамъ, особенно, если имѣлось въ виду заключеніе торговаго договора.

За купцами слѣдовали черные люди; подъ этимъ именемъ разумѣлись какъ городскіе, такъ и сельскіе обыватели извѣстнаго рода. Сюда принадлежали: торговцы, не записанные въ купеческую общину, занимавшіеся мелочной торговлей, ремесленники, собственно чернорабочіе, а равно земледѣльцы, живціе на земляхъ, какъ общественныхъ, такъ и владѣльческихъ. Черные люди, приписанные къ какому нибудь обществу, домохозяева, имѣли право голоса на вѣчѣ. Они, впрочемъ, не были довольно самостоятельны въ этомъ отношеніи; они только усиливали ту или иную партію, главными вожаками которой являлись бояре и купцы.

Ихъ политическая несамостоятельность зависѣла отъ экономическихъ условій ихъ быта. Они тянули сторону тѣхъ бояръ или купцовъ, отъ которыхъ зависѣли матерьяльно. Мелкій торговецъ зависѣлъ отъ крупнаго, отпускавшаго ему товаръ; чернорабочій зависѣлъ отъ хозяина, который давалъ ему работу; сельскіе обыватели зависѣли отъ владѣльца, на чьей землѣ сидѣли; нерѣдко черныя сельскія общины Новгородъ отдавалъ въ кормленье служилымъ боярамъ и такія общины становились сторонниками своихъ «кормленниковъ». Бояре, по отношенію къ чернымъ людямъ, являлись либо «земскими» боярами, охранителями правъ младшихъ, ихъ пособниками въ хозяйственныхъ невзгодахъ, ихъ «кормильцами» въ полномъ смыслѣ слова, либо они являлись насильниками младшихъ людей, «міроѣдами», знающими только свою выгоду. Конечно, были цѣлые роды, воспитанные въ тѣхъ или иныхъ семейственныхъ и вѣчевыхъ преданіяхъ, усвоившіе съ дѣтства тѣ или иные взгляды на черныхъ людей. Этимъ объясняется то обстоятельство, что черные люди въ Новгородѣ нерѣдко возставали противъ бояръ-насильниковъ; они составляли въ такихъ случаяхъ особыя вѣча, которыхъ обычное рѣшеніе состояло въ томъ, что дома насильниковъ подвергались разграбленію и даже сожженію. Предводителями въ такихъ случаяхъ являлись бояре другихъ партій и, конечно, другихъ воззрѣній на черныхъ

людей. Кромѣ права голоса на вѣчѣ, черные люди участвовали въ защитѣ Новгорода въ войнѣ, а также, чрезъ своихъ представителей, въ посольствахъ и договорахъ съ сосѣдними князьями.

Кромѣ перечисленныхъ полноправныхъ классовъ новгородскаго общества, были въ Новгородѣ еще такъ называемые вольные люди, то есть лица, не приписанныя ни къ какой общинѣ. Они не пользовались правомъ голоса на вѣчѣ, и жили только подъ покровительствомъ новгородскихъ законовъ, занимаясь чѣмъ угодно и вполнѣ свободно перемѣняя мѣсто жительства. Сюда принадлежали младшіе члены семействъ, какъ простыхъ, такъ и именитыхъ, какъ бѣдныхъ, такъ и зажиточныхъ, не выдѣлившіеся изъ семьи, не имѣвшіе своего дома; сюда же относились и тѣ, которые хотя и выдѣлились изъ семьи, но не имѣли опредѣленныхъ занятій и не были приписаны ни къ какой общинѣ. Такія лица обычно, войдя въ лѣта, старались пріискивать себѣ опредѣленное занятіе. Изъ такой молодежи составлялись дружины повольниковъ или ушкуйниковъ, подъ предводительствомъ какого-нибудь боярскаго или посадничьяго сынка. То было весьма своеобычное явленіе новгородской жизни. Повольники, оставаясь въ городѣ, являли изъ себя элементъ опасный; уходя въ походъ, они служили службу Новгороду: они брали дань съ разныхъ финскихъ народцевъ, безпокоившихъ пограничныя новгородскія поселенія; они помогали порою русскимъ князьямъ добывать отдаленныя земли, они ходили на Литву со Псковичами; впослѣдствіи, они ходили на Волгу ради грабежа Татаръ. Въ походѣ они навыкали къ труду и порядку, нерѣдко являлись съ хорошей добычей и затѣмъ оставались въ Новгородѣ, уже какъ мирные граждане. Въ послѣдніе годы новгородской самостоятельности, повольники причиняли не мало безпокойствъ Новгороду; нерѣдко они нападали на владѣнія московскихъ великихъ князей или грабили на Волгѣ ихъ купцовъ; московскіе князья, конечно, не могли глядѣть на это хладнокровно и довольствоваться отговорками новгородскаго правительства, «что то ходили на Волгу молодые люди безъ нашего слова» (то есть безъ нашего приказа, самовольно).

Правительство новгородское состояло изъ двухъ элементовъ, своего и пришлаго: изъ вѣча и князя. Изслѣдователи справедливо замѣчаютъ, что эти два правительственные элемента были во всѣхъ старинныхъ русскихъ земляхъ, но нигдѣ они не были столь равноправны, какъ въ Новгородѣ. Въ другихъ мѣстахъ князь болѣе или менѣе перевѣшивалъ значеніе вѣча; далѣе, Новгородъ болѣе другихъ городовъ былъ самостоятеленъ въ выборѣ князя; порою и онъ принималъ къ себѣ князя, изъ рукъ сильнаго кіевскаго или суздальскаго князя, но при первой возможности «указывалъ путь» такому ставленнику и призывалъ другаго, по своей волѣ, вступая нерѣдко въ борьбу то съ тѣмъ, то съ другимъ сильнымъ княземъ. Новгородцы при этомъ не оказывали особаго расположенія къ тому или иному княжескому роду, какъ, напримѣръ, Кіевляне, такъ любившіе Мономаховичей; Новгородцы любили князей, охранявшихъ ихъ «старину», умѣвшихъ свыкаться съ особенностями ихъ быта. Они нерѣдко брали къ себѣ молодыхъ князей и «вскармливали» ихъ. Такіе князья съ юности не только привыкали къ новгородскимъ порядкамъ, но цѣнили ихъ своеобычность, любили и готовы были защищать ихъ.

Верховной властью въ Новгородѣ было вѣче. Оно приглашало князей и указывало имъ путь, когда они становились неугодны новгородской волѣ, наряжало судъ надъ всѣми другими имъ избираемыми властями, иногда даже судило самихъ князей. Оно издавало законы, объявляло войну и заключало миръ, налагало подати и пошлины. Во время борьбы партій нерѣдко собиралось нѣсколько вѣчей. Обычнымъ сборнымъ мѣстомъ вѣча были Ярославовъ дворъ, на Торговой сторонѣ города, и площадь Софійскаго собора; неправильныя вѣча собирались, гдѣ пришлось. Обычно собиралось вѣче княземъ или посадникомъ. На вѣчѣ собирались всѣ домохозяева, всѣ члены общинъ; вольные люди участвовали только въ неправильныхъ вѣчахъ. Ни владыка новгородскій, ни вообще духовенство на вѣчѣ не присутствовали.

Вѣче назначало посадниковъ, тысяцкихъ и другія власти. Вначалѣ, какъ было уже замѣчено, посадники были простыми княжескими намѣстниками; первымъ выборнымъ посадникомъ былъ Мирославъ Гюрятиничъ, избранный вѣчемъ въ 1126 году. Посадники избирались изъ

знатнѣйшихъ боярскихъ родовъ; изслѣдователи насчитываютъ, съ 1126 г. по 1400 годъ, до сорока такихъ родовъ. Избирались ли посадники на извѣстный срокъ или безсрочно — не извѣстно съ точностью; послѣднее, впрочемъ, вѣроятнѣе. Были посадники, которые посадничали по нѣсколько лѣтъ, другіе оставались въ должности только нѣсколько мѣсяцевъ. Нѣкоторые по нѣсколько разъ выбирались въ посадники. Посадники раздѣлялись на старыхъ и степенныхъ. Степеннымъ назывался тотъ, кто въ данное время правилъ городомъ; старыми же назывались бывшіе посадники, которые принимали значительное участіе въ управленіи. Степенный посадникъ былъ первымъ лицомъ въ городѣ; всѣ граматы писались отъ его имени. Посадника смѣняло вѣче или князь; князю, впрочемъ, вѣче порой отказывало въ желаніи смѣстить посадника.

Тысяцкіе выбирались также вѣчемъ изъ знатнѣйшихъ боярскихъ родовъ. Тысяцкій былъ начальникомъ черныхъ людей, посадникъ же — всего Новгорода. Тысяцкіе были также степенные и старые. У иностранцевъ, въ ихъ договорныхъ граматахъ съ Новгородомъ, тысяцкій носилъ названіе dux, то есть военачальникъ, полководецъ. Какъ тысяцкій, такъ и посадникъ имѣли свои печати и пользовались извѣстными доходами.

Князь былъ въ Новгородѣ властью пришлой, приглашенной со стороны. Съ 1126 года, съ того времени, какъ въ Новгородѣ явились выборные посадники, Новгородцы стали требовать отъ избранныхъ князей присяги, чтобъ князья не оставляли Новгорода и управляли по новгородскимъ порядкамъ. Съ 1136 года, Новгородцы стали судить князей въ ихъ неправдахъ и изгонять по приговору вѣча; съ 1156 г. епископы, дотолѣ назначаемые князьями, стали выбираться вѣчемъ. Въ 1196 г. съѣздъ русскихъ князей призналъ, что Новгородцы вольны брать князей гдѣ имъ любо. Подъ 1218 годомъ въ лѣтопись занесено извѣстіе, что князья лишились права безъ суда и вины смѣщать посадниковъ; съ 1228 года, Новгородцы стали заключать съ князьями договоры, въ коихъ обозначалось, на какихъ условіяхъ князь принимаетъ новгородскій престолъ. Такія договорныя граматы дошли до насъ съ 1265 г. по 1471.

Общій характеръ этихъ граматъ таковъ: князь цѣловалъ крестъ, чтобъ держать Новгородъ по старинѣ и пошлинѣ; князь обязывался не посылать въ новгородскія волости своихъ мужей для управленія; притомъ, при назначеніи Новгородцевъ въ эти мѣста намѣстниками, князь обязанъ былъ совѣщаться съ посадникомъ; князь не могъ судить безъ участія посадника; не могъ лишать мужей волости безъ вины, то есть по произволу. Для суда князь имѣлъ право ѣздить по новгородскимъ владѣніямъ только въ извѣстное время года. Князь не могъ поселять своихъ людей въ новгородскихъ волостяхъ; ни онъ, ни его княгиня, ни бояре, ни слуги не могли покупать селъ въ новгородской землѣ, ни ставить слободъ и мытовъ (таможень) на свое имя; князь не имѣлъ права затворять нѣмецкій дворъ для торговли. Онъ обязывался дать новгородскимъ гостямъ полную свободу торговли въ своихъ владѣніяхъ; не имѣлъ также права прибавлять пошлинъ.

III.

Первый эпизодъ изъ исторіи Новгорода, который мы разскажемъ, относится къ XII вѣку, ко времени борьбы Новгорода съ Суздальскими князьями. Героемъ его является посадникъ Якунъ Мирославичъ.

Въ первый разъ мы видимъ его посадникомъ въ 1137 году. Времена были бурныя. Въ 1136 году, князь Всеволодъ Мстиславичъ (внукъ Мономаха) былъ изгнанъ вѣчемъ, просидѣвъ на епископскомъ дворѣ, съ женою, дѣтьми и тещею, подъ стражею цѣлыхъ два мѣсяца. Въ числѣ обвиненій противъ него, первымъ выставлялось, что онъ «не блюдетъ смердовъ», то-есть, не заботится о простомъ народѣ, а угождаетъ боярамъ-насильникамъ. Не прошло года по изгна-

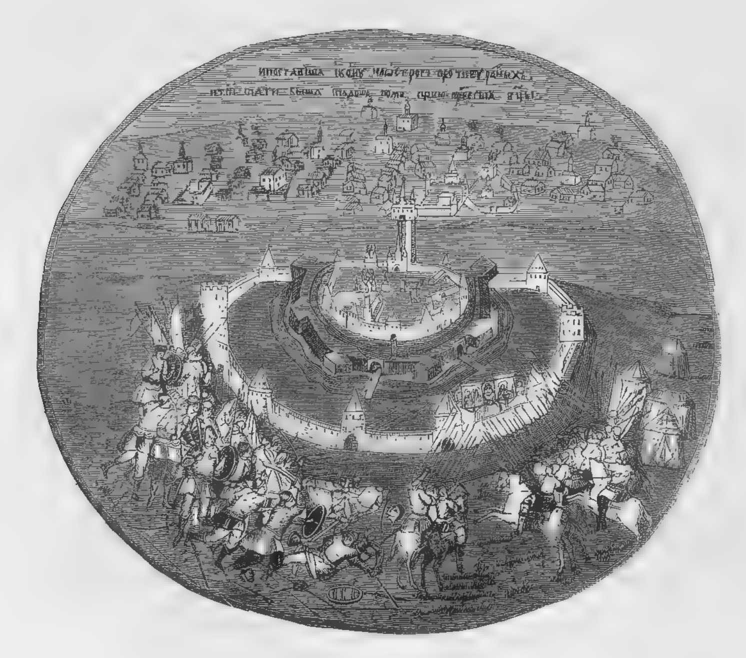
ніи князя, какъ оказалось, кто были эти бояре-насильники: посадникъ Константинъ бѣжалъ къ Всеволоду. На мѣсто его, Новгородцы «отдали посадничество» Якуну Мирославичу. Это, кажется, ясно показываетъ, что Якунъ былъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ противъ приверженцевъ, или, какъ тогда выражались, «милостынцовъ» Всеволодовыхъ. Новгородцы взяли себѣ въ князья Святослава Олеговича. Сторонники Всеволода не унимались: они стрѣляли въ новаго князя изъ-за угла, но онъ остался живъ. Епископъ Нифонтъ не хотѣлъ благословить его, не велѣлъ новгородскимъ священникамъ вѣнчать его. Вслѣдъ затѣмъ, Всеволодъ явился въ Псковъ добывать оттуда Новгорода. Въ Новгородѣ былъ великій мятежъ; люди не хотѣли Всеволода. Еще нѣсколько бояръ бѣжало къ Всеволоду; ихъ дома были разграблены народомъ, чуть не возгорѣлась война со Псковичами, но Всеволодъ умеръ въ томъ же году во Псковѣ. Однако-же со смертью Всеволода дѣла не уладились. Сторонники умершаго князя взяли въ князья брата его Святополка и засѣли во Псковѣ. Сторону Святополка приняли всѣ князья Мономаховичи и у Новгорода не было мира ни съ Суздальцами, ни съ Смольнянами, ни съ Полочанами, ни съ Кіевлянами. Войны не начиналось, но князья не пускали хлѣба къ Новгороду; въ городѣ хлѣбъ поднялся въ цѣнѣ. Это заставило Новгородцевъ отказаться отъ князя Святослава, бывшаго изъ враждебнаго Мономаховичамъ рода Олеговичей (старшаго рода). Якунъ остался посадникомъ. За княземъ послали къ Мономаховичу, князю Суздальскому, Юрію Владиміровичу, недаромъ прозванному Долгорукимъ. Онъ прислалъ въ Новгородъ сына своего Ростислава. Юрій былъ не охотникъ уважать чьи-нибудь права, кромѣ своихъ; онъ хотѣлъ управлять Новгородомъ по своей волѣ. Это скоро обнаружилось: въ 1139 г. онъ потребовалъ, чтобы Новгородцы выставили ему войско для добычи Кіева. Новгородцы не послушались, Ростиславъ бѣжалъ къ отцу. Въ Кіевѣ въ это время утвердился братъ недавно-изгнаннаго Святослава, Всеволодъ Олеговичъ. Новгородцы, у которыхъ Юрій не преминулъ занять Торжокъ, послали въ Кіевъ за Святославомъ. Святославъ пріѣхалъ въ Новгородъ на Рождество 1139 года. Народная партія торжествовала; вмѣстѣ съ тѣмъ было торжество и Якуна Мирославича. Бояре, предводители противной стороны, были схвачены и сосланы въ Кіевъ на заточеніе. Но торжество народной партіи было не продолжительно. На другой-же годъ, великій князь кіевскій отозвалъ своего брата въ Кіевъ, а вмѣсто него обѣщалъ въ князья новгородскіе своего сына. Новгородцы послали за новымъ княземъ епископа и лучшихъ людей, Святославу же сказали: «а ты подожди брата, тогда и поѣдешь.» Но вѣрно противная партія усилилась за это время. Святославъ испугался Новгородцевъ, не взяли-бы его обманомъ подъ стражу, — и бѣжалъ тайно въ ночь; съ нимъ бѣжалъ и Якунъ, остававшійся однако посадникомъ при упомянутомъ выше изгнаніи Святослава. Это обстоятельство ясно показываетъ, что противная сторона значительно усилилась противъ прежняго. Якуну не удалось бѣжать: его схватили на Плисѣ и привели въ городъ съ братомъ его Прокофьемъ; чуть не убили до смерти, обнаживши яко мати родила, и сбросили ихъ съ моста; но Богъ избавилъ, прибрелъ къ берегу, и больше его не били, но взяли съ него тысячу гривенъ, а съ брата его сто гривенъ, взяли также и съ другихъ (сторонниковъ Якуна). И заточили Якуна въ Чудь съ братомъ, приковавши имъ руки къ шеѣ. (Новг. перв. лѣт. стр. 9).

Послѣ этого началось торжество противной партіи; вожаки ея, бѣжавшіе изъ Новгорода, ради Святослава и Якуна, были призваны; въ посадники былъ избранъ одинъ изъ представителей этой партіи, въ князья сѣлъ опять Ростиславъ Юрьевичъ.

Имѣя въ виду личность Якуна Мирославича, мы опускаемъ нѣсколько лѣтъ новгородской исторіи. Юрій взялъ къ себѣ Якуна и брата его, а также и женъ ихъ изъ Новгорода, и держалъ ихъ у себя въ милости. Конечно, онъ хотѣлъ переманить Якуна на свою сторону, но не такой человѣкъ былъ Якунъ, чтобы за милости продать Новгородъ.

Второй разъ посадникомъ Якунъ Мирославичъ былъ избранъ въ 1156 году и снова посадничалъ около пяти лѣтъ. Новгородъ продолжалъ бороться съ Юріемъ. Хотя Юрій и не могъ утвердиться въ Новгородѣ и не заходилъ въ Новгородскую землю далѣе пограничнаго Торжка,

но тѣмъ не менѣе оказывалъ на него тяжелое вліяніе. Юрій мѣшалъ Новгородцамъ сбирать дани въ Заволочьѣ, не пропускалъ новгородскихъ купцовъ для торговли въ Камскую Болгарію. Всѣ богатые землевладѣльцы верховьевъ Сѣверной Двины и Онеги, всѣ торговавшіе съ Камской Болгаріей, были на его сторонѣ; всѣ они составляли суздальщинскую партію, противную народной, къ которой принадлежалъ Якунъ Мирославичъ. Суздальщинская партія, ради своихъ выгодъ, принуждена была всячески угождать князьямъ. Народная стояла за права вѣча, за

Осада Новгорода 72 князьями.

«волю новгородскую». Выборъ Якуна въ посадники всегда совпадалъ съ торжествомъ народной партіи. Вскорѣ послѣ вторичнаго избранія Якуна, умеръ Юрій, но сынъ его, Андрей Боголюбскій, продолжалъ борьбу съ Новгородомъ.

Боясь утомить читателя перечнемъ всѣхъ перипетій этой борьбы, мы прямо переходимъ къ третьему избранію Якуна Мирославича въ посадники, въ 1167 году. Послѣ вторичной смѣны Якунъ оставался въ Новгородѣ. При третьемъ избраніи Якуна обстоятельства были таковы. Княземъ въ Новгородѣ былъ тогда Ростиславъ Смоленскій. Онъ былъ избранъ народной партіей еще въ 1157 году, то есть почти одновременно со вторымъ посадничествомъ Якуна, но вскорѣ по смерти Юрія уѣхалъ въ Смоленскъ, чтобы оттуда добывать Кіевскій, старшій княжескій, престолъ, добываніе коего причиняло и раньше и позже много кровопролитій. Въ Новгородѣ онъ оставилъ двухъ сыновей. Этимъ воспользовалась вскорѣ суздальщинская партія и стала сноситься съ Андреемъ, который откровенно объявилъ, что «вѣдомо буди, хочу искать Новгорода добромъ и лихомъ». Пришлось искать именно лихомъ, а не добромъ. Сынъ Ростислава, Святославъ, былъ схваченъ, потомъ сосланъ въ Ладогу, откуда бѣжалъ. Тутъ-то и былъ смѣненъ Якунъ. Но вышло не такъ, какъ думали суздальщинцы. Андрей вскорѣ примирился съ Ростиславомъ и отдалъ Новгородъ по договору сыну его, только-что изгнанному суздальщинской партіей, Святославу Ростиславичу. И вотъ Новгородцы ввели опять Святослава, но теперь

уже не по своей волѣ, а на всей волѣ его, какъ говоритъ лѣтописецъ. Это было въ 1161 году. Онъ прокняжилъ до 1167 года, когда принужденъ былъ удалиться въ Луки. Онъ прислалъ сказать Новгородцамъ: «не хочу у васъ княжити», но совершенно напрасно. Новгородцы поклялись не брать его къ себѣ княземъ и пошли выгнать его изъ Лукъ. Святославъ бѣжалъ къ Андрею на Волгу. Народная партія снова выступила на первый планъ. Послано было посольство къ Кіевскому князю Мстиславу Изяславичу, просить на княженіе сына его Романа. Союз-

Состязаніе Александра съ Биргеромъ.

ники Святослава не пускали пословъ въ Кіевъ, залегши всѣ пути къ Кіеву. «Нѣтъ вамъ другаго князя, кромѣ Святослава», говорили они. Но рѣчи эти оказались пустыми рѣчами: Новгородцы нашли путь къ Кіеву.

Въ Новгородѣ произошелъ мятежъ. Посадникъ и нѣсколько вожаковъ суздальщинской партіи были убиты за то, что держали перевѣтъ къ Святославу. Избранъ былъ Якунъ и въ этотъ разъ сослужилъ великую службу Новгородцамъ. Послы не возвращались семь мѣсяцевъ, отъ Семенова дня 1-го сентября, до Велика дни. Новгородомъ правилъ Якунъ Мирославичъ безъ

князя. Въ это время Святославъ съ Суздальцами, съ двумя братьями своими, съ Смольнянами и Полочанами подступалъ къ Русѣ, но былъ прогнанъ Якуномъ, ничего не успѣвши. Романъ Мстиславичъ прiѣхалъ на второй недѣлѣ послѣ пасхи, 14 апрѣля 1168 года. «И ради быша Новгородци своему хотѣнiю.» Съ княземъ они пошли на Полочанъ и Смольнянъ; опустошили Полоцкую землю и сожгли Торопецъ, и воротились съ большимъ полономъ.

Въ 1169 г. Андрей, потерпѣвъ пораженье отъ Новгородцевъ въ Заволочьѣ послалъ на Новгородъ сына своего Мстислава, незадолго передъ тѣмъ прославившагося покоренiемъ Кiева; съ нимъ шли со своими князьями Смольняне, Торопчане, Муромцы, Рязанцы, Полочане и, какъ замѣчаетъ лѣтописецъ, просто вся земля русская. Всѣхъ удѣльныхъ князей, осадившихъ Новгородъ, лѣтопись насчитываетъ до семидесяти двухъ. Новгородъ никогда еще не видалъ такой сильной рати у стѣнъ своихъ. Лѣтопись такъ разсказываетъ объ этой осадѣ: Новгородцы стали твердо съ княземъ Романомъ Мстиславичемъ и съ посадникомъ Якуномъ, и устроили острогъ около города и приступили Суздальцы къ городу въ сборное воскресенье, и подступали три дня; въ четвертый же день, въ среду, приступили силою и бились весь день. И къ вечеру побѣдили ихъ князь Романъ съ Новгородцами, силою крестною и святою Богородицею, и молитвами благовѣрнаго владыки (епископа) Илiи, мѣсяца февраля въ 25 день, на святаго епископа Тарасiя; иныхъ изсѣкли, а другихъ взяли въ плѣнъ, остальные же убѣжали. «И покупали Суздальцевъ (то есть плѣнныхъ) по двѣ нагаты», лаконически прибавляетъ лѣтописецъ въ знакъ того, что плѣнныхъ было множество.

Эту побѣду свою надъ Суздальцами благочестивые Новгородцы приписывали заступленiю Божiю. Изъ храма Спасова, съ Ильиной улицы, была вынесена на острогъ икона Богородицына; по словамъ лѣтописи, икона обратилась лицомъ къ городу, и на Суздальцевъ нашелъ мракъ, и они побѣжали, какъ слѣпые.

27-го ноября нашею Церковью празднуется Знаменiе Божiей Матери. Праздникъ этотъ одинъ изъ древнѣйшихъ праздниковъ русской Церкви. Въ началѣ онъ былъ праздникомъ только новгородскимъ и сталъ всероссiйскимъ по присоединенiи Новгорода къ государству Московскому.

IV.

Для втораго разсказа мы выберемъ въ герои князя, защитника Новгорода, Мстислава Удалаго.

Побѣда надъ Андреемъ и его союзниками не прекратила борьбы Новгорода съ Суздальскими князьями; опасность, примиривъ на время враждующiя партiи, не уничтожила ихъ; вражда внѣшняя и внутренняя затихла только на время. Андрей Боголюбскiй не оставлялъ своихъ притязанiй и не измѣнилъ своей политики по отношенiю къ Новгороду до самой смерти, послѣдовавшей въ 1174 году. Новгородцы явили въ этой борьбѣ великую силу и живучесть, но Суздаль попрежнему, какъ злой рокъ, тяготѣлъ надъ ними. Торговля съ Востокомъ попрежнему была въ зависимости отъ суздальскаго князя, влiянiе же Новгородцевъ на Балтiйское пребрежье временно ослабѣло. Но ни Чудь, ни Шведы, проникшiе въ нынѣшнею Финляндiю, не могли уничтожить торговлю съ Западомъ, какъ не могъ уничтожить ихъ торговлю съ Востокомъ суздальскiй князь. Новгородъ получалъ хлѣбъ изъ Суздальской земли, и князья, не допуская подвоза хлѣба, тѣснили Новгородцевъ, но Суздальцамъ, въ свою очередь, нужны были товары, получаемые Новгородомъ съ Запада. Для сношенiй съ Камской Болгарiей у Новгородцевъ былъ иной путь, кромѣ пути черезъ Суздальскую землю: они проникали туда съ сѣвера, черезъ свои поселенiя по Двинѣ, а также черезъ Пермь. Въ послѣднiе годы княженiя Андрея, новгородскiе

повольники завели колонію по Камѣ, потомъ проникли до рѣки Вятки. При впаденіи рѣки Хлыновцы въ Вятку, они выстроили городъ Хлыновъ.

Борьба съ Суздалемъ продолжалась и во все княженіе брата Андреева, Всеволода Юрьевича. Суздальщинская партія въ Новгородѣ не только не пала вслѣдствіе этого, но, напротивъ, усилилась до чрезвычайности. Самому Новгороду явился соперникъ въ лицѣ Новаго Торга (Торжка). Этотъ пригородъ, въ силу своего счастливаго положенія, сталъ посредникомъ въ торговлѣ своей метрополіи съ Восточной Русью, и Суздальскіе князья не преминули обратить вниманіе на это обстоятельство. Торжокъ возвышался и богатѣлъ отъ торговли, и многіе новгородскіе купцы нашли для себя выгоднымъ переселиться туда; мало-по-малу у Новоторовъ завелись свои интересы, не всегда согласные съ интересами метрополіи. Зависимость отъ Новгорода была не особенно пріятна Новому Торгу еще и потому, что навлекала на него военную опасность, вслѣдствіе пограничнаго положенія пригорода. Суздальскіе князья, въ случаѣ размирья съ Новгородомъ, нападали и грабили Новый Торгъ. Ихъ посаженники, князья новгородскіе, разсорившись съ городомъ, занимали важный пригородъ, куда легко могла подойти помочь изъ Суздальской земли. Къ Новому Торгу тянула цѣлая волость, и она, въ случаѣ занятія пригорода, отходила отъ города.

Послѣ многолѣтней борьбы со Всеволодомъ Суздальскимъ, то затихавшей, то возгаравшейся снова, борьбы, сопровождавшейся раздорами партій, смѣною князей и многими насиліями со стороны суздальскаго князя, Новгородцы, повидимому, примирились съ нимъ. Въ 1209 году Новгородцы, по зову Всеволода Юрьевича, участвовали вмѣстѣ со своимъ княземъ, сыномъ Всеволода, Константиномъ, въ рязанскомъ походѣ и усердно дрались подъ Пронскомъ. Всеволодъ былъ ими чрезмѣрно доволенъ и, отпуская домой новгородскіе полки, сказалъ на отпускѣ: «Кто къ вамъ добръ, тѣхъ любите, а злыхъ казните». Этими словами онъ какъ-бы подтверждалъ старинныя новгородскія вольности. Отпуская полки, Всеволодъ взялъ съ собою сына своего, князя новгородскаго, Константина, раненнаго подъ Пронскомъ, посадника Дмитра Мирокшинича и семь человѣкъ вящшихъ людей, то есть бояръ.

Полки вернулись въ Новгородъ со словомъ Всеволода, и Новгородцы стали, согласно совѣту князя Суздальскаго, «казнить злыхъ». Злыми оказались именно представители суздальщинской партіи. Собрано было вѣче на отсутствовавшаго посадника Дмитра и его братью. Ихъ обвиняли въ разныхъ притѣсненіяхъ, неправильныхъ налогахъ и обидахъ. Новгородцы сожгли дворъ Дмитра и его отца Мирошки, разграбили все ихъ имущество, распродали ихъ села и рабовъ; добыча была раздѣлена между всѣми горожанами. Вскорѣ привезли тѣло умершаго во Владимірѣ Дмитра, и до того былъ возбужденъ противъ него народъ, что трупъ хотѣли бросить въ Волховъ (такова была обычная казнь народнымъ притѣснителямъ), но архіепископъ Митрофанъ возбранилъ такое поруганіе надъ усопшимъ. Посадничество было дано Твердиславу Михалковичу. Новгородцы же поцѣловали крестъ, чтобъ не держать въ Новгородѣ дѣтей Дмитра и никого изъ его пособниковъ и пріемниковъ. Присланный княземъ въ Новгородъ, другой сынъ Всеволода, Святославъ, всѣхъ этихъ, изгнанныхъ Новгородцами, бояръ отправилъ къ отцу. Такая казнь злыхъ не могла пройти Новгородцамъ даромъ. Всеволодъ приказалъ захватывать въ своей волости гостей новгородскихъ и ихъ товары. Новгороду грозила бѣда.

Тутъ-то на помощь имъ явился Мстиславъ Удалой, князь Торопецкій. Онъ нагрянулъ на Торжокъ, захватилъ тамошняго посадника и дворянъ Святославовыхъ, оковалъ ихъ; Новгороду же прислалъ сказать: «Кланяюсь святой Софіи и гробу отца моего, и всѣмъ Новгородцамъ; пришелъ я, слыша, что вамъ отъ князей насилье, и жаль мнѣ своей отчины.» Новгородцы отправили къ Мстиславу почетное посольство, чтобъ звать его къ себѣ «на столъ». Святославъ и его мужи были посажены подъ стражу на владычномъ (архіепископскомъ) дворѣ до тѣхъ поръ, пока Новгородцы не помирятся съ его отцомъ. «И рады были Новгородцы», прибавляетъ лѣтописецъ.

Новгородцамъ было чему радоваться: важна была помощь въ трудное время, еще важнѣе было, что она шла отъ такого князя, какъ Мстиславъ Удалой. Двадцать лѣтъ назадъ, Новгородцевъ выручилъ изъ бѣды отецъ этого Мстислава, Мстиславъ Ростиславичъ Храбрый. Новгородъ пригласилъ его тогда, зная, по выраженію лѣтописца, что этотъ князь, «всегда порывался на великія дѣла.» Въ тѣ дни Чудь отложилась отъ Новгорода. До двѣнадцати тысячъ Новгородцевъ, подъ предводительствомъ Мстислава, прошли Чудскую землю до моря, опустошили ее и возвратились домой съ великой добычей и множествомъ плѣнниковъ. Теперь удалой сынъ храбраго отца шелъ на выручку Новгородцамъ.

Мстиславъ съ новгородскими полками пошелъ на Всеволода, но дѣло кончилось миромъ: великій князь уступилъ. «Ты мнѣ сынъ, а я тебѣ отецъ, прислалъ онъ сказать Мстиславу, — а если я что неподобное учинилъ, то исправлю». Мстиславъ отпустилъ къ отцу Святослава и его мужей, а Всеволодъ — задержанныхъ имъ купцовъ новгородскихъ, которымъ возвратилъ захваченные товары. Мстиславъ сѣлъ княземъ въ Новгородѣ и дважды водилъ Новгородцевъ въ Чудскую землю. Новгородцы, въ свою очередь, помогали своему князю въ походѣ въ южную Русь, куда его звали для рѣшенія родовыхъ княжескихъ споровъ. «Куда ты, княже, очами взглянешь, сказали ему при этомъ Новгородцы, — тамъ и мы головы свои сложимъ.»

Въ 1215 г., Мстиславъ своей волей ушелъ изъ Новгорода въ Кіевъ, сказавъ Новгородцамъ: «Есть у меня дѣла (орудія) въ Руси, а вы вольны въ князьяхъ». Новгородцы, послѣ долгихъ разсужденій, рѣшили послать за Ярославомъ Всеволодичемъ, княземъ Переяславля Суздальскаго.

Съ новымъ княземъ Новгородцы скоро не поладили. Ярославъ, въ первый же годъ княженія, захватилъ нѣкоторыхъ новгородскихъ бояръ и послалъ ихъ въ оковахъ въ Тверь. Затѣмъ, по клеветѣ нѣкоторыхъ злоумышленниковъ, князь Ярославъ разгнѣвался на тысяцкаго новгородскаго Якуна Намнѣжича и собралъ противъ него вѣче на Ярославовомъ дворѣ. Вѣче, состоявшее изъ приверженцевъ князя, бросилось грабить дворъ тысяцкаго, причемъ схватили его жену. Самъ Якунъ успѣлъ скрыться, но на третій день вмѣстѣ съ посадникомъ явился къ князю, который приказалъ схватить его вмѣстѣ съ сыномъ. Вслѣдъ за этимъ жители Прусской улицы убили двухъ приверженцевъ князя, быть можетъ въ отместку за Якуна. Ярославъ оставилъ Новгородъ и засѣлъ въ Торжкѣ (1215 г.)

Въ ту осень морозъ побилъ хлѣбъ близъ Новгорода, около же Торжка все осталось цѣло. Ярославъ, занявъ дорогу, не пускалъ ни воза въ городъ. Новгородъ отправилъ къ князю посольство, котороеонъ задержалъ у себя. Между тѣмъ, въ Новгородѣ жилось плохо: рожь, овесъ, рѣпа, все страшно вздорожало; люди ѣли сосновую кору, липовый листъ и мохъ; дѣтей отдавали чужимъ, кто бралъ ихъ изъ-за корма. За голодомъ—моръ. Построили скудельницу, и она скоро наполнилась трупами; мертвые валялись на торгу, по улицамъ, по полю; собаки не успѣвали съѣдать трупы. Многіе бѣжали изъ города. Новгородцы снарядили новое посольство къ князю, и онъ снова задержалъ его; потомъ прислалъ людей и вывезъ изъ города свою княгиню, дочь Мстислава Удалаго. Наконецъ, Новгородцы послали къ Ярославу съ такимъ послѣднимъ словомъ: «Княже! иди въ свою отчину, къ святой Софіи, а не идешь, такъ скажи прямо». Ярославъ и этихъ пословъ не отпустилъ, и захватилъ всѣхъ гостей новгородскихъ.

Тогда, услышавъ про такое зло, Мстиславъ явился въ Новгородъ 11 го февраля, 1216 г. Онъ схватилъ намѣстника Ярославова и заковалъ всѣхъ его дворянъ. Затѣмъ, выѣхалъ на Ярославовъ дворъ и цѣловалъ крестъ Новгородцамъ, чтобъ быть имъ за-одно, на жизнь и смерть. «Либо я выручу вашихъ мужей и волости, сказалъ онъ вѣчу, — либо голову сложу за Новгородъ.»

Когда Ярославу пришла вѣсть, что Мстиславъ въ Новгородѣ, то онъ, укрѣпясь въ Торжкѣ, приказалъ сдѣлать засѣки по новгородской дорогѣ и по рѣкѣ Тверцѣ; кромѣ того, онъ послалъ сто Новгородцевъ, конечно, своихъ приверженцевъ, чтобъ выпроводить, при помощи сторонниковъ, Мстислава изъ Новгорода. Но никто не всталъ въ городѣ за Ярослава, и даже прислан-

ные имъ сто мужей отступились отъ него. Князь Мстиславъ послалъ къ своему зятю попа Юрія изъ церкви святаго Іоанна, что на Торговищѣ, съ такимъ словомъ: «Сынъ, кланяюсь тебѣ, мужей моихъ и гостей отпусти, а самъ уйди изъ Торжка и возьми со мною любовь.» Ярославу такое слово не полюбилося, и онъ отпустилъ попа безъ мира. Того не довольно: всѣхъ Новгородцевъ, бояръ и купцовъ, бывшихъ въ Торжкѣ, онъ собралъ на поле за пригородомъ, и въ оковахъ разослалъ по своимъ городамъ; товары же и коней ихъ роздалъ своимъ. Лѣтопись насчитываетъ, что такихъ Новгородцевъ было двѣ тысячи. Пришла о томъ вѣсть въ городъ. Новгородцевъ было мало, въ Торжкѣ были захвачены ихъ вящшіе мужи, главнѣйшіе бояре; черный же народъ, меньшіе, которые померли, которые разбѣжались изъ города. Мстиславъ не смутился этимъ. Созвавъ вѣче на Ярославовомъ дворѣ, онъ сказалъ: «Пойдемте, поищемъ мужей своихъ, вашу братію, и волости своей. Да не будетъ Новый Торгъ Новгородомъ, ни Новгородъ Торжкомъ, но гдѣ святая Софія, тамъ и Новгородъ. И во многѣ Богъ, и въ малѣ Богъ и правда.»

Вѣче было въ концѣ февраля, а 1-го марта уже выступилъ Мстиславъ въ походъ противъ зятя своего Ярослава. Были и измѣнники, бѣжавшіе поспѣшно къ Ярославу съ женами и дѣтьми. Новгородцамъ на помощь пришли Псковичи съ княземъ Володимеромъ, братомъ Мстислава, и Смольняне со своимъ княземъ Володимеромъ Рюриковичемъ. Когда всѣ сошлись, то послали къ Ярославу, предлагая миръ. Ярославъ такой далъ отвѣтъ: «Мира не хочу; пошли вы, такъ идите, только больше ста нашихъ придется на одного вашего.» И князья сказали между собою: «Ты, Ярославъ, съ силою, а мы съ крестомъ.» Новгородцы хотѣли идти прямо на Торжокъ, но князья сказали имъ: Если пойдемъ къ Торжку, то попустошимъ новгородскую волость. Итакъ: пошли къ Твери, начали брать и жечь села, не зная навѣрно, гдѣ Ярославъ, въ Торжкѣ ли, или въ Твери.

На счастье князю Мстиславу и Новгороду, въ Суздальской землѣ была усобица между дѣтьми умершаго великаго князя Всеволода. По отцовской волѣ, вопреки обычаю, меньшій сынъ Юрій сѣлъ во Владимірѣ великимъ княземъ. Старшій братъ Константинъ, обиженный этимъ, явился такимъ образомъ невольнымъ союзникомъ Новгородцевъ. Къ нему въ Ростовъ былъ посланъ бояринъ; провожать боярина до рубежа былъ посланъ Володимеръ Псковской со Псковичами и Смольнянами. Сами же Новгородцы пошли по Волгѣ. Война шла счастливо; союзники брали и жгли города. На встрѣчу имъ выѣхалъ отъ Константина воевода Еремѣй, и сказалъ князьямъ: «князь Константинъ вамъ кланяется; радъ, говоритъ, слыша вашъ пріѣздъ, и вотъ вамъ отъ меня въ помощь 500 ратныхъ; да пришлите ко мнѣ для уговора шурина моего Всеволода.» Отрядили Всеволода съ дружиною къ Константину, а сами пошли внизъ по Волгѣ.

Настала весна, пришла распутица, и Новгородцы, покинувъ возы, пересѣли на коней. Они шли на Переяславль Залѣсскій, думая, что Ярославъ тамъ. 9-го апрѣля, въ Свѣтлое воскресенье, союзники пришли на Городище, на рѣкѣ Сорѣ, и тутъ пріѣхалъ къ нимъ Константинъ съ Ростовцами. Всѣ радовались и утвердились межъ собою крестнымъ цѣлованіемъ.

Отрядивъ Володимера Псковскаго въ Ростовъ, всѣ остальные стали на Ѳоминой недѣлѣ вокругъ Переяславля. Отъ плѣнныхъ узнали, что князя Ярослава въ городѣ нѣтъ: пошелъ съ полками къ брату Юрью, совокупивъ всю свою волость, съ захваченными Новгородцами и Новоторами. Юрій, съ двумя другими братьями, Святославомъ и Володимеромъ Всеволодичами, шелъ на встрѣчу Ярославу изъ Владиміра со всей Суздальской землей.

Стали Юрій съ Ярославомъ на рѣкѣ Кзѣ, а Мстиславъ съ Новгородцами и ихъ союзниками близъ Юрьева, Константинъ же со своими полками на рѣкѣ Липицѣ. Къ Юрью Мстиславъ послалъ сотскаго новгородскаго Ларіона сказать: «кланяемся тебѣ, нѣтъ у насъ съ тобой обиды, обида у насъ съ Ярославомъ.» Юрій отвѣчалъ: «я заодно съ Ярославомъ.» Тогда послали къ Ярославу, говоря: «пусти мужей Новгородцевъ и Новоторовъ; что захватилъ волостей новгородскихъ, Волокъ, отдай назадъ, съ нами миръ возьми и крестъ цѣлуй, а крови не

проливай.» Отвѣчалъ-же Ярославъ: «мира не хочу, а мужи у меня; а вы далече зашли и вышли, какъ рыба на сухо.» Ларіонъ передалъ эти рѣчи Новгородцамъ и князьямъ. И снова послали его къ обоимъ князьямъ, съ послѣднею рѣчью: «братья Юрій и Ярославъ, мы пришли не на пролитіе крови, не дай Богъ того сотворить; уговоримтесь, мы ваши племянники; дадимте старѣйшинство Константину, посадите его во Владимірѣ, а вамъ вся земля Суздальская.» Юрій же отвѣчалъ: «скажи братьямъ Мстиславу и Володимеру: пришли вы, да куда отсюда пойдете? и брату Константину: перемогай насъ, и вся земля тебѣ.»

Новгородскій лѣтописецъ, замѣчая, какъ Юрій и Ярославъ вознеслись тутъ славою, прибавляетъ, что затѣмъ они устроили пиръ. На пиру были бояре, совѣтовавшіе примириться, но перемогъ совѣтъ противниковъ, говорившихъ, что не бывало того ни при прадѣдахъ, ни при дѣдахъ, ни при отцѣ вашемъ, чтобъ кто, войдя ратью въ Суздальскую землю, изъ нея цѣлъ бы вышелъ. Затѣмъ, созвавъ бояръ и переднихъ людей, оба князя стали говорить имъ: «и вотъ пришелъ товаръ вамъ въ руки, и будетъ вашимъ: и кони, и брони, и пóрты (одежда). Кто возьметъ человѣка живого, тотъ самъ убитъ будетъ; если у кого и оплечье золотое, и тѣхъ бейте.» Отпустивъ бояръ, братья стали дѣлить межъ собою всю землю Русскую и написалъ договорныя о томъ граматы, которыя потомъ были взяты Смольнянами въ станѣ Ярослава.

Они послали къ Мстиславу звать его на бой къ Липицамъ. Мстиславъ съ Володимеромъ послали за Константиномъ, и заставили его цѣловать крестъ, что онъ отъ нихъ не отстанетъ. Всю ночь войско стояло со щитами; наутро же князья пошли къ Липицамъ, куда ихъ звали на бой. Юрій и Ярославъ уклонились отъ боя, отступивъ за лѣсъ. Есть гора, по имени Авдова, тамъ они поставили свои полки, а Мстиславъ съ союзниками поставилъ полки на другой горѣ, по имени Юрьевой; между этими горами ручей, имя ему Тунегъ. Мстиславъ послалъ къ суздальскимъ князьямъ, требуя, чтобы они либо помирились, либо отошли дальше, на ровное, удобное для битвы, мѣсто. Юрій отвѣчалъ: ни мира не беру, ни отступлю; прошли вы черезъ всю землю, неужто лѣса этого не перейдете? Онъ надѣялся на укрѣпленіе; станъ его былъ обнесенъ плетнемъ и вокругъ натыканы колья.

Услышавъ такой отвѣтъ, Мстиславъ и Володимеръ послали молодыхъ людей; они бились весь день до вечера, но неусердно; въ тотъ день была буря и великій холодъ. По утру, князья рѣшили не нападать на Суздальцевъ, а идти ко Владиміру и стали снимать станъ; тѣ же, увидѣвъ это, подумали, что Новгородцы бѣгутъ, и стали спускаться съ Авдовой горы; Новгородцы тогда вернулись и заставили Суздальцевъ отойти. Въ это время къ Мстиславу подоспѣлъ изъ Ростова псковской Володимеръ. Составили совѣтъ. Константинъ сказалъ: «Братъ Мстиславъ и ты, Володимеръ! если пойдемъ мимо ихъ, то бросятся намъ въ тылъ, и еще: люди мои къ бою не дерзки, тутъ и разойдутся по городамъ.» Мстиславъ же сказалъ: «Володимеръ и Константинъ! гора намъ не поможетъ, ни гора насъ побѣдитъ; взирая на крестъ и правду, пойдемъ на нихъ.»

И стали устанавливать полки. Крайнимъ сталъ Володимеръ Смоленскій; отъ него, въ серединѣ, стали Мстиславъ съ Новгородцами да Володимеръ съ Псковичами, съ другаго края сталъ Константинъ съ Ростовцами. Непріятель сталъ напротивъ, именно противъ Смольнянъ — Ярославъ со своими полками, противъ Мстислава Юрій со всей силой Суздальской земли, а противъ Константина — меньшіе братья.

Мстиславъ съ Володимеромъ стали укрѣплять Новгородцевъ и Смольнянъ. «Братья, говорили они, — вотъ мы вошли въ сильную землю и, воззря на Бога, станемте крѣпко, не озираясь назадъ; побѣгши, не уйти. А забудемъ, братья, домы, и женъ, и дѣтей; бейтесь, кто хочетъ пѣшъ, а кто на конѣ.» Новгородцы отвѣчали: «не хотимъ умирать на коняхъ, а пѣши, какъ наши отцы на Колокшѣ.» Новгородцы спѣшились, сбросили съ себя верхнюю одежду и сапоги, и босые бросились на враговъ; за ними Смольняне, также босые. Слѣдомъ, Володимеръ отрядилъ Ивора Михайловича съ коннымъ полкомъ, а сами князья поѣхали за ними на коняхъ. Какъ Иворъ

въѣхалъ въ лѣсъ, конь палъ подъ нимъ; пѣшіе, не ожидая Ивора, ударили на Ярославовыхъ пѣхотинцевъ, и съ крикомъ: «побѣгутъ они» стали метать копья и топоры. И точно, Ярославовы побѣжали; Новгородцы стали ихъ бить и захватили стягъ (знамя) Ярослава; тутъ подоспѣли Иворъ со Смольнянами и дорубились до другаго стяга, князья же тѣмъ временемъ еще не доѣхали.

Видя все это, Мстиславъ сказалъ Володимеру: «Не дай Богъ, братъ, выдать этихъ добрыхъ юдей». И сквозь своихъ пѣхотинцевъ, князья ударили на Суздальцевъ. Трижды проѣхалъ Мстиславъ сквозь полки Юрьевы и Ярославовы; въ рукахъ у него былъ топоръ съ поворузою (ремнемъ, которымъ топоръ прикрѣплялся къ рукѣ). Тоже и Володимеръ. Они доходили до обозовъ суздальскихъ. Ярославъ и Юрій, видя, что ихъ люди падаютъ, какъ колосья, побѣжали съ меньшими братьями и муромскими князьями. Тутъ Мстиславъ сказалъ: «Братья Новгородцы! не глядите на обозъ, слѣдите за боемъ; если они возвратятся, то погонятъ насъ.» Новгородцы послушали князя, и стали прилежать къ бою, Смольняне же напали на обозы и начали раздѣвать мертвыхъ.

Побѣждены были сильные полки суздальскіе апрѣля въ 21 день, въ четвергъ второй недѣли по Пасхѣ. Новгородцевъ пало не много; только нѣсколько человѣкъ переднихъ, да захвачено въ плѣнъ 60 человѣкъ. У Юрья было 17 стяговъ, 40 трубъ и столько же бубновъ, да у Ярослава стяговъ 13 да трубъ и бубновъ 60. «Не десять было у нихъ убитыхъ, замѣчаетъ новгородскій лѣтописецъ, ни сто, но тысяча тысячами, а всѣхъ убитыхъ 9233 мужа; слышенъ былъ крикъ живыхъ, не до смерти убитыхъ, и вытье прободенныхъ копьями въ Юрьевѣ городѣ и около Юрьева; не кому было погребать, а многіе, бѣжавъ, утонули въ рѣкѣ, а иные раненные, заплутавшись, померли, а живые побѣжали одни ко Владиміру, другіе къ Переяславлю, а иные въ Юрьевъ.» «Кабы знали это Юрій и Ярославъ, прибавляетъ тотъ же лѣтописецъ, то мирились бы; вотъ погибла ихъ слава и похвальба, и сильные полки обратились въ ничто.»

Князь Юрій бѣжалъ съ Липицкаго боя въ свой стольный городъ Владиміръ. Онъ доскакалъ на четвертомъ конѣ, заморивъ трехъ, въ одной сорочкѣ. Во Владимірѣ тогда оставался народъ, по выраженію лѣтописи, «несупротивный», то есть неспособный къ бою: попы, черницы, жены и дѣти. Увидѣвъ Юрія издали, они радовались, считая его за гонца. «Наши одолѣютъ», твердили они. Но вотъ подскакалъ Юрій и, ѣздя вокругъ города, сталъ кричать: «укрѣпляйте городъ!» Всѣхъ взволновалъ этотъ крикъ, и веселье смѣнилось печалью. Къ вечеру прибѣжали люди, кто раненый, кто нагой; тоже продолжалось всю ночь. Поутру князь Юрій созвавъ народъ, сказалъ: «Братья Владимірцы! затворимся въ городѣ (крѣпости); можетъ, и отобьемся!» Народъ отвѣчалъ: «Князь Юрій! съ кѣмъ затворимся? Братья наши избиты, а другіе ранены; кто прибѣжалъ, тѣ безъ оружія; съ чѣмъ же станемъ?» Юрій же сказалъ: «Ужь я знаю; не выдавайте только меня брату Константину, ни Володимеру, ни Мстиславу: выйти бы мнѣ изъ города по своей волѣ.»

Мстиславъ и князья пособники Новгородцевъ, которыхъ лѣтописецъ зоветъ князьями милостивыми, Ростиславовымъ племенемъ, простояли весь день на побоищѣ. Если бъ они погнались, то не уйти бы Юрью и Ярославу. Тихо подошли союзники на другой день ко Владиміру и стали думать, откуда бы взять его. Въ ту же ночь въ городѣ загорѣлся княжій дворъ, и Новгородцы хотѣли идти на приступъ, но Мстиславъ не пустилъ; на другую ночь опять загорѣлось въ городѣ, и Смольняне просились взять его, но Володимеръ удержалъ ихъ. Князь Юрій тутъ выслалъ съ поклономъ: «Не нападайте нынче, завтра выйду изъ города». На завтра, онъ выѣхалъ съ двумя меньшими братьями, и, поклонясь Мстиславу и Володимеру, сказалъ: «Братья! кланяюсь вамъ и бью челомъ, прикажите жить и хлѣбомъ накормите, а братъ мой Константинъ въ вашей волѣ». Онъ далъ милостивымъ князьямъ дары, и они дали ему миръ.

Мстиславъ съ Володимеромъ такъ разрѣшили споръ Константина съ Юрьемъ: Константину — Владиміръ, а Юрью — Радиловъ Городецъ. Поспѣшно сѣла княгиня Юрьева, съ

людьми въ лодки, насады, и поплыли внизъ; самъ же Юрій, войдя въ церковь святой Богородицы, ударилъ челомъ гробу отцовскому и проговорилъ съ плачемъ: «Богъ суди брату моему Ярославу, что довелъ меня до этого.» И слѣдомъ, съ небольшой дружиной, отправился въ Городецъ.

Владимірцы вышли съ крестами на встрѣчу новому князю; князья же съ Новгородцами посадили Константина во Владимірѣ на отцовскомъ столѣ; князь Константинъ въ тотъ же день одарилъ князей, Новгородцевъ и Смольнянъ многими дарами и привелъ Владимірцевъ къ кресту.

Курганъ Синеуса, близъ Бѣлозерска.

Оставалось управиться съ Ярославомъ. Онъ бѣжалъ съ Липицкой битвы въ свой городъ Переяславль, и затворился тамъ. Но злоба его еще не насытилась, еще не довольно было ему крови человѣческой, мало еще, видно, избилъ онъ Новгородцевъ и въ Торжкѣ, и на Волокѣ. Въ Переяславлѣ были новгородскіе и смоленскіе купцы ради торговыхъ дѣлъ; вбѣжавъ въ городъ, Ярославъ приказалъ метать ихъ въ погребъ и въ свою гридницу, и многіе задохнулись тутъ, другихъ велѣлъ заключить въ тѣсной избѣ, и тутъ задохлось еще полтораста; только пятнадцать Смольнянъ, заключенные особо, остались въ живыхъ.

Князья Ростиславова племени, устроивъ дѣла во Владимірѣ, послѣ совѣта съ Новгородцами, пошли на Переяславль. Услыхавъ о томъ, Ярославъ испугался и сталъ высылать на встрѣчу имъ пословъ, прося мира. Наконецъ выѣхалъ и самъ. Онъ обратился къ Константину съ мольбой не выдавать его ни Мстиславу, ни Володимеру. «Самъ меня, братъ, накорми хлѣбомъ.» Константинъ сжалился надъ братомъ и упросилъ Мстислава дать миръ Ярославу. Ярославъ одарилъ союзниковъ, но Мстиславъ готовилъ своему зяту иное, нравственное наказаніе. Онъ взялъ отъ него жену, свою дочь, и сколько ни просилъ Ярославъ, остался непреклоненъ. Союзники затѣмъ разошлись по домамъ.

Мстиславъ не долго оставался въ Новгородѣ. Въ 1218 году, онъ уѣхалъ въ Галичъ. Прощаясь съ Новгородцами, онъ обѣщалъ, что и въ Галичѣ не забудетъ ихъ, и выразилъ желанье быть погребеннымъ у св. Софіи, возлѣ отца. Но Богу не угодно было исполнить это желаніе.

Характеръ Мстислава Удалаго ясенъ изъ лѣтописнаго разсказа. То былъ князь, любившій правду, ненавистникъ всякихъ обидчиковъ. Онъ считалъ своей обязанностью всюду устанавливать порядокъ. Онъ не любилъ войны, но когда нельзя было иначе добиться справедливости, то твердой рукой брался за боевой топоръ. Онъ всталъ за Новгородъ, какъ вставалъ и за обиженныхъ южныхъ князей. Самъ онъ не былъ кровавымъ мстителемъ, и сдерживалъ другихъ, когда они порывались на кровавую месть: такъ онъ не пустилъ Новгородцевъ грабить Владиміръ. Онъ былъ милостивый князь — и такихъ князей любили Новгородцы.

V.

Въ двухъ предъидущихъ разсказахъ, мы видѣли Новгородъ въ борьбѣ съ суздальскими князьями. Суровы были эти князья, но не надо забывать, что ими двигала не одна суровость, но и великая политическая мысль, противоположная строю новгородскому, но послужившая первообразомъ политическаго строя Москвы. Въ Суздальской землѣ князья, при помощи новыхъ, младшихъ городовъ, побѣдили города старшіе, которые, какъ и Новгородъ, были поборниками вѣчеваго начала. Въ Суздальской землѣ князья подчинили вѣча своей волѣ, и того же домогались и въ Новгородской. Они хотѣли превратить Новгородъ въ свою неотъемлемую отчину, въ свой удѣлъ, и быть въ немъ полными господами. Новгородцы же знали одного господина — «Великій Новгородъ».

Самый строй господина Великаго Новгорода не дозволялъ ему, однако, оставаться безъ князя; князь былъ нуженъ для того же, для чего были призваны Рюрикъ съ братьями, для «наряда», чтобъ было кому княжить и володѣть, то есть предводительствовать на войнѣ и быть судьей, хотя и не вполнѣ самовластнымъ; доказательствомъ, какъ нуженъ былъ князь Новгородцамъ, служитъ ихъ старинная угроза Святославу «налѣзть» (добыть) себѣ князя на сторонѣ, если онъ имъ не дастъ сына. Только однажды въ Новгородѣ не было князя, да и то въ страшное время, когда жизнь самого города висѣла на волоскѣ—тутъ Якунъ сослужилъ ему службу.

Сынъ Ярослава Переяславскаго, съ которымъ Новгороду пришлось выдержать столь упорную борьбу, Александръ, былъ вскормленъ Новгородомъ. Съ 1230 года, когда Александру было не болѣе одиннадцати лѣтъ, онъ въ теченіе десяти лѣтъ былъ безсмѣннымъ княземъ новгородскимъ, выросъ и возмужалъ въ Новгородѣ. Понятно, что въ первые годы своего княженія Александръ не могъ управлять самостоятельно: его именемъ дѣйствовали бояре его отца. Въ 1236 году, Ярославъ уѣхалъ княжить въ Кіевъ, и семнадцатилѣтній Александръ сталъ самостоятельнымъ княземъ новгородскимъ. Время было тяжелое для Руси. Батый, покоривъ княжества Рязанское и Владимірское, шелъ на Новгородъ, но Богу угодно было избавить Новгородъ отъ татарскаго разгрома. Не дойдя ста верстъ до города, Батый своротилъ отъ Игнача-креста къ Козельску.

Отъ иныхъ враговъ суждено было Александру защитить Новгородъ и съ тѣмъ вмѣстѣ и всю Русскую землю. Безпорядки, обуревавшіе Швецію въ началѣ XIII вѣка, прекратились съ восшествіемъ на престолъ Эриха, прозваннаго Картавымъ. Этотъ король задумалъ предпринять крестовый походъ для обращенія Финновъ и Новгородцевъ въ латинскую вѣру и выхлопоталъ у папы Григорія IX буллу, которой было обѣщано отпущеніе грѣховъ всѣмъ участникамъ похода.

Въ 1240 году въ Новгородъ пришла вѣсть, что Шведы съ Норвежцами и нѣкоторыми финнскими племенами, въ огромной силѣ, появились при устьѣ Ижоры, впадающей въ Неву. Медлить было некогда, и не откуда было ждать скорой помощи; надо было идти не мѣшкая, пока Шведы не успѣли захватить Ладогу. Александръ повелъ Новгородцевъ.

Встрѣча съ непріятелемъ произошла 15 іюля, въ день св. Владиміра, крестившаго Русь. Битва началась въ шестомъ часу дня, считая съ солнечнаго восхода, и длилась до ночи. Шведовъ пало множество, и самому королю, какъ выражается лѣтопись, Александръ «наложилъ печать на лицо острымъ копьемъ своимъ.» Шесть мужей особенно отличились въ битвѣ. Первый Гаврило Олексичъ: онъ наѣхалъ на шнеку и, увидѣвъ, что королевича несутъ подъ руки, въѣхалъ на корабль по доскѣ, по которой шли съ королевичемъ; его съ конемъ сбросили въ воду, но онъ остался невредимъ, и снова наѣхалъ на непріятеля и бился съ самимъ воеводою посреди вражескаго полка; тутъ былъ убитъ воевода ихъ Спиридонъ и бискупъ ихъ. Другой же новгородецъ Сбыславъ Якуновичъ много разъ бился съ ними съ однимъ топоромъ, не имѣя страха въ душѣ своей, и пало нѣсколько отъ рукъ его, и подивились его силѣ и храбрости. Третій — Яковъ, родомъ полочанинъ; былъ онъ ловчимъ у князя: этотъ наѣхалъ съ мечомъ на

непріятеля, и похвалилъ его князь. Четвертый, Новгородецъ, именемъ Миша: онъ пѣшимъ напалъ на корабли, и со своею дружиною потопилъ три корабля. Пятый, изъ молодыхъ дружинниковъ князя, по имени Савва, наѣхалъ на златоверхій шатеръ королевскій и подрубилъ столбъ шатерный; возрадовались полки Александровы, увидѣвъ паденіе шатра. Шестой, изъ слугъ князя, именемъ Ратміръ: онъ бился пѣшій, и множество обступило его; онъ палъ отъ многихъ ранъ и скончался. «Все это я слышалъ, говоритъ суздальскій лѣтописецъ, отъ господина великаго князя своего Александра и отъ другихъ, бывшихъ въ той сѣчѣ.» Новгородцевъ пало немного, всего двадцать мужей, считая и съ Ладожанами. Было тогда чудо, по сказанію лѣтописи: когда Александръ побѣдилъ корабли, то по другую сторону рѣки Ижоры, гдѣ и не проходили полки Александровы, и тамъ нашли множество мертвыхъ, избіенныхъ ангелами Божіими.

Шведы бѣжали, наваливъ три корабля трупами вящшихъ мужей своихъ, и потонули въ морѣ; для прочихъ же ископали ямы и набросали ихъ туда безъ числа, и множество было раненыхъ. За эту побѣду Александръ получилъ наименованіе Невскаго.

Новая война ждала возвратившихся съ Невской битвы Новгородцевъ. Ливонскіе Нѣмцы, оправившись отъ пораженія, нанесеннаго имъ шесть лѣтъ назадъ княземъ Ярославомъ, снова подняли голову. Они взяли Изборскъ и разбили, благодаря измѣнѣ, Псковичей. Къ сожалѣнію, въ Новгородѣ борьба партій была до того сильна, что князь Александръ удалился со всѣмъ семействомъ въ Переяславль. Пользуясь этимъ, Нѣмцы, при помощи псковскихъ измѣнниковъ, двинулись по дорогѣ къ Новгороду; они только 30 верстъ не дошли до города, избивая всюду на пути новгородскихъ торговцевъ.

Новгородцы поняли, что безъ князя Александра имъ не сдобровать. Александръ явился на зовъ. Онъ пошелъ на Нѣмцевъ съ Новгородцами, и съ братомъ Андреемъ, и съ низовскими полками. Напавъ на Псковъ, Александръ захватилъ бывшихъ тамъ Нѣмцевъ и Чудь и, сковавъ, отправилъ въ Новгородъ, а самъ пошелъ на Чудь. Придя въ Чудскую землю, онъ распустилъ полки для сбора корма; тутъ Нѣмцы и Чудь напали на одинъ изъ новгородскихъ отрядовъ и разбили его; разбитые прибѣжали къ князю въ полкъ. Александръ тогда отступилъ отъ Нѣмцевъ на Чудское озеро; Нѣмцы и Чудь пошли за ними. Увидѣвъ непріятеля, князь Александръ и Новгородцы установили войско на озерѣ, на Узмени, близъ Воронья-камня. Нѣмцы и Чудь наѣхали на Новгородцевъ и свиньею (особый родъ построенія войска) пробились сквозь нихъ. И была тутъ сѣча великая. Помогъ Богъ князю Александру, и Нѣмцы пали на мѣстѣ, а Чудь дала плечи (показала тылъ). Наши гнались за ними семь верстъ по льду; Чуди пало безъ числа, а нѣмцевъ 400; кромѣ того, 50 ихъ было взято въ плѣнъ. Битва происходила 5-го апрѣля 1242 г. и извѣстна въ лѣтописяхъ подъ именемъ *ледоваго побоища*. Нѣмцы лѣтомъ прислали просить мира.

Александру, такимъ образомъ, выпала болѣе счастливая доля, чѣмъ Мстиславу; тотъ защищалъ Новгородъ отъ своихъ, Александръ же бился съ врагами не одного Новгорода, но и всей земли Русской. Онъ остановилъ движеніе Нѣмцевъ въ русскія области и спасъ сѣверовосточную Русь отъ порабощенія иноплеменниками. Мы опустимъ описаніе другихъ подвиговъ Александра за Новгородъ, и остановимся только на его борьбѣ съ Новгородомъ по случаю наложенія татарской дани. Александру, какъ великому князю, выпала тяжелая доля устроить отношенія Россіи къ поработителямъ; ему Русская земля обязана сохраненіемъ самостоятельности въ дѣлѣ вѣры и внутренняго своего распорядка. Чтобъ добиться этого, необходимо было удовлетворить побѣдителей данью. Татары же и слышать не хотѣли объ исключеніи Новгородцевъ изъ числа данниковъ.

Въ 1257 году, пришла въ Новгородъ изъ Руси злая вѣсть, что хотятъ Татары наложить дань и десятину на Новгородъ. Народъ волновался цѣлое лѣто. Новгородскимъ княземъ былъ Василій, сынъ Александра. Зимою пріѣхали послы татарскіе съ Александромъ; Василій, услы-

шавъ объ ихъ приходѣ, убѣжалъ во Псковъ, боясь гнѣва отца, ибо онъ, какъ и всѣ Новгородцы, былъ противъ платежа дани. Послы требовали дани, но Новгородцы не уступили и ограничились только даромъ хану. Александръ, по отпускѣ пословъ, выгналъ своего сына изъ Пскова и послалъ его въ Низъ; всѣхъ же совѣтниковъ Василія, которые его на зло наводили, приказалъ казнить. «Злой зло да погибнетъ», замѣчаетъ по этому случаю новгородскій лѣтописецъ.

Александръ не могъ простить Новгородцамъ этого сопротивленія, грозившаго страшной бѣдой не имъ однимъ, но и всей Русской землѣ. Оскорбленные Татары могли потребовать не одной уже дани, но полнаго порабощенія Руси. Татары и не думали отступать отъ своихъ требованій, хану мало было дара Новгородцевъ, онъ настойчиво требовалъ дани.

Въ 1259 году пріѣхалъ съ Низу посолъ въ Новгородъ съ такой рѣчью: «Если вы не допустите народной переписи и не дадите дани, то ужь готовы на васъ полки въ Низовской землѣ». Слѣдомъ явились «окаянные сыроядцы» Татары, для произведенія переписи. И былъ въ Новгородѣ великій мятежъ. Татары испугались и сказали Александру, чтобъ онъ приставилъ къ нимъ стражу. Князь велѣлъ ихъ стеречь по ночамъ посадничьему сыну и дѣтямъ боярскимъ. Татары сказали: «дайте намъ число (допустите перепись), или мы уйдемъ прочь». Чернь не хотѣла дать числа и говорила: «Умремъ честно за святую Софію и за домы ангельскіе». Тогда Новгородцы раздвоились; черные хотѣли дать отпоръ Татарамъ, вящшіе же уговаривали не сопротивляться. Князь принужденъ былъ выѣхать изъ Городища, а съ нимъ и Татары. Наконецъ, бояре уговорили черныхъ людей. «И злыхъ совѣтомъ, говоритъ лѣтопись, допустили перепись; бояре дѣлали себѣ легко, а меньшимъ зло. И начали окаянные (Татары) ѣздить по улицамъ, переписывая дома христіанскіе». Взявъ поголовную дань, Татары уѣхали, а слѣдомъ за ними и Александръ.

VI.

Исторія Новгорода въ теченіе первыхъ пяти вѣковъ его существованія была борьбой за самобытность, за вольности господина Великаго Новгорода. Новгородъ, порою съ великими усиліями, но всегда удачно отстаивалъ свою независимость. Ему приходилось бороться съ князьями упорными въ своихъ желаніяхъ, съ князьями суровыми и даже жестокими, но въ концѣ концовъ князья уступали Новгороду и цѣловали крестъ держать его по старинѣ. Лучшимъ тому доказательствомъ служатъ договорныя граматы новгородскаго вѣча съ князьями; всѣ онѣ точно составлены по одному образцу, въ нихъ почти нѣтъ никакихъ перемѣнъ, кромѣ собственныхъ именъ. Въ Новгородѣ нерѣдко вспыхивала внутренняя борьба, оканчивавшаяся свалкой на улицахъ, порою даже на вѣчѣ, — но, въ случаѣ опасности, Новгородцы умѣли встать, какъ одинъ человѣкъ, за Святую Софію. Партіи новгородскія благоволили къ тому или иному князю, но только развѣ отдѣльныя личности смотрѣли спокойно на притязаніе князей разрушить новгородскую старину.

Окончивъ борьбу съ Суздалемъ, Новгородъ нѣкоторое время боролся съ тверскими князьями. Борьба эта имѣла то же значеніе, и велась съ тѣмъ же успѣхомъ. Пока отдѣльные князья посягали на вольности Новгорода, ради личныхъ выгодъ или выгодъ своей земли, — они въ сущности стояли на той же точкѣ зрѣнія, что̀ и Новгородцы. Они желали усилить свою власть, увеличить свои владѣнія, но отъ всего этого не отрекался и Новгородъ. Не было мысли болѣе живой и сильной, способной побѣдить мысль новгородскую. Татарскій погромъ вызвалъ эту мысль и выдвинулъ впередъ носительницу ея, Москву. Московскіе князья лично могли отличаться тѣми или другими качествами, они могли быть жестоки, коварны или доблестны,—ихъ личный нравъ не въ силахъ былъ заставить ихъ забыть новой мысли, вошедшей

въ русскую жизнь. Суздальскіе князья, желая подчинить Новгородъ, думали о расширеніи только *своей* власти, своего удѣла; московскіе — о соединеніи всей Руси, ради сохраненія вѣры и народности, ради избавленія отъ татарскаго плѣна. Московскіе князья порой являлись какъ бы угодниками ордынскаго царя, но дѣлали это ради избавленія Руси отъ новыхъ бѣдъ, дѣлали временно, потому что обстоятельства сложились такъ, что для роста государства необходимо было всячески ублаготворять и умилостивлять Татаръ; лучше было платить дань и готовиться исподволь къ борьбѣ, не скорой, за то вѣрной, чѣмъ проявлять отчаянную храбрость. Многіе примѣры, гибель не одного отважнаго князя и разореніе многихъ областей, должны были научить ихъ осторожности и выжидательности.

Уже второй великій князь московскій, Иванъ Калита, не только былъ признанъ великимъ княземъ всея Руси, но и получилъ наименованіе собирателя земли Русской. Съ усиленіемъ Москвы, Новгороду рано или поздно суждено было войти въ составъ строившагося Московскаго государства. Новгородъ долго еще сохранялъ не только свою самостоятельность, но и прежнія отношенія къ князьямъ. Онъ участвовалъ въ дани Татарамъ, но не участвовалъ въ дѣлѣ освобожденія отъ рабства. Новгородцевъ не было на Куликовомъ полѣ; въ ихъ лѣтописяхъ слышится только глухой отзвукъ о подвигѣ Донскаго, первоначальника русской славы.

Изслѣдователи замѣчаютъ перемѣну въ отношеніяхъ Москвы къ Новгороду со смерти Донскаго. Москва не споритъ о вольностяхъ Новгорода, она какъ бы примиряется съ его особенностями и даетъ ему жить по-своему. Москва начинаетъ исподволь вести борьбу съ Новгородомъ, какъ съ отдѣльнымъ государствомъ. Она заявляетъ притязанія на тѣ или иныя области новгородскія и оттягиваетъ ихъ при случаѣ силой; или же, обѣщаніями льготъ, она убѣждаетъ жителей того или иного края отложиться отъ Новгорода и приступить къ Москвѣ. Новгородъ — попрежнему богатый и цвѣтущій городъ, въ немъ не угасли преданія, онъ силенъ и могучъ, но онъ какъ-будто утомился отъ жизни, онъ ищетъ раньше всего покоя. Онъ готовъ еще стоять за Святую Софію, но не любитъ воевать, предпочитая откупаться отъ бѣды данью и даромъ утихомирить Москву. Въ этомъ онъ какъ бы подражаетъ самой Москвѣ, которая дань хану предпочитала войнѣ; но Москва уже оставляла эту политику, да и прежде слѣдовала ей не изъ желанія покоя: она провидѣла лучшее будущее. Для Новгорода же желательное будущее состояло только въ сохраненіи прошлаго, нажитаго; будущности у Новгорода въ сущности никакой не было.

Разскажемъ теперь послѣдніе дни новгородской независимости. На московскомъ престолѣ сидѣлъ Иванъ III, государь мудрый, не любившій крутыхъ мѣръ, осмотрительный и медлительный. Москва уже многія русскія земли собрала вокругъ себя; она вспомнила и о тѣхъ изъ нихъ, которыя отошли къ Литовскому государству. Тверь была еще самостоятельна, но доживала послѣдніе дни. Новгородцамъ уже не посчастливилось въ войнѣ съ Москвою; по Коростынскому миру, заключенному въ 1471 году, великій князь московскій, правда, цѣловалъ крестъ Новгороду на старыхъ основаніяхъ, какъ цѣловали его предки, но онъ потребовалъ внесенія двухъ новыхъ условій. Новгородъ обязался быть неотступно за великимъ княземъ московскимъ и не хотѣть за короля польскаго и великаго князя литовскаго. Новгородцы, мужи вольные, какъ они названы въ граматѣ, уже стали не вольны въ выборѣ князя. Второе условіе гласило, что Великій Новгородъ имѣетъ право по старинѣ избирать себѣ владыку, но посвящать своего архіепископа долженъ непремѣнно въ Москвѣ, у московскаго митрополита.

Внесеніе этихъ статей въ грамату было вызвано событіями, предшествовавшими войнѣ. Въ Новгородѣ выдвинулась новая партія, во главѣ которой стояла вдова посадника Исака Борецкаго, Мареа, со своими сыновьями. Домъ Мареы Борецкой былъ сборнымъ мѣстомъ единомышленниковъ; тамъ рѣшались предварительно всѣ важнѣйшія дѣла, и на вѣчѣ, такъ сказать, только утверждались эти рѣшенія. Сторонники Мареы не останавливались ни передъ чѣмъ для достиженія своей цѣли; насилія и подкупы считались средствами, вполнѣ позволительными.

Дѣло шло о полномъ и безповоротномъ разрывѣ съ московскими великими князьями, которые считали Новгородъ своей «отчиной». Партія Борецкой хлопотала о соединеніи Новгорода съ Польско-Литовскимъ государствомъ и заключила даже съ польскимъ королемъ Казиміромъ договоръ. Замѣчательно, что въ посольствѣ, отправленномъ къ Казиміру, не было представителей отъ черныхъ людей, то есть отъ большинства новгородскаго народа.

Большинство Новгородцевъ видѣло въ союзѣ съ Литвою утрату своей вѣры, а съ тѣмъ вмѣстѣ и народности; безъ сомнѣнія, еслибы замыселъ Марѳы увѣнчался успѣхомъ, то послѣдствіемъ его явилось бы полное раздѣленіе бояръ и черныхъ людей: бояре, принявъ католичество, примкнули бы къ польской аристократіи, а народъ былъ бы осужденъ на рабство. Словомъ, Новгородъ ожидала та же участь, что и другія русскія земли, вошедшія въ составъ Польско-Литовскаго государства.

Побѣдивъ Новгородцевъ, Иванъ Васильевичъ съ тѣмъ вмѣстѣ одержалъ косвеннымъ образомъ великую побѣду надъ королемъ Казиміромъ и сдѣлалъ невозможнымъ отпаденіе Новгорода отъ Московскаго государства.

Вскорѣ послѣ этого мира съ особой силой обнаружились недостатки внутренняго устройства господина Великаго Новгорода. Богатый въ немъ не только притѣснялъ бѣднаго, но бѣдный и суда не могъ найти на богатаго. О печальномъ положеніи суда свидѣтельствуетъ сама новгородская судная грамата. Изъ нея ясно, что судъ, изъ какихъ бы лицъ онъ ни состоялъ, не рѣдко разгонялся буйною ватагой, собранной отвѣтчикомъ, и потому грамата назначаетъ тяжкую пеню за такое насиліе суда. Далѣе, та же грамата предписываетъ судьямъ при началѣ всякаго дѣла цѣловать крестъ въ томъ, что они будутъ судить справедливо; равно истцы и отвѣтчики также обязывались цѣловать крестъ, въ томъ, что будутъ отвѣчать по правдѣ. Самый вызовъ въ судъ былъ обставленъ такъ, что давалъ отвѣтчику возможность уклоняться отъ суда долгое время; отвѣтчикъ, послѣ многихъ льготъ, приводился наконецъ на судъ, такъ называвшимися, ятцами (отъ глагола ять — брать), выборными отъ того общества, къ которому принадлежалъ вызываемый въ судъ; въ случаѣ неявки за него отвѣчали сами ятцы. Наконецъ, было устроено нѣсколько степеней суда, другъ съ другомъ ничѣмъ не связанныхъ и способствовавшихъ только продолжительности тяжбы. Послѣдняя степень была вѣче, но и на вѣчѣ сильный противникъ могъ собрать толпу, которая бросала въ несогласныхъ съ нимъ грязью и каменьями.

Лѣтописи этого времени наполнены описаніями разныхъ безчинствъ и насилій, которыя чинились такими лицами, какъ степенные посадники или уличанскіе старосты. Грабежи и насилія совершались не въ одной Новгородской землѣ, но распространялись и на Псковскую землю. Дѣло дошло до того, что житьи и молодшіе люди обратились къ Москву къ великому князю, прося его дать имъ судъ на насильниковъ.

Иванъ Васильевичъ осенью 1475 года, со множествомъ воинскихъ людей, отправился въ Новгородъ для суда, прислазъ впередъ сказать, что идетъ съ миромъ, просто желая видѣть отчину свою, Великій Новгородъ. Какъ только онъ вступилъ въ Новгородскую землю, его встрѣтилъ посолъ отъ владыки и много большихъ и меньшихъ людей съ жалобами на притѣснителей. Встрѣчи продолжались во всю дорогу, и при рѣдкой встрѣчѣ не подавались великому князю новыя жалобы. 23 ноября Иванъ Васильевичъ въѣхалъ въ свою отчину, Великій Новгородъ; его встрѣтили владыка съ духовенствомъ въ полномъ облаченіи съ иконами и крестами. Отобѣдавъ у владыки и получивъ богатые дары, великій князь уѣхалъ на Городище, гдѣ обычно останавливались великіе князья. Въ слѣдующіе дни къ нему продолжали являться съ жалобами всякаго рода люди; между прочимъ, жаловались на степеннаго посадника Василья Ананьина, что онъ съ нѣкоторыми боярами, наѣхавъ на двѣ улицы, пограбилъ дома, при чемъ многіе были убиты. Новгородъ приносилъ князю жалобу на выбраннаго имъ же посадника, на своего главнѣйшаго сановника, на перваго защитника своихъ вольностей!

Великій князь не желалъ нарушать этихъ вольностей; онъ просилъ владыку и старыхъ посадниковъ дать отъ Новгорода приставовъ, чтобъ схватить насильниковъ; съ своей стороны онъ давалъ также приставовъ. Памятуя, что въ Новгородѣ князь не судитъ безъ посадника, онъ потребовалъ, чтобы къ суду явились старые посадники. Виновные были схвачены въ тотъ же день. 26-го ноября былъ судъ; главные обвиненные, посадникъ Василій Ананьинъ и бояре: Богданъ Есиповъ, Ѳедоръ Исаковъ Борецкій и Иванъ Лошинскій, были взяты подъ стражу.

Обвиненные были главными вожаками литовской партіи. Понятно, что ихъ сторонники встревожились исходомъ дѣла. Тѣ, кто насильничалъ какъ бы по праву, тѣ, съ кѣмъ не могло справиться само новгородское вѣче, сидѣли теперь подъ присмотромъ московскихъ боярскихъ дѣтей. Степенный посадникъ, у котораго вѣче было безсильно отнять посадничество, находился въ крѣпкихъ чужихъ рукахъ, и Новгородъ не вступался за свою старину. Сторонники обвиненныхъ терялись какъ помочь бѣдѣ, наконецъ надумали просить владыку, чтобъ онъ ходатайствовалъ у великаго князя объ отпускѣ виновныхъ. Владыка согласился, но великій князь отказалъ ему. При этомъ онъ произнесъ слѣдующія замѣчательныя слова: «вѣдомо тебѣ, богомольцу нашему, и всему Новгороду, отчинѣ нашей, сколько лиха чинилося отъ тѣхъ бояръ въ прежнее время, да и нынѣ сколько ни на есть лиха, все отъ нихъ же; какъ же мнѣ пожаловать ихъ за такое зло?» И виновные въ оковахъ въ тотъ же день были отправлены въ Москву. Новгородъ увидѣлъ тутъ, что есть власть, способная обуздать самыхъ сильныхъ и богатыхъ притѣснителей, но власть эта была не новгородская.

По окончаніи суда великій князь около двухъ мѣсяцевъ прожилъ въ Новгородѣ. Лѣтопись перечисляетъ пиры, устроенные въ его честь, и дары, которые при томъ подносились ему. При отъѣздѣ великаго князя, онъ получилъ новые дары, отъ новоизбраннаго посадника, отъ тысяцкаго, отъ старыхъ посадниковъ и тысяцкихъ, отъ купцовъ, житьихъ людей и даже отъ молодшихъ людей. 28 января 1476 г. великій князь уѣхалъ въ Москву.

Великокняжескій судъ понравился Новгородцамъ; не находя попрежнему правды въ родномъ городѣ они толпами ѣхали въ Москву, прося суда великаго князя. Иванъ Васильевичъ не отказывалъ челобитчикамъ; онъ приказалъ отвѣтчикамъ стать на судъ передъ собою, назначивъ для того общій срокъ на Рождество Христово. И никто не изъявлялъ желанія даже противиться приказанію великаго князя. Судъ былъ нелицепріятный; ни богатый, ни знатный не могли уклониться отъ отвѣта.

Но были и недовольные правымъ судомъ. Сторонники Литвы были въ то же время и сторонниками насильниковъ; на нихъ какъ бы отражались взгляды польскихъ пановъ на народъ, или, вѣрнѣе, они тянули къ Польскому государству, государству шляхетному, потому что были такихъ взглядовъ. Этимъ людямъ въ то же время суждено было явиться защитниками вольностей новгородскихъ. Они жаловались, защитники насильниковъ, и говорили о великокняжескомъ судѣ, какъ о насиліи, какого не было ни при одномъ князѣ, начиная съ Рюрика. Замѣчательно, что въ эти послѣдніе дни новгородской жизни великое вліяніе имѣли женщины.

Въ 1477 г. сторонники не только московскаго великаго князя, но и московскихъ порядковъ созвали вѣче, на которомъ рѣшили признать Ивана Васильевича государемъ, что было новостью: доселѣ князья новгородскіе именовались, какъ и самъ Великій Новгородъ, господами; кромѣ того, было постановлено, что великій князь имѣетъ право держать для суда во всѣхъ улицахъ своихъ тіуновъ и держать своихъ намѣстниковъ не на Городищѣ, какъ было, а въ самомъ городѣ, именно на Ярославовомъ дворѣ. Отъ вѣча была отправлена о томъ московскому государю грамата; послы ударили Ивану Васильевичу челомъ и назвали его отъ имени Новгорода государемъ.

Въ отвѣтъ на эту грамату, Иванъ Васильевичъ прислалъ пословъ спросить свою отчину, Великій Новгородъ, согласна ли она цѣловать крестъ въ томъ, о чемъ говорили ему послы. При вѣсти о посольствѣ отъ великаго князя, въ Новгородѣ народъ заволновался, и литовская партія взяла верхъ. И вотъ, когда послы явилися на вѣчѣ, то они отвѣчали: «мы не писали

той граматы и ничего о ней не знаемъ; все то ложь и клевета.» Вѣче было бурное; одинъ изъ старыхъ посадниковъ, обвиненный въ измѣнѣ Новгороду, палъ на мѣстѣ, изрубленный въ куски. Шесть недѣль стоялъ мятежъ въ городѣ, ознаменованный убійствами и грабежами. Кричали, что надо отдаваться польскому королю Казиміру. Наконецъ великокняжескіе послы были отпущены въ Москву; въ отвѣтѣ Новгородъ не призналъ Ивана Васльевича государемъ и предоставлялъ ему казнить самому тѣхъ, кто подложно увѣдомилъ его о таковомъ желаніи Новгорода; съ своей стороны, Новгородъ обѣщалъ расправиться съ измѣнниками.

За такимъ отвѣтомъ могла послѣдовать только война, и великій князь не замедлилъ ея объявленіемъ. Литовская партія бушевала, власть перешла къ приверженцамъ насильниковъ, такъ еще недавно казненныхъ Иваномъ Васильевичемъ. Они принялись за насилія противъ сторонниковъ Москвы, которые одинъ за другимъ стали отъѣзжать къ великому князю. Никто не помышлялъ о защитѣ города, о приготовленіяхъ къ войнѣ. Псковичи, которыхъ великій князь подымалъ вмѣстѣ съ собою на Новгородъ, прислали о томъ сказать своимъ братьямъ, Новгородцамъ, предлагая быть посредниками между ними и московскимъ государемъ. Новгородцы отвѣчали гордымъ отказомъ.

Великій князь уже былъ почти совсѣмъ готовъ къ войнѣ, онъ уже прислалъ складную грамату (объявленіе войны), какъ новгородское правительство спохватилось, что время дѣйствовать. Вӧйска, съ которымъ можно было бы противустать Москвѣ, въ Новгородѣ не было, и вотъ надумались посольствомъ задержать походъ великаго князя. Посольство было направлено въ Торжокъ, уже занятый московскимъ намѣстникомъ; великій князь приказалъ задержать посла въ Торжкѣ, до своего пріѣзда. Та же участь постигла и втораго посла. Между тѣмъ, бояре, житьи и старые посадники продолжали отъѣзжать на службу къ великому князю.

Московскія войска, вступивъ въ Новгородскую землю, нигдѣ не встрѣчали себѣ сопротивленія. Огонь и мечъ невозбранно ходили по ней. Въ прежнее время, Новгородцы, при вѣсти о приближеніи непріятеля, жгли монастыри и посады въ окрестностяхъ города, дабы негдѣ было пріютиться осаждающимъ. На этотъ разъ, и такая простая мѣра не была предпринята. За то въ Новгородѣ много шумѣли и болтали о «старинѣ».

23 ноября, когда великій князь стоялъ станомъ въ Сытинѣ, всего въ 30 верстахъ отъ Новгорода, къ нему явилось посольство, во главѣ котораго находился владыка Ѳеофилъ. Съ чѣмъ же, съ какимъ словомъ прислалъ Новгородъ государю московскому? Съ требованіями чрезмѣрными и оскорбительными. Точно не московское войско стояло подъ Новгородомъ, а новгородскіе огонь и мечъ ходили по Московской землѣ. Раньше всего Новгороду было угодно, чтобъ великій князь отпустилъ тѣхъ насильниковъ, которые были схвачены имъ въ 1475 году, послѣ суда въ присутствіи посадниковъ новгородскихъ. Требовали еще, чтобы великій князь ѣздилъ въ Новгородъ разъ въ четыре года, когда его предки ѣздили разъ въ три года; великаго князя приглашали также отказаться отъ вызова Новгородцевъ на судъ въ Москву, хотя онъ дѣлалъ это по желанію самихъ Новгородцевъ.

Отвѣтомъ посольству было приказаніе войску двинуться къ Новгороду. Затѣмъ, 25-го ноября, великій князь приказалъ дать отвѣтъ Новгороду. Онъ повелѣлъ напомнить, что самъ Новгородъ призналъ его государемъ и заперся въ этомъ, когда князь прислалъ спросить: «Какого государства нашего хотите вы?» И не только заперлися въ этомъ, но «прислали своихъ пословъ съ жалобою, что мы вамъ творимъ насилье, и тѣмъ положили на насъ, своихъ государей, ложь». Въ заключеніе, великій князь замѣтилъ, что даже теперь, приславъ къ князю просить «отложить нелюбье», Новгородъ осмѣливается ходатайствовать за осужденныхъ бояръ, чье насилье хорошо всѣмъ извѣстно.

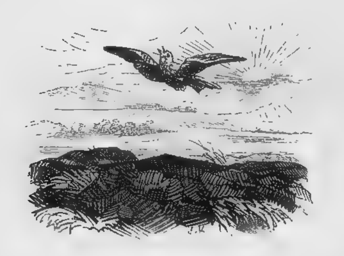
Великокняжескіе полки еще ближе подвинулись къ Новгороду. Новгородъ на мгновенье какъ бы встрепенулся; по обѣ стороны Волхова и на самой рѣкѣ на судахъ была поставлена деревянная стѣна. Но вскорѣ въ городѣ начались безпорядки и полная безурядица; народъ

терпѣлъ отъ голода и заразительныхъ болѣзней. Новгородское правительство безуспѣшно посылало посольство за посольствомъ, все съ новыми условіями; неизвѣстно, на что̀ надѣялось оно. Наконецъ, великій князь далъ Новгородцамъ рѣшительный отвѣтъ. Онъ объявилъ, что желаетъ быть въ Новгородѣ такимъ же государемъ, какъ и въ Низовской землѣ. Послы отозвались незнаніемъ низовской «пошлины» (устройства). Отвѣтъ былъ краткій и ясный: «вѣчу не быть, колоколу не быть».

Цѣлую недѣлю Новгородъ медлилъ покорностью; вѣче слѣдовало за вѣчемъ; чернь и бояре спорили. 14-го декабря, опять явилось посольство въ московскій станъ. Оно принесло вѣсть, что Новгородъ отмѣняетъ вѣче и посадника, и проситъ только, чтобъ государь не вызывалъ Новгородцевъ на судъ въ Москву и не назначалъ бы ихъ на службу въ низовскіе полки. Иванъ Васильевичъ отвѣчалъ: «и этого не будетъ». Новгороду оставалось только покориться.

Паденіе Новгорода, какъ уничтоженіе всякой самостоятельности, вызываетъ невольное чувство сожалѣнія. Но Новгородъ изжилъ уже свою «старину и пошлину», и не могъ жить долѣе по своей новгородской волѣ. Ему оставалось покориться или Польско-литовскому государству, или Московскому. Большинство новгородскаго народа подало голосъ за Москву, и тѣмъ облегчило строеніе великаго Россійскаго государства. Въ московскомъ станѣ присутствовали Псковичи; они какъ бы пришли на похороны своего старшаго брата. Псковскому вѣчу скоро пришлось умолкнуть по волѣ московскихъ государей. И Псковъ, въ свою очередь, былъ позванъ на русскую службу.

Д. Аверніевъ.

ОЧЕРКЪ VI.

ДРЕВНѢЙШІЕ МОНАСТЫРИ НОВГОРОДСКОЙ И ПСКОВСКОЙ ЗЕМЛИ.

Монастыри Новгородской и Псковской земли. — Древнѣйшій изъ нихъ: Юрьевъ монастырь. — Монастыри: Липенскій, Александро-Свирскій, Тихвинскій, Николаевскій, Козинскій, Николаевскій въ Старой Ладогѣ, Спасо-Мирожскій, Святогорскій, Евфросиновъ, и прочіе. — Святые основатели. — Св. Евпраксія, св. Авраамій, св. Іосифъ. — Святыня Тихвинскаго монастыря и ея обрѣтеніе.

Кто, стяжаніемъ бѣдную свою душу хотяче искупити отъ вѣчнаго онаго мученія, отдалъ свое любострастное имѣніе и села святымъ Божіимъ церквамъ и монастырѣмъ измоленія ради отъ вѣчныхъ мукъ и помяновенія своея души и своего роду.

ИЗЪ АКТОВЪ ИСТОРИЧЕСКИХЪ. I, 13, 1, 2.

Странники.

ремя способами, какъ и вездѣ въ Россіи, возникали монастыри Новгородской и Псковской земли; ихъ основывали или князья, или частныя лица, по душѣ своей, или наконецъ отшельники, побуждаемые желаніемъ созерцательной жизни. Въ послѣднемъ случаѣ они возникали гдѣ-нибудь въ захолустьѣ. Мало-по-малу, узнавши объ ихъ существованіи, приходили туда любители молчанія и уединенія и водворялись тамъ. Такъ возникали новыя обители. Основанные такимъ способомъ монастыри особенно чествовались и уважались народнымъ благочестіемъ.

Къ самымъ древнимъ монастырямъ Великаго Новгорода преданіе относитъ Перынскій и Юрьевъ. Объ этомъ монастырѣ въ первый разъ письменное извѣстіе является подъ 1119 г., по случаю заложенія въ немъ каменной церкви: «заложи Кюрьякъ, игуменъ и князь Всеволодъ церковь каменный монастырь Св. Георгія.... отъ града за три поприща во имя Св. Георгія сотвориша монастырь велій». Вѣроятно монастырь существовалъ и прежде съ деревянною церковію. Онъ посвященъ во имя Юрія (св. Георгія): это уже наводитъ на догадку, что его основалъ первоначально Ярославъ. Имя это онъ носилъ при крещеніи, а въ то время монастырь посвящался во имя того Святаго, который былъ ангеломъ основателя: и въ Кіевѣ построилъ Ярославъ церковь Юрья, и городъ въ Ливоніи назвалъ своимъ именемъ (нынѣ Дерптъ). Татищевъ, неизвѣстно по какимъ источникамъ, указываетъ, что Ярославъ основалъ его въ 1030 году, тогда же, какъ былъ заложенъ и городъ Юрьевъ.

Если Юрьевскій монастырь существовалъ и ранѣе, то въ XII вѣкѣ онъ получилъ новый видъ: построена была каменная церковь, а великій князь Мстиславъ даровалъ ему село Буицы съ данью, вирами и продажами, вѣно водское и 25 гривенъ осенняго полюдья, а сынъ его, Всеволодъ, подарилъ на память блюдо, въ которое велѣлъ бить, когда братія обѣдаетъ. Юрьевъ

монастырь имѣлъ значеніе княжескаго монастыря, и въ немъ одномъ изо всѣхъ новгородскихъ монастырей, вмѣсто игумена, былъ архимандритъ.

Вообще о монастыряхъ въ XI вѣкѣ нѣтъ положительныхъ извѣстій; за то съ XII вѣка они растутъ одинъ за другимъ въ городѣ и въ околоткѣ. О нѣкоторыхъ указано, когда они построены. На первомъ планѣ стоитъ Антоніевъ монастырь съ повѣстью объ его основателѣ. Житіе Антонія указываетъ въ 1106 г. появленіе этого святаго въ Новгородѣ. По лѣтописи, церковь въ Антоніевой обители была заложена въ 1117 году, а окончена въ 1119 г. во имя Рождества Пресвятыя Богородицы, а въ 1115 году была расписана.

Юрьевъ монастырь.

За этими монастырями появляется рядъ монастырей, но основаніе многихъ изъ нихъ представляется намъ также темнымъ, какъ и исторія Юрьевскаго. Въ лѣтописи упоминается подъ многими годами о построеніи каменныхъ церквей въ монастыряхъ, но когда начали существовать эти монастыри — неизвѣстно.

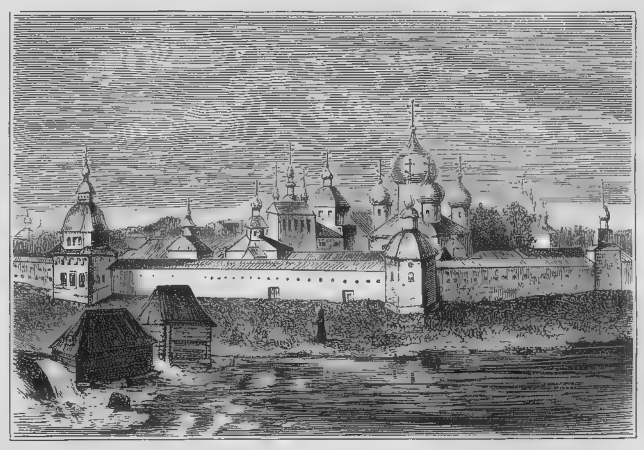
Число монастырей, о которыхъ первыя извѣстія являются въ XIII вѣкѣ, невелико. Къ нимъ принадлежитъ Павловъ, Варецкій и Троицкій. За городомъ былъ монастырь Николы Липенскаго. О немъ въ лѣтописи упоминается по поводу построенія каменной церкви въ 1292 г., но монастырь могъ быть основанъ и прежде, и вѣроятно существовалъ еще сначала XII вѣка, потому что преданіе объ его основаніи отнесено къ послѣднему времени. Князь Мстиславъ, сынъ Мономаха — гласитъ это преданіе — сдѣлался боленъ. Во снѣ явился ему Николай Чудотворецъ и велѣлъ ему отправить людей своихъ въ Кіевъ за своею иконою: святой указалъ ему, гдѣ найти ее, и какой она мѣры и какого вида. Князь отправилъ своего болярина со священникомъ и со слугами въ Кіевъ. Они поплыли въ ладьѣ по Ильменю. Но Чудотворецъ, довольный вѣрою князя, сократилъ его людямъ путь и трудъ. На Ильменѣ поднялась противная буря и загнала ихъ къ острову Липно, на восточномъ берегу озера, у истока Мсты, въ семи верстахъ отъ Новгорода. Тамъ стояли они трое сутокъ, ожидая погоды, какъ вдругъ по водѣ плыветъ образъ точно такой, какой указано было имъ привезти. Съ этой иконой люди прибыли въ Новгородъ.

Свирскій монастырь.

Князь отправилъ весь священный соборъ встрѣтить съ торжествомъ чудотворную икону и привезти ее къ себѣ во дворъ. Когда совершено было водоосвященіе и священство окропило

князя св. водою, омывшею образъ, болящій получилъ исцѣленіе и далъ обѣтъ воздвигнуть храмъ во имя Св. Николая на томъ мѣстѣ, гдѣ образъ присталъ къ берегу и былъ поднятъ княжескими людьми.

Во всей Новгородской землѣ разсѣяно было множество монастырей. Изъ нихъ многіе пріобрѣли значеніе и вліяніе на религіозное чувство, и потому имѣютъ историческій смыслъ въ народной жизни. На Ладожскомъ озерѣ, на пустынной скалѣ, стоялъ Валаамскій монастырь. Въ XIV вѣкѣ Сергіева Валаамская обитель дала происхожденіе другимъ тремъ монастырямъ, имѣвшимъ важное значеніе: Коневскому, Свирскому и Соловецкому.

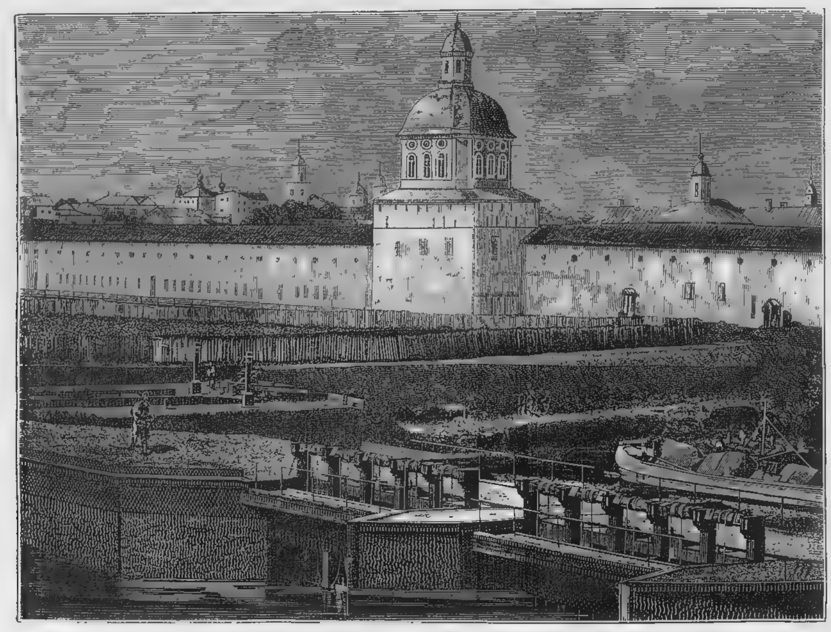

Тихвинскій монастырь.

Александръ Свирскій, родомъ изъ Ояти, получилъ настроеніе къ иноческимъ подвигамъ отъ странствующихъ старцевъ. На Валаамѣ настроили его мысль о блаженствѣ и превосходствѣ отшельнической жизни. Возвратившись къ отцу своему, онъ увидѣлъ, что родители его не внимаютъ ни увѣщаніямъ старца, ни его собственнымъ моленіямъ. Итакъ онъ ушелъ изъ родительскаго дома и проходилъ свое первое поприще на Валаамѣ. Тамъ убѣдилъ пришедшаго къ нему отца вступить въ монастырь, а потомъ, по примѣру отшельниковъ, рѣшился основать новый монастырь. Онъ основалъ его въ половинѣ XV вѣка на истокѣ рѣки Свири, на озерѣ Рощинскомъ.

Святыня Тихвинскаго монастыря процвѣла съ XVI вѣка, но сказаніе объ обрѣтеніи иконы Тихвинской Богоматери относитъ это событіе, послужившее поводомъ къ основанію монастыря, ко второй половинѣ XIV вѣка (1383 г.), именно ко времени, когда новгородскимъ владыкою былъ Алексій. Трудно рѣшить, что въ этомъ сказаніи можетъ считаться творчествомъ древняго народнаго благочестія. Содержаніе этой повѣсти состоитъ въ томъ, что надъ Ладожскимъ озеромъ и его берегами стала носиться по воздуху икона Богоматери, перемѣняя мѣсто. Слухъ объ этомъ переходилъ изъ устъ въ уста. Стерегли ее люди; нѣсколько разъ видѣли тамъ и сямъ, а не могли взять, пока наконецъ она сама не далась въ руки тамъ, гдѣ ей угодно было остановиться. Сначала она показалась рыболовамъ надъ волнами Ладожскаго озера, поплыла по воздуху и исчезла изъ виду. Потомъ остановилась она на воздухѣ надъ рѣкою Оятью, на мѣстѣ, называемомъ Смолковъ, въ 10 верстахъ отъ Тихвина. Народъ видѣлъ ее: въ глазахъ людей, постоявъ нѣкоторое время на одномъ мѣстѣ, онъ удалилась, и на этомъ мѣстѣ поставили часовню. Она явилась и остановилась надъ рѣкою при селѣ Имогенцахъ, удалилась оттуда и парила надъ горою Куковой, за 20 верстъ отъ Тихвина «и стекошася тамо православніи людіе, зряще чудная икона Владычицы, предостоящу на воздуху и пресвѣтло сіяющу». Одинъ часъ пребыла она недвижно въ воздушномъ пространствѣ, потомъ двинулась и снова исчезла изъ глазъ, и явилась надъ той же рѣкой, наконецъ встала на воздухѣ надъ Тихвиномъ и далѣе не шла. Народъ, уже знавшій о путешествіи иконы, сталъ молиться и просить икону Богородицы, чтобы даровала имъ благодать и оставила у нихъ свое изображеніе. Тогда икона спустилась по воздуху на землю. Люди стали къ ней прикасаться и получать исцѣленія. Это было 26 іюня,

и тогда положено навсегда въ этотъ день праздновать память чуднаго благодатнаго событія; построить церковь на этомъ мѣстѣ и тамъ хранить св. икону. Но когда сдѣлано было основаніе и возведены три вѣнца, ночью, на сторожей, оставшихся при постройкѣ, нашелъ сонъ, и на утро вся постройка очутилась на другой сторонѣ рѣки Тихвинки, надъ болотнымъ мѣстомъ. Люди сошлись пораженные чудомъ и стали молиться. Тогда все строеніе съ деревомъ, приготовленнымъ для дальнѣйшей постройки, опять перенеслось на прежнее мѣсто. Тихвинцы сооб-

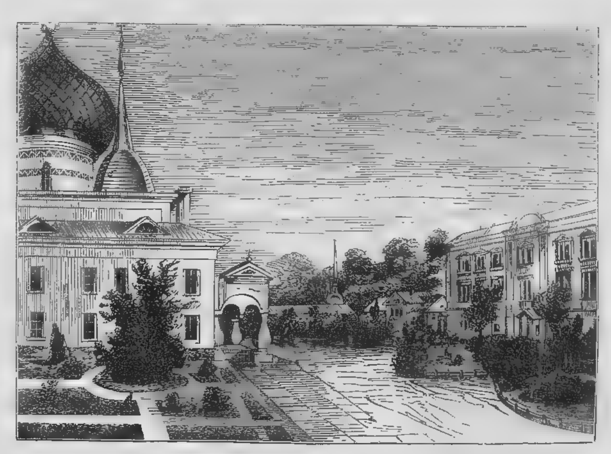

Старо-Ладожскій монастырь.

щили объ этихъ чудесахъ владыкѣ Алексію. Онъ послалъ новой церкви антиминсъ, назначилъ туда священника съ діакономъ, прислалъ изъ Новгорода утварь и книги. Но когда церковь была совсѣмъ готова и устраивался праздникъ освященія, одинъ сельнянинъ былъ отправленъ скликать людей на праздникъ. Шедши черезъ лѣсъ, онъ увидѣлъ на камнѣ сидящую Богородицу съ краснымъ жезломъ въ рукѣ, и передъ нею Николая Чудотворца. Богородица сказала, чтобъ онъ возвѣстилъ всѣмъ людямъ ея волю: чтобъ въ ея церкви стоялъ не желѣзный, а деревянный крестъ. Сельнянинъ пересказалъ приказаніе Богородицы во всеуслышаніе всѣмъ. Люди не повѣрили ему и велѣли ставить желѣзный крестъ. Вдругъ поднялась буря; мастера снесло и тихо поставило на землю. Тогда всѣ увѣрились, что сельнянинъ говорилъ правду, и поставили деревянный крестъ. Два раза послѣ того церковь горѣла, но чудотворная икона и крестъ оставались невредимыми отъ огня и были находимы въ можевельникѣ. Монастырь былъ основанъ уже послѣ паденія Великаго Новгорода, при Іоаннѣ Васильевичѣ, въ 1560 году.

Въ каждой изъ новгородскихъ волостей были свои монастыри и свои мѣстныя святыни, съ которыми соединялись благочестивыя и священныя для народа преданія. Патрономъ Торжка и основателемъ иноческаго благочестія въ Новоторжскомъ краѣ былъ Ефремъ. Въ Бѣжицахъ въ XV вѣкѣ (1461 г.) отшельникъ Антоній основалъ обитель, въ 30 верстахъ отъ Бѣжецка. Въ Демани, на посадѣ, въ XV вѣкѣ существовалъ Успенскій монастырь. Въ Русѣ былъ патрономъ монашества Мартирій, бывшій въ XIII вѣкѣ сначала игуменомъ, потомъ новгородскимъ

владыкою. Имъ основанъ монастырь Преображенскій, ставшій пріютомъ благочестія для пригорода и его волости, Въ трехъ верстахъ отъ Русы, въ XIII вѣкѣ, основана была ученикомъ Св. Варлаама, Константиномъ, и его товарищемъ Космою, Николаевская пустынь, названная Косинскою, потому что стоитъ на косѣ между рѣками Полистью и Снѣжною. На устьѣ Волхова находился Медвѣдицкій монастырь; въ Ладогѣ на посадѣ — Никольскій монастырь; когда они построены, неизвѣстно. Нельзя сказать ничего положительнаго, существовали ли во время независимости Новгорода ладожскіе монастыри: женскій Успенскій и мужской Ивановскій въ Застѣньѣ. Въ 1446 году владыка Евфимій устроилъ монастырь около древней патрональной церкви св. Георгія, въ серединѣ города. Въ двадцати верстахъ отъ пригорода Луги, неизвѣстно кѣмъ и когда, основанъ Череменецкій монастырь во имя Іоанна Богослова на томъ мѣстѣ, гдѣ явилась икона Св. Апостола; монастырь стоялъ на островѣ. Въ волости пригорода Порхова существовало два мужскихъ монастыря: Демьянскій при впаденіи въ Шелонь рѣчки Демьянки, неизвѣстно кѣмъ и когда основанный, и другой — въ 65 верстахъ отъ Порхова, основанный въ XIV вѣкѣ при впаденіи рѣчки Омучи въ Шелонь иноками Ѳеофиломъ и Іаковомъ. Онъ назывался Ѳеофилова Успенская — Коневская пустынь.

Внутренность Николаевскаго монастыря въ Старой Ладогѣ.

И Псковская земля была усѣяна монастырями.

Древнѣйшій изъ извѣстныхъ намъ монастырей самаго города Пскова — Спасо-Мирожскій на устьѣ рѣчки Мирожи, впадающей въ Великую на Завеличьѣ. Онъ основанъ въ 1156 г. Нифонтомъ, епископомъ новгородскимъ, построившимъ въ немъ каменную церковь. Два настоятеля монастыря — Аврамій, первый поставленный основателемъ Нифонтомъ, и Василій, умерщвленный Литовцами, сдѣлавшими набѣгъ на Завеличье въ 1299 году, почитались Божіими угодниками, хотя мощей ихъ не чтили. Храмъ Мирожскаго монастыря — одно изъ замѣчательнѣйшихъ въ Россіи древнихъ зданій,

Светогорскій монастырь.

какъ по архитектурѣ, такъ и по стариннымъ фрескамъ, украшавшимъ стѣны, но теперь заштукатуреннымъ по невѣжеству и извѣстнымъ только по отрывкамъ на алтарной стѣнѣ. Въ XIII вѣкѣ явился Іоанно-Предтеченскій женскій монастырь, также на Завеличьѣ. Онъ основанъ Евпраксіею, супругою князя Ярослава Владиміровича, которая была убита своимъ пасынкомъ въ Оденпе. Тѣло ея было привезено во Псковъ и погребено въ основанномъ ею монастырѣ. Кромѣ Евпраксіи, въ монастырѣ погребены: княгиня Марія, супруга Довмонта, и какая-то княгиня Наталія. По преданію — онѣ жили вмѣстѣ, и на хорахъ показываютъ углубленія въ каменной стѣнѣ, гдѣ эти княгини-отшельницы стояли во время богослуженія. Церковь монастыря, построенная въ XIII вѣкѣ изъ плитняка, съ примѣсью кирпича, треснувшая въ нѣсколькихъ мѣстахъ, существуетъ до сихъ поръ. Въ концѣ XIII вѣка былъ основанъ монастырь Снятогорскій на Снятной горѣ, надъ рѣкою Великою, въ четырехъ верстахъ отъ Пскова, на другой сторонѣ этой рѣки. Основателемъ былъ преподобный Іосифъ, убитый, вмѣстѣ съ 17 монахами, набѣжавшими на окрестности Пскова Литовцами въ 1299 году. Каменная церковь въ немъ, существующая до сихъ поръ, построена въ началѣ XIV вѣка. Въ 1310 году построена была каменная церковь Богородицы на горѣ, и такъ какъ лѣтопись прибавляетъ по этому поводу: при игуменѣ Іонѣ, то изъ этого можно заключить, что тамъ былъ монастырь.

Изъ существовавшихъ во Псковѣ и во Псковской землѣ монастырей о большей части нельзя сказать, когда они построены, потому что о нихъ упоминается большею частію случайно. Несомнѣнно существовали во времена независимости Пскова слѣдующіе монастыри: Пантелеймоновскій—дальній, на Черехѣ, упоминается въ первый разъ въ 1341 г., Пантелеймоновскій—ближній, на Красномъ дворѣ, безъ сомнѣнія, еще древнѣе. Въ XIV вѣкѣ упоминаются монастыри: Рождества Христова на Полонищѣ, Николаевскій монастырь на Волкѣ, Михайловскій женскій въ Полѣ. Въ XV вѣкѣ упоминаются: Великая Пустынь (за 60 верстъ отъ Пскова), Никитская пустынь въ окрестности Пскова на Многѣ рѣкѣ, Благовѣщенскій женскій на Пескахъ, Воскресенскій на Запсковьѣ, Николаевскій на Завеличьѣ, Покровскій на Полонищѣ, Никитскій въ городѣ, Глинскій Св. Духа на Завеличьѣ. Въ пригородѣ Вельѣ былъ монастырь Св. Спаса, упоминаемый подъ 1459 г. Въ пригородѣ Выборѣ были, по преданію, монастыри: Воздвиженскій при главной церкви и Варваринскій женскій; во Вревѣ два: Ильинскій мужскій и Покровскій женскій; въ окрестностяхъ Изборска—Богородицкій, основанный преподобнымъ Онуфріемъ въ XV вѣкѣ. Болѣе всѣхъ получили исторически-жизненное значеніе Трехсвятительскій Елизарьевъ, Крыпецкій и Псково-Печерскій.

Первый изъ этихъ трехъ былъ основанъ въ первой половинѣ XV вѣка Елеазаромъ, въ монашествѣ Евфросиномъ. Осталось подробное его житіе, сочиненное въ XVI вѣкѣ священникомъ Василіемъ. Евфросиновъ монастырь далъ основаніе Крыпецкому, верстахъ около 18-ти отъ Евфросинова. Псково-Печерскій получилъ свое важное значеніе уже въ XVI вѣкѣ, но его начало восходитъ ко второй половинѣ XV.

Н. И. Костомаровъ.

Николаевскій монастырь на Волховѣ.

ОЧЕРКЪ VII.

ОСТРОВНЫЕ МОНАСТЫРИ.

Островные монастыри. — Значеніе острововъ въ религіозной народной жизни. — Ихъ вліяніе и знаменательная особенность. — Строгая жизнь. — Историческій случай. — Апостольская дѣятельность. — Монастырь Мурманскій. — Преподобный Лазарь. — Новоезерскій монастырь. — Монастыри: Крыпецкій, Никольскій и другіе. — Островъ Коневецъ и островной монастырь. — Ясные слѣды его древности. — Преподобный основатель. — Конь-камень и Чертова лахта. — Возобновленіе обители и ея заслуги. — Путь на Валаамъ. — Необыкновенная картинность острова и красота монастыря. — Общія черты и особенности. — Строгость монашескаго житія. — Заслуги обители. — Богатства ея. — Подвижническая жизнь. — Скиты. — Рыбы и тюлени. — Интересная легенда. — Милостыня и благостыня. — Заключеніе.

Древле быша сіи родове (лопь и корела), яко звѣріе дивіи живуще въ пустыняхъ непроходимыхъ, въ разсѣлинахъ каменныхъ, не имуще ни храма, ни инаго потребнаго къ жительству, но токмо животными питахуся, звѣрями и птицами, и морскими рыбами. Одежда же кожа еленей тѣмъ бяше. Отнюдъ Бога истиннаго единаго и отъ Него посланнаго Іисуса Христа ни знати, ни разумѣти хотяху. Но имъ же кто когда чрево насытитъ, тогда оное и Бога си поставляше; и аще когда каменіемъ звѣря убіетъ — камень почитаетъ, и аще палицею поразитъ ловимог — палицу боготворитъ.

Изъ „САДА СПАСЕНІЯ" — рукописнаго житія соловецкихъ угодниковъ.

Коневскій монастырь.

Среди бурныхъ переворотовъ южно-русской исторіи не оказалось мѣста первымъ росткамъ восточнаго отшельничества: «Безопаснѣе стали возрастать его отпрыски, одни за другими, на суровой почвѣ Сѣвера: это строгое учрежденіе какъ-то пришлось къ угрюмому климату» — по справедливому замѣчанію Н. И. Костомарова. Отшельники, большею частію уроженцы этихъ мѣстъ, съ самыхъ первыхъ временъ водворенія христіанства, не удовлетворялись уже глухими и необитаемыми суземами дремучихъ лѣсовъ, а искали еще большаго удаленія отъ людей. Этому въ особенности благопріятствовали одинокіе озерные острова, оторванные отъ твердой земли и полагавшіе затрудненія въ сношеніяхъ съ берегами. Острова сдѣлались любимыми мѣстами уединенныхъ молитвъ и иноческихъ подвиговъ одновременно съ глухими лѣсными островами на материкѣ и съ постепеннымъ водвореніемъ Славянскаго племени на сѣверѣ. Уже въ концѣ 12 вѣка, слѣдомъ за основаніемъ древнѣйшаго новгородскаго монастыря Юрьева, встрѣчается упоминаніе о Кириловомъ монастырѣ, стоящемъ на островѣ Нѣлезинѣ, образуемомъ двумя протоками Волхова: Левошнею и Волховцемъ, въ 4 верстахъ отъ Новгорода. Къ 1196 году уже разрушилась въ немъ первая деревянная церковь и, вмѣсто нея, двумя братенниками построена въ этомъ году каменная церковь. На острову Черемецкаго озера, въ 20 верстахъ отъ пригорода

Луги, выстроился монастырь такъ давно, что не осталось въ народѣ памяти ни о времени его сооруженія, ни объ имени соградителя. Точно также долгое время оставался неизвѣстнымъ вологодскій монастырь Спаса на Каменномъ островѣ Кубенскаго озера, перенесенный впослѣдствіи на островъ Бѣлавинскаго озера и потомъ въ г. Вологду (теперь Святодуховъ). До сихъ поръ съ точностію не опредѣлилось время сооруженія Валаамскаго монастыря и многихъ другихъ разсѣянныхъ по островамъ Онежскаго озера.

Нѣтъ сомнѣнія, что удачные опыты водворенія на озерныхъ островахъ первыхъ подвижниковъ, въ значительной степени, повліяли на этотъ способъ благочестивыхъ подвиговъ, такъ какъ характерно въ этомъ случаѣ преемство и знаменательна послѣдовательность. Иноки Валаамскаго монастыря основываютъ обители также на островахъ: Александръ на Рощинскомъ, образованномъ р. Свирью, Арсеній на Конѣ-островѣ Ладожскаго озера, валаамскій послушникъ Савватій съ Германомъ на островѣ Соловкахъ Бѣлаго моря, соловецкій схимникъ Елеазаръ на Анзерскомъ, Кассіанъ на островѣ Муѣ Муеозера. Какъ Валаамъ и Соловки сдѣлались разсадниками отшельниковъ, такъ Тихвинскій и Кириловъ-Бѣлозерскій монастыри высылали на иноческіе подвиги на безлюдныхъ островахъ Онежскаго озера своихъ отшельниковъ. Иконописецъ Антоній соорудилъ церковь и основалъ монастырь на острову Михайлова озера подлѣ рѣки Сіи; другой Антоній на Черныхъ озеркахъ близъ р. Шексны въ Череповскомъ уѣздѣ (пустынь теперь упразднена). Эта увѣренность въ успѣхахъ подвижничества на уединенныхъ островахъ не утратила своего значенія и въ послѣдующія времена, когда патріархъ Никонъ озаботился сооруженіемъ двухъ монастырей — одного на островѣ Кіѣ Крестнаго, въ Онежскомъ заливѣ Бѣлаго моря, и другаго на островѣ озера Валдая, — Иверскаго.

Занимая пустынные острова, отшельники достигали прямой цѣли исканій: пріобрѣтали тихія, безмолвныя пустыни, благопріятныя сосредоточенной молитвѣ, глазъ на глазъ съ природою, которая трудами ихъ утрачивала угрюмую дикость и пріобрѣтала оживленный видъ, почти во всѣхъ случаяхъ доходившій до картинности, не лишенной поэтическихъ красотъ и способной увлекать всѣхъ и оживлять помыслы. Пріобрѣтали клочки земли, богато обезпечивающіе строительнымъ матеріаломъ, но скудно такими мѣстами, которыя пригодны были подъ пашню, такъ что надобилась помощь постороннихъ благотворителей въ денежныхъ вкладахъ и въ припискѣ свободныхъ и способныхъ земельныхъ угодій на материкѣ. Въ Соловкахъ до сихъ поръ не могутъ возрастить хлѣбныхъ злаковъ и добились лишь того, что воздѣлываются огородныя овощи. Пріобрѣтали подручныя средства къ пропитанію въ рыбной ловлѣ, доставляющей единственно дозволенную иноческимъ уставомъ мясную здоровую пищу, и право и возможность развивать однородные промыслы. Хозяйственные успѣхи пораждали враговъ. Преподобный Зосима, встрѣтившій отъ Поморовъ различныя притѣсненія и обиды, принужденъ былъ посылать въ Новгородъ старца съ просьбою о защитѣ и наконецъ отправился туда самъ, чтобы получить право «владѣти землею, и ловищами, и тонями, и пожнями, и лѣшими озерами, землю дѣлати и пожни косити и лѣшія озера ловити добровольно». «А кто мою вотчину (писала посадница Марѳа Борецкая) у игумена Зосимы и у старцевъ отъиметъ, или станетъ вступатися, и мнѣ съ нимъ судитися передъ Христомъ.» Потребовалось особое чудесное явленіе новгородскому посаднику Ивану Захарьевичу для того, чтобы согласить его уступить принадлежащій ему островъ Мучь на Онежскомъ озерѣ, занятый кельею подвижника Лазаря Мурманскаго. До той поры многократныя просьбы не могли склонить посадника на эту уступку.

Отшельники не оставались въ дому у доброхотныхъ жертвователей, оживляя пустынныя страны и, примѣромъ трудолюбивой и строгой жизни, вліяя на весь окрестный людъ. Благочестіе монастырское было велико: иноки скудно ѣли, мало спали; весь день проводили въ работахъ и на молитвѣ; все потребное для жизни дѣлали сами: рубили лѣсъ, косили траву, пахали и засѣвали землю, ловили рыбу. Церковныя службы отправляли съ особеннымъ усердіемъ: литургію пѣли въ продолженіе цѣлыхъ трехъ часовъ, заутреню еще дольше по скитскому уставу. Въ

одинъ изъ сѣверныхъ монастырей пришелъ изъ любопытства и для молитвы городской (изъ Новгорода) священникъ. Попалъ онъ на «всенощную» подъ большой праздникъ. Братія пѣла и читала катавасію, антифоны и сѣдальны. Наступила полночь.

— Когда все это кончится? — спросилъ утомленный гость съ безпокойнымъ видомъ и полусоннымъ голосомъ.

Общій видъ Коневскаго монастыря.

— Бдѣніе всенощное у насъ прекращается съ окончаніемъ перваго часа дня — отвѣчалъ ему молившійся монастырскій братъ.

Тогда священникъ снялъ съ себя поясъ, сдѣлалъ изъ него петлю, зацѣпилъ ее за крюкъ, подвысилъ себя на этой петлѣ подъ мышки, и только такимъ способомъ могъ удержать себя до окончанія службы, въ недремотномъ, не въ сидячемъ и не въ лежачемъ положеніи, но какъ бы предстоящимъ и молящимся.

«Вообразите себѣ, — разсказывалъ онъ всѣмъ, возвратившись въ свой шумный торговый городъ: — вообразите присно-стоящее древо, не требующее ни сна, ни дремленія, ни успокоенія. Таковъ онъ съ братіею.... Желѣзный съ желѣзными!»

Конь-камень на островѣ Коневцѣ.

Всякій, поступающій въ монастырь, обязанъ былъ сдѣлать вносъ, который уже никогда не возвращался. За то каждый имѣлъ отъ монастыря или общины столъ и продовольствіе. Своей пищи никто не имѣлъ права держать.

Всѣмъ завѣдывалъ келарь, а если бы кому вздумалось съѣсть свое и отдѣльное, тотъ обязанъ былъ спросить у келаря, а этотъ испрашивалъ благословеніе игумена. Безъ разрѣшенія послѣдняго никто не имѣлъ права выходить за монастырскія стѣны. Виновный строго наказывался, для чего въ рѣдкомъ изъ монастырей не было особенныхъ темныхъ келій подъ церквами, гдѣ виновные заключались и сидѣли на хлѣбѣ и водѣ. Всякое стяжаніе инока начальникъ монастырскій имѣлъ право отнять и обратить въ пользу общины.

Эта строгость воздержанія и жизни въ мѣстахъ, намѣренно выбранныхъ въ крайнемъ удаленіи отъ жильевъ, производила поразительное впечатлѣніе не только на благочестивыхъ рус-

скихъ, но и на полудикихъ инородцевъ. Когда преподобный Зосима, построившій на Соловецкомъ островѣ храмъ Спаса, послалъ въ Новгородъ одного изъ своихъ братій просить антиминса, архіепископъ Іона искренно и простодушно удивился тому, что люди могли поселиться въ такой суровой и отдаленной странѣ. Въ самомъ дѣлѣ, посланные Іоною игумены Павелъ и потомъ Ѳеодосій не могли вынести тягостной жизни на безплодномъ и холодномъ морскомъ островѣ и покинули его. Но съ назначеніемъ игумена Зосимы пустынный островъ получилъ болѣе жизни: онъ сдѣлался пріютомъ для новгородскихъ промышленныхъ людей и предметомъ особаго вниманія бояръ вольнаго города. Значеніе его выразилось и апостольскими подвигами, и тѣмъ, что искавшимъ большаго уединенія нестрашны стали полярныя страны. Схимникъ Елеазаръ основалъ скитъ въ 22 верстахъ отъ Соловецкаго монастыря и въ пяти верстахъ отъ Соловковъ, на островѣ Анзерскомъ, также необитаемомъ и также служившемъ лишь временнымъ пристанищемъ бѣломорскимъ торговымъ судамъ и промышленникамъ. Инокъ Кассіанъ успѣлъ положить основаніе монастырю близъ самой шведской границы, въ 30 верстахъ къ западу отъ г. Кеми, на островѣ озера Муя, отъ котораго обитель и получила названіе Муезерской. Въ 1591 году, въ отводной книгѣ Кемской волости записано было такъ: «на Муезерѣ на острову монастырекъ, а въ немъ храмъ Троицы Живоначальныя, пустынька, а въ ней пять братьевъ, а питаются отъ своихъ трудовъ лѣшею пашенькою, и на озерѣ рыбу ловятъ.» Между тѣмъ сосѣдніе Лопари стали ознакомляться съ истинами христіанскаго ученія, и современникъ и ученикъ Зосимы, черезъ 20 лѣтъ по кончинѣ послѣдняго, имѣлъ возможность написать въ житіи Преподобнаго между прочимъ слѣдующее: «Мнози отъ тѣхъ (т. е. Лопарей) прихождаху во обитель преподобныхъ отецъ Зосимы и Савватія и, отризающе власы главъ своихъ, бываху мниси». Подобное же явленіе характерно выражается въ житіи и подвигахъ другихъ основателей островныхъ монастырей.

Островный монастырь Успенскій — Мурманскій (50 вер. отъ Пудожа и 70 отъ Вытегры), на островѣ Мурманскомъ, особенно замѣчателенъ. Онъ основанъ въ XIV в. преподобнымъ Лазаремъ, житіе котораго прямо указываетъ на апостольскую дѣятельность. Островъ принадлежалъ посаднику Ивану Захарьевичу, который подарилъ его Лазарю послѣ видѣнія. Лазарь построилъ часовню и хижину, но жившіе около озера язычники «Чудь» стали селиться на островѣ и хотѣли прогнать Святаго. Потерпѣвъ отъ нихъ побои, Лазарь ушелъ въ лѣсную глушь, выкопалъ пещеру, построилъ хижину, повѣсилъ на деревѣ образъ. Вскорѣ пришелъ къ нему старшина Лопарей съ просьбою исцѣлить сына, слѣпаго отъ рожденія. Отшельникъ помолился передъ своимъ образомъ, покропилъ младенца св. водою, и слѣпой прозрѣлъ. Старшина крестился со всею семьею; многіе Лопари стали приносить Лазарю одежду и пищу; другіе начали вмѣстѣ съ отшельникомъ искать уединенія и вскорѣ такимъ образомъ основали монастырь. Лазарь въ Новгородѣ, у архіепископа Моисея, получилъ антиминсъ, и подвизался потомъ въ подвигахъ благочестія и проповѣди долгое время: онъ умеръ въ глубокой старости, на 105 году, въ 1391 г. Монастыря его давно уже нѣтъ, но сохранилась приходская церковь; подъ нею мощи подъ спудомъ основателя, а въ ризницѣ списокъ съ его завѣщанія, гдѣ описана и его жизнь.

Иверскій монастырь созданъ патріархомъ Никономъ на одномъ изъ красивыхъ острововъ Валдайскаго озера, въ 1653 году, по образцу и плану Иверской лавры, что на Афонской горѣ. Съ паденіемъ Никона монастырь подвергся гоненію и запустѣлъ, но церкви его и ризница богаты до сихъ поръ, хотя значительная часть утварей и книгъ, даже колоколовъ была взята отсюда въ разные монастыри, между прочимъ въ Александро-Невскую лавру. Теперь въ Иверскомъ монастырѣ, благодаря усердію позднѣйшихъ вкладчиковъ, шесть церквей. Главная святыня Иверскаго монастыря икона Иверской Богоматери, замѣчательная по тому сказанію, которое выражено въ посланіи афонскихъ иверскихъ монаховъ: какъ есми пріѣхалъ Пахомій въ нашъ монастырь, собравъ всю братію 365 братовъ, и сотворили весьма великое молебное пѣніе, съ вечера и до свѣта, и святили есми воду со св. мощами, и св. водою обливали чудотворную икону

Пресвятыя Богородицы старую Портальную (т. е. Вратарницу). И въ великую лохань ту святую воду собрали и, собравъ и, паки обливали новую дску, что сдѣлали всю отъ кипариснаго дерева, и потомъ служили святую и божественную литургію и съ великимъ дерзновеніемъ. И послѣ литургіи дали ту святую воду и святыя мощи иконописцу, отцу господину іеромниху Романову, чтобъ ему, смѣшавъ св. воду съ красками, написати св. икону. Иконописецъ токмо въ субботу и воскресенье употреблялъ пищу, а братія, во всю недѣлю, совершали всенощныя и литургіи. И та икона новописанная не разнится ничѣмъ отъ первой иконы ни длиною, ни широтою, ни ликомъ, только слово въ слово новая, аки старая.» Кромѣ того Никонъ приготовилъ серебряную раку и своеручно положилъ въ нее мощи св. Іакова, принесенныя изъ Свято-Духова монастыря, находившагося близъ села Боровицъ (что теперь городъ Боровичи).

О другихъ монастыряхъ сохранилось мало свѣдѣній: остается даже неизвѣстнымъ и то, когда они основаны и кто были тѣ отшельники, которые подвизались въ этихъ холодныхъ и негостепріимныхъ странахъ. Тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что вліяніе ихъ на окрестныхъ дикарей было сильно, особенно потому, что обители должны были дѣйствовать соединенными силами, такъ какъ, выстраиваясь не въ далекомъ сосѣдствѣ, всѣ вмѣстѣ представляли сплошную цѣпь, замыкавшую со всѣхъ сторонъ инородческое населеніе Таковы тѣ же островные монастыри Онежскаго озера, которому въ этомъ отношеніи наиболѣе другихъ посчастливило вмѣстѣ съ другими большими озерами: Бруссенскій — Николаевскій, бывшій на Брусенскомъ островѣ; Нятинъ на островѣ Климецкомъ, въ замѣну котораго, въ 3 верстахъ отъ него, сынъ новгородскаго посадника, торговавшій солью и застигнутый здѣсь бурею, основалъ другой монастырь Климецкій, находящійся въ 70 верстахъ отъ губ. города, приписной къ архіерейскому дому; Соломенная пустынь на Соломенномъ островѣ (противъ самаго города Петрозаводска); Введенскій Муезерскій; Палеостровскій на островѣ Пальѣ въ 160 верст. отъ губ. города, прославившійся впослѣдствіи трагическимъ самосожженіемъ раскольниковъ и основанный Корниліемъ; женскій Солминскій на скалѣ при соединеніи Логмозера съ Онежскимъ озеромъ. Ко всѣмъ выше указаннымъ необходимо присоединить еще нижеслѣдующіе, несуществующіе уже теперь монастыри: Ямозерскій, Троицкій — Сунорѣцкій, Спасо-Вышеостровскій и сохранившаяся на островѣ озера Маше — пустынь Машеезерская съ двумя церквами, изъ которыхъ сооруженіе Ильинской должно относиться къ первымъ годамъ введенія здѣсь христіанства (церковь теперь перестроена).

Очутившись впослѣдствіи, при задачѣ выбора мѣстъ и пріобрѣтенія земель, подъ покровительствомъ и защитой властей и сильныхъ земли, наши сѣверные монастыри вольны были выбирать самыя лучшія мѣста. Несвободные отъ поэтическихъ помысловъ, отшельники выбрали для себя мѣста одновременно и плодородныя, и картинныя. По этой-то причинѣ, за малыми лишь исключеніями, монастырскія мѣстности очень живописны и весьма привольны. Указываемъ для примѣра на Кириловъ Новоезерскій монастырь, основанный на живописномъ островѣ озера «Новаго», носящемъ до сихъ поръ старинное справедливое прозваніе «Краснаго». Монастырь этотъ находится въ 30 верстахъ отъ Бѣлозерска, прославившагося другимъ монастыремъ, основаннымъ другимъ Кирилломъ (бѣлозерскимъ). Новоезерскій основанъ въ 1517 году; основатель его преставился въ 1532, и погребенъ въ Воскресенскомъ соборѣ, въ придѣлѣ, посвященномъ его имени, гдѣ и св. мощи его почиваютъ. Напрестольный крестъ писанъ на деревѣ отъ гробовой доски преподобнаго. 17 марта ежегодно бываетъ здѣсь ярмарка, наз. Алексѣевскою.

Преподобный Нилъ основалъ пустынь (получившую его имя) на островѣ Столобномъ озера Селигера. На другомъ изъ 13-ти островов того же озера, съ 1716 г., существуетъ монастырь Житейный съ церковью во имя Смоленской Богоматери, гдѣ находится и чудотворный ея образъ, въ древности стоявшій на городской стѣнѣ г. Осташкова. На островѣ Ворбозомскаго озера, въ 20 верстахъ отъ города Бѣлозерска, основанъ преп. Зосимою Соловецкимъ мон. Благовѣщен-

скій, теперь упраздненный. Въ 15 верстахъ отъ того же Бѣлозерска на островѣ Илоозера въ XVI в. преп. Продіономъ сооружена Озадская пустынь. На Ладожскомъ озерѣ, на островѣ Ондрусовскомъ (Олонецкаго уѣзд.), существовалъ Никольскій монастырь, основанный преп. Адріаномъ. Св. Мартирій, сначала игуменъ, а потомъ новгородскій владыка, еще въ 1196 г. поставилъ церковь на островѣ р. Полисти въ Старой Русѣ, около которой собрался потомъ монастырь Спасъ-Преображенья, ставшій пріютомъ благочестія для пригорода Русы и его волости. Два монаха, Сергій и Тимоѳей, основали въ концѣ XVII вѣка Введенскую островскую пустынь среди озера Вятскаго (въ Покровскомъ уѣз. Влад. губ.), гдѣ до сихъ поръ обрядъ церковной службы совершается по образцу Афонской горы. Среди озера, также на небольшомъ островѣ, въ Горбатовскомъ уѣздѣ (Нижегор. губ.) стоитъ монастырь Троицкій-Островоезерскій съ тремя церквами. Наконецъ величайшій изъ отечественныхъ отшельниковъ, Сергій Радонежскій, въ числѣ семи созданныхъ имъ обителей, соорудилъ двѣ Дубенскихъ, изъ которыхъ одну на Стромынѣ, другую на островѣ ея (теперь уже упраздненную), какъ на такомъ мѣстѣ, которое наиболѣе способно для смиреннаго богомыслія.

Новоезерскій монастырь.

Затѣмъ нами перечислены уже всѣ островные монастыри Русской земли въ количествѣ тридцати четырехъ, представляющемъ столь примѣтное явленіе въ географическомъ размѣщеніи нашихъ отшельническихъ жилищъ.

На озерѣ, посреди обширныхъ болотъ, въ сѣверной части нынѣшняго Псковскаго уѣзда (въ 23 верстахъ отъ губернскаго города), и съ тою же цѣлію уединеннаго богомыслія, преподобный Савва, на урочищѣ Крыпцы, основалъ свой монастырь Крыпецкій. Онъ былъ пришелецъ съ востока, происхожденіемъ Сербъ. Сначала жилъ онъ въ Елеазаровскомъ или Евфросиніевомъ монастырѣ и отсюда уединился на небольшой лѣсистый холмъ, совершенно окруженный болотами (гдѣ теперь монастырскій колодезь). Въ болотѣ, по сказанію житія св. Саввы—проживали бѣсы, которымъ не полюбилось сосѣдство отшельника, и они постоянно пугали его криками и привидѣніями. Постомъ и молитвами св. Савва оградилъ себя отъ безпокойнаго сосѣдства и вскорѣ привлекъ многихъ псковичей, искавшихъ духовныхъ совѣтовъ. Онъ всѣхъ принималъ, не исключая бояръ и посадниковъ. Дѣлился только совѣтами, такъ

Крыпецкій монастырь.

какъ самъ питался лишь водою изъ озера и хлѣбомъ. Видя его скудость и благочестіе, одни жертвовали вклады, другіе поступали къ нему въ послушаніе. Вскорѣ ему представилась возможность выстроить деревянную церковь во имя Іоанна Богослова и положить основаніе монастырю. Его ревность къ чистотѣ духовной доходила до того, что онъ запрещалъ входъ въ обитель женскому полу, и когда одинъ изъ постоянныхъ его жертвователей, псковскій князь Ярославъ Васильевичъ Оболенскій (княжившій съ 1473 по 1477 и потомъ съ 1482 по 1487 г.), посѣщавшій святаго

Скитъ св. Николая на Валаамѣ.

еженедѣльно, разъ прибылъ съ больною женою, Савва вышелъ къ ней за ворота и здѣсь отслужилъ ей молебенъ. Больная исцѣлѣла. Въ благодарность за то и въ память событія Ярославъ построилъ длинный деревянный мостъ черезъ болото, и до сего времени называемый «Ярославовымъ». Каменная монастырская церковь построена въ 1495 году. Теперь она перестроена и въ томъ видѣ, какъ представляетъ намъ рисунокъ, она существуетъ съ 1788 года. Колокольня надстроена и приведена въ настоящій видъ въ 1820 году.

Возвращаемся къ личнымъ воспоминаніемъ, отправляясь въ поѣздку въ древнѣйшіе и красивѣйшіе островные монастыри, столь извѣстные на русскомъ сѣверѣ, каковы: Коневецъ и Валаамъ.

Среди однообразія угнетающихъ впечатлѣній отъ безжизненной равнины нашего прѣсноводнаго Ладожскаго моря, появленіе монастырька Коневскаго составляетъ успокоивающее и пріятное явленіе. Не смотря на то, что онъ вовсе не поражаетъ ни одною характерною выдающеюся чертою, его скромный видъ на низменной косѣ невысокаго острова, съ оттѣнкомъ смиренія и сиротливости, все-таки производитъ такого рода впечатлѣніе, которое не скоро забывается, вызывая собою нѣкоторыя особенныя представленія.

Коневскій островъ не великъ: вся окружность его не болѣе 11-ти верстъ и самая большая ширина 4 версты. Основанный на немъ Рождественскій монастырь одинъ изъ тѣхъ 34-хъ русскихъ монастырей, которые выстроились на островахъ большихъ и малыхъ озеръ лѣсистой Россіи и, по словамъ Несторовой лѣтописи, «не отъ царей, бояръ и отъ богатствъ поставлены, но слезами, пощеніемъ, молитвою и бдѣніемъ.» Ставился онъ въ то трудное и серьезное время, когда населялись сѣверные лѣса и, послѣ татарскаго погрома, въ особенности сосредоточивалось въ нихъ усиленное колонизаціонное движеніе всякаго вида, и между прочимъ собирались отшельники, отличавшіеся высокою нравственностію и святостью жизни. Какъ обитель на острову или — какъ выражались въ то время «на отокѣ моря», Коневская является древнѣйшею изъ сѣверныхъ по тому же неслучайному обстоятельству, въ силу кото-

раго и приозерные города упоминаются самыми первыми въ первоначальной лѣтописи, повѣствующей о томъ, «откуда есть пошла Русская земля и како стала быть.» Монастырь на островѣ Коневцѣ озера Ладоги обязанъ своимъ существованіемъ также одному изъ тѣхъ благочестивыхъ людей, религіозное настроеніе которыхъ было столь велико, что искало полнѣйшаго уединенія и разлученія съ міромъ, не ограничиваясь непроходимыми дебрями и не страшась бурныхъ и негостепріимныхъ морей и озеръ. Какъ монастырь, по случайности выбора мѣстности, очутившійся на рубежѣ христіанскаго міра съ языческимъ, Коневскій, вмѣстѣ съ другими однородными, сдѣлался миссіонерскимъ.

Апостольская дѣятельность основателей-отшельниковъ, преимущественно усилившаяся въ пятнадцатомъ вѣкѣ, относится къ тѣмъ временамъ, когда Великій Новгородъ спозналъ уже всѣхъ сосѣднихъ дикихъ и полудикихъ народовъ. Въ 1348 году существовалъ уже монастырь на Валаамѣ, основанный неизвѣстно когда пришедшими сюда (по предположенію изъ Греціи) иноками Сергіемъ и Германомъ. Въ концѣ XIV вѣка этотъ монастырь уже процвѣталъ и давалъ примѣръ и направленіе просвѣтительной дѣятельности своихъ отшельниковъ. Одинъ изъ нихъ, какъ мы уже и имѣли случай упомянуть, именемъ Савватій, въ наибольшей глуши сѣвера, отыскалъ островъ Соловецкій и положилъ на немъ основаніе столь прославившейся обители Спаса. Другой, Александръ, прозванный Свирскимъ, оставилъ Валаамъ для того, чтобы соорудить также церковь Спаса и собрать монастырь на озерѣ Рощинскомъ. Третій — Авраамій направился на просвѣщеніе ростовской Мери и основалъ на озерѣ Неро монастырь—первый въ этой странѣ. Четвертый изъ валаамскихъ иноковъ, Арсеній, ушелъ въ 1393 году на пустынный островъ, лежавшій въ 4 верстахъ отъ берега, населеннаго Финнами, и положилъ начало монастырю Коневскому. Въ это время весь корельскій берегъ, вся Корелія или Обонежская пятина, поступила (1348 г.) во владѣніе Руси и уже началось просвѣщеніе ея христіанствомъ (былъ съ XI в. монастырь Челменскій). Какъ Стефанъ Храпъ почитается апостоломъ Зырянъ, Трифонъ Вятскій Вотяковъ, Сергій Череповецкій, Лазарь Мурманскій и Трифонъ Печенгскій Лопарей, такъ несомнѣнно Арсеній Коневскій долженъ считаться просвѣтителемъ Кареловъ (до сихъ поръ твердо исповѣдующихъ православную вѣру) и тѣхъ Финновъ или Чухонъ, которые до сихъ поръ не измѣняютъ вѣрѣ греко-россійскаго закона.

Преподобный Арсеній явился сюда, по указанію одного старца съ Афонской горы, который благословилъ его иконою Богородицы на одной сторонѣ доски и Нерукотвореннаго Спаса—на другой ея сторонѣ. Уже при жизни основателя монастырь его на Конѣ-островѣ пользовался извѣстностію и почитаніемъ. Новгородскіе люди являлись сюда и помогали старцу. Арсеній прославился страннопріимствомъ, угощалъ всѣхъ радушно и тѣмъ привлекалъ къ Божію Храму и евангельской проповѣди. Однажды (по сказанію Арсеніева житія) какой-то старецъ изъ товарищей отшельника, именемъ Симеонъ, объявилъ ему, что бѣсы радуются, когда Арсеній угощаетъ у себя мірянъ. Преподобный не велѣлъ приготовлять особыхъ трапезъ для гостей, а сталъ угощать тою же трапезою, которою пользовался самъ съ братіею. Въ числѣ посѣтителей побывалъ на острову и новгородскій владыка Евфимій, завѣщавшій монастырю свой ветхій клобукъ. Скончался Арсеній въ глубокой старости, успѣвши однако передъ смертію еще разъ побывать на Афонѣ.

На островѣ св. Арсеній нашелъ огромный камень, боготворимый ближними жителями: Они — говоритъ преданіе — ежегодно приводили сюда лошадь и оставляли ее на все лѣто, въ жертву богамъ, привязанною къ камню. Зимою конь пропадалъ: жившіе подъ камнемъ боги принимали жертву. Преподобный Арсеній приступилъ къ камню съ молитвою, окропилъ его святою водою и на вершинѣ водрузилъ крестъ. Боги, въ видѣ черныхъ вороновъ, улетѣли съ острова и поселились на выборгскомъ берегу въ большой (и единственно-удобной для стоянокъ судовъ) бухтѣ, съ тѣхъ поръ носящей названіе «Чортовой лахты». Этотъ видимый свидѣтель и прямой указатель на характеръ просвѣтительной дѣятельности проповѣдника христіанской

Скитъ св. Александра Свирскаго, близъ Валаамскаго монастыря.

вѣры, носитъ названіе «Конь-камня», давшаго свое имя и острову, и монастырю. Онъ, въ группѣ другихъ гранитныхъ камней, лежитъ въ сѣверо-западной сторонѣ острова, въ двухъ верстахъ отъ монастыря. Къ нему привела насъ просѣка въ густомъ монастырскомъ лѣсу (не только со строевыми, но и мачтовыми деревьями). Мы видѣли эту сѣрую гранитную скалу, нисколько не напоминающую фигурою своею лошади и стоящую совершенно отдѣльно отъ прочихъ камней, двѣнадцати саженъ въ длину и семи аршинъ въ высоту, трехугольной формы и шероховатаго вида. Вся она сплошь обросла мохомъ и прикрыта погнившей часовней, тоже, въ свою очередь, затянутой сверху до низу ягелями и мохомъ.

Во время междуцарствія, войска шведскія, предводимыя Понтусомъ Делагарди, монастырь, основанный преподобнымъ Арсеніемъ, разрушили. Монахи перебрались въ монастырь Деревеницкій и, когда Ништадтскій миръ 1721 года снова присоединилъ ладожскіе острова къ Россіи, оба монастыря (Коневецкій и Валаамскій) были возстановлены и сооружены вновь. Указомъ Петра I-го (6 мая 1718 года) за Коневскимъ монастыремъ, кромѣ монастырскаго острова, укрѣпленъ былъ во владѣніи и Восчаной островъ, «съ пашнею, и съ лѣсами, и съ сѣнными покосами, и со всѣми угодьями.» На вырубленныхъ въ лѣсу лядинахъ недурно родится рожь и очень хорошо ячмень; на давнихъ пустошахъ образовались хорошіе сѣнные покосы, позволяющіе держать скотъ; на широкомъ просторѣ окрестныхъ водъ обильно ловится рыба. Всѣ эти промыслы обезпечиваютъ монастырь въ такомъ размѣрѣ, что онъ можетъ исполнять завѣщаніе преподобнаго Арсенія «всѣхъ пришельцевъ яствіемъ и питіемъ безплатежно довольствовать».

На этой второй и великой заслугѣ Коневца, мы оставляемъ этотъ небольшой монастырекъ, умѣвшій сослужить великую услугу дикому и темному озерному сѣверу. Мы покидаемъ его для того сотоварища его, которому выпали наибольшіе труды и болѣе громкая слава и отъ котораго монастырь Арсеніевъ возъимѣлъ начало. Мы плывемъ на Валаамъ.

Опять свѣтлыя волны негостепріимнаго и бурнаго Ладожскаго моря,—*негостепріимнаго* по той причинѣ, что у него нѣтъ губъ и, слѣдовательно, укрытій и пристанищъ для судовъ, и весьма бурнаго вслѣдствіе того, что берега его низки, совершенно открыты, и почти сплошь безъ острововъ, изъ которыхъ Коневецъ съ Восчанымъ да семьдесятъ лудъ Валаама ушли далеко къ с.-з. Они не защищаютъ такимъ образомъ озера съ самой опасной сѣверной стороны, откуда и налетаютъ всегда бурные и бурливые вѣтры.

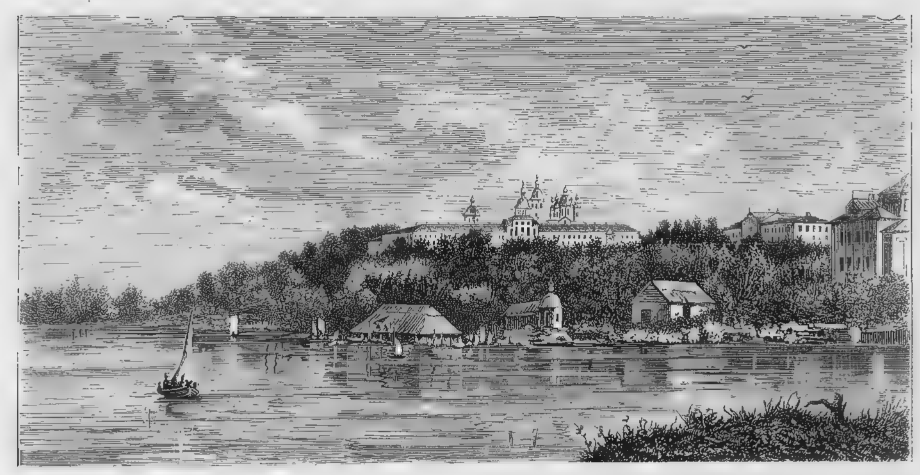
75 верстъ считаютъ прямымъ путемъ отъ Коневца до Валаама этимъ неоглядным озеромъ-моремъ, только въ концѣ пути къ послѣднему монастырю выставляющимъ на своей поверхности двѣ-три невысокія голыя луды. Луды эти — тотъ же гранитъ безъ малѣйшаго признака живой растительности, подернутый только въ щеляхъ бѣлымъ мохомъ, — гранитъ, которымъ затянутъ весь сѣверъ Россіи и который выразился также безутѣшно и безпріютно и надъ водами дальняго и студенаго Бѣлаго моря.

Тусклой полосой показался сначала Валаамъ, впереди парохода, на отдаленной сторонѣ горизонта. Яснѣя постепенно, онъ выдѣлилъ отъ себя одинъ отдѣльный островъ, затѣмъ другой и третій. Всѣ они отошли въ сторону вправо, оставивъ одну сплошную массу—собственно Валаамъ налѣво. На немъ забѣлѣлъ крестъ; на этомъ мѣстѣ — по преданію — любилъ молиться преподобный Германъ. За мыскомъ выяснилась чистенькая новенькая часовня, и вся высокая гранитная скала острова, унизанная вплотную густымъ рослымъ лѣсомъ, была передъ глазами во всей поразительной дикой прелести. Между тѣмъ острова одинъ за другимъ, по мѣрѣ движенія парохода, продолжали выдѣляться изъ общей сплошной массы нѣкоторое время порисоваться передъ нами, и отходить въ сторону. Картинные проливы засверкали тамъ и сямъ между ними.

Плотная главная гряда Валаама осталась теперь одна въ серединѣ, обрывисто круто спускаясь въ глубь озера, доходящую, какъ говорятъ, въ этомъ мѣстѣ свыше ста саженъ. Дальній мысокъ главнаго острова, постепенно приближаясь къ набѣгавшему пароходу, выдѣлилъ изъ себя еще одинъ мысъ, также лѣсистый, и на немъ церковь, удивительно-гармонирующую

со всѣмъ окружающимъ. Мысокъ этотъ оказался также островомъ, за которымъ потянулся вдаль входный проливъ, и изъ-за чащи сосняка и ельника объявился на крутой и обрывистой горѣ самый монастырь въ картинной прелести и очарованіи.

Кто разъ видѣлъ ландшафтъ этотъ, тотъ едва ли будетъ въ состояніи забыть его. Это — одинъ изъ лучшихъ видовъ на всемъ пространствѣ лѣсной Россіи, принимая даже и то въ разсчетъ, что здѣсь для гармоническихъ сочетаній такъ мало матеріала и онъ столь однороденъ и

Монастырь Валаамскій.

грубъ. Валаамскій монастырь на островѣ своемъ (имѣющемъ въ ширину и длину одинаково около восьми верстъ) дѣйствительно красивъ и величественъ. Живительной и благодѣтельной теплотой повѣяло съ горъ, обступившихъ входъ въ монастырь со всѣхъ сторонъ, и еще болѣе располагало насъ въ пользу новаго знакомаго.

При дальнѣйшемъ внимательномъ разсматриваніи можно, впрочемъ, отыскать въ постройкѣ монастыря то общее мѣсто, которое упрямо повторяется повсюду. Та же стѣна и въ ней ворота, изъ которыхъ средніе всегда заперты (проходъ въ калитку); надъ воротами церковь; вправо и влѣво идетъ стѣна («безъ ограды—откровенно говорили старинные акты—монастырю быти не пригоже») съ кельями, которыя окружаютъ дворъ и съ остальныхъ трехъ сторонъ. Въ серединѣ соборъ холодный съ узенькими старинными окнами; въ углу при кельяхъ пристройка, въ которой помѣщается трапеза; при ней особая церковь. Игуменскія кельи отличаются чистенькимъ отдѣльнымъ ходомъ, съ ковромъ на лѣстницѣ, съ большими свѣтлыми окнами. Внѣ ограды и всегда подлѣ нея деревянныя службы, полѣнницы дровъ, скотный дворъ и гостиница для богомольцевъ. Внизу, у пристани нѣсколько деревянныхъ клетей съ рыболовными снастями и судовыми принадлежностями; невдалекѣ мельница, портомойня, бани и т. д., все по казенному. Валаамъ отличается только большимъ разнообразіемъ красивыхъ видовъ, изъ которыхъ одинъ: отъ монастырской стѣны на проливъ, по берегу котораго у подошвы скалы раскинулся заказной картиной разбитый садъ съ куртинами, — поразителенъ.

На островѣ въ рощахъ скачутъ, говорятъ, зайцы по той причинѣ, что ловить ихъ монахамъ не для чего, а стрѣлять богомольцамъ запрещено. Говорятъ, зайцевъ было бы и больше, если бы лисицы, волки, орлы и филины не истребляли ихъ въ значительномъ количествѣ, оставляя на прихотливо-вьющихся по острову дорожкахъ и лужайкахъ одни только обглоданные ребра и позвонки. Въ ложбинахъ, по косогорамъ, хорошо растетъ рожь — рѣдкая гостья

въ мѣстахъ, расположенныхъ на одной параллели съ островомъ. Въ озерной водѣ пропасть разнаго сорта рыбы по той причинѣ, что рыбу посторонннмъ ловить запрещаютъ и даже воды не отдаютъ въ аренду, по исконному завѣщанію основателей монастыря, запрещающему производить на островѣ покупку и продажу. Вотъ почему на трапезѣ всегда одинъ только рыбный столъ и блюда, приготовленныя изъ овощей, но нельзя достать ни молока, ни яицъ, ни масла. Куреніе табаку богомольцами преслѣдуется самымъ упорнымъ и настойчивымъ образомъ; употребленіе крѣпкихъ напитковъ также строго воспрещено, и не существуетъ даже обычныхъ монастырскихъ праздничныхъ и заздравныхъ чашъ и красовуль. Схимники здѣсь не переводятся и отшельниковъ разсыпано по островнымъ, мало тронутымъ, лѣсамъ довольно примѣтное число.

Вообще Валаамъ отличается такою нелицемѣрною замкнутостью и аскетическою строгостію, что очень мало имѣетъ себѣ подобія въ другихъ русскихъ обителяхъ. Здѣсь — по древнимъ правиламъ общежитія и уединенія — все «отдано Богу и св. Богородицѣ». Издревле не дозволялось «ни ясти въ келіи, ни пити, ни у келаря просити». Ѣдятъ и пьютъ въ трапезѣ вкупѣ всѣ; потребное одѣяніе получаютъ отъ игумена, также и обувь; лишнихъ одеждъ не держатъ. Сверхъ всего строгій и подвижническій Валаамъ отличается еще тѣмъ, что сохраняетъ наглядные слѣды своей апостольской дѣятельности: въ средѣ монаховъ находится довольно Кареловъ. Обычай посѣщенія монастыря окрестными жителями и полученія въ немъ безплатной трапезы еще до сихъ поръ дѣйствителенъ, какъ и ярмарка (съ 23 іюня), бывшая нѣкогда очень шумною и многолюдною въ послѣднихъ числахъ іюня, когда совершается память (28 числа) преподобныхъ основателей — Сергія и Германа. Одновременно съ Коневцемъ Валаамскій монастырь былъ упраздненъ и затѣмъ вновь возстановленъ въ 1717 году монахами Кирилло-бѣлозерскаго монастыря. Въ 1754 году деревянный монастырь сгорѣлъ; императрица Елисавета приказала соорудить его каменнымъ, что и приведено въ исполненіе къ началу текущаго столѣтія. Монастырь вновь началъ процвѣтать и богатѣть при искусномъ веденіи хозяйства, дѣлающемъ его тѣмъ богачемъ, который въ состояніи удѣлять отъ трапезы крупицы для сосѣдняго населенія, дѣйствительно обреченнаго на тягчайшую нужду. Приходить не далеко: матерый берегъ на сѣверозападѣ отстоитъ на 30 верстъ; г. Сердоболь въ 40 верстахъ, г. Кексгольмъ въ 50-ти. Валаамскій Спасъ (Преображенія), какъ Соловецкій (также Преображенія) и Кириловъ Спасъ (Воскресенія), для голодающаго сосѣдняго люда, послужили житницами и надежными пристанищами для платныхъ работъ и прославились, какъ знаменитые хозяева въ пустынныхъ и неплодородныхъ мѣстахъ. Узнавъ объ этомъ, народъ издревле охотно и свободно селился за волоками, выговоривъ пословицу «есть Спасъ и за Сухоной» и вѣруя, что православному человѣку найдется тамъ пристанище отъ бѣдъ и мѣста для поселенія и работъ. Вотъ что мы узнали о томъ на Валаамѣ.

Около Егорьева дня весенняго (23 апрѣля) на братской трапезѣ появляется первая свѣжая рыба — щука, идущая въ мережи въ теченіе трехъ недѣль. На смѣну ея «наростуетъ», какъ говорятъ монахи — плотва, добываемая въ невода, переметы, мережи и мордочки по внутреннимъ губамъ острова. Рыба наростуется (т. е. мечетъ икру) только трои сутки; послѣ чего она уже появляется рѣже. Окуни и корюхи составляютъ исключеніе и идутъ вопреки прямыхъ положительныхъ законовъ относительно появленія остальной озерной рыбы. Если «распалится» озеро рано и выгонитъ ледъ въ ближайшія рѣки, появляется лучшій сортъ ладожской рыбы — харьюсы и попадаютъ въ сѣти, назыв. кереводами и воротницами. Съ 15 мая изрѣдка ловятъ крючьями ямную палью, отличающуюся бѣлымъ и нѣжнымъ мясомъ. Въ іюлѣ общее вниманіе рыболововъ занимаетъ паровой сигъ, который идетъ въ кереводы и невода въ теченіе 3 — 4 недѣль. Тогда же идетъ и гряжевая (крючечная) палья, отличающаяся отъ ямной вѣсомъ (отъ 3 до 10 фун.), болѣе грубымъ мясомъ, чернѣе чешуей, какъ лосось, хотя и съ такимъ же краснымъ мясомъ. Послѣ успенскаго поста поспѣваетъ такъ назыв. крючечный сигъ; въ октябрѣ до ноября ходкій на ловлю крючками—лосось, на смѣну котораго съ ноября плыветъ черный

сигъ, самый вкусный и жирный икряной. Съ 14-го ноября начинаетъ показываться на глубинахъ отъ 60 до 100 саженъ «валамочный сигъ», который нѣжнѣе и мясомъ бѣлѣе чернаго. Около 6 декабря прекращаются рыбныя ловли, которыя по нуждѣ тянутся и во всю зиму въ «подледну», когда сѣти пропускаютъ, при помощи большихъ крюковъ, сквозь проруби въ валаамскихъ губахъ.

Въ позднюю лѣтнюю пору, а въ особенности осенью, въ мережи и невода попадаются тюлени, здѣсь непревышающіе двухъ пудовъ вѣсу. Вынимаются они большею частію сонными по той причинѣ, что, попавъ въ незнакомое и непривычное мѣсто, звѣрки торопятся выпутаться, теряютъ силы, — и околѣваютъ, не тронувъ даже лакомаго куса, лежащаго подъ самымъ носомъ. Частію, пользуясь тѣмъ же запрещеніемъ стрѣльбы на острову, тюлени цѣлыми стадами выползаютъ на прибрежныя скалы и нѣжатся на вѣтру и солнцѣ въ усладительномъ снѣ и покоѣ. Иногда, и то съ величайшимъ трудомъ и умѣньемъ, успѣваютъ убивать ихъ палками по хлипкой нѣжной головкѣ. Кожа ихъ, по тонкому строенію своему, идетъ только на рукавички, а сало — въ ночники служителямъ, на смазку сапоговъ, сѣтей, разнаго рода кожи и т. под. Настоящаго сальнаго промысла здѣсь впрочемъ не заведено въ такихъ размѣрахъ, какъ на островѣ Соловецкомъ.

Дорога въ скитъ на Валаамѣ.

Зимою, точно также какъ и лѣтомъ, монастырь населяется лишними обитателями: цѣлыя семьи бѣдныхъ Кареловъ и Чухонъ являются сюда для пропитанія, и, говорятъ, живутъ въ монастырѣ по двѣ и по три недѣли безвозмездно. Лѣтомъ тѣ же бѣдняки ожидаютъ богомольцевъ со всѣхъ сторонъ, свидѣтельствуя отчасти о той скудости, которая тяготѣетъ надъ всѣмъ прибрежнымъ ладожскимъ краемъ. Идутъ богомольцы зимой и плывутъ они лѣтомъ на гальотахъ и сойминкахъ и съ «русскаго» берега (со стороны Новой Ладоги), и съ «карельскаго» (со стороны Олонца и Сердоболя) и со стороны «финской» (отъ Кексгольма и окрестныхъ селеній его). Рѣдкихъ изъ нихъ, сказываютъ, влечетъ богомолье, большую часть — крайная нужда, а подчасъ и страсть попрошайства милостыни, всегда вѣрной и нерѣдко довольно щедрой.

Скитъ Всѣхъ Святыхъ на Валаамѣ.

Этою же милостынею держится отчасти и самый монастырь, въ которомъ всѣ почти суда жертвованныя. Петербургское купечество избрало это мѣсто для своихъ благочестивыхъ вкладовъ и посѣщеній, довольно щедрыхъ и нерѣдкихъ. Это облегчено монастыремъ для жертвователей еще постройкою въ самомъ Петербургѣ особой часовни на Калашниковской хлѣбной пристани. Монахи строятъ изрѣдка мелкія лодки для рыбныхъ ловель и перевоза богомольцевъ на Никольскій островъ и въ монастырскій Всесвятскій скитъ, картинно расположенный на высокой горѣ, въ трехъ верстахъ отъ главнаго монастыря, въ глухомъ, дикомъ и нечищенномъ лѣсу.

Ризница монастыря, представляя значительныя богатства въ жертвованной утвари, не имѣетъ особенныхъ драгоцѣнностей и рѣдкостей, на которыхъ можно было бы остановиться. Въ библіотекѣ нѣтъ ни одного рукописнаго памятника, который могъ бы указать хоть на одну сторону прошедшаго. Войны и пожары истребили все начисто, не исключая и деревянныхъ зданій. Теперь здѣсь все каменное: ограда, кельи, колокольня и церкви. Мало того, на всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ — по древнему обычаю — стояли пустыя хижинки, предназначенныя для большаго уединенія валаамскихъ пустынниковъ, жившихъ тутъ по нѣскольку недѣль и мѣсяцевъ, теперь красуются каменныя церкви очень изящной архитектуры (по проектамъ Горностаева). Для скитовъ избраны мѣста самыя красивыя, дополняющія привлекательность монастырскихъ сооруженій и ихъ общаго вида. Въ одномъ изъ четырехъ скитовъ на Святомъ островѣ, въ 7 вер. отъ монастыря, въ пещерѣ, въ разселинѣ гранитной скалы, подвизался преподобный Александръ Свирскій. Съ его примѣра, для всякаго валаамскаго игумена, обязательно ежегодное уединеніе въ лѣсной избушкѣ въ лѣтнее время, и такихъ указываютъ двѣ: въ одной жилъ умершій игуменъ Нектарій; другую занимаетъ нынѣшній — Дамаскинъ.

Въ монастырѣ четыре церкви: Спасская, Успенская, Тихвинская и Никольская. Въ нижнемъ этажѣ соборнаго Спаса сооружена церковь во имя преподобныхъ основателей, гдѣ и почиваютъ ихъ святыя мощи.

Интересна легенда, соединенная съ одною неизвѣстною могилою на острову и съ именемъ шведскаго короля Магнуса, лишеннаго престола и разбитаго Новгородцами во время ихъ войны со Швеціей. По легендѣ валаамской, Магнусъ, преслѣдуемый Богомъ за гордыню, навлекъ небесный гнѣвъ на свое государство, и Шведы заключили его въ тюрьму. Сынъ его, прибывшій изъ Мурманской земли, освободилъ его и повезъ изъ Швеціи въ эту землю на кораблѣ. Поднялась буря. Три дня они были въ опасности. Вѣтеръ занесъ ихъ къ монастырю Спаса. Здѣсь король шведскій Магнусъ далъ рукописаніе, въ которомъ изобразилъ свою печальную судьбу и свое раскаяніе за покушеніе на Новгородъ и завѣщаніе потомкамъ — никогда не заводить войны съ Русью. Такимъ способомъ Новгородцы запечатлѣли въ народной памяти свою побѣду надъ иновѣрными сосѣдями-врагами, именно въ лицѣ Магнуса, начавшаго войну за вѣру и кончившаго тѣмъ, что онъ принялъ православіе и обрекъ себя на строгое монастырское покаяніе на уединенномъ островѣ Ладожскаго моря. По мнѣнію Н. И. Костомарова (См. его «Сѣверно-русскія народоправства», т. II, стр. 354), легенда эта не имѣетъ никакого фактическаго основанія, кромѣ того, «что Магнусъ, когда воевалъ противъ Новгородцевъ, былъ разбитъ». Впрочемъ, имѣется здѣсь нѣкоторое историческое основаніе, «потому что Магнусъ точно былъ лишенъ престола, и дѣло новгородской войны было, между прочимъ, поводомъ къ неудовольствію противъ него». Могилу этого Магнуса II Смека (въ схимонахахъ Григорія) показываютъ въ монастырѣ на братскомъ кладбищѣ, подъ густою сѣнью вѣковыхъ кленовъ.

Въ монастырѣ Валаамскомъ существуетъ еще и другое преданіе о томъ, будто это мѣсто благословлено святымъ апостоломъ Андреемъ Первозваннымъ, водрузившимъ на немъ каменный крестъ, «символъ благаго ига великаго Бога нашего». Преданіе это не имѣетъ, однако, исторической почвы и очевидно пріурочено къ здѣшнему, столь удаленному мѣсту, преемственно отъ кіевскихъ высотъ, которыя также благословилъ св. Апостолъ Андрей съ предсказаніемъ, что на тѣхъ горахъ возсіяетъ благодать Божія, «и иматъ градъ великій быти, и церкви многи имать Богъ воздвигнути».

Во всякомъ случаѣ, для думъ о вѣчности, для молитвъ и славословій — Валаамъ одно изъ лучшихъ и наиболѣе удобныхъ мѣстъ. «Промысломъ Спасителя міра устроено мѣсто для селенія иноковъ», какъ выразился с.-петербургскій митрополитъ Гавріилъ въ своей граматѣ отъ 9 марта 1787 года, хранящейся въ ризницѣ Спасо-Валаамскаго монастыря.

«Не разъ мечъ Шведа (говорится въ одномъ изъ описаній Валаамскаго монастыря) посѣкалъ главы святыхъ отшельниковъ и пламень войны обращалъ въ пепелъ мирныя ихъ кущи,

свѣтильникъ монашества по временамъ едва мерцалъ въ дебряхъ Валаамскихъ; страшный 1611 годъ, казалось, кровію угасилъ его навсегда. Но прошло сто лѣтъ, — и мощнымъ маніемъ Великаго Петра возженъ онъ снова на святыхъ своихъ горахъ, при священной могилѣ своихъ святыхъ первоначальниковъ, — и съ того времени, подъ благотворнымъ кровомъ благочестивѣйшихъ государей, растетъ постепенно свѣтъ его.»

На прощанье съ монастыремъ предлагается обычная монахами трапеза для воспоминаній: — уха, щи съ рыбой, ломоть бѣлаго хлѣба, называемаго по-монастырски пирогомъ, водянистый квасъ. По обычаю монастырей общежитныхъ всѣ эти кушанья подаются въ общихъ чашахъ, изъ которыхъ каждая полагается на четырехъ, и для всѣхъ — чтеніе житій святыхъ съ возвышенной каѳедры, призываемое звономъ въ колокольчикъ при смѣнѣ кушаній. Затѣмъ — продолжительное пѣснопѣніе въ концѣ обѣда; низкіе во всю спину поклоны монаховъ; пронзительные крики чаекъ по прибрежьямъ и поразительное множество журавлей — вотъ тѣ заключительныя впечатлѣнія, которыя остаются въ памяти всѣхъ посѣтителей, когда монастырь снова превращается для нихъ въ безразличное пятно и туманный призракъ.

С. В. Максимовъ.

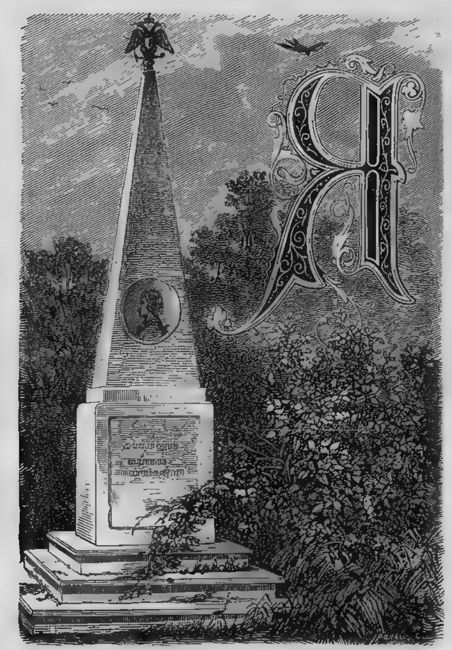

Молебствіе въ нижней Валаамской церкви.

ОЧЕРКЪ VIII.

ГОРОДА ОЗЕРНОЙ ОБЛАСТИ.

Государь Великій Новгородъ и Господинъ Псковъ. — Ихъ родство и сходство. — Ядро первоначальнаго поселенія. — Дѣтинецъ. — Стороны, концы и улицы. — Ихъ значеніе. — Святыня, вдохновлявшая народную жизнь. — Святыни и древности св. Софіи: фрески, корсунскія иконы, сигтунскія и корсунскія ворота, и проч. — Софійская ризница и ея рѣдкости. — Кремлевская стѣна. — Обширность древняго Новгорода. — Мѣсто веча. — Вечевый колоколъ. — Варяжскій дворъ. — Ярославовъ дворъ. — Домъ посадницы Марѳы Борецкой. — Обыденка. — Древность Рюрикова городища. — Спасъ Нередицы. — Историческія заслуги и упадокъ города. — Долбня. — Городскіе и окрестные монастыри. — Древній Плесковъ и нынѣшній Псковъ. — Ольга Россійская. — Историческая народная святыня. — Довмонтова стѣна. — Баторіевъ и шведскій проломы. — Псковскія церкви и ихъ особенности. — Святыни Троицы. — Другія псковскія древности и святыни. — Буденикъ. — Завеличье. — Поганкины палаты. — Снятная гора. — Закудалый городъ. — Пригороды Новгорода и Пскова: Изборскъ, Старая Ладога, Копорье, Бѣжецкъ, Островъ, Великіе Луки. — Вулыни. — Порховъ. — Бѣлозерскъ. — По дорогѣ къ бѣлорусской границѣ. — Города Тихвинъ и Кириловъ съ монастырями. — Города: Боровичи и Валдай съ Иверскимъ монастыремъ. — Боровицкіе пороги. — Желѣзнополье и гвоздарный промыселъ. — Города: Лодейное Поле, Вытегра, Череповецъ, Новая Ладога, Олонецъ и Пудога. — Псковскія Печеры и Новгородское Грузино. — Народныя преданія о Грозномъ царѣ и о пещерахъ. — Памятники Петру Великому.

Памятникъ Петру Великому въ Лодейномъ Полѣ.

«О, славнѣйшій граде Пскове великій! Почто убо сѣтуеши и плачеши?» И отвѣща прекрасный градъ Псковъ: «Како ми не сѣтовати и не скорбѣти своего опустѣнія? Прилетѣлъ бо на мя многокрылый орелъ, исполнь крылѣ львовыхъ когтей и взя отъ меня три кедра Ливанова, и красоту мою, и богатство, и чада моя восхити. Богу попустившу за грѣхи наша, и землю пусту сотвориша, и градъ нашъ раззориша, и людіе моя плѣниша, и торжища моя раскопаша, а иные торжища коневымъ каломъ заметоша, а отецъ и братію мою разведоша, гдѣ не бывали отцы и дѣды и прадѣды наша».

ПСКОВСКАЯ ЛѢТОПИСЬ I, 287

Ядро первоначальныхъ поселеній и послѣдующей народной жизни на лѣсистомъ сѣверѣ Россіи — «Государь Великій Новгородъ» съ союзникомъ своимъ «Господиномъ Псковомъ», при тѣсной взаимной зависимости, представляютъ поразительное сходство въ своихъ прошлыхъ и настоящихъ историческихъ судьбахъ. Оба они, по времени сооруженія своего, древнѣйшіе изо всѣхъ городовъ Русской земли — «изстаринные»; по происхожденію — оба исключительно народные въ самомъ разнообразномъ и широкомъ значеніи съ народнымъ правленіемъ, основаннымъ на старинномъ славянскомъ началѣ единогласія, т. е. города «вечевые». По значенію экономическому и политическому, въ смыслѣ сильныхъ

(хорошо и надежно укрѣпленныхъ) и живыхъ (промышленныхъ и торговыхъ) пунктовъ оба города сдѣлались центрами исторической жизни для всего пришлаго осѣдлаго населенія русскаго имени — городами «стольными и государями», державшими власть и первенство надъ сосѣдними народами и городами, изъ которыхъ всѣ другіе, въ виду обоихъ старѣйшихъ, низошли до значенія подвластныхъ «пригородовъ». Всѣ другіе города, сосѣдніе и дальніе народы (первые насельники тѣхъ мѣстъ изъ инородческихъ племенъ финнскаго происхожденія), въ качествѣ младшихъ, находились въ союзѣ съ новыми пришельцами, главою котораго сдѣлался Новгородъ съ почетнымъ именемъ «господина» и съ политическимъ правомъ сильнаго, выразившимся въ короткомъ изреченіи «кто противъ Бога и Великаго Новгорода?» Псковъ или «Плесковъ» изъ древняго новгородскаго пригорода, сдѣлался самостоятельнымъ его союзникомъ, равноправнымъ и независимымъ въ значеніи младшаго брата въ семьѣ, характерно и образно выраженномъ въ сохранившемся до нашихъ временъ народномъ присловьѣ: «сердце на Волховѣ, душа на Великой». Въ окончательное довершеніе сходства оба города, Новгородъ и Псковъ, по географическому положенію своему, подобно всѣмъ древнѣйшимъ городамъ русскимъ, упоминаемымъ первоначальною лѣтописью, первыми на сѣверѣ (каковы: Старая Ладога, Изборскъ, Ростовъ, Галичъ, Переяславль, Бѣлозерскъ) стали пріозерными и сдѣлались пограничными. Они заняли мѣста, наиболѣе близкіе для торговыхъ сношеній и удобныя для вліянія на инородческія племена, особенно густо населявшія побережья озеръ и близъ Изборска и Ладоги до сихъ поръ живущія сплошнымъ населеніемъ. Въ этомъ отношеніи Новгородъ и Псковъ (вмѣстѣ со Смоленскимъ) стали тѣмъ оплотомъ, о который разбились всѣ враждебныя нападенія сильныхъ сосѣдей и выстоялась въ самостоятельность вся великорусская народность, имѣя во главѣ московское царство.

Въ 1862 году, 8 сентября, Новгородъ торжественно отпраздновалъ офиціальное тысячелѣтіе, ознаменованное постановкою памятника, на площади, противъ св. Софіи и въ стѣнахъ древняго дѣтинца. Въ этомъ году, по лѣтописному указанію, Рюрикъ переселился съ дружиною и «мужами» своими изъ Ладоги и надъ Волховомъ срубилъ деревянную крѣпость или городъ, который былъ слишкомъ тысячу лѣтъ тому назадъ «Новымъ» по отношеніи къ Ладогѣ и другимъ лѣснымъ городкамъ. Новый городъ срубленъ былъ тамъ, гдѣ теперь находится урочище, называемое «Городищемъ»: возвышенный островъ, огражденный Волховымъ, малымъ Волховцемъ и притоками, очень удобный для построенія крѣпости. Тѣмъ не менѣе съ достаточною убѣдительностію доказываютъ, что первоначальнымъ мѣстомъ поселенія въ Новгородѣ былъ славянскій конецъ или «Славно». На Городищѣ укрѣпился князь; на Софійской сторонѣ, гдѣ сохраняются остатки древняго дѣтинца или кремля, былъ центръ самаго города, несомнѣнно образовавшагося изъ множества отдѣльныхъ поселеній, или слободъ, слившихся вмѣстѣ. Въ 1413 году Новгородъ, по описанію одного иноземнаго посѣтителя (Де-Лануа), былъ «изумительно большой городъ, расположенный въ прекрасной равнинѣ, окруженный большими лѣсами; мѣстность низменная, затопляется водою и отчасти болотиста. Городъ окруженъ плохими стѣнами изъ плетня, набитаго землею, хотя башни каменныя». Изъ этихъ башенъ до настоящаго времени сохранились девять; самыя же стѣны, построенныя въ 1116 году Мстиславомъ Володиміровичемъ, впослѣдствіи раздвигались и передѣлывались, а въ настоящее время вновь переложены и всѣ облицованы кирпичемъ съ новымъ гребнемъ изъ зубчатыхъ бойницъ. Только наружныя стѣны обиты кирпичемъ; внутренность наполнена булыжникомъ, плитой, хрящемъ и бѣлымъ камнемъ, залитыми известью. Перестройкою каменныхъ стѣнъ 1302 года занимался знаменитый строитель Московскаго Успенскаго собора Аристотель Альберти Фіоравенти въ 1490 г. Земляные бастіоны вокругъ — слѣды укрѣпленій Петра I-го послѣ Нарвской битвы. По описи Новгорода 1623 года въ дѣтинцѣ считалось 26 церквей, 152 двора и 36 лавокъ; въ настоящее время церквей въ немъ только пять и между ними двѣ соборныя: Святая Софія (холодная) и Входоіерусалимская (теплая); при нихъ Софійская звоница въ два этажа съ широкимъ крытымъ крыльцомъ и съ пятью арками на массивныхъ сводахъ втораго этажа, построенная на мѣстѣ старой въ 1436 году.

По причинѣ своей обширности, а также политическаго значенія Новгородъ, наравнѣ съ немногими городами сѣвера (Устюгомъ и Ростовомъ), получилъ заслуженное имъ прозваніе «Великаго». Прозваніе это погодилось ему въ то же время, какъ отличіе отъ многихъ другихъ Новыхъ городовъ Русской земли, изъ которыхъ наиболѣе извѣстны: Сѣверской на Деснѣ, Нижній на Волгѣ, Литовскій (Новогрудокъ), Старицкій (Тверск. губ.), Волынскій (на Волыни) и Подольскій (съ начала XVII в. наз. Копай-городокъ).

Сама Святая Софія — знаменитая святыня, вдохновлявшая всю политическую народную жизнь Новгорода, именемъ которой клялись и на нее пріобрѣтали отдаленныя и дикія страны — представляетъ собою величественный храмъ, сложенный въ видѣ четырехугольнаго столба (по образцу древней кіевской Софіи), съ кровлею на восемь скатовъ и съ шестью главами. Первоначально построенная въ 989 году изъ дуба епископомъ Іоакимомъ Корсуняниномъ, присланнымъ сюда Св. Владиміромъ, имѣла 13 верховъ и издревле славилась внутреннимъ украшеніемъ. При ней заведена была школа, въ которой нѣкто Ефремъ обучалъ дѣтей христіанскому закону и греческому языку. Софійская звоница, стоящая въ сторонѣ отъ собора, какъ совершенно отдѣльное сооруженіе, служитъ прототипомъ всѣхъ колоколенъ сѣверныхъ лѣсныхъ городовъ. Въ 1045 году Новгородская Софія выстроена каменною на другомъ (нынѣшнемъ) мѣстѣ; строилась въ теченіе семи лѣтъ и освящена въ 1051 г. извѣстнымъ проповѣдникомъ Лукою Жидятою при князѣ Владимірѣ Ярославичѣ, внукѣ Св. Владиміра. Рака съ мощами святаго князя — соорудителя стоитъ почти у самыхъ южныхъ вратъ собора. Черезъ 14 лѣтъ по основаніи каменная Софія была разграблена Всеславомъ Полотскимъ; въ 1108 году стѣны собора были расписаны; въ 1276 г. обвалилась стѣна; черезъ 4 года весь соборъ сгорѣлъ, но на другой же годъ исправленъ и слѣды разрушенія заглажены. Однако Софія горѣла потомъ еще нѣсколько разъ (въ 1368, 1407 и друг.). Въ 1439 г. архіепископъ Евфимій «омаза известью» весь храмъ. Этотъ владыка оказался самымъ ревностнымъ строителемъ Софійскаго собора. Онъ выстроилъ на владычномъ дворѣ цѣлый корпусъ келій, названныхъ по его имени «Евфиміевыми палатами», и разобралъ нѣсколько ветхихъ придѣловъ. Толстыя стѣны этого зданія, изъ плиты съ частью кирпича, поддерживаются пятью контрфорсами. На верху возвышаются шесть главъ, изъ которыхъ въ одной хранятся церковныя ризницы и соборная библіотека, а остальныя пять составляютъ храмовые куполы, поддерживаемые десятью огромными четыреугольными столбами. Внутри собора тѣсно и темно. Къ настоящему времени въ немъ сохранились слѣдующіе замѣчательные остатки древностей и богатствъ, которымъ удалось уберечься отъ опустошительныхъ нашествій Литвы и Шведовъ, отъ домашнихъ пожаровъ и отъ хищныхъ рукъ Суздаля и Москвы:

Софійскій соборъ въ Новгородѣ.

1. Остатки фресокъ, которыми были украшены всѣ церковныя стѣны, сохранившіеся только въ образахъ ангеловъ и пророковъ между окнами главнаго купола и въ изображеніи Спасителя съ благословляющею рукою на сводѣ этого же купола. Про послѣднее въ народѣ существуетъ живое преданіе, занесенное въ новгородскую третью лѣтопись: когда Спасъ написанъ былъ съ благословляющею рукою, на другой день десница явилась со сжатою дланью. Послѣ троекрат-

наго исправленія отъ иконы былъ голосъ, воспрещавшій писать руку благословляющею. «Азъ въ сей рукѣ моей сей великій Новгородъ держу, а егда рука моя распространится, тогда будетъ граду сему скончаніе». Народное преданіе прибавляетъ къ этому наблюденіе старожиловъ, увѣряющее, что рука дѣйствительно начинаетъ раскрываться (и это въ самомъ дѣлѣ весьма характерно по примѣненію къ нынѣшнему печальному состоянію города).

2. Чудотворная икона Софіи Премудрости Божіей, какъ выраженіе силы и дѣйствія Премудрости Божіей: цвѣтущій юноша, украшенный царскими одеждами, вѣнцомъ и крыльями, сидитъ на тронѣ, утвержденномъ на семи столбахъ. Надъ нимъ благословляющій Спаситель и огневидная книга на престолѣ. По бокамъ предстоятъ Божія Матерь и Предтеча.

Новгородъ отъ моста черезъ Волховъ.

3. Двѣ древнія корсунскія иконы Апостоловъ Петра и Павла и Богоматери, изъ которыхъ первая считается древнѣйшею и называется цареградскою, одновременна введенію христіанства на Волховѣ, — и обѣ представляютъ остатки изъ числа тѣхъ шести корсунскихъ иконъ, которыя взяты Иваномъ Грознымъ въ Москву, во дни паденія Новгорода. Извѣстно, что, при уничтоженіи самостоятельности земель и удѣльныхъ княжествъ, Москва, между различными способами привлеченія къ себѣ и возвеличенія себя, разсчитанно пользовалась также однимъ изъ надежныхъ: она переносила святыни городовъ въ Москву и украсила таковыми между прочимъ весь нижній ярусъ Успенскаго собора. Въ числѣ другихъ иконъ здѣсь помѣщены и Новгородскій Спасъ, писанный греческимъ императоромъ Мануиломъ, и икона Іерусалимскія Богоматери и проч. Изъ другихъ взятыхъ иконъ, Грозный, черезъ годъ, возвратилъ только икону Первоверховныхъ апостоловъ и, въ замѣну Всемилостиваго Спаса, прислалъ копію съ него. Мѣдныя золоченыя двери, устроенныя въ 1336 году св. архіепископомъ Василіемъ въ правомъ притворѣ Софійскаго храма, Грозный царь завезъ еще дальше Москвы и помѣстилъ ихъ въ Успенскомъ монастырѣ Александровской слободы.

4. Бронзовыя врата серебристаго цвѣта, повѣшенныя при входѣ въ одинъ изъ придѣловъ св. Софіи, пожертвованы, какъ трофеи, тѣми Новгородцами, которые вмѣстѣ съ Емью въ 1187

году, взяли и разграбили шведскій городъ Сигтуну. Ворота эти, состоящія изъ двухъ половинокъ и, вѣроятно, бывшія городскими, имѣютъ около 4 аршинъ въ вышину и 1⅓ ар. ширины, чрезвычайно изящной чеканной работы.

5. Другія ворота, изъ двухъ бронзовыхъ половинъ, составленныхъ изъ множества пластинъ, прибитыхъ къ дереву, и называемыя «корсунскими», находятся на паперти при главномъ входѣ въ Софійскій соборъ. Судя по изображеніямъ и латинскимъ надписямъ при нихъ, эти ворота сдѣланы въ Магдебургѣ нѣмцами не позднѣе 12 столѣтія и точно также, по обычаю Новгородцевъ приносить Святой Софіи всѣ побѣдные трофеи, представляютъ собою военную добычу и народное приношеніе храму.

Другія достопамятности Софійскаго храма относятся къ болѣе позднѣйшимъ временамъ, большею частію къ XVI в. и далѣе. Таковы: царское мѣсто, поставленное на мѣстѣ святительскаго, устроенное теремкомъ съ шатровымъ верхомъ, и святительское мѣсто; таковы же и фрески надъ корсунскими вратами (1528 г.), иконостасы главнаго храма и придѣловъ, иконы, символически изображающія содержаніе каждаго члена Символа вѣры (также XVI вѣка), и т. д. Наружный видъ собора измѣненъ незначительно, когда (съ 1829 по 1837 годъ) перебирали заново сѣверную сторону. Кровля, вмѣсто восьмискатной, сдѣлана коробомъ съ узорчатыми кружевными подзорами по краямъ, а шаровидныя главы устроены луковицей, т. е. остроконечными, какъ и изображено на нашемъ рисункѣ. Внутренность, попрежнему, тѣсна и темна и сохраняется безъ измѣненія. Въ одной изъ шести главъ хранятся церковныя «кузнь» или ризницы и софійская библіотека. Здѣсь изъ рѣзко выдающихся древностей удалось уберечься, послѣ расхищенія Всеславомъ Полотскимъ, Делагарди, Іоаннами III и IV, слѣдующимъ рѣдкостямъ: золотому потиру владыки Евфимія, панагіару XIV вѣка (сосудъ, въ которомъ носилась богородичная просфора), двумъ кратирамъ XV в., употреблявшимся при освященіи воды, корсунской лампадѣ XI в., репидамъ мѣднымъ золоченымъ XII в., посоху св. святителя Никиты 1108 г., княжеской коронѣ XIII в., обложенной пунцовымъ атласомъ съ нашитымъ золотомъ и серебромъ Деисусомъ и горностаевымъ мѣхомъ по ободку. Кромѣ того сберегаются здѣсь: 1) два сіона, употреблявшіеся при архіерейскомъ служеніи во время большаго выхода — единственные экземпляры этого рода церковныхъ сосудовъ въ видѣ блюда, по срединѣ котораго на четвероконечномъ крестѣ изображенъ Спаситель, а по краямъ утверждены пять колоннъ съ привѣшенными къ нимъ шестью двустворчатыми дверцами; 2) серебряный золоченый крестъ венецейской работы XII вѣка и, по преданію — великокняжескій; 3) деревянная рѣзная панагія; 4) знаменитый бѣлый клобукъ или шапочка съ тремя воскрыліями, украшенными драгоцѣнными камнями и жемчугомъ, присланный — по преданію — новгородскому архіепископу Василію Калѣкѣ цареградскимъ патріархомъ Филофеемъ, какъ особое отличіе и въ уваженіе того, что Василій возведенъ въ епископскій санъ изъ бѣлыхъ священниковъ; 5) ризы епископа св. Никиты и Моисея и плащаница 1456 г. Затѣмъ остальные предметы или передѣланы изъ древнихъ на-ново (каковы посохъ изъ кости 1401 г., передѣланный въ 1703; Антоніевъ крестъ 1212 г., передѣл. въ 1848) или сооружены позднѣе XV столѣтія. Таковъ между прочимъ большой софійскій колоколъ (въ 1614 пудовъ вѣсу), перелитый въ 1660 году. На двухъ папертяхъ Софійскаго собора — Мартиріевой и Корсунской почиваютъ св. мощи князей и владыкъ новгородскихъ.

Въ особенной кладовой собора хранятся древнѣйшіе рѣзные образа и деревянныя изваянія святыхъ, собранные, по приказанію Петра, со всей Россіи, какъ не соотвѣтствующіе уставамъ Православной церкви. Халдейская пещь, приспособленная къ особенному церковному «дѣйству», изображавшему трехъ отроковъ въ огненной пещи, сохранившаяся лишь въ одномъ Новгородѣ, находится въ настоящее время въ Академіи Художествъ, въ музеѣ христіанскихъ древностей.

Волховъ дѣлитъ городъ на двѣ неравныя половины или стороны, столь прославившіяся взаимною враждою. Онѣ сохраняютъ древнія названія: лѣвая «Софійской», а правая — «Торговой».

Обѣ соединены мостомъ, изображеніе котораго имѣется на прилагаемомъ рисункѣ, (впрочемъ древній волховскій мостъ находился въ другомъ мѣстѣ).

Софійская сторона Волхова дѣлилась на три конца: Прусскій, Людинъ и Неревскій; а Торговая сторона на два: Славенскій и Плотницкій. Подъ этимъ оригинальнымъ именемъ, усвоеннымъ лишь двумя древними вечевыми городами, разумѣлись собственно не улицы, а извѣстная часть города, группа строеній или слобода, по концу которой, какъ по ядру первоначальнаго поселенія, назвался впослѣдствіи рядъ домовъ, образовавшихъ улицы. Улицы и концы въ древнемъ смыслѣ представляли разновидность того же общиннаго строя жизни въ городѣ, который вытекалъ изъ трудностей жизни въ суровой странѣ (о чемъ мы уже имѣли случай упомянуть во второмъ нашемъ очеркѣ) и такъ разнообразно выразился въ сельскомъ быту. Тамъ даже пиры и братчины затѣвались въ складчину и носили названіе ссыпчинъ: медомъ, съѣстными припасами, солодомъ, ячменемъ и т. д. Каждый конецъ и каждая улица представляли отдѣльныя корпораціи: имѣли свое управленіе, дѣлопроизводство, собранія; уличане, какъ и кончане, выбирали своихъ старостъ и, во время переговоровъ съ чужеземцами, своихъ депутатовъ. Одинъ другаго считалъ ближе, чѣмъ жителя сосѣдняго конца или улицы. Всѣ улицы вмѣстѣ составляли конецъ; всѣ концы — цѣлый Новгородъ. При общественныхъ спорахъ это выражалось всего яснѣе; при нерѣдкихъ свалкахъ и дракахъ побѣжденные уличане, по обычаю, платились всею улицею по разверсткѣ. Какъ за ненайденнаго убійцу платило все общество, такъ въ дѣлахъ политическихъ и общественныхъ представительство касалось той массы людей, которая одномѣстно жила и принадлежала къ одному управленію. Общее правило: другъ другу во всемъ помогать и изъ бѣды выручать, стоять всѣмъ, какъ одинъ человѣкъ. Отсюда взаимныя насмѣшливыя прозвища жильцовъ одной улицы надъ сосѣдними; отсюда и обычай для каждой улицы отдѣльнаго своего праздника—обычай, сохранявшійся на нашей памяти во многихъ старинныхъ сѣверныхъ лѣсныхъ городахъ, какъ въ Галичѣ, Торжкѣ, Болховѣ и проч. Эти праздники — вѣроятно остатки уличанскихъ братчинъ въ храмовые праздники (покровщина, никольщина) — происходили на открытыхъ мѣстахъ и на свѣжемъ воздухѣ: «на нарочитыхъ мѣстахъ или при церквахъ, въ память святыхъ, мужи и жены сходящеся пиры творятъ, и, упившеся, пляшутъ срамно и ина нѣкая безобразія творятъ».

Таково было значеніе городскихъ концовъ и улицъ на лѣсномъ сѣверѣ, гдѣ такъ сильно развитъ былъ духъ товарищества, на условіяхъ взаимной выгоды, гдѣ были артели купеческія, промышленныя и даже военныя — ушкуйническія и гдѣ наконецъ добровольныя братчины (своего рода митинги) пользовались въ народѣ уваженіемъ на столько, что имъ также предоставлено было самоуправленіе и самосудъ. Болотистая почва, не позволившая Новгороду выдвинуться на самый берегъ Ильменя, мѣшала и на занятой городомъ площади устроиться сплошными и связными постройками, безъ перерывовъ, образуемыхъ мѣстами, наиболѣе потными и топкими. Городъ составлялся изъ такого рода застроенныхъ островковъ и безконечно тянулся въ несдержимую ширь «куренями», являясь такимъ образомъ очень большимъ, что и до сихъ поръ можно провѣрить на бѣднѣйшихъ и малолюдныхъ городкахъ, каковы въ той же озерной Руси — Олонецъ и на Волгѣ Балахна. Концы или острова Новгорода успѣли еще въ древности вытянуться въ улицы и, постепенно подвигаясь къ центру, стянуться вмѣстѣ и составить то непрерывное цѣлое, которое мы видимъ въ настоящее время, въ эпоху очевиднаго и совершеннаго упадка Новгорода. Несомнѣнно то, что онъ былъ гораздо больше нынѣшняго, хотя и далеко не такъ громаденъ, какъ предполагали нѣкоторые ученые. Мнѣніе о древней обширности опровергалось еще въ 1785 г. академикомъ Озерецковскимъ, который писалъ: «сему повѣрить трудно, потому что въ окружности нынѣшняго города верхній земной слой нимало не толстъ, и тотчасъ подъ нимъ слѣдуетъ либо песокъ, либо глина; но когда бы тамъ изстари было жительство, то бы чернозем или насыпная земля большую составляли толщу». То же самое потвердилъ впослѣдствіи и митрополитъ Евгеній (см. «Русская Исторія» Бестужева-Рюмина, стр. 310).

«гдѣ сколько нибудь десятковъ лѣтъ жили дворами, тутъ обыкновенно бываетъ наносная черноземная почва. Въ самомъ городѣ она очевидно примѣтна, и на Порговой сторонѣ, по набережнымъ мѣстамъ; индѣ аршинъ на 8 и 9 должно копать до матер722ка, но выйдите за городъ, и вы вездѣ увидите суглинистый чистый материкъ». Становится очевиднымъ, что болотистая почва, нерѣдко понижаемая волховскою весеннею водою, много мѣшала скученности населенія и способствовала особенному устройству домовъ на сваяхъ, что и теперь можно видѣть изъ оконъ вагоновъ желѣзной дороги на Волховской станціи. Новгородскимъ слободамъ, выстроившимся на возвышенныхъ мѣстахъ по болоту, такъ и не удалось слиться въ такіе сплошные города, какъ Москва и Петербургъ. Это однако не мѣшало составлять городъ и участвовать вечевыхъ собраніяхъ и такимъ частямъ Новгорода, которыя теперь значительно удалены отъ въ него: Рюриково Городище на двѣ версты и Спасъ-Нередицы на три версты.

Мѣсто вечевыхъ собраній предполагаютъ въ Славянскомъ концѣ, гдѣ теперь Никольскій соборъ, именуемый «Дворищенскимъ», а прежде былъ дворъ Ярославовъ. Здѣсь, по преданію, жилъ в. к. Ярославъ Владиміровичъ близъ р. Волхова; тутъ же былъ торгъ или торговище, какъ мѣсто публичныхъ собраній народныхъ. Вся эта мѣстность носила названіе «Славно», и вѣроятно здѣсь поселились первые насельники города Славяне, потому что старинныя фамиліи знатнѣйшихъ изъ нихъ сохранялись долгое время. Здѣсь же противъ Никольскаго собора сохранилась башня, на которой висѣлъ вечевой колоколъ, по однимъ преданіямъ, отвезенный на колокольню Никольскаго Карельскаго монастыря, а по другимъ въ Москву, гдѣ и висѣлъ на башнѣ у Спасскихъ воротъ. Но и здѣсь ему не повезло. По народной молвѣ, онъ испугалъ звономъ своимъ въ полночь (а по другимъ во время проѣзда царя на конѣ внезапнымъ звукомъ едва не сбросилъ сѣдока) царя Ѳеодора Алексѣевича и за это былъ снятъ съ башни и сосланъ въ 1681 году въ Карельскій монастырь. Изъ Словянскаго конца отъ вѣча прямо въ Людинъ конецъ шелъ черезъ Волховъ знаменитый народными драками мостъ. Въ концѣ Знаменской улицы находится Знаменскій соборъ, гдѣ хранится знаменательная святыня Новгорода— икона Знаменія Богоматери, совершившая чудо во время осады города Суздальцами. Церковь замѣчательна вполнѣ сохранившимся наружнымъ видомъ; а близъ Никольскаго собора уберeглась церковь Параскевы — Пятницы, выстроенная Варягами. Народное преданіе, чтущее память знаменитой заступницы Новгорода — посадницы Марѳы Борецкой, указываетъ мѣсто ея дома на углу улицъ Рогатицы и Московской, на дворѣ частнаго дома, но несправедливо: домъ Марѳы былъ на Софійской сторонѣ въ Неревскомъ концѣ, на улицѣ Разважи, близъ Тихвинской церкви.

Названіе древнихъ улицъ сохранилось до сихъ поръ; имѣются: Чудинова, Холопья, Рогатица, Легоща, Путная, Щитная и проч. Сохранилась и обыденная церковь св. Андрея, какъ сохранились въ Москвѣ Илья и въ Вологдѣ Спасъ — обыденные, т. е. выстроенные «объ одинъ день» во время народныхъ несчастій и для умилостивленія Божія гнѣва. Брался небольшой срубъ около 10 арш. длины и ширины и до 8 арш. высоты, а для алтаря другой прирубной квадратный срубъ 6 аршинъ: начнутъ рубить съ вечера,—за два часа до свѣта срубятъ, къ полудню освятятъ. Деревянныя обыденки перестраивали потомъ въ каменныя, оставляя за ними прежнее названіе и прибавляя имя всеградской, если производилась постройка (какъ въ Вологдѣ) всѣмъ городомъ, при полномъ единодушіи.

Рюриково Городище, расположенное на правомъ берегу Волхова, представляетъ собою возвышеніе имѣющее около квадратной версты. Отъ княжескаго дворца на немъ не осталось никакихъ слѣдовъ; изъ шести церквей уберeглась только Благовѣщенская, построенная въ 1099 г. деревянною, въ 1343 каменною, въ 1584 году Грозный велѣлъ перекрыть ее новымъ тесомъ, но рука его была тяжела и здѣсь: по народному преданію, церковь пришла въ запустѣніе и стояла въ такомъ видѣ почти двѣсти лѣтъ. Въ прошломъ столѣтіи прихожане посердствовали: стали исправлять церковь, обрубать топорами неровности стѣнъ и этимъ способо-

бомъ (какъ думаютъ) уничтожили всю стѣнную живопись. Сохранилась лишь одна фреска въ алтарѣ у жертвенника, изображающая положеніе во гробъ Спасителя: Богоматерь держитъ въ объятіяхъ умершаго Христа. Городище теперь простое село, жители котораго промышляютъ рыбной ловлей и разводятъ огурцы, извѣстные впрочемъ отличной солкой.

Спасъ-Нередицы (бывшій монастырь) замѣчателенъ Преображенскою церковью, достойною занять первое мѣсто въ числѣ памятниковъ новгородской старины. Въ ней въ цѣлости сохранились фрески 1200 года (самая церковь сооружена въ 1198 г. необыкновенно скоро—всего въ теченіе 4 мѣсяцевъ, изъ крупнаго булыжнаго камня и плиты). Полагаютъ довольно основательно, что здѣсь, до развитія Новгорода, собиралось вече. (См. картину, гдѣ ошибочно церковь названа «Спасъ-Нерендъ.») Въ 1611 году монастырь опустошили и разграбили Шведы, но внутренность храма все-таки успѣла сохраниться въ теченіе 680 лѣтъ. Между фресками особенно выдѣляется одна, на сѣверной стѣнѣ церкви: передъ сидящимъ Спасителемъ стоитъ строитель храма — князь Ярославъ Владиміровичъ: на головѣ мягкая княжеская шапка съ узорчатымъ розовымъ верхомъ и собольей опушкой; усы, борода и волоса густые и длинные; на плечахъ узорчатая приволока, а подъ нею свѣтлоголубая ферязь съ зеленымъ оплечьемъ — изображеніе, столь драгоцѣнное для историковъ и археологовъ.

Историческія замѣчательности Новгорода, какъ и его заслуги государственныя и народныя,— всѣ въ далекомъ прошломъ, представляя богатое достояніе исторіи и очень мало для настоящаго. Вызванный народною волею на лѣсистомъ и безлюдномъ сѣверѣ, выстроившійся на мѣстахъ, обѣщавшихъ земледѣльческую осѣдлость, но потребовавшихъ громаднаго запаса терпѣнія, энергіи и массы труда, Новгородъ, изъ множества подспорныхъ занятій и промысловъ, охотливо и удачно отдался торговымъ, воспользовавшись счастливымъ положеніемъ на перепутьѣ близъ моря и на прямомъ пути изъ странъ, богатыхъ хлѣбомъ и пушнымъ звѣремъ, изъ Біарміи. Въ Славянскомъ концѣ, вблизи Варецкой улицы,стояло деревянное зданіе, состоявшее изъ кучи отдѣльныхъ строеній, обнесенныхъ толстымъ заборомъ и носившее названіе «варяжскаго» (нѣмецкаго) двора. На ночь ворота двора запирались и на дворъ спускались злыя цѣпныя собаки. Днемъ (когда только и дозволялось русскимъ посѣщеніе) нѣмецкій дворъ былъ ареною тѣхъ сдѣлокъ, которыя обогатили нѣмецкихъ купцовъ ганзеатическихъ городовъ, особенно Любека и Висби. Нѣмцы больше всего привозили сюда и складывали въ четырехъ клѣтяхъ сукна разныхъ сортовъ, полотна, сладкое вино (для церковныхъ службъ) и пиво, металлы и пергаментъ (а впослѣдствіи писчую бумагу). Новгородцы мѣняли эти товары на произведенія сѣверной лѣсной природы, среди которыхъ первое мѣсто занимали мѣха и шкуры—главнѣйшее богатство Новгородской земли. Мѣха, преимущественно куница и бѣлки, т. е. куна и векша, вмѣсто монеты сдѣлались даже единицами, выражавшими цѣнность. Товаръ этотъ былъ либо покупной, либо собранный въ видѣ дани въ новгородскую казну и на князя. Второе мѣсто товаровъ занимали: сало морскихъ звѣрей, пухъ морскихъ птицъ, деготь и поташъ, за которыми слѣдовали сырыя и выдѣланныя кожи, псковскіе ленъ и конопля, приволжскій медъ и воскъ и даже сибирское серебро, какъ рѣдкость. Отъ сношеній и тѣсныхъ связей съ предпріимчивымъ и богатымъ союзомъ ганзейскихъ городовъ, самъ Новгородъ богатѣлъ, укрѣплялъ свою самостоятельность, расширялъ власть и вліяніе нравственное и матеріальное, выработалъ изумительную энергію и разнообразную предпріимчивость, направленную на эксплоатацію богатствъ. Разработка богатствъ дикихъ странъ Обонежья и Двинской земли въ особенности усилилась съ тѣхъ поръ, какъ начались внутреннія смуты и несогласія; появилась борьба партій обѣихъ сторонъ города: правой (торговой) и лѣвой (боярской), когда всѣ добрые народные инстинкты поглощены были жаждою наживы богатствъ, и изъ князей призывался лишь тотъ, который приносилъ съ собой право торговли въ другихъ частяхъ Руси. Всѣ силы направились только на междоусобныя распри и на большія пріобрѣтенія, а черные люди были забыты совсѣмъ. Не

ВИДЫ НОВГОРОДА.

Спасъ Нерецкъ. Антоніевъ монастырь. Бѣлая башня.

Башня Евфимія. Варлааміевъ монастырь.

стало въ Новгородѣ правды и праваго суда. Отъ нападеній враговъ начали откупаться деньгами и выше богатства ничего не ставили.

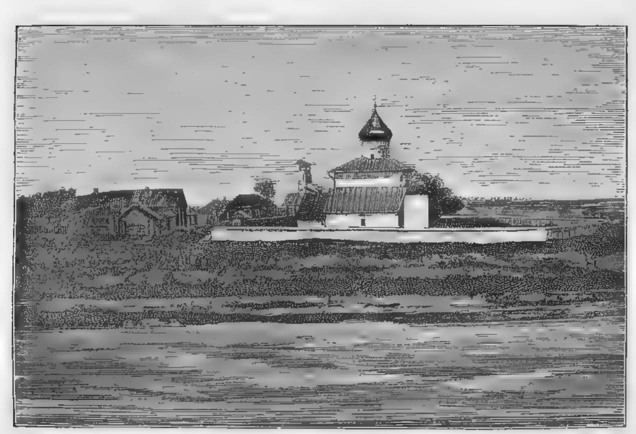
«Худые мужики вечники» стали кричать на вечѣ за тѣхъ, кто больше имъ платилъ. Случилось такъ, что, согласно народному присловью, «Новгородцы такали — такали, да Новгородъ и протакали»: внутреннимъ разложеніемъ воспользовались недремлющіе враги изъ сосѣдей, между которыми (ливонскими Нѣмцами, Литвою, Шведами и Суздальцами) въ особенности тяжела была рука Москвы. Спасенный непроходимыми болотами отъ безпощадныхъ татарскихъ нападеній, опустошившихъ всю Русь, отъ Суздальцевъ, задерживавшихъ ввозъ хлѣба въ безхлѣбную страну, чудомъ иконы Богоматери, Новгородъ палъ отъ одного удара, нанесеннаго рукой Грознаго московскаго царя, оставившаго за Новгородцами прозваніе «долбежниковъ» (отъ долбни или простой палки, окрашенной красной краской, и хранившейся будто бы въ Софійскомъ соборѣ, которою въ 1570 опричники Грознаго били Новгородцевъ). Но еще въ 1494 году сорокъ девять нѣмецкихъ купцовъ препровождены насильно въ Москву, товары ихъ конфискованы; церковная утварь и вся принадлежность нѣмецкаго двора взята на государя. Уничтожились древнія привилегіи Ганзы, и затворились навсегда стѣны двора нѣмецкаго.

Со времени Ивановъ III и IV, когда бояре переселены были съ Новгородской улицы Лубяницы и сдѣлали въ Москвѣ цѣлый околотокъ Лубянку и большое село Сущево, когда ихъ многое множество водворили на посадахъ другихъ русскихъ городовъ, Новгородъ уже не поднимался. Съ тѣхъ пóръ, какъ торговые и промышленные люди его разбрелись для промысловъ и хозяйствъ въ отдаленныя страны (даже въ Сибирь), старый Новгородъ уже не могъ возстать въ прежнемъ величіи и славѣ, когда, по пословицѣ, судилъ его только одинъ Богъ, когда велика была новгородская честь и сильно «слово», водившее къ пріобрѣтеніямъ цѣлыхъ земель, и когда честна была новгородская «душа». Послѣ того, какъ выстроился Петербургъ и расцвѣла Рига, пали оба богатые брата старшій — Новгородъ и младшій Псковъ. Имъ уже не въ состояніи были помочь ни шоссейныя, ни желѣзныя дороги (первому соединяющія Петербургъ съ Москвою, второму двѣ вмѣстѣ, одна на Варшаву, другая на Кіевъ), Новгородъ въ нынѣшнемъ своемъ положеніи представляется однимъ изъ такихъ губернскихъ городовъ, которые ведутъ самую ограниченную торговлю, отличаются скромнымъ видомъ и тихою жизнію, не выдѣляясь изъ бѣдныхъ губернскихъ городовъ никакою рѣзкою или характерною бытовою особенностію. Новгородъ — захудалый городъ въ полномъ значеніи этого слова.

Новгородъ не сберегъ себя, но за то сохранилъ большія богатства въ историческихъ памятникахъ, порожденныхъ матеріальными богатствами его торговаго люда: не только городъ, но и окрестности его разнообразятся и красуются множествомъ обширныхъ и каменныхъ монастырей. Между ними самый богатый, наиболѣе громкій извѣстностію и на самомъ дѣлѣ одинъ изъ древнѣйшихъ русскихъ монастырей на сѣверѣ—Юрьевъ. Онъ лежитъ при выходѣ Волхова изъ Ильменя, въ 3 верстахъ отъ города, красиво и внушительно вырисовываясь на горизонтѣ бѣлыми стѣнами, золотыми главами церквей и той старинной, высокой колокольней, въ которой гармонически сочеталась башенная форма съ обычною шатровою, усвоенною Новгородомъ и Псковомъ. Издали, изъ города, она кажется сотканною изъ кружева ажуромъ и стройно возносящеюся въ небесную высь. Видъ отсюда на городъ и озеро — очарователенъ. Убранство храмовъ лампадами, въ нѣкоторыхъ случаяхъ сгруппированными въ цѣлыя паникадила, придаетъ внутренности ту таинственность, которая столь внушительна именно здѣсь въ древнемъ монастырѣ, вблизи древняго города. Монастырь Юрьевъ основанъ около 1030 г. и хранитъ древнѣйшую изо всѣхъ граматъ, донынѣ извѣстныхъ въ Россіи (1130 г.)— грамату Мстислава на село, данное «Святому Георгіеви съ данями и съ вирою и съ продажами». Вмѣстѣ съ нею сберегаетъ монастырь могилу безпокойнаго князя галицкаго Димитрія Шемяки и живую, еще не остывшую память объ архимандритѣ Фотіѣ и Орловой-Чесменской, обогатившихъ монастырь вкладами и новыми зданіями. Въ 3-хъ же верстахъ отъ Новгорода находится монастырь Дере-

вяницкій и Кириловъ, въ 5-ти — Сковородскій, въ 6-ти — Сырковъ; въ 10-ти—Хутынскій, въ 12-ти—Вяжицкій, Клопскій и Вишерскій. Всѣ девять очень древняго сооруженія, какъ и четыре городскихъ: Антоніевъ мужской и женскіе: Духовъ, Звѣринъ и Десятинскій. Такое обиліе монастырей на всемъ пространствѣ богомольной Руси повторяется только еще одинъ разъ, именно около города Москвы. Какъ и въ Москвѣ,— здѣсь, за новгородскимъ валомъ, огибавшимъ городъ на обѣихъ сторонахъ Волхова, на значительное пространство во всѣ стороны, простирались посады, прилегавшіе къ загороднымъ монастырямъ.

Разсказавши о Новгородѣ, мы уже многое сказали изъ главнѣйшаго и объ его «меньшемъ братѣ Плесковѣ» или Псковѣ, точно также утратившемъ характеръ древняго русскаго народнаго города. Онъ также давно живетъ одними преданіями, совершенно потерявшими свой первоначальный источникъ и съ тою особенностію, что утраты эти здѣсь искусственно вызываются и неискусно возстановляются. Всякому пріѣзжему въ городъ рѣзко бросается между прочимъ въ глаза стремленіе возобновить и натвердить память объ уроженкѣ здѣшнихъ мѣстъ — великой княгинѣ святой Ольгѣ Россійской. На погостъ Лыбуту или вѣрнѣе — Выбуту, находящійся въ 12 верстахъ отъ города (вверхъ по р. Великой), указываютъ какъ на мѣсто родины благовѣрной княгини. Подводные камни или—по тамошнему — слуды, расположившіяся въ одномъ изъ двухъ рукавовъ, на которые разбивается рѣка нѣсколько ниже Лыбуты, носятъ названіе «Ольгиныхъ слудъ». Точно также второй рукавъ, болѣе удобный для прохода судовъ, получилъ имя «Ольгиныхъ воротъ». Увѣряютъ также, что ближайшее къ этимъ урочище Буденикъ есть мѣсто рожденія Ольгина внука—равноапостольнаго князя Владиміра Святаго. Въ недавнее время, наканунѣ 11-го іюля (дня памяти св. Ольги), озаботились установить крестный ходъ въ погостъ этотъ изъ Пскова. Буденикъ этотъ или погостъ Выбута находится въ 12 верстахъ отъ Пскова, на лѣвомъ берегу р. Великой, которая ниже погоста раздѣляется на два рукава. Видимая на рисункѣ церковь посвящена имени пророка Иліи, какъ всѣ древнѣйшія церкви, ставшія на мѣстахъ языческаго богопочтенія. Когда построена церковь — неизвѣстно, но, судя по архитектурѣ, не позднѣе XV или XVI вѣка. Въ самомъ городѣ Псковѣ указываютъ Ольгину гору и мѣсто (при впаденіи рѣки Псковы въ Великую), обозначенное часовней, на которомъ Ольга водрузила крестъ деревянный, сохранявшійся въ Троицкомъ соборѣ до великаго пожара въ 1509 году. Въ это время «Ольгинъ крестъ» сгорѣлъ и вмѣсто него сдѣланъ въ 1623 году новый изъ дубоваго дерева, который и хранится въ городскомъ соборѣ у праваго столба, (см. нашъ рисунокъ «Псковскія древности»). На Завеличьѣ (по ту сторону рѣки Великой) прямо противъ собора, около Успенской (Паромской) церкви, стоитъ «Ольгина часовня» на томъ — по преданію — мѣстѣ, съ котораго княгиня видѣла, на противоположномъ

Погостъ Выбута.

Псковская часовня св. Ольги.

берегу, *три* солнечные луча, предзнаменовавшіе построеніе тутъ *Троицкаго* храма. Часовня эта и въ народѣ носитъ названіе «Ольга Россійская». При въѣздѣ въ городъ попадаетъ на глаза надпись на небольшомъ зданіи, имѣющемъ названіе «Пріюта Св. Ольги», и въ довершеніе всего говорятъ, что Псковичи еще сверхъ всего долгое время хранили «сани Ольгины», на которыхъ будто бы она пріѣхала изъ Кіева на родину, объѣзжая и осматривая свои земли, устанавливая погосты по р. Мстѣ и Великой и занимаясь рыбною ловлею и звѣриною охотою. Указываютъ даже «дворецъ Ольги» или тіунскую палату.

Родилась Ольга въ крестьянскомъ званіи и была въ селѣ Лыбутѣ перевозчицей — разсказываетъ преданіе и путаетъ:

— Разъ перевозитъ она князя Всеволода. Увидалъ ее Всеволодъ и помыслилъ на Ольгу, а былъ онъ женатъ. Сталъ ей говорить, а она ему такой отвѣтъ: «Зачерпни рукой справа водицы, испей». Зачерпнулъ князь и выпилъ. «Теперь слѣва возьми водицы, — попробуй». — —Никакой, говоритъ князь, я разноты тутъ не вижу: все вода. «Такъ-то и я, что жена твоя!» добавила Ольга, которая столь же была красива, какъ и хитра. За умъ да хитрость она въ царицы попала; теперь во святыхъ почиваетъ.

Съ другой стороны цѣльнѣе и яснѣе сохранился разсказъ про Батура и царя Грознаго. Народная память объ нихъ очень жива, и указываются цѣлые ряды кургановъ, какъ слѣды нашествія Литвы и Ливонцевъ.

Несомнѣнною древностію является и величественнымъ видомъ громадной твердыни поражаетъ Довмонтова каменная стѣна, окаймляющая городъ на протяженіи *слишкомъ* семи верстъ и не имѣющая себѣ соперницъ въ цѣлой Россіи. Смоленская стѣна, превосходящая всѣ остальныя русскія сооруженія этого рода, заключаетъ въ окружности не полныя семь верстъ; стѣна московскаго Кремля имѣетъ лишь 2 вер. 40 саж., а обходящая Китай-городъ 2 вер. $205^1/_2$ саж.; въ стѣнѣ Троицко-Сергіевой лавры 1 вер. 146 саж., Соловецкаго монастыря 421 саж., а Старой Ладоги 130 саж. и т. д. Противъ стѣны Довмонтовой еще очень хорошо сохраняется довольно высокій земляной валъ, за которымъ вырытъ глубокій ровъ, теперь превратившійся въ непросыхающее болото. На углахъ впереди и въ сторону къ валу уберeглись крутыя земляныя укрѣпленія, служащія теперь мѣстами для прогулокъ, точно также какъ нѣкоторыя (изъ 10-ти) башни предметомъ соблазновъ для искателей кладовъ, число которыхъ опредѣлено, народнымъ повѣрьемъ, въ размѣрѣ 37 на всю городскую стѣну и ея башни. За предѣлами дѣтинца, въ крому, было вымощенное мѣсто для торга—торговище, гдѣ, у подножія башни, ближайшей къ Св. Троицѣ, висѣлъ вечевой колоколъ. Весь Псковъ, какъ и Новгородъ, раздѣлялся на концы (Торговый, Боловинскій, Опоцкій, Городецкій, Богоявленскій и Острыя-Лавицы), а цѣлый городъ изображалъ собою соединеніе концовъ.

Башни раздѣляютъ городскую стѣну на прясла (продольныя линіи стѣны) и перси (т. е. выступы), а самая стѣна окружаетъ весь городъ, исключая лишь зарѣчное Завеличье, ту часть или посадъ, въ которомъ велась торговля съ ганзейскими городами и жили дворами нѣмцы, до 1619 года не имѣвшіе права входа въ самый Псковъ. Слѣдовъ иностраннаго двора въ Завеличьѣ не осталось. Въ плитяныхъ башняхъ стѣны или въ такъ называемыхъ кострахъ и подъ ними были пробиты ворота: Великія, Малыя,

Стѣнной проломъ Стефана Баторія во Псковѣ.

Лужскія, Кумины, Сусоевы, Смерди, Гремячія, а самая стѣна сверху покрыта была крышей и подъ нею можно было ходить кругомъ. Сохранились очень ясные слѣды иноземныхъ нашествій въ тѣхъ проломахъ стѣны, которые носятъ названіе «Баторіева» и «Шведскаго» (короля Густава-Адольфа) подлѣ Варлаамовской церкви. Впрочемъ проломы эти въ твердыни, стоявшей на западной грани Великой Россіи, подобно другой столь знаменитой (Смоленской), оборонявшей также западную границу государства,—проломы псковской стѣны не представляютъ собою слѣдовъ или остатковъ побѣды. Стефанъ Баторій (1581 г.) ни осадою, ни обложеніемъ, ни безчисленными приступами, не могъ одолѣть города, защищаемаго княземъ Василіемъ Скопинымъ-Шуйскимъ. Черезъ 34 года эти же укрѣпленія вторично выдержали осаду и остановили успѣхи другаго храбраго завоевателя — Густава-Адольфа.

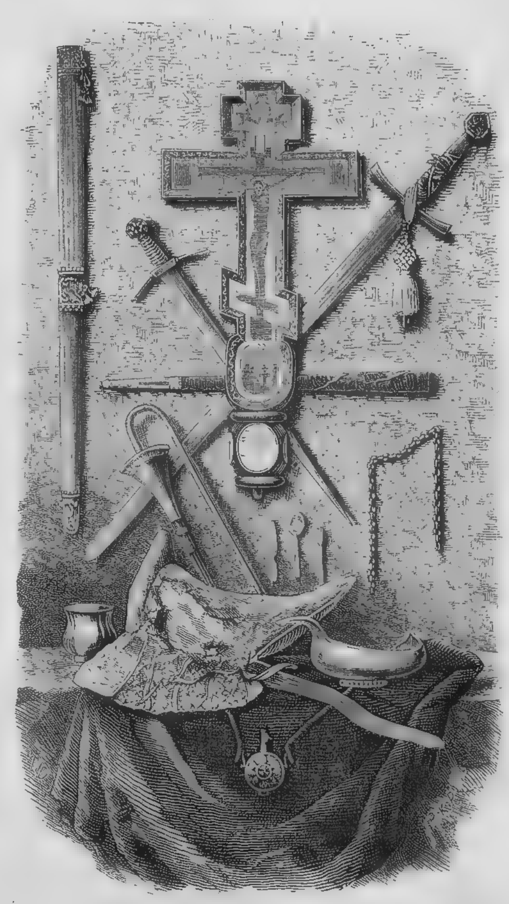

Баторіева башня.

Внутренность крѣпости наполнена церквами, замѣчательными впрочемъ однообразіемъ, взаимнымъ сходствомъ и поразительною простотою архитектуры. Выродилась она изъ обыкновенной формы деревяннаго сруба жилой избы, съ четырехскатною крышею и съ полукружіемъ для алтаря. Церкви были не велики, но за то почти каждая изъ нихъ имѣла подъ сводами подвалы, въ которыхъ, какъ въ Новгородѣ, такъ и во Псковѣ, хранились товары купеческихъ товариществъ. Въ самыхъ церквахъ держались лари, гдѣ хранились купеческія книги, а также и самые товары. На это указываютъ разныя ниши, пристройки и закоулки, до сихъ поръ сохранившiеся въ новгородскихъ и псковскихъ церквахъ, встарину почитавшихся наименѣе опасными во время пожаровъ. Это обстоятельство, какъ мѣстная особенность и отличіе отъ Москвы, придавало церквамъ торговое значеніе, и храмы явились покровителями извѣстнаго вида торговли: новгородскій Иванъ на Опокахъ ивановской компаніи, старорусскій Борисъ и Глѣбъ — купцовъ-прасоловъ и т. под. Съ западной стороны храмовъ, надъ входомъ въ нихъ, и вмѣсто обычныхъ башенныхъ, отдѣльно стоящихъ колоколенъ, утверждены открытыя арки или колонны по 3, 4, 7 въ рядъ, и въ этихъ аркахъ повѣшены колокола. Такая форма принята въ Новгородѣ; она же, безъ всякаго измѣненія и съ малыми исключеніями, примѣнена и въ большинствѣ псковскихъ церквей, гдѣ эти башенки (въ родѣ указанныхъ на нашемъ рисункѣ на Варлаамовской и Па-

Варлаамовская церковь во Псковѣ.

ромо-Успенской церкви) либо устроены прямо на крышѣ, либо надъ переднею пристройкою или папертью, либо въ той же формѣ отдѣльнымъ сооруженіемъ и въ такомъ случаѣ съ неизбѣжною пристройкою жилаго помѣщенія. Впрочемъ, какъ извѣстно, псковскіе каменьщики и зодчіе пользовались уваженіемъ на Руси, наравнѣ съ итальянскими, и вызывались для постройки церквей не только въ Москву, но и въ другіе дальніе русскіе города. По этой-то причинѣ архитектура одноглавыхъ псковскихъ церквей—низменныхъ и тяжелыхъ зданій съ шатровыми колокольнями на аркахъ (которыя ниже самихъ церквей)—повторилась во многихъ подобныхъ зданіяхъ Москвы, Владиміра, Ростова, Суздаля и т. д. Это общепринятый стиль храмовъ XVI и XVII вѣковъ.

Укрѣпленія псковскія раздѣлялись на четыре части: Дѣтинецъ, Довмонтова стѣна, Средній городъ и Кромъ или внѣшная стѣна (часть югозападныхъ стѣнъ съ Дѣтинцемъ налѣво представлена на рисункѣ, стр. 463). Надъ стѣнами Дѣтинца величественно возвышается псковская святыня — Св. Троица, столь же знаменательная и многоцѣнная, на столько же вдохновительная и любезная народному сердцу Пскова, какъ Софія Кіеву и Новгороду и Пречистая съ мощами святителей Петра, Алексія и Іоны—Москвѣ. За Св. Троицу шли Псковичи биться со врагами и умирать въ бою; живя подъ ея покровомъ, Псковъ считалъ своихъ враговъ врагами Св. Троицы, — словомъ, это былъ патрональный храмъ всей Псковской земли.

Псковскія древности.

Первоначальное построеніе храма Троицы Псковской приписывается Св. Ольгѣ, хотя прямое указаніе упадаетъ на 1138 годъ и на имя Св. князя Всеволода-Гавріила, построившаго храмъ каменнымъ. Въ 1363 году стѣны храма разсыпались; построены новыя въ 1366 году, и съ ними просуществовала псковская Троица 320 лѣтъ. На мѣстѣ стараго всталъ вновь сооруженный храмъ, весь изъ тесаной плиты, начатый въ 1682 году и вполнѣ оконченный и освященный лишь въ 1699. Онъ-то и сохранился до нашихъ временъ съ нѣкоторыми, вынужденными пожаромъ, измѣненіями, и съ тѣми святынями, которыя представляютъ собою псковскія драгоцѣнности.

Въ главномъ храмѣ, на лѣвой сторонѣ между колоннами, серебряная рака съ мощами благодѣтеля и защитника Пскова (котораго не умѣли оцѣнить Новгородцы, изгнавшіе его изъ своего города) Св. благовѣрнаго князя Всеволода-Гавріила, и икона его супруги, весьма древняя и близкая къ подлиннику съ сохраненіемъ княжеской одежды, шапки и обуви. Направо, противъ раки, сохранилось древнее княжеское мѣсто и при гробницахъ Всеволода и Довмонта ихъ мечи. Большой приписываютъ первому, меньшій второму. Первый мечъ извѣстенъ всѣмъ своею латинскою надписью «чести моей никому не отдамъ» (honorem meum nemini dabo).

Литвинъ происхожденіемъ, князь Довмонтъ (принявшій въ Псковѣ крещеніе съ именемъ Тимоѳея) сдѣлался совершенно Русскимъ душею и не только былъ храбрымъ воиномъ, но и благочестивымъ мужемъ. Онъ сдержалъ завоевательныя стремленія нѣмецкихъ рыцарей и отразилъ нападенія своихъ соплеменниковъ Литовцевъ. Былъ привѣтливъ и боголюбивъ, украшалъ церкви, честно проводилъ праздники, давалъ милостыню сиротамъ и вдовицамъ. Народъ современный любилъ его, а потомки признали его святымъ мужемъ, чудотворцемъ и покровителемъ Пскова.

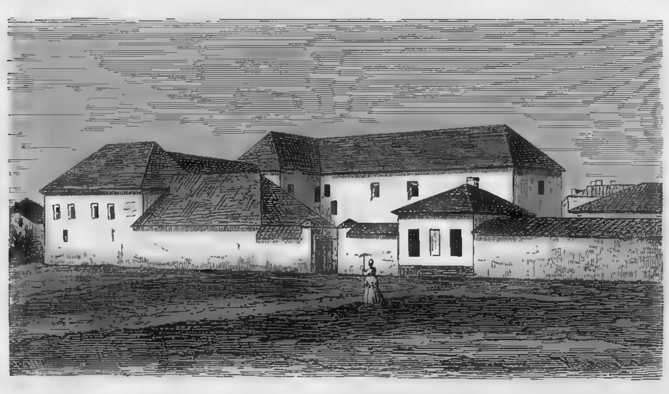
Изгнанный Новгородцами, Всеволодъ-Гавріилъ, принятый княземъ во Псковѣ, своимъ призваніемъ ознаменовалъ самостоятельность всей Псковской земли. Народная память признала его мѣстнымъ первымъ патрономъ и святымъ, соорудителемъ патрональной церкви св. Троицы. До сихъ поръ сохраняется преданіе о томъ, что, когда раскаявшіеся Новгородцы захотѣли взять его тѣло, то никакъ не могли сдвинуть его съ мѣста. Святой, въ знакъ христіанскаго примиренія съ обидчиками, даровалъ имъ одинъ только свой ноготь, а все тѣло предоставилъ сооруженному имъ храму св. Троицы.

Изъ другихъ рѣзко-выдающихся достопамятностей и святынь Пскова замѣчательны:

Въ церкви Покрова у Баторіевскаго пролома икона чудотворной Псково-Покровской Божіей Матери, драгоцѣнной по изображенію древняго города Пскова и событій изъ времени Баторіевой осады.

Соборный Спасъ (Преображенія) Мирожскаго монастыря въ Завеличьѣ — древнѣйшая изъ городскихъ церквей, подобно новгородскому Спасу Нередицы, основанный въ 1156 году и также успѣвшій сохранить древнія фрески, современныя основанію храма, деревянную чашу или потиръ преп. Нифонта и чудотворную икону Мирожской Богоматери—Знаменія, свидѣтельствующую о духовномъ родствѣ Пскова съ Новгородомъ.

Древняя церковь Іоанна Предтечи въ женскомъ монастырѣ на Завеличьѣ сложена изъ тесаной плиты съ перекладкой кирпичами, несомнѣнно вывезенными изъ иноземныхъ странъ. Строила церковь благовѣрная княгиня Евпраксія—тетка Довмонта и супруга Ярослава Владиміровича (сына Мономаха, княжившаго въ 1214 году), деревянный посохъ которой сохраняется въ монастырскомъ соборѣ. Съ нимъ вмѣстѣ показываютъ здѣсь еще крестъ съ надписью, означающею, что онъ данъ св. Іоанномъ Богословомъ преп. Авраамію (Ростовскому) «побѣдить идола Велеса».

Поганкины палаты.

Къ другимъ достопримѣчательностямъ Пскова принадлежатъ такъ называемые Поганкины палаты и развалины дома купца Іевлева, замѣчательныя, какъ образцы стариннаго устройства каменныхъ домовъ частныхъ владѣльцевъ. Въ Поганкиныхъ палатахъ помѣщается теперь провіантскій магазинъ. Вотъ какое впечатлѣніе произвели онѣ на извѣстнаго нашего историка Н. И. Костомарова: Поганкины палаты поражаютъ своею величиною, когда примемъ во вниманіе. что вообще домашняя жизнь встарину на требовала огромныхъ домовъ. Это — трехстороннее зданіе или, лучше сказать, фасадъ съ боковыми по краямъ, равными по высотѣ, флигелями. Правая сторона трехъ-этажная. Комнаты вообще очень свѣтлы, особенно угольная. Тамъ стоитъ

каменный столбъ, украшенный обводами, и вѣрно служилъ для поставца. Печей теперь нигдѣ нѣтъ. Внизу подклѣтъ опускается въ землю и раздѣлена на комнаты, которыя освѣщаются однимъ окномъ на верху. Стѣны не обмазаны. Очевидно эти подклѣти не были обитаемы, но служили кладовыми». Одноэтажная часть лѣвой стороны заключаетъ двѣ обширныя комнаты, и была прежде поварней, какъ это видно по широкимъ отверстіямъ, особенно по серединѣ, гдѣ, какъ видно ясно съ перваго раза, была большая печь, устроенная такъ, что вокругъ нея можно было ходить. «Подобно Поганкинымъ палатамъ, еще два древніе каменные дома сохранились во Псковѣ: одинъ принадлежащій Друе и другой—Леонову; оба сосѣдніе въ одной связи.

Видъ Пскова.

Въ виду города надъ Великою, на отвѣсной скалѣ, красуется древнѣйшій монастырь Снѣтогорскій (по горѣ Снятной), сожженный въ 1299 году ливонскими рыцарями и вновь сооруженный на томъ же мѣстѣ въ 1310 году (см. 445 стр.). Монастырь этотъ пользовался большими богатствами, имѣя въ своемъ владѣніи рыбныя ловли и преимущественно снѣтковъ (давшихъ обители имя), которые въ изобиліи заходили подъ монастырскую кручу изъ Псковскаго (Талабскаго) озера.

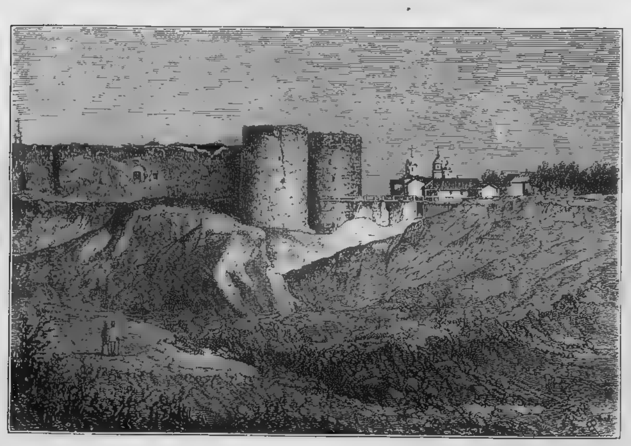
Возвратимся во Псковъ, чтобы досказать объ немъ немногое и, по нуждѣ,—повторить то же самое, что привелось сказать въ заключеніе объ его «государѣ» и старшемъ братѣ—Новгородѣ.

Городъ Псковъ до такой степени пришелъ въ упадокъ, что не выдѣляется никакими замѣчательными частными постройками: всѣ городскія зданія не отличаются красивою наружностью. Нѣкогда обширный и населенный, считавшійся первымъ послѣ Москвы, по пространству и богатству, русскимъ городомъ, онъ послѣ ряда испытаній въ прошломъ вѣкѣ представлялся въ видѣ старой развалившейся деревни. Въ 1446 году его посѣтила моровая язва, и, судя по мѣстнымъ лѣтописямъ, въ это время похоронено на городскихъ кладбищахъ 48,782 человѣка и на монастырскихъ 7,602. Положеніе на театрѣ войнъ Россіи съ Ливоніею, Польшею и Швеціею не могло содѣйствовать его дальнѣйшему развитію, а основаніе Петербурга и цѣлый рядъ Петровыхъ распоряженій, по которымъ вся псковская торговля настоятельно направлялась къ новосозданному порту, вконецъ и безвозвратно сгубили городъ. Ни пристани на рѣкѣ, ни набережной, ни хорошей базарной площади въ городѣ нѣтъ. Вмѣсто товарныхъ складовъ по берегу однѣ только полѣнницы дровъ; на Великой какія-то жалкія барки. Къ тому же Псковъ значительно утратилъ свой русскій видъ и обликъ: нѣмецкое вліяніе выразилось очень ярко въ архитектурѣ домовъ; на улицахъ нѣмецкій языкъ бьетъ въ ухо; гостиницы и торговыя лавки принадлежатъ нѣмцамъ. Близость Риги чувствуется, слышится и видится на каждомъ шагу, какъ бы въ доказательство историческихъ причинъ отъ давнихъ сношеній и близкаго сосѣдства черезъ неширокое озеро, по ту сторону котораго лежитъ одинъ изъ древнѣйшихъ русскихъ городовъ, основанный въ 1030 году Ярославомъ I и получившій христіанское имя князя Юрьевъ. Городъ этотъ также онѣмечился вконецъ даже съ переименованіемъ въ

Дерптъ и отступилъ отъ Руси по завѣтнымъ и извѣданнымъ путямъ и пріемамъ. Пріемы издревле не благопріятствовали ни Пскову, ни Новгороду: Ганза вела торговлю оптомъ, розничная была запрещена; запрещалось даже привозить товаровъ болѣе, чѣмъ сколько было нужно, чтобы держать нѣмецкіе товары въ цѣнѣ; для того же, чтобы не поднимать цѣны на русскіе, не дозволено было привозить денегъ болѣе тысячи марокъ. «Въ продолженіе трехъ столѣтій, свидѣтельствуетъ нѣмецкій писатель, Ганза сосредоточивала въ своихъ рукахъ всю внѣшнюю торговлею сѣверной Россіи. Если спросятъ, какую пользу или вредъ принесла она странѣ, то нельзя не признать, что, благодаря ей, Новгородъ и Псковъ лишены были самостоятельной торговли съ западомъ. Россія въ удовлетвореніи своихъ культурныхъ потребностей впала въ полную зависимость и предана была произволу и безпощадному эгоизму нѣмецкихъ купцовъ». Извѣстно, что торговымъ людямъ другагогорода — Торопца запрещенъ былъ въѣздъ въ Данцигъ, каковому обстоятельству приписываютъ между прочимъ прозваніе Торопчанъ египчанами, т. е. обманщиками, нечестными торговцами. Когда Нѣмцы укрѣпились въ Нарвѣ, т. е. въ нижнихъ частяхъ торговаго пути къ Балтійскому морю, и торговля Новгорода признала этотъ путь по Шелони для себя наиболѣе выгоднымъ и удобнымъ, Псковъ само собою началъ терять торговое значеніе. Не помогъ ему и Ивань-городъ, какъ торговый пунктъ, приладившійся на той же рѣкѣ Наровѣ, противъ Нарвы, въ противовѣсъ своему сопернику изъ Нѣмцевъ. Какъ послѣдніе остаточные слѣды, нѣкогда сильнаго, торговаго движенія въ этихъ мѣстахъ въ недавнее время обнаружились въ томъ, что по пути этого движенія, на почтовомъ пріютѣ, въ глухомъ лѣсу, въ какой нибудь заброшенной и забытой мѣщанской лачужкѣ Торопца или Порхова и т. под., можно было встрѣчать остатки дорогихъ сервизовъ изъ саксонскаго фарфора, столь рѣдкаго теперь и цѣнимаго любителями «Сакса», и другіе заграничные товары, приготовленіе которыхъ очень давно уже оставлено. Но и эти слѣды и признаки исчезли теперь.

Изборскъ.

Село Копорье.

Съ другой стороны, если судить о торговомъ движеніи нынѣшняго Новгорода по работѣ узкоколейной дороги его, то оказывается, что въ Петербургъ оттуда перевозятъ: телятъ, свиней,

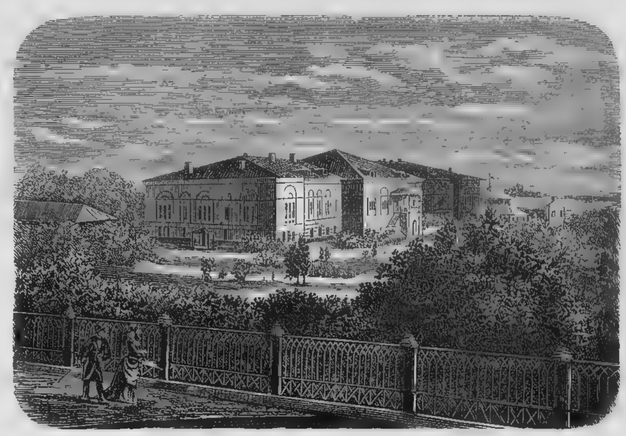
Церковь Рождества Богородицы и Никольскій соборъ въ Новой Ладогѣ.

сѣно и солому, а въ Новгородъ: мануфактурные товары и пшеничную муку. Въ базарные дни на торговой городской площади продаютъ исключительно сельскія произведенія. На 365 дней (въ 1878 году) пришлось всего только 198 операціонныхъ торговыхъ дней. Кротость и тишина, рѣзко бросающіяся въ глаза всякому посѣтителю площадей и улицъ смирившагося города, подтверждается и увѣреніями туземцевъ. Застой повсюдный, а тишина не нарушается даже базарнымъ шумомъ и площадными ссорами и драками. Словомъ — весь городской интересъ сосредоточенъ въ дѣтинцѣ, обрамленномъ рядомъ зубчатыхъ бойницъ петровскаго времени. Кругомъ крѣпости идетъ, отдѣленный отъ стѣнъ рвомъ, очень недурной городской паркъ, насаженный въ 1812 году плѣнными Французами.

Отъ двухъ стольныхъ городовъ переходимъ къ тѣмъ двумъ пригородамъ, которымъ оба они обязаны своимъ существованіемъ, какъ первоначальникамъ и позднѣйшимъ защитникамъ, принимавшимъ на себя первые удары враговъ по спопутью и близости къ чужимъ границамъ.

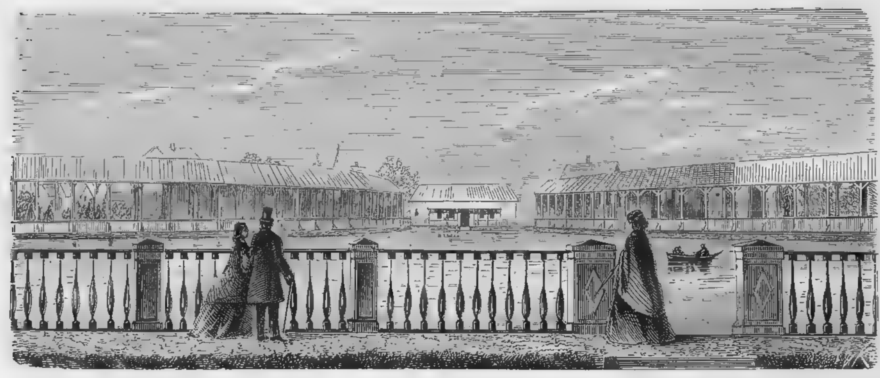
Однимъ изъ большихъ и лучшихъ пригородовъ псковскихъ, называющійся и теперь этимъ именемъ, былъ, по всему вѣроятію, Изборскъ, находящійся въ 29 верстахъ отъ Пскова близъ лифляндской границы. Нѣкогда онъ имѣлъ значеніе центра всей Псковской земли, и, какъ всѣ пригороды, имѣлъ своего посадника, свое торговое мѣсто и свою покровительницу—церковь (въ Порховѣ—Никола, въ Русѣ — Спасъ, въ Изборскѣ — Никола и т. д.), несомнѣнно свое вече и непремѣнно свой дѣтинецъ или крѣпость, т. е. собственно городъ. Въ Изборскѣ каменныя стѣны сохранились (возобновлены въ 1837 году) на горѣ, которая круто опускается съ трехъ сторонъ, но со стороны нѣмецкой защищена стѣнами и рвомъ. Стѣны изъ плитъ, очень толсты, съ шестью башнями, изъ которыхъ одна четырехугольная, а остальныя круглыя съ узкими окнами. Теперь это — обыкновенное небогатое русское село. Въ полуверстѣ находится кладбищенская, Никольская церковь, гдѣ былъ самый древній Изборскъ и мѣсто до сихъ поръ зовется Городищемъ. Ключи чистые и свѣтлые подъ горою и теперь носятъ имя «славянскихъ».

Развалины пограничнаго города и нѣкогда столь важной крѣпости Копорья, находящіяся въ Петергофскомъ уѣздѣ Петерб. губ. и при деревнѣ Пригородной Слободѣ, свидѣтельствуютъ также о древности своего существованія. Развалины эти, находящіеся въ 87 вер. отъ Петербурга на плодоносной и высокой горѣ, служатъ маякомъ для мореходовъ, такъ какъ разстояніе ихъ отъ Финскаго залива не больше 12 верстъ. Стѣны сложены изъ плитъ. Въ 1703 году это мѣсто отбито было у Шведовъ, овладѣвшихъ всею мѣстностію въ 1612 году. Видимая на рисункѣ церковь посвящена по обычаю Спасу Преображенія. Оригинальна исторія этого города надъ р. Копоркою. Въ 1240 г. Нѣмцы, овладѣвшіе водою на погостѣ этого имени, покорили городъ и сдѣлали его центральнымъ мѣстомъ управленія. Пришли Новгородцы — разорили его. Князь Дмитрій Александровичъ построилъ тамъ свой каменный городъ (въ 1280 году). Новгородцы, поссорясь съ княземъ, черезъ два года опять разорили городъ, а въ 1297 году сами построили его вновь.

Станція желѣзной дороги въ Старой Русѣ.

Точно также въ доисторическихъ временахъ теряется основаніе втораго пригорода Новгородскаго — города Старой-Русы, одного изъ трехъ самыхъ важныхъ въ Новгородской землѣ послѣ столицы, какъ по торговлѣ, такъ и по населенію (Ладога, Новый Торгъ и Руса). Устроилась Руса при соединеніи рѣкъ Полисты и Порусіи, и еще подъ 1201 годомъ упоминается въ лѣтописи о постройкѣ здѣсь деревяннаго укрѣпленія. На западѣ отъ ней былъ пригородъ Городецъ, а у самаго озера селеніе Коростынь, извѣстное по несчастному миру, приготовившему паденіе Новгорода.

Купальни въ Старой Русѣ.

Новгородцы издревле производили здѣсь выварку соли — обстоятельство столь важное въ народномъ быту и служившее къ возвышенію экономическаго значенія этой мѣстности. Производство это нѣсколько разъ было оставляемо и возобновляемо вновь; Петръ Великій возобновилъ соляныя варницы въ послѣдній разъ и, не смотря на то, что самъ нѣсколько разъ посѣщалъ Русу, промыселъ не удержался, по бѣдности разсола, не вознаграждающаго затратъ. Промыселъ древній принялъ новое направленіе: Старая Руса славится теперь минеральными источниками, цѣлебное свойство которыхъ столь извѣстно, что въ лѣтнее время собирается сюда довольно большое количество больныхъ, доставляемыхъ теперь уже желѣзною дорогою.

Та же участь, съ разительнымъ подобіемъ во всѣхъ подробностяхъ, постигла и однородный со псковскимъ пригородомъ, — *Старую Ладогу* — древній пригородъ Новгорода, котораго основаніе теряется въ баснословной древности. Онъ представлялъ также нѣкогда центръ населенія по Волхову, переименованный теперь въ село Успенское и уступившій первенство Новой Ладогѣ — уѣздному городу, находящемуся въ 15 верстахъ ниже по Волхову и ближе къ Ладожскому озеру. Отъ города Ладоги (Старой) осталась одна только древняя крѣпость, построенная на горѣ въ 1116 г. Павломъ, ладожскимъ посадникомъ. Она уцѣлѣла потому единственно, что обращена въ церковную ограду и что бѣдность жителей не позволила сломать ни маленькой древней церкви, ни ограды, чтобы выстроить на мѣсто ихъ просторныя и лучшія. Эта—Георгіевская—церковь, какъ Ильинская въ Изборскѣ, принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ храмовъ въ Россіи; время построенія ея относятъ къ XI вѣку. Подъ отбитою штукатуркою и здѣсь оказались старинныя фрески, между которыми особенно замѣчателенъ, по оригинальности рисунка и свѣжести красокъ, образъ Георгія Побѣдоносца и изображеніе ада и рая.

Чрезвычайно толстыя стѣны старо-ладожской крѣпости сложены изъ плиты, имѣютъ 4 башни; пространство по внутренней каймѣ стѣнъ 530 шаговъ; въ стѣнахъ были сдѣланы потайные ходы, идущіе внизъ подъ землею, а народное повѣрье ведетъ имъ подъ р. Волховъ. Сохранились также остатки земляной насыпи, укрѣплявшей каменную твердыню съ юга; множе-

ство кургановъ по обѣимъ сторонамъ Ладоги сохраняются надгробными памятниками языческихъ временъ (см. стр. 416).

Говоря о Псковѣ, нельзя забыть про Печоры; описавши Новгородъ, нельзя не упомянуть о Грузинѣ.

Село Грузино, лежащее на Волховѣ въ 80 верстахъ отъ Новгорода, нѣкогда принадлежало Деревеницкому монастырю; Петромъ I отдано оно Менщикову, а Павломъ I — графу Аракчееву,

Село Грузино.

который его и прославилъ, сдѣлавъ центральнымъ пунктомъ измышленныхъ имъ печальной памяти военныхъ поселеній. Аракчеевъ, основавшій здѣсь новгородскій кадетскій корпусъ (переведенный теперь въ Нижній-Новгородъ), въ Грузинѣ умеръ и погребенъ, сдѣлавши этому селу особенную исторію, содержаніе которой не укладывается въ нашъ короткій разсказъ.

Въ 47 верстахъ отъ Пскова, почти на самой лифляндской границѣ, лежатъ заштатные Печоры, получившіе имя отъ древняго монастыря (1473 г.), который, въ свою очередь, заимствовалъ его отъ пещеръ, вырытыхъ въ горѣ по ручью Каменцу. Мѣстность монастыря чрезвычайно красивая: среди группъ вѣковыхъ дубовъ высятся стѣны съ бойницами и валомъ, такъ какъ обитель, будучи пограничною, всегда подвергалась опасности отъ внѣшнихъ враговъ. Баторій хотѣлъ ее взять, но не успѣлъ. Она не поддалась и потомъ ни Литовцамъ, ни Ливонцамъ, ни Шведамъ, и сумѣла сохранить всѣ святыни и драгоцѣнности. Святыни: Псково-Печерская чудотворная икона Богоматери (Умиленіе) и Успенія и рѣзное изображеніе Николы, привлекающее къ себѣ уваженіе не только русскихъ крестьянъ, но и сосѣднихъ Латышей и Ливовъ. Рѣдкости и древности: католическіе сосуды и азіатская курильница, облаченія, низанныя жемчугомъ, и вещи Грознаго изъ его обихода и имъ подаренныя: кошелекъ для денегъ,

золотая цѣпь въ два фунта вѣсомъ, пороховница, серебряная чаша и ковшъ, сѣдло и жестяная охотничья труба. Замѣчательности: двѣ пещеры, изъ которыхъ одна, называемая «Богомъ зданная», имѣетъ 7 длинныхъ подземныхъ ходовъ. Въ одной изъ вѣтвей ея видны слѣды древней церкви.

Интересенъ разсказъ о сооруженіи монастыря Псково-Печерскаго. Однажды отецъ съ сыномъ, по прозванію Селиши, охотились въ лѣсной пущѣ, и услышали пѣніе. Принявъ его за

Бѣлозерскъ.

пѣніе ангеловъ, они объявили въ городѣ, что нашли святое мѣсто. Съ дозволенія веча получили право на владѣніе и всю ту землю подѣлили между собою. Одинъ изъ владѣльцевъ пошелъ рубить дерево на гору, откуда Селиши слышали пѣніе. Срубленное дерево покатилось внизъ и по пути переломало другія деревья и кусты. Оторвалась часть земли и открылась пещера съ надписью «Богомъ зданная пещера». На этотъ разъ отшельниковъ уже не было, и жилище ихъ подъ землею было завалено. Предавіе приписываетъ основаніе подземнаго жилья нѣкоему Марку, и, по открытіи его, въ той же песчаной горѣ выкопалъ церковь священникъ Іоаннъ, родомъ изъ Москвы, постригшійся здѣсь въ монахи съ именемъ Іоны. Противъ, храма, на столбахъ, онъ построилъ двѣ кельи. Преемникъ Іоны, Михаилъ, построилъ другую церковь. Послѣ разоренія Ливонцами и послѣ паденія г. Пскова, монастырь сталъ извѣстнымъ и уважаемымъ: слава объ немъ распространилась, и пещеры сдѣлались усыпальницами.

Народъ сохраняетъ впрочемъ другое преданіе, записанное П. И. Якушкинымъ: «царь Грозный ѣхалъ на Печоры, гдѣ въ то время архимандритомъ былъ преподобный Корнилій. Стрѣчалъ царя крестомъ и иконами. Благословилъ его Корнилій да и говоритъ: «Позволь мнѣ, царь, вокругъ монастыря ограду сдѣлать.» — Да велику ли ограду ты, преподобный Корнилій, сдѣлаешь? маленькую дѣлай, а большой не позволю. — «Да я маленькую, говоритъ Корнилій: я маленькую. Коль много захватитъ мѣста воловья шкура, такую и поставлю. — Ну, такую ставь! — сказалъ царь. Царь воевалъ подъ Ригою ровно семь годовъ, а Корнилій преподобный тѣмъ временемъ поставилъ не ограду, а крѣпость, да и царское приказаніе выполнилъ: поставилъ ограду на воловью кожу, разрѣзалъ на маленькіе ремешки да и охватилъ

большое мѣсто. Поѣхалъ царь Грозный назадъ изъ-подъ Риги, не доѣхалъ 12 верстъ до Печоръ, увидалъ съ Марьиной горы — крѣпость стоитъ.... — Какая-такая крѣпость? закричалъ царь. Распалился гнѣвомъ и поскакалъ на Корниліеву крѣпость. Преподобный вышелъ опять встрѣчать царя, какъ царскій чинъ велитъ, съ крестомъ, иконами, колокольнымъ звономъ. Подскакалъ къ Корнилію: «Крѣпость выстроилъ: на меня пойдешь!» Хвать саблей и отрубилъ голову. Корнилій преподобный взялъ свою голову въ руки, да и держитъ передъ собой. Царь отъ него прочь, а Корнилій за нимъ, все за нимъ.... Царь сталъ Богу молиться, Корнилій и умеръ. Такъ царь ускакалъ изъ Корниліевой крѣпости въ чемъ былъ, все оставилъ. Послѣ того подъ Опсковъ и не ѣздилъ.

Успенская церковь въ Бѣлозерскѣ.

Бѣлоозеро, съ 18 столѣтія городъ, извѣстный подъ именемъ Бѣлозерска, по подобію Ладоги и Изборска, представлялъ тотъ пограничный пунктъ (съ народомъ «Весью»), который признанъ былъ тремя призванными варяжскими братьями удобнымъ и важнымъ для укрѣпленія и отданъ былъ Синеусу. Такъ какъ городъ укрѣплялся въ невѣдомой странѣ, требовавшей осмотрительности и осторожности, и ставился на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ наиболѣе скучивались инородческія жилища (вблизи озеръ), то первоначально выстроился также въ отдаленіи отъ озера. Когда изведаны были свойства первоначальныхъ насельниковъ и ослабѣлъ страхъ опасности, городъ переселился на новое мѣсто, на самый озерный берегъ. Это мы замѣчаемъ и во всѣхъ другихъ древнѣйшихъ городахъ сѣвера: Устюгѣ, Торопцѣ, Каргополѣ, Переяславлѣ-Залѣсскомъ, Новой Ладогѣ и друг. (Новгородъ отстоитъ отъ Ильменя на 3 версты, Псковъ на 10 верстъ). То же самое и въ Бѣлоозерѣ: мѣсто древняго городища, обозначающееся теперь рядомъ невысокихъ бугровъ, находится отъ нынѣшняго Бѣлозерска въ 17 верстахъ. Въ новомъ Бѣлозерскѣ (который однако постарше другихъ городовъ старыхъ) слѣды древности еще слабѣе и ничтожнѣе, чѣмъ во Псковѣ и Новгородѣ. Въ западной части города сохранилась лишь земляная четырехугольная насыпь, имѣющая въ окружности до 530 саженъ и состоящая изъ вала и сухаго рва. Острога или крѣпости, защищенной этимъ валомъ, нѣтъ и слѣдовъ. Древнѣйшая изъ церквей, Успенская (представленная на нашемъ рисункѣ) построена въ 1574 году, между тѣмъ первая здѣшняя церковь сооружена была при Ярославѣ I и посвящена имени Св. Василія. Впрочемъ множество церквей (19) поддерживаетъ славу и красоту древняго города, въ настоящее время болѣе извѣстнаго лишь по рыбному промыслу и особой породѣ вылавливаемой здѣсь рыбы—снятковъ (Osmerus eperlanus). Она идетъ въ продажу сушеною подъ своимъ именемъ, а также подъ названіемъ «суши и вандыша», представляя любимую и лакомую приправу ко щамъ и блинамъ по всему сѣверу Россіи до первопрестольной Москвы. Это поджививляетъ торговое движеніе города, который окончательно не заматорѣлъ въ нищетѣ по той причинѣ, что искусственный водяной путь изъ Волги въ Балтійское море проходитъ здѣсь подъ именемъ Маріинской системы—самой удобной и оживленной. Если отъ этого городъ видимо не богатѣетъ, то въ этомъ отношеніи онъ подчиняется общему закону спопутныхъ городовъ, имѣющихъ возможность пользоваться только оброненными крохами. Въ городѣ на бурномъ озерѣ, лежащемъ въ отлогихъ берегахъ, устроена пристань.

Къ Бѣлозерску, въ Озерной области Россіи, по древности основанія приближается (кромѣ Старой Русы) древній городъ—*Торопецъ*, о которомъ, какъ о пригородѣ Смоленска, будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

Развалины крѣпости въ Порховѣ.

Болѣе замѣчательны по торговлѣ (заграничной — льномъ и хлѣбомъ) другіе два древніе псковскіе пригорода: Порховъ по р. Шелони и оз. Ильменю и Островъ по р. Великой и Чудскому озеру.

Порховъ съ посадомъ *Сольцы*, исключительно и удачно сосредоточившій свое вниманіе на торговлѣ льномъ и кожами, породилъ изъ среды мѣщанъ и торгующихъ крестьянъ тотъ особенный типъ промышленниковъ, которые носятъ имя «булыней». Это — плутоватые перекупщики, которые бѣгаютъ съ фальшивымъ безмѣномъ по деревенскимъ задворьямъ, вымѣниваютъ на всякую безцѣнную дрянь и мелочь цѣнный трепаный ленъ. На немъ они наживаютъ хорошія деньги въ Ригѣ, но промысломъ своимъ наносятъ большой вредъ земледѣльцамъ, поль-

Островъ, Псковской губерніи.

зуясь своими капиталами и крестьянскимъ безденежьемъ и скупая ленъ за ничтожную цѣну еще на корню. Въ городѣ Порховѣ сохранились остатки каменныхъ стѣнъ, построенныхъ въ 1387 г.

Островъ вполнѣ оправдываетъ свое простое названіе и древнѣйшій обычай новгородскихъ Славянъ при постройкѣ новыхъ городовъ въ лѣсистой и озерной области: собственно крѣпость, хорошо сохранившаяся (какъ видно на нашемъ рисункѣ), построена на островѣ, омываемомъ рѣкою Великою и ея протокомъ или рукавомъ. Самый городъ лежитъ на берегу протока. Оба рукава завалены камнями (порогами), а потому на главномъ устроенъ городомъ заборъ для рыбы, называемый заколомъ. Крѣпость небольшая, прямоугольная; изъ башенъ сохранились 3, да Никольская церковь, да бѣлое каменное зданіе — бывшая гауптвахта, съ огородами при ней. Самъ городъ весьма представителенъ. Главная улица, идущая параллельно набережной (каковой въ собственномъ смыслѣ не имѣется) весьма недурно обстроена.

Памятникъ А. С. Пушкину, въ с. Михайловскомъ.

Уже съ шоссейнаго моста въ Островѣ вырисовываются красивые виды, открывающіеся въ горы, и чѣмъ дальше къ югу, тѣмъ они развертываются все лучше и разнообразнѣе. Дорога вступаетъ въ горы и идетъ черезъ нихъ и между ними, встрѣчая озера и обнаруживая такіе лѣсные виды, гдѣ гармонически сочетаются густые тоны растительности съ веселыми и свѣтлыми тѣнями лѣсной рѣки, чѣмъ въ особенности богатъ нашъ разнообразный лѣсистый и озерный Сѣверъ. Отъ лѣснаго сосѣдства очень много выигрываетъ рѣка Великая, не заслуживающая впрочемъ права въ настоящее время на подобное прозваніе. По мѣрѣ удаленія отъ ея береговъ на юго-востокъ, горы становятся весьма солидными и разнообразными по мѣрѣ приближенія ихъ къ узлу, выразившемуся въ высокихъ прикрутостяхъ, носящихъ названіе «Святыхъ горъ», съ красивымъ маленькимъ монастыремъ. Цѣлая цѣпь высокихъ холмовъ стягивается здѣсь въ группу, и въ самомъ центрѣ, на самой высокой, устроилась Успенская церковь скромной и небогатой обители, господствующая верстъ на 20 въ окрестностяхъ. Отъ подошвы монастырской горы, гдѣ стоитъ Никольская церковь, идетъ вверхъ широкими ступенями изъ дикаго камня высокая лѣстница подъ каменными старинными сводами. Она приводитъ въ верхній храмъ. Прямо противъ алтаря ея стоитъ бѣлая мраморная пирамида памятника, забытаго и небрежно сохраняемаго. Пирамида эта означаетъ мѣсто могилы нашего великаго поэта А. С. Пушкина. Отъ могилы его открывается во всѣ стороны поэтическій, разнообразный и очаровательный видъ на горную цѣпь, гдѣ хвойные лѣса чередуются съ березовыми; изъ-за нихъ вырѣзается на трехъ горахъ—село Тригорское — воспѣтое и любимое поэтомъ, и обозначается въ отдаленіи родовое имѣніе Пушкиныхъ—Михайловское. У подошвы монастырской горы сверкаетъ, какъ зеркало, свѣтлое озеро въ оправѣ веселой зелени лиственыхъ деревьевъ. Всякій встрѣчный считаетъ обязанностію спросить: понравились ли Святыя горы?—и всякому приходилось искренно отвѣчать одно и то же: «рѣдкія мѣста,— мало такихъ». Впечатлѣніе стано-

вится особенно рельефнымъ и памятнымъ, когда дорога, въ контрастъ видимому, покидаетъ горы и тянется по низменности, мѣстами даже мокрой и болотистой, и на ней разсыпается маленькій городокъ, *Новоржевъ*, самаго унылаго и мизернаго вида. Хотя и стоитъ онъ на озерѣ, а водой не похвалится, общая же физіономія его до сихъ поръ оправдываетъ ту характеристику, какую, шутя, придалъ городку великій поэтъ — туземецъ въ извѣстномъ стихотвореніи:

Есть прескверный городъ Луга
Петербургскаго округа.
Хуже бъ не было его
Городишка на примѣтѣ,
Если бъ не было на свѣтѣ
Новоржева моего.

Этотъ новгородскій пригородъ — Ржева былъ окруженъ земляною насыпью до 400 саженъ въ окружности и считался пограничнымъ съ Литвою наравнѣ съ Опокою (нынѣшнею Опочкою) на Шелони — пригородомъ Пскова. На этомъ послѣднемъ городѣ выразился обычный народный пріемъ постройки укрѣпленныхъ мѣстъ, окоповъ и городковъ въ XIII вѣкѣ для защиты отъ Литовцевъ. Обѣ волости—Ржевская и Великолуцкая въ данномъ отношеніи замѣчательны тѣмъ, что платили двойную дань и судныя пошлины литовскимъ князьямъ и Великому Новгороду.

Домъ А. С. Пушкина въ селѣ Михайловскомъ.

За Новоржевомъ тянутся низкія и унылыя мѣста, отъ которыхъ мѣстные жители бѣгутъ въ отхожій промыселъ, по большей части портняжничать по дальнимъ деревнямъ и городкамъ. Въ новоржевскихъ деревняхъ между прочимъ ткутъ суровый холстъ, который очень годится для мѣшковъ въ Рижскомъ портѣ. Чѣмъ дальше отъ Новоржева, тѣмъ мѣстность разнообразнѣе и селенія поживѣе, а между ними богатое село Ашева съ крикливыми и многолюдными ярмарками на Петра и Павла, съ яркими цвѣтами на ситцевыхъ сарафанахъ женскаго населенія, съ золотыми и серебряными позументами на околышахъ головныхъ повойниковъ въ видѣ колпачковъ. Видимо, все подготовляетъ къ чему-то особенному, обѣщая людныя и болѣе обезпеченныя селенія и во всякомъ случаѣ близость живаго, торговаго или промышленнаго города. Въ одномъ мѣстѣ перебѣжала дорога черезъ мостъ, перекинутый съ одного берега на другой довольно узкой, текущей въ песчаныхъ берегахъ, рѣки Алты—древле исторической. Вскорѣ забѣлѣлись и всѣ 9 церквей и стѣны Сергіевскаго монастыря большаго города и стариннаго новгородскаго пригорода *Великихъ Лукъ*, — стариннаго потому, что извѣстіе объ немъ, какъ о городѣ, встрѣчается въ новгородской лѣтописи подъ 1155 годомъ.

Какъ городъ близкій къ границѣ Великороссіи, принявшій на себя безчисленное число ударовъ отъ внѣшнихъ враговъ, начиная съ Литовцевъ и Баторія и кончая Лжедмитріемъ, Великіе Луки сослужили большую службу Московскому государству. Были они сильны, потому что умѣли отби-

Тихвинскій монастырь, Новгородской губерніи,

ваться, и богаты были, потому что, по счастливому географическому положенію, городъ расположился на равномъ разстояніи между двумя столь сильными пунктами, каковы Смоленскъ и Псковъ. Въ немъ до сихъ поръ сохраняются остатки примѣтной торговли. Рѣка Ловать, которая подъ городомъ въ особенности извивается прихотливыми и разнообразными колѣнами или луками (отчего и названіе города, какъ Новоржева — отъ ржавчины окрестныхъ болотъ), помогаетъ сплаву разныхъ товаровъ прямо въ озеро Ильмень, а стало быть въ Петербургъ и заграницу. Мѣщане занимаются огородничествомъ, выдѣлкой юфти, которая считается лучшею, и продажею яблокъ въ Петербургѣ. Городъ довольно большой и такъ раскиданъ, что нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что нѣкогда онъ былъ великъ и славенъ (и теперь въ немъ 18 церквей), что доказывается между прочимъ и тѣмъ прозваніемъ («великіе»), которымъ удостоилъ его народъ въ числѣ только четырехъ другихъ городовъ (въ смыслѣ большихъ или обширныхъ). Отлично сохранился здѣсь высокій съ уступами насыпной валъ съ каменными воротами и развалинами старыхъ зданій, кирпичи которыхъ однако выламываются и разбираются на новыя зданія. Во времена Баторіевы замокъ здѣшній обнесенъ былъ дотого высокимъ валомъ, что изъ-за него едва только выказывались кресты на церквахъ, а стѣны и башни обложены были до того толстымъ слоемъ земли, что каленыя ядра зарывались въ нихъ безвредно.

Та же Ловать умѣетъ поддерживать и направлять лѣсной и дровяной торгъ, обезпечивать плотничій промыселъ постройки барокъ и разныхъ судовъ, предназначаемыхъ для Петербурга, не только для города *Холма* (лежащаго на сѣверѣ отъ Великихъ Лукъ), но и даже для всего Холмскаго уѣзда, неплодороднаго дотого, что глинистый, перемѣшанный съ пескомъ, грунтъ земли рѣдко даетъ въ хлѣбѣ больше двухъ зеренъ. За то по р. Ловати отъ г. Холма судоходство вполнѣ успѣшное.

Псковскій пригородъ Холмъ — крайній предѣлъ владѣній на югѣ, напоминаетъ о столь же древнемъ новгородскомъ пригородѣ, стоящемъ на окраинѣ новгородскихъ владѣній — Бѣжецкомъ-Верхѣ, нынѣшнемъ городѣ Тверской губерніи — Бѣжецкѣ, послужившемъ впослѣдствіи, въ числѣ другихъ, яблокомъ соблазна и раздора, когда усилилась Москва и задумала ослабить Новгородъ. Уже въ XIV вѣкѣ Михаилъ Тверской захватилъ Бѣжецкій-Верхъ и посадилъ тамъ (въ 1370 г.) своего намѣстника, а московскій Дмитрій Донской убилъ его. Край этотъ, вмѣстѣ съ Новоторжскимъ и Волоколамскимъ, подвергался частымъ разореніямъ, и Новгородъ не въ силахъ былъ охранить его.

Нынѣшній Бѣжецкъ стоитъ на новомъ мѣстѣ, въ 15 верстахъ отъ стараго, и соблюдаетъ старину въ 13 церквахъ и во множествѣ кургановъ. Около послѣднихъ живутъ Карелы, поселенные здѣсь царемъ Иваномъ, во время войны со Швеціей, и дополненные вновь переселенцами того же племени съ границъ Финляндіи, по волѣ Петра Великаго. Эти Карелы — православные, очень набожны, но держатся стараго языка и нравовъ. Торговля Русскихъ довольно значительна и разнообразна: коровье масло, живая, битая и замороженная птица (въ особенности гуси), здѣсь разводимая для обѣихъ столицъ, а также холстъ, составлявшій въ прежнее время привиллегію при поставкахъ въ казну. Здѣшніе холщовые мѣшки изъ самыхъ грубыхъ сортовъ холста играютъ также видную роль на Рыбинской пристани, а также и оригинальная торговля кошачьими мѣхами.

Холмъ насъ вводитъ обратно въ Новгородскую губернію, и для послѣдовательности разсказа, обращаемъ вниманіе на тѣ города, которые живутъ сплавомъ и около этого дѣла, съ побочными и отъ него зависящими промыслами. Всѣ города эти искусственно вызваны къ жизни и произведены въ городской чинъ и званіе при общемъ производствѣ селъ и посадовъ въ 1772—1780 годахъ. Нѣкоторымъ удалось оправдать себя различными заслугами; другіе такъ и остались бѣдняками и недоростками. Къ числу первыхъ относятся (на выборъ и для примѣра): Тихвинъ, Кириловъ, Боровичи, Вытегра, Новая Ладога; ко вторымъ: Олонецъ, Лодейное Поле, Череповецъ, Устюжна и Валдай. Первые поддерживаются сплавомъ судовъ и питаются отъ

работъ на трехъ системахъ каналовъ, соединяющихъ воды Волги съ Балтійскимъ моремъ: маріинской (Вытегра и Новая Ладога), тихвинской (Тихвинъ) и вышневолоцкой (Боровичи). Вторые скудѣютъ отъ неудачнаго, уединеннаго и безпомощнаго положенія, какъ Олонецъ, Устюжна и Валдай; нѣкоторымъ же изъ нихъ (Лодейному Полю и Череповцу) не помогло и торговое движеніе, выражающееся въ проходѣ судовъ, плывущихъ около нихъ, но мимо.

Въ лѣто 6891 (1383 г.), при великомъ князѣ Дмитріѣ Іоанновичѣ Донскомъ, явилась икона Богоматери прежде на Ладожскомъ озерѣ, потомъ на рѣкѣ Тихвинѣ. Построена была церковь. Усердіе доброхотныхъ дателей соградило монастырь, который былъ, до посѣщенія императрицею Елизаветою, деревяннымъ. Съ той поры онъ весь каменный и расположенъ въ видѣ четырехугольнаго замка, огражденнаго стѣною съ башнями. Внутри обители 7 церквей при четырехэтажной колокольнѣ и 2 церкви внѣ ограды. Монастырь обогащенъ разными вкладами русскихъ царей и усердныхъ богомольцевъ, такъ какъ Тихвинская икона высоко чтится всѣмъ населеніемъ русскаго Сѣвера. За обителью числилось до штатовъ 4,500 душъ крестьянъ, и она сдѣлалась одною изъ богатыхъ и именитыхъ. Этотъ монастырь справедливо носитъ прозвище «большаго», отличающее его отъ другаго тихвинскаго (Бесѣднаго) монастыря. Монастырская слободка, устроившаяся около стѣнъ и святыни, частію на холмистой мѣстности, но болѣе на низкой и мокрой, весною понимаемой водой, выросла въ слободу, которая Петромъ Великимъ произведена въ посадъ, а Екатериною Великою, въ 1776 г., въ уѣздный городъ *Тихвинъ*, давшій свое имя особаго вида судамъ, выстраиваемымъ городскими мѣщанами и подгородными крестьянами.

Кирилло-Бѣлозерскій монастырь.

Нѣсколько позднѣе явленія Тихвинской иконы на своемъ мѣстѣ (именно въ 1397 году), на сѣверномъ берегу Сиверскаго озера, поселился въ выкопанной пещерѣ выходецъ изъ московскаго Симонова монастыря, архимандритъ Кириллъ. Онъ искалъ крайняго уединенія, ушелъ тайно и нашелъ мѣсто, вполнѣ отвѣчающее уединенной жизни и созерцательной молитвѣ, а потому срубилъ здѣсь деревянную церковь Успенія и нѣсколько келій. Монастырь (Кирилло-Бѣлозерскій) сталъ благонадежнымъ пріютомъ для многотрудной бѣдности и очень невдолгѣ, какъ бы чудомъ какимъ, превратился въ обширный и богатый, такъ что самъ по себѣ получилъ имя «города», — и совершенно основательно. Онъ состоитъ изъ двухъ монастырей (Большаго и Ивановскаго), изъ которыхъ въ первомъ 9 церквей, во второмъ — двѣ. Мощи Преподобнаго почиваютъ въ серебряной позолоченной ракѣ, окруженной серебряною рѣшеткою. Сокровища монастыря были такъ велики, что въ трудныхъ политическихъ обстоятельствахъ могли служить важнымъ пособіемъ для цѣлаго отечества. Обитель находилась въ большомъ уваженіи у царей, великихъ князей и богатыхъ бояръ. Монастырская слобода, современная обители, въ 1778 году названа городомъ *Кириловымъ*, достаточные жители котораго ведутъ дѣла съ Рыбинскомъ (по Шекснѣ), а бѣднѣйшіе занимаются рыбною ловлей и пользуются тремя годовыми ярмарками.

Боровичи замѣчательны едва ли не тѣмъ только, что на нихъ кончаются боровицкіе пороги р. Msты (на Вышневолоцкой системѣ каналовъ), что они названы такъ изъ села Боровища, издревле существовавшаго среди глухихъ боровъ, теперь совершенно и наголо уничтоженныхъ, и что въ городскомъ Духовомъ монастырѣ хранится часть мощей Св. Іакова Боровицкаго. Самыя мощи перенесены патріархомъ Никономъ въ Иверскій монастырь, созданный имъ на одномъ изъ красивыхъ острововъ Валдайскаго озера, въ 1653 году, по образцу и плану Иверской лавры, что на Афонской горѣ. Съ паденіемъ Никона монастырь подвергся гоненію и запустѣлъ, но шесть церквей его и ризница богаты до сихъ поръ (см. нашу статью «Островные монастыри»).

Боровичи.

Боровицкіе пороги начинаются отъ селенія, населеннаго лоцманами и называемаго теперь «посадомъ» (Опеченскимъ) вмѣсто стариннаго названія «Рядокъ». Кончаются пороги въ деревнѣ Потерпѣлицахъ (ниже Боровичъ), называвшейся встарину «Потерпѣлый Рядъ». Первое названіе типично характеризуетъ состояніе барокъ, страдавшихъ отъ пороговъ и являвшихся сюда или надломанными, или разбитыми, а названіе «рядка» опредѣляетъ особый видъ народныхъ поселеній, вызванныхъ искусственно и выстроенныхъ въ одинъ порядокъ или рядъ, на берегу, прямо безъ улицы, съ одною лишь набережною.

Маленькій и бѣдный *Валдай* прославился очень красивымъ, среди горъ и на озерѣ, мѣстоположеніемъ, литьемъ маленькихъ зазвонныхъ колокольцевъ и бубенчиковъ, которыми и «дарили того, кого любили», что очень было кстати, когда на этотъ городъ шла дорога изъ Москвы въ направленіи на Петербургъ. Кстати были и мелкіе вкусные баранки: «да хорошіе какіе! — а поцѣлуй въ придачу» — по увѣреніямъ молодыхъ торговокъ изъ городскихъ мѣщанокъ. Городъ этотъ также позднѣйшаго учрежденія, и замѣчательно, что онъ названъ такъ изъ селенія, образованнаго изъ плѣнныхъ Поляковъ. При царѣ Алексѣѣ это село отдано было Иверскому монастырю, находящемуся въ двухъ верстахъ, а городомъ стало считаться съ 1772 года.

Колокола, колокольчики, бубенцы и проч. преимущественно сбываются въ Москву; производство до 4,000 пудовъ мѣди; на двухъ колокольныхъ заводахъ до 2,000 пуд. Литьемъ пряжекъ для крестьянскихъ шляпъ занимаются нѣсколько семействъ и производятъ этого товара до 100 пудовъ въ годъ. Кромѣ того выковываютъ косари, серпы, противни, заслонки, косы и т. п. Замѣчательно, что не такъ давно эти кузнецы были зубными врачами, и рвали зубы кузнечными клещами, а не то привязывали больнаго за зубъ къ наковальнѣ и подносили ко рту раскаленное желѣзо. Производствомъ баранокъ и барашекъ (обварныхъ крендельковъ) или бубликовъ, занимается до 30 пекаренъ. Пекутъ изъ привозной муки, покупаемой въ Вышнемъ-Волочкѣ и Рыбинскѣ. Случается, что въ одинъ разъ кладутъ въ заторъ по цѣлому мѣшку пяти-пудоваго вѣса. Работа идетъ безъ отдыха, съ пѣснями, съ вечера одного дня до вечера другаго, между 5 — 10 мастерицами. Зимою изъ разныхъ мѣстъ пріѣзжаютъ сюда заказчики, и увозятъ баранки возами, — особенно много во Псковскую губернію. Въ годъ, по приблизительному разсчету, истрачивается на этотъ нетлѣнный и несокрушимый зубами продуктъ до десяти тысячъ мѣшковъ или около 50 тысячъ пудовъ муки. Нѣкоторые мѣщане занимаются сбо-

ромъ заячьихъ шкуръ, а иные исключительно покупкою живыхъ зайцевъ, которыхъ и отправляютъ въ Петербургъ.

Въ Валдайскомъ уѣздѣ живутъ между прочимъ Карелы, которые всѣ исповѣдуютъ православную вѣру и говорятъ по-русски, но между собою придерживаются еще до сихъ поръ природнаго племеннаго нарѣчія. По коверканью на свой ладъ русскихъ словъ они сразу обличаютъ свою національность, хотя, по внѣшнему виду, во всемъ похожи на настоящихъ русскихъ людей.

До сихъ поръ еще въ городѣ живутъ такъ наз. «Осташи» — потомки переведенныхъ сюда при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ двухъ семей изъ Осташкова для содержанія перевоза между монастыремъ и слободою и снабженія рыбою монастырской братіи. Они размножились до того, что населяютъ теперь цѣлую слободу, и рыбный промыселъ составляетъ главный источникъ ихъ пропитанія.

Около Валдая слѣдуетъ еще остановиться на родинѣ преподобнаго Тихона Задонскаго, святыя мощи котораго открыты въ нынѣшнее царствованіе. Это — село Корецкое, расположенное на высокой горѣ Корецкаго озера, въ чрезвычайно красивой мѣстности. Близъ одной изъ двухъ церквей (Покровской) сохраняются могилы родителей преподобнаго Тихона, отецъ котораго былъ здѣсь дьячкомъ. Въ самой церкви хранятся иконы: древняя чудотворная Покрова и явленная Пятницы Параскевы, особенно чествуемой здѣсь гуляньями. Преподобный Тихонъ (Соколовъ) родился въ 1721 году; обучался въ новгородской семинаріи и въ 1758 г. постригся въ монахи. Былъ онъ сначала учителемъ, потомъ префектомъ, а по полученіи сана архимандрита переведенъ въ Тверскую семинарію ректоромъ и учителемъ богословія; въ 1761 г. хиротонисанъ въ кексгольмскіе епископы и назначенъ викаріемъ Новгородской епархіи. Въ 1763 г. ему ввѣрена Воронежская епархія. Тамошнюю семинарію онъ совершенно пересоздалъ. Одновременно съ такими трудами учреждено имъ для народа публичное преподаваніе христіанскаго закона по воскресеньямъ въ соборѣ. Написалъ очень много монастырскихъ наставленій, которыя разсылалъ для публичнаго произнесеніи въ сельскихъ храмахъ, а краткія наставленія были прибиваемы на церковныхъ стѣнахъ. Въ 1767 г., за болѣзнію, онъ уволенъ былъ отъ управленія епархіею и, поселившись въ Задонскомъ монастырѣ, жилъ простымъ монахомъ: имѣлъ одну рясу, посѣщалъ больныхъ. Здѣсь Тихонъ скончался въ 1783 г. На мѣстѣ его родины, гдѣ онъ выросъ въ великой нуждѣ, нанимаясь въ деревнѣ Боръ пахать поля, въ 1864 г. учреждена во имя С. Тихона женская обитель на томъ же мѣстѣ, гдѣ издревле, въ разстояніи одной версты отъ Корецкаго села, существовалъ Покровскій монастырь, разоренный Шведами въ XVII вѣкѣ. Наша картина представляетъ видъ пятиглавой каменной церкви, выстроенной изъ остатковъ древняго храма, и большой трехъ-этажный каменный корпусъ.

Въ 1777 г. назвали уѣзднымъ городомъ *Устюжну*, о которой впрочемъ упоминается въ первый разъ въ нашихъ лѣтописяхъ въ 1340 году, когда ее опустошила толпа новгородскихъ удальцовъ-ушкуйниковъ. Устюжна и впослѣдствіи безпрестанно подвергалась набѣгамъ Новгородцевъ, во время споровъ и ссоръ съ московскими князьями. Это не давало ей возможности развиться въ большой городъ, но не помѣшало укрѣпиться выработанному и усвоенному всею тамошнею мѣстностію желѣзному промыслу. Этимъ оправдывается [illegible]ринное названіе Устюжны «желѣзопольской», въ отличіе отъ Великаго Устюга и въ указ[illegible] богатство желѣзной болотной руды, изъ которой выдѣлываются извѣстные «уломскіе [illegible]» — имя, обратившееся въ бранное прозвище городскихъ мѣщанъ. Гвоздарнымъ производствомъ занято до 200 селеній, и на немъ, а не на землѣ, сосредоточиваются всѣ надежды тамошнихъ жителей. Издѣлія эти идутъ и въ Ригу, и на югъ Россіи, во всемъ своемъ разнообразіи: строевые, брусковые и сапожные. Куются гвозди въ крестьянскихъ кузницахъ, по заказамъ мѣстныхъ и иногородныхъ купцовъ, отъ которыхъ положеніе кузнецовъ самое бѣдственное и зависимое. Выгоды скупщиковъ и купцовъ огромныя; нѣкоторые ѣздятъ сюда собственно изъ-за того, чтобы выгоднѣе

Валдайскій Иверскій монастырь,

закупить гвозди у нуждающихся кузнецовъ. Другіе, привозя на продажу желѣзо, охотно промѣниваютъ его на гвозди. Количество приготовляемыхъ въ теченіе года гвоздей всегда сбывается безъ остатка. Съ августа по сентябрь, въ сухую погоду, приготовляютъ руду, доставая ее изъ-подъ чернозема глубиною въ аршинъ. Пригодную узнаютъ по цвѣту и тяжести и тогда снимаютъ верхній слой земли, вырываютъ руду и переносятъ на высокія и сухія мѣста. Здѣсь, складывая ее въ кучи, оставляютъ мѣсяца на два, чтобы провѣтрилась и просохла, а затѣмъ обжигаютъ. Работаютъ вдвоемъ: одинъ управляетъ огнемъ, другой куетъ; женщины себя не исключаютъ. Продажа издѣлій идетъ съ октября по май, и изъ одной Уломской волости Череповскаго уѣзда вывозилося въ зимніе мѣсяцы до 25 тысячъ пудовъ гвоздей. Когда завелся этотъ промыселъ — неизвѣстно, хотя есть основаніе считать его довольно стариннымъ; самое же производство ежегодно возрастаетъ. Оно состоитъ изъ обработки желѣза, кромѣ мѣстной руды, еще изъ чешуи или желѣзной окалины, изъ обработки уклада, разрѣзки желѣзныхъ полосъ на прутья, выдѣлки наковаленъ, косъ, лопатокъ, кованыхъ котловъ, лемеховъ, сошниковъ и втулокъ.

Череповецъ. Большая Воскресенская улица.

Изъ остальныхъ городовъ Озерной области вызваны къ жизни: Лодейное Поле, Вытегра и Новая Ладога, — Петромъ Первымъ. Эти города, помня заботы объ нихъ великаго хозяина земли Русской, хранятъ его памятники: *Лодейное Поле* (изображенный при начальной буквѣ настоящей статьи)—за то, что Петръ старался поднять значеніе двухъ слободъ, слившихся въ городъ (Меншевицы и Поля), устройствомъ адмиралтейской верфи для постройки судовъ или лодій (отчего и названіе города). Первыя суда, вышедшія подъ русскимъ военнымъ флагомъ, построены здѣсь при самоличномъ присутствіи Петра I (пинки, прамы и проч.) и руками Олончанъ, издавна искусившихся въ постройкѣ судовъ. Когда верфь за ненадобностію уничтожилась, въ 1830 году палъ и городъ, не смотря на то, что повидимому выгодно сталъ на сплавной рѣкѣ Свири.

Череповецъ.

Вытегорскій чугунный памятникъ поставленъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Великій Петръ размышлялъ о соединеніи рѣки Вытегры съ Ковжей. Мысль его впослѣдствіи осуществилась

въ Маріинской системѣ каналовъ, которая и придала значеніе новому городу, переименованному въ таковой въ 1773 г. изъ деревни Вянги. Теперь хлѣбная городская торговля окончательно уничтожила слѣды темнаго происхожденія города изъ бѣдной деревушки. *Новая Ладога* воспользовалась своимъ удобнымъ положеніемъ на устьѣ Волхова и Ладожскомъ озерѣ, а жители близостью столицы и каналовъ, всѣ системы которыхъ сходятся въ Ладожскомъ каналѣ. Послѣдній здѣсь въ городѣ и начинается. Судоходное дѣло оживляетъ край всѣмъ разнообразіемъ соединенныхъ съ ними или вызываемыхъ имъ промысловъ. При началѣ Ладожскаго канала, начатаго въ 1718 г., а конченнаго 1731, на пирамидѣ находится слѣдующая надпись: «Мужу славою Петру Великому отцу отечества и проч. Онъ побѣдилъ своихъ непріятелей; черезъ него и мы нашихъ побѣдили. Сей каналъ дѣло праведно великое, дѣйствъ своихъ несравненныхъ не недостойное, замыслилъ и началъ лѣта Господня 1718. Ради отвращенія кораблямъ и купечеству отъ Ладожскаго озера происходящихъ напастей, Императоръ показалъ рѣкѣ лучшій путь, который, между побѣдоносными оружіями, о пользѣ своихъ народовъ непостижимыми трудомъ и успѣхомъ старался».

Олонецъ.

Кстати скажемъ и о памятникѣ въ г. Лодейномъ Полѣ, изображенномъ при заглавной буквѣ настоящей статьи нашей.

Лодейнопольскій памятникъ чугунный; сооруженъ въ 1832 году, на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ дворецъ царя Петра. Надпись на немъ слѣдующаго содержанія: «Да знаменуетъ слѣды Великаго сей скромный, простымъ усердіемъ воздвигнутый, памятникъ. Усердіемъ петербургскаго 2 гильдіи купца Мирона Софронова» (мѣстнаго уроженца).

Памятникъ изъ гранитной пирамиды, увѣнчанной золотымъ шаромъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ Петръ обдумывалъ планъ Маріинской системы, имѣетъ слѣдующія надписи,—съ одной стороны: «Зиждитель славы и пользы народа своего, Великій Петръ, здѣсь помышляя о судоходствѣ, отдыхалъ на семъ самомъ мѣстѣ, въ 1711 году. Благоговѣйте, сыны Россіи!» А на другой сторонѣ: «Петрову мысль Марія совершила».

Изъ остальныхъ памятниковъ, на слѣдахъ и мѣстахъ дѣятельности Великаго строителя земли Русской, въ Олонецкомъ краю остаются еще нижеслѣдующіе:

Въ г. Петрозаводскѣ деревянная оштукатуренная соборная церковь Петра и Павла, построенная царемъ въ 1703 году, во время втораго посѣщенія края. Пирамидальная церковь имѣетъ четыре уступа, между которыми проведены были лѣстницы до самаго верха, куда любилъ всходить царь. По его же плану, за этимъ соборомъ разведенъ садъ, гдѣ нѣсколько березъ посажены собственными руками Петра, а въ нижней части сада, подъ деревянной бесѣдкою, хранится тотъ огромный камень, надъ которымъ, по преданію, былъ устроенъ алтарь походной государевой церкви. Въ верхней половинѣ сада стоитъ чугунный бюстъ царя, въ греческой тогѣ.

Въ Петрозаводскомъ уѣздѣ, въ 53 верстахъ, на Кончезерѣ, на тамошнихъ Марціальныхъ водахъ, которыя Петръ посѣщалъ со своей семьей нѣсколько разъ, близъ развалинъ дворца царицы Прасковьи, сохраняетъ народъ двѣ березы, называя одну — Петромъ, другую — Екатериною въ память посадки этихъ деревьевъ державными супругами. Въ Петропавловской церкви, стоящей въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ водъ, находятся образа, пожалованные Петромъ и его супругою, точно такъ же, какъ и въ городскомъ петрозаводскомъ Лѣтнемъ соборѣ.

Не посчастливилось удачею въ выборѣ мѣста и остальнымъ озернымъ городамъ.

Череповецъ (на р. Шекснѣ), превратившійся въ посадъ изъ монастыря Воскресенскаго, существовавшаго здѣсь издревле и вновь отстроеннаго въ 1644, до сихъ поръ не достигъ видомъ и значеніемъ своимъ выше тѣхъ, которые имѣлъ прежде въ званіи монастырской слободы. Самъ себя онъ долгое время и очень упрямо не соглашался признать городомъ и продолжалъ называться дома и въ окрестномъ людѣ просто «монастыремъ», хотя монастырь упраздненъ и обращенъ въ приходскую церковь въ 1764 г., а селеніе названо уѣзднымъ городомъ въ 1780 г.

Пудожъ.

Бѣдненькій городокъ *Олонецъ* замѣчателенъ равнымъ образомъ только тѣмъ, что придалъ свое неважное имя разнообразному краю и нѣкогда богатымъ желѣзнымъ заводамъ, выстроеннымъ казною Петра I-го или частными людьми подъ его высокимъ и благодѣтельнымъ покровительствомъ. Собралось здѣсь въ 15 вѣкѣ, на пустынномъ мысу при рѣкѣ Олонкѣ, населеніе, по почину новгородскаго крестьянина Петра Дементьева Воронова, свѣдавшаго о привольѣ мѣстъ, прибрежныхъ Ладожскому озеру, въ разсчетѣ на поживу рыбными промыслами. Въ первое время, въ самомъ дѣлѣ, Олонецъ сталъ главнымъ городомъ западной части Обонежья, какъ Каргополь — восточной, по значенію самаго приволья, привлекавшаго колонизацію: Олонецъ — рыбной ловлей, Каргополь — охотой за пушными звѣрями. Въ сущности настоящій Олонецъ очень длинный, раскиданный городъ: въ немъ трудно найти начало и опредѣлить конецъ и уже вовсе нѣтъ никакой возможности отыскать не только что нибудь, достойное вниманія и примѣчанія, но даже и того, въ чемъ насущно нуждается самый неприхотливый голодающій проѣзжій. И если это зачесть Олонцу въ замѣчательность, то *Пудога* или, по книжному, *Пудожъ*, превратившійся въ городъ также изъ погоста, существовавшаго впрочемъ еще въ XV вѣкѣ, уже рѣшительно ничѣмъ не замѣчателенъ. «Гербы вышесказанныхъ горо-

довъ по большей части съ изображеніями медвѣдей» — замѣчаетъ академикъ Озерецковскій (въ описаніи озера Ильменя), говоря простодушно, но остроумно и справедливо.

Пудога привела насъ на берега втораго по величинѣ изъ озеръ нашихъ, — на озеро Онежское, но завела собственно въ тѣ лѣсныя трущобы и непролазные сюземы, гдѣ мы уже имѣли случай достаточно побродить и присмотрѣться. Отсюда нашему разсказу только два пріема для выхода: или возвратиться назадъ, или остановиться. Воспользуемся послѣднимъ способомъ.

С. Максимовъ.

Кошкинскій рейдъ въ Олонцѣ.

ТОМА I-го ЧАСТИ I-ой.

ОЗЕРНАЯ ИЛИ ДРЕВНЕ-НОВГОРОДСКАЯ ОБЛАСТЬ.

